

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И
НЕИЗВЕСТНАЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

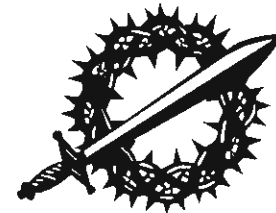
ОФИЦЕРЫ
РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

ОФИЦЕРЫ
РОССИЙСКОЙ
ГВАРДИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

ОФИЦЕРЫ
РОССИЙСКОЙ
ГВАРДИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

Под общей редакцией авторов проекта
членов Российского Дворянского Собрания
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА

Оформление художника И.А. Озерова

091 **Офицеры российской гвардии в Белой борьбе /**
Составление, научная редакция, предисловие и коммен-
тарий доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.:
ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 815 с.

ISBN 5-227-01885-5

Книга «Офицеры российской гвардии в Белой борьбе» представляет собой восьмой том серии, посвященной истории Белого движения в России по воспоминаниям его участников.

За небольшим исключением помещенные в томе материалы никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот неизвестных и публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга и вся серия входят в реализуемый издательством «Центрполиграф» издательский проект под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Книги серии, как и всего проекта, рассчитаны на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие,
комментарий, 2002

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01885-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том серии «Белое движение» посвящен участию в Белом движении (в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и Русской Армии) возрожденных полков российской гвардии.

К 1917 году гвардия включала следующие формирования. Кавалерия: 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки Кавалергардский, л.-гв. Конный, Кирасирский Ее Величества, Кирасирский Его Величества), 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки л.-гв. Конно-гренадерский, Уланский Ее Величества, Драгунский и Гусарский), 3-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки л.-гв. Уланский Его Величества, Гродненский гусарский, Казачий, Атаманский и Сводно-казачий), кроме того, Гвардейский запасный кавалерийский полк, Гвардейский полевой жандармский эскадрон и Собственный Его Императорского Величества конвой. Пехота: 1-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский), 2-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский), 3-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Литовский, Кексгольмский, Петроградский, Волынский), Гвардейская стрелковая дивизия (полки л.-гв. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые). Артиллерия: л.-гв. Конная артиллерия, л.-гв. 1-я, 2-я, 3-я и Стрелковая артиллерийские бригады, л.-гв. 1-й и 2-й мортирные и Тяжелый артиллерийские дивизионы, л.-гв. 6-я Донская казачья батарея. Другие части: л.-гв. Саперный полк, Собственный Его Императорского Величества Железнодорожный полк, Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк, Гвардейский экипаж и рота Дворцовых гренадер.

Большинство гвардейских офицеров в годы Гражданской войны служили в различных белых армиях, прежде всего на Юге — в Добро-

вольческой армии, ВСЮР и Русской Армии (там было в среднем около 50 офицеров от каждого полка). Некоторое число их участвовало в борьбе с самого начала (в 1-м и 2-м Кубанских походах участвовало в общей сложности 112 офицеров только гвардейской пехоты).

Первой чисто гвардейской частью Добровольческой армии стала 3-я Офицерская (Гвардейская) рота, созданная в Новочеркасске в начале декабря 1917 года из кадра расформированной Сводно-офицерской роты. В конце декабря она была переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове, и тогда же выделена в Отряд полковника Кутепова, составив его ядро, участвовала в боях на Таганрогском направлении, а 29 января 1918 года была влита в 3-й Офицерский батальон. Она насчитывала 70 человек и при выходе из Ростова 9 февраля 1918 года потеряла убитыми 16 человек. Во главе с полковником А.П. Кутеповым участвовала в легендарном 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе Сводно-офицерского (затем 1-го Офицерского, или Марковского) полка.

19 октября 1918 года путем выделения из состава 1-го Офицерского полка чинов гвардии был сформирован Сводно-гвардейский полк, который входил во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в него сводились все офицеры гвардии, но вскоре кавалеристы выделались в отдельные формирования. В конце сентября 1918 года он насчитывал 1000 штыков (5 рот) и понес огромные потери в бою 2 октября под Армавиром, где потерял половину своего состава — около 500 человек, было убито до 30 офицеров. 19 января 1919 года полк был включен в состав 5-й пехотной дивизии, с 6 марта по июль входил в отряд генерала Виноградова (на 26 мая — 14 июня насчитывал 2180 человек), а 8 августа 1919 года развернут в Сводно-гвардейскую бригаду. Она состояла из 1-го и 2-го Сводно-гвардейских полков и к концу июля 1919 года насчитывала до 1000 штыков и сабель. 12 октября 1919 года бригада была развернута в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию в составе двух бригад.

Дивизия включала сводные полки 4 бывших гвардейских пехотных дивизий, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду (о них будет сказано ниже), Запасный батальон, Отдельный артиллерийский дивизион, Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею и Гвардейскую отдельную инженерную роту. Ее бригады и части действовали раздельно на Киевском и Черниговском направлениях в составе различных отрядов и объединений, только в январе 1920 года соединившись в районе Одессы. К 20 января 1920 года дивизия насчитывала около 1000 человек. 2 марта 1920 года она была сведена в Отдельную гвардейскую бригаду: 1-й и 2-й Сводные гвардейские полки и Свод-

ный гвардейский артиллерийский дивизион (3 батареи) в составе 2-го армейского корпуса. Дивизия участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. 16—22 августа 1920 года ее части были переброшены в Крым.

Летом 1919 года после взятия города Константинограда был сформирован еще Сводно-гвардейский батальон (1-й Сводно-гвардейский батальон). Он включал по одной роте (до 70 штыков при 4—5 офицерах каждая) полков 1-й гвардейской дивизии: л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского и команду конных разведчиков (л.-гв. Егерского полка) и нес службу по охране железной дороги Полтава—Лозовая, а с 10—12 сентября 1919 года вошла в подчинение командиру 2-го Сводно-гвардейского полка и участвовала в боях за Чернигов. 8 ноября 1919 года на хуторе Фелени был расформирован, и роты переданы батальонам своих полков. Летом 1919 года была сформирована и Гвардейская запасная бригада, предназначенная для пополнения частей Сводно-гвардейской пехотной дивизии. К началу осени 1919 года насчитывала более 8 тысяч человек, но за отсутствием обмундирования и снаряжения не могла выполнять свои задачи. Комплектовалась мобилизованными Хорольского, Лубенского и Пирятинского уездов. Располагалась в Лубнах, затем в районе Николаева и распалась в конце ноября — начале декабря 1919 года.

Из входивших в состав Сводно-гвардейской дивизии полков Сводный полк 1-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 года на основе 3-го Сводного батальона 1-й Гвардейской пехотной дивизии (сформированного из рот каждого из полков дивизии в конце сентября 1919 года в Прилуках и участвовавшего в боях за Киев), 1-го батальона (Сводного) 1-го Сводно-гвардейского полка, Сводно-гвардейского батальона и отдельных рот соответствующих полков. Полк входил в состав 1-й бригады дивизии и включал батальоны трехротного состава (до 50 штыков при 4—5 офицерах) каждого из полков 1-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского. К 24 ноября 1919 года полк сократился до четырех рот (Преображенская, Семеновская и две Егерские) и насчитывал 180 штыков, 35 сабель и 12 пулеметов, 3 декабря сведен в одну роту и конно-пулеметную команду, а в середине декабря в местечке Смела переформирован в Конно-егерскую роту (80 сабель при 10 офицерах и 4 пулемета), вошедшую в подчинение командира Сводного полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, а в январе 1920 года вошедшую в прибывший на фронт Сводный батальон полка (Преображен-

ская и две Семеновские роты). К 21 января 1920 года полк (3 роты) насчитывал всего до 100 штыков, 80 сабель и 10 пулеметов.

Сводный полк 2-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован к сентябрю 1919 года на базе Гренадерского и Павловского батальонов и Московской роты 1-го Сводно-гвардейского полка. Он входил с 12 октября 1919 года в состав 1-й бригады дивизии и включал батальоны полков 2-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Московского, Гренадерского и Павловского. К 21 января 1920 года сводный батальон полка насчитывал 200 штыков, 80 сабель и 20 пулеметов.

Сводный полк 3-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован 12 октября 1919 года на базе 1-го и 2-го батальонов 2-го Сводно-гвардейского полка. Он входил в состав 2-й бригады дивизии и включал батальоны каждого из полков 3-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Литовского, Кексгольмского, Петроградского и Волынского. 9 ноября 1919 года полк был сведен в батальон, от которого к 21 ноября осталось 71 человек, сведенных в роту, которая была 23 декабря слита с остатками 1-й бригады дивизии (от всей 2-й бригады оставалось 30 солдат при 6 офицерах). В январе—феврале 1920 года остатки полка (с присоединением рот, действовавших отдельно от полка) в составе своей дивизии участвовали в Бредовском походе.

Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии был сформирован во ВСЮР 12 октября 1919 года на базе Стрелкового батальона 2-го Сводно-гвардейского полка. Он входил в состав 2-й бригады дивизии и включал два батальона из рот полков Гвардейской стрелковой дивизии Императорской армии: л.-гв. 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых. 9 ноября 1919 года был сведен в батальон, от которого к 21 ноября (сведен в роту) осталось 10 человек. С 27 декабря 1919 года в Одессе полк стал вновь формироваться из стекавших туда чинов полка в составе четырех рот и восьми команд, но его численность не превысила 200 штыков.

Начало возрождению гвардейской артиллерии было положено еще 20 августа 1918 года в Екатеринодаре, где на базе офицерского кадра л.-гв. 1-й и 2-й артбригад были созданы 1-е и 2-е орудия 3-й батареи 1-го Отдельного легкого арtdивизиона. Из этой батареи 28 ноября был создан «кадр Гвардейской артиллерии» в Гвардейском отряде, а 1 января 1919 года (приказ от 4 апреля 1919 года) была сформирована Сводная гвардейская артиллерийская бригада в составе батарей 1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой артиллерийских бригад Императорской армии. На 22 мая 1919 года она включала 1-й (1-я и 2-я батареи), 2-й (3-я и 4-я) и 4-й

(7-я и 8-я) дивизионы, с 1 июля — и 3-й (5-я и 6-я батареи): К концу июля 1919 года насчитывала 20 орудий. 1 августа 1919 года в состав бригады включена 9-я (в 1-й дивизион), а 1 октября — 10-я (во 2-й дивизион) батареи. Ранее она входила в состав 5-й пехотной дивизии, а с выделением из последней в октябре 1919 года гвардейских частей — в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию. В сентябре—октябре 1919 года ее четыре дивизиона действовали раздельно, приданные различным гвардейским частям. 17 апреля 1920 года бригада была расформирована, а дивизион батарей л.-гв. 1-й и 2-й артбригад дополнен 1-й тяжелой армейской батареей и 27 апреля 1920 года переименован во 2-й Отдельный тяжелый арtdивизион.

Гвардейская инженерная рота была сформирована еще в Добровольческой армии в конце 1918 года (приказы 22 мая и 23 июня 1919 года). В мае—сентябре 1919 года она входила в состав 5-й пехотной, а затем — Сводно-гвардейской дивизии. На 7 сентября насчитывала 23 офицера и 416 солдат.

В Крыму к началу 1920 года из находившихся там подразделений гвардейских частей был сформирован Гвардейский отряд полковника Петровского, который включал Гвардейский кавалерийский дивизион и пехотные подразделения, сформированные на базе Запасного гвардейского батальона. В январе—апреле 1920 года он оборонял Перекопский перешеек, понеся большие потери. Затем чины гвардии были сведены в батальон, включенный в состав 136-го пехотного Таганрогского полка, а позже из этого батальона был развернут Гвардейский отряд полковника Эссена.

В августе 1920 года на основе прибывшей из Польши Сводно-гвардейской пехотной дивизии и этого отряда был сформирован Сводный гвардейский пехотный полк. В его составе вновь были объединены все подразделения гвардейской пехоты. Он состоял из четырех батальонов (1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий, преобразованных из соответствующих полков дивизии) и входил в состав 2-го армейского корпуса (нового формирования). Летом 1920 года полк имел 1200, а после отхода в Крым в конце октября 1920 года — 400 штыков. После эвакуации Русской Армии из Крыма в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса из чинов гвардейской пехоты и артиллерии был создан Гвардейский отряд. После преобразования армии в РОВС до 1930-х годов он представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть и осенью 1925 года насчитывал 527 человек, в т. ч. 303 офицера.

Офицеры гвардейской кавалерии первоначально служили в разных частях Добровольческой армии, в основном — в 1-м офицерском кон-

ном полку и Черкесской конной дивизии, а также в команде конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. Затем возрождение полков 1-й гвардейской (кирасирской) дивизии и остальных полков гвардейской кавалерии протекало раздельно. Что касается казачьих гвардейских полков, то они воевали в составе Донской армии, а дивизион Собственного Его Императорского Величества конвоя — в кубанских и терских частях. Долго находились вне основных гвардейских формирований и подразделения некоторых других полков бывших 2-й и 3-й кавалерийских дивизий Императорской армии.

Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии начал формироваться 26 февраля 1919 года из кадра ее полков и 24 марта вошел в состав 5-й пехотной дивизии, с 22 мая — в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, а 19 июня 1919 года был преобразован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Этот полк входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии и в июле 1919 года включал по 2 эскадрона Кавалергардского, л.-гв. Конного, Кирасирского Его Величества и Кирасирского Ее Величества полков. На 5 октября 1919 года он насчитывал 478 сабель при 28 пулеметах, 19 ноября полк вошел в состав 1-й кавалерийской дивизии (к 8 декабря 1919 года он потерял $\frac{9}{10}$ своего состава и вместе со 2-м гвардейским Сводно-кавалерийским полком насчитывал около 60 сабель).

Офицеры ряда других полков гвардейской кавалерии с конца 1918 года стали собираться в Запасном кавалерийском полку в Крыму (он входил в состав Крымской дивизии, а с 19 января 1919 года включен в состав 5-й пехотной дивизии), где к марту 1919 года были эскадроны л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков. В начале 1919 года во ВСЮР был сформирован также Гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион, который с 22 мая входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. 19 июня 1919 года на базе этого дивизиона из эскадронов л.-гв. Уланского Его Величества, Конно-гренадерского и Драгунского полков был сформирован 2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский полк, который вошел в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 года он включал по два эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества, Конно-гренадерского и Драгунского полков и на 5 октября насчитывал 19 штыков и 258 сабель при 13 пулеметах. С 19 ноября 1919 года полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии.

Понесшие огромные потери оба гвардейских кавалерийских полка 15 декабря 1919 года были сведены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк (в составе той же дивизии) в составе четырех эскадронов. После того как в него были влиты эскадроны л.-гв. Гусарского и л.-гв.

Уланского Ее Величества полков из Сводно-горской дивизии и в январе 1920 года л.-гв. Гродненского гусарского полка из Сводно-гусарского полка, этот полк включал все кадры гвардейской кавалерии.

В начале 1920 года в Крыму из находившихся там чинов гвардейской кавалерии (преимущественно лейб-драгун) был создан Гвардейский кавалерийский дивизион (Сводный гвардейский эскадрон), который входил в состав Гвардейского отряда полковника Петровского и почти полностью погиб на Перекопе в ночь на 3 апреля 1920 года.

В Русской Армии генерала Врангеля из всей гвардейской кавалерии 16 апреля 1920 года был сформирован Гвардейский кавалерийский полк в составе 8 эскадронов, по одному от каждого из гвардейских полков Императорской армии: 1-й — Кавалергардского, 2-й — л.-гв. Конного, 3-й — л.-гв. Кирасирского Его Величества, 4-й — л.-гв. Кирасирского Ее Величества, 5-й — л.-гв. Конно-гренадерского, 6-й — л.-гв. Уланского Его Величества, 7-й (сводный) — л.-гв. Уланского Ее Величества и л.-гв. Гродненского гусарского и 8-й — л.-гв. Драгунского. Этот полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (нового формирования) до эвакуации Крыма, а в Галлиполи вошел в состав Кавалерийской дивизии, вместе с которой его чины некоторое время несли пограничную службу в Югославии.

Хотя все гвардейские части были возрождены во ВСЮР, множество офицеров гвардии принимало участие в борьбе и на других фронтах: в Прибалтике, на Севере и на Востоке России. В течение 1917-го — 1920 годов в общей сложности погибло более тысячи гвардейских офицеров. Одни только полки гвардейской кавалерии (без учета казачьих) потеряли в общей сложности 178 офицеров (52 расстрелянными, 84 убитыми в бою и 42 умершими от ран и тифа). При этом обращает внимание, что потери полков гвардейской кавалерии в Гражданской войне были существенно выше даже их потерь в Первой мировой войне.

В эмиграции в Париже было создано Гвардейское объединение. Оно входило в состав I отдела РОВС, но имело особое «Положение», согласно которому входящие в его состав полковые объединения руководствовались своими уставами и самостоятельно избирали своих председателей, о чем ставили в известность вышестоящее руководство. В него входили объединения всех пехотных и кавалерийских гвардейских полков и других гвардейских частей. На 15 мая 1935 года в Объединении состояло более 2 тысяч гвардейских офицеров: 883 пехоты, 556 кавалерии, 214 пешей и 127 конной артиллерии, 112 казачьих, 24 саперов, 14 железнодорожного полка, 47 моряков и 9 запасного кавалерийского полка; кроме того, еще 47 человек проживало на Дальнем Востоке и 101 в США.

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев в составе воссозданных полков: Кавалергардского, л.-гв. Конного, л.-гв. Кирасирского Его Величества, л.-гв. Кирасирского Ее Величества, л.-гв. Драгунского, л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Гродненского гусарского, Терского гвардейского дивизиона, л.-гв. Конной артиллерии, л.-гв. Финляндского, л.-гв. Гренадерского и л.-гв. Саперного. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати (помещены как фрагменты из книг, так и журнальные публикации). Все эти воспоминания (за исключением мемуаров Н. Волкова-Муромцева) никогда в России не публиковались.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки.

Поскольку в Белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

ОФИЦЕРЫ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

В. Звезинцов¹

КАВАЛЕРГАРДЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918—1920 ГОДОВ²

На различных фронтах Белого движения отдельные кавалергарды приняли участие в борьбе против большевиков. Имена светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена³, командующего Северо-Западной армией Александра Павловича Родзянко⁴, гетмана Украины Павла Петровича Скоропадского⁵ и фельдмаршала Финляндии барона Густава Карловича Маннергейма⁶ вошли в историю Гражданской войны.

Но только на Юге России, в рядах Добровольческой армии, кавалергарды приняли участие в этой борьбе как строевая, боевая часть. Возродившись подобно Фениксу из пепла после того, как старый полк прекратил свое существование, кавалергардские эскадроны долг свой солдатский исполнили до конца, без всякой корысти, без всякого подлого интереса.

Сильные традициями старого полка, они пронесли, с оружием в руках, через кровавые годы этой страшной борьбы незапятнанным имя Кавалергарда, столь же грозное врагу, как было оно грозно в эпоху наполеоновских войн и в Великую мировую войну. Этому последнему боевому служению кавалергардов посвящается последняя часть истории кавалергардов в Великую и Гражданскую войну.

Начало формирования. Первые боевые действия. Отход Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции

28 октября 1918 года (все числа по новому стилю) в Новороссийске командующий Сводно-гвардейским пехотным полком⁷ полковник Моллер⁸ предложил представителям полков 1-й гвардейской кавалерий-

ской дивизии начать формирование своих частей при Сводно-гвардейском пехотном полку в качестве команды конных разведчиков. Это предложение, разрешавшее много различных препятствий, связанных с вопросом самостоятельного формирования гвардейских кавалерийских полков, было принято с большим удовлетворением.

На него сразу откликнулись представители трех полков: Кавалергардского⁹ и обоих кирасирских.

Через шесть дней в Новороссийск приехал полковник кирасир Ее Величества Данилов¹⁰ и принял должность начальника команды конных разведчиков.

Несмотря на свое название, команда конных разведчиков не имела ни одной лошади и первоначально состояла из трех кавалергардов: полковника Д.В. Коссиковского¹¹, штабс-ротмистров графа И.Д.¹² и графа А.Д. Толстых¹³ и 12 офицеров обоих кирасирских полков.

Через месяц, 28 ноября, весь Сводно-гвардейский пехотный полк был отправлен в город Ставрополь, в состав 1-й пехотной дивизии¹⁴ генерала Казановича¹⁵. Пока полк принимал участие в боевых действиях, команда была оставлена в Ставрополе для дальнейшего формирования. Но ни район, ни условия, с которыми пришлось столкнуться, не способствовали формированию. Все попытки достать оружие, седла и лошадей не увенчались успехом, и после краткого пребывания в Ставрополе команда была возвращена в Новороссийск, где и оставалась до отправки в Крым.

За это время число кавалергардов увеличилось прибытием штабс-ротмистров В.В. Шебеко¹⁶ и графа Р.В. Мусин-Пушкина¹⁷ и вольноопределяющихся В.К. Львова¹⁸, графа С.Д. Шереметьева^{19*} и графа В.В. Мусин-Пушкина²⁰.

Тогда же, на совещании старших представителей полков 1-й гвардейской кирасирской дивизии, были намечены последовательные этапы, которые стали руководящими при дальнейшем формировании. На этом совещании было решено развернуть команду в 4-взводный эскадрон, по числу полков, входящих в кирасирскую дивизию. Каждый из этих взводов являлся кадром для предстоящего его развертывания в эскадрон и в своих внутренних полковых делах был совершенно самостоятелен. Командиром этого будущего полка оставался полковник Данилов. Что же касается других полковых команд — связи, пулеметной и комендантской, то они считались пока общеполковыми.

* Здесь и далее фамилии приводятся в авторском написании. Общепринятый официальный облик этих фамилий представлен в комментариях.

В начале декабря стало известно о предстоящей отправке Сводно-гвардейского пехотного полка в Крым, в состав Крымско-Азовской армии²¹ генерала Боровского²². 26 декабря, на трех пароходах: «Черномор», «Стерлей» и «Анатолий Молчанов», полк покинул Новороссийский рейд и 27-го прибыл в Феодосию, где в состав Кавалергардского взвода были зачислены юнкера Николаевского кавалерийского училища И.Н. Чудово-Адамович²³ и Одесского пехотного — К.А. Шендель.

1 января 1919 года эскадрон конных разведчиков отделился от полка, погрузился в эшелон и на следующий день выгрузился на станции Рыково, в 70 верстах к югу от Мелитополя, и стал в экономии Старого Люца.

Прибытие эскадрона в Мелитопольский уезд совпало с усилением деятельности различных шайек и банд: Махно, Григорьева, Зубкова, Щуся, Апанасенко, Колоса, Левка Задова и прочих, более мелких воровских атаманов. Все эти банды, прикрываясь различными «политическими лозунгами и платформами»: анархистов, коммунистов, социал-революционеров, самостийников, имели одно, связывающее их воедино общее — грабеж населения. Немцы-колонисты, русские хуторяне, татары, богатые села и местечки жили под вечным страхом воровского налета, насилия и грабежа.

Одновременно с мобилизацией и получением лошадей по конской повинности эскадрон должен был поддерживать порядок в уезде и вести борьбу со всеми этими бандами. И это — при почти полной неподготовленности всего строевого состава, как людей, так и лошадей, и отсутствии вооружения, обмундирования и конского снаряжения.

Все приходилось добывать самим и с огромными трудностями. Особенно остро стоял вопрос седел и шашек. Что же касается винтовок, то они были самых различных образцов. Были русские, трехлинейки и берданки, немецкие и австрийские, японские, попадались старые французские, системы Гра, и даже итальянские, захваченные при разбитии банды Зубкова. Все это разнообразие сильно осложняло вопрос питания патронами.

Вопрос вооружения и пополнения армии снарядами и патронами в начале Гражданской войны являлся самой трудной задачей для белого командования не только на Юге России, но и везде, где только велась борьба против большевиков.

Трудность заключалась в том, что почти вся военная промышленность России была сосредоточена в трех главных районах: в Петроградском, в Поволжском и в Центральной России. В главном из них, в Петроградском, находились: Путиловский, Обуховский, Ижорский и

Петроградский оружейные заводы, патронный и трубочный заводы и арсенал. В пригородах столицы, в Охте, было два завода: пороховой и взрывчатых веществ, в Сестрорецке — оружейный завод. В Поволжском районе имелись оружейные заводы в Ижевске, Воткинский и в Симбирске. В Перми — оружейный, в Самаре — трубочный и взрывчатых веществ, в Казани — пороховой. В Центральной России, в Туле, было сосредоточено все производство пулеметов и большинства винтовок. Там же имелся патронный завод. В Тамбове был пороховой завод, в Брянске — арсенал.

Вся эта военная промышленность, при тогдашнем состоянии воздушной техники, была вне досягаемости белых армий, и только Луганский патронный завод, на границе Войска Донского, Шостенский пороховой завод, в 25 верстах к северу от Глухова, да Киевский арсенал были захвачены силами Юга России. Кроме того, в руках большевиков имелись все запасы, оставшиеся от старой Императорской армии, что, все вместе взятое, давало им несоразмеримое преимущество перед всеми белыми армиями.

Последние, в особенности в первое время борьбы, могли получать вооружение исключительно за счет противника, беря его с бою, ценою крови.

Несмотря на все эти затруднения, дело формирования благодаря умению и усилиям всех успешно продвигалось вперед. Когда же в конце декабря приехали первые офицеры лейб-гвардии Конного полка²⁴, эскадрон конных разведчиков скоро развернулся в 4-эскадронный полк²⁵.

Ко всем формированиям Гражданской войны совершенно неприменимы масштабы регулярных армий. Все эти дивизии, бригады, полки, роты, эскадроны и батареи по своему боевому составу ничего общего со своими наименованиями не имели. Так было и у кавалергардов. Временами они имели три, иногда два, чаще всего один эскадрон, боевой состав которого редко превышал 100—120 шашек, падая часто до трех-двух десятков. Все это зависело не столько от пополнения людьми, сколько от наличия конского состава.

Первоначально в Сводном полку эскадронами командовали: 1-м кавалергардским — полковник Коссиковский, 2-м конногвардейским — штабс-ротмистр князь Оболенский²⁶, 3-м — кирасир Его Величества штабс-ротмистр Вик²⁷, 4-м — кирасир Его Величества штабс-ротмистр Рубец²⁸. Одновременно были сформированы общеполковые команды: пулеметная, нестроевая и комендантская, все три под начальством кирасир Его Величества штабс-ротмистров Гончаренко²⁹, Деконского³⁰ и Спешнева³¹.

В январе кавалергарды получили 70 лошадей завода Фальц-Фейна, прекрасных статей, но совершенно невыезженных, прямо из табуна, незнакомых даже с недоуздом.

Кроме офицеров и незначительного числа кавалергардов, все остальные члены эскадрона могли в лучшем случае только сидеть на лошади. Понятно, что на первых порах «кооперация» этих двух «элементов», неумелого всадника и невыезженной лошади, была донельзя слабая.

Когда же с эшелоном беженцев прибыл старый кавалергард, старший унтер-офицер Гневшин³², назначенный вахмистром, то с этого момента эскадрон быстро принял внешний строевой вид и внутреннюю крепкую спайку.

Первоначально рядовой состав эскадрона состоял наполовину из немцев-колонистов, вступивших в ряды эскадрона сразу по прибытии полка на станцию Рыково. Другую половину составляли мобилизованные жители Мелитопольского уезда и добровольцы.

Если о колонистах и о мобилизованных можно было иметь всегда исчерпывающие данные, то не всегда можно было быть уверенным в правдивости тех сведений, которые давали о себе добровольцы.

Три случая в самом начале формирования подтвердили ту сугубую осторожность, которую надо было соблюдать в отношении поступающего пополнения. Хорошо знающий строевую кавалерийскую службу, отличный ездок, старший унтер-офицер Н-ского полка Мак оказался в колонии Эйгенфельд, он начал вести с другим, тоже якобы добровольцем из Одессы, Гвоздевым, советскую пропаганду в эскадроне. Оба были расстреляны в Эйгенфельде. Третий случай произошел с кавалергардом Гумбертом. Отправленный в хозяйственную командировку в уезд вместе с другим кавалергардом Руденко, он был им убит. Сам Руденко перешел к красным.

В начале 1919 года кавалергарды имели в строю 80 всадников и столько же пеших при хозяйственной части полка. Приблизительно такое же число имели и другие эскадроны, и для разросшегося Сводно-кирасирского полка экономия Старого Люца стала тесна.

22 января полк, официально — еще команда конных разведчиков, перешел в немецкую колонию Эйгенфельд, она же — графа Киселева, красиво расположенную на берегу реки Большой Утлюк. Кавалергарды вместе с кирасирами Его Величества заняли Эйгенфельдскую школу, большое двухэтажное здание. Там же находилось и общее для всех эскадронов полковое Офицерское собрание, что не могло не иметь огромного значения для снабжения и спайки в общую полковую семью всех офицеров четырех полков, столь разных по своему внутреннему укладу и обычаям.

1 февраля полку пришлось впервые выполнить боевую задачу. В этот день под командой кирасира Его Величества штабс-ротмистра князя Черкасского³³ с 15 кирасирами было отправлено 11 конногвардейцев с штабс-ротмистром Таптыковым³⁴ и 18 кирасир Его Величества с поручиком Веселовским³⁵ с двумя пулеметами. Отряду было приказано разведать район деревень Ивановка, Верхние и Нижние Серагозы, в которых, по агентурным сведениям, находилась одна из банд атамана Григорьева. Сильнейшая пурга и 20-градусный мороз продолжались во все время работы отряда. Присутствия банд нигде не было обнаружено.

17 февраля, спасаясь от бандитов, в Эйгенфельд бежали милиционеры села Ивановка. Немедленно для ликвидации банды Зубкова был выслан отряд под командой полковника Косиковского — 30 кавалергардов при штабс-ротмистре графе А.Д. Толстом, столько же конногвардейцев с поручиком князем Козловским³⁶ и 10 кирасир Его Величества с штабс-ротмистром князем Черкасским с двумя пулеметами.

Пройдя при страшной распутице за ночь больше 40 верст, отряд подошел 18 февраля к селу Ивановка. Согласно полученным сведениям, атаман Зубков и его штаб занимали школу и сельское правление. Прочие члены банды расположились в соседних домах. На колокольне и у церковной ограды стояли часовые. К сожалению, сведения эти оказались не совсем точными. Когда шедшие в голове отряда кавалергарды с штабс-ротмистром графом Толстым и эскадронным юнкером (паж) Шрамченко вошли в село и подошли к церкви, то ими действительно были захвачены часовые в указанных местах. Всего 6 человек. Сам же Зубков с большей частью банды помещались на окраине села и успели бежать, пользуясь густым туманом, неожиданно заволокшим всю окрестность. Все же при тщательном осмотре дворов удалось уничтожить около 20 бандитов, захваченных с оружием в руках. Это первое дело показало полную надежность и боеспособность всего кавалергардского состава. Затем, пройдя через Акимовские хутора, отряд вернулся в Эйгенфельд.

По агентурным сведениям, село Рубановка, в 75 верстах на северо-запад от Эйгенфельда, служило главной базой различным бандам Зубкова, откуда высылались карательные отряды, иногда очень большие, для сбора с местного населения денежных, вещевых и продовольственных контрибуций. Сводно-кирасирскому полку было приказано выслать в это направление усиленную разведку для проверки полученных сведений.

3 марта, дождавшись возвращения с разведки кирасирских эскадронов, полковник Данилов выслал отряд под командой полковника

Косиковского в составе Кавалергардского эскадрона, 40 шашек при штабс-ротмистрах М.В. Безобразове³⁷ и графе А.Д. Толстом, столько же от Конной гвардии при штабс-ротмистрах князе Оболенском и Тучкове³⁸, корнете князе Козловском и прапорщике бароне Рауше фон Траубенберге³⁹. Кроме двух кавалергардских пулеметов Люиса, отряду были приданы еще два таких же пулемета кирасир Его Величества с штабс-ротмистром Максимовым⁴⁰.

Полковнику Косиковскому было приказано дойти до села Благодатного, откуда выслать сеть разъездов по фронту Шотовка—Агайман, в общем направлении на село Рубановка. По возвращении в Эйгенфельд кирасир отряд выступил уже с темнотой и, пройдя всего лишь 10 верст, заночевал в колонии Александерфельд. На следующий день, нигде не обнаружив красных, отряд остановился на ночлег в Свинолупских хуторах.

Было далеко за полдень, когда 6 марта отряд подходил к селу Благодатному. Во всех пройденных хуторах бандиты не были обнаружены, и только под самым Благодатным были замечены, верстах в 3—4 к северу, какие-то всадники, идущие параллельно отряду.

Полковник Косиковский решил остановить отряд в селе Благодатном и выслать разведку на рассвете следующего дня. На колокольню и на всех въездах в село были поставлены часовые. Кроме дежурного взвода кавалергардов штабс-ротмистра Безобразова, отряд завел лошадей во дворы, расседлал и распряг пулеметные тачанки. Приблизительно через час часовой с колокольни дал знать, что верстах в трех, со стороны хутора Белый Ключ, показалась густая цепь, идущая в направлении на Благодатное. На ее флангах маячили небольшие конные группы, а за нею в пыли виднелось несколько запряжек.

Отряд был поднят по тревоге, и, пока запрягали пулеметные тачанки и седлали лошадей, полковник Косиковский выслал на северную окраину села дежурный взвод штабс-ротмистра Безобразова с двумя пулеметами Люиса.

Красные наступали двумя волнами, захватывая фронт протяжением более версты. То, что показалось часовому повозками, оказалось орудием, открывшим по селу редкий и совершенно безвредный огонь.

Встреченная ружейным и пулеметным огнем дежурного взвода, передовая цепь красных замялась, приостановилась и стала отходить на свою вторую цепь.

Заметив остановку в наступлении красных, полковник Косиковский, оставив два пулемета кирасир вести огонь, посадил взвод штабс-ротмистра Безобразова и отправил его с двумя кавалергардскими пулеметами в охват правого фланга красных. Обстрелянные пулемета-

ми с фронта и с фланга, все цепи начали быстро отходить. Когда же из села вытянулись лавы взвода штабс-ротмистра графа Толстого и Конной гвардии, отход красных превратился в бегство. Преследуя красных, лавы врубались в цепи и доскакали до высоты хутора Белый Ключ.

В самом хуторе засела часть красных, открывших из-за плетней и заборов, окружавших хутор, огонь, почти в упор по Конной гвардии.

Бандиты понесли большие потери, и только наступающая темнота прекратила бой. Было подобрано много винтовок и полушубков, брошенных красными для облегчения бегства. Но достигнутый успех был куплен несоразмерно дорогой ценой.

Конногвардейцы потеряли четырех офицеров: командира эскадрона князя Оболенского, Тучкова, князя Козловского и барона Рауша фон Траунбенберга. Раненым — Таптыкова. Кавалергарды, кроме двух раненых, эскадрон-юнкера графа Вл. Мусин-Пушкина и унтер-офицера Шпонько, потеряли убитыми ефрейтора Понамаренко, кавалергарда Трубку и только что, за несколько дней, поступившего в эскадрон 18-летнего добровольца, лицеиста Илью Бибикова⁴¹.

Унтер-офицер Шпонько по выздоровлении вернулся в строй, но при отходе из Северной Таврии в Крым перебежал к красным и впоследствии занимал командную должность в конном корпусе Жлобы.

Понесенные потери помешали полковнику Коссииковскому выполнить возложенную на отряд задачу, и 8 марта отряд вернулся в Эйгенфельд.

В середине февраля в разведку Крымско-Азовской армии начали поступать сведения о предстоящем в ближайшем будущем наступлении Красной армии на Крым. К концу месяца стал уже обозначаться все усиливающийся нажим красных в районе Мелитополя.

К этому времени боевой состав Крымско-Азовской армии был очень незначителен, и части, входившие в армию, за редким исключением были еще в периоде формирования. Ввиду неизбежности отхода Мелитопольского отряда, было приказано отправить все обозы заблаговременно в Крым.

Обоз и хозяйственная часть Сводно-кирасирского полка были отправлены частью по железной дороге на станцию Джанкой, частью — походом на колонию Дюрмен. Эта часть шла под прикрытием кавалергардов.

12 марта полком было получено приказание: «Ввиду создавшейся на фронте обстановки, прикрыть железнодорожную магистраль Мелитополь—Джанкой и обеспечить отход Мелитопольского отряда на Чонгарский полуостров». Все четыре эскадрона получили самостоятельные участки. Кавалергарды перешли в колонию Дармштадт для

наблюдения полосы от северной оконечности озера Молочного до села Чехарад. Конногвардейцы, прикрывая погрузку хозяйственной части и полковых грузов на станции Акимовка, вели наблюдение полосы Чехарад—Ефремовка. Кирасирские эскадроны наблюдали железную дорогу от станции Великий Утлюк до станции Рыково.

14 марта кавалергарды были отозваны к станции Акимовка для сопровождения отходящего в Крым колесного обоза. С ним они дошли 17 марта до колонии Дюрмен, неподалеку от села Мамут.

Странное зрелище представлял собою обоз полка, напоминавший скорее бродячий цирк или переселение народов, чем движение воинской части. Тачанки, повозки всех видов, преимущественно добротные пароконные фуры немцев-колонистов, татарские арбы, запряженные волами и верблюдами, отара, все увеличивающаяся в пути приплодом ягнят, подводы, перегруженные всяким скарбом, с беженцами, покидавшими перед красными насиженные места, с домашней птицей и скотом...

19-го кавалергарды присоединились к полку и заняли 20-го на правом фланге полка село Ново-Григорьевка. За пять дней, что кавалергарды были в отделе, красные значительно продвинулись и к 21-му оттеснили полк на линию село Ново-Григорьевка — хутор Рыково—Ново-Алексеевка.

22-го красная пехота выбила кавалергардов из Ново-Григорьевки и принудила их отойти на деревню Стокопань. Эскадрон потерял смертельно раненным в живот 16-летнего пулеметчика Байкова. Байков был семинаристом, сыном сельского священника, замученного красными с женой и двумя дочерьми.

Все усилия Сводно-кирасирского полка выбить красных из занятой ими 21-го Ново-Дмитриевки успеха не имели, и полк отошел 23-го за проволочное ограждение на Сальковском перешейке.

Почти на плечах отходившего за сводно-кирасирами эскадрона 2-го Офицерского конного полка⁴² появились густые цепи красных, пытавшихся, но безуспешно, захватить с налета наши окопы, обороняемые ротой преображенцев и всеми эскадронами Сводно-кирасирского полка. Все атаки красных были отбиты с большими для них потерями. Поздно ночью полк отошел на ночлег в деревню Джам Булук, Васильевка тож.

Простояв весь день 24-го в резерве за пехотой, полк ушел через Чонгарский мост на ночлег в Тюб-Джанкой.

25-го полк был оттянут в колонию Дюрмен, куда подошло из запасной части пополнение, а больные люди и лошади были отправлены в обоз. Среди отправленных лошадей было много больных чесоткой.

Несмотря на крайне ограниченные средства, эскадронный ветеринарный фельдшер Скирда своей энергией и прямо «братской» любовью к лошади добился скорого и полного излечения всех лошадей.

26-го полк стоял в резерве в хуторе Чирике, кавалергарды в Большой Магазинке, откуда перешли на следующий день в сторожевое охранение на Чучанском полуострове.

Полк перешел в деревню Паскюрман, откуда эскадроны по очереди занимали сторожевое охранение. В хуторе Чирике в распоряжение начальника пехотной дивизии полковника Слащева⁴³ был оставлен эскадрон кирасир Ее Величества.

4 апреля красные прорвали нашу оборону у Армянского Базара и начали свое продвижение в глубь Крымского полуострова.

Гвардейский Кавалерийский дивизион⁴⁴, по эскадрону конногренадер⁴⁵, лейб-драгун и улан Его Величества и гвардейская конная батарея были подчинены полковнику Данилову, которому было приказано прикрыть железную дорогу Таганаш—Джанкой и ее ветку на Керчь. Главная линия сторожевого охранения была оттянута на высоту деревень Курчи Гирей—Кир Уйшун—Кокчегез—Кипчак Алгазы. Последние две деревни занимали кавалергарды.

В ночь на 7-е красные сбили кавалергардскую заставу в деревне Кокчегез и принудили все охранение эскадрона отойти на хутор Барак. Вследствие этого 8-го все охранение было оттянуто на линию деревень Бюк Сунак—Той Тобе.

Между тем пехота, занимавшая станцию Таганаш, отошла, не оповестив полковника Данилова. В образовавшийся прорыв просочилась конница красных и заняла узловую станцию Джанкой, в 12 верстах к тылу от штаба отряда, стоявшего в хуторе Богемка.

Ввиду создавшейся угрозы быть отрезанным от своих главных сил, полковник Данилов отозвал всю свою разведку и охранение к хутору Богемка и отвел весь отряд в наступившей темноте на деревню Бий Су. Ночью отряд пересек железную дорогу у станции Карангут и утром 9-го пришел в деревню Бек Казы, где измотанным лошадям был дан отдых.

11-го наша пехота занимала деревни Баш Киргиз—Берекет. За исключением кавалергардов, полк стал на правом фланге пехоты, неся охранение и разведку на побережье Сиваша, в направлении на станцию Колай. Кавалергарды на левом фланге пехоты у деревни Мешен держали связь с частями армии, действующими южнее, на реке Салгир, у Нового Чамбая.

13-го пехота продолжала свой отход за реку Салгир. Полк вел наблюдение и охрану переправ через реку Бюк Кара Су у колонии

Брудерфельд деревни Джала Шибаш; кавалергарды — у колонии Дорте.

Прикрывая медленный, но безостановочный отход пехоты, полк вел арьергардные бои 14-го и 15-го у станции Грамматиково, под колонией Окречь и на реках Булганак и Индол. То же самое продолжалось 16-го и 17-го у станции Ислам-Терек, при отходе пехоты за ручей Кият. Среди высланных в эти дни разъездов целиком погиб разъезд кирасир Его Величества штабс-ротмистра Похвиснева⁴⁶ у колонии Ней-Хофнунг (Киянлы).

18-го полк перешел в район деревни Владиславовки, откуда вел наблюдение в сторону города Старый Крым.

20-го полк отошел на деревню Тулумчак. Рано утром 22-го красные на всем протяжении перешли в общее наступление. Сводно-кирасирский полк на своем участке, прикрывая вялую оборону пехоты и ее безостановочный отход, медленно отходил, цепляясь за все рубежи, на укрепленную позицию у Ак-Маная и стал на ночлег в колонии Кият.

Отход Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции поставил полку новую задачу, а именно: вопрос дальнейшего пополнения и организации запасной части, где должно было вестись обучение людей и выездка лошадей.

Когда полк находился в Мелитопольском уезде, пополнение производилось главным образом за счет немцев-колонистов, хуторян-собственников и мобилизаций. Край был богат лошадьми хороших статей. Колонисты и хуторяне охотно сами приводили лошадей, и вопрос пополнения конским составом не представлял большого затруднения.

Пока полку приходилось иметь дело почти исключительно с бандами местных атаманов, вопрос строевой подготовки разрешался сам собой, главным образом практикой. Другое дело было, когда пришлось столкнуться с Красной армией. Поэтому устройство запасной части стало совершенно необходимым, и уже немедленно при переходе обоза и хозяйственной части в колонию Дюрмен было приступлено к ее формированию. Запасная часть, названная сначала «депо эскадронов», была сформирована на тех же основаниях, что и полк. Запасный эскадрон, первым командиром которого был кавалергард, штабс-ротмистр Безобразов, был разделен на четыре взвода, являвшихся запасными частями соответствующих эскадронов.

Запасный эскадрон передвигался вместе с хозяйственной частью, служа одновременно ее прикрытием.

При отходе армии на Ак-Манайские позиции, запасная и хозяйственная части отошли на полустанок Салынь. Впоследствии, когда

появилась угроза оставления всего Крыма, они перешли на Кубань, в станицу Старо-Титоровскую, где оставались до окончательного очищения Крыма от большевиков.

Большинство чинов рядового звания Сводно-кирасирского полка в коннице никогда не служили. Поэтому в ближайшем тылу был устроен манеж с препятствиями и станками для рубки и уколов пиками. Там, одновременно с несением службы в окопах, велось усиленное обучение езде и владению холодным оружием. На полковом стрельбище велась учебная стрельба из винтовок и пулеметов.

Усиленные занятия скоро превратили полк в отличную боевую часть, спаянную не только одной внешней дисциплиной, но и боевым товариществом и тесной дружбой всех его чинов. Таким полк неизменно оставался за все время его существования.

Ак-Манайские позиции. Поиск конницы в тылу красных. Переход в наступление. Взятие Армянского Базара. Выход в Северную Таврию и охранение на Днепре

Керченский полуостров, то есть та часть Крыма, которая оставалась еще в руках Крымско-Азовской армии, представлял собой вытянутую кишку длиной около 75 верст, отрезанную от остального Крыма линией фронта, идущего от Арабатской стрелки, на севере, почти перпендикулярно к югу, на побережье Черного моря, протяжением приблизительно в 20 верст.

Единственным портом, через который шло все снабжение армии, была Керчь, связанная с фронтом железной дорогой Керчь—Владиславовка. Степь, занимавшая весь полуостров, была совершенно безлесна, сильно волниста и пересечена многими оврагами, ярами и балками. За исключением нескольких озер к югу от шоссе дороги Керчь—Феодосия, степь была бедна хорошей питьевой водой, зато изобиловала мало пригодными для питья солеными, железистыми и серными источниками.

На этой небольшой площади скопились все тыловые учреждения армии. Ее обозы, хозяйственные части, гражданские управления, госпитали, беженцы из Северной Таврии и кадры формирующихся частей. Для последних, в особенности для конницы и артиллерии, создались тяжелые условия формирования.

Для разгрузки тыла и облегчения формирования командование армии решило перебросить на Таманский полуостров в первую очередь запасные и хозяйственные части конницы и артиллерии. Стоявшие у

станции Салынь хозяйственная часть и запасный эскадрон Сводно-кирасирского полка были переведены в станицу Старо-Титоровскую, на Кубань, оставив в Керченском порту у Брянского завода небольшую часть обоза, как промежуточную базу, через которую проходило все снабжение полка.

Фронт, на котором закрепилась армия, начинался на берегу Сиваша у Арабатской стрелки, шел дальше вдоль по почти всегда сухому ручью Парпачу до озера того же названия, пересекая железную и шоссе дорогу. К югу от озера фронт проходил западнее деревни Кунгели и упирался своим левым флангом в Черное море. Оба фланга армии прикрывались судами англо-французской эскадры и теми остатками Черноморского флота, которые еще находились в руках Добровольческой армии. Огонь этих эскадр имел подавляющее значение при отбитии атак Красной армии и при переходе в наступление 3-го армейского корпуса⁴⁷. Линия фронта не изменилась в течение тех двух месяцев, что предшествовали прорыву укрепленной позиции красных.

Район действий полка за этот период, кроме дня 27 апреля, когда он участвовал в рейде конницы на красные тылы, был исключительно северный отсек фронта Арабат—Ак-Манай. Впереди этого участка полк высылал ночные и дневные дозоры и секреты, а в глубь Арабатской стрелки наблюдение и разведку. В ночь на 27 апреля все конные части Крымско-Азовской армии: Сводно-кирасирский и 2-й Офицерский Дроздовский полки и гвардейский кавалерийский дивизион с гвардейской конной батареей, — выступили под начальством командира Дроздовского полка полковника Барбовича⁴⁸ для поиска в тылу красных, в районе узловой железнодорожной станции Владиславовка. Рейду конницы должна была содействовать 5-я пехотная дивизия⁴⁹, наступая по обеим сторонам железной дороги, в общем направлении на станцию Владиславовка.

На рассвете конница, имея в голове Дроздовский конный полк, подошла к деревне Камыши на Черноморском побережье и, при поддержке огня союзной эскадры, стремительным ударом прорвала охранение и фронт красных и глубоко врзалась в их тылы.

Красные начали спешно отходить на станцию Владиславовка, очистив не только Ближние и Дальние Камыши, но и деревню Аджитал. В самой Феодосии началась паника.

Однако, воспользовавшись прекращением огня судовой артиллерии, красные у деревни Тамбовки пытались остановить движение сводно-кирасир, шедших в правой колонне. Кавалергарды и кирасиры Ее Величества были спешены и высланы в цепь. Когда цепи подошли почти вплотную к деревне, красные начали отходить, преследуемые лавами

конногвардейцев и кирасир Его Величества. Начальник полковой пулеметной команды, кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Гончаренко, был ранен пулей в руку.

Сама станция Владиславовка была занята пехотой, понесшей довольно значительные потери, в том числе раненым начальником 5-й дивизии генерала Шиллинга⁵⁰.

Захватив большое количество оружия, конница вернулась на свои биваки, а полк был отведен в армейский резерв в колонию Кенегез.

На рассвете 30 апреля под покровом густого тумана красные прорвали фронт нашей пехоты, выбили ее из окопов и захватили в тылу деревни Ак-Манай и Огуз-Тобе.

Полк был спешно вызван на поддержку пехоты, но еще до его подхода к Огуз-Тобе положение на фронте было восстановлено контратакой частного резерва и главным образом огнем судов, стоявших в Азовском море. Несмотря на это, полк оставлен в резерве в брошенной жителями деревне Ак-Манай.

Татарская деревня Ак-Манай, живописно расположенная на высоком, кругом берегу Азовского моря, сравнительно мало пострадала от артиллерийского огня. Дома-сакли были чисты. В них не было ни стульев, ни столов, а по татарскому обычаю на глинобитном полу, на войлоке и циновках, было много подушек и невысокие резные столики.

1 мая полк должен был перейти в Огуз-Тобе. На переходе было получено известие, что красные вновь перешли в наступление и, несмотря на огонь эскадры, захватили окопы севернее железной дороги на Керчь и продолжают продвигаться в наш тыл.

Не дожидаясь приказа, полковник Данилов немедленно повернул полк и повел его на выстрелы. Рядом последовательных атак, пеших — кавалергарды, кирасиры Его Величества и конногвардейцы, конных — кавалергарды и кирасиры Ее Величества, продвижение красных было остановлено. Под дождем, в нескошенном хлебе перемешавшиеся цепи своднокирасир и сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии на плечах отступающих красных вновь заняли окопы и повсеместно восстановили положение. Но союзная эскадра, не разобрав ракетные сигналы, еще некоторое время продолжала бить по только что занятым окопам. Ночью весь полк отошел на Огуз-Тобе, куда пришел на рассвете совершенно промокшим под проливным дождем.

После этой вторичной, неудачной попытки прорвать наш фронт красные больше ни разу не тревожили наши части. Только изредка красная разведка и наша встречались в никем не занятой деревне

Джанторы, куда и те и другие заходили главным образом для поимки домашней птицы.

Но если на фронте царило такое почти мирное затишье, то нельзя было сказать того же про тыл армии. В районе Ак-Маная, Аджимушкая и Керчи, в непосредственной близости самого города, находились огромные каменоломни. С незапамятных времен скифов, киммерийцев и греков велась в них разработка камня. За это время каменоломни протянулись под землей на много, много десятков верст. Выходы из них находились в разных местах: в старинной турецкой крепости Ени-Кале, в деревнях Ак-Манай, Аджимушкой, в поселке Новый Карантин, у Брянского завода и в самой Керчи.

В последние годы каменоломни стали притоном контрабандистов, дезертиров, а в Гражданскую войну — различных шаек бандитов и местных большевиков. Из этих каменоломен красные предпринимали целый ряд вылазок. Особенно в начале апреля, когда они захватили Царский Курган, при отбитии которого был ранен кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Деконский. Затем 15 мая, когда им удалось временно захватить обоз Сводно-Кавказского полка и вплотную подойти к нашей полковой базе. При отбитии этого нападения в ночной темноте перемешались наши и красные цепи, и красными был взят в плен кавалергард Агафонов. Через несколько дней ему удалось обмануть бдительность бандитов и бежать, унося с собой в эскадрон две винтовки.

Но самое сильное выступление каменоломщиков было поздно вечером 8 июня. Около 23 часов красные, числом более двух тысяч с пулеметами, произвели вылазку из Аджимушкой каменоломни и двинулись в центр города. К ним присоединились местные керченские большевики. Одно время можно было опасаться, что весь город будет в их руках. Им удалось захватить вокзал, почтамт. Сам штаб армии, помещавшийся в центральной гостинице, едва не попал целиком в их руки. Отовсюду неслись крики и беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба.

В кромешной тьме чинам штаба удалось отойти на Митридатский холм и организовать там оборону. В ней приняли участие начальник связи Сводно-кирасирского полка, штабс-ротмистр кирасир Ее Величества Гросман с шестью кирасирами, кавалергарды: адъютант штаба кавалерийской дивизии ротмистр Звегинцов и штабс-ротмистр Безобразов, везший из Старо-Титоровской в эскадрон три пулемета Люиса с восемью кавалергардами пополнения.

Остаток ночи и весь день 8-го все атаки красных на холм Митридата неизменно отбивались с большими для них потерями. Когда же

ночью на 9-е в Керчь пришел вызванный с фронта 2-й Дроздовский конный полк, восстание было окончательно подавлено. Последние каменоломщики были окружены на городском кладбище и все уничтожены.

Постепенно все выходы из каменоломен были обнаружены, закуплены серой и забиты. В дальнейшем никаких выступлений из них больше не производилось.

25 мая в Огуз-Тобе был получен приказ Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России от 7(20) апреля за № 617, в котором Сводно-кирасирский полк считался официально сформированным с 24 марта (6 апреля). В полученном одновременно приказе по 5-й дивизии от 6(19) мая за № 36 командиром полка утверждался полковник Данилов.

В тот же день в полку был приказ № 1, в котором перечислялся весь списочный состав полка, людей и лошадей.

В Кавалергардском эскадроне состояли: командир эскадрона, полковник Д.В. Коссиковский, офицерами: ротмистр Г.С. Воеводский⁵¹, штабс-ротмистры барон Г.А. фон дер Остен-Дризен⁵², граф И.Д. Толстой, М.В. Безобразов, Г.Г. Раух⁵³, А.Н. Шебеко⁵⁴, поручики граф А.Д. Толстой, граф Р.В. Мусин-Пушкин, корнеты П.А. Рогович⁵⁵, И.Ф. Лодыженский, граф В.В. Мусин-Пушкин, В.С. Воеводский⁵⁶ и П.А. Струков⁵⁷.

Прикомандированными к эскадрону: 13-го гусарского Нарвского полка корнет Черница и запаса армейской кавалерии 57-летний корнет, директор Полтавского Императорского музыкального училища Ахшарумов. Вахмистром эскадрона утверждался подпрапорщик Гневшин, взводными унтер-офицерами: старший унтер-офицер Данилейник, младший унтер-офицер Гришин и эстандарт-юнкер (паж) Шрамченко. Каптенармусом старший унтер-офицер Васильев, помощником каптенармуса ефрейтор Беккер, ветеринарным фельдшером младший унтер-офицер Скирда, эскадронным фельдшером младший медицинский фельдшер Гвозденко.

В дальнейшем офицерский состав эскадрона увеличился в мае вернувшимся из отпуска по болезни поручиком В.В. Шебеко, из Чеченской дивизии ротмистром графом Г.А. Шереметьевым⁵⁸ и из Управления Государственного коннозаводства ротмистром В.Н. Звегинцовым и прикомандированным к эскадрону гвардейской конной артиллерии поручика Сидорова.

Строевой состав эскадрона также сильно увеличился мобилизацией и поступлением добровольцев. Среди них четыре лицеиста: Исаков⁵⁹ (убит), Герара⁶⁰ (ранен), Скаржинский⁶¹ (ранен) и Мартынов⁶² (ранен); девять кадет Полоцкого кадетского корпуса: Ситковский⁶³, Труб-

ников (тяжело контужен), Короткий, Красиков, Вурумзер⁶⁴ (ранен), Былецкий, Стойчев, Ташкевич (убит), Критский и гимназист 2-й Киевской гимназии Бухарин⁶⁵ (ранен). Все они доблестно несли боевую службу, большинство было произведено в офицеры и прикомандировано к Кавалергардскому эскадрону.

В середине мая войска Добровольческой армии в Крыму подверглись коренному переформированию. Крымско-Азовская армия была расформирована, и все ее части вошли в состав 3-го армейского корпуса, командиром которого был назначен генерал Добrorольский.

Вся конница была сведена в дивизию под начальством кавалергарда, бывшего командира улан Ее Величества, полковника И.М. Миклашевского⁶⁶. В состав дивизии вошли: Сводно-кирасирский полк (полковник Данилов), 2-й Офицерский Дроздовский конный полк (полковник Барбович), гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион (полковник Ковалинский)⁶⁷, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии⁶⁸ (полковник Попов)⁶⁹ и гвардейская конная батарея полковника Лагодовского⁷⁰. Входивший одно время в дивизию 2-й Таманский казачий полк⁷¹ находился постоянно в отделе на левом, черноморском фланге корпуса и в боевых действиях дивизии участия не принимал. Что же касается Сводного полка Кавказской дивизии, то он был еще пешим.

Начальником штаба дивизии был назначен Генерального штаба полковник Шукевич⁷², адъютантами: кавалергарды, ротмистр Звегинцов — строевым, ротмистр граф Шереметьев — хозяйственным. Ординарцем начальника дивизии — кавалергард, поручик граф Р.В. Мусин-Пушкин.

К концу мая Добровольческая армия, после упорных боев в каменноугольном районе, заняла Мариуполь и начала свое выдвижение в сторону Мелитополя. Стало ясно, что в самом ближайшем будущем и 3-й армейский корпус должен будет перейти в наступление.

К этому все готовились и ждали с нетерпением наступления этого дня. Наконец, в ночь на 18 июня штаб дивизии разослал частям диспозицию.

По этой диспозиции коннице полковника Миклашевского была поставлена задача: «Перейти в наступление по фронту: побережье Сиваша — деревня Тулумчак, в общем направлении на станцию Ислам-Терек. После прорыва фронта красных и взятия деревни Тулумчак направить 2-й конный полк к югу, в сторону железной дороги. Сводно-кирасирский — к северу, на деревню Кият. Связь между этими двумя полками поддерживает гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион. Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии наступает во втором эшелоне, служа поддержкой конным частям».

Арабатскому отряду полковника Римского-Корсакова⁷³, в составе конного эскадрона лейб-драгун и пешего полуэскадрона кирасир Ее Величества, было приказано прикрыть тыл наступающих частей, перейдя в наступление вдоль по Арабатской стрелке в направлении на город Геническ. Полковнику Римскому-Корсакову, кроме английского легкого крейсера «Калипсо», должны были содействовать русские суда Азовской флотилии отряда мичмана Севастьянова: вооруженные двумя пушками Гочкиса и четырьмя пулеметами пароходы «Граф Игнатъев» и «Гидра» и легкие вооруженные катера «Барабанщик» и «Вера».

В своем продвижении отряд сбил 26-го красных у деревни Чацрак и занял 30-го брошенный красными город Геническ, где было захвачено огромное количество обмундирования, снаряжения, вооружения и продовольственные склады.

Было еще совершенно темно, когда, в половине второго утра, полк подходил к сборному месту дивизии у Арабата... За малым исключением, все рядовые чины полка шли в огонь впервые, и у всех настроение было нервно приподнятое. В три часа утра, за час до полного рассвета, по взвившимся на фронте зеленым ракетам открыли ураганный огонь союзные эскадры Азовского и Черного морей и наши полевые батареи. Рев пушек всех калибров, от 3 дюймов, полевых, до 12 дюймов с английских броненосцев, разрывы снарядов — все это слилось в несмолкаемый гул, от которого содрогался воздух.

После часового непрерывного обстрела по сигнальным красным ракетам флот перенес огонь на дальние тылы красных. Одновременно все части 3-го армейского корпуса перешли в общее наступление.

Дивизия полковника Миклашевского, имея в голове 2-й конный полк, миновав никем не занятую деревню Джанторы, прорвала проволочное заграждение и захватила деревню Тулумчак. Пройдя деревню, Сводно-кирасирский полк повернул на деревню Кият.

Но в это время красные, не находясь больше в сфере огня Азовской эскадры, сами перешли в энергичное контр наступление и отбросили полк до самой деревни Тулумчак. Там, на буграх перед деревней, полк спешился и, поддержанный огнем «Калипсо», сдерживал наступление красных до подхода Сводно-Кавказского полка. С его прибытием красные были отброшены, и оба полка продолжали свое наступление на деревню Кият.

Своднокирасирам было приказано атаковать деревню в конном строю. Полк сел на коней и перестроился в два эшелона. В первом шли кирасиры, во втором — кавалергарды и конногвардейцы.

Обойдя деревню, головные эскадроны лихой атакой сбили красных с занятых ими бугров и захватили деревню. Преследуя отходя-

щих красных, полк повернул на колонию Барак, но, встреченный огнем с ее окраины и обстрелянный красным бронепоездом со стороны станции Ислам-Терек, спешился и повел наступление цепями.

Уже в сумерках надвигавшейся ночи и при громовых раскатах приближавшейся грозы 2-й конный полк неудержимой конной атакой захватил станцию Ислам-Терек, а Сводно-кирасирский полк, совместно с подошедшей пехотой, — колонию Барак. В 10 часов вечера полк отошел под проливным дождем на ночлег в деревню Кият.

Первый день наступления закончился. Фронт красных был прорван, и они были всюду сбиты с занимаемых позиций. За этот день эскадрон потерял убитым кавалергарда Мосса, несколько легкораненых и шесть убитых лошадей. В штабе дивизии был ранен начальник дивизии, полковник Миклашевский, пулей в плечо и его ординарец, кавалергард поручик граф Р.В. Мусин-Пушкин, в поляницу. В командование дивизией вступил полковник Барбович.

На рассвете 19-го красная конница под покровом густого тумана атаковала и сильно потеснила нашу пехоту у колонии Барак. В 7 часов утра полк был вызван для восстановления положения, но ко времени подхода полка к колонии Барак последняя была уже целиком занята красными.

При поддержке огня гвардейской конной батарее после трех часов боя сопротивление красных было, наконец, сломлено, колония Барак вновь занята, и красные отброшены к деревне Бой-Ходжа и колонии Унгут.

Подошедший Сводно-Кавказский полк продолжал наступление, а Сводно-кирасирский полк остался в колонии в резерве. Но к 15 часам полк был вызван в Бой-Ходжа, где полковник Данилов получил приказание выбить, совместно с кавказцами, арьергарды красных, занимавших деревни Коп-Отуз, Собкин и Джамичи.

Развернувшись на левом фланге кавказцев, атакующих Коп-Отуз, цепи полка атаковали Джамичи и заняли деревню после довольно упорного сопротивления. Деревня Собкин была очищена красными без боя. Командир кавказцев, полковник Попов, был ранен, и в командование полком вступил полковник Счастливец. На ночлег полк отошел на колонию Барак.

Оставив довольно значительные арьергарды по обеим сторонам железной дороги, главные силы красных отошли на линию рек Бьюк Карасу—Салгир, где и закрепились. Для облегчения продвижения 3-го армейского корпуса было решено выслать конную бригаду дивизии полковника Барбовича в тыл красных, в район деревни Новый Чембай.

Утром 20-го полки Сводно-кирасирский и 2-й Дроздовский с гвардейской конной батареей выступили на переправы через деревню Конрат и Эссен-Эки. На переходе командир 3-го армейского корпуса горячо благодарил полки за боевую работу минувших дней. В одном из разъездов Кавалергардского эскадрона у станции Грамматиково был ранен начальник разъезда ефрейтор Вурумзер.

На следующий день после ночлега в Эссен-Эки бригада, минуя под проливным дождем Русский и Немецкий Менгермен, Салгир и Новый Аблеш, стала на ночлег в деревне Чату, на переправах через реку Бьюк Карасу.

22-го бригада продолжала движение под безнадежно непрерывным дождем, от которого дороги совершенно размокли, и батарея с трудом вытягивала орудия из непролазной грязи. Движение бригады было этим сильно замедлено, и только поздно ночью полки подошли к реке Салгир и стали на ночлег в деревне Новый Чембай.

Предполагавшееся ночное движение в тыл красных, ввиду опоздания батареи и ее парка, было отложено на утро 23-го. Ночные разъезды, в том числе кавалергардский разъезд корнета Воеводского, обнаружили красную конницу в деревнях Владиславовка, Ардагин и Будуи.

При переправе через реку Салгир у хутора Митрофановка полк попал под редкий артиллерийский обстрел. Перейдя реку Салгир вброд, полк развернулся для конной атаки. Но красная конница боя не приняла и очистила Владиславовку. Высланный на деревню Кипчак Конногвардейский эскадрон никого в ней не обнаружил.

Все деревни и хутора, через которые проходил полк, были очищены красными, и только на обратном пути у деревни Андреевки головной эскадрон кирасир Ее Величества, на переправе через реку Бьюк Карасу, был встречен сильным огнем. В конной атаке кирасиры потеряли убитым поручика Веселовского.

На бивак полк стал в деревне Саурчи вместе с батареей и простоял там до 25-го, когда вновь выступил на Новый Чембай.

На ночлег полк стал в колонии Либенталь. Там под командой полковника Коссиковского был выделен отряд в составе двух эскадронов, кавалергардского и кирасир Ее Величества, взвода кирасир Его Величества, полковой подрывной команды и пушки Гочкиса, обслуживаемой кирасирами Ее Величества.

Полковнику Коссиковскому было приказано взорвать железную дорогу Джанкой—Симферополь, разведать полосу между этой железной дорогой и шоссе Армянский Базар—Симферополь, после чего присоединиться к полку 28-го в районе деревни Юшунь.

Полковник Коссиковский выступил на рассвете 26-го и, пройдя деревни Чалбаши и Музгляр-Кемельчи, подошел к деревне Даниловке, между которой и станцией Курман-Кемельчи было взорвано железнодорожное полотно. После короткого привала отряд продолжал свое движение через деревни Ташлы-Кипчак, Бьюк-Караджа и Александровка на Сеид Булат, где стал на ночлег. Население всюду встречало отряд цветами.

27-го, пройдя деревни Мамут-Ходжа, Джан-Сокаль и Мангут, отряд заночевал в хуторе Воронцова, на шоссе Армянск—Симферополь. Красные нигде не были обнаружены. Утром 28-го отряд присоединился к бригаде в деревне Юшунь.

Коннице полковника Барбовича было приказано сбить красных, занимавших окопы на перешейке между солеными озерами на подступах к Армянскому Базару, и взять город.

Полковнику Данилову с Сводно-кирасирским полком, без Кавалергардского эскадрона, с приданной ему гвардейской конной батареей и эскадронам улан Его Величества, надлежало сбить красных из оплетенных проволокой окопов на перешейке Карт-Казак, между Черным морем и соленым озером Старым.

Кавалергарды были направлены на перешеек между солеными озерами Старое и Красное, где красные занимали окопы у Пироговского хутора.

2-й конный полк, правее кавалергардов, должен был атаковать красных на перешейке между озерами Красное и Сиваш и выбить их из хуторов Тимошенко, Домузгла и Карпова Балка.

Около 15 часов красные, выбитые полковником Даниловым из окопов, начали отходить на Армянск. Немного раньше кавалергарды и Дроздовский конный полк также сбили на своих участках красных, очистили от них перешейки и вышли во фланг и тыл отступающим на Армянск.

Погода стояла невероятно жаркая в день прорыва последних позиций красных на Крымских перешейках между солеными озерами. Все кругом в степи было выжжено. Густая солончаковая пыль, поднимаемая кавалергардами при движении на Пироговский хутор, облепила людей и лошадей и висела красным облаком над эскадронами. Впереди, между блестящими, словно большие зеркала, солеными озерами, едва виднелись подернутые дрожащим маревом постройки Пироговского хутора.

Высланный от эскадрона разъезд корнета графа Вас. Мусин-Пушкина обнаружил красную пехоту, занимавшую впереди хутора окопы, оплетенные проволочными заграждениями.

С очень далекой дистанции по эскадрону был открыт ружейный огонь. Красные, видимо, нервничали, стреляли плохо, излетные пули свистели высоко над головами.

Эскадрон перестроился в линию колонн по три. Пулеметные тачанки вынеслись вперед на карьере и, после крутого заезда налево — кругом, открыли огонь по хутору. Эскадрон разомкнулся для атаки. Красные не выдержали и, бросая оружие, бросились бежать.

Преследуя бегущих, кавалергарды проскакали хутор и ворвались в Армянск. Одновременно с ними Дроздовский конный полк, во главе с начальником дивизии и его штабом, выбил красных и также ворвался в Армянск, где совместными усилиями был полностью уничтожен еврейский интернациональный батальон. В конной атаке Дроздовского полка разрывом гранаты был сильно контужен адъютант штаба дивизии ротмистр Звегинцов и эвакуирован в запасную часть полка.

На ночлег полк стал в Армянском Базаре, где простоял до 1 июля, собирая огромное имущество, брошенное в городе и его окрестностях.

В газете «Феодосийский вестник» от 18 июня (1 июля) было сказано: «Доблестные части Крымской группы, перейдя в наступление на Перекопском направлении, атаковали в конном строю противника, оказавшего сильное сопротивление. Разбив противника на этом направлении, наши доблестные кавалергарды и кирасиры преследовали противника, изрубив более 600 человек и захватив 250 пленных, 4 пулемета, пулеметные ленты и тысячи патронов. Продолжая преследование бегущего противника, наши части овладели селом Булганак, где захватили одно действующее орудие с зарядным ящиком, обоз, околоток и прочую военную добычу. Воодушевленные сильным порывом, наши части продолжали преследовать огромную добычу».

1 июля полк покинул Армянский Базар и, минуя Перекоп, Чаплинку и Черную Долину, нигде не встретив крупных красных частей, стал на бивак в местечке Большая Каховка, на левом берегу Днепра. В этом районе полк простоял до 25-го, неся сторожевое охранение и разведку вверх по Днепру, через село Большая Лепетиха до деревни Ушкалки, протяжением около 80 верст.

За это время кавалергарды, подобно прочим эскадронам полка, развернулись в дивизион, сформировав свой 2-й эскадрон и дивизионную пулеметную команду. 2-й эскадрон был сформирован почти исключительно из пленных красноармейцев. Они оказались отличными солдатами, стойкими при обороне и с большим порывом при наступлении. Всего кавалергарды получили около ста пленных и столько же лошадей под седло и в пулеметные запряжки. Большинство лошадей были завода Фальц-Фейна из Аскания-Нова и Белокриницкого конного завода.

Полковник Косиковский вступил в командование дивизионом, штабс-ротмистр барон Г.А. Остен-Дризен — 1-м эскадронам, штабс-ротмистр граф И.Д. Толстой — 2-м и штабс-ротмистр А.Н. Шебеко — дивизионной пулеметной командой.

3-го генерал Деникин отдал в приказе по Вооруженным силам Юга России Московскую директиву. В приказе было объявлено начало наступления на Москву.

Все войска были разделены на три группы: правогофланговая, Кавказская армия⁷⁴ генерала барона Врангеля⁷⁵, должна была наступать вверх по Волге на Царицын—Саратов; средняя, Донская армия⁷⁶ генерала Сидорина⁷⁷, наступала по двум направлениям: на Воронеж и на Оскол; левогофланговая, Добровольческая армия⁷⁸ генерала Май-Маевского⁷⁹, наступала по фронту Харьков—Бахмач—Киев.

16-го Сводно-кирасирский полк сдал свой участок охранения частям 34-й пехотной дивизии⁸⁰ и отошел, сначала на село Рубановка, затем на село Михайловка, где простоял десять дней.

За время боев на Крымском полуострове запасная и хозяйственная части были переведены из станицы Старо-Титоровской сначала в колонию Окречь на Крымский полуостров, у станции Грамматиково, затем в село Михайловка, откуда они пошли по железной дороге на станцию Люботин.

Еще в колонии Окречь произошло разделение общеполковой хозяйственной и запасной частей на четыре самостоятельных дивизионных. Начальником кавалергардской запасной и хозяйственной частей был назначен ротмистр Звегинцов.

26-го все конные части дивизии выступили на станцию Пришиб для погрузки в эшелоны и следования на станцию Люботин, близ Харькова.

Бои в Бахмачском направлении. Взятие города. Переход в Нежин и бои в его окрестностях

29 июля головной эшелон 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка⁸¹ — кавалергарды — высадился на станции Люботин в окрестностях Харькова.

Время прибытия полка в Люботин совпало с разными преобразованиями Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), в числе которых было формирование 5-го конного корпуса⁸² генерал-лейтенанта Юзефовича⁸³ в составе двух дивизий: 1-й⁸⁴, генерал-майора Чекатовского⁸⁵, и 2-й⁸⁶, полковника Миклашевского.

Преобразования коснулись непосредственно и Сводно-кирасирского полка. Он был переименован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк, и штат его был утвержден в четыре дивизиона по два эскадрона каждый.

Значительно увеличилось в полку число пулеметов, сформированном еще четырех дивизионных конно-пулеметных команд в 4—6 тяжелых пулеметов на тачанках. Кроме того, каждый эскадрон имел свой пулеметный взвод из 2—4 легких пулеметов Люиса. Число пулеметов изменялось в зависимости от их порчи и от поступления новых, в большинстве случаев взятых с боя.

5-му конному корпусу была поставлена задача: связывая внутренние фланги частей Добровольческой армии, наступавших на Курском и Киевском направлениях, выдвинуться в сторону города Бахмача, овладеть его крайне важным железнодорожным узлом, прервав таким образом непосредственную связь Киева с Москвой. Во исполнение этой задачи конный корпус выступил из района Люботина 4 августа.

Начался новый период в Гражданской войне, ознаменовавшийся для Сводно-кирасирского полка вообще, а для кавалергардов в частности целым рядом конных атак, тяжелых ночных и дневных переходов, в палящий зной, в снежные метели при 20—30 градусах мороза. Все это было тесно связано с маневренной войной 1919—1920 годов, в которой коннице пришлось играть огромную, иногда первенствующую роль.

Оставив при хозяйственной части 2-й эскадрон и дивизионную конно-пулеметную команду, находившиеся еще в периоде формирования кавалергарды выступили с полком 4 августа.

Несметная, почти непрерывная сеть богатых хуторов, утопавших в зелени фруктовых садов, деревни, зажиточные села, густые леса и левяды, обилие речек и запруд, как все это было не похоже на только что покинутую Таврию, с ее выжженной палящим солнцем солончаковой, безлесой степью, такой бедной питьевой водой! При своем движении полк всюду встречал самое приветливое, радушное отношение всего населения, в особенности его женской части.

Губы злые, очи карие, по ночам задорный смех...
Хороши дивчата в Таврии, но хохлушки лучше всех!

Переночевав последовательно в деревнях и селах Ковяги, Коломак, Рябково и Рублевка, пройдя более 125 верст, дивизия полковника Миклашевского подошла на четвертый день похода к селу Опошня.

Только на подступах к этому селу, на переправах через реку Мерлю у села Рубановка и через Ворсклу у самого села Опошня, красные

оказали авангарду гвардейской бригады — дивизиону кирасир Его Величества — упорное сопротивление. После форсирования Ворсклы, артиллерия — на плотах, конница — вплавь, полк стал на бивак и на дневку в Опошне.

Большому селу, по своим размерам походившему скорее на местечко, суждено было стать центром небывалого даже в эпоху Гражданской войны события.

В заштатном городе Котельва сосредоточились многочисленные банды разных местных атаманов, грабивших, по установившемуся в те времена обычаю, население. Не проходило дня, чтобы окрестные хутора, деревни и села не подвергались бы, под различными предлогами и без них, вооруженным набегам и реквизициям. В особенности полюбилось бандитам небольшое, но зажиточное село Глинск, расположенное на реке Ворскле, на полпути между Котельвой и Опошней.

Местные советские власти, все эти новосозданные различные сельские, уездные, чрезвычайные, революционные комитеты, не могли, а может быть, и не хотели справиться с набегами грабителей.

И вот какой-то доведенный до полного отчаяния богатый глинский хуторянин, Иван Гордиенко, решил, что если новая советская власть не в состоянии защитить население, то он возьмет эту защиту в свои руки и сам станет властью. Не теряя времени, собрал он несколько таких же доведенных до отчаяния хуторян, перебрался с ними в Опошню, подальше от Котельвы, организовал там нечто вроде собственной банды, объявил себя верховным комиссаром и не только отразил, но и наголову разбил несколько банд.

Слух об его успехах быстро разнесся по всей округе. К нему начали стекаться жители разных сел, деревень и хуторов, и скоро его «армия» достигла значительных размеров. Все это окончательно вскружило ему голову. Звание верховного комиссара его больше не удовлетворяло. Он решил короноваться.

Несчастному священнику села Опошня вопрос коронования был поставлен ребром: или коронуй, или немедленный расстрел его и всей его семьи. И вот, при огромном стечении народа, под перезвон колоколов, в большой, красивой, старинной опошненской церкви состоялось коронование Ивана Гордиенко «царем Глинским и всея правобережной Вороскль».

Жена его, простая деревенская баба, совершенно не подходила к высокому сану «царицы», и бедному священнику, под той же угрозой расстрела, было приказано расторгнуть брак. Новой «царицей», опять же под угрозой расстрела, становится местная сельская учительница.

И «царь» и новая «царица» всюду появляются не иначе как в «реквизированных» в церкви свадебных венцах, заменявших им короны. «Царь Иван» идет от успеха к успеху. Слава о нем гремит на много сотен верст. Не только такие богатые, большие местечки, как Будище, Диканька и Рублевка, признают его власть, но сама Котельва «бьет ему челом» и присылает богатые дары.

Он повсюду разъезжает в забранной у какого-то помещика коляске, запряженной четвериком серых рысаков, сплошь увешанных лентами и бубенцами. В церковь он не входит — его вносят на большом, обитом красным бархатом кресле.

В самом «царстве» — мир и тишина. Нет больше самочинных реквизиций, нет больше грабежей и налетов, и о самых бандах давным-давно ничего не слышно. Это благоденственное и мирное житие продолжается несколько месяцев. Затем картина резко меняется. Фронт сначала медленно, затем скорее неизменно приближается к Опшине. Уже близится то время, когда появятся отступающие части разбитой Красной армии, а за ними и белые. «Царство» начинает терять свою прелесть, и оставаться на «престоле» становится небезопасно. «Царь Иван» издает «манихвест» народу, отказывается от «престола», бросает «царицу» и с немногими приверженцами уходит в приворскские леса, где след его теряется.

Через два дня после ухода полка из Люботина хозяйственная и запасная части полка были переведены на станцию Искровка, на Харьковско-Полтавской магистрали.

После дневки в Опшине дивизия продолжала свое движение. 11 августа гвардейская бригада ночевала в селе Деикаловка. На следующий день авангард полка, кавалергардский эскадрон штабс-ротмистра барона Остен-Дризена, сбил заставы красной конницы, занимавшие переправы через реки Грунь и Ташань, и выбил эскадрон красных из деревни Лютенское Будище. 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк⁸⁷ шел севернее, на село Великая Павловка, 2-й Дроздовский конный с 1-й гвардейской конной батареей — еще севернее, на город Зеньков.

После занятия своднокирасирами Лютенского Будища было получено донесение от 2-го гвардейского Сводно-кавалерийского полка, что по большаку на Гадяч отходят большие обозы красных под прикрытием значительных сил пехоты. Атаки лейб-драгун и лейб-улан на эти обозы были отбиты со значительными потерями. В конной атаке был убит лейб-улан корнет Линицкий⁸⁸.

Полку было приказано выйти на большак между деревнями Зеньков и Гадяч и отбросить красных с большака. Оставив в Лютенском Будище кавалергардский эскадрон в прикрытии тыла гвардейской

бригады, полк со 2-й гвардейской конной батареей повернул на север, на село Великая Павловка, где был встречен огнем красной пехоты и пулеметов. В результате целого ряда атак конногвардейцев и кирасир, огня 2-й батареи сопротивление красных было сломлено и Великая Павловка была взята после тяжелого ночного боя. Были захвачены пленные, пулеметы и огромный обоз. Дорога на Гадяч была перехвачена, и красные отброшены с большака.

Почти одновременно с этим 2-й Дроздовский конный полк при поддержке блестящего огня 1-й гвардейской батареи захватил севернее Зенькова у села Тарасовка 5 орудий и пулеметы.

Под утро 13-го кавалергарды были подтянуты в Великую Павловку, где полку была дана дневка. Впервые было получено английское обмундирование, придавшее полку однообразный облик. Пики в каждом дивизионе расцвелись флюгерами своих полков, отчего фронт полка стал еще более нарядным и красочным.

14-го, сбивая слабые части красной конницы, гвардейская бригада перешла вброд реку Псел и стала на ночлег в деревне Рашевке, куда подошли 1-я гвардейская батарея и Дроздовский конный полк.

Ночные разъезды обнаружили красную пехоту в селе Березовая Лука, на западном берегу Хоролы. На следующий день село было занято авангардным дивизионом полка, кирасирами Ее Величества, одновременно с двумя эскадронами дроздовцев, поддержанными огнем гвардейских батарей. В этом селе дивизия простояла до 17 августа, ведя усиленную разведку.

В числе высланных в эти дни разъездов разъезд кавалергардов обнаружил 15 августа у станции и в селе Верниславовка значительные силы красной пехоты. Во время перестрелки у станции начальник разъезда, один из лучших разведчиков эскадрона, унтер-офицер Цвиникидзе, был убит.

16-го из запасной части пришло пополнение. Кавалергарды получили 20 человек с унтер-офицером Висгаленом и прикомандированным к дивизиону подпоручиком гвардейской конной артиллерии Мирковичем.

17-го, в исполнение поставленной задачи — сбить красных с железной дороги Гадяч — Лохвица, командир гвардейской бригады отправил Сводно-кирасирский полк для занятия станции Верниславовка, а 2-й гвардейский полк — на станцию Петровка для захвата переправы через Хорол у этого села.

Своднокирасиры, переправившись в свою очередь через Хорол у села Ручки, сразу обнаружили наступление очень крупных сил красной пехоты и конницы. При поддержке огня 1-й гвардейской батареи кирасиры Его Величества очистили от красных хутора южнее села

Верниславовка, потеряв тяжело раненым командира дивизиона полковника фон Баумгартена⁸⁹.

Конногвардейцы с полковым и кавалергардскими пулеметами были отправлены на подкрепление сильно теснимого на переправе через Хорол у села Петровка 2-го гвардейского полка. В резерве бригады остался один эскадрон кавалергардов.

Когда обнаружился обход правого фланга полка и возможный прорыв красных на стыке обоих гвардейских полков, то для противодействия им был вызван эскадрон кавалергардов. Один взвод с штабс-ротмистром графом А. Д. Толстым был оставлен при командире полка.

Два взвода с командиром эскадрона, штабс-ротмистром бароном Остен-Дризенем, и корнетом В. К. Львовым разомкнулись в лаву. Третий взвод с подпоручиком Мирковичем шел в поддержке.

Пройдя по сжато, но еще неубранному полю, лава перешла железнодорожное полотно и атаковала красную пехоту, которая, увидев кавалергардов, остановилась и открыла по лаве залповый огонь. Но когда лава доскакала до цепей, красные стали бросать винтовки, сдаваться и убегать.

Унтер-офицер Висгален занес шашку над одним красноармейцем. Львов его остановил: «Не руби, он же сдался!» Но не успела лава пройти еще несколько шагов, как тот же красноармеец поднял винтовку и выстрелом в спину убил наповал Львова. Висгален повернул коня и зарубил красноармейца.

Во время атаки командир эскадрона барон Остен-Дризен был ранен пулей в ступню. В командование эскадроном вступил штабс-ротмистр граф Толстой.

Атака барона Дризена имела решающее значение на исход боя. Красные отступили с большими потерями на всем фронте гвардейской бригады. Наступившая темнота остановила преследование. На ночлег полк стал в деревне Когановщине после 10-верстного преследования красных.

В последующие дни дивизия продолжала свое безостановочное движение на Бахмач. Ночуя последовательно в деревне Андреевке, городе Глинске, у которого переправилась через реку Сулу вброд, селах Гавриловка и Крапивное, бригада, выбив своим авангардом из деревни Терешиха Журавчик довольно крупные части красной конницы, стала на ночлег в колонии Большой Вердер.

Для занятия сторожевого охранения — станция Варваровка — село Хвостовцы — был отправлен Сводный дивизион, по эскадрону от кавалергардов и кирасир Его Величества, под командой полковника князя Девлет-Кильдеева. Не доходя села Варваровка, разъезды обнаружили

огромный обоз красных с очень крупным пехотным прикрытием, шедший из деревни Мартыновки на бивак бригады в Большой Вердер.

Дивизион спешился и вступил в бой, продолжавшийся до подхода бригады. С ее приходом красное прикрытие было рассеяно, частью взято в плен. Было захвачено около ста повозок. Станция и село Варваровка были прочно заняты.

23-го дивизия выступила задолго до рассвета и, перейдя железную дорогу Бахмач—Нежин, продолжала свое движение в обход города Бахмач с запада. Сбив упорное сопротивление красных у деревни Стрельники, дивизия подошла к железнодорожной магистрали Бахмач—Городня. Гвардейская бригада со 2-й гвардейской батареей была направлена на станцию Дочь, 2-й Дроздовский и 3-й конные полки с 1-й гвардейской батареей — на станцию Чесноковка.

Обе колеи железнодорожного пути в направлении на Городню были забиты сплошной вереницей воинских поездов, уходивших из Бахмача. Метким огнем 1-й батареи, подбившей паровоз в одном эшелоне, был остановлен целый ряд поездов. 2-й конный полк захватил броневой поезд красных.

Гвардейская бригада атаковала станцию Дочь, где 2-й батареей было разбито и подожжено несколько поездов.

Из 15 эшелонов, захваченных дивизией, большинство было гружено боевым и продовольственным имуществом. Пленных было захвачено очень мало. Непрерывная цепь разбитых и горящих вагонов не дала коннице возможности вовремя настичь разбежавшихся в окрестных лесах красных.

Под вечер полки 5-го конного корпуса с разных сторон вошли в Бахмач, завершив поставленную корпусу задачу, пройдя в 20 дней с боем около 700 верст. На следующий день в Бахмаче состоялся смотр конному корпусу, на котором генерал-лейтенант Юзефович горячо благодарил полки и батарею за их боевую работу. В Бахмаче полк простоял до 29-го, неся гарнизонную службу и охрану железнодорожного узла. Из запасной части пришло пополнение людьми и лошадьми.

За это время армейская группа генерала Драгомирова заняла Киев, и для более тесной и непосредственной связи с нею в конном корпусе и, в частности, во 2-й дивизии была сделана перегруппировка. Сводно-кирасирский полк со взводом 1-й батареи был отправлен для занятия города Нежина. 2-му Дроздовскому полку с другим взводом той же батареи было приказано выдвинуться в сторону Чернигова и очистить от красных весь левый берег реки Десны и прилегающий к нему район.

На рассвете 29-го полк под командой полковника графа Беннигсена⁹⁰ (лейб-гвардии Конного полка) выступил из Бахмача и, пройдя 40 верст по тяжелой песчаной дороге, стал на бивак в село Хорошее Озеро.

Высланный вперед в сторону Нежина дивизион кирасир Его Величества для занятия у станции Круты железнодорожного узла Чернигов—Прилуки и Бахмач—Нежин выбил, совместно с подошедшим из Бахмача броневым поездом, красных из села и станции Круты и прочно занял железнодорожный узел. На следующее утро полк выступил на город Нежин.

Был жаркий солнечный день, когда полк, пройдя пригород Могилевку, вступил в Нежин, встреченный перезвоном всех нежинских церквей и монастырей и несметной толпой горожан, засыпавших полк цветами.

Все улицы, по которым проходил полк, были покрыты густым ковром цветов. Цветы были повсюду: на пиках, на касках, на седлах, оголовьях, на пушках, на пулеметных тачанках. По обеим сторонам улиц за полком следовали тысячи горожан: дети, женщины, подростки, взрослые и старики. Гремело несмолкаемое «Ура!». У многих, у очень многих на глазах были слезы радости. Как в Светлый праздник, со всех сторон слышалось пасхальное приветствие «Христос воскрес!».

Когда эскадроны и орудия выстроились на городской площади, из Яворовского монастыря, основанного знаменитым проповедником царствования Петра Великого, вышел крестный ход во главе с архимандритом, с хоругвями, иконами и с духовенством многих других церквей. После молебна обошел и окропил ряды под пение «Спаси, Господи, люди Твоя», подхваченное всей толпой, запрудившей площадь и прилегающие улицы. С трудом развели эскадроны и артиллерию по квартирам. Все жители наперебой хотели иметь своего постояльца.

Уже день клонился к вечеру, начинало смеркаться, а улицы по-прежнему были полны людьми. Кавалергарды, конногвардейцы, кирасиры и артиллеристы, девушки в ярких летних платьях не расходились до поздней ночи. Слышался веселый смех, пение и звуки гармоники. На фоне иссиня-черного неба южнорусской ночи четко выделялась Большая Медведица, горели Стожары, и тысячи миллионов звезд Млечного Пути прорезали небосклон.

А севернее города, всего в десяти верстах по большой Черниговской дороге, на опушке прилегавшего леса лежали трупы замученных и повешенных городских жителей, жертв расправы Нежинской чеки при ее бегстве из города. И между ними, при слабом свете мерцающих фонарей, тени несчастных родственников, разыскивающих своих родных и близких...

Утро следующего дня прошло в обычной обстановке прифронтового отдыха кавалерийского полка. Проверяласьковка, седловка, сушились потники, чистились винтовки. Пулеметчики набивали пулеметные ленты и круги, смазывали пулеметные тачанки и приводили в порядок сбрую.

Большинство офицеров находилось на железнодорожной станции, отстоявшей, как во многих русских городах, в нескольких верстах от города, для разбора брошенных красными огромных запасов. Туда же были отправлены повозки обоза и наряд пехших людей.

Утром пришло пополнение из запасной части. Для более тесной связи с Киевской армейской группой в город Козелец был отправлен эскадрон кирасир Ее Величества.

Но это почти мирное благополучие продолжалось недолго. Около часа дня на город был сделан чрезвычайно смелый налет красного отряда Крапивянского. Крапивянский, кадровый офицер, дослужившийся до чина полковника, до прихода полка в Нежин входил со своим отрядом в состав гарнизона города. Во время чистки Красной армии от контрреволюционного элемента в связи с делом маршала Тухачевского Крапивянский, будучи в чине генерала начальником 60-й стрелковой дивизии, был расстрелян.

Неожиданность нападения и полное отсутствие со стороны Сводно-кирасирского полка намека на охранение и дальнюю разведку позволили Крапивянскому не только подойти незамеченным к пригородам, но и захватить часть самого Нежина. Полком была выставлена всего одна застава кирасир Его Величества на северной окраине города, у выхода на Черниговское шоссе. О том, что, кроме севера, существуют еще три другие части света, штаб полка забыл.

Только благодаря сравнительно небольшому числу красных, около 500—700 человек при одном орудии, и хотя разрозненной, но быстро организованной обороне эскадронов, взводов и команд удалось избежать катастрофы и полного уничтожения всего 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка.

Около часа дня на западной окраине Нежина неожиданно послышалась стрельба. Скоро она распространилась по всему городу, и к отдельным ружейным выстрелам присоединились резкая чечетка пулеметов, разрывы ручных гранат и орудийные выстрелы.

В расположение кавалергардов прибежал подпоручик Миркович и поднял тревогу. Унтер-офицер Ситковский (кадет Полоцкого корпуса) выбежал с пулеметом на улицу и открыл огонь по красным всадникам. Под прикрытием огня пулеметов эскадрон поседлал и запряг пулеметные тачанки. Корнет фон Адеркас⁹¹, как старший, принял команду над кавалергардами.

Киевская улица, по которой надлежало идти к вокзалу, простреливалась красными. Адеркас свернул эскадрон на боковые улицы и благополучно отвел его на станцию. Там уже находилось одно орудие со штабс-капитаном В.П. Родзянко и подходили другие эскадроны. Наряд кавалергардов, стоявший в Яворовском монастыре, в банке и на городском почтамте, был отведен на станцию корнетом Чудово-Адамовичем одновременно с эскадроном Конной гвардии штабс-ротмистра Буда-Жемчужникова.

К этому времени красные заняли город. Закрепившись на его южной окраине, в пригородах Могилевка и Авдеевка, они перешли в наступление на вокзал. Под прикрытием блестящего огня взвода 1-й батареи спешенные эскадроны сами перешли в контрнаступление и к вечеру вновь заняли Нежин. Кавалергарды потеряли убитым унтер-офицера Кулагина.

2 сентября утром, при огромном стечении народа, в Яворовском монастыре состоялось отпевание павших в бою с отрядом Крапивянского и похороны их на монастырском кладбище.

Сопоставляя сведения, полученные от ночных разъездов, с теми, что дали местные жители, выяснилось, что отряд Крапивянского скрывался в деревнях, прилегающих к лесистой и сильно болотистой полосе реки Остера, в 20 верстах от Нежина.

На рассвете 2 сентября сводный дивизион, эскадрон кавалергардов штабс-ротмистра графа А.Д. Толстого и эскадрон кирасир Ее Величества штабс-ротмистра Полянского⁹², под командой был отправлен в эти деревни для розыска отряда Крапивянского. Пройдя село Мыльники, дивизион обнаружил красных, занимавших высоты у села Плоского. Конной атакой дивизиона, поддержанной огнем пулеметов, красные были сбиты с высот, село Плоское занято и захвачены пленные, лошади и повозки. Преследуя красных, дивизион настиг их вторично на переправе через Остер и в селе Мрин нанес им полное поражение. При бегстве красных, от скопившихся на нем повозок мост через реку Остер провалился, и пулеметная команда почти в упор всех перестреляла. Только самому Крапивянскому с несколькими людьми удалось еще при первом столкновении с дивизионом у села Плоского уйти через болото Смолеж в леса.

Возвращаясь 3-го в Нежин, дивизион разведал деревни Колесники и Взруб и болото Смолеж, но нигде не обнаружил следов красных.

Все же под впечатлением налета на город полк во все время своего пребывания в Нежине нес постоянное охранение на юг и запад от города, вдоль реки Выюницы, высылая в том же направлении разъезды. К этому времени, 3 сентября, в село Веркеевка, в 8 верстах к се-

веру от Нежина, отошел после ряда боев под Черниговом Дроздовский конный полк и взвод 1-й гвардейской батареи.

К началу сентября красные, остановившись и закрепившись на рубеже реки Десны, получили значительное подкрепление. С их западного, Польского фронта красные перебросили Латышскую стрелковую бригаду червонных казаков В. Примакова.

Воспользовавшись растянутым расположением 5-го конного корпуса, красные перешли против него в наступление и заняли вновь Батурич, Бахмач и Конотоп, перерезав важную для снабжения армий рокадную магистраль Киев—Ворожба. Угроза прорыва фронта принудила добровольческое командование произвести перегруппировку своих сил.

Из Киева в Нежин был перебросен 2-й гвардейский пехотный полк, а Сводно-кирасирский отозван 13 сентября к своей дивизии и погружен в эшелоны для следования в Бахмач. Но дошел полк только до станции Плиски, 30 верст не доходя до Бахмача. Там полк был остановлен, выгружен и отправлен в село Красиловка.

В этом районе, ограниченном с востока реками Дочь и Борзна, с севера рекой Десной, с запада большой дорогой Нежин—Чернигов и с юга железнодорожной магистралью Бахмач—Нежин, полк вел в течение трех недель частые, порой тяжелые, но всегда успешные бои, облегчая вторичное занятие Бахмача и содействуя гвардейской пехоте в защите Нежина.

До 19-го полк оставался в селе Красиловка, неся охранение и усиленную боевую разведку к северу и востоку от села. 16-го и 17-го сторожевое охранение несли кавалергарды, имея главную заставу в хуторе Расине, на дороге в город Борзну. По донесению кавалергардского разъезда корнета Адеркаса, город был занят красной конницей, силу которой жители определяли в полк.

Левее кавалергардов, на линии Сиволож—Евлашевка—Британы, стояло охранение 2-го гвардейского пехотного полка. Правее, в районе села Великая Заговорювка, охранение 3-го конного полка.

19-го началось вторичное наступление 5-го конного корпуса на Бахмач. Для облегчения атакующих частей привлечением на себя возможно больших сил красных полк вел усиленную боевую разведку. 20-го полк перешел в наступление на станцию Дочь, старую знакомую по бою 23 августа. Красные не оказали почти никакого сопротивления ни на переправе через реку Борзну, ни у самой станции Дочь.

Только под самый вечер прошедший со стороны Макошина бронепоезд «Советская Россия» обстрелял станцию Дочь и шедший на бивак в село Шаповаловка полк. В ночном разъезде у села Высокого был ранен кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Кожин⁹³.

После тяжелых ночных боев вторичное наступление на Бахмач закончилось занятием города, во время которого деятельное участие приняли бронепоезда обеих сторон. Добровольческие «Орел» и «Князь Пожарский» понесли тяжелые потери.

21-го эскадрон кавалергардов штабс-ротмистра графа А. Д. Толстого вел разведку южного берега реки Сейма. Разъезд корнета графа Вас. Мусин-Пушкина, высланный на местечко Новый Млин, атаковал у села Головенки отступающую пехоту красных. Подошедшие красные пулеметы не позволили разъезду развить достигнутый успех. На ночлег эскадрон стал на хутор Церковный, наблюдая дорогу на село Великий Устюг. На следующее утро эскадрон продолжал разведку берега реки Сейма совместно с подошедшим эскадром Конной гвардии. Красные нигде не были обнаружены. Мосты у Батурина и Нового Млина и паром у Крупецкого монастыря были найдены в полной исправности. Вечером эскадрон присоединился к полку.

Пользуясь своим численным превосходством и тем, что части 5-го конного корпуса были почти все привлечены к Бахмачу, красные перешли в энергичное наступление на Нежин, которому сменившая полк гвардейская пехота не могла противостоять. Для облегчения ее положения в район Нежина был вновь отправлен отряд под начальством командира гвардейской бригады генерала Данилова, в составе Сводно-кирасирского полка, эскадрона Новороссийских драгун 3-го конного полка и Дроздовской конной батареи. 23-го отряд ночевал в городе Борзне. 24-го в 2 часа утра выступил в направлении Нежина, в тыл наступавших на город красных.

Пройдя села Оленовка и Берестовец, отряд подошел к селу Комаровка, в тылу красных. Комаровка была взята конной атакой дивизиона кирасир Ее Величества, захвативших пленных, обоз и пулемет, кирасиры потеряли ранеными корнетов Стеценко⁹⁴ и Дзахсорова⁹⁵.

Продолжая свое движение, отряд подошел к занятым крупными силами красной конницы селам Евлашевка и Смолеж. Наступившая темнота и проливной дождь не позволили генералу Данилову продолжать наступление. На ночлег отряд стал в село Комаровка.

Присутствие отряда в тылу красных, действовавших на Нежинском направлении, не могло не обеспокоить красное командование. На рассвете 24-го охранение отряда — Новгородские драгуны⁹⁶ — было прорвано, и бригада червонных казаков Примакова почти на плечах отходившего охранения ворвалась в западную окраину Комаровки.

Предупрежденные перестрелкой в охранении полк и батарея, несмотря на стремительный налет красной конницы, успели вовремя

посесть и запрячь орудия и пулеметные тачанки и не только выйти в полном порядке из села, но и закрепиться на его северной и восточной окраинах.

Эскадрон кирасир Его Величества был отправлен на село Евлашевка, куда скоро подошла гвардейская пехота. Другой эскадрон того же дивизиона выбил из села Смолеж красную конницу. Обеспечив, таким образом, отряд со стороны Нежина, генерал Данилов перешел в наступление. После упорного, длительного стрелкового боя, при блестящей поддержке огня Дроздовской батареи, цепи кавалергардов, конногвардейцев и кирасир Ее Величества вновь заняли все село. На ночлег отряд стал в селе Евлашевка, вместе с гвардейской пехотой. В сторожевое охранение пошли новгородцы с ротой преображенцев.

На рассвете 25-го отряд продолжал наступление на станцию и село Британы. Дивизион Ее Величества был отправлен западнее железной дороги Круты — Чернигов для охвата Британ с юга. Дивизион атаковал лаву червонных казаков, отбросив ее от Кошелевки.

В атаковую Британы часть было выделено по эскадрону кавалергардов, конногвардейцев и кирасир Его Величества под командой полковника князя Девет-Кильдеева⁹⁷. Три эскадрона разомкнулись в лаву. На правом фланге — кавалергарды, в центре — конногвардейцы, на левом — кирасиры.

По совершенно открытому, сжатому полю, несмотря на заборы и плетни, окружавшие село, и на очень сильный огонь красных, эскадроны ворвались в село и захватили пленных, обоз и пулеметы. Кавалергарды захватили пулемет Максима с тачанкой в полной запряжке, несколько повозок, 6 пленных, 2 винтовки и 20 тысяч ружейных патронов. В атаке потеряли ранеными корнета графа Вас. Мусин-Пушкина, вахмистра Гневшина и ефрейтора Мартынова (лицеист).

Красные, только что выбитые из Британ, скоро сами перешли в наступление. Однако все их повторные атаки были отбиты огнем всех пулеметных команд, нанеся красным страшные потери. Местами их цепи лежали сплошь скошенные пулеметами.

Поражению красных помогла своим огнем Дроздовская батарея, заставившая замолчать красную артиллерию в самом начале боя. Доблестный командир Дроздовской батареи, любимый и уважаемый всем полком штабс-капитан Виноградов, был убит разрывом последней красной гранаты.

Захватив инициативу в свои руки, генерал Данилов решил продолжать наступление и выбить красных из села Великая Кошелевка. В селе Британы были оставлены дивизион кирасир Ее Величества и кавалер-

гарды для обеспечения тыла наступающих на Кошелевку. Впервые в атакующие цепи конногвардейцев и кирасир были влиты все легкие пулеметы полка.

Во время наступления цепей красные, для облегчения положения оборонявшихся в Кошелевке, направили в тыл отряда полк червонных казаков. На переезде железной дороги красная конница натолкнулась на оставленные в Британах эскадроны.

Напоровшись на неожиданное для нее сопротивление и понеся большие потери от огня спешных эскадронов и пулеметов, красная конница отхлынула в беспорядке. Все же ее появление внесло некоторый переполох в полковом перевязочном пункте-летучке, повозки которого стали уходить врассыпную.

Захваченная полком Великая Кошелевка была передана гвардейской пехоте. Отряд генерала Данилова отошел в резерв в село Евлашевка. Вечером туда пришло из запасной части из города Лубны очень крупное пополнение. К кавалергардам присоединился сформированный штабс-ротмистром графом И.Д. Толстым 2-й эскадрон, 110 шашек, дивизионная конно-пулеметная команда штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, 6 тяжелых пулеметов на тачанках и 30 конных для пополнения 1-го эскадрона. Впервые в строю полка находились полностью 8 эскадронов и 5 конно-пулеметных команд.

Пребывание в резерве оказалось кратковременным: атакованная крупными силами красных гвардейская пехота не была в состоянии остановить их продвижение и очистила только что переданный ей район Британы — В. Кошелевка — Смолеж. Генералу Данилову предстояло вновь занять все эти места.

На рассвете 27 сентября наступление красных сказалось уже непосредственно в сторожевом охранении отряда в селе Комаровка. Дивизион конногвардейцев, занимавший охранение, был сбит красной конницей с артиллерией. Полк выступил по тревоге для восстановления положения, и к полудню, после очень упорного сопротивления, красные были выбиты из Комаровки, и село было вновь прочно занято полком. Там полк оставался до вечера и с наступлением темноты выступил на Британы.

По сведениям разведки, Британы были заняты пехотой, конницей и артиллерией красных. В Комаровке был оставлен обоз отряда с прикрытием взвода Новгородских драгун.

Длинным ночным переходом более чем в 25 верст, болотами и густым лесом, прилежавшим к берегам рек Десна и Дочь, частью совсем без дорог, лесными просеками, обойдя Британы с севера, на рассвете 28-го полк выстроился для атаки.

Высокий лесной гребень скрывал полк от взоров красных. Батарея с прикрытием Новгородских драгун стала на позицию на самом гребне, на опушке леса. Вдали, внизу, еще подернутые предрассветным туманом, виднелись заборы, плетни, окаймлявшие Британы, и желтая извилистая полоса свежевырытых окопов.

В первом эшелоне, в двух линиях, разомкнулись лавы обоих Кирасирских дивизионов. За ними, во втором эшелоне, во взводных колоннах стали кавалергарды и конногвардейцы. На флангах обоих эшелонов находились их дивизионные пулеметные команды. Полковая шла в резерве, за вторым эшелоном.

Взошедшее солнце, играя яркими, еще косыми лучами на лезвиях обнаженных шашек, на остриях пик и на развевавшихся разноцветных флюгерах, осветило начинавшийся бой.

Красная пехота показала редкую выдержку. Несмотря на неожиданность атаки, на беглый и, как всегда, изумительно меткий огонь Дроздовской батареи, красные молча подпустили кирасирские лавы на постоянный прицел и только тогда открыли огонь. Но когда кирасиры, поддержанные выскочившими вперед на карьере пулеметными командами, подошли вплотную к селу и местами уже ворвались в его улицы, оборона красных сразу потеряла свое упорство и устойчивость. Бросая окопы и оружие, они стали поспешно очищать село.

Вслед за первым в Британы вошел второй эшелон, выбивая отдельных пехотинцев, еще пытавшихся кое-где оказать сопротивление.

Пройдя село, кирасиры были встречены на его южной окраине огнем красных резервов, построившихся в каре. Все они были полностью уничтожены подошедшими на карьере всеми пятью конно-пулеметными командами.

Красные понесли огромные потери. Все улицы и поле у Британ были покрыты телами убитых людей и лошадей и брошенным оружием. Среди убитых было обнаружено много курсантов, чем, вероятно, и объясняется необычайно упорная и выдержанная оборона. Кирасиры Ее Величества потеряли убитым штабс-ротмистра Деконского, кирасиры Его Величества — раненым прапорщика Сомова⁹⁸.

Боевые действия полка нашли себе оценку в сообщении штаба Главнокомандующего от 15(28) сентября 1919 года. В нем сказано: «Черниговское направление: к северу от Нежина бои продолжаются. Нашими частями занято село Заинка. Своднокирасиры, выйдя в тыл противнику, занимавшему Веркеевку, разогнали три полка червонных казаков и захватили 7 пулеметов и трофеи».

Удачному занятию Британ много помог уход в ночь перед боем красной артиллерии и большей части конницы.

Под вечер полк отошел на ночлег в село Евлашевка. Сторожевое охранение, Смолеж—Зайнка, заняли кавалергарды. Правее, у Комаровки, стояло охранение Конной гвардии, левее, в селе Веркеевка, гвардейская пехота.

После поражения красных у Британ на всем этом участке наступило полное затишье. В район Нежина начал подходить Белозерский пехотный полк⁹⁹ для предстоящего наступления на Чернигов, который и был им взят 11 октября вместе с Дроздовским конным полком. Олонецкий пехотный полк¹⁰⁰ сосредоточивался у станции Дочь для наступления на фронте Сосница—Макошино. Отряд генерала Данилова и приданная Дроздовскому конному полку 1-я гвардейская батарея отзывались к своей дивизии. 2 октября полк выступил на Бахмач.

На походе назначение полку было изменено. Вместо Бахмача ему надлежало идти в корпусной резерв, в город Батуриин. Тогда же дивизион кирасир Ее Величества был выделен из полка и отправлен по железной дороге в город Ромны для действий против многочисленных банд атамана Шубы, пробиравшихся по тылам армии на соединение с бандами атамана Махно.

В районе Сорочинцев дивизион, вместе с приданной ему Роменской офицерской ротой и двумя орудиями 8-й конной батареи, имел бой с намного превышавшей своим числом бандой. Потеряв половину состава офицерской роты, оба орудия и понеся большие потери, дивизион присоединился к полку только в начале декабря, в селе Дмитровка на реке Орелье.

Безостановочное, победоносное продвижение армий Юга России к концу сентября постепенно утратило свой порыв. Огромная линия фронта протяжением на много тысяч верст, на которой остановилось наступление, начиналась у Каспийского моря и шла в общем направлении на Царицын—Урюпино—Лиски—Воронеж—Елец—Орел—Бахмач—Чернигов—Киев—Фастов, где связывалась с украинскими войсками Петлюры, занимавшими Фастов—Казатин, и далее по реке Збруч, до ее впадения в Днестр.

Без прочно организованного тыла, вынужденная выделять значительные силы для охраны железнодорожных узлов и городов, армия не была в состоянии крепко держать захваченную территорию. К тому же заметно усилилась деятельность банд различных атаманов: Махно, Тютюника, Шуса и Шубы.

Все попытки белого командования остановить продвижение красных оказались неудачными. Белая армия перешла сначала к активной обороне, затем постепенно потеряла инициативу, надолго перешедшую в руки красного командования.

Разведка к северу от Батурина. Бои под Глуховом и Рыльском. Отход на Сумы и оставление Харькова

Переброска 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка в Батуриин совпала с усилением боевой деятельности в этом районе в связи с наступлением Добровольческой армии на Чернигов. 2 октября полк ночевал в городе Борзне, а 3-го стал в резерв 5-го конного корпуса в Батуриине.

Некогда резиденция гетмана Украины, Батуриин ничего не сохранил от своего былого величия. Только развалины огромного гетманского дворца свидетельствовали о том значении, которое город имел в минувшие века.

5 октября у станции Дочь сосредоточился Олонецкий пехотный полк для форсирования реки Десны на фронте Сосница—Макошино. Прикрывая его разворачивание, кавалергардский дивизион выступил на рассвете этого дня к северу от железной дороги Бахмач—Готня для разведки и наблюдения за переправами через Десну у Оболенья, Конятина, Зметнева и Спасского.

6-го 1-й эскадрон штабс-ротмистра графа А.Д. Толстого отбросил пешую разведку красных, переправившуюся под прикрытием артиллерийского огня у Зметнева на южный берег Десны. 7-го дивизион вернулся в Батуриин.

8-го полк выступил к северу от города Кролевец, чтобы очистить от просочившейся красной пехоты район между реками Эсмань и Десна. Переночевав в деревнях Алтыновка и Лукнов, полк выбил красных из левобережных домов села Вишенька. Рано утром 9-го дивизион был отправлен из Лукнова в город Короп для наблюдения за переправами через Десну и прикрытия операции гвардейской бригады.

По дороге между Лукновом и Коропом, в лесном дефиле у моста через реку Царевку, дивизион был обстрелян красными, по всей вероятности партизанами. Густой, болотистый лес не давал возможности выслать боковые разъезды. Под прикрытием огня дивизионной конно-пулеметной команды штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, открывшей огонь по лесу в обе стороны от дороги, дивизиону удалось проскочить засаду с небольшими потерями двух раненых кавалергардов и пяти убитых лошадей.

На огромном, 35-верстном участке, от станции Жерновка до деревни Шаболино, под проливным дождем, лившим почти безостановочно и днем и ночью, кавалергарды несли разведку и охранение до 21 октября, когда были отозваны к полку в город Кролевец.

По приходе дивизиона в Короп от 2-го эскадрона были сразу высланы небольшие посты на переправы через Десну у станции Жерновка, в селах Рыботин, Сухиничи и деревне Шабелино. Многочисленные хутора между этими селениями наблюдались мелкими разездами и конными дозорами. 2-й эскадрон и пулеметная команда разместились на северной окраине города.

Не прошло и полутора часов со времени высылки наряда, как та часть города, где стояли кавалергарды, подверглась обстрелу красной артиллерии с северного берега Десны. Командир дивизиона граф И. Д. Толстой перевел эскадрон и команду на южную окраину Коропа. Но и тут через короткий промежуток времени они вновь были обстреляны гранатами. Стало ясно, что огонь красных корректируется непосредственно из города.

В это время один из высланных разездов, унтер-офицера Малахова, обнаружил в поле, среди кустов, на дне канавы, телефонный провод, идущий, как ему показалось, из города в направлении реки. Малахов повернул разезд и повел его вдоль провода. Провод привел разезд к заброшенному небольшому дому, почти на самой окраине Коропа. Разбитые ворота и окна, полуобвалившийся забор, сад и двор, поросшие густым бурьяном, указывали на то, что дом пуст и давно оставлен своими хозяевами.

Несмотря на это, Малахов остановил разезд и с двумя кавалергардами вошел в дом. Всюду висела паутина и густой слой пыли покрывал пол. Осмотр комнат и чердака ничего не дал, но когда кавалергарды спустились в подвал, то среди пустых бочек и больших чанов, в самом темном углу подвала, увидели и самого осведомителя красных. Последний был задержан Малаховым и отведен к командиру дивизиона, который отправил его в штаб дивизии. После этого обстрел больше не повторялся.

21-го кавалергарды были сменены дивизионом 3-го конного полка¹⁰¹ и ушли в село Обложки на присоединение к полку.

За время пребывания кавалергардов в Коропе гвардейская бригада вела 15-го наступление на Шостенский пороховой завод и местечко. Одно время цепи конногвардейцев и кирасир захватили вокзал и станционный поселок, а эскадрон улан Его Величества ротмистра Зубова вошел в самое местечко. Но развить достигнутый успех бригаде не удалось. Подавляющий перевес красных в артиллерии и переправа красной конницы через Десну у села Пироговка с выходом далеко за левый фланг наступающих частей принудили бригаду прекратить бой и отойти к местечку Воронеж-Глуховский. Вторичное наступление бригады 19-го также не имело успеха.

20 октября, после тяжелых боев, атак и контратак красные заняли Орел (Латышская стрелковая дивизия Калнина, стрелковая бригада Павлова и бригада червонных казаков Примакова). Вследствие этого бригада была переброшена в город Глухов.

22-го кавалергарды присоединились к полку в селе Обложки, где сосредоточилась вся бригада для дальнейшего движения на Глухов. По дороге, у деревни Тулиголовки, на обоз гвардейского конно-артиллерийского дивизиона, шедшего в хвосте колонны, напала одна из многочисленных банд атамана Шубы, которой удалось захватить временно несколько повозок, немедленно отбитых подоспевшей командой конно-артиллерийских разведчиков. В селе Обложки, кроме женщин, стариков и детей, почти никого не было. Все взрослые мужчины, вольно или невольно, находились в бандах Шубы.

23-го по совершенно раскисшей от непрерывных дождей дороге бригада пришла в город Глухов, в районе которого оставалась до 15 ноября, ведя почти ежедневно дальнюю разведку боем и одновременно борьбу с многочисленными, хорошо вооруженными бандами, деятельность которых, по мере приближения фронта, значительно усилилась.

Уездный город Глухов, со своими старинными церквями, с чудным собором в древневизантийском стиле с прекрасным иконостасом серого мрамора, с казармами 175-го пехотного Батурина полка, казался после Батурина, Коропа, Кролевуца и, в особенности, после мрачного, грязного Бахмача столицей.

В его окрестностях, в 20 верстах к югу, на реке Клевани, находился Петропавловский монастырь, построенный в 1230 году. В трех верстах, в глухом вековом лесу, стояла Глинская пустынь, славившаяся на всю округу особым глиняным звоном своих колоколов и в которой подвизался святой Дмитрий Ростовский. Исключительно радушное и сердечное отношение всех жителей Глухова еще более скрашивало пребывание полков в городе. Это было тем более ценно, что фронт все ближе и ближе подходил к городу.

Кавалергарды стали в бараках ремонтной комиссии, отлично сохранившихся с времен Великой войны. За все годы Гражданской войны, ни до, ни после Глухова, кавалергарды и их лошади не были так прекрасно размещены. «Совсем как в Красном Селе», — по определению вахмистров, старых кавалергардов Гневшина и Деревянкина.

На рассвете 27-го полк под командой полковника графа Беннигсена, в составе двух дивизионов, Кавалергардского и Конно-гвардейского, и одного эскадрона кирасир со всеми пулеметными командами и 10-й гвардейской конной батареей, выступил в направлении на село Маков и далее на Шостку с целью глубокой боевой разведки.

Когда авангард полка, кавалергарды и гвардейская батарея, подошли к селу Салут, из него отошел эскадрон красных. По словам местных жителей, следующее село Собачев было занято крупными силами красной пехоты. По распоряжению командующего полком авангард свернул с большой дороги и втянулся в густой лес, подошедший с юга почти до самого Собачева.

Не выходя из леса, ротмистр граф И.Д. Толстой развернул дивизион для атаки села. Дивизионная конно-пулеметная команда штаб-ротмистра А.Н. Шебеко вынеслась вперед лавы, повернула крутом и открыла огонь с тачанок по селу одновременно с батареей.

На полевом галопе кавалергарды атаковали село, охватывая его с трех сторон широкой лавой. Сопротивление красных было почти сразу сломлено. Ворвавшись в село, кавалергарды захватили 180 пленных и два тяжелых пулемета Максима с полными запряжками, более 300 винтовок и несколько повозок с патронами. Взятые в плен красноармейцы принадлежали к 41-й стрелковой дивизии Эйдемана.

На плечах убежавших красных конногвардейцы заняли село и станцию Маков, захватив около полусотни пленных. На ночлег полк отошел к Собачеву, выставив сторожевое охранение от кирасир. Поздно ночью красные открыли артиллерийский огонь по биваку полка.

Несмотря на неожиданность обстрела, полк и батарея вышли из-под огня в полном порядке и отошли под проливным дождем в село Слоут. Кромешная тьма и дождь много способствовали удачному выходу из села и тому, что не повторилась печальная история Нежина.

28-го в Слоут подошел второй эскадрон кирасир, и, пополнив запас патрона и снарядов, полк вторично выступил на Маков.

Авангард полка — Кирасирский дивизион — выбил из Собачева красную пехоту, захватив 65 пленных. Продолжая наступление, кирасиры заняли Маков. На ночлег полк стал в село Собачев. В охранение пошли кавалергарды. На станцию Маков была выдвинута отдельная застава поручика графа Вас. В. Мусин-Пушкина с двумя тяжелыми пулеметами. Для предупреждения возможного появления красного бронепоезда железнодорожное полотно было разобрано во многих местах и станционные стрелки были заклинены.

29-го предполагалось дальнейшее наступление на Шостку, но полк дошел только до деревни Гамалеевки, в 5 верстах после Макова, где получил приказание вернуться в Собачев для наступления на Ямполь, в районе которого было обнаружено накопление крупных сил красных.

На рассвете 30-го, имея в авангарде подошедший накануне из Глухова 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк и 2-ю гвардейскую батарею, бригада выступила в местечко Ямполь. После короткого об-

стрела батареями красные были отброшены, и местечко и станция Ямполь были заняты авангардом.

Сводно-кирасирский полк находился в резерве и остался на ночлег в селе Гремячка. Только боковое охранение конногвардейцев имело столкновение у хутора Турановка, откуда им был выбит красный эскадрон. 31-го полк вернулся в Глухов, где его ожидало пришедшее из Лубен пополнение.

Плохая погода, продолжавшаяся весь октябрь, еще ухудшилась. Температура резко упала до минус 10. По утрам стояли сильные заморозки и гололед. Пользуясь временным затишьем на фронте, кавалергарды начали перековку лошадей на зимние подковы.

В Глухове были получены газеты с описанием взятия Собачева. В сообщении Ставки упоминались имена командующего полком графа Беннигсена, командира 1-й гвардейской батареи Лагодовского и кавалергардов графов И.Д. и А.Д. Толстых и А.Н. Шебеко. Особенно подчеркивалась боевая работа Кавалергардского дивизиона.

4 ноября в составе Кавалергардского и Конно-гвардейского дивизионов и взвода 2-й гвардейской батареи полк выступил для розыска различных банд атамана Шубы, сильно затруднявших сообщение с 3-м конным полком, стоявшим в Кролевце. Разведав деревню Черториги и села Дубовичи и Тулиголовка, из которой конногвардейцы выбили красных, полк стал на ночлег в селе Обложки. На следующий день к полку присоединился эскадрон кирасир и еще взвод 2-й гвардейской батареи. Полк выступил на село Ярославец, но дальше деревни Щерби из-за проливного дождя с талым снегом и совершенно раскисшей дороги, сильно затруднявшей движение батареи, полк не пошел, а стал на ночлег в деревне Дунайцы. Красные не были обнаружены. Только кирасиры, высланные на Ярославец, были обстреляны из села пулеметами.

На рассвете 8-го полк, имея в авангарде кавалергардский дивизион, выступил на Ярославец. При подходе к селу кавалергардов в селе раздался набат, и головной эскадрон был встречен огнем с околицы села и опушки ближайшего леса. Батарея открыла огонь.

Дивизион развернулся в лаву. 1-й эскадрон пошел на село, 2-й — на лсс. Атака дивизиона не дала существенного результата. В лесу было подобрано всего двое раненых и несколько винтовок. В селе было зарублено несколько красных, в том числе и звонарь, поднявший на колокольне набат. Вечером полк вернулся в Глухов.

Очищение от банд сел и деревень в тылу фронта при слабом наличии сил и невозможности прочно закрепить за собой все эти селения никакого положительного результата не давало и причиняло

полкам только излишнюю трепку и изматывание людей и лошадей. Осенью 1919 года в Донецком бассейне и в прилегавших районах против Добровольческой армии сражалось более 20 тысяч партизан. В Екатеринославской губернии 35 тысяч, столько же на Кавказе. Не считая непосредственной прифронтовой полосы. Борьба с ними требовала огромного количества войск и страшно ослабляла фронт.

В ночь на 22 октября Чернигов, занятый 2-м Дроздовским конным и Белозерским пехотным полками, был нами оставлен под давлением 67-й стрелковой дивизии Крапивянского, знакомого полку по Нежину, и Таращанской бригады 44-й стрелковой дивизии Щорса. В самом Глухове начали появляться беженцы из Орла и других северных городов, первые предвестники грядущих неудач на фронте.

9-го, в 4 часа утра, к северу от Глухова посылалась сильная артиллерийская стрельба. Красным удалось сбить у села Береза сторожевое охранение 2-го гвардейского полка. Конно-гвардейский и Кирасирский дивизионы были спешно направлены на поддержку охранения. Кавалергарды были отправлены к югу от Глухова, в село Обложки, для наблюдения за Кроловецким направлением, где 3-й конный полк с большим трудом сдерживал наступление красных.

По возвращении в Глухов кавалергарды получили пополнение: 12 конных и 8 заводных лошадей, 2 легких пулемета Люиса и 80 комплектов зимнего английского обмундирования, столько же папах, перчаток, башлыков и смен теплого белья.

12-го утром обнаружился сильный и непосредственный нажим красных на Глухов в направлении на деревни Береза и Слоут, где стояло охранение 2-го гвардейского полка. Высланные на его поддержку Конно-гвардейский и Кирасирский дивизионы отбили наступление красных и захватили в конной атаке более 200 пленных, кухни, обоз и канцелярию.

Накануне 3-я отдельная кавалерийская бригада красных Соколова захватила Кроловец. Поэтому предполагаемое выступление Кавалергардского дивизиона и взвода 1-й гвардейской батареи на усиление 3-го конного полка было отменено. В дальнейшем 3-й конный полк был, подобно 2-му Дроздовскому конному, отрезан от своей дивизии и отошел с частями генерала Бредова в Польшу, где был интернирован. Только в 1920 году полк вернулся через Румынию в Крым.

Чтобы ослабить нажим красных на Глухов, 2-й гвардейский полк с 1-й гвардейской батареей выступил 13-го на село Эсмань, 20 верст по Севской большой почтовой дороге, где полк имел бой с крупными силами красной пехоты с двумя батареями. Наступившая темнота не позволила развить достигнутый успех. К вечеру вся бригада стала в Глухове.

От перебежчиков и пленных выяснилось, что красные собираются атаковать Глухов в ночь на 14-е. Ввиду невозможности для конницы выдаться в ночной уличный бой, штаб дивизии принял предварительные меры. Все обозы были засветло сосредоточены на южной и восточной окраинах города. Обоз 1-го полка и 1-й батареи у выхода на Путивльскую дорогу, обоз 2-го полка и 2-й батареи у выхода на Рыльскую дорогу. 1-й эскадрон кавалергардов был отправлен на разведку леса, лежавшего между двумя этими дорогами на участке сел Сварково и Екатериновка, и 2-й эскадрон с дивизионной конно-пулеметной командой — в село Обложки для наблюдения за Кроловецким направлением, откуда, по словам перебежчиков, можно было также ожидать наступления красных на Глухов.

В последние дни пребывания бригады в Глухове предполагалась ее переброска в Курск, где создалось тяжелое положение. Были запрошены сведения о нужных полкам эшелонах, и был заготовлен фураж. Но ввиду невозможности получить затребованные поездные составы, отправка бригады по железной дороге была отменена.

В Кавалергардском дивизионе, после отправки в отпуск части офицеров и кавалергардов и в запасную часть слабосильных лошадей и больных кавалергардов, в командование 1-м эскадром вступил штабс-ротмистр Г.Г. Раух при офицерах: поручике Сидорове и графе Вас. В. Мусин-Пушкине и корнетах фон Адеркасе, Мирковиче и Чудово-Адамовиче. 2-й эскадрон принял штабс-ротмистр А.Н. Шебеко при офицерах: штабс-ротмистре Горяинове¹⁰² и корнетах Ф.В. Шебеко¹⁰³, М.А. Роговиче¹⁰⁴, графе Р.В. Мусин-Пушкине. Дивизионную конно-пулеметную команду принял штабс-ротмистр П.А. Рогович.

В 23 часа, в ночь на 14 ноября, красные открыли сильный орудийный огонь по городу. Согласно приказу начальника дивизии части бригады вышли без боя из города и отошли на переправы через Клевань. Сводно-кирасирский полк с 1-й батареей в село Сварково, в 8 верстах к югу от Глухова, Сводно-кавалерийский полк с 2-й батареей в село Екатериновка, на 10 верст на восток. Кавалергарды остались на своих местах: 1-й эскадрон в лесу между Сварковым и Екатериновкой, 2-й — в селе Обложки. Подступы к городу наблюдались сетью разъездов, которые вели перестрелку с разведкой красных. На этих местах полки простояли весь день 14-го и утро 15-го, когда получили приказание идти походом в Курск по маршруту Крупец — Рыльск — Льгов.

Когда полки выходили из Глухова, высланные еще засветло фуражиры 1-й батареи еще не успели вернуться. Чтобы обеспечить их возвращение, командир батареи полковник Лагодовский остался по личной инициативе со взводом своей батареи в городе. Северная часть

Глухова уже была занята красными, когда фуражиры вернулись, и полковнику Лагодовскому удалось вывести своих людей без потерь под обстрелом красных.

В полдень все разъезды и 2-й эскадрон кавалергардов были отозваны и полк выступил на село Козино. В пути к нему присоединился 1-й эскадрон кавалергардов.

Красные, занятые сведением счетов с населением, грабежами и расправами, не помешали отходу полка. На следующий день полк продолжал свое движение. Ночью поднялась сильная метель, и к 7 часам утра, ко времени выступления полка, все дороги были занесены высокими сугробами. Температура упала до минус 15. Почти весь переход до села Крупец полк шел в поводу, меняя каждые полчаса головной эскадрон. Местами снег был по брюхо лошади. Вечером полк стал на ночлег в село Крупец. Туда же подошла бригада генерала Аленича¹⁰⁵ из 1-й кавалерийской дивизии, полки Сводно-гусарский¹⁰⁶ и Сводно-уланский¹⁰⁷. Бригаде была передана 2-я гвардейская батарея, и она была оставлена в Крупце для обеспечения движения гвардейской бригады на Рыльск.

Когда в 4 часа утра полк выступил с ночлега, метель еще усилилась. Пронизывающий ветер, мороз в минус 20 градусов. Дорога распознавалась только по телефонным столбам. Полк не дошел до Рыльска. Совершенно неожиданно в этой обстановке было получено из интендантства по 4 теплых комплекта английского белья на эскадрон. 18-го полк выступил на Рыльск, где уже находился пришедший накануне 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк.

Рыльск, небольшой, типичный старинный русский город со своими церквями, с красивым собором, построенным в XV веке при Василии Шемяке, доживал последние часы сравнительно тихой, спокойной и безмятежной провинциальной жизни. Фронт подошел вплотную к городу. Несмотря на это, несмотря на рассказы беженцев из северных городов об ужасах расправы чекистов с населением, жители Рыльска, все без исключения, радушно и сердечно встретили полк.

В день прихода полка в Рыльск красные стрелковые дивизии, 9-я Солодухина и эстонская Пальварде, заняли Курск, и дальнейшее движение гвардейской бригады в этом направлении было бесцельно. Бригада была остановлена в Рыльске с задачей прикрыть переправу через Сейм. К этому времени красные заняли обширный район, отгеснив Добровольческую армию на линию городов Тим, Фатеж, Льгов, Дмитров и Севск.

Около 17 часов в сторожевом охранении 2-го гвардейского полка поднялась сильная ружейная, пулеметная и орудийная стрельба. Свод-

но-кирасирский полк и батарея были вызваны на поддержку охранения. Батарея выехала на позицию и открыла огонь. Полк стал на северной окраине Рыльска. Кирасирский дивизион влился в цепь 2-го полка.

К вечеру стало ясно, что бригаде не удастся удержать Рыльский тет-де-пон. В 22 часа, пропустив 2-й гвардейский полк и батарею, полк, в свою очередь, покинул Рыльск при сильном буране и 25 градусах мороза.

Только в 5 часов утра полк стал на ночлег в деревне Луговке. Ночной переход, хотя и небольшой, всего в 6 верст, оказался очень тяжелым. Все заметающая вьюга, мороз, к тому же на пути оказался овраг с неглубоким, незамерзшим ручьем, но с крутыми, обледеневшими берегами. Мост был сломан, и пришлось в полной темноте отпрягать лошадей в пулеметных тачанках и в обозе и переправлять все повозки на руках, по колено в воде. С полком отходило из Рыльска несколько сот подвод с беженцами, которым пришлось помогать на переправе.

Все это отразилось на боевом составе полка. За одну эту ночь в полку оказалось около 40 процентов обмороженных. Во всех дивизионах здоровые люди были сведены в один эскадрон. В командование кавалергардским эскадром вступил штабс-ротмистр Раух. Из офицеров в строю остались: штабс-ротмистр Горяинов, корнеты граф Вас. Мусин-Пушкин и Сидоров. Корнет М.А. Рогович принял пулеметную команду, штабс-ротмистр А.Н. Шебеко остался на должности дивизионера. Весь лишний обоз, больные и обмороженные кавалергарды и слабосильные лошади были отправлены в запасную часть.

20-го трехэскадронный полк, но со всеми пулеметными командами, отошел на деревню Ромадоновку, оставив в деревне Поповке охранение от кавалергардов.

Прошло двое суток со времени оставления Рыльска, и только около 12 часов красная пехота подошла к охранению. Встреченные огнем и понеся потери, красные отошли. Почти четыре часа на кавалергардских заставах царил полнейшая тишина. Затем красные уже в значительно больших силах, с артиллерией, возобновили наступление.

Остальная часть полка подошла к главной заставе, чтобы усилить кавалергардов, но одновременно было получено приказание штаба дивизии — не ввязываться в бой, отойти на село Пушкарное, где закрепиться на переправе через Игруньку. Выход из боя произошел под прикрытием кавалергардов, сдерживавших наступление красных еще более часа. Кавалергарды потеряли шесть раненых, в том числе ефрейтора Скаржинского (лицеиста), раненного тремя шрапнельными пулями.

21-го без всякого давления вся бригада отошла на местечко и узловую станцию Коренево, куда подошла из 1-й кавалерийской дивизии бригада генерала Барбовича. Генералу Барбовичу удалось проскочить Льгов, уже занятый красными, ночью, в страшную метель. Под Льговом было потеряно 4 бронепоезда и почти полностью были уничтожены Дроздовский и Самурский¹⁰⁸ пехотные полки.

Наступила зима. Не проходило дня без снежных метелей и сильного северного ветра. Понемногу все лощины и овраги заносились сугробами. Дороги стали еле заметными и труднопроходимыми. 20-градусные морозы стали обычным явлением. Повозки колесного обоза, начиная с пулеметных тачанок, были заменены санями.

22-го для обеспечения левого фланга конницы, занимавшей переправы на реке Сейме, и для связи с бригадой генерала Аленича, ведущей бой в районе Ворожбы и Белополья, Сводно-кирасирский полк выступил на село Гапоново.

За ночь намело так много снега, что полк пришел в Гапоново только к 11 часам. Охранение было выставлено от кирасир, и от них же была выслана разведка по ту сторону Сейма в деревню и хутор Юрасово, которые оказались занятыми красной пехотой.

Село Гапоново расположено на обрывистом, крутом берегу Сейма и вытянулось вдоль реки в одну, местами в две улицы. Противоположный берег низменный, и замерзшие плавни были покрыты густым кустарником. К северу и к восточной околице подходил густой лес, вдоль которого лежала единственно возможная для движения дорога. К югу, за селом, находилась станция Гапоново, на железнодорожной линии Коренево—Ворожба. В 30 верстах к западу, у деревни Теткино, бригада генерала Аленича вела бой, но связаться с нею не было никакой возможности. Дворы, занятые кавалергардами, находились на самом обрыве, и оттуда хорошо были видны и Юрасово, и ближайшие хутора. Рано утром 23-го кавалергарды сменили в охране кирасир, выставив три караула: на колокольне и на обеих околицах села.

Утро прошло спокойно. Густой туман, поднявшийся с реки, постепенно все заволок непроглядной пеленой. К полудню туман начал рассеиваться, и пост с колокольни донес о движении у красных. На льду реки ясно выделялся хвост пехотной колонны красных, втягивающейся в лес. Небольшой заслон, около 50 человек с двумя пулеметами, открыл огонь по деревне.

Кавалергардские пулеметы, четыре тяжелых и столько же легких, были выставлены на самом овраге и, в свою очередь, открыли огонь. Эскадрон сосредоточился на второй улице, хорошо прикрытый домами от огня.

Завязавшаяся перестрелка была прекращена приказанием штаба дивизии — не ввязываться в бой, а отойти к штабу в село Снагость. Полк немедленно двинулся в Снагость. Кавалергардам было приказано снять охранение и догонять полк. Пока собирались посты и снимались с позиций пулеметы, полк был уже далеко. Наконец весь эскадрон собрался и рядами, так как занесенная снегом дорога не позволяла другого строя, рысью вытянулся из села. Незамеченные в тумане красные успели войти в лес, и когда кавалергарды подходили к его опушке, то были встречены ружейным огнем почти в упор.

Развернуть эскадрон для атаки в снежных сугробах было невозможно. Штабс-ротмистр Раух поднял эскадрон в галоп, как он шел, рядами. Корнету Роговичу приказал открыть пулеметный огонь с сани, как только эскадрон минует поворот. Увидев несущийся прямо на них эскадрон, красные оторопели, решив, что кавалергарды их атакуют, не отдавая себе отчета в том, что снежные сугробы этого не позволят. Стреляли они беспорядочно и плохо. Большинство стало убежать в глубь леса.

Наконец кавалергарды доскакали до поворота и пошли вдоль опушки. Пулеметные сани шли карьером за эскадроном, подпрыгивая на снежных сугробах. Пулеметы безостановочно стреляли по опушке. С ветвей падали густые хлопья снега. В лесу раздавались крики и стоны раненых. Гулко отзывалась в нем неумолкаемая чечетка пулеметов.

Заскочив за следующий изгиб дороги, эскадрон перешел в шаг. Вслед за эскадроном пулеметная команда отходила перекатами, держа под непрерывным огнем опушку леса, не давая возможности красным выйти из леса. Во время отхода начальник пулеметной команды корнет М.А. Рогович был ранен в поясницу в тот момент, когда он остановился, чтобы удостовериться, что все пулеметы следуют за ним. Под затихающим огнем красных его сняли с лошади и уложили в пулеметные сани. Кроме него, были еще легко ранены два кавалергарда, убиты две лошади и четверо ранены.

Кавалергарды догнали полк в селе Снагость, где в красивом доме-усадьбе князей Барятинских стояла полковая санитарная летучка. Доктор Захаров осмотрел и перевязал раненых. Рана Роговича оказалась очень тяжелой: у него была задета прямая кишка, и он скончался через два дня.

Полк выступил на деревню Гордеевку, где стал на ночлег в теплых, широких квартирах. Весь переход дул сильный северный ветер и безостановочно мела метелица. Дорога была завалена сугробами, и полку пришлось часто спешиваться.

Вечером в Гордеевку пришла бригада генерала Барбовича. Чтобы дать возможность ее полкам стать более свободно, полк перешел на следующее утро в деревню Владимировку. Вечером в охранении бригады генерала Барбовича поднялась перестрелка, скоро замолкшая.

25-го, задолго до рассвета, полк перешел в деревню Алексеевку. На его место во Владимировку должен был перейти генерал Барбович. Под Владимировкой было решено задержаться и принять бой. В Алексеевке полк был разведен по дворам, оставаясь в полной боевой готовности.

До полудня на фронте все было тихо. Только в обед раздались первые выстрелы завязавшегося боя. Полк выстроился у выхода на Владимирскую дорогу. Красные ввели в бой крупные силы, и огонь с обеих сторон достиг большого напряжения. Очень скоро со стороны села Беловоды обозначился обход правого фланга бригады Барбовича.

Для его паркирования Кавалергардскому эскадрону было приказано выдвинуться в направлении на Ново-Николаевку—Беловоды. От эскадрона был выслан головной разъезд поручика графа Вас. Мусин-Пушкина. Миновав Ново-Николаевку, разъезд продолжал движение на Беловоды, дойти до которых ему не удалось. Пройдя всего 3 версты после Ново-Николаевки, граф Мусин-Пушкин столкнулся с красной пехотой и конницей.

Тем временем штабс-ротмистр Раух занял северо-восточную околицу Ново-Николаевки всеми легкими пулеметами с небольшим прикрытием. Ядро эскадрона с тяжелыми пулеметами заняло позицию на высоком гребне, не доходя до Ново-Николаевки, откуда хорошо обстреливалось село, занесенный снегом овраг перед селом и дорога.

Очень скоро пулеметы в Ново-Николаевке открыли огонь по красной пехоте и коннице, преследовавшей отходящий разъезд и эскадрон 1-го Алексеевского конного полка¹⁰⁹, отходивший также на Николаевку. Несмотря на свое численное превосходство, красные действовали вяло. Пехота залегла, конница спешила. Графу Мусин-Пушкину был дослан остаток его взвода, и, вместе с алексеевцами, им была занята цепью околица села.

Под самый вечер на усиление кавалергардов был прислан эскадрон кирасир. В командование дивизионом вступил ротмистр А.Н. Шебеко. Вялая перестрелка понемногу затихла. С темнотой красные отошли. Когда совсем стемнело, кирасирам и алексеевцам было приказано отойти к своим полкам, кавалергардам же оставаться на занятой позиции до тех пор, пока все полки генерала Барбовича не пройдут через Алексеевку, после чего идти на ночлег в село Большая Писаревка.

Для обеспечения левого фланга конной группы полк рано утром 26-го перешел в село Хотень, в 3 верстах к западу от Большой Писаревки. Сильно запруженное русло реки Олешни было занято у села Хотень кавалергардами, выставившими на перекресток дорог в 3 верстах к северу взвод графа Вас. Мусин-Пушкина с двумя пулеметами. У деревень Заболотье, Кровное и Рудневка стали заставы конногвардейцев и кирасиры. В Хотень было доставлено по 50 мешков сахара на эскадрон с соседних сахарных заводов.

К этому времени бригада генерала Аленича, отходившая на Ворожбу, подошла через Виры на деревню Головачевку, у железной дороги Ворожба—Сумы. Поздно ночью полк был сменен Сводным полком 12-й кавалерийской дивизии¹¹⁰ полковника Псела¹¹¹ и ушел на ночлег в деревню Руднев. Ночью граф Вас. Мусин-Пушкин заболел тифом, став первой жертвой в полку той страшной эпидемии, которая обрушилась на всю армию. В ту же ночь он был эвакуирован.

Утром 27-го, оставив в деревне Песчаной на реке Олешне эскадрон кирасир, полк отошел на деревню Парное. Вечером полк отошел на ночлег в предместье города Сумы—Лука. В деревне Барановке, на левом берегу реки Псела, охранение было выставлено от кирасир.

После сильных морозов неожиданно наступила ростепель и проливные дожди. Снег, лежавший крепким настом, растаял, превратив все дороги и полк в месиво черной, непролазной грязи. От внезапного подъема воды реки вздулись, и левады, овраги и болота стали непроходимы.

28-го красные перешли в наступление на Сумы. Рано утром Сводно-кирасирский полк сосредоточился в деревне Барановке, куда подошли 2-й гвардейский полк и 1-я гвардейская батарея. Гвардейской бригаде было приказано переправиться через реку Псела у села Большая Чернетчина и занять у деревни Пушкаревки и села Александровка выходы из лесов на северном берегу реки.

Дойдя до Чернетчины, выяснилось, что мост и плотина у села были прорваны водой и вся долина реки превращена в непролазную топь, исключаящую для батареи возможность переправиться через Псел. Поэтому в Чернетчине был оставлен только Сводно-кирасирский полк с двумя орудиями. Остальная часть бригады была возвращена в Сумы.

Конно-гвардейский эскадрон был отправлен в Пушкаревку, кавалергарды заняли северную околицу села вдоль реки Псела и выход на лесную дорогу в хуторе Литварева. Леса на южном берегу Псела занимали огромную, непрерывную площадь протяжением более 20 верст к югу и еще больше к западу и подходили почти вплотную к Чернетчине.

Около 16 часов наступление красных сказалось непосредственно на участке полка. От конногвардейцев было получено донесение, что красные вышли из леса и атаковали Пушкаревку крупными силами пехоты и конницы и что эскадрон не в состоянии удержать за собою деревню. Через час конногвардейцы отошли на Чернетчину.

Густой туман неожиданно заволок всю долину реки. Под его прикрытием, вскоре по приходе конногвардейцев, красные вышли из леса и подошли вплотную к западной околице села, обстреляв его из нескольких пулеметов. Кавалергарды сосредоточились на западной окраине села, кирасиры и конногвардейцы заняли северную. Красные, продолжая свое наступление, постепенно охватывали кольцом Чернетчину, стараясь отрезать полку пути отступления.

Кавалергардам было приказано прикрыть выход полка из боя. Кирасиры и часть конногвардейцев отошли на деревню Барановку, где получили приказание удерживать мост через реку Псел, пока остальные части конницы не пройдут через Сумы.

Кавалергарды, прикрывая отход полка, постепенно отходили в глубь села, ведя в сплошном тумане уличный бой, затем отошли на село Малая Чернетчина, где заняли сторожевое охранение. Кроме них, в Малой Чернетчине оказался штаб полка, два орудия и взвод конногвардейцев. В течение дня на правом, западном берегу реки Псела, южнее Сум, бригада генерала Аленича, отходя от Шпилевки на Сумскую Ворожбу, наткнулась на встречное наступление красных и, не имея возможности их отбросить, отошла на село Большая Исторопь, переправившись через Псел у Нижней Сыроватки.

29-го на рассвете, под покровом еще более густого тумана, красные повторили свой вчерашний маневр, выйдя из прилегавшего вплотную леса в тыл правофланговой Кавалергардской заставы штабс-ротмистра Горяинова, которую немедленно усилила остальная часть эскадрона, рассыпавшись в цепь вдоль огородов. Вялая перестрелка в сплошном тумане продолжалась около трех часов. Затем, легко оторвавшись от красных, кавалергарды отошли на ночлег в местечко Нижняя Сыроватка, где сосредоточилась вся гвардейская бригада. На переправе через Псел в селе Низы было выставлено охранение от кирасир.

Город Лебедин был занят красными, и тем самым обозначался глубокий и непосредственный обход обоих флангов конной группы и со стороны Суджи, и со стороны Лебедина. Для облегчения создавшейся угрозы и для расширения фронта для свободного выхода из образовавшегося почти полного кольца гвардейская бригада была смещена Сводным полком 12-й кавалерийской дивизии и оттянута

30-го на село Большая Исторопь. Стоявшая там бригада генерала Аленича была, в свою очередь, оттянута к югу от железной дороги Сумы—Лебедин для прикрытия крайнего левого фланга конницы со стороны Лебедина.

В течение всего дня 30-го на участке гвардейской бригады красные не проявили никакой деятельности. Но это спокойствие, необычайное для всех предыдущих дней, продолжалось недолго. В 3 часа утра 1 декабря красные вновь перешли в наступление и атаковали сторожевое охранение конногвардейцев. Сторожевой резерв — кавалергарды — немедленно подошел к левому флангу охранения и занял цепью западную и юго-западную околицу села, держа под пулеметным огнем Лебединскую дорогу, опушку леса и мост через реку Ревку. Затем, когда немного посветлело, штабс-ротмистр Раух выдвинул свои пулеметы, взявшие под продольный огонь красные цепи, и заставил их отойти в лес.

Когда же совершенно рассвело, армейская бригада генерала Барбовича сменила Сводно-кирасирский полк и перешла в энергичное наступление, отбросив красных за реку Псел против Сумской Ворожбы, но переправиться через реку бригада не смогла. Во время ночной перестрелки кавалергарды потеряли раненым вахмистра подпрапорщика Гневшина и трех кавалергардов.

К 10 часам утра гвардейская бригада сосредоточилась у сахарного завода в резерве конной группы. Вечером она отошла на ночлег в село Малая Исторопь, на 6 верст к югу.

В ночь на 2 декабря бригада генерала Аленича, стоявшая в районе хутора Юхнова, заняла без боя город Ахтырка. Выдвижение бригады в Ахтырку было вызвано необходимостью обеспечить конницу от более глубокого обхода ее левого фланга и сохранить за нею пути отхода. На место полков генерала Аленича была переведена гвардейская бригада, занявшая на рассвете 2 декабря ряд хуторов южнее железной дороги на Лебедин. Полк стал в хуторе Стеблянкине. От кирасир были высланы разъезды на север на деревню Батраков, село Рябушки.

В 17 часов, в наступающей темноте, гвардейская бригада получила приказание перейти в село Радомля, к западу от железной дороги Сумы—Богодухов. Подходя к местечку Белки, когда уже почти вся бригада втянулась в местечко, она неожиданно попала под ружейный и пулеметный огонь красных, подошедших почти одновременно с бригадой к Белкам.

На рысях бригада вышла из местечка на деревню Алексеевку, где ей надлежало переправиться через реку Баромлю. Прикрывать отход

бригады остался эскадрон 2-го гвардейского полка с орудием гвардейской батареи. Но переправиться у Алексеевки бригаде не удалось. Мост был разрушен, и бригада пошла южнее, на село Тростоянец, где, перейдя реку, стала на ночлег в деревне Смородино в полночь на 3 декабря.

4-го, в 5 часов утра, в предрассветной темноте зимнего, морозного утра, бригада выступила с ночлега на станцию Смородино для выполнения поставленной ей накануне задачи — занять село Радомля. Пройдя станцию, 2-й гвардейский полк спешил и начал наступление, цепями западнее Сумского шоссе. Прикрывая его правый фланг, вдоль опушки леса шла Кавалергардская лава. Левый фланг охранялся конными заставами конногвардейцев. Кирасиры прикрывали батарею и коноводов. Наступление бригады протекало успешно, и красные постепенно очищали свои позиции. Около 10 часов было получено донесение от генерала Аленича, что красные выбили его из Ахтырки и оттеснили на хутор Высокий, в 6 верстах по Грайворонскому шоссе.

Появление красных в 24 верстах в тылу и за левым флангом конницы создало серьезную угрозу захвата путей ее отступления. Генерал Барбович, вступивший после заболевшего генерала Миклашевского в командование сводной дивизией: гвардейская бригада, 1-й Алексеевский конный и 10-й гусарский Ингерманландский полки¹¹², получил приказание выйти из боя и перейти всей дивизией в село Пожня на реке Ворсклице, в 28 верстах от Смородина.

Преследуемые беглым огнем гвардейской батареи, при своем отступлении из Радомли красные не заметили отхода бригады и дали ей возможность легко выйти из боя. Пройдя село Люжа и деревню Ницаху, дивизия переправилась у села Солдатского на восточный берег Ворсклицы и пошла, прикрываясь ею, на Пожню. Но дойти до села дивизия не смогла. Не доходя до села Крамчатка-Тарасовка, авангард дивизии — гвардейская бригада — был обстрелян ружейным и пулеметным огнем.

2-й гвардейский полк спешил и повел наступление на село. На правом фланге цепей в конном строю шел кавалергардский эскадрон, на левом — кирасиры, конногвардейцы прикрывали коноводов и батарею.

Подойдя к Крамчатке-Тарасовке, Кавалергардская лава была встречена огнем. Несмотря на наступившую ночь и густой туман, кавалергарды атаковали и ворвались в село, зарубив несколько пехотинцев, остальным удалось уйти через огороды. Туман был настолько густой, что не только преследовать, но и видеть что-нибудь далее десяти шагов было невозможно.

Не желая ввязываться в ночной бой при полной неизвестности, где и какие силы красных находятся против дивизии, генерал Барбович отменил дальнейшее движение на Пожню и решил отвести свои полки за реку Ворсклу, в район Ямное—Большая Писаревка. Прикрывая отход дивизии были оставлены: кавалергарды в Крамчатке-Тарасовке, конногвардейцы и кирасиры в селе Солдатском. После редкой перестрелки с невидимыми в тумане красными полк отошел в аррьергард дивизии на село Долбренское, где начал переправу по льду через Ворсклу.

Вновь наступившие морозы не успели достаточно крепко сковать лед, поэтому полки переправлялись через реку в нескольких местах. Тем не менее в Дроздовской батарее, почти у выхода на восточный берег, одно из орудий провалилось и было вытащено лишь утром. То же самое произошло и при переправе Кавалергардского эскадрона: под одними пулеметными санями лед не выдержал и они вместе с лошадьми ушли под лед. Пулемет и сани удалось сразу вытащить, но одна из дышловых лошадей утонула.

В 5 часов утра 4 декабря, после 24 часов, во время которых полк прошел с боем более 40 верст, он стал в селе Ямном. Лошади еле шли, а всадники засыпали на ходу. Но воспользоваться отдыхом в Ямном кавалергардам не пришлось. Немедленно по приходе в село эскадрон был назначен в сторожевое охранение в селе Вольном и деревне Стрелецкой, на западном берегу Ворсклы.

Оба села, Ямное и Вольное, были очень большие, более 400 дворов в каждом. Множество пустырей, кривых, извилистых улиц, переулков и тупиков расползлись во все стороны. Оба села разделялись рекой Ворсклой, через которую лежал крепкий каменный мост. Сразу у моста большая Сумская дорога разветвлялась к югу — на Богодухов, к западу — на Грайворон.

Во время перехода пулеметчики могли хоть немного выспаться в санях, и они были в сравнении с эскадроном менее измотаны. Начиная светать. Местность впереди была совершенно открытая, и опасаться неожиданного и незаметного подхода красных не приходилось. Поэтому, чтобы дать эскадрону хоть немного отдохнуть, охранение было занято одними пулеметами. Один из них был оставлен у моста.

Прошло три часа со времени занятия охранения. За это время успели накормить людей и лошадей. Около 9 часов утра вдоль Сумской дороги показалось человек 100 красной конницы. Встреченные огнем пулеметов, красные, потеряв несколько всадников, отошли. Почти вслед за этим авангардом появились крупные силы красной конницы, которая, развернувшись на широком фронте, повела энер-

гичное наступление на Вольное, охватывая его кольцом с востока, севера и запада. Вдали за красной лавой виднелись густые колонны конницы.

Силы, столкнувшиеся у Вольного, были настолько неравны, что всякая возможность кавалергардам удержать за собой село и его тет-де-пон была заранее предрешена. Оставалось только задерживать красных как можно дольше, чтобы дать возможность полкам и обозам своевременно выйти из села.

Постепенно отходя в глубь села, кавалергарды сдерживали наступление красных около часа. Затем, когда все пулеметные ленты и круги были расстреляны, а два тяжелых пулемета заклинились, штабс-ротмистр Раух отправил эскадрон с штабс-ротмистром Горяиновым на присоединение к полку, а сам с одним пулеметом Люиса остался прикрывать отход эскадрона. Наконец эскадрон и пулеметы благополучно вышли из села. Еще несколько минут, чтобы дать эскадрону возможность отойти подальше, и можно будет последнему пулемету выйти из села. Но в ту самую минуту, когда Раух собирался окончательно покинуть село, десятка два красных всадников бросились на пулемет. Пулемет выпустил свой последний круг. Почти все всадники были убиты, а остальные ускакали, не решаясь вновь атаковать. Воспользовавшись этой короткой передышкой, последние кавалергарды вышли из села.

За это время дивизия успела выйти из Ямного и развернуться западнее большой дороги из Писаревки в Ахтырку. Кирасиры стали в прикрытие к гвардейской батарее, конногвардейцы, оставленные накануне на переправе через Ворсклу, находились еще в селе Добренском. Кавалергарды пристроились к 2-му гвардейскому полку в резерв дивизии.

Заняв оба села и переправу через Ворсклу, красная конница продолжала свое наступление, но едва ее головные части показались на выходах из Ямного, как они были загнаны обратно огнем гвардейской и двух Дроздовских батарей. Под прикрытием артиллерийского огня армейская бригада выдвинулась в сторону Ямного, и все повторные попытки красных выйти из Ямного были остановлены. Под вечер затих. Гвардейская бригада отошла на ночлег в деревню Ивановы, верст на 9 к югу, где к полку присоединился Конно-гвардейский эскадрон.

Одновременно с боем у Ямного бригада генерала Аленича вела наступление на Ахтырку. Но взять обратно город не удалось. Бригада отошла сначала в исходное положение, а затем еще дальше, на 10 верст по Богодуховскому шоссе, в деревню Веселую, за рекой того же названия.

Ночь прошла совершенно спокойно. Красные не развивали достигнутого успеха, ограничившись занятием переправ у Большой Писаревки и Ямного. Никакого продвижения красных в сторону Богодухова охранение дивизии не обнаружило. Генерал Барбович решил нанести красным короткий удар и отбросить их за Ворсклу.

5 декабря в 5 часов утра, еле отдохнув, полк вытягивался из деревни Ивановы в авангарде дивизии. Головным эскадронам шли кавалергарды. За ночь к красным в Ямное подошла пехота и артиллерия. Кавалергардские походные заставы обнаружили, не доходя до Ямного, колонну красной пехоты, шедшую навстречу дивизии. Кавалергарды спешили и, в ожидании подхода дивизии, заняли цепью гребни бутров и завязали перестрелку с развернувшейся пехотой. Подошедшие эскадроны полка удлиннили цепь, конногвардейцы — вправо, кирасиры — влево.

Постепенно вся дивизия втянулась в бой. Три батареи открыли огонь. На участке полка его цепи начали продвигаться вперед и подошли к небольшой, замерзшей речке, притоку Ворсклы, почти у самого Ямного. Лед был настолько крепок, что цепи легко перешли речку.

В это время обнаружился обход красными левого фланга полка, настолько глубокий, что кирасирам пришлось загнуть свою цепь почти на 90 градусов. Такой же обход правого фланга дивизии обнаружился и со стороны Большой Писаревки.

Временно пренебрегая этим направлением, генерал Барбович приказал эскадрону лейб-драгун ротмистра де Витта¹¹³ — резерв гвардейской бригады — атаковать красных, охватывавших кирасир. Одновременно взвод гвардейской батареи с ее командиром, полковником Лагодовским, вынесся вперед и открыл продольный огонь по красным цепям.

Коноводы полка были вызваны к цепям. Пока они подходили и полк садился, красные, сбитые метким огнем гвардейской батареи, начали спешно отходить на Ямное, увлекая за собой цепи, что находились перед полком, и те, что появились со стороны Большой Писаревки.

Кавалергарды, конногвардейцы и лейб-драгуны атаковали красных, отступающих западнее речки. Несколько армейских эскадронов атаковали их восточнее речки. Все эти эскадроны одновременно ворвались в Ямное, перерубив красные цепи и захватив в селе более 200 пленных. Но большинство красной пехоты, как и батареи, успели уйти через Ворсклу в Вольное. С темнотой бой затих. Гвардейская бригада отошла на ночлег в Ивановы, армейская — на село

Варваровка. В Ямном и в Большой Писаревке были оставлены слабые сторожевые заставы.

За бой 5 декабря полк потерял более 20 человек, что для трех эскадронов слабого состава было очень чувствительно. Больше всего потеряли кирасиры. Командир их эскадрона штабс-ротмистр Кучин¹⁴ был ранен. Кавалергарды потеряли трех человек, в их числе унтер-офицера Данилова, и шесть лошадей.

Кирасирский эскадрон был сведен во взвод и придан кавалергардам, в рядах которых он принял участие во всех боях до 20 декабря, когда крупное пополнение дало возможность вновь развернуть полк в четыре эскадрона.

Во время второго боя у Ямного бригада генерала Аленича, ведя арьергардный бой, отошла через село Каплуновка на село Никитовка, в 12 верстах к западу от города Богодухова.

Генерал Чекотовский, вступивший в командование 5-м конным корпусом, остался крайне недоволен действиями генерала Аленича. Отход бригады не оправдывался боевой обстановкой ни на фронте дивизии генерала Барбовича, ни на ее собственном фронте. 6 декабря бригада оставила село Никитовка и отошла на 6 верст к югу, за реку Мерлю, в деревню Гуты. Командир корпуса приказал генералу Аленичу восстановить положение и закрепиться в покинутом им селе Никитовка.

Но за истекшие сутки красные успели прочно занять Никитовку, и все усилия генерала Аленича занять село не удалось. Во время ночного боя село несколько раз переходило из рук в руки. В результате красные не только удержали село, но и отбросили бригаду на 25 верст к югу от Богодухова, в село Александровка, где 7 декабря сосредоточилась 1-я кавалерийская дивизия.

Таким образом, Богодухов не только был оставлен без боя, но между обеими кавалерийскими дивизиями образовался прорыв в 7 с лишним верст. Поэтому, когда 6 декабря дивизия генерала Барбовича вновь развернулась на фронте Большая Писаревка—Ямное для форсирования реки Ворсклы, штаб корпуса приказал отнюдь не ввязываться в бой, а отойти на Богодухов.

Красная конница довольно долго преследовала отходящую дивизию. На высоте села Лескова, на реке Рябине, в трех верстах к северу от Богодухова, гвардейская бригада была остановлена и заняла сторожевое охранение. Кавалергардский эскадрон был выдвинут в хутор Ахремцы, в 4 верстах восточнее Лесковки, с задачей прикрывать село Сенное и находившуюся там переправу через реку Мерлю.

7 декабря задолго до рассвета к охранению кавалергардов подошла конная разведка красных, легко отбитая огнем застав. С первы-

ми лучами солнца вслед за конницей подошла на санях красная пехота, также легко отбитая кавалергардами. Вскоре со стороны Лесковки послышалась стрельба, постепенно усилившаяся. Около 12 часов красные обошли низкорослым лесом оба фланга эскадрона, стараясь отрезать ему дорогу на Сенное и на переправу через Мерлю. Эскадрон был принужден отойти. На буграх, не доходя Сенного, эскадрон вновь спешился, задерживая продвижение красной конницы. Здесь штабс-ротмистр Раух получил приказание отойти к полку на Богодухов.

Пройдя деревню Шейчино, эскадрон присоединился к полку поздно вечером в Богодухове. Накормив людей и лошадей, полк ночью покинул Богодухов и стал на бивак в деревне Максимовке в 12 верстах к юго-востоку от города (Богодухов был занят в ночь на 8 декабря 41-й стрелковой дивизией Эйдемана, 1-й бригадой Латышской дивизии Вайняна и 8-й кавалерийской дивизией Примакова).

День 8 декабря прошел на биваках полка совершенно спокойно. Настолько спокойно, что лошади не были посажены. Только пулеметные команды и обоз были запряжены. Вечером полк выступил на смену сторожевого охранения 2-й бригады. Полк не успел дойти до хуторов, где стояли сторожевые заставы, как по всей линии охранения начался сильный ружейный и пулеметный огонь.

Полк подошел на рысях к сторожевому резерву, спешился и занял цепями гребни впереди и между заставами. Было совершенно темно, шел густой, талый снег, и наступающие красные цепи были заметны только по вспышкам выстрелов. Около полуночи перестрелка постепенно затихла и вся дивизия отошла в район полустанка Максимовка. Полк стал на бивак в деревню Петровское. В течение этого дня бригада генерала Аленича вела в районе села Александровка встречный бой, окончившийся для нее отходом на село Новый Мерчик, еще на 8 верст на юго-восток.

На рассвете 9 декабря в сторожевом охранении дивизии, севернее деревни Максимовки, загорелся бой, в который постепенно втянулась вся дивизия. Армейская бригада развернулась правее деревни, фронтом на север и запад, 2-й гвардейский кавалерийский полк, левее деревни, фронтом на юго-запад. На всем этом участке красные сосредоточили крупные силы пехоты с многочисленной артиллерией, и наступление велось ими очень энергично.

Около 11 часов обнаружилось продвижение красных в направлении на местечко Ольшаны, в обход правого фланга дивизии. Одновременно от 1-й кавалерийской дивизии¹⁵ было получено сообщение о движении красной конницы и пехоты в направлении на город Валки.

Таким образом, сразу определился обход обоих флангов конного корпуса.

Когда же штаб генерала Барбовича, стоявший в постоялом дворе за деревней Максимовкой, был обстрелян с близкого расстояния, с опушки леса в полуверсте от штаба, то создалась не только угроза обхода флангов дивизии, но и опасность полного ее окружения. Генерал Барбович решил вывести полки из создавшегося мешка.

Сводно-кирасирский полк, сведенный после боев под Ямным в два эскадрона — кавалергарды и конногвардейцы — не находился в цепи. Конногвардейцы прикрывали Дроздовские конные батареи, кавалергарды находились в личном резерве начальника дивизии.

Кавалергардам было приказано задержать во что бы то ни стало продвижение красных в тыл дивизии и обеспечить ей путь отхода на село Старый Мерчик. Спешившись, кавалергарды залегли вдоль глубокой дренажной канавы и своим ружейным и пулеметным огнем сдерживали красную конницу более часа, не давая ей дебушировать из леса. Выход дивизии из боя начался с более угрожаемого ее левого фланга. Только тогда, когда все полки дивизии отошли за железную дорогу Богодухов—Харьков, в свою очередь, последними, отошли кавалергарды.

Цепляясь за каждый рубеж, дивизия медленно отходила, отбиваясь от наседавших красных. Только поздно вечером красные атаки прекратились. Ночью дивизия стала в село Старый Мерчик, куда подошла и 1-я кавалерийская дивизия. Находившаяся при бригаде генерала Аленича 2-я гвардейская батарея была возвращена своей бригаде.

10-го красные вновь атаковали охранение дивизии у станции Мерчик. Дивизия подошла к сторожевым заставам и развернулась на их высоте. Не в пример минувшим дням, красные на этот раз действовали вяло, ограничиваясь одной перестрелкой.

После полудня дивизии было приказано отойти на узловую железнодорожную станцию Майский, а затем на село Люботин, откуда 158 дней тому назад началось наступление 5-го конного корпуса. В Люботине дивизия получила приказание перейти в село Пересечное, на северо-запад от Харькова, для содействия частям Дроздовской дивизии, ведущим бой на северных подступах к городу.

Еще не начинало светать, когда 11 декабря полки дивизии вытягивались со своих биваков. Деревня Двуречный Кут была занята без боя. Продвигаясь дальше на север по Большой Богодуховской дороге, дивизия, не доходя местечка Ольшаны, встретила с наступающей на Харьков красной пехотой.

Под прикрытием огня своих трех батарей дивизия быстро развернулась и перешла в наступление цепями и лавами. На левом фланге дивизии один из армейских полков обходил лавой Ольшаны с запада. На правом фланге кавалергардская лава обходила местечко с востока.

Появление дивизии перед Ольшанами было для красных, по-видимому, совершенно неожиданно. После короткого сопротивления красные начали отходить, сначала на Ольшаны, затем, после небольшой задержки на его окраине, совершенно очистили местечко, отойдя на несколько верст к северу. Местечко было занято обходившими его лавами.

После занятия Ольшан цепями, лавы были отозваны. До самой темноты с обеих сторон велась вялая перестрелка. Ночью дивизия отошла на села Гавриловка и Пересечное, в котором стал на ночлег Сводно-кирасирский полк.

12 декабря дивизия выступила на Харьков, но, не доходя до него версты четыре, было получено донесение, что накануне вечером красные заняли город (Латышская стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии).

Дивизия круто повернула на юг и по плохой, совершенно разбитой, узкой лесной дороге вышла на село Березовка и затем далее на село Комаровка, Аргемово и местечко Мерефа.

Рано утром 13-го в сторожевом охранении к западу от Мерефы поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Полк, то есть два слабых эскадрона, был поднят по тревоге и направлен на деревню Уткову, в 2 верстах к югу от Мерефы, где красные перешли в наступление, стремясь захватить мост через реку Мож.

Наступление красных было легко отбито кавалергардами и конногвардейцами. Вечером, после того как Дроздовская дивизия покинула Мерефу, оба эскадрона в арьергарде дивизии отошли на бивак в село Новая Водолага.

Бои южнее Харькова. Отход за Дон. Бои у Ростова, Батайска и Егорлыкской. Отход за Кубань. Новороссийская катастрофа

С оставлением Харькова и отходом сначала на юг, на Лозовую, затем через каменноугольный район, за Дон, начался новый период участия кавалергардов в Гражданской войне.

Остатки 5-го конного корпуса отходили с боем на Ростов. Снежная вьюга и порывы ледящего ветра сливались с грохотом рвущихся

снарядов, с резкой чечеткой пулеметов и с приглушенными ружейными выстрелами. А когда наступала ночь и темное зимнее небо покрывало своей чернотой все, и людей и землю, голодные, измученные до предела человеческой выносливости полки 5-го конного корпуса продолжали свой беспрерывный страдальный путь отхода.

От всех этих полков, бравших в неудержимых конных атаках окопы, пулеметы и орудия, укрепленные деревни и села, остались одни лишь поредевшие эскадроны полуживых призраков. От легендарной красоты легендарного безумия конных атак осталась лишь одна безумно красивая легенда.

13 декабря 1-й конный гвардейский Сводно-кирасирский полк, сведенный в два эскадрона под командой кавалергарда штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, стал на ночлег в селе Новая Водолага, где простоял, никем не тревожимый, двое суток. За это время успели отдохнуть и люди и лошади. Успели не только выспаться, но и вымыться в бане и выстирать давно не сменяемое белье.

16-го утром оба гвардейских полка со своей 2-й гвардейской батареей перешли в село Знаменское, в 8 верстах к северо-западу от Новой Водолаги, на смену бригады Терской казачьей дивизии, перебрасываемой в город Константиноград, где обозначалось наступление красных (Константиноград был занят частями 46-й стрелковой дивизии 21 декабря).

По прибытии в Знаменское кавалергарды заняли сторожевое охранение на западной окраине села, на левом берегу реки Иваны. Весь день прошел спокойно. В 2 часа утра 17 декабря красная разведка вышла на кавалергардские посты и завязала с ними перестрелку, продолжавшуюся до рассвета. Около 6 часов утра к красным подошли очень крупные силы конницы, и кавалергардам было приказано отойти на деревню Просяное, где сосредоточилась вся дивизия генерала Барбовича.

После занятия Знаменского красные выдвинулись на Просяное, энергично преследуя отходящее охранение. На окраине этой деревни цепи гвардейской бригады, поддержанные метким огнем 2-й гвардейской батареи, не только резко остановили продвижение красных, но и принудили их к отходу.

Левее гвардейской бригады, у деревни Жидов Рог, и южнее, где развернулись полки 2-й бригады, красные также не смогли добиться успеха. Только правее гвардейской бригады, у села Новая Водолага, красным удалось выбить бригаду генерала Аленича и занять село.

В сумерки генерал Барбович отвел свои полки в село Новое, откуда после двух часов отдыха конница вновь перешла в наступление

на Новую Водолагу. Подойдя к селу вдоль по обеим сторонам полузамерзшего ручья, полки спешили и, охватив село с востока и запада, короткой ночной штыковой атакой выбили красных из села, захватив два пулемета и десятка полтора пленных. В цепях 2-го гвардейского полка был ранен улан Его Величества штабс-ротмистр Римский-Корсаков¹¹⁶. Оставив в Новой Водолаге охранение от бригады генерала Аленича, конница отошла на бивак в село Новое.

18-го около полудня красные вновь заняли Новую Водолагу. Одновременно в районе Константинограда красные перешли в успешное наступление на войсковую группу генерала Кальницкого. А еще раньше, 17 декабря, у Купянска, красные прорвали фронт белых и начали свое выдвижение на каменноугольный район. Все эти неудачи на общем фронте белых армий предreshали отход конницы генерала Барбовича.

Прикрывать отход конницы за реку Берестовую была оставлена гвардейская бригада. Кавалергардский и Конно-гвардейский эскадроны штабс-ротмистра Рауха и штабс-ротмистра Таптыкова, все, что осталось от некогда восьмиескадронного полка, заняли цепями окрестности села Нового. После перестрелки с красной конницей эскадроны отошли сначала на хутор Гусакова, затем на село Караванское, задерживая продвижение красных и заставляя их разворачивать боевой порядок на каждом рубеже: у хуторов Голопузово, Набоково и Завидовка. Под Караванским, совместно со 2-м гвардейским полком, прикрывавшим отход конницы восточнее полка, наступление красных было окончательно остановлено. В наступившей темноте бригада отошла на село Парасковеев к дивизии, занимавшей переправы на реке Берестовой, от села Охочего до села Медведовка.

В сторону красных, вдоль всего течения реки, через каждые десять верст, лежала целая сеть старых, полуразрушенных укреплений. Некоторые на карте сохраняли еще свое старинное название, другие же значились просто крепостцами. На фронте дивизии такие крепостцы имелись у села Охочего, против села Парасковеев лежала Парасковеевская крепостца, против села Власовка — Орловская крепостца и при впадении реки Берестовеньки в Берестовую — крепостца Иван-город. Все они были заняты сторожевым охранением.

19-го для удлинения фронта в сторону Константинограда гвардейская бригада была переведена в село Власовка. Под вечер ко всему фронту конницы Барбовича подошла красная разведка, легко отбитая огнем застав.

20-го, без всякого давления со стороны красных, вся конница, сведенная в трехбригадную дивизию генерала Барбовича, отошла с рубе-

жа реки Берестовой на реку Орель для смены пехоты. Полк выступил в 4 часа утра и перешел на бивак в село Дмитровка. Ночью в Дмитровку подошел дивизион кирасир Ее Величества из Константиноградского отряда, где он нес сторожевое охранение с 14 декабря у деревень Староверовка, Берестовенька и Тишинковка. Прибытие дивизиона, более 200 шашек с пулеметной командой, сразу увеличило вдвое мощь полка. В командование полком вместо штабс-ротмистра А.Н. Шебеко вступил полковник барон Таубе¹¹⁷.

Рано утром 21-го красные атаковали и сбили охранение 2-го гвардейского полка севернее деревни Марийнской и оттеснили охранение на самую деревню.

На поддержку охранения был выслан Сводно-кирасирский полк со 2-й гвардейской батареей. Полк занял цепями холмы севернее Дмитровки и принял на себя отходящий 2-й гвардейский полк. В течение всего дня гвардейская бригада сдерживала красных и только ночью, расстреляв все патроны и снаряды, отошла на ночлег в деревню Ново-Александровку. Под Дмитровкой был ранен улан Его Величества поручик Долино-Иванский¹¹⁸. Эскадрон кирасир, высланный в обход красных, наступающих из Марийнской, попал в тяжелое положение и потерял убитыми и ранеными более 30 кирасир.

22-го утром красные подошли к Ново-Александровке, перейдя в версте южнее ее реку Орель, и атаковали хутор Лисовинского. Чтобы остановить продвижение красных и не дать им возможности захватить дорогу на Лозовую, Сводно-кирасирский полк был спешно выслан к хутору. Перейдя, в свою очередь, реку Орель, полк развернулся в лаву с пулеметными командами впереди, атаковал красную пехоту и конницу и очистил от них хутор, отбросив красных за реку.

Тем временем дивизия отошла на село Преображенское и развернулась севернее его. Туда же, в резерв дивизии, отошли и своднокирасиры.

Около полудня красные вновь подошли к позиции дивизии, но были легко отбиты. На ночлег дивизия осталась в южной части села Преображенского, имея на северной околице охранение от кавалергардов. Провести спокойную ночь в Преображенском дивизии, однако, не пришлось. В час ночи кавалергарды были атакованы красной пехотой, подошедшей на сани. Одновременно красные подошли глубоком оврагом в западной околице и ворвались на огороды. Кирасиры и конногвардейцы успели вовремя остановить дальнейшее продвижение красных в глубь села. Кавалергарды оттянули свои заставы и посты и совместно с остальными эскадронами полка перешли в контратаку и окончательно очистили село от красных.

Тем временем дивизия успела выйти из Преображенского и отойти в деревни Беляевка и Орловка, за реку Орельку. Вслед за дивизией в Беляевку отошел и полк.

Днем 23-го полк отошел на деревню Ново-Петровку, вблизи станции Краснопавловка, где полки и батареи с избытком пополнили свои запасы снарядов и патронов. Входные стрелки на станции были взорваны. Ночью в охранении поднялась стрельба по вооруженной красной дрезине.

24-го вся дивизия отошла на станцию Лозовая для смены пехоты в долговременных укреплениях. Но по приходе дивизии в район Лозовой ни пехоты, ни малейшего намека на укрепления там не оказалось. Полк стал в хуторе Царевка.

25-го с раннего утра в сторожевом охранении дивизии у станции Панютино поднялась стрельба, скоро перешедшая в бой, в который постепенно втянулась вся дивизия. Красные ввели в бой очень крупные силы пехоты, конницы и, особенно, артиллерии, и к полудню железнодорожный узел Лозовая, в тылу дивизии, был ими занят.

На всем фронте Белой армии обстановка складывалась не в ее пользу. Особенно остро сложилась она для конницы генерала Барбовича, которой грозило быть отрезанной от армии выдвиганием конной армии Буденного на Славянск. Генералу Барбовичу было приказано оторваться от противника и, делая большие переходы, отойти на Таганрог.

Дивизия постепенно вышла из боя и тяжелым сорокаверстным переходом отошла за реку Самару в деревню Башиловку. Во время боя у станции Панютино Кирасирский эскадрон понес особенно тяжелые потери. Прикрывавший отход дивизии Сводно-кирасирский полк подошел к Башиловке поздно ночью.

С этого дня, в течение двенадцати суток, делая почти ежедневно тяжелые, длинные, более 40 верст, переходы, полк продолжал свой безостановочный отход.

26-го полк ночевал в селе Спас-Михайловское, 27-го, пройдя Веровку, полк стал в селе Марьевка, где кавалергарды заняли сторожевое охранение. 28-го, после привала в деревне Казенноторгской, полк через станцию Желанная остановился на ночлег в селе Александровка. Здесь уже начался каменноугольный район.

Густая сеть железных дорог расходилась по всем направлениям. Почти все железнодорожные пути были забиты брошенными воинскими составами, большей частью уже разграбленными. Ночью небо озарялось багровым заревом горящих эшелонов. Слышались беспрепятственные взрывы снарядов и патронов.

Сравнительно хорошо налаженная, планомерная эвакуация армейских тылов постепенно превратилась в сплошной хаос. Перед неудачами на фронте командование белых армий оказалось совершенно беспомощным, не оценив в должной мере объем создавшегося положения и не приняв заблаговременно надлежащих мер. Огромное интендантское имущество, так скупо выдаваемое войскам, склады обмундирования, продовольствия, боевые припасы, санитарные поезда... все было брошено на произвол судьбы. Проселочные дороги были забиты перемешавшимися обозами разных частей и сотнями тысяч подвод с беженцами.

Тиф, новое испытание, выпавшее на долю этой массы несчастных, измученных людей, косил ежедневно тысячами и тысячами смертей. Всюду лежали трупы людей и павших от бескормицы лошадей. Хоронить их было некому и некогда.

В рядах армии, потерявшей веру в самое себя, свое дело и свое командование, началось дезертирство. И только редкие боевые части, скованные внутренней дисциплиной, спаявшей в одно нераздельное целое всех своих чинов, устояли от разложения.

Такой выдающейся боевой частью оказался 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Сведенный под Харьковом в два эскадрона, 29 декабря в селе Голицыне вновь развернулся в четырехэскадронный полк.

В обед в Голицыне к полку подошло очень крупное пополнение, приведенное командиром полка, полковником Коссииковским, из Павлограда, после того как там соединились все запасные и хозяйственные части полка. К кавалергардам присоединился их 3-й эскадрон — 120 шашек, сформированный штабс-ротмистром А.В. Чичериным¹¹⁹ в городе Лубны и действовавший в отделе, в Полтавском отряде¹²⁰ генерала Кальницкого¹²¹. Кирасирский взвод, прикомандированный к кавалергардам, был возвращен в свой эскадрон.

Пополнение по выходе из Павлограда шло почти вслепую, по маршруту Богуслав — Дмитровка — Николаевка — Славянка — Гришино — Юзовка — Голицыно, где случайно соединилось с полком. Полученное кавалергардами пополнение было влито в остатки действующего эскадрона, что дало возможность отправить в обоз наиболее усталых людей и лошадей, прошедших весь страданный путь от Глухова.

30-го, минуя станцию Рутченково, полк стал на ночлег в деревне Караванной. Северная часть Донецкого бассейна уже была занята красными. Где находились части белых армий, было совершенно неизвестно. Все попытки генерала Барбовича связаться со штабом армии и получить от него дальнейшие директивы были unsuccessfulы, и конница, отрезанная от всех, продолжала отходить в никуда.

31-го кавалергарды выступили северным боковым авангардом на Мостино — Даниловка — хутор Чумакова. На станцию Кутейниково был послан разъезд, вернувшийся в ту же ночь. Кутейниково уже было занято красными.

1 января 1920 года эскадрон продолжал ту же задачу. Пройдя село Петровское-Киреево, кавалергарды присоединились к полку вечером в селе Анастасьевка.

Рано утром 2-го конница выступила на Матвеев Курган, но, дойдя до деревни Новоселки, повернула на село Покровское. Матвеев Курган уже был занят красными. Что происходило на побережье Азовского моря, в частности в Таганроге, куда надлежало прибыть дивизии генерала Барбовича, было неизвестно. Для выяснения положения в Таганроге туда был послан разъезд кирасир Его Величества корнета Розеншильда-Паулина¹²².

Простояв в Покровской до 17 часов, полк выступил ночным переходом на деревню Самбек и далее, в сторону Азовского моря. На рассвете 4-го полк пришел в Самбек, где ему было дано два часа отдыха. Затем полк снова выступил и к обеду пришел в деревню Синявку, на берегу Азовского моря, на железнодорожной линии Таганрог — Ростов. Там к полку присоединился разъезд корнета Розеншильда-Паулина. Таганрог был уже эвакуирован, но присутствия частей Красной армии поблизости замечено не было.

В Синявке была, наконец, получена директива штаба армии. Дивизии генерала Барбовича надлежало оставаться в Синявке, на левом фланге Дроздовской дивизии, стоявшей у Мокрого Чалтыря, и вести разведку и охранение впереди Синявки.

Синявка, большое село, вытянувшееся вдоль Азовского моря. Пересекая его во всю длину, проходит железная дорога Ростов — Таганрог. В середине села — железнодорожная станция. Бивак полка находился в самом центре села.

В Синявке произошло переформирование остатков 5-го конного корпуса, сведенного в двухбригадную дивизию¹²³. В 1-ю бригаду вошли 1-й и 2-й конные полки, оставленные из всех полков армейской конницы, во 2-ю бригаду вошли оба гвардейских полка, Сводно-кирасирский и Сводно-кавалерийский. Второй бригадой командовал генерал Данилов. Взводы 2-й гвардейской и 7-й конной батарей были прианы 1-й бригаде, взводы 1-й гвардейской батареи — 2-й. 5 января командир Сводно-кирасирского полка, полковник Коссииковский, выступил со всеми больными и слабосильными людьми и лошадьми в обоз 2-го разряда, стоявший на Кубани.

Утром в Синявку пришел из Ростова наш бронепоезд, всего один бронированный вагон, вооруженный тремя пулеметами и одним 3-дюйм-

мовым орудием, и две платформы с запасными рельсами, шпалами и балластом. Бронепоезд был сильно поврежден в предыдущих боях. Он направлялся в сторону Таганрога для вывоза запасных частей танков, но, ввиду занятия города красными, он ограничился одной разведкой в этом направлении.

6-го кавалергарды сменили охранение кирасир в хуторах впереди западной околицы села. До смены кирасиры были обстреляны красным бронепоездом.

7-го, в Рождество, кавалергардское охранение было обстреляно красным бронепоездом, но потерь не понесло. Одновременно красная пешая разведка вышла на линию полевых караулов и была ими легко отбита. Вечером кавалергарды были сменены и ушли на ночлег в Синявку.

На рассвете 8-го два красных бронепоезда, «Коммунист» и «Красный Кавалерист», обстреляли село и сторожевое охранение. Одновременно довольно крупные силы красной пехоты и конницы оттеснили сторожевое охранение к селу. Сводно-кирасирский полк был вызван на поддержку охранения. Цепи полка заняли западную околицу села. Но еще до выхода цепей пулеметный взвод кавалергардов был выслан вперед. Младший унтер-офицер Илларион Данилов, «несмотря на сильный пулеметный огонь бронепоезда, подбежал со своим пулеметом вплотную к железнодорожному полотну, открыл огонь и сбил наблюдателя бронепоезда, не дав возможности высадиться десанту, и тем облегчил выход бригады на позицию» (Приказ по Отдельному Добровольческому корпусу № 26, от 22 января 1920 года). Младший унтер-офицер Данилов был награжден Георгиевским крестом 3-й степени.

Несмотря на введение в бой значительных сил, красные не смогли занять Синявку и с темнотой отошли.

Ночью 7-го было получено приказание штаба армии коннице генерала Барбовича «перейти в район хуторов Монастырский и Кошкарев, к западу от Ростова». В исполнение этого приказа 1-я бригада выступила на Хопры. Гвардейская бригада была временно оставлена в Синявке для прикрытия передвижения конницы к Ростову и для обеспечения связи с пехотой.

После выступления 1-й бригады красные вновь атаковали Синявку, но, отогнанные огнем дроздовцев, начали отходить. Полк был вызван вперед и, выйдя из села, развернулся в лаву и атаковал отходящие красные цели. Гололед и наступившая темнота остановили преследование. Полком было захвачено полтора десятка пленных и подобрано два брошенных пулемета и около двухсот винтовок.

Впервые за всю кампанию пришлось коннице видеть наши танки: два старых, английских, шедших в цепях дроздовцев.

Вечером гвардейская бригада сменила у Мокрого Чалтыря дроздовцев, ушедших в Азов. 9-го, задолго до рассвета, бригада перешла в Хопры и выступила, вслед за 1-й бригадой, на Ростов. Дождь и оттепель предыдущих дней сменились сильнейшим морозом. Промокшие шинели покрылись толстой ледяной корой и совершенно одеревенели.

Конница шла рысью, но движение было неровное, с частыми перебоями. Чувствовалось, что в головной бригаде не все идет так, как надлежало. Начинало светать. Было получено приказание выслать на Ростов квартирьеров, но не успели они отъехать, как в головной бригаде поднялся сильный орудийный и пулеметный огонь. Стреляли с самой окраины Ростова.

Для выяснения обстановки было выслано несколько разъездов. Разъезд 2-го гвардейского полка, корнета улан Ее Величества Некрасова, погиб целиком. Донесения всех разъездов подтвердили предположение штаба дивизии: Ростов занят красными, и мост через Дон в их руках. Движение на хутор Монастырский в обход Ростова было невыполнимо. Перед генералом Барбовичем стала дилемма: пробиваться ли через город, к мосту, со всем риском, связанным для конницы с уличным боем, или переправиться через Дон по льду? Последнее решение осложнялось тем, что накануне, чтобы помешать красным переправиться через Дон, вниз по реке был пущен ледокол.

Между тем стрельба со стороны Ростова все усиливалась. Пехота, шедшая впереди, не в силах пробиться через город к мосту, повернула к реке. Это повлияло на решение генерала Барбовича, и он повернул головную бригаду к Дону.

Огонь красных достиг наивысшего напряжения. Гранаты и шрапнели рвались по всему фронту. А вдали показались красные лавы, покрывая собой все поле.

1-я бригада разомкнулась. Перемешавшиеся эскадроны, батареи, различные обозы неудержимой лавиной устремились к Дону. Гвардейская бригада повторила маневр 1-й.

На большак, только что покинутый конницей, вышла красная лавы и бросилась преследовать отходившую массу обозов и конницу. Шедший в арьергарде дивизии Сводно-кирасирский полк повернул и, строя на ходу фронт, пошел в контратаку, поддержанный беззаветно лихим выездом на открытую позицию своей 1-й гвардейской батареей.

Отогнав красную лаву, полк занял цепями рубеж между Ростовским большаком и Доном. Сзади, насколько видел глаз, малое русло

Дона и его плавни, все было покрыто переходившими обозами, батареями и полками. А посередине главного Донского русла синела только что затянущаяся за ночь полоса, пробитая накануне ледоколом.

До этого места лед был крепок и держал не только всадника, но и повозки и орудия. Далее переправа осложнялась. Мороз не всюду и не в одинаковой степени сковал реку. Орудия, повозки распрягались и на руках перетягивались канатами. В наиболее опасных местах наваливался камыш, доски и все, что можно было найти под рукой. Переправа длилась до самой ночи.

Если не считать нескольких слабых попыток красных сбить своднокирасир с последней арьергардной позиции впереди станицы Гниловской, конница Буденного не проявила сколько-нибудь сильного напора на всю эту массу перемешавшихся людей, лошадей и повозок. Ростов со всеми брошенными складами всевозможных запасов, как магнит, притягивал к себе 1-ю конную. Это и жестокий мороз, своевременно сковавший разрезанное русло Дона, спасли пехоту Кутепова¹²⁴ и конницу Барбовича от полного уничтожения.

Под вечер на позиции у Гниловской остались лишь кавалергарды и кирасиры Его Величества, оттянувшие свои пулеметы и цепи почти к самому обрыву реки. Во время отхода от Ростова в Кавалергардском эскадроне особенно отличились старший унтер-офицер Василий Яковенко, атаковавший со своим дозором левофланговый дозор красной лавы и полностью ее уничтоживший, и младший унтер-офицер Иван Манн, который по собственной инициативе выдвинулся с пулеметом вперед своей лавы и, несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь, подпустил красную лаву на 100 шагов и внезапным и метким огнем нанес красным большой урон и заставил отойти. Оба были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени (Приказ по Отдельному корпусу Добровольческой армии от 22 января 1920 года № 26).

С темнотой, когда солнечный шар скрылся в туманной дали Азовского моря, кавалергарды начали переправу. Вслед за ними, уже ночью, перешли Дон и кирасиры.

У станции Гниловская весь железнодорожный путь был забит горевшими эшелонами. Ежеминутно рвались снаряды, прорезая блеском своих зарниц темноту зимней ночи. Тут же валялись остатки подорванных нами английских танков.

Пройдя еще верст десять через мелкие протоки и плавни Дона, кавалергарды присоединились к полку в Койсуге. Физическая и моральная усталость достигали последнего предела. Подавленное настроение, чувство горечи от постигшей армию неудачи сплетались с сознанием, что весь этот ужас позади. Что ожидало всех в дальнейшем, никто не

знал, и об этом никто не думал. Единственное ближайшее желание всех было — спать.

Следствием тяжелых неудач, постигших Вооруженные силы Юга России, явилось расчленение Добровольческой армии на три части: левый фланг армии — войска генералов Бредова¹²⁵ и Шиллинга, отступая из района Киева и Чернигова на Одессу, очутились в Польше, где они были интернированы; центр, под командой генерала Слащева, отошел на Крымский полуостров; правый фланг армии через Донецкий бассейн отошел на Дон.

Все части Добровольческой армии, как и части Донской и Кубанской армий, понесли огромные потери ранеными, убитыми, тифозными и от дезертирства, не говоря о том колоссальном военном имуществе, которое было брошено при отступлении.

Все части Добровольческой армии, отошедшие за Дон, были сведены: пехота — в 1-й армейский корпус¹²⁶ генерала Кутепова — Корниловская¹²⁷, Дрозовская¹²⁸, Марковская¹²⁹ и Алексеевская¹³⁰ пехотные дивизии; конница — в бригаду генерала Барбовича¹³¹ — гвардейский полк, под командой генерала Данилова, в который вошли все эскадроны гвардейской конницы, и 1-й конный, из всей армейской конницы. Впоследствии, по мере получения пополнений, бригада была развернута в четырехполковую дивизию.

10 января бригада генерала Барбовича перешла в станицу Ново-Николаевку, где она простояла в резерве 1-го армейского корпуса до 14 января, высылая разъезды в хутор Злодейский, в Койсуг, Батайск и Азов. 1-й армейский корпус занимал вдоль восточного берега Дона линию от Нахичеванской переправы до Азова. Правее корпуса стояли части Донской и Кубанской армий.

15-го, чтобы дать место Кубанской коннице генерала Топоркова, бригада Барбовича, уже к этому времени трехполковая, перешла в район Зеленый Мыс, гвардейский полк стал в станице Пелехино, где простоял до 19-го.

18-го поздно вечером бригада Барбовича была поднята по тревоге для перехода в Батайск. В этот день красные, после постигшей их 17-го неудачи у станицы Ольгинской, вновь переправились через Дон и перешли в энергичное наступление на участке Ольгинская — Батайск. Последний, защищаемый корниловцами, взять им не удалось, но Ольгинская, занятая Донской конницей, была захвачена 4-й и 11-й кавалерийскими дивизиями Конной армии Буденного и 16-й стрелковой дивизией 8-й армии.

Сильнейшая метель, ветер и мороз задержали выступление бригады. Ночью метель улеглась, и задолго до рассвета бригада выступила

на Батайск, куда подошла с первыми лучами солнца. Батайск обстреливался из Ростова тяжелыми снарядами. Пройдя на рысях через Батайск, бригада генерала Барбовича перешла железную дорогу.

Впереди, главным образом со стороны станицы Ольгинской, доносился сильный орудийный и пулеметный огонь. Ольгинская накануне была занята красными, и они продолжали свое наступление к югу от станицы и в направлении на Батайск. Наступление красных на самый Батайск с трудом сдерживалось корниловцами и только что подошедшей дивизией Кубанской конницы.

Ко времени перехода бригадой через железнодорожное полотно кубанцы уже развернулись для атаки. Генерал Барбович остановил бригаду. Один из полков был весь развернут на широких интервалах, непосредственно в тылок кубанцам. Остальные два полка были поставлены в резервных колоннах за невысокими буграми за левым флангом. Там же были сосредоточены все пулеметные команды бригады и обе конные батареи.

Вся местность впереди, перехваченная невысокими грядами, постепенно понижалась к Дону. Правее, в сторону Ольгинской, четко выделялись на снегу красные и Донские лавы. А еще дальше слегка подернутые туманом чернели квадраты резервов красных (4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии и 16-я и 33-я стрелковые дивизии). Было хорошо видно, как Донские и красные лавы, подобно волнам прибоя, то откатывались, то накатывались друг на друга.

Всего несколько минут прошло с тех пор, как бригада заняла назначенные ей места, как вдруг кубанские лавы, встреченные сильнейшим огнем, повернули и стали отходить. За ними, почти на хвосту, показались лавы красных. Их было очень много, и они были очень близко. Но в ту самую минуту, когда последний кубанец проскочил через разомкнутый конный полк, разом заговорили пулеметы, открыв одновременно ураганный огонь во фланг атакующих красных. В одно мгновение красная конница была смята и в замешательстве отхлынула, преследуемая гвардейским и другим конным полком. Обе батареи выскочили на открытую позицию и через головы своих били по резервным колоннам красных. Правее, у Ольгинской, донцы также перешли в атаку.

Вся степь от Батайска до станицы Хомутовской покрылась скачущими всадниками. Замерзшая земля гудела от топота десятков тысяч коней. По всему фронту гремело «Ура!».

Красные лавы не приняли атаки и повернули кругом. На их плечах полки бригады Барбовича врубались в конные резервы красных, и вся масса перемешавшихся всадников обеих конниц понеслась через

донские плавни к реке. Конные батареи с трудом, еле поспевая за атакующей конницей, перенесли огонь на станицу Аксайскую и на Нахичеванскую переправу, у которой столпились красные полки.

Проскочив плавни, бригада достигла Дона, где остановилась. С западного берега реки красные открыли заградительный огонь по реке, прикрывая отход своих. К этому времени донские казаки заняли Ольгинскую, выбив из нее красную пехоту — части 16-й стрелковой дивизии — и захватили 9 орудий и 62 пулемета. С своей стороны бригада генерала Барбовича взяла 5 орудий, 36 пулеметов, пленных и, что было особенно ценно, 300 лошадей.

Поздно ночью гвардейский полк, пройдя с песнями через Батайск, стал на ночлег в Койсуге, где простоял весь следующий день, перековывая лошадей и заряжая пулеметные ленты и крути.

21 января Конная армия Буденного, усиленная двумя стрелковыми дивизиями 8-й армии, снова переправилась через Дон у Нахичеванской переправы и перешла в наступление по фронту станица Ольгинская—Батайск. Заняв после упорного сопротивления донских казаков Ольгинскую, красные повели наступление на Батайск. Корниловцы, занимавшие позицию впереди Батайска, были принуждены отойти.

С первыми выстрелами завязавшегося боя на биваках конницы посылались ставшие такими обычными торопливые ноты сигнала «Тревога», и через четверть часа полк и батареи вытягивались крупной рысью по дороге на Батайск.

Не доходя железной дороги, вся бригада развернулась и, поддерживаемая огнем батарей, атаковала красную пехоту. Красные бежали, преследуемые полками генерала Барбовича, через плавни к самому Дону. Там полки попали под обстрел тяжелых орудий из Ростова и отошли на правый фланг своей пехоты, корниловцы и марковцы, где спешились и удлинили и усилили стрелковую цепь.

Все попытки красных выдвинуться в сторону Батайска были неудачны, и каждый раз они неизменно загонялись обратно в плавни огнем. Так же неудачна была атака красной лавы, вышедшей между Нахичеванской и Аксайской переправами. Несмотря на значительное количество батарей, переправленных Буденным в этот раз на левый берег Дона, упорный бой, длившийся уже несколько часов, стал явно склоняться в нашу пользу. К 15 часам наступил резкий перелом: корниловцы и марковцы перешли в контратаку, в цепях спешенной конницы трубачи подавали сигналы «Коноводы» и «Галоп».

Первыми подошли коноводы гвардейского полка. Не дожидаясь подхода остальных, полк развернулся в лаву и с места пошел в атаку

на отходивших в полном беспорядке красных. Орудия, пулеметные тачанки проваливались под лед в многочисленных ериках, застревали в кустарнике и густом камыше донских плавней и тщетно искали переправу.

На участке конницы Барбовича преследование остановилось лишь с темнотой, на берегу Дона. Ольгинская была вновь занята казаками, и красные были загнаны за Дон.

Поздно вечером полк пришел на ночлег в Батайск. В этот день в рядах Кавалергардского эскадрона особенно отличились и были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени пулеметчик младший унтер-офицер Вадим Ситковский, произведенный в 1920 году в корнеты и прикомандированный к эскадрону, ефрейтор Филипп Халепа и Николай Ломаковский. Ситковский, «видя, что его пулемет не может следовать в лаву по болоту, выдвинулся по собственной инициативе на фланг, был атакован красными и, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, без выстрела подпустил красных на 500 шагов и начал расстреливать их в упор, отбил их атаку и ликвидировал фланговых в обход эскадрона». Халепа и Ломаковский «были посланы, каждый с разьеzдом в 5 коней, на оба фланга атакующего эскадрона и, заскочив со своими разьеzдами за фланги красной лавы, врубились в ее ряды, чем облегчили атаку эскадрона» (Приказ по Отдельному Добровольческому корпусу от 22 января 1920 года № 26, станция Каял).

В течение этого боя конница Барбовича взяла 11 орудий и 38 пулеметов, из которых 3 были захвачены кавалергардами в красной лаве, и более 500 пленных.

До 28 января полк простоял в Койсуге. За эти дни удалось отправить в запасную часть, в Крым, 25 кавалергардов, нуждавшихся в продолжительном отдыхе после ранений и тифа. Вместе с ними туда же переправили несколько лошадей.

28 января красные вновь перешли через Дон и повели наступление на Батайск крупными силами 9-й, 15-й, 31-й и 40-й стрелковых дивизий. Бригада Барбовича была срочно вызвана к Батайску, где полки спешили и совместно с корниловцами и марковцами развернулись в Донских плавнях.

Красные наступали очень вяло, ограничиваясь ведением редкой перестрелки. С темнотой и она прекратилась, и обе стороны отошли в исходное положение.

2 февраля полк снова, поздно вечером, седлал по тревоге. Красные, перейдя Дон у Аксайской переправы, вновь заняли станицу Ольгинскую. Ввиду очень плохой погоды, первоначально предполагалось отло-

жить выступление до утра, но сведения, поступившие из района Ольгинской и с Маныча, были настолько тревожны, что бригада Барбовича выступила после полуночи на Ольгинскую.

25-верстный переход до Ольгинской, при 30-градусном морозе и ледяящих порывах ветра, был очень тяжел. Конница шла всю ночь, часто спешиваясь и ведя лошадей в поводу. Все же за этот переход в полках было много обмороженных. В предрассветной мгле бригада подошла к Ольгинской и, охватив ее с двух сторон, атаковала ее в конном строю, без всякой артиллерийской подготовки, совместно с казаками. В станице было взято около 800 пленных, спавших по хатам, и много пулеметов. Красные пехотинцы не оказали никакого сопротивления. Преследуя отступающих в полном беспорядке красных, полк дошел до Аксайской переправы, где попал под обстрел красных бронепоездов и отошел на Ольгинскую. Поздно вечером бригада вернулась в район Батайска. Полк стал на старый бивак в Койсуге.

9 февраля бригада генерала Барбовича получила очень крупное пополнение и была вновь развернута в четырехполковую дивизию.

13-го, на поле у Батайска, состоялся смотр Добровольческому корпусу генералом Деникиным, а в ночь на 14-е красные перешли Дон у станицы Елисаветинской. Развивая свой успех, они заняли на левом берегу Дона Азов, станицу Кулешовку и хутора Усть-Койсутский и Шведов. Последний в 7 верстах от бивака полка.

Дивизия Барбовича немедленно выступила из Койсуга в сторону Кулешовки, по пути очистив от красных хутор Шведово. Авангард дивизии развернулся и совместно с подошедшими алексеевцами и ароздовцами выбил красных из Кулешовки. Преследовать красных был послан из резерва дивизии гвардейский полк.

Полк настиг красных в Донских плавнях, где им было взято около 500 пленных, 5 орудий, из которых одно кавалергардами, и много пулеметных тачанок, застрявших в плавнях. В Конно-гвардейском эскадроне был смертельно ранен штабс-ротмистр граф Стенбок-Фермор¹³². Уланы Его Величества потеряли убитым штабс-ротмистра князя Волконского¹³³.

15-го дивизия была вновь вызвана в Ольгинскую, которая была опять занята красными. Мороз по-прежнему был очень сильный, но день солнечный и без ветра, и переход до Ольгинской был совершен гораздо легче.

Подходя к станице, вся дивизия развернулась и под прикрытием огня своих батарей атаковала Ольгинскую с запада. То же сделали казаки с юго-востока, и Ольгинская была занята почти без потерь.

За конницей генерала Барбовича утвердилось навсегда данное ей в армии прозвище «пожарной команды». Простояв очень короткое время в Ольгинской, дивизия вернулась на свои биваки.

На полях у станицы лежали груды сложенных трупов людей и лошадей — следы частых боев. Земля так глубоко и крепко промерзла, что хоронить эти тысячи трупов было невозможно и некому. Чтобы предохранить местность от заразы разложения, все трупы, людские и конские, обливались водой и постепенно превращались в ледяные горы.

Утром 19-го в штабе дивизии была получена диспозиция наступления на Ростов. По этой диспозиции корниловцы должны были выступить вечером и, перейдя Дон, подойти к станице Гниловской и захватить ее коротким ударом. После чего взорвать железнодорожные пути в сторону Таганрога и Ростова, обеспечив образовавшийся тет-де-пон от подхода броневых поездов.

Вслед за корниловцами выступала дивизия генерала Барбовича, имея в голове гвардейский полк и 1-ю гвардейскую батарею. После занятия Гниловской дивизия должна была наступать на Ростов, где ей надлежало связаться с частями 3-го Донского корпуса генерала Старикова, который наступал на Ростов через Нахичевань. Со стороны Батайска, в лоб на Ростов, наступление вели алексеевцы. Дроздовцы наступали из Азова с целью занять железную дорогу Ростов—Таганрог и прикрыть тыл и левый фланг частей, наступающих на Ростов из Гниловской. Марковцы оставались в резерве Добровольческого корпуса.

К 22 часам гвардейский полк подошел к сборному месту дивизии, на западной окраине Койсуга, и через час, вместе с 1-й гвардейской конной батареей, выступил в авангарде через Донские плавни на Гниловскую.

Сильный мороз и ветер с пургой в достаточной степени замедляли и вместе с тем скрывали движение полка. Перейдя через замерзшие реку Койсуг и Орчасов ерик, полк задолго до рассвета, соблюдая полнейшую тишину, подошел к батарее к главному руслу Дона и остановился в прибрежных камышах.

Уже близился рассвет, когда со стороны Гниловской послышалось несколько выстрелов, короткая пулеметная строчка, и вновь все погрузилось в тишину. Корниловцы успешно выполнили свою задачу. Незамеченные красными, они захватили станицу врасплох. Появление корниловцев было настолько неожиданным, что большинство пленных было ими захвачено спящими в хатах.

Начало светать, и в утреннем тумане постепенно выплывали очертания Ростова. Полк перешел рысью Дон, втянулся в Гниловскую и скрытно расположился за ее домами. На площади у церкви стоял

незапряженная красивая батарея, без выстрела захваченная корниловцами.

Стало уже совсем светло, когда со стороны Ростова раздались первые выстрелы. Красные стреляли по подходившей во взводных колоннах дивизии. По мере ее приближения огонь красных все усиливался. К разрывам полевой артиллерии присоединился огонь морских орудий красных бронепоездов.

Бой под Ростовом постепенно разгорался и ширился по фронту. Уже были видны цепи алексеевцев, переходящих Дон. В самой станице Гниловской начали рваться снаряды и свистели излетные пули.

Со стороны Темерника — пригорода Ростова — показались густые цепи красных, пулеметные тачанки и батарея, наступавшие в сторону Гниловской. Наступление велось очень быстро и в полном порядке. Навстречу красным вышли цепи корниловцев.

С подходом остальных частей дивизии полк вышел из Гниловской вдоль проселочной дороги на Олимпиадовку с целью обойти фланг наступающих на Гниловскую красных. Отойдя от станицы версты на полторы, полк повернул взводами направо и пошел в атаку. Красные цепи начали смыкаться и встретили атаку залпами. Но по мере приближения полка стрельба красных становилась нервной и беспорядочной. Многие пехотинцы стали отбегать, другие втыкали винтовки штыками в землю, поднимали руки и сдавались.

Всего полком было захвачено более 800 пленных 48-й бригады 16-й стрелковой дивизии, которые были отправлены под конвоем эскадрона лейб-драгун в Гниловскую и далее за Дон. Кроме того, кавалергардами было взято два орудия: на одном ездовые успели обрубить постромки и ускакать, другое, уходя от кавалергардов в Темерник, зацепило фонарный столб и опрокинулось. Ездовые, бросив запряжки, бежали через заборы.

Продолжая обход Ростова, полк прошел вдоль окраины Темерника, пересек кольцевую железную дорогу у Олимпиадовки, когда со стороны Ростова показался поезд. Несколько пульмановских вагонов, площадки с рельсами и балластом, вооруженные пулеметами. 1-я гвардейская батарея немедленно поставила одно орудие прямо между рельсами и с одного выстрела подбила паровоз и остановила поезд. Из вагонов выскочило десятка два красноармейцев в черных кожаных куртках, почти все зарубленные полком. Поезд оказался базой бронепоезда «Гром», захваченного в Ростове в числе других пяти.

Продолжая свое движение в обход Ростова, полк к 14 часам подошел к кладбищу, откуда красные были выбиты огнем батареи, после чего кладбище, скаковой круг, остатки упраздненной крепости Свято-

го Дмитрия на северной окраине Ростова и все выезды из него были заняты полком. В городе еще велась непрерывная ружейная и пулеметная стрельба.

Под вечер на одну из застав полка выскочил красный броневой автомобиль «Мефистофель». Нарвавшись на огонь заставы, броневик хотел свернуть с дороги, но застрял в снегу. Два комиссара и шофер были захвачены в плен. Вечером полк был оттянут в Темерник. 21 февраля с рассветом красные перешли в наступление на Ростов. Дивизия Барбовича была выведена из Темерника и отошла под довольно сильным огнем на Гниловскую. Из Гниловской дивизия пошла в обход Ростова на хутор Лысенкова, Курень, хуторы Карапеда, Назарова, Константинов и Монастырский. Все они были легко заняты без особого сопротивления, после чего полк выступил на Ростов. К этому времени город был окончательно занят, и полк стал на ночлег в домах на северной окраине Ростова, очень радушно принятый населением.

Весь день 22-го полк простоял в Ростове. Из Батайска пришло пополнение. Кавалергарды получили 8 конных. За последние два дня, в особенности во время атаки на 48-ю бригаду, полк потерял убитыми и ранеными более 40 человек, среди них кирасира Его Величества поручика Максимова, лейб-улана поручика Крыжановского¹³⁴ и кирасира Ее Величества штабс-ротмистра Одинцова¹³⁵.

Вечером стало известно, что достигнутый успех не только не будет развиваться, но войска отойдут за Дон в связи с неудачей в районе Тихорецкой, где конница Буденного нанесла поражение кубанцам.

В 2 часа ночи полк выступил из Ростова по пустынным улицам еще спящего города. Вместе с кавалергардским эскадроном ушло из Ростова пять жителей города добровольцами и две сестры милосердия из красного госпиталя.

Перейдя по льду Дон, полк стал у полустанка Заречного в плавнях, выставив целую сеть постов наблюдать за городом. Когда последние пехотные части вышли за Дон, полки дивизии Барбовича отошли на свои биваки, оставив гвардейский полк наблюдать за Ростовом. В городе долго царил полнейшая тишина, и только около 15 часов послышались в нем одиночные выстрелы. В 17 часов, после редкой и совершенно безвредной перестрелки, полк ушел на бивак в Койсуг.

Отойдя на несколько верст от Дона, полк попал под обстрел красных бронепоездов, пришедших из Новочеркасска. Снаряды рвались довольно далеко от полка. Лишь одним из них, разорвавшимся в непосредственной близости от Кавалергардского эскадрона, была убита лошадь под штабс-ротмистром графом Р.В. Мусин-Пушкиным и другая ранена под командиром эскадрона ротмистром Г.Г. Раухом.

Четыре дня полк простоял в Койсуге. Командир эскадрона поехал в станицу Ново-Николаевскую, где стоял обоз, чтобы наладить отправку дальше в тыл больных людей и лошадей и привести пополнение.

Наступление на Ростов было вызвано желанием парировать создающуюся на правом фланге угрозу. Но когда выяснилось, что конница генерала Павлова¹³⁶ — донские и кубанские казаки — не в состоянии удержать наступление красных, в станицу Егорлыкскую была спешно переброшена «пожарная команда», дивизия генерала Барбовича.

Бои, протекавшие до этого времени с переменным успехом на реке Маныч, а затем между реками Средний Егорлык и Рассыпная, с подходом 20-й, 34-й и 50-й стрелковых дивизий из 10-й и 11-й красных армий, стали склоняться не в пользу белых армий. Разгром 22 февраля 1-го Кубанского корпуса¹³⁷ генерала Крыжановского¹³⁸ в районе станицы Белая Глина еще более усложнил уже и без того тяжелое положение конницы генерала Павлова.

25-го между станицами Средне-Егорлыкской и Белая Глина произошел встречный бой конницы генерала Павлова и 1-й Конной, усиленной тремя стрелковыми дивизиями. В результате этого боя части генерала Павлова вновь потерпели поражение и были отброшены к станице Егорлыкской. Туда в распоряжение генерала Павлова была переброшена 16-го дивизия генерала Барбовича.

Пройдя по маршруту хутор Злодейский — станицы Кагальницкая и Мечетинская в снежный буран и сильнейший мороз около 100 верст, дивизия подошла к станице Егорлыкской вечером 28 февраля.

Желая использовать достигнутый успех, красное командование решило вновь атаковать группу генерала Павлова. Для этого 4-я и 6-я кавалерийские дивизии 1-й Конной армии выступили из станицы Средне-Егорлыкской на хутор Грязнухин, откуда, обойдя станицу Егорлыкскую, они должны были атаковать конницу генерала Павлова с северо-запада. 11-я кавалерийская дивизия вместе с Кавказской кавалерийской дивизией и дивизией Блинова должны были атаковать Егорлыкскую с юго-востока. 20-я и 50-я стрелковые дивизии, следуя за и в промежутки между охватывающими Егорлыкскую дивизиями, нацеливались на Егорлыкскую с юга. 34-я стрелковая дивизия оставалась в резерве и в прикрытии тыла красных в районе станиц Белая Глина, Горькая Балка и Средне-Егорлыкской.

Около 10 часов утра 1 марта головные части 4-й и 6-й кавалерийских дивизий вышли к западу от Егорлыкской на сторожевое охранение 1-го конного полка дивизии генерала Барбовича и не смогли полностью выполнить поставленную им задачу — охват Егорлыкской с северо-запада.

К этому времени конница была собрана впереди южной окраины станицы Егорлыкской. Дивизия генерала Барбовича в составе трех полков, гвардейского, 2-го и 3-го конных, стала в резерв.

Навстречу наступающим красным лавам генерал Павлов выслал дивизию генерала Барбовича. Под артиллерийским огнем дивизия перестроилась в боевой порядок. В первой линии гвардейский и 3-й конные полки, во второй — 2-й конный. Лавы красных повернули кругом и, отходя, открыли свои пулеметы, встретившие атакующие полки сильным огнем. Во главе с командиром полка, генералом Даниловым, полк бросился в атаку, опрокинул лавы и их поддержку — пулеметы — и на их плечах, совместно с 2-м и 3-м конными полками, врубился в подходившую поддержку главных сил красных. В самом начале атаки под временно командующим Кавалергардским эскадром штабс-ротмистром графом Р.В. Мусин-Пушкиным была убита лошадь. Пока ему подавали другую, атака была уже далеко.

Между перемешавшимися всадниками обеих конниц началась беспощадная рубка. Крики «Ура!», стоны раненых, отдельные выстрелы, все слилось в сплошной гул. Смятые атакой дивизии красных начали отходить, но в это время на казачьи полки, стоявшие левее дивизии, вышли свежие силы красных. Казаки атаки не выдержали, и красные, обойдя фланг дивизии, атаковали ее с тыла.

Не имея больше никаких резервов, генерал Барбович собрал все находившиеся поблизости пулеметные тачанки разных полков и лично повел их против красных. Огнем пулеметов красные были отброшены с большими потерями, кольцо окружения было прорвано, и полки смогли отойти за вторую речку. Там полки снова перестроились и вторично пошли в атаку. Но дойти до третьей речки, как в первый раз, дивизия не смогла и столкнулась с красными на второй речке.

Три раза ходили в атаку поредевшие полки генерала Барбовича, останавливая каждый раз продвижение красных, нанося и неся большие потери. С темнотой бой прекратился. Все атаки красных были отбиты, и поле осталось за дивизией.

Но этот частный успех на участке дивизии генерала Барбовича был куплен страшной ценой. Ценой почти полного уничтожения ее полков. Гвардейский полк потерял убитыми и ранеными больше 50 процентов своего состава, в том числе 11 офицеров. Конногвардейцы потеряли убитыми корнета Штранге и раненым ротмистра князя Накашидзе, кирасиры Его Величества — убитыми ротмистра Кучина¹³⁹ и поручика князя Черкасского¹⁴⁰, кирасиры Ее Величества — убитыми поручика Буйнова¹⁴¹ и корнета графа Гейдена¹⁴² и раненым ротмистра Полянского, конногренадеры — убитыми ротмистра Хит-

рово¹⁴³ и корнета Пуришкевича¹⁴⁴, лейб-драгуны — убитым князя Енгальцева¹⁴⁵ и лейб-гусары — убитым ротмистра князя Святополк-Мирского.

Несмотря на частный успех дивизии генерала Барбовича, бой под Егорлыкской, в котором на протяжении 15 верст участвовало с обеих сторон около 30 тысяч всадников, окончился полным поражением конницы генерала Павлова. Около 20 донских и кубанских полков не приняли почти никакого участия в бою, оставаясь в лучшем случае пассивными зрителями, и вся тяжесть боя легла исключительно на дивизию генерала Барбовича. Только перед самым окончанием боя за флангом красной конницы появилась конная бригада генерала Агоева, чем в значительной степени была облегчена третья атака регулярной конницы.

С темнотой дивизия сосредоточилась в хуторах к западу от Егорлыкской. На рассвете 2-го, в связи с общей обстановкой на фронте, без всякого давления со стороны красных, она отошла через станицы Гуляй-Борисовка, Ново-Пашковская, Павловская на Челбасскую, куда пришла 7 марта.

Поражение конницы генерала Павлова, выход 1-й Конной и частей 10-й и 11-й красных армий за правый фланг и в глубокий тыл белых предрешали возможность дальнейшей обороны на рубежах Дона и Маныча и неминучесть отхода всего фронта на линию реки Кубани.

Несмотря на удачу под Егорлыкской, 1-я Конная армия только 8 марта смогла начать преследование армий Юга России. Ночью 8-го станица Челбасская была атакована красными. После короткой обороны гвардейский полк отошел на Звериную Гать, откуда дивизия, сведенная в двухполковую бригаду, отошла небольшими переходами на реку Бейсужек, где заняла оборону переправы у станицы Дедовской. Но уже 15-го, выравнивая фронт по отходившим восточнее донским и кубанским казакам, бригада отошла на станцию Медведовская. К этому времени красные успели занять станцию Усть-Лабинская и переправы через реки Лаба и Кубань. Ввиду нараставшей угрозы правому флангу белых армий, бригада была оттянута к Новороссийску. 19-го она стала в станице Крымской, в 20 верстах к северу от Новороссийска.

Вечером 1 марта, когда бой под Егорлыкской уже кончился, к полку пришло пополнение, приведенное ротмистром Раухом из станицы Ново-Николаевской. Потери в полку были настолько велики, что многие эскадроны были сведены воедино. Так кавалергарды и оба кирасирских эскадрона были сведены в один, под командой ротмистра Рауха. В течение января и февраля в несколько приемов из полкового околотка в Ново-Николаевской и из обоза 2-го разряда, стоявшего в

станции Ясенской, были отправлены больные, после перенесенного тифа, и раненые кавалергарды в Крым.

Пребывание обоза в станции Ясенской едва не окончилось печально: в первую же ночь по прибытии в нее обоза кубанские казаки разоружили спящих кавалергардов, и только через несколько дней, после вмешательства штаба армии и кубанского правительства, оружие было возвращено.

20 марта вся бригада сосредоточилась в станции Крымской. Положение на фронте не только с каждым днем, но с каждым часом становилось все тревожнее. Главное командование, не сумевшее предусмотреть возможность отхода с рубежей Дона и Маньча, не принявшее своевременно никаких мер для эвакуации тылов армии, не озаботившееся наличием нужного тоннажа в портах Азовского и Черного морей, растерялось и не знало, на что решиться. Отходить ли вдоль Черноморского побережья, удерживать ли заранее обреченный Новороссийский плацдарм или перебросить армию в Крым? В самой армии, потерявшей веру в свое Главное командование, началось массовое дезертирство. Уходили одиночками и целыми группами к «зеленым», хозяйничавшим в горах.

Все дороги до самого Новороссийска были забиты отходящими частями, перемешавшимися воинскими обозами, обозами разных гражданских учреждений, беженцами, тысячами калмыков, покидавших целым народом вслед за армией свои юрты и станицы. По обочинам дорог лежали сотнями умирающие и мертвые люди, скошенные тифом, лошади и верблюды, павшие от бескормицы. Всюду сброшенные под откос горных дорог разбитые орудия, патронные ящики, повозки всех видов, часто груженные всяким скарбом.

Наконец последовало решение Главного командования об эвакуации в Крым.

С 21-го по 24-е бригада вела разведку и наблюдение за переправками через многочисленные русла Кубани, впадавшие в Кизилташский лиман. 25-го бригада была оттянута на станцию Тоннельная, откуда в связи с общим отходом отошла на Новороссийск.

Вечером, когда окончательно выяснилось, что штаб армии ничего не предусмотрел для погрузки бригады, генерал Барбович выслал от гвардейского полка эскадрон для приискания и занятия какого-нибудь парохода. После поисков удалось найти небольшой транспорт «Дооб», который и был занят эскадронами. Но утром 26-го к транспорту подошли остатки Кубанской армии¹⁴⁶, несколько тысяч с генералом Топорковым¹⁴⁷ во главе, для погрузки на транспорт. Между казаками и эскадронами едва не дошло до перестрелки.

Когда выяснилось, что «Дооб» действительно предназначен кубанцам, охрана была снята, но тут же заняла только что подошедший транспорт «Аю-Даг». Немедленно началась погрузка, в первую очередь — всех больных и раненых, которые по разным причинам не были еще эвакуированы в Крым.

Вся набережная и прилежавшие к ней улицы были забиты орудиями, грузовиками, броневыми машинами и всякими повозками. Под всем этим валялось втопанное в грязь продовольствие, сахар, шоколад, консервные банки, груды совершенно нового английского обмундирования, в выдаче которого еще накануне было отказано: сапоги, шинели, кожаные куртки, непромокаемые плащи, белье. Все это, выданное своевременно, было бы спасено и, в свою очередь, спасло бы жизнь не одной тысяче бойцов... Под вечер бригада, с трудом пробиваясь через весь этот хаос, подошла к причалу «Аю-Дага». Тут выяснилась невозможность погрузить лошадей.

Конь есть первое оружие кавалеристов. Этому учили в военных училищах и в полках. Гражданская война, в которой на долю конницы выпала первенствующая роль, только подтвердила и усугубила эту истину. И вот настала тяжелая минута, когда всадникам пришлось расставаться со своими верными боевыми товарищами, из которых многие прощали все блестящее наступление от Ак-Маная на Бахмач и весь страдный отход на Дон. «Полк, стой! Слезай! Расседьвай! Взять с собой седла и суголья! Выходи на погрузку!..» Последнее прости боевому другу, последняя ласка, кусок сахара, и, не оборачиваясь, полк начал погрузку...

Черные тучи заволокли все небо. Кругом раздавались взрывы снарядов, треск патронов в подожженных складах. Яркое пламя пожара озаряло жуткую картину покидаемого города. Ночью «Аю-Даг» вышел на рейд и утром 27-го покинул кавказский берег.

28-го полки подошли к Феодосии и сразу начали разгрузку.

Организация хозяйственной и запасной части. Снова в Крыму

После крупных неудач и тяжелых потерь, понесенных под Орлом, Кромами, Воронежем, Касторной, Курском и Харьковом, части армий Юга России отходили в разных направлениях. Самая значительная часть Добровольческой армии и с нею Донская и Кубанские армии отходили через Донецкий бассейн на Дон. Другие ее части, сражавшиеся на Украине, в Киевском районе и южнее его — груп-

пы генералов Драгомирова¹⁴⁸, Бредова и Шиллинга, — отошли частью на Одессу, частью в Польшу, где были интернированы. Войска генерала Слащева, ведшие бои на так называемом «внутреннем фронте» с повстанцами Махно и другими мелкими атаманами в районе Екатеринослава, и Полтавская группа генерала Кальницкого, понеся в связи с общей обстановкой ряд неудач и потеряв всякую связь со штабом армии, отошли на Крымский полуостров.

Несмотря на слабый боевой состав — около 4 тысяч штыков, 2 тысячи шашек, 50 орудий и 5 бронепоездов, — эти части сыграли исключительно роль при создании и удержании Крымского фронта и позволили белому командованию продолжить борьбу на Юге России еще на восемь месяцев.

Кроме этих частей, в Крым отошли различные мелкие войсковые единицы, тыловые и гражданские учреждения, также потерявшие связь с руководящими органами штаба. Среди них оказались запасные и хозяйственные части всех четырех дивизионов гвардейского Своднокирасирского полка.

После выступления полка из Люботина 4 августа хозяйственная и запасная части Кавалергардского дивизиона, вместе с формирующими 2-м эскадром и пулеметной командой, были переброшены сначала на станцию Искровка, затем в город Ромодан и, наконец, в деревню Пески, в нескольких верстах от города Лубны. Оттуда 2-й эскадрон и пулеметная команда выступили 22 августа на присоединение к полку, а запасная часть перешла в город Лубны. Туда же перешел и сформированный в городе Хороле 3-й эскадрон. Эскадрон, доведенный до 120 шашек при 6 легких и тяжелых пулеметах, принял, после смерти в Харькове от воспаления легких штабс-ротмистра А.А. Тимашева, штабс-ротмистр А.В. Чичерин. Кроме обычных учений, эскадрон нес разные наряды по гарнизону города и высылал наблюдательные разъезды в его окрестности.

После принятия полковником В.Н. Звездинцевым в Люботине хозяйственной части она была им в корне переформирована. Были созданы отдельные мастерские: шорно-седельная, портняжная, сапожная и оружейная, в которых не только чинилось, но и заново изготовлялось обмундирование, снаряжение и вооружение дивизиона. Особенно выделялась по своей работе оружейная мастерская, благодаря выдающимся оружейникам, коренным кавалергардам унтер-офицерам Волкову и Шелелянову. Помимо починки оружия, мастерская перделывала на кавалерийский образец и пристреливала английские и русские пехотные винтовки, чинила пулеметные и обозные повозки, выковывала подковы и изготовляла шпоры.

На Юге России для перевозки свеклы на сахарные заводы употреблялись особые вагоны-платформы с высокими железными бортами. Такие две платформы были приспособлены оружейной мастерской под броневые площадки. В них были прорезаны щели для стрельбы, внутри борта были обложены мешками с песком и обшиты тесом. Прицеплены они были в голову и в хвост эшелона. При отходе хозяйственной части в Крым, когда ей пришлось вести бой у станции Кобеляки с бандой Шубы, они оказались очень полезными.

Небольшой уездный город Лубны славился своим собором, в котором находились мощи святого Афонасия, патриарха Константинопольского, умершего в Лубнах в 1654 году на возвратном пути из Москвы в Царьград и похороненного в полном патриаршем облачении. Чтобы скрасить рутину гарнизонной службы, в Лубнах несколько раз устраивались музыкальные и танцевальные вечера. Эти вечера пользовались огромным успехом среди местного населения, посещавшего их в большом количестве. Они позволяли хоть на время забыть братоубийственную войну и кровавый ужас разных оккупаций, чисток, от которых страдали и гибли ни в чем не повинные люди.

1 декабря было получено приказание отправить в распоряжение генерала Кальницкого в Полтаву 3-й эскадрон. Эскадрон — 150 шашек, 6 пулеметов, при четырех офицерах: командире эскадрона штабс-ротмистре Чичерине, поручике Мирковиче, корнете графе Мусин-Пушкине и прикомандированном поручике Чернеце, — погрузился 2-го в эшелон и через четверо суток прибыл в Полтаву. В Полтаве эскадрону было приказано выступать на село Жуки, откуда, после ночевки, идти на Диканьку, где, по имевшимся сведениям, находилась 2-тысячная банда атамана Шубы. На следующий день движение на Диканьку было отменено. Вместо этого надлежало разведать район сел Милорадово, Руковщина, станции Божков. В этих местах не было обнаружено присутствие ни красных, ни повстанцев. 9-го эскадрон был оттянут на станцию Божков, куда вечером подошел бронепоезд «Орел» для совместной разведки железнодорожного пути на Харьков. Разведка ничего не выяснила, и 11-го эскадрон был отозван в Полтаву. Туда же подошла хозяйственная часть из Лубен.

К этому времени эвакуация Полтавы шла полным ходом, и 12-го последние войска покинули город. 3-й эскадрон с бронепоездом «Орел» шел в арьергарде через Константиноград, Лозовую на Павлоград.

Перед отходом хозяйственной части из Полтавы обнаружилось, что часть интендантских складов осталась на железнодорожных путях. Полковник Звездинцев отправился туда, чтобы получить что-нибудь из интендантства для дивизиона. Заведующий складом заявил, что без

ордера он ничего выдать не может. На это ему было сказано, что в такое время нечего думать о каких-то ордерах и что вещи будут взяты без всяких ордеров и сейчас же. «Но это самоуправство!» — возмутился чиновник. Однако присутствие вооруженного наряда сломило возмущение чиновника. В эшелон было выдано более ста комплектов теплого английского обмундирования и, что было особенно ценно, несколько сот высоких кавалерийских сапог. В эшелон было взято 20 раненых из госпиталя, о которых никто не позаботился, и десятка три институток, ожидавших на станции появления мифического поезда на юг. Были еще взяты мать штабс-ротмистра Чичерина с дочерью и двумя малолетними внуками и мать конногвардейца К.В. Ширкова.

На рассвете 13-го хозяйственная часть последней ушла из Полтавы. На одной из станций подошел директор ближайшего сахарного завода и предложил взять мешки с сахаром. «Сколько можете взять». Немного более сотни мешков удалось разместить, но от предложения взять «сколько можете» из гурта рогатого скота, к сожалению, пришлось отказаться. С трудом погрузили, вернее, втиснули десяток коров, обмененных в Крыму у населения на волов.

Все время приходилось следить и пополнять топливо паровоза, главным образом шпалами, за неимением угля.

Подошли к станции Кобеляки, где случилась непредвиденная остановка из-за порчи паровоза. Пока оружейники чинили паровоз, начальник станции сообщил, что на Кобеляки движется банда, как ему передали по телефону, атамана Шубы. Действительно, через полчаса на горизонте показались цепи, открывшие огонь по станции. Под огнем пулеметов эшелона они залегли и завязали перестрелку. К счастью, паровоз был скоро починен, и эшелон с малыми потерями: один убитый, вольноопределяющийся Н.П. Шабельский, сын кавалергарда, и два легкораненых, покинул Кобеляки. Дальнейшее движение на Павлоград, очень медленное, с большими перебоями, прошло благополучно.

20-го, в Павлограде, эшелон неожиданно встретился с 3-м эскадронном и командиром полка, шедшим с пополнением в полк (четыре неполнорядных эскадрона). 3-й эскадрон был влит в пополнение, и в эшелон были переданы больные люди и слабые лошади. В Павлограде удалось набрать запас угля и прицепить два классных вагона, куда поместили больных, раненых, женщин и детей, подобранных в пути на разных остановках.

Получив приказание идти в Крым, эшелон покинул Павлоград. На станции Синельниково дальнейшее движение встретило неожиданное препятствие: на основании полученного комендантом станции распоряжения о разгрузке всех эшелонов и предоставлении всех порожня-

ков для эвакуации полковнику Звезгинцову было предложено разгрузить свой эшелон. Никакие доводы о невозможности исполнить это распоряжение, ввиду наличия огромного имущества, раненых, больных, женщин и детей, обреченных на верную гибель, казалось, не произвели никакого впечатления. Но... но несколько мешков сахара и пулеметы, поставленные на паровоз, благополучно разрешили вопрос.

Наконец, после почти месяца, проведенного в пути, эшелон пришел на станцию Грамматиково и немедленно начал разгрузку. Забронированные вагоны были сданы в штаб генерала Слащева, а все имущество, кроме мастерских, было перевезено в колонию Окречь. Работа хозяйственной и запасной частей на новом месте пошла полным ходом.

Постепенно в Окречь стали прибывать отдельные офицеры и кавалергарды. Все строевые кавалергарды были сведены в пеший эскадрон под командой полковника графа И.Д. Толстого и при нем — конный взвод с поручиком графом Вас. Мусин-Пушкиным, скоро вошедший в Гвардейский отряд¹⁴⁹ полковника Петровского¹⁵⁰.

Сведения, получаемые с Донского фронта, становились все тревожнее, и возможность его удержания армиями Юга России все более сомнительной. Под конец стало ясно, что ни на Дону, ни на Кубани армии продолжать борьбу не смогут. Отход с этих рубежей неизбежен. Но куда? Думалось — в Крым. Это предположение косвенно подтверждалось присылкой из обоза действующей части, в несколько приемов, больных и раненых кавалергардов и слабых лошадей. Между тем командование с Донского фронта настойчиво требовало высылки пополнений, тогда как командование в Крыму, так же настойчиво, требовало сохранения в Крыму всего, что могло способствовать его обороне.

В предвидении возможного прибытия в Крым остатков Кавалергардского дивизиона хозяйственная часть приняла разные меры. Были выстроены бани, были выделены помещения для больных и раненых и карантин для тифозных. Благодаря личным связям удалось получить непосредственно из Английской военной миссии 120 комплектов белья и обмундирования, в том числе 20 офицерских, несколько десятков седел и большое количество медикаментов. У местного населения было куплено, выменено на сахар, вино и табак. Таким образом, ко дню прибытия кавалергардов из Новороссийска в Крым, все, что было возможно сделать для их размещения в наилучших условиях, было сделано.

Помимо упорной, неутомимой работы всего состава хозяйственной и запасной частей, все это оказалось возможным, главным образом, потому, что красное командование не оценило в должной степени

важность Крымского фронта и не приняло своевременно мер для его ликвидации. Только в середине января 1920 года 13-я Красная армия, в составе 3-й и 46-й стрелковых и 8-й кавалерийской дивизий, с несколькими бронепоездами, сосредоточилась на подступах к Крыму. 22-го она перешла в наступление на Перекоп и на Чонгар. Несмотря на временный успех на Перекопе, наступление было неудачно. Понесся огромный потери под Армянском, в особенности 407-й стрелковый полк, потерявший 70 процентов своего состава, 13-я армия отошла в исходное положение. После этого на Крымском фронте наступило довольно длительное затишье, изредка прерываемое поисками разведчиков и слабой перестрелкой с обеих сторон. В эти дни на станции Джанкой был убит бомбой с аэроплана адъютант генерала Слащева, кавалергард корнет В.В. Шебеко.

13-я Красная армия была усилена Эстонской стрелковой дивизией и 13-й отдельной кавалерийской бригадой. С своей стороны войска Крымского фронта значительно пополнились мобилизацией, притоком добровольцев, артиллерией, огневыми припасами, и боевая их устойчивость соответственно возросла. Предпринятое 8 марта 13-й армией наступление на Перекоп и на Чонгар снова окончилось неудачей.

26 марта было получено сообщение об эвакуации Новороссийска. Бригада генерала Барбовича была погружена на «Аю-Даг» и «Николай 119», и ее прибытие в Феодосию ожидалось в ближайшие дни. Туда были отправлены все повозки обоза для перевозки кавалергардов в Окречь. 28-го оба транспорта подошли к пристани. Сходни были сброшены. Измученные физически от непрерывных боев и морально потрясенные только что пережитой катастрофой, исхудалые, в изношенном донельзя обмундировании, неся седла и оружие, сходили с парохода остатки Кавалергардского эскадрона, среди них больные и раненые на носилках.

Надо было видеть, чтобы понять радость этих людей, когда в толпе, встречавшей пароходы, они увидели пику с родным полковым флагом... Все были погружены на повозки и отвезены в Окречь. Раненые были помещены в лазарет, все остальные в карантин.

Сахар, вывезенный хозяйственной частью, оказался самой твердой валютой. На него в обмен можно было получить решительно все: мясо, муку, сало, вино и табак. Все прибывшие с Дона могли получить усиленное питание.

Новороссийская катастрофа оставила глубокий след во всех слоях армии. По ее прибытии в Крым в Севастополе было создано совещание всех старших начальников, в результате которого генералу Денинскому пришлось сложить должность Главнокомандующего. В приказе

№ 2899, отданном в Феодосии 4 апреля, своим преемником он назначил генерала барона Врангеля.

Только что пережитая катастрофа создала определенное недоверие к высшему командованию. Может быть, всего острее оно ощущалось в коннице после того, как ей пришлось лишиться своего главного оружия — лошадей. Вот почему на совещании старших представителей гвардейской конницы, собранном генералом Даниловым, было решено заранее озаботиться судьбой всех чинов полка в случае повторения новороссийского позора. Было решено послать в ближайшем времени несколько офицеров в Сербию и другие страны для выяснения на местах возможности подыскания работы чинам полка, если волей судеб им придется покинуть пределы родной земли. Выбор для отправки в Сербию пал на полковника Кавалергардского дивизиона В.Н. Звезгинцова, как одноклассника по Пажескому корпусу с Регентом Королевства С.Х.С., Королевичем Александром. В конце мая полковник Звезгинцов был отправлен Главнокомандующим дипломатическим курьером с секретными бумагами для передачи их лично Королевичу. В результате долгих переговоров и сношений между различными министерствами было получено определенное согласие Королевства С.Х.С. на принятие на государственную службу граничарами-пограничниками возможно большого числа чинов армии Юга России.

Сразу по принятии Главного командования генерал Врангель приступил к реформированию армии. Войска Вооруженных сил Юга России, переименованные в Русскую Армию, были разделены на пять корпусов: 1-й армейский корпус генерала Кутелова (Алексеевская, Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии), 2-й армейский корпус генерала Слащева (13-я и 34-я пехотные дивизии и отдельная кавалерийская бригада), Донской корпус генерала Абрамова (1-я, 2-я и 3-я Донские дивизии), Сводный корпус генерала Писарева (1-я, 2-я и 3-я Кубанские дивизии и Чеченская бригада) и Конный корпус генерала Барбовича (1-я и 2-я кавалерийские дивизии). При каждой дивизии были созданы запасные полки. Было основано военное училище и различные курсы: пулеметные, инженерные и т. д.

В связи с этим приказом от 16(29) апреля № 3012 1-я кавалерийская дивизия¹⁵¹ была организована на новых началах. Штат конных полков был установлен в 6 эскадронов, за исключением Гвардейского полка¹⁵², утвержденного в 8-эскадронном составе. В 1-ю бригаду генерала Данилова вошли Гвардейский и 1-й¹⁵³ полки, во 2-ю — 2-й¹⁵⁴, 3-й¹⁵⁵ и 4-й¹⁵⁶ полки. Дивизии был придан 2-й конно-артиллерийский дивизион.

Одновременно с усилением Русской Армии 13-я Красная армия также увеличила свой состав. К концу марта в ней числились: 3-я,

42-я, 46-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии, 8-я кавалерийская дивизия, запасная бригада управления 1-й Конной армии, кавалерийский полк 9-й стрелковой дивизии и два авиационных отряда, 13-й разведывательный и 3-й истребителей.

13 апреля красные вновь атаковали Перекоп. Латышская дивизия захватила Турецкий вал на Перекопе, но развить этот очень крупный тактический успех красные не смогли и на следующий день были принуждены отойти.

15-го сторожевое охранение на Перекопском перешейке занимал гвардейский отряд. В ночь на 16-е, обойденный в густом тумане, дивизион Гвардейского полка подвергся неожиданной атаке красной конницы и почти целиком погиб. Убиты были полковник маркиз дельи Альбицци¹⁵⁷ (кирасир Его Величества) и корнет Литвинов¹⁵⁸, пропал без вести корнет Пусторослев¹⁵⁹ (оба — кирасиры Ее Величества), ранены штабс-ротмистр граф Толстой¹⁶⁰ (лейб-драгун), поручик Костин¹⁶¹ (конногренадер) и кавалергард, корнет граф Василий Мусин-Пушкин, тремя пулями в руку.

К концу апреля реорганизация Русской Армии настолько подвинулась, что части, прибывшие с Дона, смогли принять участие в обороне Крыма. Конный корпус генерала Барбовича, в большинстве полков еще пеший, занял сторожевое охранение на побережье Сиваша. Линия сторожевого охранения дивизии была разбита на два участка. Левый, предназначенный 1-й бригаде, начался у деревни Чигеры и шел на запад, вдоль берега Сиваша, через Куксакал на Хаджи Булат. Восточнее находился участок 2-й бригады, западнее — 1-го армейского корпуса. Острова Чурюк Тюб и Куксакальский входили в участок 1-й бригады. На рассвете 4 апреля гвардейский полк сменил морскую пехоту. Кавалергарды заняли остров Чурнюк Тюб. Сообщение с материком было довольно трудное. Вода доходила до колен, было множество ям и очень липкое дно. Труднее всего было с питьевой водой, которую приходилось привозить бочками из деревни Магазинки. На этих местах дивизия простояла до 8 июня, когда, в связи с наступлением, начатым Русской Армией, она была вызвана на фронт.

Бои в Северной Таврии

Утром 6 июня части 2-го армейского корпуса генерала Слащева подошли на нескольких транспортах к деревне Кирилловке на северо-западном побережье Азовского моря, высадились под прикрытием миноносцев и двинулись на Мелитополь. В то же время, для отвлече-

ния внимания красного командования от места высадки 2-го армейского корпуса, на побережье Джарылгацкого лимана, у города Хорлы на Черном море, была произведена морская демонстрация. Два судна с баржами на буксире подошли к городу, обстреляли порт и стали на якорь.

Высадка 2-го армейского корпуса и переход на следующий день в наступление всей Русской Армии явились для 13-й армии полной неожиданностью. Ее командование не допускало возможности столь быстрого восстановления боевой мощи Русской Армии. Уверенность эта была настолько сильна, что никаких особых мер ни по разведке, ни по укреплению занятых рубежей красные не предприняли. Когда же войска генерала Слащева уже сбили отдельную кавалерийскую бригаду, прошли через легко защищаемые дефиле между Утлюкским лиманом и озером Молочным, заняли деревню Ефремовку и продолжали свое движение на Мелитополь, красные спешно бросили против 2-го армейского корпуса одну бригаду 46-й стрелковой дивизии, сняв ее с Чонгарского рубежа и тем ослабив его оборону, направили туда же Мелитопольский гарнизон, авиацию и только что подошедшую на усиление 13-й армии 2-ю кавалерийскую дивизию Блинова. Но все эти меры оказались запоздалыми, и 9-го части генерала Слащева заняли Мелитополь.

На рассвете 7-го остальные корпуса Русской Армии перешли в наступление. 1-й армейский корпус с Перекопского, Сводный — с Чонгарского рубежей. Донской корпус оставался в резерве у Джанкоя. К вечеру красные были отброшены по всему фронту. В последующие дни наступление развивалось с тем же успехом. Ведя непрерывные и подчас очень тяжелые бои, красные были принуждены очистить весь левый берег Днепра. В центральном и восточном направлениях они отошли на линию Васильевка—Плавни—Жеребец—Пологи и далее на юг, до Бердянска на Азовском море.

В результате боев Русской Армии удалось не только выйти из так называемой «Крымской бутылки», но и занять большую часть Северной Таврии. Это дало ей возможность облегчить продовольствие войск и пополнить свои довольно сильные потери.

На рассвете 8-го кавалергарды под командой штабс-ротмистра графа Р. Мусин-Пушкина выступили в составе гвардейского полка на сборное место дивизии в Армянск. 9-го гвардейский полк принял участие во взятии сел Колончак и Ново-Алексеевка. Преследуя слабые арьергарды, дивизия дошла до Днепра и заняла сторожевое охранение на его левом берегу от Большой Каховки на Британы, Корсунский монастырь до Казачьих Лагерея. На этих местах дивизия простояла до 29-го, когда на всем фронте вновь разгорелись бои.

Обстановка, создававшаяся на фронте 13-й армии, требовала принятия решительных и срочных мер, дабы остановить дальнейшее продвижение белых. Командование Юго-Западного фронта отдало 13-й армии директиву: не позже 28 июня перейти одновременно в наступление на всем фронте, отрезать белым пути отхода в Крым и уничтожить их части, находящиеся в районе Токмака.

В исполнение этой директивы командование 13-й армии поставило своим войскам следующую задачу: на рассвете 28-го правобережной группе — Латышская и 52-я стрелковые дивизии — форсировать Днепр в районе Алешки — Каховка, установить в последнем пункте тет-де-пон и продолжать энергичное наступление на Перекоп; левобережной группе — 3-я, 15-я и 46-я стрелковые дивизии — перейти в наступление в общем направлении на Мелитополь. Ударная группа, только что сформированный конный корпус Жлобы (1-я, 2-я кавалерийские дивизии и 2-я кавалерийская дивизия Блинова) с приданной ему 40-й стрелковой дивизией, предназначалась для нанесения главного удара на правый фланг белых, в общем направлении на Мелитополь. Для усиления ударной группы на станции Волноваха были сосредоточены бронепоезда и 3-й и 13-й авиационные отряды.

Хорошо задуманный план потерпел, однако, полную неудачу. Форсирование Днепра правобережной группой не смогло состояться в намеченный срок. Отложенное на несколько дней, оно протекало недостаточно решительно, что позволило Русской Армии снять с этого участка Корниловскую дивизию и перебросить ее в район наступления ударной группы. Наступление 3-й, 15-й и 46-й стрелковых дивизий также не имело успеха, и они были отброшены в исходное положение. Только продвижение ударной группы шло вначале успешно. 28-го ее конные части сбили Гундоровский и 7-й Донской полки и прорвали фронт Донского корпуса. 30-го 40-я стрелковая дивизия имела удачный бой с 3-й Донской дивизией, но дальнейшее наступление ударной группы шло гораздо медленнее. На 2 июля ей дана была дневка. К этому времени Донской корпус сам перешел в наступление и отбросил 2-ю кавалерийскую и 40-ю стрелковую дивизии.

Успешные бои против 3-й, 15-й и 46-й стрелковых дивизий позволили командованию Русской Армии снять с этих участков Дроздовскую, 13-ю пехотную и 2-ю кавалерийскую дивизии, подвести с Каховского направления Корниловскую дивизию, сосредоточить в районе Токмака все бронепоезда и авиацию и закончить к 3 июля перегруппировку войск для нанесения решающего удара по конному корпусу Жлобы.

Утром 3-го обе стороны перешли в наступление одновременно. После полудня обстановка на фронте ударной группы сложилась не

ее пользу. Атакующие одновременно авиацией, пехотой и конницей части ударной группы вели разрозненные бои, не связанные общим руководством, на разных участках и в разных направлениях. Жлоба, командир конного корпуса, по выражению советских источников, «совершенно потерял управление частями и бесцельно метался на броневике от одной части к другой, внося беспорядок в действия войск».

В результате боев Русская Армия не только с успехом отразила наступление красных, увеличила занятую часть Северной Таврии, взяла более 2 тысяч пленных и оружие, но, что было особенно ценно, захватила более 4 тысяч коней. Вся конница была посажена на лошадей. Во всех последующих действиях, основанных главным образом на маневрировании, удалось развить быструю переброску конницы, на которую в дальнейшем легла главная тяжесть боя.

В поражении корпуса Жлобы и в отражении переправ красных через Днепр кавалергарды участия не приняли. 23-го эскадрон ушел в Мелитополь для приема лошадей, полученных по конской мобилизации. Лишь конный взвод корнета В.С. Воеводского и пулеметы с корнетом Н.С. Исаковым были оставлены при штабе полка.

В последних числах июня из различных источников в разведку Русской Армии стали поступать сведения о неминуемом наступлении красных. 29-го эти слухи были подтверждены перебежчиками 415-го стрелкового полка, указавшими срок, 30 июня. В ночь на 1 июля обе Каховки подверглись очень сильному артиллерийскому обстрелу. С рассветом огонь все усиливался и ширился по фронту, в особенности вниз по течению Днепра. Вскоре пришло донесение, что красные переправились через Днепр и, оттеснив 1-й конный полк, заняли деревни Луговая, Ключевая, Основа и Британы. 2-я бригада была вынуждена очистить Корсунский монастырь, Казачьи Лагеря и Алешки. Таким образом, на всем течении Днепра, от его устья и до Каховки, красным удалось занять левый берег реки.

Резерв дивизии, Гвардейский полк, оставив в Каховке пешие эскадроны (2-й Конно-гвардейский и 7-й сводный), выступил на поддержку 1-го конного полка. К 16 часам положение на всем участке дивизии было восстановлено. 5-й, 6-й и 8-й эскадроны Гвардейского полка заняли Ключевую и Луговую, дивизион полковника графа И.Д. Толстого (оба кирасирских эскадрона) выбил красных из Основы и Британ, захватил два десятка пленных, потеряв несколько раненых, в том числе корнета кирасир Его Величества Сомова. Вечером полк отошел в резерв дивизии в хутор Терны, где узнал, что обе Каховки заняты красными.

Утром 2-го марковцы заняли Каховки, но удержаться в них не смогли. Гвардейский полк был отправлен на Каховки. В конной атаке

дивизион полковника графа Толстого занял Большую Каховку, взяв в ней 5 пулеметов и более ста пленных. Но никем не поддержанный, дивизион был принужден вновь ее очистить. В течение 3 июля обе Каховки несколько раз переходили из рук в руки, и только 4 июля дивизия несла охранение вдоль Днепра, потом была сменена 2-м армейским корпусом и ушла в резерв Главнокомандующего в деревни Калга и Ивановка.

За время боев за Каховку из строя Гвардейского полка выбыло 16 офицеров. Из них два были убиты: командир 7-го сводного эскадрона, ротмистр Лишин¹⁶², и конногвардеец, корнет Артамонов¹⁶³. Особенно тяжелые потери понес 2-й эскадрон, потерявший убитыми и ранеными 50 конногвардейцев.

Сводки разных сведений, получаемых в штабе Русской Армии от перебежчиков, от агентов контрразведки и из перехваченных радиопередач, все указывали на усиление в ближайшем будущем 13-й армии и неминуемый ее переход в общее наступление. Чтобы опередить красных и нанести им возможно больший урон до подхода к ним подкреплений, командование Русской Армии решило само перейти в наступление.

Закончив к 25 июля перегруппировку своих частей, Русская Армия занимала следующее положение: от Азовского моря, фронтом на восток, восточнее Ногайска до колонии Шпаррау, стоял Донской корпус, имея против себя 40-ю и 42-ю стрелковые дивизии, 4-ю и 5-ю кавалерийские бригады и 42-й кавалерийский полк. Левее Донского корпуса, сильно загибая фронт на север, от Черниговки на Большой Токмак, Балки, стояли Корниловская, Дроздовская, Марковская и 6-я (бывшая Алексеевская) пехотные дивизии против 3-й и 46-й стрелковых дивизий, бригады курсантов и недавно сформированной 2-й Конной армии (2-я, 16-я, 20-я и 21-я кавалерийские дивизии). Далее, фронтом на запад, от Балки до Лепетихи, Туземная конная бригада и от нее вниз по течению Днепра — 12-я и 34-я пехотные дивизии. Против этих частей, на правом берегу Днепра, стояли 52-я и Латышская стрелковые дивизии, отдельная Херсонская группа, и туда же подходили 15-я и 51-я стрелковые дивизии. Конный корпус генерала Бабиева был сосредоточен в районе колонии Мунталя, дивизия генерала Барбовича — в деревне Калге.

Ко дню перехода Русской Армии в наступление дивизия была вытребована на фронт. Пройдя в три перехода, при сильной жаре и суховее, более ста верст, дивизия подошла к вечеру 23-го в резерв конного корпуса в Большой Токмак. С утра 25-го конница генерала Бабиева¹⁶⁴ перешла в наступление, заняла на стыке 3-й и 46-й стрел-

ковых дивизий город Орехов и прорвала фронт красных. Продолжая свое движение на север, конница вела наступление 26-го на Жеребец. Гвардейский полк в наступлении на Жеребец не участвовал, так как был выслан для содействия Марковской дивизии, наступавшей на деревни Щербаковка и Янчекрах. Полк обошел деревню Щербаковку с севера и атаковал в тыл занимавших ее красных. Несмотря на сильный огонь, полк ворвался в деревню, где захватил 3 пулемета, более сотни пленных и обоз. В конной атаке кавалергарды потеряли убитым командира пулеметного взвода корнета Н.С. Исакова и ранеными 8 кавалергардов. Не задерживаясь в Щербаковке, полк пошел на деревню Яковлевку. Первая конная атака была отбита. Только после повторной атаки удалось занять деревню и захватить в ней около сотни пленных. Большинство из них составляли венгры и чехи, набранные среди военнопленных Первой мировой войны. Под вечер полк присоединился к дивизии и занял сторожевое охранение на реке Конская у Крылицкого аула и деревни Общей, в непосредственной близости Жеребца. Весь день 27-го конница генерала Бабиева вела перестрелку с красными, занимавшими Жеребец. На других участках фронта Русской Армии она всюду вела успешные бои. Только у города Орехова в течение трех дней шли упорные бои. Город несколько раз переходил из рук в руки. Вечером 29-го Дроздовская дивизия окончательно заняла город, выбив из него 46-ю стрелковую дивизию и бригаду курсантов, оказавшую особенно упорное сопротивление.

Одновременно с наступлением красных на фронт Орехов—Жеребец обнаружился сильный нажим южнее Орехова на Малую Токмачку, что, при удаче, выводил красных в тыл войскам, сражавшимся в Александровском направлении. Для противодействия этой угрозе 1-я кавалерийская дивизия после окончательного занятия Орехова была переброшена 30-го на Малую Токмачку.

Около 17 часов дивизия заняла Малую Токмачку и выслала сеть разъездов. Скоро они обнаружили подход красной конницы к колонии Блюменфельд в двух верстах севернее от Малой Токмачки. Дивизия немедленно выступила из местечка и, перейдя реку Конскую, развернулась впереди деревни Любимовки. Как только красная конница появилась у колонии Блюменфельд, она попала под артиллерийский и пулеметный огонь. Дивизия пошла в атаку одновременно всеми полками, смяла красных и отбросила их за колонию. Там красные под прикрытием своей артиллерии пытались снова развернуться, но, вторично атакованные дивизией, были опрокинуты. Преследование продолжалось до реки Жеребец и прекратилось только с темнотой.

31-го разведка обнаружила переправу красной конницы через реку Жеребец и движение ее на Малую Токмачку. На этот раз красную конницу сопровождали три бронемшины. Наступление красных было очень медленным, и только к 16 часам передовые части развернулись у колонии Блюменфельд и открыли артиллерийский огонь по Малой Токмачке. Эта медлительность позволила дивизии своевременно выйти из местечка.

Под очень сильным огнем дивизия атаковала красных, сбива передовые лавы и поддержки и преследовала их, как и накануне, до той же реки Жеребец. Во время преследования дивизией было взято 5 орудий, пулеметы, пленные и лошади. В атаке начальник пулеметной команды гвардейского полка штабс-ротмистр А.Н. Шебеко (кавалергард) был ранен шрапнелью в голень и бедро левой ноги. В эскадроне были ранены младший унтер-офицер Халепа и кавалергард Майн. На ночь полк отошел в Малую Токмачку.

1 августа красные временно захватили восточную часть местечка Жеребец. Дивизии генерала Барбовича было приказано, не дожидаясь смены, спешно выступить на Жеребец. На походе, не доходя деревни Васиновки, дивизия подверглась налету красной авиации, от которого несколько эскадронов, не успевших рассыпаться, понесли потери. У самого Жеребца дивизия настигла и атаковала красную пехоту, захватила 4 орудия, много пленных и заняла Жеребец. В конной атаке в Гвардейском полку были убиты лейб-драгун штабс-ротмистр де Витт¹⁶⁵ и улан Его Величества корнет Эйхгольц. На ночь полк остался в охранение у Жеребца, остальные же полки дивизии еще днем выступили в район Камышеватки, Фисаки, где шли упорные бои за обладание переправами через реку Конскую. Эти бои увенчались полным успехом. 2 августа город Александровск был занят, район Камышеватки очищен от красной конницы, а пехота отброшена на реку Мокрую Московку.

Ночью 2-го Гвардейский полк пошел на присоединение к дивизии и 3-го принял участие в боях за обладание переправами на реке Мокрой Московке. В конной атаке на деревню Беккеровку в Гвардейском полку были ранены лейб-драгун штабс-ротмистр Алексин и улан Его Величества ротмистр Вуич¹⁶⁶. На походе дивизия вновь подверглась налету красной авиации, во время которого был ранен лейб-драгун ротмистр Ковалевский. Вечером дивизия была оттянута в ближний резерв, в Большой Токмак. Через несколько дней она была переведена в глубокий резерв, в колонию Лихтенау, где простояла до 7 августа. В колонии Гвардейский полк получил крупное пополнение людьми и, главное, лошадьми. Кавалергардский эскадрон был весь посажен на коней. В командование им вступил ротмистр Г.Г. Раух. Отличившиеся

в боях этого периода были награждены Георгиевскими крестами: младший унтер-офицер Халепа — 3-й степени, Сергей Гневшин, Клементий Вайнигер, кавалергарды Федор Сергеев, Петр Майн, Эдуард Руф и Антон Шестаков — 4-й степени.

Русская Армия в своем наступлении добилась больших успехов. Кроме занятия еще большей части Северной Таврии, ею был нанесен огромный урон красным, в особенности 2-й Конной армии. Пребывание дивизии в резерве продолжалось недолго. Вечером 7-го ей было приказано перейти в район Серагозы, ввиду начавшегося наступления красных вдоль всего течения Днепра.

За время нахождения дивизии в резерве вся регулярная конница (1-я и 2-я¹⁶⁷ кавалерийские дивизии) была сведена в Конный корпус¹⁶⁸ генерала Барбовича. Тогда же с фронта были сняты Кубанские части для участия в десанте генерала Улагая на Кубань.

Операция эта, так же как и произведенные немного раньше десанты донских казаков восточнее Мариуполя и Таганрога, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Хотя на Кубани и действовали повстанческие отряды генералов Крыжановского и Фостикова¹⁶⁹, но общее настроение населения не соответствовало тем сведениям, которые имелись у Главного командования. Высадившиеся 17 августа части генерала Улагая¹⁷⁰ имели первоначальный, временный успех. Ими были захвачены станицы Брюховецкая и Тимошевская и прервано железнодорожное сообщение Екатеринодар—Ростов. Но затем, вследствие медлительности и нерешительности начальника десанта, части перешли к обороне и 7 сентября были принуждены покинуть Кубань, все же усилившись довольно большим числом добровольцев.

Начавшееся 7 августа наступление красных на Днепре создало серьезное положение для той части Русской Армии, которая еще вела бои у Александровска. Только запоздалое и не связанное по времени с боями на Александровском направлении наступление Днепровской группы 13-й армии, быстрое и умелое сосредоточение кулаков и своевременная переброска и ввод конницы в бой позволили Русской Армии сохранить за собой Северную Таврию.

К началу наступления 13-я армия была значительно усилена включением свежих дивизий. Ее правобережную группу составляли 15-я, 51-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии, отдельная кавалерийская бригада и Херсонский отряд, в который, кроме гарнизона города, входила 86-я бригада ВОХРА (войска внутренней охраны). В левобережную группу, кроме 4 дивизий 2-й Конной армии, входили 1-я, 3-я, 23-я, 40-я 42-я и 46-я стрелковые дивизии, бригада курсантов и 4-я и 5-я кавалерийские дивизии.

Ко дню сосредоточения Конного корпуса генерала Барбовича в Нижних Серагозах, 10 августа, 2-й армейский корпус, отброшенный от Днепра, вел оборонительные бои у Черной Долины, Черненькой и Большой Маячки. Переправа и глубокое выдвижение красных в Перекопском направлении создало непосредственную угрозу не только корпусу генерала Слащева, но и всей армии. Пренебрегая начавшимся одновременно наступлением красных на центр и правый фланг армии, ее командование решило прежде всего уничтожить Перекопскую группу, жертвуя для этой цели частью занятой Северной Таврии.

12-го конница генерала Барбовича перешла в деревню Константиновку и приняла участие в контрнаступлении 2-го армейского корпуса. Главную роль в боях при поражении 52-й и Латышской стрелковых дивизий сыграли Конный корпус генерала Барбовича и 2-я Донская казачья дивизия генерала Морозова¹⁷¹. В конной атаке на хуторе у деревни Черненькой в Гвардейском полку были убиты лейб-драгуны штабс-ротмистры Келеповский¹⁷² и Колокольцов¹⁷³. Кавалергарды потеряли командира Кирасирского дивизиона полковника графа И.Д. Толстого, раненного в сердечную сумку пулей навывлет. Гвардейский полк захватил в хуторах 400 пленных и 3 пулемета. Сама деревня Черненькая была взята 2-м и 4-м конными полками, взявшими орудия и много пленных. Донская дивизия захватила в хуторе Терны большой обоз. В результате этих атак начался общий отход красных за Днепр и в Каховку.

Преследуя арьергарды красных, дивизия подошла к Днепру и в течение трех дней вела тяжелые, упорные бои за обладание Ключевой, во время которых Гвардейский полк потерял в обоих кирасирских эскадронах ранеными полковника князя Черкасского, поручика Пузыревского¹⁷⁴, штабс-ротмистра Корженевского¹⁷⁵ и корнета Пащенко¹⁷⁶.

Ключевая и обе Каховки были сильно укреплены красными, согнавшими на оборонительные работы население ближайших заднепровских деревень. Оборона была еще усилена группой ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения), державшей под своим огнем все подступы к Каховке. Несмотря на все последующие неоднократные усилия Русской Армии, ей не удалось овладеть тет-де-поном, который до конца оставался в руках красных, как постоянная угроза Перекопской коммуникационной линии. 16-го конница генерала Барбовича была отведена в резерв в деревню Константиновку.

Отвод с фронта почти всех кубанских частей для предстоящей десантной операции на Кубань не мог пройти незамеченным для красного командования. Воспользовавшись ослаблением белых на Александровском направлении, красные вновь перешли в наступление, на этот

раз одновременно с Днепровского направления и с Александровского. Войскам 2-й Конной и 13-й армий была поставлена все та же старая задача — окружить и уничтожить армию генерала Врангеля, отрезав ей все пути отхода в Крым.

20 августа началось наступление красных из Каховского тет-де-пона. Отбросив корпус генерала Слащева, красные в течение семи дней развивали свой первоначальный успех и глубоко продвинулись в Перекопском и Мелитопольском направлениях. Но к 27-му боевая обстановка круто изменилась на всем фронте в пользу Русской Армии. 19-го разведка Гвардейского полка обнаружила подход красных с Каховки. Утром 20-го ими была занята деревня Антоновка, в 6 верстах от расположения полка в деревне Константиновке. Продолжая свое наступление, красные подошли к Константиновке. На ее окраине заблаговременно были сосредоточены все пулеметы полка. Когда красные цепи были в нескольких сотнях шагов, пулеметы открыли огонь. Передние цепи были сметены огнем, остальные отхлынули в беспорядке на Антоновку, преследуемые лавами полка. В эскадроне кирасир Его Величества был ранен корнет Вентцель¹⁷⁷. На ночь полк вернулся в Константиновку. На 22-е полку было приказано разведать Федоровские хутора. Они оказались занятыми красными. Атака полка на левый фланг красных была удачна. Полком было взято около сотни пленных, но атака на правый фланг была отбита. Полк спешился и повел наступление цепями. От брошенных красными гранат загорелось несколько стогов сена. Не имея артиллерии, полк был вынужден прекратить бой. В Кавалергардском эскадроне были ранены кавалергарды Щербин, Гебель и Прочай и убито 10 лошадей. У кирасир Его Величества ранен корнет Мейер¹⁷⁸. На ночь полк отошел к дивизии в деревню Торгаевку, где было получено пополнение. 23-го дивизия выступила в деревню Ново-Репьевку. Оставив Гвардейский полк в резерве, дивизия после артиллерийской подготовки заняла деревню. Во время боя было получено донесение, что красным удалось просочиться в тыл дивизии. Для ликвидации прорыва был послан Гвардейский полк. Лавы полка, встреченные сильным ружейным и артиллерийским огнем, отбросили пехоту, но атака на батарею не удалась. Широкий и глубокий овраг не позволил настичь уходящие орудия. В Кавалергардском эскадроне был ранен корнет Гневшин. На ночь дивизия отошла на Торгаевку. 24-го в разведывательном эскадроне кирасир Его Величества был ранен шашкой корнет фон Вальз¹⁷⁹. 25-го Гвардейский полк вел бой у села Ново-Александровка, которое взять не удалось. В Кавалергардском эскадроне были ранены: корнет Трубников, младший унтер-офицер Карплюк, ефрейторы Корнеев и Косенко и кавалергар-

ды Зуг, Михайловский, Хомутов, Шишмаков и Ульмер. На ночь полк отошел на Торгаевку, оставив в селе Верхние Серагозы Кирасирский эскадрон. 26-го красные оттеснили кирасир и повели наступление на Нижние Серагозы, с трудом отбитое полком, главным образом благодаря огню гвардейской батареи.

К этому дню положение на фронте всей Русской Армии стало очень тяжелым. Преодолевая упорное сопротивление, красные продвинулись на 30 верст от Мелитополя. Еще более угрожающим было их выдвижение к Аскания-Нова, всего в 20 верстах от Крымских перешейков. Генерал Врангель решил повторить тот же рискованный маневр, который так блестяще удался в первых числах августа.

Против 2-й Конной армии был оставлен небольшой заслон, усиленный крупной авиацией. С этого участка были сняты Корниловская и 6-я пехотная дивизии¹⁸⁰. В район Демьяновки были переброшены 2-я кавалерийская дивизия корпуса генерала Барбовича и 2-я Донская конная дивизия¹⁸¹. Создав, таким образом, сильную ударную группу, Русская Армия обрушилась на левый фланг и тыл 5-й и 52-й стрелковых дивизий и принудила их к отходу, повлекшему за собой общий отход красных к Днепру.

Сбитые ударной группой с рубежа деревень Покровка, Ново-Александровка и Верхние Серагозы, красные отошли 28-го на Нижние Серагозы, стремясь выйти на большой почтовый тракт Мелитополь—Каховка. 29-го Гвардейский полк выступил на Нижние Серагозы. Во время занятия села к красным подошел броневик, подбитый огнем гвардейской батареи. Но только 30-го Нижние Серагозы и соседние хутора были окончательно очищены от красных. Всюду было подобрано огромное имущество: патронные и зарядные ящики, оружие, отсталые и перебежчики.

Продолжая преследование, дивизия подошла 2 сентября к передовым укреплениям Каховского тет-де-пона. Атака пехоты, усиленной танками, успеха не имела. Оборона всего Каховского района была значительно усилена и расширена выдвижением передовой укрепленной линии. Атака гвардейского полка, несмотря на сильную артиллерийскую подготовку, на колонию Софиевка Нассауская также не удалась. Кавалергарды потеряли ранеными корнетов Бухарина и Вурумзера. На этом временно прекратилась боевая деятельность Гвардейского полка. 1-я кавалерийская дивизия была отведена на отдых в район деревень, расположенных вдоль реки Серагозы, где она простояла до 3 октября, когда была снова вызвана на фронт.

За это время в организации Русской Армии произошли большие перемены. Она была разделена на две армии: 1-ю генерала Кутепова —

1-й армейский и Донской корпуса, и 2-ю генерала Драценко — 2-й и 3-й армейские корпуса, гвардейский отряд и Терско-Астраханская конная бригада. Были созданы две конные группы, непосредственно подчиненные Главнокомандующему: группа генерала Бабиева, все кубанские конные части и генерала Барбовича, обе кавалерийские дивизии. Вследствие больших потерь в конском составе, часть полков была спешена и поступила на формирование стрелковых эскадронов. В это же время генерал Барбович был назначен инспектором конницы вместо генерала Юзефовича. В командование дивизией вступил генерал Науменко¹⁸².

В составе Гвардейского полка также произошли большие перемены. Конно-гвардейский эскадрон был назначен в конвой Главнокомандующего и передал часть своего состава кавалергардам. Эскадрон кирасир Ее Величества был расформирован. Большинство кирасир поступило на формирование броневых частей. Гвардейский полк был сведен в 6-эскадронный состав. Полковую пулеметную команду принял кавалергард штабс-ротмистр А.А. Пашков¹⁸³. Уменьшенный в числе эскадронов, Гвардейский полк значительно увеличил свой боевой состав. От спешенных полков было получено 257 лошадей, что позволило довести эскадроны Гвардейского полка до полного состава. На 3 октября в 1-ю кавалерийскую дивизию входили: Гвардейский, 1-й, 3-й и 6-й¹⁸⁴ конные полки.

Но еще большие изменения произошли в организации красных сил, действующих на Крымском направлении. Был создан отдельный Южный фронт, в состав которого вошли 13-я и 2-я Конная армии и вновь созданная на правом берегу Днепра 6-я армия. Впоследствии была создана еще 4-я армия и туда же переброшена 1-я Конная.

Все эти изменения и усиление у красных и неизбежность перехода их в наступление стали своевременно известны штабу Главнокомандующего. Поэтому, временно обеспечив свой тыл и левый фланг, генерал Врангель решил опередить красных и самому перейти в наступление на Александровском и Мариупольском направлениях.

Начатое 4 сентября наступление в этих направлениях шло с большим успехом. 14-го Донской корпус отбросил красных за железную дорогу Бердянск—Пологи. 19-го Александровск был вновь занят 1-м армейским корпусом, 22-го Дроздовская дивизия, посаженная на подводы, совершила налет на станцию Синельниково, 29-го Донской корпус занял Мариуполь и 2 октября подошел к границам Донецкого бассейна. На этих рубежах наступление остановилось, и войска перешли к обороне.

Закончив первую часть задуманной операции и обеспечив себя на северном и восточном направлениях, генерал Врангель приступил к

выполнению второй ее части: нанесению возможно большего урона правобережным войскам Южного фронта. Для этой цели намечалась переправа через Днепр в двух местах: севернее Александровска, у Кичкасской переправы, и у деревень Бабино, Ушкалка, верстах в 25 южнее Никополь. Для переправы в первом месте предназначались Корниловская, Марковская и Кубанская конная¹⁸⁵ генерала Бабиева дивизии, для переправы во втором — 6-я и 7-я¹⁸⁶ пехотные и 1-я кавалерийская генерала Науменко дивизии и Терско-Астраханская конная бригада генерала Агоева.

3 октября, задолго до рассвета, Гвардейский полк выступил на село Верхний Рогачик, где сосредоточивались все конные части под командой генерала Науменко. В этом селе кавалергарды простояли до 9-го, заканчивая перековку, прием консервов, хлеба, патронов и пулеметных лент. В ночь на 9-е 1-я кавалерийская дивизия выступила на деревню Бабино, у левого берега Днепра, где к ней присоединилась Терско-Астраханская бригада¹⁸⁷. Рано утром 10-го конница перешла в деревню Ушкалку и начала переправу по наведенному мосту. Еще в Бабино над сборным пунктом дивизии появились четыре самолета красных, сбросивших несколько бомб, не причинивших никаких потерь. Накануне пехота переправилась через Днепр и заняла на его правом берегу Грушевский Кут. Переправа у Александровска протекала так же успешно. Под прикрытием Марковской дивизии, установившей на правом берегу Днепра плацдарм, Корниловская и Кубанская конная дивизии перешли реку и двинулись на Никополь. Марковская дивизия осталась в прикрытии переправы.

На том месте, где был наведен мост, ходил раньше паром, и спуск к реке был очень удобен. Мост был наведен саперами на больших железных бочках, заменявших понтоны. Он был крепок и устойчив, но недостаточно широк, чтобы пропускать четверки пулеметных тачанок, и пришлось при переправе отпрягать пристяжных. От моста через плавни шла довольно хорошая дорога. Кое-где гати. На северной оконечности плавней, против Грушевского Кута, в Днепр впадали две реки, Большой Чертомлык и Бузулук. Мостов там не было, и полкам пришлось переходить их вброд.

Переправа затянулась на весь день, и, когда полки, пройдя 15 верст плавней, подошли к реке Чертомлыку, начинало темнеть. Брод, по грудь лошади, был с тонким дном. Конные прошли его легко, но с пулеметными тачанками, орудиями и повозками пришлось долго возиться. Кавалергардская патронная двуколка завязла, дышло сломалось. Пришлось ее разгрузить и бросить. Второй брод хотя и более глубокий, но с хорошим дном и пологими берегами прошли быстро и лег-

ко и поздно ночью вошли в Грушевский Кут. Днем пехота заняла с боем деревню Грушевку и село Марьинское.

В Грушевском Куту конница простояла всего несколько часов, чтобы успеть накормить лошадей и людей и хоть немного обсушиться и обогреться. Ночью на 11-е конница выступила на Шолохово. Первоначальная задача, данная коннице, была ночью почему-то изменена. Вместо движения на узловую станцию Апостолово, ей надлежало, пройдя Шолохово, подняться вверх по реке Соленой до деревни Алексеевское, повернуть оттуда на юг, на Никополь, для соединения с Кубанской дивизией генерала Бабиева. Отряд генерала Науменко выступил двумя колоннами. Правая — Терско-Астраханская бригада, левая — 1-я кавалерийская дивизия, имел в своем авангарде 2-ю бригаду. Пехота осталась на своих местах в прикрытии переправы и тыла конницы.

Впереди были слышны глухие взрывы, конно-саперы рвали железнодорожное полотно. На походе, в полной темноте, подойдя к железной дороге, дивизия была неожиданно обстреляна орудийным и пулеметным огнем. Всего несколько безвредных выстрелов, выпущенных красным бронепоездом, пытавшимся проскочить на Апостолово. Начинало светать. Во время переправы через реку Каменку, у хутора Твердомедова, в авангарде послышалась ружейная и артиллерийская стрельба. Головной полк, 3-й конный, атаковал с налета Шолохово и захватил в нем большой обоз 1-й стрелковой дивизии и пленных.

Пройдя Шолохово, конница двинулась по правому берегу реки Соленой на Алексеевское, где, перейдя реку, продолжала движение на Никополь. Скоро в авангарде вновь загорелась стрельба. Слева оказалась лава красных, отбитая 1-м конным полком. Справа, и немного в тылу, на дивизию вышли пять красных бронемашин. Три из них были сразу же подбиты гвардейской батареей, две другие захвачены 6-м конным полком. В дивизии нашлись умеющие управлять автомобилем, и обе бронемшины с артиллерийской командой вошли в состав дивизии.

Не доходя до Чертомлыкских хуторов было получено донесение, что между дивизией и правофланговой колонной, Терско-Астраханской бригадой, обнаружена большая колонна красной пехоты с артиллерией по дороге на Шолохово. Генерал Науменко повернул в это направление Гвардейский полк. От головного эскадрона — кавалергарды — был выслан разъезд корнета Герарда. Пройдя версты две, разъезд был обстрелян ружейным огнем. Почти сразу к нему подошел эскадрон, а за ним полк.

В линии колонн полк на рысях поднялся на гребень холма и увидел вниз, в долине, не успевшую развернуться красную пехоту с

двумя орудиями, которые пытались сняться с передков. Не меня построения, полк карьером пошел в атаку. Красные не оказали никакого сопротивления. Десяток выстрелов, и через минуту все было кончено. Потери в полку были ничтожны, один раненый и три лошади выбыли из строя. Полком было захвачено 964 пленных 3-й бригады 1-й стрелковой дивизии, 2 орудия в полной запряжке, с зарядными ящиками, и 12 пулеметов (приказ по гвардейскому полку № 163, выписка из приказа по дивизии 9(22) октября 1920 года № 74).

Когда пехота начала сдаваться, раздался крик: «Кавалерия слева!» Действительно, слева показалась конная часть. Это был 6-й конный полк, высланный начальником дивизии в подмогу Гвардейскому полку. Подъехал генерал Науменко, поблагодарил полк за блестящую атаку и поздравил с трофеями.

Начинало темнеть, когда дивизия подходила к железной дороге, в версте от Никополя. На северо-востоке от города поднялась артиллерийская стрельба. Вдали виднелись какие-то конные части. Одновременно артергард донес, что к хвосту дивизии подходят крупные силы красной конницы. Дивизия повернула и начала разворачиваться. Пулеметы выехали вперед. Впереди, в сумерках наступающей ночи, виднелись густые красные лавы. Пулеметы открыли огонь, и дивизия шагом пошла на сближение. Красные остановились, повернули кругом и скрылись за горизонтом. Стало совершенно темно. Стрельба на северо-востоке Никополя прекратилась, и в город вошла Кубанская дивизия.

После отхода красных 1-я дивизия еще около часа оставалась на месте, затем свернулась и, в свою очередь, отошла на Никополь. Поздно ночью Гвардейский полк стал на бивак в предместье города, деревне Лапинки. В командование всей конницей вступил генерал Бабиев. Было получено приказание отправить на рассвете всех пленных, раненых и больных, отобранное оружие на левый берег Днепра. За неимением запаса горючего, к всеобщему сожалению, были отправлены и обе бронемашинны. За два дня дивизия прошла с боем около 80 верст, и часть конского состава была сильно измотана. Из всех слабых лошадей дивизии был собран сводный эскадрон в прикрытие и конвой управляемых пленных и трофеев.

Довольно поздно утром 12-го конница генерала Бабиева выступила на Шолохово тремя колоннами. В правой — 1-я кавалерийская дивизия, в средней — Кубанская, в левой — Терско-Астраханская бригада. Корниловская дивизия еще раньше ушла на Александровск. За несколько часов до выступления конницы в сторону Шолохова была

выслана целая сеть разъездов. Кавалергардский разъезд корнета Старосельского обнаружил в районе Неплюевских хуторов присутствие крупных сил красной конницы.

Подойдя к хуторам, авангард дивизии, Гвардейский полк, был обстрелян пулеметным огнем. Впереди и справа маячили многочисленные лавы. Постепенно стали подходить и разворачиваться остальные полки дивизии. Батареи выехали на позиции и открыли огонь. С обеих сторон бой велся вяло и нерешительно. После 3—4-часовой перестрелки красная конница отошла за реку Чертомлык, кавалергардский эскадрон был выслан для занятия переправы через реку. Перейдя Чертомлык, кавалергарды продвинулись за Неплюевские хутора и снова обнаружили красную конницу. Подошли остальные полки, батареи открыли огонь, но до настоящего боя не дошло. Красные отошли далеко на север, в сторону Чертомлыкских хуторов. Дивизия их не преследовала и не продолжала движения на Шолохово. Вместо этого дивизия стала на бивак. Левее дивизии, у кубанских казаков, огонь также прекратился. От Гвардейского полка в охранение пошли кавалергарды. Во время перестрелки в штабе полка был ранен осколком гранаты кирасир полковник Бразоль¹⁸⁸.

На следующее утро, 13-го, конница продолжала движение на Шолохово. Ко времени подхода 1-й дивизии, наступавшей на Шолохово вдоль реки Соленой, кубанские и терско-астраханские казаки заняли Шолохово и вели бой фронтом на север, упираясь флангами в реки Соленая и Бузулук. Красная конница, усиленная подошедшими свежими полками, перешла в энергичное наступление, постепенно отжимая весь корпус генерала Бабиева на Шолохово, охватывая село широким полукругом. Шолохово простреливалось с трех сторон. Снаряды рвались на улицах, и некоторые постройки загорелись. Единственный возможный выход из грозившего коннице полного окружения был через хутор Твердомедов, на южном берегу реки Каменки, к тому же занятой красными. 3-му конному полку было приказано выбить красных из хутора и обеспечить коннице переправу.

Река течет в глубоком овраге, окаймленная крутыми скалистыми берегами со множеством каменоломен. Через нее у самого хутора был крепкий каменный мост, но недостаточно широкий, чтобы пропустить более трех всадников в ряд. Командир 3-го полка выставил против моста свои пулеметы. Два орудия стали на открытую позицию. Под прикрытием огня пулеметов и орудий сводный эскадрон белорусцев¹⁸⁹ и стародубовцев¹⁹⁰, во главе со своим командиром, подполковником Кузьминым-Караваевым¹⁹¹, проскочил мост в колонне по три и занял хутор, повторив тот же подвиг, что некогда был со-

вершен под Сомма-Сиерра 1-м гвардейским Польским уланским полком Наполеоновской армии. В атаке командир эскадрона был ранен.

Вслед за эскадроном переправился весь 3-й полк и артиллерия. Красная пехота и конница, занимавшие хутор, были отброшены. Для конного корпуса был создан широкий плацдарм, обеспечивающий переправу. Арьергард корпуса, Терско-Астраханская бригада, все время осаживала и садилась на хвост корпусу, внося беспорядок в его движение. Нажим красных был остановлен 6-м конным полком, который в течение всей переправы сдерживал наступление красных и не давал им возможности атаковать отступающий корпус. Во время боя у Шолохова был убит командир корпуса генерал Бабиев, и в командование корпусом вступил генерал Науменко, вскоре тоже раненный.

После переправы у хутора Твердомедова конница продолжала движение на станцию Ток, откуда ее авангард, Кубанская дивизия, выбил пехоту и конницу красных. Сумерки быстро надвигались, и, когда, пройдя станцию Ток, конница подошла к колонии Николаиталь, наступила ночь. Простояв там около часа, конница двинулась к Днепру. 1-я дивизия стала в Марьинское, Кубанская пошла на Грушевский Кут, Терско-Астраханской бригаде надлежало идти в Ново-Воронцовку. Было приказано отправить на рассвете раненых, больных и слабых лошадей на левый берег Днепра. Этим ограничили все распоряжения на следующий день. Пойдет ли конница на Апостолово, будет ли она переправляться обратно через Днепр или оборонять занятый рубеж, никому известно не было. Утомленные до последних пределов полки развели эскадроны по дворам.

Большое село Марьинское, растянутое полукругом на пять с лишним верст, лежало в глубокой низине, окруженное с трех сторон оврагами и грядами высоких холмов, припертое с четвертой стороны Днепровскими плавнями. С утра 14-го на всем фронте была полная тишина. К 10 часам Гвардейский полк построился на восточной окраине села на сборном месте дивизии. В томительной неизвестности, ожидая распоряжений, полки простояли там более часа. Этим временем воспользовался командир Кавалергардского эскадрона, чтобы достать на всякий случай проводника, хорошо знакомого с бродами и переходами через плавни.

Около 12 часов разведка донесла о подходе со стороны Шолохова и станции Ток больших колонн красной конницы. Вперед, на бугры, от дивизии было выслано несколько эскадронов. Гвардейскому полку было приказано занять северную окраину Марьинского и связаться с Терско-Астраханской бригадой. Оставив в резерве Кавалергардский эскадрон, полк занял цепями окраину села. От левофлангового эскад-

рона (гродненские гусары) пришло донесение, что на северо-западной окраине села не только нет никаких следов Терско-Астраханской бригады, но что эта часть села никем даже не наблюдается. Туда был отправлен Кавалергардский эскадрон.

Заняв цепью окраину села, ротмистр Раух выслал два разъезда, один в сторону противника, другой на розыск казачьей бригады. Две сотни были найдены у самых плавней, где были другие, выяснить не удалось.

Скоро по всему фронту началась сильная стрельба. Снаряды рвались на восточной окраине села. Особенно сильный огонь был слышен со стороны Грушевского Кута. Через полчаса вернулся разъезд и донес, что красные лавы подходят к самому селу. Через несколько минут они были уже в селе. Эскадронные пулеметы открыли огонь. Красные в беспорядке отхлынули назад. Одновременно прискакал ординарец штаба полка с приказанием немедленно присоединиться к полку. Под прикрытием огня пулеметов эскадрон двинулся на присоединение к полку.

Красные снаряды рвались уже по всему селу. По улицам неслись отдельные всадники, пулеметные тачанки, проскочили казачьи орудия. Паника вещь заразительная, и не только для всадника, но и для коня. Сохранить в руках эскадрон и вести его далее в порядке в такой обстановке было невозможно. Кавалергарды свернули в плавни. Тут особенно пригодился проводник, выведший эскадрон к мелкому броду. Со стороны Грушевского Кута доносился сплошной гул орудийных выстрелов и разрывов. Густая масса перемешавшихся всадников разных полков, орудий, пулеметов на тачанках неслась оттуда в полном беспорядке к плавням. Всякое управление частями было утеряно.

Из Марьинского выскочило около сотни красных кавалеристов, преследовавших эскадрон. Головные всадники были скошены огнем пулеметов, остальные отскочили обратно в село. Еще несколько глубоких бродов пройдено легко. Впереди предстояла переправа через Бузулук. Остановливаясь и разыскивать полк в лавине несущихся всадников было невозможно. Эскадрон пошел дальше, временами останавливаясь и отстреливаясь от наседавших красных.

Брод через Бузулук был забит сломанными и застрявшими повозками и тачанками. На противоположном берегу никто не останавливался. Все неслись дальше. Проводник указал другой брод, немного ниже по реке, очень глубокий и с топким дном. К этому же месту свернула кучка пулеметов разных частей, задерживавших красных и отстреливавшихся до последней возможности. При переправе одна эскадронная тачанка завязла и сломалась. Пулемет сняли, лошадей отпрягли, тачанку бросили.

Пройдя реку, ротмистр Раух задержал все пулеметы и открыл огонь по наседавшим красным. Откуда-то появились два конных орудия. После небольшого колебания они согласились стать на позицию и дали несколько выстрелов. Но и этого было достаточно. После нескольких попыток форсировать брод красные, встретив некоторое подобие сопротивления, прекратили преследование и отошли на Марьинское. Только красные снаряды продолжали рваться в разных местах плавней. Постепенно огонь стих, паника тоже понемногу улеглась.

Подошла небольшая часть 6-й пехотной дивизии и заняла переправу. Эскадрон пошел дальше. По дороге встретили командира полка с ординарцами, затем Кирасирский эскадрон. Где были другие эскадроны, никто не знал. При отступлении полк попал в самую гущу, и потери в нем были велики. Были убиты командиры Уланского и Гродненского эскадронов, полковники Грегор¹⁹² и Адрианов¹⁹³, кирасир поручик Собинов¹⁹⁴, лейб-гусар корнет Саморупо¹⁹⁵, в команде связи поручик Блек, сестра милосердия Огданец-Обыдовская¹⁹⁶, ранены улан Ее Величества полковник Длусский¹⁹⁷, лейб-драгун ротмистр Генрици¹⁹⁸, сестра милосердия княжна Оболенская¹⁹⁹. Потеряно 8 санитарных повозок, и без вести пропал фельдшер Довгелло. В полковой пулеметной команде ротмистра Пашкова ранено 17 пулеметчиков, убито 15 лошадей и разбито огнем 3 пулемета. Кавалергарды потеряли ранеными младшего унтер-офицера Халепа, кавалергардов Яцуга, Михайлова и Елагина и убитым кавалергарда Гаммея.

К мосту через Днепр подошли с темнотой. У моста горели костры, и энергичный комендант руководил переправой. Сначала — санитарные повозки, раненые, артиллерия, пулеметы, затем — конница. Простояв в деревне Ушкалке час, Гвардейский полк на рассвете 15-го стал на бивак в селе Верхний Рогачик.

Хорошо задуманная, блестяще начатая и позорно закончившаяся Заднепровская операция лишней раз подтвердила, что история конницы — это прежде всего история ее начальников. Отсутствие в эти дни во главе конницы генерала Барбовича тяжело отразилось на действиях конного корпуса, в особенности в последние часы Заднепровской операции.

Последние бои и оставление Крыма

Простояв неделю в селе Верхний Рогачик, Гвардейский полк перешел в Нижние Серагозы, в районе которых сосредоточивался Конный корпус генерала Барбовича. Там полк оставался до 30 октября.

За это время не только на Южном, но и на всех фронтах красных армий произошли большие перемены, отразившиеся на окончательном, неизбежном исходе Гражданской войны на Юге России. 12 октября в Риге был подписан Польско-Советский мирный договор, что сразу облегчило переброску на Южный фронт значительных подкреплений. С повстанческой армией Махно красное командование подписало 2 октября в Старобельске соглашение, в силу которого Махно обязался прекратить враждебные действия против красных и принять участие в борьбе с войсками генерала Врангеля.

К концу октября, когда началось наступление красных, боевой состав 1-й и 2-й Конных, 4-й, 6-й и 13-й армий исчислялся в 135 тысяч против 34 тысяч армии генерала Врангеля, что давало красным преимущество почти в четыре раза.

Полная невозможность пополнить убыль в войсках, в особенности в коннице, начертание фронта в виде выгнутой к северу на 120 верст дуги длиной около 400 верст, с необеспеченными флангами и с постоянной угрозой Каховского тет-де-пона, ставили Главнокомандующего перед трудной задачей ведения дальнейших боевых действий. Для ее обсуждения генерал Врангель созвал совещание своих ближайших сотрудников, на котором присутствовали только командующие армиями, генералы Кутепов и Абрамов²⁰⁰, начальник штаба, генерал Шатилов²⁰¹, и командир Конного корпуса, генерал Барбович. Генерал Врангель предложил обсудить два решения: начать ли немедленный отход за Крымские перешейки или принять бой в Северной Таврии? Совещание единогласно высказалось за второе решение, которое, кроме возможности нанесения урона красным, давало больше времени на подготовку эвакуации, на сбор в разных портах Крыма нужного числа судов, на погрузку угля. Одновременно была намечена полная перегруппировка армий, изменение в их организации и в командном составе.

В связи с неудачей Заднепровской операции, 1-я армия генерала Кутепова (1-й и 2-й армейские корпуса) заняла левый фланг. В командование 2-й армией (3-й и Донской корпуса) вместо генерала Драценко²⁰² вступил генерал Абрамов. Генерал Барбович вновь вступил в командование Конным корпусом. Были созданы две отдельные конные группы: генерала Говорова²⁰³ (1-я, 2-я Донские конные дивизии) и генерала Барбовича (1-я, 2-я кавалерийские и Кубанская конная дивизии и Терско-Астраханская бригада). Обе эти группы были подчинены непосредственно Главнокомандующему.

После произведенной перегруппировки войска Русской Армии занимали в общих чертах следующее положение: 2-я армия — от Азов-

ского моря на Инзовку, Николаевку, Большой Токмак стоял Донский корпус (3-я Донская и пешая дивизия, гвардейская конная бригада и пешие части 1-й и 2-й дивизий). От Большого Токмака на Васильевку, Эристовку — 3-й армейский корпус (6-я и 7-я пехотные дивизии). Против 20 тысяч 2-й армии стояли 65 тысяч 4-й и 13-й армий. 1-я армия занимала своим 1-м армейским корпусом центральное положение от Балки, Днепровка (Марковская дивизия), Большая Знаменка, Нижний Рогачик, Большая Лепетиха (Корниловская дивизия), южнее по Днепру на Каиры-Дмитровку, запасные части генерала Черепова²⁰⁴, от Дмитровки на Казачьи Лагеря, 2-й армейский корпус (13-я и 34-я пехотные дивизии) и далее, до Черного моря, Гвардейский отряд. Против 15 тысяч 1-й армии стояли 2-я Конная и 6-я армии силой в 60 тысяч. Конная группа генерала Говорова стояла в районе Орлянска, Конный корпус генерала Барбовича, с приданной Дроздовской дивизией, составлял ударную группу и был расположен в Верхних и Нижних Серагозах.

Войска Русской Армии, правда с большими потерями, все же смогли отойти за перешейки. Пользуясь пассивностью красных, генерал Врангель начал отвод своих армий для сокращения фронта, и к началу боев войска занимали указанное выше положение.

Вечером 29-го генерал Барбович получил приказание выступить на рассвете 30-го на Агайман, остановить в этом районе продвижение 1-й Конной армии и обеспечить частям 1-го армейского корпуса и 2-й армии пути отхода в Крым.

Сосредоточившись ночью в Нижних Серагозах, Конный корпус выступил на рассвете 30-го на Агайман. Авангардным полком 1-й дивизии шел Гвардейский полк. Задолго до рассвета кавалергарды были высланы разведывательным эскадром по пути следования корпуса. Головным разъездом был выслан от эскадрона взвод корнета Герарда. Конному корпусу был придан автодивизион на легких автомобилях Форда, вооруженных пулеметами, обслуживаемых главным образом кирасирами расформированного 4-го эскадрона Гвардейского полка.

Утром, подходя к Агайману, разъезд корнета Герарда был обстрелян с его окраины, а затем из села вышли против разъезда два эскадрона. Разъезд начал отходить на свой эскадрон. Преследуя разъезд, красные нарвались на огонь кавалергардских пулеметов и отошли. Два других эскадрона пытались охватить фланги кавалергардской лавы, медленно отходившей на авангард. Спустя час после начала перестрелки подошел Гвардейский полк и начал строить фронт. Одновременно с подходом полка вышла красная конница и, в свою очередь, стала

строить фронт. Судя по интервалам между частями, против полка вышла бригада конницы. За нею из Агаймана выходили другие конные части, постепенно расширяя фронт. Полковые пулеметы ротмистра Пашкова вынеслись вперед и открыли огонь. Полк шагом двинулся вперед. Справа, со стороны деревни Ново-Репьевки, показались другие густые колонны красной конницы.

Положение для полка оказалось очень тяжелое. Повернуть — значило бы подставить себя под удары всей массы красной конницы. Полк перешел в рысь. В этот момент за Гвардейским полком показались остальные полки дивизии, разворачиваясь на галопе и расширяя фронт полка. Конные батареи вынеслись вперед и открыли огонь по коннице красных и по Агайману. Обстановка круто изменилась. За несколько минут до столкновения красные повернули кругом и стали отходить, частью на село, частью в сторону подходившей справа красной конницы.

Этот неожиданный отход был вызван появлением справа главных сил корпуса, а слева — автопулеметного дивизиона. Весь конный корпус перешел в атаку. На плечах отходивших на Агайман красных полков головной эшелон атакующей 1-й дивизии, Гвардейский и 3-й конный полки, ворвались в Агайман. Красная конница была отброшена частью на юг, на Ново-Троицкое, частью на запад, на Ново-Репьевку. В селе был захвачен боевой обоз 11-й кавалерийской дивизии и полностью уничтожен эскадрон прикрытия, не успевший выйти из села.

Под вечер в Агайман подошла пехота 1-го армейского корпуса. От прилетевшего летчика были получены дальнейшие директивы и освещение обстановки на фронте, которая была тревожна и грозила тяжкими последствиями тем частям, которые не успели отойти за перешейки. На Перекопе 2-й армейский корпус генерала Витковского в течение трех дней с успехом отбивал все атаки на Турецкий вал. Более тревожное положение создавалось на Чонгарском направлении, где части 1-й Конной армии перехватили железную дорогу Мелитополь — Джанкой и вышли на линию Геническ — Ново-Алексеевка, отрезав частям Русской Армии пути отхода в Крым. На станции Ново-Алексеевка они захватили Американскую миссию Красного Креста, к которой был прикомандирован корнет В.С. Воеводский. Донской и 3-й армейский корпуса, отходившие от Мелитополя под прикрытием броневых поездов, находились еще в районе станции Утлюк, приблизительно в 40 верстах от перешейков. Генералу Барбовичу было приказано прощупать до чего бы то ни стало фронт 1-й Конной армии на подступах к Чонгару и обеспечить войскам пути отхода в Крым. Вечером, оставив

в Агаймане незначительный аррьергард, корпус заночевал в хуторах Бредихина и Морозова.

Утром 31-го конница генерала Барбовича выступила дальше и совместно с сильно поредевшими частями 1-го армейского корпуса пошла после полудня к деревне Отраде. Преодолев упорное сопротивление красной конницы, корпус вечером занял Отраду, отбросив красных на Ново-Троицкое.

С темнотой 1-я кавалерийская дивизия с небольшой частью Дроздовского полка была направлена на деревню Рождественское, занятую, по сведениям разведки, крупными силами красной конницы. Ночью дивизия подошла к Рождественскому и после короткого ночного боя заняла деревню. Стремительная атака дивизии была настолько неожиданной для красных, что они не оказали почти никакого сопротивления. По дворам было захвачено более сотни поседланных и неоседланных лошадей, повозки обоза и десятка три пленных, принадлежащих к 14-й кавалерийской дивизии, пришедшей накануне в Рождественское, в резерв 1-й Конной армии. На бивак дивизия стала в деревне.

В тот же день 3-я Донская и 7-я пехотная дивизии подошли к станции Ново-Алексеевка, разбили 4-ю дивизию 1-й Конной армии и отбросили ее на запад. В результате боев у Агаймана, Отрады, Рождественского и Ново-Алексеевки фронт 1-й Конной армии был прорван и отход войск на Чонгарский перешеек был обеспечен.

К утру 1 ноября ночной туман постепенно разошелся. Холодное осеннее солнце только что встало, озаряя всю степь кругом Рождественского алыми лучами. Порывистый северный ветер, дувший все предыдущие дни, стих, но мороз все еще держался. Холода в 1920 году наступили необычно рано, и морозы в Таврии достигали 10 градусов. Часам к 9 в охранении дивизии послышались первые звуки ружейной и пулеметной стрельбы. Орудия и пулеметы были запряжены, полки начали втягиваться на северную окраину деревни. Гвардейский полк стал немного левее и уступом за 2-й бригадой. Скоро вдали показались густые красные лавы. Им навстречу пошла 2-я бригада. Развернувшись, она рысью двинулась вперед и скрылась за буграми. Через несколько минут донеслось заглушенное «Ура!» и почти сразу сильнейший пулеметный огонь. Затем, через бугры, через которые только что прошла атака, стали спускаться раненые, спешенные всадники, а за ними отходящие лавы бригады, за которыми следом, почти вплотную, шли лавы красной конницы.

Раздалась команда: «Гвардейский полк, вперед!» Не успев еще полностью развернуться, полк на галопе выскочил из ложины и сразу же попал под сильнейший пулеметный огонь. Полк выручила пулеметная

команда ротмистра Пашкова. Она вынеслась вперед, на фланг атаки, и с первого же заезда уничтожила все правофланговые пулеметы красных. Полк врубился в красные лавы. Пулеметы 2-й бригады, орудия открыли огонь. Нарвавшись, в свою очередь, на ураганный огонь, красные не выдержали, повернули и наскочили на поддержки. Все перемешалось и понеслось назад в полном беспорядке. Преследование полком продолжалось недолго. Измотанные лошади, понесенные потери скоро его прекратили.

Атака, как потом выяснилось, 21-й кавалерийской дивизии 2-й Конной армии была отбита, но эта победа дорого обошлась Гвардейскому полку. Был убит командир полка, полковник Ковалинский (улан Его Величества), только четыре дня до этого принявший полк, ранены оба дивизионера, полковник князь Гагарин²⁰⁵ (кавалергард) и полковник Алексеев²⁰⁶ (улан Его Величества), полковник Багговут²⁰⁷, адъютант полка, ротмистр Муханов, ротмистр Хрущев (все трое конногренадеры). В командование полком вступил полковник Малиновский (гродненский гусар).

В начале атаки, когда 1-й взвод первым попал под пулеметный огонь и сразу потерял более половины своего состава, из смешавшейся кучи живых, раненых и убитых лошадей и людей вырвался всадник и, подняв высоко шашку, крикнул: «Не робей, хлопцы! Докажите, что вы — кавалергарды! Равняйся на эскадронный значок!» Это был взводный 1-го взвода, унтер-офицер Ефим Дробязго. Молодой доброволец, только что сам раненный двумя пулями, в критическую минуту своей жизни вспомнил свой особенный, кавалергардский патриотизм. Никогда не бывший на военной службе и, вероятно, год тому назад ничего не знавший о существовании кавалергардов, впитал в себя вековые заветы полка и всем своим существом, физически и духовно, слился с ним в одно нераздельное целое, подобно тому, как сливались воедино все чины старого полка.

1 ноября, после упорной ночной обороны, конный корпус был принужден очистить Отраду и отойти на Ново-Михайловку. Туда же на присоединение к корпусу выступила на рассвете 2-го и 1-я кавалерийская дивизия. Дальнейший отход конницы генерала Барбовича прошел почти без всякого давления со стороны красных. Только во второй половине дня она была атакована конницей красных у Ново-Дмитровки. Не вялаясь в затяжной бой, корпус продолжал отход, отбивая атаки огнем пулеметов и батарей. Кавалергарды потеряли ранеными начальника пулеметной команды, ротмистра Пашкова, и командира своего пулеметного взвода, корнета Собриевского²⁰⁸. Взвод принял корнет Ситковский. Пройдя по Чонгарскому мосту в Крым,

дивизия стала на ночлег в Тюб-Джанкой. 3-го дивизия перешла в резерв армии в район Богемка — Войновка.

К началу последнего наступления красных на Крымский полуостров войска генерала Врангеля были сосредоточены в двух направлениях. На Перекопском: на самом Турецком валу, у Армянска и на Юшуньских передовых позициях стояли три полка дроздовцев, Гвардейский пехотный полк²⁰⁹, два полка корниловцев, и позже туда же подошел 2-й Марковский полк²¹⁰. На Литовском полуострове окопы занимала Кубанская пешая бригада генерала Фостикова. Отдельный сводный батальон, 13-я и 34-я пехотные дивизии предназначались для переброски на Чонгарский участок. Боевой состав всех этих частей немногим превышал 10 тысяч. На Чонгарском направлении и на Арабатской Стрелке стояли Донской корпус, остатки 6-й и 7-й пехотных дивизий и два полка марковцев. Их общий боевой состав не превышал 5 тысяч. Туда же должна была подойти неокончившая свое формирование, слабая по составу и не сколоченная в боях 15-я пехотная дивизия. Конный корпус генерала Барбовича, около 4 тысяч шашек, находился в районе Воинка — Большая Магазинка. Но все эти размещения и перегруппировки к началу боев за перешейки далеко не были закончены. В общей сложности, со всеми запасными и учебными частями, вся Русская Армия насчитывала около 25 тысяч.

В ночь с 7-го на 8 ноября красные части 15-й и 52-й стрелковых дивизий начали переправу вброд через Сиваш на Литовский полуостров. К двум часам утра их передовые части вышли на его северный берег, выбили из окопов Кубанскую пешую бригаду и продолжали движение в сторону Юшуньских позиций. Попытки двух Дроздовских полков задержать наступление были отбиты. Около 300 человек сдались в плен. Более удачна была контратака 13-й и 34-й пехотных дивизий, всего около 3 тысяч, которые отбросили красных, нанеся им большие потери. Атаки красных на Турецкий вал были неудачны и сопряжены с большими потерями.

8-го конница генерала Барбовича была вызвана на фронт. Ночной переход при 10 градусах мороза был очень тяжел. Около полуночи был дан привал на два часа, прямо в степи, у каких-то брошенных, полуразрушенных кошар. Успели накормить людей и лошадей, но найти укрытие от ледящего ветра и мороза было негде. Грелись у костров, разведенных из заборов, плетней и разобранных построек.

На рассвете 9-го конница подошла к Карповой Балке, на северной оконечности озера Красного. К этому времени обстановка на фронте значительно ухудшилась. В 3 часа утра красные овладели Турецким валом и начали свое, почти беспрепятственное продвижение к Юшунь-

ким позициям. Туда же направлялись с Литовского полуострова и 15-я и 52-я стрелковые дивизии, поддержанные подошедшими ночью 7-й и 16-й кавалерийскими дивизиями и армией Махно. С падением Турецкого вала связь между Литовским полуостровом и Перекопом была облегчена и стала возможной и по сухому пути.

Чтобы ослабить нажим красных на левый и средний участки Юшуньских позиций, между Черным морем и озерами Старое и Красное, конному корпусу было приказано атаковать и отбросить к северу красные части, наступающие с Литовского полуострова.

Как только рассеялся туман, конница совместно с остатками Кубанской пешей бригады двинулась вперед. Очень скоро Гвардейский полк, шедший в авангарде 1-й кавалерийской дивизии, обнаружил крупные части красной пехоты. Конной атакой дивизии они были отброшены за хутор Черкашенина, но севернее хутора красные оказали упорное сопротивление. Во время атаки кавалергарды захватили пулемет. Через короткое время, совместно с подошедшими другими полками, 1-я дивизия пошла в повторную атаку. Красные были вновь отброшены и отступили в глубь Литовского полуострова. В атаке был ранен командир полка, полковник Малиновский. В командование полком вступил ротмистр Раух. Кавалергардский эскадрон принял поручик Б.А. Чичерин.

Преследуя отступающих, конница подошла к нашим окопам, занятым теперь красными. В 15 часов была произведена атака. Перескочив через окопы, эскадроны нарвались на проволоку, за которой остановившиеся красные встретили атаку сильнейшим огнем. Понесся очень большие потери, полки отхлынули назад. В Гвардейском полку были убиты корнеты Сташевский²¹¹, Богдасаров²¹², Кейгерист²¹³, ранен поручик Максимов²¹⁴ (все четверо кирасиры Его Величества). Двумя пулями, в грудь и в ногу, был ранен командир полка, ротмистр Раух и поручик Озеров (лейб-драгун).

Огромные потери, понесенные полками, подход к красным подкреплений, туман и наступающая темнота не позволили коннице продолжать бой. На ночь она отошла на линию Сиваш — озеро Безымянное и частью заняла окопы, частью стала в резерв, на поле. Подошли кухни, и удалось накормить людей. После трех атак в Гвардейском полку осталось всего около 200 шашек. В командование полком вступил полковник Максимов (кирасир Его Величества).

В течение дня 10-го, совместно с подошедшими остатками 13-й пехотной дивизии и Гвардейского пехотного полка, конница отбивала неоднократные атаки, во время которых был ранен в Кавалергардском эскадроне корнет граф Вл. Мусин-Пушкин.

С раннего утра 11-го красные повели энергичное наступление на окопы, занятые пехотой. После трех часов упорной обороны фронт пехоты был прорван, и она стала отходить на вторую линию. За нею появилась лава красной конницы. Чтобы дать пехоте возможность дойти и задержаться на новой позиции, начальник 1-й кавалерийской дивизии, генерал Выгран²¹⁵, собрал остатки конных полков и лично повел их в контратаку. Красная конница удара не приняла, повернула и смяла наступающую за ней пехоту. Бросая пулеметы и даже орудия, красная конница и пехота отступили в большом беспорядке.

Но этот временный и неожиданный успех на небольшом участке фронта, при малочисленности имевшихся на нем сил, не мог уже иметь никакого влияния на участь обороны Крыма. Тем более, что в это же приблизительно время была прорвана оборона на Чонгарском перешейке и на Юшуньских основных позициях, между Черным морем и озером Старым. Южнее станции Юшунь контратака Терско-Астраханской бригады успеха не имела. В два часа дня у кургана Азис, на перешейке между Сивашем и озером Круглым, конницей был получен приказ о прекращении борьбы и об отходе на черноморские порты для посадки на суда.

Остаткам 1-го, 2-го и 3-го армейских корпусов погрузка была назначена в Евпатории и Севастополе, Кубанским частям — в Феодосии, Донским — в Керчи и обеим кавалерийским дивизиям — в Ялте.

Убедившись, что пехота, стоявшая на участке конницы, благополучно миновала дефиле между озерами Красное и Киятское, конница, в свою очередь, снялась с позиции. В арьергарде шла бригада полковника Полова, Гвардейский и 1-й конный полки. Ночью в деревне Бог-Газы был дан привал. В дороге присоединилось небольшое пополнение из запасного полка, приведенное полковником Новиковым²¹⁶ (улан Его Величества), вступившим в командование Гвардейским полком. Ночью же был объявлен приказ генерала Врангеля, разрешающий всем желающим покинуть ряды армии. Рано утром 12-го бригада продолжала движение на Ялту. У деревни Курман-Кемельчи бригада была обстреляна шрапнелью, и слева показались красные лавы, рассеянные огнем батареи. Это было последнее столкновение с красными. Продолжая свое движение, бригада прошла Чатыр-Дагский перевал и вечером 13-го пришла в Алушту.

На рассвете 14-го конница выступила на Ялту. Гвардейский полк с приданными двумя орудиями Дроздовской батареи, эскадроном запасного полка и бронированной автомашиной остался в Алуште прикрывать движение конницы на Ялту. В полдень полк, в свою очередь, выступил на шоссе на Массандру, где оставался до вечера, прикры-

вая посадку на суда. С наступлением темноты полк отошел на Ялту и занял сторожевое охранение на ее окраине. Всю ночь по городу выслались патрули для предупреждения и прекращения начавшихся в городе грабежей магазинов и частных домов.

Утром 15-го полк подошел к пристани и начал погрузку на транспорт «Крым». Лошади были оставлены населению, с собой взяли только оружие и седла. Днем в Ялту пришел крейсер «Генерал Корнилов»²¹⁷ с генералом Врангелем на борту, обходившим на нем все порты, чтобы лично удостовериться в порядке при посадке на суда. Появление Главнокомандующего было встречено громовым «Ура». После отхода «Генерала Корнилова» транспорты «Русь» и «Крым» вышли на внешний рейд с остатками двух кавалерийских дивизий, с ранеными, больными и медицинским персоналом ялтинских госпиталей и санаториев. На транспорты было также погружено много обывателей города и его окрестностей.

Потом суда пошли на присоединение к другим судам, вышедшим из других портов Крыма. Туман постепенно заволакивал очертания крымских берегов и последние, слабо мерцающие огоньки на родной земле. Повернулась последняя, заключительная страница боевой летописи Кавалергардского полка.

«Vae Victis» — «Горе побежденным!» — говорит латинское изречение. Но есть и другое, тоже латинское, изречение, отдающее побежденным честь и славу: «Victis Honos»

Н. Волков-Муромцев²¹⁸

В БЕЛОЙ АРМИИ²¹⁹

Возвращение в Киев

Как ни странно, я не чувствовал, что путешествие наше окончено. Пока мы ели, Исаков²²⁰ сидел рядом и расспрашивал нас о Главсахаре²²¹. Он ничего не знал. Насколько мог, я ему все объяснил. Где находится Западный полк? Я не знал, но предполагал, что в Киеве. Я спросил о боях. Исаков сказал, что после взятия Павлограда, где красных разбили и взяли много пленных, больших боев не было, только стычки. Все большие бои были на Донце, до Павлограда. 5-й кавалерийский корпус перешел с левого фланга гвардейской дивизии на правый и двинулся на Галич и Ромны. Дальше направо шел Корниловский корпус генерала Кутепова. Наши стрелки²²² были правым флангом

гвардейской дивизии корпуса генерала Бредова. Большинство солдат дивизии были из пленных красноармейцев. «Они вам все расскажут».

Я спросил про броневики.

— Ах, это экипаж Черноморского флота с нами, у них шестнадцать броневиков. Они очень здорово дерутся.

Но вот выступили по дороге в Полтаву. С нами была батарея гвардейской пешей артиллерии и конный отряд разведчиков под командой штабс-капитана фон Эндена²²³.

Подобрали сторожевое охранение и с дозорами впереди и по бокам пошли колонной по дороге. Красной батарее, которую я видел в роше, конечно, уже не было и духу. Прошли последнюю рошу, и открылась Полтава, вся в густых садах.

Энден ушел со своими разведчиками вперед. При подходе к городу вестовой донес, что в нем никого нет. Одна из рот позади нас ушла направо занять Харьковский вокзал. Мы перешли Ворсклу.

Зазвонили повсюду колокола, и, закиданные цветами, на виду у всего населения мы прошли на Александровскую площадь. Остальные, по-видимому, привыкли к таким встречам, но на меня это произвело невероятное впечатление. Какие-то девицы в летних платьях кидались целовать солдат.

Несколько взводов прошли дальше, вероятно, чтобы занять Киевский вокзал. Мы поставили винтовки в козлы. На ступеньках большого дома толпились люди, говорили речи, которых не было слышно из-за гула толпы. Появились на зданиях русские флаги.

Я еще не знал, что происходило в Гражданской войне. Мы попали в Белую армию и с ней вернулись на следующий день в город, который был не более 30 часов тому назад красным, полным красноармейцами и чекистами. Вдруг все переменялось без единого выстрела. Где-то на север от нас грохотали орудия. Кто-то действительно дрался там. Но мы — мы просто пришли, и нас встретили ликованием.

Пока мы ждали квартиреров, прошел еще какой-то батальон, его целовали и забрасывали цветами так же, как и нас. Повзводно нас повели на стоянку. Володя²²⁴ оказался в пулеметной команде. В первый раз я увидел наше самое удачное оружие — тачанку, у большевиков их не было еще год.

Тачанка — рессорная коляска Южной России, обыкновенно запрягалась двумя лошадьми в дышло, но белые прицепили еще двух пристяжных, так что стала четверка. В спинке заднего сиденья был вырезан полукруг, через который торчало дуло «максимки», а колеса его стояли на сиденье.

Судя по солдатам в моей роте, название «Добровольческая армия», как именовалась армия Деникина, к этому времени устарело. Добровольцев, кроме меня, было только с десятков. Остальные были пленные красноармейцы. Меня интересовало, во-первых, как они попали в Красную армию, а во-вторых, отчего с таким энтузиазмом служили в Белой армии.

Многие из солдат были регулярные, служившие в разных полках в момент революции. Эти остатки были просто названы сперва красногвардейцами, потом красноармейцами. Они были совершенно аполитичны. В большинстве случаев они были из северных и восточных губерний и, когда началась революция, сидели в окопах. Домой пробраться не могли и в то же время видели, что их в армии кормят лучше, чем обыкновенное население. Появились в этих полках какие-то новые командиры и политические комиссары, и их двинули на Южный фронт, где, им сказали, были немцы и разбойники. Они участвовали только в стычках и неприятеля толком не видели.

Вдруг на Донце и в Таврии они в первый раз были в настоящем бою и с удивлением увидели, что неприятель — в русских формах, с погонами. Они увидели, что их командиры и комиссары боялись этих «немцев-разбойников». Им же казалось, что это просто старая армия. У них не было никакого намерения сражаться со своими, и к тому же не было никакого уважения к своему начальству.

В боях они увидели, что белые дисциплинированы и дрались как настоящие солдаты. Тогда они стали сдаваться, хотя им начальство долбило, что если их возьмут в плен, то расстреляют. Вместо расстрела их стали спрашивать, в каких полках они служили. Никто не спросил, были ли они большевики или нет, спросили только, хотят ли они служить в белом полку. Поголовно все старые солдаты согласились. Молодежь пошла за ними.

Второй элемент была молодежь. Они никогда до Красной армии не служили. Их, они говорили, «забрали», то есть мобилизовали красные.

Теперь у белых эта смесь чувствовала себя боевой единицей. Они были гвардейские стрелки Императорской фамилии²²⁵ и страшно горды этим. Дисциплина была строгая, но жизнь дружная. Им не разрешалось ни грабить, ни насиловать. Офицеры были настоящие, знали, что делали, смотрели за своими солдатами. Не любили потерь.

Опять политика никакой роли не играла, никто их не спрашивал, во что они верят. Они знали только, что дерутся против большевиков, потому что — они сами видели — красные разоряют и крестьян, и города.

Старые солдаты рассказывали, захлебываясь, о довоенной жизни, и молодежь слушала их завистливо. Они все были убеждены, что если красных выкинуть, то все вернется к старому доброму житью. Результат был, что стрелки были надежные, великолепные солдаты.

Мне это все было очень приятно. Я попал рядовым в первый взвод под командой настоящего старшего унтер-офицера бывшего Апшеронского полка Горшкова. Взвод был опрятный, дисциплинированный и дружный. Мои соседи по взводу были Сивчук из-под Ахтырки, Абрамов из Костромской губернии и Лазарев из Владикавказа. Все трое были на фронте во время войны, Сивчук был раньше Перновского полка.

Наша ночная стоянка в Полтаве меня немножко удивила. Мы были квартированы в доме еврея-лавочника. Хозяева нас встретили с каким-то восхищением, которое было совершенно подлинным. Уставили стол всякими яствами. Ухаживали за нами, как будто мы им жизнь спасли. Сивчук, как старший, предложил заплатить за постой. В первый раз я увидел «добровольческие» деньги. Хозяева отказались наотрез.

Оказалось, что солдатам выдавались деньги и квитанции на постой, по рублю на человека в ночь. Я должен сказать, что не знаю, все ли платили. Когда я уже был в Конном полку, плата делалась квартирмейстером или старосте, или городскому голове. И я не уверен, что всегда платили. Но что всегда было, это плата за овцу или курицу и, вероятно, хлеб от булочников. На этом наши офицеры строго настаивали и брали расписки.

Я еще не привык к пехотному снаряжению, тяжелой винтовке, но мне все это казалось временным, только бы дойти до Киева!

Наутро мы выступили из Полтавы по направлению на Миргород. В авангарде у нас шел какой-то другой батальон. С ним шла батарея гвардейской легкой артиллерии. Когда она нас обгоняла, я заметил, что орудия были не наши трехдюймовки, а какие-то, которых я раньше не видел.

— Что это за пушки? — я спросил Сивчука.

— Это, брат, нам англичане поставляют. Дрянь какая-то, артиллеристы говорят — расстрелянные.

— Что это значит?

— Да не новые, вероятно, всю войну где-то пропущали.

На северо-восток от нас иногда вдали грохотали пушки, но на нашем фронте ни одного красноармейца не видели, только поломанные повозки. На второй день пришли в Миргород. Тут уже стоял 2-й батальон, но, несмотря на это, встречали нас опять толпы. Город был чистый, на вид просто уездный город, как будто революции никогда не было.

Мы прошли сторожевое охранение 2-го батальона. Теперь батарея шла за нами. Ни через Псел, ни через Хорол мосты не были взорваны. Шли мерно, но скоро, может быть, хотели нагнать отступающих красных?

Разъезды донесли, что в Лубнах никого нет. Какой-то вестовой принес донесение, что Ромны заняты нашей конницей. Меня это все очень удивляло. Где та «доблестная Красная армия», которая разбивала и уничтожала «разбойные белые шайки»?

В Лубнах нас нагнал обоз, мы его не видели с Полтавы. Он был маленький и легкий. Все наше движение было налегке. Батарея наша беспокоилась о снарядах. Слышал, как артиллерист говорил с нами: «Вы захватите нам орудий настоящих, тогда мы и снарядами не будем дорожить, всегда у красных отбить можно».

В Лубнах появился батальон преобразенцев²²⁶, который наутро ушел куда-то вправо.

Я не понимал, что это за война. Неприятеля нигде не видно. Идем колонной по дороге, правда, с дозорами. Ни справа, ни слева никаких наших тоже не видно. Что, если красные где-нибудь на нашем фланге засели и нас отрежут? Никто об этом не беспокоился.

— Они нас в Гребенской останвят, — заявил Горшков.

— Отчего в Гребенской?

— Да там железнодорожный узел. Что в Лозовой.

Но он был не прав. Когда мы подошли к Гребенской, там уже сидел наш 4-й батальон и рота Московского²²⁷.

— Откуда они? — спросил я с удивлением.

— Да это 2-го сводно-гвардейского полка²²⁸, они где-то справа от нас.

Как видно, кто-то командовал и все шло по какому-то плану.

На следующий день впервые мы догнали красных. Мы остановились на десятиминутный отдых.

— Смотри, смотри, вон там журавли!

Где-то далеко направо на ярко-голубом небе появились вспышки и белые, точно ватные, облачки. Глухо громыхали орудия.

Справа от нас появилась цепь.

— Кто это?

— Не знаю, один из наших батальонов.

Наши роты одна за другой рассыпались в цепь. Неприятеля не было видно. Впереди — поле, а вдали тянулись ивы поперек.

Одно время мы шли вдоль железной дороги, но теперь она куда-то исчезла, впереди не было ни города, ни деревни. Я был в первой цепи. Минут через десять высоко над второй цепью разорвался снаряд и

белое облачко повисло в безветренном воздухе. Почти сейчас же три черных столба поднялись позади второй цепи. Затем стали падать ближе к нам. Где-то справа стрекотали пулеметы. Мы медленно двигались по направлению к ивию. Вдруг откуда-то появился Энден, подсказал к Исакову, что-то ему сказал и усакал вперед. Исаков ускорила шаг, вся цепь за ним. Направо от нас 2-я рота уже дошла до иви и залегла. Еще одна красная батарея открыла огонь. Восемь снарядов взрывались за нами, затем вдруг все восемь стали взрываться перед нами. Прицел артиллерии и пулеметного огня был плохой, цепь двигалась без потерь.

Наконец ивы и кустарник, за ними речонка. Я оказался рядом с Горшковым.

— Кто это командует их сволочью, смотри, как засели. Перед нами шагов двести мертвой земли.

Действительно, где они залегли, их было не видно. Перед нами за речонкой голый откос.

Появились Исаков, какой-то поручик и Энден, теперь спешенный. Остановились за Горшковым, Исаков спросил:

— Что, вброд перейти можно?

— Я сейчас попробую, ваше благородие.

— Нет, подождите, я пойду, — сказал Энден, спрыгнул с отвесистого берега к речке и пошел в воду. В середине вода доходила ему под мышки, он скоро выкарабкался на другой берег и стал махать.

— Ну, с богом! — крикнул Исаков, и вся рота ринулась за ним.

Как видно, глубина различалась. Некоторые солдаты исчезали с головой, но винтовки держали над водой, вылезали, откашливались и карабкались на тот берег. Исаков подождал, чтобы вся рота перешла, и рысцой повел ее вверх по откосу.

Вдруг впереди — невысокие брустверы, треск пулеметов и залпы винтовок. Грянуло «Ура». Я только помню сухое горло, как видно я тоже кричал, и мое удивление, что передо мной видны только по пояс, с поднятыми руками — четыре красноармейца. Исаков на другой стороне окопов кричал что-то. Вторая цепь нас нагнала. Наша цепь не остановилась, а продолжала наступление. Пули теперь свистели повсюду, ударяясь о землю и поднимая пыль. Снаряды лопались и впереди, и сзади.

Я абсолютно не помню, о чем я думал, вероятно, ни о чем. Страх, который меня охватил, когда мы ринулись в воду, куда-то пропал. Наступали молча, да если кто-нибудь и кричал, не было слышно от трескотни и уханья снарядов. Только помню, что посмотрел направо и между клубов пыли увидел всадников, идущих галопом в том

же направлении. Помню, что подумал: наши это или красные? Мне отчего-то показалось, что время остановилось, что мы шли вперед бесконечно. Красные снаряды вдруг прекратились, но трескотня пулеметов и винтовок не унималась.

Вдруг впереди — толпа, повозки. Мы перескочили какие-то отдельные окопы, полные тряпьем и пустыми патронами. Несколько убитых лежало за окопами, и я подумал: странно, мы не стреляли, кто их мог убить? Толпа оказалась — красноармейцы и несколько мужиков у повозок. Очень быстро толпу выстроили в два ряда, и наши унтер-офицеры равняли их. Лица у красных были серые, не знаю, от пыли или от испуга. Им, наверное, комиссары сказали, что белые их расстреляют. Их было человек 200—250.

Исаков прошел по рядам и осмотрел их. Наши солдаты нагружали винтовки и два пулемета на повозки. Исаков отступил несколько шагов и сказал:

— Кто вами командовал?

Молчание. Он выбрал солдата в правом ряду и вызвал его.

— Кто вами командовал? — повторил он.

— Двух убили, а другие убежали, ваше сиятельство.

— Кто из вас здесь довоенные солдаты?

Солдат посмотрел через плечо:

— Да есть несколько. Я сам довоенный, ваше сиятельство.

— Все довоенные выступите вперед.

Было какое-то замешательство, красные смотрели друг на друга. Наконец выступили 13. Один из наших унтер-офицеров стал их опрашивать и записывать что-то в черную книжечку.

— Теперь кто из вас служил во время войны?

Выступило человек 150.

— Ну, ребята, вы теперь в Белой армии. Кто из вас служить хочет?

Все поголовно ответили, что они хотят. Подошел поручик и донес что-то Исакову. Исаков насупился. Потом оказалось, что 6 наших солдат было убито и 16 ранено.

Исаков собрал офицеров и старших унтер-офицеров. Я только слышал, как он крикнул какому-то подпоручику: «Спроси Мирского²²⁹, сколько ему нужно пополнения?»

Унтер-офицеры стали выбирать красных для своих взводов.

Исаков обошел оставшихся, большинство была молодежь.

— Кто из вас местные?

Выступило человек 20.

— Кто из вас хочет служить в Белой армии?

Большинство согласилось.

Я слышал, как Исаков сказал Горшкову:

— Нам достаточно бывших солдат. Отправьте остальных под конвоем в Яготин. Там их кто-нибудь возьмет к себе.

В наш взвод взяли только троих. В третий взвод, в котором было больше всего потерь, взяли одиннадцать. В нашем убитых не было, лишь два раненых.

Это первый раз я видел, как пополнялась Белая армия. Слышал, что вторая рота захватила два орудия и девять пулеметов. На ночь мы двинулись в Яготин.

Два дня спустя мы входили в Борисполь, уже занятый одним из наших батальонов. Тут прошел слух, что большевики укрепились на этой стороне Днепра и что мы будто бы будем ждать подкрепления, чтобы продолжать наступление. Говорили, что Киев всего в шестидесяти верстах и что красные собрали туда по крайней мере три дивизии. Откуда шли эти слухи, я не знаю.

Наутро пошли дальше, на Киев. В каждом городке и местечке, через которое мы проходили после Лубен, были признаки быстрого отступления красных. Они бросали все: поломанные повозки, снарядные ящики, во дворе в Борисполе даже две трехдюймовки с полными зарядными ящиками. Попадались и группы дезертиров, которые рассказывали небылицы, что никого между нами и Киевом не было. Разъезды тоже доносили, что никого перед нами не было. Это уверило солдат, что дезертиры были правы. Ни Горшков, ни Сивчук, как старые солдаты, этому не верили.

— Пусть думают, передумают, когда их по морде крякнут.

Первый раз остановились на ночь в поле на краю рожицы. Подъехали полевые кухни. Я слышал, как какой-то унтер-офицер говорил своим солдатам:

— Смотрите ешьте на два дня, завтра кухни не подъедут.

Я проснулся ночью, недалеко от нас был слышен топот проходящих частей, стук колес и бряканье упряжи. Еще только посерело на востоке, как мы уже двинулись.

Я понятия не имел, где мы были. Нас обогнала сотня каких-то конных в черкесах, бурках, на иноходцах.

— Откуда эти? — спрашивали друг друга солдаты.

Я ничему теперь не удивлялся: какие-то броневики с морским экипажем — в сотнях верст от моря! Сотня будто бы из Дикой дивизии — полторы тысячи верст от Кавказа! Никто их раньше не видел.

На нашей дороге было много садов, огороженных плетнями, отдельные мазанки с тополями. Как видно, разъезды их осматривали до нас, это были прекрасные позиции для засад.

Часов в девять утра перед нами появилась не то деревня, не то местечко, крыши в садах. Кто-то сказал:

— Смотри, смотри, что это там поблескивает?!

— Э, брат, это Киев престольный!

— Киев! Киев! — повторяли голоса по всей колонне.

Но мы были еще далеко. Перед нами, оказалось, лежала Дарница.

Появились вестовые. Они шмыгали во всех направлениях. Нас обогнал какой-то штаб с красивым генералом в кубанке и светло-серой черкеске. И справа и слева появились колонны. Проскакала мимо батарея, орудия прыгали на неровной почве.

— Смотри, смотри, там развернулись!

Далеко направо появилась цепь. Дошло и до нас. Через несколько минут и мы рассыпались в цепь. Перед нами, шагах в 200, лежал густой фруктовый сад.

Я часто изумлялся, как люди, принимавшие участие в боях, могли описывать весь бой так, как будто они были повсюду. Я абсолютно не знаю, что и как произошло под Дарницей.

Для меня все началось, когда мы перелезли через плетень. Цепь немножко сомкнулась, и мы с винтовками наперевес пошли через сад.

Вдруг забарабанил пулемет, второй, третий. Где-то далеко грянуло «Ура!». Через минуту завизжали снаряды, сперва редко, потом чаще и чаще. Трескотня винтовок. Пули шлепались в стволы. Вдруг я увидел какие-то фигуры между деревьями, увидел, как Сивчук на бегу открыл огонь по ним, тогда я стал стрелять. Крик, гам, визг пуль, свист снарядов и уханье их разрывов.

Я почти что споткнулся об лежащего на земле красноармейца. «Не убивай! Я сдаюсь!» Кровь текла по его рубашке и рассачивалась в большое пятно пониже плеча. Винтовка лежала рядом. Я ее подхватил. Секунду не знал, что делать. «Не двигайся, тебя подберут!» — и побежал дальше, откинув его винтовку в кусты. Добежал до какого-то амбара. Тут были Горшков и несколько солдат.

Мы выбрались на какую-то улицу. Столбы пыли и летящих балок. Тут попереk улицы проволочное ограждение, за ним окопы.

— За мной, сюда! — крикнул Горшков.

Мы опять оказались в саду. Где-то налево от нас грянуло «Ура!». И когда мы бегом обогнули окопы и выскочили на ту же улицу — кроме одного убитого и кольта с торчащим к небу дулом, ничего не было.

Мы пошли вдоль улицы гуськом. Вдруг по нас из какого-то двора засвистели пули. Мы отступили, Горшков опять провел нас через сад, и мы появились в тылу у засевших во дворе. Перестрелка продолжалась только несколько секунд. Горшков крикнул «Ура!», и через ми-

нугу человек 12 красных, двое из них раненые, стояли с поднятыми руками. Оставив двух солдат, мы опять выскочили на улицу. К моему удивлению, посреди улицы стоял с тросточкой капитан князь Святополк-Мирский.

— Где капитан Исаков? — спросил он Горшкова.

— Не знаю, ваше благородие.

— Примкните к нам.

Мы нашли Исакова с большинством роты на какой-то площади.

— Где твоя рота? — спросил Исаков.

— Понятия не имею. Мы напоролись на проволочное ограждение, там я их потерял.

Красные громили соседнюю улицу. Вдруг откуда-то появилась рота семеновцев²³⁰. Ротные переговорили, и мы снова двинулись вперед. Трескотня и свист пуль продолжались. Мы шныряли через какие-то дворы, сады, переходили улицы и вдруг оказались на шоссе. С нами была уже полусотня пленных, два пулемета.

Как видно, ротные знали, что они делали, потому что на шоссе стояли штаб, остальные наши роты, батальон 3-го стрелкового²³¹, две роты семеновцев и одна преображенцев. После десяти минут разговоров между ротными, батальонными и штабом мы первые двинулись по обеим сторонам шоссе. На подходе к мосту засели егеря. Они махали нам и что-то кричали. У самого моста был Энден со своим разведочным отрядом. Оказалось, что егеря и измайловцы прорвались к мосту с юга, что заставило большевиков быстро вытянуть свои батареи и оставшуюся позади бригаду. Один их полк почти целиком был взят в плен.

Все это было странно. Дарница была хорошо укреплена, и в ней большевики расположили целую дивизию и много батарей. Что на самом деле случилось, мы узнали, только когда вошли в Киев.

Все ожидали, что большевики засядут на правом берегу, на покрытом лесом крутом откосе. Мы пошли первые через мост, растянувшись по обеим сторонам, посередине моста шли только Энден с четырьмя всадниками, как будто приглашая красных открыть огонь.

Мост, с полверсты длиной, казался просто приманкой для засады. Впереди нашей линии шел Исаков, с другой стороны моста — Мирский. На всех лицах напряжение. Артиллерия прекратила стрелять, и была повсюду тишина.

Я думаю, что все, как и я, напряженно вслушивались в эту необычную тишину. Когда мы прошли три четверти расстояния, все вдруг, как один, остановилось, без всякого приказа: где-то далеко за Киевом глухо зарокотала артиллерия. Все слушали. Пошли дальше.

Как только перешли, пеший разведочный отряд от роты Мирского полез по крутому обрыву, а мы, сформировавшись в колонну, пошли вверх по Николаевскому спуску. Подождав наверху остальные роты, мы шли вниз по Никольской и Александровской на Царскую площадь. Впереди шел Энден с отрядом. За ними тянулись остальные стрелки.

Тут наверху канонада звучала гораздо громче. Мы остановились у Арсенала. Разведки пошли в соседние улицы. Все поочередно гадали, кто это мог быть. Или кто-то бомбардировал подходы к Киеву, или красные от кого-то отбивались. Говорили, что наши перешли Днепр ниже по течению, другие — что это армия Шиллинга из Одессы, третьи — что это поляки и т. д.

Когда мы наконец двинулись опять, улица была пуста. Только на Царской площади вдруг высыпал народ. Стали кидать цветы, девушки целовали солдат, кричали «Ура!», махали русскими флагами.

Вдруг все замерло. Толпа прижалась на тротуарах. Энден с частью своего отряда разделился, поехал вперед по Крецатику, там вдали стояла колонна австрийцев в серо-голубых формах и кепи. На вид они были так же удивлены, как и мы. Сивчук прошептал:

— Да это австрияки, откуда они?

Подъехал батальонный. Все глазели на австрийскую колонну.

Энден медленно ехал по середине улицы по направлению к австрийцам. Мы смотрели в ожидании. Энден вернулся и громко сказал:

— Они говорят, что они украинцы, командует ими какой-то Петлюра.

— Да ну их к черту! — сказал Исаков.

Тем временем батальонный куда-то уехал и вернулся с генералом, которого я раньше не видел. Он что-то сказал Эндену, и тот поскакал к австрийцам или петлюровцам. Как видно, генеральское сообщение имело на них сильное действие, потому что они повернули и стали отступать по Бибикивскому бульвару. Куда эти петлюровцы потом делись, я не знаю.

Сейчас же возобновились крики «Ура!», посыпались цветы, толкотня. Мы прошли до Бессарабки и остановились. Насколько помню, мимо нас прошли преображенцы, кексгольмцы.

Я решил получить от стрелков отпуск. Доложил Горшкову и пошел искать Исакова. Подъехали полевые кухни, и это помогло мне найти офицеров, которые собрались у памятника Богдану Хмельницкому. К счастью, мне не пришлось напоминать Исакову о его обещании. Он, увидев меня, подошел и сам спросил, не переменил ли я намерение и не останусь ли в стрелках. Я его поблагодарил, но настоял на том, что

мы оба решили служить в Конной гвардии. Он согласился, младший брат его, Николай²³², служил в кавалергардах.

Он мне сказал, что до поступления в Белую армию он сам был в Киеве и что тогда довольно много общих знакомых жили тут. Он, конечно, не знал, здесь ли они все еще, но дал мне их адреса. Между прочим, Дарья Петровна Араповой, матери Петра²³³.

Я нашел Володю, мы распрощались со стрелками и пошли обратно по Крещатику. Было трудно пробиться — толпа крутилась, смеялась, обнимали друг друга. Заметив наши погоны, нас обнимали, целовали... бедный Володя, красный как свекла, держался за мной вплотную и умолял меня выбраться из толпы.

— Эй, Николаша! Николай Волков!!

Я увидел в толпе Егорку Жедрина. Мы протолкались навстречу и обнялись, обкладывая друг друга от удовольствия.

— Когда ты сюда попал?

— Позавчера. А как ты в армию успел?

Мы выбрались на тротуар в какую-то кофейню. Я был необычайно рад видеть Егорку. Мы засыпали друг друга вопросами.

— А где Загуменный?

— Все тут, кроме двух. Да мы почти что пробрались до Полтавы, но пришлось повернуть на Киев. Большинство уже здесь, вчера Болотников с Махровым приехали.

— А где они все?

— Да мы в Главсахар дернули, а там уже никого нет. Пошли искать да повстречались с нашими. Нашли кофейню на Крещатике и уговорились все там встречаться. Это дальше немного.

Мы протолкались к назначенной кофейне, но там никого не было. Условились встретиться там через два часа. Мы с Володей пошли искать Дарью Петровну. Она жила на Липках. Не зная Киева, мы скитались по улицам. Уже совсем близко от Араповых оказалась большая толпа, смотрящая на что-то через низкую стену. Я велел Володе подождать, а сам полез через толпу посмотреть. Я совсем не ожидал того, что увидел. Футов 15 ниже — большое пространство, точно подвал открытый с бетонным полом. На нем куча тел, мужских и женских, по крайней мере шести футов высотой. Стена напротив — точно оспой испещрена пулями. Я ахнул от неожиданности. Все стояли со слезами на глазах, никто не говорил. Я заставил себя спросить соседа:

— Когда это?

— Вчера, — сказала старуха и зарыдала.

Я почувствовал, что, если не отвернусь, меня начнет тошнить. Быстро выбрался из толпы.

— Что там такое? — спросил Володя.

Целую минуту я не мог ответить.

— Расстрелянные там.

— Как — расстрелянные? Много?

— Не знаю, человек сто, может, больше.

Володя побледнел.

— Отчего?

— Не спрашивай меня. Отчего вообще большевики?

— Да кто они все?

— Как я знаю! Пойдем.

Меня продолжало внутренне тошнить. Как будто я не привык к безмозглому жестокости большевиков. Они расстреливали свои жертвы не потому, что они были опасны, или за то, что они будто бы сделали, а просто когда те попадались им в облавах. Большинство были люди, которые никакой роли в прошлом не играли! Оказалось потом, что между расстрелянными был Суковкин²³⁴, в прошлом всеми уважаемый и любимый смоленский губернатор. Он был другом моих родителей, вышел в отставку уже более десяти лет тому назад, ему было 80 лет. Другие были доктора, инженеры, чиновники, их жены и дочери. Я вспомнил наставление Петра Арапова: «Никогда не позволяй себе злиться на то, что ты видишь и слышишь. Злоба туманит твой ум и мешает бороться с неприятелем».

Он был, может, прав, но досада бессилия была очень остра.

Наконец мы нашли дом. Я посмотрел на него с недоверием, дом был большой особняк.

— Не может быть, чтобы Дарья Петровна жила в таком большом доме, да так близко к Чеке!

Я вдруг испугался: может, между этими трупами лежит и Дарья Петровна? Позвонил. Открыла дверь араповская няня.

— Что вам нужно? — спросила сердито.

— Няня, вы меня не помните?

— Отчего мне вас помнить?

— Да я Николай Волков.

— Так чего ж ты не сказал сразу?

— Что, Дарья Петровна дома?

— Чего ты оделся в солдатскую форму?

— Да мы в Белой армии.

— Белой, красной, синей... чего никто русской не называет? — Она продолжала ворчать.

— Так Дарья Пет...

— Я ее позову.

У меня отлегло от сердца.

Через минуту вылетела Дарья Петровна и, не говоря ни слова, бросилась меня целовать.

— Душка, откуда ты? Входите, входите... А это кто?

Дарья Петровна бросилась и расцеловала Володю, который сильно покраснел.

— А что, Петр приехал?

— Нет, разве ты не знаешь о нем хоть что-нибудь?

— Так он бежал из Москвы раньше нас, я с тех пор ничего о нем не слышал.

Дарья Петровна залилась слезами, она вообще очень легко плакала.

— Это ничего не значит, многие из наших только вчера до Кисва доехали, а мы уж давно до Полтавы добрались...

Дарья Петровна перестала плакать, стала расспрашивать.

Была какая-то странная разница между теми, которые испытали иго большевиков, и людьми, которые познакомились с ними недавно. Они совершенно себе не представляли силу большевиков, для них это были какие-то случайные разбойники, которые временно попадали в город. Они совершенно не представляли себе, что происходит в России.

К моему удивлению, весь особняк был снят Дарьей Петровной и княгиней Куракиной. Услышав ее имя, я испугался:

— Это не Таня Куракина?

— Да. Ты ее знаешь?

— Нет, не знаю, но мама и папа ее хорошо знают.

Я не мог добавить, что мои родители считали ее бестактной дурой и мой отец очень забавно имитировал смесь русского с французским, на которой она будто бы говорила с извозчиком.

Я спросил Дарью Петровну, может ли она поместить нас на несколько дней, пока не приедут в Киев представители от конных полков набирать добровольцев.

— Да мы пять человек можем поместить, приводи кого хочешь, кто бы они ни были, я так рада, что мы можем помочь, и приведи их всех обедать.

Но, узнав о Тане, я совсем не был так уверен. Я объяснил Дарье Петровне, что хотел бы привести Загуменного и Егорку.

— Так что ж в этом?

— Я боюсь, что княгиня может и обидеть.

По правде сказать, и Загуменный и Егорка были, как крестьяне, настолько уверены в себе, что никакая дура их обидеть не могла. Обижен был бы я, а не они, если бы Куракина была с ними невежлива-

— Да, Николаша, не будь таким чопорным, она ж не дура. Приведи кого хочешь, приходите сперва к чаю, часа в четыре, а потом мы поужинаем.

Мы ушли, не выдав Таню Куракину.

В кофейной сидели Загуменный, Егорка и Вадбольский²³⁵. Я им рассказал, где мы были и все, что с нами произошло с Брянска. Загуменный рассказал свои авантюры. Я передал им приглашение и предупредил о Куракиной. Загуменный и Егорка только посмеялись, но Вадбольский сразу же отказался.

— Да чего ты боишься?

— Это хорошо вам всем говорить, но она станет со мной говорить по-французски, а я ни слова не знаю.

— Так я тоже ни гугу не понимаю, — сказал Загуменный.

— Это другое дело, она с тобой по-французски говорить не будет!

— Так ты скажи ей, что не знаешь.

— Это неудобно.

— Эй, брат, Николай ее на место посадит.

Вадбольский наконец согласился. Позавтракали, посмотрели магазины.

— Ну, братец, они здесь еще большевиков не знают, посмотри, сколько добра в витринах! — сказал Егорка.

Я нарочно выбрал другой подход к дому, чтобы не проходить мимо чекистской бойни.

— Да это дворец какой-то!

— Да, дом большой, как видно, большевики до них еще не добрались.

Дарья Петровна приветствовала нас всех с открытыми объятиями. В большой гостиной восседала Таня Куракина, которая очень любезно всем улыбнулась, поцеловала меня в лоб и сразу же напала на меня по-французски с требованиями всех московских новостей и подробностей о моих родителях.

Я решил отвечать ей только по-русски и объяснил, что мы уже два месяца из Москвы, что мои родители были в Москве, когда я уехал, но что теперь я ничего о них не знаю. Она стала бурно сетовать, что родители мои совсем не пишут. Я подумал: что они здесь, все с ума сошли? Неужели они думают, что можно переписываться?

Мы вернулись в город, надеясь подобрать слухи о том, где кавалерия. Тут было довольно много гвардейской пехоты. Какой-то преобразованец нам сказал, что гвардейская конница в Нежине и что будто бы железная дорога до Нежина очищена 2-м сводно-гвардейским полком. Он будто бы видел москвича в Броварах, который

поездом приехал из Носовки, и что там стоит эскадрон желтых кирасир²³⁶.

Ужин прошел без всяких инцидентов. Дарья Петровна посадила Вадбольского и Егорку рядом с собой. Княгиня должна была говорить с одной стороны с Загуменным, а с другой со мной. Она постоянно обращалась к Володе мимо меня, и он отвечал без стеснения. С Загуменным она завела разговор о лошадях и о полках, которые она «знала». Когда он сказал, что он александриец, она заметила:

— Ах да, я помню, что был такой полк, он, кажется, прозывался «кощейный».

— «Бессмертный», княгиня, «бессмертный».

— Ах да, я спутала, я знала, что он имел что-то общее с Кошеем. Должен сказать, что о лошадях она знала довольно много.

После, когда мы пошли в свои комнаты, няня поймала меня на лестнице и стала ворчать:

— Что это ты привел каких-то солдат нам в дом, совсем не подходяще!

— Да, няня, мы все солдаты.

— Это неприлично — бедную Дарью Петровну сажать рядом с мужиками.

— Няня, няня, один из них князь! — стал я ее дразнить.

— Князь?! Какой из них князь?

— Вот видите, сами не знаете.

Она ушла, ворча что-то про князей и солдат.

Было еще рано, и мне хотелось наконец узнать от Загуменного, что, в сущности, был Главсахар и как это все случилось.

— Да ты, брат мой, не поверишь, как все началось. Помнишь 3-й кавалерийский корпус генерала Крымова²³⁷ Корнилов боялся, что Керенский, будучи социалистом, не примет положительных мер против коммунистов. Ленин, Троцкий и многие другие, все были в Петербурге, и если что, там надежных войск нет. Керенский и сам просил войск. Корнилов приказал Крымову идти в Петербург. Крымов повел конницу и дошел до Луги. Керенский, дурак, испугался не большевиков, а кавалерии, говорили тогда, он боялся, что кавалерия устроит контрреволюцию и его сместят. Он обвинил и Крымова, и Корнилова в предательстве. Корнилова арестовали в Ставке, а Крымов почему-то застрелился, так и непонятно.

3-й корпус оказался без командира. Пошло брожение в полках. У нас в дивизии революцию вообще не любили. Некоторые хотели продолжать наступление на столицу, другие говорили, что без вожака идти глупо. Ни дивизионные, ни полковые командиры никак не

могли решить, а Временное правительство решило полки расформировать. Это очень не понравилось эскадронным офицерам и большинству солдат. Раньше у нас никаких митингов не было, но тут вдруг стали собираться. Эскадронные старались уговорить всех не портить дисциплину. Были и у нас новобранцы, которые ни во что не верили и хотели уходить домой.

Ротмистр моего эскадрона Янковский собрал у себя на квартире всех наших унтер-офицеров и регулярных солдат. Объяснил нам положение и сказал: «У нас, ребята, сейчас не полки, а бардак. Ничего мы сделать не можем. Никто нас не ведет, я думаю, что лучше всего расходиться по домам. Я всех вас знаю и знаю, что, если придет время и мы сможем что-то сделать, на мой клич вы все соберетесь. А сейчас валяйте домой»

Жалко было расходиться, дружный был эскадрон. Ну, решили и стали разъезжаться. Но перед отъездом Янковский собрал у себя человек двадцать. Всех тех, кого он знал лучше всего. Между ними и меня, и нескольких еще, кого ты знаешь. Говорит нам: «Я хочу, чтоб каждый из вас записал бы адреса тех, кого вы считаете надежными, и дайте мне адреса ваши». Все согласились. «Я еще не знаю, что мы можем сделать, но мы теперь не офицеры, не солдаты, а просто русские». Все наши верили Янковскому и любили его.

Разъехались. Янковский и Кочановский уехали к себе в деревню в Саратовскую губернию. Штабс-ротмистра Кочановского тоже все очень любили.

Прошла зима 1917/18 года. Получил письмо от Янковского, он меня приглашал к себе. Поехал. Тут человек десять, не все наши и не все военные. Янковский говорит: «Я обдумал положение. Корнилов собирает армию на Кубани. Мы бы все могли к нему примкнуть, но это мало ему поможет. В России сейчас тысячи против коммунистов, в одной Москве, должно быть, более тридцати тысяч военных. Их оттуда нужно вытянуть в Корниловскую армию. Я решил, что лучше всего всем нам стать коммунистами. Стать «хорошими» коммунистами, так, чтобы мы могли подняться в коммунистической партии». Все на него посмотрели с удивлением.

«Там, где нас знают, этого сделать нельзя. Придется поехать куда-нибудь, где нас не знают. Как только мы утвердимся в коммунистах в каком-нибудь городе, я и Кочановский поедем в Москву. Я еще не знаю, что мы там можем сварганить, но организуем какой-нибудь отдел. Большевики любят отделы на все. Мы что-нибудь придумаем, например, поставять им с юга пшеницу или кукурузу, сахар или масло. У нас среди надежных есть тамбовские, орловские, курские, туль-

ские. Повсюду там зеленые. Наши могли бы с ними связаться, чтоб пропускали только нас. Большевики этого сделать не могут. Согласны вы или нет?»

Все согласились. Устроили способ сообщения. Мне и унтер-офицерам Болоникову и Махрову было задание найти наших, которые могли бы связаться с зелеными. Разъехались.

В сентябре 1918 года получил от Янковского из Москвы письмо, вызывающее меня. Он убедил комиссариат снабжения, что он сможет организовать поставку сахара в Москву. Он мне велел устроить через наших соглашение с зелеными.

Желая обезопасить работу, Янковский настоял, чтобы к Главсахару прикомандировали чекистов. Назначили Александрова и Курочкина. Отдел был открыт в Торговых рядах. Янковский убедил комиссариат, что нужно защищать сахарные заводы от зеленых, поэтому нужны специальные войска. Ему сразу дали разрешение. Так был организован Южный полк. Большевикам было безразлично, какие полк несет потери. Сразу же добровольцев набралось много из бегунов. Атаки на заводы устраивали каждую ночь. «Убитых» было много, они просто уходили к зеленым. И по дороге атаки на поезда устраивали. Посылали чекистов на заводы. Они боялись к зеленым попасть и сами докладывали, как опасно на заводах и по пути.

Бои стали больше и чаще. Не знаю, сколько людей на заводы посылали, но думаю, что так ушло больше двадцати тысяч. «Могила» там вокруг фабрики были тысячи. Но сахар приходил в Москву еженедельно. Правда, еще и по пути теплушки с сахаром отцеплялись зелеными, но это было уговорено.

Потом Александров споткнулся. Он со своими братьями отцепил теплушку во Внукове. Наши доложили Янковскому. Янковский дал Александрову понять, что он это знает. Александров после этого из благодарности, что Янковский на него не донес, стал смотреть на все сквозь пальцы. Курочкин был пьяница, да ты это сам видел, и его тоже поймали на спекуляции.

— У княгини много шарму, — вдруг сказал Володя ни к селу ни к городу.

— Ничего не шарм, она просто дура! — отсек я раздраженно.

— Эй, брат, Володя прав, ты слишком молод, чтоб это оценить, — улыбнулся Загуменный.

— Ну а потом что?

— Ну а потом я сам не знаю, что случилось. Еще в марте этого года Янковский решил вытянуть всех, кто были в Киеве и на западе. Я с этим ничего общего не имел. Организовали Западный полк, кто

там был, я даже не знаю. Где-то в Носовке и около Ромен были заводы. Поставляли сахар, вероятно, в Киев и Могилев, не знаю. Но с Южным полком что-то случилось, его будто бы отрезал партизан Ангел. Мы с Егоркой пробрались в Глухов. Там все Ангела боялись, да и мы тоже. Это все.

— Но почему мы вдруг в Западный полк махнули?

— Это, брат, я не знаю. Меня вызвал Янковский. Его жена мне говорит...

— Жена? Какая жена?

— Да все эти машинистки были жены — Янковского, Кочановского, Деконского, Тушина и т. д. Жена его меня просит: «Вы убедите мужа ехать в Киев». А он мне говорит: «Пока еще можно, берите свою команду и поезжайте в Киев, на фабрику уже слишком поздно». Я его спросил, не лучше ли ему тоже в Киев ехать, но он ответил, чтобы я не беспокоился. Сказал, что и в Киев дорога, вероятно, отрезана, но что у меня команда отборная и пробиться смогут. Дал мне пакет денег и проездные.

— А кто были Копков и Тушин?

— Оба они гренадерского какого-то полка, стояли в Москве, друзья Янковского, кажется, тоже саратовские помещики.

— Как это кто-нибудь не проговорился?

— Да о чем?

— Как о чем? Да что через Главсахар можно в Белую армию махнуть!

— Да никого же для этого не набирали. Каждый, который записывался, думал, что он очень умен, вот случай выбраться из Москвы, никто этого не знает, а он, хитрый, увидел возможность. А когда уже на фабрике, видит, что не он один. Видит, какая-то связь с зелеными, ну и ахти! Да ты и сам, брат, не знал, и попал ко мне по ошибке, а потом Егорка за тебя поручился.

На следующий день пошли опять в город. За утренним завтраком я спросил Дарью Петровну, знала ли она, что два дня тому назад расстреляли многих на их улице. Она была ошеломлена:

— На нашей улице?!

— Да, в этом открытом подвале.

— Да это рядом с Чекой. Каждую ночь была стрельба, говорили, что где-то разбойники были и оттого перестрелка.

Я подумал, вот странно, рядом жили и ничего не знали. Вероятно, это часто случалось.

В городе уже появились офицеры и солдаты разных полков. Многие из них, наверно, прятались и теперь надели погоны. На Крещати-

ке мы встретили Васильчикова, которого мы видели в Главсахаре. Теперь он был в форме поручика 2-го лейб-драгунского Псковского полка²³⁸. Я к нему подошел и сказал, что все мои спутники главсахаровцы. Он обрадовался, и мы все вместе пошли в кофейню.

Он нам рассказал, что Подвойский, главнокомандующий войсками на Украине, слыша о наступлении белых и Петлюры, вызвал Западный полк как самый надежный из советских войск. Он ему поручил защищать Киев. Будто бы Западный полк разбил Петлюру под Васильковом, но Подвойский оттянул его в Киев, чтобы защитить город от белых. Вместо этого, когда красные были разбиты под Дарницей, Западный полк окружил штаб Подвойского. Какой-то полковник Тарновский связался с генералом Бредовым, и Киев пал.

Это оказалось правдой, но его описание боя под Дарницей, по моему, было преувеличено. Он уверял, что бой был гораздо большего размера. У большевиков будто бы была дивизия, и что с юга были рукопашные бои, укрепления и проволока. Что бой начался на рассвете и т. д. Все это, может, так и было, но я видал только действия нашего взвода. Я был даже немножко удивлен, как легко мы пробилась, но это могло быть потому, что вся тяжесть сражения пала на 1-й Сводно-гвардейский полк²³⁹, то есть на преображенцев, семеновцев, измайловцев²⁴⁰, егерей²⁴¹ и, может быть, на другие батальоны стрелков.

Он также рассказывал, что 1-я кавалерийская дивизия — Сводно-кирасирский, 2-й Дроздовский, 2-й легкокавалерийский сводно-гвардейский и 16-й²⁴² и 17-й²⁴³ уланские, — дошла до Нежина-Бахмача и что 2-я кавалерийская дивизия была под Конотопом.

Он оказался прав, но откуда он это узнал, сидя в Киеве, не понимаю. Уверял, что завтра приедут в Киев офицеры из 1-й дивизии рекрутовать и что они останутся в «Метрополе». Это тоже оказалось правдой.

Все же меня удивляло, как это случилось. Загуменный говорил раньше, что связи между Главсахаром и Белой армией у Западного полка не было. Это, безусловно, было так, что касается стрелков. Когда мы перешли, Исаков и Мирский ничего о Главсахаре не слыхали. Может, была какая-то связь с генералами Драгомировым, Лукомским²⁴⁴ и Бредовым?

Была еще одна очень странная вещь, которую я до сих пор не понимаю. Телефоны продолжали действовать. Кто за ними смотрел, я не знаю. Знаю только, что, когда я был уже в Конном и мы видели, что проволока телефонная оборвана, ее сейчас же чинили, и, по-видимому, красные делали то же самое. Но кто платил телефонистам, я не знаю. Однажды я с разездом был на маленькой станции, позвонил на следу-

ющую станцию Плиски, занятую нами. Мне ответила какая-то девица. Она оказалась в Ворожбе. Сказала: «Я вас сейчас соединю» — и через минуту я заговорил с каким-то типом, который оказался комендантом в хуторе Михайловском. Сперва ни он, ни я не могли понять, о чем мы толкуем. И вдруг оказалось, что он красный комендант. Когда я ему сказал, что хотел говорить с Плисками, он был очень вежлив. «Это вы не туда попали, до нас вы еще не дошли. Вы еще Конотоп не взяли. Ну, всего лучшего!» — и повесил трубку.

Мне кто-то рассказывал, как он для забавы попросил в Лубнах соединить его с Москвой, и Москва ему ответила и телефонистка извинилась, что телефон, с которым он хотел говорить, больше не действует.

В кавалерии

На следующий день мы пошли в «Метрополь». Туда действительно приехал ротмистр Жемчужников Конного полка и представители других полков. Я спросил Жемчужникова о моем двоюродном брате Алексее Оболенском. Он, оказалось, был убит под Благодатным в Таврии, это тяжело было узнать. Другие родственники — Сергей Стенбок-Фермор и Андрей Стенбок²⁴⁵ — были в полку. Сергей командовал 1-м эскадронам, что меня очень удивило, потому что он был артиллерист. Про Петра Арапова Жемчужников ничего не знал, но Николай Татищев²⁴⁶ был у него во 2-м эскадроне. Почему-то он меня, будто бы из-за того, что я был 5 недель на фронте, произвел в младшего унтер-офицера. Взял Загуменного вахмистром в свой эскадрон, а Егорку тоже младшим унтер-офицером. Володю он взял в пулеметную команду. Борис Шереметьев был взят кавалергардами. Болотников, как старший унтер-офицер, — в 1-й эскадрон. Махров устроился в какой-то другой полк.

Всего в Конный записались 18 человек, все из Главсахара. Вадбольский был очень удручен, что никто не знал о 13-й дивизии. Но ему посчастливилось, от 2-й гвардейской дивизии приехал Миша Печелая Гродненского полка и взял его к себе в полк корнетом. Миша был наш сосед и во время войны служил во 2-м лейб-гусарском Павлоградском полку.

Мы все сразу же пошли в магазины экипироваться всем чем могли. Я даже нашел в одном магазине вензеля, что было кстати, так как я был назначен в 1-й лейб-эскадрон. Мы распростились со всеми и на следующий день выехали поездом в Носовку.

Носовка принадлежала родителям Романа Мусин-Пушкина, кавалергарда. Там был сахарный завод. Роман нам велел нагрузить в наши тачанки сахар, который очень пригодился. Снабдили нас лошадьми, английскими кавалерийскими седлами, английскими палашами и бамбуковыми пиками и английскими же плоскими касками. Из всего этого оборудования только пики и каски были хорошие. Палаши были тяжелые, слишком длинные и, наверно, из какого-то скверного металла. Седла были определенно изобретены идиотами: они состояли из двух досок, соединенных спереди и сзади согнутыми дюймовыми трубами и покрытых кожей. Трубы разгибались от веса седока, и доски врезались в спину лошади. Выдали и наши прекрасные карабины.

Я попал левофланговым в первый взвод и сразу же почувствовал недружелюбие моего взводного, князя Кантакузена. Он был кадет Одесского военного корпуса, был очень строгий дисциплинер, красивый малый, всегда опрятный и великолепный взводный. Как старший унтер-офицер, он пришел с полком из Крыма. Я был новобранец и сразу получил два шеврона (оказалось — из-за Загуменного, который наговорил что-то Жемчужникову).

В первый же день произошел неудобный для меня случай. Сергей Стенбок-Фермор, услышав о моем приезде, вызвал меня к себе и, выходя со мною из дома, при Кантакузене, которого он не заметил, сказал:

— Ну, Николай, Андрей будет очень рад тебя видеть, да у тебя здесь и другие друзья есть — Николай Татищев, Дерфельден²⁴⁷ и Кирилл Ширков²⁴⁸, сейчас их еще нет, но они приедут. Ты ничего о Петре не слышал?

— Нет, ничего, с Москвы.

Я только тогда заметил Кантакузена. Он ко мне подошел и сказал обиженным голосом:

— Я не удивлен, что вас произвели в унтер-офицеры, у вас тут много знакомых.

Это меня рассердило, но тут еще появился откуда-то Николай Татищев:

— Эй, Николай, поди сюда, что ты о Петре знаешь?

Я сказал, что ничего. Оказалось, они где-то разошлись, и с тех пор никто о Петре ничего не знал.

После этого Кантакузен считал меня каким-то «любимцем» офицеров, это было совершенно не верно, с того момента я ни с Сергеем, ни с Андреем, ни с Николаем никогда не говорил иначе как по службе. Но Кантакузен ко мне придирался как мог. Он, конечно, был всегда прав, но мне от этого было не легче.

Мы выступили на следующее утро после моего приезда. Пошли на север, вслед за 2-м Дроздовским, в направлении на Чернигов. Но на следующий день повернули на Нежин. Какие-то красные части захватили опять город. Беспорядочный бой завязался на окраине. Генерал Косяковский²⁴⁹, командующий нашим полком в семь эскадронов, бросил два эскадрона желтых кирасир с конной батареей кругом города, захватили станцию. Было больше шума, чем настоящего боя. Мы и кавалергарды, спешенные, ворвались в город. Была сильная перестрелка. Город был большой, и, как видно, большевики вытянулись, потому что к вечеру стрельба утомилась. Синие кирасиры²⁵⁰ захватили несколько пленных.

Наутро мы пошли вдоль железной дороги в направлении на Бахмач. Дорога была будто бы в наших руках. Я был в разъезде впереди, с десятком солдат. Это тут, дойдя до какой-то маленькой станции, я хотел говорить с Плисками, и по телефону связался с хутором Михайловским.

Обдумывая наше движение в те времена, я всегда удивлялся какой-то несвязанности и наших, и красных войск. У нас не было достаточно людей, чтобы оставлять гарнизоны. Не было никакой причины, отчего красные не могли бы занимать города в нашем тылу. Мы были слишком разбросаны, и сообщение между частями было совершенно случайное. Кроме того, я не понимал нашей стратегии. Мы теперь шли в какую-то глушь. Зачем? Направо от нас был Брянск. Отчего мы не концентрировали всю кавалерию, чтобы занять этот важный пункт?

Из Плисок мы пошли на Борзну. Я заметил, что тут нас встречали с большим удовольствием, но в то же время без всяких демонстраций. Они боялись, что, как только мы уйдем, вернуться красные.

Погода переменялась, стычки стали ежедневные, ясно было, что почему-то большевики концентрируют свои силы на север от Борзны. Была ли это защита Чернигова или боязнь, что мы повернем на Брянск, я не знаю. Два или три дня мы мотались, высылая разъезды во все стороны, ища главные силы большевиков.

Были дни, когда солнце светило с утра до вечера, но на следующий день шел проливной дождь. Разъезды доходили до Десны и захватили железнодорожный мост. Несколько разъездов даже перешли Десну, но их отозвали, по-видимому, концентрация большевиков была где-то не там.

В один очень мокрый день мы, кажется, в третий раз перешли Бахмач-Гомельскую железную дорогу по направлению к Батурину. В то утро пришло сообщение, что Чернигов взят 2-м конным Дроздовским и (что оказалось потом старым известием) пали Льгов и

Орел. Хотя еще было рано, тучи нависли и стало темнеть. Как и за последние несколько дней, мы главных сил большевиков не нашли. Постоянно были стычки с «червонными казаками». Что они собой представляли, кто они были, мы не знали. Они дрались хорошо, многие из них носили бурки, и лошади их были не донцы. Из-за бурок ли их называли казаками, или кто-нибудь взял пленного, я не знаю. Мне кажется, что они были началом буденновской конницы. Ходили слухи, что мы искали целую пешую дивизию Третьего Интернационала, которую нам было приказано истребить. Если это было правдой, то от нашего полка в 700 шашек ожидали очень многого. Красная дивизия, говорили, вся была из коммунистов. Единственное усиление мы получили — 2-ю Горную гвардейскую конную батарею полковника Хитрово²⁵¹.

Когда уже стало темнеть в этот день, я шел с дозором-разъездом в семь человек довольно далеко впереди полковой колонны. Командовал тогда полком полковник князь Девлет-Кильдеев, желтый кирасир. Полковник, когда я сменил разъезд кавалергардов, сказал мне название деревни, где мы будем ночевать, посмотрел на карту при свете спички и добавил:

— Это не более трех верст, дорога идет туда прямо, никаких поворотов нет.

Я сменил разъезд и пошел. Было довольно жутко, шел дождь и видно недалеко. Мы прошли немножко больше версты, когда вдруг дорога раздвоилась. Я остановился, не зная, какая из двух дорог была нашей, и послал обратно солдата узнать, какую брать. Подъехал Девлет с полком.

— Хм-м... — Он стал чиркать спички. — Не понимаю, на карте этой вилки нет. Валите по правой, она прямее.

Я пошел опять рысцою, чтобы быть на правильном расстоянии. Слева был лес, справа какой-то кустарник. Вдруг совершенно неожиданно у меня в голове появилась картинка деревни. Дорога спускалась не круто, направо был лес. На горке стояла ветряная мельница, а деревня лежала в долине налево от мельницы. Это впечатление было так сильно, что я поднял руку и остановил разъезд. Я сейчас же послал солдата обратно к Девлету. Когда он подъехал, я доложил ему, что мы не на той дороге. Он посмотрел на меня и спросил:

— Как вы это знаете?

— Не могу ответить на это, господин полковник. Там на карте ветряная мельница есть?

— Нет... Вы когда-нибудь в этих краях были?

— Никогда, господин полковник.

— М-м-м... это случается.

Я испугался, что, если я не прав?

Но уже было поздно, Девлет повернул колонну квилке. Я рысцою пошел на левую дорогу. Я очень боялся, что зря понадеялся на какой-то нелюбимый призрак, хотя сразу же почувствовал, что эта дорога мне была знакома. Я, например, точно знал, когда справа кончится лес. Дождь перестал, и стало светлее. Я отчего-то знал, что сразу за лесом откроется склон и впереди будет видна мельница.

Так и случилось. Деревня была немножко ниже налево. Я сейчас же послал солдата обратно, и через минуту эскадрон синих кирасир обогнал меня на рыси, а за ним рысцою пошли квартирьеры. Деревня оказалась большая, не помню, как она называлась. Когда мы в нее вошли, ничего знакомого для меня не было. Синие уже расставили сторожевое охранение, когда вестовой вызвал меня к Девлету.

— Вы действительно никогда здесь не были?

— Никак нет, господин полковник.

— Вы что, родственник Борису Волкову?

— Никак нет, он курский, мы смоленские, он дальний родственник.

— А, так вы родственник Евгению, генералу?

— Он полубрат моего деда, господин полковник.

— Ах да, тогда знаю, ваш дед рязанский, Волков-Муромцев!

— Так точно, господин полковник, но это по майорату, я просто Волков.

— Ну-ну, идите спать.

Это был единственный случай, что мне привиделось незнакомое место.

На следующий день дождь лил как из ведра. Грязь, по которой мы шлепали, была черная. Лошади уныло повесили головы, приложили назад уши, и гривы их висели какими-то сосульками.

Мы подъехали по большаку к деревне. Впереди пол-эскадрона кавалергардов лавой прошли к деревне и исчезли в ее садах. Мы пошли рысцою по краю деревни и выехали в поле, развернувшись лавой. Вдруг из долины грохнули орудия. Четыре снаряда разорвались близко. Дождь перестал. Где-то за облаками появилось жидкое солнце, и на желтоватом небе — полосы дождя. Голубые огоньки орудий мелькали за кустами, и снаряды ложились между нами, поднимая черные грибы. Затрещали пулеметы. Карьером мимо нас проскакал вестовой к Стенбоку. Стенбок быстро повернул, и вся лавая направилась к деревне.

До сих пор помню: кадет Максимов, стоя в одной из наших тачанок с маузером в руке, кричал мне, когда я с ним поравнялся:

— Это что за пулемет, восемнадцать выстрелов, где эта сволочь?

Мы вернулись на большак и сразу же спешились. Наши пулеметчики, неся «левисы» на плечах, побежали направо от дороги через черную грязь. Затрещали наши 8 пулеметов. Большак был окаймлен старыми березами, и коноводы отвели лошадей за них. Наша цепь растянулась перед березами. Крыли нас шрапом. Вдруг что-то хлопнуло меня по каске так сильно, что зазвенело в ушах и, наверно, я на минуту потерял сознание, потому что когда я пришел в себя и поднял голову, то ничего не видел и только через секунду понял, что ударился лицом в грязь и она мне залепила глаза. Надо мной стоял номер третий одного из наших пулеметов, Васька, десятилетний мальчишка.

— Убило Васильева и Кузку и расстреляли все барабаны!

Он держал 4 барабана. Я вскочил, схватил у него два барабана, и мы вместе побежали вперед. Васильев лежал ничком, а Кузка распластался на спине. Я попробовал надеть барабан, но ничего не вышло.

— Не так, не так, — сказал Васька, — ну, теперь!

Я никогда не стрелял «левисом». Он вдруг затрещал. Впереди, шагах, может, в 400, шла на нас цепь. Наши пулеметы наносили им тяжелые потери, и они повернули обратно. И пулеметы отозвали. Ни Васильев, ни Кузка не были убиты, оба были ранены.

Я почувствовал себя молодым героем, но неожиданно получил невероятную головомойку от Стенбока, что я без приказа ринулся куда-то.

Большевики отступили. Но в этот момент появилась конница с другой стороны дороги. Она показалась из кустов в долине. Приказ был «По коням!». Мы бросились к своим лошадям. В этот момент развернулась батарея полковника Лагодовского. Желтые и синие кирасиры построились во фронт, прямым углом к батарее, и батарея открыла огонь.

Это был первый раз, что я видел так ясно точность наших артиллеристов. Первые три снаряда лопнули в первой линии красной конницы, смяв ее. Четвертый снаряд оказался плохой, он вылетел из дула, ударился в грязь, в десяти футах от пушки, и, кидая фонтаны мокрой грязи во все стороны, прорыл длинную канаву. Я никогда ничего подобного не видел. Лошади в линии задних кирасир, как одна, присели.

Линия красной конницы, расстроенная первыми снарядами, выпрямилась, но следующие четыре снаряда ахнули в нее опять. Большевики повернули и бросились к гати — направо гать была узкая. Первые кавалеристы доскакали до гати и были сброшены с нее рядом, кавалерия смялась перед гатью, и три снаряда ахнули в их кучу.

Тогда вся конница повернула обратно. кирасиры двинулись по склону, но Лагодовский уже вконец расстрелял красных, и они стали драпать, кто в кусты, кто вдоль кустов, налево... Когда кирасиры дошли до кустов, кроме 26 непобитых лошадей, которые скакали во все стороны, кроме убитых и раненых, никого из красных не было. Кирасиры поймали лошадей и вернулись. Мы тоже повернули и вернулись ночевать в нашу деревню. Это было 10 сентября 1919 года.

Наше начальство решило, что мы наконец наткнулись на главные силы неприятеля. На следующий день погода исправилась. Разъезды были разосланы во все концы. Нужно было установить, что именно красные защищали, а также, ввиду того что они были в большом превосходстве, попытаться узнать, где они хотели с нами сразиться. От нашего эскадрона было три разъезда, два из 1-го взвода и один из 3-го, было три и от 2-го эскадрона. Кантакузен взял 12 человек, я — 10, Федоров остался с остальными. Полковник Топтыков, наш дивизионный, указал на карте положение. Большая деревня, где мы путались накануне, была Комаровка. Налево была другая большая деревня, Евлашовка, а между ними, несколько верст на север, — опять большая деревня, Британы. В этом треугольнике, как видно, были сконцентрированы главные силы большевиков. Ротмистр Жемчужников, который был тут же, пальцем указал на Британы и сказал:

— Вчера это был дивертисмент, я уверен, что главные силы большевиков в Британах.

Во всяком случае, наши два разъезда пошли между Комаровкой и Британами. Кантакузен ближе к Комаровке. После получаса я потерял его из виду. Я шел кустами, очень осторожно. Вдруг перед нами послышались голоса, но никого не было видно. Я и Шаронов спешили, пробрались через кусты. На лужайке стояла полевая кухня, и в хвосте к ней человек 40 пехотинцев. Винтовки их все были сложены в козлы. Нам было приказано привести «языка», если можно. Я решил, что вот и возможность. Мы вернулись к разъезду, я объяснил положение. Мы решили выскочить на лужайку и в панике, которую мы бы произвели, захватить двух или трех пленных. Но вышло совсем не так. Мы полуокружили лужайку, но, когда выскочили из кустов, — ни один из красных не бросился к винтовкам, а наоборот, весь хвост поднял руки. Мне ничего не оставалось делать, как скомандовать им: «Стройся! Вон там!» Они тут же стали равняться на дорожке, но как-то неуклюже. «Что, коммунисты среди вас есть?» Испуганные перегады, но никто не ответил. Они были вообще какие-то путаные. Одеты плохо, только один мальчуган иначе одет, в синих рейтузах. Он был белый как скатерть.

Большинство красных, которых мы брали в плен, были крестьяне и, стало быть, не коммунисты, но попадались, конечно, и горожане, и интеллигенты. На этих смотрели косо. Им не предлагали, как всем, служить в Белой армии, если только за них не ручались их сослуживцы. Но тех, которых и сослуживцы мало знали, — тех допрашивали и отсылали в контрразведку. А сейчас носились слухи, что в округе — сплошь коммунистическая дивизия Третьего Интернационала.

- Вы откуда? — обратился я к командиру.
- От Бахмача отступали...
- Какого полка?
- 142-го батальона, да мы отбились...
- Куда вы шли?
- Так мы... думали домой пробраться.
- Другие части тут есть?
- Да не знаем, мы никого не видели.

Мне показалось странным, что они, не зная, где другие части, так открыто расселись на дорожке, даже без сторожевого охранения. Видно, я не один сомневался, Аверкиев ко мне подошел и сказал тихо: «Что-то не то». Я кивнул.

Шаронов дважды свистнул двумя пальцами коноводам. Я никогда не умел так свистеть. Шаронов тем временем снял с винтовок штыки, связал их какими-то тряпками, поднял и разрядил винтовки и ремнями связал их по шести. Выбрал самых испуганных и дал им подмышки. Мы тронулись по тропинке в обратный путь, скоро прошли кусты и вышли в поле.

Я ехал сзади с Шароновым, перед нами шел командир и тот мальчуган. Командир оказался бывший унтер-офицер военного времени Дензенского пехотного полка. Меня интриговал этот малец, он на других был не похож. Я подозревал его:

- А вы откуда?
- Он ответил, запинаясь:
- Я... из Ярославской губернии.
- Вас как зовут?
- Гр... граф Рос... топчин.

Что-то действительно не то. Какой он мог быть граф Ростопчин? Последний Ростопчин был московский губернатор в 1812 году. Позже уже никаких Ростопчиных не было.

- Кто был ваш отец?
- Полковник, он в отставке был, — сказал юноша тихо.
- Полковник? Какого полка?
- Лейб-гвардии Конно-гренадерского.

- Он жив?
- Не знаю.

В моем голосе, вероятно, ясно слышалось недоумение, Ростопчин сильно покраснел.

— Ну, идите вперед.

Шаронов со мной поравнялся:

- Кто этот малец?
- Да черт его знает, говорит, что он граф Ростопчин, да таких нет.
- Как нет, да тот, что Москву вспалил?
- Так это сто лет тому назад.
- Ну так потомок какой-нибудь.
- Да тот не женат был.
- Да ты же почему знаешь, кого он там обеременил.
- Такие потомки не графами были бы.
- Ну, значит, врет, каналья.

Мое удовольствие и возбуждение от захвата стольких пленных исчезло. Я вдруг сообразил, что нас совсем не за этим посылали. Расположения большевиков мы не нашли, а захватили каких-то третъестепенных пехотинцев, и что они там делали, тоже неясно. И Ростопчин этот меня покалывал. Если он не врет, то и доказать никак не сможет, документов-то у него, ясно, никаких нет. Он, может, никого не знает в армии. Я вот знал многих, и то поручик Турчанинов, императорский стрелок, мне не поверил, и, если б случайно не вошел Сергей Исаков, меня б уж, наверно, отослали в контрразведку как большевистского шпиона. Мне стало не по себе.

Наконец дошли до сторожевого охранения. Какой-то синий кирасир крикнул: «Вы же в разъезд ходили, где столько сволочи набрали?» По пыльной широкой улице, в тени тополей, прислонившихся к заборам, сидели несколько наших солдат, играли в очко.

Перед крыльцом эскадронной хаты в полном безветрии висел, не двигаясь, на бамбуковой английской пике эскадронный значок. Построили пленных перед крыльцом, и я пошел докладывать Стенбоку.

Сергей Стенбок, все говорили, очень милый. Я его мало знал раньше. Он был хороший, строгий командир эскадрона, но я никогда не видел его даже улыбающимся. Он отчеканивал приказы, говорил короткими фразами, и я его побаивался.

Я вошел к нему с докладом, он сидел за столом и писал. Он даже не поднял головы, наконец кончил, посмотрел на меня серьезно и спросил:

- Ну, что вы нашли?

Я отбарбанил все приключение. Он меня не перебивал.

— Так вы зря проездились? Вы не за пленными же ходили?

— Так точно, но мы на них наткнулись.

Он помолчал. Меня свербило, и я решился:

— Господин ротмистр, один юноша говорит, что он граф Ростопчин, сын полковника графа Ростопчина, конногренадера.

— Такого не помню. Вообще не слышал о графах Ростопчиных. Вероятно, врет. Идите.

Я повернулся и вышел. На крыльце встретил Андрея Стенбока. «Господин поручик, разрешите с вами поговорить?» Рассказал ему все, что знал.

— Почему ты думаешь, что он настоящий?

— Да вот он сказал, что ярославский, я тогда спросил, кто был их губернский предводитель, — он без запинки ответил, и верно. Но я больше ничего не мог спросить, я Ярославскую губернию мало знаю.

Тут подошел Николай Татищев. Слух о Ростопчине уже дошел до него.

— О чем вы тут? О Ростопчине? Это, братец ты мой, он втирает. Никаких таких нет.

— Да, может, мы просто не знаем. Во всяком случае, конногренадеров нужно спросить.

— Конечно, спроси.

Но конногренадеры были где-то в Конотопе, а мы завтра на заре, вероятно, выступаем. Судьба этого Ростопчина оборачивалась худо. Андрей почувствовал мое беспокойство.

— Ты знаешь что, я съезжу на станцию, позвоню во 2-й сводный. Хочешь со мной поехать?

Во 2-м сводном долго не могли найти конногренадера. Наконец подошел какой-то ротмистр. Говорили долго, я видел, как Андрей качал головой.

— Ну что?

— Он не знает.

— Как это может быть?

— Да очень просто, если меня бы спросили, был ли какой-нибудь Голицын или Одоевский в нашем полку в 1906 году, я б не знал.

Я был удручен. У меня стояло в ушах, как Турчанинов грубил, как он называл меня «лгуном» и «красной сволочьей». Мне страшно жалко стало мальчика Ростопчина.

Подъехали обратно к нашей деревне. Поравнявшись со стоянкой нашей конной батареи, Андрей спешил и дал мне лошадь:

— Подожди здесь, я у Лагодовского спрошу, он всех знал.

Через несколько минут он вышел на крыльцо и сказал весело:

— Николай, привяжи лошадей, поди сюда!

В хате сидели полковник Лагодовский, Ника Мейендорф²⁵² и еще два артиллериста.

— Это Волков.

— Знаю, — сказал Ника Мейендорф. — Расскажите о Ростопчине.

Я рассказал, никто меня не перебивал. Полковник сказал, улыбаясь:

— Так я вам скажу, что был такой полковник граф Ростопчин, конногренадер, ушел в отставку не то в 1904-м, не то в 1905-м. Сын ли его ваш пленник, не знаю, но вполне возможно.

У меня как воз свалился с плеч. Я почувствовал, что мне теперь не важно, что разъезд мой оказался плох и что Кантакузен будет мне докучать.

— Что ты так о нем беспокоился, он тебе не родня, — улыбался Ника.

— Никак нет. Я о себе думал, меня тоже подозревали Императорские стрелки.

— Да, черт его знает, что с ним случилось бы, если б он к корниловцам попал.

Когда мы вернулись, Кантакузен был уже в деревне и тоже слышан о Ростопчине.

— Ну что? Узнали?

— Да, говорят — настоящий.

— Ну, по крайней мере, это уладили с вашими кузенами.

— Это не они, а полковник Лагодовский.

Кантакузен в первый раз мне улыбнулся:

— Да, ему повезло, хорошо, что к нам попал, это вам в плюс.

С этого времени он перестал ко мне придирааться, мне стало веселее в эскадроне.

Этот случай напомнил мне две забавные истории. Первая касалась моего деда. В петровские времена канцлером и регентом во время путешествий Петра за границей был князь-кесарь Ромодановский. У него было только две дочери. Старшая вышла за двоюродного брата Петра, Алексея Волкова, вторая — за Ладыженского. Мой дед, не знаю зачем, вдруг решил ходатайствовать у Александра III разрешение прицепить имя Ромодановского к своему, но опоздал на две недели. Оказалось, то же самое пришло в голову Ладыженскому, который на две недели его опередил и получил разрешение. Но все это оказалось недействительным, поскольку у князя-кесаря был брат, и род Ромодановских продолжался, но никто этого не знал. В 1913 году, во время 300-летия дома Романовых, пришли к Николаю II две

старушки на прием. Их спросили, кто они такие, говорят — княжны Ромодановские. Принесли царю в подарок икону, которой Алексей Михайлович благословил князя-кесаря, когда он женился. Икона сохранялась в роду брата князя-кесаря, и эти старухи были захудалые помещицы из-под Торжка, его потомки.

Вторая история еще забавнее. В Петербург приехал из Пермской губернии мальчик пятнадцати лет поступать в Морской корпус. Спрашивают:

— Как вас зовут?

— Князь Сибирский.

— Как — князь Сибирский? Таких никогда не было.

А он показывает документы. Действительно, князь Сибирский. Стали спрашивать историков. Оказалось, что Иван Грозный дал это прозвище потомкам Семеона Казанского, и никто об этом никогда не слышал!

Ну, все это ни к селу ни к городу. Как только я вернулся с Андреем, меня послали снова в разъезд. Пошли опять по направлению на Британы. Ничего мы не узнали, мотались до вечера, слышали где-то перестрелку, но красных не видели. Прошли справа от Британ и вернулись недалеко от Комаровки. Кроме восьми убитых красных, у одного из которых были хорошие бинокли, и пяти побитых лошадей, ничего не видели.

Разъезды 2-го эскадрона вернулись с гораздо более интересными сведениями. Британы были укреплены, ряд окопов с юга и запада оцепляла деревню. Были какие-то постройки на плетнях на краях садов. Разъезд желтых кирасир добавил, что они насчитали 36 пулеметных гнезд.

Наш первый разъезд наскочил на отряд «червонных», и в перестрелке трое из наших были ранены, включая Кантакузена. Взвод был принят Феодоровым. За два дня эскадрон потерял 16 раненых.

Не знаю почему, но генерал Косяковский, который вернулся в этот день и которого все солдаты очень уважали за его храбрость, считался «несчастливым» командиром. Поэтому, когда с ним приехал генерал Данилов, бывший синий кирасир, все страшно обрадовались. Я его никогда не видел до этого. Он был невероятно толстый, неуклюжий человек на лошади, которая напоминала битюга. Все солдаты решили, что на следующий день будет бой, что мы атакуем Британы и что командовать будет Данилов.

Наутро полк выступил в направлении Евлашовки. Во главе колонны были желтые, два эскадрона, затем два эскадрона синих, затем наш 2-й эскадрон, затем мы и, наконец, эскадрон кавалергардов. Дорога шла в низине, и от Британ ее не было видно. Мы шли медленно, под-

нимая невероятное количество пыли, и вот уж ее было, наверно, видно из Британ.

Колонна растянулась и вскоре, за исключением желтых, остановилась. Эскадроны спешили, отпустили подпруги. Через час оба эскадрона желтых вернулись на рысях, и клубы пыли поднялись перед всей нашей колонной. Мы смотрели с недоумением на странные маневры. Теперь синие кирасиры пошли рысцой в Евлашовку. Желтые медленно объехали поле и стали на свое прежнее место. Клубы пыли появились на север от Евлашовки, но приблизительно около одиннадцати синие вдруг появились позади нас и тоже вернулись на свое место.

Около полудня появились полевые кухни. Наши две батареи снялись после обеда и расположились в поле за нами и синими. У батарей наших были замечательные горные орудия, 2,7-дюймовые. Они были маленькие, легкие и очень точные. К тому же были действительно великолепные артиллеристы. Эти пушки у нас назывались «пукалки» из-за странного глухого звука выстрелов. Они как будто глухо кашаляли. Мы были невероятно горды нашими батареями.

Спешенные дозоры доносили, что в Британах много движения, как будто красные не знали, с какой стороны будут атакованы.

Вдруг часа в два красные батареи открыли огонь по Евлашовке. Наши «эксперты» в эскадроне насчитали три батареи.

В первый раз я близко увидел Данилова. Он пешком грузновато прошел мимо нас с улыбкой. Остановился и очень мягким голосом сказал:

— Ну, ребята, там у большевиков много пулеметов. Не бойтесь, по кавалерии всегда стреляют высоко. Не останавливайтесь на окраине. Валите прямо, мы их разнесем.

И пошел дальше. За ним денщик вел генеральского битюга и свою лошадь.

Я не видел его возврата и поэтому был удивлен, когда, уже в атаке, увидел генерала Данилова далеко впереди нашего 2-го эскадрона.

Было приблизительно 3 часа, когда эскадроны построились в две линии. Офицеры выехали вперед. У полковника Топтыкова всегда было красное лицо. До сих пор помню его, с шашкой, висящей на темляке, с лицом, еще краснее обыкновенного. Он обернулся, спокойно посмотрел на наш эскадрон, поднял шашку, и лава шагом двинулась вперед. Его боготворили солдаты, он всегда был спокойный, только лицо его краснело больше. Замечательный был офицер.

Как видно, большевики нас не ожидали с этой стороны. Полковой значок, белый с красным квадратом в углу, еще висел нераскрытым в безветрии. Два-три выстрела из винтовок, как будто проснулись.

Я еще ни разу не видал всего полка, развернутого в поле. Какое великолепное зрелище! Вдруг Данилов пошел рысцой. Сейчас же весь полк перешел в рысь. Полковой значок развился, и на пиках развеялись наши эскадронные значки. Направо — кавалергардские, алые с белым, наши синие, белые и желтые — синих и желтых кирасир. В этот момент мне даже не пришло в голову, что мы идем на пулеметы. Меня охватила невероятная красота конной атаки. Теперь мы пошли в карьер. «Ура» заглушило трескотню как будто сплошной линии огня перед Британами. Коричневые столбы наших снарядов на фоне садов. Красные снаряды визжали над головой.

Помню, я повернулся посмотреть назад. Там стояла пыль. Помню, промелькнуло у меня в голове, что Данилов был прав — стреляют высоко. Вторая лава шла полным карьером и как будто нас нагоняла. Я пришпорил лошадь. Вдруг передо мной насыпь. Я опять пришпорил, и лошадь сиганула через окоп. Помню два испуганных лица и пулемет. Алехин, из второй лавы, подскочил, и помню только, что я кричал будто не своим голосом: «Алехин, пулемет! Возьми!» И вдруг вспомнил «Не останавливайтесь». Передо мной плетень и справа дорожки между фруктовыми деревьями. Трескотня продолжалась, пули визжали повсюду. Какие-то пехотинцы бежали между деревьями. Останавливались, стреляли и опять бежали. Между ними появлялись наши конники и исчезали за листвой. Я шел полным карьером, ни о чем не думая. Вдруг дорожка между плетнями повернулась, и у меня захватило дух. Передо мной в нескольких шагах тачанка с пулеметом и за ним испуганное лицо красноармейца. Мелькнула у меня в голове мысль повернуть, но в этот момент раздался треск пулемета, и до сих пор помню какой-то ветер справа от меня. Я остановиться не мог, автоматически взмахнул саблей по голове пулеметчика, и он скатился с тачанки.

С разгону я налетел на круп одной из лошадей тачанки. Это была пристяжка. Кучер и второй пулеметчик старались вытянуть дышло, упертое в плетень. По-видимому, тачанка повернула слишком круто. Оба теперь стояли с поднятыми руками. Мой удар шашкой только искоса хватил пулеметчика по уху. Он теперь стоял, держа ухо рукой, с обиженным видом. Наш Жуков стоял рядом, держа карабин наперевес, так что мне нечего было делать. Я увидел желтого кирасира, спросил:

— Где наш эскадрон?

Он на меня посмотрел удивленно и ответил:

— Я и своего-то не могу найти.

Мы вместе поехали по какой-то улице. За углом встретили человек сто пленных под конвоем десятка синих кирасир. Дальше шла трескот-

ня винтовок. Мы зарысили в том направлении. Из двора вдруг выехал Николай Татищев с шестью солдатами:

— Ты откуда? — и вдруг поправился: — Вы где были?

Я махнул вниз по улице.

— Ваш эскадрон там?

— Не видел, господин поручик.

— Тогда за мной!

Все, как видно, спуталось в деревне, эскадроны смешались. Мы объехали какие-то дома, уже сняли карабины и держали их поперек седла. Из какого-то сада перед нами появились пехотинцы. Мы по ним открыли огонь, и они опять исчезли в саду. Артиллерийская перестрелка прекратилась. Встретили взвод кавалергардов, кажется, не то с Иваном, не то с Андриком Толстым. «Там уже кончили». Повернули обратно. К нам пристали по дороге некоторые из наших эскадронов и Максимов-младший, желтый кирасир, с полувзводом своих.

Стало смеркаться, когда мы выехали из деревни. Помню красное небо заката, и вдруг в полутьме затрубил трубач «сбор». Я до этого момента не заметил отчего-то, как я устал. Устали и лошади. Быстро стало темнеть. На пригорке стоял трубач на пегом коне и играл сбор.

— Это не наш! — сказал я Татищеву.

— А чей же?

— Не знаю, у нас пегих коней нет.

Но явно был наш, перед ним на фоне неба видна была грузная фигура Данилова на битюге. За ним уже сформировались несколько эскадронов. Когда мы подъехали, несколько солдат направляли подъезжающих к своим эскадронам. Когда мы проезжали мимо Данилова, он вдруг спросил Татищева:

— Вы конного?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Молодцы, мне сказали, вы захватили четырнадцать пулеметов, это хорошо.

— Спасибо, ваше превосходительство.

— Мне говорят, ваш унтер-офицер Волков взял два пулемета, где он?

— Он со мной, ваше превосходительство.

— А! Как вы это сделали?

— Не знаю, ваше превосходительство.

— Как — не знаете?

Я совсем забыл про первый пулемет в окопе во всей этой передрыге.

— Я на него нечаянно наскочил, ваше превосходительство.

— Ну-ну, я с вами потом поговорю.

Мы вернулись в эскадрон. Татищев поехал в свой. Я подъехал к Андрею Стенбоку доложить, что я вернулся.

— А, к несчастью, Феодорова ранили, вы примете взвод. У нас, боюсь, большие потери. — Он нагнулся ко мне и добавил тихо: — Ты справишься?

— Справлюсь.

— Ну хорошо.

Но осталось всего 17 человек из взвода в 29. Утомленные, мы потянулись в Евлашовку. Подъезжая, мы прошли через сторожевое охранение, кажется, роты не то Финляндского, не то Павловского²⁵³ полка. По крайней мере, никто из нас не должен был идти в охранение, уже это хорошо. Я совершенно забыл, что в ту ночь Феодоров был дежурный унтер-офицер, а так как он был ранен, пало на меня.

Перед моим отъездом из Киева, не знаю почему, Таня Куракина дала мне серебряное кольцо с черной эмалью, с именем святой Варвары. Из-за того ли, что моя мать была Варвара, а они с детства друг друга знали, или потому, что святая Варвара была покровительница солдат, я не знаю. Она меня, кажется, не любила, да и я ее недолюбливал, так что вероятнее первое.

Но я всегда верил в святых, они мне помогали столько раз, что я очень дорожил этим кольцом. Квартиреры расставили нас по дворам. Двух было достаточно для нашего взвода. В каждом был дежурный смотреть за лошадьми. За исключением меня и двух дежурных, все улеглись спать. Я сел с зажженной керосиновой лампой, вытянул пятнадцатидневную газету, которую я уже прочел, и стал ее читать снова. Чтобы не засыпать, я несколько раз выходил во двор. Меня клонило ко сну, и свежая, но теплая ночь была очень приятна. На третий мой обход я нашел обоих дежурных спящими. Сперва хотел их разбудить, но подумал — да ну, пусть спят, я сам лошадой посмотрю. У некоторых не было сена, пошел в сарай, достал охапку и положил в ясли. Вернулся в избу и вдруг с отчаянием заметил, что потерял кольцо. Оно, как видно, соскочило, когда я поднял сено. Меня это страшно удручило.

Не прошло и получаса, как вдруг затрубили тревогу. Я выскочил и заорал: «Седлай!» Мы гордились невероятной быстротой исполнения приказов, что, должен признаться, было результатом великолепной тренировки Кантакузена.

Взвод выкатил на улицу и построился чуть ли не до того, как я оседлал лошадь. Через несколько минут весь наш эскадрон и за нами 2-й уже стояли на улице. Был слышен топот других эскадронов в темноте и глухие команды унтер-офицеров.

Ко мне подъехал Андрей Стенбок и вполголоса сказал:

— Твои друзья Загуменный и Жедрин здоровы, я только что говорил с Загуменным. — И, понизив голос, добавил: — Ты знаешь, что твой взвод дежурный?

Я об этом забыл.

В темноте проехал Сергей Стенбок и, проезжая, сказал:

— Первый взвод, вы дежурные.

Мурашки пробежали по моей спине, хотя я не знал, что это в данном случае значило.

Прошло несколько минут. Где-то что-то начальство решало. Лошади стояли смирно, еще, вероятно, усталые за последние три дня. Опять подъехал Андрей:

— Я с вами в разъезд иду.

У меня екнуло сердце.

Эскадроны распускались, только мы остались на улице. Андрей сказал:

— Мы едем в Комаровку. Пехота донесла, что деревня опять занята красными. Это может быть неправда, но мы узнаем. Пойдем тихо, без разговоров, и никто не должен курить. Ну, с богом!

Мы вышли из Евлашовки на юг, повернули в поле и пошли собачьей рысцой. Раньше я не замечал, что в этих полях много камней. Но тут в полнейшей тишине копыта наших лошадей находили в как будто мягкой траве камни, которые невероятно звенели. И никто не замечал прежде, как громко брэнчит и звенит сбруя. Я сказал об этом Андрею, рядом с которым ехал.

— Не беспокойся, еще много верст до Комаровки.

Когда мы наконец стали подходить к деревне, было еще темно. Дома разбросаны. Кажется, у третьего дома Андрей сказал мне шепотом:

— Возьми солдата, разбуди хозяина и спроси про красных.

Я взял Шаронова, спешили и вошли во двор. Долго никто не отвечал. Наконец приоткрылась дверь, и испуганная женщина спросила, что нам надобно. Вернулись ли красные?

— Да как я могу знать, я одних от других не отличаю.

— Кто-нибудь проходил тут вчера?

— Да, кто-то проходил вчера утром.

Мы ее поблагодарили. Но это ничего не прояснило. Андрей разделил взвод надвое, и мы пошли вдоль заборов, заглядывая в каждый двор по обе стороны.

Это второй раз, что я был в Комаровке, и мне казалось, что такой широкой улицы я раньше не видел, мы подъехали с какой-то другой стороны. Да и деревня казалась гораздо больше, чем я думал.

Дошли до моста через речку. Направо от моста стоял большой дом с очень большим двором.

— Это на вид школа, — сказал Андрей. — Поставь дозор на той стороне моста и два дозора здесь, один направо вдоль реки, другой налево.

Все это говорилось шепотом. Я расставил дозоры и вернулся к школе. Андрей сидел на ступеньках. Я уселся рядом с ним, убедившись, что никто из солдат не отпустил подруги. Я чувствовал себя очень нервно и прислушивался к каждому звуку. Андрей, наверно, это заметил. Он стал очень тихо говорить о прошедшем дне. Я понятия не имел, что, в сущности, произошло. Единственное, что я знал, что во взводе мы потеряли 121 человек и что взяли, а потом оставили Британы.

— Да, потери наши были слишком тяжелые, эскадрон потерял 6 убитых и 27 раненых. 2-й потерял 5 убитых и 21 раненого. Это неплохо.

— А что мы сделали?

— Трудно сказать. Мы красных, конечно, раскатали. Отбили у них 3 трехдюймовки, 48 пулеметов и взяли человек 500 пленных. Главное, важно, что это была бригада Третьего Интернационала, все коммунисты.

— А что случилось с другими?

— Ушли куда-то. Никогда такого количества пулеметов не видел, даже у немцев. Я думаю, мы все их пулеметы взяли.

Меня это мало утешило, я все думал о святой Варваре.

— Зачем тебя Данилов вызывал?

— Да он мне сказал, что я будто два пулемета взял. Ничего я их не взял, я перескочил окоп, в котором был пулемет, и наткнулся на тачанку нечаянно.

— Так, дорогой, это всегда так случается. Никто на дуло пулемета нарочно не идет.

— Ну, я даже забыл про первый, а второй я взял с испуга.

Андрей засмеялся:

— Ты, дорогой, дурак, я все время испуган, и слава богу. Когда я отчего-то не боюсь, меня это всегда беспокоит.

— А я дрейфлю все время, это, по-твоему, хорошо?

— Да, конечно: когда боишься, все замечашь.

Я решил, чтобы себя успокоить, проехав на ту сторону моста посмотреть на дозор. Один из дозорных, Хмелев, когда я подъехал, сказал:

— На этой стороне красные.

— Как вы знаете?

— Да послушайте. Слышали когда-нибудь, что курицы ночью кудахчут и свиньи визжат? Это их кто-то гоняет.

Действительно, курицы кричали и свиньи визжали — вот она, разведка, надо учиться все замечать. Я быстро вернулся к Андрею и доложил. Стало светать. Теперь можно было видеть дозоры на той стороне моста. В этот момент появились дозоры справа и минутой позднее слева. Андрей быстро посадил взвод и послал меня снять мостовой дозор. Хмелев показал: «Смотрите!» Еще далеко на улице, налево, появилась сотня червонных. Мы все трое повернули и поскакали через мост. Червонные нас, как видно, увидели. Андрей стоял, нас ожидая, отправив взвод назад по улице. Мы бросились за ними. И вдруг, посмотрев назад, я увидел наш взводный значок. Не думая, я повернул и подхватил его. Андрей и дозор притянули лошадей, пока я их не догнал, я бросил значок Хмелеву, и мы поскакали вперед за взводом.

Когда мы выскочили из деревни, было уже светло. На скаку я обернулся, червонные были по крайней мере в 200 шагах за нами. Мне послышалась где-то стрельба, я посмотрел налево. Цепь пехоты двигалась в нашем направлении.

Вдруг что-тохватило меня по каске, у меня промелькнула мысль, что это сабельный удар, и каска слетела с головы. Автоматически я поднял шашку, чтоб защититься от следующего удара. Но ничего не случилось, я повернулся и с удивлением увидел, что червонные были на таком же расстоянии, как и раньше. Я опустил шашку и заметил, что рука моя покрыта кровью. Посмотрел на рукав, он тоже покрыт кровью. Я ничего не мог понять, затем вдруг почувствовал, как что-то липкое стало залеплять мне правый глаз.

Моя первая мысль была — есть ли у нас в обозе каски?

Хмелев, на меня посмотрев, притянул лошадь и со мной поравнялся.

— Вы что, ранены? Где ваша каска?

— Не знаю, как видно, царапнуло.

— Да вы в голову ранены.

— Не думаю, ничего не чувствую.

В этот момент Андрей тоже притянул коня и велел второму дозорному скакать рядом со мной с другой стороны. Мы, вероятно, ушли от червонных, потому что следующее, что я помню, — Андрей на пригорке, смотрящий в бинокль, и за ним остальной взвод. Я слышал, как он крикнул, чтобы меня отвезли к санитарной повозке.

Но я был на лошади и, если не считать того, что видел только одним глазом, чувствовал себя великолепно.

Мы втроем продолжали идти шагом. Вдруг я услышал звук команд и поднял голову. Я до сих пор помню, как это меня оживило. Насколько можно было видеть, через все поле полным галопом, с пиками наперевес, значки играли на ветру, летел весь полк лавой в атаку. У меня дух захватило. Я наших не видел, они, вероятно, были где-то на правом фланге. Мимо нас проскакали две прямые линии желтых кирасир с ротмистром князем Черкасским, с саблей, поднятой высоко, на выхоленном блестящем черном коне. Красота!

Помню стоящую двуколку Красного Креста и у нее в белом платье и повязке Мару.

— Что, тебе в голову вклеили, можешь слезть или помочь? — спросила Мара.

Мара всех на «ты» называла, от последнего солдата до Косяковского. Она была замечательно красива. Ее все обожали. Она была грубая, но с золотым сердцем. Ругалась по-солдатски, но была удивительно добра. Она сама говорила, что до войны была киевской проституткой.

Я слез с лошади и в первый раз почувствовал, что голова кружится. Облокотился на двуколку.

— Да тебя пуля через голову звякнула!

Она стала чем-то обмывать мне лицо и лоб и обкрутила мою голову бинтом несколько раз.

— Как еще стоишь, дурак? Грешной, знать, хорошего б в гроб уложила.

— Да, знать, грешной, только голова кружится.

— Это тебе в госпитале справят.

Солдаты подняли меня в двуколку, рядом лежал синий кирасир, и она сейчас же двинулась.

Оттого ли, что она была безрессорная, казалось, что скакали по вспаханному полю. Голова у меня вдруг заболела. Помню, что сказала санитару, который правил двуколкой:

— Да что ты по полю скачешь!

— Да по дороге, и не скачу, — ответил он обиженно.

После этого я ничего не помню.

Когда я пришел в себя, меня несли в носилках вверх по очень крутой насыпи. Пришлось держаться за носилки. На насыпи стоял длинный поезд Южной железной дороги, составленный из серых товарных вагонов, на двух четырехколесных тележках каждый, и большими белыми буквами было написано на каждом вагоне: «Красно-крестный поезд имени генерала Алексева». На круглом белом пятне — красный крест.

После ранения

Мои носилки подняли в один из серых вагонов. Тотчас два санитары переложили меня в гамак. Голова перестала болеть. Я осмотрел вагон. Две сестры копошились между гамаками. Лампы на потолке выбеленного внутри вагона были голубые, и весь вагон был освещен голубым светом. Меня заинтересовали койки. Они были натянуты между четырьмя веревками, идущими от пола к потолку. Я был в верхнем гамаке. Насколько я мог видеть, было приблизительно 18 или 20 гамаков.

Я, наверное, заснул, потому что, когда я проснулся, меня несли два санитары по насыпи вдоль поезда и поставили в белый ярко освещенный вагон. Оттуда сразу же подняли на какой-то металлический стол. Надо мной стоял доктор и две сестры. Стали резать бинты. Доктор мне сказал:

— Будет больно, возьмитесь за эти поддержки.

Действительно, было больно, когда снимали последний бинт. Доктор мне обрил волосы за ухом и что-то обмывал на правой стороне лба.

— Чем это вас хватило? Никогда такой чистой раны не видел.

Помню, как я сказал довольно глупо:

— Я думал, шашкой.

— Хороша шашка! Это меньше калибра наших пуль. Если б нашей, вы бы были на том свете. — И засмеялся.

Наконец он кончил перевязывать и вдруг сказал ворчливо:

— Вы мне поддержки стола согнули.

Понесли обратно в мой вагон. Голова несколько не болела. Снаружи было темно.

Когда пошел поезд, понятия не имею. Проснулся среди бела дня, мои носилки стояли на платформе в ряду по крайней мере 50 других.

Мелькали санитары и сестра, поднимали носилки и куда-то уносили. Наконец дошли до меня, подняли и снесли в автомобиль «Скорой помощи», в котором уже было трое носилок.

Я или заснул, или потерял сознание, потому что ничего не помню после этого. Очнулся в высокой, свежей, белой палате. Солнце светило в большие окна.

Я чувствовал себя очень хорошо и удивился: что я делаю в этой палате? Я обратился к соседу:

— Где это мы?

— Да, кажется, в Киеве.

— Вы какого полка?

— Третьего Интернационала.

— Третьего... Вы где были ранены?

— Под Британами.

— Когда?

— Два дня тому назад.

Я обратился к другому соседу:

— Вы давно тут?

— Да с неделю будет.

— Это что, мы в Киеве?

— Да Киев, наверное.

— Вы какого полка?

— Бугунского, ранен на Ирпени.

— Бугунского? Это что, 9-й дивизии? — (Я подумал, что он новобранец и по ошибке вставил «ун», что он 9-го Бутского уланского полка²⁵⁴, но вдруг я вспомнил, что они где-то под Глузовом.) — Бугунского? — повторил я. — Это что, пехотный полк?

— Да, мы на Вольни сформированы.

— Так вы что, красный?

— Да, мы красноармейская бригада.

— А ваш сосед кто?

— Да тут налево все наши.

«Вот те, бабушка, и Юрьев день! — подумал я. — Может, Киев большевики захватили и я в плен попал?» Я испугался. Повернулся к моему другому соседу:

— А с вами рядом откуда?

— Не знаю, он все спит. Кажется, наш. Эй, товарищ! — Он обратился к спящему. — Вы что, Третьего?

— Да, Третьего, мы все тут Третьего, вместе с тобой нас привезли.

Меня охватила паника. Как я сюда попал? Ни санитаров, ни сестры не было видно. Госпиталь, как видно, хороший, может быть, и у большевиков хорошие госпитали? Я притих, не зная, что делать. Кто-то вошел, в халате и с палкой. Я не посмел даже посмотреть. Вдруг слышу:

— Николай, ты когда сюда попал?

Я отбросил одеяло и приподнялся. Передо мной стоял вольноопределяющийся унтер-офицер Борис Мартынов, кавалергард. Я с ним в последний раз разговаривал четыре дня тому назад.

— Борис, где мы?

— В Киеве. Тебя что, под Британамихватило?

— Нет, под Комаровкой после Британ.

— Так ты к нам перейди, у нас свободная постель.

— Как я могу перейти?

— Подожди, я устрою.

— Да тут все красные.

— Так их тоже ранили! — сказал он и засмеялся. — Что с тобой?

— Да ничего, я думал, я в плен попал.

— Вот ерунду несешь, это тебя по башке брякнуло.

Он куда-то ушел, и через несколько минут пришел доктор, маленький еврей в пенсне, с очень красивой молодой сестрой.

— Что это вы жалуетесь? Отчего вы хотите, чтоб вас перевели?

— Я не жаловался, просто мой друг в другой палате.

— Ну, если можете ходить, я пришлю санитаря. Вам не понравится там.

— Почему не понравится?

— Там казачий сотник, он очень грубый.

— Ну, у меня там друг, Мартынов.

Пришел санитар и принес костыли.

— Да у меня ничего с ногами нет.

— Это не для того, у вас голова будет кружиться.

Я встал, он был прав, без костылей и его помощи никогда б не дошел. Палата оказалась маленькая, на четыре кровати, с балконом. Сотник посмотрел на меня сердито и спросил:

— А вы кто?

— Я Николай Волков, унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка.

— Хм-м... так что в этом специального?

— Ничего, просто регулярный полк.

Я решил сразу, что чинов среди раненых нет и, если он будет грубить, я ему отвечать буду так же. Он замолчал. И вдруг сказал:

— Я потерял обе ноги.

— А-а... Это очень несчастливо! Как это случилось? Как вы, казак, попали в киевский госпиталь?

— Хм... вы называете это госпиталем? Это жидовская харчевня. Какой это госпиталь! Привезли меня сюда, а эти жида мне отрезали ноги!

— Да, может, это вам жизнь спасло, может, у вас гангрена была?

— Так конечно была, да меня не спросили.

— Если б не ампутировали, так вы бы умерли.

— Да им какое дело!

Он продолжал разносить «жидов». Оказалось, что он терский казак, как он в Киев попал, так и не сказал.

Госпиталь оказался «Еврейским госпиталем имени Самуила Борисовича и Сары Борисовны Бабушкиных». Огромные десятифутовые фотографии их были на лестнице. Госпиталь был замечательно построен, прекрасно оборудован на шестьдесят кроватей.

Кажется, был он на Васильевской улице.

За нами смотрели две сестры, одна невероятной красоты, которую мы прозвали Рахиль. Они обе были очень милые. Даже терский сотник совершенно размяк. Кормили нас великолепно. Я чувствовал себя очень хорошо, но был отчего-то очень слаб и шатался, если не брал костылей.

Сентябрь стоял великолепный, было жарко днем, солнечные дни шли один за другим. Рахиль ходила в город и приносила нам в подарок апельсины. Мы целыми днями сидели на балконе.

29 сентября мы тоже сидели вот так, когда сотник вдруг сказал:

— Это что, гроза подходит?

— Не думаю, вероятно, ветер с запада.

Каждый день была слышна глухая канонада с Ирпени, где гвардейская пехота держала фронт против концентрации большевиков. Я никогда не понимал, отчего они там сидели, а не двигались вперед, на соединение с поляками.

Но к вечеру ясно стало, что это и не гроза, и не на Ирпени, а гораздо ближе. Рахиль, вернувшись из города, принесла слухи, что большевики прорвались где-то под Фастовом и наступают на Киев.

На следующее утро Борис Мартынов решил пойти в город. После завтрака, часа в два, раскаты орудий были еще ближе. Я решил пойти и сам на своих костылях узнать, что происходит. Я вышел на улицу, поймал трамвай и проехал на Крещатик. С трудом проковылял на Липки к Дарье Петровне Араповой.

Она рада была меня видеть, но ничего не понимала, что происходит. О Петре она все еще ничего не знала. Таня Куракина с обыкновенной своей глупостью говорила: «Ну, если большевики опять придут, я поеду в Москву. Если хочешь написать письмо твоей матери, дай мне, я ей передам». Я, конечно, отказался, она со своей беспечностью легко могла бы подвести моих родителей. Однако я не сомневался, что при везении она, вероятно, добралась бы до Москвы.

Канонада становилась все ближе и ближе. К вечеру она утихла. Дарья Петровна вдруг сказала:

— Николай, завтра утром пойдешь в штаб Драгомирова, он в конце улицы тут, у тебя там родственники, твой дядя граф Гейден²⁵⁵ генерал-квартирмейстер, а Лукомский начальник штаба. Спроси их, что происходит.

Я плохо спал. Наутро, хотя ни минуты не надеялся, что, будучи рядовым, увижу начальника штаба или генерал-квартирмейстера, поплелся в штаб.

К отчаянию своему, увидел стоящие перед штабом автомобили и подводы, на которые грузили ящики и чемоданы. Дядю Митю я не

видел с пятнадцатого года, когда он на день заехал к нам в Хмелиту. Я был уверен, что он никак не может меня узнать.

Я пробрался в прихожую. Мимо носились солдаты с ящиками. Никто на меня внимания не обращал. Вдруг я увидел дядю Митю, спускавшегося по лестнице. Я попробовал встать во фронт и потерял костыль. На минуту дядя Митя остановился и спросил:

— Что вам надо?

— Я Николай Волков, ваше превосходительство.

Он на меня посмотрел:

— Ах, ты в Конной гвардии?

— Так точно. Разрешите эвакуироваться на одной из ваших подвод?

— Нет, нет, они полны, у тебя тут Курчанинов²⁵⁶, пойдешь к нему. — И пошел дальше.

Я вернулся к Дарье Петровне и рассказал ей, что случилось. Она рассердилась:

— Ну хорошо, Курчанинов тут недалеко живет.

— Я его не знаю.

— Он штабс-ротмистр Конного полка, он тебя устроит.

Я проковылял к Курчанинову. Перед домом стоял автомобиль, набитый чемоданами и корзинками. Две старушки и Курчанинов суетились вокруг автомобиля. Я подошел, доложил Курчанинову, кто я, и одна старушка спросила меня, родственник ли я Софии Дмитриевой-Мамоновой. Я сказал, что она двоюродная сестра моего отца. Она бросилась мне на шею, чуть не сбила меня с ног: «Ах, тогда мы родственники!» — и расцеловала меня. Курчанинов указал мне, что места в автомобиле не было. Они все влезли и уехали. Я до сих пор не знаю, какая мне родственница была старушка. Во всяком случае, оставили меня на тротуаре.

Я решил попробовать доковылять до моста и перебрался на левый берег. Уже был слышен треск пулеметов и винтовок где-то внизу в городе.

Я пошел по Левашовской. Останавливался несколько раз отдыхать и думал, какая дурацкая история, пробрался с трудом из Москвы, только немножко более шести недель в Белой армии, ранили, и никто из белых не помогает мне эвакуироваться от большевиков. «Да ну их к черту! — подумал. — Сам выберусь!»

Вышел на Александровскую и пошел ковылять к Николаевскому спуску. Какая-то площадь, налево парк с решеткой, а напротив большой дом, как нос корабля между двумя улицами. Пошел по левой улице. Смотрю, на тумбе сидит офицер. Я к нему подошел, отдал честь,

у него фуражка на обмотанной бинтом голове. Он встал, посмотрел на меня:

— Вы Конного полка?

— Так точно, господин ротмистр.

— Хм-м... Куда вы прете?

— На мост, господин ротмистр.

— На этих костылях вы туда никогда не дойдете. Да зачем костыли? Вы же в голову ранены. Бросьте костыли, оставайтесь здесь. Я ротмистр Борзненко²⁵⁷, улан Его Величества. У меня тут уже человек тридцать, они в арсенале ищут винтовки и амуницию. Они тоже все раненые. Мы тут засаду устроим, пока подкрепления не подойдут.

Не зная, что делать, я прислонил костыли к стене, покачался, но вижу, могу стоять.

— Вот видите, совсем вам костылей не нужно.

Пока мы говорили, подошли еще человек семь. Не все раненые, некоторые, как видно, в отпуску. Я пошел, сперва качаясь, в арсенал. Там действительно несколько человек, большинство офицеры, перебирают винтовки. Молодой вольноопределяющийся, посмотрел, гусар 12-го Ахтырского полка²⁵⁸. Подошел, представился ему. Он мне говорит:

— Вот я нашел пять винтовок наших, хотите одну взять? Да тут два ящика амуниции.

Никогда такого кавардака не видел. Винтовки, пулеметы кучами навалены на полу, почти что все австрийские. Нашли русского «максимку», ленты, но без патронов. Вытянули.

— Если еще патроны найдем, может пригодиться.

Мой новый друг оказался Забьяло. Не раненый, бежал из Чернигова, старался в свой полк пробраться, но застрял в Киеве.

Мы вытянули пулемет и винтовки во двор. Кто-то нашел ленты с патронами. Во дворе человек двадцать тащили две повозки, которые Борзненко велел опрокинуть поперек улицы. Через полчаса уже была баррикада из повозок, ящиков, мешков, наполненных землей. Работали все дружно под командой Борзненко. Чины исчезли. Среди этой новой команды был старый генерал, два полковника, офицеры и солдаты всяких полков. Кто-то выкатил со двора австрийскую трехдюймовку и зарядный ящик, полный снарядов, но, к несчастью, не было ни одного артиллериста.

К этому времени нас было уже человек пятьдесят. Некоторых Борзненко засадил в окнах арсенала.

Люди из Киева продолжали приходить. Борзненко сформировал новый отряд под командою какого-то полковника, который почему-

то был прозван «3-й офицерский отряд», и отправил его на левый фланг защищать какую-то «собачью тропу». Я не знал Киева, но будто бы это защищало фланг со стороны Бессарабки.

К двум часам у нас было человек 70, кроме 3-го офицерского отряда, который, говорили, был в 50 человек. Борзненко отправил человек десять в лавру за водой и едой.

Как ни странно, я совершенно забыл о моем ранении и чувствовал себя великолепно. Стрельба в Киеве прекратилась. Мы продолжали приносить разную рухлядь со двора, чтобы укрепить нашу баррикаду. Перед нами была большая площадь, на другой стороне ее тянулась длинная решетка какого-то парка. К трем часам Борзненко послал меня и Забьяло направо посмотреть, что происходит на нижней дороге, вдоль Днепра.

Мы пошли очень осторожно через кусты к обрыву. Мы вдруг вышли на полковника, сидящего на тумбе и курящего.

— Простите, господин полковник, но что вы тут делаете?

— Сижу, молодой человек, и думаю.

Он оказался полковник Зайцев²⁵⁹, Семеновского полка.

Оказалось, что две роты измайловцев были на Подоле. Запасной взвод семеновцев он только что поставил на нижнюю дорогу. Когда я объяснил, кто мы такие и что мы делаем, он сказал:

— Хм-м... интересно... хромые и хилые защищают Первопрестольную, а штаб сидит на другой стороне моста, положение, как говорится, у-ют-ное!

Узнав о присутствии семеновцев, хоть и запасных, на нижней дороге, мы пошли обратно.

— Ну и война, действительно! «Хромые и хилые» сидят за баррикадой, полковник сидит на тумбе, запасные на дороге, а противника нет, — что твой Кузьма Прутков! — сказал Забьяло.

Но дело было хуже. Только что мы вернулись и доложили Борзненко, как появилась от Александровской подвода. На ней сидело пять солдат. Борзненко достал бинокли. За подводой появилась другая и другая, на каждой сидели солдаты. Когда выехало подвод 20 или больше, Борзненко сказал: «Это красные, огонь!» Послышался залп, и на площади произошла паника. Подводы поворачивались, натыкались друг на друга, скакали в разные стороны. Залп за залпом превратили другую сторону площади в какой-то сломный двор. Те, которые могли, ускакали обратно по улице, на площади остались убитые лошади и люди и поломанные повозки.

— Странно! — сказал Борзненко. — Неужели они думали, что Киев эвакуирован, ни разезда, ни дозора, кто ими командует?!

Но, как видно, кто-то ими командовал, потому что через полчаса они появились за решеткой и открыли сильный огонь по баррикаде. Кто-то пришел из арсенала и сказал, что они засели в большом доме в начале Александровской. Борзненко не разрешал нам отвечать на их огонь.

Они, вероятно, решили, что мы или ушли, или были очень слабы, потому что через несколько минут появилась цепь, затем вторая. Цепь разворачивалась очень точно. Мы молчали. Цепь начала двигаться в нашем направлении, медленно.

Посмотрев на других, я увидел, что атмосфера у нас была очень напряженная. Борзненко стоял не двигаясь за опрокинутой повозкой. Когда цепь прошла половину расстояния, он приказал открыть огонь. Заговорил и наш пулемет. Цепь быстро поредела, но не остановилась, а с криками «Ура!» бросилась вперед. Залп за залпом наконец остановил ее в 50 шагах от нас, и оставшиеся побежали зигзагами обратно.

— Кто они, не знаю, но это, брат ты мой, пехота, и не заурядная, — сказал Борзненко, ни к кому не обращаясь. — Не тратьте пули, они вернутся.

Действительно, через двадцать минут, после ураганного обстрела нашей баррикады из-за решетки, там было по крайней мере 6 пулеметов, цепь снова появилась.

Хотя щепки летели во все стороны, только один из наших был убит и трое ранено. Эта новая цепь действовала совсем иначе. Она двигалась медленно, останавливалась, двигалась опять и, когда прошла полдороги, залегла, больше всего за убитыми. Было трудно сказать, кто из лежащих принадлежал к цепи, а кто был убитый или раненый. Раненые продолжали лежать на площади. Живые стреляли лежа, перебежали, так что трудно было заметить, определить, докуда дошла цепь. Пулеметы продолжали стучать. Борзненко не разрешал нам открывать огонь. У нас еще трое были убиты и несколько ранены.

Вдруг нападающие поднялись и бросились в атаку. Мы открыли огонь, и опять они остановились и стали отступать. Снова их потери были тяжелые.

Какой-то капитан рядом со мной сказал: «Они больше не полезут». Но оказался не прав. Не прошло и получаса, как кто-то заметил движение на их левом фланге. Борзненко быстро отделил человек пятнадцать и послал их назад и направо от нас, в кусты. После сильной перестрелки это фланговое движение отступило.

Вдруг загудели снаряды. Откуда красные стреляли, мы не знали. Снаряды лопались где-то за Арсеналом. Только два или три заухали над нашей головой и разорвались рядом в кустах, сильно.

— Это тяжелые, — заметил мой сосед.

От нас не было видно разрывов, но звук их полета был необычный: «Тю... тю... тю...»

— Шестидюймовки, — кто-то сказал.

— Да это не по нас бьют, — заметил третий.

Стало смеркаться. Труднее и труднее было различить движение на той стороне. Меня стало беспокоить, что могут подкрасться в темноте. Как будто в ответ на мое волнение Борзненко сказал:

— Господа, большевики ночью не действуют, но это не значит, что мы не должны быть начеку.

Как только солнце село, стало холодно. Борзненко перевел человек десять из арсенала на место наших потерь. Раненых отнесли в лавру. Ночь оказалась гораздо светлее, чем я ожидал.

Ко мне подошел Борзненко. Он неумоимо ходил взад и вперед.

— Я вам дам четырех человек. Пройдите через кусты до обрыва. Я не думаю, что красные растянулись дотуда, но никогда не знаешь. Вы там были и знаете территорию, только осторожно.

Мои четверо оказались Забьяло, капитан, поручик и студент. Мне было очень неудобно иметь под своей командой двух офицеров, но они приняли это без протеста, только студент стал ворчать.

Мы пошли той же дорогой, по которой наткнулись на полковника Зайцева. Вдруг студент вскрикнул. Я бросился назад к нему и нашел его стоящим над какой-то фигурой, съезженной на земле. Винтовку свою он приставил к ее голове.

Оказалась женщина.

— Это шпионка! — сказал студент возбужденно.

— Возвращайтесь на свое место.

Он неохотно отошел. Я нагнулся и спросил тихо:

— Что вы тут делаете?

Она не отвечала. Я ее приподнял и опять спросил.

— Я сестра милосердия.

— Как вы сюда попали?

— Я убежала. Я с красными была.

Я ее вывел туда, где мы заняли позицию, и стал тихо допрашивать. Отвечала очень осторожно. Она из Могилева. Ее послали в полк, и в Киеве она убежала. Ответы ее были правдоподобны, и в то же время она вполне могла быть шпионка. Я решил ее свести обратно. Если она шпионка, что она может узнать? Что какая-то хилая команда с австрийскими винтовками сидит за баррикадой?

Ко мне подошел Забьяло:

— Смотрите, пожалуйста, за ней, этот сумасшедший студент может ее пристрелить.

Я взял поручика, и мы вдвоем пробрались до решетки. Там никого не было. Через несколько минут мы связались с дозором семеновцев, которые заняли верхушку обрыва.

Ясно было, что Борзненко прав: красные до обрыва не растянулись. Как всегда, большевики побаивались кустов.

Мы вернулись мимо нашего флангового отряда, где тоже с первой вылазки не видели красных.

Борзненко был очень доволен, что мы привели сестру. На мое замечание, что она, может быть, шпионка, он ответил:

— Пусть шпионит, она тут раненых перевязывать может.

Стало рассветать. Студент уже успел всем рассказать, что он поймал шпионку, и на нее все смотрели искоса. В Белой армии было много левых социалистов, которые, к несчастью, были убеждены, что все переходящие от красных были коммунисты. Это совсем было неверно. Большинство наших солдат были из пленных красных, и они были гораздо толковее и надежнее городских добровольцев, среди которых было много студентов. Правда, в нашем полку, как и вообще в регулярных полках, их было очень мало. Отчего они были так подозрительны к переходящим, трудно было понять, но мне говорили, что в чисто добровольческих частях иногда расправлялись с пленными так же, как и красные.

Я лично этого никогда не видел. Когда сдавались красные части, коммунистов там уже не было, их расстреливали сами сдающиеся. У меня в эскадроне был рабочий с Обуховского завода. Он не скрывал, что в 1918 году был красногвардейцем. При переходе к нам он откровенно сказал Жемчужникову, что был коммунистом, но разочаровался и хочет служить в Белой армии. Жемчужников его принял, и он попал в мой взвод. Он был одним из лучших солдат в полку и, к несчастью, был убит годом позднее.

Ночью наши вылезали и подобрали трех раненых красных. От них узнали, что перед нами Таращанский полк. Он вместе с Бутунским прорвался на Верхней Ирпени.

Сестра наша, звали ее Алла, оказалась премилая, не уставая перевязывала раненых до тех пор, пока саму ее не ранили.

На второй день до полудня красные два раза попробовали атаковать баррикаду, на этот раз почему-то в сомкнутом строю, что стоило им еще больше потерь, и мы их отбили сравнительно легко.

Жара была невероятна для октября. Но трупы лежали довольно далеко, и ветер был с востока. После полудня был только сильный обстрел из-за решетки, но красные не появлялись. Положение наше становилось довольно критическим. С «собачьей тропы» донесли, что их

атакуют большими силами, но что они еще держатся. У нас уже было 6 убитых и 19 раненых. Припаса было не много.

Какой-то поручик предложил Борзненко зарядить и выстрелить из нашей пушки. Борзненко отказался. Стрельба со стороны красных усилилась, у нас было убито еще трое, включая Забьяло, и шесть человек ранено. К нам на помощь подошли два взвода Московского гвардейского полка. Один был сейчас же отослан на «собачью тропу», второй усилил нас. Но что было еще лучше — наконец откликнулись с другой стороны моста, и пришла подвода с русскими винтовками и патронами.

Как раз перед началом темноты, после сильного обстрела, вдруг ринулась цепь. Борзненко разрешил поручику выстрелить из пушки. Выстрел напугал нас, я думаю, больше, чем большевиков. Я не знаю, как это случилось, но после выстрела, снаряд которого как будто прыгнул по мостовой, смещал цепь и разорвался, ударившись о кирпичную стенку решетки, орудие вдруг снялось, разогнало наших, покатило назад по мостовой, ударило и снесло тумбу и, наконец, повернулось дулом к арсеналу. Паника у нас была равная панике красных, которые быстро исчезли. Даже стрельба их прекратилась.

Но вдруг оказалось, что сестра ранена в пах. Я только что перевязал руку повыше локтя какому-то подпоручику, стоял держал бинт, как кто-то мне сказал:

— Сестру ранило, перевяжите.

Я пошел к ней:

— Куда вас ранило?

— В ногу.

Я посмотрел, ничего не вижу.

— Нет, выше, выше.

Я ахнул. Перевязывать ногу или руку легко, но тут я совсем смешался.

— Да как я вам перевяжу?

К счастью, она была спокойна и рана была чистая, навывлет, но кровь текла сильно. Под ее наставлением и с помощью москвича я ее забинтовал, грубо кругом ноги и талии, и наши санитары понесли ее в лавру, как и всех остальных наших раненых. Четыре санитаря с носилками были из лавренской больницы, они работали не унывая.

Ночь прошла тихо. На разведку пошли другие, и я прикорнул за грудой мешков. Проснувшись, я услышал разговор моих соседей. Один говорил:

— Вряд ли у красных общее командование. Командуют командиры частей.

- Да это и у нас тоже.
- У нас нечем командовать.
- В Киеве же был штаб Драгомирова.
- Да где он?
- Черт его знает!
- Слышно, что у них есть артиллерия, я несколько раз слышал ее вчера. Если б кто командовал, они могли бы разнести нашу бригаду.
- Да почему вы знаете, что это их артиллерия?..

Я встал и пошел вымыться под краном во дворе Арсенала. К моему удивлению, там стояла полевая кухня и повара копошились вокруг нее. Я подошел спросить, откуда они появились. Оказалось, кто-то прислал их с той стороны моста, они были петербуржцы. Час спустя по очереди вся наша смешанная команда и группы с «собачьей тропы» вытянулись в хвост у кухни.

Все утро слышалась сильная стрельба и артиллерийская пальба где-то в Киеве и на «собачьей тропе». Говорили, что бой идет на Подоле.

Часов в одиннадцать появился взвод, оказалось, кексгольмцы, пришли с той стороны моста. Говорили, что скоро подойдут остальные части роты.

Настроение у всех поднялось. Борзненко продолжал командовать всеми частями. Пришел и полковник Зайцев. Его флегматичная манера имела замечательно успокоительное влияние на защитников.

— Хм-м... смотрите, сколько они оставили убитых. Вы их и без пополнений держали. Скоро нужно будет из дворцовых садов выкинуть. Они мозгами не шевелят. Жалко, хорошая у них пехота, и смотрите, как они ее растратили.

Около часа опять появилась цепь. Как и раньше, они подготовили атаку ураганным огнем. Борзненко не было, он пошел на «собачью тропу». Как и за два прошедших дня, мы огня не открывали. Они двигались медленно, меняли направления и вдруг бросились в атаку. Наш огонь их сперва не остановил, и первая поредевшая цепь уже была меньше чем в пятидесяти шагах от нас, когда с нашего правого фланга кексгольмцы бросились в атаку. За ними пошли и мы, и московцы. Но цепь их смялась, вторая цепь сначала двигалась вперед, потом вдруг повернулась, их пулеметы открыли огонь в смешанную кучу и били не только нас, но и своих.

Наши стали отступать, но и красные бежали. Как ни странно, у кексгольмцев был всего только один убитый и четыре раненых. У нас и московцев было только два раненых. Таращанцы опять оставили больше 30 на поле сражения.

На площади теперь было 216 трупов. Ветер перешел на юг, и вонь усиливалась.

К трем часам подошли три взвода кексгольмцев²⁶⁰ и два взвода петербуржцев²⁶¹. Эти два были отправлены на «собачью тропу».

Борзненко и командиры пришедших частей пошли на двор арсенала, как видно, советоваться. Большевики больше в этот день не появлялись. Три взвода кексгольмцев куда-то ушли.

Когда стало темнеть, вдруг раздалась пулеметная стрельба, но не по нас, и раздалось «Ура» где-то справа. Борзненко выскочил за баррикаду и повел нас в атаку. В полутьме трудно было сказать, что происходило. Мы бежали, спотыкаясь о трупы, по направлению к решетке. Пули свистели повсюду. «Ура» раздавалось со всех сторон. Решетка оказалась поломана. Через минуту мы были в саду. Куда красные делись, я не знаю. Мы прошли шагов пятьдесят, и цепь наша остановилась. Мой сосед оказался кексгольмец. Я его спросил, откуда он. «Мы справа обошли».

Мы лежали за каким-то пригорком, и в темноте, усиленной деревьями, впереди ничего не было видно. Пули свистели откуда-то. Потом все затихло.

Трава была мокрая, и стало холодно. Не знаю, сколько времени прошло. Какой-то офицер остановился за мной и говорил с кем-то, кого я не видел, тихим голосом. Единственное, что я слышал, когда он уходил: «Ну, подождем до рассвета».

Я очень устал и задремал. Просыпался несколько раз. Была тишина. Рядом лежал кексгольмец, а с другой стороны один из наших, капитан. Когда я увидел, что он не спит, я его спросил:

- Что это мы делаем?
- Не знаю, завтра, наверно, ударим в Киев.
- А куда красные делись?
- Да бог их ведает! Наверно, где-нибудь в саду засели.

Мы поговорили о последних трех днях.

— М-м-м... нам посчастливилось, ротмистр Борзненко выбрал великолепную позицию, а большевики сдурили.

Капитан оказался по имени Казанович, Вятского пехотного полка. Он лежал в госпитале в Киеве с раной в ногу. Как и я, старался выбраться из города и встретил Борзненко. Он мне стал рассказывать про Борзненко. Оказывается, Борзненко, когда пришли большевики, был арестован. Его и многих других повели на расстрел на край обрыва. В момент, когда чекисты открыли огонь, он решил, что все равно умирать, и бросился с обрыва. Падая, зацепился за какой-то куст и замер. Когда чекисты ушли, он очень осторожно слез со скалы, хотя и повредил себе ногу и руку, и укрылся до прихода белых.

Как только стало рассветать, мы начали двигаться вперед. Сперва шли через парк, затем свернули и оказались на Александровской. Тут никого не было, но мы остановились и стали бесконечно кого-то или чего-то ожидать. За нашей спиной вдруг открылась стрельба, это где-то было в Дворцовом саду, там были кексгольмцы.

Я был страшно голоден и промерз. Время шло, и ничего у нас не случалось. Вдруг по направлению Липок разыгрался бой. Только потом узнали, что 3-й офицерский отряд с московцами и петербуржцами, поддержанные еще какими-то отдельными частями, перешли в наступление. Загремели орудия, чьи не знаю, и в то же самое время с Подола слышалась трескотня пулеметов и винтовок.

Вдруг вниз по Александровской покатило мимо нас броневик, и пять минут спустя — открытый автомобиль, в котором стоял очень красивый молодежавый генерал в серой кубанке и светло-серой черкеске с белым бешметом.

— Кто это? — спросил я московца.

— Генерал Неледин, он бригадой командует.

Все было непонятно и удивительно. Сейчас же после этого мы пошли шеренгой по обе стороны Александровской на Царскую площадь и повернули на Крещатик. Тут летали пули, и впереди перебежали от дома к дому красные. Мы не отвечали на их огонь, а продолжали двигаться вперед. Дойдя до Бибиковского бульвара, мы вдруг оказались под перекрестным огнем, стреляли в нас и со стороны Бессарабки, и с Бибиковского бульвара. Тут мы засели. Вдруг из Бессарабки и посыпались красные. Теперь они оказались под перекрестным огнем и стали сдаваться. Скоро за ними появились 3-й офицерский и гвардейцы. Но большинство красных вытянулись и самое сильное сопротивление оказали на бульваре. Тут они цеплялись за каждую возможную позицию, оставляя ее, только когда мы ее обходили или выбивали штыками.

Я абсолютно не знаю, было у нас к тому времени центральное командование или все действовали сами по себе. Например, куда делся генерал Неледин в своем автомобиле и куда делся броневик. Почему у нас не было никакой артиллерии и даже пулеметных команд, тоже было непонятно.

К четырем часам мы были уже на Брест-Литовском шоссе. Перед нами была какая-то площадка и на той стороне, на углу, еврейское кладбище. Красные засели за стеной. Одна из наших частей пошла в обход.

Мы бросились в атаку через площадку, более как дивертисмент, и сразу же отошли. Во второй полуатаке вдруг что-то хватало меня в

живот и сбило с ног. Было страшно больно. Я лежал лицом к мостовой и одним глазом видел отходящих наших. У меня в голове промелькнуло: неужели оставят меня тут?

Я решил лежать не двигаясь. Я заметил, что рука, которая была подо мной, в крови. Моя фуражка, которая каким-то образом очутилась в госпитале, хотя, когда меня ранили под Комаровкой, была в моем отдельном вьюке, теперь лежала на земле футах в шести. Пули визжали над головой. Неужели про меня забыли? Неужели думали, что я убит? Я боялся потерять сознание.

Мне показалось, что прошло по крайней мере час или два. Трескотня вдруг перестала. Я приподнял голову — никого не было. Я испугался, хотя должен признаться, что дрейфил все это время. Вдруг услышал голоса. Я приподнял голову, и сейчас же два человека подняли меня и положили на носилки на спину.

Было невероятно больно, и я подумал, что мне разорвало кишки. Увидел, что надо мной стоят два санитары с красно-крестными повязками на рукавах. Один из них расстегнул мне рейтузы и поднял рубашку. «Это ничего», — и понесли. Через минуту я был в автомобиле «Скорой помощи». Покатали куда-то.

Я не помню, как мы приехали, как меня перевязали. Пришел в себя в маленькой палате. Горели электрические лампы. Подошла очень красивая, стройная, молодая сестра.

— Вы что, Конного или Кавалергардского полка? Как вас зовут?

Я посмотрел на нее с удивлением:

— Почему вы знаете, что я одного из этих полков?

— Очень просто, — сказала она, засмеявшись. — По поганам. Мой брат — желтый кирасир.

— Где это я?

— В лавренской больнице. Вам посчастливилось, очень легкая рана.

Мне вдруг стало досадно.

— Отчего тогда так больно?

— Да потому, что пуля скользнула и порвала вам мускул.

Вот глупо, в голову ударило — не заметил, а тут поверхностная рана — и болит.

— Вы брата моего знаете? Доливо-Ковалевский²⁶².

— Знаю, — сказал я обиженным голосом.

Живот болел очень сильно, я мечтал заснуть. Наутро живот не болел уже, но ныл. Меня понесли на перевязку.

— Ну, это ерунда, через несколько дней сможете выписаться, — сказал доктор.

Действительно, через день и ныть перестало.

Сестра была очень мила. Часто приходила поговорить. Остальные в палате все были или наши, или гвардейцы. Я вдруг вспомнил нашу сестру милосердия. Я знал только, что ее звали Алла. Только я хотел спросить, где она, как в палату вошла моя тетка Стенбок. Она пришла навещать раненых и меня сперва не узнала. Последний раз я ее видел в Петербурге, когда мне было 12 лет. Она обрадовалась, когда я к ней обратился. Стала расспрашивать про своих племянников, сын ее, Иван Стенбок²⁶³, в полку нашем тогда не был.

Я ей рассказал про Аллу и попросил узнать, где она. Позже вышла какая-то сестра и говорит:

— Вы спрашивали про сестру Погорельскую? Она здесь. Она большевичка, она в отдельной палате.
— Она совсем не большевичка, она к нам перешла.
— Не знаю, мы нашли документы на ней, она с красными была.
— Так это ничего не значит.
— Ну, это нас не касается. Как выздоровеет, мы ее передадим военным, они там разберутся.

Это мне очень не понравилось. На следующий день я встал и пошел искать Аллу. Нашел комнату и постучал. Никто не откликнулся. Я тихо открыл дверь. Она лежала, натянув одеяло на голову.

Я подошел и сказал тихо:

— Алла, вы спите?

Она стянула одеяло и посмотрела на меня испуганно, как видно, не узнала.

— Я Николай Волков, я вас перевязывал, когда вас ранили. Она тогда вспомнила, уставилась на меня, но не сказала ни слова.
— Как вы себя чувствуете?
— А вы почему тут?
— Меня ранили.
— Зачем вы ко мне пришли?
— Да я хотел узнать, как вы.
— Да вы для меня ничего сделать не можете.
— Я не знаю.

Слезы показались на ее глазах. Мне стало ее жалко.

— Простите, но отчего вы так беспокоитесь?

Она ничего не ответила.

— Пожалуйста, не плачьте.

— Они говорят, что я большевичка.

— Так это ерунда.

— Они мне не верят.

— Так я могу удостовериться, что вы с нами были.

— Они вам не поверят.

Я действительно не знал, как я мог бы доказать, что Алла не красная. Мне вдруг пришло в голову, что если тетка Стенбок приходит навещать раненых...

— Подождите, я подумаю. Я приду завтра.

Я нашел сестру Доливо-Ковалевскую, попросил ее снестись с тетей Маней.

На следующий день тетя пришла, и я ей объяснил про Аллу.

— Да что ты о ней беспокоишься? Когда ее выпишут, военные разберутся, кто она такая. Если она не большевичка, ее отпустят.

— Да как она может доказать?

— Не знаю, они там как-то разбираются.

Я тогда ей рассказал, что произошло со мной и стрелками.

— Если б Сергей Исаков не вошел, меня б расстреляли как шпиона.

Это ее убедило.

— Ну что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Возьми ее под свое покровительство, тебе поверят.

Она согласилась. Я ее повел к Алле.

— Послушайте, это графиня Стенбок-Фермор, она за вас будет хлопотать.

Я увидел, что Алла не слишком этому поверила. Тетя Маня обещала ее навещать на следующий день.

Теперь я стал проводить много времени с Аллой. Она была очень мила и повеселела. И отношение госпиталя к ней тоже исправилось. «Графиня сказала... графиня предложила...» Тетя Маня предложила, когда Аллу выпустят из госпиталя, взять ее к себе. Через несколько дней меня выпустили. Я пошел сразу же к Дарье Петровне. Она только что получила известие, что Петр Арапов в Лубнах, в запасном эскадроне. Я было думал вернуться к себе в эскадрон, но никто не знал, где наша дивизия. Погода испортилась, и у меня не было шинели. Мне вымыли в госпитале мою рубаху, но она была летняя. Я решил ехать в Лубны, там, наверное, знают, где наш полк, и в то же время я очень хотел повидать Петра. Попрошался с тетей Маней, она мне дала бурку своего сына, чтоб ему передать. Сходил в госпиталь, простился с Аллой и сел в поезд на Лубны. Я совершенно не ожидал того, что увидел в Лубнах. Город был переполнен запасными эскадронами гвардейской конницы. Я нашел Петра. Он совсем не был удивлен моим появлением.

— Где ты мотался?

Я ему объяснил, что со мной произошло.

— Ну, это великолепно, ты ветеран, ты можешь мне помочь. Я командую учебной командой, никто из них пороха не нюхал.

В Лубнах было много знакомых, между ними полковники Дерфельден и Фелейзен²⁶⁴, ротмистры Ширков и Жемчужников, но Ивана Ивановича Стенбока не было. Знал также многих из других полков. 3-й эскадрон, под командой Андрея Старосельского²⁶⁵, уходил на фронт. Я Старосельского не любил и решил с ним не ехать. 4-й эскадрон Ширкова должен был тоже скоро уходить. Тем временем я прикомандировался к учебной команде. Командовал запасом полковник князь Гедройц²⁶⁶. Я его не знал, и Жемчужников меня ему представил. Это был несчастный случай: Гедройц Жемчужникова терпеть не мог, и его ненависть перешла на меня. Гедройц был малюсенький. Он вряд ли был выше пяти с половиной футов и терпеть не мог всех высоких, хотя почему он так не любил Жемчужникова, который был среднего роста, я не знаю. Говорили, что, когда он вышел в полк в 1906-м или 1907 году, он сразу же заказал себе «супервест». Это была безрукавка, которую носили офицеры Конного и Кавалергардского, когда на парадных occasions они стояли часовыми при Государе. Но выбирали для этой службы всегда высоких офицеров. Возможно, что кто-нибудь из молодых тогда над ним посмеялся, но результат был, что он высоким никогда не мог простить их роста. Но он вообще был очень неприятный человек, злобный и очень не популярный, его не любили ни офицеры, ни солдаты.

Меня сразу же обмундировали. В это время появились в Полтавской и Екатеринославской губерниях шайки разбойников. Стали ли они разбойниками, сперва бывши зелеными, или просто разбойничали, не знаю. Зеленые были местные и защищали свои деревни. Эти же были конные и шатались по всей губернии, громя и города, и деревни. Они были против и белых, и красных. В треугольнике Прилуки—Ромны—Миргород шаталась шайка какого-то Шубы. В Екатеринославской губернии был Махно, на север от Ромен — Ангел.

Шуба появился на Суле на север от Лубен, и послали учебную команду его или поймать, или разбить.

Я Южной России совершенно не знал и думал, что климат здесь гораздо теплее нашего смоленского. У нас очень редко выпадал снег до первой недели ноября, но тут числа 20 октября вдруг пошел снег.

Мы выступили с командой в 33 человека и пошли вдоль Сулы. Петр, как всегда, словами не мешкался. Он заставил меня ехать с ним рядом и говорит:

— Эта зеленая молодежь за нами даст такого драпу, если выскочит на нас Шуба, что только пыль будет видна!

— Так зачем же мы их взяли?

— Приучать нужно.

Я откровенно того сам побаивался.

Прошли несколько деревень. Шуба был. В одной деревне повесил двоих, потому что они отказались заплатить ему «дань». Куда он ушел, не знали или боялись сказать.

Снег выпал. Было очень холодно, но мне в бурке тепло. Сколько у Шубы человек было — разлилось. Некоторые говорили, что более ста, другие — человек семьдесят. Пулеметов у него не было. К нам в последний момент приставили две тачанки с пулеметами 4-го эскадрона. Шуба ушел из последней деревни до снега, так что следов не оставил. Выбор наш был — идти или на Пески и Галич, или на восток на Камышню. Петр решил последнее.

Была вторая ночь нашего похода. Зная английские седла, я осмотрел расседланных лошадей. Две были сильно набиты, две или три полегче. Пришлось насыпать йодоформом. Худшие две расседлать и посадить солдат в тачанки. Нашли войлок для других.

Здесь произошел случай, который меня очень удручил. Когда допрашивали местных о Шубе, они проявили какую-то ненависть к одному из жителей. Трудно было понять, на чем она основывалась. Вряд ли он был шубинцем, по крайней мере Петр этому не верил. Крестьяне говорили загадками, к которым я вообще привык, но тут уяснить ничего не мог. Это был малорусский говор, который не только словарно, но и философски разнился от нашего великорусского. Я стал подозревать, что деревня от него хотела отделаться, но сами на это решиться не могли. Может, он был коммунист? В первый раз я видел, что Петр не мог решить, как поступать.

— Пойдем с ним поговорим?

— Мы не коммунистов ищем, — ответил Петр коротко, но в конце концов согласился.

Пошли. Дома только жена и двое детей. Стали ее спрашивать. Ясно, она ничего не говорила и не могла объяснить, отчего мужа ее так не любили в деревне.

— Это мы время теряем, глупо было ожидать, что мы какую-то деревенскую междоусобицу сможем разобрать! — сказал Петр раздраженно.

— Откуда этот дым? — Кто-то из наших открыл дверь в соседнюю комнату и шархнул обратно.

Комната пылала.

— Ведро! Залей, где вода?! — крикнул Петр.

Кроме бочки с водой и двух ведер, ничего не было.

— Неси снег! — крикнул Петр.

Но было уже поздно. Дом горел как костер.

Успели только вывести жену, детей и всякую домашнюю рухлядь. На улице собралась толпа, но ни один гасить пожар не пробовал. Жена и дети голосили.

Как загорелось, кто был в том виноват, невозможно было сказать. Петр был разъярен.

— Отчего, дурак, я тебя слушал, — процедил он сквозь зубы. — Смотри, что случилось, это именно то, чего они хотели.

Я стал извиняться.

— Да, но это моя ответственность, и мы попали в их западню, — ответил Петр сердито.

Дом сгорел. Остались только печка и труба. Мы вышли на окраину деревни, поставили дозоры и устроились в сарае. На рассвете выступили в Камышню. Петр был в очень плохом настроении. Пошел снег, поднялся ветер. Вьюга нас заставила остановиться на хуторе. Хозяин, маститый старик, был очень доволен нашим приходом, но был убежден, что мы Шубу никогда не поймает.

— Тут все его боятся, никогда вам не помогут.

Как только вьюга прошла, взошло солнце. Снег сверкал. Дух у всех поднялся. Вдруг кто-то крикнул: «Смотрите! Смотрите! Заяц!» Он скакал параллельно нам и, видимо, хотел проскочить перед нами. Не теряя ни секунды, Петр бросился в галоп, и за ним поскакала вся команда. Суеверие о зайце, проскакивающем перед колонной, было очень сильно, это считалось предречением несчастья.

Этот галоп спас нас от засады: кто-то из деревушки открыл по нас огонь издалека. Мы раскрылись в лаву. Петр бросил меня с частью команды вправо, чтоб обхватить деревушку, но я повернул слишком рано. Мы перепрыгнули низкий плетень и оказались на улице. Через безлистные деревья садов я увидел верховых, драпающих в поле. Нагнать их было невозможно. Пули свистели из-за домов. Почти тут же появился Петр. Я уже спешил и пробовал отрезать стреляющих.

Я думал, что Петр на меня обрушится за то, что я не отрезал конных. Но он только сказал, что мое появление на улице в тылу заставило партизан драпануть.

— Ты ничего бы не смог сделать, их было слишком много.

Мы обшарили дома и сараи. Нашли одного убитого и двух раненых. Может быть, в деревушке остались еще несколько шубинцев, но искать их было невозможно. Мы подобрали восемь карабинов и шесть лошадей, оседанных казачьими седлами. Лошади были величественные.

Эта стычка с шубинцами показала нам с очевидностью, что у нас не было достаточно сил. Ясно, что мы повстречали только часть главных сил Шубы, и то они были намного сильнее нас.

Петр решил возвращаться в Лубны. Потом оказалось, что в сгоревшем доме погиб хозяин, который залег на печке и задохся там. В Лубнах учредили розыск, как это случилось. Никто не знал, как начался пожар, но Петр был прав, ответственность за пожар и смерть хозяина была положена на нас, — именно то, чего деревня хотела. Гедройц, конечно, винил Петра. Но Петр меня больше не укорял. Правду сказать, и я после этого уж советов не давал.

По возврате в Лубны я в первый раз услышал, что произошло на сахарной фабрике. Наступая на Орел, левый фланг корпуса Кутепова подошел к фабрике. Копков отослал комиссара в Москву, «прося подкрепление». Зеленые отрезали фабрику от Брянска, и Южный полк «после геройской защиты» был уничтожен. В действительности он весь перешел к белым, надел погоны корниловцев и превратился не то в полк, не то, некоторые говорили, в дивизию Корниловского корпуса. Их достаточно было на дивизию. Копков был произведен в полковники, но скоро после этого убит. Подробностей я не знаю, хотя потом встречал нескольких корниловцев, которые прежде были Южного полка.

Поездка на юг

Если бы я уже тогда, во время Гражданской войны, занялся записками, вероятно, я бы мог узнать многое и о Главсахаре, и о самой войне, сверх того, что сам испытал. Расспросил бы, например, Петра Арапова о том, как он перешел к белым. Но тогда это мне казалось маловажным. Петр мне, может, даже и рассказал, но вошло в одно ухо и вышло в другое. Знаю только, что он был «убит» за неделю или две до перехода. Попал к зеленым и оттуда — в Белозерский полк.

Это теперь мне очень досадно. Петр мне говорил, что не то Белозерский полк, не то вся дивизия (в таком случае еще три полка, имен которых я не знаю) были единственными, которые были Императорской армии целиком. И командир, и офицеры, и солдаты с фронта, когда фронт рассыпался, ушли в Белую армию.

Петр прослужил там месяц, услышал, что Конная гвардия и в Лубнах, и перевелся. Белозерский полк был и у Врангеля, помню, кто-то о нем говорил под Каховкой, в корпусе генерала Скалона²⁶⁷.

Сейчас в Лубнах Петр перевелся из запасной команды в 4-й эскадрон ротмистра Кирилла Ширкова. Ширков меня знал с детства. Его сестра была замужем за князем Мещерским, который жил в Дугине. Мой отец князя терпеть не мог, и он у нас никогда не бывал. Кирилл же, когда приезжал гостить в Дудино, постоянно навещал нас.

Кирилл настоял, чтобы я жил на квартире, которую они с Петром занимали.

К этому времени наступление на Москву прекратилось. Отчего это случилось, я не знаю. В один момент фронт, если его можно назвать фронтом, был приблизительно следующий.

На западе, на правом берегу Днепра: Винница—Казатин—Фастов и вдоль Ирпеня до Днепра. На этом фронте была гвардейская дивизия Бредова и «армия» генерала барона Шиллинга, которая начала наступление из Одессы. Что эта армия собой представляла, я понятия не имею, и какие в ней части были, я тоже не знаю.

На восток от Днепра, от Киева до Конотопа, часть армии генерала Драгомирова (в которую включалась и дивизия Бредова). Эта армия была очень жидко разбросана. К ней принадлежал 5-й кавалерийский корпус и какие-то пехотные части, включая белозерцев.

Когда я еще был в полку, 2-й Дроздовский конный полк, наш одобривший, занял Чернигов, но, думаю, оттуда скоро ушел. После Британ говорили, что наш Сводно-кирасирский полк пошел и взял Новгород-Северский. 2-я бригада, полк гвардейской легкой кавалерии (без лейб-гусар²⁶⁸, но с эскадронами улан Его Величества (варшавских) и Гродненского гусарского), а также и Сводно-уланский полк (из 16-го Новоархангельского и 17-го Новомиргородского) были в районе Бахмача—Конотопа. Там же где-то была и 2-я дивизия (сводные полки 2-й, 8-й, 9-й²⁶⁹, 10-й дивизий)²⁷⁰. Направо от них была пехота.

Я совсем не уверен, действовал ли и где пятый корпус в октябре и начале ноября 1919 года, и пишу только то, что слышал. Говорили, что наш полк был в Глухове и весь корпус двинулся на Брянск.

Тут будто бы произошел случай, за который я не могу ручаться, но слышал от многих, из разных полков. Корпус подошел к Брянску и был в нескольких верстах от него. В Брянске было восстание рабочих, и они прислали делегацию, прося помощи. Корпус приготовился выступить, когда получил приказ от Главнокомандующего отойти к хутору Михайловскому.

Тем временем армия генерала Май-Маевского, в которой были Корниловский, Дроздовский и Марковский корпуса, занимала позиции от Карачева—Мценска—Ельца. Направо от них была армия генерала Богаевского (Донская). Тут же где-то были и кубанцы генерала

Шкуро. Где был «фронт», не знаю, но в газетах мелькали Липецк, Тамбов, Кирсанов.

Тамбов и Козлов упоминались, впрочем, еще в августе, когда Донская дивизия генерала Мамонтова²⁷¹ прорвалась на север глубоко в тылы красных около Тамбова. Они шла почти что без сопротивления уже и на Рязань. По дороге к ней приставали крестьянские ополчения. Но тут Мамонтов получил приказ от главкома возвращаться, что он, к несчастью, и вынужден был сделать.

О силе переполоха у красных. Моя мать, бывшая тогда в Москве, рассказывала, что в начале ноября к ней в панике пришли известная коммунистка доктор Фельдман и на следующий день — жена Лундберга, который тогда служил в комиссариате образования, с просьбой их спрятать, «когда придут белые, которые в Серпухове». Моя мать очень любила и докторшу, и Лундбергов и обещала за них постоять. Паника в Москве была такая, что поговаривали об эвакуации государственных учреждений во Владимир и Ярославль. Потом, через неделю, все успокоилось.

Направо от донцов-кубанцев была армия генерала барона Врангеля. Она заняла Царицын и Камышин. Армия Врангеля (Кавказская армия) заключала в себе пехотную дивизию алексеевцев, терских и астраханских казаков, Дикую дивизию и какие-то сводные полки кавалерии.

В армии никто политикой не занимался. Думали только о том, как разбить большевиков. Никто не знал и не думал о том, что последует. Цель была только одна — уничтожить коммунизм. Никто о монархии не говорил. Если кто и думал о будущем, то думали, что будет военное управление, пока все не успокоится. Я не знал ни одного помещика, который думал о возвращении своих поместий. Некоторые говорили: «Ну, если вернут — вернут, это от крестьян зависит». Появилась какая-то новая философия, построенная на возрожденной церкви и на традициях русских военных сил и истории.

Как и почему в ноябре 1919 года фронт белых вдруг рухнул, не знаю. Вооружения и амуниции у Красной армии было вдоволь. У белых этого не было. Англичане всегда плохо снабжали Белую армию и к концу 1919 года прекратили. Организация в тылу была ужасная. В общем, тыла не было.

Отступление, которое началось в конце ноября, было не отступлением, а драпом. Никто не знал, где кто.

Кроме этого, появились две новые проблемы. Организовалась конница Буденного, и появился в тылу атаман Махно с сотнями пулеметных тачанок. Говорили, что они были петлюровцы и «независимые» украинцы. Но в то же время и социалисты.

На Кубани появился некто Рябовол²⁷², который агитировал за какую-то «независимую Кубань».

Во всяком случае, фронт откатывался с невероятной быстротой.

Не помню числа, но в один прекрасный день Кирилл Ширков меня спросил, был ли я после двух ранений в отпуске. Я ответил, что нет. Тогда он мне предложил отпуск на три недели.

— Послушай, ты можешь в Крым поехать, но по дороге подбери мою жену и дочку и эвакуируй их в Ялту. Они сейчас в Харькове у Мани Стенбок.

Я сразу же согласился. И обрадовался, что смогу узнать от тети Мани, что случилось с Аллой.

В тот же день я поехал поездом из Лубен в Полтаву. Со мной поехал Петр по каким-то делам полка. Мы приехали в Полтаву морозной ночью. Поездов на Харьков уже не было. Единственное, что я нашел, был товарный поезд, который уходил через час. Он стоял на запасном пути, оказалось потом, что он не товарный, а санитарный, битком набитый солдатами и офицерами в тифу.

— Смотри не поймай тиф! — сказал Петр.

Я об этом как-то не подумал. Сейчас я впервые услышал о тифе в Белой армии. Еще в Москве он свирепствовал перед тем, как я уехал, но я отчего-то его не боялся.

— Ничего, не поймаю!

Я помню, как Петр провожал меня до поезда. Мы стояли на платформе, прислонившись к теплушке. Петр, как часто, стал философствовать.

— Смотри, как ярко светят звезды. Если хочешь сойти с ума — то только постарайся понять две вещи: «время» и «бесконечность». Ни то, ни другое человеческий ум не может объять!

Я влез в теплушку перед самым отходом и только тогда узнал, что и она набита тифозными. Весь поезд был тифозный. На нем, оказалось, был только один санитар, две сестры и доктор, который уже бредил, но еще старался на остановках вылезать. Ничего никто из них сделать для больных не мог, только давали пить воду, которую набирали на станциях. В результате я превратился в санитаря и с крынкой воды лазил по полатам, стараясь утолять жажду больных. Но и тогда мне не пришло в голову, что могу схватить тиф.

Куда шел этот поезд, я понятия не имел. Во всяком случае, не в Харьков. Он дошел до Люботина, и там сказали, что он поворачивает куда-то в сторону. Говорят, до Харькова верст 30. Я пошел на станцию узнать, есть ли поезда. В станционном зале, набитом людьми, большей частью женщинами, сидящими на узлах, произошла неверо-

ятная встреча. Всю жизнь меня удивляло количество совпадений, случившихся со мной.

Я о Люботине раньше и не слышал. Случай меня привел сюда. И вдруг:

— Николаша, что ты тут делаешь?

Посмотрел — тетя Соня Дмитриева-Мамонова, двоюродная сестра моего отца. Имение у нее было в Тульской губернии, что она делала в Люботине?

— Тетя Соня, а ты что тут делаешь?

— Да у меня тут имение.

— Имение?

— Да, недалеко, рядом с Голицыными.

— Какими Голицыными?

— Да Вера, двоюродная сестра твоей бабушки Дондуковой.

— Я и не знал об этом.

— А ты зачем здесь?

— Да еду в Харьков эвакуировать Эллу Ширкову.

— Да туда поездов нет.

— Ну, как-нибудь проберусь.

Пошли к начальнику станции. За мной идет какой-то поручик. Я спросил у начальника про поезда. Он и слушать не хочет. Повернулся, поручик мне говорит:

— Мне тоже нужно в Харьков, пойдете возьмем паровоз.

— Как — возьмем паровоз?!

— Просто. — Он указал на свой наган.

Пошли. Нашли какой-то маленький паровозик. Машинист говорит:

— Я с этой станции никуда не хожу, в Харькове никогда не был.

— Ну, слезайте, я железнодорожного батальона, сам справлюсь.

Я стал кочегаром. Не трудно, что в печку дрова подкидывать. Но дров мало. Переменяли стрелку, проехали и стрелку обратно поставили. Поручик мой все знает. Я его спрашиваю:

— Достаточно дров?

— Да не знаю, сколько этот самовар жрет.

К удивлению всех на платформах, проехали несколько станций или полустанков. Одна, кажется, называлась Новая Бавария. Дров все меньше и меньше.

— Не доедем, придется пешком переть.

Действительно, все меньше и меньше пара.

Какой-то запасной путь, и вдали уже виден Харьков.

— Бросим этот самовар, быстрее пешедралом до Харькова дойти.

Свели паровоз на запасной путь и пошли пешком. Версты четыре до окраины. Пошли по полю. Снег хрустит под ногами. Дошли до какого-то предместья. Большой город. Наконец нашли извозчика. Приехали. Поручик пожал мне руку, спросил, есть ли чем заплатить. Денег у меня было достаточно.

— Ну, приятной эвакуации, я вам не завидую, тут уже паника. — И слез.

Я поехал на извозчике дальше. Город современный на вид. Пятишестиэтажные доходные дома. Приехал. Большой квартирный дом. Большая передняя, швейцар и центральное отопление. Тепло. Лифт действует. На третьем этаже квартира. Звоню. Открывает дверь горничная. Спрашивает: «Вы что, к графине?» Все как будто нормально.

Тетя Маня обрадовалась:

— Как? Почему?

— Приехал за Эллой Ширковой, в Крым ее везти.

— Да милый, она больна, и девочка слишком маленькая, чтобы ехать.

— Мне приказано их вывезти.

— Это совершенно невозможно. Подумай, все отсюда бегут, поезда набиты, в коридорах, на крыше, как Элла может путешествовать?

Эллу я не видел, она была в кровати. Меня накормили. Тут были какие-то две старушки, которые будто бы знали меня, но я теперь не помню, кто они были. За столом я спросил тетю Маню про Эллу.

— Ах, я ее устроила в какой-то полевой госпиталь, где она теперь, не знаю.

Я решил разузнать про поезда. Пошел на улицу, нашел извозчика и поехал на станцию. Там невероятный кавардак. Залы и платформы набиты народом, сидящим на узлах. Но, удивительно, масса офицеров и солдат. Если действительно красные наступают, отчего они не на фронте?

Вокзал колоссальный, лучше московского. Поезда на каждой платформе, уже набитые. Я пошел к коменданту. Пробраться к нему было трудно, не пускают.

Спрашиваю:

— Когда поезда идут на Крым?

— В Крым? Да вы что, с ума сошли? В Крым только военные поезда идут. Последний пассажирский ушел сегодня утром.

Я, конечно, объяснил, что не для себя стараюсь, а везу даму с ребенком.

— Это никак!

Но узнал, что на следующее утро в 9 часов отходит. Вероятно, последний пассажирский поезд в Ростов.

Поехал обратно. Заказал извозчика к 6 утра, думал, что, если приеду заранее, как-нибудь устроюсь. Сказал тете Мане. Она на меня обрушилась. Я ей говорю, что хочу видеть Эллу.

— Это невозможно, она спит.

Я настоял, и ее разбудили. Я нервничал, зная, что Элла рожденная Звегинцова. Хотя я лично Звегинцовых не знал, мой отец и мать их знали хорошо, и я вырос с представлением, что Звегинцевы упрямые и могут быть очень неприятными.

Наконец появилась Элла в халате. Она мне очень понравилась. Привлекательная и совсем не то, что я ожидал. Я ей объяснил, зачем приехал, она сразу же сказала, что поедет, и, несмотря на протесты всех присутствующих, просила помочь ей уложиться. Было тогда 11 часов ночи.

Тетя Маня убедил меня прилечь и говорит:

— Вот комната, там три кровати, там двое из твоих спят, они тоже завтра утром едут. Николай Татищев и Димка Лейхтенбергский²⁷³, они оба ранены.

Я обрадовался, по крайней мере я не один.

Они, конечно, спали, и я их не трогал.

Разбудили нас троих в пять утра. Мы все обрадовались друг другу.

— Что ты тут делаешь, тебя же убили под Британами!

— Как видишь, еще жив.

— Так тебе же мозги вышибли!

— Нет, немного оставили.

Поели, Элла уже была готова, с бесконечным количеством багажа, спиртовкой, термосами, бутылками молока и т. д. Я смотрел на все это с ужасом. К тому же бедная Элла действительно была больна.

С трудом все это уложили на извозчика и поехали на вокзал. Слава богу, были еще носильщики. На левой стороне платформы стоял ростовский поезд, на правой — тоже пассажирский, с красными крестами, в Севастополь. Я ахнул, когда увидел ростовский поезд. Он был набит так, что и спичку уронить невозможно. Напротив стояли Николай и Димка, как видно, нашли себе место в красно-крестном поезде. Я был в отчаянии.

Мне вдруг пришла в голову идиотская мысль. Даже в России был невероятный снобизм среди чиновников. Я подошел к Димке и говорю:

— Послушай, могу я твою фамилию употребить у коменданта, чтобы найти место?

— Да, конечно, если это поможет.

Я на это не слишком надеялся, но попробовать нужно. Пошел. Вчера меня к коменданту не пускали. На этот раз я прошел прямо к нему:

— Простите, я к коменданту от герцога Лейхтенбергского.

— Ах, пожалуйста, пожалуйста.

— Господин полковник, я от Его Высочества герцога Лейхтенбергского. — Я надеялся, что он не знает, что тот не высочество. — Мне необходимо купе первого класса в ростовском поезде.

Он на меня посмотрел с удивлением:

— Для герцога?

— Никак нет, для его семьи.

— Да, да, конечно, я сейчас очищу вам купе. Лучше поближе к концу, ближе к уборной, вы с ними едете?

— Так точно, меня назначили их конвоировать.

— Да, сейчас, сейчас.

Я был так ошарашен этой удачей, что не верил своему счастью.

— Я вам дам ключ, так что вы сможете запереться в купе.

Я оказался с подпоручиком и двумя солдатами. Они вошли в вагон, очистили купе, погрузили весь багаж, посадили Эллу с Еленкой и поставили часового в коридоре.

Я был совершенно изумлен.

Поезд пошел. Но тут у меня началось второе беспокойство. Бедная Элла была сильно больна. Нужно было кормить девочку, ей, кажется, только два месяца было, менять пеленки, укачивать. Я за эту поездку научился многому: и температуре молока, и смене пеленок, и всяким другим неизвестным для меня няньческим тайнам...

Поезд шел очень медленно, кажется, через Изюм, Славянск и Таганрог. Приехали мы в Ростов на следующий день. Нужно было узнать, есть ли поезд на Новороссийск. Если нет, у меня адрес Сони Кочубей, нужно было туда отвезти Эллу.

Я вышел на платформу. В конце платформы группа военных, идущих мне навстречу. Господи боже мой, Петр Врангель. Я испугался, я его не знал и побаивался. Стал во фронт. Он вдруг остановился передо мной. На моих погонах были вензеля.

— Вы Конного?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Лейб-эскадрона?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Как вас зовут, молодой человек?

— Николай Волков, ваше превосходительство.

— Что вы тут делаете?

— Провожая жену и дочь ротмистра Ширкова, ваше превосходительство.

— Передайте привет Элле.

— Так точно, ваше превосходительство.

Он повернулся и пошел дальше.

Поезда в Новороссийск, конечно, были, но опять набиты. Дурак, почему я не спросил Врангеля, он, может, что-нибудь устроил бы. Да нет, я никогда бы не посмел.

Значит, нужно ехать к Соне. Нашел извозчика и поехали. Я Соню с детства не видел, она меня старше была на пять лет. Слава богу, у нее большая квартира, и Эллу устроили.

Теперь нужно было найти способ проехать в Новороссийск. Оказалось, что английская военная миссия в Таганроге имела для своих офицеров задержанные купе. Генерал Швецов²⁷⁴ был в Таганроге, и дочери его, Татьяна и Соня, теперь работали у англичан. Я их знал по Главсахару. Знал и брата Игоря.

Поехал в Таганрог. Швецовы были очень милы. Через англичан получил купе и повез Эллу в Новороссийск. Узнали, что там забастовка портовых рабочих и никакие пароходы в Крым не идут.

В Новороссийске уже было столько народу, ожидающего пароходов в Крым, что найти каюту и заказать ее не было возможности.

Я опять стал изыскивать способ. К моему удивлению, генерал-губернатором Черноморской области, то есть Новороссийска и окрестностей, оказался дядя Женя Волков²⁷⁵, младший брат моего деда Волкова-Муромцева. Он с тетей Верой (Свечиной) жили на Цементной фабрике к югу от Новороссийска. Я поехал туда, но от дяди Жени никакого толку добиться не мог.

Я совершенно не знаю, каков климат Новороссийска летом, но зимой — сам дьявол, должно быть, его выдумал. Никогда таких холодных и такой силы ветров не встречал. Это даже не был обыкновенный ветер, который то усиливался, то падал, — нет, нора-ост дул как из трубы, все время с той же силой.

Я не помню теперь названий улиц, но одна из них, с севера очень крутая и широкая, кончается на набережной, вдоль которой тумбы. С трудом и цепляясь за что попало, я поднимался по тротуару. Вдруг из дома вышел впереди меня маленький толстый человечек. Его подхватил ветер и понес вниз по улице. Его ноги мелькали, как поршни. Если он кричал, то из-за ветра не слышно было. Было и смешно, и страшно за него, потому что его несло прямо в воду. К счастью, или сам он, или ветер направил его прямо на тумбу, и он там повис, точно горестный Пьеро.

Никто ничего о конце забастовки не знал. Я пошел на набережную, где были привязаны два парохода Черноморского добровольного флота, «Лазарев» и «Ксения». В небольшой будке сидел человек лет пятидесяти в форменной фуражке. Я постучал и вошел. Он, оказалось, был ответственен за рабочих, которые грузили уголь.

— Без угля, братец, куда эти пароходы не пойдут, а мы тут сидим, деньги теряем. Правительство восстановило трудовые союзы, а заворачивают ими красные.

Он мне предложил чаю, и мы долго сидели и разговаривали. У него много было о чем беспокоиться. Он боялся прихода большевиков.

— Всем плохо будет, но нам, рабочим, хуже всего. «Вы с белыми работали, так мы вам гири на шею привяжем и в море!» — вот что скажут. А у меня дочка ожидает, а муж-то ее ушел в солдаты с полгода тому назад, и ничего от него не слышали.

Я ему объяснил свое положение.

— Ну, братец, когда время придет, посмотрим. Что вам по городу шататься, заходите к нам чайку попить, поговорим.

Я пошел в город. Как все портовые города, Новороссийск был полон трактирами и кофейными. Пьяных было мало, потому что продажа водки и вина была запрещена со времени начала войны 1914 года. Но, конечно, хотя водки было по малости, вина в Новороссийске было много. В нескольких верстах всего был Абрау-Дюрсо с виноградниками на всех склонах. Подавали вино в чайниках, пили из чашек, точный чай.

Норд-ост дул повсюду. Казалось, безразлично, в какую сторону улицы идти, — ветер всегда дул прямо в лицо. Согнувшись, я пыхтел против ветра, когда на углу какой-то улицы в меня влетел человек и чуть не сбил с ног. По форме он был англичанин, офицер, маленький, в очках. Мы оба извинились, он по-русски, я по-английски.

— Вы что, англичанин? — спросил он меня по-английски.

— Нет, но у меня много английских родственников.

— Разрешите представиться, армейский доктор Бутчер, с крейсера «Grafton». Он там валяется, — прибавил он по-русски.

Мы вместе уселись в кафе, стали разговаривать. Он оказался очень милый. Мы друг другу рассказали все, что делали последние месяцы, пофилософствовали о революции, Гражданской войне. Он, оказывается, знал моего двоюродного брата Юрия Дондукова, который только что уехал из Новороссийска. Мы с ним подружились. Решили пойти обедать в станционный ресторан. Тут была масса военных. Я узнал, что пришел поезд со штабом Драгомирова. Что мог штаб Западного фронта делать в Новороссийске? Но я вдруг вспомнил, что

дядя Митя Гейден должен быть с Драгомировым. Я сказал об этом Бутчеру.

— Так отчего вы не пойдете его попросить вам помочь, каюту для госпожи Ширковой заказать?

— Я его уже раз просил меня эвакуировать из Киева, я тогда был ранен, но он ничего не сделал.

— Может быть, на этот раз он что-нибудь сделает.

— Вряд ли.

Мы договорились встретиться в том же ресторане на следующий день.

— Что ж, были вы у вашего дяди?

— Нет, не был.

— Да попросить-то вреда никакого нет, а возможность, что поможет, есть.

Мы пошла искать поезд. Нашли его, стоит на запасном пути. Часовые у подножек. С трудом убедил какого-то унтер-офицера доложить генералу, что я хочу его видеть. Наконец он вернулся. Генерал решил меня принять. Бутчер сказал, что подождет меня снаружи.

Меня провели в салон-вагон. Дядя Митя, ясно, не был рад меня видеть.

— Что тебе теперь нужно?

Я быстро ему объяснил мою проблему.

— Я никогда исключений ни для кого не делаю, и, во всяком случае, в Новороссийске я никакого влияния не имею.

Я большего не ожидал и потому не огорчился. Бутчер же был очень удивлен:

— Я в Англии такого случая себе представить не могу. Чтоб дядя отказал своему племяннику в помощи, это невероятно!

— В России это совершенно обыкновенно. Если б это было не в убыток кому-нибудь другому, он, может быть, что-нибудь сделал. И я не должен был просить об исключении. Но я совершенно бессовестный, я, конечно, стараюсь другим нарочно не вредить, но если женщина или дитя на моей ответственности, то я совершенно без совести.

— Вы прямо из Средних веков!

Мы пошли через запасные пути. На одном из них стоял поезд, которого вчера не было. Крыша его была покрыта инеем, и сосульки висели даже под вагонами.

— Странно, я знаю, что морозит с этим невероятным ветром, но почему сосульки? — сказал Бутчер удивленно.

— Так поезд, вероятно, с Кубани пришел.

— Да, да, но смотрите, красные кресты... Пойдем посмотрим.

Я с трудом открыл дверь вагона третьего класса, она как будто примерзла, вошел и остолбенел. Вагон был полон скрюченных фигур. Бутчер, за моей спиной не видя, спросил:

— Что вы остановились?

— Да они все мертвые...

— Кто мертвый?

— Вот, смотрите.

Бутчер ахнул:

— Не может быть, что они все мертвы! Посмотрим!

Но живых не было. Мы пошли в другие вагоны, то же самое. Бутчер был в ужасе. Я старался разглядеть, были ли там знакомые лица, но узнать было трудно. Только одну сестру милосердия узнал, то была Ольга Деконская, тетка одного из наших вольноопределяющихся.

Я был потрясен, но не так, как Бутчер. Он все повторял: «Как это могло случиться?» Я дошел до того, что ничему не удивлялся. Оказалось, что поезда, набитый тифозными и ранеными, застрял в заносах степи где-то около Крымской. Отопление сломалось. После четырех дней их выкопали. Только машинист и кочегар были живы.

Бутчер был страшно удручен. Чтобы его утешить, я его повел на набережную к моему другу-старшине. Когда мы пришли, он как раз собирался уходить искать доктора. Дочь его рожала, но что-то было не так, прибежал мальчишка его звать. Я ему быстро представил Бутчера и говорю: «Он доктор, вам поможет». Мы все побежали к дочери его на квартиру.

Хотя Бутчер и говорил по-русски, но плохо в критическом положении. Жена старшины помогала, но мне нужно было ей переводить. Были какие-то осложнения, которых я не понимал. Я только знал отеление коров, но тут многому научился.

Пять часов Бутчер бился, и наконец родился сын, и молодая мать, хотя израненная, была вне опасности. Мой друг и его жена были невероятно благодарны Бутчеру. Пригласили нас обедать, хотели доктору заплатить, но он, конечно, отказался. Просили его заходить к ним, когда он сможет.

Бутчер был очень тронут их сердечной благодарностью и обещал приходить навещать их дочь и внука.

Время шло, а забастовка не кончалась. Наконец nord-ост прекратился и вышло солнце. Новороссийский рейд даже показался красивым. На нем лежали английский броненосец «Empress of India», старый крейсер «Grafton» и три эскадренных миноносца. Лежали и два русских эскадренных миноносца — «Беспокойный»²⁷⁶ и «Дерзкий»²⁷⁷. Направо торчали из воды мачты потопленных кораблей. Оказалось, что

большевики, когда немцы заняли Крым, увели новый броненосец «Екатерина II» и четыре только что законченных эскадренных миноносца и затопили их в Новороссийске. Говорили, что один из миноносцев назывался «Килякрия», другой «Феодосия», но ни то, ни другое имя в военно-морских книгах не упоминается.

Слухи пошли, что забастовка кончается. Я пил чай у старшины, когда он мне вдруг сказал:

— Я вам какую на «Ксении» занял.

Прибавил, что «Ксения», вероятно, уходит на следующий день в Феодосию, Ялту и Севастополь. Я сейчас же пошел к Элле и предупредил, чтобы она была готова. Ее здоровье поправилось за время пребывания в Новороссийске.

Оказалось, «Ксения» уходила в 3 часа. Я привез Эллу на набережную. Тут были уже сотни пассажиров, которые хотели ехать. Между ними увидел Любу Оболенскую со всей ее бесконечной семьей, казалось, еще большей, чем раньше. В Москве их было семь, здесь, кажется, девять. Провожал ее Андрей Гагарин²⁷⁸, которого тоже видел перед отъездом в Москве. Не успел спросить его, когда он выбрался, потому что мой друг-старшина и трое рабочих подхватили Эллу и ее пожитки и понесли на пароход. Мы оказались в двойной каюте. Пароход отчалил и пошел вниз по заливу. Море было тихое, и мы шли вдоль северного берега. Мой морской опыт заключался исключительно в переходе на адмиралтейской яхте «Нева» из Петербурга в Кронштадт по зеркальному морю в 1914 году. Я понятия не имел, хороший ли я моряк или нет. Но скоро узнал.

Элла заняла нижнюю койку, а я пошел на палубу посмотреть вид. Проходя через набитую кают-компанию, я увидел довольно красивую даму, которая полусидела на каком-то уступчике и охала. Как перво-статейный дурак, я предложил ей свою койку. Когда я позже пришел узнать, нужно ли что Элле, моя дама вдруг стала меня расхваливать и петь из Сильвии: «Красотка, красотка, красотка кабаре...» Она оказалась певицей из кафешантана. Элла после этого дразнила меня безжалостно, что я влюбился в эту певицу, да так сильно, что уступил ей свою койку.

Результат все-таки был тот, что я очутился на палубе. Через четверть часа после нашего выхода в открытое море все изменилось. «Ксения» зарывалась носом, переваливалась со стороны на сторону, и не прошло пяти минут, как я твердо знал, что я не моряк.

Ветер дул как будто отовсюду. Стемнело и стало очень холодно. Стоны и рвота кругом. Я прибил в какой-то уголок, но ничто не помогало.

К середине ночи я так простыл, что решил идти внутрь корабля. Но не посчастливилось. В проходах, набитых народом, темнота была кромешная. Я вдруг наткнулся на группу женщин, которые стонали, кричали, я ничего не мог понять. К счастью, за мной появился матрос с фонарем. При свете фонаря мы разглядели шестерых женщин, распластавшихся в проходе.

— Что тут происходит? — спросил матрос.

— Ох, батюшка, рожает, и нет никого помочь!

Матрос посмотрел на меня вопросительно:

— Вы доктора найти можете?

— Не знаю, посмотрю. Во всяком случае, нужна горячая вода да второй фонарь.

Меня удивило, что ни одна из остальных пяти женщин не предложила помощи. Я полез в темноте, через тела лежащих, в кают-компанию. Я заметил, что теперь, когда я стал занят, меня перестало тошнить.

В громадной кают-компании горела только одна лампочка. Стоны и оханье, вероятно, многие, как я, в первый раз на море.

— Пожалуйста, есть тут доктор?

Никто не отозвался.

— Есть тогда фельдшер или сестра милосердия?!

Никакого ответа. Я повторил вопрос два или три раза, но ответа не было.

В отчаянии я пошел обратно. По дороге зашел в каюту. Элла спросила меня, что происходит.

— Да там какая-то женщина рожает, а я доктора найти не могу.

— Да вы сами справитесь, смотрите, как вы за Еленкой ходите, — сказала она в шутку.

Я зашел в каюту только потому, что оставил там шашку, на ножнах которой был приклеен санитарный пакет, который, я думал, мог бы доктору или кому-нибудь другому пригодиться. Неужели среди всех этих людей нет акушерки? Но вернулся и нашел только матроса с двумя фонарями и ведром горячей воды.

— Это не очень чистая, — сказал он. — Нашли кого-нибудь?

— Нет, не нашел.

— Так что ж мы будем делать?

— Мы вдвоем справимся.

Я знал, что в санитарном пакете были марганцевые кристаллы. Женщина, которая рожала, была лет 35—36. Я ее спросил:

— Это что, ваш первый ребенок?

— Нет, нет, четвертый.

— Да вы знаете, что делать? — спросил испуганно матрос.

— Да, знаю, — солгал я, видя, что никто не помогает.

Только несколько дней тому назад я присутствовал на родах дочери старшины да видел достаточно отелений с детства. С Божьей помощью как-то справиться нужно. Я вдруг вспомнил, что Бутчер потребовал чистые полотенца и нитку шелка. У него был какой-то пакетик, из которого он вынул скальпель. Ничего такого у меня не было. Вдруг вспомнил перочинный ножик.

Женщина стонала, вскрикивала, соседки рядом охали. Две из них нашли какие-то чистые тряпки. Одна стала вытягивать нитки из, как она говорила, шелковой шаали.

Вода с марганцем превратилась в малиновую жидкость. И вдруг, под оханье соседей, появилась голова ребенка. Я был удивлен, как быстро после этого выскользнуло все тело. Я стал действовать совершенно механически, повторяя то, что делал Бутчер. Моя робость незнания исчезла только потому, что нужно было действовать. Потом я удивился, как просто все вышло, даже стало смешно.

Матрос и я на корточках, при двух фонарях и парующем ведре, женщина с раскинутыми ногами, три освещенных испуганных лица соседок и ребенок в смеси воды и крови, — какую картину мог бы написать Рембрандт!

Все пошло как будто по заказу. Мой нож над зажженной матросом спичкой, перевязка пуповины шелковой нитью... Я поднял девочку, и сразу же одна из женщин пришла в себя:

— Не так, не так, дайте сюда.

Взяла за ноги и потрясла, девочка закричала.

Как видно, я был напряжен, потому что, как только я передал ребенка, обозлился:

— Так если вы знали, чего же не помогали?!

Что она ответила, не помню.

— Так теперь вы приберите и смотрите за матерью.

Мы с матросом встали.

— Это вы умно сделали! — сказал он с уважением.

— Ничего не умно, вы сами могли бы это сделать, но что эти дуры в углу сидели и нас в акушеров превратили, вот сукины дочери...

Мы вышли с матросом на палубу. Единственно, чем я был доволен, что вся эта катавасия меня вылечила от морской болезни. «Ксению» продолжало качать, но на меня это уже не действовало.

Перед вечером мы пришли в Феодосию. К моему удовольствию, «пациентка» моя спускалась по сходням, неся на руках ребенка. Спустилась и моя кафешантанная дама. Теперь койка была свободна, и я проспал до самой Ялты.

Последние дни Деникина

Мы приехали в Ялту. Я отвез Эллу к ее кузине, урожденной Раевской, жене ее брата «Барбоса», и поехал в «Здравницу», на Никитской дороге. Это был санаторий, взятый для раненых. Откровенно говоря, я был там на сомнительных основаниях. Сказать, что я ранен, было в то время совсем не правда, но там были Николай Татищев и Димка Лейхтенбергский, и меня приняли как раненого.

Но скоро все переменялось. В Ялте жила масса знакомых, и через неделю мы все трое переехали к Софии Дмитриевне Мартыновой, у которой была вилла на Аутской. Ее отец Трепов командовал эскадронном моего отца, когда тот был в полку. С ней жила ее кузина Вера Викторовна Тучкова, две дочери Софии Дмитриевны — Люба и Соня Глебовы, от ее первого мужа, младшая дочь Мартынова.

Было столько знакомых — Барятинские, Щербатовы, Мальцевы и т. д., что, можно сказать, нельзя было пройти два шага, чтоб не наткнуться на кого-нибудь, кого знал.

Но мой отпуск кончался, нужно было ехать обратно в полк, который тогда стоял под Ростовом.

В Ялте постоянно стояли английские эскадренные миноносцы. Мы подружались с английскими офицерами. Это было очень полезно, потому что они устраивали нам поездки в Феодосию и Новороссийск.

«Seraph» как раз шел в Новороссийск, я доплыл на нем и оттуда поездом в Тихорецкую и Батайск. Полка я не узнал. Знакомых почти никого не осталось. Сергей Стенбок-Фермор был убит за несколько дней до моего приезда. Полк стоял в Батайске. Каждую ночь тяжелые батареи большевиков через Дон обстреливали какую-нибудь часть Батайска. В результате, когда не были на передней линии, то есть у Дона, в окопах, меняли квартиры на другие, в уже обстрелянной части. Жителей почти что не было. Мы сменяли Новочеркасский военный корпус мальчишек-кадетов, которые, когда большевики заняли Ростов, остановили переход их через Дон. Я много мальчиков видел в Белой армии, но никогда не видел таких дисциплинированных, как эти кадеты. Потери у них были колоссальные, но они упорно держались в своих окопчиках, несмотря на артиллерийскую бомбардировку и постоянные атаки через лед. Некоторые были десяти или одиннадцати лет, и командовали ими кадеты пятнадцати—шестнадцати лет.

Кажется, через неделю после моего приезда приехал Деникин, и за Батайском в поле был смотр нашей дивизии. Дивизия, хотя и сильно побитая и состоящая из частей, которых я раньше не видел, представ-

ляла себя великолепно. В нашем полку теперь было семь эскадронов, Конная гвардия, желтые кирасиры, синие кирасиры, конногренадеры, уланы Ее Величества²⁷⁹, гродненские гусары, лейб-драгуны, уланы Его Величества. Ни кавалергардов, которые ушли прямо в Крым, ни лейб-гусаров не было, один из их офицеров, Андрей Кисловский²⁸⁰, был в нашем эскадроне.

Меня вызвал Жемчужников. Первое, что он спросил:

— Когда вас представили к Георгию?

— Простите, господин ротмистр, я об этом ничего не знаю.

— Ну, у меня тут приказ, в нем сказано, что генерал Данилов представил вас за действие 12 сентября прошлого года. Это что было — Британы?

— Так точно, господин ротмистр.

— Вас украсит сам Деникин, так что, когда вызовут, выезжайте вперед. Поняли?

Я, конечно, был страшно польщен, но в то же время мне было очень неудобно. Из всего эскадрона только двое были в бою под Британами. Остальные в эскадроне не знали даже, кто я. Я только что приехал в полк, и вдруг меня вызывают! Для остальных Британы были древней историей, а прошло только четыре месяца!

Деникин объехал полки со своим штабом. Потом стали вызывать. Подъезжая к Деникину, я подумал, сколько должно было быть действительных героев, которые были или убиты, или ранены, или лежали где-нибудь в тифу. Потери наши были колоссальные. Те, кто там были, под Батурином, Сумами и Павлоградом, рассказывали, как во время отступления большинство потерь было от отсутствия госпиталей, даже легкораненые были принуждены идти с полком, мерзли, отмораживали себе руки и ноги, и их оставляли на попечение крестьян. Тиф уносил многих. Больших сражений было мало, но постоянные стычки кавалерии, прикрывающей отступление пехоты, и отсутствие настоящих ночевок изнурили лошадей и людей.

Пропал и Володя Любошинский. Рассказывали, что он так был изнурен, что в какой-то деревне заснул, сидя за столом, и так заснул себе руку, что она у него отнялась. Что с ним дальше случилось, никто не знал.

Деникин что-то пробормотал. Спросил, сколько мне лет, и, прицепив Георгия, сказал: «Молодец!» Я совершенно не чувствовал себя молодцом.

Настроение у всех было подавленное. Никто никак не мог понять, отчего мы в прошлом году были на подороге к Москве, а теперь вдруг старались как-нибудь удержаться на Дону. Боев, в которых Белая ар-

мия была разбита, совсем не было. Красная армия улучшилась, но не настолько. Батальон белых мог всегда состязаться с полком красных и их разбить. Но где была наша пехота? Где была Западная армия? Где была Кавказская армия? Что случилось с нашими 3-м, 4-м и 5-м эскадронами? 3-й со Старосельским ушел на фронт из Лубен. 4-й и 5-й были еще там, когда я уехал. Куда они делись? Было некого спросить. Разговаривая с солдатами, некоторые из которых были 3-го и 4-го эскадронов, я ничего не мог понять, все рассказывали разные истории. Никто не знал, что случилось со Старосельским, Ширковым, Петром Араповым и с остальными офицерами. Кроме Жемчужникова, в полку теперь был ротмистр князь Накашидзе, штабс-ротмистр Кисловский (гусар), корнет Штранге и эскадрон-юнкер Протопопов. В пулеметной команде, теперь полковой, под командой синего кирасира полковника Одинцова, был наш корнет Меллер-Закомельский²⁸¹. Командовал полком полковник Кушелев²⁸². Но их не знал.

Настроение было совершенно другое. Энтузиазма не было. Все делалось механически. В прошлом году люди верили в высшее командование, ворчали иногда, что «кто-то» душит, но это не отзывалось на энтузиазме. Теперь никто в высшее командование не верил. Даже не знали, существовало оно или нет.

Дивизия иногда снималась и шлепала через черную грязь или замерзшие поля, резавшие ноги лошадям. Шли на север вдоль Дона отбивать какие-то переходы красных через реку, но редко сталкивались с противником. Встречались с донскими казаками, которые недавно были под Урюпинской. Там, на севере, бились донцы Богаевского²⁸³. Про кубанцев мы мало слышали. Донцы говорили, что они «самостийничают». Тут встречались с нашей пехотой, алексеевцами, с их белыми и синими фуражментами.

Помню, я долго думал, как все это произошло. Некого было спросить. Тактически мы были в превосходстве. Что случилось с нашей стратегией? Я вспомнил разговор с Андреем Стенбоком в сентябре. Он тогда говорил:

— Боюсь, что мы попадем впросак. Мы какими-то веерами наступаем. Веером от Киева, веером от Харькова, веером от Борисоглебска. А что между этими веерами? Какие-то кавалерийские разъезды. Если у большевиков есть высшее командование, они просто ударят в эти пробелы и отрежут нам все снабжение.

Так, я думаю, и случилось. Снабжение у нас вообще было построено на «авось». Тыла не было. Дивизии надеялись на то, что могли захватить у красных. Говорили, что будто бы были склады в Ростове, в Таганроге, но мы оттуда никогда ничего не получали. Да какие там

склады могли быть? Откуда? Я встретил, когда был в Таганроге, нашего ротмистра при английской миссии. Он говорил, что англичане присылали мало, и многое из того, что приходило, было изношенное обмундирование, оставшееся после Великой войны. Да я сам это видел, когда еще был при стрелках. Изношенные орудия, винтовки, даже формы, шинели и рейтузы.

Да, как будто разбила нас не Красная армия, а наша собственная стратегия. Население нас поддерживало везде, но мы им не помогали, мы проходили, не оставляя гарнизонов, у нас не хватало людей.

У нас не было ни войск, ни организации оборудовать тыл. Полиции, например, совсем не было. Проходили через город или деревню, находили там или бывшего городского голову, или старшину и говорили: «Ну, вы теперь будете ответственный». Что он мог сделать? Какой-нибудь Шуба, Махно или Ангел, просто разбойники, громили их, и не было никого им помочь. Только там, где стояли запасные части, город жил нормальной жизнью. Настоящих гарнизонов нигде не было.

Меня интересовало, была ли где у нас политическая организация, какая-нибудь политика? Я ее не видел. Где-то наверху издавались «декреты», которые появлялись в газетах, но это было бессильно. Все говорили о Всероссийском Учредительном собрании — в будущем. Впечатление было, что заворачивали всем какие-то бывшие политики Временного правительства, дискредитированные либералы и социалисты. Церковь не играла никакой политической роли.

Нас просто обошли и подсадели, и теперь армия моталась без всякой цели по донским степям.

Я говорил, что Красная армия мало улучшилась, это не совсем верно. Во-первых, у Красной армии утроилось количество артиллерии. Во-вторых, они переняли у нас идею тачанок, и поэтому у них теперь с частями были быстро движущиеся пулеметные команды. В-третьих, количество пехоты у них тоже утроилось. В 1919 году у них было приблизительно трое на нашего одного. Теперь у них было по крайней мере десять на каждого нашего. Впрочем, качество пехоты мало исправилось. Они действовали тактически так же скверно, как и раньше.

Но у них вдруг появилось качество в кавалерии. Кавалерия Буденного была такого же высокого качества, как наша. Они научились действовать кавалерией, армиями, то, что мы вдруг забыли. Ими командовал, конечно, не Буденный, а генерал Далматов, замечательный кавалерист и стратег. В состав кавалерии он включил великолепную 4-ю кавалерийскую дивизию почти что полностью, мариупольских гусар, харьковских улан и, кажется, новотроицких драгун. Командовал ли Далматов этой

дивизией во время или до войны, не знаю, и как он стал красным, тоже не знаю.

У нас тем временем кавалерия сильно пострадала. От 5-го корпуса осталась одна только дивизия. У донцов, говорили, было 8 дивизий, у кубанцев — 3. Но были ли они полные или только остатки, не знаю. Была сводная Терско-Астраханская дивизия. Что случилось с Дикой дивизией, я совершенно не знаю. Командование было отдельное. Регулярной конницей командовал какой-то генерал Павлов, нашей 1-й дивизией командовал бывший ингерманландец генерал Барбович.

Отчего началось отступление с Дона, точно никто мне сказать не мог. Мы сперва отступали вдоль Владикавказской железной дороги. Конная артиллерия шла с нами, но снарядов у нее не было.

Пришли наконец в громадную станицу Екатериновскую, туда же за нами пришли и донцы. Кубанцы, кажется генерала Фостикова, уже были там. Думаю, что никогда такого сбора белой конницы ни раньше, ни позднее не было. Говорили, я за это совсем не ручаюсь, было двадцать тысяч донцов, двенадцать тысяч кубанцев, три тысячи терско-астраханцев и шесть тысяч регулярной конницы, то есть более сорока тысяч сабель.

Первые вышли из станицы донцы и пошли к Манычу. Говорили тогда, что между Манычем и железной дорогой была конница Буденного. Наутро пошли мы, обе дивизии и дивизия терско-астраханцев. За нами должны были идти кубанцы.

Я совсем не знаю цели этого маневра. Судя по тому, что случилось, ясно было, что наши разъезды или искали Буденного не в том направлении, или были не достаточно впереди нашей конницы.

Совершенно непонятно, отчего наши дивизии пошли лавой, как будто ожидали пехоту неприятеля. Степь была замерзшая, посыпанная мелким снегом. Низкие тучи висели до самого горизонта. Насколько можно было видеть, всюду, налево и направо, тянулись наши лавы. Слева от нас были терско-астраханцы. Мы то спускались в широкую долину, то поднимались на волнистую возвышенность. Степь была как зыбь утихающего моря.

Вдруг где-то справа произошло какое-то замешательство. Лава стала перестраиваться в конный строй. До нас это еще не докатилось, когда вдруг с пригорка мы увидели длинную колонну буденновской конницы. Она, как видно, нас не ожидала. Где были их и наши дозоры, я не знаю.

Сигнал к атаке был дан сразу же. Пошли в карьер, перестраиваясь на скаку. Замешательство произошло и у красных, но, по крайней мере, они были в колонне и поворачивались поэскадронно.

Никогда более глупого с нашей стороны столкновения не было. Сечка, кружение на месте, совершенно не зная, кто где. Лошади без всадников, раненые или убитые под ногами, вертополох, крики и звон сабель о сабли... Не будучи мастаком в сабельном бою, я только отбивался. Вся масса кавалерии двигалась сперва медленно, потом все быстрее и быстрее в нашу сторону. Видно было, что мы отступали. Я попробовал выбраться из кружащейся кучи, но оказался между двумя буденновцами. Лошадь без всадника спасла меня от буденновца справа, проскочив между нами. Всадник слева почти что сбил меня, но, к счастью, в этот момент подскочил к нему желтый кирасир и выбил его из седла. Вдвоем мы выскочили в открытое пространство. Впереди наши отходили полным карьером, преследуемые буденновцами. Я вдруг увидел князя Накашидзе, отбивающегося от трех буденновцев. Кирасир бросился ему вслед, и я пошел за ним. Он снес одного и наскочил на второго. Накашидзе, повернувшись в седле, снес буденновца слева. Странно, как замечаешь в такие моменты всякую мелочь: у Накашидзе правый рукав шинели был в лохмотьях.

Вся масса кавалерии двигалась карьером, мы драпали, но почему-то было все меньше и меньше буденновцев. И вдруг они стали поворачивать. Заметил, что справа от меня появились астраханцы на своих маленьких лошадях. Сколько времени шел бой, я совершенно не знаю, казалось мне, что бесконечно, но, вероятно, не более 15 минут. Когда я посмел повернуться, бой уже кончился.

Буденновцы кружились, уходя в сторону. наших впереди было очень мало. Трескотня не то пулеметов, не то револьверов доносилась справа, и вдруг расстояние между нами и красными растянулось на версту или больше. Отходили и терско-астраханцы. Остатки наши собирались и, наконец, остановились на пригорке. Буденновцев уже не было видно, только лошади их носились без всадников.

Что именно произошло под Егорлыкком, трудно сказать. Что нас раскатали большевики, было ясно, но как мы вязались в этот бой, было непонятно. Как могло случиться, что ни мы, ни буденновцы не знали, что мы так близко друг к другу? Отчего мы были в лаве, а не в сомкнутом строю?

Еще страннее то, что буденновцы оставили на поле сражения три полных батареи с перерезанными построюками. Их подобрал донцы, которые возвращались с рейда. Говорили, что буденновцев не видели нигде, и привезли с собой несколько наших раненых.

Потери наши были невероятные. Говорили, что полк потерял 370 человек убитыми или пропавшими. В нашем эскадроне из 113 осталось только 16 человек не раненых. Накашидзе получил дюжину са-

большинства ударов. После этого боя офицеров у нас не осталось — Кисловский и Штранге были убиты, — и нас прикомандировали к желтым кирасирам, у которых, по крайней мере, остался офицер. У синих кирасир был убит мой троюродный брат Юрий Гейден. Да и во всем полку почти не осталось офицеров. Жемчужников, который был ранен раньше, вернулся в полк спустя несколько дней с 40 запасными. Говорили, что в Новороссийске было еще человек 20 наших раненых, и меня послали туда их подобрать.

Отступление продолжалось. Слухи ходили, что мы будем отступать в Лабинскую область и на Майкоп. Но в это время Деникин со штабом и правительством эвакуировались в Константинополь. Он сдал кому-то командование.

Я уже сказал, что кубанцы в день Егорлыка из Екатериновской не выступали. Отчего это произошло, я не знаю. В Екатеринодаре они сформировали «Раду» под каким-то Рябоволом и объявили «Самостийную Кубань». Насколько я знаю, кубанцы Фостикова ушли на Лабу, во всяком случае, я их больше не видал.

Из Новороссийска я вернулся в станицу Крымскую. Тут произошел один неприятный случай. Остатки нашей дивизии были частью в Тунельской, частью в Крымской. Генерал Барбович, который отчего-то ненавидел гвардию, будто бы послал вестового в Крымскую с приказом к Жемчужникову. Вестовой там не появился. Барбович, пришедший с остальной дивизией в Крымскую, обвинил Жемчужникова в невыполнении приказа, арестовал его и отдал под военный суд. Ночью более половины эскадрона, который боготворил Жемчужникова, схватили его из-под ареста и ушли с ним в горы. Наутро Барбович, услышав об этом, построил оставшихся и разнес их на все четыре стороны, обвинив нас в мятеже, хотя мы были ни при чем, и прикомандировал нас к желтым кирасирам.

После этого мы стали отступать на Новороссийск. Пехота и артиллерия уже эвакуировались в Крым. Кажется, эвакуировались и донцы. Остались только маленькие пехотные части и наша дивизия.

Когда мы спускались с гор, уже в виду Новороссийска, на рейде лежал английский броненосец «Empress of India» и пять или шесть миноносцев.

Новороссийск был полон расседланных лошадей, подвод и броневиков, которые взрывали оставшиеся саперы. У пристани стояла только один пароход «Violetta», не знаю, какой национальности. Нам приказано было расседлать лошадей, взять седла и уздечки и грузиться на него.

Во время погрузки появились большевики и стали обстреливать порт и рейд. Стреляли плохо. Снаряды ложились вокруг английских

судов, но ни одного удара я не видел. В порту они были более успешны. Снаряды ложились на набережной, но потерь от них было мало. В «Виолетту» ни одного снаряда не попало. Погрузившись, мы стали отчаливать. Пароход был переполнен.

Английские суда уже снялись с якоря и ушли до того, как мы отчалили. Остался лишь наш миноносец «Дерзкий». Он открыл огонь по красным батареям и даже, кажется, заставил одну замолчать. Тут произошел один инцидент, который поднял дух всех наших на «Виолетте». Мы только что отчалили, как вдруг на каком-то маленьком молу появились человек 50 пехотинцев. Они кричали и махали руками. «Дерзкий», который уже прошел этот мол, повернул. Снаряды падали вокруг него, но он осторожно подошел к молу, и через несколько минут пехотинцы были на его палубе. Перегоняя нас, он загудел своими сиренами, и с «Виолетты» послышалось громовое «Ура!». В миноносец ударило два снаряда, но матросы его ответили нам тоже «Ура!».

Через минут пятнадцать мы были вне диапазона красных снарядов и вышли в море.

К счастью, море было гладкое. Мы шли вдоль берега, мимо Анапы. Солдаты гроздьями висели на старой «Виолетте». «Дерзкий» шел между нами и берегом, но большевиков там еще не было.

Пришли в Феодосию и стали разгружаться. Никто не знал, что произойдет в будущем. Никто нас не встречал. Единственный, кто приехал, был наш полковник Дерфельден, он взял наших в Кьянлы, 18 верст от Феодосии. Увидев меня, он сказал, что я мог бы ехать в Ялту, так как делать в Кьянлах сейчас нечего. Там был Гедройц, который старался сформировать эскадрон, но еще ни офицеров, ни солдат здоровых достаточно не было. Петр Арапов лежал в тифу. Кроме того, было еще человек двести наших, все в тифу.

Я сейчас же взял билет на «Гурзуф», который, как и «Алупка», поддерживал сношения между Феодосией и Ялтой. Эти два пароходика с открытой палубой и маленькой будкой на десять человек, которая громко называлась кают-компанией, были построены в 1878-м и 1879 годах. Николай Татищев их называл «пироскафами», как называли и пароходы времен Николая I.

Положение в Крыму было совершенно хаотичным. Никто не знал, сколько эвакуировали войск, кто ими командовал. На Перекопе и на Сиваше стояла «армия» генерала Слащева. Это те силы, которые были в Крыму до прихода Врангеля и белых сил, отступивших с Кавказа. «Армия» Слащева состояла из трех-четырёх тысяч сборных войск. Однако они сумели оборонить Крым от Махно и Красной армии — до прихода Врангеля.

Слащев оказался одним из тех типов, выброшенных революцией, которые никаким манером не походили на обыкновенных военных. Говорили даже, что до Гражданской войны он был не генерал, а чуть ли не капитан. Потом стало известно, что он был кокаинист. Он сам изобрел для себя форму, носил какой-то псевдогусарский кивер, белый с золотом гусарский доломан, ярко-лиловые рейтузы, гусарские сапоги и саблю, которая брякала по земле.

Позднее, когда кто-то говорил Врангелю, что это невозможно, что-бы генерал выглядел как какой-то тенор из комической оперы, Врангель отвечал: «Какое вам дело? Если он даже воткнет павлинье перо себе в задницу, но будет продолжать так же хорошо драться, это безразлично».

Слащев, может, и был самодуром, но он держал Крым, и держал очень удачно. Я думаю, что он уверил большевиков, что у него были гораздо большие силы, чем в действительности.

Он вдруг атаковал с Арабатской Стрелки Геническ, захватил его и вышел в тыл красным на Сиваше, затем так же быстро ушел. Я ни на минуту не думаю, что он собирался наступать, это был просто маневр, чтоб напугать большевиков. Мне очень жалко, что я никогда не видел Слащева.

Тем временем вдруг было объявлено, что назначен новый главнокомандующий генерал Махров²⁸⁴. «Махров? Кто такой Махров?» — был вопрос у всех на устах. Слухи ходили, что он раньше был у барона Шиллинга, другие говорили, что он командовал какой-то частью под Деникиным. Во всяком случае, с его появлением хаос прекратился. Частям были отведены стоянки. Была сделана перепись всего существующего вооружения и амуниции. Скоро вышел приказ от Махрова, что он послал делегацию к барону Врангелю, прося его принять высшее командование.

Я остановился опять у Софии Дмитриевны Мартыновой, где были и Николай Татищев, и Димка Лейхтенбергский.

В это время произошло совершенно невероятное какое-то восстание в Крыму. Кто эти люди были и за что они стояли, никто наверняка не знал. В Ялте пошли слухи, что кто-то в Симферополе объявил морского капитана герцога Лейхтенбергского²⁸⁵ — царем! Кто это мог быть и почему Лейхтенбергского, никто не понимал. Это было так смешно тем, кто его знали, что никто это серьезно не принял. Я этого Лейхтенбергского не знал. Вдруг к его имени прибавилось другое, какого-то Орлова²⁸⁶, говорили, что полицейского начальника.

В Ялте всю эту орловско-лейхтенбергскую историю приняли за шутку, когда вдруг появились «орловцы» в горах со стороны Массан-

дры. Паника охватила ялтинскую комендатуру. Войск в Ялте не было, так что пришлось мобилизовать всех военных, известных комендатуре, которые были в отпуску.

Мы, как видно, не были им известны, и нас никто не тревожил. На набережной построился отряд человек в сто из офицеров и солдат, и они пошли по направлению на Массандру. В то же время из Севастополя пришла вооруженная яхта «Алмаз» и открыла огонь из своих 4,7-дюймовых орудий по долине, поднимающейся над Массандрой. В Ялте была слышна трескотня винтовок, которая вместе с обстрелом «Алмаза» продолжалась часа два, потом все затихло.

Все это была какая-то бутафория. Мы скоро после этого все трое уехали в Кьянлы, где формировался эскадрон. Мой приезд был встречен полковником Гедройцем совсем не радушно. В его глазах я был связан с «мятежником» Жемчужниковым. История Жемчужникова в Крымской и будто бы мятеж, который его спас от военного суда, Гедройц объявил позором всего эскадрона. Все, бывшие в Крымской, теперь здесь были в опале.

К счастью, появился Петр Арапов, который встал после сперва брюшного, потом сыпного тифа. Гедройц побаивался Петра по той причине, что тот был племянником Врангеля, а Врангеля он очень боялся.

Наконец в Севастополь приехал Врангель и взял на себя главное командование. С его приездом все повеселели. Все больше и больше солдат вставали от тифа. Наш эскадрон пополнился, но лошадей, конечно, не было. Эскадрон в 150 шашек, под командой полковника Топтыкова, с ротмистром Германом Стенбоком²⁸⁷, штабс-ротмистром Араповым, поручиком Татищевым и корнетами Лейхтенбергским, Артамоновым и Мошиным²⁸⁸ погрузился в поезд на Джанкой. Оттуда в пешем строю пошли на Магазишку и оттуда на Сиваш.

Мне это было очень приятно. В эскадроне теперь были люди, которых я знал со времен до Британ, знал и всех офицеров, и многих, которые были в Лубнах. Дух эскадрона был очень высокий. С нами шли и желтые, и синие кирасиры, которых мы знали. Нас великолепно снарядили. В нашем полку были и эскадроны 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Единственно, чего не хватало, это наших батарей, у них были орудия, но не было снарядов. Весь полк был спешенный.

Наша дивизия теперь была совершенно иначе сформирована, чем раньше. В нее входили 1-й сводный полк, кажется, в нем были эскадроны 2-го Павлоградского гусарского²⁸⁹, 2-го Курляндского уланского²⁹⁰, 2-го Псковского драгунского, 11-го Изюмского гусарского²⁹¹,

11-го Чугуевского уланского²⁹² и еще какой-то эскадрон. Во 2-м полку я не знаю, кто был, кажется, полки 8-й и 9-й кавалерийских дивизий. В 3-м полку были эскадроны 10-й и 12-й кавалерийских дивизий. Насколько я знаю, даже тогда они были на лошадях. Полком нашим опять командовал Косяковский и бригадой — Данилов.

Мы стали в окопах на Сиваше. Было непонятно, кто сидел в этих окопах до нашего прихода. Когда мы пришли, никого там не было. Большевики были приблизительно в двух верстах от нас по ту сторону Сиваша. Сиваш сам мог быть преградой. Если ветер дул с запада, то воды в нем почти не было. Дно было покрыто каким-то светло-желтым илом. Он был такой скользкий, что по нему можно было скользить босыми ногами, как на коньках. Но стоять на нем нельзя было. Эта поверхность была только 2 дюйма в глубину, под ней была черная вонючая грязь, в которой утопали, она засасывала.

С западным ветром было бы легко перейти Сиваш, но почему-то большевики не пробовали. Иногда большевики забрасывали нас снарядами. До нашего прихода они, как видно, знали, что нет никого, потому что воронок от снарядов не было.

Никто из нас не знал даже приблизительно, сколько было войск в Крыму. Говорили, что какие-то части были эвакуированы из Одессы. Сколько из Деникинской армии осталось, никто не знал. Петр говорил: «Думаю, у нас тысяч 40, не больше». Мы, во всяком случае, были растянуты довольно жидко. «Фронт» тянулся верст на девять. Как Слащев его держал со своими тремя тысячами, совершенно непонятно.

Было очень жарко на Сиваше. Каждый день на той стороне появлялся мираж — белая церковь, белая ветряная мельница и несколько белых домов, но в действительности там было только два дома.

Через бинокль были видны на той стороне довольно большие части, которые открывали огонь, когда мы купались или скользили по илу. Но стреляли плохо. У многих из нас отчего-то были нарывы на ногах и спине. Играя, сбросили кого-то с нарывами с маленького утеса в Сиваш. Он сразу же провалился через ил в черную грязь. Смыть ее было нечем, соленая вода только оставляла соль. На следующий день его нарывы стали исчезать, и через два дня они пропали. Тогда все стали себя мазать черной грязью, у кого были нарывы, у всех пропали. После купания в Сиваше ходили на хутор, версты четыре, где был артезианский фонтан и пруд.

Посередине Сиваша были островки, покрытые лозняком. Туда ходили и красные, и наши дозоры. Только раз ночью мы оказались на одном островке с красными и захватили двух пленных. Они говорили, что Таврия кишела красными войсками.

Врангелевское наступление

Раздумывая о том, что случилось в 1920 году, я теперь не могу себе представить, какие надежды мы могли иметь на удачу. Мы были в положении гораздо худшем, чем при Деникине. Мы были закупорены, как в бутылке, в Крыму. Надежда на снабжение снаружи уже не было. Ни англичане, ни французы не интересовались свержением большевиков. Местного снабжения у нас никакого не было. Войск, тысяч 40, в лучшем случае 50, было мало, чтоб разбить теперь уже довольно хорошо организованную Красную армию. На что же мы надеялись?! Я теперь не знаю.

Тем не менее дух войск был хороший, во Врангеля верили. Помню, говорили тогда, что, может, будет восстание на Дону и Кубани. Если бы мы тогда подумали серьезно: как же это могло случиться? Уже при Деникине кубанцы «самостийничали». Какие-то дураки уверяли их, что они не русские, а отдельный народ. Что это значило? Они, как и все русские, были смесью славян, варягов, литовцев, татар и т. д. Как и украинцы — никогда не были независимыми: были и под татарами, и под турками, и под литовцами и поляками и, наконец, вернулись к России.

Донцы, с другой стороны, были очень горды быть русскими. Они были действительно русскими, независимыми, гордыми, лихими. Они бунтовали против русского правительства, как бунтовали новгородцы и псковитяне, но это была местная междоусобица. На донцов всегда можно было положиться, когда грозили враги. Может быть, и тогда можно было ожидать их помощи, но положение их было корявое. У них тоже не было арсеналов.

На крестьян тогда уже трудно было надеяться. Крестьяне многих губерний всю силу поддержали Деникина, но он их подвел. Большевики с ними расправились. Рискнуть второй раз они вряд ли бы посмели.

Большинство пополнения Деникинской армии было из пленных. Теперь у красных была такая большая армия, что они могли выбирать части, которые бы не так легко сдавались. На что же мы все-таки надеялись? Не знаю.

Была очень жаркая ночь. Я долго не мог уснуть, лежа на бруствере окопа. Пришел Петр Арапов и растянулся рядом. Мы часа два философствовали о разных вещах. Петр пошел проверить дозоры, а я заснул. Помню, как сейчас, сон. Было яркое небо, светило солнце, и мы колонной входили в Москву. Колокола всех церквей звонили, и толпы людей по обе стороны дороги приветствовали нас криками

«Ура!». Вел наш полк не Косяковский, а Девет-Кильдеев. Нас засыпали цветами...

Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет. Я поднялся и широко раскрыл глаза. Небо против нас было красное, и иногда сверкали точно какие-то звездочки. Стоял гул.

Надо мной стоял Петр.

— Что это такое? — спросил я удивленно.

— Это наши лупят.

— Откуда у нас снаряды взялись?

— Не знаю. Наверное, мы в наступление перешли. Вероятно, и мы двинемся через час.

Петр был прав. Приблизительно через час мы двинулись вдоль Сиваша по направлению к Перекопу. Стало светать, эскадроны шли бодро; я шел рядом с Петром.

— Что ты думаешь, Перекоп уже перешли?

— Перешли.

— Что же мы будем делать?

— Мы отсюда веером пойдем, к Днепру.

За нами тянулись кавалергарды, кирасиры и остальные эскадроны полка. Гул справа продолжался. Вышли на перешеек. Дух у всех был настолько повышенный, что никто не заметил, как мы прошли сорок с лишним верст, и никто не устал. Полевые кухни нас кормили только похлебкой, и никто не ворчал. К вечеру прошли через пролом сквозь вал и вышли в степь. Впереди нас лежал хутор.

За валом в первый раз увидел «танк». Он стоял обгорелый, с открытой дверью. Как видно, трехдюймовый снаряд ударил его. Все внутри выгорело, и были обгорелые тела команды. Шагах в 500 спереди была красная трехдюймовка, полувкопанная и разбитая снарядом, кругом нее лежала перебитая команда. Наверное, это орудие разбило танк. Тут повсюду были окопчики с проволочным заграждением, но неглубокие, и, очевидно, наша артиллерия пристрелялась, потому что почти все окопы и заграждения были разбиты, и воронки были глубже окопов.

Я был послан вперед в хутор с пятью солдатами, вроде дозора. Никто не ожидал там красных, но на всякий случай нужно было быть начеку. Еще издали были видны наши танки, которые стояли в тени фруктового сада. Многие хутора тут, как и в Крыму, принадлежали молочникам-немцам, которые приехали сюда в начале прошлого века. Все они обрусели, хотя еще говорили дома каким-то ломаным немецким языком. Этот хутор принадлежал русским.

Мы нашли в доме старика, его невестку и двоих детей. Они все заливались слезами, и я сперва не мог понять, что случилось. Нако-

нец добился от старика. Сын его ушел в Крым с белыми. Два месяца тому назад какой-то коммунистический полк основался в хуторе. Ушли только вчера. Хотели взять старшего внука с собой. Ему было 12 лет. Он скользнул и спрятался. Они его нашли и при матери пристрелили.

Меня ничто к этому времени уже не удивляло, но это меня потрясло. Мальчик лежал у сарая с разбитой головой. Мы его похоронили.

Четыре танка с командами моряков Черноморского флота стояли под деревьями. Они, оказывается, с марковцами штурмовали вал и встретили сильное сопротивление. Говорили, что большевики отступили на Чаплинку и что там идет сильный бой.

У меня карты Таврии не было, и я понятия не имел, где это было. Думаю, что и командование наше было тоже в тумане. Уже стало смеркаться, когда весь полк расположился в большом фруктовом саду. Какой-то эскадрон ушел в сторожевое охранение. Перед тем как заснуть, я поговорил с Николаем Татищевым. Если он и не знал, что происходило, его живое воображение всегда описывало картину, точно он главнокомандующий. Он меня уверял, что наутро мы прижмем красных к Днепру и уничтожим.

У него единственного был фотографический аппарат. Он снимал все интересное, у меня были замечательные его снимки, но, к несчастью, у меня их украли в Константинополе.

На рассвете степь, которая поднималась перед нами как колоссальная подкова, пришла в движение. Мы сперва думали, что это наши наступали цепью на восток. Была сильная трескотня пулеметов, гремела откуда-то артиллерия.

Мы вступили и сразу же рассыпались в цепь. Минуту спустя мотоциклист появился на горизонте справа и под сильным огнем зигзагами старался выскочить из-под обстрела. Через несколько минут и мы оказались целью артиллерии и пулеметов. Цепь, которая сперва двигалась на восток, вернулась на нас. Расстояние между ними и нашей цепью становилось все меньше и меньше. Я помню, как у меня в голове вертелся вопрос: что случится, если мы встретимся? У нас были только карабины без штыков, у красных — штыки.

В этот момент над нашими головами вдруг раздался непривычный гул: «Уух... уух... уух» — и среди красной цепи поднялись невероятные фонтаны черной земли. Они на вид поднимались на 80—100 футов в воздух и превращались в колоссальные грибы.

Я повернулся посмотреть назад, откуда они летели, и увидел броненосец «Генерал Алексеев»²⁹³, лежащий в бухте. По очереди тывкали его 12-дюймовые орудия. Блеск и дым после каждого выстрела. Крас-

ные цепи покачнулись и побежали. Пули продолжали свистеть над головами, но уже меньше. И артиллерия их тоже притихла. Перед нами вдоль фронта проскакал Косяковский с вестовым, держа полковой значок — большой белый флаг с алым квадратом в углу.

Мы продолжали наступать на север, но большевиков уже не было. К полудню мы остановились. В первый раз я увидел план поселения времен Потемкина. История почему-то всегда посмеивается над Потемкиным, над его так называемыми «потемкинскими» городами, деревнями, хуторами, которые были будто бы бутафорией, чтобы произвести впечатление на Екатерину. Может быть, часть их и была бутафорией, но он привез эмигрантов из Вюртенберга и из Центральной России (вероятно, тех казенных крепостных, которых Екатерина освободила в пример собранному ею Всероссийскому собранию; она поручила ему освобождение крепостных, но собрание, проработав два года, 1766—1767-й, выработало более 1500 разных планов, да на том и заглохло). Во всяком случае, Потемкин заселил всю Таврию по выработанному им плану. Степь была разбита на участки, приблизительно по 1000 десятин, и хутора были расположены по линиям в шахматном порядке. Когда появились большие деревни, как Старые Серагозы, Агайманы, Феодоровка, Лихтенталь и т. д., я не знаю. Земли было масса, все чернозем, и жители в Таврии были невероятно богаты. Дома у них были прекрасные, повсюду электричество, почти у всех хуторян были автомобили. В Центральной России только самые большие помещики могли жить так, как жили эти хуторяне. Пшеница и баштаны дынь и арбузов объясняли часть этого богатства, фруктовые сады, даже в наше время, там были невероятные. Такого качества яблوك, груш и других фруктов я нигде не встречал, они, наверно, приносили им большие доходы. Вероятно, было и великолепное скотоводство, которого мы уже не видели, красные угнали почти весь скот. Постройки были замечательные. Чем ближе к Днепру, тем было больше виноградников. Теперь, однако, почти ничего не было засеяно, фрукты висели на деревьях и гнили на земле, никто садами не занимался.

Большевики встречались все реже и реже, мы повернули на юго-запад и часам к пяти вошли в деревню Колончак. Тут уже были два эскадрона 2-й кавалерийской дивизии на лошадях. Мы их не знали, говорили, что их эвакуировали из Одессы. Командовал дивизией генерал Морозов.

Я никак не мог понять, как они туда, в Колончак, попали, мы их на Перекопе не видели. Солдаты рассказывали, что они перешли через Каркинитский залив будто бы вброд. Мы им не поверили, думали,

что они втирали нам очки. Переход был более 30 верст. Но они настаивали, что ветер дул с востока, что воды, как в Сиваше при западном ветре, не было и что они шли по пескам. Если это было правдой, то это была невероятная история, точно как пушкинские тридцать три богатыря, «расплескалось в шумном беге и оставило на берегу»... А ведь я своими глазами видел броненосец «Генерал Алексеев» в Каркинитском заливе, с осадкой на 27 футов. Неужели глубина залива разнилась настолько?

Мы переночевали в Колончаке. Даже тут был слышен гул боя под Чаплинкой. Наутро мы пошли на Большую Маячку. Деревня огромная, но другого рода. Это была настоящая богатая украинская деревня, с мазанками, садами, тополями... В нескольких верстах Большая Каховка и Днепр. Николай Татищев был не прав, Каховка была не деревня, а местечко. В ней были магазины, даже парикмахерская. На набережной большие пятиэтажные склады, зерновые элеваторы и подъемные краны. Население было пуганое и сидело по домам.

Напротив, на высоком берегу, стоял Береславль, красивый издали городок, с церквями и белыми домами. Большевики как будто пропали.

На следующий день дух у всех поднялся. Говорили, что в Большой Маячке мобилизация лошадей, и все были уверены, что нас наконец посадят. Меня отправили с пятнадцатью солдатами в Маячку помогать мобилизации. К моему удивлению, жители приводили лошадей охотно. Платили за них хорошо, но на нашу долю выпало всего 25 лошадей. Мы их привели обратно в Каховку, и оказалось, что они не для нас. Кому их отдали, не помню. «Мы последние, которые получают лошадей, — говорил Татищев. — Мы «привилегированные», Врангель, наверно, издал приказ, чтоб нас поставили в конец хвоста, чтоб никто не думал, что он нас предпочитает».

Был устроен смотр, почему, никто не знал. Мы выстроились на главной улице Каховки, широкой, но не мощеной. Появился какой-то генерал георгиевский со своей свитой. Он был маленький, толстый, про него мы никогда ни раньше, ни позднее не слыхали. Он, как видно, редко сидел на лошади и ехал очень осторожно. Вдруг из подворотни выскочила свинья прямо под ноги его лошади. Лошадь споткнулась, и генерал полетел в пыль перед строем. По строю прошел подавленный смех. Визг свиньи и фыркание офицеров и солдат, пока адъютант поднимал своего генерала, превратили смотр в комедию. Генерал решил смотр кончить и куда-то уехал.

Мы оставили синих кирасир в Каховке и пошли вниз по Днепру, через Малую Каховку, в селение Основа. Нашему эскадрону было на-

значено охранять Днепр, версты три, как сторожевое охранение. В Основе было всего домов 25, лежащих среди великолепных садов над Днепром. Дома были очень большие, очень удобные, с верандами, великолепно меблированные, с ваннами. У нас бы помещики гордились такими домами. Население было смешанное. Был мсье Бенуа, француз уже третьего поколения, но и он, и его две очень привлекательные дочери говорили хорошо по-французски, два швейцарца, два немца, остальные русские. Все были хорошо образованы. Кормили нас великолепно и принимали радушно.

У них были колоссальные виноградники и фруктовые сады, в особенности абрикосовые. Я квартировался у Бенуа и помню, как извинился, что без позволения сорвал несколько абрикосов и съел. Он на меня посмотрел удивленно и сказал: «Вы ели абрикосы?» Мы растим их, только чтоб кормить свиней».

Посреди Днепра лежал длинный остров, который был ближе к нашему берегу, чем к красному. Эти острова — а их было несколько на нашем участке — иногда занимались красными как наблюдательные посты. Что они могли наблюдать, я понятия не имею, но, когда там появлялись меткие стрелки, их нужно было выбить.

Решили ночью послать две лодки с солдатами на один из таких островов. Я был во второй лодке, сидел на корме. Была кромешная тьма. Мы отчалили. Лодку впереди не было видно. Сколько времени мы гребли, не знаю, но впечатление было, что мы идем вдоль нашего берега. Вдруг кто-то из солдат прошептал:

— Лодка полна воды.

Я не заметил, окунула руку в лодку — действительно, полно.

— Мы тонем, — прошептал солдат.

Через минуту вода была в двух дюймах от борта. Я попробовал повернуть к берегу, но руль уже не действовал. Я испугался, плавал я очень скверно, да тут еще шашка, револьвер и карабин через плечо. Думаю, мы не больше двадцати шагов от берега, как-нибудь справлюсь. Все солдаты плавают хорошо. Вылезать из лодки не нужно, сама пошла ко дну. Мы все поплыли к берегу. Казалось, берег рукой подать, а его все нет. Страшно испугался, шашка цепляется за ноги. «Святой Николай, выведи!» Берег должен быть тут. Но его нет. Только надежда, что каждую минуту ноги ударятся о дно, держала меня. Показалось, что я плыл по крайней мере 20 минут, когда наконец рука ударила в камыши. Я опустил ноги, они тронули дно. Я выкарабкался. Тут уже сидели солдаты.

— Спасибо, святой Николай, что спас!

— При чем тут святой Николай? — спросил кто-то.

— Как — при чем? Я больше двадцати шагов никогда не плавал, и то голым.

— Эй, братец, врешь, ты только что проплыл больше ста шагов.

— Ста?! Так недаром я святого Николая благодарю, если бы я знал, то как камень ко дну пошел бы.

Дня через два, не подумав, я невероятного дурака сваял. Многие из наших купались. Мы с Аверченко взяли лодку и поплыли к концу нашего острова. Зачем, я сам не знаю. По крайней мере, на этот раз мы были голые. Обогнули остров. Вдруг слышим, кто-то кричит с другой стороны Днепра. Мы стали прислушиваться. На песке вдали стоит фигура.

— Это какой-то мальчишка! — говорит Аверченко.

Не слышно, что он кричит. Я, как дурак, повернул лодку к красному берегу. Никого там, кроме мальчика, не видно. Мы подошли поближе. Мальчик кричит, что он из Маячки, подводу его реквизируют, хочет домой. Мы подошли поближе. Кричу ему:

— Ты плаваешь хорошо?

— Хорошо!

— Плыви тогда!

Он бросился в воду. Только тогда я заметил, что человек шесть бегут по мели в нашем направлении, и понял мою глупость. Мальчишка плыл, мы шли ему навстречу и наконец подобрали. В этот момент красные открыли огонь. Я пересел рядом с Аверченко, взял одно весло, и мы зигзагами пошли обратно. Пули шлепали в воду вокруг нас, и две или три ударили в лодку. К счастью, наши на берегу схватили карабины и стали стрелять. В конце концов красные ушли.

Я вообразил, что мы герои, спасли мальчика, но, когда мы причалили, там стояли Андрей Стенбок и Петр Арапов и сейчас же разнесли меня на все четыре стороны. Слава богу, они Аверченко не винили. Петр на меня кричал:

— Я знал, что ты дурак! Что ты думал — тебе Георгия за это дадут? Где твои мозги? Выбили под Британами? — и т. д. и т. д.

Было очень стыдно быть так обложенным перед всеми, но, к счастью, Петр скоро успокоился и даже извинился, что так меня облаивал.

Во всяком случае, через два дня все это было забыто, потому что нас срочно вызвали в Каховку. Мы прошли форсированным маршем 18 верст, не зная, что случилось.

Это было 17 июня 1920 года. Мы пришли в Каховку в 3 часа пополудни. Было совершенно тихо. Последние две версты шли открытым полем. Обыкновенно там, где дорога была видна с того берега,

большевики открывали артиллерийский и пулеметный огонь, но на этот раз никто на нас внимания не обратил.

Это затишье продолжалось недолго. Я только пошел к парикмахеру постричься и побриться, как вдруг загремели красные пушки. Откровенно говоря, я больше боялся, что парикмахер мне перережет горло: каждый раз при разрыве снаряда он подскакивал и два раза уронил бритву.

Когда я вернулся к эскадрону, все сидели на тротуаре, спиной к домам, и Николай Татищев все бегал от одного снаряда к другому, стараясь снять фотографию разрыва. Он все опаздывал. Снаряды по-свистывали над нашими головами или падали за нашими спинами. У большевиков, кроме полевых батарей, которых было пять, наши эксперты их насчитали, было две батареи шестидюймовых гаубиц, по три орудия, одна с каждой стороны Береславля, и одна восьмидюймовая, тоже в три орудия.

Мы стояли разговаривали, как вдруг тяжелый снаряд зашпикал над нашими головами. Всё в один момент: разрыв снаряда, из подворотни вылетела визжащая свинья и полет в нашем направлении балки, верхушки ворот. На фотографии потом вышла замечательная картина — часть дома, фонтан пыли, в котором летели какие-то куски, на переднем плане свинья с торчащими вверх ушами и поперек на откосе бочка.

Мы сидели и сидели, не понимая, зачем нас вызвали. Бомбардировка продолжалась несколько часов. Пришел ротмистр Кожин, синий кирасир. Оказалось, что кирасиры растянулись где-то по набережной в складах и других постройках. Мы были просто резерв, в случае, если большевики решат переправляться. Петр не мог понять, отчего бы красные выбрали Каховку для переправы. Река тут была очень широкая и открытая. Кожин говорил, что через бинокль ни одной лодки видно не было. С другой стороны, в Малой Каховке, налево от нас, были широкие плавни. Там были желтые кирасиры и части Марковской пехотной дивизии, которая стояла выше по Днепру. В Малой Каховке была дорога, которая спускалась на плавни, и там был отведенный на ту сторону понтонный мост. Кожин говорил, что с четвертого этажа склада было видно, как красные батареи против Малой Каховки лупили по плавням.

У нас снарядов было мало, за Малой Каховкой в лесу стояла гвардейская пешая полевая батарея, которая молчала. Других батарей, очевидно, не было.

К вечеру бомбардировка Каховки прекратилась. Подошли полевые кухни, и мы поужинали. Как только стемнело, полуэскадрон Андрея

Стенбока отправили на смену синим кирасирам, а наш полуэскадрон Арапова пошел через Каховку занять сторожевое охранение на утесе на север от Каховки.

Ночь прошла спокойно. Было достаточно светло, чтобы видеть вверх по Днепру. До девяти часов утра ничего не случилось. Уже было очень жарко, и я, взяв две фляги, спустился с утеса наполнить их водой. Когда я карабкался обратно, красные вдруг по мне открыли огонь. Я испугался и полез скорее, и тут пуляхватила в низ одной из фляжек, и вода вся вытекла. Когда я вернулся, это развеселило всех. Но я второй раз не полез.

В этот момент кто-то заметил, что за версту выше нас появились на той стороне лодки. Мы не знали точных позиций 3-го Марковского полка²⁹⁴. Петр перестроил наш полуэскадрон так, чтобы мы могли открыть огонь по лодкам, и послал меня обратно в Каховку, в штаб, который сидел в одном из складов, спросить, где марковцы. Петр предложил подвести полуэскадрон ближе к переправе.

Я только что отошел от наших, как вдруг большевики открыли ураганный артиллерийский огонь по Каховке. Петр мне крикнул:

— Смотри не попадайся под снаряды!

Но мне посчастливилось. Большевики почему-то лупили тяжелыми по задней части Каховки, а полевыми по набережной. Нигде около меня не разорвался ни один снаряд. Я повернул в улицу, которая вела к набережной. Тут была совсем другая картина. Приходилось карабкаться через груды кирпичей, балок и разбитого стекла. Я ни души не видел. Прошел вдоль полуразрушенной кирпичной стены к воротам большого склада. Около ворот стоял часовой, синий кирасир.

— Что, штаб тут? — крикнул я через гул рвавшихся снарядов и раскатов с той стороны.

Часовой кивнул и показал четыре пальца. Я вошел во двор и поднялся несколько ступенек к двери. Гул и треск заставляли воздух дрожать. На ступеньке я остановился на секунду. Грохот и треск, точно кто-то рвал ситец, и волна воздуха, полная пыли, рванулась из двери, и тут же ворота, через которые я только что прошел, рухнули. На секунду я застыл. Что случилось с часовым? Я бросился обратно к воротам, но часового не было, груда кирпичей и оторванная нога на другой стороне улицы. Я бросился в склад.

Широкая бетонная лестница, покрытая осколками кирпичей. Я бежал, беря две ступеньки зараз. На втором этаже я проскочил мимо двери, когда косяк с треском рухнул на площадку и посыпались кирпичи.

Наконец я добрался до четвертого. В колоссальной комнате я увидел широкую спину генерала Данилова, смотрящего через большую дыру в бинюкль, за ним стояли три офицера.

Я пробирался через кирпичи на полу, когда Данилов обернулся к адъютанту и увидел меня.

— А! Волков, что вы тут делаете?

Я быстро доложил, зачем пришел, и прибавил:

— Ваше превосходительство, часовой ваш в воротах убит.

— Наверно? Или ранен?

— Я только ногу его оторванную видел, ваше превосходительство.

Данилов обратился к адъютанту:

— Посмотрите быстро, жив он еще или нет.

Затем повернулся к Днепру и посмотрел вверх по течению.

— Я их уже видел. Передайте Арапову, чтоб он перевел полуэскадрон кругом Каховки, вот, смотрите! — Он сунул мне карту и указал квадрат, на котором было напечатано «Еврейское кладбище». — Вот сюда, 2-й полуэскадрон тут. Скажите, чтоб не беспокоился насчет переправы, это диверсия, с ними марковцы справятся. Атака будет отсюда. — Он указал место между Малой и Большой Каховкой. — Скажите, что красные уже перешли и, вероятно, уже заняли Малую Каховку. Идите осторожно. — И улыбнулся.

Я побежал вниз по лестнице. На дворе встретил адъютанта.

— Боюсь, что наповал. Смотрите, осторожно, хотя от снарядов не укрыться. Валите с богом.

Я побежал, прыгая через груды кирпичей. Снаряд ударил в соседний дом и осыпал меня осколками. Наконец выбрался на главную улицу. Тут снаряды не падали.

В поле пули визжали над головой и шлепали в землю, поднимая маленькие фонтаны черной пыли. Я спустился в долинку. Полуэскадрон был рассыпан на пригорке и скупо стрелял по лодкам, которых я не видел. Петр Арапов стоял, глядя в бинюкль.

— Ну что?

— Генерал Данилов приказал, чтобы мы обошли Каховку, вот сюда. — Я указал на карте Петра еврейское кладбище. — Наступают красные из-за Малой Каховки. Про этих не беспокойся, марковцы справятся, это диверсия.

— То, что я говорил с самого начала.

Через несколько минут мы были вне диапазона красной стрельбы. Построились в колонну и пошли вокруг Каховки. До этих пор не было у нас ни одного убитого или раненого.

Вот и длинная стена, огораживающая кладбище. Тут направо от нас оказался второй полуэскадрон. За нами верстах в полтора степь поднималась на гребень, на котором лежал хутор с рощей и фруктовыми садами.

Мы пошли через кладбище к стене на другой стороне и залегли за ней. Она была построена как медовые соты, с пробелами между кирпичами. Пришел Андрей Стенбок, поговорил с Петром, перевел свой полуэскадрон на наш левый фланг. Пришел и Кожин. Синие кирасиры лежали справа от нас во фруктовом саду. У них уже потери были довольно большие. Кожин уселся спиной к стенке рядом со мной.

— Я не понимаю, что мы тут делаем.

Я ему объяснил, что приказал Данилов.

— Да, это все очень хорошо, но у нас тут только два эскадрона. Сколько у вас?

— Да человек 120.

— Ну, у нас сотня наберется теперь. Я слышал, что красные дивизию двинули в Малую.

Нам недолго пришлось ждать. Между двумя Каховками появилась цепь, за ней другая. Они были еще далеко. В бинюкль — хорошо обмундированная пехота. Двигалась она не на Большую Каховку, а на гребень за нами. Где-то далеко слышалась трескотня пулеметов и винтовок. Красная артиллерия отдыхала.

Цепи наступали наискось от нас. Только их левый фланг нас бы зацепил. У нас было два «левиса», которые мы перевели на наш левый фланг. Теперь цепь против нас была не более чем в ста шагах, и Петр приказал открыть огонь. Цепь остановилась, как будто от неожиданности. Она помялась на месте и потом бросилась на нас в «Ура!». Затрещали наши пулеметы и залпы карабинов. Цепь приостановилась и отхлынула. Мы им большие потери нанесли.

Но это заметили и с другой стороны, из Береславля. Через минуту на нас обрушился ураганный огонь их артиллерии. Отхлынувшая пехота перестроилась и опять бросилась в атаку, и опять мы ее отбили.

Что творилось у нас на кладбище, трудно описать. По крайней мере 30—40 снарядов разрывалось каждую минуту, легкие, тяжелые лупили по нашей стенке, по каменным памятникам, осколки снарядов, смешанные с осколками памятников, визжали над нашими головами. Раненых и убитых было все больше и больше. Какая-то красная батарея перешла на шрапнель.

Цепи красных опять перестроились и бросились в атаку. Мы продолжали их отбивать. Вдруг, после сорока минут, артиллерия замолчала. Цепи, которые последний раз подошли на 30 шагов, откатились.

В первый раз мы стали считать наши потери. Кладбище теперь выглядело как вспаханное поле, покрытое воронками и белыми остатками памятников.

У нас было убито 11 человек и 38 раненых, которых мы отнесли за заднюю стенку. Передышка дала нам возможность заполнить пробелы. Взводы стали из-за этого смешанные. Корнет Мошин — пример замечательного совпадения. Он был ранен в грудь 18 июня 1919 года. Пуля вошла над сердцем в тот момент, что сердце сжалось. В результате рана считалась легкой. Теперь 18 июня 1920 года он опять был ранен в грудь. Пуля вошла в то же место, когда сердце его сжалось, только вышла на дюйм ниже.

Помню ясно передышку. Я лежал за остатками стены. После какофонии вдруг воцарилась тишина. Помню, как посмотрел на покрытую пылью траву рядом со мной. В ней была узенькая дорожка, по которой взад и вперед бегали муравьи. На былинке травы сидел маленький зеленый кузнечик и стрекотал. Я подумал — вот замечательно, вся эта кавария на них не произвела никакого впечатления. Может быть, убьют меня, а муравьи будут продолжать бегать и кузнечики стрекотать, и все, которые останутся в живых, поведут обыкновенную жизнь, а я буду смотреть на это все сверху, и жизнь на земле будет идти все так же.

Я приподнял голову и увидел Петра, стоявшего облокотившись на единственный оставшийся памятник. Неужели он не боится, как я? Я знал, что это не так. Нет, он стоял там, чтобы поднять дух у нас, которые, съездившись от страха, распластались за стеной.

Я высунулся посмотреть, куда исчезли красные.

— Что ты смотришь, мы же их отбили, — сказал Петр, подошел и сел рядом со мной.

— Они сейчас вернутся. Наверно, охлаждают свои орудия после такой вагнеровской увертюры.

— Я три года в окопах сидел в Великую, но никогда такой бомбардировки не видел, — сказал один из наших солдат.

— Да это понятно, кладбище сравнительно маленькое, а они сюда все свои орудия направили, — ответил Петр.

— И сколько, вы считаете, у них орудий-то?

— Кто-то говорил, что 29, не знаю, не считал.

— Эти тяжелые я не люблю, засыпают прямо.

— Я никакие не люблю, — усмехнулся Петр.

Затишье продолжалась с полчаса. Было теперь около часу дня. Вдруг большевики опять разъярились. Снаряды вновь посыпались в развороченное кладбище, но пехота еще не появлялась. На этот раз бомбардировка с короткими перерывами продолжалась часа два. Два раза пехота

пробовала взять кладбище штурмом, но мы их отбили. Теперь меньше летело осколков от каменных памятников, их уже не было.

— Не понимаю, что мы тут делаем, проще было б отойти за гребень позади, пока не подойдут подкрепления, — сказал Петр, пройдя вдоль всей линии и опять усевшись около меня.

В половине четвертого в степи за нами появилась фигура на лошади. Она шла шагом. Как видно, ее заметили и большевики. Огонь двух батарей перенесся на нее. Были минуты, когда ее не было видно из-за столбов пыли, поднимаемых снарядами.

— Эй! — крикнул кто-то. — Это генерал Данилов!

Через несколько минут Данилов слез с лошади и медленно, грузно пошел через кладбище в нашем направлении. Петр вскочил и пошел ему навстречу. Снаряды разрывались вокруг них, но Данилов даже не нагибался. Через минуту Петр вернулся:

— Мы отходим. Отходить целью шагом, поняли?

Кого-то послали к синим кирасирам.

Скоро все, что осталось от эскадрона, вытянулось в цепь. Я был удивлен, что раненых за стеной не было. Их, оказывается, отнесли за Каховку и там подобрали на подводы. Только двое легкораненых остались. Одного, раненного в ногу, Данилов посадил на свою лошадь, а второй, поддерживаемый товарищами, пошел пешком.

Эскадрон здорово поредел — 18 было убитых и 59 раненых.

Большевики или не заметили, что мы ушли, или думали, что только часть из нас ушла. Только когда мы стали подниматься на гребень, артиллерия их замолчала. Но не прошло и нескольких минут, как затихли полевые орудия, а уже загудели над нами тяжелые. Колоссальные столбы пыли поднимались перед нами. Но они не пристрелялись, и за все отступление была только одна потеря. Мы уже почти дошли до верхушки гребня, когда разорвался восьмидюймовый. На верхушке гигантского столба пыли на минуту появилась распластанная фигура Димки Лейхтенбергского, затем исчезла. Я боялся, что его убили, — нет, он был сильно контужен, но жив.

Тут в Таврии темнело невероятно быстро. За хутором стояли кухни, мы поужинали. Какой-то эскадрон пошел в сторожевое охранение, а мы, усталые, разлеглись на траве за фруктовым садом. Я сразу же заснул.

Проснулся, была тревога. Несколько пуль просвистало над головой. Мы быстро построились. Какая-то батарея стояла на дороге. Чей-то голос в темноте сказал:

— Вот сволочи, ночью никогда не дерутся, а тут пробрались, желтого кирасира убили.

Ко мне подошел Николай Татищев:

— Вот оказия, батареи наши молчат, а теперь, пожалуйста, мы их конвоировать должны.

Батарея тронулась, и мы пошли за ней.

Прошли, я думаю, с версту и остановились в поле. Залегли в канаве. Опять появился Николай:

— Возьми кого-нибудь и пойдй, там дорога из Малой Каховки и хутор, отсюда с полверсты. Узнай, прошли ли красные по ней.

Мы пошли через прошлогоднее жнивье. Ночь была тихая. Мы прислушивались к разным ночным звукам. Когда подходили к хутору, осторожно посмотрели во двор, там никого не было. Подкравшись к дому, тихо постучали. Долго никто не открывал, потом женский испуганный голос спросил:

— Кто там?

— Мы входить не хотим, скажите, проходили тут красные?

— Я не знаю, я никого не видела.

— Спасибо.

В этот момент послышался на дороге размеренный топот лошадей и бреление сбруи.

Мы притаились. Взвод или полускадрон прошел очень близко от нас. Это были свои с погонами, какие-нибудь гусары, уланы или драгуны. Как видно, большевиков не было, они шли без ночных дозоров. Мы повернули обратно. Низкая дымка затянула поле. Я доложил, что красных нет. Стало светать. Вдруг из дымки с другой стороны появились всадники. Артиллеристы вмиг сняли орудия и повернули в их сторону, первое орудие выстрелило.

— Не стреляйте, не стреляйте! — кричал Татищев. — Это наши!

Снаряд разорвался в тридцати шагах от лавы. Лава медленно продолжала подходить. Оказался эскадрон 10-го Новгородского драгунского.

— Что вы, с ума сошли! — кричал артиллерийский полковник на драгунского ротмистра. — Ночью лавой двигаться!

Я только слышал его ответ:

— Это не ночь, а утро!

Они продолжали спорить, а я заснул в канаве.

Малая Каховка и Жеребец

Помню, как проходили через сосновый лесок, и под ногами был вереск. Меня это очень удивило. Потом подумал, что и сосны не подходят к местной открытости. Наверно, заметил это вслух, потому что, помню, кто-то ответил:

— Да на этом песке ничто другое не росло бы.

Действительно, мы были на островке песка среди чернозема. Через несколько минут стало ясно, что это дюны. Как они туда попали? Перед дюнами с версту до Малой Каховки расстилались виноградники на черноземе. Сама Каховка стояла на утесе ста или больше футов вышиной, затем с версту шириной плавни, а затем только Днепр.

Остаток эскадрона, 39 человек, растянулся вдоль дюн. Направо от нас появились остатки эскадронов улан Ее Величества и гродненских гусар. У них тоже были тяжелые потери, было всего человек 70. Я знал ротмистра Коптева, гродненца, еще по Москве. Он пришел со мною поговорить, и я в первый раз услышал, что происходило на других фронтах.

Он мне рассказал, что наша пехота после занятия Мелитополя, где теперь была Ставка, была под Бердянском, Большим Токмаком, Зеленым Гаем и на Днепре, на юг от Никополя. Что донцы под командой генерала Назарова были между Токмаком и Бердянском. Что будто бы на Кубани было восстание. Что сформирована не то дивизия, не то бригада гвардейской пехоты под командой Мики Скалона. Она была на Днепре против Херсона.

Кроме Петра Арапова и Николая Татищева, офицеров у нас больше не было. Андрей Стенбок уехал за пополнением, которое, говорили, было в Маячке. Несмотря на наши тяжелые потери, настроение было высокое. Малая Каховка лежала перед нами как латинская буква «L». Нижняя часть буквы лежала параллельно нам, перпендикулярная, с фруктовыми садами, торчала направо, в степь.

На правом фланге улан никого из наших не было. Подошел Петр, я его познакомил с Коптевым, и мы сидели разговаривали, когда в первый раз из Каховки затрещали пулеметы. Их было много. Петр сейчас же повернулся на живот и стал смотреть в бинокль. Коптев вернулся к своему эскадрону.

— Вот сволочи, я думал, они нам передышку дадут.

— У нас справа никого нет, они могут нам во фланг ударить.

— Ударят. Мы наших два «левиса» к уланам на фланг поставим.

Не прошло и десяти минут, как первая цепь появилась из фруктовых садов. Она наступала на сосновый лесок за нами.

— Хм-м... батальон, может, больше, смотри, как густо идут.

— Это только первая цепь.

У меня сильно билось сердце. Если они дойдут до леса, мы отрезаны.

— Вот и вторая. Эй, и третья!

Они были еще вне досягаемости наших и уланских пулеметов. Ротмистр Лишин, лейб-улан, перестроил уже свой эскадрон углом, когда вдруг из леса вылетели два эскадрона 2-го лейб-Павлоградского полка. Они были в цветных синих и зеленых фуражментах, в белых рубашках и алых рейтузах. Как водопад, они обрушились на первую линию красноармейцев. Не останавливаясь, смявши первую, они бросились на вторую. Все три цепи бежали врассыпную, бросали винтовки, увертываясь от сабель гусаров. Все это случилось так быстро, что заняло не более нескольких минут. Павлоградцы возвратились с десятками пленных и опять исчезли в леске.

Большевики, вдруг проснувшись, открыли английский огонь по месту, где недавно была их передняя цепь. Перенесли огонь и на нас. Как видно, где-то в Каховке или за ней было две батареи, потому что ложилось по 8 снарядов. Они поддерживали огонь более двух часов. Интересно, как мало опасности было от этих снарядов, ударяющихся в сыпучий песок: кроме песочного дождя, мало что происходило.

Положение наше на дюнах было хорошее, видно всю окрестность, но был один недостаток. Хотя перед самой Каховкой была довольно широкая полоса открытого поля, но ближе перед нами лежали виноградники. Если бы красные ночью пробрались под их покров, легко могли бы подойти к нам незаметно. Петр решил выставить три дозора, и уланы сейчас же последовали нашей инициативе.

Я только что вернулся с расставления дозоров, взял у Петра бинокль и лег на вершущку дюны посмотреть, видны ли пулеметные гнезда большевиков. Передо мной был маленький кустик травы, которая, я по глупости решил, делала меня невидимым.

Вдруг какой-то беззвучный голос мне сказал: «Двинься налево, быстро». Я сейчас же прокарабкался футов пять налево. Пулеметные пули, которые визжали над головой или ударялись в песок, вдруг точно снесли косою кустик травы. Я перекрестился: «Спасибо, Богородица и святая Варвара!» Мне всегда казалось, что чудеса случаются часто, но что мы их как-то не замечаем и говорим себе, что это совпадение. Но то, что мы небрежно называем совпадением, в действительности, я думаю, дело ангела-хранителя, может быть, Богородицы, святой Варвары, или святого Николая, или кого-нибудь, назначенного за нами смотреть. Легко положить, что это судьба или рок, но это само по себе доказывает, что наша жизнь зависит от небесных сил.

К трем часам появились наши подкрепления. Их было более семи-десяти человек с Андреем Стенбоком и Сергеем Артамоновым. Эскадрон опять был не совсем по штату, но почти что полный.

Но большевики решили сбить нас с дюн и начали наступление через виноградники. Дозоры донесли об этом заранее. Артиллерийский обстрел усилился. Пулеметы трещали не переставая. Песок вокруг нас кипел, что сковородка на печке. В виноградниках красных было трудно видеть. Дозоры отошли. Мы сидели и ждали появления красных на краю виноградника, но они где-то застряли. Вдруг шагах в пятидесяти они ринулись. Тут дюны сыграли гораздо большую роль, чем наш огонь. Сыпучий песок так затормозил красных, что мы сбивали их по одному. Они все лезли, скользили и падали, но наконец отхлынули обратно в виноградник. Не теряя ни минуты, мы перешли в контратаку, ныряя между рядами, но большевики уже бежали. Даже Петр, который сам о себе говорил: «Я и в корову в пяти шагах промахнусь», сбил двух или трех.

Потери у красных были большие. Мы тут же похоронили 68 убитых и подобрали 27 раненых. У нас всего было двое легкораненых, но у бедных улан, у которых дюны были ниже, было 5 убитых и 11 раненых. Убит у них был командир эскадрона ротмистр Лишин.

Мы опять поставили дозоры, но большевики больше не пробовали атаковать.

Скоро после этого произошел странный случай. Маленького Врангеля²⁹⁵, эскадр-юнкера по прозвищу Анютка, послали на единственной нашей лошади узнать, кто у нас был на правом фланге. Он поскакал через поле направо и исчез. Когда он появился опять, большевики осыпали его снарядами. Он шел карьером, когда снаряд разорвался под его лошадь. Он взлетел в воздух. Мы все ахнули. Но когда пыль рассеялась, стоял Врангель на ногах и держал лошадь. Он быстро влез и прискакал. Ни он, ни лошадь не были ранены. Справа оказались синие и желтые кирасиры.

К вечеру все затихло. Ночь опять была темная, но очень теплая. Мы лежали на обратной стороне дюны, на еще теплом песке. Петр проходил вдоль линии, остановился и уселся. Как всегда, стал философствовать. Отчего-то разговор пошел о популярности, почему некоторые люди популярны, а другие нет. Одни, он говорил, не делали никаких усилий, чтобы быть любимыми, и тем не менее их все любили. Другие, наоборот, были со всеми любезны, вели себя прекрасно, а их отчего-то не любили. Я вдруг понял, почему он поднял этот вопрос, хотя он никого не называл.

— Что ж, и очень хорошему человеку может чего-то не хватать, тем не менее такой человек может быть всеми уважаем.

— Да на чем это все основано?

— Трудно сказать, но думаю, что человека искреннего всегда любят больше.

— Но что, если человек сдержанный, или был воспитан очень строго, или у него комплекс неполноценности и он боится сделать ошибку, или просто скромный? — сказал Петр.

— Да все это возможно, но люди не разбираются и могут думать, что человек неискренний.

— Ты прекрасно знаешь, о ком мы говорим.

— Да, знаю, он очень хороший человек, но мне с ним разговаривать трудно.

— Я тоже говорить с Сергеем не могу.

— Разве это важно — быть популярным?

— Может быть, не важно, но это помогает солдатам. Что они о нем думают?

— Говорят, что он никогда не ругается, в карты не играет, не пьет, не курит и за девками не таскается, значит, будто бы что-то скрывает. И ты и я знаем, что он просто так воспитан.

— Но тем не менее мы оба с ним говорить не можем.

— У меня ничего с ним общего нет, о чем...

— Ш-ш... молчи... слушай...

— По звуку — кавалерия.

Петр поднял бинокль и стал смотреть в темноту.

— Вот, смотри... туда...

Я взял у него бинокль и посмотрел. Я был удивлен, что можно видеть так далеко во тьме.

— Это конный развед.

— Это я вижу, но чей?

Петр обошел дозоры, удостовериться, что не спят. Он, как видно, ожидал пешей разведки.

На рассвете появилось какое-то командование. Появились полевые кухни. Пришел Петр в серьезном настроении:

— Через час мы переходим в наступление. Нам приказано выбить красных из Малой Каховки. — И пошел дальше.

Но скоро приказ был отменен. Опять большевики открыли артиллерийский огонь, и затрещали пулеметы. Они никак не могли найти дальность, и большинство снарядов ложилось далеко за нами. Мы не двигались.

В половине третьего мы увидели перебегающих от Каховки к винограднику красных, и вдруг по ним затявкала наша батарея. Это первый раз, что наша батарея открыла огонь, с тех пор как мы вышли из Крыма.

Вот тут был дан приказ наступать. Мы бросились в виноградники. Красная артиллерия укоротила дальность и теперь была перед нами по своим же, что обратило их в бегство.

Петр послал кого-то назад к нашей батарее, прося их перенести огонь на красные пулеметы. Мы уже вышли из виноградников и теперь шли бегом по открытому полю через красные снаряды и пулеметный огонь. Я увидел бежавшего впереди Петра с тросточкой в одной руке и парабеллумом в другой; Николая, размахивающего шашкой, и Андрея Стенбока, за ними — линия нашего эскадрона... Вдруг я почувствовал, что меня ударило, точно подушкой, и швырнуло вверх. Я пришел в себя, но было темно.

Наверно, убили — проскользнула мысль. Попробовал поднять голову... светло... нет, еще жив. Привстал, ноги действуют, а наша цепь всего в десяти шагах впереди меня. Побежал за ней.

Слева из Основы полным карьером шли ахтырцы. Их коричневые и желтые фуражменты ясно были видны. Пулеметы замолчали, и мы стали перебираться через плетень на дорогу. Кроме убитых и раненых большевиков, около пулеметов никого не было.

Наши потери до этого момента были сравнительно небольшие. Мы потеряли 19 раненых из 1-го, 2-го и 4-го взводов, в 3-м никого не тронуло. Сергей Артамонов с ним спустился на плавни. Была сильная стрельба в самой Каховке.

Вдруг от моста вверх по зеленому откосу поскакала красная батарея. Были видны все четыре пушки, когда наша батарея открыла по ним огонь. Мы всегда знали точность наших конных батарей, но не знали эту гвардейскую пешую. Первые четыре снаряда разбила два передних орудия. Еще семь снарядов покончили с остальными двумя. Красные резали построжки еще живых лошадей и рассыпались по откосу. Но мало кто ушел. Мы вернулись на дорогу. Петр, Андрей, маленький Врангель и я уселись на приступок дома. Николай Татищев сейчас же вытасил свой аппарат. Петр рисовал тросточкой план Каховки на пыли, объясняя что-то вахмистру нашему, Глобе. Фотография потом вышла великолепная.

Меня почему-то стало тошнить, и я ушел за дом. Когда я вернулся, Андрей спросил, что случилось с моими сапогами и рейтузами. Я посмотрел и ахнул.

— Вот сволочи! Испортили!

И сапоги, и нижняя часть рейтуз были как решето. Я продолжал ругаться от досады.

— Да это снарядом, который в тебя ударил, — сказал Врангель.

— Врешь ты, меня просто сшибло с ног.

— Совсем не вру, я видел, снаряд разорвался у тебя в ногах.

— А, вот почему тебя рвет, тебя контузило, — сказал Андрей.

— Да я себя прекрасно чувствую!

Николая Татищева не было. Он взял нашу единственную лошадь и поехал посмотреть, что делалось в деревне. Там продолжалась невероятная трескотня. Он скоро вернулся и остановился перед нами.

— Там уже справились, там и синие кирасиры, и желтые, и ахтырцы с белгородцами²⁹⁶, и, кажется, марковцы. Они уже на плаванях. И пленных там много, и целая батарея.

— Так что же сидишь на лошади, слезай! — сказал Петр.

— Я не могу.

— Как не можешь?

— Меня в колено ударило.

Николая сняли и посадили на приступок.

Раненых всех принесли на дорогу и положили на траву для перевязи. Между ними был мой троюродный брат Дорик Гейден, он был штабс-ротмистром в ахтырских гусарах.

Откуда-то появились подводы. Стали нагружать раненых. Андрей Стенбок настоял, чтобы я ехал с ним в полевой госпиталь в Большую Маячку.

Когда все уже были погружены, появился кто-то из 3-го взвода: Сергей Артамонов убит, и у них вообще были большие потери при штурме предместного укрепления. Захватили батарею и много пулеметов.

Ко мне подошел Петр:

— Мы зря о Сергее говорили вчера, он был хороший офицер, а популярный или нет, значения не имело.

Он был прав.

В Маячку мы приехали поздно ночью. Перевязочный пункт был в школе. Оттуда всех везли в Мелитополь, а затем поездом в Крым.

Я не был ранен и сидел в приемной, пока не кончили с ранеными. Вдруг прошла сестра.

— Алла! Это вы?

Она повернулась и бросилась мне на шею. Мы расцеловались. Я был невероятно рад ее видеть. Разговорились, как, что, где кто был. Она посмотрела на мои сапоги:

— Душка, да их нужно снять!

Мы вдруг оказались на «ты». Она повела меня в какую-то комнату, я снял сапоги и рейтузы и был ошеломлен. Ноги мои от колена до щиколотки были черные. Я сперва подумал, что они просто грязные, но, когда вымыли, ноги оказались в черных пятнах.

— Это все осколки и чернозем, его силой разрыва пробило через кожу, — сказал фельдшер, вынимая пинцетом некоторые осколки.

Алла мне их собрала. Все ноги покрыли какой-то мазью и забинтовали. У меня была другая пара сапог в обозе, но где обоз, я не знал. Во всяком случае, натянуть их было бы невозможно. Мне дали какие-то туфли. Я не знал, что делать. Назвать это ранением нельзя, но и возвращаться в полк тоже нельзя. Мне было стыдно оставаться в госпитале.

— Ах, душка, что ты морочишь, оставайся со мной, у меня комната хорошая.

Она свела меня к своей хозяйке, которая меня накормила. Я остался у Аллы. Каждый день нужно было ходить в госпиталь на перевязку, и каждый день на бинтах было все больше осколков, которые Алла собирала для меня. Ни одного крупнее четверти дюйма не было, точно пулевой дробью в ноги ударило. Цвет ног тоже стал возвращаться, ноги стали сперва багровые, затем начали линять, точно оспой покрыты.

Что происходило в полку, я понятия не имел. наших всех отравили кого в Крым, кого в Новоалексеевку, где был большой госпиталь. Раненых привозили из других полков.

Я провел с Аллой девять дней, когда услышал, что полк движется на центральный фронт на Молочную. Распрошусь с Аллой. Жалко было расставаться. Настроение у меня в первый раз было подавленное.

Петр надо мной трунил, что я сидел в Маячке только из-за Аллы, кто-то ему сказал, что я у нее жил. В ответ я ему показал замшевый мешочек, я его носил с крестом вокруг шеи. В нем были все осколки из моих ног. Мне еще очень трудно было снимать и надевать сапоги.

Мы прошли через Агайманы к реке Молочной. Что происходило на фронте и даже где он — мы не знали. Остановились на утесе над Молочной. По ту сторону реки расстилались заливные луга.

Подошли кухни. Мы сидели на краю и ели. Солнце было еще высоко. Над головами нашими вдруг появился аэроплан. Кто-то сказал:

— Ишь ты, сукины дети, летают, а пользы от них нет.

— Да они нашим пушкарям помогают.

— Что им помогать-то, у них все равно снарядов нет.

— Ну, чтобы не тратили, какие есть.

Вдали появились клубы пыли.

— Это, брат, конница!

— Да не наша, у нас столько лошадей нет.

— Смотри, смотри, разворачиваются.

Направо в изгибе реки деревня.

— Смотри, они туда прут!

У меня екнуло сердце. Боже, сколько их. В первой линии 12 эскадронов, а за ними пыль еще шире. Петр Арапов глядел в бинокль.

— Кто то таки, господин ротмистр?

— Думаю, буденновцы, — сказал Петр спокойно.

Они шли шагом.

— Там бригады четыре, может, больше, — процедил Петр.

В этот момент загрела артиллерия. Низко над красными стала рваться шрапнель.

— Это наши! Это наши!

И вдруг из деревни выскочила конница. Эскадроны в сомкнутом строю обрушились на фланг красных. Мы сидели разинув рты. Даже до носа доносилось «Ура!». Смешавшиеся эскадроны крутились на месте. Часто вырывались, поворачивали на карьере и бросались обратно в толкотню. Аэроплан кружился над полем, нырял, и тогда слышна была трескотня. Все новые и новые части разворачивались, повертывали и ударяли в смешанную кучу. Пыль стояла невероятная.

Лошади без седоков сотнями носились по равнине. И вдруг вся эта масса конницы стала уходить дальше и дальше.

— Мы их разбили! — воскликнул кто-то удивленно.

Но не прошло и нескольких минут, как они снова появились, ближе к Молочной. Из деревни опять вырвались эскадронов шесть и обрушились на уже бескомандную толпу. Мы увидели сдающихся. Они выскакивали с поднятыми руками и спрыгивали с лошадей.

Наш привал растянулся. Все сидели как в театре, глядя на бой в изгибе реки Молочной. Мы были потрясены видом боя, как зрители. Была колоссальная разница — быть в бою самим или обозревать побоище с бельэтажа. Напомнило мне цветную гравюру Лейпцигского сражения у нас дома, только тогда люди еще заботились, как они выглядят: полки были одеты в цветные формы, и легко было отличить товарищей от неприятеля. Теперь единственная разница была — погоньи и кокарды, в пылу боя трудно и различить.

Бой кончился. Ясно, наши разбили неприятеля, отомстили за Егорлык.

Мы спустились через мост в Лихтенталь. Это была большая молканская деревня, с широкими улицами, прекрасными домами во фруктовых садах. Когда мы вошли, вся улица была набита конницей, и это была только часть тех, кто был в бою.

Моя подвода остановилась против коновязей эскадрона 16-го Иркутского гусарского полка²⁹⁷. Они были в великолепном настроении. Узнав, что мы спешенная конница, они хвастались, что довольно для нас лошадей набрали.

Я пошел по дворам посмотреть на захваченных лошадей. Они были выхолощенные, седла хорошие. Конечно, как всегда, все участники рассказывали свои истории, друг с другом не совпадавшие. У красных было 5000, 7000, 10 000, 15 000 и т. д. Командовал ими «сам Буденный», «Антонов», «Жлоба», «Крыленко» и т. д. Захватили 5000, 7000 лошадей, 6 батарей, 8 батарей, 3000 пленных и т. д.

Наша дивизия уже ушла на север, и 2-я вытягивалась ей вслед.

Только на второй день, встретив Андрея Стенбока, узнал, что произошло. Конница, оказывается, была Жлобы, всего 5 бригад (вероятно, тысяч шесть) с семью конными батареями и приблизительно 300 тачанок.

По приказу Врангеля пехота открыла фронт под Михайловской и пропустила Жлобу к Молочной. Тут Жлоба сделал ошибку, он повернул только одну бригаду в тыл нашей пехоте, которая их поджидала, а сам с двумя дивизиями пошел на Мелитополь. За Лихтенталем лежали наша первая и вторая конные дивизии. Он не успел развернуться фронтом, когда его ударили во фланги, смяли его передовые отряды. Разбитый, он попробовал отойти и переформироваться, когда на него выскочили части второй нашей дивизии. Тем временем бригада, которую он послал в тыл нашей пехоте, была вдребезги разбита корниловцами и отхлынула на главные силы Жлобы. После этого силы жлобинской конницы вовсе не могли сформироваться. Новые части 2-й дивизии совершенно смяли оставшихся, и они стали сдаваться.

Захвачено было более 2500 пленных, прорваться обратно удалось, говорили, только несколькими сотнями. Почти что три с лишним тысячи лошадей, все семь батарей и большинство тачанок оказалось в наших руках. Это, действительно, было отмщение за Егорлык.

Нашему полку отвели 700 лошадей, но у нас столько людей не было, ожидали пополнения, за ним поехал Петр.

Странно было опять оказаться конницей. В нашем эскадроне всего было человек 70. Появились кавалергарды. Весь полк был не более 400—430 шашек. Мы сейчас же вышли вслед за дивизией.

Андрей Стенбок мне говорил, что Врангель переменял и стратегию и тактику Белой армии. Он считал, что с теми маленькими средствами, которые он имел, и при отсутствии арсеналов не было возможности наступать, как это делал Деникин. Он считал, что у большевиков было сравнительно мало надежных полков, то есть коммунистических частей. Латышей мы уже не встречали. Было две дивизии отборной пехоты, которые включали венгерских коммунистов, китайских наемных бойцов и смешанных европейских коммунистов. Были довольно

хорошо дисциплинированные русские полки, со старыми офицерами. Все это пополнялось многими ненадежными полками, типа тех, которые дрались против Деникина. Но конница у них была великолепная и насчитывала до 50 000. Не вся эта конница была на Южном фронте, часть ее воевала против поляков. Ненадежные против нас полки, однако великолепно дрались против поляков.

Поэтому Врангель решил, что единственный способ, которым он мог преодолеть большевиков, это уничтожение их надежных полков.

Это была очень опасная стратегия. Нужно было пропускать несколько красных частей в наш тыл, в мешок, завязывать его, отрезая от главных частей, и уничтожить в приготовленной засаде.

Действие против Жлобы было мастерское действие, в особенности корниловцев, Барбовича и Морозова.

Но через несколько дней после жлобинской операции вторая такая засада почти что кончилась трагедией. Наш полк потерял более половины состава, правда, уничтожил весь венгерский коммунистический полк имени Белы Куна.

На тот раз дроздовцы пропустили венгров где-то в Гуляй-Поле. Приготовленная засада оказалась не в том месте, куда двинулись венгры. Они куда-то исчезли, разьезды их потеряли.

А наш полк шел на соединение с дивизией в Жеребец. Степь тут была изрезана балками. Наше полковое командование, видно, не знало о близости неприятеля. Дозоры наши заметили венгров уже слишком поздно.

При виде нас венгры сразу же перестроились в квадрат. Мы рассыпались в лаву и пошли в конную атаку. Расстояние было сравнительно короткое. Мы рухнули в сомкнутый строй пехоты. Я увидел Андрея Стенбока, как раз перед самой стычкой падающего с лошади. Помню штык, который сверкнул около моей правой ноги, и как я с размаху хватил шашкой по голове пехотинца, штык исчез. Видел пронзенного пикой солдата и помню, как задняя часть пики хлестнула мою лошадь в бок. Видел на секунду Николая Исакова, у которого шашка висела на шишаке, а в руке его был револьвер, которым он свалил подряд двоих красных. Венгры не сдавались, рубка продолжалась. Был момент, когда близко ко мне никого не было, стояла распряженная тачанка, и за ней трое красных отбивались от двоих наших. Я завернул кругом тачанки, и тут моя лошадь рухнула, я полетел из седла. Лошадь как-то перевернулась и придавила меня к земле. Боль в правой ноге была страшная. Я упал на дышло тачанки. С трудом вытянул ноги и попробовал встать. Нога ныла, и вес ее казался колоссальным. Поволочил ногу к тачанке, облокотил-

ся и стал зрителем побоища. На всякий случай я снял карабин, но рубка отхлынула дальше.

Ко мне подъехал какой-то желтый кирасир. Кровь у него текла по руке повыше локтя.

— Вы ранены? — спросил он меня.

— Нет, лошадь убило.

— Меня в руку, перевязать нужно.

Он слез с лошади и снял санитарный пакет, я завернул ему рукав и перевязал.

— Я вам лошадь поймаю.

Через несколько минут он вернулся, ведя лошадь на поводу. Я попробовал влезть, но не мог поднять ногу.

— Да вы ее сломали!

— Может быть.

— Подождите. — И уехал.

Стрельба, крики продолжались еще с полчаса, может, больше. Я не помню другой битвы, где у противника оставалось всего человек 20 в живых. Полк их состоял из двух тысяч. Они просто не сдавались. Но и у нас потери были огромные. В нашем эскадроне осталось всего несколько не раненых, включая меня. Нога моя не была сломана, а просто ушиблена, от бедра до щиколотки она распухла и посинела. Я не мог ею двигать. Меня подняли в седло и опустили стремя на всю длину. Двадцать наших взял князь Черкасский к своему передовому эскадрону желтых. Мы собрали всех наших раненых и убитых, погрузили на тачанки и обоз венгров, и я с ними пошел обратно в Лихтенталь.

Со мной рядом ехал Николай Исаков. Его послали искать штаб нашей дивизии.

Андрей Стенбок был убит наповал.

Приехали мы уже в темноте. Было страшно жарко. Здесь стоял наш обоз, и я их попросил найти гробы для наших убитых. У нас было братское кладбище в Ялте, куда всех, кого можно было, везли хоронить. Отправляли гробы в Севастополь, а оттуда морем в Ялту. Там уже было более двухсот могил.

Слезть с лошади я не мог. Нога совершенно не действовала. По-могли слезть, и я только мог волочить ее, опираясь на карабин. Она теперь здорово болела. Добрался до дома, и там оказался Мاستик Мушин-Пушкин, вольноопределяющийся в кавалергардах. Я его давно уже знал, но никогда не дружил. Я боялся, что если усну, то на рассвете не смогу подняться. Хозяйка очень мило поставила самовар, и я решил просидеть за столом до рассвета. Предложил Мاستику играть в

карты. Он сказал, что не умеет, и стал уговаривать заняться какой-то доской с буквами по краю.

— Для чего это?

— Как — для чего? Мы перевернем блюдечко со стрелкой, поставим пальцы на него, и оно станет двигаться от одной буквы к другой.

— Так это что, магия какая-то?

— Да не магия, а предсказывает.

— Ну нет, я совсем не хочу знать будущее.

— Да это же только игра.

— Все равно, я не люблю играть с волшебством.

— Да это не волшебство, это просто для забавы.

Я наконец согласился. Мы начали эту «игру». Долго ничего не случилось. Потом вдруг блюдечко стало скользить от одной буквы к другой. Оно скользило так быстро, что я только успевал записывать буквы. Потом вдруг остановилось.

— Ну, вот тебе смешанный алфавит, безо всякого смысла.

— Я тебе говорил, что это игра, иногда очень смешно.

Но вдруг среди всей этой смеси букв я увидел слово «Николай» и испугался. Провел черточки с двух сторон и вижу, что следующее слово «Исаков».

— Что ты смотришь?

— Не знаю, что, вот — «Николай Исаков».

— Отчего «Николай Исаков»?

— Да как я знаю?

Стал разбирать. Что-то «моим», ах, «передай моим». Мы стали выбирать слова. Не помню теперь всего, но разобрали, что он «убит». Я не знал, верить или не верить, но было очень неприятно.

— Во всяком случае, это ерунда, я его в 3 часа видел, он не на фронте был, а далеко за ним.

— Ну, иногда выходит и такая ерунда! — Мастик засмеялся.

— Ничего тут смешного нет, недаром я отказывался играть.

— Да что ты, дурак, к сердцу принял? Сам говоришь, что это неправда!

Вскоре я собрал конвоиров, с трудом влез на лошадь, и пошел с телегами на Мелитополь. Уже в виду Мелитополя встретили эскадрон. Вел его Петр Арапов.

— Что это ты, раненых наших везешь? Как Андрея убило?

— Откуда ты знаешь?

— Только что был в Ставке. Там уже все знают. Жалко Николая Исакова, убило даже не в бою.

— Как — убило?!

— Не знаю, говорили, что он в штаб ехал и у самого штаба его убило шальным снарядом.

— Я его в 3 часа видел.

— А нога твоя как?

— Откуда ты знаешь?

— Да кажется, Черкасский с кем-то по телефону говорил.

— Это что, полный эскадрон ведешь?

— Почти что, 102. А ты куда? Поезжай в Ялту, пока нога не поправится. Я тебе проездную дам. Я временно эскадроном командую, пока Жожо (Жемчужников) не вернется.

— Жожо?! Что Гедройц говорит?

— Ничего, он Врангеля боится. Ты, когда раненых погрузишь, пойдешь в Ставку и попроси Ляхова²⁹⁸ тебе трехнедельный отпуск и проездную дать.

— Я Ляхова не знаю.

— Он знает о тебе, он лейб-казак, он сам мне о тебе рассказывал.

— Ну ладно.

Мы распрощались, и Петр с эскадроном ушел на север.

Я ожидал в Ставке бурную деятельность и множество бегающих офицеров, но ничего подобного не нашел. Какой-то казак меня спросил, кого я хочу видеть. Я сказал, что сотника Ляхова. «Ах, адъютанта, так стучите в эту дверь». Я нашел себе палку и, опираясь на нее, мог волочить свою ногу гораздо легче. Постучал.

— Войдите!

Вошел. Я попробовал отдать честь, но потерял равновесие. Ляхов вскочил и поймал меня за локоть.

— Садитесь, вы, вероятно, Волков?

— Так точно, господин сотник.

Я ему передал то, что Петр мне велел.

— Это я вам сейчас сделаю. — Он открыл дверь и крикнул: — Короченко! Закажите тачанку и кого-нибудь, чтоб посадить Волкова на поезд.

Я был удивлен, как это все просто. Ляхов стал заполнять какие-то формы, когда дверь отворилась и вошел Врангель. Я испугался и попробовал вскочить, но Врангель сказал:

— Сидите. Я где-то вас видел.

— Так точно, ваше превосходительство, в Ростове.

— Ах да, вы Эллу Ширкову везли. Как убили Андрея?

— В атаке, ваше превосходительство, наповал.

— Зря! — сказал он громко, повернулся и ушел.

— Как это случилось? — спросил Ляхов.

Я попробовал ему объяснить, но я сам толком не знал. Он покачал головой и вздохнул.

— Как их туда пропустили? Совсем не то вышло. Главком очень сердит, мы не можем такие потери нести.

Он дал мне бумаги и помог встать.

— Ну, поправляйтесь.

Тачанка отвезла меня на вокзал, и через полтора часа я сидел в поезде, идущем в Феодосию.

В Феодосии мне посчастливилось. Старая «Алушта» уходила в Ялту через час. Переход был прекрасный. Было одиннадцать часов утра и воскресенье. Я взял извозчика и решил ехать в церковь.

Когда я приехал, обедня уже кончилась и служили какую-то панихиду. Было много знакомых впереди, но я остался у двери. Стал слушать имена. «В Бозе почившего Ивана, Феодора, Андрея», все наши убитые, «Николая, Егора»... Николая? Должно быть, Николая Исакова, но странно, отчего вдут кавалергарда поминают среди наших, они свою панихиду отслуживают.

Панихида кончилась, стали выходить.

— Господи боже мой, мы по тебе только что панихиду отслужили! — София Дмитриевна Мартынова остановилась передо мной в недоумении. — Да нам сказали, что тебя убили!

— Нет, еще жив.

Стали меня обнимать, расспрашивать.

— Да я даже не ранен, только ногу разбило.

Меня повезли к Зесту праздновать мое спасение. Настроение у меня было совсем не праздничное после панихиды.

— Да, душка, это же страшно счастливо присутствовать на своей собственной панихиде.

— Если так, то слава богу.

Все уверяли, что это очень, очень счастливо.

Даже Зест с женой меня приветствовали. У него был великолепный ресторан в Ялте. Бывший шеф яхт-клуба и Великого Князя Алексея Александровича как-то утаил столетнюю водку, и пили мое здоровье. Я даже повеселел.

Доктор сказал, что ни одна из моих костей не была сломана. Опухоль и синяк от бедра до щиколотки были просто от удара по мускулам, и это парализовало мне ногу.

— Это пройдет. А вашу головную прошлогоднюю рану не понимаю. Она должна была вам парализовать всю левую сторону, но ничего не случилось, а теперь этот глупый синяк!

Последние бои. Эвакуация

Настроение в Ялте было совсем не приподнятое. Многие говорили, что возможность победы упущена. У Врангеля не было достаточно войск, ни снарядов, ни оружия. Никто из союзников теперь не помогал даже второстепенным снабжением. Англичане переговаривались с большевиками. Французы говорили с симпатией, но их интересовала только Польша.

У Врангеля наконец было приличное правительство, возглавляемое Кривошеиным²⁹⁹. Министром иностранных дел был Струве³⁰⁰, но все это было слишком поздно. Многие думали, что второй зимы в таких условиях выдержать невозможно, и решали эвакуироваться к «братушкам», то есть в Сербию и Болгарию. Кривошеин этому не противился. Было слишком много в Крыму людей, которые борьбе не помогали, только ели сравнительно скудные припасы. Если хотели уезжать — «скатертью дорога».

Я не знаю, когда ушел очень большой пароход «Петр Великий», на нем было более тысячи человек. Пошел он на Варну, но наскочил почти у самого порта на мину и погиб. Говорили, погибло более 300 человек. Уходили пароходы и в Константинополь. Сколько людей эвакуировалось, не знаю.

Нога моя оказалась хуже, чем я думал. В конце трех недель я все еще не мог ходить без палки. Она продолжала ныть, опухоль почти исчезла, но синяк не исчезал. Я пошел к доктору.

— Ни в коем случае вы возвращаться в полк не можете, это было бы просто глупо.

Пошел в комендатуру продлить свой отпуск еще на неделю. Пришел и ахнул. За столом сидел не кто иной, как поручик Турчанинов.

— Ах, это вы опять!

Я протянул предписание врача.

— Я не вижу никакой причины продлить вам отпуск.

— Простите, господин поручик, но я вам дал докторское свидетельство.

— Это ничего не значит. Пароход идет завтра.

Я ушел и врут решил, что останусь без позволения. Пусть попробует меня арестовать, я ему такого закачу через Ляхова, что он забудет собственное имя. И остался.

Через восемь дней шла английская подводная лодка из Ялты в Феодосию. Через английских офицеров устроился идти на ней. Море было очень бурное, но мы, выйдя из порта, погрузились. То была очень большая лодка, почти 2000 тонн, и, к моему удивлению, с одним 12-дюйм-

мовым орудием, точно какой-то монитор. Для чего это было, я не понял. Когда я спросил командира, он засмеялся и сказал:

— Пока я командир, никто из этого орудия стрелять не будет. — Потом, подумав, добавил: — Стрелять мы будто бы должны, когда лодка под водой, а дуло и перископ торчат в воздухе. Вероятно, выстрел бы нас затопил. — И засмеялся.

Места было много, совсем как большой миноносец. После погружения машины тихо гудели и совершенно не качало.

Пришли в Феодосию. Там тогда были Маша Суворина, Нюра Масальская и Саша Макаров, лучшие цыгане из Старой деревни. Маша всегда была очень мила ко мне, когда я был в Ялте. Я пошел ее навестить, и она меня пригласила на вечер с цыганами. Был там тоже Ника Мейендорф и многие другие знакомые. Мы пропировали до 6 часов утра, когда мне нужно было поймать поезд на Мелитополь. В Мелитополе я пошел в Ставку. Тут все были очень заняты. Какая-то большая операция занимала всех. Ляхов послал мне через вестового сообщение, что он очень занят, чтоб я пришел в одиннадцать на следующую день.

Мне некуда было идти. Я никого не знал, нашел себе ночевку и пошел шататься по городу. Вдруг меня кто-то ударил в спину. Я повернулся: наш полковой врач, доктор Лукашевич.

— Что вы, молодой человек, делаете в этой яме?

— Приехал из отпуска, господин доктор.

— Откуда?

— Из Ялты.

— Ну и дурак же вы, чего вы из красивого, уютного места вернулись сюда? Вы завтракали?

— Никак нет.

— Пойдемте в цукерню, тут кофе из желудей «сервируют».

Пошли, какое-то маленькое кафе, уселись. Он стал спрашивать про мое прошлогоднее ранение в голову.

— Да я про это забыл.

— Странно, должно было убить наповал, чего вы лезете опять?

Я его немножко побаивался. Он был великолепный доктор, но, когда к нему приходили, он обыкновенно стоял спиной к двери и кричал громким голосом, не глядя на вошедшего:

— Зачем вы пришли?

— Да я хотел вас спросить, господин доктор...

— Что с вами такое?

— Да я хотел...

— Если вы сами не знаете, каким макаром я могу вам сказать?

— Да я думал...

Тогда он поворачивался, смотрел жгучими глазами и спрашивал:

— Голова есть? Руки есть? Ноги есть? Чего не хватает?

Такая встреча вылечивала большинство недугов. Но тогда он садился, смотрел вам в глаза и обыкновенно говорил без осмотра то, зачем вы пришли. Со мной теперь ничего не было, но он сказал:

— У вас головные боли.

— Да, не все время.

— Это я сам вижу.

— Да я на них не жалуюсь.

— Это не от ранения. Вас, наверно, контузило?

— Да не знаю, подо мной разорвался снаряд, но только в ноги ударило.

— Это не важно. Вас тошнило?

— Да, только через полчаса, а потом прошло.

— Контузило, оттого и голова.

Я хотел знать, где полк.

— Наши под Основой потеряли много. Теперь Слащев Днепр держит, а наши ушли.

— Куда?

— На север, они теперь с Бабиевым на той стороне Днепра.

— Кто такой Бабиев и как они Днепр перешли?

— Ах, он кавалерийским корпусом командует. Не знаю, кто он, наверно, ингуш или татарин. Хороший генерал, говорят.

— Да что они за Днепром делают?

— Не знаю, перешли где-то у Александровска и на Никополь пошли, наверно, в тыл красным.

Он говорил о наших потерях, никто из полковых офицеров не был убит или ранен, но убита была под Основой сестра милосердия.

— Какая сестра?

— Кажется, Погорельская ее звали.

Я, как видно, побледнел.

— Вы что, ее знали?

— Знал, да, очень хорошо.

Меня как обухом ударило.

— Она...

Я не слышал, что он сказал.

Когда я очнулся, он говорил очень тихим голосом:

— Пойдемте ко мне, у меня водка есть.

Помню, сидели в его комнате, и я отмахнул два стакана водки. Он говорил о чем-то.

Я думал, что привык слышать о смертях моих друзей и родственников, но эта смерть потрясла меня более, чем чья-нибудь.

На следующий день я пошел к Ляхову. Он был очень занят. Я спросил про полк.

— Сейчас вы никак в него попасть не можете. Завтра идут пополнения в Федоровку, полк вернется туда. Я вам достану лошадь и карабин, вы к ним прицепитесь.

Настроение мое пало ниже нуля. Не у меня одного, все были удручены. Положение армии было безвыходное. У большевиков становилось все больше и больше конницы и снарядов. У нас резервов почти не было. Шел дождь, мы шлепали по грязи пустых полей. Только баштаны, с которых собраны были все арбузы и дыни, зеленели по дороге. Все было пусто, ни скота, ни овец. Это была ошибка с моей стороны — уезжать в отпуск, я должен был остаться на месте, тогда бы привык к перемене настроения и ухудшению снабжения. Мало кто теперь шутил. Тяжело было на сердце.

На третий день из Мелитополя, мокрые и голодные, мы повстречались с полком в Михайловском. Вид эскадрона был плачевный. Лошади усталые, люди приунывшие после долгих походов, проливной дождь.

Петр удивился моему появлению:

— Как твоя нога?

— Да прошла, ноет немножко.

— Зачем ты вернулся?

— Как — зачем? Не мог же я сидеть в Ялте.

— Дурак, мы теперь все равно ничего полезного не делаем.

Это странное настроение Петра меня поразило.

— Зачем ходили за Днепр?

— Да это была хорошо разработанная операция, но она не вышла. Мы должны были ударить буденновцев под Бериславом, но тут Махно подвернулся, и вся их конница на Кривой Рог ушла. Смысл всей операции полетел в трубу. Только на какую-то бригаду наткнулись и раскатали.

Может, это было мое собственное удрученное состояние, но мне казалось, что никто теперь в победу не верил. Я спросил Петра, что от нас ожидали в будущем. Он пожал плечами:

— Зависит от того, сможем ли мы уничтожить хорошие части большевиков. У них тоже есть проблемы. Им набирать надежные части трудно. Им кавалерию устроил Далматов, она у них великолепная, но, если верить пленным, Далматова они убрали. Думают, вероятно, что сами научились. Это, может быть, ошибка. Насчет пехоты трудно ска-

зать. У них много войск на разных фронтах. Здесь пока пехота их с нашей совсем не равняется.

Я узнал от Петра, что мы так и не выбили большевиков из Каховки. Они и до сих пор там сидят. Операция по ту сторону Днепра была гораздо больше, чем я думал. Была перекинута туда и наша пехота. Но ничего не вышло. Все откатилось обратно.

Он теперь говорил серьезно:

— Наша единственная возможность — это поймать всю конницу Буденного в мешок, так, как случилось с Жлобой. Но ты видел, в каком состоянии наша конница?

Генерал Бабиев был убит снарядом за Днепром.

— Поляки мир заключили с большевиками, значит, все войска с того фронта будут брошены против нас.

Через три дня мы выступили в направлении на Серагозы. Обычной еды уже больше не было, ели что попало. Остановившаяся на баштанах, все ели зеленые арбузы от голода. У всех был понос.

В деревнях оставалось сало, но даже не было хлеба.

У меня понос начался только на третий день. Это очень ослабляло. Шел проливной дождь, было холодно. Уже не было овса для лошадей. Лошади стали понурье и тащились по глубокой грязи медленно.

— Ну и климат! — сказал я Петру.

— Ты что думал, раз юг, то солнце все время светит?

— Нет, но думал, что в октябре теплее, чем у нас.

— У нас октябрь, может быть, морозные ночью, но днем солнце светит, а тут уже целый месяц дождь идет.

Мы повстречались с кубанцами генерала Улагая, которые шли на север. Ставка оставила Мелитополь и была переведена в Севастополь. Как видно, Мелитополь был в опасности от большевиков. А мы шли на юго-запад.

За мое отсутствие многое переменялось, новые имена, новые части, о которых я никогда раньше не слышал. Кто был генерал Драценко? Кто был генерал Наумов? Откуда вдруг взялись пластуны? В Императорской армии пластуны были кубанской пехотой, а тут вдруг терские пластуны. Спешенные терские казаки? Откуда они взялись? Генерал Улагай, как видно, перешел с кубанцами с Таманского перешейка.

Петр не знал, только гадал. И вдруг наши передовые части наткнулись на буденновцев. Откуда они взялись? Дождь перестал, вышло солнце — и вдруг жара! Ну и климат!

Тут произошел случай, после которого меня долго дразнили. Наш полуэскадрон был в разъезде, чтобы наблюдать за передвижениями

буденновцев. Мы заняли какой-то пустой хутор. В первый раз за несколько дней наши провианты. В амбаре обнаружили два мешка пшеницы и сварили кашу. Второй мешок положили на тачанку. Пока разводили костер, я с пятью солдатами пошел в дозор.

Вдали был такой же хутор. В бинокль я увидел движение. От жары хутор выглядел как мираж, воздух танцевал точно летом. Я долго смотрел. Там стояла тачанка, на вид это был красный разъезд. Я послал вестового к Петру с донесением. Через несколько минут вышел наш отряд. Мы растянулись в лаву и пошли на красный хутор.

Только когда мы были совсем близко, мы увидели, что моя тачанка — это бочка на колесах, а красный разъезд — телята во дворе. Тут был, по крайней мере, хозяин, у которого мы купили яиц и муки. Вернулись к своей каше и разбили в нее яйца. Надо мной смеялись, что я телят за лошадей принял, но все же это был первый день, что мы не голодали.

Но вернувшееся лето продолжалось только три дня. Опять пришли дождь и холод. Теперь мы стали встречать буденновцев все чаще и чаще. Стычки были пока эскадронные. Мы никак не могли понять, откуда они шли.

В один прекрасный день (прекрасного в нем ничего не было, было серо и холодно), проходя между двумя хуторами, наши дозоры попали под обстрел с одного из них.

Наш эскадрон пошел лавой, а эскадрон желтых пошел в обход отрезав отступающих. Хутор был такой же, как все остальные. Дом, большой двор, амбары и навесы, башня мельничная для электричества. С одной стороны — большой фруктовый сад и пруд.

Мы теперь стали гораздо осторожнее подходить к таким засадам. Конная батарея снялась и пустила несколько снарядов в сад, откуда стреляли. Мы должны были беречь и людей, и усталых лошадей. Мы были еще далеко, когда из хутора затрещали пулеметы. Рядом были две большие скирды, мы слесились за ними и пошли цепью.

Помню, как все переменялось. Я отвык от пешей атаки и вспомнил мою последнюю под Малой Каховкой. Я всегда боялся, но тогда был какой-то подъем, теперь его не было. В конной атаке забывалась опасность, не было времени думать.

Помню, как, посмотрев направо, увидел желтых кирасир, рысцой идущих вокруг хутора, и позавидовал им. Петр передо мной махнул своей тросточкой и побежал вперед. Цепь бросилась за ним. Помню, как мало из наших падали. Мы уже добежали до какой-то стенки, когда услышали «Ура!», но не наше, а желтых. Они ворвались в хутор с другой стороны. Стрельба продолжалась в саду, вокруг зданий. В саду

красные отстреливались, отступая. Их пришлось выбивать из каждого здания, из-за каждой стенки.

Давно уже такого упорного сопротивления мы не встречали. Наконец они сдались. Им некуда было отступать. Я оказался у крыльца дома, в который наши только что ворвались. Я вошел за ними. За столом сидел офицер лет сорока пяти. Он спокойно облокотился на стол, рассматривая наших солдат, которые стояли неуверенно и как будто не зная, что делать. Когда я вошел, красный офицер спокойно спросил ближнего солдата:

— Вы какого полка?

— Лейб-гвардии Конного полка, ваше благородие.

Я остановился в дверях в недоумении. В этот момент вошел Петр. Офицер встал. Он был среднего роста, с поседелыми усами.

— Простите, господин ротмистр, что не могу вам ничего предложить, мое имя полковник (что-то вроде Томашев или Толмачев), я N-ского (не помню) Западно-Сибирского полка. Из бывшей армии генерала Пепеляева³⁰¹.

Петр обратился ко мне:

— Возьмите ребят и обыщите дом.

— Так точно, господин ротмистр.

Петр подсел к столу, когда мы выходили. В доме никого не было, но во дворе уже были собраны пленные, человек семьдесят, между ними два офицера. Под навесом на соломе лежали раненные, наши и красные, наш фельдшер и несколько солдат перевязывали их. Убитых у нас не было.

Потом мне Петр объяснил, кто они были. Оказывается, армия Пепеляева была колчаковская на Южном Урале. Когда союзники предали адмирала Колчака красным на расстрел, Пепеляев через отращивание снесся с красным командованием, перешел к красным и попросил, чтобы его войска были отправлены сражаться против поляков, что красные и сделали³⁰². Полковника этого с остатками его батальона перевели на наш фронт. Он почему-то думал, что на нашем фронте дрались англичане и французы, и был очень удивлен, что не только их войск не было, но они нас даже не поддерживали. Он говорил, что после испытания в Сибири он никакой разницы между немцами, французами, австрийцами, англичанами и американцами не видел. Они все Россию не любили, хотели ее разрухи, русскую армию предали, поэтому он поддерживал большевиков.

Появление пехоты в этих местах было совершенно неожиданно. Эта рота шла из Каховки на соединение с пехотной бригадой где-то у Серагоз. Это было донесено штабу, и мы тоже пошли на соединение с нашей дивизией в Серагозы.

Погода опять немного исправилась. Я чувствовал себя очень плохо, кроме поноса, у меня вдруг сделалась желтуха.

Когда я стал уже плохо держаться в седле, Петр сказал:

— Как только дойдем до деревни, поезжай в госпиталь. Ты похож на какого-то китайца.

Перед отъездом из эскадрона Петр заставил меня поменяться с одним из наших лошадей. То была захваченная буденновская лошадь с казачьим седлом.

— Если потеряешь сознание, не так легко из него скатиться на землю, — сказал он, смеясь. Он был прав, я сидел как в кресле.

Обоз с ранеными шел медленно. Две ночи провели в дороге. Наконец дошли до железной дороги и пошли вдоль пути. Мы проходили мимо бронированного поезда. Я на него посмотрел с интересом. Впереди был длинный железный угольный вагон, как огромный желоб на колесах. Из него торчали дула двух морских орудий, наверно, 4-дюймовых. За ним был бронированный вагон, вероятно, для команды, бронированный паровоз, второй желоб с ушками и бронированная теплушка с пулеметными гнездами. На поезде были бело-сине-красные шевроны и какое-то имя.

Некоторые из команды поезда смотрели на нас без интереса через край желоба. Вдруг я услышал:

— Эй, Богдан Хмельницкий! Куда ты едешь?

Я остановился. Только один человек называл меня «Богдан Хмельницкий» — Женя Печелау, наш сосед по Хмелите. Последний раз я его видел в Москве в начале 1919 года.

Мы были друзьями. Еще маленькие, мы очень как-то спорили о чем-то историческом.

— Что ты выдумал — Богдан Хмельницкий! Это ты Болван Хмелитский, а то был Болотников.

Так и осталось, он меня называл или Богданом Хмельницким, или Болваном Хмелитским.

Действительно, Женя Печелау!

— Ты куда это прешь?

— В госпиталь.

— Так я тебя там найду.

Поезд двинулся.

В госпитале мне прописали какое-то лекарство, точно зеленое молоко, чтобы вылечить понос.

— А насчет желтухи поздно теперь, она вас в самом деле хватала, не ешьте ничего жирного, вероятно, через месяц или два пройдет.

Это меня разозлило. Зачем я в госпиталь приехал?! В госпитале места нет. Нужно искать квартиру. Вышел, а тут Гарфильд подвернулся, вольноопределяющийся лейб-драгун.

— Пойдемте к нам, у нас квартира хорошая.

Я оставил адрес в госпитале и пошел.

Привел лошадь, поставил во двор, вхожу, а тут опять Мاستик Мушин-Пушкин. Ну, ничего не поделаешь. Еще какой-то лейб-драгун и еще кто-то. Я Гарфильда мало знал, он был московский англичанин и какой-то странный. Про него говорили, что он маг и чернокнижник. Подумал, ну и компания, один с какой-то доской пророческой играет, другой магией занимается, но делать нечего.

По крайней мере, хозяйка кормит, не ахти как, но можно сала не есть. На улице опять холодно, а тут печка. Стали в карты играть. Вдруг Мاستик предложил:

— Давайте сеанс устроим.

Я говорю:

— Ну, вы можете что хотите устраивать, я магией заниматься не буду.

Они лампу потушили, только одну свечу оставили у кровати, на которую лег Мاستик. Гарфильд стал ворожить. Я не знаю, в чем это заключалось, по-моему, он просто стал Мастика гипнотизировать. Во всяком случае, скоро тот побелел, точно труп, и лежит с открытым ртом. Это мне очень не понравилось. Гарфильд стоял в середине комнаты, и вдруг кругом него на полу появился круг синего пламени, дюймов шесть в высоту, точно блуждающий огонь на болоте, и Мастик заговорил каким-то странным голосом, не двигая губ.

Откровенно говоря, я испугался, встал и хотел выйти прочь. Но меня кто-то остановил и прошептал:

— Не двигайтесь, это опасно.

Гарфильд задавал Мастике вопросы, и он отвечал. Вдруг Мастик начал описывать какую-то процессию при Иоанне Грозном. Я до тех пор почти не слушал, но это меня заинтересовало. Когда я в Москве работал в архиве у Ельчанинова, я много узнал о времени Иоанна Грозного. Если все это какая-то фанфарония, они, конечно, будут делать ошибки в одеянии и вооружении. Первое, что меня удивило: Мастик сказал о ком-то — «боярский сын Яшка Грязной». Гарфильд его спросил:

— Какого боярина он был сын?

— Никакого, он был сын боярский.

— Значит, он сын боярина.

Это была ошибка, которую даже наши историки продолжали делать. Я сам так думал, пока Ельчанинов не указал мне документы, из

которых было ясно, что «сын боярский» значило в те времена то же, что «столбовой дворянин». «Сын боярский» мог быть и боярином, и воеводой, и просто помещиком. Боярин был не титул, а ранг, как после Петра Великого — сенатор.

— Нет, — сказал Мастик, — его отец был стольник.

После этого было еще два или три случая, когда он был прав. Гарфильда поправлял его, но Мастик продолжал настаивать на своем, например, войска он называл «рынды», и когда Гарфильда, его не поняв, спросил: «Стрельцы?» — тот ответил: «Не помню того». Говорил он не церковно-славянским, а каким-то старорусским, совершенно понятным, но странным языком, например, «боярин», «яко бысть тому».

Круг синего пламени стал замирать и вдруг исчез. Гарфильда тогда разбудил Мастика. Я почти убежден, что ни Мастик, ни Гарфильда не знали хорошо историю времени Ивана Грозного.

На следующий раз, что они держали «сеан», я отказался и ушел. Все это было очень странно.

Женя меня нашел, и мы долго гуляли и вспоминали прошлое. Он не знал, что его старший брат Миша был в Белой армии и что я его не видел в 1919 году.

Понос у меня прошел, но я был очень слаб и чувствовал себя отвратительно. Алексеевка тогда полна была слухов, один хуже другого. «Пехоту нашу отрезали», «наша кавалерия разбита под Агай-манами», «донские казаки ушли на Дон и не могут вернуться», «большевики взяли Перекоп» и т. д. и т. д. Раненых эвакуировали в Феодосию и Симферополь. И вдруг все эти слухи превратились в правду.

Началось генеральное отступление. Я решил ехать в Крым. Где-то недалеко грохотали пушки. Я не знал, что нашего эскадрона уже в полку не было. Разбитый, осталось не более взвода, он был взят Врангелем себе в конвой.

Крым был всего в 30 верстах. Я поехал один. Набил себе в переметные сумы что мог купить из еды, у меня было 20 обойм патронов — и пошел. Пришел в Медведевку и нашел там сотни три кубанских казаков.

Стал спрашивать, видели ли они где нашу дивизию? Никто ничего наверняка не знал. Некоторые говорили, что вся конница на Перекоп ушла, другие — что они под Мелитополем. Подумал, что кто-нибудь на железной дороге знает. Поехал к соленому озеру, там полустанок и должен быть телефон.

Приехал, уже стало темнеть. На полустанке один стрелочник.

— Ох, братец, ты зря сюда приехал. Там еще бьются по ту сторону моста. Проходили тут части с час тому назад, по шпалам лошадей провели, да зачем, смотри, Сиваш замерз, по льду могли бы.

Я расспросил, куда пошли.

— Да на Джанкой, думаю.

Я поел, накормил лошадь, отдохнул часа три и пошел опять на Джанкой. Нагнал всадника. Он оказался желтый кирасир. Я обрадовался, подумав, что он отстал от полка и что мы его найдем в Джанкое, но оказалось, что, как и я, он тоже страдал желтухой и тоже выехал из Новоалексеевки. По крайней мере, был товарищ по несчастью.

В Джанкое был кавардак отступления. Все улицы набиты обозами. Пехотинцы смешанных полков тянулись к станции. Все выглядели усталыми и безнадежными. Какой-то дроздовский офицер меня остановил и спросил, видел ли я где-нибудь дроздовцев. Я ему ответил, что никого, кроме кубанцев, не встречал, и, в свою очередь, спросил, видел ли он кавалерию.

— Эх, дорогой, они на лошадях, куда хотят могут уйти, это мы пешедралом тащимся. — Махнул усталой рукой и добавил: — Вряд ли мы до Севастополя доберемся.

— Ну, поезда еще отсюда есть.

Он пожал плечами и пошел в направлении станции.

Нужно было где-то ночевать. Мы поехали на окраину и постучали в дом, у которого на дворе были сараи. Открыла дверь крымская татарка. Попросили приютить на ночь. Она гостеприимно пригласила нас войти. Ее муж взял наших лошадей и поставил на конюшню. Они были невероятно милы. Накормили нас и явно за нас беспокоились.

— Ох, нехорошо, поезжайте в горы, там наши, они вас приютят.

— Да когда большевики придут, и в горах будет опасно.

— Их туда не пустят наши, мы сами туда уйдем.

Я не верил этому оптимизму. Мы уже решили, что, хотя Феодосия дальше, чем Симферополь, мы пойдем туда. Татарин покачал головой:

— Ох, это очень далеко, ну, если что — в горы махните.

Мы у них купили овса, за еду они отказались брать деньги. До рассвета мы выехали и пошли в версте от железной дороги в направлении на Феодосию.

Было очень холодно. Северо-восточный ветер нес игольчатую крупу, которая жгла нам лица, лошади, понуриив головы, звякали по замерзшей земле.

— Ай-ай-ай, смотрите на эти тучи, засыплет нас сейчас. Не лучше ли нам поближе к железной дороге идти?

— Это опасно. Если красные прорвались, то пойдут вдоль дороги. Но было слишком холодно для настоящей метели. Сильные порывы ветра несли крупу все гуще и гуще. Иногда телеграфные столбы вдоль дороги исчезали из виду.

— Эй, смотрите! Там станция, давайте отдохнем.

Мы рысью подъехали к станции, и я соскочил. В здании был только один человек.

— Что, конница тут проходила?

— Да-да, с полчаса тому назад красный разъезд, человек 50. Пошли вдоль дороги.

— Спасибо, что сказали!

Я быстро вскочил, и мы рысцой пошли от станции в поле.

— Эй, братец, нам посчастливилось, на полчаса раньше нам бы как!

— Так теперь что?

— Пойдем подальше от дороги.

— Мы потеряемся.

— Ничего, на юг от нас горы.

После полудня ветер стал немного теплее и пошел снег. Все наши надежды на то, что попадется хутор или деревня в течение дня — провалились. Лошади устали, да и мы еле держались в седлах. Я благословлял Петра, что он меня заставил взять лошадь с казачьим седлом. Нужно было думать о ночевке.

Вдруг, как будто в ответ на наше желание, мы очутились в балке, по дну которой шли телеграфные столбы. Из-за снега дороги было не видеть, но куда-то столбы должны были идти. Стало темнеть. Увидели хутор.

Постучали. Дверь открыли очень осторожно, но, увидев нас, расслахнули.

— Ах, входите, входите, слава богу, наши! — сказал кто-то громко.

Из соседней комнаты высунулась голова молодого человека.

— Степка? Да ты откуда? — сказал он, увидев моего товарища.

Оказался желтый кирасир, раненный под Агайманами. Отец был в особенности доволен нашим приездом: сын его на следующее утро собирался в Феодосию.

Хозяин, посмотрев на нас и наше состояние, сказал:

— Ох, Феодосия далеко, не доедете вы, лучше бы вы к татарам в горы ушли.

— Эх, распутья бояться, так в путь не ходить. Нет, пойдём на Феодосию.

Хозяйка дала нам еды на три дня. Перед рассветом все трое выехали. Коновалов, наш новый спутник, знал дорогу и окружающую местность. Скоро солнце вышло, и вчерашний снег сверкал и хрустел под ногами. Лошади оживились после ночи в теплой конюшне и двух гарнцев овса.

Шли на юго-восток в направлении на Старый Крым. Никогда я не ожидал такого холода в Крыму. Даже реки замерзли.

— Редко бывает так холодно, даже не припомню такого года, — говорил наш спутник.

Теперь мы останавливались в хуторах, которые Коновалов знал. Встречали нас повсюду гостеприимно. Почти что все знали, что красные прорвались в Крым, и чем ближе мы подходили к горам, тем больше они знали. Говорили, что только красная конница оперирует вдоль железной дороги, что красная пехота уже заняла Джанкой. На вопрос, от кого они все это знали, ответ был всегда один — от татар.

Я откровенно боялся опоздать. Что, если мы приедем, а все уже ушли и ни одного судна нет.

Пришли в Старый Крым. Здесь услышали, что вся наша кавалерия ушла через Яйлу в Ялту и уже погрузилась. Это меня удручило. Если они уже ушли, а они прикрывали отступление, то какие у нас были шансы добраться до Феодосии и найти там еще суда? Но выбора не было.

Ночевали на хуторе в десяти верстах от Феодосии. На рассвете, пока мы седлали лошадей, на севере была слышна канонада. Кто-то еще дрался!

— Откуда эта канонада?

— Это под Владиславовкой бой идет.

— Значит, мы еще не опоздали.

Мы пошли рысцой. Бог его ведает, кто там дерется, может быть, кого-нибудь отрезали. Скоро мы были в предместье города. Я Феодосию более или менее знал и решил обойти ее с юга.

Чем ближе мы подходили к порту, тем больше было брошенных повозок, расседанных лошадей и тучи мальчишек, которые копошились вокруг нагруженных телег. Не было видно ни одного солдата, ни взрослых. Двери и ставни все были заперты.

Наконец мы вышли на набережную и ахнули: на первый взгляд порт был пустой!

Я снял переметные сумы, мы привязали лошадей и пошли по набережной.

Вдали на молу стоял человек, мы шли в его направлении.

— Ах, смотрите, на той стороне стоит пароход.

Действительно, там стоял большой транспорт. Далеко, почти что в конце мола, была привязана шхуна. Вне порта стоял на якоре пароход.

— Ну, это не так плохо, кто-нибудь нас возьмет! — сказал я, повеселев.

Фигура на молу оказалась Андреем Гагариным. Он стоял, понурился головой, и смотрел в море.

— Вот замечательно, я отчего-то вас всегда встречаю на набережной.

— Да, это забавно, последний раз в Новороссийске.

— Что вы тут, князь, делаете?

— Смотрю, — сказал он медленно.

— Да пароход на той стороне, пойдете туда!

— Я уже там был, туда никого не пускают, там казаки, берут только своих.

Я удивился: большой транспорт, неужели одного человека не могут взять?

— А что насчет этой шхуны?

— Пробовал, там часовые стоят, поперек мола заграждение, никого не пускают.

— Там же какой-нибудь офицер есть, вы с ним говорили?

— Говорил, но не пускают, говорят, что шхуна для их собственной части. Не понял, кто они, еще дерутся где-то.

Действительно, где-то потрескивали пулеметы и винтовки. Странно все это было, неужели люди могут отказывать одному человеку? Какая разница для транспорта в восемь с лишним тысяч тонн или даже для шхуны в триста тонн? Такие же люди недавно рисковали жизнью, чтобы спасти какого-нибудь незнакомого раненого в бою. Что с ними вдруг случилось?!

Теперь нас было четверо, было гораздо труднее. Гагарин был штабс-капитан конной артиллерии, следовательно, старший по рангу, но в его удрученном состоянии решать нашу участь не мог. Меня поддерживала только паника, боязнь быть захваченным большевиками. Что-то нужно было делать.

Я пошел обратно по молу, кирасиры за мной. Пошел и Гагарин. Мы прошли мимо наших лошадей, и вдруг на набережной — штук десять носилок. На них не то раненые, не то больные. Я подошел. Они были кто без памяти, кто в бреду. Один из них — эскадрон-юнкер, лейб-драгун, с которым я харчевал в Алексеевке. Не помню его имени. Он полубредил и, увидев меня, сказал:

— Вы нас тут не оставляйте, нас убьют.

Не думаю, что он меня узнал.

— Нет, нет, конечно, не оставим. — И пошел дальше.

Подумал, что я вру: мы сами не можем выбраться, а обещаю не оставить!

Вдруг навстречу нам появились три фигуры, я узнал нашего корнета Сабриевского. За ним шли два синих кирасира. Один из них — Николай Гейден, мой троюродный брат.

Я не помню, когда бы я так радовался, как при виде Сабриевского.

— Ах, Волков, куда вы идете?

— Не знаю, господин корнет.

— Нужно обдумать.

Сабриевский был замечательный человек. Он начал свою карьеру рядовым в Конном полку до Великой войны. Он был крестьянин одной из северных губерний. Во время войны он отличился, получил Георгия и кончил войну старшим унтер-офицером. Во время Гражданской войны он был произведен в корнеты. Он был очень высокий, ладно скроенный человек и был страшно популярен среди офицеров и солдат. Он был простой и веселый. У него была забавная манера — перед тем как протянуть кому-нибудь руку, вытирать ее об свою задницу. Он сам над этим смеялся и говорил: «Э, брат, старые привычки не так легко забыть!» Он был милейший человек, великолепный офицер, храбрый и радушный, и его все уважали.

Его появление мгновенно переменяло мое настроение.

— Господин корнет, штабс-капитан князь Гагарин уже пробовал нопасть на транспорт и на шхуну, но туда не пускают.

— Да, «Дон», я сам там был, там казаки, нашу шваль там не хотят. Это понятно, только своих берут. Да мы сами справимся.

— Как?

— Подумаем.

Отчего-то я сразу ему поверил. Он посмотрел на понурые лица солдат и Гагарина и прибавил:

— Мы, брат, с вами не в таких случаях бывали.

— Я не вижу никакой возможности выбраться, — сказал Гагарин.

— Да что вы так приуныли, князь, вон, смотрите, там пароход на рейде стоит.

— Да то две версты отсюда, что мы к нему, пешком пойдём?

— Не знаю, может быть, плот построим.

Мы пошли обратно на мол. Сабриевский остановился у носилок:

— Смотрите, вот их положение гораздо хуже нашего, они никакой себе плот построить не могут.

А.А. Вонсяцкий

К.Ф. Зерщиков

Н.В. Волков-Муромцев

В.Э. Зборовский

М.В. Свечин

Князь А.Е. Трубецкой

Д.И. Звегинцов

Могила В.Н. Звегинцова

Барон П.Н. Врангель

Е.К. Миллер

И.Г. Эрдели

Н.Н. Юденич

Д.Г. Шербачев

А.П. Кутенов

Граф Ф.А. Келлер

П.П. Скоропадский

П.Н. Шатилов

Н.Н. Шиллинг

Н.Н. Шипов

М.Г. Дроздовский

Герцог Г.Н. Лейхтенбергский

Герцог Д.Г. Лейхтенбергский

Д.Л. Хорват

Герцог Н.Н. Лейхтенбергский

А.И. Рогожин

В.С. Афанасьев

Я.А. Сладов

К.И. Щербаков

- Господин корнет, смотрите, там лодка посередине порта.
- Вижу, брат, вижу. Кто из вас тут на море жил, ее что, прибьет?
- Да, — сказал синий кирасир, — я из Керчи.
- Ну, моряк, куда ее прибьет и когда?
- Не знаю, ее к набережной несет.

Лодка действительно двигалась, но медленно.

— Это только шлюпка, больше пяти не возьмет, — добавил кирасир.

— Я все равно не поеду, я домой вернусь, — сказал Николай Гейден.

У матери его была квартира в городе.

— Это глупо, граф, вас тут расстреляют, — сказал Сабриевский.

— Разницы мало — или тонуть, или рисковать.

Я сразу же подумал: он не такой дурак, мать его урожденная Кропоткина, сестра «героя революции» князя Кропоткина, может быть, это ему поможет.

— Я в Москву еду, — вдруг сказал Гагарин.

— В Москву? Да вы с ума сошли! Как вы сможете в Москву пробраться? — сказал Сабриевский.

— Я еду. До свидания. — И Гагарин ушел, за ним пошел Гейден.

Сабриевский, как видно, не поверил Гагарину, что на шхуну не пойдут. Мы пошли по молу к заграждению. Тут стояли двое часовых и поручик. Сабриевский обратился к нему и спросил, могут ли они нас взять.

— Мой приказ никого не пускать, кроме наших.

— Да какая разница — пять лишних человек?

— Мой приказ никого не пускать.

— Там на набережной человек десять раненых на носилках, по крайней мере их возьмите.

— Мой приказ никого не брать.

— Я не верю, господин поручик, вы русский офицер, мы раненых никогда не оставляем.

Поручик покраснел и замялся:

— Это зависит от моего командования.

— Передайте тогда вашему командованию, что стыдно оставлять раненых.

Поручик отвернулся.

— В Императорской армии это был вопрос чести полка, теперь, как видно, честь не играет роли, — громко сказал Сабриевский и отвернулся. — Пойдемте обратно.

Пулеметы и винтовки теперь трещали гораздо ближе.

Вдруг из города на мол выступила команда, приблизительно в роту. Шла она в ногу и отчеканивала шаги.

— Вот вам хозяева шхуны, — сказал Сабриевский.

Впереди шел капитан, и Сабриевский его отозвал. Я стоял, смотря на проходящую часть. Вдруг знакомое лицо. Не может быть! Огнев.

— Огнев! Как вы сюда попали?!

— Через Англию! А вы как?

Но часть продолжала свой марш. Я пошел с ними. Последний раз я видел Огнева в начале июля 1918 года, когда я работал в УМСА. Он ездил с нами в Вологду. На обратном пути он соскочил с поезда ночью перед Звонкой с намерением пробраться в Мурманск. И вдруг он оказался рядовым в каком-то полку в последний мой день в России на феоdosийском молу. Сабриевский меня отозвал, и я не успел спросить, как это случилось.

— Капитан обещал подобрать раненых. Смотрите, вода гораздо ближе, нам нужен багор.

Море прибывало обломки ящиков, балки и всякую рухлядь. Кирасиры побежали искать багор. Лодку прибывало все ближе и ближе, и мы должны были приближаться к городу. Сабриевский посматривал иногда на приморскую набережную, за которой теперь уже в городе слышалась трескотня винтовок. Кирасиры принесли что-то вроде багра, длинную жердь со вбитым в один конец большим гвоздем.

— Ой! Смотрите, в лодке только одно весло!

— Ищите среди обломков другое, — сказал Сабриевский спокойно.

Мы все разбежались вдоль мола искать весло.

— Нашел! Нашел! — закричал кирасир.

Мы побежали смотреть. Шагах в десяти от мола плавало среди обломков весло. Через несколько минут его багром притянули к молу. Наконец и лодку осторожно притянули к одной из каменных лестниц. Это действительно была шлюпка. Сабриевский мне приказал сесть на нос. Двое из кирасир сели на весла. Одно оказалось гораздо длиннее другого. Сам Сабриевский с керченцем сели на корму. Наш вес углубил шлюпку так, что борт был не более 12 дюймов над водой.

— Нам нужны черпаки, — сказал Сабриевский.

Кирасиры опять вылезли и побежали искать. Через четверть часа они вернулись с какой-то кастрюлей и двумя плоскими.

— Ну, теперь с Богом! — сказал Сабриевский, и мы отчалили.

В порту все шло хорошо, но, как только вышли за мол, ветер задул и маленькие волны стали захлестывать воду в лодку. Стали вычерпы-

вать воду. Лодка постоянно отклонялась от курса. Пароход казался все так же далеко.

Наконец мы приблизились настолько, что могли прочесть — «Петр Регир». Вдоль перил и на каждом выступе над палубой гроздьями висели солдаты. Сходни были приподняты наполовину, слишком высоко, чтобы за них уцепиться.

Уже когда мы подходили к борту, начались крики с палубы: «Нет места!», «Уходите!», «Мы переполнены!», «Уходите прочь!».

— Спустите сходни! — крикнул Сабриевский.

Вверху на сходнях стояли двое часовых. «Не пускайте их! Нас и так много!»

Никто к сходням не двигался. Я с ужасом увидел, что цепь якоря начала подниматься.

Сабриевский продолжал кричать солдатам спустить сходни. В его руке был наган, но никто на него внимания не обращал. Вдруг я увидел над палубой какой-то мостик. На нем в толпе стоял корнет Кавалергардского полка Николай Герард. Я крикнул:

— Николай, ради бога, спусти сходни!

Тут же он соскочил в толпу на палубу и вдруг появился около часовых с револьвером в руках. Он что-то кричал. Часовые исчезли, и кто-то стал спускать сходни. Вдруг забурлило у кормы парохода. Сабриевский крикнул:

— Волков! Уцепитесь за сходни, помогайте ему!

Сходни были уже достаточно низко, чтобы за них ухватиться. Лодку куда-то тянуло, но рука кирасира вслед за мной тоже ухватилась. Какой-то солдат кричал: «Привяжите!» — но я не смел отпустить сходни.

— Лезьте! — сказал я ближнему кирасиру.

Через секунду он был на сходнях и держал меня за запястье. Второй кирасир, затем третий прокарабкались мимо меня.

— Теперь вы лезьте! — сказал Сабриевский за моей спиной, но у меня руки застыли. Рука Сабриевского с веревкой протянулась мимо меня, кто-то ее схватил, и я почувствовал себя на воздухе, затем на коленях на сходнях. Кирасир меня тащил, а кто-то толкал сзади.

Взглянул вниз на поддороге — лодка качалась пустая. Через минуту я был на палубе в толпе. Помню Герарда, говорящего с Сабриевским. Помню, что успел сказать: «Спасибо» — и как меня проталкивал Коновалов через толпу.

— Ваши выюки, — сказал Коновалов и дал мне мои переметные сумы.

Мы дошли до какой-то железной лестницы и стали спускаться. Внизу стояли мой спутник и синий кирасир.

— Мы сюда пробрались, тут теплее.

Все четверо мы устроились на полу в трюме, среди лежащих как сардинки солдат.

Я не знаю, от изнурения или оттого, что у меня уже начался тиф, но я почти не помню четырехдневной поездки в Константинополь. Помню, что Коновалов раза два подавал мне открытую жестянку воды, которая по вкусу была из котлов.

Наверное, я проспал большую часть четырех дней. Мой сосед говорил, что была сильная буря, но я ее не помню, что во время бури погиб наш миноносец, кажется, «Свирепый», переполненный людьми.

Следующее, что я помню, — как стоял на палубе, поддерживаемый двумя кирасирами. Спуск по каким-то другим сходням и английская речь — и вот я лежу в койке красно-крестного автомобиля. Меня кто-то нес на носилках, и повсюду был снег. Положили на матрасе на землю в палатке. На минуту я пришел в себя и помню ясно, что надо мной стояла сестра милосердия в какой-то странной форме. Как видно, услышав английский язык, я обратился к ней по-английски и попросил дать мне мою шинель и сумы. Она была очень удивлена и сразу же дала мне то, что я просил. Я снял с эполет мой вензеля, вытащил все, что мне было нужно и дорого из сум (там была и пачка великолепных снимков боев, сделанных Николаем Тащищевым), и попросил ее положить мне под подушку.

После этого я ничего не помню. Когда я пришел в себя, я не знал, сколько дней прошло. Оказывается, у меня был тиф, и очень сильный. Но когда я проснулся, я чувствовал себя великолепно. Сестра мне сказала, что у меня температура поднялась до 41 градуса, и это совершенно сожгло желтуху.

Но меня ожидало несчастье. Вокруг шеи у меня было две цепочки. На одной — два крестильных крестика, один маленький, золотой, от моего крестного отца, деда Петра Александровича Гейдена, другой от крестной матери, моей тетки Натальи Модестовны Фредерикс. Это был серебряный крест, греческий, найденный в раскопках Херсонеса. На второй цепочке был большой черный аметист, данный мне на счастье Софией Дмитриевной Мартыновой, и мешочек с осколками из моей ноги. Это все пропало, как исчезли из-под подушки все мои вещи и вензеля.

Я был шокирован и спросил сестру. Она очень покраснела, позвала доктора, который мне наругал и сказал, что я должен быть благодарен, что меня взяли в госпиталь, и что мои вещи его совершенно не интересуют.

Я, к несчастью, еще был слишком слаб с ним спорить. Через два дня в английских военных пижамах, босиком, меня с еще тремя рус-

скими вынесли на носилках в санитарный автомобиль и повезли куда-то. Английский военный госпиталь в палатках был в Харбие, на север от Пера. Ехали более часа. Все было покрыто снегом. В самом начале поездки носилки подо мною сломались и часть их воткнулась мне в ногу. Было очень больно. Я стал кричать санитару, но он никакого внимания не обращал. Наконец мы приехали куда-то, оказалось — французский военный госпиталь. Он был не в палатках, а в длинных деревянных бараках.

Вынесли наши носилки, заставили нас встать, снять пижамы и толкнули в комнату, где нам дали холодный душ. Сунули полотенце вытереться, а затем велели идти через снегом покрытый двор бо-сиком.

Я наотрез отказался. К счастью, я говорил по-французски. Я накричал на санитару, тогда он меня снес на спине в барак.

Барак, в который я попал, был большой, в нем стояло не меньше сорока коек. Все раненые и больные были наши: корниловцы, марковцы, дроздовцы из разных пехотных полков да человек пять из кавалерии и артиллерии. Было невероятно холодно, многие окна разбиты, и только одна маленькая железная печка посередине барака. Было по два тоненьких одеяла на койке. Одна французская сестра милосердия и один санитар на барак.

Моя койка была через две от печки, так что мне посчастливилось. Многие из солдат бредили, вскрикивали. Разговоров было мало. Отчего-то у меня стали сильно болеть ноги.

На следующий день пришел французский военный доктор. Ни он, ни сестра, ни санитар не говорили по-русски. Как видно, никто, кроме меня, не говорил по-французски. Доктор пришел, остановился у одной койки в конце барака, что-то сказал сестре, потом прошел, не глядя, по палате и ушел.

Эта утренняя прогулка по бараку оказалась его ежедневным визитом. Он не останавливался и ни на кого не смотрел. На четвертый день я его позвал, когда он проходил.

— Отчего вы говорите по-французски? — спросил он сердито.

— Оттого, господин доктор, что меня ему учили.

— Что вам нужно?

— У меня почему-то болят ноги, вы можете что-нибудь сделать?

— Зачем вы тут?

— У меня был тиф.

Он пожал плечами и пошел дальше. На возвратном пути я его окликнул опять.

— Что вам нужно? — огрызнулся он.

— Господин доктор, здесь очень холодно, нельзя ли починить окна, я уже просил сестру.

— Как вы смеете жаловаться! Вы должны быть благодарны, что вас всех сюда пустили! Вы заключили с немцами мир и удрали сюда!

Я разозлился:

— Простите, господин доктор, мы никакого мира с немцами не подписывали, подписали большевики, мы против них сражались!

— Разницы никакой, вы все предатели!

И ушел.

На следующий день он до меня даже не доходил.

Еда была немногим лучше лубянской и бутырской.

Я попробовал встать и обойти барак, надеясь найти кого-нибудь знакомого, но не удалось, ноги подкашивались и сильно болели. Уборная была невероятно грязна.

Только раз в три дня санитар обходил палату с ведром холодной воды, малюсеньким куском мыла и одним полотенцем. Все должны были мыться в той же воде и утираться тем же полотенцем.

Я не мог себе представить, чтобы Врангель знал о состоянии этого госпиталя, и решил ему написать. Но как это сделать? У меня не было ни бумаги, ни пера, ни копейки денег. Но мне опять посчастливилось. В палату пришел навестить своих солдат корниловский офицер. Он был в русской оборванной форме, сильно хромал и ходил с палкой. Когда он проходил мимо моей койки, я его спросил, как ему удалось сохранить форму. Он сел на мою койку разговаривать. Оказалось, что в его бараче было так же плохо, как и в нашем, но теперь его выписали. У него в кармане оказался кусок бумаги и карандаш. Я ему сказал, что хочу сообщить о нашем положении Врангелю.

— Эй, братец, да как я до него доберусь? Да и что он может сделать?

— Не знаю, но попробовать надо.

Тут мне пришла другая идея. Я Врангеля лично не знал, но знал баронессу. Вспомнил, что в Крыму она была во главе Красного Креста, и решил написать ей.

— Ну, я как-нибудь письмецо ваше ей передам. Вряд ли что изменится, нас тут за людей не принимают. Мы же для союзников хлам какой-то, который высыпали им на голову.

Он пошел искать своих солдат. Я тем временем написал баронессе письмо. Описал барак, холод, еду, медицинское попечение и просил ее что-нибудь сделать. Офицер взял мое письмо и отковылял. Перед уходом я спросил его, где мы.

— Не знаю, братец, говорят, это Бьюк Халкале.

— Да как вы в Константинополь доберетесь?

— Тоже не знаю, говорят, 20 километров отсюда. Я пешеходом дальше ходил, как-нибудь доковыляю.

Откровенно сказать, я никакой надежды на мою жалобу не возлагал. Но однажды во время нашего обеда сделалась невероятная суматоха. В барак прибежали пять сестер и три санитар. Стали оправлять наши одеяла, подложили дров в печку. Санитары принялись мести палату.

Дверь открылась, и вошла баронесса. За ней какой-то маленький французский генерал, адъютант, два военных доктора и за ними наш доктор.

Баронесса долго молча оглядывала барак и наконец подошла ко мне:

— Я получила вашу записку, Николай. Это гораздо хуже, чем вы описали.

Она повернулась к генералу, который стоял с багровым лицом, и обрушилась на него:

— Я ничего подобного не видала! Даже во времена Людовика XIV, наверно, таких отвратительных условий в госпиталях не было. В этой палате только одна сестра и один санитар. Окна разбиты, холод собачий. Доктор никакого внимания на больных не обращает. Это обычная еда? — Она попробовала наш водяной суп. — Это вы называете едой?! Вы это попробуйте! Как вы смеете наших солдат держать в таких условиях?

Генерал очень неохотно взял ложку и попробовал суп. Он обернулся к старшему доктору и стал кричать на него. Я никогда не видел таких пристыженных багровых лиц. Наш доктор трепетал и что-то вполголоса объяснял своему старшему.

Баронесса опять обратилась ко мне и стала расспрашивать подробности. Я ей рассказал, что со мной случилось сперва в английском госпитале, потом по приезде сюда. Я говорил с ней нарочно по-русски.

— Когда отсюда выписывают людей, как они отправляются в Константинополь?

Генерал, конечно, не знал, спросил доктора. Было замешательство, никто не знал ответа.

— Так я вам скажу. Ко мне вчера приковылял один из раненых, которого вы выписали, и он пешком пришел в Константинополь. Как вы смее так обращаться с больными?!

Генерал все кричал на докторов. Я еще не кончил. Я сказал, что у меня отобрали все мои вещи, и если меня выпустят, то у меня, кроме пижамы, ничего нет. Что деньги мои пропали (если бы у меня даже были мои деньги, они были бы ни к чему, потому что были «белые»).

И кроме того, доктор сказал мне, что мы все предатели. Последнее я сказал по-французски, чтобы генерал слышал.

Генерал обрушился на доктора, но баронесса сказала ему, что ответственность его. Он стал извиняться. Перед уходом баронесса обещала, что пришлет мне форму.

— Я Петру скажу, чтоб приехал вас повидать.

Уходя, баронесса обещала опять приехать, и, если все не будет в порядке, она снесется с французским правительством.

Генерал оказался французский главноначальствующий в Константинополе.

Результат был совершенно невероятный. Через полчаса после их ухода вставили все разбитые стекла. Появились две новые печки, два лишних одеяла на кровать, уборная была вычищена и продезинфицирована. Мы получили второй обед, состоящий из холодного мяса, картофеля и капусты. Появились три сестры милосердия и два санитар.

Продолжалось ли это так, я не знаю, но думаю, да. Рано на следующее утро мне принесли форму, шинель, кубанку, сапоги и тридцать турецких лир. Дали мне костыли и тут же, без докторского осмотра, выписали. Одевшись, я вышел из барака. Стоял французский военный автомобиль. Санитары посадили меня в него, и мы поехали по скудной, покрытой редкими кустами равнине, через какие-то маленькие деревушки, пока не доехали до трамвайной линии.

Здесь меня высадили, шофер сказал, чтобы я попросил билет на Стамбул. Снег уже исчез. Старый трамвай долго кряхтел через какие-то селения и наконец очутился в Стамбуле. Линия кончалась у Галатского моста. Я должен был вылезать. Было очень красиво, Золотой Рог и мечети Стамбула.

На костылях я добрался до моста. Погода была весенняя. В начале моста стоял турецкий полицейский. Я его спросил по-французски, где русское посольство. Он понял только название посольства и очень любезно указал жестами, как к нему пробраться на Пера.

Я вышел на мост и вдруг увидел продавца апельсинов. Пирамида апельсинов на тротуаре, и все корольки. Вспомнил, как в детстве, в Хмелите, мы видели апельсины единственный раз в год на Рождество. Мы искали среди них корольки, они редко попадались, и отчего-то мы их больше любили. Даже не помню, был ли у них другой вкус. Я купил два и пошел медленно через мост.

Со многими отдышками влез в гору и дошел до посольских ворот. Тут стояли двое часовых из нашего эскадрона. Петр был удивлен, что я появился.

— Я к тебе собирался ехать сегодня. Ну хорошо, можешь остаться в посольстве, у нас в комнате есть свободная кровать.

Положение русских в Константинополе было какое-то странное. Врангель с частью своего кабинета сидел в русском посольстве, охранявшемся нашим полуэскадром. Те, у которых были деньги (и таких было много, хотя откуда они взялись, я понятия не имею), жили в разных частях Константинополя. В первый раз я услышал слово «валюта», у некоторых она была, у некоторых нет. В Константинополе было много русских евреев и греков, которые хорошо устроились, может быть, они помогали русским приезжим.

Через неделю я встретил на Пера, к моему большому удовольствию, Раису Юшкевич из Гомеля. Она была замужем и собиралась уезжать в Америку.

Я спросил Петра, что случилось с армией. Ясно было, что ее в Константинополе нет. Петр сказал раздраженно, что всех отправили в лагерь.

— Какие лагеря?

— Да к черту на рога!

— Куда это?

— Кавалерия в палатках в Галлиполи, пехота тоже в палатках на Лемносе. Там же, кажется, и казаки. Кого-то в Египет. Черт его знает, что наши союзники придумали.

— Да кто их там кормит?

— Да будто бы союзники. Врангель ездил туда и был в отчаянии.

Оказалось, что в обоих случаях палатки стояли в пустыне. Части голодали и мерзли. Петр был возмущен. Говорил, что Врангель снесся с женой одного из сербских князей (она была сестра Великого Князя Иоанна Константиновича, нашего офицера) и просил ее устроить с сербским правительством, чтобы сербы приняли наших из лагерей. Кроме того, Король Испанский взял всех офицеров и солдат 7-го Ольвиопольского уланского полка³⁰³, шефом которого он был. Врангель написал и шефам других полков, обратился и к Георгу V Английскому взять полк Литовских улан, — но никто не откликнулся.

Маклаков в Париже доставал визы для некоторых, но это все было в десятках, а не в тысячах. Единственные, кто давали свободно визы русским, были сербы и немцы. Турки тоже хорошо относились к нашим. Кемаль Ататурк взял большинство наших горцев к себе в армию. Но положение было критическое. Ни французы, ни англичане, ни американцы не хотели нас принимать. У нас не было ни паспортов, ни национальности. Временные паспорта, выданные нашим посольством, никто не признавал.

Вскоре после того, как я попал в посольство, меня вдруг вызвал Нератов, который тогда заправлял иностранными делами, и сказал, что меня хочет видеть сэр Чарльз Харрингтон, английский главноначальствующий. Меня это не только удивило, но испугало. Зачем английский генерал, о котором я никогда не слышал, хотел меня, унтер-офицера, видеть? Я с трепетом пошел к нему в штаб.

Он сейчас же меня принял, и очень любезно. Оказалось, что баронесса рассказала Харрингтону об английском госпитале. Я ему повторил все, что видел, и что меня в госпитале обокрали. Он меня слушал, не говоря ни слова, затем вскочил и извинился за происшедшее. Он выглядел разъяренным. Сказал, что сейчас же начнет расследование, и обещал найти мои вещи. В конце, наверное говоря свои мысли вслух, сказал:

— Что произошло с нашей армией в эту войну?! Откуда взялись все эти негодяи?!

Конечно, никаких вещей никто мне не вернул.

Петр меня убедил в эскадрон не возвращаться.

— Какой смысл? Это же только временное устройство, через несколько месяцев нас отсюда наши добрые союзники высадят. Пока у нашего правительства есть деньги, нас еще терпят. Мы же оплачиваем союзникам пропитание наших войск. Деньги вытекут — и, увидишь, нас к чертовой матери пошлют.

Мне жизнь в посольстве ничего не стоила. Я получил в турецких лирах мое прошедшее жалованье с июня, так что у меня были кое-какие деньги, но нужно было найти работу.

Ноги у меня прошли, и чувствовал я себя великолепно. Я шел по Пера, когда ко мне подошел ротмистр, очень высокий, сильно сложенный, с белокурыми волосами и длинными усами.

— Вы Волков?

— Да, господин ротмистр, — сказал я удивленно.

— Мне вас кто-то указал. Я Муромцев. Я вам родственник.

Мне стало очень неудобно. Двоюродный дядя моего деда Волкова поспорил со своим сыном и оставил семейное имя Муромцевых, Баловнево Рязанской губернии, моему деду и сделал его майором с условием, чтобы он прибавил имя Муромцева. Этот Муромцев был его внук. Я не знал, что сказать. Теперь это, конечно, было все равно, и все же мне было неловко. Но он был мил и пригласил меня в кофейню. Баловнева он никогда не видел, но оказалось, что у Муромцева были другие большие имения, которые перешли этому внуку. За кофею он мне сказал, что устроился тут у американцев в УМСА. Я его спросил, кто из американцев тут был. Оказалось, что во главе отдела — мой бывший московский начальник.

Я к нему пошел, и он сразу предложил мне место — не в Константинополе, а переводчиком на американском миноносце.

— На какой язык я должен переводить?

— На французский.

— А что американский миноносец имеет с французами?

Оказалась странная история. Все союзники держали военные суда в Средиземном море. Они все имели определенные базы, но постоянно навещали другие порты. Французы стояли в Сирии, англичане в Палестине, греки в Смирне и т. д. Кроме как с англичанами, американцы ни с кем не могли общаться. Греки и турки говорили по-французски. Скоро выяснилось, что все союзники огрызались друг на друга. Были постоянные ссоры, и оказалось, я должен был их как-то умирять.

Мы сразу же пошли в Смирну, оттуда в Родос, Александрию, Хайфу, Яффу, Порт-Саид, Кандию, Пирей. Это было очень интересно. На возвратном пути я попросил через офицера, с которым я подружился, зайти на Лемнос.

Лагерь я не видел, но видел в порту и на берегу сотни сидящих изможденных оборванных солдат. Плачевное их было положение, меня это потрясло.

Вернулись в Константинополь, я передал мое впечатление Петру для Врангеля. Через два дня мы опять ушли в Смирну. Там был слышен грохот артиллерии, порт набит греческими солдатами, и говорили, что турки в нескольких верстах. Началась эвакуация, но мы ушли в Родос и Мессину.

За эти переходы мне удалось посмотреть многие замечательные места, например храм Дианы в Эфесе, мавзолей Мосула, пирамиды. Американские офицеры проводили больше времени в поездках по суше, осматривая достопримечательности, чем на своих кораблях. У них было какое-то странное представление об истории. Понятие времени для них совершенно не существовало. Немногие имена исторических фигур, которые они знали, в их восприятии как бы жили в одно и то же время. Юлий Цезарь, Рамзес II, Ахилл и Ричард Львиное Сердце вместе с Елизаветой I Английской жили более или менее одновременно, определенно только, что до Американской революции.

Мы вернулись в Константинополь и спустили якорь в Босфоре. Абсолютно ничего не зная о навигации, я заметил одному офицеру, что они выпустили слишком длинную цепь, потому что в Босфоре видно было сильное течение. Меня беспокоило, что миноносец разворачивало течением и цепь может запутаться в пропеллерах. Он со-

вершенно верно сказал, что я ничего в корабельном деле не понимаю. На следующее утро так и случилось, они сняться с якоря не смогли, пустили машины, чтобы выпрямиться, раздался невероятный треск, и потеряли пропеллер. Этим кончились на время наши путешествия, и я был разжалован.

Я вернулся в посольство. Николай Татищев сейчас же прозвал меня Одиссеем и расспрашивал обо всем, что я видел.

Несколько дней спустя мне передали из канцелярии письмо. Я его открыл при Петре и Николае. Это было приглашение на обед на флагманский броненосец английского флота «Аякс» с подписью: «Адмирал де Робек».

Николай и Петр стали надо мной трунить:

— Вот видишь, Одиссей, англичане, наверно, прослышали, что ты эксперт по спусканию якорей, и хотят, чтобы ты их научил, как это делать!

Сперва я думал, что, может быть, какой-нибудь английский офицер, которого я знал в Ялте, служит на «Аяксе», — но как он знал, что я в Константинополе, и при чем тут адмирал? Потом я подумал, что один из моих троюродных братьев-англичан, служивших в английском флоте, как-то обо мне узнал. Все догадки казались глупыми.

— Может, тебя, Одиссей, хотят назначить командовать флотом?

Я написал письмо, принимая приглашение, и передал его в канцелярию. Обед был на следующий день, и будто бы катер меня будет ожидать у пристани Топфана. Я пошел. Действительно, стоял катер, и гардемарин мне сказал, что меня ожидают.

Я полез на сходни. Какой-то офицер, спросив мою фамилию, повел меня к адмиралу. Я заметил, что он был очень удивлен.

— Вы Волков? — спросил он меня с неудовольствием. — Отчего английское адмиралтейство меня наставляет вас отправить в Англию?

— Я совершенно не знаю.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Кого вы знаете в английском адмиралтействе?

— Я никого не знаю и не понимаю, как кто-либо мог узнать, что я в Константинополе.

— Вы с кем-нибудь в Англии связались?

— Да нет.

Он явно был недоволен.

— Мне дали приказ отвезти вас на следующем военном судне, которое возвращается в Англию. Такого судна нет. Я вас посажу на военный транспорт, который уходит через два дня.

Я был совершенно потрясен. Адмирал передал меня адъютанту, который меня повел в кают-компанию и представил нескольким офицерам. Я чувствовал себя очень неловко. К счастью, все офицеры хотели знать о Белой армии и засыпали меня вопросами. После обеда мы вышли на палубу, и опять вокруг меня собралось много офицеров, задававших вопросы. Кто-то спросил, курю ли я английские папиросы, я сказал, что да.

— Я вам подарю 50, их в Константинополе нет.

Какой-то гардемарин, стоявший на краю кружка, сказал:

— У меня были родственники в России.

Я только успел сказать: «Ах да?» — как кто-то из офицеров повернулся к нему:

— Георг, достаньте жестянку папирос нашему гостю.

Тот побежал, принес, я только что хотел спросить, кто его родственники, как он исчез. Я тогда спросил, как его фамилия, думая, что, может быть, я о них знал.

— Ах, это принц Георг, сын нашего короля.

— Боже мой, это он про Государя говорил!

Мне стало совсем не по себе. К счастью, подошел катер, и я уехал.

Через два дня, простившись со всеми, я поехал на транспорт. Мне из канцелярии выдали денег купить штатский костюм, и я отправился в путешествие как шпак, совершенно не зная, куда и к кому я уехал.

Я сразу же подружился с шотландским офицером Мером Мюрре-ем, адъютантом генерала Гамильтона, который командовал английскими войсками в Галлиполи. Он мне стал рассказывать всю их кампанию, что было очень интересно.

Я в жизни не слышал о такой безурядице и кавардаке, как Галлипольская кампания. Например, высадили целую дивизию, то есть 15 тысяч человек, на мель, не более полуверсты длиной и в 20 футов шириной. Дивизия была не регулярная, то есть добровольческая, из штатских, которые никогда под огнем не были. Высадили их ночью и послали в наступление сейчас же. Территория перед ними была вся в маленьких балках. Через несколько минут части потеряли связь друг с другом, подверглись артиллерийскому огню и отхлынули на мель, куда турецкая артиллерия сосредоточила весь огонь. К рассвету дивизия потеряла больше половины своего состава убитыми, ранеными и пленными. Они так и не оправались.

Мы пришли в Ногару в Дарданеллах. Тут мы должны были принять на транспорт целый английский кавалерийский полк. Погрузка

была очень медленная, лошадей и людей перевозили на маленьких баржах.

Мюррей устроил поездку на Галлиполийский полуостров, он хотел посмотреть турецкие позиции, и пригласил меня. Я надеялся, что увижу лагерь нашей кавалерии, но оказалось, что он был гораздо ближе к Константинополю.

Полуостров — сплошная пустыня, изрезанная балками. Мюррей мне говорил, что держала Галлиполи только одна турецкая бригада под командой Кемала. Англичане высадили почти что 200 тысяч человек, которые так густо занимали позиции, что при обстреле потери были колоссальные. Только потом узнали, что один турецкий батальон держал позицию против целой дивизии.

Из Дарданелл ушли в Александрию разгружать кавалерию и грузить пехоту, которая возвращалась в Англию. Оттуда пошли на Мальту, Гибралтар и, наконец, в Плимут.

К моему удивлению, меня встретил высокий штатский, который представился как господин Фергюссон. Он оказался братом гувернантки моей младшей сестры, которая, когда я уехал из Москвы, была еще там, но теперь уже в Англии. Она попросила меня встретить. Он дал мне билет в Лондон, деньги и адрес моего дяди Николая Александровича Волкова, который был при царском правительстве морским атташе в Лондоне. Я совсем о нем забыл.

Оказалось, все закрутилось из-за моего письма баронессе Врангель из французского госпиталя. Замешан был Нератов: когда он писал моему другому дяде, Гавриилу Волкову, первому секретарю посольства в Лондоне, он упомянул, что в Константинополе находится Николай Владимирович Волков. Дядя Гавра передал это дяде Коле, который был другом адмирала Леймура, тогдашнего первого лорда адмиралтейства, и тот послал де Робеку приказ отправить меня в Англию.

Мой приезд временно заинтересовал бесконечных моих английских родственников. В довоенное время семьи братьев и сестер моей бабушки Алисы Гор, которых было множество, четыре брата и четыре сестры с большими семьями, были польщены приглашением в Баловнево, куда они приезжали на лето. Я никого из них не знал. Теперь, конечно, все переменялось, я был бедный родственник, к которому они могли относиться свысока. Меня это совершенно не беспокоило.

Меня только беспокоила необходимость найти работу. Это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Уже было много безработных. Квалификаций у меня никаких не было. Единственное, что я знал, было земледелие — родившись и живши всегда в деревне, я знал все, что касалось посевов, скотоводства и т. д.

Англичане никак не могли принять, что я хотел работать на ферме.

— Да вы не можете работать руками!

— Отчего? Доить умею, смотреть за скотом умею, пахать умею, за лошадьми ходить умею, свиней знаю.

— Но такую работу делают только рабочие.

Когда я спрашивал, почему я не могу быть рабочим, они отвечали, что это «непристойно». Они, например, никак не могли понять, что я в Белой армии был не офицером, а рядовым.

— Да как я мог быть офицером, мне было 16 лет, ни в какой офицерской школе я не был и не мог быть.

— Но вы же образованный и сын помещика.

— Да отчего бы меня это сделало офицером?

Они думали, что у меня непременно должны были быть какие-то привилегии. Когда я им старался объяснить, что никаких привилегий у меня не было, что я был в местной гимназии, с сынами крестьян и горожан, они раскрывали рты и не верили.

Я тогда подумал — вот тебе демократия! А у нас, в России, либералы настаивали, чтобы мы подражали европейской демократии. Меня это раздражало, но нужно было привыкать.

Мое первое впечатление от Англии было, что война на них мало повлияла. Жизнь была нормальная. Они говорили, что страшно страдали во время войны, «даже масло было по пайкам», и «мы должны были растить свои собственные овощи». Это, как видно, считалось трагедией.

Объяснять им то, что случилось в России, было бесполезно. Они заранее знали все ответы на свои вопросы.

Их удивляло, что я не жаловался на свою участь. На обедах, как только слышали, что я «бежал» из России «от этих ужасных bolsheviks», они немедленно принимались мне объяснять, почему в России произошла революция. «Это нужно было ожидать, что ваши крепостные возмутятся против помещиков, как это случилось во Французскую революцию», «Это не удивительно, что «moujiks» (мужики), когда их повсюду хлестали кнутами, восстали и убивали помещиков».

Когда пробовал объяснить, что в этом случае «крепостных» не было, что земли были крестьянские, помещикам не принадлежали (это они никак не могли понять, потому что в Англии почти вся земля принадлежит помещикам или компаниям, а фермеры только арендаторы), что во время революции из всех сословий помещики пострадали меньше всех, — они мне не верили.

И так я скоро понял, что объяснить революцию англичанам, которые никогда не жили в России, невозможно.

Я прожил в Англии очень долгую жизнь, не загасившую, однако, ясной памяти о детстве и юности моих в России. Эту память я раскрываю теперь перед соотечественниками.

Е. Оношкович-Яцyna³⁰⁴

СВОДНО-ГВАРДЕЙСКИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК В ПЕРИОД 10 ДЕКАБРЯ 1919 — 15 МАРТА 1920 ГОДА

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН—КУБАНЬ—НОВОРОССИЙСК³⁰⁵

Отход от Харькова был поворотным пунктом в судьбе Добровольческой армии. Поняв значение конницы в условиях маневренной войны, большевики создали свою 1-ю Конную армию под командой Буденного, перед напором которой растянутый фронт Добровольческой пехоты был прорван и неудержимо покатился к югу.

10 декабря в Павлограде произошло соединение боевых частей гвардейской конницы с запасными частями, благодаря чему части пополнились, обмундировались и выделили эскадрон усиленного состава.

Согласно полученным инструкциям Главного командования, конная группа, в которую входили гвардейские части, должна была фланговым маршем идти на соединение с частями армии, собиравшимися под Ростовом, тогда как запасные части отходили в Крым.

Кирасиры Его Величества³⁰⁶, укомплектовав свой лейб-эскадрон, выделили в боевую часть под командой генерал-майора Данилова эскадрон в 110 шашек с двумя пулеметами Максима на тачанках и двумя «люисами», на вьюках, под командой ротмистра П. фон Вака³⁰⁷, его помощника ротмистра Е. Оношкович-Яцyna с младшими офицерами поручиком В. Розеншильд-Паулином и корнетом Н. Максимовым. Пулеметной командой командовал штабс-капитан князь Сидомон-Эристов³⁰⁸, прикомандированный к полку.

Сводно-гвардейский полк³⁰⁹ в составе 4 эскадронов выступил из Павлограда в зимнюю стужу и снежный буран в направлении Донецкого бассейна. По дороге к полку присоединились отступавшие с севера части отряда полковника Коскиковского, что усилило нашу боеспособность, а главное — численность.

Тут я должен сказать, что все дальнейшее повествование я делаю, базируясь на действиях нашего эскадрона — кирасир Его Величества, —

так как действия других эскадронов и общая обстановка была нам неизвестна, как она должна была быть неизвестной высшему начальству. Последующие события это показали воочию.

Шли мы на восток общим направлением на Таганрог в необычайно тяжелых условиях лютой зимы, пронизывающего холода, окруженные враждебным отношением обольшевиченного населения, которое отказывалось предоставлять корм лошадям и довольствие людям. Противника мы не видели, но издали доносился гул орудийной стрельбы впереди нас, и шли мы буквально наугад, следуя за командиром полка, который слепо исполнял приказание. Наш маршрут был Богуслав, Дмитровка, Николаевка, Славянка, Гришино, Селидовка, София, Юзовка, Покровское, минуя Матвеев Курган, уже занятый большевиками.

Проходя по путям железных дорог в районе шахт, мы видели картину разгрома, пылающие брошенные эшелоны вагонов, наполненные столь ценным для нас имуществом. 20 декабря от нашего эскадрона был выслан разъезд в Таганрог и назначен был поручик Розеншильд-Паулин. По присоединении к полку он доложил, что Таганрог в руках большевиков и на станции стоит бронепоезд с красными флагами. Наше положение осложнилось, так как мы, видимо, шли по советским тылам. 24 декабря полк вошел в деревню Синявку на отвесной горе, возвышающейся над железнодорожной станцией на берегу Азовского моря. Смуглая надежда отдохнуть хоть одну ночь оказалась напрасной. Эскадрон кирасир Его Величества назначен в охранение в 3 верстах к западу от Синявки, с целью наблюдения за железной дорогой на Таганрог в месте пересечения с дорогой. Это был канун Рождества Христова, и эта ночь осталась надолго в моей памяти.

Прибыв к месту нашего наблюдения, мы нашли пустой дом, большой стог соломы и пустую железнодорожную будку у переезда. Все поиски инструментов, чтобы разобрать путь, оказались тщетными, так что наши кирасиры разыскали несколько старых шпал и положили их на рельсы. Первый взвод корнета Максимова был поставлен за стогом соломы, и два пулемета были взгромождены на него. Лошади спрятаны за стогом, а остальные взводы заняли конюшню, сарай и дом. Все, что мы нашли в заброшенном доме, — это керосиновую лампу, и постепенно все кирасиры пробрались в дом, где мы зажгли в печи солому, дабы согреться. Ни еды, ни питья — это был наш сочельник, которого я никогда не забуду.

Часа в два ночи прибегает кирасир для связи и сообщает, что советский бронепоезд подходит к нашему переезду. Дом моментально

опустел — согласно плану, спешенные кирасиры заняли канаву, исполнявшую должность окопа. Был передан приказ не стрелять. Открыть огонь только тогда, когда красные начнут разбирать нашу баррикаду. Большевики открыли сильный огонь из пулеметов, дабы разведать, занята ли баррикада, и так как мы не реагировали на стрельбу, из первого вагона высыпала группа красных, чтобы разобрать препятствие. По сигналу ротмистра фон Вака оба ружья пулемета и наши стрелки в канаве открыли огонь, и немедленно бронепоезд двинулся назад, оставив тела своих на рельсах.

Ночь протекла спокойно, взводы сменялись каждые 2 часа, и бронепоезд больше не настаивал. С рассветом, согласно полученному приказанию, эскадрон свернулся и вернулся в Синявку. Мы были голодны и устали от бессонной ночи, но, как только мы стали на бивак, надеясь отдохнуть, поднялся дикий стук пулеметов на близком расстоянии. Оказалось, что наш знакомый бронепоезд вошел на станцию Синявка и открыл огонь по нашему расположению. Огонь был абсолютно безвредным, так как мы были в мертвом пространстве, но, несмотря на это, было приказано собраться к церкви. Оттуда полк в колонне пошел в направлении к северу Ростова.

Наше моральное и физическое состояние было пониженным — не спали, не ели, а надо идти куда-то. В довершение всех бед пошел дождь, хотя температура была ниже нуля. Такого феномена я в моей долгой жизни не видел и, вероятно, не увижу. Я не участвовал в Ледяном походе, но я не знаю, чем наш поход от Синявки до Мокрого Чалтыря отличается от Ледяного похода. Дождь шел проливной и тут же замерзал на нас, обращаясь в ледяную кору. Мои усы и борода примерзли к воротнику, а когда на остановке я сошел с седла, моя шинель осталась стоять колом, как пачка танцовщицы в балете.

Я помню, как мы проклинали эту жестокую погоду, как мы возмущались этим нечеловеческим испытанием, но в то время мы не знали и не понимали, что это испытание — столь трудно переносимое — было нашим спасением.

Вечером 25 декабря весь полк пришел в зажиточное армянское село Мокрый Чалтырь. Мы были такими усталыми и голодными, что буквально накинулись на гигантскую яичницу и хлеб с маслом и, не давшись жареного гуся, как сомнамбулы бросились на постанную солому и заснули свинцовым сном. Из краткого разговора с хозяйкой, добродетельной армянкой, мы услышали, что Ростов два дня тому назад занят большевиками, но мы этому не поверили, и усталость была такая, что мы думали лишь о сне. На рассвете — приказ выступить: разрезали бедного гуся и взяли его... на память. Полк выстроился в

колонну и двинулся к Ростову. Во время остановок в деревнях мы узнали волнующие новости, будто бы Ростов уже занят, но что было хуже — это сообщение, что главный рукав Дона размолот ледоколом, а мост через Дон взорван. Нечего и говорить, что моральное наше состояние было весьма низко, и мы не делились этими катастрофическими сведениями с нашими подчиненными, чтобы их не деморализовать.

За несколько километров до Ростова командир полка потребовал выслать разведку на Ростов от л.-гв. Уланского Ее Величества полка и назначил в этот трагический разведку корнета Некрасова, родного брата Андрея Александровича Некрасова³¹⁰, ныне секретаря своего полкового объединения. Полк стоял в колонне по три в ожидании результата разведки. Вокруг нашего полка собрались обозы беженцев и группы отставших пехотинцев.

Результат был трагический: корнет Некрасов своей жизнью заплатил за спасение Сводно-гвардейского полка. Из его разведки прискакал один улан и сообщил, что, когда разведка подходила к Ростову со стороны Скакового Круга, по нему был открыт огонь, корнет Некрасов и его уланы были убиты и спасся из разведки один улан Ее Величества.

Положение сделалось более чем серьезным, так как прорываться через Ростов через взорванный мост было бессмысленным. Надо было искать другой выход, и командиры эскадронов были вызваны к командиру полка. В результате этой консультации было решено прорываться по льду и, если нужно, бросить наши две пушки, пулеметы и, может быть, лошадей, лишь бы достичь левого берега Дона. Другими словами, надо было прыгать с льдины на льдину на широком фарватере и затем продвигаться по плавням, заросшим камышом.

Полк тем временем дошел до станицы Гниловской, предместья Ростова, где железнодорожные пути образовали широкую сеть, загроможденную эшелонами поездов, зажженными Белой армией при отходе. Взрывы вагонов, нагруженных снарядами и амуницией, составляли дымовую завесу, не позволявшую видеть наш маневр из Ростова. Дивизион кирасир Его Величества и Ее Величества был оставлен охранять плацдарм, и, по приказанию, наш эскадрон должен был остаться последним охранять переправу.

Наш дивизион развернулся в лаву и пошел на сближение с советскими цепями. Как только блеснули на солнце клинки и пики были взяты на руку, советские цепи остановились и начали отходить. Наблюдая за тем, что происходит за нашей спиной, мы поняли, что произошло чудо. Этот проклятый замерзавший на нас дождь совершил неожидан-

ное чудо. Он сковал разбитые ледоколом льдины, и полк, растянувшись по одному, перешел без помех главный рукав Дона. Убедившись, что лед прочный и держит, взвод л.-гв. Конной артиллерии со своими двумя горными пушками (мы их называли горняшками) тоже благополучно перешел по свежескованным льдинам.

Тем временем на нашем плацдарме выполнялась задача — не дать противнику подойти вплотную к берегу и открыть огонь по переправе. Мы продолжали ту же политику симулированной атаки и отхода и отогнали противника на должную дистанцию. Наконец ротмистр фон Вак приказал штабс-ротмистру Полянскому отходить на переправу. Кирасиры Его Величества остались одни прикрывать переправу полка.

Понимая всю важность возложенной на нас задачи, мы должны были продержаться возможно дольше, но, оглядываясь назад, мы удивлялись происшедшей за нами переправе. Перед широким руслом Дона образовалось скопление людей и лошадей, тогда как дальше тонкая нить одиночных всадников то терялась в камышах, то снова появлялась при переправе через последующие замерзшие рукава.

Мы только позже, когда сами дошли до переправы, поняли, в чем дело и почему полк так медленно продвигался. Всадники по одному перебирались, таща лошадей на длинном поводу, и лишь когда один доходил до берега, другой начинал переправу.

Невольно приходила мысль: а что будет с нами? Нас никто не прикроет, и, если большевики, следуя за нами, дойдут до спуска, нам придется переправляться под огнем, и что из этого выйдет? Слава богу, направление ветра гнало дым от горящих вагонов напересечку Дона, и за этим экраном вся операция могла быть проведена. Если бы большевики знали обстановку, одна пушка из Ростова отрезала бы нас от левого берега.

Много времени позже мы узнали, что мы не были последними частями, переправившимися в таких тяжелых условиях. Позже нас дошли обозы пехотных частей и с ними американский Красный Крест, имевший летучий отряд. Его начальник Киркпатрик и бывшая при нем Ирина Княжевич попали в плен к Буденному со всеми обозами. Поистине нам повезло!

Снова началось движение вперед с демонстрацией конной атаки. Наконец мы увидели, что за нами чисто, переправа свободна. В последний раз кинулись мы в симулированную атаку, после чего начали отходить, оставив один взвод корнета Максимова с двумя пулеметами прикрывать нашу переправу. Все обошлось благополучно, и настолько, что Максимов, воспользовавшись наличием двух тачанок с пулеметами,

тами, вытащил из горящего вагона два мешка с сахаром и погрузил их на тачанки.

С облегчением достигли мы плавней, но признаюсь, что было жутко вступать на льдину с черным промежутком между ней и другой льдиной. Промысел Божий сделал чудо — разбитые льдины прочно сковались, а как мы проклинали погоду 25 декабря!

Усталые, но счастливые пришли мы на хутор Копор южнее Батайска под защитой пехотных полков Добровольческой армии, которые совсем не ожидали, что какие-то белые формирования остались еще по ту сторону Дона. Оказалось не так, и эти чудом спасенные эскадроны оказались той «пожарной командой», которая позволила пехоте Доброармии удерживать фронт, и не только удерживать, но перейти в наступление и полтора месяца спустя снова занять Ростов.

Как мы спали в эту памятную ночь, можно только догадаться, но наутро нас ждала неприятность. Командир эскадрона кирасир Его Величества, наш любимый друг Петя фон Вак, заболел, как мы предполагали, тифом, и мне пришлось принять от него наш доблестный эскадрон. Считаю своим долгом отметить, что за 15-дневный переход от Павлограда до Ростова ни один кирасир не покинул рядов полка, да и вообще за всю войну ни один солдат не дезертировал, даже находясь в окрестностях своего родного села.

Всем своим моральным успехом Сводно-гвардейский полк обязан совершенно интимной духовной связи, которая создалась между офицерами и солдатами, которые доверяли друг другу и, скажу просто, любили и уважали друг друга.

Прошло много лет, и теперь, вспоминая прошлое, я могу безошибочно сказать, что, если бы в Добровольческой армии были такие полки, как Сводно-гвардейский кавалерийский, никакой враг нам не был бы страшен — наш моральный перевес позволял нам не считать врагов и бить их по-суворовски.

Итак, 27 декабря я вступил в командование нашим лейб-эскадронном, и началась новая славная эпопея, в которой роль конницы в маневренной войне проявила себя в полноте. Номинально мы входили в состав конницы Барбовича (бывшего офицера 10-го Ингерманландского полка и доблестного начальника и георгиевского кавалера). Фактически же наш гвардейский полк действовал самостоятельно, и мы единолично выручали пехоту и казаков из трудного положения — откуда наше прозвище «пожарная команда».

Я использовал наше стояние под Батайском, чтобы занять наших кирасир, не дать им закиснуть от временного безделья. Каждое утро мы выезжали на конные занятия, и я их приучал к немому учению и

достиг таких результатов, что при смотре генерала Деникина я услышал лестное замечание, что такой эскадрон можно было бы представить в Царском Селе.

Наш период учений и подготовки скоро пришел к концу, так как противник, прочно основавшись на правом берегу Дона и использовав замерзание воды, начал свои попытки переправы на левый берег. То он атаковал Кулешовку и выбивал из нее алексеевцев, то он переносил свой удар на Ольгинскую, занятую донскими казаками. В том и другом случае полк вызывался по тревоге и, выйдя на исходную позицию, разворачивался в лаву и шел в атаку. Наших атак большевики не принимали и оставляли занятые позиции. Восстановив положение, мы с песнями возвращались на свой бивак, и нужно было видеть лица наших солдат, гордых своим успехом. Не всегда такие атаки проходили гладко. Раз под Ольгинской, когда мы неудержимо пошли в атаку, большевики кинулись к переправам, но их аррьергард из пулеметных тачанок открыл огонь во фланг, и в моем эскадроне было 6 убитых и несколько раненых.

Мы занимали центральное положение на окраине Батайска и оттуда кидались то вправо, то влево, ликвидировав все попытки прорвать наш слабый фронт.

Наш моральный перевес был таков, что никакие силы ада не могли бы нам сопротивляться, и это я говорю не только об офицерах, но и все наши солдаты были совершенно уверены в победе каждый раз, что раздавалась команда: «Шашки вон, пики на бедро!»

Чувствовалось, что что-то подготавливалось, так как начальство наше начало проявлять к нам внимание, получены были подковы и шипы, но их хватило на ковку только на передние ноги. Затем наш эскадрон был переведен на восточную окраину Батайска, непосредственно за корниловцами, державшими фронт вдоль реки. В сторону Ольгинской была пустынная равнина, и пришлось к вечеру выслать взвод с офицером на брошенный хутор, прикрывавший наш левый фланг, и держать другой взвод в полной боевой готовности.

Во второй половине января дневальный, несший караул перед расположением 2-го взвода, приводит ко мне молодую женщину, писаную красавицу хохлушку. Звали ее Анной, и прибежала она через Дон, одетая в английскую шинель и высокие сапоги, при полном отсутствии белья. Рассказала она нам фантастическую историю о том, как родителей арестовали, затем отца убили и пришли за ней, так как они зажиточные хуторяне. Ей удалось бежать в чем была, на другом хуторе ей дали шинель, и тут ей удалось спастись к белым. Оснований не было ей не верить. Мы ее согрели, накормили, и Аннушка осталась у нас мыть посуду и помогать в Офицерском собрании.

В конце января я получаю запечатанный конверт из штаба полка, предписывающий эскадрону в полной боевой готовности с пулеметами выступить на сборный пункт ровно в 10 часов вечера, обозы остаются на месте. Я вызвал вахмистра и четырех взводных с приказанием выводить взводы на улицу без 5 минут десять. На вопросы о задаче я ничего положительного сказать не мог, но я высказал предположение, что идем за Дон. Сборный пункт назначен был на церковной площади Батайска. Как сейчас помню лицо Аннушки, ставшей на скамейку и блестящими глазами смотревшей на меня, пока я отдавал распоряжения. Я ей сказал, что надо собрать всю посуду, погрузить на сборную тачанку и что она остается на месте. Времени оставалось мало, и мы начали собираться в поход. Пройдя в кухню, вижу, что ничего не собрано из посуды, — где Аннушка? Начали искать, я вышел на улицу и допросил дневальных. Из их ответов выяснилось, что Аннушка пробежала до крайней хаты и завернула к Дону. Все стало ясно — наша Аннушка подосланная шпионка. Она свою задачу блестяще выполнила и успеет предупредить на той стороне, и мы получим достойную встречу.

Трудно передать, с каким чувством я повел эскадрон на сборный пункт. Утаить правды не мог, и, как только мы спешили, я подъехал к генералу Данилову и доложил ему о происшедшем. Генерал нахмурился, посмотрел на часы и что-то отметил на бумаге. Я смотрел на него с отчаянием в душе и спросил, нельзя ли отложить операцию ввиду того, что противник оповещен. Тут лицо Михаила Федоровича расплылось в улыбку, и он меня успокоил, объяснив, в чем дело. Ввиду разбросанности эскадронов в Батайске, было решено проверить, сколько времени нужно, чтобы собрать полк, и потому было назначено выступить в 10 часов. Генерал меня совсем ободрил, сказав, что сейчас мы вернемся по квартирам, «а вашу Аннушку большевики, вероятно, расстреляют за доставку ложных сведений». Генерал Данилов все же меня пожурил за легковёрность, но добавил, что у меня есть смягчающее обстоятельство, раз девка была такой красавицей. Радостными мы вернулись на бивак, и жизнь снова вошла на некоторое время в обычное русло, но наша боевая деятельность продолжалась по тому же шаблону.

18 января красивый конный бой был под Ольгинской, наш полк развернулся на восточной окраине Батайска и, перейдя железнодорожный путь, двинулся в атаку на лавы большевистской конницы, а донцы генерала Старикова³¹¹ атаковали станицу, и горы трупов на мерзлом снегу были ценой, заплаченной большевиками за попытку перейти через Дон. Я особенно хорошо помню этот бой, так как я

был совершенно болен, температура была 40°, и я как в полусне лежал под буркой. Наутро тревога и приказ выступить. Я решил рискнуть, несмотря на 25° мороза. Розеншильд повел эскадрон, а я сел на пулеметную тачанку, закутанный в бурку. Мне подали коня, когда полк начал разворачиваться. Я перекрестился под буркой, сел на коня, а с кургана раздался голос Барбовича: «Гвардейский полк — рысью!»

Развернули фронт, блеснули клинки, и мы, рассыпавшись в лаву, пошли по снежной равнине, пропуская через наши ряды отступавших станичников. Картина была поистине красивой, но большевики удара не приняли и быстро кинулись по гати к Аксаю. Пленных, и много, захватили казаки и жестоко с ними расправились, мы же захватили обозы, но предоставили их казакам.

С песнями вернулись на бивак, и моя 40-градусная температура упала до 37°. Съели борщ и сели играть в бридж.

Приходится сделать вывод: чтобы вылечить сильную простуду в морозный день, надо пойти в конную атаку, — средство радикальное!

1 февраля — новая наша атака на Кулешевку, откуда большевики выбили алексеевцев и заняли тоже Азов. Тоже красивая атака, и опять же успешная — фронт был восстановлен, возвращаясь на бивак, убит был шрапнельным разрывом конногвардеец граф Стенбок-Фермор. Пока наш полк благополучно отделялся легкими потерями, но вскоре эта удача закончилась трагическим боем под Егорлыкской 17 февраля 1920 года.

2 февраля — снова выступление на Ольгинскую, которую большевики облюбовали. Мы спешили во дворах станицы и вывели цепи на окраину. На снегу мне видны были темные фигуры идущих большевиков. Я приказал проверить пулеметы, дав очередь. К ужасу моему, пулеметы замерзли. Наш бедный князь Сидамон-Эристов был в полном отчаянии, я приказал развести костры из соломы и греть кожухи. По цепи передавали солому, чтобы поддерживать огонь, а большевики все приближались. Вложили ленты, и пулеметы застрекотали. Где-то справа послышалось «Ура» и большевики повернули. Это было мое последнее знакомство с Ольгинской, где неприбранные трупы продолжали пугать наших лошадей.

Вечером 6 февраля по тревоге эскадроны собрались в Батайске на церковной площади в 9 часов вечера. На сей раз дело было серьезным. Погода была отвратительная — северный ветер гнал хлопья снега, была форменная пурга и ночь как чернила. Генерал Данилов вызвал к себе командиров эскадронов и объяснил задачу. Впереди будет идти Корниловский полк, который должен занять станицу Гниловскую — ту,

откуда мы с таким трудом выбрались, и создать тет-де-пон. За корниловцами пойдет Сводно-гвардейский кавалерийский с задачей развить успех и обтечь Ростов с запада. За нами будут идти марковцы и дроздовцы. Алексеевцы должны переправиться у Кулешевки и перехватить железную дорогу. Донская конница, действуя со стороны Ольгинской, должна занять Аксай и обтечь Ростов с востока — главная цель взять Ростов и захватить советский бронепоезд на Ростовском узле. Что делать дальше — нашей фантазии предоставлялось дополнить картину.

На следующий день мы способны были идти на Москву, но в эту ночь вера в успех казалась сомнительной. Шли мы всю ночь, вернее — тащились, скользя по льду, пробираясь через камыши, временами в седле, но чаще таща лошадей, задыхаясь от ветра и пролагая свой путь через снежную пургу. Восток забрезжил, но Ростов казался еще далеко, вскоре настало утро, и солнце поднялось в розовой дымке. Ростов был перед нами, когда мы выстроились в резервные колонны, как на ладони, перед Ростовом. Впереди — мертвая тишина, но вдруг раздалась короткая трель пулемета, и снова наступила тишина. Раздалась команда: «По коням — садись» — и эскадроны двинулись за командиром в колонне по три. Вскоре мы поравнялись с первыми домами Гниловской, и выступ местности скрыл от нас вид Ростова. Невольно явилась мысль — почему нас не заметили на льду, почему большевики не открыли огонь, когда мы были такой прекрасной целью? Ответом на этот мысленный вопрос было внезапное открытие огня, совершенно вблизи, в котором смешивалась стрельба корниловцев и стрельба в нашем направлении. Наши эскадроны, тачанки с пулеметами и две горные пушки л.-гв. Конной артиллерии скучились за прикрытием домов, но пули роем летели справа, и получалось впечатление, что мы попали в мышеловку. Артиллерия, так легкомысленно прозевавшая наш полк, открыла беглый огонь по льду по марковцам и дроздовцам, которые понесли потери и бежали к нам под прикрытием. Из разговоров с корниловцами узнали, что они застали большевиков врасплох сонными и командный состав был переколот в поездах. По донесениям от корниловцев, неприятельская пехота густыми цепями идет из Темерника на Гниловскую, а другие части идут по льду, чтобы отрезать наш тет-де-пон.

Момент был критический, надо было сделать что-то, выйти из этой пассивности, вылезти из этой мышеловки. Раздалась команда генерала Данилова: «По коням — садись». Тут я заметил, что ноздри моей кобылы Айши прострелены и на снег сочится кровь. Но об этом думать не приходилось, а так как эскадроны сбились в кучу на маленькой площади, генерал приказал своим кирасирам Ее Величе-

ства идти за ним, а я пошел за ними, а за мной дальше потянулись другие эскадроны, в зависимости от места.

Когда мы прошли зигзагами между домами и дворами, сопровождаемые роем пуль, и вышли в чистое поле к западу от Темерника — предместья Ростова, — нашим глазам представилась величественная картина. Вытянувшись змеей, наш полк шел прямым направлением на север, тогда как густые цепи большевиков шли от Темерника нам во фланг, стреляя на ходу. Нас разделяла замерзшая, запорошенная снегом пашня, по которой рикошетирующие пули с визгом и воем пролетали или находили свою жертву. Ехавший за мною мой вестовой Омельченко — славный, веселый и преданный солдат — получил пулю в голову, и поскакавшая лошадь обогнала нашу колонну, таща его тело с ногой, застрявшей в стремени. Падали люди, падали лошади, но, как замороженные, мы шли прямо перед собой под фланговым огнем справа.

Подъезжает Ника Максимов: «Я ранен в грудь, что делать?» Поняв смысл нашего, казалось бы, безумного маневра, я говорю Максиму-ву сесть на пулеметную тачанку, так как сейчас мы пойдем в атаку. Вдруг — команда строить колонну поэскадронно, что мы выполняем, как на учении, передавая команду задним эскадронам. Затем команда: «Полк, строй фронт», что совершенно неожиданно, так как казалось, что мы поэскадронно пойдем левым плечом вперед и выстроим фронт лицом к противнику. Но генерал судил иначе, и, может быть, он был прав, но маневр оказался необычайно трудным. Я со своим эскадронам выстроил фронт вправо, а все остальные эскадроны влево, но задним эскадронам пришлось идти усиленным галопом и продолжать его после команды «Левое плечо вперед». Полк заворачивал, охватывая фланг противника, тогда как мой эскадрон был осью захождения.

В эту минуту сильный удар в грудь чуть не выбросил меня из седла, я схватился за гриву лошади и грудь. Боль была такой, что хотелось кричать. Ко мне подъехали наших два взводных унтер-офицера, оба кадеты, Кейгерист и Михальский³¹², но по сигналу командира мы, сверкнув клинками, пошли в атаку. Мне приходилось сдерживать аллюр эскадрона, давая эскадронам 2-й гвардейской дивизии заскакать во фланг и тыл. Большевики остановились и начали сбиваться в кучу, тащили какой-то ящик, вероятно, ленты для пулемета.

Теперь уже видны были лица, и, усиливая аллюр, раздалось мощное «Ура!» скачущей конницы. Психологический момент был позади — большевики воткнули штыки в снег и подняли руки. Взято было более 800 пленных, которых отвели от винтовок, и лейб-драгунам было поручено отправить их в тыл и передать корниловцам. Видя такую наступа-

ющую на них колонну, корниловцы открыли огонь, и наши пленные рассеялись по полю. Пришлось их наново собирать.

Когда мы благополучно доскакали, возбужденные победой, тут же на снегу Максимова и меня раздели. У Ники рикошетирующая пуля застряла между ребрами, а у меня пробиты были две шинели, кожаная куртка, шарф, меховой тельник и разбита эмаль на Георгиевском кресте. Как воспоминание — грандиозный синяк. Пока перевязывали раненых, к полку подошли взвод л.-гв. Конной артиллерии барона Фитингофа-Шелля³¹³ и наши пулеметы, которые не могли поспеть за нами по мерзлой пашне.

Ликование было полное, и мы думали, что сейчас пойдем на Ростов, но тут нас ожидал новый сюрприз. В пятистах шагах от нас были железнодорожные пути, описывающие кольцо к северу от Ростова. По ближайшему пути задним ходом шел советский бронепоезд с салон-вагонами и портретами «вождей» на стенах, а в середине — броневые площадки с морскими орудиями. Задумываться не приходилось. Фитингоф снял моментально с передков свои две «горняшки» и гранатой, прямой наводкой открыл огонь по паровозу, из которого повалил пар. Поезд остановился, и из него как горох посыпались матросы в черных куртках, спасаясь бегством.

Вмиг, без всякой команды, полка не было, наши солдаты в конном строю погнались за матросней, и, когда генерал Данилов приказал своему трубачу трубить сбор, полк снова вернулся к сборному пункту, к очень недовольному командиру полка. На белом снегу лежали черные куртки матросов, погибших за свое социалистическое отечество, не оказав сопротивления. Если бы они открыли огонь из 6-дюймовой башни, то на таком расстоянии они смели бы весь полк.

Первый захваченный поезд был «Советская Россия», а следующий, брошенный своей командой, был «Вся власть Советам» и стоявший за ним «Товарищ Чуркин». Другие два поезда достались казакам.

От командира мы узнали, что мы не должны входить в Ростов до подхода донцов, шедших нам навстречу от Аксая. Мы должны ночевать в Темернике. Мы были так возбуждены нашей победой и общим успехом операций после пережитого в Гниловской и сомнения в успехе. Недаром говорится, что «история конницы — это история ее начальников». Мы все восхищались генералом Даниловым, его непреклонной волей и мастерским маневром, который нам показался сложным, но много жизней было спасено этим глубоким обходом.

На рассвете мы были на ногах, ночь продремали в полной боевой готовности. Покинув Темерник и перейдя железнодорожные пути, полк выдвинулся по скаковому кругу к северу от Ростова. Теперь Мос-

ква была за нашей спиной и Ростов как на ладони, и все, что пыталось спастись из города, попадало в наши руки. Солнце стояло высоко, когда в полном порядке наш чудный полк двинулся вперед, и так как кирасиры Ее Величества понесли наибольшие потери, генерал Данилов оказал нам честь войти первыми в Ростов. Моя грудь болела и ныла, и я вел эскадрон, согнувшись в дугу.

Тут, на Нахичеванском проспекте, на нас полным ходом вышел большевистский броневик «Мефистофель», и, признаться, я растерялся. На «Мефистофеле» было два пулемета в боковых башнях, и, если бы он продолжал свой путь прямо перед собой, нам пришлось бы расступиться и пропустить его, но неизвестно почему броневик решил проехать сбоку и застрял в сугробе. Еврей-комиссар, какая-то женщина и шофер вышли из машины и тут же закончили свою жизнь.

Осмотрев внутренность машины, мы поняли, почему беглецы не стреляли: в машине был нагружен ящик табаку и мешки сахару, не оставалось места, чтобы добраться до пулеметов.

Под овации населения мы прошли по Нахичеванскому проспекту, и нас встречали как избавителей, и день был сплошным праздником. Днем подошли казаки, пришедшие из Нахичевани. Если бы этот обхват был совершен накануне, мы могли бы захватить весь Ростовский гарнизон, но высшее начальство, видимо, не хотело обременяться такой обузой. Позже выяснилось, что, пока шла наша столь удачная операция, общая обстановка на фронте совершенно изменилась. Пока что восстановили мост и перегнали на ту сторону пять советских бронепоездов и много товарных вагонов с немалой добычей.

8 февраля с того берега Дона пришло пополнение в наш эскадрон, прибывшее из Крыма. С ним прибыло три офицера нашего полка: штабс-ротмистр Кучин 1-й, Ольхин³¹⁴ и поручик князь Черкасский 2-й. Как младший по производству, я сдал эскадрон Кучину и поехал на день отлежаться в Батайск, где оставался наш обоз. Когда я на следующий день вернулся в эскадрон, то был очень удивлен, увидев отход нашей пехоты на левый берег. Оказывается, Конная армия Буденного переправилась через Дон у Новочеркаска и, продвигаясь по Сальским степям, выходила нам глубоко в тыл. Ночью 9-го наш эскадрон покинул Ростов и укрепился на кожевенном заводе на острове против Нахичевани. Настроение у всех подавленное: столько доблести, потерь, успех — и все это покидается без всякого давления со стороны противника.

Я указал выше, что в эскадроне при выступлении из Павлограда было 110 всадников; наши потери в боях были приблизительно 20, но нашу армию косил тиф, и в тылу, в деревне Ново-Николаевке, была

сплошной лазарет больных сыпным тифом, и в эскадроне было не больше 45 шашек. То же происходило и в других эскадронах, которые приходилось сводить с другими за недостатком людей. Тиф косил всю Добровольческую армию.

Просидев на кожевенном заводе под пулеметным огнем из Нахичевани, мы наблюдали возвращение красных «героев» восвояси. Какая была цель нашего наблюдения, остается энигмой, так как мы просидели целые сутки без возможности показать кончик носа. 10 февраля в ночь — такую же темную — эскадрон под начальством штабс-ротмистра Кучина благополучно покинул свою мышеловку и по плавням и скверной гати выбрался на твердую землю и переночевал наконец в человеческих условиях в Батайске.

На утро 11-го получаю предписание явиться в штаб полка, где уже находился кавалергард Г. Раух. Нам дают деньги и, как нам казалось, фантастическую задачу: следовать в деревню Ново-Николаевку, эвакуировать всех больных в Новороссийск, а из выздоровевших и выздоравливающих собрать сборную часть и привести ее на соединение к полку. Разыскать полк мы должны в районе станицы Егорлыкской. Я вернулся в эскадрон, сообщил Кучину о моей задаче и простился с ним и с Черкасским, не подозревая, что вижу их в последний раз.

Нужно сказать, что выбор пал на Рауха, так как кавалергарды были сведены с конногвардейцами в один эскадрон, а у нас был большой комплект офицеров после прибытия пополнения.

Мы выехали с Раухом и нашими вестовыми и всю дорогу обсуждали, каким чудом мы выполним данную нам задачу.

Дальнейшие события, до перехода с Кубани в Крым, я могу изложить в следующем дополнении моих воспоминаний, но мне хотелось, описав эту исключительную эпопею гвардейской конницы, преклониться перед памятью нашего исключительного вождя — командира Сводно-гвардейского кавалерийского полка на Кубани, генерал-майора Михаила Федоровича Данилова, коренного офицера кирасир Ее Величества — доблестного из доблестных, храбрейшего из храбрых.

Е. Оношкович-Яцына

ВЗЯТИЕ РОСТОВА 7—8 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА³¹⁵

Приобрел прекрасно изданную книгу подполковника В.Е. Павлова «Марковцы в боях за Россию», том 2-й, и мне, естественно, захотелось узнать, как наши боевые товарищи оценили одно из краси-

вейших действий Сводно-гвардейского кавалерийского полка, который 7 февраля своей конной атакой обеспечил взятие Ростова, захватив 800 пленных, 2 бронепоезда, уже не говоря о брошенных противником орудиях. Открыл страницу 211-ю и с удивлением прочел, что нашему полку уделено ровно четыре слова, в то время как вся тяжесть боя легла именно на кавалерию, вернее, на один Сводно-гвардейский кавалерийский полк.

Во имя восстановления исторической правды я пришел к заключению, что надо описать этот бой, исключительный по своей картинности, но, добавлю, совершенно абсурдный с точки зрения правоверной военной науки.

В то время я командовал 1-м эскадронам лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. В строю у меня было 3 офицера и 46 кирасир плюс 2 пулемета Максима на тачанках. Всего в Сводно-кавалерийском полку, под командой генерал-майора М.Ф. Данилова, было 240 шашек.

Стояли мы на восточной окраине Батайска, и 6 февраля в 10 часов вечера полк, поднятый по тревоге, собрался на сборный пункт у церкви. Вызванные к командиру полка командиры эскадронов были поставлены в курс задачи. Задача — взять Ростов. Впереди идут корниловцы, которым приказано с налету занять станицу Гниловскую. Как только тет-де-пон будет обеспечен, наш полк должен обойти Ростов с западной стороны и войти в город со стороны Темерника.

Погода стояла исключительно тяжелая для операции, но, может быть, благоприятная для того, чтобы захватить врага врасплох. Мороз в 25 градусов, снежная пурга и сильный северный ветер. Надел я на себя все, что мог, и в ту минуту не подозревал, что все, что я навьючил на себя, спасет мне жизнь.

Движение через замерзшие плавни и камыши было тяжелым. Лошади были кованы только на передние ноги и скользили на льду. Мы больше вели их в поводу, борясь с неистовым ветром и налепавшимся снегом. Шли мы много дальше, чем предполагалось, и рассвет застал нас на льду в виду Ростова. Полк стал в резервную колонну перед широким рукавом Дона, и было странно, что красные молчат и не стреляют.

Мертвая тишина была нарушена короткой очередью пулемета впереди нас, и по сигналу мы сели по коням и рысью, поскольку позволял грунт, двинулись к Гниловской. Корниловцы сделали великолепную работу — они застали большевиков спящими и перекололи командный состав в вагонах, захватив пути товарной станции и небольшой плацдарм в первых домах Гниловской.

Тут произошло то, что можно было уже давно ожидать, — большевики поняли, что белые пришли, и открыли жестокий огонь по Гниловской и по льду за нами, по которому перебежали марковцы. Они понесли потери от артиллерийского огня по льду, а наш конный полк сбился в кучу за домами, по которым большевики били из пулеметов. Положение казалось очень серьезным, и я не представлял себе, каким чудом мы сможем выбраться из этой западни, так как нельзя было показать носа из-за пуля, роем свистевших над нами и между домами.

Генерал Данилов, с совершенно исключительным спокойствием, отдал приказание кирасирам Ее Величества и моему эскадрону, ближайшим к нему, следовать за ним, и, в колонне по три, мы двинулись по откосу вверх, пройдя мертвое пространство, пока мы не вышли на равнину. Полк вытянулся в колонну и вышел в открытое поле под Темерником. За полком следовали мои две пулеметные тачанки и два горных орудия лейб-гвардии Конной артиллерии под командой Фитингофа-Шеля. Картина представилась величественной, но далеко не успокоительной. Из Темерника, нам во фланг, двигались цепи большевиков на расстоянии полутора верст. Черные точки на снежной равнине ясно указывали на перевес сил не в нашу пользу. Заметив нашу колонну, идущую рысью фланговым маршем, большевики открыли ружейный огонь на предельном расстоянии. Пули сбивали снег и, воя на излете, свистели справа. Начались потери. Ехавший за мной мой вестовой Омельченко был убит пулей в голову, люди и лошади стали падать, а полк, как на параде, продолжал идти фланговым маршем, пока не поравнялся с правым флангом цепей.

Генерал Данилов завернул левое плечо вперед, и раздалась команда: «Полк, строй фронт!» — и мой эскадрон вышел вправо, тогда как все остальные понеслись влево, и развернутый строй начал заходить левым плечом, чтобы охватить правый фланг врага. В эту минуту я получил такой удар в грудь, что, не схватившись я за гриву лошади, я вылетел бы из седла. Ко мне подъехали два наших унтер-офицера и поддерживали за локти. «Шашки вон, пики на бедро» — и, прижимая мою рану, я повел эскадрон на советские цепи.

Генерал Данилов скакал впереди полка и делал мне знаки уменьшить аллюр, чтобы дать левофланговым эскадронам заскакать во фланг. Было нелегко сдерживать лошадей и людей, так как оставаться мишенью, когда в лицо несется рой пуль, частью рикошетирующих на мерзлой пашне, казалось невыносимым. Мое личное состояние было необычным, я примирился с мыслью, что я смертельно ранен и истекаю кровью, но хотелось знать, чем все кончится. Наконец раздалось

громкогласное «Ура!» и настал последний акт, когда мы налетели на сбегающую в кучу пехоту. Моральный перелом произошел, когда мы дошли на 200 шагов, — большевики воткнули штыки в снег и подняли руки.

Сейчас же повели 800 пленных под конвоем лейб-драгун в Гниловскую, чтобы сдать их корниловцам. Но из-за разницы уровня наша атака не была видна корниловцам, и, увидев надвигающуюся густую колонну пехоты, они ее приняли за врагов и покрыли пулеметной очередью. Пленные разбежались по полю, и послан был еще один эскадрон, чтобы их собрать снова.

Как только боевая задача кончилась, меня сняли с лошади, так как боль заставила меня согнуться к луке. Начали меня раздевать, а часть моих кирасир вернулась назад подбирать раненых. Убитых, к сожалению, мы должны были оставить на поле за неимением средств перевозки. Пока на 25-градусном морозе с меня снимали, одну за одной, две шинели, кожаную куртку, козью душегрейку, все оказалось пробитым пулей, но она разбила эмаль на моем Георгиевском кресте, и на груди был большой кровоподтек, а раны никакой.

Пока я одевался с помощью моих кирасир, обстановка снова изменилась. Нужно сказать, что Ростовский железнодорожный узел имеет круговую ветвь, соединяющую главный путь через Дон и железнодорожную линию вдоль Дона. На этой круговой ветви вдруг показался идущий задним ходом бронепоезд с морскими орудиями и салон-вагонами. Поезд дымил и на малом ходу приближался к пункту сосредоточения полка на окраине Темерника. В этот момент подоспел взвод лейб-гвардии Конной артиллерии, и барон Фитингоф-Шель снял свои две горные пушки с передков и приготовился встретить бронепоезда (а их оказалось фактически два — «Вся власть Советам» и «Советская Россия»), которые медленно подходили и расстояние до пути было 300 шагов. Наши две пушки открыли огонь прямой наводкой гранатой по паровозу, откуда поднялось облако пара, и «Вся власть Советам» продефилировал перед нами, не открыв огня.

Поезд остановился, но тут мы поняли, что под его прикрытием матросы в черных бушлатах бросили свой поезд и спасались в сторону скакового круга. Тут произошло нечто совершенно неожиданное, повинование было забыто, и наши солдаты взяли инициативу в свои руки. Как только первый бронепоезд остановился, наши молодцы кинулись через железнодорожное полотно вдогонку убегавшим матросам. Их примеру последовала команда второго бронепоезда «Советская Россия», и равнина сделалась свидетелем одиночных поединков между нашими кавалеристами и матросами. Когда генерал Данилов прика-

зал трубить сбор, на снежной равнине были лишь неподвижные черные точки зарубленных или заколотых матросов.

Наш командир был очень недоволен этим самоуправством, но, когда эскадроны вернулись в строй, нахмуренный генерал только сказал: «Без приказа из строя не отлучаться, помнить дисциплину!»

Наш командир передал по эскадронам приказание стать на квартиры в крайних домах Темерника, не расседывать и половине состава быть в усиленном сторожевом охранении.

Мы, офицеры, собравшись вокруг командира, выражали наше удивление тем, что мы не входим в Ростов, который мы могли взять голыми руками. Я забыл сказать, что, пока мы захватывали в плен бригаду, вышедшую из Темерника, корниловцы и марковцы отбили атаку другой советской бригады, атаковавшей Гниловскую по берегу и частично по льду. У красных деморализация была полная, и ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Однако приказ был приказом, и надо было подчиниться. Дело в том, что казаки, наступавшие от Аксая, задержались в продвижении, и высшее командование хотело замкнуть кольцо, так как путь к отступлению лежал больше к востоку, то есть — из Нахичевани.

Ночь была тревожная, а для меня — мучительная из-за боли в груди, и мы с облегчением вздохнули, когда на рассвете полк снова собрался в резервные колонны и двинулся к скаковому кругу. В виде особой чести генерал Данилов приказал эскадрону Его Величества кирасир идти в голове полка.

Полк двинулся в колонне по Нахичеванскому проспекту к центру. Тут произошло последнее приключение, окончившееся, по счастью, благополучно. Я вел мой эскадрон за командиром полка, по ветру развевались наши значки на пиках, на значке нашего эскадрона был двуглавый орел. Я не представлял собой никакого декоративного элемента, грудь ныла от боли, и я был согнут в дугу. Варуг прямо на нас несется советский броневик с красными звездами, двумя пулеметами, и ясно видна красная надпись «Мефистофель». Что делать? Почему он не стреляет? Броневик несется прямо на нашу колонну и может смести нас! Генерал Данилов командует «Стой!», но тут происходит нечто невероятное: броневик направляется влево и въезжает в огромный сугроб, где его колеса беспомощно буксуют. Открывается задняя дверь, и из машины вылезла тройка: какой-то комиссар в шубе с хорошим воротником, девица в косынке сестры милосердия и шофер. Тут мы поняли, почему броневик не стрелял. Внутри был ящик табака и мешки с сахаром, не позволявшие добраться до пулеметов. Эта тройка была арестована, у броневика поставлен караул, а позже добыча была роздана по эскадронам.

После этого последнего инцидента все прошло гладко. Полк в полном порядке, под овации населения, прошел по Нахичеванскому проспекту и стал на квартиры в центре города. Население не знало, как нас ублажить. Приносили еду, папиросы, вино, словом, полное торжество победителей. Пешие части вошли в Ростов с юга, а кавалерия с севера.

Во всяком бою элемент неожиданности является часто решающим и заменяет собой соотношение сил. Так было 7 февраля 1920 года, когда численно малая единица — Сводно-гвардейский кавалерийский полк, — сильная духом, дисциплиной и, главное, под командой исключительно одаренного, беззаветно храброго и хладнокровного командира, генерал-майора М.Ф. Данилова, лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, кадета Орловского Бахтина кадетского корпуса и юнкера Николаевского кавалерийского училища, совершила одно из самых блестящих, по своим результатам, кавалерийских дел.

Выход под сильным обстрелом превосходных сил наступающей пехоты из тет-де-пона Гниловской, фланговый марш во фланг и тыл противника, не помышляя о собственном тыле, конная атака на нерасстроенную пехоту на ровной местности, начатая за полторы версты, с уверенностью в победе, — это дело рук незаурядного командира, которому верили и за которым шли. Выход полка в тыл Темерника и инцидент с двумя бронепоездами свидетельствуют о том, что противник был застигнут врасплох.

В этом деле не было свидетелей, а через 10 дней был новый кровавый бой под Егорлыкской, в котором погибло 10 офицеров, так что живыми свидетелями боев 7-го и 8 февраля остались только кавалергард Г.Г. Раух и автор этой статьи.

Цель ее — не восхваление своих заслуг, а желание отдать должное нашим офицерам и сроднившимся с ними солдатам, которые, не щадя жизни, честно выполняли свой долг.

Книга, написанная марковцами, показывает, что пешим частям Добровольческой армии действия конницы, то есть Сводно-гвардейского полка, остались неизвестными, а они были решающими, так как полк прошел по тылам противника, окончательно его деморализовал и уничтожил его боеспособность.

Не могу не вспомнить наших кирасир, унтер-офицеров и взводных, бывших кадет, создавших спайку, благодаря которой все чудеса оказались выполнимыми. Борис Николаевич Кейгерист, 2-го кадетского корпуса, Лев Николаевич Вентцель, 1-го кадетского корпуса, Сергей Богданович Богдасаров, Сумского кадетского корпуса, Мату-

севич Марсалий Марсальевич³¹⁶, 2-го кадетского корпуса, Иванов Кирилл Владимирович³¹⁷, 1-го кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Не могу не вспомнить и правоведа Сташевского Михаила Арсеньевича, произведенного в корнеты и убитого под Карповой Балкой в Крыму, на Сиваше, 27 октября 1920 года. Все они честно легли за честь полка и за Россию...

А. Бразоль³¹⁸

МОИ ПОСЛЕДНИЕ БОИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ³¹⁹

После боев в Северной Таврии Сводно-гвардейский кавалерийский полк собрался и выступил на сборное место к штабу дивизии с обозом и комендантской командой, которой командовал я, и пришел в Покровку Херсонской губернии.

25 сентября в четыре часа приказано выступать. Командир полка получил задачу переправиться через Днепр у деревни Утколки и идти на соединение к генералу Бабиеву (Никопольская группа). Дальнейшая наша задача — идти на станцию Апостолаво в тыл и, произведя там разрушение, обрушиться на Каховку и отрезать засевших там красных.

Наш отряд — Конная дивизия генералов Бабиева и Науменко, отдельная Терско-Астраханская бригада и много артиллерии. В одной нашей дивизии — 30 орудий. Обоз остался в Верхнем Рогачике.

Шли с проводником, медленно и под конец стали биваком у деревни Бабино, на берегу Днепра. Лошадей не расседывали.

26 сентября. Ожидаем переправы, вызваны кухни. Отряд вышел на сборное место у Бабина.

Корпус двинулся к деревне Утколке, где был наведен понтонный мост. Переправились благополучно и стали в резервной колонне, ожидая подхода частей. Двинулись шагом на север, вечером переправились через два рукава речки вброд. Броды топкие и глубокие.

Глубокой ночью пришли в Кут Грушовка, где стали на 2—3 часа покормить, не расседывая, лошадей.

27 сентября. На рассвете выступили переменным аллюром дальше на север, через Устье Каменка, Шолохово. При проходе через железную дорогу были обстреляны красным броневиком. Ночевали в Грушовке.

28 сентября. Рано утром ушли. Задача не была известна. Маневрировали, стояли в резервной колонне — весь корпус. Некоторые полки начали вязываться в бой.

С холма были видны колонны противника. Справа появилось пять броневиков, которые были удачно обстреляны и взяты в плен. Командир полка полковник Ряснянский³²⁰ приказал быть готовыми к атаке на конницу.

Среди начальства чувствовалось легкое смятение ввиду того, что противник преобладал над нами в силе. Командир полка и я с ним выехали вперед выяснить обстановку перед предстоящей атакой. На бутре в это время были командир бригады генерал Попов, полковник Ряснянский, адъютант полка полковник Муханов³²¹ и я.

Видимо, момент атаки был упущен, и начали снова выжидать. Стояли в резервной колонне до четырех часов дня, после чего двинулись вперед.

В это время показали цепи красных, которые наступали в нашу сторону. Одновременно с этим к полковнику Ряснянскому подскакал офицер бригады генерала Агоева³²² (терцы и астраханцы) с просьбой их поддержать, т. к. они идут в атаку на большевистскую пехоту. Командир полка приказал 3-му и 4-му эскадронам быть готовыми к атаке.

По обстановке надо было атаковать, и полковник Ряснянский выскочил на бутор и наблюдал за наступлением противника. 3-й и 4-й эскадроны по личному почину (полковник Длусский) бросились в атаку, и полковник Ряснянский со мной и моими ординарцами пустился вперед их догонять.

Сопротивление было не очень сильное, и дивизион взял свыше 1000 пленных и 2 орудия, так что атака была успешная, и красные начали отходить. Наша кавалерия двинулась вперед, а затем на станцию Чертомлык и в сторону Никополя.

Под вечер стрельба противника усилилась и 36-й и 1-й полки вступили в бой. Несмотря на темноту и на то, что квартирьеры были высланы, полку снова надо было готовиться к атаке.

Стрельба скоро затихла, и стало спокойнее. Полк пошел на бивак и стал в деревне Лапинке. Расседлали лошадей. Я послал ординарцев собирать винтовки с поля сражения.

29 сентября. Утром полк выступил для дальнейшего наступления. Шли на Шолохово, где должны были соединиться с генералом Бабиевым и генералом Агоевым, но уже в пути стало ясно, что мы не дойдем, т. к. красные начали переходить в наступление.

Вперед был послан офицерский разъезд от 10-го гусарского Ингерманландского полка полковника Эмниха 1-го³²³. В авангарде шел 4-й эскадрон Гродненского гусарского полка, который, дойдя до Ново-Николаевки, наткнулся на красных. Полк остановился, ожидая под-

хода других полков дивизии. Пулеметы выкатили вперед занять позицию против деревни Ново-Николаевки.

Я находился с командиром полка полковником Ряснянским на правом фланге, на бугре, где стояли пулеметы ротмистра Пашкова (кавалергарда). С бугра было прекрасно видно — группировка красной конницы была как на ладони.

Начался обстрел деревни, и красные отвечали. Слева на горизонте маячила лава красных, а за Ново-Николаевкой было видно большое количество конницы. Донесли, что справа находится полк красных.

Приехал генерал Выгран и приказал полку собраться и передвинуться влево. Полковник Ряснянский и я с ординарцами поехали вдоль фронта к полку. Обстрел усиливался, и мы пошли рысью.

В этот момент меня ранило в голову, в правый висок, и пуля вышла через левый висок. У меня было такое ощущение, как будто меня кто-то ударил по голове. Я качнулся вперед к шее кобылы Лезгинки, а потом упал навзничь. Сознание я не потерял, но некоторое время не мог двигаться и не мог говорить, но услышал голос полковника Ряснянского, который крикнул:

— Подберите полковника Бразоля, он убит!

Через несколько минут я смог сделать движение пальцами, чтобы показать, что я жив.

В скором времени ко мне подошел фельдшер 6-й конной батареи, который меня перевязал. В этот момент около меня были Аля Пашков, Муханов (улан Его Величества), а потом подошел и Ника Максимов. Им всем я сказал, что я жив, но что у меня очень болит голова и такое ощущение, будто у меня отбили часть черепа.

Я долго ждал... Наконец приехала из Никополя повозка, на которую меня положили. Полк сделал все возможное, чтобы облегчить мое положение и вывезти меня из линии боев. Корнет Сергей Всеволожский²²⁴ был назначен сопровождать меня до полкового госпиталя (это 250 верст). Кроме того, была назначена сестра милосердия Анна Слицина и два кирасира из комендантской команды.

Возница вел лошадь в руках и принимал все меры предосторожности, чтобы меня не трясло, но я нервничал, и мне все казалось, что меня везут слишком быстро.

Двинулись мы к городу Никополю, куда с темнотой прибыли, и меня уложили на кровать в хате. Спать я не мог, очень болела голова, и было постоянное головокружение. Заботливая сестра милосердия давала мне пилюли, чтобы облегчить головную боль, а два кирасира следили за тем, чтобы около моей хаты не было движения.

С рассветом двинулись дальше на юг. На вторую ночь остановились где-то южнее Никополя. Третью ночь провели в Большой Знаменке. Ехали только шагом. Четвертая ночь была в Верхнем Рогачике. Здесь меня навестил полковник Дворжицкий²²⁵ (улан Ее Величества). Я его не видел, т. к. мое лицо так распухло, что я едва видел свет. Пятая ночь была в Покровке, шестая в Ивановке, седьмая в Петровском, восьмая в Рыкове, девятая в Васильевке, что на Чонгарском полуострове.

Дальше переправились через Чонгарский мост по направлению к Крыму. Десятую ночь ночевали в районе Джанкоя, это уже в Крыму. После этого ночевали в Граматюкове, и после двухнедельного путешествия, проделав 250 верст, меня привезли в немецкую колонию Окречь, в полковой госпиталь, где находился и штаб полка. Туда я прибыл 14 октября 1920 года.

Здесь мне сделали перевязку (доктор Корнин?). Все встретили меня очень радостно, т. к. ходили слухи, что я где-то по дороге умер от тяжелого ранения.

Через несколько дней приехала за мной моя сестра Таня, которую из Феодосии привез Ермолинский. Она была удивлена, что меня не несли, а что я смог идти сам, с помощью санитаров.

Из Окречи Таня меня привезла в свой госпиталь имени генерала Алексеева, который находился в Феодосии. В этом госпитале Володя, мой брат, был заведующим хозяйством. Меня поместили в палату, в которой было еще трое раненых офицеров, кроме меня. Фамилий их не помню, только помню, что рядом со мной лежал полковник Генштаба, который был ранен в руку и ему надо было делать гимнастику пальцев, что он и делал очень часто. Из сестер милосердия, кроме Тани, еще помню Магду Рапонет.

В скором времени меня повезли на снимки рентгеновых лучей. После результата снимков хирург Кедровский сказал, что у меня сквозное ранение в оба виска, — пуля прошла между зрительными и двигательными нервами, на один волосок не затронув их. Осколки черепа остались в ране, но на это не надо обращать внимания, т. к. они заволокутся тканью и мешать не будут. Операции делать не следует.

У меня сохранилось хорошее воспоминание о госпитале и об уходе за мной. Я, вероятно, пролежал в этом госпитале около двух недель. За это время я набрался сил и мои головокружения прекратились.

Настала тяжелая минута эвакуации Феодосии после прорыва у Джанкоя. Мне пришлось взять свой чемодан с вещами и ехать на

пристань грузиться. Для раненых был приготовлен старый грузовой пароход «Петр Регир», который должен был пойти на слом, но ввиду того, что пароходов не было, его приспособили для перевозки раненых в Константинополь.

Погода стояла хорошая. Пароход был перегружен. На палубе расположились легкораненые и персонал госпиталей. Я, как тяжелораненый, получил место в трюме, где все лежали вповалку, было тесно и душно...

Покинули мы берега России и взяли курс на Константинополь. Море было спокойное. Еды было мало, кормили нас консервами из солонины, кукурузным хлебом и чаем. Последние дни было мало пресной воды.

Добрались мы до Константинополя хорошо, долго держали карантин, и нас заедали вши. В то время как мы стояли на рейде, в карантин подплаывали турецкие торговцы в лодочках и торговая шла очень бойко. Денег было мало, так что Таня продала свое кольцо за буханку хлеба и хааву.

Томительно шло ожидание выгрузки, но в один прекрасный день подплыла лодочка к нашему пароходу и голоса снизу вызвали меня. Оказалось, что корнет Измайлов³²⁶ был прислан за мной из Константинополя, чтобы перевезти меня к остальным кирасирам, которые уже были в Константинополе. Меня по трапу спустили вниз и доставили на сушу. Вскоре всех выгрузили, и Володя, Таня и я оказались вне опасности, но не в России, а на чужой земле...

А. фон Баумгартен³²⁷, А. Литвинов³²⁸

КИРАСИРЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ³²⁹

Потеря, при эвакуации из Крыма, архива полка³³⁰, за период его существования во время Гражданской войны, полная неуверенность в сохранности дел полка, оставшихся в Советской России, побуждает, собрав и систематизировав имеющийся небольшой материал, выпустить настоящую памятку. Приводимая в памятке оценка общих событий, военной обстановки и особых условий Гражданской войны, не претендуя на абсолютную историческую верность, описана на основании фактов и сведений, доходивших до полка, и в освещении событий, как они представлялись в то время участникам.

Большую помощь в деле составления памятки оказали полковник барон Ф.Н. Таубе и штабс-ротмистры П.М. Корженевский и

Н.В. Тимченко³³¹, а в составлении боевого формуляра прошлой войны — подполковник Г.Н. Одинцов, ротмистр Г.А. Гоштовт³³² и подполковник Б.Н. Третьяков³³³. Памятка была составлена и приготовлена к печати еще в начале 1921 года в городе Константинополе, но само издание ее стало возможным лишь теперь, благодаря содействию офицера полка штабс-ротмистра Н.А. Швабе³³⁴, который для этой цели предоставил безвозмездно свою типографию в распоряжение издателя.

Январь — октябрь 1918 года

По расформировании полка большая часть офицеров собралась в Киеве, куда к этому же времени подъехали по расформировании стрелкового полка офицеры, в нем служившие, а в начале января 1918 года в Киеве собралось около 25 офицеров полка, которые были фиктивно прикомандированы к штабу дивизии, чтобы легализовать их пребывание в городе, ввиду постановления Центральной украинской рады, что в Киеве могут оставаться лишь офицеры украинских частей и частей Русской Армии, находящиеся в стадии расформирования.

В январе вспыхнуло в Киеве большевистское восстание арсенальных рабочих, и борьба их с украинскими войсками продолжалась в течение 9 дней. 21 января Киев после боев был взят большевиками, подошедшими с севера, и на улицах происходили бои.

Террор, произведенный большевиками в Киеве, нанес полку тяжелые потери. 26 января были арестованы и расстреляны в Мариинском парке во время массового расстрела офицеров полковник Владимир Владимирович Чебышев, штабс-ротмистр граф Николай Николаевич Армфельд, поручик Михаил Аркадьевич Васьянов и корнет Юрий Евгеньевич Владиславлев³³⁵. Тела убитых были найдены 28 января Еленой Николаевной Бенуа (ныне княгиня Гагарина), самоотверженно в течение двух суток разыскивавшей убитых и нашедшей их во дворе анатомического музея военного госпиталя в следующем виде: все, кроме тела полковника Чебышева, были только в белье, у полковника Чебышева была разрезана грудь и оттуда полувынуто сердце, штабс-ротмистр граф Армфельд — лицо разбито, тело в синяках и кровоподтеках, шея искривлена, поручик Васьянов — в рот всунут пустой кошелек, корнет Владиславлев — пальцы одной из рук сложены в виде кукиша. Погребены они были 30 января на братском кладбище без духовенства, и лишь через три недели, по занятии Киева немцами, на кладбище была отслужена панихида в присутствии офицеров полка и

могила приведена в порядок. (Одновременно с ними были расстреляны в том же парке следующие офицеры гвардейской кавалерии: Кавалергардского полка штабс-ротмистры Гернгросс³³⁶, Скалон³³⁷, князь Голицын³³⁸ и корнет князь Долгоруков³³⁹, Конной гвардии прапорщик князь Белосельский-Белозерский³⁴⁰, Кирасирского Его Величества полка штабс-ротмистр Бартоломей³⁴¹ и корнет Бразоль³⁴², Конно-гренадерского полка полковник Стефанович³⁴³, Уланского Его Величества полка полковник Домонтович³⁴⁴ и штабс-ротмистр Рембелинский.)

По прибытии штабс-ротмистра Максимовича³⁴⁵ с делами полка в Гатчине была образована ликвидационная комиссия в составе председателя штабс-ротмистра Максимовича, адъютанта штабс-ротмистра Швабе, полкового делопроизводителя Варнашева и нескольких членов полкового комитета. Комиссия просуществовала до середины апреля 1918 года. По окончании ликвидации дела полка (3 больших ящика), главным образом хозяйственные, по распоряжению военного комиссариата были сданы в Главное военное управление в инженерный замок, где большевиками был устроен архив для хранения дел Русской Армии. Часть офицерских дел, послужные списки, хранившиеся в канцелярии тома истории полка были розданы на хранение по квартирам некоторых офицеров. К моменту прибытия ликвидационной комиссии в Гатчину полковой цейхгауз еще не был разгромлен, но попытки комиссии спасти имущество успеха не имели. Сначала цейхгауз начали растаскивать, под всякими предлогами, трубачи и кирасиры, находившиеся в Гатчине, окончательный же разгром был произведен красноармейскими обозами (частей, действовавших против немцев на Псковском направлении), а частью и местными жителями. В дни разгрома цейхгауза было больно смотреть на толпы хулиганов и красноармейцев, шеголявших в наших бескозырках и колетах, и видеть извозчиков лошадей, покрытых нашими вальтрапами. Единственное, что в это время не было растащено, — это кирасы, палаши, каски, орлы, которые оставались лежать в цейхгаузе среди кучи разломанных и разорванных вещей.

Вся тяжесть ликвидации дел полка и все малоприятные по этому поводу сношения с большевистскими учреждениями выпали на долю штабс-ротмистра Максимовича, и лишь его тяжелой работой удалось спасти часть документов и сохранить кое-какие денежные суммы, примерно около 13 тысяч рублей. (Этот остаток дал возможность выплачивать офицерам в течение 4 месяцев жалованье, вернуть взносы в заемный капитал и впоследствии уже в Киеве покрыть расходы, связанные с формированием полка.)

Таким образом, в средних числах апреля 1918 года окончательно закончил свое существование полк, «набранный в Москве в 1704 году

по Указу Его Царского Величества Царя Петра Алексеевича по разбору боярина Тихона Никитыча Стрешнева», служивший верой и правдой престолу и Родине в течение двухсот с лишком лет.

Полк прекратил свое существование, но офицерский состав, спаянный узами дружбы и традиций, не расплылся. Примерно к апрелю 1918 года образовалось три основные (по месту жительства) группы: Петроградская — главная масса, около 20 человек: полковники барон Таубе, Мордвинов³⁴⁶ и Соколов³⁴⁷; ротмистры Гросман³⁴⁸, Искандер 1-й³⁴⁹, князь Урусов³⁵⁰, Зернец³⁵¹, Балицкий³⁵², Аршеневский³⁵³ и Розенберг³⁵⁴; штабс-ротмистры Максимович, Дараган³⁵⁵, Одинцов, барон Розенберг³⁵⁶, Полянский, фон Витторф 1-й³⁵⁷, Эттинген³⁵⁸, Швабе, Рихтер³⁵⁹ и Энгельгардт³⁶⁰; поручики Кожин 1-й и Лагранж³⁶¹; корнет Литвинов. Московская: ротмистры фон Баумгартен 1-й и Гоштовт; штабс-ротмистры Поливанов³⁶² и Дерюжинский³⁶³; корнеты Кожин 2-й³⁶⁴ и Кисель-Загорянский³⁶⁵; прапорщик Зырев³⁶⁶. Южная — в состав которой входили почти все остальные офицеры, более разбросанная, центром которой являлся Киев. Положение Южной группы резко улучшилось в сравнении с Петроградской и Московской после оккупации Юга России немцами: многие владели недвижимой собственностью и жизнь вне территории Советов протекала в сравнительно хороших условиях. Не то выпало на долю Петроградской и Московской. Конфискация имущества, бесправие, усиливающаяся деятельность чрезвычайек, постоянные обыски и аресты и нравственный гнет — все это переносилось нелегко. Отсутствие у большинства средств и службы вынуждало жить на продажу вещей и открывать то магазины случайных вещей, то другие коммерческие предприятия. Средства существования подчас приходилось добывать и черной работой.

Роспуск людей при расформировании полка официально был произведен как увольнение в двухмесячный отпуск, после которого полк должен был собраться в гвардейском Запасном кавалерийском полку; и незначительная часть кирасир, числом около 60—80, действительно прибыла в марте в Кречевицкие казармы, так что одно время поднимался вопрос о командировании туда нескольких офицеров; но, ввиду создавшейся политической обстановки, вопрос этот отпал, и люди разъехались.

Нужно отметить, что после расформирования полка кирасиры при встречах со своими офицерами в разных углах России и при разнообразной обстановке были настроены дружелюбно: можно было бы назвать многих кирасир, помогавших своим офицерам в эти тяжелые дни, уже не говоря о денщиках, большинство которых сопровождало

офицеров до мест их постоянного жительства. Многие кирасиры при разъезде из полка оставляли офицерам свои адреса, с просьбой вызвать их в случае начала формирования полка (что при новом формировании, к сожалению, сделать не удалось, ибо начало формирования полка совпало с волнениями в Малороссии и падением власти гетмана; посланный для этой цели в ноябре 1918 года из Новороссийска корнет Литвинов уже не смог проехать дальше станции Лозовая). В Петрограде летом 1918 года бывший вахмистр 2-го эскадрона Галанцев и группа унтер-офицеров того же эскадрона образовали артель по скупке серебра; узнав о тяжелом материальном положении бывшего командира 2-го эскадрона полковника барона Таубе, они в весьма красивой форме предложили ему принять участие в своей артели и дали возможность заработать несколько тысяч рублей. В начале 1918 года, при занятии города Ростова большевиками, кирасир Холоденко пригласил к себе на квартиру полковника Данилова и скрывал его в течение наиболее острых дней террора.

8 мая 1918 года, накануне полкового праздника, в Гатчине в полковой церкви в присутствии старшего полковника барона Таубе, группы офицеров и нескольких кирасир была отслужена панихида по погибшим в течение войны офицерам и кирасирам. 9 мая, в день полкового праздника, в общем зале ресторана «Медведь» был устроен обед, на котором присутствовало около 15 офицеров. 10 мая на квартире ротмистра Аршеневского состоялось общее собрание господ офицеров в присутствии бывшего командира полка генерал-лейтенанта Арсеньева³⁶⁷ и 27 офицеров. На собрании был прочтен акт о последних днях полка. Затем полковник барон Таубе доложил о судьбе имущества Офицерского собрания; после увоза в июне 1917 года наиболее ценного в историческом отношении в Москву и нескольких небольших краж (как то бильярдных шаров и других мелочей), произведенных красноармейскими часовыми, все остальное имущество находилось в сохранности в здании Офицерского собрания. В ноябре 1917 года, ввиду желаний местного гатчинского совдепа взять здание Собрания в свое ведение, были командированы в Гатчину полковник Мордвинов и штабс-ротмистр фон Эттинген, которые перевезли имущество Собрания, исхлопотав предварительно на это разрешение в Смольном, ввиду отказа о выдаче его местным совдепом, на снятую для этой цели дачу Кубе. Здание Собрания перешло в ведение совдепа и через месяц уже было в сильно загроможденном виде.

На собрании было решено: ввиду имеющихся сведений о желании гатчинского совдепа наложить руку на имущество, продать все, за исключением обстановки комнаты Императрицы Марии Алексан-

дровны и ее библиотеки, которые продолжают хранить. Деньги, вырученные от продажи имущества, решено было предназначить для помощи нуждающимся офицерам. Сознавая, что существование полка в данный момент невозможно, но учитывая возможность формирования его в будущем, собрание постановило: сохранить в неприкосновенности аппарат по управлению полком в лице старшего полковника барона Таубе, адъютанта штабс-ротмистра Одинцова; в помощь им и на должность казначея был избран штабс-ротмистр Максимович. На вышеозначенных лиц была возложена выдача пособий. Бывшие командиры полка генералы Арапов³⁶⁸, Арсеньев и бывший офицер полка генерал Дрозд-Бонячевский³⁶⁹ были избраны в наблюдательный финансовый комитет. После предупреждения генерала Арсеньева о более осторожных поступлениях в различные организации (коих в Петрограде насчитывалось много) и обещания известить в случае надобности через полковника барона Таубе всех офицеров, собрание, постановив известить офицеров Южной группы о вынесенных решениях, закрылось. Постановление собрания о продаже имущества осуществить не удалось, ликвидация обстановки Собрания встретила затруднение вследствие отсутствия покупателей. Попытки спасти библиотеку Императрицы Марии Александровны (большая часть книг коей была с ее собственноручными отметками) успехом также не увенчались: в июне на просьбы, обращенные в Эрмитаж и музей Императора Александра III о принятии библиотеки на сохранение, был получен отказ. В конце 1917 года и в начале 1918 года полковник барон Таубе возбуждал ходатайство о принятии библиотеки на хранение перед датским и шведским консулами, весной перед немецкой миссией, прибывшей в Петроград, а позднее перед Луначарским и другими комиссарами, имевшими отношение к искусству и старине, — отовсюду был получен отказ, и библиотека подверглась той же участи, что и остальное имущество, а именно: в конце июня 1918 года гатчинский совдеп наложил на имущество Собрания арест и опечатал дом, где оно хранилось. Перед наложением печатей части офицеров (барон Таубе, Мордвинов, Соколов, Максимович, князь Урусов, Зернец, Одинцов, Розенберг, Швабе, Энгельгардт и Эттинген) удалось разобрать к себе по квартирам кое-какие вещи и мелочь, а также некоторые книги. Судьба остального имущества неизвестна (часть собранской мебели в октябре 1918 года находилась в гатчинской Чрезвычайке).

В течение лета 1918 года начинают проникать в Советскую Россию более определенные слухи о вооруженных силах, ведущих борьбу с большевиками на Юге и Юго-Востоке России. В Совдепии же продол-

жается все усиливающийся террор, производятся обыски и аресты, а после взятия Казани чехословаками преследование офицеров принимает определенно систематический характер. В начале осени в Петрограде и Москве почти одновременно производится поголовно регистрация офицеров, не служащих в советских учреждениях и Красной армии. Регистрация эта, сопровождаемая арестом нескольких десятков тысяч, производится в столь кошмарных условиях, что вызывает протест даже рабочих.

В это же время большевики приходят к заключению о необходимости привлечения в ряды Красной армии старого офицерского состава, и готовится декрет о мобилизации офицеров. Считая для себя невозможным службу в Красной армии, большинство офицеров Петроградской группы с августа поодиночке, часто рискуя жизнью, начинают перебираться через советскую границу в местность, оккупированную немцами, руководимые надеждой послужить Родине в борьбе с большевиками. Большая часть перебралась на Украину, часть на Псков (около 12 человек осталось в Совдепии, из коих половина перебралась впоследствии. Из числа оставшихся в 1920 году полк узнает о смерти двоих, судьба остальных неизвестна). Офицеры Московской группы поступают аналогично Петроградской, после крушения крупного антибольшевистского заговора, в котором все офицеры полка, бывшие в Москве, принимали участие. В течение сентября большинство офицеров, выбравшихся из Совдепии на Украину, собираются в Киеве. Разобравшись в обстановке, узнав о существовании целого ряда антибольшевистских армий: Добровольческой, Южной, Астраханской, Украинской и Донской, получив сведения об их организации, девизах и условиях формирования, большинство офицеров на предварительных совещаниях при оживленном обмене мнений приходят к заключению о необходимости принять активное участие в вооруженной борьбе с большевиками.

1 октября нового стиля в здании клуба кадровых офицеров происходит общее собрание, на котором присутствуют: полковники Данилов, барон Таубе, Соколов, ротмистры князь Урусов, фон Баумгартен 1-й, барон Кнорринг³⁷⁰, штабс-ротмистры Третьяков, Поливанов, Дараган, Одинцов, Полянский, поручик Веселовский и корнет Стаценко. После долгих дебатов большинством голосов (11 против 2, ротмистра князя Урусова и барона Кнорринга) выносится постановление о начале формирования полка. О вынесенном постановлении офицерам, не присутствовавшим на собрании, сообщается письменно.

Как поется в полковой песне о начале формирования полка: «Долго спорили о том, где мы кровь свою прольем», пока пришли к зак-

лючению, по выяснении всех данных «за» и «против» каждой армии, что наиболее подходящими являются для нас Донская и Добровольческая, особенно последняя, бывшая в то время единственной в России носительницей национальной русской идеи. Для детального выяснения вопроса о формировании были командированы, на Дон к генералу Свечину³⁷¹ и Краснову³⁷² и в Екатеринодар к генералу Алексееву³⁷³, полковник Данилов и штабс-ротмистр Одинцов. С результатами переговоров штабс-ротмистр Одинцов должен был вернуться в Киев и доложить о них офицерам. В средних числах октября нового стиля прибыл штабс-ротмистр Одинцов и на общем собрании выяснилась следующая картина: в Донской армии имеется из частей гвардии, кроме лейб-гвардии Атаманского³⁷⁴ и лейб-гвардии Казачьего³⁷⁵, только один Финляндский полк (не под своим названием). Со стороны донского командования полное желание идти навстречу формированию полка.

Генерал Краснов предложил доставить людей и лошадей, снаряжение и обмундирование в количестве, необходимом для немедленного формирования полка. В Добровольческой армии предполагается к формированию Сводно-гвардейский полк из офицеров гвардейской пехоты, в состав которого войдут «ячейки» почти всех гвардейских полков. Наличие в рядах армии офицеров полка: ротмистра Агрелева³⁷⁶, штабс-ротмистров Гончаренко и Энтельгардта, перспективы, на которые указывал полковник Кутепов, — все это способствовало окончательному решению начать формирование полка в Добровольческой армии, несмотря на те тяжелые условия, в которых она находилась в сравнении с другими армиями, и несмотря на большие материальные преимущества, связанные с созданием полка в Донской армии при вполне благожелательном отношении атамана Краснова.

Новороссийский период (октябрь — ноябрь 1918 года)

К концу октября 1918 года в Добровольческой армии распоряжением высшего командования был сформирован Сводно-гвардейский полк. В этот полк вступили и некоторые офицеры гвардейской кавалерии, образовавшие при полку команду конных разведчиков, начальником коей был штабс-ротмистр князь Черкасский (Кирасирского Его Величества полка). Большая часть гвардейской кавалерии (главным образом конногренадеры и уланы Его Величества) состояла в Запасном кавалерийском полку полковника Гершельмана³⁷⁷ и часть (кава-

лергарды и Конная гвардия) — в Черкесской конной дивизии³⁷⁸. Формирование кирасир Ее Величества представилось наиболее удобным начать при Сводно-гвардейском полку, куда первыми прибыли полковник барон Таубе, ротмистр фон Баумгартен, штабс-ротмистр Одинцов, поручик Кожин и корнет Литвинов. Команда конных разведчиков была развернута в эскадрон, командиром которого, приказом по полку от 24 октября, был назначен полковник Данилов. В начале ноября прибыли штабс-ротмистры Поливанов, Полянский, фон Баумгартен 2-й³⁷⁹, Рубец, Похвиснев и Дерюжинский, поручик Веселовский и бывший офицер полка, состоявший в запасе, поручик Деконский; кроме того, переходят из Запасного кавалерийского полка находившиеся там с августа 1918 года штабс-ротмистры Гончаренко и Энгельгардт, зачисляется в списки и находится в постоянной командировке в штабе армии полковник Апрелев, прикомандирован прапорщик Литвинов 2-й. Прибывают первые добровольцы: вольноопределяющийся Николай Николаев, юнкера кавалерийских училищ Беллев, Кашин³⁸⁰ и Сементовский³⁸¹, коренные кирасиры старого полка трубач Павел Иванов и писарь Леонид Холодненко, много других добровольцев — подпрапорщик Яков Аборнев, унтер-офицер Василий Чесновский (первый и второй вахмистры 1-го эскадрона, оба впоследствии убиты), Николай Бабаченко (впоследствии вахмистр нестроевой команды), три брата Булгаковы — Алексей, Гавриил и Михаил, Леонид Ира³⁸², Донат Кунле, Иван Грузинский и другие и несколько мобилизованных.

По существовавшему в Сводно-гвардейском полку правилу официальное формирование возрождающихся частей допускалось лишь при наличии 14 офицеров конного полка, так что формирование кирасир Ее Величества являлось возможным в виде выделения их на первое время в отдельный эскадрон. Утверждение этого состоялось 14 ноября — в день рождения Августейшего шефа полка. В ответ на всеподданнейшее поздравление кирасир, посланное Ее Величеству к этому дню, полковнику Данилову была доставлена женщиной-добровольцем Собственноручно написанная шефом телеграмма с благословением служения Родине.

Таким образом, в день рождения своего Августейшего шефа кирасиры Ее Величества снова получили возможность служить Родине под своим старым именем, явившимся как бы символом тех задач, которые они свято хранили в своих сердцах. К этому дню в эскадроне числилось 16 офицеров и 27 кирасир, и полк явился первым из полков гвардейской кавалерии, возродившим свое имя в Добровольческой армии и положившим начало формированию остальных полков гвардейской кавалерии.

13 ноября, ввиду прибытия в город Новороссийск эскадры союзников, часть офицеров была командирована состоять при иностранных офицерах в дни чествования их в Новороссийске и Екатеринодаре.

17 ноября Сводно-гвардейский полк, до сего времени формировавшийся в Новороссийске, неожиданно был отправлен на Ставропольский фронт, штаб полка и эскадроны конных разведчиков и кирасир Ее Величества, под командой полковника Данилова, расположились в городе Ставрополе. Пребывание там оказалось непродолжительным, и в начале декабря полк вернулся обратно в Новороссийск, куда к этому времени прибыли еще штабс-ротмистр Сахаров со своим денщиком, старым кирасиром Вожиною, и корнет Кисель-Загорянский. С начала декабря дальнейшее прибытие офицеров в Добровольческую армию прекратилось. Малороссия, объятая вихрем беспорядков после падения гетмана и ухода германских войск, явилась препятствием для проезда на Кубань. Видя поэтому невозможность дальнейшего прибытия офицеров и связанного с этим разворачивания, кирасирам Ее Величества пришлось временно отказаться от идеи самостоятельного формирования своего полка, и 6 декабря, по инициативе полковника Данилова, согласно постановлению бывшего накануне общего собрания офицеров, состоялось соглашение со старшими представителями других полков 1-й гвардейской Кавалерийской дивизии полковником Косиковским (Кавалергардского полка) и штабс-ротмистром фон Вико (Кирасирского Его Величества полка) о формировании Сводного полка Кирасирской дивизии, о чем несколько позже и было возбуждено соответствующее ходатайство. Для дальнейшего пополнения полка офицерами было решено прикомандировывать к полку молодых офицеров других частей, руководствуясь правилами, установленными в прежнее время при приеме офицеров в полк. Форма полка этим офицерам давалась лишь по признанию их достойными после службы в полку в течение нескольких месяцев. На этих же основаниях предполагалось представлять к производству в офицеры юнкеров и вольноопределяющихся.

Около того же времени, по распоряжению дежурного генерала штаба армии, все офицеры гвардии, в каких бы частях они ни находились, были откомандированы в Сводно-гвардейский полк, куда, вследствие этого, должны были прибыть и отсутствовавшие офицеры Конной гвардии. Таким образом, в Сводно-гвардейском полку собрались, помимо кирасир Ее Величества, кавалергарды и кирасиры Его Величества. Офицеры Конной гвардии прибыли в эскадрон конных разведчиков в двадцатых числах декабря. Находившиеся в полку офицеры гвардейской легкой кавалерии постепенно перешли в Запасный кавалерийский полк, переброшенный уже в Крым.

Формирование полка (декабрь 1918-го — январь 1919 года)

В середине декабря полк вступил в новый период своего существования. Добровольческая армия, ведшая до сего времени борьбу с большевиками на Северном Кавказе, в силу политических событий, разыгравшихся на Юге России, получила возможность расширения сферы своих действий путем занятия северных уездов Таврической губернии, оставшихся без власти и военной силы после ухода немцев и падения гетмана. Население этих мест, значительный процент которого составляли немецкие колонисты и русские хуторяне, само принялось за формирование отрядов самообороны и возбудило хатайство о распространении на эти уезды власти Добровольческой армии. Одной из первых воинских частей, переброшенных в Крым, был Сводно-гвардейский полк, перевезенный из Новороссийска в Феодосию 13—14 декабря и затем по железной дороге в Мелитопольский уезд.

Крымский полуостров представлял собой в этот момент особое государственное образование, управляемое крымским краевым правительством, не располагавшим ни воинской силой, ни моральным авторитетом. В северных уездах Таврической губернии стала формироваться новая Крымско-Азовская Добровольческая армия, под командой генерал-лейтенанта Боровского, в которую вошли, кроме гвардейских частей, некоторые полки, переведенные из каменноугольного района (2-й офицерский конный), пехотные полки, сформированные в некоторых городах губернии, и пробившийся из Екатеринослава отряд генерала Васильченко³⁸³.

Эскадроны кирасир Ее Величества и конных разведчиков разместились в экономии Люца у станции Рыково; по прибытии было приступлено к организации полка. Для получения вещей из феодосийских складов были оставлены в Феодосии ротмистр фон Баумгартен и штабс-ротмистр Деконский, которые при поисках и добывании имущества на складе местного земства неожиданно нашли и перевезли в полк образ святого Николая Чудотворца — покровителя полка, — того же письма, что и образ, находившийся в полковой церкви в Гатчине. Икона эта сопровождала полк в течение всей Гражданской войны.

Особенность формирования частей в Добровольческой армии заключалась в том, что, согласно существовавшему обычаю, части получали утверждение лишь по фактическом своем сформировании, с какого времени становились официально признанными войсковыми единицами. До этого же времени все необходимое, начиная с людского и кон-

ского составов и кончая вооружением и снаряжением, предоставлялось доставать самим формирующимся частям собственными энергией и средствами. Снабжения казенным порядком не существовало. Перед задачей создать полк из ничего никто, однако, не остановился. С первых же дней прибытия, по выяснении отсутствия интендантства и далекой стоянки Сводно-гвардейского полка, лишенного возможности снабжать формируемый полк продовольствием и фуражом, в селе Ново-Григорьевка был устроен съезд крестьян ближайших волостей. На съезде, после ознакомления крестьян с задачами и целями Добровольческой армии, была организована продовольственная комиссия и определен район полка. В состав комиссии вошли по два члена от каждой волости и представитель полка; район полка составляли волости: Граф-Киселевская (Эйгенфельдская), Ново-Григорьевская, Ново-Даниловская, Акимовская в Юзкуйская. В течение всего времени стоянки в Мелитопольском уезде, т. е. до конца февраля, полк исправно получал фураж, дрова, мясо, зелень и прочие продукты через продовольственную комиссию; по нарядам, даваемым полком, комиссия распределяла требуемый наряд по волостям, которые и свозили все нужное в штаб полка. За все привозимое волости получали реквизиционные квитанции, оплата по которым производилась в городе Мелитополе. Означенный способ продовольствия был очень удобен и для полка, и крестьяне были довольны, что тяготы повинности падали на всех равномерно.

Командиром формируемого полка был назначен полковник Данилов, на долю которого выпала труднейшая задача создать из офицеров четырех полков, при полном отсутствии средств и всего необходимого, единую боеспособную часть. С этой задачей полковник М.Ф. Данилов справился блестяще. Знание службы, настойчивость в требованиях, личный пример в работе и предоставление широкой инициативы подчиненным, заботливое отношение ко всем чинам полка, личная храбрость и умелое руководство полком в боевой обстановке, житейский опыт и такт по отношению к офицерам и укладу жизни каждого полка поставили высоко его имя и авторитет, вокруг которого создалась крепкая часть с высокой доблестью, спаянная дружбой между всеми полками.

Ввиду того что количество офицеров других полков было еще сравнительно небольшое, они вынуждены были первоначально ограничиться форсированием своих эскадронов и вся тяжесть по управлению Сводно-кирасирским полком выпала на долю кирасир Ее Величества. Адыютантом был назначен штабс-ротмистр Одинцов, казначеем — штабс-ротмистр Сахаров³⁸⁴, начальником хозяйственной части — рот-

мистр фон Баумгартен, который при ближайшей помощи штабс-ротмистра Деконского и прапорщика Литвинова создал цейхгауз, мастерские и обоз. Проведение конской мобилизации было поручено полковнику барону Таубе.

4 января 1919 года прибыли первые мобилизованные в Мелитопольском уезде солдаты, которые, вместе с имевшимися уже в наличии добровольцами, создали кадры полка. Уезд дал много добровольцев, сыгравших впоследствии большую роль во внутренней жизни полка, — братья Иван и Николай³⁸⁵ (впоследствии корнет) Знаменские, вахмистр Захарченко³⁸⁶ (впоследствии корнет), юнкер Пащенко (впоследствии корнет), Иван Македонский (впоследствии вахмистр полковой пулеметной команды), Василий Цимбалов (вахмистр команды связи), Василий Аксенов и др. Экономия Люца оказалась тесна. 4—7 января формирующийся полк переходит в немецкую колонию Граф-Киселево (Эйгенфельд) у станции Акимовка, где формирование идет вперед, полк разворачивается и крепнет. Большую помощь офицерам в деле создания и спайки полка оказывали унтер-офицеры и добровольцы, принимаемые с большим разбором. Возможность большевистской пропаганды в рядах полка была почти исключена. Но все же на первых порах пребывания в Мелитопольском уезде и офицеры, и добровольцы составляли незначительный островок среди многочисленного местного населения, хорошо вооруженного и настроенного к нам в лучшем случае пассивно, а иногда и определенно враждебно. Вернувшиеся домой с фронта революционные солдаты представляли собой бунтарский элемент, а само население, не переболевшее красной заразой, было в высшей степени восприимчиво к советской пропаганде.

Произвести нашими ничтожными силами мобилизацию среди этого населения и затем из мобилизованных создать крепкую боевую часть, действия которой иногда были направлены против местного же населения (в борьбе с крайними элементами, облавах на местных большевиков и т. п.) — являлось задачей далеко не легкой. В мобилизационные комиссии, организованные Сводно-гвардейским полком, командировались офицеры, которым было поручено заботиться не столько о количестве, сколько о качестве новобранцев. Среди мобилизованных попали люди, настроенные враждебно и против Добровольческой армии, и против военной службы вообще, и на первых порах наблюдались случаи дезертирства. Несмотря на обширность мелитопольского мобилизационного района, в погоню за дезертиром отправлялся разъезд, дезертиров в большинстве случаев ловили и строго наказывали. За непойманного дезертира отвечали

имущественно его родители. Благодаря этой системе, проводимой энергично, случаи дезертирства были очень редки и вскоре совершенно прекратились.

Наряду с этим шли усиленные строевые занятия и налаживалась внутренняя жизнь и распорядок. Эта задача была в значительной мере облегчена возможностью казарменного расположения в большом здании сельскохозяйственной школы Эйгенфельда. Самая строгая дисциплина была положена в основание отношений с людьми, и через короткое время добровольцы и мобилизованные (последних было значительное большинство) превратились в настоящих солдат дореволюционного типа. Это не была только внешняя дисциплина, основанная на страхе. Люди были проникнуты духом полка.

Эти результаты напряженной работы офицеров сказались в первых же столкновениях с большевистскими бандами. Первые боевые успехи полка доказали жизненность и силу старых полковых традиций, а также отличные качества русского солдата при правильном его воспитании и твердом руководстве. Крепкая внутренняя спайка офицеров и солдат осталась в основе взаимоотношений во всем дальнейшем существовании полка.

Таким образом, жизнь в Эйгенфельде постепенно принимает дореволюционный военный облик: люди размещены казарменным порядком, для офицеров устроено собрание, начинают выпускаться приказания по полку, вводится хозяйственная отчетность. Приехавший смотреть формируемый полк начальник дивизии генерал-майор Шиллинг благодарит за отличный вид и результаты, достигнутые в столь короткий срок. Принятый прикомандированным к полку штабс-ротмистр Спешнев (служивший в мирное время в полку вольноопределяющимся) командиром в Кубанскую область за вербовкой добровольцев-черкесов, из коих образуется полковая комендантская команда, и впоследствии пополняемая черкесами. Важной и вместе с тем трудной стороной формирования полка явилось снабжение. Пришлось затратить много энергии на то, чтобы разыскать и доставить полку предметы, в старое время получавшиеся без всяких хлопот в интендантстве. Штабс-ротмистр фон Баумгартен 2-й командиром еще из Новороссийска в Одессу, где, пользуясь царским там безвластием после ухода австрийцев, ведет розыски всякого имущества и отправляет его в полк. Оружие, седла, обувь, сукно, вообще все, что сколько-нибудь может пригодиться в полку, достается, не без труда, в совершенно не предназначенных для этого учреждениях — дамских комитетах, монастырях, земских складах. В помощь ему командиром штабс-ротмистр Поливанов. Команди-

ровка в Одессу оказалась возможной после пожертвованных в декабре месяце отцом поступившего в полк добровольцем юнкера Владимира Беляева 50 тысяч рублей, которые были присланы на имя Главнокомандующего генерала Деникина, передавшего их командиру эскадрона полковнику Данилову как назначенные по воле жертвователя на нужды кирасир Ее Величества. Означенное пожертвование способствовало успеху формирования. В самом полку производится усиленная работа. Винтовки, пулеметы, шашки, седла достаются из разных источников, частью путем обысков у неблагонадежного населения. Некоторые предметы — подковы, разные инструменты и т. п. — реквизируются, все это исправляется, обновляется в полковых мастерских и дает возможность ежедневно увеличивать число рядов в эскадронах.

Полк формируется 4-эскадронного состава. Эскадронами командуют: 1) кавалергардским — полковник Коссовский, 2) Конной гвардии — штабс-ротмистр князь Оболенский, 3) кирасир Его Величества — штабс-ротмистр фон Вик и 4) кирасир Ее Величества — штабс-ротмистр Рубец. Полковые команды формируются из кирасир Ее Величества, и начальниками их являются: пулеметной — штабс-ротмистр Гончаренко, комендантской — штабс-ротмистр Спешнев и нестроевой — штабс-ротмистр Деконский. В середине февраля начинается формирование 2-го эскадрона кирасир Ее Величества под командой штабс-ротмистра Поливанова. Первоначальный состав офицеров 4-го эскадрона: штабс-ротмистры Полянский, Похвиснев и Энгельгардт, поручик Веселовский и корнет Литвинов 1-й, в полковой пулеметной команде корнет Кисель-Загорянский.

Удачно проведенная мобилизация людей и лошадей дала возможность сформировать в месячный срок Сводный полк кирасирской дивизии, фактически отделившийся от Сводно-гвардейского полка.

Формирование полка совпало с развитием деятельности разбойничьих банд Махно, Апанасенко и Зубкова и постепенным приближением регулярных красных войск, с которыми банды состояли в связи. Почти безоружному, с необученными людьми и невыезженными лошадьми, полку на первых же порах своего существования пришлось начать свою боевую деятельность. Преодолевая трудности постоянного перерыва строевых занятий для боевых экспедиций по борьбе с бандами в разных местах Мелитопольского уезда, в течение января и первой половины февраля полк сформировался, причем кирасиры Ее Величества имели в составе полка 2 эскадрона и полковые пулеметную, комендантскую и нестроевую команды. Численный состав к концу февраля определился в следующем виде: 1-й эскадрон — 60 шашек и

3 легких пулемета, 2-й эскадрон — 20 шашек и 2 легких пулемета, пулеметная команда — 4 пулемета систем «максим» и «кольт», комендантская команда — 20 шашек, нестроевая — 60 кирасир и 2 легких пулемета.

Крымский период (март—июнь 1919 года)

Конец февраля ознаменовался для полка первым крупным боем 21 февраля под селом Благодатным Мелитопольского уезда. В результате этого боя, в котором во время конной атаки доблестно погибли командир эскадрона Конной гвардии штабс-ротмистр князь Оболенский и 3 офицера: штабс-ротмистр Тучков 2-й, поручик князь Козловский и прапорщик барон Рауш фон Траубенберг, — Сводный полк гвардейской Кирасирской дивизии получил официальное разрешение Главнокомандующего на формирование, а месяцу спустя — 24 марта — признание формирования завершившимся. Одновременно гвардейская кавалерия несет потери в лице убитых в бою под Аскания-Нова 20 февраля командира запасного кавалерийского полка полковника Гершельмана, ротмистра Богущого³⁸⁷ и прапорщика Григоревского³⁸⁸ — всех троих улан Его Величества.

Наступление красных, отсутствие с нашей стороны достаточного количества войск и укрепленной линии вынуждают нас начать отход в Крым. Давление красных войск, наступавших с севера, и действия банд, находивших себе поддержку в крупных местных селах с русским населением, создавали угрозу нашему флангу и тылу.

Села Верхний Рогачик, Рубановка, Агайманы, Петровское, Григорьевка явно сочувствовали большевикам и находились в постоянной связи с бандами. В случае их восстания они охватывали наш левый фланг и тыл, замыкали большой круг и этим отрезали нас от Крыма. Отдаленность этих сел и малое количество рядов в эскадронах лишило полк по возможности решительных действий против них.

Отдельные экспедиции и карательные отряды, направленные главным образом на село Петровское (наиболее активно враждебное), приносили пользы мало, при приближении наших отрядов село, нерушечно проявляя свою покорность, укрывало банды. Действия против громадного села, раскинутого на несколько верст, одним эскадронам не давали результатов.

Колония Эйгенфельд была окружена со всех сторон русскими селами, тоже сочувствовавшими большевикам, и в связи со слухами о

нашем отступлении в них стала более заметна глухо враждебная, направленная против нас деятельность; в случае их восстания замкнулся бы и малый круг, поставивший полк в тяжелое положение.

Жители немецкой колонии, в которой стоял полк, узнав о гонимом нашем отступлении, все покинули колонию и двинулись в Крым, не желая попадать в руки большевиков, от которых они уже один раз сильно пострадали.

Во избежание восстания в близлежащих селах, расположенных по пути нашего отхода, ночью 26 февраля в крупное село Акимовка был послан отряд, имевший целью произвести по заранее составленному списку аресты лиц, наиболее враждебных и подозрительных; такие же отряды были посланы и в остальные прилегающие селения.

Отряд арестовал около 13 человек и привез их в штаб полка; на основании данных, полученных при обыске, они были преданы военно-полевому суду, приговорившему их к расстрелу.

Неожиданное изъятие наиболее активно враждебного элемента нарушило планы большевиков и удержало села, находившиеся у нас в тылу, от выступлений против наших частей, начавших отход.

28 февраля полк, неся разведку двумя эскадронами в направлении на село Серагозы, выступает из колонии Эйгенфельда, охраняя левый фланг Мелитопольского отряда, отходит в Крым на линию Сиваша, где несет сторожевое охранение и разведку Южного побережья до 25 марта, когда, вследствие прорыва фронта в районе Перекопского перешейка, начинается отступление на укрепленные Ак-Манайские позиции. Во время этого отхода эскадрон кирасир Ее Величества принимает участие в тяжелом бою у деревни Чирик, совместно со 2-й ротой 2-го греческого полка, под общей командой полковника Слащева против 4 тысяч красных. Полк отходит, ведя арьергардные бои у деревень: Бийгазы, Эйгенфельда, станции Грамматиково, Тулумчак, и 10 апреля подходит к линии Ак-Манайских позиций на Керченском полуострове. При отходе кирасиры Ее Величества понесли утрату в лице штабс-ротмистра Похвиснева, погибшего 3 апреля с разездом из пяти кирасир у колонии Киянам в Крыму. Один из погибших кирасир был первый доброволец, вольноопределяющийся Николаев. Тела всех их были опознаны и погребены два месяца спустя, после обратного занятия нами Крыма.

Отступление из-под Мелитополя выдвинуло на очередь новую задачу — организацию запасной части, необходимость которой, ввиду отсутствия каких-либо резервов, была очевидна. Еще при выступлении из Эйгенфельда все небоеспособное — люди без оружия, большие лошади — было отправлено 26 февраля совместно с хозяйственной частью полка по железной дороге и походным порядком в район станции

Джанкой (колония Дюрмен у полустанка Мамут), где из людей всех эскадронов было сформировано «депо эскадронов» (переименованное впоследствии в запасный эскадрон), под командой штабс-ротмистра Безобразова (Кавалергардского полка), и впоследствии запасные части всегда передвигались с хозяйственной частью полка. Из района Джанкой в двадцатых числах марта хозяйственная часть и депо перешли в район станции Колай и далее при общем отходе на Ак-Манайские позиции в район полустанка Салын, под Керчью.

Оставление нами укрепленной линии у Перекопа и отход на Ак-Манайские позиции отдавали во власть большевиков весь Крым, на Южном побережье которого имела пребывание Ее Величество Августейший Шеф полка.

Растерянность французского командования, имевшего крупные силы, но на фронт двинувшего лишь две греческие роты, весьма поспешное оставление ими Севастополя давало мало надежд, что они смогут оградить Ее Величество от надвигавшейся опасности, и лишь английское командование приняло на себя заботы о лицах Императорской Фамилии, проживавших в Крыму.

4 ноября немцы покинули Крым, и охрану членов Царской Семьи приняла на себя Добровольческая армия. Еще во времена германской оккупации в районе Ялты был сосредоточен небольшой офицерский отряд в штатском платье, начавший охрану Царской Семьи сразу после отхода немцев. Отряд был под командой полковника Федотьева³⁸⁹, и первоначально состав его был весьма малочислен — 15 человек. Впоследствии увеличенный командированными в отряд гвардейскими офицерами, отряд получил неофициальное название Дюльберского и нес охрану у Ее Величества в Хараксе, у Великого Князя Николая Николаевича в Дюльбере и у Великого Князя Александра Михайловича в Ай-Тодоре.

8 ноября прибыл за Ее Величеством английский миноносец, предполагая, что Крым находится в руках красных. Уезжать Ее Величество отказалась. До падения Крыма англичане многократно предлагали Ее Величеству уехать. Из Румынии был за Ее Величеством прислан корабль, но неизменно на все эти предложения Ее Величество отвечала отказом и лишь 25 марта 1919 года, после прорыва фронта Добровольческой армии у Перекопа и начала ее отступления на Ак-Манайские позиции, англичанам удалось настоять на отъезде Ее Величества и остальных членов Царской Семьи из Крыма. 25 марта Ее Величество на катере отбыла из Дюльбера на английский дредноут «Мальборо».

Ее Величество согласилась на отъезд при условии, что англичане вывезут из Ялты и ее окрестностей всех желающих покинуть Крым.

29 апреля, по окончании погрузки уезжающих на другие суда, «Мальборо» ушел из Ялты и, пройдя Константинополь, 3 апреля прибыла на остров Мальту, где Ее Величество отдохнула несколько дней и 29 апреля прибыла в Англию. 6 августа Ее Величество переехала на постоянное жительство в Данию в Копенгаген.

Во время отступления по Крыму в полк стали прибывать добровольцы из только что освобожденных от большевиков Терской и Дагестанской областей, набранные во Владикавказе поручиком Веселовским. Ими был пополнен формированный штабс-ротмистром Поливановым 2-й эскадрон, отходивший, ввиду незакончившегося формирования, с хозяйственной частью полка. Пеший взвод этого эскадрона, под командой штабс-ротмистра Кожина, при проходе штаба дивизии через станцию Джанкой, был прикомандирован для несения охранной службы при штабе, где и оставался в течение двух месяцев. Во время отвода, ввиду отсутствия резервов, взвод этот нес охрану и разведку на правом фланге частей дивизии и взрывал железнодорожные мосты. Другой взвод того же эскадрона, под командой штабс-ротмистра Энгельгардта, был отправлен для охраны погрузки обозов и запасного эскадрона в Керчь, куда те направлялись из района Салына, согласно приказанию, для перевозки на Таманский полуостров, ввиду возможности эвакуации Крыма. Во время погрузки большевики, собравшиеся в окружающих Керчь Аджимушкайских каменоломнях, произвели 4 апреля утром в черте города неожиданное нападение на обоз и захватили Царский Курган, имея конечной целью овладеть местом погрузки — пристанью Брянского завода. Нападавшие встретили отпор кирасир, которые, под командой ротмистра фон Баумгартена, отбив нападение, перешли в наступление.

Во время боя за овладение Царским Курганом ранен пулей в кисть правой руки и остался в строю начальник нестроевой команды штабс-ротмистр Деконский, убит прибывший в обоз вахмистр 1-го эскадрона подпрапорщик Аборнев, ранено и попало в плен несколько нестроевых, в числе коих были портной унтер-офицер Шевченко и кирасир Стогниев. В конце мая большевики в каменоломнях, состоявшие в тесной связи с красными войсками, сделали серьезную попытку захватить Керчь. Пленные кирасиры Шевченко и Стогниев, поставленные бандитами в строй, воспользовались суматохой, происходившей при начале наступления бандитов на город, бежали, захватив с собой пулемет Максима. Явившись к коменданту Керченской крепости и передав ему пулемет, они рассказали местонахождение единственного в каменоломне колодца. Бывшая до сего времени неудачной, борьба с бандитами увенчалась успехом, так как артиллерии удалось разрушить

колодец и принудить бандитов ввиду отсутствия воды покинуть каменоломни. Унтер-офицер Шевченко и кирасир Стогниев за означенный подвиг были награждены Георгиевскими крестами и явились первыми георгиевскими кавалерами полка в Добровольческой армии.

Хозяйственная часть, запасный эскадрон и прибывшие добровольцы перешли на Таманский полуостров, в станицу Старотиторовскую, где в течение месяца было сформировано пополнение в действующие эскадроны. Многочисленные осетины-добровольцы с Кавказа вошли в 1-й эскадрон, где образовался осетинский взвод, и в дальнейшем пополняемый осетинами же.

14 апреля полк участвовал в кавалерийском рейде конного отряда, под командой полковника Барбовича, в тыл противнику — к станице Владиславовке, во время которого был ранен пулей в руку штабс-ротмистр Гончаренко и получил вывих колена при падении с лошадей штабс-ротмистр Рубец. 17—19 апреля полку пришлось при поддержке союзного и Русского флотов, стоявших на флангах Ак-Манайских позиций в Черном и Азовском морях, отражать наступление красных, которые, пользуясь густым предрассветным туманом, незаметно подошли к окопам, занимаемым пехотой в районе между деревнями Ак-Манай и Семисотка, неожиданным ударом выбили пехотные части и заняли окопы, образовав широкий прорыв. Ввиду недостаточности пехотных резервов, полковник Слащев вызвал Сводный полк Кирасирской дивизии, расположенный на отдыхе в тылу окопов. Спешенные кирасиры совместно с пехотой лихим штыковым ударом восстановили положение и отбросили красных с большими потерями.

В этом бою впервые был выведен 2-й эскадрон в количестве 32 шапек и получил свое боевое крещение Осетинский взвод (штабс-ротмистр Энгельгардт), проявивший большую отвагу.

Этот бой отбил у большевиков надолго охоту к активным действиям.

Последовавшая затем полуторамесячная стоянка на позиции была использована для усиленного обучения. Боевые наряды — выставление полевых караулов в междуокопном пространстве и разведка — вывели из строя еще несколько офицеров, в том числе раненым штабс-ротмистром Энгельгардта и контуженным разрывом фугаса поручиком Веселовского. Несмотря на потери, количество офицеров за этот период снова стало возрастать. Прибыли из Малороссии в конце марта корнет Стаценко, прикомандированный к старому полку прапорщик князь Голицын³⁹⁰ и кружным заграничным путем через Австрию, Венгрию и Румынию ротмистры Гросман и Афанасьев³⁹¹, выехавшие еще

в конце 1918 года по получении известия о начале формирования полка; кроме того, были прикомандированы корнеты армейской кавалерии граф Гейден, Викторст³⁹² и Буйнов, прапорщик князь Гагарин³⁹³, бывший унтер-офицер старого полка поручик Савченко³⁹⁴, прапорщик Цибарт³⁹⁵ и старший писарь старого полка, впоследствии чиновник военного времени, Николай Давыдов³⁹⁶. Из числа прибывших ротмистр Гросман был назначен начальником команды связи, сформированной из кирасир Ее Величества, поручик Савченко — начальником обоза 1-го разряда, а прапорщик Цибарт, родом из местных немцев-колонистов, — квартирмейстером, для каковой должности необходимо было знание местных условий.

Часть прикомандированных офицеров, показавших себя с самой лучшей стороны в тяжелый период формирования и первых боев, были признаны достойными перевода в полк, с получением формы лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, а именно: прапорщик Литвинов — 2—26 января, штаб-ротмистр Спешнев, корнет граф Гейден и прапорщик князь Голицын — в конце апреля.

8 мая в колонии Огуз-Тобе, в двух верстах от окопов, была отслужена панихида по всем павшим членам полка, а 9 мая, там же, состоялось торжественное празднование полкового праздника. По примеру прошлых лет была послана всеподданнейшая телеграмма Августейшему шефу. Присутствующим на торжестве командующим дивизией полковником Слащевым был произнесен знаменательный тост. «Из всех достигнутых свобод мы больше всего ценим свободу слова, — сказал он, — а потому первый тост — за что, всем понятно — la Garde Impériale пьет молча».

Позиционная стоянка в течение столь долгого времени дала возможность привести весь Сводно-кирасирский полк в блестящий вид. Особенно эффектный вид принимает полковая пулеметная команда, временно командуемая корнетом Кисель-Загорянским, с ее отличным конским составом серой масти, пулеметами и пушкой Гочкиса на специально приспособленных подводах и тачанках, выкрашенных в защитный цвет. Краска для этой работы была любезно доставлена командиром английского крейсера «Калипсо», стоявшего в Азовском море у Ак-Маная. Впервые все полковые органы и учреждения стали функционировать сообща, так как хозяйственное управление перешло из станицы Старотиторовской обратно в Крым, в колонию Кенигез. Особенно ценной оказалась работа прибывшего в полк делопроизводителя по хозяйственной части, чиновника военного времени Волинрока. Началось издание приказов по полку. Состоялось окончательное утверждение в полковых должностях. Помощником командира полка по

строевой части был назначен полковник Петровский (Кирасирского Его Величества полка).

Вследствие недостаточного количества в полку фельдшеров и кузнецов, при нестроевой команде в колонии Кенигез открываются курсы медицинских и ветеринарных фельдшеров и учебная кузница, под руководством полковых врачей — медицинского Чернявского и ветеринарного Руссау. Малое количество госпиталей, а также потеря для полка людей, отправляемых в госпиталь и назначаемых по выздоровлению в ближайшие части, вынуждает открыть в той же колонии Кенигез свой полковой лазарет, куда стали направлять всех раненых в боях, и лишь тяжелораненых и требующих операций отправляли в госпиталь. Полковнику Коссиковскому, неутомимо работающему над снабжением полка, удается достать новые пулеметы систем «Альюис» и «Виккерс» и добиться командирования в полк английских офицеров-инструкторов, организующих в Кенигезе краткие курсы пулеметного дела.

Во внутренней жизни полк, составляя единую сплоченную массу, делится, в бытовом и хозяйственном отношении, на кадры старых полков, во главе которых стоят старшие офицеры, принимающие на себя вопросы пополнения и снабжения своих действующих эскадронов. Бок о бок со Сводно-кирасирским полком находятся кадры полков гвардейской легкой кавалерии, выделившиеся после расформирования Запасного полка в отдельный Сводно-гвардейский кавалерийский дивизион полковника Ковалинского, и батареи л.-гв. Конной артиллерии. Отсутствуют лишь уланы Ее Величества и лейб-гусары, находящиеся в Сводно-горской дивизии³⁹⁷ генерала Гревса³⁹⁸, и гродненские гусары в Сводно-гусарском полку.

В мае месяце успехи Добровольческой армии в каменноугольном районе настолько велики, что армия двигается в западном направлении, занимает Мариуполь и приближается к Мелитополю. Для окончательного разгрома красных войск, занимающих Крым, корпусу, в который была преобразована бывшая Крымско-Азовская армия, дается приказ о наступлении. Полк в это время вместе с другими кавалерийскими частями в Крыму входит в состав отдельной кавалерийской бригады, под командой бывшего командира лейб-гвардии уланского Ее Величества полка полковника Миклашевского.

В ночь с 4-го на 5 июня корпус под командой генерал-лейтенанта Добrorольского³⁹⁹ подтягивается к окопам и на рассвете 5-го, после артиллерийской подготовки, произведенной, главным образом, огнем союзной эскадры, переходит в наступление. План наступления был разработан на основании данных исключительной по своей лихости

разведки корнета Буйнова, обнаружившего серьезные проволочные заграждения противника в местах до сего времени неизвестных. За эту разведку корнет Буйнов получил особую благодарность в приказе по корпусу.

В первый день наступления, несмотря на упорное сопротивление, первая линия красных была опрокинута и наши части продвинулись в район деревень Тулумчак—Киет—Барак и станции Владиславовка. После прорыва первой линии красных дивизион кирасир Ее Величества был выдвинут в первую линию и, наступая совместно с пехотой, в пешем строю далеко опередил своих соседей, чем привлек на себя сосредоточенный огонь красных и понес значительные потери (ранен командующий 1-м эскадронам штабс-ротмистр Полянский, убито и ранено около трети всего состава эскадрона).

На другой день, 6 июня, красные, подвезя подкрепление, перешли в наступление и заняли деревню Ислам-Терек. Нашим повторным наступлением они были отброшены. Во время этого боя был ранен командир дивизиона полковник барон Таубе и контужен во время конной атаки штабс-ротмистр Поливанов.

В этот же день была взята Феодосия и сопротивление красных окончательно сломлено. Дальнейшее наступление корпуса не встретило уже значительного сопротивления вплоть до Перекопа. Несмотря на неблагоприятную погоду, под проливным дождем, продолжающимся без перерыва несколько дней, развивается преследование противника. 7 июня кавалерия направляется в тыл противнику. Во время этого рейда 10 июня у села Андреевка поручик Веселовский, доблестно бросившийся с несколькими кирасирами в атаку на группу противника, получает почти в упор пулю в грудь. Доставленный на перевязочный пункт в колонию Саурчи, он скончался в тот же день к вечеру.

Продолжая наступление, главным образом обходными движениями, полк доходит до Перекопского перешейка, где красные делают последнюю попытку остановить нас на укрепленной позиции у Армянского Базара.

Полк в пешем строю берет оплетенные проволокой позиции, запираемые еврейским коммунистическим полком. Впервые в сводке Главнокомандующего отмечается доблестная работа кирасир. Не встречая далее уже серьезного сопротивления, полк идет на Большую Каховку, где занимает сторожевое охранение на левом берегу Днепра. В это время Мелитополь и его район заняты добровольческими частями, наступающими со стороны Мариуполя. Накануне наступления, 5 июня, Кирасирский дивизион выделил по распоряжению штаба корпуса всех безлошад-

ных кирасир, в количестве 55 человек, в стрелковый полуэскадрон, который, под командой прапорщика Литвинова 2-го, вошел в состав Арабатского отряда полковника Римского-Корсакова (лейб-драгунского полка). Отряд этот, состоявший, кроме кирасир, из конного полуэскадрона лейб-драгун и двух вооруженных пушками пароходов «Граф Игнатъев» и «Гидра», совершает почти без пищи и пресной воды поход по Арабатской Стрелке длиной свыше 100 верст, и после короткого боя к северу от села Чокрак занимает город Геничск, после чего драгуны и кирасиры двигаются через Ново-Алексеевку и Аскания-Нова на присоединение к своим частям.

После двухнедельного сторожевого охранения на Днепре, сначала у Каховки, затем у Большой Лепатихи, вся кавалерийская бригада, с подошедшими из станицы Старотиторовской запасными эскадронами, направляются в громадное село Михайловка Мелитопольского уезда, а оттуда по железной дороге в Люботин, под Харьков.

За время июньского наступления дивизион, добывший большие трофеи, в частности лошадей, производя по дороге набор добровольцев, конскую и людскую мобилизацию, увеличился и к началу июля имел в обоих эскадронах 160 шашек. Несмотря на потери, количество офицеров действующей части не уменьшилось, так как прибыли в строй по выздоровлению штабс-ротмистры Гончаренко и Энгельгардт, прикомандирован корнет Корженевский и неожиданно приезжает старый офицер полка штабс-ротмистр Погоржанский⁴⁰⁰, принимающий полковую команду связи вместо ротмистра Гросмана, назначенного начальником связи штаба дивизии.

Наступление по Полтавской и Черниговской губерниям (июль—сентябрь 1919 года)

В Люботине производится формирование вновь образуемого под командой генерал-лейтенанта Юзефовича 5-го Кавалерийского корпуса. Гвардейская кавалерия переформируется. Сводный полк Кирасирской дивизии переименован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк, с расширением штатов до 4 дивизионов. Гвардейская легкая кавалерия образует 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк, под командой полковника Грязнова⁴⁰¹ (улана Его Величества), в составе трех дивизионов: конногренадер, улан Его Величества и лейб-Арагун. Вместе с дивизионом л.-гв. Конной артиллерии, под командой полковника Перфильева⁴⁰², и со 2-й бригадой, состоящей из 2-го и 3-го конных полков, гвардейская бригада входит во 2-ю

кавалерийскую дивизию, в командование коей вступает полковник Миклашевский.

Каждый дивизион полка, получивший нумерацию: кавалергардский — 1-й, Конной гвардии — 2-й, кирасир Его Величества — 3-й и кирасир Ее Величества — 4-й, имеет к этому времени по 2 эскадрона и пулеметную команду на фронте; в тылу, при хозяйственной части полка, запасный эскадрон и свою нестроевую команду. Команды кирасир Ее Величества — пулеметная, связи и комендантская — продолжают быть общеполковыми.

Дивизионные пулеметные команды, находившиеся еще в некоторых дивизионах в стадии формирования, состояли из 2—4 тяжелых пулеметов. Независимо от этого каждый эскадрон имел свой эскадронный пулеметный взвод из легких пулеметов, от 2 до 5, системы «Льюис».

Соединение боевых частей с обозами и хозяйственными управлениями и короткий отдых дает возможность привести дивизион в полный порядок. Командование дивизионом принимает полковник фон Баумгартен, 1-м эскадроном — штабс-ротмистр Деконский, пулеметной командой — штабс-ротмистр Гончаренко. В эскадронах состоят налицо офицеры: в 1-м — штабс-ротмистр Энгельгардт, корнеты Стаценко и Буйнов, в 2-м — штабс-ротмистр Кожин, корнет Литвинов 1-й и прапорщик Литвинов 2-й, в пулеметной команде — корнеты Кисель-Загорянский и Викторст.

В Люботине впервые было получено полком из русского интендантства долгожданное английское обмундирование, по расчету только на боевую часть, но этим не оказался разрешен вопрос об одежде и обуви, столь остро стоявший с самого начала формирования полка. Чрезвычайная длительность получения вещей из интендантства вынудила полк, при содействии полковника Коссиковского, доставать обмундирование, снаряжение и оружие непосредственно у англичан, вызывая этим недовольство интендантов. Отсутствие до сего времени снабжения и крайняя затруднительность добывания его иным способом привели на практике к системе «реквизиций» предметов обмундирования и обуви у местного населения, т. е. к простому отбиранию их без всякой оплаты — системе, широко практиковавшейся в Добровольческой армии. Если это, в основе своей, в некоторых случаях могло иметь нравственное оправдание, как, например, в Мелитопольском уезде в начале формирования полка, когда эскадроны, ходившие защищать богатых хуторян от бандитов, вели бой, имея людей в рваных шинелях и в сапогах без подметок в то время, как сами хуторяне ходили в теплых полушубках и валенках, то в общем

система эта вела на практике к грабежам, столь обычным в армии. Несмотря на меры, принимавшиеся в полку офицерами к недопущению грабежей и к отбиранию лишь действительно необходимых предметов, с выдачей реквизиционных квитанций, люди, в особенности находившиеся в обоих эскадронах многочисленные осетины, черкесы и терские казаки, не всегда отдавали себе отчет о различии в отобрании вещей для полка или для себя лично. Система эта породила даже особый новый термин — «зажать», который, наряду с терминами «угробить», «вывести в расход», «шомполизовать» и прочими, приобрел громадное распространение в армии, так же как и сами действия, обозначавшиеся им.

Довольно обильным источником получения обмундирования, а также «зажима» были пленные и убитые красноармейцы, с которых, по существовавшему обычаю, снималось почти все. В одинаковом положении был вопрос ремонта конского состава, ибо организации и здесь не было. И частям самим предоставлялось официально производить конскую мобилизацию, а также замену раненых и вообще негодных к строю лошадей. Реквизиционные квитанции в этих случаях не всегда оказывались под рукой, но даже и при наличии их собственнику лошади не всегда удавалось получить деньги из казначейства.

Полученное полком в Люботине, в разгар жаркого лета, английское обмундирование состояло из суконного верхнего платья, теплого белья и тяжелых, толстых, подбитых гвоздями сапог, что вынудило дивизион отложить выдачу его кирасирам до осени, а пока продолжать прежнюю систему реквизиций.

22 июля полк выступает в поход на север. В обстановке успехов добровольцев на всех фронтах, радостных встреч населения, хорошей погоды, непрерывного движения вперед почти исчезают трудности походной и боевой жизни.

После дневки в местечке Опошня полк идет к селу Великая-Павловка, в котором 30 июля происходит бой, сопровождавшийся несколькими конными атаками с нашей стороны, в результате чего красные не только разбиты, но и сбиты с большой дороги Гадяч—Зеньков, по которой отступали их главные силы. 1-й эскадрон, потерявший убитым вахмистра Чесновского, ворвался в конном строю в село и оказался в центре большевистского расположения. Несмотря на превосходство красных, эскадрон дважды повторяет атаки, доходившие до рубки. 2-й эскадрон берет действующий пулемет Максима со всей прислугой. Через два дня, 2 августа, 2-й эскадрон, находясь в авангарде бригады, атакует занятое противником село Березовая Лука и выбивает красных до подхода главных сил. На следующий день, во время

дневки, получен приказ о назначении полковника Данилова командиром гвардейской бригады, а полковник граф Беннигсен назначается помощником командира полка по строевой части. Сдача полка старым командиром и принятие его новым производится утром 4-го, после чего полк двигается через село Ручки на Верниславовку, занятую противником, открывающим пулеметный и артиллерийский огонь и перешедшим в наступление. Доблестными и искусными действиями полковой пулеметной команды под командой штабс-ротмистра Гончаренко наступление противника, охватывающего наш левый фланг, отбито, и направленные в атаку эскадроны обращают красных в бегство. К несчастью, дивизион лишается своего командира полковника фон Баумгартена, тяжело раненного пулей в ногу, с раздроблением кости.

Наше наступление продолжает развиваться. Почти без отдыха, совершая большие переходы, дивизия направляется к Бахмачу. Расстроенный противник отходит по всему фронту. Его тылы постоянно тревожатся повстанцами, наводняющими район Бахмача. Вечером 10 августа в дивизию, расположившуюся в селе Малый Вердер, прибывают разведчики от известного атамана повстанцев Ангела. Ночью дивизия подвергается нападению колонны противника, неожиданно обнаружившей наше присутствие у себя в тылу. Атака была отбита, причем кирасиры захватили часть красного обоза. Со взятием Бахмача 11 августа, во время которого дивизиону пришлось лишь обозначать атаку под огнем красного бронепоезда, закончилась операция Добровольческой армии.

Одновременно на левом фланге нами занимается Киев. Полк после трехдневного отдыха, во время которого генерал Юзефович произвел смотр дивизии, двигается на запад для занятия линии железной дороги Бахмач—Киев. В голове полка идет 2-й эскадрон, который занимает совместно с нашим бронепоездом станцию Круты, где отбивает попытку красных перейти в наступление. 17 августа полк занимает город Нежин, торжественно встреченный духовенством и населением города с цветами, 2-й эскадрон послан для установления связи с Киевской группой генерала Бредова и для разведки района городов Козелец и Остер. По дороге эскадрону приходится очистить от большевистских банд село Кобыжча, где полтора года назад расформировался старый лейб-гвардии Кирасирский полк и где все полно воспоминаниями о последних днях жизни полка.

1-й эскадрон, оставленный у станции Круты, отбивает 16-го новую атаку противника. 18-го в Нежин приходит пополнение из запасной части во главе с корнетом Корженевским и с ним выздоровевшие от ранений полковник барон Таубе и штабс-ротмистр Полянский; едѣ

прибыв в Нежин, пополнение участвует в отбитии внезапного нападения на город крупной шайки разбойника Крапивянского. Через день прибывает из Крут 1-й эскадрон, в командование коим вступает штабс-ротмистр Полянский. 20 августа вместе с кавалергардским эскадром и пулеметной командой, под общей командой полковника барона Таубе, 1-й эскадрон идет в экспедицию против Крапивянского в селе Мыльники и на Плоское, которое берет конной атакой, захватив трофеи и пленных, далее двигается на Мрин, не доходя которого происходит бой, закончившийся беспорядочным бегством шайки Крапивянского.

После 20 августа дивизион собирается в городе Нежине. Штабс-ротмистр Полянский командирован в Киев для вербовки добровольцев, среди коих приводит старых кирасир вахмистра Куритенко и унтер-офицера Ляшенко. Полковник барон Таубе вступает в исправление должности коменданта города Нежина, и в строю состоят налицо командующие: дивизионом — штабс-ротмистр Сахаров и эскадронами — штабс-ротмистры Полянский и Деконский, младшими офицерами в 1-м эскадроне — штабс-ротмистр Энгельгардт и корнеты Стаценко, Буйнов и прибывший в эскадрон под видом рядового осетин корнет Дзахсоров, во 2-м эскадроне — штабс-ротмистр Кожин и прапорщик Литвинов 2-й, в полковой пулеметной команде — штабс-ротмистр Гончаренко и корнеты граф Гейден и Викгорст. Штабс-ротмистр Дараган и корнет Корженевский командированы в штаб дивизии, а прикомандированный к полку корнет Тимченко заболевает тифом.

Полковые тылы, перейдя из Люботина в июле на станцию Искровка, потом в Ромодан, прибывают в город Ромны, где и располагаются. В сентябре, в связи с беспорядками в Роменском уезде, они переходят в Лубны, где остаются до конца ноября. Запасный эскадрон 4-го дивизиона комплектуется добровольцами, особенно благодаря ротмистру Афанасьеву, командированному в июле в город Полтаву и организовавшему там вербовочное бюро, давшее дивизиону около 200 добровольцев преимущественно из числа учащейся молодежи. В конце августа ротмистр Афанасьев возвращается из командировки и становится во главе хозяйственной и запасной частей 4-го дивизиона, к тому же времени в запасную часть командированы не могущие быть по состоянию здоровья на фронте штабс-ротмистр Рубец, назначенный командиром запасного эскадрона, и штабс-ротмистры Поливанов и фон Баумгартен 2-й. В это время удается создать отличный хор трубачей кирасир Ее Величества под управлением капельмейстера В.С. Луцко-Садовского. Старшим в хоре становится старый кирасир и один из

первых добровольцев, ныне штаб-трубач Иванов, который, будучи воспитан в полковой школе воспитанников старого полка и прослужив в нем добровольцем в течение всей германской войны, переносит в свою новую команду дух полка и любовь к нему. Всех трубачей удалось одеть в цветные полковые бескозырки, русские кавалерийские шинели и белые пояса и портупей, что создало отличный внешний вид и при великолепной дисциплине и выдержке сделало весь хор точной копией старого хора трубачей.

В конце августа большевики, остановившиеся на линии реки Десны, пользуясь усилением своих войск и растянутостью фронта, занимаемого 5-м кавалерийским корпусом, направляют свои силы на обратное занятие Бахмачского узла, который захватывают. Это заставляет нас произвести перегруппировку. Гвардейская пехотная бригада, составляющая правый фланг Киевской группы генерала Бредова, занимает Нежин, а Сводно-кирасирский полк переходит к Бахмачу, к северо-западу от которого, в районе сел Великая Загоровка — Красиловка, несет охранение. В ночной разведке у села Высокого 7 сентября выбывает из строя раненым штабс-ротмистр Кожин. Бахмач взят нами обратно, но недостаточное количество наших войск дает возможность большевикам сделать сильный нажим на Нежин. Полковник Данилов получает задачу поддержать гвардейскую пехоту, для чего со Сводно-кирасирским полком, эскадронам новгородских драгун и взводом Дроздовской конной батареи двигается через Борзну к Нежину.

10 сентября после ночлега в Борзне полк, имея в голове кирасир Ее Величества, подходит к селу Комаровка, занятому батальоном красных с кавалерией и пулеметами. Наш авангард встречен ружейным и пулеметным огнем. Корнет Стаценко, двигавшийся со взводом 2-го эскадрона в головной заставе, врывается в село по большой дороге Берестовец—Комаровка и захватывает заставу красных с действующим пулеметом Кольта. 1-й эскадрон начинает наступление со стороны деревни Ильинцы (южнее большой дороги) в пешем строю, имея впереди взвод полковой пулеметной команды на тачанках под командой корнета Викгорста. Под сильным огнем красных эскадрон вызывает в цепь коноводов и бросается в конную атаку. Корнет Викгорст во главе своих пулеметных тачанок и с несколькими номерами первый врывается в село.

Эскадрон, идя за пулеметным взводом в колонне справа по одному по узкой улице, после короткого уличного боя проходит село, захватывая пленных. Большевики, не выдержав удара, бегут, попадая под удар 2-го эскадрона, который захватывает пленных и обоз. После по-

луная, продолжая наступление под проливным дождем, отряд ведет бой между селами Смоляж и Британы, во время которого ранены корнеты Стаценко — пулей в руку, с раздроблением кости, и в грудь навьлет, и Дзахсоров — пулей в ногу.

Отряд расположился на ночлег в селе Комаровка. На рассвете 11 сентября красные, сбив наше сторожевое охранение, атакуют село Комаровка бригадой червонных казаков с трех сторон в конном строю при поддержке артиллерии. Отряд, отступив из деревни после упорного боя, длившегося несколько часов, занимает Комаровку, а к вечеру и деревню Смолеж. Переночевав в деревне Евлашевке, полк рано утром начинает наступление на села Британы и Великая Кошелевка.

Полк двигается на село Британы с востока. Дивизион кирасир Ее Величества и полковая пулеметная команда наступают с юга с целью демонстрации и охвата. Дивизион атакует лаву червонных казаков и, отбросив ее на Великую Кошелевку, присоединяется к полку, занявшему после боя село Британы.

Весь день отряд ведет упорный стрелковый и артиллерийский бой с красными, занимающими Великую Кошелевку, и отражает их попытки переходить в наступление. Во время этого боя убит вахмистр 2-го эскадрона Мешков и смертельно ранен командир Дроздовской конной батареи поручик Виноградов, доблестный офицер, своей меткой стрельбой и исключительной смелостью много помогший нашему отряду в эти тяжелые дни. Лихие действия Дроздовской конной батареи связали ее с полком узами искренней боевой дружбы.

Полковая пулеметная команда (штабс-ротмистр Гончаренко) занимает во время боя позицию на левом фланге отряда, вне деревни Комаровки. Красные атакуют ее густыми цепями. 1-й эскадрон переходит в наступление и загоняет красных обратно в Великую Кошелевку. Меткий огонь пулеметов нанес красным крупный урон. Одна из стрелковых цепей противника была скошена целиком; трупы лежали, как шли, сохранив равнение. К вечеру инициатива переходит в наши руки и генерал Данилов начинает наступление на Великую Кошелевку, оставив в резерве у села Британы наш 1-й эскадрон и кавалергардов и 2-й эскадрон у переезда на узкоколейной железной дороге Британы—Круты для обеспечения правого фланга и тыла.

В то время как наступление на Кошелевку успешно развивалось и головные части уже вступали в село, большевики бросили Червонный казачий полк в глубокий обход нашего правого фланга; наткнувшись первоначально на дозоры 2-го эскадрона и левым своим флангом на полковую лазарет, который был вынужден спасаться врассыпную, червонные казаки попали затем в засаду, устроенную 2-м эскадронам

вдоль линии узкоколейной железной дороги, южнее Британ. Располагая в этот момент лишь одним взводом в количестве 30 шашек, из коих часть была в коноводах, и тремя легкими пулеметами, штабс-ротмистр Деконский рассыпал стрелков за полотном и, подпустив красную лаву почти вплотную, открыл сильнейший огонь. Неожиданность засады вызвала бегство красных и дала возможность отряду занять Великую Кошелевку.

Передав очищенный от красных район в ведение гвардейской пехоты, полк идет на ночлег в деревню Смолеж, а на другой день переходит в деревню Евлашевку в резерв.

Гвардейская пехота, теснимая крупными силами красных, принуждена оставить район Смолеж—Великая Кошелевка—Британы, и отряду генерала Данилова снова выпадает задача очистить этот район от красных. Отряд переходит 14 сентября в село Комаровка, выбив оттуда разведывательные части красных.

В этот день прибывает в полк сильное пополнение, приведенное полковником графом Беннигсенем и корнетом Корженевским, вернувшимся из штаба и назначенным временно во 2-й эскадрон. Особенно много поступает пулеметов. Приходит и вновь сформированная полковником маркизом Альбицци дивизионная пулеметная команда кирасир Его Величества в составе 6 пулеметов Максима. Количество пулеметов — 4 дивизионные команды по 4—6 тяжелых пулеметов и 8 эскадронных по 3—5 легких — делает полк похожим на конно-пулеметный. При невозможности, ввиду особых условий ведения Гражданской войны, широкого применения других технических средств, единственно пулеметы, поставленные на тачанки (рессорный экипаж на высоких колесах, принятый на Юге России) и приспособленные к стрельбе на ходу, приобретают доминирующее значение.

В ночь с 14-го на 15 сентября отряд выступает, имея целью снова занять села Британы и Великая Кошелевка, в которые прибыли новые силы противника, и облегчить этим гвардейской пехоте продвижение вперед. Пробираясь всю ночь по громадному лесу и болотам, покрывающим все пространство южнее реки Десны, отряд к рассвету обошел Британы. Окружающие село с севера и востока высоты, покрытые густым лесом, дали возможность незаметно построиться для атаки. Дивизионы кирасир Его и Ее Величества, в лаве, по пушечному выстрелу, стали спускаться в долину, в которой расположено село. Взошедшее солнце озарило изумительную по красоте картину боя. Внизу село, окаймленное огородами и плетнями, опоясанное окопами, в которых шевелится серая масса красноармейцев, идущая широким аллюром кирасирская лавы, блестящая остриями пик с развевающимися знач-

ками и обнаженными шашками. Далее спускающиеся по склону горы кавалергарды и конная гвардия, а наверху из леса видны вспышки Дроздовской батареи, стреляющей беглым огнем. Сторожевое охранение красных было бдительным, и, когда полк появился в виду села, окопы были уже заняты неприятельской пехотой. Красные в этот день проявили большую выдержку и без выстрела подпустили лаву шагов на 500, открыв лишь с этой дистанции сильный огонь. Упорство красных в этом бою объяснилось наличием в их рядах отряда красных курсантов. Когда кирасиры доскакали до окопов, красноармейцы, швыряя ручные гранаты, бросались из окопов в село, с запутанными узкими улицами, где, прячась за хатами и заборами, отстреливались и поспешно бежали, преследуемые кирасирами. Село было очищено от красных, и дивизион вышел на южную и восточную окраины, где был встречен огнем большевистских резервов, построивших нечто вроде каре. Это каре было расстреляно почти в упор подскакавшей карьером полковой пулеметной командой. В течение получаса продолжался бой, во время которого доблестно погиб, сраженный пулей в сердце, штабс-ротмистр Деконский, под штабс-ротмистром Энгельгардом и корнетом Буйновым убиты лошади, а под прапорщиком Литвиновым 2-м были последовательно убиты три и ранены две лошади. В числе убитых в 4-м дивизионе оказался один из первых добровольцев Мелитопольского уезда взводный унтер-офицер Аксенов, ранеными около 20. Дивизион захватил 2 пулемета, не считая другой добычи. Большевистская пехотная бригада была разбита. Спаслись лишь отдельные люди. Село и прилегающая к нему поляна были покрыты людскими и конскими трупами, брошенным оружием и снаряжением. Бой этот решил успех нашего оружия и дал возможность дальнейшего продвижения наших войск за линию реки Десны.

Боевые действия кирасир в районе села Британы в период 10—15 сентября получили следующее выражение в официальном сообщении штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 15 сентября 1919 года: «Черниговское направление. К северу от Нежина бои продолжаются. Нашими частями занято село Зеньки. Кирасиры, выйдя в тыл противнику, занимавшему Веркиевку, разогнали три полка червонных казаков и захватили 7 пулеметов и другие трофеи».

В течение двух дней после боя полк отдыхает в селе Евлашевка, а затем двинулся к Бахмачу, куда пришло для дивизиона английское обмундирование. Из Евлашевки уехал переведенный на должность начальника конной разведки гвардейской пехотной бригады штабс-ротмистр Энгельгард. Вместе с ним убили многие осетины, доброволь-

цы 1-го эскадрона, присутствие которых в эскадроне, несмотря на их храбрость, ввиду своеобразного представления о дисциплине и склонности к грабежам, для регулярной части не всегда являлось желательным. Задержавшись вследствие получения обмундирования на один день в Бахмаче, дивизион, под командой вернувшегося из Нежина полковника барона Таубе, вместе с полковой пулеметной командой неожиданно получил приказание штаба корпуса идти в Ромны. Из кирасир Ее Величества остаются в полку лишь команды связи и комендантская, во главе с штабс-ротмистром Погоржанским, которые принимают участие во всех дальнейших походах и делах полка под Конотопом и Глуховом.

Полтава (сентябрь — ноябрь 1919 года)

В то время, когда Добровольческая армия продвигалась вперед, в тылу у нее, в глухих местах, стали постепенно накапливаться большевики, дезертиры, грабившие и убивавшие зажиточных крестьян и представителей местной администрации и портившие пути сообщения. Отсутствие линии сплошного фронта дало возможность в середине сентября пройти сквозь наш фронт банде атамана Шубы, направлявшейся в Екатеринославскую губернию на присоединение к известному разбойничьему атаману Махно.

Дивизион вошел в состав отряда полковника Матвеева для уничтожения названной банды Шубы, численностью до 1500 человек пехоты при пулеметах и кавалерии. 23 сентября дивизион погрузился в эшелон, прибыл в Ромны, выгрузился и двинулся походным порядком на город Недригайлов, а оттуда дальше по следам банды. Переходы с каждым днем увеличивались. 30 сентября отряд достиг, наконец, банду у хутора Воликова возле деревни Прасколовки, в 25 верстах от местечка Сорочинцы; к этому времени лошади были сильно вымотаны походом. Начальник отряда решил атаковать банду и послал оба эскадрона в обход левого фланга противника, поведя одновременно наступление в лоб Роменской офицерской ротой (силой около 100 штыков) при поддержке двух орудий 8-й конной батареи и Кирасирской пулеметной команды. Противник, заметив приближение отряда, сам перешел в наступление, послав свою кавалерию в обход правого фланга отряда. Цепи противника, во много раз превосходящие нашу, отбросили офицерскую роту и вышли на батарею. Кавалерия противника, стремившаяся охватить наш правый фланг и совершенно окружить

отряда, наткнулась на дивизион кирасир, который сомкнутым строем с дистанции 150 шагов пошел в атаку на конницу противника, превосходившую его численностью более чем в 2 раза, и отбросил ее. (Подошедшая во время боя к нам на помощь сотня местной земской стражи приняла нас за большевиков и обстреляла с тыла, после чего бесследно скрылась.) Во время кавалерийского боя пехота наша, сражаясь с вдвое сильнее противником и, несмотря на блестящую работу кирасирских пулеметов, понесла потери более чем на 50 процентов, начала отступление. Артиллерийские лошади были измучены от перехода совершенно и вывезти орудия были не в состоянии. Стреляя картечью до последнего момента, офицеры-артиллеристы все погибли на своем посту, а пушки остались бандитам. Корнет Викгорст, командовавший пулеметами, отбивал атаку противника до крайней возможности и затем под сильнейшим огнем вывез пулеметы, имея много раненых людей и лошадей. Вследствие такого исхода боя, эскадроны стали также отходить, увозя своих раненых. Во время отхода погибла лишь пушка Гочкиса, отосланная в начале боя в обоз вследствие порчи, попавшая под преследование неприятельского разъезда и застрявшая в болоте. После боя дивизион двинулся к станции Гоголево, а оттуда, согласно приказанию, на станцию Ярьеска для следования в город Полтаву. В этот день прибыло новое пополнение из запасного эскадрона под командой штабс-ротмистра Поливанова, в составе корнета Литвинова 1-го и свыше 30 конных кирасир. На следующее утро прибыл из командировки для отвоза тела штабс-ротмистра Деконского в город Таганрог корнет Литвинов 2-й и прикомандирован корнет Собинов. Дивизион погрузился в эшелон 4-го и прибыл в Полтаву к вечеру 5 октября, уже после отбития нападения бандитов, владевших было половиной города.

Дивизион вошел в состав Полтавского отряда полковника Пальшау⁴⁰³ (Ингерманландского гусарского полка), находящегося в непосредственном подчинении у Главнокомандующего Полтавской губернии генерал-майора Генерального штаба Кальницкого. Располагается дивизион первоначально в красных казармах и несет ежедневную разведывательную службу в окрестностях города, а 11-го участвует в отбитии нового нападения бандитов на город. Непосредственное участие в бою принимает только пулеметная команда и взвод 2-го эскадрона, под командой корнета Собинова. В этот же день, по просьбе местных властей, был послан сильный разъезд 1-го эскадрона, под командой корнета Корженевского, в Лазаревский конский завод, в 8 верстах от города, для вывода 18 маток и 17 двухлеток лучших кровей. В то время как лошади выводились из конюшен, обратная дорога в Полтаву

была уже занята бандитами, и разъезду пришлось возвращаться полями, без дорог, под обстрелом противника. Тем не менее все лошади были приведены в целости. (Впоследствии всех этих лошадей дивизиону было приказано вернуть обратно на завод, где они и были оставлены при эвакуации Полтавы.) В середине октября повстанцы отходят на юг, дивизион же, оставаясь в Полтаве, несет разведывательную и охранную службу.

Время, проведенное кирасирами в Полтаве, было широко использовано для приведения в полный порядок эскадронов, сильно утомленных предыдущими походами и боями. Хотя возложенный на дивизион боевой наряд — ежедневные разъезды и целые экспедиции в уездах — и нельзя было считать легким, однако продолжительное расквартирование на одном месте всего дивизиона вместе и ведение регулярных занятий дали возможность наряду с чисто боевым воспитанием усилить внутреннюю спайку. Внутренняя жизнь дивизиона, расположенного казарменным порядком, представляла собой точный сколок со старой гатчинской жизни. Благодаря дружной и регулярной работе офицеров удалось достичь не только хорошей боевой подготовки, не только внешней дисциплины и выправки, но и сделать из мобилизованных солдат и добровольцев настоящих кирасир, проникнутых старыми традициями и искренно любящих свой полк. Среди кирасир развивается особая любовь к своему мундиру и полковой патриотизм. Оставшиеся еще в 1-м эскадроне немногочисленные осетины откомандировываются, и, таким образом, состав эскадронов делается более однородным, легче поддающимся дисциплине. Большое воспитательное значение имеет величие старых кирасир Ее Величества, добровольно прибывших для исполнения своего долга перед Родиной в ряды родного возрождающегося полка. Старый кирасир подпрапорщик Куряченко, проживавший в 1919 году в Гатчине, услышав про восстановление полка, нашел силу и средства, чтобы пробраться и найти полк.

При таких условиях дивизион был доведен без труда свыше чем до 200 шашек. Командование 1-м эскадронам принимает штабс-ротмистр Одинцов, сдавший должность адъютанта штабс-ротмистру Бездоброву. Штабс-ротмистр Полянский назначается адъютантом дивизиона. Эскадроны располагаются в разных частях города: 1-й и полковая пулеметная команда — на Келленском проезде, в помещении пожарной команды и в нескольких частных домах, 2-й — в казарме на Монастырской улице. Офицерское собрание устраивается при 1-м эскадроне. К дивизиону прикомандирован в боевом отношении полускадрон украинских гусар¹⁰⁴ Сводно-уланского полка, под командой ротмистра Крыжановского.

Сильно изменился к лучшему и конский состав дивизиона благодаря произведенным в городе и уездах реквизициям.

Реквизиции в уездах сопровождались целыми экспедициями. Расчет производился по выданным квитанциям в полтавском казначействе.

Офицеры дивизиона были радушно и сердечно приняты полтавским обществом, в особенности семействами Ильинских, Кулябко-Корецких, Хрещетицкого и Шевченко, и часто проводили свободное время в обстановке семейного уюта, заставлявшей их забывать трудности походной жизни.

Стоянка в Полтаве омрачилась, к сожалению, характером службы и военными заданиями, которые обнаруживали постоянно нерешительность ведения борьбы и чрезвычайно утомляли людей и лошадей. Располагая силами большими, нежели плохо организованные бандиты, начальник Полтавского отряда не решался, однако, предпринять уничтожение их, а полтора месяца ограничивался ежедневным разгоном мелких разъездов кирасир для разведки по всем направлениям, давая вместе с тем возможность бандитам развивать свою деятельность и увеличивать силы. Когда под конец, 25 ноября, бандиты снова подошли к самой Полтаве и заняли село Жуки, туда был послан один из запасных армейских батальонов, с придачей ему полускадрона 2-го эскадрона. Энергичной атаки, однако, не решились предпринять, равно как и на следующий день, когда отряд был собран на окраине города у Киевского вокзала, где, простояв несколько часов и не решившись начать бой, а выставив лишь охранение вокруг города, возвратился обратно.

Интересным эпизодом в истории дивизиона было появление в это время в его рядах женщины-добровольца. Рогнеда Константиновна Сахарова (рожденная Константинович), жена ротмистра 8-го гусарского Лубенского полка, провела на фронте почти все германскую войну, несколько раз была ранена, награждена Георгиевскими крестами и унтер-офицерским званием. Не менее доблестно она продолжала свою службу в Добровольческой армии. Ей очень понравилась лихая атака кирасир на село Британы 15 сентября, которую она наблюдала, состоя в рядах новгородских драгун, и она решила перейти в наш дивизион. Несмотря на отказ командира дивизиона, считавшего присутствие молодой, интересной женщины в рядах боевой части нежелательным новшеством, она с чисто женской настойчивостью добилась своего и за два месяца, проведенные ею в дивизионе, при безупречном поведении и большом такте, выказала себя бесстрашным воином и превосходным строевиком, великолепно знающим военную службу. Окруженная общей симпатией, она покинула дивизион в конце ноября, уехав к мужу.

Тем временем запасная и хозяйственная части дивизиона, переведенные в город Лубны, не только развивают усиленную деятельность по формированию пополнений для действующих эскадронов, но приступают к формированию 3-го эскадрона. Туда прибывают новые офицеры, произведенные из юнкеров в корнеты Кашин и Сементовский и бывшие вахмистры старого полка, ныне офицеры, корнет Мальяр⁴⁰³ и прапорщик Магда⁴⁰⁶. Последний, будучи послан в октябре в командировку под Киев за приводом лошадей, пропал без вести. Прибывает также несколько старых кирасир: унтер-офицер Лышенко и старый кирасир ефрейтор Силуков, впоследствии вахмистр 2-го эскадрона.

В глубоком тылу, в живописном Гурзуфе, на Южном берегу Крыма, заботами семьи штабс-ротмистра Дерюжинского учреждается санатория для выздоравливающих от болезней и ран чинов Сводно-кирасирского полка, просуществовавшая вплоть до самой эвакуации 1920 года. Во главе санатории встает Екатерина Александровна Чернявская, а сестрой санатории становится Анна Александровна Дерюжинская, благодаря исключительным заботам которых кирасирская санатория делается образцовым учреждением по своему порядку и чистоте. Кроме санатории, расположенной в одной из гостиниц курорта Гурзуфа, дача семьи Дерюжинских была широко раскрыта для кирасир Ее Величества, и все офицеры, побывавшие на Южном берегу Крыма хоть краткий срок, были гостями этой милой семьи, окружавшей всех заботами, лаской и уютом.

Отступление (декабрь 1919-го — март 1920 года)

Разразившаяся в ноябре над Добровольческой армией гроза — прорыв большевиками фронта у Купянска — приблизила вскоре линию фронта к Полтаве, которая была оставлена нами без давления противника.

26 ноября генерал Кальницкий созвал военный совет для принятия решения о защите или оставлении Полтавы. Большинство начальников частей высказалось за оставление города и присоединение к армии. Пехотные начальники заявили, что не ручаются за настроение своих частей, составленных из недавно мобилизованных солдат.

Полковник барон Таубе предложил остаться в Полтаве с дивизионом кирасир и другими кавалерийскими частями, дабы в случае благоприятного поворота военных событий сохранить Полтаву от разграбления бандами, уже подступившими к самому городу и ожи-

давшими только ухода войск, чтобы начать грабеж. В случае же дальнейшего отхода армии и взятия красными Полтавы кавалерийский отряд, не обремененный ни пехотой, ни обозами, пробился бы на соединение с главными силами.

Не желая ослаблять ядро своего отряда, генерал Кальницкий не принял это предложение, и 27 ноября дивизион начал отход в составе Особого Полтавского отряда. 1 декабря дивизион прибыл в Константиноград, где оставался до 6-го числа, неся сторожевое охранение к северу от города в селах Тишинковка, Берестовенька и Староверовка. 7 декабря, согласно полученному приказанию, дивизион двинулся на присоединение к полку, с которым встретился в ночь с 7-го на 8-е в селе Дмитровка, на реке Орели. В это время Сводно-кирасирский полк, потеряв $\frac{9}{10}$ своего состава, частью в боях, частью обмороженными и больными, имел совместно со 2-м гвардейским полком всего лишь около 60 шашек. Налицо оставались лишь кавалергарды и Конная гвардия, а от кирасир Его Величества лишь 2—3 человека без офицеров. 5-й Кавалерийский корпус, под командой полковника Барбовича, потеряв часть своих полков, оторвавшихся и отходивших на Одессу, и понеся громадные потери, состоял всего из трех бригад, самого ничтожного состава.

Исключительно тяжелая обстановка сложилась в это время для армии. Эпидемия сыпного тифа свирепствовала по Югу России, а одушевление сменилось, под влиянием неудач на фронте, разочарованием и упадком духа. Тиф стал косить и ряды кирасир. В конце ноября и начале декабря были эвакуированы в тифу штабс-ротмистр Сахаров, корнет Кисель-Загорянский, вахмистр 1-го эскадрона подпрапорщик Курятенко и много кирасир. Штабс-ротмистр Одинцов заболел воспалением легких, и в командование эскадронами вступили: 1-м — корнет Корженевский и 2-м — корнет Литвинов 2-й, кроме которых в эскадронах оставалось по одному лишь офицеру — корнеты Тимченко и Собинов. В полковой пулеметной команде были налично штабс-ротмистр Гончаренко и корнет Кашин. Полковник барон Таубе вступил в командование полком, штабс-ротмистр Полянский — в исправление должности полкового адъютанта.

Дивизион, имевший в момент присоединения к полку свыше 200 шашек, начинает сразу таять. В первом же бою 8 декабря на реке Орели 2-й эскадрон, будучи послан в обход наступающего противника у села Марьинского, попал в тяжелую обстановку и потерял убитыми и ранеными свыше 30 кирасир, а под корнетом Литвиновым была убита лошадь. Следующий за этим ночной бой 9 декабря у села Преображенского, где дивизион, после целого дня боя, под-

вергся в непроглядной тьме нападению противника, уменьшил сразу 1-й эскадрон почти на треть. 10 декабря полк двинулся к станции Краснопавловка, а оттуда, 11-го, вдоль линии железной дороги на Лозовую, где, по слухам, были приготовлены укрепленные позиции, на которых предполагалось задержаться. Еще за несколько дней до этого в полку стало известно о назначении генерала барона Врангеля командующим Добровольческой армии, вместо уволенного генерала Май-Маевского. Решительные приказы нового командующего о сокращении обозов, уничтожении полковых эшелонов, прекращении отпусков и т. п. дали надежду на возможность перемены к лучшему. Однако по приходе в Лозовую все убедились, что никакой укрепленной линии фронта нет, а корпус получил приказание идти форсированным маршем на Таганрог.

12 декабря утром 1-й эскадрон, в командование которым накануне вступил штабс-ротмистр Полянский, получил задачу задержать у станции Панкютино сильно наседающих красных, чтобы дать возможность корпусу оторваться от противника. Эскадрон отражает ожесточенные атаки во много раз превосходящей его неприятельской пехоты и, выполнив возложенную на него задачу, следует в арьергарде наших отходящих войск. Идти пришлось среди верениц обозов и бегущих местных жителей, заполнявших деревни и дороги. Фуража и продовольствия был крайний недостаток. Железные дороги работали плохо, пути были забиты брошенными и пустыми эшелонами. Корпус проходил по каменноугольному району, мимо станции Ясиноватая, в направлении на Матвеев Курган, и по ночам зарево непогасших еще доменных печей смешивалось с блесками отдельных орудийных выстрелов и заревом горящих станций. Вдалеке была слышна орудийная стрельба — это дрался отступавший корпус генерала Кутепова. Невзирая на тяжесть положения, оторвавшись от своих обозов, страдая от холода, разутые и раздетые боевые части отходили в порядке, везя за собой своих раненых и тифозных, число коих со дня на день увеличивалось, а ряды эскадронов таяли. В течение двух недель, начиная с 8 декабря, дивизион потерял убитыми и ранеными $\frac{3}{4}$ своего состава и, подходя к Таганрогу, имел лишь 50 шашек. Тем временем полковые тылы тоже отходили на юг, частью по железной дороге, частью походным порядком по маршруту Полтава—Карловка—Константиноград—Лозовая—Павлоград.

Почти не выходя из рядов по охранению и разведки, полк продолжал движение на юго-восток. 17 декабря прибыло пополнение, приведенное полковником Коссиковским, и полк снова вывел в строй полные эскадроны, вследствие чего и запасный и формировавшийся 3-й эскадроны кирасир Ее Величества были сведены почти на нет, а

оба действующих эскадрона снова слиты в один. Полковые мастерские и хозяйственные части отошли из Павлограда по железной дороге в Крым, а колесный обоз, под начальством ротмистра Афанасьева, с остатками запасного эскадрона двинулся на Ростов, совершая ежедневно громадные переходы. С обозом отходили прибывшие два офицера полка, штабс-ротмистр Михайлов⁴⁰⁷, воевавший до сего времени с начала Гражданской войны в Уральской казачьей армии, и корнет Ракович⁴⁰⁸ из-за границы.

21 декабря корпус подошел к станции Матвеев Курган, занятой уже большевиками, и, обойдя ее с юга, пришел на ночлег в Покровскую. Здесь предполагалось дать дневку. Пользуясь этой остановкой, вахмистр полковой пулеметной команды Захарченко отправился на свой хутор (возле Лысогорской, к северо-востоку от Покровской) и нашел его занятым красными. От своих односельчан он узнал, что главные силы кавалерии красных уже прошли на Ростов, грозя, таким образом, отрезать отряд генерала Барбовича от сосредотачивающейся у Ростова армии. Дневка была отставлена. Отряд выступил из Покровской и, идя всю ночь, пришел на рассвете 23 декабря в Синявку (в 35 верстах от Ростова на железной дороге Ростов—Таганрог), где вошел в связь с нашей пехотой. Здесь стало известно о сведении частей Добровольческой армии, отошедших к Ростову, в Добровольческий корпус, под командой генерала Кутепова. 5-й Кавалерийский корпус оказался сведенным в бригаду, под командой генерала Барбовича, в составе двух полков — Сводно-гвардейского и Армейского. Командование гвардейским полком принял генерал Данилов, помощником его по строевой части был назначен полковник Ковалинский, а адъютантом — штабс-ротмистр Рогович (Кавалергардского полка). Незадолго до этого к бывшему 2-му гвардейскому полку присоединились из Кавказской армии лейб-гусары и уланы Ее Величества, понесшие перед этим потери в боях под Царицыном (из улан Ее Величества убит штабс-ротмистр Малама, из лейб-гусар — ротмистр князь Голицын, корнеты Петрово-Соловова, Курис⁴⁰⁹ и Булдов и прапорщик Боткин⁴¹⁰). Таким образом, в полку собралась вся гвардейская кавалерия, за исключением пока лишь гродненских гусар. Из кирасир Ее Величества вернулись в строй выздоровевший и принявший командование эскадроном штабс-ротмистр Одинцов и из командировки штабс-ротмистр Спешнев, назначенный начальником боевого обоза полка, и корнет граф Гейден. Заболевший полковник барон Таубе был эвакуирован в конце декабря в Крым.

Добровольческий корпус занял позиции вокруг Ростова в 20 верстах от города фронтом на север и на запад. Бригаде генерала Барбо-

вича приказано было оставаться в районе Недвиговский—Синявка, впереди расположения пехоты, ведя разведку. Полк оставался в Синявке до 26 декабря, когда красные начали наступление на позицию Добровольческого корпуса у села Мокрый Чалтырь. Эта позиция за несколько дней стоянки была довольно хорошо оборудована. Кроме того, у пехоты имелись танки, действие которых нам пришлось наблюдать впервые. Атака красных разбилась о сопротивление Добровольческого корпуса, и атакованные, в свою очередь, с фронта бригадой генерала Барбовича большевики начали отступать. Штабс-ротмистр Одинцов с эскадронам кирасир Ее Величества атаковал в конном строю отступающие колонны красных и по собственной инициативе, оторвавшись от главных сил, преследовал их до наступления темноты, превратив их отступление в беспорядочное бегство. Во время этой атаки был ранен корнет Тимченко.

Несмотря на этот успешный бой, общая боевая обстановка сложилась не в нашу пользу. Терская пластунская бригада сдалась красным у села Султан Сабы и открыла им путь на Ростов. Добровольческий корпус принужден был начать отход, чтобы не быть отрезанным от переправ и припертым к морю. Бригада генерала Барбовича, сосредоточившаяся после боя в селе Мокрый Чалтырь, двинулась на Ростов ночью 27 декабря, прикрывая отходящую пехоту. После ночного перехода под ледяным дождем по гололедице и при сильном ветре, покрывавшем людей и лошадей толстой ледяной корой, бригада на рассвете подошла к Ростову, который оказался занятым красными. Посланный от полка разъезд корнета Некрасова (улана Ее Величества) пропал без вести, а головные части были встречены на окраине пулеметным огнем. Бригада свернула на станицу Гниловскую и здесь начала переправу через Дон. Пущенный накануне для затруднения перехода Дона большевиками ледокол оставил на середине реки борозду шириною в несколько сажен, которая за ночь снова затянута тонким льдом. Лед этот под тяжестью людей и лошадей дал трещины и осел, покрывшись водою. С большим трудом удалось перетащить по этому хрупкому пласту артиллерию и пулеметные повозки. Во время переправы в тылу у нас появилась конница Буденного. Сводно-гвардейский полк получил задачу задержать ее наступление. Штабс-ротмистр Одинцов, заняв смешанным эскадронам кирасир Ее Величества и пулеметами ряд курганов на расстоянии версты от станицы Гниловской, отбил сильным огнем конную атаку противника, принудил его спешиться и завязал с ним стрелковый бой. (В этом бою пропал без вести один из первых добровольцев юнкер Беляев.) Отступая и отразив все попытки Конной дивизии Буденного, лично руководившего

боем, отрезать нас от переправы, Сводно-гвардейский полк, последним из Добровольческого корпуса, перешел через Дон и расположился на ночь в селе Капор.

В последовавший затем период тяжелой двухмесячной борьбы в задонских степях в январе и феврале 1920 года Добровольческому корпусу пришлось проявить необычайное напряжение, чтобы сдерживать натиск большевиков, решивших ликвидировать в кратчайший срок последнее сопротивление своих врагов. Зима была суровая. Морозы доходили до 30 градусов, в степях свирепствовали метели и бураны. Эпидемия тифа достигла наивысших размеров и приняла характер народного бедствия. Моральное разложение тыловых центров достигло своего апогея. Изменившие общему делу борьбы с большевиками кубанские казаки начали уходить с фронта и, несмотря на все усилия высшего командования, помощи фронту не давали. Ряды эскадронов продолжали редеть, и к середине января у кирасир Ее Величества оставалось в строю лишь 40 шашек.

Благодаря прибывшим пополнениям бригада генерала Барбовича была развернута в три полка, а в конце января — в четыре. Командование одним из них (2-м Сводно-кавалерийским) принял полковник Апрелев, неизменно остававшийся в форме кирасир Ее Величества.

Начиная с 6 января попытки большевиков форсировать Дон отбивались с громадными для них потерями, причем главнейшая роль выпала на долю кавалерии. Широкая задонская степь между Батайском и Ольгинской сделалась ареной упорнейших кавалерийских боев, в которых упорство и численное превосходство большевиков разбивалось о доблесть и искусные действия Добровольческой кавалерии.

Бригада генерала Барбовича, стоявшая в Батайске и Койсуге, служила резервом, неся в то же время сторожевое охранение. Наши части группировались, начиная с левого фланга, следующим образом. Город Азов и село Кулишовка занимала Дроздовская дивизия, от Кулишовки до Батайска включительно — Корниловская и Алексеевская дивизии, далее шла пустынная задонская степь, длиною до Ольгинской, около 25 верст, с расположенным на ней единственным полуразрушенным хутором Шматовом, занимаемым по очереди разведывательным полуэскадронам. Ольгинскую занимали пешие Донские части корпуса генерала Гусельщикова, имея в резерве донскую конницу генерала Павлова. Излюбленным и наиболее удобным местом наступления красных являлась эта задонская степь. Левее Батайска постоянные попытки форсировать Дон были из хутора Усть-Койсугского на Кулишовку, и всякий раз бригада генерала Барбовича двигалась на помощь или донцам к Ольгинской, или дроздовцам к Ку-

лишовке. Результатом этого периода явилась такая закаленность духа и тела людей, что, казалось, не было ничего, что бы могло их остудить. Особенно тяжелыми и вместе с тем доблестными боями были 6, 8 и 15 января и 2 февраля между Батайском и Ольгинской и 1 февраля у Кулишовки. 5 января Буденный со всей своей конницей переправился через Дон у Ольгинской и, отбросив донских казаков, занимавших эту станицу, на Хомутовскую, двинулся 6 января на Батайск. Брошенная в атаку дивизия кубанцев, встреченная пулеметами и контратакой красных, отступила на Батайск. Тогда сквозь ряды отходивших кубанцев пошла в атаку бригада генерала Барбовича и, опрокинув красных, преследовала их вплоть до Ольгинской, где подошедший с донскими казаками генерал Топорков довершил разгром красной конницы, потерявшей в этом бою 9 орудий и свыше 30 пулеметов.

Эта операция, разыгравшаяся между Батайском и Ольгинской, представляла незабываемую картину чисто кавалерийского боя. (Против бригады Барбовича действовало 13 красных полков.) Вся широкая снежная равнина к востоку от Батайска была покрыта лавами и сомкнутыми строями конницы, там и сям трещали с повозок пулеметы и маневрировала конная артиллерия, вдали двигались колонны резервов. Бригада генерала Барбовича на этом гладком пространстве развернулась и атаковала как на учении, соблюдая положенные интервалы и дистанции.

Переправившаяся на другой день 7 января у Нахичевани и отброшенная назад генералом Мамонтовым красная кавалерия, потеряв свыше 1000 пленных и всю артиллерию, несколько умерила свой боевой пыл, и 8 января большевики повели наступление к востоку от Батайска дивизией пехоты. На этот раз они были отброшены с большими потерями бригадой генерала Барбовича и корниловцами. Сводно-гвардейский полк, атакуя в первой линии, захватил 2 пулемета, и только быстрота, с которой красные ушли обратно за Дон, и невозможность преследовать в конном строю через топкие донские гирла спасли их в этот день от окончательного уничтожения.

15 января в том же месте Сводно-гвардейский полк, на этот раз вместе с алексеевцами, снова разгромил красных.

2 февраля бригада снова берет захваченную было красными Ольгинскую, а накануне, 1 февраля, у Кулишовки выручает конной атакой попавших в трудное положение дроздовцев и совместно с ними уничтожает до последнего человека переправившихся через Дон красных.

В этом бою убит поручик князь Волконский (улан Его Величества) и смертельно ранен в голову, от чего скончался 6 февраля, командо-

вавший 1-м эскадронном Конной гвардии штабс-ротмистр граф Стенбок-Фермор Сергей.

Ни разу в течение этих боев действие бригады генерала Барбовича не кончалось иначе, как разгромом противника и взятием военной добычи. Красные полки, переправлявшиеся через Дон, большей частью погибали целиком.

Большой моральной поддержкой кирасирам Ее Величества было поднесение вдовую вахмистра Штандартного эскадрона старого полка подпрапорщика Баздырева эскадронной иконы, вывезенной ею из Гатчины. (Подпрапорщик Баздырев был смертельно ранен в конной атаке 18 сентября 1915 года у фольварка Кураполю. Рядом с его телом был найден, тоже убитым, его вестовой, наклонившийся над ним для перевязки и убитый в этот момент.) Проживая в Батайске и узнав про возрождение родного полка, вдова Баздырева передала икону командиру эскадрона, благословляя полк.

Обозы под начальством ротмистра Афанасьева, отошедшие форсированными маршами с невероятными трудностями от Павлограда на Ростов и далее через Аксай—Ольгинскую—Каялу, расположились на станции Переяславская. Лишившись еще в конце ноября всего, что было боеспособного, отправленного в полк, и пополняясь постоянно прибывающими из полка тифозными и ранеными, обоз превратился под конец своего перехода в сплошной лазарет, где на семь-восемь лошадей находился один полуздоровый кирасир. С прибытием в Кубанскую область положение осложнилось враждебным отношением кубанских казаков. Станицы, полные молодых здоровых казаков, разбогатевших от грабежей, не принимали в свои дома офицеров и солдат, отказывали в пище и фураже, одиночных людей и даже целые команды (случай в станице Ясенской с запасной частью Кавалергардского дивизиона) разоружали, из обозов угоняли и выкрадывали лошадей и имущество. В расплату за даваемые с необычайной скупостью продукты казаки отказывались принимать деньги и требовали сахар, одежду, белье и обувь, и обозы вынуждены были расплачиваться содержимым своих тощих цейхгаузов для прокормления тифозных, в то время как свои люди мерзли от отсутствия одежды и обуви. Светлым явлением в этот кошмарный период было присутствие в обозе сестер милосердия: В.Ф. Одинцовой (супруги командира эскадрона), а также М.И. Сахно-Устимович, Двоежен, Люличевой и Андриеевской, бескорыстно отдавших себя делу помощи больным и спасшим много жизней. Присоединяясь постепенно к обозу дивизиона во время отхода его по Малороссии, сестры эти, лишённые элементарных удобств, не получая никакого жалования, совершая подчас пешком, за отсут-

ствием места в повозках, тяжелые переходы, до самого конца самоотверженно несли, при полном отсутствии врачей и фельдшеров, свою работу. Благодаря им возможно было справляться с эпидемией, так как направляемые в госпитали больные и раненые пропадали бесследно, или замерзая в нетопленных вагонах, или умирая от голода и недосмотра. И даже при таких условиях запасная часть дивизиона, производя набор добровольцев, имела возможность довести до прохода через Ростов число людей до 113 и лошадей до 72.

В первых числах февраля Добровольческому корпусу был произведен под Батайском смотр генералом Деникиным. 7 февраля корпус перешел от обороны к наступлению. В ночь с 6-го на 8-е бригада генерала Барбовича собралась в Койсуге и около часу выступила вслед за корниловцами через лед. Еще в темноте корниловцы захватили Гниловскую и взорвали железнодорожный путь, а с рассветом в станицу втянулась и кавалерия. Со стороны Темерника показались густые цепи красных, начавших сильный обстрел. В то время как корниловцы отражали атаку огнем из Гниловской, кавалерия была направлена в обход фланга и тыла красных. Гвардейский полк был в голове бригады. Идя по замерзшему вспаханному полю под огнем противника, полк, во главе которого шли кирасиры Ее Величества, дошел до крайних домов Темерника и затем, круто повернув по команде генерала Данилова, левым плечом обрушился на красную пехоту. Исключительная доблесть и на этот раз сломала вдесятеро сильнейшего врага. Цепи красных стали сбиваться в отдельные кучки и перенесли весь огонь на атаковавшую их кавалерию. Кирасиры Ее Величества, шедшие разомкнутым строем в первой линии полка, сразу потеряли до половины своего состава, в том числе тяжелоранеными командира эскадрона штабс-ротмистра Одинцова и вахмистра Шестерикова. Только когда кирасиры врубались в толпы стрелявших красноармейцев, последние начали втыкать винтовки штыками в снег, бросаться на колени и молить о пощаде. Конные комиссары и полуэскадрон кавалерии, находившийся на фланге красных, повернули и скрылись в городе при начале нашей атаки.

Вся бригада красных была захвачена в плен, и полк, взяв две пушки, беспрепятственно прошел Темерник, Ростовский вокзал и далее на северную окраину города, где у кладбища завязался новый бой, на этот раз стрелковый. Тем временем Марковская дивизия вела уже бой на улицах города, и кирасирам, находившимся в тылу у красных, удалось захватить живыми командира большевистской батареи и несколько комиссаров, преданных расстрелу. Под вечер полк отошел ночевать в Темерник, где рано утром был поднят атакой красных, снова заняв-

ших город и ведших бои с нашей пехотой. Вступив в бой у Темерника, бригада затем обошла его с северо-запада и, заставив этим очистить окраину, бросилась преследовать противника, отступавшего к Новочеркасску. Лишь с наступлением полной темноты вернулась бригада в окончательно занятый нами Ростов, где были взяты громадные трофеи. На железнодорожных путях было взято семь исправных бронепоездов. В приказе по Добровольческому корпусу с благодарностью за взятие Ростова генерал Кутепов отмечает заслуги кавалерии во время этой операции, а из кавалерии особенно благодарил Сводно-гвардейский полк.

9 февраля в Ростов приходит пополнение из запасной части, под командой ротмистра Гончаренко, в составе корнетов Викгорста и Милляра и около 60 кирасир. Однако за время, которое пришлось плохо одетому и обутому пополнению пройти походным порядком в сильную стужу до боевой части, 37 кирасир обморозились и были отправлены обратно. Незадолго до этого в эскадрон вернулся из отпуска поручик Буйнов, а с приходом пополнения был переведен из пулеметной команды в эскадрон корнет граф Гейден.

Большевистская конная армия, получившая сильное подкрепление, оправившись от январских разгромов и видя невозможность достигнуть результатов на участке Добровольческого корпуса, двинулась через реку Маныч на станцию Тихорецкая, в обход правого фланга донских казаков и добровольцев. Разложение кубанцев дало им возможность почти беспрепятственного продвижения вперед, и, предвещая падение Кавказа, она вынудила добровольцев оставить Ростов без боя и снова отойти за Дон. Наша кавалерия была брошена в прорыв восстанавливать положение.

17 февраля конная группа генерала Павлова столкнулась с конной армией Буденного у станицы Егорлыкской. Около 12 часов дня лава противника появилась на западе от станицы, наступая с юго-запада. Наша конная группа была с утра собрана в поле перед станицей. Генерал Павлов послал навстречу наступающим красным бригаду генерала Барбовича. Двигаясь сначала в линии колонн, бригада под артиллерийским огнем перестраивается в боевой порядок, имея в первой линии Сводно-гвардейский и 3-й Сводно-кавалерийский полк и во второй линии — 2-й Сводно-кавалерийский (1-й Сводно-кавалерийский полк находился в сторожевом охранении). Лава противника поворачивает и уходит, открывая пулеметы, встречающие нас сильным огнем. По команде генерала Данилова полк бросается в атаку. Эскадрон кирасир Ее Величества теряет раненым командующего эскадрон ротмистра Полянского, убитым поручика Буйнова, убитыми и ра-

ненными несколько кирасир и лошадей. Опрокинув первую линию красных, наши полки натываются на главные силы противника, атакующего нас в строю резервных колонн. Завязывается безлошадная рукопашная схватка, во время которой свежие дивизии красных отесняют наши поредевшие полки, добывая раненых и спешенных всадников. Генерал Барбович, исчерпав свои резервы, собирает несколько пулеметных повозок, и, лично руководя пулеметным огнем, останавливает лавину красных. Снова построившись, наши полки опять бросаются в атаку. Кавалерийский бой длится с двух часов дня до наступления темноты. Повторными атаками наших все более редевших полков упорство красных, непрерывно вливавших в бой новые силы, было все же сломлено, и поле битвы осталось за нами ценою почти полного уничтожения регулярной кавалерии. Из 20 офицеров гвардейской кавалерии, участвовавших в атаке, пали смертью храбрых 9 (ротмистры: князь Святополк-Мирский — лейб-гусар, Кучин — кирасир Его Величества и Хитрово — конногренадер, поручик князь Черкасский — кирасир Его Величества и корнеты: Штранге — Конной гвардии, Пуришкевич — конногренадер и князь Енгальчев — лейб-драгун); из кирасир Его Величества были убиты поручик Буйнов и корнет граф Гейден. Ранено двое — ротмистр князь Накашидзе (Конная гвардия) и ротмистр Полянский. Из 300 солдат полка выбыло из строя свыше 150. Эскадрон кирасир Его Величества понес тяжелые потери, потеряв в числе убитых всех трех взводных унтер-офицеров — Юлиана Милевского, Алгея Демина и Григория Бесклубенко. Корнет Собиннов вывихнул ногу при падении с лошади. Уцелевшие кирасиры были сведены в один взвод, под командой поручика Маляра. Тела поручика Буйнова и корнета графа Гейдена были погребены в станице Павловской.

Этот губительный и блестящий бой наших полков явился поражением для нашей конной группы, так как свыше 20 полков донской и кубанской конницы, находившиеся в резерве, оставались безмолвными зрителями картины боя и первыми начали отход. Бой этот предрешил участь всего Кавказа. Это был последний этап сопротивления, где ход событий можно еще было повернуть в обратную сторону. В результате боя полки наши были почти уничтожены.

Остатки армии под давлением красных были вынуждены отходить за реку Кубань, после чего дивизия пошла через станцию Тоннельная к Новороссийску, где, бросив конский состав и имущество и вывозя лишь больных и раненых, погрузилась 14 марта на суда. Плана эвакуации, по-видимому, не было. Немногочисленные пароходы, находившиеся в Новороссийском порту, захватывались силами

частями, пришедшими первыми, кавалерия же, отходившая одною из последних и прикрывавшая арьергардными боями погрузку пехоты, смогла погрузиться лишь благодаря исключительной энергии своих офицеров.

Армия генерала Врангеля и окончание вооруженной борьбы с большевиками (апрель — октябрь 1920 года)

15 марта остатки армии прибыли в Крым. Кирасиры Ее Величества привезли с собой всех своих больных и раненых (более 200 человек). По прибытии в Крым кирасиры соединились со своими хозяйственными частями, отошедшими сюда при всеобщем отступлении после двадцатидневного перехода по железной дороге. Части эти, расположенные в районе станций Грамматиково и Ислам-Терек и не имея никакой связи с боевыми частями, сохранили весь аппарат своей старой организации, утвержденный в июле 1919 года, оправдываемый в свое время предполагавшимся разворачиванием каждого дивизиона в отдельный полк. Согласно приказу командира Крымского корпуса генерала Слащева в январе был сформирован для защиты Перекопского перешейка Отдельный гвардейский отряд полковника Петровского (кирасир Его Величества), состоявший из попавших в Крым чинов гвардии всех родов оружия. Хозяйственные части обоих гвардейских полков выделяли в означенный отряд дивизион, командование коим принял полковник Ковалевский⁴¹¹ (лейб-драгунского полка). В составе дивизиона был Сводно-кирасирский эскадрон ротмистра Максимова (кирасир Его Величества), из людей всех четырех дивизионов, сохранивший до 50 кирасир Его Величества, частью конных, частью пеших, во главе с корнетом Литвиновым 1-м. Кроме того, при хозяйственных частях дивизионов стали формироваться новые эскадроны из выздоравливающих от тифа и ранений людей, покуда еще для фронта не пригодных по состоянию своего здоровья. В дивизионе кирасир Его Величества, командование коим принял прибывший в конце января с Кавказа больной полковник барон Таубе, формирование эскадрона было поручено прибывшему после ранения штабс-ротмистру Кожину. Ввиду отсутствия младших офицеров, явилась необходимость прикомандировать к дивизиону несколько офицеров без соблюдения установленных для сего правил. Таковыми явились произведенный из вольноопределяющихся в корнеты Пусторослев, назначенный в полуэскадрон корнета Литвинова 1-го, корнет Шевченко и подпоручик Ган⁴¹², на-

значенные в эскадрон штабс-ротмистра Кожина. Корнет Шевченко был вскоре откомандирован в казачьи части.

Прибывшие с Кавказа остатки Сводно-гвардейского полка разошлись по своим дивизионам, обуреваемые одним желанием отдышка после пережитого кошмарного периода. Настроение было усталое и разочарованное.

Кирасиры Ее Величества нашли свою хозяйственную часть в колонии Ислам-Терек. Тиф, косивший ряды армии во время истекшей зимней кампании, унес в могилу многих офицеров гвардейской кавалерии. В течение осени, зимы и весны 1919—1920 годов скончались от тифа: Кавалергардского полка поручик Адеркас, Кирасирского Его Величества полка полковник Сахновский⁴¹³ и корнет Максимович 2-й, Конных гренадер корнет князь Гедройц 2-й⁴¹⁴, Уланского Ее Величества полка ротмистр князь Трубецкой, лейб-гусар штабс-ротмистр Воронцов-Дашков, Уланского Его Величества полка полковник Глазачев⁴¹⁵, штабс-ротмистр Домонтович и поручик Риккер, лейб-гвардии конной артиллерии капитан Лехович, штабс-капитан Кривошеин⁴¹⁶ и сотник Коссов; кроме перечисленных, полковник Поливанов и поручик Стаценко, скончавшиеся в начале марта в Ислам-Тереке, и старшего полка ротмистр Аршеневский, не доехавший до полка, попавший в группу войск, отходивших от Киева на Одессу, где он заболел и умер.

Вслед за прибытием частей дивизии в Крым дивизион был переведен около 20 марта в колонию Саурчи, в 8 верстах от станции Граматиково. Здесь разместились большая часть офицеров, мастерские, цейхгауз, канцелярия и трубачи, в соседней колонии Саарон — эскадрон штабс-ротмистра Кожина, а для тифозных кирасир был отведен хутор Черкес-Тобай, где был организован лазарет, медицинский персонал которого составляли сестры Сахно-Устимович, Двоежен, Люличева и Андриеевская, а хозяйство было поручено подпоручику Цибарту и вахмистру Холоденко. В Саурчах благодаря работе во всех мастерских прибывшим с Кавказа удалось сразу же обшиться и обуться, чему в значительной мере помог собственный кожевенный завод, отличившийся под руководством чиновника Капина, несмотря на свое примитивное устройство. Дивизионной канцелярии, во главе с чиновником Давыдовым, пришлось приступить к громадной работе по составлению отчетности, которая не велась с ноября месяца, по исключению погибшего имущества, лошадей и проверке наличного состава кирасир. Ввиду того что отчетности Сводно-гвардейского полка не велось вообще, материалы для нее погибли в Новороссийске, а сам полк распался по приходе в Крым, работа оказалась необычайно сложной.

Колония Саарон была отведена под строевых кирасир, из которых ныне образовано два эскадрона: 1-й — штабс-ротмистра Кожина и 2-й — ротмистра Михайлова. В первый вошли все годные к строю, во второй — еще не поправившиеся.

В конце марта, к Пасхе, в дивизион съехались все офицеры во главе с генералом Даниловым, за исключением находившегося на фронте корнета Литвинова 1-го, эвакуированных из Новороссийска за границу ротмистров Одинцова и Полянского и больных тифом корнетов Корженевского и Собинова. Состоялась торжественная заутреня и разговение в Офицерском собрании, на которое были приглашены полковые дамы.

Тяжелое отступление, закончившееся новороссийской катастрофой, отразилось на состоянии духа армии, усталой и измученной. Появилось недоверие к высшему командованию, была потеряна вера в своих вождей и в успех дела; все это создавало тяжелую атмосферу, и надежда на удержание Крыма было мало. С другой стороны, борьба с большевиками из масштаба всероссийского с переходом в Крым стала эпизодом местным, и шансов на выход опять на всероссийскую дорогу было мало.

Собранные на совещание старшие представители Сводно-кирасирского полка, придя к заключению, что падение Крыма не знаменует окончания борьбы с большевиками, и не рассчитывая после новороссийской эвакуации на Ставку, пришли к заключению о необходимости послать офицеров в Сербию и Германию для разведки и выяснения обстановки, с тем чтобы, в случае падения Крыма, на основании полученных данных направлять офицеров в соответствующую страну для продолжения ведения борьбы с большевиками. Предположено было командировать одного офицера в Сербию и двух в Германию. Сверх того, было признано необходимым принять самим меры для вывоза офицеров и желающих солдат. Вскоре после назначения генерала барона Врангеля Главнокомандующим генерал Данилов, поехавший к нему с докладом о делах гвардейской кавалерии, доложил и о предполагаемой командировке за границу, чему Главнокомандующий обещал оказать полное содействие. Однако прибывшие в Севастополь командированные офицеры натолкнулись на ряд препятствий, и после хлопот и переговоров состоялась лишь командировка в Сербию полковника Звегинцова. Командировка в Германию не состоялась вовсе. Относительно мер для эвакуации Главнокомандующий передал генералу Данилову, чтобы полки не беспокоились, ибо нужные меры будут приняты и вывезены будут все.

В конце Пасхальной недели в полк пришла печальная весть о гибели Сводно-кирасирского эскадрона, находившегося на фронте. На рас-

свете 3 апреля дивизион, занимавший участок сторожевого охранения впереди Перекопского вала, подвергся неожиданному нападению красной кавалерии, обошедшей его на соседнем участке, и почти полностью погиб в неравном бою. Корнет Литвинов 1-й, оставаясь до последнего момента у пулемета, героически погиб на своем посту, зарубленный красноармейцами. Корнет Пусторослев пропал без вести. Из кирасир спаслось лишь несколько человек. Одновременно были убиты командир эскадрона полковник маркиз делла Альбицци (кирасир Его Величества), штабс-ротмистр граф Толстой (лейб-драгунского полка) и поручик Костин (Конно-гренадерского полка).

Около 10 апреля всем боевым частям дивизии было приказано собраться в районе станции Колай. Ввиду громадного количества тифозных и раненых, составлявших более половины списочного состояния полка, возродившийся Сводно-кирасирский полк разделился на две части: боевая, под командой командира полка полковника Коссиковского, состоящая из 4 эскадронов, выступила в пешем строю в Колай, а тыловая, под начальством назначенного помощником командира по строевой части полковника фон Баумгартена, не оправившегося от полученного ранения, продолжала оставаться в районе станции Грамматиково и, занимая несколько окрестных немецких колоний, состояла из хозяйственных управлений и лазаретов.

Вследствие необходимости приведения в порядок строевой отчетности и издания приказов по полку с октября, полковой адъютант ротмистр Безобразов со строевой канцелярией был временно оставлен при тыловой части, а при боевой — обязанности адъютанта исполнял граф Гендриков⁴¹⁷. Чрезвычайная запутанность офицерского дела, вследствие потери всех послужных списков на Кубани, и необходимость составить и провести представления к производству в чины всех исключения офицеров, а также утверждения переименований из гвардейских чинов в армейские и из упряденного в 1919 году чина прапорщика в корнеты заставила создать новую должность помощника полкового адъютанта по наградной части, на которую был назначен корнет Литвинов.

Уход генерала Деникина, вступление в командование армией генерала барона Врангеля и последовавшая затем реорганизация дали вскоре свои результаты. Армия, несмотря на отказ Англии в дальнейшей помощи, стала в короткий срок снова боеспособной, что и доказала в последовавших тяжелых летних боях. При реорганизации были упряднены и сведены многие части, числившиеся часто лишь на бумаге.

16 апреля собравшейся в районе станции Колай дивизии генерала Барбовича новым Главкомандующим был произведен смотр, во вре-

мя которого стало известно о последовавшем сведении всей гвардейской кавалерии в один Гвардейский кавалерийский полк, с назначением командиром его полковника Генерального штаба Ряснянского. После смотра дивизия выступила на фронт и заняла участок охранения на Сиваше, базируясь на село Магазинка. Сюда же прибыл и новый командир, после чего организация полка приняла окончательную форму.

Помощником командира по строевой части был назначен полковник Коссиковский. А адъютантом ротмистр Безобразов. Хотя по штату полк должен был иметь 6 эскадронов, однако, по соображениям практического характера, было решено иметь их 8, образуемых по порядку кадрами старых полков: 1-й — Кавалергардский, 2-й — Конной гвардии, 3-й — Кирасирский Его Величества, 4-й — Кирасирский Ее Величества, 5-й — Конно-гренадерский, 6-й — уланский Его Величества, 7-й — сводный (уланский Ее Величества, Лейб-гусарский и Гродненского гусарского полка) и 8-й — Лейб-драгунский. Кроме этого, в полку состояли команды: связи (кадр лейб-гвардии Саперного полка), пулеметная и комендантская (смешанные). Тыловые части полка заключались в хозяйственном управлении и запасном эскадроне, куда назначались все выздоравливающие от тифа. Эскадрон этот, под командой полковника Римского-Корсакова, делился на 10 взводов, пополнявших 8 эскадронов и команды связи и пулеметную.

Командиром Кирасирского Ее Величества эскадрона был назначен штабс-ротмистр Дараган, поручик Искандер⁴¹⁸, только что прибывший из Туркестана, корнет Тимченко и прикомандированные корнет Маляр и подпоручик Ган. В полковую пулеметную команду были назначены поручик Кисель-Загорянский и корнет Викгорст, а командиром запасного взвода, составившегося из 2-го эскадрона, — ротмистр Михайлов. На общеполковые должности были назначены: полковник Афанасьев — помощником командира по хозяйственной части, ротмистр Сахаров — казначеем, корнет Литвинов — помощником полкового адъютанта и штабс-ротмистр Спешнев — комендантом тылового района полка. Кроме того, три офицера — полковник Гросман и корнеты князь Урусов⁴¹⁹ и князь Голицын — были зачислены в штаб бригады генерала Данилова. Из числа остальных офицеров — корнеты: Корженевский, Кашин и Собинов были больны тифом, полковник фон Баумгартен убыл для лечения раненой ноги, ротмистры Погоржанский и фон Баумгартен 2-й ввиду расстроенного здоровья находились при хозяйственной части, ротмистр Рубец состоял членом ликвидационной комиссии 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, а корнет Ракович перевелся на долж-

ность офицера связи с союзным командованием, с исключением из списков полка.

Порученное корнету Литвинову офицерское дело по соединении двух полков значительно расширилось, ибо в полку числилось 200 офицеров, из коих почти никто за время Гражданской войны в чины не производился. Поэтому офицеры гвардии оказались моложе своих сверстников в армии, между тем как имели право на переименование в следующие чины по армии и, сверх того, на производство в дальнейшие чины за выслугу ценза на Гражданской войне. Проведя 165 производств в чины, 100 переименований и 60 производств вольноопределяющихся в первый офицерский чин, корнет Литвинов исполнил задачу, в результате которой все без исключения офицеры полка повысились в чине, некоторые сразу на два или три, и в полку оказалось около 70 штаб-офицеров — явление совершенно невозможное с точки зрения старых правил, когда по штату могло быть лишь 3 полковника.

8 мая, накануне полкового праздника кирасир Ее Величества, в колонии Саурчи была отслужена панихида по убитым и умершим чинам полка. Празднование 9 мая, ввиду разбросанности офицеров, бывших частью на фронте, частью в командировках и лазаретах, не состоялось.

Хотя в Саурчах, где расположились ныне полковые хозяйственное управление и нестроевая команда, остается мало кирасир Ее Величества, однако, по старой памяти, колония продолжает быть тыловым центром кирасир, ибо здесь живут некоторые офицерские семьи и сюда офицеры заезжают в кратковременный отпуск или в командировку. Здесь восстанавливается по субботам заря с церемонией — по примеру гатчинского дворцового караула. В памяти многих останутся вечера с трубачами, на которые офицеры собрались по сигналу — сбор начальников, — а также деревенские развлечения вроде катания с гор — с соломенных ометов, в которых принимали участие и полковые дамы. Почти всем офицерам должен быть памятен также Азамат, имение родителей полковника Сахарова, куда наезжали целыми толпами, и всех гостеприимные хозяева радушно принимали; близкое расстояние от колонии Саурчи (20 верст) давало возможность частого посещения этого радужного уголка, и почти все офицеры, попадавшие в хозяйственную часть по делам, урывали день или два, чтобы провести их в Азамате, в условиях тихой, сытной и спокойной деревенской жизни.

В конце мая кирасирам во второй раз пришлось участвовать в наступлении через Перекоп на Каховку и нести сторожевое охранение на ле-

вом берегу Днепра. 18 июня большевики, под прикрытием сильного артиллерийского огня из-за Днепра, предприняли наступление, имевшее целью овладеть Перекопом и отрезать армию, находившуюся в Мелитопольском уезде, от ее базы — Крыма. В упорных трехдневных боях 18—20 июня (19 июня эскадрон под командой ротмистра Кожина совместно с эскадронам кирасир Его Величества под общей командой полковника графа Толстого — Кавалергардского полка — берет в конном строю село Большая Каховка) противник (465-й и 466-й пехотные советские полки) терпит поражение и отходит обратно за Днепр. Во время боев 18—20 июня у Каховки трофеи эскадрона — 2 пулемета и 35 пленных, потери — контужен полковник Гросман и ранен осколком снаряда в ногу и одновременно контужен поручик Тимченко. В этих же боях убиты командовавший сводным 7-м эскадронам ротмистр Лишин (уланского Его Величества полка) и поручик Артамонов (Конной гвардии). После окончания боев вся кавалерия, постепенно севшая на лошадей, собирается в селе Серагозы, где сводится в Конный корпус, под командой генерала Барбовича.

В то время как армия борется на фронте, высшим командованием предпринято тщательное обследование тылов и продолжающий еще оставаться в Крыму запасный эскадрон полка подвергается в июне одной за другой двум генеральным ревизиям. Обеими ревизиями обнаружены громадное количество не вполне поправившихся после тифа людей; ввиду объявления Крыма армейским тыловым районом, все полковые запасные части выводятся в Мелитопольский уезд, в село Юзкуи. Куда переходит и запасный эскадрон. Здесь он переформируется и из 10 взводов сводится в 6 (законная норма). Бывшие взводы сводятся ныне в звенья. Полковник Михайлов остается начальником звена кирасир Ее Величества.

С упорядочением тылов и с введением в законное русло жизни армии на смену одной крайности — прошлогодним грабежам и насилиям — приходит другая — чрезмерное охранение интересов местного населения, в результате которого по малейшим поводам — а часто и без них — пишутся бесконечные жалобы в судные комиссии (именуемые в войсках чрезвычайками), и офицеры на основании этих обвинений, во многих случаях совершенно голословных, привлекаются к суду этих чрезвычайок. В одном лишь Гвардейском полку было привлечено к ответственности 28 офицеров, из коих более трех четвертей было оправдано за отсутствием состава преступления, дела же остальных не были разобраны из-за отступления.

В начале июля конный корпус перебрасывается в район Александровска.

11 июля дивизия двигается в рейд в тыл красным, оставив свои обозы 1-го разряда в колонии Лихтенау. 13 июля дивизия выступает из города Орехова на Ново-Павловку; пройдя аул Белицкий, полк под командой временно командующего полком полковника Ковалевского (лейб-гвардии Драгунского полка) отделился от дивизии и пошел на село Щербаковка в тыл занимающему село Интернациональному полку, атаковал его в конном строю и вынудил отступить. 1-й взвод эскадрона под командой ротмистра Искандера врезался в самую гущу противника, захватил действующий пулемет и 32 пленных; 2-й и 3-й взводы под командой поручика Маляра атаковали правый фланг Интернационального полка; опрокинув первую линию мадьяр, ворвались во вторую. Пленные, взятые эскадронами (около 60 человек), оказались следующих национальностей: русские, мадьяры, чехословаки и немец-пруссак. В этом бою убиты ротмистр граф Стенбок-Фермор Андрей — Конной гвардии и корнет Исаков, прикомандированный к Кавалергардскому эскадрону. 15 июня после дневной перестрелки у Жеребца эскадрон несет сторожевое охранение у станции Общак. 17 июля дивизия подошла к Малой Токмачке и, обнаружив кавалерию противника в районе к северу от колонии Блюменфельд, в 8 часов вечера атаковала ее дважды в конном строю и принудила к отступлению; в повторной конной атаке участвовали лишь эскадроны кирасир Ее Величества и улан Его Величества.

18 июля красная конница, поддержанная 3 броневыми автомобилями, пыталась в районе колонии Блюменфельд перейти в наступление, но после нашей конной атаки (причем во главе полка шли опять эскадроны кирасир Ее Величества и улан Ее Величества) был опрокинут. Во время конной атаки неприятельские броневые автомобили не успели отойти и несколько кирасир тщетно пытались их привести в негодность, тыкая винтовками в колеса и прикладами ударяя в стенки; бросив несколько гранат, броневые автомобили отошли. Преследование опрокинутой конницы противника продолжалось до наступления темноты.

19 июля, пройдя Васиновку, к 8 часам утра полк подошел к селу Жеребец, где атаковал отступавшую дивизию большевиков; под сильным ружейным огнем противника полк, перейдя в конную атаку, ворвался в село, где захватил орудие. Во время этого боя убиты штабс-ротмистр де Витт (лейб-гвардии Драгунского полка) и корнет Эйхгольц (уланского Его Величества полка).

25 июля дивизия вернулась из рейда в колонию Лихтенау, куда в это время прибыли полковник Гончаренко, ротмистр Кисель-Загорянский и штабс-ротмистр Корженевский. Полковник Гончаренко при-

нял от ротмистра Кожина командование эскадрона, а ротмистр сменил раненого ротмистра Шебеко (Кавалергардского полка) на посту начальника полковой пулеметной команды. В эскадроне, таким образом, оказались налицо офицеры — ротмистры Дараган и Искандер, штабс-ротмистр Корженевский, поручик Маляр, произведенные из юнкеров полка в корнеты Пащенко и Демочкидов⁴²⁰ и подпоручик Ган. Количество шашек в эскадроне было доведено до 50. Усталым от непрерывных походов кирасирам не удалось, однако, отдохнуть, ибо 26-го Конный корпус получил приказание идти в Каховку для поддержки корпуса генерала Слащева и выступил на село Веселое. Пройдя далее, через Большие Серагозы и большую дорогу Каховка—Перекоп, полк подошел 30 июля к Черненьке, занятой противником. Во время нашей атаки эскадрон кирасир Ее Величества, будучи послан в обход села, захватил 2 действующих пулемета с полной запряжкой и прислугой. Несмотря на сильное сопротивление, Черненька к вечеру была захвачена нами, причем взято в плен свыше 300 большевиков. С нашей стороны тяжелая потеря — ранен пулей в грудь командующий Кирасирским дивизионом полковник граф Толстой (Кавалергардского полка) и убиты штабс-ротмистры Колокольцев и Келеповский (лейб-гвардии Драгунского полка) и много людей. Сломив сопротивление противника в Черненьке, полк идет к Днепру и 31-го в пешем строю ведет упорный бой между селами Основа и Ключевая. 1-го и 2 августа бой продолжается с новой силой, причем большевики, поддержанные огнем тяжелой артиллерии из-за Днепра и усиленные прибытием резервов, встречают нас сильными контратаками, во время которых ранены штабс-ротмистр Корженевский и корнет Пащенко, ранена в живот и осталась на поле сражения самоотверженно подававшая под сильным огнем помощь раненым сестра Прасковья Двоежен.

В ночь со 2-го на 3 августа полк был сменен пехотными частями 2-го корпуса, отошел к Черненьке и далее на правый фланг. 7 августа к вечеру обнаружилось наступление красных на станицу Константиновку, занимаемую нами, против которых была выслана полковая пулеметная команда, остановившая их своим огнем. Полк отошел на хутора, к юго-западу от Константиновки. За эту операцию люди и лошади были измотаны и утомлены до последней степени. Питаться приходилось одними лишь арбузами, снимаемыми с бахчей, и очень ограниченным количеством хлеба.

9-го дивизия, перешедшая в село Федоровка, обнаружила новое наступление крупных сил красных и построилась для атаки. Однако благодаря нерешительности штаба момент для атаки был пропущен и в бой был направлен один лишь гвардейский полк, потерявший в этом

бою половину своего состава. В эскадроне из офицеров выбыл из строя только что прибывший поручик князь Голицын, сломавший ногу при падении вместе с убитой под ним лошадей. В полковой пулеметной команде выбыли убитыми и ранеными половина кирасир Ее Величества, в числе убитых один из первых добровольцев вахмистр команды Македонский. Не поддержанный другими частями гвардейский полк не мог решить боя, и дивизия снова начала отход на Торгаевку, где к полку присоединилось пополнение из запасного эскадрона. Вместе с пополнением в полку стало ныне 120 шашек, из коих в Сводно-кирасирском эскадроне (кирасиры Его и Ее Величества) было 28 шашек. Из офицеров находились налицо лишь полковник Гончаренко, командовавший эскадронам, ротмистр Дараган, поручик Маляр и корнет Демокидов, а также командовавший пулеметной командой ротмистр Кисель-Загорянский.

10-го корпус пошел в обход Ново-Репьевки и сбил противника, который, вскоре, поддержанный сильным артиллерийским огнем, перешел в наступление, во время которого были тяжело ранены шрапнельной пулей в руку и грудь ротмистр Дараган и сестра Люличева. В результате наступления противника корпус отошел в исходное положение. Продолжая следующие дни боевые столкновения с противником, Конный корпус оказывал посильное сопротивление в районе сел Торгаевка, Серагозы, Александровка и Рубановка до 16 августа, когда в этот район были подтянуты пехотные части 1-го Армейского корпуса и с нашей стороны было предпринято решительное наступление с целью отбросить красных за Днепр. 16-го день ознаменовался удачным для нас боем в селе Серагозы, где во время атаки в пешем строю полк захватил красный броневой автомобиль. После 16-го кавалерия следовала за отступающим в беспорядке противником и 21-го дошла до села Владимировка на Днепре, после чего полк отошел в резерв в село Николаевка, а 24-го на отдых в Серагозы. Предпринятая красными операция не увенчалась успехом, но и наша операция по изгнанию красных за Днепр удалась не в полной мере, ибо Каховка и ее предместный плацдарм на левом берегу остались в руках большевиков.

В конце августа из полка уезжают на вновь открытые пулеметно-автомобильные курсы полковник Михайлов и ротмистр Кисель-Загорянский и с ними многие кирасиры. Полковник Гончаренко, ротмистр фон Баумгартен 2-й и штабс-ротмистр Викторст уезжают в разрешенный заграничный отпуск, полковник барон Таубе назначается в распоряжение инспектора конницы, полковники Гросман и Рубец переходят в запасный кавалерийский полк, а ротмистры Кожин и

Искандер прикомандировываются к штабу армии. Остальные кирасиры Ее Величества лечатся от полученных ранений (полковник фон Баумгартен, подполковник Дараган, штабс-ротмистры Корженевский и Тимченко) или от болезней (штабс-ротмистр князь Урусов, поручик князь Голицын и корнет Кашин), и фактически в полку остаются: в штабе полка штабс-ротмистр Литвинов, казначеем полковник Сахаров и комендантом тылового района полка ротмистр Спешнев.

Конец августа и начало сентября полк провел в селе Большие Серагозы, неся лишь сторожевое охранение к северо-западу от села. За время августовских боев потери были настолько велики, что весь полк свелся к 30 шашкам, и, хотя в последних числах месяца прибыло довольно значительное пополнение из запасного эскадрона, не все эскадроны смогли восстановиться. Эскадрон кирасир Ее Величества, один из наиболее пострадавших, совершенно лишился офицерского состава, так как налицо остались лишь прикомандированные офицеры поручик Маляр и корнет Демокидов и прибыл с пополнением поручик Собинов. Ввиду этого эскадрон был временно соединен с эскадронам кирасир Его Величества, под общей командой подполковника Максимова.

Во второй половине сентября Конный корпус подтягивается к Днепру, в село Верхний Рогачик, и оттуда 28-го переходит по понтонному мосту на правый берег Днепра и через его рукава и болота, шириною в 18 верст, 29-го полк движется через село Шолохово на город Никополь, на соединение с конницей генерала Бабиева, перешедшей реку выше по течению; по дороге атакует в конном строю большевиков у села Чертомлык и берет в плен свыше 1200 пленных, 2 орудия и 10 пулеметов. Вечером того же дня полк вступает в Никополь, занятый уже кубанскими частями генерала Бабиева и Корниловской дивизией. Однако к большевикам прибывают большие подкрепления, ибо ими стягиваются к югу все свободные войска со всех фронтов, и мы уже лишены возможности развить достигнутый успех. 30-го корпус движется через станцию Ток снова на Шолохово, где имеет столкновение с противником, и отходит к Днепру, в село Мариинское. 1 октября большевики повели сильное наступление на Мариинское, во время которого находившаяся на фланге полка Терско-Астраханская казачья бригада начала неожиданный отход и обнажила фланг. Полк, стоя в селе, расположенном в узкой и глубокой ложине, оказался окруженным со всех сторон и под сильным огнем вынужден был отходить. Во время этого отхода и последовавших с нашей стороны контратак поручик Собинов, являя пример исключительной храбрости, получил смертельную рану пулей в плечо и явился, таким обра-

зом, последней жертвой кирасир Ее Величества за время Гражданской войны. Будучи подобран в санитарную линейку сестрою милосердия княжною Зоей Оболенской, он подвергся преследованию конных красноармейцев и лишь благодаря исключительному присутствию духа и храбрости княжны, которая была ранена настигшим большевиком шашкой в голову, был вывезен. Одновременно погибли командир Уланского Его Величества эскадрона полковник Грегер и последний оставшийся еще целым на фронте лейб-гусар Саморупо пропал без вести. Отступление с правого берега оказалось необычайно тяжелым. Отходя под огнем, отбивая конные атаки противника и переходя со своей стороны постоянно в контратаки для спасения вязнущей артиллерии и пулеметов, полк с большими потерями, но с пушками и пулеметами, пройдя бесчисленные рукава, перешел по мосту на левый берег.

Заднепровская операция тяжело отразилась на состоянии полка. Почти треть его выбыла из строя. Вследствие требования сведения его в шестиэскадронный состав, эскадрон кирасир Ее Величества, приказом по полку от 27 сентября, приведенном в исполнение после заднепровской операции, расформирован. Люди и лошади переданы в эскадрон кирасир Его Величества. Для сохранения кадра на случай разворачивания в будущем, по выздоровлении и возвращении в строй больных и раненых офицеров, унтер-офицеры и наиболее старые по службе кирасиры в числе около 30 человек выделены под командой корнета Знаменского и составляют комендантский взвод команды штаба полка. Еще в конце сентября из полка был выделен в конвой Главнокомандующего эскадрон Конной гвардии, и, таким образом, в полку остается 6 эскадронов.

В течение сентября большевики, пользуясь заключением перемирия на польском фронте, сосредотачивают против нашей армии все свободные силы — 5 армий (2-я конная, 6-я, 9-я, 13-я и Конная армия Буденного и в середине октября обрушиваются на Северную Таврию. Начинаются упорные бои.

18 октября принимает гвардейский полк новый командир, всеми любимым, доблестным полковник Дмитрий Алексеевич Ковалинский, предполагавший сразу же произвести реформы, ибо к концу командования полковника Ряснянского (почти постоянно отсутствовавшего: за время его командования полком с 24 апреля по 15 октября было 12 человек временно командовавших полком) полк был доведен до состояния, близкого к хаосу, и своей внутренней неурядицей вызывала частые нарекания. Предположениям полковника Ковалинского из-за сложившейся обстановки не суждено было осуществиться.

17-го полк выступает из Серагоз на Торгаевку и после упорного боя берет село Агайманы и преследует конницу красных на Ново-Репьевку, после чего соединяется с пехотой 1-го корпуса в Агайманах. В этот день совместно с полком пришлось работать прибывшему на фронт пулеметно-автомобильному эскадрону, в рядах коего находились полковник Михайлов и ротмистр Кисель-Загорянский и много людей кирасир Ее Величества. 18-го полк имел бой с противником у села Рождественского и уже ночью выбил красных из села. На следующий день, 19-го, завязался упорный бой с наступающей латышской дивизией и бригадой конницы. В блестящей конной атаке полка погиб сраженный пулей в голову командир полка полковник Ковалинский и вышло из строя 12 офицеров. 20 октября начался отход на Ново-Михайловку, Ново-Дмитриевку и вдоль берега Сиваша на станцию Сальково, за проволочные заграждения укреплённой Крымской позиции, после чего полк простоял 6 дней в резерве у колонии Богемка, под Джанкоем. За этот период последнего отступления полк потерял 65 процентов своего состава и свелся фактически к эскадрону. Пополняться больше было нечем, так как запасный эскадрон выделил почти всех способных к строю людей в стрелковый дивизион, тоже понесший большие потери. С 27-го по 29-е полку пришлось участвовать в боях у Карповой Балки и хутора Уржина, где погибли 3 корнета эскадрона кирасир Его Величества: Сташевский, Кейгерист и Богдосаров — последние жертвы полка в Крыму.

Бой 29 октября у хутора Уржина явился последним боем гвардейского Кавалерийского полка, после чего кавалерия, потеряв соприкосновение с противником, согласно плану эвакуации идет на Ялту, через Симферополь и Алушту.

Погрузка во всех портах, кроме Феодосии, прошла благополучно. В Феодосии же, куда попали хозяйственная часть полка, полковой лазарет и некоторые офицеры, находившиеся в командировках, эвакуация прошла в кошмарных условиях. Несколько офицеров и солдат, оставшихся на пристани, покончили самоубийством, часть ушла в горы к «зеленым».

Кроме Добровольческой армии, следующие офицеры полка участвовали в войне против большевиков на разных фронтах: а) в Северо-Западной армии генерала Юденича — ротмистры Гоштовт, фон Розенберг и штабс-ротмистр Швабе; б) в Северной армии генерала Миллера⁴²¹ — штабс-ротмистр Мусман⁴²²; в) в армии генерала Семёнова⁴²³ — полковник Кардашевский⁴²⁴ и поручик Юматов⁴²⁵; г) в Донской армии — генерал-лейтенант Свечин; д) вне рядов дивизиона на Юге России — подполковник Третьяков; е) в Уральской казачьей ар-

мии генерала Толстова — штабс-ротмистр Михайлов и ж) в Ташкентском партизанском отряде — поручик Искандер. Последние два офицера прибыли в полк в Добровольческую армию.

За период Гражданской войны на Юге России кирасиры Ее Величества понесли потери в офицерском составе: убитыми — 9, ранеными — 19 и умершими от эпидемий — 3. Кирасир за это время через ряды полка прошло около 2000, из них убиты и пропали без вести около 800, ранено около 500 и умерло от эпидемий около 100.

К моменту эвакуации и прибытия в Константинополь в списках кирасир Ее Величества числилось 25 офицеров и около 120 кирасир. Почти все офицеры сошли с кораблей в городе, во время их стоянки на рейде. Кирасиры были перевезены в лагерь у Галлиполи, откуда незначительная часть уехала в Бразилию, часть поступила на службу в иностранный легион французской армии, а остальные, бывшие в полку, по расформировании Гвардейского кавалерийского полка вошли, во главе с корнетом Знаменским, в состав 1-го кавалерийского полка. В Константинополе удалось снять с кораблей незначительную часть кирасир, в числе коих был старый кирасир, ныне чиновник Давыдов и один из первых добровольцев Гражданской войны, вахмистр Бабаченко. Потерпев крушение и разочарование в достижении своих заветных стремлений после двухлетней ожесточенной и кровавой борьбы на Юге России, понеся тяжелые потери, кирасиры Ее Величества вынуждены были временно прекратить свою работу по освобождению Родины.

Не имея средств и службы, большинству офицеров пришлось добывать средства к существованию тяжелой, подчас и физической работой, для многих из-за полученных ранений трудновыполнимой.

Войдя в связь с офицерами полка, бывшими ранее за границей, кирасиры Ее Величества составляют к началу 1921 года 4 отдельные по месту жительства группы: Константинопольскую, Афинскую (полковники Гросман и Афанасьев, ротмистр Искандер и штабс-ротмистр князь Урусов), Сербскую (полковники Апрельев и Гончаренко, подполковники Одинцов и Дараган и штабс-ротмистр Викторст) и Берлинскую (ротмистры князь Урусов, барон Кнорринг и Розенберг, штабс-ротмистры барон Гойнинген-Гюне⁴²⁶, фон Эттинген, Швабе и Кожин Д.).

9(22) марта 1921 года в Константинополе состоялось общее собрание господ офицеров, на котором были выработаны правила о возможности формирования полка в будущем, о праве ношения формы полка и пр. Учитывая необходимость поддержания в будущем тесной связи офицеров и ввиду продолжающегося разъезда из Кон-

стантинополя, было решено создать центр по объединению полка, на который и возложить поддержание связи между всеми группами, отдельными офицерами и кирасирами; в центр были избраны: полковник фон Баумгартен, подполковник Полянский и штабс-ротмистр Литвинов.

8 мая, накануне полкового праздника, по обычаю, ведущему начало со времени основания полка, в церкви Российского Посольства была отслужена панихида по всем павшим за Веру, Царя и Отечество и в годовину гражданской междоусобицы офицерам и кирасирам.

9 мая был устроен скромный ужин и по примеру прошлых лет Ее Величеству была послана телеграмма, на которую последовал следующий Всемилоостивейший ответ: «Mille remerciements toutes mes pensees avec mes chers cuirassiers. Marie».

Тяжелые испытания, нужда и лишения, выпавшие на долю кирасир, не сломали их духа, и кирасиры Ее Величества готовы вновь отдать свои силы и жизнь для достижений заветных стремлений и создания Великой Родины и родного полка.

В июне 1921 года, в ответ на посланный Августейшему шефу рапорт с приложением краткой памятки кирасир за время Гражданской войны, было получено от состоящего при Ее Величестве князя Долгорукова письмо с извещением о получении таковых, а также о том, что шеф приказала «сердечно благодарить всех офицеров за их деятельность» и что Ее Величеству благоугодно было пожаловать полку Свой портрет.

Общеполитическое положение заставляло думать, что пребывание за границей может затянуться надолго. Желание сплотить разбросанную на громадном пространстве и в различных странах всего света семью Царицыных кирасир, спаянную узами дружбы, традиций и пролитой крови, побудило в первой половине 1922 года небольшую группу инициаторов выработать Устав Полкового Объединения. Этот Устав был представлен Августейшему шефу полка, и Ее Величество соизволила Всемилоостивейше его утвердить 3(16) августа 1922 года. На основании Устава Объединения кирасир Ее Величества старшим руководителем был назначен старший полковник полка к 27 февраля 1917 года и первый командир эскадрона полка в Добровольческой армии генерал-майор Данилов.

В феврале 1927 года собрание старшин и старших групп обратилось к Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Ольге Александровне, неизменно столь сердечно и заботливо относившейся к полку, с просьбой принять звание почетного члена Объединения, на что последовало согласие Ее Императорского Высочества.

В январе месяце Ее Императорское Величество Августейший шеф полка соизволила пожаловать специально для настоящей памятки Свой портрет, а в мае с соизволения Ее Величества Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Ольгой Александровной были сообщены сведения о пребывании Августейшего шефа полка в Крыму после революции.

Кончая на этой последней милости Ее Величества полку свое повествование и оставляя более свежим силам описать более подробно истекшие годы Великой войны, лихолетья и будущие славные страницы полка, заповедуем грядущему молодому поколению свято и бережно сохранять дружбу, традиции и честь родного мундира кирасир Ее Величества.

Князь А. Искандер⁴²⁷

КОННАЯ АТАКА (ВЗЯТИЕ БОЛЬШОЙ КАХОВКИ, 1920 ГОД)⁴²⁸

Эскадрон кирасир Ее Величества уже сутки стоял в деревне Т., верстах в 5 от Большой Каховки. Было чудное раннее утро 1 июля. Я стоял, прислонясь к дереву, недалеко от колодца с журавлем, курил и наблюдал, как эскадрон поит лошадей. В это время я был старшим офицером в эскадроне. Хорошее было время: почти никакой ответственности, а инициативы можно было проявить много (ротмистр К. прибыл в полк раньше меня, а потому и был назначен командиром эскадрона). Эскадрон заканчивал водопой. Вижу, как из ближайшего дома выходит командир эскадрона, направляется ко мне и, улыбаясь, говорит: «Ротмистр, получено приказание выступить. Заканчивай поскорей водопой, строй, сажай эскадрон и веди его по направлению Большой Каховки к леску, знаешь, что находится до луга перед Каховкой. В этом леску находится штаб нашей кавалерийской бригады. А я сейчас рассчитаюсь с хозяевами и догоню вас. Должен предупредить, что, прибыв на место, тебе придется явиться к командиру бригады генералу Данилову, так как тебя временно прикомандировали офицером-ординарцем к генералу Барбовичу, у которого ты уже неоднократно таким состоял и который непременно снова требует тебя».

Строю эскадрон и, вытянув по три, шагом выступаю. На ходу прошу вахмистра В. вызвать мне из строя того кирасира, который привез приказание из штаба. Ко мне подъезжает мой старый разведчик унтер-офицер Б. Спрашиваю его, есть ли какие новости. «Так точно,

господин ротмистр, — тихо отвечает унтер-офицер, — конницу снова пустят в атаку на Большую Каховку». — «Ты кому-нибудь говорил об этом в эскадроне?» — «Никак нет, господин ротмистр». — «Отлично, и молчи».

Скоро нас нагоняет командир эскадрона с вестовым. А вот и лесок. Мы останавливаемся. Через деревья видно громадное поле, а верстах в трех намечается Большая Каховка. Командир эскадрона едет за дальними приказаниями в штаб и скрывается в лесу. Тем временем, зная, что нам предстоит, строю взводную колонну, приказываю людям осмотреть оружие и надеть на подбородок ремни. Возвращается командир эскадрона и сообщает: «Генерал Данилов отвоевал тебя у генерала Барбовича. За тебя поедет корнет Тимченко. Два дня тому назад Большая Каховка снова занята красными. Сегодня утром армейская кавалерия атаковала Большую Каховку с западной стороны, но атака была отбита. Сейчас атака будет повторена. Гвардейский сводный полк — кавалергарды, кирасиры Его Величества, уланы Ее Величества и мы поведем атаку на восточную сторону Каховки. Наш эскадрон будет крайним справа. Ты будешь с 4-м взводом, резервом сзади, уступом вправо».

— Эскадрон, смирно! Строй фронт, шашки вон, пики в руку, шагом марш, в лаву!

Встав на 4-й взвод, дав отойти другим трем взводам на взводную дистанцию, пошел уступом вправо. За мной двинулись две пулеметные тачанки. Так как расстояние до Каховки было основательное, то скоро пошли только рысью. Влево были видны движущиеся другие гвардейские эскадроны.

Прошли мы немного больше половины луга, как красными по нас был открыт ураганный артиллерийский, а также и пулеметный огонь. Эскадрон рванул галопом. Пока этот тарарам производил только моральный эффект, так как снаряды рвались позади, а пулеметные пули взрывали пыль впереди. Эскадрон шел быстро, и, видимо, пулеметчики сокращали прицел слишком резко. Впечатление было такое, будто это мы поднимаем взрывающую пулями пыль. Взглянул на эскадрон — идут хорошо. Ни убитых, ни раненых пока... Мой конек бодро скачет (но как я жалел, что не было у меня ни одной из прежних лошадей: Салитка — золотистого араба, Красы — золотисто-гнедого карабаха или Шайтана — вороного в яблоках текинца, моего последнего партизанского жеребца, ранее принадлежавшего знаменитому разбойнику Иргашу! Не лошади, а ураганы это были). Впоследствии мне рассказывали, что по конной атаке палило 18 орудий и 24 пулемета противника. Легкораненых в атаке было 6, 1 тяжело раненный в живот, 1 убитый и 6 лошадей легкораненых — это у самой Каховки.

Но вот уже Каховка совсем близко, и передо мной ясно очерчиваются справа крайние дома. Мне приходит мысль атаковать Каховку с правого фланга и, если возможно, зайти в тыл. Призвав свистком взвод к вниманию, направляю его круто вправо и полным ходом огибаю дома, поворачиваю в первую улочку налево и иду уже в тылу вдоль фронта. За мной скачут две пулеметные тачанки. Как только мы появились в параллельной улочке, я сразу услышал, что пулеметы, действовавшие на левом фланге красных, замолкли. Ага! Недаром, значит, забрался в тыл. Сократив аллюр, иду дальше. Скоро обозначилась стенка кладбища, а вдоль нее выстроена рота пехоты красных. Резерв. Ближе к нам стоявший красный офицер выдвинулся и что-то хотел скомандовать роте. Приготовив шашку к рубке, ринулся на офицера, но вахмистр, некоторое время скакавший со мною рядом, выскакивает вперед и в упор стреляет из револьвера в офицера, который как подкошенный валится. (В Великую войну ни один нижний чин не позволил бы себе опередить офицера.) В роте красных полное обалдение. Ни одна винтовка не поднялась. Подскокив к фронту роты, командую: «Сдавайтесь! Бросить винтовки» Повинуются. «Кругом. Два шага вперед!» Несколько моих всадников быстро спешиваются и подбирают винтовки. Назначаю четырех конных кирасир и отправляю пленных в наш тыл.

Тут только, оглянувшись, заметил, что у меня вместо одного взвода чуть ли не два с половиной. Надо сказать, что мне, в виде талисмана, сопутствовала во всех боях Крыма, в боковом кармане френча (а их было немало), в небольшой целлулоидной коробочке маленькая живая морская черепашка Ниночка, вывезенная мною из Грузии. В этот талисман люди эскадрона твердо верили и всегда жалась ко мне, зная, что где Ниночка, там все будет благополучно, считали ее неуязвимой. Вот когда 3-й взвод слева заметил, что я поворачиваю на правый фланг Каховки, то отделился от других взводов эскадрона и пошел за мною.

Отправив пленных, идем дальше, все глубже в тыл. В первой поперечной улочке видим две брошенные пулеметные тачанки красных, а недалеко, на каменном заборе, пулеметчиков, стоящих с поднятыми руками. Сдаются. С одним кирасиром отправляю пулеметную прислугу догонять ушедшую пленную пехоту. Забираем с собой пулеметные тачанки и идем дальше. Посылаю вправо двух дозорных к Днепру (Большая Каховка тянется вдоль реки). В двух следующих улочках забрали еще четыре пулеметные тачанки, но уже брошенные — прислуга разбежалась. В это время ко мне подсакивает один из дозорных и взволнованно докладывает: «Г-н ротмистр, красные тикают, кто на лодках, а кто и просто вплавь». Посылаю к берегу одну свою пуле-

метную тачанку с приказанием немного пострелять по удирающим, а затем присоединиться ко мне. Пулеметная тачанка галопом исчезает в улице вправо, и очень быстро до нас долетает звук двух заработавших пулеметов. (Лихие были пулеметчики у нас в эскадроне!)

Тут у красных поднялась настоящая паника: кавалерия в тылу, а тут еще пулеметы палят. Далеко впереди было видно, как они перебегают улицу по направлению к реке. Еще улица влево, и мы видим в конце ее, ближе к луку, лежащую лицом к нам роту красных. Поняв, что нас горсточка, рота ошетижилась винтовками и принялась палить. Тут был убит мой любимый кадровый унтер-офицер, но мигом наша вторая пулеметная тачанка повернулась и открыла меткий огонь. Рота сразу сдалась. Пройдя немного дальше, мы натываемся на наши взводы с командиром эскадрона и на уланы, которые отправляли в наш тыл взятых пленными и пулеметы. Вскоре мы узнали, что Большая Каховка взята. Атака на этот раз удалась.

Отправляя взятые нами пулеметные тачанки в тыл, назначаю за старшего добровольца-охотника, мальчика-еврея 19 лет. У нас в эскадроне их было двое. Оба безумной отваги бойцы. В виде напутствия говорю, шутя, еврейчику: «Борис, ты мне головой ответишь за сохранность пулеметов». — «Понял, господин ротмистр. Пулеметы у меня отнимут, только перешагнув через мой труп». Позже узнал, что получился курьез. Борис подкатил пулеметные тачанки к начальнику бригады генералу Данилову и отрапортовал: «Ротмистр И. посылает вам подарок, приказав мне стеречь пулеметы до их возвращения». Генерал говорит: «Вот и отлично. Пленных красных и две пулеметные тачанки я сейчас же дам коряиловцам». Борис уперся: «Ни за что пулеметов не дам до возвращения ротмистра И.». — «Хорошо, хорошо, — смеясь, говорит генерал Данилов, — я дам тебе расписку с печатью в получении пулеметов. Тогда от ротмистра тебе не попадет». И действительно выдал расписку с печатью и подписью.

Когда меня послали за дальнейшими указаниями к генералу Данилову, направляясь в штаб, я проезжал с вестовым мимо перевязочного пункта, скрытого в лесу. Ко мне вышла миловидная сестра милосердия и сказала: «Вы ротмистр И., так вот вас увидел раненый вашего эскадрона и слезно просит, чтобы вы к нему подъехали». Слезаю с лошади и иду за сестрой. Она меня подводит к телеге, на которой лежит действительно наш кирасир. Вглядываюсь — да это Сережа, второй еврейчик. Я его сразу и не узнал — так он изменился: осунувшийся, бледный, со всклокоченными вьющимися, прилипшими к вспотевшему лбу волосами. Он оживился при виде меня. Поднимает на меня свои красивые, расширенные, скорбные, умоляющие глаза и ти-

хим голосом, в котором слышатся слезы, говорит мне: «Господин ротмистр, я так страдаю, мне так хочется пить, они мне не дают». Взглядываю вопросительно на сестру. «Нельзя ему дать пить», — качая хорошенькой головкой, отвечает сестра. В это время увидел доктора с засученными рукавами рубашки, у которого руки были все в крови. Он шел, видимо, мыться. Подхожу и спрашиваю: «Куда ранен кирасир?» — «В основном двумя пулями». — «Есть надежда?» Доктор устало покачал головой и выдавил из себя: «Никакой, обреченный, часа два осталось жить». Тогда возвращаюсь к сестре и прошу ее принести мне стакан воды: «На мою ответственность». Скоро сестра возвращается, неся осторожно полный стакан воды. Выплеснув немного воды из стакана, наливаю из походной фляжки в него хорошую порцию рома. Раненый, благодарно взглянув на меня, принялся жадно пить, стуча зубами о край стакана. Я держал стакан, а сестра поддерживала голову бедняги. Выпив содержимое, Сережа удовлетворенно вздохнул и чуть явственно прошептал: «Спасибо вам, господин ротмистр». Он еще больше осунулся, побледнел и устало закрыл глаза. Чуть приподняв его голову одной рукой, другою пригладил ему волосы и, наклонясь, ласково спросил: «Сережа, скажи, что бы ты еще хотел, чтобы я сделал?» Сережа приоткрыл глаза и одними губами прошептал: «Прощайте, господин ротмистр». Под моей рукой голова его стала холодеть, и через пять минут Сережи не стало. Мы с сестрой отвернулись друг от друга, чтобы не показать волнения. Поцеловал я Сережу в лоб и уехал.

Приехав в штаб, встретил кавалерийского офицера, участника конной атаки, который мне рассказал, как им на левом фланге помогла конная батарея. Эта батарея (к сожалению, забыл название) шла галопом наравне с атакующей конницей. Прикрывшись складкой местности, лихо подскочила на прямой выстрел к мосту от Большой Каховки к Малой, охраняемому многими пулеметами и батальоном пехоты, снялась с передков, взяв на картечь, смела и пулеметы, и пехоту, чем способствовала удаче второй за день конной атаки. Вскоре узнал, что корнет Тимченко тяжело ранен и эвакуирован. Это он поехал за меня к генералу Барбовичу. Посланный им в штаб бригады, чтобы узнать, как идут дела на нашем фланге, он въезжает в лесок, слезает с лошади, чтобы идти к генералу Данилову. В это время рвется снаряд и осколок попадает ему в ляжку, производя отвратительную рваную рану, от которой он долго не мог оправиться. Правда, кость, к счастью, осталась цела. Мне же довелось участвовать в солидной конной атаке и остаться невредимым! Кисмет. А все Ниночка — моя славная маленькая черепашка, не раз и ранее меня хранившая...

ЗАПИСКИ СТАРОГО ГЕНЕРАЛА О БЫЛОМ⁴³⁰

Гражданская война

После тяжелого 9-дневного пути от Москвы на Дон, с допросами, высаживанием из поездов и прочими неприятностями, я к 30 декабря 1917 года (по ст. ст.) прибыл в Новочеркасск. В пути испытал все безобразия, царившие на железных дорогах, наводнявшихся разбегавшейся самочинно по домам солдатской массой. Начиная от Воронежа требованием документов — зачем едете на юг? не к каледицам ли? В этом отношении мне много помог мой оригинальный отпускной билет.

В городе нашел свою семью, которую сюда своевременно перевез отцу моей жены.

Первое впечатление от Новочеркаска было отрадным, продовольствия вдоволь, все внушало надежду, что удастся здесь пережить лихолетье, объяввшее нашу Родину. Мне рисовалось, как, вероятно, и многим, что события, происшедшие в России, не могут продолжаться долго и, так или иначе, захватившие власть большевики будут свергнуты в свою очередь.

К сожалению, это первое впечатление постепенно стало меняться. Разбушевавшаяся буря над всей нашей страной была настолько грозной, что заставила задумываться: удастся ли небольшому клочку земли, на части Области Войска Донского, установившему у себя порядок, удержаться и не быть захлестнутым общей волной?

Я явился к генералу М.В. Алексееву, который приступил здесь к формированию армии из добровольцев для борьбы против захвативших власть над нашей Родиной.

Хорошо зная генерала как моего преподавателя в училище и как профессора в академии, а также по Японской войне, в Первую мировую войну пришлось встретиться лишь в декабре 1915 года, когда, после командования малороссийскими драгунами⁴³¹, я был назначен командиром лейб-гвардии Кирасирским Ее Величества полком и представлялся Его Величеству в Ставке; после завтрака, на который я был удостоен Высочайшего приглашения, меня генерал Алексеев пригласил зайти к нему, когда освобожусь.

Войдя, я застал его за большим столом в его кабинете, он же и спален. Стол был завален бумагами и папками так, что из-за них не видно было начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

Михаил Васильевич любезно меня принял, поздравил и сразу начал говорить о трудностях борьбы, когда приходится чуть ли не вымаливать обещанное снаряжение от союзников, а сами все время требуют помощи наступлением, даже в теперешнюю стужу. «Вот вы сегодня за завтраком видели многочисленных военных представителей, они все как будто преданы нам и сами, без просьбы с нашей стороны, поддерживают перед своими странами наши требования и просьбы и поражаются ничтожности того, что доходит до нас».

Затем, видимо припомнив, сказал: «Да, мне было приятно прочесть в отчете генерала из Инспекции кавалерии о хорошем состоянии, в котором оказался конский состав только что сданного вами 14-го драгунского полка».

Такая мелкая подробность, о состоянии лошадей в моем полку, среди его серьезной работы меня сильно озадачила.

Мне никак не укладывалось в голове, что Начштаверх, в своих огромных занятиях по ведению войны и управлениями миллионными армиями, может уделять время таким мелочам, и, пользуясь благожелательством ко мне генерала, спросил об этом. М.В. ухмыльнулся в свои усы и ответил:

— Мне приходится вникать и в мелочи. Видите ли, Свечин, скажу совершенно откровенно, знаю, что многие осуждают меня в недоверчивости, что делаю работу помощников, кои также добросовестно относятся к своим обязанностям; все это я знаю, а все же перегружаю себя и иначе не могу. Было бы у меня время — поговорили бы, а теперь скажу лишь, что не причисляю себя к талантливым, кои схватывают все на лету, мне, для работы и решений, нужно самому во все вникнуть.

Много прошло времени после этого разговора, бывшего в декабре 1915 года, но мне теперь припомнился, как характеризующий личность этого скромного, незаурядного работника, добросовестно выполнявшего всю жизнь возлагаемые на него обязанности.

Теперь, в Новочеркасске, мне пришлось несколько раз повидать и беседовать с генералом Алексеевым. В первый же раз он произвел на меня впечатление уставшего и, с виду, очень постаревшего человека. Между тем ему было лишь 61 год, т. е. далеко не преклонного возраста. Чувствовалось, что пребывание на ответственном посту, где он, в сущности, был во главе вооруженных сил страны, в период тяжелой и небывалой еще по размерам войны; принятия государственных решений, перед отречением Государя; дальнейших переживаний революции, — все это наложило свою тяжелую руку на его здоровье и психику. Он болел за все душой, у него было желание действий и работы, а сил уже было мало.

К сожалению, в эмиграции теперь слышатся обвинения этого скромного труженика и работника, что он был во главе группы, желавшей удаления с престола Государя, чему я лично поверить не могу. Конечно, это утверждение идет от лиц хотя и близко стоявших к трону, но ровно ничего не сделавших, а затем в Белом движении активного участия они не приняли, и целью их было лишь личное спасение.

Генерал Алексеев познакомил меня с обстановкой начала формирования Добровольческой армии; жаловался, что приходится быть крайне экономным, т. к. денежных средств до смехотворности мало и приток их не утешителен. Вот говорил он: «Недавно приезжали ко мне делегаты из Москвы, от нашего Московского центра, полностью обещали помощь, даже выражали желание организовать гражданское Управление при формирующейся нашей армии, хотя для этого у нас и территории не было. Я их благодарил, но просил в первую очередь оказать помощь — сбором денег, направлением людей для формирования частей и, если возможно, снаряжения. Расстались мы дружески».

В это время Алексеев, видимо, был еще в полной уверенности, что Московскому центру, который был определенно настроен патриотически, удастся наладить помощь, хотя бы денежными средствами. Но поднять на жертвенность оказалось не по силам, и впоследствии Алексеев жаловался при встречах со мной, что от обещаний и слов далеко не ушли.

* * *

Находясь в столице Донской области, я явился к атаману А.М. Калединому⁴³² в его приемные часы. В то время в Новочеркасск прибывало немало людей, и атаман принимал всех желающих ему представиться и повидать. На приемах бывало много представляющихся, и атаман, войдя в залу, обходил пришедших. Мне раньше не приходилось встречаться с Калединым, но, конечно, я знал о его блестящих действиях на войне, как решительного, знающего, образованного и деятельного начальника, проделавшего войну от начальника дивизии до командующего армией. Я стал в общей группе и, когда атаман подошел ко мне, назвал свой чин и фамилию. Атаман прислушался к моему имени и просил, по окончании им обхода, зайти к нему в кабинет.

Войдя в кабинет, мне сразу бросилась в глаза его строгая, печальная задумчивость; как будто бы его мысли были где-то далеко. Прося меня сесть, он с минуту молчал, а затем спросил: «Если не ошибаюсь,

вы женаты на дочери генерала Клунникова?» На что я ответил утвердительно.

Действительно, мой тесть, Н.И. Клунников, принадлежал к старинной казачьей фамилии, прослужив в лейб-гвардии Атаманском полку, затем служил на Дону, сперва адъютантом у донских атаманов, в том числе у князя Святополк-Мирского, будущего министра внутренних дел, был атаманом Таганрогского округа и был избран еще до войны членом Государственного совета от донских землевладельцев и потому был хорошо известен в здешнем краю. Находясь в Петрограде, он в октябре, незадолго перед выступлением большевиков, успел вывести свою жену и мою семью в Новочеркасск. Он был глубоко уверен, что здесь коммунисты получат отпор и власть их сюда не доберется. Но его большое сердце не выдержало всех событий и переживаний, и вскоре по приезде сюда, 9 декабря 1917 года, он скончался от паралича сердца, и я не застал его в живых.

Получив мой ответ, А.М. Каледин, после небольшой задумчивости, сказал мне: «Я рад, что познакомился с вами, и хочу высказать, что ценю вашего тестя; он был настоящий не только казак, но и стойкий русский. Мне очень жаль, что смерть лишила очень полезного сотрудника».

Поблагодарив за теплые слова, я в свою очередь предложил, если буду нужен, свою помощь и просил информировать меня об обстановке.

Он снова задумался и не торопясь высказал:

— Нетрудно очертить тяжелое положение, в котором мы находимся, всем известно, что мы окружены надвигающимися на нас карательными отрядами, но нужно вникнуть в психологию казаков в переживаемое время. Вот с месяц назад я объезжал все округа области; все меня радушно, не только наружно, но искренно приветствовали, а теперь, когда я призываю к защите края от надвигающейся на нас грозы, мои распоряжения не выполняются. Возвращаются с фронта наши казачьи части, приходят к нам, как будто в порядке со своими офицерами, но тотчас расходятся по своим станицам, не желая принять участие в защите. Вот и разберись в причинах: не то усталость от тяжелых переживаний на войне — хочется домой, не то уверенность, что большевики оставят их спокойно жить в своих хуторах и станицах; непонимание сущности захватившей в России власти, которая захлестнет их так же, как всю страну, и т. д. Между тем нельзя пропустить время: что нам возможно сейчас, то будет трудно, если не невозможно потом, когда сама власть установится, организуется, сформирует вооруженную силу для направления на нас.

Он замолчал.

Не зная, можно ли мне дольше занимать время атамана, я, чтобы прервать наступившее молчание, обратился с вопросом:

— А все же газетные листки, продающиеся на улицах города, описывают и теперь подвиги частей, на подступах к городу отбивающих напор красных банд.

— Так ведь это же горсточки мужественных людей, в большинстве молодежи, чуть ли не детей, — с горечью ответил Каледин, — почти каждый день мне приходится провожать в лучший мир убитых юных партизан. Фронтовые же казаки отсутствуют, хотя старики казаки и стыдят их.

Я встал, чтобы откланяться. На прощанье атаман сказал:

— Сейчас не могу воспользоваться вашим предложением о помощи, но если обстановка изменится, то, безусловно, обращусь и воспользуюсь вашим опытом и знаниями.

Мы распрощались. На меня все это произвело грустное впечатление. Каледин глубоко переживал драму, происходящую в душах казаков. Вместе с тем ему хотелось верить, и он знал, что болезнь кончится, близкие его сердцу, родные ему по крови донцы отрезвятся, но его тревожил вопрос — когда это произойдет? Сколько времени понадобится на выздоровление? Не будет ли поздно, когда большевики окрепнут...

* * *

Между тем положение в районе Новочеркаска и Ростова с каждым днем становилось все более и более тревожным. Большевики направляли силы на уничтожение «гидры контрреволюционного гнезда на Дону», где к тому же формировалась армия для борьбы с ними и куда собрались «быховские узники» с Корниловым во главе.

Каледин понимал, что, предоставляя здесь приют для формирования Добровольческой армии, он тем еще более навлек на себя ярость коммунистов, но он был не только Донской атаман, но и глубоко понимающий обстановку русский патриот. И, несмотря на протесты некоторых местных политиканов, шел рука об руку с Алексеевым и Корниловым, для оказания отпора захватчикам власти в России.

Сужающееся кольцо наступавших на Дон красных делало проникновение сюда лиц, для усиления защитников, все труднее. Но нельзя и скрыть того, что массы офицеров, оставшиеся свободными от самоубийствующего фронта, оставались глухи к призывам идти на защиту Родины. Правда, по разным обстоятельствам, многим откликнуться

было трудно, а иногда и невозможно, но все же большинство предпочитали или скрываться, или бежать в районы, куда новая власть еще не распространилась, или стараться проникнуть в места, оккупированные немцами.

Это не давало нужного притока в формирующуюся Добровольческую армию, в командование которой вступил Корнилов.

Вместе с тем организация осложнялась тем, что одновременно нужно было вести борьбу для защиты последнего уголка на Дону, где происходило формирование. А сила ее едва достигала, вместе с прибывшими кадрами Корниловского ударного полка, нескольких тысяч с несколькими орудиями, правда, отборных и жертвенных воинов.

Оборона со стороны Харькова, Воронежа и Донецкого угольного района лежала на казачьих партизанах, а с юга и Таганрога — на добровольцах. Всего этого, конечно, было недостаточно, при скудном снаряжении и при самой скудной медицинской помощи.

К концу января 1918 года обстановка приняла катастрофический характер. Смелый казачий партизан есаул Чернецов⁴³³, защищавший подступы с севера к Новочеркаску, был зарублен, отряд его почти уничтожен. Появился изменник, войсковой старшина Голубов⁴³⁴, собравший своими посулами несколько сот казаков, с которыми передавался красным. Новочеркасск оставался почти беззащитным.

Приближалась агония последнего пункта, столицы края и его управления. На заседании Донского правительства, 29 января 1918 года, где шли бесконечные разговоры, атаман не выдержал, сказал: «Довольно болтовни». Вышел в соседнюю комнату, откуда раздался выстрел.

Сердце прославленного начальника на войне и воля решительного атамана — не выдержали.

Бросать свой пост, скрываться Каледин не считал для себя возможным, но и попадать в руки большевикам не хотел.

Выстрел этот разнесся по всему казачьему краю, как будто встретил казачье сердце, но — увы! — порыв был недолгий, сдача красным была неминуема.

* * *

Находившиеся в Новочеркаске члены Донского Круга, избранные казаки, выбрали Донским атаманом генерала Назарова⁴³⁵. Избрать нового атамана Круг еще мог, но авторитета, чтобы призвать казачью массу, даже в минуту отрезвления после выстрела Каледина, для выполнения долга защиты своего края, не оказалось.

Положение защитников на всех направлениях было безнадежно.

Добровольческая армия должна была покинуть Ростов и идти на Кубань, где пытаться войти в связь с кубанцами, если большевистская власть еще туда не проникла.

Новый атаман Анатолий Михайлович был мне знаком. Я повидался с ним и поздравил его с избранием в атаманы и отдал должное его мужеству принять должность в такое трагически-безнадежное время. Он горько улыбнулся и ответил:

— Отказаться я не мог, это было бы трусостью с моей стороны и не достойно русского воина, а ты меня знаешь и поймешь. Пока остается хоть клочок казачьей свободной земли, кто-то должен принять атаманскую булаву! Жребий пал на меня, хочу думать, что Господь даст мне силы выполнить свой долг. Избрание для меня — есть обреченность. Что бы ни случилось, я не имею права покинуть свой пост, я должен оставаться, а сам знаешь — что меня ждет!..

Я крепко обнял Анатолия Михайловича, чувствовал, как и мои сверстники по академии, — Н.Н. Духонин⁴³⁶, не оставивший свой пост в Ставке; А.М. Крымов, растерзанный в Могилеве после бегства Керенского, — все они не побоялись смерти, выполняя свой долг! Теперь, видимо, очередь за скромным и жертвенно понимающим свой долг А.М. Назаровым.

— Знаю и верю, что поступишь, как подскажет совесть, но не сможешь ли вывести оставшихся в живых партизан и защитников? — спросил я. — Мне стало известно, что и Добровольческая армия уходит в направлении на Кубань.

— Об этом я, конечно, подумал, — сказал Назаров, — нельзя же оставлять их на растерзание этих изуверов, конечно, ждет их не плен, а смерть, да к тому же и мучительная. Поэтому я приказал назначенному мной походному атаману генералу Попову⁴³⁷ к небольшой кучке казаков с двумя орудиями присоединить чернецовских и семилетовских партизан, да и всех желающих с ними выступить. Отряду быть готовым выступить, по моему указанию, в направлении Задонских зимовников. — Затем прибавил: — Полагаю, что, завладев Новочеркасском, озлобленные банды не остановятся перед зверствами, а потому, если хочешь и у тебя нет других намерений, могу переговорить с Поповым для включения и тебя в этот отряд.

Откровенно говоря, я об этом совершенно не подумал, хотя, вероятно, напомнив о себе Алексееву, последний предложил бы уходить с ним, но т. к. Назаров любезно предлагает уходить с отрядом Попова, то я, поблагодарив Назарова за заботливость обо мне, согласился.

Через 1—2 дня, встретившись со мной, он передал: «Все устроено. Но приготовься к самому спартанскому обиходу. Нет ни обоза, ни

вестовых. Тебе будет предоставлена верховая лошадь с казачьим седлом, в сумы которого бери что надо. О выступлении отряда тебе будет дано знать начальником штаба отряда полковником Сидориним».

После этого мне больше не пришлось видеть Назарова, но я надеялся, что Назарова убедят выступить с отрядом Попова, а не оставаться; как мне сказали, приготовленная лошадь была ему подана при выступлении отряда, но он отказался.

* * *

Я оставался в Новочеркасске, поджидая распоряжения о выходе отряда походного атамана Попова. Положение на фронте вокруг города становилось угрожающим, большевики были в десяти верстах.

Прождав дома все утро 12 февраля, я днем вышел пройтись. Меня поразила малолюдность на улицах. Не встречая знакомых, подойдя к собору, увидел поднимающийся на гору конный отряд. Оказалось, что войсковой старшина Голубов, собрав несколько сотен казаков, перешел с ними на сторону большевиков, помог им овладеть городом и входил в него. Я бросился в здание Офицерского собрания — узнать в чем дело. Здесь мне сообщили, что отряд Попова, узнав о подходе красных казаков Голубова, спешно оставил город. Видимо, меня не успели или просто забыли уведомить.

Все жители попрятались. Положение мое стало печальным: одному, пешком уходить в незнакомые мне станицы было неблагоприятно, оставаться же, значит попасть в лапы красных, — неутешительно. Вернувшись домой, решил покориться судьбе, предупредил семью, начал припрятывать свои военные атрибуты и просил жену, что возможно спрятать. Ночь для нас прошла благополучно.

Донской атаман генерал Назаров не покинул своего поста и отказался выступить с Поповым. По входе в город красных Назаров пошел в здание, где заседали члены Донского Круга, чтобы принять меры по защите населения от эксцессов.

Во время заседания Круга в залу ворвался Голубов с толпой «товарищей комиссаров» и крикнул: «Встать, когда входит государственная власть!» Все депутаты встали, один Назаров продолжал сидеть. «А ты кто такой?» — крикнул Голубов. Продолжавший сидеть Назаров спокойно ответил: «Я — избранный донским казачеством Донской атаман!» Но Голубов схватил его за погон, сорвал его, приказал увести, где вскорости он был расстрелян. (Эту тяжелую сцену я привожу со слов бывшего члена Круга генерала С.Д. Позднышева⁴³⁸, здравствующего в Париже во главе Союза Инвалидов.)

Со следующего дня пошли грабежи по домам и квартирам, группами банд, добравшихся до «осинового гнезда гидры контрреволюции».

В городе, как я потом узнал, осталось немало казачьих генералов, офицеров и лиц из администрации по управлению краем. Мне, постороннему на Дону человеку, было непонятно, как они, имевшие в большинстве связь со станицами и хуторами, рискнули остаться и не уйти? Видимо, еще не было опыта и не представляли себе могущие быть зверства.

С грабежами пошли и расстрелы. Среди погибших я лично знал генерала Ивана Давыдовича Орлова⁴³⁹, бывшего командира лейб-гвардии Казачьего полка и начальника атаманской канцелярии генерала Туроверова⁴⁴⁰. Орлова остановили на улице, он был в полушубке, без погон, и, не спросивши — кто он, тут же пристрелили. За несколько дней до прихода красных я его спрашивал, что он предполагает делать? На что получил ответ: «Куда мне, старику, бежать, да и кому я нужен!» К Туроверову ворвались в квартиру и разграбили; жена через окно убежала в сад, а больного старика Туроверова прямо растерзали. По городу шли расстрелы — кого и где попало. Городские подонки водили банды грабителей, указывая дома, где могла быть добыча. Все происходило при полном попустительстве новой власти.

В трагическом положении оказались лежавшие в госпиталях раненные партизаны, в большинстве молодежь, среди которых были мальчишки — кадеты и гимназисты. Кого можно было, забрали родные, друзья и просто добрые люди. Но были с тяжелыми ранениями, не могущие быть перевезенными и в бессознательном состоянии, которые остались на излечение. За этими несчастными пригнали грузовики, на которые их побросали, как дрова, свезли в свалочное место, куда сваливали их, частью добивая, а частью оставляли умирать в мучениях.

Я со своей семьей — женой и малолетним сыном — нанимал часть помещения в особнячке адвоката Башмакова. Вид этого небольшого дома в центре города был, как говорилось, буржуазный, этим он привлек грабителей. На второй день раздался стук в дверь. Башмаков заглянул в окно и крикнул, что он адвокат, ни в какой борьбе не участвует, оружия не имеет, поэтому пусть уходят, дверей не откроет. Но это на них не произвело никакого впечатления, они взломали дверь и ворвались. Наши дамские обитатели дома с детьми, конечно, обезумели и убежали в дальние комнаты, горничная жены спрыгнула со 2-го этажа в сад. Башмаков и я остались. Покамест грабители рылись, ко мне подошел зверского вида матрос, на-

правил на меня наган и заявил, что, по моему одеянию, я офицер. На мне был френч без погон. Потребовал оружия и денег. Я ответил, что только что вернулся с фронта, оружия и денег у меня нет. В это же время Башмаков взял телефонную трубку и начал кому-то говорить о грабеже у него. Матрос, предводитель шайки, смутился — кому и куда Башмаков жалуется? Заторопил своих товарищей, говоря, что оружия не найдено и нужно уходить. Банды убралась. Башмаков торжествовал: «Ловко я их, дураков, напугал» — говорил в пустую, ни с кем не соединенную трубку. Обошлось довольно благополучно. Из туалетного стола жены успели стащить две с небольшим тысячи рублей, почему-то прихватив мой академический значок, который я забыл спрятать, и что-то из вещей. У Башмакова успели захватить, кроме мелочей, пишущую машинку.

Поломанная входная дверь и выбитые стекла в нижнем помещении в дальнейшем оказались нашим «иммунитетом», как бы охраняя нас, показывая вору, что обыск сделан и взято что можно.

Затем по городу начались аресты уже по ордеру новых властей. Как не здешний, я ни в какой список как будто не попал. Но все же через неделю приходят два красноармейца, которые повели меня в атаманский дворец, по требованию комиссара по борьбе с контрреволюцией. Здесь поставили меня в очередь, тянущуюся через загаженные комнаты дворца. Часа два с лишним пришлось мне дожидаться своей очереди с мучившими меня мыслями — какая участь меня ждет.

Наконец моя очередь. Вхожу, в комнате сидит в кожаной куртке, при револьвере властитель судеб обитателей города, видимо подбалдевший, держит телефонную трубку, куда несется его ругань, что ему не дают работать и т. д.

— Да что вам нужно? — не отрываясь от трубки, спрашивает он.

— Мне ничего!

— Так какого черта вы лезете ко мне?

Конечно, я не стал испытывать терпения нового властителя и вышел, конвоиров моих не было видно. Вернулся домой, где с тревогой ждала меня жена. Хороши «порядки», подумал я с облегченным сердцем, вызывая, под конвоем приводят, не спрашивают ни мою фамилию, ни кто я. Остался я в неведении — зачем меня вызывали?

Заняв Новочеркасск и Ростов, власть держала под угрозой расстрела жителей, в глубь края проникать не решалась, лишь письменно требовала присылки продуктов питания, кои почти не приходили в города. Высылались карательные отряды. Посылка далеко вглубь была затруднительна, требовала больших сил, поэтому страдали ближайшие станицы. Эти же станицы, под видом распоряжения властей, навод-

нялись и самочинными шайками грабителей. Все это вызывало ненависть казаков ближайших округов. Но рано или поздно должно было вызвать и общий взрыв, который и произошел начиная из ближайшей к Новочеркасску станицы Кривянской.

Вступление в борьбу казаков

Негодование на водворившуюся власть все росло, новая власть не только не умела, а просто не приняла никаких мер для организации питания горожан. Подвоз из станиц и деревень прекратился, базары опустели. Жители богатого продуктами питания края стали голодать. Казаки и крестьяне, не уверенные, что их продукты будут реквизированы или просто отобраны, не везли на продажу. Не приняв мер, большевики усилили реквизиции посылкой вооруженных отрядов, что окончательно возмутило казаков.

Находящаяся в 4—5 верстах от Новочеркаска станица Кривянская больше всего страдала от реквизиции и самочинных шаек. В конце марта казаки этой станицы прогнали приехавших за продуктами. А появившийся отважный есаул Фетисов⁴¹ собрал 300—400 казаков своей станицы, повел их на Новочеркасск, с налету захватил город. Красные властители со своими охранительными отрядами бежали в Ростов.

Радость в городе была всеобщая. Но нужно удержаться. Между тем казаки, сделав свое дело, кроме двух-трех десятков более старых казаков, вернулись в свою станицу.

Кому-то нужно было организовать оборону. Я примкнул к некоторым уцелевшим казачьим начальникам и офицерам. Мы собрались в атаманском дворце, опустевшем от сбежавшей красной власти. Образовался центр вроде штаба. По городу расклеили призыв отстоять город. К вечеру нас собралось до 300 из бывших офицеров и оставшиеся кривянские казаки. Появился казачий политический деятель и член Войскового Круга Георгий Петрович Янов⁴², взявший на себя организацию гражданской власти. Во главе обороны стал немолодой казачий полковник К.С. Поляков⁴³. Последний, видимо, был мужественный казак, назвал себя Главнокомандующим нашим отрядом, но в отдаче распоряжений был слабават. Янов обратился ко мне, как к бывшему офицеру Генерального штаба, помочь, я согласился.

Из городского арсенала удалось достать винтовки и патроны, чем и вооружились. Для обороны были составлены три отряда под командой казачьих офицеров. Более сильный — на юг, на полдороге к

Ростову, куда бежали красные главари; другой — на север, к угольным копям, рабочие которых были наиболее преданными новой власти; наконец, самый слабый — на запад; на востоке была наша спасительница Кривянка. Для поддержания в городе порядка были поставлены караулы — к водокачке, электрической станции и т. д.

Понятно, наши слабые силы едва ли смогли бы удержать город, но нужно было показать пример, что, пока красные еще не организовались, мы можем давать им отпор.

Наша горсточка, оборонявшая со стороны Ростова, несла потери, но мужественно задерживала красных, пока к вечеру четвертого дня не была обойдена с обоих флангов в районе станицы Аксайской и вынуждена отойти к окраинам города.

Оставаться в городе после всего пережитого раньше, а теперь особенно из-за озверевших красных, было невозможно. Отходить можно было лишь через Кривянку, но и к ней приходилось добираться кружным путем.

Собравшиеся в атаманском дворце, во главе с Главнокомандующим К.С. Поляковым, Г.П. Яновым и др., решили идти пешком в станицу Кривянскую. Разослав распоряжение с указанием собираться в этой станице и захватив приготовленную сумку с кое-какими вещами, я побежал догонять ушедших. Оказалось, что нашелся казенный автомобиль с шофером-казакком, не ушедшим с бежавшими комиссарами. Водрузившись в него и пригласив и меня, всего до десятка человек, мы поехали в указанную станицу.

Уже стало совсем темно, когда мы добрались до Кривянки, где атаман станицы гостеприимно принял нас, угостил чаем со свежим белым хлебом, что уже для нас в городе сделалось редкостью. Хотя распоряжением большевиков атаманы заменялись сельсоветом, но в большинстве станиц это не было выполнено, даже здесь, в ближайшей к Новочеркасску станице. Все же здешний атаман, из-за близости к городу, рекомендовал нам перейти далее верст на 15—20, в станицу Заплавскую, для перевозки собрал несколько подвод. Поздно ночью мы усталые добрались в Запавы, где устроились спать на столах станичной школы.

Еще не рассветало, как мы были разбужены набатом церковного колокола. Атаман станицы собрал своих казаков для решения, ввиду нашего прибытия, — как быть?

Станичный сбор решил немедленно собрать от станицы пешую дружину и не допускать сюда красных.

За подписью Главнокомандующего полковника К.С. Полякова были разосланы распоряжения в ближайшие станицы, Бессергеевскую, Бо-

гаевскую и др., с требованием мобилизовать по пешей дружине. Образовался отряд в несколько тысяч, который установил фронт обороны против Новочеркаска. Мы все, для примера казакам, решили по очереди находиться при станичных дружинах, где пришлось выдержать ряд попыток красных отрядов опрокинуть наши дружины, причем одна очень жестокая, при участии артиллерии противника, чему мы могли противостоять лишь огнем винтовок.

Заплавская станица явилась центром и ядром, к которому начали присоединяться восстающие.

Короткий налет казаков есаула Фетисова Кривянской станицы дал повод образованно в Заплавской станице первоначального очага восстания донских казаков.

Радио в то время у нас не существовало, и мы не знали, что происходит, не только в мире, но и в ближайшем окружении. Питались слухами, часто разноречивыми. Разослали гонцов и разведчиков. Начали получать сведения о возвращении с Кубани Добровольческой армии, которая подходила к задонским станицам. Связались с отрядом походного атамана генерала Попова. Последний, узнав о нашем восстании казаков, из Сальских степей и Зимников подтянулся к среднему течению Дона. Начали доходить данные о занятии немцами Киева и продвижении их к востоку.

Хотя у нас собралось более пяти тысяч пеших казаков и несколько сот конных и мы были сильнее, чем отряд генерала Попова, но последний представлял собой преемственную, законную власть, мы донесли ему о себе и о сложившейся у нас обстановке, предоставили себя в его распоряжение.

Генерал Попов со своей стороны дал освещение о других местах области, предложил вступить в командование нашей Заплавской группы полковнику Генштаба казаку С.В. Денисову⁴⁴⁴, которому держать установленный фронт против Новочеркаска, не допуская большевиков в глубь области. Наш Главнокомандующий, получив благодарность, отзывался. Денисов, с которым я был дружен и оценил в наших действиях его скромность, уговорил меня не покидать его. Я, как не казак, отказывался от каких-либо назначений, но, оставаясь при отряде, помогал чем мог.

В дальнейшем я не буду описывать наши боевые действия, сперва оборонительные, а затем атакующие, и взятие Новочеркаска на второй день Пасхи, 23 апреля 1918 года (ст. ст.), т. к. с этого времени наши действия вошли в историю и достаточно освещены в печати.

За время походной и боевой эпопеи я сблизился с казачеством и был избран Ольгинской станицей почетным казаком.

Теперь, вспоминая давно минувшие события в описанных Заплавах, все дружно встретили П.Х. Попова, тут же оказался и Генштаба Ив. Ал. Поляков⁴⁴⁵, вступивший в должность начштаба отряда Денисова. Никому, да, вероятно, и Попову и Полякову, не могло прийти в голову, что много лет спустя они окажутся в Нью-Йорке как конкуренты и оба будут одновременно Донскими атаманами.

А в чем же тут дело? Расхождений — ни политических, ни в любви к Дону — у них не могло быть. Оба окончили нашу академию Генштаба, оба считают себя русскими и не представляют себе Дон иначе как составную часть России. Расхождения у них лишь в возрасте: Попову перевалило за 90, Полякову около 70, а также в том, что Поляков участвовал в боях, а Попов был начальником военного училища в Новочеркасске. А сколько вокруг них образовалось злобы и вражды! Где же причина несогласия? Полагаю, что несогласие нужно искать еще во времени избрания на Дону атаманом популярного П.Н. Краснова. Попов, по избрании Краснова, не получил ожидаемого поста командующего Донской армией, вероятно, как не участвовавший на фронте Великой войны, и перешел на сторону образовавшейся оппозиции, которая вела злобную пропаганду против Краснова. А Поляков оставался на посту начальника штаба Донской армии вплоть до ухода Краснова с атаманского поста. Теперь в эмиграции вся бывшая оппозиция стоит за Попова, несмотря на то что последний по старости помещен в старческий дом. Поляков же поддерживается сторонниками широко известного среди казачества бывшего популярного атамана П.Н. Краснова, трагически погибшего (выдан англичанами советской власти).

* * *

По взятии казаками Новочеркасска и к его укреплению при помощи подошедшего отряда из Бессарабии полковника Дроздовского, в город начали прибывать члены Войскового Крута из освобожденных от большевиков районов области. Так как прибывших было еще недостаточно до кворума, то собравшиеся открыли собрание под названием «Круг спасения Дона» и избрали Донским атаманом Петра Николаевича Краснова. Последний согласился принять этот пост при условии, что ему будет предоставлена полная власть впредь до освобождения всей области. После чего он обязуется собрать, согласно общего положения, Большой Войсковой Круг, которому и передаст свои полномочия.

П.Н. Краснов был известен не только как хороший военачальник на войне, но и как военный писатель, сотрудничавший в газете «Рус-

ский Инвалид». В эмиграции Краснов получил известность как романист. Его громадная фантазия, которая привлекала интерес читателя, обеспечила его книгам большой успех. Но та же его фантазия иногда переходила в его жизненные решения.

В эмиграционной печати уже отмечена деятельность Краснова как атамана по устройству власти на Дону и его формирование казачьей армии, которая привела к полному очищению области от красных, поэтому я не буду на этом останавливаться, но сложившаяся в это время на Юге России обстановка ярко выдвинула вопрос о так называемых ориентациях, на которых необходимо остановиться, ибо они имели большое значение во взаимной работе Краснова с командованием Добровольческой армии и его отношениях с Гетманской Украиной и немецкими оккупантами.

Необходимость получения пропитания для изголодавшегося населения понудила немцев к оккупации Украины. Последняя объявилась самостоятельной державой под управлением Петлюры, но у немцев не было уверенности, что эта власть сможет подворить порядок и этим даст возможность выкачать из плодородных южных губерний им нужное. Поэтому немцы помогли установить на Украине выгодную им власть гетмана Скоропадского.

Положение на Западном фронте у немцев еще не внушало опасений, они занимали Бельгию и Северную Францию. Хотя Америка выступила на стороне союзников, но результат войны еще не был выяснен.

Мнения русских организаций и отдельных патриотов расходились: одни находили, что для свержения коммунистов нужно опереться на немцев, к этому примкнул политический деятель Милоков; другие считали, что немцы будут стремиться к захвату продовольствия и части территории, а потому ориентировались на союзников.

Положение, в котором оказывался Дон с подходом к его границам немцев, определяло «ориентацию» Краснова. Соседство немцев обеспечивало с запада границы области и позволяло направить силы против большевиков. Кроме того, на Дону почти отсутствовало необходимое для боевых действий оружие и снаряжение. На Украине же оставались целые арсеналы, бывшие тыловые районы Юго-Западного фронта с огромными запасами того и другого. Нужно было как-то словчиться добыть это русское оружие.

Широкая фантазия писателя Краснова нарисовала ему свое положение как возглавителя суверенного государства — Всевеликого Войска Донского. Он написал и отправил с нарочным Императору Вильгельму письмо, как равный равному, где обращается за помощью в

борьбе с Москвой. Понятно, ни ответа, ни результата не получилось. Лишь дало его недоброжелателям повод к ироническим улыбкам и издевательствам.

Добровольческая армия, которая вернулась из тяжелого первого похода на Кубань, расположилась в станице Мечетинской, на юге области. Для связи с ней Краснов выслал своего представителя генерала Смагина⁴⁴⁶. «Ориентация» стоящего во главе армии генерала А.И. Деникина, вступившего в командование после убитого в бою под Екатеринодаром Корнилова, как и генерала Алексева, была полностью на стороне союзников. Немцы продолжали быть для них противником.

Зная полное нежелание Деникина входить в какие-либо сношения с Украиной, Краснов предложил свои услуги — через него обратиться к гетману Скоропадскому за получением всего необходимого из бывших русских запасов, но получил от Деникина категорический отказ иметь дело со ставленником немцев.

Но как быть? Те крохи снабжения, бывшие у казаков и еще меньшие у добровольцев, не давали возможности вести борьбу с красными.

Краснов, не видя другого выхода, решил действовать самостоятельно. Впоследствии Краснову удалось получить с Украины и оружие, и снаряжение и частью поделиться с Добрармией, и, как романист, он говорил: «Я беру с Украины русское оружие, загрязненное руками врага, омываю его в водах нашего седого Дона и чистым и непорочным передаю его добровольцам». Но отношения между Красновым и Деникиным до конца были сдержанными и временами натянутыми.

* * *

Формируя свою администрацию на Дону, Краснов предложил мне пост генерал-губернатора города Ростова и его округа, что я категорически отклонил, считая, что нельзя лишать природных казаков, лучше знающих свой край, занимать эти посты. Краснов настаивал, и я предложил оставить меня при нем для могущих быть поручений, считая себя не вправе уклоняться от работы в тяжелое время для Родины.

Вскоре такая работа представилась: необходимо было послать на Украину миссию для установления связи с гетманским правительством и получения от него нужного нам. Краснов знал, что я хорошо знаком со Скоропадским: когда командовал кирасирами, он был мой начальник дивизии, был с ним на «ты», поэтому просил меня возглавить посылаемую миссию, а по окончании ее работ остаться при гет-

манском правительстве на роли представителя, посла от Дона. На возглавление миссии я согласился, а на место посла предложил назначить мне в миссию генерала Черячукина — казака хорошо известного, который и останется там после окончания работ миссии.

Широкая фантазия Краснова придала миссии историческое название: «Зимовая станица Всевеликого Войска Донского в Киеве». Так назывались в былое время делегации с Дона в Москву.

После двух-трех заседаний у атамана со мной и в присутствии генерала А.П. Богаевского, как председателя Донского правительства, генерала Денисова — управляющего военным отделом (министерства у Краснова были названы отделами) и генерала Черячукина⁴⁴⁷ были выработаны задачи, возложенные на нашу миссию:

1. Установить добрососедские отношения с Украиной.
2. Добиться получения оружия из бывших складов Юго-Западного фронта.
3. Не препятствовать проезду на Дон (в скрытном виде к добровольцам) бывших военных, чему препятствовали немцы, не желая усиления Добровольческой армии.
4. Не допускать попыток украинских властей занять Таганрог.
5. Наладить железнодорожное сообщение.
6. Хозяйственная часть по обмену товаров.

В состав моей миссии, кроме генерала Черячукина, были приданы управляющий Отделом путей сообщения, чиновник из Отдела торговли и по дипломатической части — бывший наш консул в Стокгольме Карасев.

Командировка в Киев

Порученное мне возглавление миссии для поездки в Киев меня сильно озабочивало. Работа предстояла чисто дипломатическая, совсем не в моем характере — живом и вспыльчивом. Я предпочитал бы выполнение боевых поручений, в настоящее время шли жестокие бои: в северном направлении на Воронеж и в восточном на Царицын, для освобождения области; успехи казакам давались нелегко и стоили немало крови, недостаточность снаряжения и боевых припасов сказывалась.

Небольшим утешением мне было как можно скорее выполнить данное нам задание — получение боевого снаряжения для борьбы.

В первых числах мая 1918 года, чтобы откланяться с атаманом, миссия собралась у него во дворце со мною в составе генерала Черячукина, бывшего консула Карасева, управляющего Отделом путей со-

общения и представителя Отдела торговли (фамилии последних двух не могу припомнить; в нашей работе буду называть первого «министром», а второго «купцом»). Получив пожелание в выполнении нашей задачи, П.Н. Краснов напутствовал на добрый путь, и мы отправились на вокзал, где к поезду для нас был прицеплен вагон 1-го класса, воспользоваться которым мы могли лишь недалеко: мост через реку Миус, протекавшую между Ростовом и Таганрогом, еще в начале февраля был взорван отходящими частями добровольцев, при обороне Ростова от наступавших большевиков, так и не исправленный последними, несмотря на два с половиной месяца их владычества здесь; лишь только теперь было приступлено к его исправлению казачьей властью.

Благодаря тому что в нашей миссии состоял управляющий путями сообщений, который своевременно снесся по телеграфу со своим коллегой украинским министром сообщений, мы получили комфортабельный вагон-салон, ожидавший нас на другой стороне реки Миуса, через который мы должны были перейти по временно устроенному мостику. Это нас порадовало, т. к. пассажирское движение только начинало налаживаться и нам предстояло немало пересадок на узловых станциях. Несогласованность расписания поездов удлиняла наше путешествие, но, при удобстве вагона, не представляла беды, давала нам время переговорить о предстоящих нам работах, а мне распределить роли участников нашей миссии.

Кроме представления гетману и посещения властей, куда приходилось ездить всей миссией, я предоставлял нашему «министру» самостоятельно вести переговоры относительно согласования работы железных дорог, которое осложнялось тем, что, перерезанные между Украиной и Доном, они лишились своих управлений и мастерских; а нашего «купца» — вести переговоры по всем хозяйственным вопросам торговли и товарообмена. Я оставлял за собой, с помощью Черячукина, добиваться главного для нас — получения необходимых нам боевых материалов и снаряжения, для ведения войны.

Тягостно пережив минувшие события на Дону, мы сейчас отдыхали, и сердце радовалось весенним дням, когда природа, чуждая нашим невзгодам, входила в свои права в богатой черноземной полосе нашей Родины: поля зеленели, деревья одевались листвой, и все проносившиеся перед нашими глазами селения и деревни утопали «в вишневых садочках», покрытых белыми цветочками, прекрасной Украины.

Я хорошо знал этот благословенный южный край. Моя мать, урожденная Савенко, была хохлушка, дочь екатеринославского помещика, и мои летние вакации я проводил в имениях ее и моих дядей, в нашей милой Малороссии, как назывались южнорусские губернии. Я

лично не говорил по-малорусски, но отлично понимал и любил слушать этот певучий язык, которым говорили крестьяне, в то время не испорченный и не заполненный иноземными словами — немецкого, венгерского и польского языков.

На станциях буфеты ломались от продуктов, видимо, ни война, ни хозяйничанье меняющихся властей, ни общая в государстве, после революции, разруха не смогли еще сломить богатый, чудный край. Казалось, дайте покой, не вводите экспериментов, дайте нормально развиваться населению — и эта наша черноземная сила без всяких чудачеств и без всякого напряжения прокормит не только нашу Россию, но и немало останется на вывоз. Можно ли было поверить, что через несколько лет управления советчиками здесь окажется такой голод, что миллионы людей будут умирать и появятся даже случаи людоедства.

Наблюдая из вагона, все, казалось, напоминало о моих прежних поездках сюда. Бросалась в глаза, особенно на больших станциях, замена русских названий станций украинскими, с массой объявлений, заполнявших стены вокзалов, на украинском языке. Я спросил сторожа, стоявшего у вокзального колокола: «О чем тут пишут?» И получил ответ: «А хіба того чертяка разуміє, а хлопці дівяться бо москальські писакі були ліпше». (Да простят меня украинцы, что, быть может, исковеркал их мову.)

Прибыв в Киев, мы на вокзале были встречены представителями местных властей. Нам сообщили, что город страшно переполнен приехавшими и бежавшими от большевиков, а потому найти помещение, как в гостиницах, так и в частных домах, трудно, но для нас будут приняты все меры. Я поблагодарил, но просил оставить нам вагон на путях станции, где бы мы могли остаться жить. Просил лишь устроить помещение для генерала Черячукина, который остается здесь.

Устройством этого обещали заняться как городские власти, так и военная комендатура. Вскоре генерал Черячукин получил в центре города вполне удобное помещение, куда он и перебрался. Представитель военной комендатуры передал мне, что, по распоряжению из военного министерства, в мое распоряжение предоставляется автомобиль с солдатом-шофером, который каждое утро будет прибывать к вокзалу или куда я укажу.

* * *

Раньше всего нам надлежало получить от гетмана указание дня, когда он назначит прием нашей миссии. Еще по Петербургу я был знаком с П.П. Скоропадским: командуя кирасирами Ее Величества, он

был моим начальником 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Поэтому решил сразу поехать к нему, как бы с частным визитом, и выяснить день нашего приема. Своим решением я поделился с нашими членами, которые одобрили его. Предоставив всем воспользоваться сегодняшним днем — сделать свои личные дела в городе, повидать своих родных и знакомых, — я днем отправился к гетману.

Последний жил в бывшем особняке киевского генерал-губернатора, где и принимал. Он мог бы воспользоваться, по своему положению «гетмана всея Украины», бывшим императорским дворцом, откуда открывался чудный вид на все Заднепровье, но из скромности отказался.

В этом дворце во время войны имела пребывание вдовствующая Императрица Мария Федоровна, шеф полка, где я дважды представлялся Государыне и был приглашаем к завтраку, описанному мною ранее. После отречения Государя и свидания в Могилеве со своим сыном, Императором Николаем II, Императрица Мария Федоровна переехала в Крым, в имение Великого Князя Александра Михайловича, женатого на Великой Княгине Ксении Александровне, где ей пришлось провести тяжелые времена власти большевиков до освобождения добровольцами. В ноябре 1918 года, по прибытии союзного флота в Черное море, императрица была вывезена с двумя своими дочерьми, Ксенией и Ольгой, и их семьями на английском военном корабле в Копенгаген.

Приехав к гетману, я встретил старого сослуживца по Генштабу в Петербурге генерала Владислава Владиславовича Дашкевича-Горбачко-го⁴⁴⁸, это избавляло меня от нудного объяснения — кто я, зачем хочу видеть гетмана и т. д. Дашкевич был в курсе нашей миссии, радушно меня принял и провел в приемную. Я объяснил ему, что мне хотелось бы, до официального приема с миссией, представиться в частном порядке. Дашкевич пояснил мне, что состоит здесь по церемониальной части у гетмана (ему, видимо, хотелось сказать — на должности министра двора) и он все быстро устроит. Сейчас у гетмана какой-то приезжий большой украинский деятель, и, как только он выйдет, обо мне будет доложено и, вероятно, гетман меня сейчас же примет, т. к. на приеме сегодня никого нет и не будет заседания правительства, которое обыкновенно происходит в эти часы под его председательством.

Я забросал его вопросами об обстановке, окружающей гетмана, используя время, когда последний освободится, чтобы получить нужную мне информацию. Дашкевич с любезностью давал мне ответы, объяснив, что не приглашает меня в свой кабинет, чтобы не пропус-

тить время, когда освободится гетман, поэтому лучше вести беседу в приемной.

Должность Дашкевича, видимо, была очень хлопотливой, к нему все время подходили какие-то адъютанты и другие служебные лица за распоряжениями и указаниями.

Он поведал мне, что гетман живет на холостом положении, супруга его в Советской России, и ведутся переговоры через немцев об ее переезде сюда. Пока же он устроился как на походе жили наши большие начальники со своими штабами на войне. За завтраками и обедами у него за столом собирается все его ближайшее окружение, адъютанты и прочие, а также министры и другие начальники, которые были у него к этому времени с докладами. А поэтому за столом у него собираются не менее 15—20 человек. Трапезы без церемоний — просты, сытны и далеко не роскошны.

Наконец гость вышел, дежурный адъютант пошел провожать, а Дашкевич доложил обо мне и тотчас вернулся с приглашением меня к гетману. Я спросил, как у них принято величать гетмана? На это Дашкевич объяснил, что этот вопрос еще не разработан, но обычно к нему обращаются — «ясновельможный пан гетман». Я так и решил начать свое представление.

* * *

Войдя в кабинет, я только хотел начать с титула, как Скоропадский не дал мне даже рта открыть, протянул руку и сказал: «Садись и рассказывай, я получил сведения, что ты едешь, и очень рад тебя видеть». Я был радостно удивлен и даже опешен таким дружеским приемом! Мне почему-то казалось, что встречу строго официальный прием — как у владетельного принца, а оказалось, что был принят как в былое время.

Скоропадский имел совсем бодрый вид, почти не изменился за два года, которые я его не видел. Одет был в белую черкеску без погон, на груди висел белый орден Святого Георгия на георгиевской ленточке. Видимо, было решено, что модернизированный запорожский зипун лучше всего подойдет под черкеску.

Оправившись от приема, я, уже без всякого титула, поблагодарил за память о былом, передал привет от Краснова.

— Знаешь что, — сказал Скоропадский вставая, — нам немало о чем придется переговорить, мне также хочется узнать, что делается на Дону и о Краснове, которого хорошо знаю, но сейчас я с утра сижу, да и мой приезжий компатриот заговорил меня, поэтому не откажи

мне в удовольствии сопутствовать в прогулке по саду; разомнем ноги, подышим воздухом и поговорим.

Я с большим удовольствием согласился, и мы двинулись.

Подходя к двери, я увидел на стене приколотую большую карту, расцвеченную красками. Присмотревшись к ней, вижу, что она изображает Юг России с прилегающими к нему соседями.

— Украинская держава, — пояснил мне Скоропадский, — как видишь, немалое государство.

Карта была прекрасно выполнена. Рассматривая ее границы, которые были отгены полосой яркой краски, я вижу: западная граница идет как бывшая наша с Австрией, а на востоке в Украинскую державу включены Донецкий угольный бассейн и далее Таганрогский округ, город Ростов и вся Кубанская область и порт Новороссийск.

Взглянул на Скоропадского, который с видимой гордостью смотрел на меня — какое впечатление производит на меня карта с обширными владениями его гетманства?

Приехав сюда с дипломатической миссией, мне следовало похвалить издание карты, но не удержался:

— А не далеко ли авторы карты заехали в чужие края? — показав рукой на юго-восток.

— Нисколько, ведь Кубань — это прежние запорожцы, и все говорят по-украински.

Так как в мою задачу входило отстоять Таганрогский округ от притязаний на него, мне не хотелось затевать теперь спора, но меня взяла бесцеремонность отношения к чужим территориям, и я горячо возразил:

— Тебя, я вижу, дорогой Павел Петрович, неправильно информировали, с каких это пор города Таганрог и Ростов с их округами, где имеются казачьи станицы, стали Украиной? А далее Азов, доблестно отстаиваемый казаками от турок. По-видимому, все это включение сделано, чтобы соединиться с кучкой переселившихся на Кубань запорожцев, твоих предков, они действительно говорят по-украински, но их лишь часть. При таком широком размахе может статься, что Украина найдет нужным претендовать на Волгу, Урал и Сибирь, чтобы соединиться с рядом поселений на реке Амуре переселенцев из бывшей Малороссии, сохранивших на новом месте свой язык.

Мне хотелось указать, что скорее Украина могла претендовать на Галицию, но воздержался; составители карты поцеремонились присоединить эту, действительно старую украинскую область, боясь раздражать австрийцев, которые теперь с Германией были хозяевами Укра-

ины. Но и без этого моя длинная тирада, произнесенная с жаром, немало опешила гетмана, и он лишь возразил:

— Но и твой аргумент с Волгой и Сибирью тоже не с малым размахом!

Я рассмеялся:

— Не стоит нам ссориться и спорить о размахах. В мои намерения не входит портить твоё настроение перед прогулкой. Лучше предоставим решать такой вопрос ученым историкам вашего университета, пусть для этого они составят историческую справку, и все будет ясно.

Скоропадскому мое предложение, видимо, было по душе, и он ухватился за это:

— Вполне согласен с тобою, конечно, нужно сперва исторически разобраться в этом. А теперь пойдем гулять.

Мы прошли через залу в сад, находившийся по другую сторону дома от улицы. Стоявший в нескольких шагах немецкий часовой с ружьем отдал честь. Посмотрев на Скоропадского, я заметил, что это было ему неприятно, и, не удержавшись, сказал:

— Тебя, я вижу, охраняют!

— Да, я просто узник, — с оттенком грусти ответил он. — Не думай, что мое положение легкое. Избран я был «хлеборобами», т. е. хозяйственными крестьянами-собственниками, но, увы, нельзя скрыть, что это было и желание немцев, которые предпочли гетманские порядки социалистическим экспериментам петлюровцев и иже с ними. Но рука германцев тяжело лежит на нас, и с этим приходится считаться. Большевики дали им победу над Россией, и они господствуют над нами; выход из борьбы России облегчает их положение на Западе. Я полагаю, что война окончится победой немцев.

— А у меня такой уверенности нет, — перебил я. — В войну вступили американцы с их огромной индустрией.

— Это так, но американцам нужно время, чтобы перебросить через океан людей, оружие, снаряжение и прочее, да и обучить для борьбы с германской армией, обладающей такими высокими качествами.

— В этом ты отчасти только прав, нужно учесть и их усталость, тяжелые потери, голодовку населения.

— Вот как раз голодовки, — ухватился Скоропадский, — и понуали их на нашу оккупацию. Я с правительством беспокоимся и очень заняты вопросом об урегулировании требуемых поставок немцами и, поскольку возможно, урезаем их желания в получении зерна и жиров. Правда, они за все платят. Но деньги теперь имеют меньшую ценность, чем хлеб. Наше положение очень трудное, кроме поставок,

требуемых через правительство, хитрые немцы организовали отправку к себе на родину еще почтовых посылок: немецкий солдат имеет право отправлять своим родным и знакомым еженедельно посылку в три кило; понятно, каждый из них все свои деньги готов отдать, чтобы накормить своих. Платят за все немецкими марками, кои население принимает — увы! — охотнее наших денежных знаков. Они установили курс: наш карбованец — пол немецкой марки. Наши финансисты уверяют, что курс для нас неплохой.

Некоторое время мы шагали молча. Посматривая на Скоропадского, я подумал: «Тяжела шапка Мономаха!» Тщеславие, которое у него было и раньше, вылилось в стремление к карьеризму, легко дававшееся при его больших связях, но вот волна событий выдвинула его на пост суверенного владыки, что безусловно льстило ему и удовлетворяло самолюбие! Но что происходит в его душе? Ведь не может он не отдавать себе отчета в устойчивости положения в грозные переживаемые времена? И я задал ему вопрос: как, полагает он, сложатся отношения его Украины с Россией?

Он не сразу мне ответил, лишь пройдя с десяток шагов сказал:

— Трудно мне в нескольких словах ответить о своем личном мнении. Во всяком случае, я не «расчленитель». Не скрою от тебя, что в нашем правительстве идет невысказываемая громко борьба, но все делают вид, что Украина волей судьбы стала отдельным государственным образованием — Украинская держава, но это одна видимость. Большинство членов правительства в сердцах смотрят, что мы переживаем временную эпоху, что Украина на каких-то условиях вольется в Россию, но сейчас кривят душой, делая вид сторонников самостоятельной политики в угоду меньшинства членов правительства, действительно искренних сторонников Украины как отдельного государства. При таком положении я стараюсь найти средний выход для примирения, но, понятно, теперь, да еще при немцах, это нелегко. Само время укажет выход.

Помолчав, он продолжал:

— Сюда, в Киев, стеклись и стекаются немало убегающих от большевиков русских людей, никого мы не преследуем и даем приют. Среди прибывших немало знакомых и друзей. Многие, осуждая меня, просто не приходят ко мне, но многие приходят и как будто понимают мое положение, другие — чтобы получить помощь или выхлопотать себе тепленькое местечко, третьи — наружно льстиво, а в душе у них сидит мысль: как ты, русский генерал, облаканный Государем, коему присягал, а теперь, для удовлетворения своего тщеславия, идешь на расчленение России! Разве не верно говорю? Да ты, вероятно, это и слышал. Но

хотелось спросить моих хулителей: а что же случилось, не по моей вине, в создавшейся трагедии для России, что ухудшило ее положение от моего согласия принять по избранию Гетманскую Булаву? Некоторые, не стесняясь, мне пишут — «продался немцам!». Приняв гетманство, дал многим укрыться, отдал распоряжение не чинить препятствия переходящим к нам, а сделали бы это петлюровцы? Думаю, что нет. Хулители приехали — едят, пьют, спекулируют, устраивают свои дела, под охраной того же немецкого сапога, за который мечут на меня громы и молнии... А своим пребыванием здесь — не продались ли тоже немцам? Я не согласен с руководством Добровольческой армии, в тяжелое время для России, когда все мы должны объединиться, а они заняли отрицательную позицию не только против немцев, что еще можно понять, хотя противодействовать не можем, но и против меня. Но я уважаю их за жертвенность, которая горит у них в борьбе за Россию. Они ведут тяжелую борьбу, как совесть им велит, но почему же здешние хулители, обливая меня грязью, предпочитают оставаться тут, а не едут на борьбу туда?

Видимо, много тяжелого накопело на душе Скоропадского, что он с таким жаром высказал мне.

Из дома показался офицер-адъютант, который доложил на украинском языке, что приехавшее лицо просит гетмана переговорить с ним по экстренному делу.

— Зараз иду, — сказал гетман и, обратившись ко мне сказал: — Скоро обед, если у тебя нет других намерений, оставайся обедать, адъютант проводит тебя, если нужно оправиться, а я пойду принять приезжего.

Оставшись с адъютантом, последний уже по-русски сказал, что у гетмана нет отказа для приема в любое время.

Подходя к дому, я не увидел часового и спросил, что это значит? На это адъютант дал следующее разъяснение:

— Гетман очень шепетилен и тяготеет присутствием в его охроне немцев; по его усиленной просьбе немецкое командование сняло ранее поставленных парных часовых у главного входа с улицы, оставив лишь охрану со стороны сада; чтобы не раздражать гетмана, мы уговорились с караулом, при прогулках его по саду, шагающий здесь часовой отводился; сегодня, когда вы с гетманом спустились в сад, дежурный адъютант не успел кого следует предупредить.

В столовой до прихода гетмана Дашкевич познакомил меня с присутствующими, коих было около 15 человек, несколько штатских, а больше военных. Некоторых я знал. Военные, как и Дашкевич, были во френчах без погон. Все с вождением смотрели на мои погоны.

Формы для украинской армии еще не было изобретено, но при военном министерстве была собрана комиссия для ее установления.

Войдя, Скоропадский предложил садиться, сам сел на узкий край стола и предложил мне сесть по его правую сторону. Общий разговор шел по-русски, видимо, большинству это было легче, касался приезжих лиц, с какими мытарствами они добрались. Кто-то из адъютантов рассказывал, что ехавший генерал Аболев⁴⁹, в чемодане коего большевистские пограничники обнаружили свитские погоны, был отведен в сторону и расстрелян. Затем разговор перекинулся о театрах и городских развлечениях.

Обед был скромный: незатейливая закуска с водкой и три блюда, красное и белое вино. Трапеза быстро кончилась, и, как встали, я протиснулся с гетманом. Дашкевич предложил мне, не хочу ли я проехать в театр? Но я, сославшись на усталость, поблагодарил и собирался уехать, как вспомнил, что за нашу длинную беседу забыл спросить Скоропадского — когда он сможет принять нашу миссию? Просил Дашкевича выяснить это и результат сообщить мне по телефону на вокзал.

Вернувшись к себе в вагон, я рад был, что никого из миссии еще не было и я мог спокойно набросать сегодняшний разговор с гетманом для составления донесения Краснову. Окончивши свою работу, я услышал, что наши господа, кроме консула Карасева, видимо загулявшего, собрались, и я их пригласил в наш салон для заслушания моего краткого рассказа о приеме у Скоропадского. Краткого, т. к. многое, что он мне поведал, было сделано по нашей старой дружбе. Конечно, меня забросали вопросами, отвечая на кои я сообщил, что назначение нашего приема будет мне сообщено завтра.

* * *

Наутро проводник вагона прекрасно организовал нам утренний кофе с чудными булочками, и нам не надо было идти на вокзал, откуда мне принесли телефонограмму с извещением, что прием миссии у гетмана назначен на следующий день в 11 часов.

Пользуясь сегодня свободным днем, я решил прогуляться по городу и навестить кое-кого из знакомых.

Предложил желающих довести до центра города, с которыми и доехал до главной улицы Креуцатик, где отпустил шофера.

Движение, несмотря на ранний сравнительно час — 10 часов с небольшим, было оживленное, все тротуары заполнены толпами, прекрасные кафе, магазины с большими витринами полны всякой всячины. Видимо, город ожил после передыжки и смены властей. Вывески на ма-

знаках написаны частью по-русски, частью по-украински, частью на обоих языках. Но речь на улицах слышалась больше по-русски. Встречались и знакомые, которые, увидев меня, бросались с вопросом — и вы здесь, да еще в старой форме с погонами? Приходилось увертываться под всякими предложениями, т. к. объяснить всем — зачем и почему я здесь — было скучно, а слушать бесконечные рассказы, как кто и с какими приключениями пробрался сюда, не было желания.

Подходил адмиральский час, и я решил идти завтракать. В Киеве я знал лишь два ресторана — один в отеле «Континенталь», а другой в так называемом Купеческом саду. Мне больше хотелось быть на воздухе, погода стояла чудная, и я отправился в последний. Купеческий сад помещался, как и дворец, на крутом берегу Днепра с видом на реку и Заднепровье. Чуть ниже на утесе виднелся Крест — памятник крещения Руси.

В ресторане в саду уже сидело немало завтракавших. Поднявшись на террасу, я подыскивал себе столик, как вдруг мне бросилась в глаза знакомая фигура в штатском. Я всмотрелся и вижу смеющуюся лицо, обращенное на меня, оказался генерал Александр Николаевич князь Долгоруков⁵⁰, мой предшественник по командованию 1-м Кавалерийским корпусом, неудачу коего я описал в своем месте этих записок, исполняя приказание генерала Корнилова о движении на Петербург в помощь генералу Крымову.

Мы обнялись.

— Да вот, — продолжал смеяться Долгоруков, — я отрясаю прах с ног от подобного командования самой свободной в мире армии; к счастью, я отделаюсь лишь несколькими днями ареста в крепостном каземате, но больше не хочется. Ну, ты как закончил свое командование 1-м Кавалерийским корпусом?

— В душе ругал тебя, т. к. из-за тебя мне пришлось попасть в этот район — Северного фронта, — бурлящий большевистским беснованием, после Галиции, где было сравнительно спокойно; здесь же какое может быть командование... промучился несколько месяцев, с трудом перебрался на Дон, чуть было не попал в красные лапы, но Бог спас, пришлось повоевать с ними, а когда выбрали Краснова Донским атаманом, последний отправил меня вести переговоры с твоим однополчанином Павло Скоропадским.

Долгоруков с молодых чинов носил в полку прозвище Губошлеп и, конечно, не обижался на это чисто дружеское название, которое в полках товарищи давали друг другу. Он был ровесником Скоропадского по Пажескому корпусу и однополчанином по Кавалергардскому полку. Человек он был импульсивный и совершенно не подходил по

характеру к спокойному и уравновешенному Павло Скоропадскому. Не подходил ему и в смысле карьеризма, который, как и тщеславие, ему было чуждо. Был он бонвиван, но военную службу любил. Будучи лично храбр, он по своей живости не вдумывался в обстановку, мог бы зря и себя, и подчиненных подвести к ненужным потерям. В первом же бою, 6 августа 1914 года, он, по своей инициативе и ненужной обстановке, свернул командуемых им кавалергардов к начавшемуся бою у соседа, доблестно действовал, но понес большие потери; находясь в опасных местах, по своему характеру увлекся и, размахивая и указывая шашкой, сам себя рубанул по ноге. Вероятно, ему было больно, но он не обращал внимания на свою рану и продолжал отдавать приказания, пока кто-то не сказал: «Да вы, Ваше сиятельство, ранены, у вас нога в крови». Вызванный фельдшер перевязал рану, но от перевязочного свидетельства князь отказался. Благородство у него было большое, и он своим увлечением не хотел воспользоваться, как ранением в бою, что другой, быть может, и не сделал.

Конечно, наш разговор не мог не перейти на Скоропадского. Мне хотелось пополнить свое мнение о нем характеристикой князя, который, как его однополчанин, долгие годы служил с ним бок о бок, знал его прекрасно. И я толкнул его на это.

— Я как был Губошлепом, как меня прозвали, таким и остался, а Павло ловчила — куда полез?! Хитрый хохол, да хватит ли умишки?

— Но все же ты его теперь видел? — спросил я.

— Конечно, я человек, известно, незлобивый. Здесь многие не хотят его видеть, а также немало и таких, кои ругают его за глаза, а лезут к нему — быть может, пригодится... Я у него был раза три, хотя никаких благ мне от него не надо, а просто по старому товариществу. Ну и наговорил же я ему — ты знаешь мой характер, за словом в карман не лезу.

— Что же ты ему наговорил? — спросил я.

— Да что тут скрывать! Говорю ему: «Павло, я в своей жизни все делал с бухты-баракты, а ты человек уравновешенный и должен хорошенько обдумать и рассудить раньше, чем решиться, особенно на что-нибудь важное; надо пошевелить своими мозгами и отдать» себе отчет «а што то будэ?». А он, немного обиженно, сам переходит в атаку. «Все вы не хотите понять о происходящем, а я, обдумав, решил, что смогу спасти хоть часть бывшей России...» — «Ах, какой ты молодчина, Павло, браво, браво, спасать так спасать! Так знаешь что, раньше всего пошли немцев ко всем чертям со своей, как называешь, державы!» А Павло же нашелся, да, по-моему, довольно правильно, видимо, или поумнел, а может быть, кто-нибудь научил.

и отвечает: «Ты бы хоть раз отрешился от бухты-баракты, а сам бы подумал и тогда бы не говорил: «Гони немцев!» Чем прикажешь, какими силами и возможностями их погонишь? У них сила, а у нас никакая... Кроме того, подумай и рассуди: если бы даже они добровольно ушли — что получится: откуда ни возьмись появятся банды петлюровцев, да и большевики не будут зевать. Представляешь себе киевский муравейник с нахлынувшими сюда и забившими весь город спасающимися людьми — ничего не делающими, болтающими и злословящими?»

Все это с жаром и горечью выпалил мне мой Павло!

«Пожалуй, ты правильно рассудил, но в чем же тогда твоя роль в спасении России? Не ты спасаешь Россию, а они. Ведь ты просто в их руках жупел, работающий для них. Ты им нужен, а не они тебе. С твоей помощью они выкачивают отсюда что им нужно, а кончится в этом нужда, отхватят себе лакомый кусок, остальное оставят на съедение большевикам». — «Вот, чтобы этого не случилось и нужно, пока у нас спокойно, — сказал Скоропадский, — стараться как можно скорее организовать армию, к чему я с правительством принимаем усилия, тогда и сможем дать отпор. Вот и донские казаки организуются, и Добровольческая армия, когда уйдут немцы, вероятно, сменят на меня гнев на милость... Быть может, общими усилиями сломим захватчиков-большевиков?»

В таком духе и шли мои разговоры при посещении Павло, — сказал князь. — Он предлагал мне должность у него, но я отказался. Мне было жалко его, ведь сколько лет служили рядом, дружили, пировали, посещали общих знакомых... Ну а как на Дону?

Я кратко объяснил, что ведем жестокую войну с Советами. Казаки формируют армию, но недостаток оружия и снаряжения, зачем я и послан. Добровольческая армия также в этом нуждается и в пополнении людьми; конечно, немцы им этого не дадут — побаиваются, преувеличивая их мощь. Но Краснов, получив, поделится с ними. Немцы препятствуют проезду добровольцев, но раз через советчиков сюда пробрались, то уж легче проехать к добровольцам. Беда лишь в том, что желающих бросить спокойную жизнь здесь, сменив ее на жертвенность там, — мало охотников. Сколько видно здесь офицеров и молодых людей праздно шатающихся, да вот тут, на должностях лакеев, подают нам бывшие офицеры; не патриотичнее ли было бы идти сражаться с добровольцами, чем служить здесь на «холуйских должностях». Нужно стыдить и вести пропаганду об отправке к Деникину.

— Займись этим, — сказал я ему. Мои слова, видимо, сильно задели благородную душу князя, и с присущим ему жаром он чуть не крикнул:

— Конечно, ты прав. Эта обязанность всех нас. Я проберусь сам к Деникину и предложу свои услуги на любую работу. Пойду еще раз к Павло помочь мне в наборе и скажу: «Ты потомок запорожских гетманов — орудуй здесь, а я, как Рюрикович, русский князь, буду бороться за всю нашу необъятную Родину и еду к добровольцам».

Мы обнялись и распрощались. Как я позже узнал, Долгорукоев служил у добровольцев, а в эмиграции попал в Марокко, где работал в Касабланке. Не забыл и участников Белого движения, образовав Отдел Русского Общевоинского Союза. Там и умер в 30-х годах. Мир праху скромного отпрыска рюриковского княжеского рода, большого храброго воина и русского барина, никогда не пользовавшегося для своего продвижения своими связями, мужественного, лишь немного сумбурного военачальника.

* * *

В назначенный день приема у гетмана мы все, пользуясь данным в мое распоряжение автомобилем, отправились в дом, где жил Скоропадский.

Войдя всей миссией в кабинет последнего, я представил лиц миссии и начал приготовленное мое приветствие от Краснова, начав с обращения «ясновельможный пан гетман», но Скоропадский перебил меня, поблагодарив за добрые слова, которые я хочу ему передать, и просил всех сесть и заняться делами, целью коих был приезд в Киев донской миссии.

Я начал с того, что, указывая на генерала Черячукина, доложил, что он назначен в нашу миссию Красновым в предположении — если гетман не будет иметь что-либо против — остаться здесь представителем от Дона, после нашего отъезда.

— Отлично, я охотно буду иметь дело с генералом Черячукиным и против его назначения ничего не имею. Я вкратце имею представление о задаче вашей миссии, и меня интересует то, в чем лично могли бы вам помочь?

Я просил Черячукина изложить нашу задачу, что он прекрасно сделал, не затекая деталями главного — нашего боевого снабжения.

— Я готов лично во многом помочь, но по некоторым вопросам мне необходимо переговорить с правительством. Во всяком случае, ваши железнодорожные и хозяйственные дела встретят полное сочувствие, а потому с завтрашнего дня можете начать переговоры с соответствующими министрами. Что же касается оружия и перехода к вам, вопросы более деликатные, прошу тебя и генерала Черячукина в ближайшие дни зайти ко мне.

Затем гетман интересовался, как идут дела у казаков на фронте, и, извинившись, что должен принять еще ряд лиц, просил остаться на завтрак, который состоится вскоре.

На завтраке обстановка оказалась та, что и за обедом при моем посещении. То же окружение, та же скромная сервировка. В конце, перед подачей кофе, гетман поднялся и со стаканом красного вина выпил за здоровье атамана Краснова и донского казачества, пожелав успеха в борьбе. Я хотел было ответить, но Скоропадский заявил, что понимает мое желание выпить за его здоровье, благодарит заранее, т. к. не любит тостов, просит у миссии извинения, что должен нас покинуть, и, попрощавшись, вышел.

Выйдя от гетмана, чтобы поделиться впечатлениями, всей миссией зашли в ближайшее кафе. Наш дипломат Карасев был крайне возмущен приемом и, как только мы сели, первым заговорил:

— Что это за прием дипломатической миссии: пригласил на завтрак, на котором были кто хотел, накормил как в затрапезной, пьет здравичу плохеньким красным вином, не мог распорядиться подать шампанское и даже к кофе не дал ни коньяку, ни ликеру... Безобразие!.

Но наш скромный «купец» сразу же его пристыдил:

— А вы бы лучше посмотрели на себя, в каком вы сами поехали виде на дипломатическое представление, — две ночи где-то пропадаете, являетесь в вагон среди ночи, хоть бы посовестились проводника, утром на вас лица нет, посмотрите на себя в зеркало, плохо выбриты, да и галстук куда-то свернулся.

Я рад был, что наш «купец» отдела пьяницу, позорившего работу миссии, и от себя добавил:

— Мы находимся как бы в походной обстановке, и цель нашей миссии не в роскошных приемах, а добиться выполнения возложенных на нас атаманом задач.

Затем я объяснил миссии, что вопросы снабжения очень щепетильны и решение их главным образом зависит от немцев, поэтому гетман в разговорах со всей миссией предпочитает их не затрагивать, о чем мне и объяснил за завтраком, и поговорит о них, когда я с Черячукиным будем у него.

* * *

На следующее утро я остался в вагоне и занялся составлением донесения Краснову. Взглянув в окно, вижу перебирающуюся по железнодорожным путям толстенькую фигуру в штатском. Приглядевшись,

узнаю старого приятеля — Генштаба генерала Сережу Одинцова. Я с ним — товарищи со школьной скамьи, училища и академии. Вместе были на японской войне. Энергии у него было хоть отбавляй. Когда в Севастополе открылась авиационная школа, он уже был там и сделался ее начальником. Я рад был его увидеть, поманил через окно, и мы обнялись.

— Откуда ты, что делаешь здесь? — спросил я.

Он, видимо, смугился и начал путано говорить:

— Понимаешь ли, какое время переживаем?... Нам нужно действовать... Вот в Киев приехала из Москвы делегация для переговоров по установлению границ между Россией и Украиной.

— Ну а ты тут при чем?

— А видишь ли... как тебе сказать... нужно защищать интересы России...

— Так как же ты хочешь их защищать?

— Нельзя быть праздным зрителем! Нужно действовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацию, как военный эксперт, для защиты интересов России, — залпом выпалил мой Сережа.

— То есть другими словами, ты нанялся к большевикам, так и говори, а не морочь мне голову — защитой русских интересов находясь в стане убийц России!

— Да нет, это не так, ты не хочешь меня понять...

— Брось, Сережа, не заговаривай зубы. Я тебя давно знаю, как и твою энергию, но нельзя же из-за этого идти на службу к преступникам. Должен подумать — куда все это тебя приведет? Уже раньше, когда Керенский убежал, пришлось расплачиваться его начальнику штаба, нашему товарищу по академии Духонину, а ты пошел не к нему, а к Крыленко с бандой матросни и как бы помог растерзать мужественного Духонина, отказавшегося сдать должность врагам Родины и погибшего на своем посту!

Бедный Одинцов, несмотря на свою бодрость, не знал, куда деться, побледнел, увял. После паузы грустно ответил:

— Да, ошибся, не отрицаю, но пошел с добрыми намерениями, чтобы не допустить до зверской расправы, а защитить.

— Вот и защитил! Так и теперь защитишь русские интересы! Ошибся раз, Бог тебя простит. Советую, брось это. Где остановился?

— Наш поезд с делегацией стоит на железнодорожных путях, недалеко от этого вагона.

— Вот тебе дружеский совет: сейчас же иди в свой поезд, забирай свои вещи, бери в помощь нашего проводника, тащи ко мне в вагон.

Привезу тебя на Дон и поступай в Доброармию, где место твоей кипучей деятельности и жертвенной помощи-спасения России.

— Не могу, — еле слышно выдавил из себя Сережа.

— Почему не можешь? Не сможет твое начальство задержать на неподвластной ему территории. Быть может, это опасно для твоей семьи, оставшейся там?..

— Нет, не эта причина, с женой я уже давно разошелся, самочувствие мое скверно, но не могу — раз взялся, по своей совести, должен докончить, какова ни оказалась бы моя доля.

Я еще пытался его убедить, так много у меня с ним в жизни было дел, а теперь от души было жалко на него смотреть. Но пришлось грустно расстаться не обнявшись.

Не знаю, как он кончил свою задачу эксперта по установлению границ, но позже читал в газетах, что после убийства в Москве Мирбаха, германского посла и в то время «владыки над Советами», немцы потребовали назначения от Советов большой делегации для сопровождения останков Мирбаха в Берлин. В эту делегацию от военных был назначен мой заблудившийся Одинцов. Видимо, судьба толкнула его в третий раз «спасать Россию». Этот третий раз оказался последним. Сведений о нем я больше не имел. Вероятно, «мавр сделал свое дело»...

Мог ли я предполагать, когда мы — граф Игнатъев (бывший военный агент в Париже), Одинцов и я, друзья, вместе окончившие академию, — так разоидемся, что Игнатъев и Одинцов сменят свои крепкие убеждения и пойдут служить тому, что вряд ли могло быть в прошлом их идеалом?

Так разруха на нашей Родине бросает в разные стороны бывших близких друзей!

Продолжение работ миссии в Киеве

На другой день моей грустной встречи с Одинцовым, в 10-м часу, занимаясь в вагоне, мы были встревожены раздавшимися страшными взрывами, после которых последовал ряд других. Вышли на вокзал узнать что происходит. Взрывы огромной силы продолжались. Перепуганные пассажиры в ожидании поездов находились в смятении. Здание вокзала содрогалось, дребезжали стекла. Звуки взрывов слышались как бы с другой стороны города. Я поехал в центр, чтобы узнать причину. На главной улице Крещатик застал полное смятение: толпы народа с испугом толпились посередине улицы, тротуары были пусты. Оказыва-

ется, что от взрывов лопались стекла, большие витрины магазинов вылетали и осколками ранили находящихся на тротуарах. В то время еще не знали о бомбардировках городов с воздушных аппаратов.

Отправился в дом гетмана. Зашел в кабинет Дашкевича, где застал его сильно встревоженного. Он объяснил, что взорвались большие склады снарядов, хранившиеся за городом в сараях бывшей крепости близ лавры. Причина неизвестна: или от самовозгорания и последующей детонации, или дело злоумышленников. После первых же взрывов гетман с адъютантом на автомобиле понесся туда. Имеется немало пострадавших от вылетающих осколков, вызваны из больницы автомобили и повозки за ранеными. Мы беспокоимся за гетмана, который поехал, когда взрывы продолжались.

К полудню Скоропадский вернулся и был смущен всем виденным и неизвестностью причины. Проходя к себе, сказал мне: «Какой ужас, как Ходынка была скверным предзнаменованием Государю, так и мне нехороший знак».

Выехали пожарные команды — тушить возникающие пожары в ближайших домах, посланы рабочие — разбирать получившийся хаос, приняты меры для ограждения незатронутых складов и назначена комиссия от разных ведомств для выяснения причины.

Причина так и не была выяснена. Молва приписала немцам: это они все сделали — снаряжения у них достаточно, а нам чтобы не досталось. Но как полагается — поговорили, кое-что починили, вставили разбитые стекла, убитых, к счастью, немного, похоронили, а в конце концов об этом забыли.

Город продолжал жить прежней нервной жизнью.

* * *

Вскоре после взрыва Черячукин и я, получив приглашение гетмана, отправились к нему, где наша беседа началась его объяснением:

— Переговорив кое с кем из моих министров, которые одинаково мыслят, как я, в помощи вам оружием и снаряжением, могу вас заверить, препятствий вы не встретите, но много будет зависеть от немцев и отчасти некоторых министров; военный министр генерал Рагоза мною извещен, предоставляю вам обратиться к нему, и он вас направит куда нужно и безусловно всячески поможет.

Мы поблагодарили, а гетман продолжал:

— Проезду желающих на Дон и вообще куда угодно украинские власти препятствовать не будут. Опять-таки можно встретить запрет со стороны немцев, если они увидят, что дело идет о пополнении

Добровольческой армии. Но полагаю, что кто пожелает уехать, найдет путь, не нужно лишь делать из этого шума.

В этом Скоропадский был прав, было бы желание покинуть спокойное пребывание здесь на жертвенную борьбу там.

— Сейчас, — продолжал гетман, — у нас идут переговоры с присланной Москвой делегацией по установлению границы с Россией. Это дело нами поручено министру иностранных дел Дорошенко. Что касается границ с Доном, то об этом теперь речи нет, а если подыметя, то пойдет через того же Дорошенко, поэтому, если угодно, повидайте его, но, предупреждаю, он ярый украинец.

— Относительно последнего, — сказал я, — это дело в настоящее время совершенно не актуально, побываю у Дорошенко, но лично не коснусь этого вопроса, считая, что он решен в научном историческом исследовании профессора вашего университета, от которого имею «историческую справку», что Таганрогский округ ни в какие времена не принадлежал Украине.

— Так ты успел уже это сделать?

Я напомнил ему наш разговор в первый мой визит у карты, что раньше всего нужно обратиться к истории, с чем он согласился.

— Да, ты прав, но все же перехитрил меня, а я уже было забыл за всякими делами. Согласен, не время спорить об этом. Есть дело поважнее; на днях я имел разговор с Муммом (германский посол при гетмане, владыка, как Мирбах, убитый в Москве при Советах), и он сообщил мне, что знает о нахождении здесь донской миссии и хотел бы вас повидать, полагаю, что цель вашего приезда ему известна.

Откровенно говоря, эта перспектива мне не улыбалась, и я хотел отделаться, прося побывать у него Черячукина, но гетман воспротивился и привел ряд доказательств обязательности моего присутствия.

— Ну, раз нужно, поеду, — ответил я.

Прощаясь с нами, Скоропадский передал, что о дне приема нам сообщит Дашкевич-Горбацкий.

Сообщая на следующий день о сведениях, полученных от Скоропадского, нашей миссии и обсудив их у нас, возник острый вопрос в языке, т. к. все мы недостаточно им владели для этого. Лишь Карасев торжественно заявил, что он владеет немецким языком. «Прекрасно, будете нашим переводчиком», — заявил я.

Но — увы! — сейчас обидчиво возразил Карасев: «Переводчиком никогда не был и не буду, к тому же ваши военные термины не знаю, а буду вести беседу, а потом дома расскажу, о чем мы говорили и что решили».

— Обижаться не приходится, — сказал я, — мы должны думать, как лучше выполнить возложенное на нас поручение, а предоставить вам одному вести беседу я не могу, т. к. вы не в курсе начатых переговоров.

Все доводы всех членов миссии он категорически отклонил. Видя, что единственную работу, которую, как переводчик, он не желает выполнять, я принужден был выразить ему, что его пребывание в миссии считаю лишним. Карасев молча вышел, и мы с ним больше не имели дела.

Черячукин, видимо предвидя, что с нашим «дипломатом» ничего не выйдет, а ему, оставаясь в Киеве, придется иметь дело с немцами, подготовил себе отличного переводчика, услугами коего мы и решили воспользоваться.

Вместе с Черячукиным я побывал у военного министра генерала Рагозы. Последний, старый русский генерал, любезно нас принял, обещал свою помощь и, чтобы не терять времени, указал, куда и к каким лицам — по снабжению — нам надлежит обратиться, кои будут им уведомлены.

* * *

Ко мне зашел начальник Украинского Генштаба генерал Сливинский⁴⁵¹ с приглашением к нему на завтрак, где я увижу генерала профессора Головина⁴⁵², что, вероятно, мне будет приятно.

Приехав, я уже застал Ник. Ник. Головина, моего старого друга, с которым я немало поработал в нашей академии, и мы были близки друг другу.

Садясь за стол, Сливинский сказал, что ему приятно видеть у себя профессора нашей академии Ник. Ник-ча и меня, руководителя академической группы, в которой он оказался. Им приглашены два офицера его управления, тоже питомцы нашей академии. Все мы, русские офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши беседы, т. к. наши помыслы направлены, где бы мы теперь ни находились, на пользу России.

Этим вступлением он согрел нашу встречу и дал понять, что мы можем свободно обмениваться мнениями.

После завтрака, когда мы перешли пить кофе в кабинет хозяина, я обратился к нему:

— Пользуясь вашим любезным вступлением перед завтраком быть, как прежде, едиными в преданности нашей Родине, беру на себя смелость задать, быть может, щекотливый вопрос. Вы, как занимающий

ответственный военный пост, я полагаю, лучше всех могли бы осветить его. Целью моей поездки сюда является получение оружия и снаряжения для борьбы, которую ведет Дон с красными; удастся ли мне эта задача?

— Охотно, не скрывая, отвечаю: в вашей борьбе все мы должны помогать — кто чем может. Я в курсе ваших задач, Рагоза меня об этом уведомил. Могу вас заверить, что вы встретите сочувствие в управлениях военного министерства. У нас остались огромные склады, как бывшие тылы двух фронтов. Все это имущество заготовлено еще императорской властью для наступления в 1917 году. А потому не есть принадлежность одной Украины. Часть их взорвалась, но очень незначительная. Между прочим, сейчас производится анкета, выясняются причины, ищут, нет ли злого умысла со стороны немцев или петлюровцев? Причина, как я высказался в анкетной комиссии, заключается в небрежном хранении. Все чувствительные взрывчатые вещества требуют сугубой заботливости в их содержании. Химические составы их подвергаются разложению и от времени, и от атмосферы, и от массы причин. Требуют уход, как за больными людьми. А что делалось после революции и смены властей? Причину нужно искать в разложении и самосгорании от небрежного ухода. Но, простите, я отклонился от темы. Запасы принадлежат всей России, не поделиться с русскими частями, ведущими жертвенную, кровавую борьбу, было бы преступлением.

— Я очень рад, что встречаю у вас такую помощь, зная вас, не мог сомневаться в этом, но вижу большую опасность в получении запасов, о чем мне намекал и гетман, со стороны немцев.

— Как раз об этом я и собирался вас предупредить. Они ревниво наблюдают, чтобы ничего не попало Добровольческой армии, и установили контроль на железных дорогах. Но не унывайте, все наряды по отправке военных трузов проходят через мое управление, в крайности постараемся, что нужно, замаскировать. Затем хочу вас информировать в следующем: мне гетман говорил, что вы будете приглашены Муммом, предупреждаю, что вас пожелает видеть и генерал Эйхгорн, командующий оккупационными войсками, очень любезный старик, но при нем, вероятно, увидите его начштаба генерала Греннера, который, собственно, и руководит всем. А он и Мумм большие ненавистники России.

Мне оставалось обнять Сливинского за такое теплое содействие и информацию о немецком руководстве здесь, с которым придется свидеться.

— А твои какие намерения? — обратился я к Н.Н. Головину.

Но прежде чем Головин ответил, Сливинский с жаром произнес, обратясь ко мне:

— Вам Ник. Ник. не скажет, а я обязан сообщить, что должность, которую я занимаю, была предложена ему, как известному ученому, но, уклонившись, он указал на меня.

— Не люблю я именоваться ученым, просто посвятил себя военной науке и истории, помните мою борьбу в академии. Сознательно рекомендовал Сливинского — он не только прекрасный офицер Генштаба, а к тому же по происхождению запорожец, носил раньше фамилию Слива.

— Лучшего выбора гетман сделать не мог, — прибавил и я, — помню его прекрасные работы в академии, но нам всем было бы интересно знать намерения Ник. Николаевича.

— По дошедшим до меня сведениям, Колчак звал меня к себе начштаба, но как добраться туда? Легко желать, а кто на все это даст разрешение и визы? Пока что собираю все документы по истории войны от отдельных лиц и, особенно, в архивах штабов бывшего Юго-Западного и Румынского фронтов.

Впоследствии Головину удалось собранные архивные материалы перевезти в Париж, что облегчило ему издание своих военно-исторических работ. Он же организовал курсы для бывших военных, желающих пополнить свои военные знания.

Находясь у авторитетного лица, начальника Генерального штаба, было интересно знать о положении, в котором находилось формирование здешней армии, о чем мы и обратились к нашему хозяину.

— Дело в том, — начал Сливинский, — что для личного вам сведения могу сообщить, у нас имеются большие для этого возможности. Мы имеем вооружение и снаряжение не менее как на восемь корпусов. Украинское крестьянство прекрасный элемент для комплектования. Сюда сбежалось немало офицерства, много специалистов — Генштаба, артиллеристов, военных инженеров и пр. По требованию гетмана я делал доклады в правительстве, с представлением проектов и наставлений, не теряя времени приступить к формированию. Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно немцам иметь вооруженного соседа, и воля их в этом вопросе неуклонна. Все попытки нашего правительства убедить немцев в разрешении организовать хотя бы незначительную воинскую силу для ограждения границ от большевиков были безрезультатны. Немцы ведут двойственную политику: в Москве Мирбах — поддерживает большевиков, кой теперь им не страшны, а здесь, в Киеве, Мумм — поддерживает гетмана от тех же большевиков. По отношению донских казаков немцы не препятству-

ют красным вести борьбу, а здесь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо, находят для себя полезным, чтобы обе стороны слабели от войны, а наружно остаются в добрых отношениях.

— Но неужели нельзя ничего предпринять, чтобы подготовить себе вооруженную силу, — сказал Головин, — хотя бы в скромном виде?

— Все, чего мы могли добиться, — продолжал Сливинский, — это сформировать штабы нескольких корпусов и дивизий. Понятно, штабы не защита, но все же готовое руководство. Кроме того, в засекреченном порядке мы установили работу бывших русских уездных воинских начальников взятием на учет военнообязанных. А под видом полиции организовали небольшие команды.

Побывав еще раза два у Сливинского, мы видели, что с сильным давлением немцев о недопущении формирования армии было трудно справиться, что и послужило той драмой, которая разразилась для этого края при уходе немцев.

Не является ли это одним из доказательств ошибочности решения добровольческого командования уходить вторично на юг? Вместо того чтобы быть начеку там, где могли бы развернуться насущные интересы нашей Родины, мы потеряли целый год в борьбе в областях Северного Кавказа, что дало красным время на свои формирования.

* * *

Мне не хотелось посетить Дорошенко как министра иностранных дел — широкого украинца, но, по совету моего любезного осведомителя Дашкевича-Горбачукого, — зачем в своей работе получить лишнего недоброжелателя, и, кроме того, мы, как дипломатическая миссия, обязаны сделать визит органу, ведающему иностранными делами, — решил ехать со всей миссией и по телефону выяснил, когда нас примут.

По приезде нас встретил чиновник, хорошо говорящий по-французски, провел нас в кабинет Дорошенко. Вот, подумал я, даже на дипломатическом языке нас встречают в Киеве — матери русских родов...

Дорошенко, подав нам руку, жестом предложил садиться.

— Разуміте, панове, по-украински? — спросил он.

Я по-русски ответил, что мы более или менее понимаем, но говорить, не коверкая языка, вряд ли сможем. Тогда министр, выдержав дипломатический этикет, предложил говорить по-русски.

После этого вступления я сообщил, что вся миссия пробудет недолго, а останется представителем атамана генерал Черячукин; главная наша цель — получение военного снабжения, о чем нам уже пришлось

докладывать при представлении гетману и военному министру. Затем члены миссии установили сношения по железнодорожным вопросам и по торговле в украинских учреждениях. Мы встретили здесь внимательное отношение к ближайшему соседу — Дону, ведущему борьбу с нашим общим врагом — большевиками.

Дорошенко пояснил, что он понимает положение Дона, ведущего борьбу за свое существование, а у Украины сложилось в настоящее время иное положение: его министерство ведет дипломатические переговоры с московской делегацией для разграничения границ и установления мирного договора, потому теперь Украина не состоит в войне с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. В силу этого передача оружия соседу, ведущему войну с этой республикой, вопрос деликатный, могущий усложнить наши переговоры.

Черячукин на это отметил, что история дает примеры тому, когда нейтральная страна все же помогала той стороне, интересы коей ей ближе; он напомнил о том, как во время войны с Японией англичане все время помогали им.

На что Дорошенко с улыбкой ответил:

— Генерал прав, и я, как и мои коллеги в правительстве, нахожу, что в вашей борьбе мы должны пойти вам на помощь, хотя бы находясь как бы нейтральными, но подчеркиваю деликатность этого вопроса, который не следует муссировать, дабы не усложнять наших переговоров.

Я поблагодарил министра и добавил, что вопрос этот еще более щекотлив для нас в отношениях с немцами.

— Вы особо правы в этом, от них многое зависит. А вы были у Мумма и немецкого командования?

Чтобы польстить ему, я ответил так:

— Раньше хотел повидать вас, как министра страны, куда я командирован, хотя от гетмана слышал, что Мумму известно о нашем приезде и он интересуется познакомиться с нами.

Затем Дорошенко пространно пояснил обстановку, указывая, что для соседей выгодно ближе сходитьсь, а потому спросил, как мы смотрим на вхождение Дона в Украинскую державу в виде автономной или федеративной области?

Вот куда он гнет, подумал я и ответил:

— Этот вопрос у атамана не подымался, и мы не имеем возможности его обсуждать. Но думаю, что атаман и донские казаки — как все же русские люди — скорее мыслят о вхождении на тех же основаниях в состав Российского государства, когда захватчики власти уберутся.

Дорошенко пытался поднять разговор о границах с Доном, на что я, поддержанный всей миссией, нашел, что теперь не время заниматься им, хотя имеем документ, составленный в Киевском университете.

Министр, подумав, согласился с нами и заявил: «Это дело будущего».

На этом беседа наша закончилась. Прощаясь с нами, Дорошенко подтвердил, что в вопросе о снаряжении он будет на нашей стороне, просил еще раз поменьше о нем говорить.

* * *

Вскоре после визита у Дорошенко мы получили приглашение к германскому послу на Украине, имевшему огромные полномочия. Прибыв в 10 часов всей миссией, я и Черячукин были в военной походной форме — Черячукин в донской казачьей, а я в кирасирской, коим командовал.

Мумм принял нас в своем салоне сухо, но изысканно вежливо. Все разговоры шли через нашего переводчика.

— Я побеспокоил вас приглашением, — сказал Мумм, — чтобы познакомиться и выяснить некоторые вопросы. Из донесений наших офицеров, находящихся на Дону, в том числе майора фон Кохенгаузена, нам известно мнение вашего атамана — поддерживать с нами добрые отношения, но мы сейчас ведем тяжелую борьбу на Западе, а потому мы можем оказывать помощь лишь тем организациям, в коих полностью уверены, что они не пойдут, ни при каком положении, не только в соглашение, но даже просто в сношение с образованиями, могущими нам вредить.

Намек, сделанный Муммом, я принял как о наших добрых отношениях с Добровольческой армией. Поэтому, не называя Доброармию, возразил:

— Мы боремся лишь против большевиков, они наши непримиримые враги, и имеем сношения только с теми организациями, которые могут помочь в этой борьбе.

На это Мумм сказал, как бы поправляя:

— Или вы меня не поняли, или перевод сделан не точно, я не задаю вам вопроса, я лишь хочу информировать о будущем — как может сложиться обстановка.

В дальнейшем наша беседа, вернее, поучение нас Муммом, как надлежит вести политику, протекала мирно. Слушая его, мы избавлялись от ответов на могущие быть вопросы, а Мумм, в своем

величии полновластного владыки на Украине, видимо, наслаждался в своем превосходстве искусственного дипломата над нами, дилетантами.

Чувствуя, наконец, что красноречие Мумма подходит к концу, я, улучив небольшой перерыв, доложил, что все им высказанное будет сообщено Донскому атаману, а наша миссия по выполнении своих работ возвращается, лишь генерал Черячукин остается здесь, ему, мы надеемся, Его превосходительство не откажет и впредь в своем внимании.

Прощаясь с нами, Мумм сказал, что он в курсе о наших пожеланиях военного снаряжения, но дело это касается военного командования и украинского правительства. «Я знаю, — прибавил он, — что командующий германскими войсками также хочет повидать вас. И если вы не устали, то сегодня он может вас принять в 4 часа».

На что мы дали свое согласие.

В назначенный час мы прибыли с нашим прекрасным переводчиком к фельдмаршалу Эйхторну, командующему германскими войсками. Нас провели в его кабинет, где он сидел в глубоком кресле и курил сигару. Приподнявшись, он пожал нам руки, предложил расположиться в таких же удобных креслах и, взяв со стола коробку с сигарами, предложил желающим. Наш министр путей сообщения взял сигару, я попросил папиросу, остальные были некурящие.

Фельдмаршал, уже пожилой и несколько грузный, приветливо оглядев нас, с добродушной улыбкой выразил удовольствие видеть здесь нас двух, Черячукина и меня, в военной форме. Чувствовалось, что забыл, зачем хотел нас видеть и, видимо, не знал, о чем говорить. После небольшой паузы он заявил, что хорошо знает военные формы и особенно ему нравится русская.

— Вот сразу вижу, — сказал генерал, указывая на шаровары Черячукина, где был один широкий лампас, — что вы казак! Как жалко, что теперь изменение в ведении войны! То ли в былое время, на войну и в бой войска шли в парадных формах!

И он еще что-то говорил о прежних формах. Видимо, цель нашего пребывания в Киеве его менее всего интересовала, а вспомнить о былом было приятно. Во время его рассказа о былом в кабинет вошел высокий немецкий генерал, издали кивнул и сел в кресло. Увлеченный рассказами хозяин не сразу его заметил, закончив какую-то фразу и оглянувшись в его сторону, увидел и сказал: «А вот и мой начальник штаба, генерал Греннер». Тогда последний доложил:

— Это донская делегация, о которой я имел честь докладывать Вашему высокопревосходительству.

— А, да, да, вижу даже русские формы. В чем же у вас дело?

Я дал знак Черячукину, как мы условились, сделать доклад. Черячукин кратко, недлинными фразами, для облегчения переводчику, объяснил цель нашей миссии.

— Мне отлично известно о вашей борьбе, об этом генерал Греннер ежедневно мне докладывает; сперва у вас были заминки, а теперь с генералом Красновым ваши боевые дела пошли недурно.

— Совершенно верно, Ваше превосходительство, — вновь вступил Черячукин, — но сами знаете, что для ведения войны нужно оружие и снаряды, у нашего противника их много, а у нас на Дону не было складов.

На это Греннер, с разрешения своего шефа, сказал:

— Об этом мы уже уведомлены, и Его превосходительство может дать распоряжение здешнему правительству, но раньше у нас должна быть полная уверенность, что это оружие попадет в руки казаков.

— К кому же оно может попасть, как не к борющимся с большевиками? — ответил Черячукин.

— А у вас на Юге, в ваших же казачьих станицах, собирается Добровольческая армия, которая не хочет признать, что нами заключен мир с Россией, продолжает считать нас врагами.

Чтобы помочь Черячукину, я взял на себя ответить Греннеру:

— Добровольческая армия — это добровольно собравшиеся русские люди, которые так же, как и мы, ведут борьбу против большевиков, захватчиков власти нашей Родины. Очищая наши тылы в областях Северного Кавказа, они помогают нам; представьте себе, если бы у нас не было этой поддержки — выдержали бы мы? А если нет, то Дон вновь был бы захвачен красными и, вместо дружественного фронта, вам пришлось бы прикрывать его посылкой своих войск. Этим наша борьба оказывает и вам услугу.

— До некоторой степени вы правы, генерал, — сказал Греннер, — но добровольцы, мы отлично знаем, не любят нас, относятся к нам враждебно, и, если обстановка им будет благоприятствовать, немедленно организуется фронт против нас. Конечно, это будет не так страшно, но все же потребует сил — для отпора.

— Мы с вами, — с волнением выразил я, — старые офицеры Генштаба, а потому, откинув мысли о любви или ненависти, не играющие значительной роли, отдадим себе здравый отчет — какую опасность для вас может представить небольшая горсточка мужественных русских патриотов? Их главная цель — борьба не на жизнь, а на смерть с поработителями нашего Отечества! Они собираются и жертвуют жизнями! Таким людям, преданным Родине,

можно только сочувствовать. Будем искренни и в душе, каждый из нас отдаст должное в их стремлениях и подвигах. Наконец, Ваше превосходительство, я глубоко убежден, что если в таком же положении оказались бы германские подданные своего императора, то без сомнения поступили так же!

На мою с жаром сказанную тираду генерал Эйхторн как-то встретился, крикнул от удовольствия и сказал:

— Какие могут быть разговоры, все немцы пошли бы их бить!

Все улыбнулись, даже Греннер не удержался и уже мягче произнес:

— Вы ловко затронули за живое нашего начальника, который разберется в вашей просьбе и, полагаю, поможет вам.

Мы поблагодарили, и уже в более мягком прощании чувствовалось, что ледок недоброжелательства Греннера подтаял и препятствий передачи Дону оружия и снарядов не будет.

На следующий день, как я часто делал, зашел перед обедом к Скоропадскому, когда он делал прогулку по саду. Застал его гуляющим с В.В. Дашкевичем и двумя членами правительства, и, здороваясь со мной, он заявил:

— Bravo, поздравляю, сегодня утром виделся с Греннером, и он рассказал мне, как ты ловко поддел старика командующего! Добиться от нас, в общем благожелательно к вам настроенных, было не трудно, а сломать такой кремень, как Греннер, задача не из легких. Оставайся обедать, хочу выпить за успех.

За обедом гетман, выпив за успех и мое здоровье, выразил уверенность, что препятствия к выполнению нашей просьбы устранены.

* * *

После нашего визита у немецких властей выяснилось, что с этой стороны наши опасения о запрете в выдаче нам боевых запасов и снаряжения отпали, другими словами, главная цель, для выполнения которой мы были посланы, достигнута.

Собрав всю миссию, мы подробно обсудили достигнутые результаты и нашли, что задачи, нам поставленные Донским атаманом, выполнены: нужное нам снаряжение мы получим, железнодорожные вопросы обоюдным соглашением достигнуты, торговые дела и товарообмен налажены; вопрос о Таганрогском округе, всегда входившем, как и теперь, в Область Донскую, в настоящее время неактуален, а проезд желающих через Таганрог и Ростов, как и вообще выезд из Украины куда бы то ни было, никогда не был запрещен.

Поэтому мы можем возвращаться, предоставляя Черячукину, остающемуся здесь, закончить формальности.

(Как нам стало известно потом, в первый же месяц после нашего отъезда было отправлено на Дон: 11 600 винтовок, 88 пулеметов, 46 орудий, 109 тысяч артиллерийских снарядов, 11,5 миллиона патронов; около трети Красновым было передано Добровольческой армии.)

Наш «купец» порадовал нас, что им выхлопотано для каждого из нас по 10 кило сахара по казенной цене. Кроме того, желающие могли купить на базаре сколько угодно сахара, т. к. в нем был недостаток на Дону, где сахарных заводов не существовало.

У меня еще было приглашение на завтра русского общественного деятеля с просьбой ко мне поделиться сведениями о событиях на Дону и обменяться мнениями. Затем остается попрощаться с гетманом.

Поэтому я предложил нашим членам закончить в два дня свои дела, чтобы на третий мы могли выехать, прося нашего путейского «министра» распорядиться прицепкой нашего вагона к отходящему поезду.

* * *

Память мне не сохранила имени хлопотливого хозяина, пригласившего на собрание; когда я приехал в его небольшую квартиру, там уже было немало собравшихся; слышались голоса спорящих: одни обвиняли политику гетмана, другие находили, что ничего другого он сделать не может, большинство спорили горячо.

Меня обступили знакомые и незнакомые, узнав, что я приехал с Дена, засыпали вопросами. К счастью, хозяин дома пришел мне на помощь и просил, как я обещал, ознакомить с положением на Дону и Добровольческой армии. Собралось до 40 человек, и среди них я увидел бывшего конногвардейца барона П.Н. Врангеля, способного и храброго офицера, с которым не раз встречался в его полку, где он носил название Пипер, и в застольных красноречивых тостах он соревновался со своим однополчанином Бискупским.

Увидев меня, Врангель подошел с вопросом: «А, и ты сюда пробрался, да еще в военной форме?»

Я ответил, что рад его видеть, на Дону с декабря и по просьбе хозяина поделюсь своими сведениями, к чему и приступаю.

Вкратце я поведал о своем приезде в Новочеркасск, свидании с Алексеевым, Корниловым и бывшими «быховскими узниками», об участии в восстании с казаками против большевиков, а также о доблестном походе Добровольческой армии на Кубань.

Хозяин и слушатели поблагодарили за доклад, но пришлось отвечать на массу задаваемых вопросов, в том числе, что мне удалось выполнить из поручений, данных мне Красновым.

— Все это интересно, что ты рассказал, — вдруг резко обратился ко мне Врангель, — но однобоко освещаешь обстановку — много о казаках и вскользь о добровольцах, между тем они стоят на правильном пути спасения России, а Краснов с казаками пошел на поклон немцам.

Упрек, в резкой форме брошенный мне, меня удивил. Я ответил, что меня никак нельзя обвинить в пренебрежении к Добровольческой армии, я одним из первых прибыл на зов Алексева, и лишь случай меня, неказака, толкнул на работу против красных с казаками, где пришлось быть действующим лицом, ясно, что о казаках могу больше рассказать, чем о славном походе добровольцев на Кубань, о котором повторил лишь то, что передали мне участники его. Работа Добровольческой армии мне близка, и я, находясь и здесь, веду пропаганду — всем идти на помощь добровольцам. На днях здесь я встретил князя А.Н. Долгорукова (вероятно, и ты его видел), советовал ему ехать в Доброармию и звать с собою на жертвенную борьбу, а не сидеть здесь, ища тепленьких местечек, а нам, бывшим военным, слоняющимся здесь, — стыдно. Ты обвиняешь Краснова, но он же ведет тяжелую войну, неся немалые потери, против красных, а его поклон немцам, в котором ты бросаешь упрек, был неизбежен, т. к. вести борьбу без боевого снаряжения, с голыми руками, против вооруженного противника — нельзя. Поэтому сложившаяся, помимо Краснова, обстановка потребовала пытаться достать нужное оружие на Украине, правда оккупированной немцами, но где имеются бывшие русские склады. Попытка эта усилиями моей миссии удается, и в ближайшее время мы получим оружие и Краснов сможет поделиться с добровольцами.

К сожалению, все мои доводы не удовлетворяли Врангеля, и он продолжал находить новые возражения. Одно время я сам собирался бросить ему упрек, что стыдно так поздно добираться сюда, где сидеть под защитой своего бывшего командира полка Скоропадского, которого, как сам высказал со злобой, и видеть теперь не хочет. Но я сдержался, замолчал и перестал отвечать.

Через некоторое время Врангель вновь обратился ко мне, сказав, что на днях повидал офицера, приехавшего из Ростова, который рассказал ему о недружелюбном отношении Дона и Краснова к добровольцам, вследствие чего Добровольческая армия принуждена покинуть донские станицы, где отдыхала и пополнялась, и уходит на юг.

Подобная информация, на которую ссылается Врангель, мне показалась весьма странной, и, стараясь себя сдерживать, сам задал вопрос:

— Могу лишь удивляться, какое значение могут иметь подобные бродячие осведомители, не справившись об их личности, и тебе просто надо было задать этому офицеру вопрос — почему он сам, находясь близ расположения добровольцев, предпочел вместо похода с армией уехать сюда? Не дезертирство ли это? И что стоят информации этих типов.

Решение Добровольческой армии двигаться на юг, согласно полученным мною на днях сведениям, есть следствие бывшего совещания в станице Манычской 15(28) мая 1918 года вождей Добровольческой армии Алексева и Деникина с Красновым; последний предлагал Доброармии двинуться на Царицын, для чего передавал в полное подчинение Деникину значительные силы казаков, а он сам продолжал вести борьбу на север и северо-восток области. Деникин находил нужным движение Доброармии на Кубань, для освобождения кубанских казаков и очистки тыла с юга. Таким образом, никто не принуждал уходить на юг, это было решение добровольческого командования.

Стратегическая задача, решавшаяся на манычском свидании, широко описана как участниками — Деникиным и Красновым, так и эмигрантскими и советскими писателями. Теперь, когда эти события составляют историческое прошлое, видно, что решение, принятое Деникиным, было ошибочным: мы на целый год завязли в районе Северного Кавказа и дали время на формирование Красной армии; мы потеряли Волжский фронт и с ним связь с уральскими и сибирскими очагами восстания и многое другое, что составляет предмет отдельного исследования.

Не знаю, убедил ли я Врангеля? Полагаю, что нет. Тут была предвзятость, с которой он обращался ко мне, она не давала ему спокойно и трезво вникнуть в мои объяснения. Мне трудно разгадать — откуда у него, старого приятеля, появилась злоба ко мне? Могу лишь предполагать, что тщеславие и желание всегда играть первую роль были причиной. Оно же, в более серьезном случае, видно в его отношениях с Деникиным. Несмотря на такое неприязненное чувство ко мне Врангеля, я должен признать в нем крупного и энергичного вождя Белого движения, которому история отдаст должное в его деятельности.

* * *

На следующий день я поехал проститься к Скоропадскому. Мы опять прогуливались по саду и высказывали добрые пожелания. Я напомнил ему наш первый разговор, во время которого я усомнился в

его уверенности о немецкой победе. Он вновь подтвердил, что в этом у него нет никакого сомнения.

— Ну, если так, то тебе остается лишь мудро провести свою политику, чтобы к развязке немцы возможно меньше наложили бы своих требований. Но всякому дальновидному правителю необходимо быть готовым и на другой конец, а именно — в случае победы союзников.

— Немцы принуждены будут очистить Украину, — ответил он, — а мы будем свободны.

— От этой напасти вы освободитесь, а что — как и сам раньше опасался — сможете противопоставить на бросивших на вас большевиков? К тому же и петлюровцы доставят немало заботы. Для этого нужна вооруженная сила, которой у вас нет. Я повидал и был приглашен на завтрак к весьма рассудительному вашему начальнику Генштаба Сливинскому, мы много беседовали, был там и генерал Головин, которого ты хорошо знаешь, нужно не очень рассчитывать на победу немцев, а, не теряя времени, сломить сопротивление немцев в нежелании дать вам разрешение в формировании вооруженной силы. Это нелегко, но раз необходимо, следует не останавливаться перед любыми мерами, дабы не остаться с пустыми руками. Обстановка для тебя — безоружного — может сложиться грозная, поэтому, лично полагаю, чтобы этого не случилось, можно идти, даже пригрозив о своем уходе в случае нежелания немцев уважить вашу просьбу. Ведь и им невесело усложнять свою обстановку во время войны.

К сожалению, чувствовалось, что Скоропадский не принимает моих предостережений, считая их запугиванием, и никогда не решится на риск лишиться своего гетманского положения при угрозе немцам у своего уходе. Вернувшись с прогулки, он приглашал остаться обедать у него, но у меня были еще дела, я поблагодарил и извинился. Мы дружески распрощались.

Выполнив задачу, поставленную атаманом Красновым, мы простились с гостеприимным Киевом. Жизнь в нем кипела ключом, население устраивалось как бы на мирном положении, большинство не отдавало себе отчета, что грозные события войны и революции могут коснуться и их. Мало чувствовалась та жертвенная борьба, которую по соседству ведут Добровольческая армия и донское казачество против большевиков; а боевые события на Западе, под гром орудий и бомб, далеко еще не кончились. Правительству вновь испеченной Украинской державы и большинству жителей не было дела до происходящего на Западе и Востоке, убаюканные порядком, поддерживаемым немецкими штыками, они считали, как дети, вышедшие из игры, что все происходящее в мире их не касается. Увы, события коснулись и

их, тяжело отозвались на киевлянах, коим пришлось пережить немало горя и бедствий.

Наш вагон был прицеплен к отходящему поезду, и мы покатали к себе, где кипела работа по борьбе с красными.

Поездка в Париж и Лондон

Вернувшись из Киева, я явился к Краснову, которому, в дополнение своих донесений, по мере работ миссии, сделал подробный словесный доклад. Атаман остался доволен нашей работой, сердечно благодарил и просил повторить его на общем заседании, под председательством его самого, Донскому правительству. По моей просьбе на доклад приглашены участники (кроме консула Карасева) нашей миссии, с правом дополнить мое сообщение.

В то же время тяжелые бои для освобождения края от захвативших власть большевиков продолжались. Добровольческая армия, двинувшись на юг, освободила Кубанскую область, и кубанское казачество влилось в нее.

В Донской армии наступление в северном направлении — на Воронеж шло довольно успешно, а в восточном — на Царицын встречало большое сопротивление, что объяснялось тем, что через железнодорожный узел Царицын у красных шла их связь с большевистскими частями, застрявшими в северных областях Кавказа, борьба с которыми Добровольческой армии задерживала последнюю в этих местах.

К осени 1918 года положение на Западном фронте мировой войны склонилось на сторону союзников. На Балканском полуострове Салоникский фронт союзников, включая две русские стрелковые бригады, успешным наступлением прорвал здесь фронт центральных держав и заставил болгар и Турцию выйти из борьбы. Соединенный англо-французский флот вошел в Черное море, и командование Добровольческой армии смогло установить свою связь с западными державами.

В порты Азовского моря 21 ноября через Мариуполь вошли французские и английские миноносцы. Чтобы показать им обстановку нашей борьбы, Краснов пригласил офицеров этих миноносцев в Новочеркасск и на меня возложил поехать за ними и сопровождать во время их пребывания.

Кроме посещения ими Ростова и Новочеркаска, где им были устроены торжественные встречи, Краснов со мною пригласил коман-

диров миноносцев — французского капитана Кошена и английского капитана Бонда, на двух автомобилях, проехать на фронт. В двухдневной поездке по уже покрытой снежком земле мы объездили Северный фронт, где накануне оказался большой успех и были взяты большие трофеи.

* * *

После победы союзников в Версале собрался конгресс победителей для выработки мирного договора.

Для защиты русских интересов от адмирала Колчака и Добровольческой армии были посланы в Париж бывший министр иностранных дел Сазонов, генерал Щербачев¹⁵³ и Головин. Атаман Краснов, с согласия Сазонова и в помощь по донским делам, командировал свою делегацию, возглавить которую при поездке в Париж просил меня.

В последних числах декабря 1918 года я с делегацией выехал и, после немалых мытарств как с визами, всякими разрешениями, так и с получением места на пароходах, лишь с частью делегации, в том числе адмиралом Бубновым¹⁵⁴, добрался до Парижа. Последний, сравнительно с прошлым, поразил меня своим серым видом, тяжелая война оказала свое влияние.

К сожалению, для нашего Отечества, в чем быстро можно было убедиться, интересы России были полностью скинуты со счета версальскими решителями судьбы Европы и всего мира.

В здании русского посольства в Париже, где нашим послом пока оставался Маклаков, собрался целый синклит прибывших сюда, лишенных своих мест наших бывших дипломатических представителей-послов, в том числе и Сазонова, которые под председательством бывшего главы Временного правительства, князя Львова, образовали Особое совещание для защиты русских интересов перед решателями мира в Версале.

Увы, никто их не выслушал и нигде их не принимали, хотя почтенное Особое совещание стучало во все двери и без конца писало: ноты, меморандумы, разъяснения и прочее о существовании России. Но это был голос вопиющего в пустыне. При кройке карты Европы забывал, что немалое место в мире занимает наше государство. Лишь многим существовавшим и не существовавшим государствам удавалось установить свои границы и урвать лакомые куски...

Русским весьма деятельным генеральным консулом в Лондоне стоял Ону, брат жены профессора генерала Головина. Ему пришла мысль познакомить английских парламентариев с обстановкой, при-

рившей в России, и борьбой, которую вели белые фронты. Уяснив себе происходящие на нашей Родине события, они могли побудить Ллойд-Джорджа оказать помощь русским белым фронтам. Парламентская комиссия по иностранным делам согласилась выслушать сообщение о создавшемся положении в России, и Головин был приглашен приехать в Лондон и сделать по этому вопросу доклад.

Получив приглашение, Головин приступил к составлению своего сообщения и пригласил меня помочь в его работе. Пришлось около двух недель собирать данные и составлять доклад, широко обнимающий и освещающий обстановку и события в России. В середине февраля Головин и я, а также адмирал Бубнов выехали в Лондон.

Недостаточно владея английским языком, Головину было невозможно сделать самому доклад, но наш военный агент в Лондоне генерал Ермолов, как в совершенстве владеющий английским языком, предложил свои услуги быть переводчиком. Вышло довольно удачно — после каждой фразы, сказанной Головиным по-русски, Ермолов тотчас произносил ее по-английски.

Для выслушания сообщения собралась комиссия по внешним делам, пришли и некоторые парламентарии из других комиссий, присутствовало не менее 40 человек. Доклад был выслушан с большим вниманием, видимо заинтересовав англичан, засыпавших вопросами и просьбами разъяснений.

Был ли результат от этого сообщения? Увы, полагаю — что никакого. С вниманием выслушали, наружно одобрили, а в результате позиция Ллойд-Джорджа осталась без изменения.

В Лондоне наш поверенный посольства Набоков, заменявший в это время посла, устроил обед, на который были приглашены и некоторые лица русской колонии. А после обеда Головин и я осведомили присутствующих о нашей борьбе в России. Нам пришлось отбыть еще две трапезы, устроенные русскими организациями, на которых, как полагается, следовали речи, тосты, пожелания, разъяснения и пр.

Вернувшись во Францию, в Париж, я застал только что добравшихся сюда членов моей делегации, застрявших в Константинополе, генерала Герасимова и члена Донского Круга Г. Карева. Я поставил их в курс создавшейся обстановки и выразил полную бесполезность пребывания здесь в то время, когда грозные события Гражданской войны призывали принять в ней участие, решил покинуть милую Францию и вернуться. А они оба решили оставаться в Париже; я передал им остающиеся деньги, оставив себе небольшой аванс на возвращение.

* * *

Проделав путь из России в Париж через Одессу, Константинополь, Грецию и Италию, выжидая в портах и пересаживаясь с парохода на пароход, что было сложно, медленно, томительно, с массой неудобств, теперь хотелось, когда в Европе война отгремела, сократить время переезда, обратно вернуться сушей. Как будто железнодорожное движение налаживалось, и даже должен был быть отправлен экспресс Париж—Константинополь. С трудом, через французское Министерство иностранных дел, удалось достать на него место.

Маршрут экспресса проходил через Австрию, Венгрию, Югославию и Болгарию, в нем, с большими удобствами в вагонах международного общества и вагоном-рестораном, я покатил, но в дороге судьба нам приготовила немало сюрпризов.

Проезжая урезанную со всех сторон Австрию, отделенную от Венгрии, получилось известие, что в последней власть захвачена небезызвестным коммунистом Белой Куном, поэтому нашему поезду указано было не проезжать Венгрию, а взять более кружной путь через югославский город Загреб (входивший ранее в Австро-Венгрию и носивший немецкое название Аграм).

Далее, не доезжая до Белграда, выяснилась новая неприятность и удлинение нашего пути, т. к. поезд наш не может пройти на Константинополь, вследствие повреждения и еще неисправленных, по окончании войны, мостов. Приходилось вновь менять маршрут, свернув на Румынию, и дойти лишь до Бухареста.

Прибыв в последний, мы покидали прекрасные вагоны экспресса, и нужно было искать дальнейшего способа добираться к себе. На вокзале я узнал, что единственный путь для возвращения — это взять редко ходящий теперь поезд в румынский порт Констанцу, где искать пароходов. Но в направлении на Россию — их нет, поэтому не миновать Константинополя.

Пока что поехал в гостиницу. Извозчик, как почти все извозчики в Бухаресте, оказался русским, из секты скопцов, переселившихся сюда полвека назад и не забывших родного языка.

В Румынии в это время еще продолжала находиться французская военная миссия, во главе которой состоял французский генерал Бертелло. Эта миссия прибыла в Румынию еще до революции в России для снабжения и обучения румынской армии необходимыми техническими средствами для ведения войны.

Румыния два года присматривалась — к какой стороне примкнуты. Но недальновидно не принимала никаких мер для подготовки своей

армии необходимой техникой. Видимо, выжидала выяснения — стать на ту сторону, где зрелый плод победы, без усилий с ее стороны, сам достанется ей. После Брусиловского прорыва выступила на русской стороне, но неподготовленная во всех отношениях румынская армия принуждена была отступить. Посыпались просьбы к России о помощи. После русской революции и выхода из войны России Румыния принуждена была заключить мир с Германией.

Перед войной, в 1913 году, у генерала Бертелло состоял в депутации генерал Жоффра, когда последний приезжал на маневры в Россию, при которой состоял и я, а потому, узнав о моем приезде, пригласил к себе на завтрак.

На завтраке присутствовали офицеры его миссии в Румынии. Он был, как и многие, упоен победой. Ранее заискивание в отношении к нам, русским военным, в коих видели своих действительных спасителей, сменилось, и теперь сквозило как бы свое превосходство, хотя и прикрытое французской любезностью и добродушием самого генерала.

Я затронул вопрос относительно помощи Добровольческой армии из военных запасов, оставшихся здесь.

Бертелло довольно пространно объяснил мне, что еще до их победного конца, во время оккупации немцами Украины, удалось снабдить оружием отряд полковника Дроздовского, но это, конечно, капля в море. После ухода немцев стало легче. Приезжал сюда от Деникина генерал Эрдоли, но румыны отказались что-либо отдавать, считая все запасы своими, тогда как все находящиеся здесь склады оружия были, как и снаряды, русскими.

— Румыния теперь вас не любит, — прибавил Бертелло. — Они говорят: русские втянули нас в войну, а потом с революцией бросили! Вы, как и я, знаем, что это неверно... Скажу к тому же, да ведь они и не победили, а заключили мир с немцами, поставив меня с миссией в затруднительное положение. А теперь сидят в Версале как победители!

После завтрака, когда я, прощаясь, благодарил за прием, Бертелло спросил, чем он может быть мне полезным?

Я ответил просьбой: не может ли он помочь мне добраться до Новороссийска?

— Единственный путь вам лежит через Констанцу, откуда нерегулярно ходят пароходы в Константинополь. Из последнего, также нерегулярно, французские транспортные суда ходят в Новороссийск. Я распорядюсь, чтобы вам дали место и отвели купе в поезде, идущем несколько раз в неделю в Констанцу, т. к. поезда переполнены и ва-

гоны в ужасном виде. Затем дам вам письмо в штаб верховного французского представителя в Константинополь, для устройства вас на ближайший пароход, идущий в Новороссийск.

Я поблагодарил, и мы дружески простились. Но все же, узнав о моем отъезде из Бухареста, Бертелло лично заехал на французском автомобиле за мной в гостиницу и повез с моим багажом на станцию, объяснив:

— Не особенно доверяю румынам, что они выполняют мою просьбу по устройству вас в поезд, а потому хочу вас проводить.

На вокзале его встретил начальник станции, и все было устроено. Все вагоны поезда были в ужасном виде, не было почти ни одного целого стекла в окнах, места брались, что называется, с бою. Я был рад, что благодаря любезности Бертелло был избавлен от этой неприятности.

В Констанце пришлось прождать более суток отходящего парохода в Константинополь. В последнем благодаря письму Бертелло я был устроен на большой французский пароход, уходивший со снаряжением для Добровольческой армии в Новороссийск. Моя заграничная командировка была закончена.

Вернувшись в Новочеркасск, я застал свою семью в тревоге, не имея никаких сведений обо мне. За время моей поездки моя жена перенесла в тяжелой форме сыпной тиф, который свирепствовал во время Гражданской войны на Юге России. Лечивший жену доктор, горничная жены, ухаживавшая сестра милосердия скончались от этой ужасной болезни.

На Дону, где в это время шли тяжелые бои с красными, я не стал Краснова. Он сдал должность вновь избранному Донским атаманом генералу А.П. Богаевскому, с которым, до мировой войны, я служил по Генеральному штабу в Петербургском военном округе.

Сделав подробный доклад о своей командировке, как лично атаману Богаевскому, так и Донскому правительству, я вновь вошел в число участников белой борьбы с красными.

За рубежом

Положение в нашем Отечестве, после Октябрьской революции, понудило сотни тысяч людей всякими способами покинуть Родину и бежать за границу. Неудачи же белых фронтов, ставших на защиту Отечества от захватчиков власти, вынудили эвакуацию Белой армии после трех лет неравной борьбы. Находясь на Южном фронте, при-

шло и мне с женой и малолетним сыном 20 февраля 1920 года выехать из Новороссийска на пароходе «Константин». После всяческих мытарств — стоянки на рейде в Босфорском проливе, вынужденного принятия душа на островах Принкипо — мы прибыли в Салоники, откуда были доставлены в Белград.

Увы, обстановка, которая нас приняла за границей, была безотрадней. В то время еще отсутствовала какая-либо организация по защите прав и интересов беженцев, как и не существовало домов для престарелых. Кто смог захватить с собой какие-либо ценности, распродавали их за бесценок. Более молодые, сохранившие свое здоровье, поступали на какую-либо работу, главным образом рабочих. В лучшем положении были специалисты и техники.

Старики и инвалиды были в особо отчаянном положении.

Отсутствие Отечества и его консульской защиты делало беженцев бесправными. «Права человека» их не касались. Победители эгоистически замкнулись в своих интересах, забыв о России, которая кровавыми боями шла за общее дело, спасая и выручая их в критические дни войны.

Большинство стран отказывали в выдаче въездных виз. Получить их можно было исключительно по протекции влиятельных лиц.

Пробыв около трех лет в Югославии, мне удалось с семьей довольно неудачно перебраться в Германию, где началось «спартаковское движение», появились пропагандисты большевизма; все показывало о возможной перспективе после тяжелого поражения последовать примеру несчастной нашей России. Приходилось выбираться отсюда. А судьба мне в этом посодействовала.

Невыполнение немцами каких-то обязательств по Версальскому мирному договору повлекло французское правительство Пуанкарэ оккупировать пограничный Рурский район французскими и бельгийскими войсками. В противодействие этому, немцы сняли персонал с железных дорог этого района. Получился паралич транспорта и передвижения. Но немедленно командированная часть служащих с французских и бельгийских железных дорог, хотя и не полностью, все же справились с этим саботажем в оккупированном Рурском районе.

На работу железных дорог были приняты и добровольцы, а также, со значительными урезанными условиями, были приняты до сотни русских.

Около полутора лет (в 1923—1924 годах) мне удалось проработать здесь, а сын начал свое учение во французском лицее, который заботливо был открыт в Висбадене на время оккупации.

Но к осени 1924 года в Париже правительство Пуанкарэ было заменено правительством Эрио, с решением которого кончилась оккупация Рурского района и возвращение служащих. Нам, временно принятым на работу, уплачивали лишний месяц и предоставляли даровой проезд с семьей и багажом до любого места во Франции.

Здесь же произошел комический эпизод беженского существования. Среди русских, поступивших на работу, большинство были из лиц, не имевших ранее своего пребывания во Франции, когда они обратились к здешнему французскому консулу с просьбой о визе, то последний в этом категорически отказал.

Получилась неувязка у властей одного государства: французские власти по железнодорожному ведомству дают даровой проезд в любой пункт во Франции, а те же власти по дипломатическому ведомству не дают права въезда в их страну!.

Понадобились бесконечные хлопоты для урегулирования этого, так сказать, государственного разнобоя.

Перебравшись в Париж, я поступил на службу в банк «Националь де кредит», а сын продолжал свои занятия в лицее. Науки ему давались легко, и он преуспевал и при переходе из класса в следующий получал призы в *mathes*, но здоровье его оказалось, после перенесенной скарлатины, в опасном положении. По требованию докторов летом 1926 года я с семьей перебрался в Ниццу, куда я перевелся в отделение того же банка.

Здесь, на французской Ривьере, мне пришлось надолго обосноваться; кроме моей службы в банке — для заработка, мне пришлось заняться и общественной работой — для помощи ближнему, ибо полное отсутствие в то время каких-либо органов помощи беженцам требовало за них бесконечных хлопот и, главное, сбора благотворительных средств на вопиющую нужду, испытываемую многими русскими беженцами.

Мне пришлось принять на себя председательство здесь по Общественному союзу и Союзу бывших офицеров — участников войны 1914—1920 годов. А в 1930 году генерал Хабаев⁴⁵⁵, председатель Союза инвалидов во Франции, предложил мне организовать в Ницце отдел инвалидного Союза и оборудовать дом на 25 человек, где лицам с поврежденным по состоянию здоровья работоспособности инвалидам было бы предоставлено полное содержание — кров, довольствие и по возможности одежда. На первоначальное обзаведение небольшую сумму выхлопала Е.В. Половцова от монахской принцессы Шарлотты, но дальнейшее обеспечение средствами на содержание дома от благотворительности ложилось на меня.

Задача была не из легких, но судьбе угодно было помочь мне.

Понимая, что добыть средства из своей же беженской среды далеко не достаточно, мне пришлось проделать тяжелую и хлопотливую работу и привлечь, как почетных гостей, на устраиваемые мною в фешенебельных отелях благотворительные вечера высших военных и гражданских властей, начиная с префекта, мэра, начальника гарнизона, а также иностранных консулов. Как ни странно, не так вокальная сторона вечера, а эта почетная элита привлекала как высшую, так и денежную, да и просто любопытную, а быть может, и тщеславную и зараженную снобизмом публику. Мне помогала жена, хорошо владевшая языками, чтобы занимать на почетном столе весь интернационал собравшихся.

В течение 16 лет я находился во главе этого дела, проделал нелегкую работу по сбору средств на содержание 25 инвалидов в доме и на выдачу нуждающимся членам подведомственных мне организаций пособий.

В 1945 году французское правительство организовало старческие дома для малоимущих стариков, в том числе и наши инвалиды, призреваемые в нашем инвалидном доме, сперва получили средства на содержание, а затем были переселены в город Грасс в старческий дом.

Этими мерами моя главная забота отходила, и я считал, что могу работу по инвалидным делам передать более молодым силам, т. к. моя нервная система расшаталась от долговременной напряженной работы по добыче средств.

Моим заместителем, коим работа была сильно облегчена, а дорогостоящее содержание инвалидов в бывшем доме отпадало, унаследованное оборудованное и меблированное помещение при умелом использовании могло приносить доход от сдачи в наем комнат. Расположение дома близ нашего собора, в центре жительства русских, было удобным для собраний русской колонии.

К сожалению, постоянная смена руководителей Ницкого инвалидного отдела не выявила лица, кто бы жертвенно взялся за работу, и особенно по сбору денег. Возглавители собирались раз в месяц — поговорить и закусить. Вся работа лежала на секретаре, он же заведующий домом, фактически единственном бессменном работнике, заваленном перепиской, починками и сбором денег за сдачу комнат.

Административные расходы, в том числе широкая трата на такси и прочее, возросли, а сбор средств был незначительный (производился исключительно секретарем, председатель, на которого, согласно Уставу, ложилась обязанность по сбору средств, к этому делу не прикасался), стало не хватать на лекарства и на помощь особо нуждаю-

щимся инвалидам, и для пополнения кассы приступили к разбазариванию библиотеки. Последняя достигала до 4 тысяч томов, была любовно собираема, еще когда приходилось полностью содержать 25 инвалидов, теперь, когда этот расход отпал, под предлогом продажи двойников, не стесняясь постановления Общего собрания, широко были пущены в продажу лучшие и ценные экземпляры. Видимо, книги и вообще печатное дело и редкие издания были не в фаворе. К тому же последовало распоряжение председателя — в спешном порядке вынести из приспособленной для этого комнаты наше книгохранилище и разместить всю библиотеку в 4—5 местах. Эта необдуманная мера потребовала расход на покупку шкафов и значительно усложнила работу по выдаче книг для чтения. Стоящий наблюдающим за библиотекой культурный полковник Булгаков, больше года работавший по составлению каталога, заявил протест в письменной форме, подписанный и другими, но брошенный председателем в сорный ящик. В. Булгаков сложил свои библиотечные обязанности, что послужило к полной безудержной распродаже книг, отсылаемых в Америку, где на русские книги был спрос.

Все это было грустно, но стало слышно о вынужденном уходе председателя; будем надеяться, что новый председатель приложит больше труда, внимания и сердца в дело помощи Ниццкому отделу инвалидов.

Работая много лет с центром инвалидного дела в Париже — как Центральным, так и Главным правлением, — считаю долгом отметить в моих записках ту тяжелую работу, которую несут работники центра на инвалидной ниве, прилагая сердце, необходимое в этом благотворительном деле.

Неумолимое время перемалывает все на своем пути, а нужда заставляет приспособляться; не получая помощи, сама эмиграция начала создавать самопомощь. Появились профессиональные и ряд благотворительных организаций, в том числе и мною упомянутая.

Наконец на наше исключительно бесподданное положение обратила внимание царствовавшая в то время Лига Наций в Женеве и создала пост высокого комиссара по беженским делам, выдвинув на него норвежского исследователя заполярных областей Нансена. Усилиями последнего были установлены для нас особые паспорта, получившие название нансеновских.

Но вот грянула Вторая мировая война, в результате которой огромная волна беженства, но уже не только россиян, а многих стран, наводнила западную часть Европы, к тому же миллионные массы бывших пленных далеко не сразу могли найти путь к возвращению, а многие из них стремились избежать возвращения.

Тут уже трудно было отмахнуться, как сделал Ллойд-Джорж в отношении к нам, россиянам. Европа, как муравейник, была переполнена так называемыми перемещенными, образовавшимися к тому же и от новой перекройки карты, а также бегущими из своих стран, ставших коммунистическими, вследствие попустительства западных победителей, не осмелившихся возражать на требования своего восточного победного партнера.

На этот раз многим странам пришлось прийти на помощь волне беженцев и перемещенных, для принятия этой волны с выдачей виз и права на работу.

Королевские дома, иногда связанные политикой своих правительств или по другим причинам, не выявили желания войти в положение и помочь своим близким по крови членам русской Императорской Семьи.

Императрице Марии Федоровне, родной сестре вдовствующей английской Королевы, правительство Ллойд-Джоржа сообщило, что скромную помощь оно может оказать при желании Ее Величества поселиться в указанном месте в самой Англии. Странное предложение сестре их Королевы! Императрица отказалась от «великодушно-гостеприимства» и предпочла Копенгагену родных Датского королевского дома. Здесь имелся дворец, построенный еще Императором Александром III, на время посещения его супруги своих родственников. Содержание дворца обходилось дорого, пришлось передать его датскому правительству, а Императрице поселиться в обмен на скромное помещение. В 1928 году на 82-м году жизни Ее Величество в бозе почил в Копенгагене и временно погребена в королевской усыпальнице.

Великая Княгиня Ольга Александровна со своим супругом, моим однопочанином Н.А. Куликовским, также поселилась в Дании; последний работал на арендованном участке. У Великой Княгини родились два сына — Тихон и Гурий Николаевичи, которые окончили свое образование и отбыли воинскую повинность в Дании. После Второй мировой войны Великая Княгиня со своей семьей переехала в Канаду, где 11 августа 1958 года потеряла скончавшимся своего супруга; любвеобильному сердцу Великой Княгини Ольги Александровны пришлось переживать эту тяжелую для нее утрату после многих совместных супружеских лет жизни. В 1961 году в бозе почил редкой доброты и скромности Великая Княгиня Ольга Александровна.

Супруга Великого Князя Михаила Александровича, зверски убитого в Перми, Наталья Сергеевна, княгиня Брасова, с сыном Георгием Михайловичем, пробравшись в Париж, начала хлопоты о наследовании

некоторых земельных угодий в областях, отошедших к Польше, принадлежавших убитому Великому Князю Михаилу Александровичу. Но многолетние хлопоты оказались тщетными. Польское правительство отказало вдове и сыну даже частично вернуть законным наследникам личное имущество Великого Князя. Судьба оказалась весьма жестокой к морганатической супруге Великого Князя: вскорости ее сын погиб от несчастного случая; продав последние драгоценности, бывшие при ней, пришлось вести весьма скромную жизнь и умереть в Париже в полной нищете.

С одной стороны, изобретения по всем отраслям науки широко прогрессировали, что повышало жизненный уровень, а с другой — все эти достижения омрачались агрессивностью коммунистических владык, и угроза страшной атомной войны стояла перед всеми руководителями народов. Вспышка последней, казалось, могла бы возникнуть даже помимо обеих сторон, от непредвиденной случайности. Для выхода из этого нервного состояния неоднократно собирались «на верхах» и менее высоких собраниях бесконечные конференции по разного вида делам, в том числе и по разоружению, употреблению атомного оружия и т. д. Но все заседания государственных вельмож после долгих переговоров и нескончаемых споров встречали полное несогласие коммунистических владык. Отчего напряженность мирового, политического положения лишь повышалась.

Все это ненормальное, тревожное положение (сидим как на пороховой бочке) не могло бы существовать и не было бы той нервности, которую теперь переживает весь мир, если бы решители мировых вопросов, особенно после первой войны, подумали бы не только о своих личных в ту минуту выгодах, а помогли бы национальным силам России справиться с коммунистической властью, что тогда было нетрудно.

Увы, судьба России не интересовала западных государственных деятелей, а ее кровавая помощь — забыта.

Близорукость их политики упустила исторический факт — превращение маленького славянского княжества в могущественную империю, что было достигнуто нелегкой борьбой, в течение веков, отразив ползновения на него как с запада — шведов, тевтонов и поляков, так с юга — турок и с востока — монголов и татар. Все это оградило Европу, а России стоило три века тяжкого ига, но «сковало» величайшее государство.

Надо было не пренебречь мощью, которая таилась в России, а вырвать от захвативших ее чуждых по духу коммунистических властей, чтобы последние, пользуясь мощью страны, не могли бы потрясти существование человечества.

Об этом государственные деятели не думали, они замкнулись в личных интересах своих стран.

Американский президент Вильсон жертвенно и кровью помог Европе, но, умыв руки, отъезжал, не желая вмешиваться в здешние дела. Англия добилась уничтожения Германии, конкурента в мировой торговле, догонявшей «владычицу морей»! Русская революция давала успокоение, и отпадала угроза, бывшая в воображении англичан, о захвате Индии. Недаром вместо помощи они устремились в наши среднеазиатские владения.

Возрожденная Польша в войне с Советами получила помощь от генерала Врангеля, выдвинувшегося в Таврию с тяжелыми боями. А Пилсудский бросил помогавшего Врангеля, заключил с Советами мирный договор, радуясь, что Россию будут терзать большевики. Время быстро показало узость его политического мышления. Франция Клемансо ошибочно решила, что новая Польша заменит ей старую союзницу Россию, так жертвенно помогавшую в войне 1914—1917 годов.

Но результаты всех недалёководностей вскоре сказались. Это мы не только видим, но и пережили в ужасах Второй мировой войны, которой не было бы при существовании национальной России. Не было бы и того напряженного положения, которое в настоящее время переживает весь мир.

К чему все это приведет? Загадывать трудно!

Но будем верить в силу и разум русского народа, что Россия переживет и этот тяжелый исторический этап своего существования. А наше обновленное Отечество вновь станет великим, национальным государством, а с этим весь мир приобретет покой, для спокойной жизни человечества.

Н. Озеров⁴⁵⁶

ЛЕЙБ-ДРАГУНЫ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ⁴⁵⁷

Разум и сердце не могут допустить, что все погибло безвозвратно и навсегда. Глубоко верится, что вновь воскреснет Великая Россия под скипетром Русского Императора. Вдохнет свободной грудью родная страна и быстро начнет восстанавливать свои силы. Воскреснет и былая Императорская гвардия, и лейб-гвардии Драгунский полк⁴⁵⁸ станет вновь могучим оплотом, честно неся службу за Веру, Царя и Отечество. Разве в этом не порука минувшая Гражданская война и упорство зарубежных лейб-драгун, несущих терпеливо тяжелую долю изгнания? Ведь это не-

примиримые, тесно спаянные старыми заветами и традициями кадры, вокруг которых, прикоснувшихся к родной земле, соберется та ратная сила, которая с другими русскими патриотами могучим ударом растопчет иудейскую пентаграмму и даст возможность русскому народу вернуться к своему исконному началу. И в особенности своими заслуженными страданиями России лейб-драгуны займут в рядах Императорской гвардии свое прежнее почетное место.

С душевной тоской следим мы за ужасной судьбой нашего дорогого Отечества. Но пройдет кошмар последней смуты. Вернутся родной уют и быт, а с ними и все то, что было недавно так дорого и незабываемо. Среди дружеских бесед будут слушать молодые драгуны страшную быль о героических днях Великой войны, об ужасах междоусобия и ига красных тиранов, о жизни за рубежом... и преклонять свою голову перед этим святым и дорогим для нас прошлым, в котором мы и теперь черпаем наши силы и веру, а с ними уверенность, что смилуется Господь над Россией и пошлет ей прощение, а с ним и милость жить под высокой рукой Русского Царя, а нам, драгунам, радость и честь вновь служить в рядах Царской гвардии. Поэтому можно и должно записывать все то, что каждый из нас, драгун, пережил и видел воочию с 1914 года... Постараюсь и я, по мере сил, описать «кусочки жизни полка в Великую войну и в Добровольческой армии», пробежавшие перед моими глазами. Нелегкая это теперь задача, прошло уже восемь лет после прекращения борьбы на Юге России, не сохранилось у меня ни одной записи и многое уже забыто.

В конце 1918 года мы с братом, корнетом Озеровым 2-м⁴⁵⁹, находились в составе роты Особого назначения Сводно-гвардейского пехотного полка, расположенной вблизи города Ялты, в Ореанде. Хотя фронт продвинулся уже довольно далеко, на север от города Мелитополя, но в южной части Крыма было неспокойно. Много вооруженных коммунистов укрывались в горах, и при их содействии можно было ожидать выступлений и местных. В это время Лица Императорской Фамилии находились: Государыня Императрица Мария Федоровна в Ай-Тодоре, во дворце у Великого Князя Александра Михайловича; Великий Князь Николай Николаевич и другие Великие Князья жили в районе Дюльбера, в котором нес охрану офицерский отряд Особого назначения. В составе последнего был и наш ротмистр Александровский⁴⁶⁰.

В обязанности роты Особого назначения входило нести караульную службу в городе Ялте, высылать патрули в сторону Ялты и Дюльбера,

а в случае нападения коммунистов на один из этих пунктов немедленно выступить на усиление отрядов, несших охрану. Жизнь тянулась однообразно, было много нарядов. Коммунисты, пользуясь горной и лесистой местностью, часто устраивали засады, обстреливали патрули, а иногда даже и нашу казарму.

Мы все с нетерпением ожидали отправки на фронт. Уже в Северной Таврии формировались эскадроны полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Наш старый командир, свиты Его Величества, генерал-майор граф Нирод⁴⁶¹, к которому мы иногда заходили в Симеиз, давно уже вел переписку с полковником Римским-Корсаковым относительно формирования в Добровольческой армии эскадрона лейб-драгун. Римский, командовавший в Крыму пограничной стражей, ожидал приказа об освобождении от занимаемой должности, чтобы взяться за формирование нашего эскадрона.

Проходят праздники Рождества Христова и Нового года, и, наконец, мы получаем приказ: полуроте роты Особого назначения 5 января 1919 года грузиться на пароход, для отправки в город Феодосию и дальше в Мелитополь, на фронт, на пополнение Сводно-гвардейского пехотного полка.

В Мелитополе командующий войсками Таврии генерал-лейтенант Шиллинг временно прикомандировывает меня к эскадрону Кавалергардского полка, а корнета Озерова 2-го, как юриста, назначает в помощь полковнику лейб-гвардии Измайловского полка Матвееву⁴⁶², который заведовал гражданской частью управления Северной Таврии.

Недолго пришлось мне пробыть в кавалергардском эскадроне, в колонии Эйгенфельд. Приехавший в город Мелитополь в двадцатых числах января полковник Римский-Корсаков вызывает меня по телефону. После радостной встречи и затянувшейся далеко за полночь беседы, рассказов о том, что пережито каждым из нас после большевистского переворота, планов на будущее и обсуждения различных возможностей скорейшего возрождения родного полка на следующий день получаем приказание: корнету Озерову 2-му оставаться пока при штабе, а мне ехать в район Пришибской волости, в распоряжение полковника Ковалинского, начальника самообороны немцев-колонистов этого района и командира дивизиона, в который входили пеший эскадрон улан Его Величества, такой же эскадрон конногренадер и два орудия гвардейской конной артиллерии. Здесь я до прибытия полковника Римского-Корсакова должен был собрать возможно большее число добровольцев. Драгунам разрешено было формироваться при Сводно-гвардейском пехотном полку в качестве команды разведчиков этого полка.

Положение на фронте, в Пришибском районе, в это время представлялось следующим: на линии железной дороги Мелитополь—Александровск узловая станция Феодоровка и станция Пришиб были заняты отрядом гвардейской пехоты. От станции Пришиб и далее на восток участок в 50 верст до села Большой Токмак занимали отдельные отряды самообороны немцев-колонистов под командой строевых офицеров и под общим начальством полковника Ковалинского, штаб которого находился в селе Пришиб. Здесь же был и резерв этого участка — формирующиеся пешие эскадроны: улан Его Величества, конногренадер и два орудия конной артиллерии. Станция Большой Токмак на линии железной дороги Феодоровка—Пологи и далее участки на восток оборонялись частями Сводно-гвардейского пехотного полка, штаб которого стоял в районе Верхнего Токмака. На всем фронте шли упорные бои с превосходящими силами противника. Самооборона колонистов вела успешную борьбу с красными до тех пор, пока последние представляли собой малоорганизованные части, почти банды, но теперь, когда стали появляться у неприятеля дисциплинированные, обученные, стойкие полки, снабженные и артиллерией, немцы-колонисты не выдерживали часто сильного артиллерийского огня и повторных атак противника, начали ступать красным одну позицию за другой.

Полковник Ковалинский не разрешает мне набирать добровольцев в Пришибе, так как здесь расположены его части, а дает мне район по правому берегу реки Молочной, где имеется ряд крупных колоний и русских сел. Начальник района также предупреждает меня, что в случае тревоги — нового наступления красных — вызовет меня по телефону для исполнения при нем обязанностей полевого адъютанта.

Гальбштадт находится в двух верстах на восток от Пришиба и отделен от последнего рекой Молочною. Это громадная менонитская колония, даже скорее маленький городок; много каменных двухэтажных домов, есть гимназия и несколько заводов. Менониты, по своим религиозным убеждениям, не могут служить на военной службе, и наше старое правительство освобождало их от зачисления в строевые части, назначая в санитарные отряды, обозы и другие нестроевые команды; поэтому я весьма боялся, что моя миссия не будет здесь успешной. Немцы встречают меня радушно; скоро с радостью узнаю, что по сложившимся обстоятельствам и менониты вынуждены теперь взяться за оружие для защиты родных очагов от нашествия красных тиранов. Они охотно поступают в наши воинские части и доблестно дерутся с войсками Третьего интернационала. В первые же три дня моего пребывания в этой колонии явилось семь драгун-добровольцев. Затем красные переходят в наступление, и после нескольких суток

упорных боев, в которых и я принимал участие, удается отбросить неприятеля и восстановить прежнюю линию фронта.

Эти бои ясно показали, что нашим слабым отрядам невозможно будет удержаться в Северной Таврии и даже помешать дальнейшему продвижению к Крыму противника, увеличившего свои силы новыми полками, прибывшими из центра России.

Наступает некоторое затишье, и я, возвратившись в колонию Гальбштадт, продолжаю готовить формирование эскадрона, веду с поступающими драгунами строевые занятия.

В первой половине февраля приезжает полковник Римский-Корсаков, затем постепенно съезжаются штабс-ротмистры Левицкий⁴⁶³, Бок⁴⁶⁴, Зеленой⁴⁶⁵, Коптев⁴⁶⁶. Прикомандировывают к эскадрону сотника Гевлича⁴⁶⁷, лет двадцать тому назад служившего в полку, с младшим сыном старшим унтер-офицером из вольноопределяющихся⁴⁶⁸, поручика артиллерии Зеленого⁴⁶⁹, брата штабс-ротмистра, корнета Гаусмана — двоюродного брата штабс-ротмистра Дитца, вольноопределяющегося графа Толстого⁴⁷⁰. Скоро у нас уже в эскадроне 60 драгун-добровольцев.

Из обоза Сводно-гвардейского полка удалось достать винтовки, патроны, две повозки, кухню. Разрешено также произвести конскую мобилизацию в Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостях. Получаем 80 прекрасных лошадей, большинство которых служили впоследствии в строю два года, вплоть до последней Крымской эвакуации, прошли громадные пространства Юга России и не раз выгручали драгун в трудные минуты боя. При следующих мобилизациях лошадей мы уже ни разу не получали такого прекрасного конского состава.

Очень плохо обстояло у нас дело с седлами и обмундированием, которых в интендантстве нельзя было достать. Выдали нам лишь фуражки, кокарды, и местные портные сшили погоны, которые наши драгуны на их крестьянскую одежду. Седла пришлось реквизировать у местного населения. Эти так называемые пахотные седла употреблялись колонистами при вспашке полей и были крайне неудобны для всадника и для коня. Вследствие этого после больших переходов в эскадроне всегда было много набитых лошадей. За все время нашего существования в Добровольческой армии интендантство выдало нам не больше двадцати седел, а раздобывали их драгуны в боях, при столкновениях с красной конницей и постепенно заменяли ими пахотные. Корнету Озерову 2-му удалось получить для нас некоторое количество револьверов, офицерских и солдатских шашек, сданных населением в управление Северной Таврии.

Каждый день можно было ожидать, что обстановка на фронте потребует участия в боях и драгун. Необходимо было возможно скорее под-

готовить к этому эскадрон. С раннего утра шли усиленные занятия, обучение строю, верховой езде, стрельбе и уставам. Кадровых унтер-офицеров кавалерии у нас еще не имелось, и их обязанности исполняли офицеры. В промежутках между занятиями далеко разносилась дружная песня драгун: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую...» Вечером при караульном помещении располагалась дежурная часть эскадрона, которая выставляла от себя посты на северной окраине колонии.

Во второй половине февраля красные вновь перешли в энергичное наступление по всему фронту и захватили Большой Токмак, громадное село с двадцатитысячным населением, растянувшееся на семь верст с запада на северо-восток, где подходит к нему железная дорога Мелитополь—Пологи.

Часов в восемь вечера, по получении известия о переходе этого пункта к противнику, от драгун были высланы два разезда: один — старшего унтер-офицера Гевлича, в пять коней, к западной части Большого Токмака, а другой — в 15 коней, под моей командой, пошел вдоль полотна железной дороги к станции Большой Токмак для связи с гвардейскою пехотой. Это был день первого боя части драгунского эскадрона с красными в Добровольческой армии.

Мой разезд движется прекрасно, видно, что драгуны, несмотря на короткий срок обучения, хорошо усвоили технику движения разездов. Одновременно с нами подходит к станции и наш бронепоезд. Начальник отряда рассказывает мне обстановку и просит выставить для наблюдения за флангами участка два конных поста: один с южной, а другой с северной стороны станции.

Красные вновь атакуют станцию, но дружным огнем гвардейской пехоты, спешенных драгун, орудий и пулеметов бронепоезда атака отбита, и противник понес большие потери. Вскоре после прекращения боя из штаба приходит приказание: роте, оборонявшей станцию Большой Токмак, присоединиться к первым двум батальонам Сводно-гвардейского полка и с ними отходить в направлении на город Бердянск; эскадрону лейб-драгун, отряду полковника Ковалинского и 3-му батальону Сводно-гвардейского полка, занимавшему станцию Пришиб, — всем отходить через город Мелитополь в Крым.

В час ночи пехота и бронепоезд оставляют станцию и направляются на восток. Мой разезд идет на юг, возвращается в колонию Гальбштадт. За мое отсутствие старший унтер-офицер Гевлич с пятью драгунами проник в западную часть Большого Токмака и привез ценные сведения о противнике.

В шесть часов утра красные уже входили в колонию Гальбштадт, а наш эскадрон, в 50 коней, во главе с полковником Римским-Корсако-

вым, за которым ехали два драгуна с развевавшимся на пиках трехцветным флагом и полковым значком, выступил на юг по правому берегу реки Молочной. По левому берегу этой же реки отходил отряд полковника Ковалинского. На нашей дороге тянулась в Крым бесконечная лента повозок беженцев.

Ночью, подходя к городу Мелитополю, мы все поражены были необычайным явлением, которое произвело на каждого из нас глубокое впечатление. На черном фоне неба, с северо-западной стороны, появились светлые столбы, один из них своею формою напоминал крест — он казался нам знаменем свыше: Господь не оставит нас Своею помощью на терновом пути борьбы за православие и Святую Русь.

В городе Мелитополе драгуны отдыхали целые сутки, а затем приказано было, вместе с другими гвардейскими эскадронами, прикрывать отход нашей пехоты в Крым. После нескольких дней арбергардных боев наши части благополучно отошли к станции Сальково.

Станции и предместное укрепление занял понесший большие потери в боях в Северной Таврии малочисленный 3-й батальон Сводно-гвардейского пехотного полка. В полверсте на восток от него — окопы, прикрывавшие дорогу на полуостров, поручено мне оборонять со взводом в 20 драгун и приданными им двумя пулеметами пехотного полка. Главные наши силы расположились на Чонгарском полуострове. Противник наступает на Сальково от деревни Ново-Дмитриевка и вдоль железной дороги и засыпает станцию снарядами. Днем против участка, занимаемого драгунами, появляются цепи красных, но, встреченные дружным ружейным и пулеметным огнем, останавливаются. Боюсь, что в случае ночной атаки взводу драгун невозможно будет удержать слишком большую для него позицию. Но ночь проходит сравнительно спокойно, лишь изредка слышна перестрелка наших дозоров с разведкой красных. Стояли сильные морозы, и драгуны, которые не имели теплых вещей, сильно страдали от холода. На следующий день нас сменяет штабс-ротмистр Коптев с другим взводом.

Упорный бой за обладание станцией Сальково продолжается трое суток. Наше командование решило покинуть эту позицию и занять новую в северной части Чонгарского полуострова.

Эскадрон получает на правом фланге боевого участка окопы без проволочных заграждений, которые примыкают к Сивашу. Перед нами песчаная стрелка, северная часть которой занята противником. Ночью выставляем на стрелке сторожевое охранение... Слышна беспорядочная стрельба... Скачу узнать, что происходит... Подъезжаю к постам... Хорошо светит луна, вдали видны силуэты красных разведчиков. Вдруг между нами и красными поднимается какая-то фигу-

ра. В руке у меня наготове наган... стреляю... к счастью, в темноте промазал... Выясняется, что фигура — полковник контрразведки Н., посланный генералом Деникиным несколько месяцев тому назад в глубь России, который по исполнению возложенной на него задачи пробирался к нам в одежде красноармейца через расположение советских полков.

Красные подвезли много артиллерии и засыпают наши окопы снарядами. Несколько дней добровольцы упорно отбивают все атаки, все же противнику удается прорвать наше расположение.

Драгунам и батарее гвардейской конной артиллерии приказано задерживать продвижение противника до прохода нашими частями Чонгарского моста. Эту задачу эскадрон выполняет блестяще.

Нашей пехоте удается оторваться от красных, благополучно пройти через мост по гати длиною в полторы версты и занять новую позицию. Драгуны проскакивают по гати уже под огнем неприятельских орудий. У нас есть раненые всадники и лошади.

Окопы у Чонгарского моста занимает гвардейская пехота и две батареи артиллерии. Драгунам поручено наблюдение за Сивашем в восточной части полуострова и помешать возможным попыткам противника высадить нам в тыл десант из Геническа. Днем мы выставлем по берегу Сиваша конные посты, а ночью высылаем между ними и офицерские разъезды.

После трехнедельных непрерывных боев и походов, в которых приходилось воспитывать драгун, чрезвычайного напряжения всех сил, недостатка сна, страдания от непогоды и усталости на фронте наступает некоторое затишье. Стоят теплые мартовские дни, и природа начинает оживать. Наряды от эскадрона по наблюдению за Сивашем нетрудные. Прибыл корнет Озеров 2-й...

19 марта полковой праздник. Отрядный священник служит молебн. Пришли помолиться с нами и офицеры стоявших в резерве двух рот гвардейской пехоты. После церемониального марша гостям были предложены, в крестьянской хате, скромная трапеза и стакан вина.

В конце марта красные прорвали фронт у Перекопа, а затем у Юшуни. Нашему отряду приказано было отходить к Джанкою. Отсюда все гвардейские эскадроны вновь посланы на север задержать противника и прикрыть движение отходящего из Юшуни на дорогу Джанкою—Владиславовка отряда полковника Слашова.

После прибытия этого отряда и короткого боя у Джанкою наши эскадроны к ночи сходятся у первой станции на линии железной дороги Джанкою—Феодосия. Общее командование над всеми частями переходит к полковнику Слашову.

На рассвете следующего дня был послан, под моим начальством, разъезд в двадцать коней к станции Курман-Кемельчи на линии железной дороги Симферополь—Джанкою. Около села этого же названия мы встретились с передовым разъездом противника, который быстро отступил на запад. На станции драгуны разогнали толпу местных коммунистов, разломали телеграфные и телефонные аппараты и перерезали провода. При выступлении из Курман-Кемельчи мы были обстреляны появившимися с севера цепями противника, а с юга — пулеметным огнем с импровизированного бронепоезда симферопольских рабочих-коммунистов, ехавших навстречу советским войскам.

Разъезд присоединился к эскадрону в болгарской деревне, поблизости станции Колай. Здесь часов в восемь вечера получаю новую задачу: полуэскадрону драгун и кубанскому конвою штаба полковника Слашова, под моей общей командой, немедленно выступить к полустанку на север от Колая и выбить из него красных. Мой конный отряд, пройдя сторожевое охранение гвардейской пехоты и приблизившись на сто сажень к расположению противника, спешил в складке местности и двинулся цепями к станции.

По-видимому, противник никак не ожидал нашего нападения. Сторожное охранение красных моментально отошло назад. Когда наша цепь находилась уже в семидесяти шагах от полустанка, оправившийся после первой паники неприятель с криком «Ура» открыл беспорядочный бешеный пулеметный и ружейный огонь. Моя редкая цепь залегла. Появляются раненые. Пятидесяти спешным драгунам и кубанцам немисливо выбить из полустанка в десять раз сильнеего противника. Красные не решаются перейти в контратаку. Всю ночь продолжается редкая перестрелка. В четыре часа утра отходим к коноводам. На рассвете получаю приказание, задерживая движение противника, отходить к станции Колай.

После недолгого отдыха в Грамматикове эскадрон с арбергарными боями движется к Владиславовке, куда прибыл в пасхальную ночь. Заботами ротмистра Левицкого нам прислано по красному яичку, кое-что выпить и разговется. После христосования с эскадромом и трехчасового сна опять бой. Отходим к Ак-Манайским позициям.

Здесь заканчивается первый двухмесячный период действий эскадрона, которому пришлось в момент формирования, под натиском красных, после упорных боев, в которых нужно было еще и воспитывать драгун, участвовать в общем отходе в Крлм и дальше к Ак-Манаяю. Теперь это была уже крепкая своею внутренней спайкою часть, блестяще выполнявшая все боевые задачи.

Н. Главацкий

ОТ АЗОВСКОГО МОРЯ ДО КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ —
ТУДА И ОБРАТНО(воспоминания о походе лейб-гвардии Драгунского
эскадрона Добровольческой и Русской Армии
в 1919-м и 1920 годах)⁴⁷²

То, что я описываю, не является точной исторической справкой и никоим образом историей участия лейб-драгун в так называемом Белом движении быть не может.

Я набросал, по возможности в хронологическом порядке, отрывки своих личных воспоминаний. В них восстановил в своей памяти двухлетнее усилие группы кадровых господ офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, под руководством покойного полковника Владимира Петровича Римского-Корсакова, создать снова свой родной полк, а также описать те боевые задачи, которые выпали на долю лейб-гвардии Драгунских эскадронов в составе Добровольческой и затем Русской Армии. Пятимесячная болезнь зимой 1919 года, а затем длительные командировки оторвали меня от походной жизни лейб-драгун на долгий промежуток времени, почему записки мои обнимают лишь незначительный период боевых действий, в которых принимал личное участие, т. е. период времени от апреля до сентября 1919 года в Добровольческой армии.

В боевых действиях лейб-гвардии Драгунского эскадрона, или так называемого 8-го эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского полка Русской Армии, в 1920 году я почти участия не принимал, почему ограничиваюсь лишь кратким перечнем событий этого времени, в котором лейб-драгуны потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести три четверти своего состава.

Ак-Манайское сидение

8 апреля 1919 года, после долгих скитаний, связанных с гетманской эпопеей на Юге России, ловинуюсь предписанию полковника Римского-Корсакова явиться в лейб-гвардии Драгунский эскадрон, я наконец прибыл на его место стоянки — село Каманай, у Азовского моря. Он в это время входил в состав правого боевого участка Сводно-гвардейского батальона, занявшего, под командой полковника Зайцева, а затем полковника Стесселя⁴⁷³, боевую линию от железнодорож-

ного пути Керчь—Владиславовка на юг до Азовского моря. Обстановка была следующая: в марте, под натиском красных, после упорных боев, Сводно-гвардейский батальон генерала Тилло⁴⁷⁴ вошел в состав дивизии пресловутого генерала Слашова Азовской группы генерала Боровского и занял правый боевой участок Ак-Манайской позиции. В частности, лейб-гвардии Драгунскому эскадрону было приказано нести службу связи в боевых участках дивизии и охранять Азовское море и выход на Арабатскую Стрелку. В момент моего прибытия эскадрон состоял из 7 господ офицеров, под командой полковника Римского-Корсакова, из немцев, колонистов богатой колонии Гальбштадт Бердянского уезда. Колонисты дали лучших своих людей и лошадей-полукровок, а также разнообразные седла и убор. Винтовки, пулеметы, пики и шашки были доставлены трудами господ офицеров из Керчи и отбиты в боях у красных в Северной Таврии.

В низкой полуразрушенной татарской мазаной хате застал я отдыхающими на полу после дневного утомительного перехода полковника Римского-Корсакова и его офицеров, братьев Озеровых, поручика Николая и корнета Алексея Алексеевичей, сотника Влад. Алекс. Гевлича (лейб-драгуна 80-х годов) и прикомандированных подпоручиков Долгово-Сабурова и Ив. Алекс. Зеленого (брата полковника) и корнета Гаусмана (двоюродного брата штабс-ротмистра Г.Л. Дитца). В то время, кроме них, находились в командировках в Керчи: полковник Ю.М. Левицкий и ротмистр Плат. Алекс. Бок, а в Бердянке — в период формирования при 2-м лешем эскадроне — полковник Ал. Ал. Зеленой (командир 2-го эскадрона), ротмистр граф Андрей Львович Толстой и прикомандированный корнет Бубнов.

Конная атака 9 апреля

Первую же ночь на 9 апреля спать не пришлось. На рассвете все повскачало и по тревоге приготовились к бою. У самой деревни поднялась оживленная ружейная трескотня, к которой вскоре приблизилась пулеметная дробь и орудийная стрельба. В то же время из штаба гвардейской пехоты было получено донесение, что значительные цепи красных двигаются на Ак-Манайскую проволоку, особенно напирая на железнодорожную линию. Начавшийся артиллерийский бой со стороны наших батарей полковника Плюжинского⁴⁷⁵ и обстрел с моря судовыми орудиями англичан с бортов стоявшего вблизи Ак-Маная крейсера «Калипсо», двух английских мониторов и французской канонерки внес панику среди большевиков сразу и дал нашим частям возмож-

ность отстоять свои позиции. Тем не менее около сотни красных пехотинцев бросились на станцию Ак-Манай, с очевидной целью зайти во фланг и закрыть собой Арабатский проход для своих тылов. Его-то и решил немедленно атаковать с эскадронам полковник Римский-Корсаков.

Отойдя рысью в лошину, версты за три, к каменоломням, у самого морского берега развернулись лейб-драгуны, ожидая приказа к атаке своего командира. Впереди, на холме, замерла широкая спина, на сером коне, с поднятой шашкой, как на учении, рядом маленький силуэт его неизменного адъютанта, корнета Алексея Озерова, на мохнатой татарской лошади, и родной красно-белый флюгер колеблется ветром. Мгновение — шашка сверкнула на солнце и опустилась, показав направление. Мчимся во весь дух из ложины, с шашками наголо, кое у кого — у весьма немногих — пики к бою, а у некоторых винтовки в руках по татарскому образцу. Неумелые руки керченских гимназистов вцепились в повод, и лошадей они удержать уже не в силах. Пули щелкают все чаще и чаще. Свист кругом — нельзя разобрать, где пуля, где свистит пролетающий скворец, кстати, поразительно подражающий звуку летящей пули. Несколько минут — и мы влетели в околицу Ак-Маная и обогнули станцию. Деревня снова в наших руках. Огневой бой кончен, красные бежали, оставив много убитых. Со стороны добровольцев потерь почти нет. У преобразенцев с десятком убитых и раненых. У лейб-драгун трофеи следующие: три красных солдата железнодорожного советского полка зарублены во время атаки. Их трупы валяются у самой околицы. Вольноопределяющийся из Бердянска наотмашь зарубил на ходу одного из них и вмиг отобрал у него наган с патронной лентой. У нас четверо раненых, из коих один колонист тяжело, пулей в шею. К вечеру, снова в том же татарском доме, спешно залечиваются сделанные атакой хозяйственные раны — чинится амуниция, чистят винтовки. Готовятся к возможному повторению предыдущего, учитывая стремление красных из прибывшего свежего отряда матроса Дыбенко во что бы то ни стало подарить ему Ак-Манайские позиции, прикрывающие богатый для грабежа Керченский район.

Таким образом, в постоянном ожидании нового наступления на Ак-Манай, как сообщают сведения контрразведки у квартирмейстера полковника Генерального штаба Аметистова, пробыли лейб-драгуны в Ак-Манай до 6 мая. В это время произошли внутренние изменения в боевой группировке Азовского отряда генерала Боровского. Вместо ушедшей в Керчь на подавление вспыхнувших там нападений бандастов из каменоломен по указке большевиков гвардейской пехоты пол-

ковника Стесселя, его сменили части Сводно-Кавказского кавалерийского полка полковника П.В. Попова. Все конные части (кирасиры и драгуны) вошли в состав конной бригады вновь назначенного полковника Микашевского. Последний сменил со своим штабом дивизию генерала Слещова, переброшенную на железную дорогу, в Донецкий каменноугольный район, в группу генерала Май-Маевского. Боевую службу лейб-драгуны несли ту же, изредка с одобрения нового штаба (полковника Шукевича) посылали разъезды, пройдя верст 30, доносили, что охранение красных матросов занимает высоты у села Чакрак (60 верст с севера по стрелке), а до последнего населенного пункта участки солеварен совершенно свободны. Только раз, а именно наутро 30 апреля, появившаяся группа, слой около двух эскадронов, была встречена пулеметным огнем Северских застав и сейчас же ушла по стрелке обратно.

Попытка красной пехоты в конце апреля завладеть железнодорожной линией была снова отбита снарядами судовых союзных орудий, с большими потерями. Лейб-драгуны отходили на этот раз снова в каменоломни у моря, и вернулись в Ак-Манай на следующий день без боя.

В апреле прибывают в эскадрон ротмистр Коптев, полковник Александровский и корнет Келеповский. Сотник Гевлич командирован в Бердянск во 2-й эскадрон. Ротмистр Коптев командирован в Екатеринодар.

6 мая — день общего наступления

4 мая лично прибывший в Ак-Манай начальник штаба полковник Шукевич передает приказ о наступлении вновь сформированного так называемого Арабатского отряда под командою полковника Римского-Корсакова. Отряд этот, состоящий из лейб-гвардии Драгунского эскадрона с приданным ему лучшим полуэскадронам Сводно-кирасирского полка, кирасир Ее Величества (поручика Максимова), двумя катерами, «Барабанщиком» и «Верой», вооруженными легкой пушкой и 4 пулеметами (плоскодонные, они должны двигаться по мелкому Сивашу); со стороны Азовского моря отряду должны содействовать огнем и вслески помогать связью с английской эскадрой, передвигающейся на север вдоль стрелки, параллельно движению Арабатского отряда, вооруженные пароходы «Гидра» и «Граф Игнатъев».

Полковник Римский спешно посылает меня в Керчь к начальнику гарнизона, генералу Ходаковскому¹⁷⁶, выпросить из арсенала оружие,

а у «мага и чародея», преображенца полковника Моллера (заведующий хозяйством Сводно-гвардейского батальона), «вымолить возможно больше денег на покрытие старых авансовых счетов, а то постоянно меняющееся и, когда нужно, исчезающее интендантство (полковник Рейнгард) ни денег, ни довольствия не отпускает — мы-де, мол, дивизии больше не принадлежим, — новых снабжающих бригаду учреждений еще не создано», лейб-драгуны замечательно метко ищут источник снабжения. Пробыв 2 дня в Керчи, я получил, после бурного объяснения с генералом Ходаковским, штук 30 разных ружей и патронов к ним вполне достаточное количество. «Маг и чародей» ухитрился найти возможным выдать нам около ста тысяч донских купюр в счет авансовых счетов.

14 мая я спешно догонял с несколькими дружно приставшими ко мне добровольцами-гимназистами и призывными из Ак-Маная отряд по стрелке. Догнать лишь его удалось в Чакраке, а без меня произошло следующее печальное событие, рассказанное мне очевидцами. 6 мая, согласно положенному, бригада полковника Миклашевского, поддержанная с севера Симферопольским и Феодосьевским полками⁴⁷⁷, перешла в наступление к Грамматикову. Терпя сразу большие потери (между ними ранены сам полковник Миклашевский и полковник Попов), бригада и пехота штыковым ударом заняла Владиславовку и Грамматиково. На 3-й день уже с боем шла на Джанкой...

Крымский конный⁴⁷⁸ (полковник Тутан-Барановский⁴⁷⁹), Сводно-Кавказский (полковник князь Чавчавадзе) и Кирасирский (полковник Данилов) полки атаковали с юга и занимали весь район до Феодосии. Отряд полковника Римского, выдвинув полуэскадрон полковника Александровского головной заставой и перетащив волоком через стрелку в Сиваш катер «Барабанщик» и еще другой, сделал в первый же день 30 верст без боя.

12 мая — дело у хутора Чабаненко

На рассвете полуэскадрон, шедший в голове, обстреляв заставу красных, отбросил их к Чакраку. 10-го, после перестрелки, длившейся сутки, красные, занимавшие высоты к северу от Чакрака, отошли за Сиваш, а полуэскадрон занял деревню. Штаб отряда расположился в доме гостеприимного священника. Полуэскадрон полковника Александровского 11 мая, выдвинув охранение несколько пеших постов вдоль Сиваша и поперек стрелки, занял к вечеру хутор Чабаненко (8 верст к северу от села Чакрак). В сумерки посты проверил пору-

чик Озеров и остался на самом важном — левофланговом. В хуторе, вместе с полковником Александровским, оставался его младший офицер корнет Келеповский. У самого хутора случайно стал с 2 «точкисами» и 4 пулеметами пароход «Гидра», под командой мичмана Севастьянова⁴⁸⁰, с 12 человеками экипажа. Англичане оставались еле видными в море точками. Пароходы «Вера» и «Граф Игнатъев» и катера на Сиваше были задержаны на линии села Чакрак. Кирасирский полуэскадрон, выступивший пешком, был еще на полпути.

В 11-м часу ночи посты открыли стрельбу, и загрохотали залпы и пулеметы со стороны Сиваша. Со среднего поста прибежал лейб-драгун и донес, что впереди наступает цепью большевистский десант, силой человек в 300. Как они высадились на берег и неслышно подошли, не удалось вовремя заметить, так как стояла абсолютно черная ночь, а ветер дул на Сиваш. Тотчас же заняв окружающий хутор, частокол и лошадей спрятав во дворе, где было два выхода, полковник Александровский открыл огонь пачками. В то же время в самый центр большевиков было выпущено по личному почину мичмана Севастьянова, сразу оценившего обстановку, несколько очередей и пушек и пулеметных лент. Результат получился поразительный. Опешившие красные, думая уже забрать кадет голыми руками, дрогнули и, повернув, стали палить пачками друг в друга, в упор, ничего не видя в темноте. Драгуны, оставив лошадей во дворе, отошли к морю, а несколько даже влезли в воду. Удачно проскочивший назад конный ординарец успел сообщить о случившемся в Чакраке, и главные силы сейчас же вышли на выручку. Большевики под продолжавшимся дождем пуль из «Гидры» и залпов из-за частоккола со стороны драгун, теряя и от собственных пуль своих, бежали на Сиваш, торопясь ульять на ту сторону, и побросали своих раненых и убитых. В яме, у самого хутора, был подобран тяжело раненный пулей в бедро поручик Озеров. Четыре драгуна, из них унтер-офицер из бердянских вольноопределяющихся, первый заметивший вплотную красных дозорных, были убиты. Чудом спаслись благодаря панике среди красных и умелому огню «Гидры» лейб-драгуны. Этим столкновением отряд был подготовлен к дальнейшему удачному выходу из стрелки. Озеров, отправленный английской моторной лодкой в керченский госпиталь, стал медленно поправляться.

15 мая торжественно хоронили, вместе с собравшимся отовсюду населением Чакрака, лейб-драгуны своих убитых на сельском кладбище. 16-го и 17-го стояли на прежнем месте, а 18-го, к вечеру, я был выслан с тем же слетка освеженным полуэскадром на Геническ. В эти дни, по желанию командира английского миноносца, в

моем присутствии последний произвел вдоль стрелки боевую стрельбу, согласованную с орудиями сзади стоявшего монитора. Вышедшее с белым флагом население хуторов, а также отсутствие красных по линии стрелки к северу этим опытом вполне подтвердилось. Правда, в ночь на 15-е большевики снова пытались подойти, но пущенная вахмистром эскадрона Б.А. Боком из английского прибора красная ракета подняла снова такую адскую пулеметную стрельбу, что большевики снова повернули и на этот раз. В поле подобрали три трупа с красными звездами на шапках, но без оружия.

Занятие города Геническа

17 мая полуэскадрон полковника Александровского в сумерки прошел отделявшие нас 12 верст, предупрежденный жителем Геническа, что город свободен, занял его без боя. Он доносил одновременно, что у узловой станции Ново-Алексеевка (10 верст к северу от Геническа) слышны сильные взрывы и глухой частый артиллерийский гул. Стало очевидно, что большевики, теснимые и с юга, и со стороны Джанкоя спешно занимавшими его симферопольцами, бегут, уничтожая заготовленные здесь склады. Надо было торопиться, чтобы, заняв Ново-Алексеевку, попытаться перерезать путь на запад хвосту красных обозов. Тотчас же войдя в город, выслан взвод только что прибывшего из Новороссийска поручика графа В.И. Беннигсена⁴⁸¹ на Ново-Алексеевку (10 верст), а другой взвод, корнета Келеповского, движется для охранения Геническа с севера. Через 2 часа, ночью, первое донесение, и чрезвычайно подробное, поручика графа Беннигсена говорит нам, что на Ново-Алексеевке брошен целый громадный состав, частью перекинутый на путях. В нем большевики оставили отряду несколько вагонов муки и фуража в зерне, вагон сахару, длинную пушку без замка, несколько пулеметов Максима, ящики с патронами, а у взорванной ими водоканки много интендантского типа повозок и двуколок. К тому же времени Келеповский донес, что движущийся со стороны Джанкоя красный бронепоезд все время стреляет из орудия и пулеметов. Он, по-видимому, застрял на путях и находится в безвыходном положении, а потому, верно, расстреливает свои патроны.

Посланные по линии железной дороги в его направлении из Ново-Алексеевки четыре охранника с инструментами разобрали пути верстах в восьми, на уклоне. Действительно, уже утром наши конные разведчики обнаружили далеко впереди перекинутые платформы с красным броневиком и 2 пулеметами без замков, большевистский

прислуга убежала — ее и след простыл, и ближайшие поиски ни к чему не привели.

Весь день проходит в погрузке и доставке специальным паровозом из Геническа, из Алексеевки оставленного красными имущества и продовольствия, а далее раздача муки и сахара нуждающемуся населению, по указанию городского головы, прибывшего из Геническа и назначенного комендантом отряда — ротмистром П.А. Боком.

Следующие два дня посвящены исправлению и освежению обозных двуколок, конской мобилизации (набрано в обмен на некоторых старых — 30 свежих лошадей двух категорий — в строй и в обоз). Заодно и забрали какого-то классного заводского производителя, из-за которого, по жалобе владельца, пошла из штаба армии бесконечная криминальная переписка. Лихой мичман Севастьянов, начальник «Гидры», отобрал у местной еврейки какие-то ценные зубо-врачебные инструменты, пригрозив ей немедленной смертью. Все это было объяснено шуткой, и инструменты были возвращены. Затем несколько скандалов расшалившейся молодежи, и стоянка победителей пришла к концу.

Весеннее скитание по Северной Таврии

Эскадрон двинулся в Мелитопольский уезд, пересекая его через Аскания-Нова (Фальцфейновский зоопарк) на берег Днепра, к востоку от Казовки. Днепр становится отныне и надолго нашей оборонительной линией.

По дороге доходят от доброжелательного населения ближайших сел Мелитопольского уезда сведения, что в районе Верхне- и Нижнесерагозских волостей некто, именующий себя, а может быть, и сам кровавый батька Махно, — спешно, под угрозой немедленной смерти, забирает все хорошие легкие повозки (впоследствии окрещенные таванками) и лошадей, а также горсточку каких-то «батьковцев» терроризируют крестьян и грабят хутора побогаче. Командующий бригадой полковник Барбович (заместитель Миклашевского) немедленно отправляет эскадрон, во главе с полковником Александровским, в села Верхние и Нижние Серагозы и далее, через Ново-Константиновку, в район станции Пришиб — в известную своими большевистскими симпатиями богатую и обширную слободу Ново-Михайловку. По пути, произведя набор военно-конской повинности у населения большевистствующих Серагоз, лейб-драгуны, не найдя никаких следов батьки Махно, через ряд разоренных усадеб прибывают 21-го в Ново-Михай-

ловскую слободу. Здесь и происходит торжественное подчинение лейб-драгун 2-му Сводно-гвардейскому кавалерийскому полку — отныне в виде 3-го дивизиона. Здесь же смотр выстроженных эскадронов лейб-драгун — одного, 1-го, конного и прибывшего из Бердянска только что сформированного пешего 2-го эскадрона полковника Зеленого, только что назначенного Ставкой командиром полка, полковника Ф.Ф. Грязнова (улана Его Величества).

23 мая посадка эшелонов всей бригады на станцию Пришиб для стратегической переброски по железной дороге через Лозовую на станцию Люботин, на север Харьковской губернии. Здесь включенная в состав 5-го Сводного кавалерийского корпуса (генерала Юзефовича) конная сводная бригада временно отдыхает и пополняется, готовится к близкому уже конному рейду, — этот рейд всей кавалерии, долженствующий овладеть узлом железной дороги в тылу красных — станцией Бахмач, мне был лично предсказан в Харькове генералом Кутеповым. Только что взявший Харьков с 1-м Добровольческим корпусом генерал Кутепов на мою просьбу дать нам сколько возможно мобилизованных из Харьковского уезда бывших боевых солдат собственноручно написал записку воинскому начальнику: «Выдать подателю сего (имя и фамилия) пятьдесят мобилизованных из бывших кавалеристов». Мне удалось благодаря приказу корпусного командира выбрать того, кто мне больше подходил, и специалистов-кузнецов, и сапожников, а также георгиевских кавалеров из конницы Великой войны. Сдав полученных людей для обучения ротмистру Лабудзинскому⁴⁸², я тотчас же вернулся из Харькова в Люботин.

Утром 24 июня, после месяца стоянки, был, наконец, получен приказ о выступлении. Двигаясь походным порядком и делая около сорока верст в сутки, колонна достигла Полтавской губернии, нигде не встретив красных. На четвертый день, 27 июня, в районе Ожехова кирасиры, шедшие впереди, атаковали красный башкирский полк, удиравший на тачанках. На следующий день наши разъезды обнаружили значительные обозы, идущие на волах, поперек движения. Развернувшись, полк атаковал прикрытие, драгуны направо, а уланы вышли левее. Большевикам удалось спастись впереди на тачанках, но часть обозов досталась полку. Уланский эскадрон, под командой ротмистра Фермора, отбил несколько пар быков, запряженных в телеги, которые большевики побросали со взятыми ими насильно подводчиками. Драгуны захватили нескольких пленных и канцеляршию с плакатами и всевозможными брошюрами и агитационными книжками и списками. Башкирский красный полк бежал так быстро, что никак не могли его достигнуть.

30 июня, после бивака, нашему полку, двигавшемуся в голове, было донесено, что в районе города Гадяча еще двигаются большевистские обозы. Развернувшись в перелеске, мы были встречены пулеметным огнем на окраине большого села. Выхватив шашки, эскадроны бросились в атаку, зарубить сразу нескольких красных, которые спрятались за заборами. Тут же один из драгун-колонистов выволок из кустов пулемет, брошенный им в панике, но какой-то странной, не обыденной еще для нас системы. Прибывший незадолго в Люботин и принявший драгунскую конно-пулеметную команду специалист-пулеметчик подпоручик Огиевский определил, что захваченный пулемет — принятый в греческой армии, и, так как к нему было мало патронов, а другие не подходили, он был отправлен в обоз.

Дело под Ново-Павловкой

Пройдя под огнем через деревню, наши лавы, в которых уланский полуэскадрон уже перемешался с нами, снова углубились в перелесок, а я, оставив в роще полуэскадрон ротмистру Лабудзинскому, вышел с передним взводом корнета Келеповского на шоссе, огибающее с севера город Зеньков. Разъезды улан, под командованием штабс-ротмистра Крыжановского, дали знать, что стоящая впереди нас деревушка Ново-Павловка занята красным обозом, но что его прикрытие, довольно значительное, встретило их сильным огнем. Судя по фронту, занятому цепью, большевики имели здесь не менее батальона.

Повернуть назад уланский полуэскадрон корнета Зубова уже не было возможно, и мы влились к ним, с криком «Ура!» понеслись по шоссе под огнем пулеметов, имея уже несколько раненых. В деревне мы промчались между заграждавшими дорогу лазаретными фургонами, я лишь мог заметить, как, убив несколько красных солдат, выскочивших из домов, драгуны, увлекаемые корнетом Келеповским и мчавшимся с ним корнетом уланом Линицким, продолжали бешено мчаться вперед. Вскоре с боков началась такая сильная ружейная пальба и стали рваться впереди ручные гранаты, что передние повернули назад и уже под огнем со всех сторон, а также видя, что начали рваться гранаты большевистских орудий из-за окружавшего деревню леса, стали возвращаться обратно. Здесь, при обратном движении, пришлось нести больше всего потерь. При мне лично попадали несколько раненых и убитых улан. Впереди меня неся, пригнувшись к седлу, рядом с корнетом Келеповским, уланский корнет Линицкий, брат эскадронного командира. Вдруг он согнулся и, схватившись за грудь, упал бы,

если бы не был поддержан с боков. К счастью, удалось тут же перетащить и положить его, тяжело раненного в грудь, на брошенную впереди запряженную повозку. Упав с лошади, мне удалось спастись из этого ада лишь потому, что ехавший унтер-офицер посадил меня впереди себя, и, таким образом, некоторое время неслись вдвоем. Пересел лишь далеко позади, найдя, наконец, с большим трудом свою кобылу. Раненный в грудь корнет Линицкий не дожил и до вечера. Через два часа мы могли лишь вывезти его тело в ближайшее место бивака.

Через два часа, т. е. уже в сумерки, опираясь на наше подробное донесение, 2-й конный полк и кирасиры, шедшие сзади нас, окружили, поддерживаемые огнем нашей батареи, кольцом город Зеньков и заставили красную пехоту спешно отойти к северу. При этом было захвачено много пленных и несколько пулеметов. Таким образом кончилось дело под Ново-Павловкой, где, потеряв несколько десятков людей, мы выяснили силу и точное расположение большевиков и помогли главным силам выдвинуться далее на север. При этом было отнято много пулеметов, разного имущества и пленных.

Еще неделю, с дневными боями, двигаясь вплотную за быстро отходящими большевиками, шла бригада, почти не останавливаясь, через всю Полтавскую губернию. Во время одного из очередных дневных переходов передней походной заставой корнета Келеповского был остановлен ехавший навстречу какой-то верховой на хорошей лошади и одетый в синюю шерстяную косоворотку. Найденные при нем документы, которые он пытался уничтожить, были на имя командира Сумского советского конного полка. Его отпразднили для допроса в штаб бригады, а оттуда в штаб дивизии пешком. По дороге, проходя через деревню, он пожелал выпить и был подведен драгунами к колодезю. Здесь, нагнувшись, в одно мгновение перекинулся и бросился на его дно с высоты в несколько десятков метров.

Неустанно, с дневными переходами по 40—50 верст в сутки, полк все шел дальше и дальше. Иногда короткими боями, сопровождаемыми неизменной и традиционной лавой, выбивали заставы красных на прилегающих деревень и, захватив последние, широко пользовались контрибуцией одежды у населения. Особенно тяжело отзывалась на движение полная непригодность обуви, так как запасов ее не было и чинить не было времени. Драгуны страдали от перетертых ног и желудочных заболеваний. Больше десятка заболевших дизентерией и тифом пришлось направить в тыловой лазарет.

После незначительных столкновений, при которых большевики, обычно отстреливаясь, мчались что есть духу назад, около 10 июля

почти нигде не задерживаясь, наша колонна подошла, наконец, к Бахмачу. Здесь занимавшие его несколько рот красных, испортив сколько могли пути и взорвав водокачки, не оказали большого сопротивления. Полком было взято снова несколько десятков пленных, а полуэскадронном 2-го конного полка был отбит целый поездной состав с разного рода имуществом. Большевики отошли на противоположный берег реки Сейма, что к северу от Батурина. 14 июля, на второй день занятий Бахмача, прибывший незадолго в штаб вместо полковника Шукевича подполковник Иордан¹⁸³, назначенный начальником штаба, вызвал меня и передал приказание немедленно выступить с 2 эскадронами (драгунами-конногренадерами) и, заняв город Батурин, произвести тщательную разведку занятых красными деревень по другую сторону Сейма, а также окружающих Батурин поселков.

Временное занятие Батурина и неудачи под Бахмачем

Выступив через несколько часов, два эскадрона (драгунский с поручиком графом Беннигсенем и конно-гренадерский штабс-ротмистра Багговута) к вечеру были уже в Батурине, а высланные мною разведки корнета Гевлича (только что произведенного из вахмистров) и поручика конно-гренадерского эскадрона Лютера¹⁸⁴ в близлежащие деревни донесли, что деревни эти свободны, но мосты впереди через Сейм все большевиками приведены в негодность и находятся под обстрелом пулеметов, спрятанных в лесу, подходящему к берегу почти вплотную. Стоящее впереди Батурина под лесом село занято сторожевыми постами башкир. Башкирские всадники часто разъезжают на опушке леса. В лесу, по словам жителей, устроены красными засеки с пулеметами и перетянута проволока. Главные же силы большевиков находятся в монастыре, верстах в 7 на запад.

Установив около церкви, за забором, спускающимся к реке, пулеметную команду с ее 4 пулеметами на позиции, я с полуэскадронном занял один из центральных дворов, и, выставив посты кругом Батурина, мы таким образом провели первую ночь. Сообщил подробно обо всем в штаб полковника Миклашевского. На следующее утро вдруг из-за леса стали рваться в селе первые неприятельские шрапнели. Большевицкие орудия, видно, расположились в лесу, около монастыря. Снаряды рвались преимущественно около церкви, стоявшей совершенно открыто у самой реки. Церковь через несколько времени получила сильные повреждения, т. к. многие снаряды разорвались, испортив стены и потолок внутри церкви. На мою просьбу вскоре подошли к

нам из Бахмача два орудия из конной батареи и расположились сзади дворца графа Разумовского. Туда влетело несколько большевистских гранат, а у нас было ранено легко два пулеметчика. Наши пулеметы, желая вызвать движение на той стороне Сейма, обстреливали весь день опушку леса и околицу села, но людей на той стороне Сейма заметно не было. Исправив телефонную линию, связывающую Батурина с соседним городом Конотопом, мне удалось связаться с занявшим его незадолго полковником Апрелевым, командиром Сводно-уланского полка 2-й бригады. От него узнал, что красные, очистив район впереди Конотопа, также отошли далеко к северу.

Через два дня мы были сменены свежими драгунами прибывшего с другими господами офицерами полковника Зеленого, а еще через два дня внезапным ударом большевики, перейдя значительно выше Сейма, обходным движением не только выбили добровольцев из Батурина, но и заняли Бахмач.

Наша кавалерия отошла, но через несколько дней, после трехдневного боя, уже без меня, заняла снова потерянные позиции, и на этот раз окончательно.

Выехав в Киев, я не был свидетелем дальнейших боевых действий под Черниговом и Глуховом. Сменивший меня в дальнейшем продвижении на севере полковник Александровский в течение августа и сентября с частями бригады продвинулся до границы Курской губернии. Обозы всех полков, стоявшие на линии железной дороги Киев—Полтава, перешли в район города Лубны.

В середине сентября, прибыв в Лубны в обоз, застал совершенно новую обстановку. Командир полка, полковник Грязнов, ушел, на его месте полком командовал молодой его однополчанин полковник Ковалинский. Кавалерия успешными боями продвигалась в Белгородском уезде Курской губернии. Драгуны занимали города Глухов и Белгород, имея по полуэскадрону в каждом городе. В последнем командовал недавно прибывший из Киева ротмистр Сергей Львович де Витт. Служба носила уже не боевой, а караульный характер, но драгуны отправляли в тыл значительное количество людей, заболевших тифом.

В начале октября, с наступлением холодов, в операциях Добровольческой армии наступил тяжелый перелом. Быстрые и удачные перегруппировки красных, появление на фронте свежей значительной конной группы Буденного, а также общий развал в тылу и болезни сразу отразились на поддерживающем нас до сих пор успехе. Части 5-го конного корпуса к середине октября отходят снова в Полтавскую губернию. В тылу началась новая война против грабивших большие населенные пункты значительных банд, действовавших по указке больш-

шевиков. Эти банды взяли тогда город Кобеляки и терроризировали буквально всю окрестность города Полтавы.

Драгуны и часть кирасир были переброшены для очищения от банд Шубы в районе Миргорода, Кобеляк и далее к Кременчугу. Полуэскадрон поручика Озерова, брошенный туда же на поимку Шубы, оказался совершенно отрезанным от общей группы и поступил в распоряжение пехоты генерала Кальницкого. В это время трагически погиб действовавший с кирасирами поручик Деконский. Он ночью был окружен в лесу около Миргорода значительной группой из банды Шубы и убит наповал из-за угла. Его люди почти все также погибли. Поручик Озеров, продвигаясь к юго-востоку в чрезвычайно тяжелых условиях, в постоянных стычках с бандитами лишился больше половины своих людей. Драгуны отставали и, заболевая, эвакуировались в Полтаву и в Кременчуг. К концу ноября поручик Озеров шел уже вместе со стягивающимися отовсюду частями армии к Ростову.

Отправленный из Лубен полковником Римским-Корсаковым снова в Киев за теплой одеждой, я с 4 драгунами добивался в интендантских складах Сводного корпуса получить необходимое имущество. После двухдневных усилий удалось, наконец, получить необходимое и нагрузить все в полученные два вагона. Чувствуя себя плохо и видя, что везти уже лично не смогу из-за высокой температуры, я сдал все документы прибывшему в Киев из Ростова незадолго до этого своему однополчанину, штабс-ротмистру Г.А. Вульфусу⁴⁸⁵. Ему поручил доставить оба вагона в Лубны и сдать их полковнику Римскому, т. к. не имел каких-либо других указаний о быстрых переменах, происходящих на фронте корпуса генерала Юзефовича.

Сыпной тиф вывел меня из строя на 4 месяца, из коих весь ноябрь был без сознания. Спасением жизни обязан лишь энергии и самоотвержению бывшего со мной и не покидавшего меня первое время вольноопределяющегося Григория Чугрина. Он, после тщетных усилий поместить меня в какой-либо госпиталь, наконец сдал на эвакуант, на путях близ станции Киев, и сам вернулся к Вульфусу.

Во время моей болезни лейб-драгуны, повинуясь общей неблагоприятной обстановке, оказались разъединены на три части. Часть полуэскадрона поручика Озерова шла с боями на Ростов и в арьергардных делах, теснимая конными силами Буденного, теряла много людей убитыми и ранеными.

Под Ростовом, в бою у станицы Егорлыкской, вместе с кирасирами участвуя в конной атаке, убит сабельным ударом в голову только что произведенный в корнеты князь Николай Ентальчев. Тогда же убиты и ранены свыше 10 лейб-драгун. Под Ростовом два раза драгу-

ны переходили Дон по льду и в тяжелых делах терпели еще большие потери. Люди падали от усталости, исчезали и таяли от болезней. Поручик Ив. Ал. Зеленой, заболев тифом во время этих боев и эвакуированный с похода в Ростов, уже не смог вернуться в эскадрон и остался в Ростове в январе 1920 года.

Полковник Римский-Корсаков, сформировав из оставшихся запасных драгун в Лубнах полуэскадрон и посадив его на тачанки и частью верхом, отходил походным порядком на Кременчуг и огибал с севера Знаменку, которую в это время грабил Махно.

Около Кременчуга, как мне впоследствии подробно объяснял унтер-офицер Чигрин, на линии железной дороги, транспорт с вещами штабс-ротмистра Вульфиуса благополучно прибыл в эскадрон. Здесь большая часть была перегружена на повозки обоза, а самое громоздкое, оставаясь в тех же вагонах, было направлено полковником Римским на Знаменку. Очевидно, полковник Римский надеялся нагнать прибывшее имущество южнее Знаменки. Между тем окруженный у самой Знаменки поездной состав попал в плен банде Махно, а штабс-ротмистр Вульфиус пропал без вести.

Драгуны, двигавшиеся с полковником Римским, вышли на станции Джанкой, сам же полковник Римский, оставив их под командой ротмистра Лабудзинского, торопился лично кружным путем в Ростов через Екатеринодар, чтобы соединиться с драгунами поручика Озерова.

Ротмистр Лабудзинский, выделив обоз поручику графу Беннигсену со взводом, приказал следовать на Бердянск для погрузки, а сам налегке, с конными драгунами, человек 40—50, вышел в Таврию и оттуда, все время двигаясь, частью верхом, частью на тачанках, с юга, через немецкие колонии, пришел в Перекоп.

Здесь болезнь ротмистра Лабудзинского вынудила его оставаться в одной из колоний в тылу, полуэскадрон, под командой прибывшего из Керчи ротмистра графа Андрея Толстого, поступает в распоряжение полковника Петровского и входит в состав командуемого им так называемого Гвардейского отряда. Под Перекоп в январе прибывает из Ставки лейб-гвардии Драгунского полка полковник Ковалевский и спешно формирует дивизион на Перекопе, пополняя его людьми, прибывшими из Керчи с поручиком Алехиным⁴⁸⁶. Он называется Гвардейский кавалерийский дивизион. На полдороге, на линии Джанкой—Грамматиково располагаются обозы драгун и кирасир, а также батальон гвардейской пехоты отряда полковника Петровского.

Буденновские кубанские конные части, появившиеся к северу от Перекопского вала, неоднократно атакуют отряд, но каждый раз отбиты. У драгун десятки потерь, в том числе тяжело ранен доставив-

ший донесение старший унтер-офицер юнкер Николаевского училища Снессаревский. Все раненные отправляются в Симферопольский военный госпиталь.

Незадолго перед эвакуацией, зайдя в Симферополе повидать тяжело раненного, с раздроблением кости, лейб-драгуна Снессаревского и поздравить его с 2-м Георгиевским крестом, последняя фраза дрогнувшим голосом этого полумальчика очень характерна для нас: «Я бесконечно счастлив, что сумел сделать то, что каждому лейб-драгуну положено, — посиально исполнить свой долг».

Между тем часть обоза ротмистра Лабудзинского, со взводом поручика графа Беннигсена, уже погрузившиеся на 2 баржи, в море у Бердянска попадают в трагическое положение. Затертые во льду баржи не могут двигаться. В это время Бердянск занимается большевиками, открывшими по нему стрельбу с берега. К вечеру поручик граф Беннигсен со свободными драгунами, человек 15, решает прорываться по льду на Мариуполь. Выйдя к вечеру на лед, поручик граф Беннигсен старается пробиться на восток и с тех пор со взводом драгун пропадает без вести.

На другой день случайно заметивший критическое положение затертых во льду барж небольшой добровольческий ледокол, взяв их на буксир, доставляет все имущество и оставшегося с ним поручика Долгово-Сабурова в Керчь.

15 февраля, добравшись в Керчь, после долгого скитания по морю из Новороссийска, я застаю следующую обстановку в составе лейб-драгун. Люди поручика Озерова, вошедшего снова в остатки полка полковника Ковалинского, все время с тяжелыми боями отходят к Новороссийску для окончательной погрузки на Керчь из Кубанской области.

Создавшийся на Перекопе лейб-гвардии Драгунский дивизион отдельной частью, так называемый Гвардейский кавалерийский дивизион, под командой полковника Ковалевского, действует под Перекопом в составе Гвардейского отряда полковника, а потом генерала Петровского, входящего в корпус генерала Слащова. Обоз 2-го разряда, подчиненный обозу 2-го гвардейского Кавалерийского полка полковника Скалона, стоит на даче Глазунова, на проливе близ Керчи. Его принимает только что прибывший из Керчи ротмистр Алеев⁴⁸⁷.

4 апреля 1920 года

В неравном бою 4 апреля 1920 года лейб-драгуны, отбиваясь врукопашную от наседающих красных кубанских казаков из полков Буденного, снова теряют несколько десятков героев и своего доблестного

командира — смертельно раненного графа Андрея Ильича Толстого. Этот выдающийся молодой офицер, кавалер Георгиевского оружия, умер смертью храбрых, не покидая вверенного ему участка Перекопского вала. По рассказам уносившего его, тяжело раненного, ротмистра граф Андрей Ильич Толстой выпустил все патроны своего маузера в нападающих цепью буденновцев и потерял сознание, истекая кровью. Его торжественно хоронят вместе с зарубленными тогда командиром Кирасирского эскадрона подполковником маркизом Альбицци и конногренадером поручиком Костиным на кладбище колонии Берлин, около Грамматикова.

Прибытием части эскадрона поручика Озерова из Новороссийска на дачу Глазунова и комплектованием части эскадрона после потери в боях у Перекопа кончается период Добровольческой армии генерала Деникина. Новый Главнокомандующий, генерал Врангель, создавший Русскую Армию в Крыму, включает лейб-драгунский эскадрон целиком в виде 8-го эскадрона в Сводно-гвардейский кавалерийский полк полковника Ковалинского. 8-м эскадронам в Русской Армии командуют по очереди полковник Александровский, произведенный в ротмистры Н.А. Озеров, ротмистр Коптев, а в последнее время, с июня, ротмистр де Витт и ротмистр Колокольцев.

Не принимая личного участия в боях в Северной Таврии, я не берусь описывать подробности боевых действий лейб-драгун под Каховкой, а затем в Северной Таврии. Ограничусь лишь кратким обзором событий в Северной Таврии за последние 4—5 месяцев, до трагического отхода конного корпуса генерала Барбовича для эвакуации.

Необходимо отметить лишь для характеристики участия лейб-драгун в непрерывных боях, что за исключением полковника Александровского, доблестно ведшего все время эскадрон в лучшем его боевом составе, все сменявшие друг друга командиры эскадронов были или убиты, или эвакуированы за ранениями.

Ротмистр Озеров, выведший эскадрон при первом майском наступлении в Северную Таврию, раненный саблей в голову, лечился в обозе. Сменивший его ротмистр Коптев во время действий против кавалерии Жлобы был при атаке ранен пулей в чашку левой ноги насквозь. Ротмистр де Витт, командуя Драгунским эскадронам при рейде Конного корпуса генерала Бабичева и впоследствии походными движениями в районе Бердянского уезда, в конной атаке при селе Жеребей убит из пулемета 19 июня 1920 года. Сменивший доблестного ротмистра де Витта ротмистр А.Г. Колокольцев, вынесший на себе все тяжести непрерывных арбергардных боев на линии Днестра, убит во время конной атаки у хутора Черненко 1 сентября. Тогда же командир

левофлангового взвода поручик Келеповский, замахнувшийся на побегавшего к нему красного начальника шашкой, был убит последним из нагана пулей в область сердца. Ротмистр Колокольцев и поручик Келеповский похоронены драгунами рядом, в ограде верхней церкви села Верхние Серагозы Мелитопольского уезда.

Наконец, в районе Каховки также легко ранен ротмистр Бок в конце июля.

Описывая период боевых действий лейб-драгун за 1919-й и 1920 годы, остановил внимание лишь на том, что, пройдя походным порядком свыше тысячи верст и участвуя, в особенности в последнее время, в непрерывных боях при отходе корпуса генерала Барбовича из Северной Таврии к Южному берегу Крыма, лейб-драгуны, ядро которых все время составляли гальштадтские и пришибские немцы-колонисты, все время выказывали исключительную личную храбрость, выносливость и железную спайку, одухотворены были безграничной любовью к своей части и к ее создателю и руководителю полковнику Владимиру Петровичу Римскому-Корсакову. Эскадрон при всевозможных, самых критических обстоятельствах выказывал все время свое превосходство в моральном отношении с некоторыми окружавшими его частями армии.

Плохо одетые, терпя неисчислимые мучения от холода, болезней и недоедания и подчас засыпая в седле от усталости, лейб-драгуны во время атаки были всегда первыми, и храбрость, ими проявленная, неоднократно отмечалась их начальниками, как то генералом Петровским и Барбовичем в Северной Таврии.

Мне лично было приятно слышать из уст этого сурового и строгого боевого начальника, каким был генерал Барбович, при отдаче боевого приказа, большой важности слова: «Пошлите драгун из Сводно-гвардейского полка. С ними можно быть спокойным».

Аттестация генерала Барбовича вполне оценивала тот вклад, что вложил в свое детище ее создатель и постоянный покровитель, полковник Римский-Корсаков. Светлая память о нем останется навсегда в истории жизни лейб-драгун в Белом движении.

Его пример высокой личной храбрости и рыцарского отношения к своим соратникам глубоко усвоен в его родном эскадроне. С подорванными силами, еле поправившийся от вынесенных им тифов, полковник Владимир Петрович Римский-Корсаков всегда остается верным себе и свято охраняет горсточку добровольцев лейб-драгун на чужбине, разделяя с ними их лишения в Галлиполи.

С ними, с неизменным своим помощником Н.А. Озеровым он решается отправиться в Сербию на пограничную боевую службу в свой последний жизненный этап.

Северная Таврия — в ней проходят светлые минуты боевых удач и темные этапы походной жизни и вынужденных отходов лейб-драгуны. Сотни верст Мелитопольского и Бердянского уездов прошли несколько раз вдоль и поперек добрые кони гальштадтских колонистов. Сколько раз скакали они во весь опор с изрешеченным пулями бело-красным значком впереди навстречу большевистским палачам. В ней — в Северной Таврии, в ее глинистой земле, покоятся навсегда тела многих временно погибших господ офицеров, столь свято исполнивших свой последний долг перед Великой Россией.

Ротмистр граф Андрей Толстой, Аполлон Колокольцов, Сергей де Витт, поручик Анатолий Келеповский, юноша корнет князь Николай Енгальчев, корнет Кирилл Гевлич и вахмистр, старый сверхсрочный, Шлея, проделавшие весь двухлетний поход и умершие оба от тифа, поручики граф Беннигсен и Ив. Ал. Зеленой, оба без вести пропавшие. Многие и многие десятки доблестных унтер-офицеров и солдат лейб-драгун. Им, душу свою положившим на поле чести вполне добровольно и сознательно, — кладу я низкий поклон, сохраняя вечную память их доблести и примеру. Будущее поколение лейб-драгун в будущем родном полку, в воссоздание которого каждый лейб-драгун горячо верит, сумеет оценить их заслуги и тяжкие лишения, что безмолвно и с безграничным терпением несли они — эти добровольцы и их руководители.

Их сливала одна общая идея, одна мысль. Они несли ее всюду под сенью старых полковых цветов: «За Веру, Царя и Отечество».

А. Литвинов

С ЛЕЙБ-ДРАГУНАМИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ⁴⁸⁸

В глубине Африки, 10 лет спустя после событий Гражданской войны, довелось мне получить интересный выпуск 1-й книги «Лейб-драгуны дома и на войне». Богатый исторический и бытовой материал, относящийся ко времени двух войн, заключающийся в этом выпуске, позволяет надеяться на то, что дело издания не ограничится одним лишь первым выпуском, но что за ним последуют и дальнейшие.

Как участник войн, коему не раз приходилось встречаться в боевой обстановке с доблестными лейб-драгунами, я с большим интересом ознакомился с книгой, в частности с наиболее интересным лично для меня очерком полковника Главацкого «От Азовского моря до Курской губернии и обратно», описывающим тот поход, участие

ком которого мне довелось быть с начала до конца и в течение которого судьба соединяла меня неоднократно с лейб-драгунами, то находясь в их подчинении, то принимая командование над ними, то участвуя бок о бок с ними в боевых действиях наших славных полков против большевиков.

При всей искренности рассказа полковника Главацкого, составленного, видимо, много лет спустя и часто со слов третьих лиц, как это указывает сам автор, я натолкнулся на довольно крупные неточности. Зная, какой ценный материал для будущего историка представляют собою подобного рода записки, беру на себя смелость исправить некоторые места и дополнить их.

Сознавая всю ценность точности мемуарных сведений, я произвел немедленно после оставления Крыма сводку боевых действий своего родного лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка за все время Гражданской войны, которая послужила основой составленной совместно с полковником фон Баумгартеном «Памятки кирасир Ея Величества за время Гражданской войны», изданной в Берлине в 1927 году. Хронология событий была нами строго проверена не только в обществе офицеров нашего полка, но и совместно с офицерами других полков гвардейской кавалерии и штабов дивизии и корпуса. Имея перед собой экземпляр «Памятки» и свои личные записки и документы, я с уверенностью могу исправить и дополнить рассказ полковника Главацкого и написать краткий рассказ о том, что мне пришлось пережить совместно с лейб-драгунами.

Впервые пришлось мне встретиться с ними во время того самого Ак-Манайского сидения, с которого полковник Главацкий начинает повествование. Кадры почти всех полков гвардейской кавалерии собраны были на небольшом участке фронта и начали там свою совместную боевую работу. До этого времени мы находились в разных полках и на разных фронтах и имели возможность встречаться лишь случайно в тылу.

В апреле 1919 года, после оставления Северной Таврии, в нашей армии на всех фронтах произошел перелом в нашу пользу. Отступление кончилось закреплением на позициях. Они были тем исходным пунктом, с которого должно было начаться наше крупное наступление. Оно было, наконец, назначено на 5 июня 1919 года (а не 4 мая, как указывает полковник Главацкий). Около 12 часов ночи с 4-го на 5 июня пишущий эти строки получил приказание из штаба Сводно-кирасирского полка принять в командование всех безлошадных кирасир Ее Величества в количестве 55 человек и, сформировав стрелковый полускадрон, прибыть в окопы Сводного полка Кавказской кавалерий-

ской дивизии. Однако, по прибытии моем в окопы, командир Кавказского полка получил уже распоряжение направить мой полуэскадрон на Арабатскую стрелку для устройства совместно с моряками десанта в тылу у большевиков. К рассвету добрался я до Арабата и двинулся оттуда на присоединение к двум пароходам «Граф Игнатъев» и «Гидра», находившимся в 12 верстах к северу. В 8 часов утра отряд мой поравнялся с пароходами, стоявшими на якоре, и я отправился к старшему морскому офицеру мичману Севастьянову. Канонада в это время с полуострова слышна была сильная — ясно было, что развивался крупный бой. От Севастьянова узнал я, что к северу от нас находится конный полуэскадрон лейб-драгун и что наша задача — перетаскать три моторных катера через стрелку. После этого нам предстояло высадиться на полуострове в тылу у большевиков и действовать в зависимости от обстановки.

Немедленно принялись мы за дело, которое оказалось нелегким. Никакими инструментами и приспособлениями мы не располагали, и работа оказалась невероятно трудной. Маленькие легкие и изящные катера, каковыми они казались в волнах Азовского моря, оказались на земле чрезвычайно тяжелыми и громоздкими, и, перекатывая через стрелку, имевшую в этом месте немного более полуверсты расстояния в ширину, мы промучились трое суток. К тому же и непредвиденное обстоятельство — довольствие людей в солончаковой пустыне, каковою была здесь стрелка, где не было даже пресной воды, необычайно осложнило дело.

К концу третьего дня два катера находились уже в Сиваше, но артиллерийская стрельба слышна была уже к северу, и ясно было, что вся наша каторжная работа по перетаскиванию оказалась ни к чему. В это время корпус наш, разбив большевиков, подходил уже к Джанкою. Не имея никаких инструкций от начальства, мне предстояло сделать выбор: возвращаться назад на полуостров и искать свой полк, что было связано с большой потерей времени в такую горячую пору, или же двигаться на север по стрелке для присоединения к драгунам. Зная от моряков, что драгуны были крайне малочисленны, я решил на последнее. 10 июня я прибыл в деревню, названия которой уже не помню, где расположен был лейб-драгунский обоз, и явился к полковнику Римскому-Корсакову. Полковник Римский выразил большую радость по поводу нашего прибытия. Его эскадрон был численно очень невелик (красные занимали позиции впереди, и со дня на день можно было ожидать приказа о наступлении). В деревне, куда я прибыл, находился лишь обоз, эскадрон же продвинулся на 40 верст к северу и занял без боя село Чакрак. Полковник Римский предложил мне

выступить вместе с ним в Чакрак, но недостаток подвод вынудил меня воспользоваться предложением моряков перевезти кирасир на пароходах. К вечеру того же дня я был в Чакраке.

Это громадное богатое село в плодородной части стрелки, окруженное хуторами. На одном из них, а именно хуторе Чебаненко, в 8 верстах к северу от Чакрака, остановились конные драгуны. По указанию полковника Римского, мой полуэскадрон занял северную окраину Чакрака и выставил 3 заставы. Южную часть села заняли драгунский штаб и обоз. Расстояние между нами было, таким образом, около версты.

12 июня, проверив вечером посты, я вернулся в свою хату и, не раздеваясь, лег спать. В полной темноте я был внезапно разбужен старшим заставы, доложившим, что с хутора Чабаненко прискакали три драгуна. На хуторе был якобы бой, и все драгуны погибли. Допросив подробнее драгун, я убедился, что что-то серьезное происходит на хуторе. Драгуны в один голос заявляли, что в непроглядной тьме эскадрон их подвергся нападению большевиков и только им троим удалось спастись. Отправив одного драгуна к полковнику Римскому, я оставил двоих у себя в качестве конных разведчиков и ординарцев и немедленно поднял своих кирасир. Тьма была кромешная. Усилив заставы у обоих входов в село с севера и оставив нескольких кирасир в резерве, я рассыпал остальных цепью между селом и Азовским морем — место наиболее доступное для прохода большевиков. Прошло с полчаса томительного ожидания. Вдруг почти одновременно послышался конский топот спереди и сзади. Из тыла приехав обеспокоенный полковник Римский с ротмистром Бокком. Они сообщили, что тревога в обозе была поднята вольноопределяющимся Бибиковым, прискакавшим с хутора по берегу моря и миновавшим, таким образом, мои посты. Обоз был немедленно отправлен под командой корнета Гаусмана на юг. Увидев боевой порядок кирасир, полковник Римский выразил мне свое удовлетворение в самых лестных выражениях. С севера вскоре подошли драгуны во главе с ротмистром Александровским и другими офицерами. Тревога оказалась преувеличенной. Не досчитывались лишь поручика Озерова 1-го и нескольких драгун. Дождавшись рассвета, мы все выехали верхом на место боя. Около злосчастливого хутора на берегу моря несколько драгун укладывали на английский катер тяжелораненого поручика Озерова. Драгуны были совершенно мокрые, так как, отступив к морю, они попали под обстрел судовой артиллерии, спаслись от которой смогли, лишь выйдя в море. На дворе хутора валялись трупы. Драгун было, к счастью, только четверо, красных много больше. Красные, застигнув драгун ночью врасплох, подверг-

лись, однако, сопротивлению, а также артиллерийскому обстрелу наших судов и, понеся большие потери, скрылись.

Останавливаясь на описании этого боя у полковника Главацкого, позволяю себе отметить следующие неточности. Меня самого автор называет поручиком Максимовым. Все события он относит к маю, а не к июню. О кирасирах автор говорит весьма глухо, что они находились на полпути (?), выступив пешком во время боя (?). Далее автор говорит, что по прибытии ординарца (Бибикова) главные силы вышли из Чакрака. Главных сил вообще не было, если не считать кирасирского ядра. Из Чакрака вышли те драгуны, которые отошли с хутора, часть кирасир и офицеры во главе с полковником Римским. Хотя кирасирам непосредственного участия в бою принять не пришлось, однако они сыграли некоторую роль в событиях, о чем неоднократно впоследствии вспоминал при встречах со мною полковник Римский.

На следующий день после боя драгуны были отведены на отдых в Чакрак, а мои кирасиры сменили их. В 12 часов дня я прибыл на хутор Чабаненко и явился к полковнику Главацкому. Несколько драгунских офицеров и конных ординарцев драгун остались с нами на хуторе. В ночь с 14-го на 15 июня была произведена боевая тревога, описанная полковником Главацким, вызванная подходом красных. До боя, однако, не дошло. 16 июня на хутор снова пришли драгуны, на смену кирасирам. Отойдя в Чакрак, я узнал, однако, что драгуны немедленно же выступили на север для занятия оставленного красными Геническа. 17-го туда выступил и мой полуэскадрон.

После утомительного похода по стрелке длиной в 110 верст, было чрезвычайно приятно попасть хотя бы и в такой захолустный городишко, как Геническ. Весь отряд, состоявший из драгун, кирасир, радиостанции, двух пароходов и 3 катеров, соединился и пробыл на отдыхе несколько дней. За это время мы изловили несколько коммунистов, в том числе командира красного батальона и местного газетного сотрудника, писавшего в коммунистической газетке до нашего прибытия до последней степени ругательные статьи по адресу проклятой Антанты и ее белогвардейских наемников. Всем этим господам была устроена основательная порка, а затем часть их была сдана в штаб на станцию Ново-Алексеевка, часть же выведена в расход по правилам Гражданской войны. Затем, после торжественного парада, устроенного отряду, мы с драгунами вышли на северо-запад на присоединение к нашей бригаде, дошедшей уже до Днепра. Поход этот при великолепной погоде и бодром настроении духа оставил у участников его самое лучшее воспоминание. К тому же нам

пришлось пройти через необычайно интересное имение Фальц-Фейна Аскания-Нова, хотя и подвергшееся разграблению большевиками, однако не потерявшее свой громадный интерес благодаря своему зверинцу. 26 июня я со своим полуэскадром распрощался с милейшими драгунами и на следующий день присоединился к своему полку в селении Большая Лепетиха на Днестре.

В последующие месяцы, описанные полковником Главацким, нам многократно приходилось встречаться с лейб-драгунами и, находясь в составе одной и той же бригады, участвовать совместно в боях. После занятия Бахмача судьба нас разделила. Драгуны пошли на Батурин, кирасиры на Нежин. В тяжелых боях провели обе группы сентябрь 1919 года. Наиболее славным делом Кирасирского полка была конная атака 15 сентября на село Британы Черниговской губернии. Во время этой исключительной по своей доблести атаки погиб, сраженный пулей в сердце, командир моего эскадрона и мой старый лицейский товарищ, штабс-ротмистр Деконский. Смерть его в совершенно иной обстановке, в другое время, и притом якобы в Полтавской губернии, описана полковником Главацким. При чтении описания гибели Деконского, очевидцем коей мне пришлось быть, у меня осталось впечатление, что речь идет не о нем, а о ком-то другом.

В октябре Кирасирский дивизион, под командой полковника барона Таубе, был направлен в Полтавскую губернию для борьбы с бандой Шубы, осаждавшей Полтаву. Последовала двухмесячная стоянка с ежедневными разведками и разъездами, а иногда и боями. Дивизионный адъютант наш штабс-ротмистр Полянский, автор многочисленных и зачастую очень удачных песен и стихов, вернувшись однажды из штаба Полтавского отряда, изобразил так в рифмах наше пребывание в Полтаве:

Иду к Пальшау я,
Там ждут меня друзья —
Бискупский и Кальницкий,
Противник большевицкий,
Глоба и граф Капнист,
В боях специалист.
Там с ними забываю
Живительный покой.
Шампанского не пьют,
Задачи там дают
Разведкам и разъездам
По нескольким уездам,
И Петр Великий сам
Учиться мог бы там,
Как надо под Полтавой
Давать Полтавский бой!

Под конец нашей стоянки в Полтаве, когда уже намечался отход на юг, мы узнали о подходе лейб-драгунского полусэскадрона, командуемого поручиком Озеровым 1-м. Мы встретились с ним в последних числах ноября во время небольшого боя с бандитами у села Старые Сенжары. Озеров сам, заболев тифом, сразу же эвакуировался, и полусэскадрон его в количестве около 30 шашек, оставшись без офицеров, был присоединен распоряжением барона Таубе к моему 2-му эскадрону кирасир Ее Величества. Лейб-драгуны, во главе с вахмистром, были в хорошем виде и довели количество шашек у меня до 120. Я устроил их в отдельный взвод и давал им самостоятельные боевые задачи. Офицеров у нас было в этот момент крайне недостаточно — по 2 на эскадрон, считая и командира эскадрона, и потому во главе офицерских разъездов посылались очень часто подпрапорщик или унтер-офицер.

27 ноября мы оставили Полтаву и пошли на присоединение к бригаде нашей, отступавшей под сильным давлением красных вдоль границы Харьковской и Полтавской губерний. На долю нашего конского отряда (2 эскадрона кирасир Ее Величества, с пулеметною командою и лейб-драгунским взводом, и эскадрон украинских гусар ротмистра Крыжановского) выпала неприятная задача прикрывать отступление пехоты Полтавского отряда с севера, двигаясь вдоль фронта с запада на восток. Красные просачивались сквозь фронт, наша пехота была ненадежна. Через несколько дней после оставления Полтавы мы узнали об измене пехотного батальона, перебившего своих офицеров в одном из селений Константиноградского уезда и сдавшего его большевикам. Охранение нам приходилось нести на громадном пространстве Константиноградского и соседних уездов. 6 декабря я получил приказание выставить охранение в нескольких верстах от нашего расположения и назначил лейб-драгунский взвод во главе с вахмистром. На рассвете прискакали вахмистр и два драгуна с печальной вестью. Красные напали на них среди ночи, часть перебили, часть увели с собой. Второй раз в течение этого года пришлось мне услышать почти однородный рассказ. Тем временем отряд наш получил приказание продолжать поход. С разрешения полковника барона Таубе я решил произвести усиленную разведку всем эскадронам в районе ночного боя. Он отстоял от нас верстах в 10, и я надеялся застать большевиков врасплох и отбить драгун. Однако по приходе в деревню мы никого не нашли. Жители рассказали, что немедленно после нападения большевики ушли обратно на север, подробностей же ночного боя, естественно, никто из крестьян не знал. Мне тем более было досадно это событие, что среди драгун было несколько весьма достойных, которых я знал еще по июньскому походу по Арабатской стрелке.

Много позже, уже в 1920 году, я узнал, что часть этих драгун, отбиваясь от большевиков, вышла из деревни прямо на юг и, не встретившись с нашим отрядом, добралась в конце концов благополучно в Крым, где вошла в драгунский эскадрон полковника Ковалевского.

Почти не выходя из нарядов, двигались мы далее на юго-восток. 8 декабря мы присоединились к Сводно-кирасирскому полку, который потерял $\frac{9}{10}$ своего состава частью в боях, частью обмороженными и тифозными, имел, совместно со 2-м гвардейским Сводно-кавалерийским полком, всего лишь около 60 шашек, командовал им кавалергард штабс-ротмистр А.Н. Шебеко. От нескольких эскадронов почти не оставалось следа. Единственный оставшийся кирасир Его Величества был в кавалергардском эскадроне. Конно-гренадерским эскадроном после выбытия из строя его последнего офицера командовал улан Его Величества поручик князь Волконский. Драгунского эскадрона не существовало, и своих трех драгун я сдал в Конно-гренадерский. В первый же день нашего присоединения к полку 8 декабря мы имели тяжелый бой на реке Орели и потеряли почти треть нашего состава.

Полки пополнялись, однако, как могли набором добровольцев, мобилизациями и присылками пополнений из запасных эскадронов. Смена личного состава была громадная — никто не оставался долго в строю — тиф или пуля неизбежно заставляли эвакуироваться.

По-видимому, и драгунское пополнение прибыло вскоре, ибо несколько дней спустя после боя 8 декабря мой эскадрон сменил в арьергарде у станции Краснопавловка драгунский эскадрон штабс-ротмистра де Витта 1-го, убитого впоследствии в 1920 году.

Будучи сведена в один полк, гвардейская кавалерия до конца Гражданской войны находилась вместе. В декабре были присоединены к полку лейб-гусары и уланы Ее Величества, воевавшие до этого в Сводно-горской дивизии Кавказской армии, где они понесли серьезные потери. В январе присоединились к полку и гродненские гусары, переведенные из Сводно-гусарского полка.

Совместно проделали мы тяжелый поход на Ростов. 2 декабря 1919 года Ростов был оставлен Добровольческой армией и занят большевиками, причем кавалерия генерала Барбовича оказалась отрезанной у села Мокрый Чалтырь, на правом берегу Дона. Переправляться нам пришлось через Дон, по которому накануне прошел ледокол. Отбиваясь от наседавшего врага, кавалерия с трудом перешла на левый берег, перетащив, однако, свою артиллерию, пулеметы и обозы.

В Койсуге впервые за два месяца мы вздохнули. Вследствие необычайно густого тумана, покрывшего Придонской край в конце декаб-

ря, военные действия прекратились сами собой. Отдохнувшие части были приведены в порядок, пополнены. Необычайная закаленность духа позволила нашим сравнительно малочисленным полкам вписать в течение последующих полутора месяцев блестящие страницы в свои истории. В течение всего января полки не выходили из боев и неизменно каждый бой кончался разгромом большевиков. О дальнейшем отступлении никто уж не говорил — все помыслы были идти вперед.

Наше наступление состоялось 7 февраля. Дружными усилиями Добровольческого корпуса был взят Ростов. Наиболее крупную роль во взятии его довелось сыграть Сводно-гвардейскому полку. В то время как корниловцы вели огневой бой у Темерника, кавалерия была направлена в обход фланга и тыла красных, гвардейский полк был впереди. Пройдя по замерзшему вспаханному полю под ураганным огнем, гвардейцы дошли до крайних домов Темерника и затем, круто повернув левым плечом, обрушились на красную пехоту. Атака эта решила участь Ростова. Победа, однако, далась не легкою ценой: гвардейский полк потерял ранеными офицеров — штабс-ротмистра Одинцова (кирасир Ее Величества), штабс-ротмистра Оношковича-Яцыну и корнета Максимова (кирасир Его Величества), корнета Турского (улана Ее Величества) и штабс-ротмистра Крыжановского (улана Его Величества). За несколько дней до этого были убиты у села Кулешовка штабс-ротмистр граф Стенбок-Фермор (Конной гвардии) и поручик князь Волконский (улан Его Величества).

В Ростове полки сильно пополнились как добровольцами, так и пополнениями, прибывшими из запасных частей.

Большевистская армия, получив, в свою очередь, крупные подкрепления и видя невозможность достигнуть результатов на участке Добровольческого корпуса, двинулась через реку Маньч на станцию Тихорецкая. Разложение кубанцев дало им возможность почти беспрепятственного продвижения вперед и, предвещая падение Кавказа, вынудило добровольцев оставить Ростов без боя. Наша кавалерия была брошена в прорыв восстанавливать положение.

17 февраля конная группа генерала Павлова столкнулась с армией Буденного у станции Средний Егорлык. Навстречу наступающим красным генерал Павлов послал бригаду генерала Барбовича, имевшую в первой линии Сводно-гвардейский и 3-й Сводно-кавалерийский полки. Кавалерийский бой длился с 2 часов дня до наступления темноты, и, хотя упорство красных было сломлено и поле битвы осталось за нами, гвардейская кавалерия потеряла свыше половины своего состава. Из 20 офицеров, участвовавших в этом бою, были убиты 10 (ротмистры князь Святополк-Мирский, Кучин 1-й, Хитрово, поручики

князь Черкасский и Буйнов, корнеты граф Гейден, Штранге, Пуришкевич и князь Енгальчев и прикомандированный поручик Воронцов) и ранено двое (ротмистры князь Накашидзе и Полянский).

Бой этот предрешил участь всего Кавказа, полки наши были уничтожены, и остатки армии были вынуждены отходить под давлением красных на Новороссийск и оттуда в Крым.

В Крыму гвардейская кавалерия соединилась со своими обозами и лазаретами. На страже Крыма, на Перекопе, находился Сводный гвардейский эскадрон, под командой полковника Ковалевского, составленный в значительной части из лейб-драгун. Рок тяготел и над ним. В ночь со 2-го на 3 апреля отряд этот подвергся нападению красной конницы и почти полностью погиб. Как и в бою под Егорлыкской, потери в офицерском составе были очень большие: 4 офицера убито — полковник маркиз де ля Альбицци (кирасир Его Величества), штабс-ротмистр граф Толстой (лейб-драгун), поручик Костин (конногренадер) и корнет Литвинов 1-й (кирасир Ее Величества), 1 ранен — поручик граф Мусин-Пушкин и 1 пропал без вести — корнет Пусторослев (полковник Альбицци похоронен не в колонии Берлин, как указано полковником Главацким, а в Феодосии, там же рядом погребен и корнет Литвинов).

Будучи назначен в апреле 1920 года на должность помощника полкового адъютанта Гвардейского кавалерийского полка, я покинул строй и до конца Гражданской войны находился в штабе и в командировках. Прибавить что-либо к материалам, напечатанным в драгунском издании, я не решаюсь.

Всех нас объединяла мысль собирания и восстановления распавшихся после революции полков — начало восстановления России. Рок сулил иное! Но и в рассеянии нашем мы продолжаем оставаться тою сплоченною любовью и памятью к родному прошлому силою, разбить которую не смогли и самые суровые испытания. «Лейб-драгуны дома и на войне», «Памятка кирасир Ея Величества» и другие вышедшие и подготовляющиеся к изданию труды — доказательство этого.

Мир праху и вечная память героям!

*Д. де Витт*⁴⁸⁹

СЕВЕРНАЯ ЧЕЧНЯ⁴⁹⁰

Тяжело громяхая, ночью, в полной темноте, поезд дотащил нас до Грозного — столицы Чечни, куда мы ехали для набора всадников-чеченцев и формирования 1-го Чеченского конного полка. Взяв

извозчика, мы приказали везти себя в гостиницу. Все попытки найти комнату оказались тщетными: все было занято и реквизировано. Мы в отчаянии подумывали уже возвращаться на вокзал и там в зале первого класса коротать остаток ночи, как вдруг нашего возницу осенила мысль, и, нахлестывая свою лошаденку, он снова повез нас через сонный город. Денщики наши с вьюками и седлами тарахтели следом за нами.

Мы остановились у какого-то мрачного двухэтажного дома. Распахнулась дверь; до нас долетели звуки охрипшего граммофона. Любезная хозяйка с нескрываемой радостью выбежала нам навстречу, готовая, казалось, заключить нас в объятия... Нам предложили довольно посредственную комнату, но мы были и ей рады, предвкушая удовольствие выспаться и вымыться. Наши денщики сразу же вошли в свою роль: появилась горячая вода для мытья, самовар, стелились кровати. Хозяйка усиленно уговаривала нас поскорее вымыться и подняться к ней наверх, но, сославшись на усталость, мы уклонились от ее предложений. Мой денщик Гончаров смущенно сказал: «Господин ротмистр, да ведь мы попали не в гостиницу, это настоящее «заведение» — здесь только одни молодые барышни». — «Ну что же, мы все же останемся здесь, — улыбаясь, заявил ротмистр Феденко-Проценко, — не ночевать же нам на улице, а завтра, осмотревшись, переедем». Вымывшись и напившись чаю, мы стали подумывать о сне. Вдруг страшный женский крик и шум возни раздались у самой нашей двери. Накинув бурку, я вышел в коридор; какой-то вольноопределяющийся-чеченец неистово бил по лицу полуголую растерзанную женщину; она не оставалась в долгу, визжала и отбивалась.

Прикрикнув на вольноопределяющегося, я приказал ему немедленно же убираться; он был, видимо, этому крайне обрадован и мгновенно скрылся; но женщина не унималась, продолжая требовать каких-то денег. Я совсем не хотел вникать в их счеты и разногласия и приказал своему денщику успокоить разбушевавшуюся женщину. На крики прибежала и хозяйка, на этот раз сильно обиженная, упрекая нас в самоуправстве и подрыве ее «дела». Но несколько минут спустя инцидент был исчерпан, и мы, изрядно усталые, заснули под звуки граммофона и нескончаемого смеха наверху.

Проснувшись рано утром, мы отправились в Управление Чечни за предписанием. Оказалось, что наше пребывание в Грозном, очевидно, задерживалось на день-два. Нам предстояло ехать в горные аулы, только недавно покоренные и приведенные в подчинение, для набора всадников; для нашей экспедиции требовался конвой стражников, которые в то время были все в разгоне, и нам приходилось их ждать.

Воспользовавшись вынужденным пребыванием в городе, мы решили приобрести черкески, как нам это советовали для успеха нашей миссии. До сих пор, и во время Степного похода, мы ходили в форме лейб-драгун, считая себя прикомандированными; теперь же, перейдя в 1-й Чеченский конный полк и приняв эскадрон, нам приходилось надевать форму полка. Все дни нашего пребывания в Грозном мы, четверо однополчан, ежедневно собирались вечером на обед в лучшем в то время в городе ресторане «Сан-Ремо» и, слушая музыку, за стаканом вина, вспоминали наш старый полк и делились впечатлениями дня.

Нам четверым предстояло набрать людей для двух эскадронов. По обоюдному соглашению мы разделились на две партии: одна — ротмистр Феденко-Проценко и я, другая — штабс-ротмистр Генрици 3-й и корнет Алехин. Между собою мы поделили и аулы, в зависимости от числа выставляемых ими всадников.

Стражники все не прибывали, а время шло: 25-го был назначен день для погрузки в эшелоны. Нужно было торопиться, и мы решили рискнуть поехать самостоятельно. Мы наняли подводу, вооружили наших денщиков винтовками и, оставив все свои вещи у знакомых, 20 июля, плотно и хорошо позавтракав, пустились в путь.

У нас было предписание правителя Чечни, с указанием, сколько какой аул выставляет всадников на основании договорных условий местного горского правительства с Главным командованием. Нам оставалось только принять количество вооруженных всадников и лошадей с походной седловкой, удостоверять их годность для строевой службы. В противном случае, нам предоставлялось право их браковать и требовать замены. В помощь нам давались медицинский и ветеринарный фельдшера.

Первый ближайший аул был Новые Алды, в котором мы должны были принять 36 всадников. Прибыв в управление аулом, мы вызвали старшин и предъявили свое предписание. Громадная толпа конных и пеших чеченцев, вооруженных с ног до головы, злобно на нас поглядывала. Старшины сразу же стали торговаться, прося уменьшить число выставляемых всадников. Мы отказались вступать с ними в спор и строго держались предписания. Проспорив более часа и видя, что мы непримиримы, «старики аула» стали собирать предполагаемых к мобилизации чеченцев.

Расставив столы посреди площади и составляя попутно ведомость, мы приступили к приемке лошадей, вооружения, обмундирования, седловки и, наконец, лошадей. Все это приходилось делать весьма тщательно, непрерывно бракуя и требуя тут же замены. Сопровождалось все это

невероятным спором и торгом. Тут пришлось столкнуться с многочисленными непредвиденными трудностями: многие чеченцы не говорили по-русски, и приходилось обращаться к переводчику. Документов почти ни у кого из них не было; имена же у всех были одни и те же: Ахметы, Магометы, Али и пр. Все это вызывало невероятную путаницу, и, как следствие, — в будущем возможны были подмены и подделки. Тогда мы решили в ведомости указывать отличительные признаки каждого принимаемого чеченца и каждой лошади.

Тут же на месте у нас выработался прием: твердо стоять на заявленном требовании и ни в каком случае не уступать, иначе всей нашей миссии грозил провал; малейшее послабление вызывало сейчас же дальнейшие просьбы. Чеченцы вообще народ дикий и малокультурный. Единственно, что на них действует, — это сила и животный страх перед офицером, в котором они видят представителя власти и высшую расу. Всем им были еще памятны недавние жестокие с ними расправы генерала Ляхова, при подавлении восстания и приведения их в покорность. Многие аулы были сожжены и разбиты казаками, и много крови было пролито здесь в горах, пока чеченцы не признали над собой власти Главнокомандующего.

Когда мы покончили с приемкой, нас пригласил к себе в гости старый седой чеченец. Переступив порог его богатой сакли, мы сразу же попали в другой мир. Расстелив ковры на балконе и сняв сапоги-чуваки, хозяин долго молился; затем принесли самовар и нас пригласили к столу; подали очень вкусную яичницу с острым сыром и шашлык. За стол сел хозяин, пригласив нас, как гостей, сесть справа и слева от него. Никто из сыновей не смел садиться в присутствии отца: они, вооруженные, встали вдоль стены. Еду подавали жены (их у нашего хозяина было четыре), с опущенными глазами и не смотря на окружающих; поставив блюдо, они сейчас же уходили. Дочери-девушки вообще не показывались на глаза. По восточному обычаю есть приходилось всем из одного блюда-тарелки, закусывая вкусным хлебом — лепешками. Одно блюдо сменялось другим, затем пошли сладости и варенье и началось обильное чаепитие. Так просидели мы за столом часа два, а то и более; затем хозяин встал и снова стал молиться. Было уже поздно, мы сильно устали. Хозяин проводил нас в саклю, всю увешанную коврами, и указал на низкие диваны, предназначенные для сна.

Была чудная ночь; горный воздух был как-то особенно легкий и чист. Несмотря на усталость, спать не хотелось; мы вышли на балкон и, усевшись на подушки, слушали интересный рассказ хозяина о том, как его народ живет в своих аулах. Вся домашняя работа,

хозяйство, работа в огородах и прочее лежит на женах, количество которых зависит исключительно от средств мужа. Мужья покупают жен за деньги или выменивают на лошадей, и тогда вся сделка проходит гладко и полюбовно, но бывают и случаи похищения в соседнем ауле намеченной в жены девушки, причем в таких экспедициях участвуют и ближайшие родственники, и тогда часто все дело кончается кровопролитием и убийством, переходящими в дальнейшем в «кровавую месть» двух родов. Женщина — раба, не имеющая права ни сидеть за одним столом с мужчиной, ни покидать ограды своей сакли. Мужчины же, как правило, вообще ничего не делают и страшно ленивы. Назначение их — защита своего очага от всевозможных кровных мстителей. Грабеж, как средство существования, в их жизни совершенно узаконен, особенно если это касается ненавистных соседей их — терских казаков, с которыми чеченцы с незапамятных времен ведут войны. Все мужчины и даже дети всегда при оружии, без которого они не смеют покинуть свой дом. Грабят и убивают они преимущественно на дороге, устраивая засады; при этом часто, не поделив честно добычи, они становятся врагами на всю жизнь, мстя обидчику и всему его роду. Торговли они почти не ведут, разве что лошадьми. Край богат и, при женском только труде, кормит их с избытком. В политическом отношении чеченцы совершенные дети и ни в чем не разбираются. Они слепо преклоняются перед русским Царем и в особенности — перед Великим Князем Михаилом Александровичем, бывшим начальником Дикой дивизии, портрет которого висит буквально в каждой сакле. Большевизм им непонятен, но чутьем они видят в нем врага, покушающегося на те льготы и права, которые были им дарованы Царем. Керенского же они просто презирали и считали жидом. Идею Белого движения чеченцы объясняли себе с трудом и вообще относились с недоверием ко всему, что не было санкционировано законным монархом.

Поговорив вдоволь с нашим гостеприимным хозяином, мы улеглись спать; хозяин последовал за нами в комнату и, положив винтовку рядом на подушку, лег на полу поперек двери. Мы пробовали протестовать, но он заявил, что это его право и долг, как хозяин — он и весь род его отвечают за благополучие и безопасность гостей.

Проснувшись рано утром, я решил пойти выкупаться в реке Сунже, протекающей здесь же под обрывом. Каково же было мое изумление, когда я, выйдя из ограды, увидел идущими за мною двоих вооруженных сыновей хозяина. Я почувствовал какую-то неловкость и просил их не беспокоиться, но они запротестовали: «Твоя наш гость, и наша должна тебя охранять и ей-богу зла не делает». Я стал раздеваться, они повер-

нулись ко мне спиной, сели на корточки, зажав винтовки в руках, и в такой позе оба просидели, пока я купался и одевался, после чего снова проводили меня в саклю.

Поднявшись на гору, я остановился и долго любовался. Все было так красиво и необыкновенно: живописно разбросанный среди гор и утопающий в зелени аул имел какую-то особую прелесть; внизу между скал с шумом неслась быстрая Сунжа. Тут же, по узкой тропинке, под гору за водой шла нескончаемая вереница смуглых чеченцев в пестрых платках, с высокими медными кувшинами на головах. Шли они медленно, бесшумно, опустив глаза. Все это было торжественно красиво и так далеко от городской жизни и большевизма...

Напившись чаю и распростившись с нашим милым хозяином, мы, на этот раз уже с конвоем в 8 стражников, на тачанке выехали в следующий аул Алхан-Юрт. Проехав верст десять по красивой горной дороге и дважды перейдя вброд небольшие речки, мы попали в узкое среди скал ущелье; как вдруг из-за камней выскочило несколько вооруженных чеченцев-абреков, загородивших нам дорогу. Но, увидев офицерские погоны, а главное, стражников сзади на подводе, они расступились и пропустили нас, злобно оглядываясь. «Кажется, вовремя нас нагнали стражники, иначе нам несдобровать, — сказал ротмистр Феденко-Проценко, — ведь это все абреки-разбойники, выходившие за добычей». На всякий случай денщики зарядили винтовки, а мы вынули из кобур револьверы.

Подъехав к аулу Алхан-Юрт, мы увидели груду развалин: аул был почти весь сожжен казаками. Мы направились к правлению. Заметив нас издали, нам навстречу с криком бросилась вооруженная толпа. Минута была довольно жуткая; мы немного растерялись: они, очевидно, приняли нас за казаков — своих злейших врагов. Но тут конвой выехал вперед, вышел переводчик и объяснил, кто мы. Нас окружили и долго недоверчиво рассматривали. Мы предъявили предписание о мобилизации 20 всадников-джигитов. Они наотрез отказались. Тогда ротмистр Феденко-Проценко объявил, что это требование Главнокомандующего и что если к 20 июля требуемые всадники не будут выставлены, то будут вызваны казаки. Почувствовав, что за нами сила, жители, поспорив, согласились и, желая, очевидно, сгладить первое впечатление, стали усиленно приглашать нас на какое-то торжество, с тем чтобы мы только остановились в ауле.

Отказавшись, мы уехали дальше и, проделав еще около 20 верст, въехали в чудный, богатый аул Старый Артык. Здесь нас поджидал уже сход в полном составе. При содействии старшин и «почетных стариков» мы приняли на этот раз сравнительно быстро, согласно предписанию,

60 всадников. Конечно, все это не обошлось без торговли и просьб, но теперь у нас уже выработалась сноровка и все проходило довольно гладко. По окончании приема всадников к нам подошел старый чеченец, знакомый по Астраханскому походу, ординарец начальника дивизии, находившийся здесь в отпуску, и пригласил нас к себе. Отлично накормив, он отвел нам богато устланную и увешанную коврами комнату. «Старики аула» беспрерывно приходили, прося о разных побрякушках и отсрочках. Видя наше упорство, но желая все же добиться своего, они стали предлагать нам подарки, ценные кинжалы, бурки, седла, но мы отклонили все эти подношения, настаивая на своем.

На следующий день мы были приглашены в гости к одному старику чеченцу. В назначенный час к воротам сакли нашей собралось человек 5—6 вооруженных чеченцев; это был конвой, присланный, чтобы нас сопровождать. Нас широко угостили, была выставлена масса кукурузной водки, подавали отлично и своеобразно приготовленных цыплят, пилав с кишмишем, шашлык, зелень и еще какие-то очень вкусные блюда. Все родственники хозяина, как это у них положено, пока мы обедали, стояли у стены и созерцали нашу еду.

Часов около 12 вечера хозяин пригласил нас пойти с ним к соседу на свадьбу. В саду, на коврах, сидели гости, освещенные несколькими факелами. В стороне помещалась невеста, на этот раз купленная, среди своих сверстниц-девушек. На противоположной стороне жених и его друзья танцевали лезгинку с кинжалами во рту. Все танцы сопровождалась огушительной стрельбой в воздух, выражавшей веселье и восторг гостей. Временами начинался общий танец под звуки зурны или гармоники. По обычаю чеченцев кавалеры танцевали в 2—3 шагах от своей дамы, не смея до нее дотронуться, но стараясь непременно при каждом повороте выстрелить в воздух из револьвера, отчего лалба шла беспрерывно. Неожиданно ко мне приблизился чеченец и, разрядив у самого моего уха свой автоматический пистолет, сказал мне, протягивая руку: «Мой сын будет служить у тебя в эскадроне, твой ей-богу нравится». Стрельба у самого уха — это наивысшее выражение симпатии, но от этого начинало уже шуметь в голове.

Среди гостей я заметил одного чеченца, за которым по пятам ходило трое других с оружием в руках. Я спросил объяснений у хозяина; оказалось, что это «кровники»: четыре года тому назад во время ссоры он зарезал кинжалом другого чеченца, и теперь весь род последнего мстит ему. В итоге один род должен вырезать другой, и потому-то честь семьи заставляет охранять его.

По знаку хозяина вдруг все смолкло; нам принесли угощение и снова ту же ужасную мутную водку. Жених и невеста ушли в саклю,

куда за ними последовали два почетных «старика аула». Прошло немало времени, и «старики» вынесли и предъявили гостям кусок материи с пятнами крови... Ответом на это была бешеная стрельба в воздух и дикие танцы с кинжалами и бросанием вверх оружия. Молодая была принята в семью. В противном случае деньги возвращаются назад и, как нам говорили, по неписаному закону несчастную женщину забивают насмерть. Уже поздно ночью мы возвращались домой, провожаемые всем аулом с факелами и стрельбой.

На следующий день мы приняли еще в соседних аулах 48 всадников. Миссия наша приходила к концу. Накануне погрузки нас посетил полковник Невзоров, помощник командира полка, и произвел осмотр принятых нами джигитов. Вид людей был хороший, и молодой конский состав был прекрасный.

Побывать во всех саклях, куда нас приглашали, мы, конечно, не могли, они же считали за особую честь принять у себя офицера, да еще своего будущего начальника. Под разными предложениями мы все эти приглашения отклоняли, побывав только у влиятельных «стариков» и у муллы; все это отнимало время и мешало делу, а его была масса: нужно было торопиться с отчетами, ведомостями и расчетами для погрузки, а также озаботиться фуражом. Не имея с собой писарей, мы оба часами сидели над листами бумаги, вычерчивая и подсчитывая.

Рано утром 25 июля на сборный пункт стали прибывать мобилизованные всадники. Снова проверка, снова браковка, и только часам к десяти утра мы смогли выступить походом в Грозный для погрузки в эшелон. По дороге нас настиг красавец всадник, в погонах подпрапорщика, с колодкой Георгиевских крестов, и просил о зачислении его в эскадрон. Он был так красив и эффектен на своей золотисто-рыжей кобыле, что мы им невольно залюбовались. Из предъявленных им документов явствовало, что это был старый всадник, службы 1911 года, окончивший учебную команду в Дагестанском конном полку. Он был сразу же назначен вахмистром эскадрона. Это была действительно находка для меня, вызывавшая в дальнейшем зависть у всех командиров эскадронов. Знание строевой службы, авторитет и личная храбрость сделали его моим незаменимым помощником и советником во все время моего командования 4-м эскадрон.

Часам к 4 дня, в колонне по три, мы вступили в город. На главной площади набранных всадников встретил начальник дивизии генерал Ревшин; пропустив колонну, он подозвал ротмистра Феденко-Проценко и меня и, благодаря за быстро выполненное поручение, сказал: «Слава богу, вы набрали молодцов, и по внешнему виду они так не

похожи на тех, что были с нами в степях, а конского состава лучше и желать нельзя».

Придя на вокзал, мы с места же приступили к погрузке в поджидавший нас поданный к платформе состав. Погрузка шла чрезвычайно медленно; полудикие горячие лошади не хотели входить по сходням в вагоны. Неопытные к посадке чеченцы суетились, кричали, создавая путаницу и калеча лошадей. Чуть ли не каждой лошади приходилось завязывать глаза и грузить поочередно. Когда, наконец, часам к семи вечера все было закончено, нам сообщили, что приказано построить в пешем строю всех людей на платформе, куда вскоре прибыл правитель Чечни генерал Алиев⁴⁹¹ в сопровождении начальника дивизии. Обойдя людей и поздоровавшись с нами, генерал Алиев обратился к джигитам с напутственным словом на чеченском языке. Генерал Ревшин⁴⁹² представил ротмистра Феденко-Проценко и меня генералу Алиеву, который в очень лестных словах благодарил нас за блестящий вид чеченцев, добавив, что от лейб-драгун он другого и не мог ожидать.

С наступлением темноты, под страшную пальбу в воздух из всех вагонов, мы покинули Грозный. Эшелон наш двигался невероятно медленно, повсюду останавливаясь и пропуская поезда, и только на вторые сутки ночью мы прибыли в Ставрополь, где и были отведены на запасные пути.

Д. Контев⁴⁹³

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ДРАГУНСКОГО ЭСКАДРОНА В ИЮНЕ 1920 ГОДА НА ДНЕПРЕ⁴⁹⁴

Сводно-гвардейский кавалерийский полк стоял в местечке на левом берегу Днепра. Собранная в кулак вся дивизия генерала Барбовича предназначалась препятствовать переправе крупных сил большевиков через Днепр.

12 июня командующий Сводно-гвардейским кавалерийским полком полковник Ряснянский вызывает полковника Александровского и поручает ему наблюдение за ночной экспедицией, заданной Драгунскому эскадрону. Цель экспедиции: проникнуть в нескольких верстах вверх по течению на находящийся среди Днепра остров и оттуда на затонувшую большую большевистскую баржу и забрать с нее ценное военное имущество.

Баржа находилась почти у самого берега противника. 14 июня вечером драгуны выступили в пешем строю. Забрав подводы, прошли восемь верст до следующего села, расположенного на берегу Днепра, как раз против острова. Нами реквизированы были все рыбачьи плоскодонники.

В помощь лейб-драгунам приданы были из Кавалергардского эскадрона пулеметчики с легкими пулеметами системы «Альюи». Покуда эскадрон готовился к переправе, когда стемнело, из Каховки выплыла на двух морских лодках штабс-ротмистр Озеров, по направлению к тому же острову. Налет на баржу должны были проделать эти две лодки с командой драгун и пулеметчиков. В темноте эскадрон благополучно переправился на остров, прошел по тропинке сквозь густые камыши и, заняв стрелковую позицию, замер в ожидании. Приблизительно час спустя подошел со своими лодками штабс-ротмистр Озеров. Ночь была теплая, лунная; решили подождать захода луны. Поднялся небольшой ветер в море, сильно зашелестели камыши и ивы; ждать пришлось часа два. Когда наступила полная темнота, оставили пулеметы на носы лодок, штабс-ротмистр Озеров погрузился в них с 20 драгунами и 4 кавалергардами-пулеметчиками и тихо отчалил от берега, скрывшись немедленно в темноте. Все стали напряженно прислушиваться.

Опершись спинами о ствол большой ивы, полковник Александровский и я тихо разговаривали; прошло томительных 15—20 минут, и Александровский, повернувшись ко мне, заметил: «Все благополучно, видимо, на барже никого нет, и Озеров сможет спокойно забрать там что надо».

Но скоро послышался плеск весел, и из темноты вынырнули очертания обеих лодок; причалили к берегу. Озеров быстро выпрыгнул из лодки и, подойдя к нам, доложил полковнику Александровскому: «Баржа занята большевиками, они ее разгружают, ясно слышны голоса, что делать?»

Все господа, встав в кучу, начали обсуждать. Александровский заметил, что лучше не рисковать ночным боем; я высказал свое мнение Александровскому, что если мы этой ночью ничего не сделаем, то нас пошлют обратно на следующую ночь, и что тогда будет хуже, потому что большевики наверное узнают от жителей села, что мы были на острове; остров всего длиною каких-нибудь 400 сажень и шириной около 250; что у большевиков напротив нас имеется 30 орудий, из которых 8 тяжелых, и что, открыв заградительный огонь из 30 орудий по маленькому острову, большевики просто уничтожат эскадрон.

Александровский, подумав немного, заявил мне: «Если хочешь, веди экспедицию по своему усмотрению». Я согласился. Подойдя к драгунам,

я заметил, что непривычная обстановка и возвращение лодок подействовали на людей, и, когда я тихо вызвал охотников, произошла заминка. Наконец из темноты ко мне подошла какая-то фигура и сказала: «Я, господин ротмистр», затем потянулись и другие. Отобрав 20 человек, я сел в лодку, в другую сел штабс-ротмистр Озеров. Снова поплыли в темноте. Пришлось взять много вверх по течению, так как сильно относило. Лодки шли параллельно одна другой. Чтобы не ошибиться в темноте, прошли всю длину острова вверх и, пересекши Днепр, повернули назад и пошли вдоль неприятельского берега. Скоро мы услышали голоса, и немного спустя стал очерчиваться силуэт баржи и замелькало несколько огоньков от папирос большевиков. Гребцы замедлили ход. Тогда я подавал команду полным голосом: «Лодки прямо на баржу, пулеметная команда, прямо по барже — огонь!»

Раздался треск пулеметов, и в эту темную ночь вспышки стрелявших пулеметов резко прорезывали в темноте огневые полосы. Лодки в несколько махов долетели до баржи, и драгуны бросились на abordаж.

Большевики, застигнутые врасплох, не сопротивлялись, часть их бросилась в лодку и бежала на свой берег, и 9 человек сдалось; среди них была женщина — местная крестьянка.

Тогда мы бросились к осмотру баржи: на палубе лежало большое количество германских кожаных подсумков и хомуты — другого ничего не было. Трюм был затоплен. Начали шарить баграми в трюме и, наконец, зацепили что-то очень тяжелое. Долго тащили, и, наконец, выплыл громадных размеров самовар без крышки. С досадой бросили его обратно в воду. Надо было торопиться: оставался час до рассвета. К счастью, с берега большевиков на наш огонь не отвечали. Наполнив лодки подсумками и хомутами, забрав пленных, отчалили от баржи и поплыли к острову.

Ветер понемногу крепчал. Дойдя до острова, команда выгрузилась, и лодки быстро пошли вниз по течению, в Каховку. Эскадрон, пройдя сквозь камыши, начал свою переправу на плоскодонниках. Стало светать, ветер настолько окреп, что началось волнение.

Оставшись последними на острове, со взводным Фоменко и двумя вольноопределяющимися, Васильчиковым и Баласом, — мы смотрели на переправу эскадрона. Катились черные волны с белыми гребешками, и плоскодонники запрыгали, некоторых стало захлестывать волной, один из них, дойдя почти до берега, начал тонуть, шедший рядом с ним его вытащил.

Сев в последний, пустились и мы, но, не дойдя до середины, к нам вкатилась волна и заполнила наш плоскодонник наполовину; лодка чуть

осела, и немедленно вкатилась вторая волна. Рыбак, сидевший на веслах, потерял голову и беспомощно заколотил веслами; попробовали выкачивать воду, но еще одна волна — и вода нам дошла до колен; плоскодонник перестал продвигаться вперед — вода все прибавлялась.

Спросив людей, умеют ли они плавать, получил в ответ: «Никак нет», — стало неприятно. Взводный и оба вольноопределяющиеся подняли крик: «Помогите, тонем!» В это время лодка, от которой видны были только края бортов, заколебалась и точно уходила из-под нас; видя, что она немедленно перевернется, приказал людям бросить подсумки и винтовки в воду.

Двое впереди шедших плоскодонников, саженьях в 150 от нашего, увидев наше крушение, повернули нам на помощь, но ждать времени не было — плоскодонник медленно переворачивался. Встав, я приказал людям: «Не жди, чтобы покрыло — прыгай в воду!» — и прыгнул. Вынырнув, я увидел четыре барахтающиеся фигуры, машущие руками в воздухе и истуканно кричавшие. Течением нас сильно разбросало друг от друга. К счастью, плоскодонник, шедший на помощь, подоспевал; крикнув людям, чтобы держались, я поплыл к берегу; было тяжело, тянуло вниз... Повернув голову назад, я увидел, как двоих вытягивали за волосы, потом, немного спустя, уже из-под воды вытянули третью фигуру — четвертого не было... Доплыв до берега, вышел из воды, ко мне подошел Александровский. Подошла лодка, из нее вылезли бледные Васильчиков и Балас и вынесли захлебнувшегося рыбака и стали его откачивать.

Взводный утонул, и тело его через двое суток выбросило на берег у самой Каховки.

Пошли к своим подводам и вернулись в свое расположение. Утром потом докладываю командующему полком. Полковник Ряснянский меня выслушал и заявил мне: «Не может быть, что на этой барже ничего нет ценного, надо будет вам повторить в эту же ночь налет на баржу». Объявил полковнику Ряснянскому обстановку, заметил ему, что при повторении операции эскадрон, по всей вероятности, будет просто уничтожен, так как противник немедленно примет соответствующие к тому меры, легко имеющиеся у него в распоряжении. Единственно, чего удалось добиться от командующего полком, что ночная операция перекладывалась на двое суток. К счастью для нас, не пришлось ее повторять. На вторые сутки, ночью, начался сильный обстрел Каховки, и большевики стали крупными силами переправляться через Днепр, а рано утром 18 июня, Сводно-гвардейский кавалерийский полк атаковал в пешем строю переправившуюся дивизию большевиков в колонии Ключевой близ Каховки, и отбросил ее в Ринин, понеся сам крупные потери.

А. де Витт

ЛЕЙБ-ДРАГУНЫ В БОЯХ 22 ИЮНЯ 1920 ГОДА⁴⁹⁵

В 1920 году крушение почти всего антибольшевистского фронта на Юге России вскрыло целый ряд недочетов и все те нарывы, коими болела армия последнее время, и выдвинуло на первый план вопрос о смене Главного командования.

Отвечая общему желанию армии и тыла, Главкомандующим назначается нервная и энергичная работа по реорганизации тыла и подготовке армии к наступлению. Спешно приходят пополнения обмундирования и прочее, забывается горечь отступления и поражения последнего времени, — армия залечивает свои раны.

Оправляется постепенно и гвардейская кавалерия после легендарной по доблести, но трагической по результатам конной атаки у станицы Егорлыкской, где гвардейская кавалерия лишней раз подтвердила правильность слов, сказанных в старину Наполеоном: «Гвардия умирает, но не сдается».

Одними убитыми полк насчитывает 14 офицеров. Раненые или потерявшие в атаке лошадей офицеры стрелялись, не желая сдаваться в плен. Дорого стоила атака и лейб-драгунам, полуэскадрон которых, под командою молодого, но редко доблестного офицера полка корнета князя Енгальчева, атакует в составе Гвардейского кавалерийского полка красную конницу Буденного. В порыве конной атаки лейб-драгуны прорываются сквозь первые лавы красных, попадая под удары главных сил, и в неравном бою корнет князь Енгальчев и большинство лейб-драгун падают зарубленными.

Итак, армия снова воспряла духом, явилась вера в победу. Армия возрождается в перерожденном виде — утрачивая прежний дух добровольчества и партизанщины, неотъемлемых спутников ее несчастий. Полки принимают вид прежних регулярных частей.

В конце мая 1-й армейский корпус генерала Кутепова, опрокинув красных на Перекопских позициях, врывается в Северную Таврию и с невероятным упорством и быстротою развивает наступление, ежедневно вписывая новые страницы доблести в историю русских армий.

Регулярная конница пока бездействует, занимая сравнительно пассивные участки фронта. 20 июня эскадрон лейб-драгун с наступлением темноты сменяется в сторожевом охранении и отводится в город Каховку, куда к этому времени подтягиваются и прочие эскадроны гвардейской кавалерии. Лейб-драгуны располагаются в 5—6 дворах в

северной части города. Офицерам приказано находиться при своих взводах, лошадей не расседлывать — разрешается отпустить подпруги и вынуть железно. Усталость от бессонных ночей в сторожевом охранении берет свое, и расположившиеся у коновязей люди вскоре засыпают.

В пятом часу утра, когда солнце едва начинало всходить, дневальные поднимают свои взводы. Спешно идет водопой, задается корм лошадям. Кругом тишина — Каховка спит мертвым сном, и только общую картину нарушают далекий лай собаки или ржание лошади, ждущей своей очереди у водопойного корыта. Кое-где разбрасываются костры, и люди варят чай.

Но недолго длится эта утренняя идиллия. Со стороны Днепра, прорезывая общую тишину, раздаются несколько ружейных выстрелов, которым вторят пулеметы. С шипением через голову эскадрона пролетает, в виде утреннего приветствия, очередь нашей конной батареи, красная артиллерия без замедления отвечает, и вскоре стрельба принимает вид артиллерийской дуэли, сквозь звук которой можно только различить далекий, но все усиливающийся пулеметный и ружейный огонь. Повсюду взлетают фонтаны земли от рвущихся красных гранат, выбрасывая далеко в стороны груды камней и земли, всюду слышится лязг бьющихся стекол, кое-где начинаются пожары. Разбуженный обыватель, с заспанным и бледным от страха лицом выбегая из своего дома, плотно закрывает ставни и прячется в подвале. Голосом по дворам передается приказание командира эскадрона полковника Александровского — завести лошадей под навес и без приказа не выводить. Люди нервничают, общее внимание всех устремляется вдоль улицы, в сторону штаба полка, — все ждут приказания. Проходит 5—6 томительных минут, на повороте показывается красная драгунская бескозырка скачущего ординарца связи, и вскоре эскадрон лейб-драгун крупной рысью идет по улице к выходу из города, строя взводную колонну. Переведя лошадей в шаг, пристраивается к общей резервной колонне полка. Огонь постепенно затихает, вызываются вперед командиры эскадронов, коим разъясняется обстановка. Выслав вперед охранение, полк на рысях вытягивается на юг. От полковника Александровского мы узнаем обстановку, которая рисуется в следующем виде.

Красные по всему фронту Днепра перешли в наступление, желая, очевидно, контрударом задержать продвижение нашего 1-го армейского корпуса. Против села Каховка их попытка под прикрытием артиллерии форсировать реку Днепр отбита нашим 1-м конным полком.

В верстах 6—7 южнее Каховки у селения Ключевая, сбив сторожевое охранение одесских улан, красные переправили на левый берег

по сведениям, 2—3 батальона пехоты с артиллерией и стремительно развивают свое наступление, грозя обходу Каховки. Выделив пешие эскадроны Конной гвардии и улан Его Величества под начальством лейб-гвардии Драгунского полка полковника Ковалевского, которому приказано занять южные переправы Каховки, содействовать 1-му конному полку в удержании фронта от повторных атак красных к переправе. Прочим же эскадронам ставилось задание остановить продвижение красных на линии Ключевая—Основа и по возможности выбить их с левого берега...

Пройдя верст 6, полк втянулся в густую рошу. Лейб-драгуны, конногренадеры и уланы Его Величества, произведя усиленное спешивание, вытянулись в цепь. Оба Кирасирских эскадрона остаются в виде резерва и прикрытия к коноводам.

Цепи, выйдя из роши, встречают отходящую редкую цепь одесских улан, которые, постепенно собрав своих людей, занимают участок правее лейб-драгун. Со стороны красных огонь довольно слабый, ясно чувствуется, что цели у них нет. Мне был придан пулемет кирасир Его Величества, под командой корнета Сомова. Выбрав хорошую позицию с широким обстрелом, я просил пулеметчиков занять ее и поддержать нас огнем при нашем наступлении. Вскоре через наши головы полетели снаряды красных, ясно были видны разрывы над коноводами. Наступление в эскадроне было прекрасное, после сравнительно долгого бездействия люди рвались в бой в полном смысле этого слова, и, получив приказание к наступлению, драгуны с криком «Ура!» бросились вперед, ответом на что был сильнейший фронтовый и временами фланговый огонь красных. Выйдя из кустарников, всюду стали виднеться цепи противника. Одновременно с этим справа по цепи передают: корнет Сомов и наводчик-кирасир ранены.

Благодаря сильному огню и изнывая от жары и глубокого песка, цепь наша залегла. Надо отдать справедливость, красные стойко держались на своих позициях, несмотря на то что расстояние между нами значительно сблизилось. В это время со мной, пишущим эти строки, произошел следующий случай: находясь во взводе, как я уже сказал, на самом правом фланге эскадрона и полка, я невольно должен был поддерживать связь с правоходящимися от меня, приблизительно в полуверсте, одесскими уланами⁴⁹⁶. Воспользовавшись, что наши цепи залегли, я по канаве пошел вправо, желая установить хотя бы видимую связь с уланами; отойдя шагов 250 от своего взвода, я невольно в остолбенении остановился, увидев в 30—40 шагах от себя одного лежащего и другого стоящего на коленях большевиков; они над чем-то возились и, очевидно, меня не сразу заметили. Все это было столь не-

ожиданно, и, сознавая, что я совершенно один, я чисто машинально выстрелил из винтовки, но промахнулся, и, желая дослать следующий патрон, получилось заклинение; бросив винтовку, я стал доставать из кобуры револьвер, но меткий выстрел моего взводного старшего унтер-офицера Миронова, идущего, как потом оказалось, следом за мной, предупредил мое желание, сбив наповал красноармейца, попав ему немного выше правого уха, другой же бросился бежать в кусты.

Подойдя, мы нашли пулемет, замаскированный зеленью, который, как трофей, был отправлен к коноводам. В это время дружный крик «Ура!» 1-го взвода ротмистра Коптева поднял за собою весь эскадрон, и люди неудержимо бросились вперед. Красные не выдержали и, бросая свои позиции, стали отступать, местами переходя в паническое бегство.

Не прошло и двух-трех минут, по цепи передают: ротмистр Коптев тяжело ранен. Общий крик в цепи: «Кирасиры вперед!» — так и остался одним пожеланием... Они были далеко сзади. В то же время конная атака дивизиона кирасир на отступающую в панике пехоту к переправам дала бы колоссальные результаты. Повсюду попадались трупы и тяжело раненные красноармейцы. Дойдя со взводом до линии садов, я получил приказание пройти цепью сады, прочим же взводам спешить к переправам. Пройдя благополучно сады и выйдя на открытое место, я невольно стал свидетелем следующего эпизода. В 200—300 шагах от моего взвода, у самой кручи обрыва, почти спиной ко мне, стояли 2 человека и усиленно стреляли в сад. Видя только из спины, я не мог решить — наши ли это или красные, но сомнения тут же было рассеяно. Из садов, с сильной руганью, держа винтовку прикладом вверх, бежал корнет Гевлич и за ним несколько драгун. Еще момент, стреляющие люди бросили винтовки, подняв руки кверху. Но пощады уже быть не могло... удары приклада решили участь красноармейцев, и оба большевика мертвыми телами, оставляя кровавый след на камнях, катились вниз под обрыв.

Соединившись с корнетом Гевlichem, мы вместе подошли к эскадрону, который в полуверсте влево, разбившись на отдельные группы, вел огонь по спасающемуся на плотках или попросту бросающемуся впасть противнику. Удачный бой сильно подбодрил людей. Потери эскадрона, в сравнении с достигнутым результатом, оказались невелики. Ротмистр Коптев тяжело ранен пулей в колено и 4 драгуна сравнительно легко. Кроме того — два кирасира-пулеметчика, временно приданных нашему эскадрону. Огонь всюду затихал, и только левее нас уланы Его Величества еще вели бой за обладание деревней Основой, выбивая ручными гранатами засевших красных в водокачке.

Вскоре у них наступило затишье, большевики были выбиты.

Эскадроны стали собираться, подошли коноводы. Испуганный житель начал выбираться из погребов и щедро приветствовал лейб-драгун, как своих избавителей. (Стали искать пленных, но их не оказалось, они не дошли до коноводов, что ясно говорили новые сапоги и гимнастерка на конвоировавших их драгунах.) Выставив наблюдения на обрывы, эскадрон стал варить обед, и ничего, казалось, не говорило и не напоминало о прошедшем бое.

Простояв часов до четырех, эскадрон был вызван в направлении Каховки, где, по сведениям, красные, подтянув свои главные силы, энергично повели наступление, заняв переправы. 1-й конный полк и эскадроны полковника Ковалевского, понеся большие потери (убитыми командира улан Его Величества ротмистра Лишина и Конной гвардии корнета Артамонова, графа Стенбок-Фермора), принуждены были отойти, очистив при этом Каховку.

В полутора-двух верстах от города в лесу собрался весь конный резерв дивизии генерала Барбовича. Обстановка складывалась не в нашу пользу. Начальник дивизии, вызвав дивизион павлоградских лейб-гусар, приказал им в конном строю атаковать Каховку, желая этим остановить продвижение красных. Дружно бросились гусары в атаку, но сильный огонь красных вызвал у них замешательство, и вскоре павлоградцы, везя убитых и раненых, стягивались обратно в лес. Отдаваясь эхом по лесу, передается команда командира Гвардейского кавалерийского полка: «Лейб-драгуны, по коням!»... и спустя 2—3 минуты наш эскадрон во взводной колонне выходит на рыхлях в поле, проходя мимо штаба дивизии, живописно расположившегося на опушке леса, впереди которого на крупном караковом коне, в красных гусарских чакчирах виден начальник дивизии; здороваясь с лейб-драгунами, он указывает направление атаки.

— Эскадрон, строй фронт, шашки к бою, пики на бедро! — следует команда полковника Александровского.

И эскадрон, подняв лошадей в широкий галоп, бросается вперед. Попавшаяся на пути изгородь и ряд глубоких канав расстраивает общую атаку, много лошадей падает на препятствие. Общую картину усугубляет невероятно сильный залповый огонь красных. Первый взвод штабс-ротмистра Озерова 1-го, сильно оторвавшись влево и видя перед собою скопление красных, атакует его самостоятельно. Один из взводов, под командой вахмистра эскадрона, опрокинув красных, врывается в самую Каховку. Прочие же взводы, дойдя до обрывов, попадают под фланговый огонь красных, мечутся вдоль фронта и, неся большие потери в конском составе, отходят назад, пропуская через

себя лаву улан Его Величества, брошенных по нашему же направлению. Спустя короткое время и они отходят, везя раненого командира эскадрона ротмистра Гуреева⁴⁹⁷. Лейб-драгуны постепенно собираются на шоссе на дороге, подъезжает, поддерживаемый с двух сторон драгунами, в окровавленной гимнастерке, раненный в грудь штабс-ротмистр Озеров 1-й; подтягиваются и отдельные люди, некоторые везут в повозу раненых лошадей. Уже стемнело, когда эскадрон получает разрешение идти в соседнюю деревню для ночевки.

Итак, 21 июня кончилось, усталый эскадрон отдыхает, вспоминая по мелочам оба происшедших за день боя.

Двух офицеров, ротмистра Коптева, штабс-ротмистра Озерова 1-го, вольноопределяющегося Васильчикова и 11 драгун эскадрон уже недосчитывает в своей среде.

Не вина лейб-драгун, что благодаря нерешительности начальства — бросить все или хотя бы большинство эскадронов резерва одновременно в атаку — посылались одновременно по одному, увеличивая этим, без пользы для дела, список потерь, понижая дух, что невольно повлекло переход инициативы в руки красных. В этот день красные форсировали Днепр и, заняв Каховку, прочно засели в ней. Все наши попытки взять ее снова были тщетны. Каховка осталась за красными до самого падения Крыма.

Д. де Витт

БОЙ ЛЕЙБ-ДРАГУН У МАЛОЙ ТОКМАЧКИ И КОННАЯ АТАКА У ДЕРЕВНИ ЖЕРЕБЕЦ⁴⁹⁸

Написано со слов непосредственного участника боев, командира дивизиона, полковника Бока.

17 июля 1920 года, после упорного кровопролитного боя, конный корпус генерала Барбовича, имея в авангарде Гвардейский кавалерийский полк, выбивает из Малой Токмачки сильные части красных курсантов и занимает город. Во время боя эскадрон лейб-драгун, ворвавшись с западной стороны в город, после короткого уличного, переходящего временами в рукопашный боя, берет большое количество пленных, два пулемета и полностью санитарный обоз красных.

На следующий день конная красная группа Блинова пытается выбить наши части из занятого накануне города, но смелое решение командира корпуса генерала Барбовича встречно атаковать подходящую красную группу Гвардейским кавалерийским полком обращает

большевиков в бегство; бросая свою артиллерию и пулеметы, красные спасаются на север, выдвигая в арьергард бронированные автомобили, пулеметный огонь которых почти в упор расстреливает преследующие их гвардейские эскадроны. С наступлением темноты, понеся большие потери и доблестно выполнив задачу, полк отводится назад в Малую Токмачку.

Простояв день в городе, в ночь на 19 июля, по тревоге, полк вытаскивается на север, желая на рассвете атаковать расположившуюся биваком в деревне Жеребец конницу Блинова. На походе разъезды сообщают о начавшемся отступлении красных. Генерал Барбович, быстро оценив обстановку, приказывает командующему Гвардейским кавалерийским полком полковнику Ковалевскому атаковать отходящую колонну, первый конный полк на рысях посылается в обход, дабы отрезать красным путь отступления на Александровск.

Гвардейский кавалерийский полк, соблюдая полную тишину, по знаку шашки, как на учении, строит фронт и в полкнутом строю бросается в атаку. Красные, заметив атакующий полк, спешно отходят на север, прикрываясь сильным пулеметным огнем, открывая его прямо с тачанок (двуколки). Левофланговый эскадрон, под командой штабс-ротмистра де Витта 2-го, бросается по кратчайшему направлению на отходящих красных, но попадает под ураганный фланговый огонь. Эскадрон редеет, многие лейб-драгуны падают, несколько лошадей без всадников следуют за атакующим эскадром. В это время командир эскадрона штабс-ротмистр де Витт 2-й, выскочив сильно вперед, беспомощно закачался в седле, выпуская из рук поднятый клинок шашки, скользя по седлу безжизненно, и тяжело упал лицом на землю. Несколько драгун бросаются к своему командиру эскадрона. Атакующий эскадрон, наступившись, проскакивает мимо своего мертвого командира и лежащего от него недалеко, с тяжелой раной в животе, его вестового.

Измотанные лошади, после долгой скачки по вспаханному полю, начинают приставать, расстояние между отходящими красными и атакующими эскадронами увеличивается, и командующий полком вынужден остановить преследование.

Спустя несколько минут командир дивизиона полковник Бок подскочил к лежащему, с сильно запрокинутой набок головой, в луже свежей крови, штабс-ротмистру С.А. де Витту 2-му, около него возилось человек пять драгун и фельдшер. На нем было четыре раны — одна в грудь, три в голову.

Вечером эскадрон лейб-драгун в церковной ограде деревни Жеребец, в наскоро сколоченном гробу, хоронил своего командира эскадрона, отдавая ему тремя ружейными залпами свой последний долг.

Н. Главацкий

ШТАБС-РОТМИСТР АПОЛЛОН КОЛОКОЛЬЦОВ —
«АДМИРАЛ»⁴⁹⁹

Мы стояли в ту пору, как оба последних года Великой войны, в «стратегическом резерве». Этот резерв мало говорил людям, но много вреда бедным коням. Постоянные длительные передвижения в болотистых лесах Минской губернии и Волыни, без необходимых рациональных условий корма и хорошей питьевой воды, донельзя изнуряли конский состав нашего полка. В одном из таких промежуточных сидений полка 3-му эскадрону, в котором я состоял, выпала на долю отвратительная стоянка на берегу замерзшего озера, в глухой деревушке Пинского уезда с архаическим наименованием Чамля. Мы, младшие офицеры, во время таких перерывов обычно делили свой досуг между сном и едой, нескончаемым пережевыванием общих воспоминаний хорошего прошлого и боевых впечатлений, бьющих по нервам.

Так было и в этот холодный весенний день. Из штаба полка — деревни Терebenь — по телефону сообщили, что прибыл новый выпуск прапорщиков из пажей и училищ.

Новость была живительная, предстояло разнообразие тем, увидеть новые молодые лица, пережить свежие настроения. Стало сразу весело и шумно.

Потянуло всех познакомиться возможно скорее с прибывшей группой молодежи. Вскоре, а это пришлось как раз в день полкового праздника 17-го года, появились и они, как всегда полагается в таких случаях, выплыли из входной двери гуськом — друг за другом. Их было несколько. Времени столько прошло с тех пор, что память мне изменила — 5, может быть, 6 — точно не помню числа.

Среди них самый младший в какой-то зеленой форме — юноша малого роста, слегка сутуловатый, очень некрасивый, немного смахивающий лицом на русскую молодуху, если накрыть ей голову платочком.

«Прапорщик Аполлон Колокольцов — из училища по первому разряду!» — пропищал он фальшето и скромно опустил глаза вниз, когда до него дошла очередь представления.

Несколько месяцев прошло. Новый выпуск, как и все в полку, таяло и растворялся в среде своих эскадронов и быстро покрывался походной пылью. Господа прапорщики ожили, стали проявлять себя, кто как умел, и открыли свои молодые силы и характеры.

Между ними прапорщик Аполлон сразу ничем собственно не выделялся. Он был скромен, даже застенчив, и неразговорчив.

В одну из полковых пирушек, или, как их принято было звать, «бимбусов», на просьбу кого-то из старших, для оживления засыпающих от скуки лиц, было предложено каждому из последнего выпуска показать себя в интимной обстановке — кто во что горазда!

«Колокольцов, русскую, Колокольцов, «matelotte», он нам покажет свое искусство», — подзадоривали молодого прапорщика его одноклассники.

И действительно, внезапно преобразился «прапорщик Аполлон» — пустился в пляс, артистически и с огнем прошелся плавно он, как русская баба, помахивая платочком. Затем, уже под общее одобрение присутствующих, мастерски отчеканил руками и ногами несколько трудных пассажей нашумевшего когда-то танца французского флота под названием «matelotte».

«Настоящий моряк! Адмирал» — раздавалось где-то среди зрителей.

Так с тех пор и осталась за Колокольцовым на всю его жизнь эта кличка, данная ему «за морские способности».

Время шло. Колокольцова все узнали ближе, и он сделался общим любимцем молодежи.

Таким образом, он протянул в общей кипучей жизни полка и всю войну, выполняя свой маленький долг, как и все, ничем тогда из общей среды из скромности не выступая.

Пронеслось три года...

Проклятая революция смела фронты, подписала позорный мир, уничтожила все, чем гордилась и светлела память старины и величия дорогой Родины.

Не могла лишь погибнуть искорка, тлеющая в каждом дворянине-офицере, — честь грудью своею защищать правое дело и святую веру.

Группа офицеров лейб-драгун, собрав вокруг себя кучку добровольцев, другой год, не щадя здоровья и сил, билась, как умела, в рядах Белой армии Юга России.

Уже многие леги. Каждый из нас спокойно ждал своей участи. «От судьбы не уйдешь, а пока жив, сделаю, что в силах и что велит долг солдата» — так думал в то время каждый из нас, белый офицер и доброволец.

На одной из стоянок лейб-гвардии Драгунского эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского полка Русской Армии — это было в апреле 20-го года, где-то на ферме около Джанкоя — неожиданно открылись входные двери, и вдруг появился бывший прапорщик — теперь с четырьмя звездочками на погонах экзотической формы одного из «диких» полков, бывший «адмирал» Колокольцов.

Появился мрачный, хмурый. Неохотно пояснил тут же, что тяжело было тянуть походную лямку среди совершенно чуждых ему людей. «Потянуло безумно меня в свое родное. Тянуло и сбилось: отныне я снова среди своих. — И затем, обращаясь ко мне, четко отрубил конец своего повествования: — Господин полковник, разрешите немедленно в боевой наряд» — и вытянулся — руку под козырек.

Помню, что тогда с трудом уверил его, что сейчас перерыв, а с первым пополнением его желание будет исполнено и его пошлют на Перекоп. Два месяца отсутствовал из эскадрона штабс-ротмистр Колокольцов. Подкрался к нему проклятый «сыпняк» и душил его сколько мог, но не задушил — судьба готовила ему более светлый удел.

Вернулся из отпуска по болезни в июне Аполлон-Адмирал прямо в бой и принял скоро, за отсутствием выбывших за ранением своих командиров, и 8-й эскадрон. Эвакуировали ротмистра Коптева, его заместитель, полковник Александровский, через месяц был сменен убитым во время атаки ротмистром Сергеем де Виттом. Тут же 19 июля в селе Жеребец А.Г. Колокольцов бодро принял на себя полноту власти и выполнил свой долг до конца.

Гражданская война в Крыму приходила к концу. Почти ежедневными боями село Каховка и весь правый берег Днепра переходили из рук в руки.

Впереди 8-го эскадрона бесстрашно и спокойно вел свой ало-белый флюгер навстречу то «красным курсантам», то «бандитам Буденного» Аполлон Григорьевич. Люди его любили и верили ему, как себе.

Видел я его уже в конце августа, усталого и измученного, черного от пыли, с постоянными тяжелыми головными болями. Жаловался мне на них, но ни словом не обмолвился он о справедливой возможности получить себе смену.

Злой рок смены ему не дал.

Тягостные арьергардные бои вершали судьбу Русской Армии.

Утром 1 сентября 20-го года остаток лейб-драгун 8-го эскадрона приказанием свыше, снова развернулся на левом фланге полка, чтобы как и многие десятки раз, конной атакой остановить напор вдвое сильнее врага.

Спокойно поднял шашку доблестный штабс-ротмистр, взмахнул, блеснула ею в воздухе — опустил! Там, далеко за ним, как стрела из натянутой тетивы, понеслись на широких интервалах конные люди — последние белые гвардейские драгуны.

«Пики в руку, шашки к бою! Направление по четвертому взводу корнета Келеповского» — слышна им отчетливо и звонко его последняя команда...

Напоролись на скрытый пулемет... Несколько секунда, и шалая пуля сделала свое дело.

Тихо склонился на шею лошади штабс-ротмистр Колокольцов и, убитый наповал, скатился с седла.

Коротким ударом пулемет у красных был взят, его прислуга изрублена, а остатки наступавшей цепи дрогнули и побежали.

Старые и молодые господа офицеры лейб-драгуны! Так пресекалась жизнь в бою на хуторе под Черненькой последнего командира 8-го эскадрона гвардейского кавалерийского полка Русской Армии штабс-ротмистра Аполлона Григорьевича Колокольцова — Адмирала, как в шутку прозвали его однополчане.

А. Вонсяцкий⁵⁰⁰

ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ (Отрывок из воспоминаний)⁵⁰¹

...24 января 1919 года Запасный кавалерийский полк⁵⁰² Добровольческой армии походным порядком двинулся из Ливадии в Ялту; затем через Алушту в Симферополь. В Симферополе должна была произойти посадка полка в вагоны. Полк должен был доехать до станции Ново-Алексеевка, оттуда снова походным порядком до Аскания-Нова...

Стоял дивный солнечный день. На тротуарах набережной Ялты — скопление праздной, гуляющей толпы... Но вот идет полк... Впереди в одну шеренгу едет офицерство, уланы и гусары. Все бросаются к окнам, выходят из кафе и магазинов.

Первым — на красивом коне Богуцкий, за ним в ряд: Римский-Корсаков, Крыжановский, Гарденин⁵⁰³, Марков-Горяинов⁵⁰⁴, Криштофович⁵⁰⁵, Григорьевский... Рядом с ними гордо, красиво держатся в седлах александрейцы⁵⁰⁶. Печальными, полными грустью взглядами прощаются они с Ялтой.

Чувствовали ли некоторые из них, что сюда больше живыми не вернуться?

Беззаботно проходят тройки уланы и александрейцев. Несется песнь:

Ты не плачь, не рыдай,
Моя дорогая!
Коль убьют, позабудь:
Знать судьба такая!
Марш вперед, трубят в поход,
Черные гусары!

Но вот последняя тройка прошла. Сзади нагоняют полк отставшие пулеметные и лазаретные двуколки...

Полковник Гершельман — улан Его Величества и командир полка, по делам службы задержавшийся в Ялте на два дня, — уехал с штабс-ротмистром фон Мейером⁵⁰⁷ на автомобиле и нагнал полк в Симферополе.

Прошло четыре недели. Я поправлялся в санатории Императора Александра III в Массандре от полученного от большевиков ранее ранения. Вдруг неожиданно вызывают меня к телефону. У телефона врач нашего полка Каракановский, приехавший в Ялту несколько дней тому назад, назначенный представителем Добровольческой армии по освидетельствованию мобилизованных, только что объявленной в Крыму мобилизации.

— Ты еще ничего не слышал?

— Нет.

— Приезжай скорее в «Равэ»...

Ровно в восемь вечера вхожу в «Равэ» и в углу за столиком вижу Каракановского, сидящего с полковниками Мартыновым и Глебовым.

— На, полюбуйся... — И он протянул мне свернутую в клубок телеграфную ленту.

Я медленно разворачиваю и читаю нечто ужасное...

«...В бою 20 февраля под Аскания-Нова убиты командир полка полковник Гершельман ротмистр Богуцкий корнет Марков-Горяинов точка тела полковника Гершельмана и ротмистра Богуцкого следуют в Ялту точка несмотря на восемь попыток вынести тело корнета Маркова-Горяинова не удалось точка тяжело ранен прапорщик Григорьевский точка ранены ротмистр Римский-Корсаков корнет Крыштофович...»

Ночью прибыл грузовой автомобиль с адъютантом полка поручиком Мухановым и двумя уланами, привезшими три тела: Гершельмана, Богуцкого и одного солдата, скончавшегося по дороге, во время отступления остатков полка. Все они были в таком виде, в каком их подобрали. В нижней церкви Ялтинского собора, где омывались эти группы, Муханов передавал подробности.

Эскадрон улан Его Величества⁵⁰⁸, численностью в девяносто с лишком человек, в течение восьми часов выдерживал бой против четырехсот большевиков и махновцев. У банды была даже артиллерия. Первым был убит Богуцкий. Он находился в цепи. Неприятельская цепь залегла в двухстах шагах. Младшие офицеры и уланы уговаривали Богуцкого лечь.

— Пусть эта сволочь посмотрит, как мы воюем! — отвечал он и так же стройно, с выпяченной грудью вперед, как он выходил на уче-

ние или шел по набережной Ялты, проходил вдоль своей цепи, бросая каждому патроны, у кого не хватало, и определяя прицел. Вдруг он падает. К нему подбегают — он мертв. Пуля попала в сердце.

Теперь он лежит бледный, с полузакрытыми глазами, в той же боевой одежде, с улыбкой на лице, как бы повторяющей: «Пусть эта сволочь посмотрит, как мы воюем!» Как-то не верится, что этот худой, бледный и есть тот еще недавно веселый, красивый, с вечным румянцем на щеках Богуцкий... Глаза, окруженные черной каймой, глубоко впали, нос заострился. Я нагибаюсь и целую холодный, покрытый слоем пыли лоб.

Рядом с ним лежит Гершельман. Шинель вся залита кровью...

Видя тяжелое положение эскадрона и узнав о смерти Богуцкого, Гершельман, стоя в дверях избы — штаба полка, вызвал к себе вахмистра, чтобы отдать какое-то приказание. Появившемуся вахмистру он успел только крикнуть: «Почему коноводы не на местах»... и тотчас упал. Он еще жил, когда внесли его в хату. Пуля попала в шею и пробила аорту.

— Завяжите шею... Так... Хорошо... — И он стих. Ушел в вечность.

Сейчас он лежит со спокойным лицом. Около него — его золотое оружие. Высочайше пожалованное за храбрость в германскую войну. На георгиевском темляке несколько капель засохшей крови.

Дальше лежит солдат. Пуля попала ему в живот, и он по дороге скончался. Над ним стоит прибывший с ним улан — его брат.

Я подхожу снова к Богуцкому. Нужно помочь, переложить его в только что принесенный гроб. Как странно! Только теперь заметили, что три пальца правой руки были сжаты для крестного знамения. Покойный в последнюю секунду хотел перекреститься... И пальцы так и застыли. В левой руке была заката обойма. Из карманов вынимаем несколько писем... Это той... которая сейчас бьется тут же, в церкви, в истерике.

Наконец покойники омыты, уложены в гробы, обложены цветами.

Глухо раздается бас протодиакона:

— Еще молимся об упокоении новопреставленных воинов Василия, Георгия, Андрея...

Андрея... Его здесь нет. Это убитый корнет Марков-Горяинов. Покойный сидел за пулеметом. Все пулеметы прекратили стрельбу, но Марков-Горяинов не переставал накладывать целые кучи бандитов. Вот разорвался над ним большевистский снаряд. Пулемет замолк. Осколками разорвавшегося снаряда Марков-Горяинов ранен. Но через минуту он открывает снова пулеметный огонь по бросившимся на него, с целью захватить пулемет, махновцам. И снова посыпались на землю

десятки убитых и раненых махновцев. Пулемет, единственный у нас, продолжает косить ряды большевиков и тем дает возможность всей цепи отойти к коноводам.

Но вот пулемет замолк окончательно. Сосредоточенный на нем огонь нескольких махновских пулеметов заставил его замолчать, ибо Марков-Горлинов был убит несколькими пулями.

Положение эскадрона с каждой минутой все тяжелее и тяжелее. Выбит весь командный состав. Дано знать ротмистру Римскому-Корсакову, засевшему со взводом улан на кладбище и обстреливавшему большевиков с фланга, чтобы он за смертью Богущкого принял эскадрон... Но Римский тоже уже ранен. Встав на одну из могил и положив винтовку на крест, дабы иметь упор, он увлекся стрельбой, опорожня одну за другой цинку. Вдруг винтовка падает в одну сторону, а он, схватившись руками за лицо, в другую...

— Ах, черт возьми, убит! — слышат подбежавшие к нему уланы. Но спустя минуту он поднимается и заявляет: — Нет, только ранен, надо ехать на перевязку. Коня!

Из критического положения, в которое попал эскадрон, а вместе с ним и весь штаб Запасного кавалерийского полка, вывел прапорщик Григорьевский.

* * *

Наступил март 1919 года.

В Ялте все оставалось по-прежнему. Та же переполненная и днем, и вечером набережная, кафе, рестораны. О большевиках как будто и помину не было. А между тем они каждый день оставляли груды тел на Перекопе, стараясь прорвать наш фронт. Каждую ночь утомленная до изнеможения, вся оборванная горсточка добровольцев отбивала, одну за другой, большевистские атаки. Каждую ночь на Перекопе лилась кровь, слышались стоны и крики раненых. А в это время в Ялте, на набережной, из различных «Франций», «Таверн-де-Пари» слышалась музыка, лилось вино, шампанское, раздавался безудержный смех... Веселились и мужчины и женщины... Никто не думал о тех, кто в эту минуту дрался там, на Перекопе, защищая подступы в Крым.

После боя под Аскания-Нова Запасный кавалерийский полк заметно увеличился в размере. К нему примкнули два эскадрона, состоявшие из немецких колонистов. Полк в это время состоял из дивизиона улан Его Величества, которым заворачивал полковник Ковалинский, штаб которого и один эскадрон находились на хуторе Безлер. Адъютантом дивизиона был лихой юнкер Борель⁵⁰⁹, товарищу мой по учили-

щу. Другой эскадрон улан, под начальством ротмистра Грегера, боевого офицера, в эскадроне которого я находился, был расположен в деревне Самаи на берегу соленого озера. Затем в полк входил эскадрон 5-го гусарского Александрийского полка, стоявший отдельно от нас. Кроме того, были еще формирования конногренадер и гвардейских драгун.

Мы вели сторожевую службу и охраняли Сиваш, в то время как пехота защищала Перекоп. Днем мы ограничивались посылкой небольших разведов, выставляя дозоры. На ночь посылались от эскадрона, под командой офицера, целый взвод, который садился в окопе, в том месте, где можно было ожидать внезапной ночной переправы красных. Однажды вечером в просторную, но уютную комнату, где вдоль стены были расположены кровати офицеров и где происходил спор о том, кому идти в наряд, вошел командир эскадрона ротмистр Грегер. В руках он держал только что полученное письмо из Ялты, от корнета нашего полка, славного Димы Криштафовича.

Дима писал, что заметно поправляется после своего недавнего ранения в ногу и что мадам Равэ собирает у себя по подписному листу деньги в пользу улан, на подарки им к Пасхе. Все этому чрезвычайно обрадовались. В конце письма Дима Криштафович просил Грегера прислать в Ялту кого-нибудь, в помощь ему, за подарками. Он указал на меня, так как, по его мнению, я в этом отношении могу больше помочь, чем кто-либо из офицеров, намекнув между прочим на мое знакомство с Остроумовыми, благодаря которому господа офицеры и уланы могли получить парфюмерию и мыло...

— Как Вонсяцкого обратно в Ялту!.. Только что приехал оттуда и опять туда, — закричали все разом.

— Отставить!.. Молодому в окопы!.. — решил Крыжановский.

Каждому хотелось попасть в Ялту. Каждый ждал удобного случая получить какую-нибудь командировку либо отпуск. Но в конце концов все же решили командировать меня.

— Черт побери, тебе, Алик, везет! — сказал, подойдя ко мне, наш доктор Каракановский. Доктор, который в бою всегда находился в цепи, вынимал носившийся на своем пояском ремне автоматический десятипульный маузер и жарил из него как из пулемета. — Вот письмо, в нем деньги. Передай ты знаешь кому!..

Каждый вручал записку, с перечислением, что ему привезти. Вот записку вручает Крыжановский:

— Ну, распущенный, смотрите!.. Если вы старому ротмистру не привезете всего того, что я записал... Лучше не показывайтесь мне на глаза!..

Я бросаю взгляд на записку и читаю: маленькие ножнички для маникюра, одеколон, пудра, крем «Метаморфоза» и т. д. В лаконической записке корнета Сатова-Швендера⁵¹⁰ написано: «Деньги, деньги, денги».

Нагруженный письмами, поручениями, я на другой же день уехал, но не один. Со мной отправился маленький доброволец Миша Лифшиц — 12-летний улан Его Величества.

Это был поразительный мальчик. Звали все его Мишей. На самом деле он был сын богатых евреев, имевших свой дом и магазин в одном из больших сел Мелитопольского уезда. Еще до прихода добровольцев в село нагрянула банда махновцев, начавшая грабить село. Разумеется, в первую очередь пострадали зажиточные Лифшицы. На глазах мальчика, имя которого было Моисей, негодяи, убив его отца и мать, изнасиловали его четырнадцатилетнюю сестру, а затем один из них штыком ей распорол живот. При виде этой кошмарной сцены он бежал из дому и пристал к наступавшим добровольцам. Попал он в один из тех уланских эскадронов, которые были сформированы из немцев-колонистов.

Выглядел Мишка моложе своих лет. Это был красивый круглолицый мальчик, с карими глазами, которому нельзя было дать больше девяти. Но нужно было видеть его в бою... Он был бесстрашен, лез всюду и все время твердил, что мстит за свою сестру. Когда наши части отступили от станции Федоровка на Ново-Алексеевку, то требовалось выслать добровольцев на Федоровку для того, чтобы взорвать водокачку и пути... Первым вызвался Миша, который вместе с другими подрывниками отлично выполнил задачу. За спиной он вечно носил австрийский карабин, из которого очень метко стрелял. Раз с ним произошел в Севастополе следующий случай. Он был остановлен тремя рабочими — по-видимому, большевиками. Они стали с ним болтать и во время разговора пытались отнять у него карабин... Юркий Мишка сумел отскочить и, взвешав затвор, крикнул пытавшемуся его обезоружить оборванцу:

— Встань на тридцать шагов!..

Видя, что тот медлит исполнить это, выстрелил в него. Выстрел был смертельный. Рабочий упал мертвым. Пуля попала ему в грудь.

Миша носил серую австрийскую куртку, с пришитыми к ней алыми с синим кантиком погонами, коротенькие, такого же цвета бриджи, ботинки с обмотками, на голове — черная папаха. Он хорошо ездил верхом, рубил своей маленькой шашкой, метко стрелял из пулемета. В дополнение ко всему этому, это был страшно сообразительный, умный, не по летам развитый мальчик. И погиб он при весьма трагическом обстоятельстве. Был он назначен конвоиром — сопровож-

дать товарный поезд с военным грузом, в котором находились взрывчатые вещества. Большевиками ли в тылу или махновцами путь был испорчен, и поезд потерпел крушение. Обломками вагонов придавило бедного Мишу. Пробовал он, раненный, изувеченный, выползти кое-как, но вдруг раздался один за другим взрывы, и поломанные, сошедшие с рельс вагоны загорелись...

Мир праху твоему, маленький, никому не известный герой!

По дороге в Ялту нужно было заехать на хутор Безелер, повидать командира дивизиона Ковалинского, получить соответствующее удостоверение. Здесь узнал, что едет в Ялту также штабс-ротмистр Мейер, блестящий офицер и хороший товарищ. Сидели как-то мы с ним в 3-м классе Суворовского корпуса на одной парте. Из Безелера на танке днем 22 марта отправились все втроем в Джанкой, удачно попали на отходивший в Севастополь поезд и приехали туда той же ночью. Переночевав в гостинице «Киста», на другой день в шесть утра я раздобыл автомобиль, и мы понеслись в Ялту.

Прелестный день. Солнце временами сильно припекает. Живописная, чарующая природа... Вот и Байдарские Ворота, и дух на минуту схватывает от необычайно сказочной, развернувшейся перед глазами панорамы... У ног бездна — «васильковое» море... Автомобиль спускается быстро, мелькают одна за другой татарские деревушки, Симеиз, Алупка, Ливадия... Вот и Ялта...

Но что такое?... Ялту не узнать... Куда девалась беспечная, веселая, гуляющая по набережной толпа?... Люди как угорелые носятся взад и вперед. Все чем-то озабочены... Знакомые куда-то торопятся, не замечают, не узнают... Что-то случилось... Мы с Мейером в недоумении.

* * *

Оказывается, в «Обде» вывешено только что полученное по телеграфу известие — «Перекоп взят красными. Добровольческие части отступили на Джанкой».

Известие это поразило нас с Мейером. Каких-нибудь тридцать часов, как мы оттуда; все было спокойно... Перекоп и Сиваш твердо оборонялись, и не было ни малейшей мысли об отступлении. Наоборот, последние дни большевики, после неудачной попытки переправиться ночью через Сиваш, в месте расположения нашего эскадрона, не предпринимали никаких активных действий.

Паника в Ялте все увеличивалась и увеличивалась. Передавали, что большевики уже в Симферополе, что передовые их отряды заняли Алушту. Все устремились к молу...

Под вечер на горизонте безграничного моря вырисовывались контуры только что прибывших и ставших на рейд пароходов: «Ризе», «Бештау», «Посадник», предназначенных для эвакуации. У мола стояли два английских миноносца — «72» и «75». Ночью же пришел дредноут «Мальборо», для того чтобы принять Государыню Императрицу, Великую Княгиню Ксению Александровну с семьей и Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича.

Мол был заполнен вещами и публикой. Вместе с семьями офицеров, аристократией, дворянством, буржуазией бежал и простой народ, лавочники, швейцары и пр. Уже два парохода, наполненные беженцами не только из Ялты, но и из окрестных мест, отошли в Новороссийск. Мол все же оставался заваленным вещами и людьми. Откуда только брались они. Но вот стал известным ответ Великого Князя Николая Николаевича англичанам, что он воспользуется их предложением сесть на дредноут и покинуть берега России только тогда, когда последний русский, желающий уехать из Крыма от большевиков, сядет на пароход.

Паника сразу улеглась.

28 марта было получено известие, что штаб армии переехал в Керчь. В этот день был расклеен приказ начальника Ялтинского гарнизона, требующий, чтобы офицеры и прочие высшие чины Добровольческой армии немедленно приписались и явились либо в Татарский стрелковый полк, расположенный в Массандре, либо в Дюльберский отряд.

В этот вечер у «Равэ» за столиком Денизы Эдуардовны сидели: Дима Криштофович, Мейер, «Царевый ротмистр» Балашев¹¹, Псковского полка ротмистр Полтинин, раненный, на костылях, нашего полка улан-поручик Измайлов и пешей гвардии поручик Михайлов. Настроение было подавленное. Все решили прикомандироваться к Дюльберскому отряду, который из Дюльбера уже прибыл в Ялту и занял опустевшую гостиницу «Россия».

Балашов сообщил, что командующий отрядом просил всех офицеров собраться к одиннадцати в фойе «России».

Ровно в одиннадцать мы все явились. Фойе было наполнено офицерами Дюльберского отряда — офицерами гвардейских полков, одетых при полной боевой, с подсумками на поясах и винтовками.

Раненый Измайлов был отвезен на стоявший последний пароход. Императорская Фамилия уже находилась на борту «Мальборо».

Только что получено сведение — в Гурзуфе образовался местный совдеп. На грузовой автомобиль сажаются группа офицеров, с двумя пулеметами, для ликвидации появившихся «товарищей»...

В час ночи вернулись. Совдеп был окружен и расстрелян на месте...

Приблизительно в это же самое время было приказано всем по двое или по трое рассыпаться по городу, с задачей раздобыть перевязочные средства. В три часа ночи было решено выступить из Ялты в Дюльбер, там захватить свой обоз и идти дальше на Севастополь, где будет проведена посадка отряда на пароход.

Тихая ночь. Ни души на набережной. Мертвая тишина. На рейде видны огни «Мальборо». Там все они... Неужели навсегда покидают Россию, в которой столько лет царствовали?.. Нет, они вернуться!.. С торжеством, с колокольным звоном!..

В три часа утра длинный эшелон, состоящий из извозчицких экипажей и телег, двинулся по набережной в сторону Ливадии. В голове отряда, на рессорной коляске, ехало трое. Командующий отрядом капитан Апухтин, ротмистр Каменский и я. Вдруг, не доезжая Ливадии, появляются огни автомобиля, слышен мотор. Автомобиль приближается к нам.

— Стой!..

Автомобиль остановился.

— Кто идет, чей автомобиль?..

— Уполномоченный Крымского краевого правительства. Автомобиль принадлежит ему же. Еду в Ялту.

— Крымского краевого правительства не существует. Оно уже в Батуме. Автомобиль реквизируется. Апухтин, реквизируй машину... — приказывает Каменский.

— Автомобиль реквизирован... Граф Му-ра-вьев А-мур-ский! — кричал Апухтин.

— Здесь! — послышалось из темноты, и через минуту у мотора появился высокий лейб-казак.

— Приказываю вам взять себе в помощь еще кого-нибудь, сесть в автомобиль, поехать в Ялту, раздобыть бензин и нагнать нас...

— Уполномоченного высадить, — добавляет Каменский.

— Слушаюсь... Юнкер Вонсяцкий, садитесь рядом с шофером, — приказывает Муравьев. — Шофер, ходу в Ялту!..

Вот и Ялта снова. У «Ореанды» остановка. Уполномоченный высажен. Летим дальше на мол. Влетаю в управление порта. На полу большой залы спали измученные люди. Все — в офицерских погонах... Это знаменитая «команда мола». Разыскиваю их начальника — капитана Никольского...

Наконец нахожу. Долгих усилий стоило его разбудить.

— Черт возьми, четвертую ночь не дают заснуть, — ругается он. — На кой черт вам бензин?.. Нет у меня никакого бензина. Пошли вы к черту со своим графом!..

К счастью, выручил капитан парохода «Посадник». Собственно, он, молодой морской лейтенант, был в тот момент хозяином порта.

— Видите эти цистерны, — указал он, — все они пустые, но там в конце одна — в ней есть. Берите, сколько вам нужно, остальное выливайте в море. Все равно сейчас все уходим!

Действительно, все, что еще оставалось «добровольческого», было сконцентрировано здесь. Тут же на молу, под открытым небом, сидел за столом, у фонаря, комендант и подписывал последние удостоверения, выдавал пропуска и пр.

Бензин был взят, и мы полным ходом помчались в Дюльбер, где нашли отряд отдохавшим.

Командир отряда полковник Федотьев сообщил нам, что он донес Его Императорскому Высочеству, что вверенный ему отряд направляется в Севастополь для посадки, ввиду того что в Ялте не имеется для него судна, а английские суда его не берут. В ответ на это последовал приказ Великого Князя — обождать, пока он лично не переговорит по радио с английским командованием.

В десять часов утра был получен ответ — возвращаться в Ялту, без хозяйственной части, где произойдет посадка на английский миноносец. Обою же продолжать следовать в Севастополь, под охраной не менее взвода с пулеметами.

Около двух часов отряд снова вступил в Ялту, всю залитую солнцем, но совершенно безлюдную. На набережной никого. Магазины закрыты. Кафе «Равз» пустое... «Флорен» тоже... У «России» никого, даже извозчика... Прощай, красавица Ялта!.. Может быть, сегодня вечером здесь уже будут красноармейцы...

В три ровно миноносец тронулся.

— Господ офицеров прошу выстроиться по правому борту миноносца. Миноносец пройдет мимо «Мальборо». Ее Величество и Его Императорское Высочество желают проститься с отрядом!.. — раздаётся голос Федотьева.

Все выстроились в одну шеренгу у поручень. Минута ожидания и глубокого волнения. Миноносец тихо проходит, совсем близко, мимо дредноута. Вот на носу его, держась за поручни, стоит в черном Она. Плачет... Государыня плачет... Машет белым платочком и вытирает свои слезы...

Дальше Он... Высокий, в солдатской шинели с генерал-адъютантскими погонами, в серой папаче. Он отдает честь...

Грянуло «Ура!»... Сильное, могучее, но не радостное, а грустное...

Миноносец огибает дредноут и берет направление на Севастополь. Все дальше и дальше отходит он от «Мальборо», который уже превра-

тился в точку, а «Ура!» не смолкает. Вдруг исчезло все, «Ура!» оборвалось... Все без команды повернулись и разошлись... Я нарочно старался заглянуть всем, кому мог, в глаза. Я хотел убедиться, один ли я, что не выдержал и заплакал... Нет, у всех были влажные глаза. Каждый, отойдя в сторону, вытирал их платком...

М. Борель⁵¹²

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ⁵¹³

Из Петербурга мы попали на Кавказ, в Ессентуки. После долгих перипетий и мытарств мы, наконец, в марте 1917 года, как-то устроились. Милые знакомые дамы нас подкармливали и относились к нам удивительно ласково. Несмотря на тяжелую обстановку, они делили с нами горе и радость, тем более что мы, вместе с их сыновьями, находились в одинаковом положении скитальцев, непримиримых врагов большевиков. Большую часть времени мы проводили в наших комнатах, чтобы поменьше показывать себя на улицах и не возбуждать подозрений. К концу марта даже подвернулась работа, нас наняли садовниками в устроенное местными «буржуями» общество. Работали мы в большом саду, усердно копая грядки. В Ессентуках мы познакомились со многими друзьями по несчастью — офицерами, юнкерами, кадетами и вольноопределяющимися, поступившими так же, как и мы, на эту работу. Они, в свою очередь, познакомили нас с капитаном 2-го ранга Владимиром Николаевичем Потемкиным⁵¹⁴, принимавшим большое участие в молодежи и сыгравшим впоследствии большую роль во всей нашей судьбе. Он часто появлялся среди нас, много болтал с нами, подбадривал, угощал «голодающих индусов», как он нас называл, папиросами и давал даже деньги. Он был офицером Балтийского флота, был ранен под Батайском (в 7 верстах от Ростова) в то время, когда Добровольческая армия уходила в Кубанские степи, будучи командиром роты морских офицеров, входившей в состав офицерского полка. Ранен он был пулей в голову выше правого глаза и с того времени глаз свой потерял навсегда.

Наступил апрель, и вот как-то на Страстной неделе, дней за пять до Воскресения Христова, пришел, как всегда, повидать нас за работой Потемкин. Но вид у него был серьезнее и вдумчивее, чем раньше.

— Вот что, господа! — сказал он нам тихо, почти шепотом, собрав нас около себя. — У меня имеются сведения, что взят Ростов, но кем именно, неизвестно. Возможно, что немцами, но может быть, и доб-

ровольцами. Последнее вероятнее. Но это не важно, факт тот, что Ростов взят и что я еду в Ростов. Если кто из вас хочет, то едемте со мной, деньги у меня будут. Так что вы обмозгуйте это дело, а потом сообщите мне о вашем решении.

Красенский⁵¹⁵, Векслер⁵¹⁶, Чегодаев⁵¹⁷ и я сразу ответили, что ехать хотим, что жизнь здесь — это прозябание, а что долг наш теперь — стремиться в Добровольческую армию. Тогда же было решено, что мы все соберемся на первый день Пасхи у Потемкина и тогда окончательно подтвердим наше согласие, сразу же назначив день отъезда, заручившись заранее в местном совдепе нужными документами на выезд. Начались приготовления. Документы достали очень легко. Между прочим, документы, удостоверявшие нашу личность, были сфабрикованы нами самими еще в бытность нашу в Кабардинском конном полку «на всякий случай». Бланки с печатью, не к чести нашей пусть будет сказано, нам удалось случайно, благодаря подвернувшемуся обстоятельству, выкрасть из канцелярии комиссара Нальчинского округа.

Мы были на заутрене в церкви, и впечатление осталось неприятное: везде шныряли большевики с винтовками, с папиросами в зубах и в фуражках, бесцеремонно входившие в храм в то время, когда все молились. Розговены были устроены у А.А. Никушкиной. Спокойно прошел этот великий праздник в тесном кругу своих друзей.

На следующий день, в воскресенье, мы собрались у Потемкина и за пасхальным столом решили окончательно вопрос о нашем отъезде. Он был назначен на четверг, 26 апреля, из Эссентуков в Минеральные Воды. Путь следования установили следующий: Минеральные Воды, Моздок, Кизляр, Брянская Пристань на Каспийском море, Астрахань, Царицын, а дальше как сложится обстановка, но предполагаемая конечная точка — станция Миллерово и Ростов. Все наши друзья сочувствовали нашему отъезду и помогали нам собираться в путь. Нужно было спешить, потому что красные готовили мобилизацию, что нам было совсем не по душе. 26-го вечером мы собрались у А.А. Никушкиной, поужинали, выпили посошок и собрались в дорогу. Нас благословили, и мы, перекрестившись, вышли, забрав свои котомки под руки. Настроение было бодрое, но тяжелое, потому что шли на невдомое и опасное.

Мы предалися воле Божьей — «пусть будет так, как Он хочет». Рассчитывать только на свое счастье было бы безумием. Кто мог поручиться за то, что нас не поймут на первой же железнодорожной станции и не расстреляют. Большевики уже успели до некоторой степени окрепнуть. В Армавире, например, ими были устроены целые мастерские, в которых распарывались шинели, шаровары, рейтузы и

даже сапоги с целью нахождения запряженных документов и других ценностей. Поэтому лично я верил только в Провидение Божье. Зная это положение, мы поэтому выбрали кружной путь через Царицын.

— Господи, — молился я, проходя мимо церкви по дороге на вокзал, — если Ты считаешь, что мы идем на правое дело, что шаг, принятый нами, верен, то Ты спасешь нас, ибо велика Твоя правда.

Ехали мы по парам. Со мной в паре был Чегодаев, Потемкин с полковником Амелунгом⁵¹⁸ лейб-гвардии Литовского полка⁵¹⁹, а Красенский с Векслером. Сделано это было ради предосторожности. Друг с другом, кто не состоял в паре, мы не разговаривали и делали вид, что незнакомы. Распоряжения, исходившие от Потемкина, передавались нам только через Векслера.

Когда мы находились в Эссентуках, мы знали о существовании Добровольческой армии, но туда не поехали, потому что были уже зачислены в Кабардинский конный полк. Генерал Половцев⁵²⁰, командир Кавказского туземного корпуса, заявил нам, в ответ на наше обращение, что он присоединится к Добровольческой армии и что в этом направлении им уже ведутся переговоры. Кавказский туземный корпус должен был войти в состав армии как конница, потому что в армии тогда еще конных частей было мало. Мы были очень рады, что получили определенные места младших офицеров в сотнях, и совершенно не ожидали, что все это кончится для нас так неудачно. Обвиняли самого генерала Половцева, что он будто бы бездействовал и был в этом отношении слишком не энергичным. В конце концов Туземный корпус развалился, всадники разбежались по своим аулам, а нам пришлось бежать и скрываться.

Сведения, полученные в Эссентуках Потемкиным, оказались, как мы потом узнали, вполне правильными.

Поздно вечером мы приехали на станцию Минеральные Воды. К счастью, вскоре пришел поезд со станции Кавказская, в который мы вонзились, опять по парам, в разные вагоны и благополучно отбыли в Кизляр. По дороге нас почти совсем не тревожили расспросами о документах, так что настроение наше значительно повысилось. Вечером 27 апреля, когда мы проезжали линию Грозного (Грозный находился от линии железной дороги верстах в 50), мы увидели зарево пожаров. Горели нефтяные промыслы. Они горели еще в декабре, когда мы с Кабардинским полком случайно посетили этот город, и вот до сих пор их никто не был в силах или не хотел потушить. Поистине зрелище было грандиозное.

28-го в 3 часа утра мы прибыли в Кизляр. Чегодаев и я прошли на вокзал и спокойно стали в уголок в ожидании распоряжений от Потем-

кина. Вскоре таковое последовало — идти на ближайший постоянный двор, где остановиться всем вместе. Так как большевиков в Кизляре было еще очень мало, то мы почувствовали сразу хотя и небольшое, но все же некоторое облегчение. Мы начали постепенно заговаривать друг с другом, сделав вид, что вот, дескать, только знакомимся, и уже вместе двинулись к постоялому двору. К нам присоединился еще один пожилой господин, очень милый и скромный на вид, который еще в поезде познакомился с Потемкиным и Амелунгом и не захотел с нами расставаться. К счастью, на постоялом дворе не оказалось никого из чужих, кроме нашего пожилого господина. Нам отвели комнату, в которой мы все вместе принялись умываться и готовиться к принятию пищи. Двое были сейчас же откомандированы в поиски за подводками и должны были заказать их к 11 часам. Деревня Тушиловка, куда мы должны были ехать, находилась недалеко по берегу от Брянской Пристани и в 70 верстах от Кизляра.

К 11 часам подкатили 2 подводки, на которых мы вскоре выехали. Погода была неприятная, дул сильный холодный ветер, а пальто были далеко не у всех, поэтому по дороге приходилось делиться ими и укрываться от ветра вдвоем под одним покрывалом. По дороге мы остановились в одной из деревушек и там продегустировали чудное кизлярское вино, которое в этих краях было очень дешевым. От вина мы немного обогрелись и уже более веселыми двинулись дальше, пели песни, непринужденно разговаривали, благо в степи никто не услышит. Пожилой господин, который продолжал путь с нами, смотрел на нас дикими глазами. Ему, конечно, было странно видеть людей, только что познакомившихся и уже таких развязных друг с другом. Мы сперва не расспрашивали его, кто он, но сразу же догадались, что он не большевик и не революционер и ничего общего с этим барахлом не имеет. Его речь, его манеры выдавали его, и мы при нем не особенно себя сдерживали.

Вечером, около 6 часов, мы приехали в деревню. Холодные и голодные, мы сразу набросились на хозяйку постоялого двора, приказали ей поставить самовар, затопили печь в отведенной нам большой комнате с окнами на Каспийское море, умылись, согрелись и принялись закусывать. После ужина пошли за провизией, дабы запастись едой на 2-дневное путешествие по морю. Кстати, зашли к одному рыбаку, с которым сговорились относительно парусного судна. Он взялся нас везти на Астраханский рейд за 150 рублей на своей рыбацкой парусной шхуне. Покончив с делами, мы вернулись на постоянный двор и стали укладываться. Жаль было ложиться, жаль было расставаться с наступившим на душе временным покоем. Большеви-

ки еще не успели проникнуть в эту деревню, и так было приятно отдохнуть от вечной тревоги быть узанными и арестованными. Но усталость взяла свое. Длинное тревожное путешествие давало себя чувствовать, глаза спалились, и сон не заставил себя долго ждать. В комнате стало слышно равномерное дыхание людей, всеми силами хватавшихся за покой, точно в предчувствии еще более сильных, жестоких и резких переживаний.

На следующий день 29 апреля, после утреннего завтрака, мы собрались на пристани. Для того чтобы попасть на шхуну, мы должны были проплыть довольно большой кусок на веслах, на плоскодонке. Берег был очень мелкий, и парусные суда останавливались на своем маленьком рейде.

Кроме нас и старика, было еще 15 человек, так что всего подобралось 22 пассажира. Мы заняли рыбный средний трюм и устроились в своем роде прилично, если не считать ужасного рыбного запаха. Но дело было не в запахе. Мы были рады, что разместились отдельно от наших разношерстных спутников, подозрительных и хамоватых студентов, армян и других неприятных личностей. Около 12 часов дня мы вышли в море. Дул попутный ветер, но не сильный. К вечеру поднялся небольшой шторм, а ночью пришлось даже убрать паруса, так как управление сделалось невозможным. Но к утру погода снова установилась, и мы часам к 8 вечера благополучно дошли до Астраханского рейда, где на якорях стояли барки, к которым нам нужно было пристать. Когда мы только подходили к рейду, мы еще издали заметили освещенные суда. Эта красота среди моря в сумерки видеть освещенные корабли мне врезалась в память. Особенная, еще неведомая мною жизнь — жизнь на корабле среди шумного моря — открылась предо мной. Точно в степи стояли эти корабли, равномерно покачиваясь, омываемые волнами, вдали от людской суеты.

По трапу мы поднялись наверх. На палубе нас встретили какие-то люди и повели вниз в помещение, в котором мы поселились в ожидании парохода на Астрахань. Через полчаса пришли красноармейцы, устроили обыск нашим вещам и спросили, нет ли у нас оружия. Получив отрицательный ответ и ничего не найдя в наших вещах, они быстро удалились и оставили нас в покое. Но один момент был очень неприятный для меня. Когда начался просмотр вещей и мы развернули наши свертки, положив вещи впереди себя на койки, я стал перебирать свои рубашки и белье и, к ужасу своему, заметил, что на самом конце, между последней парой белья, лежали мои серебряные шпору. За всю дорогу я не разворачивал свертка до конца, а брал необходимое сверху из того, что мне было нужно, поэтому я не мог знать

всего содержимого моего пакета, завернутого просто в газетную бумагу. А шпоры были очень изящные, которые я носил еще в бытность мою в Николаевском кавалерийском училище и которые я получил в подарок от моих однокашников за хорошую езду. Вынимать эти шпоры было уже поздно, могли заметить, да и спрятать их было некуда, кругом только голые нарты. И я быстро решил ничего не предпринимать, оставить мои шпоры там, где они были, и ждать, пусть будет, что будет. Я стоял последним в очереди, ко мне подошел только один красноармеец, поднял только две верхние рубашки и этим удовлетворился. Господь уберет меня от большой неприятности и сохранил. Невольно вспомнил я надпись на моей иконочке «Спаси и сохрани». И она меня спасла. Разгляди красноармеец до конца мое белье и найди такие шпоры, не выпустили бы меня, а может быть, и всем остальным пришлось бы пережить много тяжелого.

Оказывается, наши барышни Никушкины, которые нам с Чегодаевым приготовили свертки, положили в белье мои шпоры, так как я ведь отправлялся в армию и там мне их будет не хватать. Вот как лучшие стремления могут оказаться роковыми.

Несмотря на покой, ночь была проведена неважно. Не давало спать бесчисленное множество насекомых, которые уже с вечера повели наступление.

На следующий день, около 3 часов дня, пришел пароход «Кауфман» общества «Кавказ и Меркурий» за пассажирами в Астрахань. Мы были счастливы избавиться от нашего богатого помещения и с радостью перебрались на борт прибывшего парохода. Особенно порадовало нас то, что на «Кауфмане» мы нашли кухню. Во время путешествия на шхуне пришлось питаться почти исключительно воблой, а теперь, когда на столе появился хотя и скудно приготовленный, но все же борщ, лица у всех нас расплылись в широкие улыбки. На рейде мы простояли еще 2 дня, так как ожидали прибытие парохода из Баку с большим количеством пассажиров.

4 мая прибыл, наконец, ожидаемый из Баку корабль, было принято на борт много пассажиров, и мы в тот же день вечером отбыли в Астрахань.

В Астрахани уже пришлось быть более осторожными. Там произошли восстания казаков и наехало много разной большевистской шантрапы, не стеснявшейся ни в чем и расстреливавшей людей направо и налево.

По прибытии мы сразу же разошлись — это было в 8 часов утра 5 мая — в разные стороны. Распоряжение о времени отъезда мы должны были получить в доме моих родственников, куда я и отправился

вместе с Чегодаевым. Конечно, удивлений было много, когда меня увидели, сперва даже не узнали. Осторожности ради мы сказали, что едем к матери в Петербург, были в Эссенуках, но прямо через Ростов проехать не смогли, так как там бродили какие-то шайки и мы боялись быть пойманными и расстрелянными. Здесь мы отдохнули, привели себя в порядок и сходили даже в баню. Когда мы остались одни с дядей, мы ему рассказали, что в Петербург не собираемся, что едем искать в кубанских степях Добровольческую армию. Часа в 4 пришел Потемкин и сказал, что в 8 часов вечера мы должны быть на пристани пароходного общества «Русь», так как в 8.30 часов вечера отходит пароход на Царицын, что здесь, в Астрахани, никому ничего не известно и что потому решено ехать дальше в Царицын.

Около 7 часов вечера мы вышли из дома. На дорогу нас снабдили провизией и дали денег, что было очень кстати, так как в этом отношении мы находились в полной зависимости от Потемкина. На пристани мы встретили всех наших. Билеты были уже взяты, так что мы сразу прошли на пароход. Старика уже не было с нами. С ним мы расстались утром. Он ушел на другом пароходе в Нижний Новгород. Удостоверившись в его порядочности — он оказался директором Дворянского банка в Москве, — мы ему откровенно сообщили, кто мы и куда едем, и просили передать нашим родственникам в Москве, что он нас видел в добром здоровье и с нами путешествовал. Он обещал исполнить наши просьбы и, как мы много позже узнали, в точности сдержал свое обещание. Часов в 9 вечера мы отошли. Нас никто не провожал, чтобы не вызвать неприятных толков.

Астрахань произвела на нас плохое впечатление. Грязный маленький городок, с разбитыми большевиками зданиями, с массой красноармейцев на улицах, вызвал брезгливое чувство. Часто попадались матросы, в растерзанном виде, с длинными волосами и пьяными лицами. Хорошо одетых людей, кроме двух-трех комиссаров, совсем не было видно. Все сравнивалось с общей массой, с общим хамством и грязью. И что нас больше всего возмутило — это то, что среди этого хамства нередко вырастала фигура пленного австрийского или немецкого офицера, великолепно одетого, со всеми атрибутами и достоинствами, полагающимися офицерскому званию. Противно и, в то же время обидно было смотреть на этих офицеров. Они — пленные — имели право ходить, как им хотелось, а нам, у себя же, — это было запрещено, даже преследовалось. В том мы видели несурзность идеи. Раз были провозглашены и приводились в исполнение крайние лозунги, даже об уничтожении всего лучшего («и лучшего из них убей»), то почему это касалось только русских, почему правительство Лейбы

Бронштейна и Ульянова объявило войну только русским офицерам, а австрийцам и германцам, врагам нашим, разрешило даже ходить в обыденной форме. При этой мысли становилось ясно, что правительство немецких шпионов Ульянова и Бронштейна ничего общего с русским народом не имело, раз оно оставляло врагов наших в покое, а уничтожало именно тот элемент, который еще хотел и готов был сопротивляться врагу. Это был, очевидно, наказ шпионам, а они за высокую мзду исполняли его пока что в точности. Русских офицеров бей, а немцев и австрийцев не трогай! Следовательно, наша борьба с ними была необходима, и сознание этого только увеличивало желание как можно скорее вступить с большевиками в борьбу.

Пароход медленно отошел от пристани. Опять я был на Волге-матушке, опять слышу этот старый знакомый стук больших колес, внизу разбегавшуюся и шумную торопливую воду с гребнями клокочущих волн, но все это было уже другое, все это только больно напоминало давно минувшие годы, когда мы с другим чувством и совсем в другом настроении плавали по той же самой Волге-матушке, наслаждаясь ее дивными берегами, особенностью ее прибрежных городов, игрой огней, отражавшихся после наступления темноты длинными странными лучами на поверхности воды. Теперь уже не было ни того чувства, ни того настроения. Красная звезда со страшными, кровавыми лучами висела над нами, и наши думы, все наши помыслы были направлены к тому, как бы скорее добраться до армии и скорее вступить в борьбу с поклонниками этой отвратительной красной звезды.

Сперва мы устроились в общем помещении 3-го класса, но часа через три после отхода нам была предоставлена каюта на 4 человек, так что нам удалось отделиться от публики. Ехать было скучно, старались не выходить из каюты, дабы не мозолить глаза и случайно не выдать себя. Потемкин и Амелунг ехали отдельно от нас во 2-м классе. Буфета не существовало, раздавали лишь кипяток, да и то только в определенное время.

6 мая в 2 часа дня мы пришли в Царицын. Здесь кипела советская жизнь: на улицах было много народу, гудели трамваи и автомобили, ездили и кричали извозчики; магазины, лавки, рестораны все еще были открыты и торговали.

Мы не сразу пошли в город, так как ожидали возвращения полковника Амелунга, ушедшего к агенту армии узнать некоторые подробности о ее местонахождении и судьбе. Когда он вернулся, мы с пристани сперва отправились на вокзал, чтобы ознакомиться с расписанием поездов. На вокзале Потемкин нам приказал разойтись по парам в город, чтобы не болтаться вместе, и собраться снова на вок-

зале к 5 часам вечера. За это время Потемкин должен был решить, с каким поездом и куда нам ехать дальше. Мы разошлись. Чегодаев и я поехали к Волге на трамвае и зашли в маленькое кафе выпить кофе и вместе с тем подождать и как-нибудь убить время до 5 часов. Чувство было очень неприятное. По улицам шаталось много красных офицеров, довольно прилично одетых, красноармейцев и матросов, что невольно нас пугало. Проходя потом мимо лазаретов, мы видели много раненных. Мысль, что они могли быть доставлены с фронта нашей армии, заставляла сердце наше биться тревожнее и сильно напрягала нервы. Около собора были расставлены разных калибров орудия, взятые, очевидно, в боях с белыми, и, проходя мимо, мы невольно подумали, не наши ли это?

К 5 часам вечера мы собрались на вокзале. Когда мы вошли в помещение, теперь уже бывших 1-го и 2-го классов, мы встретили всех наших в полном сборе. Потемкин сразу поднялся и, проходя мимо нас, на ходу, почти шепотом, сообщил, что решено ехать поездом в 8 часов вечера на станцию Миллерово.

— Возьмите сейчас же в кассе 3-го класса билеты до Миллерово, — сказал он и быстро отошел в сторону.

Красенский и Векслер сидели в противоположном углу залы и ели какой-то борщ. К нашему большому удивлению, на этом вокзале действовал еще буфет, но на столах уже не было скатертей, посуда была самая простая, без всякого намека на какое-либо изящество, а пол изобиловал всяким мусором и грязью. Совсем по-демократически — плшой куда хочешь, загрязняй пол бумажками и окурками, все во славу поднявшего голову пролетариата. Неизвестно, какими были мы буржуями в это время, разве что полностью отсутствовало хамство.

Билеты были взяты, но их нам выдали только до станции Кривомузгинская, последней по эту сторону Дона.

— Дальше, — сказали нам, — пока ехать нельзя, путь прерван.

Это показалось странным, но в сердце родилась надежда и вместе с тем увеличилась тревога за дальнейший успех нашего путешествия. Когда мы проходили по платформе, мы заметили стоявшего в дверях станции пьяного матроса Черноморского флота, рассуждавшего о том, что, дескать, погибла советская республика. «Жаль мне, товарищи, — говорил он, — нашей пролетарской республики, душевно жаль Советов, погибло все это, потому что нет настоящих работников, нет людей, могущих умереть за эту власть...» и т. д. Мы не дослушали, а прошли дальше, не останавливаясь. Но эти слова подбодрили нас. Значит, борьба не прекратилась, и большевикам, очевидно, сейчас неважно, где-то на них нажимают.

Когда стемнело, мы с Чегодаевым заказали себе обед, который съели с большим аппетитом, так как уже с Астрахани горячей пищей не питались. Остальное время провели в томительном ожидании отхода поезда. Часов около 8 вечера к нам подсади две молоденькие дамы, которым мы уступили место, так как зал переносился пассажирами. Дамы, как они нам сами признались, только что приехали со станции Кривомузгинская, потому что дальше их не пустили из-за каких-то бродящих в том районе банд. Когда они узнали, куда мы едем, они пришли в ужас.

— Что вы, — говорили они, — разве можно ехать туда? На том берегу Дона бродят калмыки со своими офицерами и если не расстреливают, то во всяком случае порют и избивают нагайками. Все равно вас дальше хutora Калача не пустят, а если и попадете на тот берег, то рискуете быть битыми. Бросьте эти мечты и езжайте обратно.

— Да кто же эти калмыки и их офицеры, — отвечали мы, — не всякого же встречного и поперечного они будут бить, это ведь не звери!

Но с ними нельзя было сговориться, они всеми силами старались убедить нас, что ехать туда бессмысленно и безумно. Но эти их речи только лишний раз доказывали нам, что в этом направлении что-то творится, что кто-то борется и, по всем вероятностям, имеет успех, так как в Царицыне чувствовалось волнение.

Поезд сильно запаздывал, так что мы только к 11 часам ночи вышли из зала и направились к вагонам-теплушкам, заменившим классные вагоны. Места, где можно было сесть, мы не искали, а влезли в первый попавшийся вагон, грязный, с отвратительным запахом, заполненный, кроме того, угольным мусором.

В наш вагон вонзилось немало народу, в большинстве крестьяне и казаки, возвращающиеся домой из города на ближайшие станции. Потемкин отстал от нас, когда мы шли к вагону, и только потом уже, после того как мы сложили наши котомки, мы увидели, что Потемкин гуляет по перрону под руку с матросом и еще каким-то подозрительным типом. Это нас встревожило. Прозвучал второй звонок, а он все ходит взад и вперед по платформе и все продолжает оживленно разговаривать с этими «товарищами». Волнение наше увеличилось. Тогда я решил подойти к нему и сказать, что пора садиться, ибо поезд может отойти. Он на это коротко ответил:

— Не волнуйтесь, сейчас приду!

Я не имел права и даже смелости дальше уговаривать его и отошел обратно к поезду. Раздался третий звонок. Потемкин действительно начал быстро прощаться со своими, очевидно, новыми друзьями и во

время свистка главного кондуктора вскочил в вагон. Заводить разговор было опасно, так как сидело много постороннего люда. Мы всю дорогу молчали и, сидя на своих вещах, дремали, насколько это было возможно. Расспросы и разговоры мы решили отложить до следующего удобного случая.

Ночь прошла спокойно. Доехали мы только в 12 часов ночи. Сперва было кто-то завел речь о Гражданской войне, с ним вступил в спор другой; первый утверждал, что ничего этого не нужно, что «раз вышла свобода, требовало бы усим покориться новым законам, а не заводите новые войны. Сказано — без аннексий и контрибуций, так должно это всем понятно быть». Другой, наоборот, по всей вероятности из «интеллигентов», возражал и говорил, что это «партии борются за власть, и пока одна из партий не победит, все равно мира не будет». Так как все остальные угрюмо молчали и не высказывали никакого интереса к этим бестолковым речам, то спор вскоре прекратился. Один только раз за всю ночь какие-то полуграмотные красноармейцы проверяли у нас документы, но никакого вреда не причинили. Часа в 4 утра наш поезд стал подходить к станции Кривомузгинская. Мы быстро выскочили из вагона и последовали за Потемкиным.

— Не вместе, держитесь по парам и ищите себе место, чтобы переночевать ночь на этой станции, — шепнул мне Потемкин и пошел вперед.

Минуты через две мы вошли в здание маленькой захолустной станции, где уже по всем углам спали и изрядно храпели несколько человек. Убогие, старые и даже не чищенные керосиновые лампы висели на стенах и тусклым светом едва освещали помещение. В так называемом зале 1-го и 2-го классов мы решили разместиться. Положив котомки под голову, мы легли прямо на грязный пол. Но спать было трудно. Все время кто-то ходил, другие сильно кашляли, третьи громко храпели и мешали.

8 мая мы уже с раннего утра были на ногах. О каких-либо чаях не могло быть и речи. Пришлось просто выпить воды с хлебом. О поездах никто ничего не знал. На станции было два комиссара, но оба что-то умалчивали. Старший из них был угрюмый и ни с кем вообще не заговаривал, не отвечал на вопросы и старался держаться вдали от публики. Младший был более податливый. Его даже остановил Потемкин и расспрашивал, когда же мы, в конце концов, будем иметь возможность двинуться дальше. Но комиссар только пожимал плечами, очень любезно разъяснив, что «это зависит от независящих обстоятельств», что, когда наладится движение, неизвестно. Мы с Чегодаевым сидели в стороне и слушали этот разговор, потому что комиссар

говорил, обращаясь ко всей публике. Но по тому, как слушал комиссара Потемкин, мы заметили, что он начал что-то понимать и соображать. Да и у нас немного просветлело в уме: мы догадались, что комиссару не приказано было говорить о наступлении казаков в направлении на Царицын. При этом мы вспомнили наш разговор с дамами на царицынском вокзале, которые были в панике от калмыков, и нам показалось странным, что здесь об этих калмыках ничего не говорят.

Захотелось под вечер есть, но на станции никаких съестных продуктов не было. Для того чтобы не вызвать подозрения у окружавшей нас публики, мы опять сделали вид, что знакомимся друг с другом. В деревню нам хотелось идти вместе. И мы обратились к нашим спутникам:

— Товарищи, не хотите ли пройти с нами на ближайший хутор за продуктами?

Нас поддержал еще кто-то из публики, и мы все вместе двинулись к хутору, который находился в 4 верстах от станции, выпили там молока, купили себе хлеба и мирно вернулись на станцию. Спустились сумерки, зажгли опять эти старые керосиновые лампы, и публика начала укладываться спать. Но публики стало больше. Прибыли из Царицына еще поезда и привезли разношерстную компанию.

На следующий день стало тревожнее. Утром мы проснулись рано и, закусив корочкой хлеба, уселись на платформе, чтобы подышать свежим воздухом. Напротив нас стоял какой-то эшелон с красноармейцами, которые несли охрану станции. За неимением других развлечений, было забавно наблюдать за краснокожими. У них в вагоне оказался граммофон, который ими усердно заводился. Они вторили ему, пели и танцевали около вагона. Велико же было наше удивление, когда мы вдруг услышали звуки нашего гимна «Боже, Царя храни». Солдаты не разбирались в пластинках и поставили ее нечаянно. Она была очень быстро остановлена и снята под цензурную ругань.

Под вечер мы прошлись по поселку около станции, чтобы вымолить у кого-нибудь крынку молока. К счастью, нам повезло. По дороге с нами заговорил Потемкин.

— Дальше оставаться нам на станции нельзя, — сказал он серьезно, — когда пойдут поезда, все еще неизвестно. Поэтому я решил идти пешком. По ту сторону Дона определенно идет сражение, сегодня ясно была слышна орудийная пальба. Я пережду еще один день. Если завтра ничего не выяснится, то нужно идти, иначе может быть поздно. Но дело это серьезное, или пан, или пропал, так что вы обсудите все сегодня, и я, в свою очередь, за ночь что-нибудь решу.

Конечно, идти пешком было очень рискованно и смело, но по всем данным, ничего иного не оставалось, и мы это решение приняли. На станции нас томила тоска. Мы не знали, куда уйти от людских взоров, чтобы отдохнуть. Потемкин, Чегодаев и я улеглись на травке в палисаднике перед станцией и думали здесь поспать. Но явился вдруг старший комиссар и выставил нас из палисадника.

— Нельзя же, товарищи, — обратился он к нам в вежливой форме, — лежать на траве. Вы ведь интеллигентные люди и должны понимать, что трава от этого портится.

— Он прав, — тихо сказал Потемкин, и мы быстро вернулись на станцию.

— Слово «интеллигентные», — продолжал Потемкин, — мне совсем не нравится, надо скорее выметаться отсюда, уже подметили нас.

Только мы вошли в помещение, как послышался гул подходившего поезда. Мы удивились, потому что поезд подходил со стороны Дона. Поезд остановился. Из вагонов, классных и теплушек, высыпало много народу, и все это сразу метнулось в буфет, который торговал только во время стоянок поездов. Тут были и матросы, и штатские, красноармейцы, казаки и рабочие. Все были сильно взволнованы и старались заглушить свое волнение едой. Около буфета они не ели, а просто жрали. Что не нравилось, бросалось тут же на пол, швырялись деньгами и облигациями. Карманы у них были полны всякими денежными знаками. Некоторые из матросов и красноармейцев были босые. Все это произвело на нас удручающее впечатление. Хотя красноармейцы и говорили о том, что они со станции Миллерова, где дрались с немцами, но следы еще совсем недавнего боя были еще слишком заметны на них. До Миллерова было далеко, а их волнение, их суета, беспорядок в костюмах и несвязные речи указывали на что-то недавнее, свежее. Когда после первого поезда прошли в 20-минутные промежутки еще два, картина нам стала ясна. Люди бежали...

Опять настал вечер, опять зажглись эти тусклые лампы, и многие уже завалились спать. Народу набралось очень много, негде было даже головы приткнуть, поэтому Потемкин, Чегодаев и я вышли наружу и решили устроиться просто на земле, в стороне от станции, чтобы не валяться на грязном полу и не дышать ужасными топорными благоуханиями. Мы улеглись и накрылись единственным имевшимся у нас пальто, вернее, мы закрыли только верхнюю часть тела, ноги оставались непокрытыми, но к этому мы уже привыкли.

Под прикрытием пальто Потемкин нам рассказал про свою встречу в Царицыне на вокзале, незадолго до отхода нашего поезда.

— Когда мы вышли из зала и направились к вагонам, — начал он, — меня кто-то окрикнул: «Потемкин». Я остановился, смотрю предо мной стоит лейтенант Абрамов, без погон, в большевистской амуниции, рядом с ним какой-то матрос. «Абрамов, — ответил я, — какими судьбами ты здесь?» — «Я служу на бронепоезде, — сказал Абрамов, — деремся против немцев, меня назначили командиром этого бронепоезда. Ты вот что, Потемкин, — перебил он внезапно свой рассказ, — расскажи подробно, куда едешь, как тебя занесла судьба в Царицын? Между прочим, ты не бойся, этот матрос мой друг, при нем можешь смело говорить все, что хочешь. Мы с ним заодно».

Должен вам сказать, — продолжал Потемкин, — что Абрамова я давно знаю, мы с ним даже вместе плавали. Он совершенно бесхарактерный человек, страшно любил своих подчиненных матросов и относился к ним как к детям. Часто заступался за них, выгораживал и защищал. Его матросы очень любили. Когда произошла революция, он по инерции, потому что у него не было своей воли, остался со своими матросами. И при большевиках он не ушел и вот теперь возглавляет этот бронепоезд. Я ему рассказал, что еду с компанией к Корнилову, пробираемся осторожно в армию, потому что не можем определить ее точного местонахождения. Еще поговорили о том и о сем, о наших офицерах, и под конец он мне сказал, что никогда не будет драться против своих, что он, как и его матросы, против гражданской войны и что сейчас они сражаются только против немцев. На этом наш разговор закончился, и мы распрощались. Очень он славный человек, жаль его, что он так втерся в это общество, — закончил Потемкин.

Мы натянули выше пальто и попробовали заснуть. Но только мы сомкнули глаза, как пришел красноармеец и грозно сообщил, что здесь спать нельзя, разрешается только на станции. Делать было нечего. Взяли пальто под мышку и легли на грязный пол на станции. Тяжелые думы кружились в голове, и мы вспоминали, как еще вечером пришла на станцию красноармеец и громко, окруженный большой толпой, рассказывал про свое последнее сражение с казаками.

— Идут в атаку как один, — распространялся он с увлечением, — и если кто раненый у них падает с коня, то сперва втыкает пику в землю, а другой, кто позади был, схватывает эту пику, то и идет на нас. У них все больше молодые, безусые, есть и постарше, но все в погонах, у офицеров они так и блестят. Много наших полегло, стрелки, что ли, у них лучше, но потеряли мы много. Я бы всех этих кадет перерезал (кадетами назывались белые воины). Теперь всех надо убивать, много их еще у нас шляется, поди, здесь на станции немало этой

аряни. Нужно строго за ними следить и почаще проверять документы, — закончил он.

Эти рассказы беглых красноармейцев, все их угрозы и заключения вызывали невольную тревогу. Нужно было скорее уходить, хотя бы пешком. Это сознавали все, потому что иначе мы рисковали быть пойманными.

9-го рано утром мы были разбужены новой ввалившейся компанией красноармейцев. От них мы узнали, что казаки сегодня ночью заняли хутор Калач, уже по эту сторону Дона. Красноармейцы возбужденно пересказывали происшествие, находясь еще под свежим впечатлением разыгравшегося небольшого боя.

— Спим это мы спокойно, — говорили они вперемешку, — как вдруг услышали стрельбу по хутору. Мы за винтовками, да и на улицу. А там уже полно казаков, все в погонах и на конях, кричат что-то вроде уаю-лю-лю, уаю-лю-лю, гоп, станичники, вставай, бей краснокожих, выгоняй с хутора; станичники, гей, спасать вас прискакали. Видим, дело наше плохо, уже спасти ничего нельзя было. Мы и не думали, что это так быстро могло случиться. А казаки, оказывается, через Дон-то переправились, у станицы Голубинской, да прямо нам во «фланк». Все им оставили, и склад винтовок, и две пушки, и цейтгауз, сами-то только в чем есть выскочили, лишь бы самим целыми остаться, сапоги и валенки, поди, все по дороге побросали, а кто и патронташ и винтовку, чтобы ловчее бежать-то было! Эх, дело было!

— А много их-то было, может, всего разъезд какой? — переспрашивали из слушавшей публики.

— Какой разъезд, их видимо-невидимо, — отвечали красноармейцы, — а нас всего-то 300 человек, один батальон, куды там!

Потом уже мы узнали, что казаков было всего 45 человек.

Дело становилось серьезнее. Чувствовалось их озлобление, они готовы были расстрелять кого угодно в отместку за понесенное поражение. Мы вышли на платформу, чтобы развлечься и не слушать больше этих повествований. Прошло около часа, как вдруг раздались крики:

— Казаки, кавалерия на горизонте!

Предчувствуя сражение, мы вернулись в здание станции, чтобы не быть глупо ранеными или убитыми. Рота, стоявшая в вагонах, сразу кинулась к винтовкам, стала быстро высypаться из вагонов, на ходу одевая патронташи и волоча за собой пулеметы. Из станции к роте быстрым шагом подошел с одним наганом в руке и с другим за поясом старший комиссар и стал неистово кричать:

— В цепь, товарищи, скорее вперед, занимай позицию!

Рота действительно быстро изготовилась к бою, и уже цепь, за вагонами, начала двигаться вперед, очевидно только сейчас отыскивал себе более удобную позицию.

На станции публика страшно всполошилась. Все моментально стали пристраиваться к стенке, чтобы таким образом защитить себя от пуль. Лица у всех заметно побледнели, и чувствовалась определенная паника. Прошло еще несколько мгновений, но выстрелов все еще не было слышно. Наступила странная волнующая тишина. Этим дело и закончилось. Как оказалось, красноармеец, стоявший на наблюдательном пункте на водокачке, принял свой разъезд за неприятельскую конницу и нарушил этим своим ревностным отношением к службе на некоторое время общественный покой на станции.

Когда улеглась паника и трудолюбивый народ приступил к обыденным занятиям, к нам, в наше незабвенное помещение 1-го и 2-го классов, вбежал старший комиссар и громко объявил:

— Приказываю всем пассажирам немедленно собрать свои вещи и садиться в поданные по моему приказанию вагоны. Дальше поезда вообще ходить не будут, поэтому я вас всех отправляю обратно в Царицын, а оставаться здесь запрещаю.

Речь ясная. Пока начали собираться, ко мне подошел Векслер и сказал, что Потемкин приказал двигаться поодиночке на хутор Платоновский, что в 4 верстах от станции, и разместиться там по парам, а к вечеру восстановить связь с Потемкиным.

— Кроме того, — сказал Векслер, отводя нас осторожно в сторону, — Потемкин просил передать, что мы разделены теперь на тройки, что Чегодаев и ты находитесь в подчинении у Амелунга, а Красенский и я — у Потемкина. Во всяком случае, вы подойдете еще раз к Амелунгу и спросите его, что делать, он, может быть, распорядится по-своему.

Но времени оставалось очень мало. Публика уже тащила свои тюки и выходила на платформу. Я посмотрел в сторону Амелунга и заметил, что он тоже одевается и спешит. Когда он увидел меня, он подмигнул правым глазом, как бы объясняя, как понял я, что пора идти. Будучи вполне уверены, что Потемкин и Амелунг стоворились и дальше двигаться вместе, мы с Чегодаевым не подошли в этой толчее к Амелунгу, а прямо вышли на улицу, в противоположную от платформы сторону, и шагах в 100 друг за другом направились к шлагбауму, а оттуда на хутор. Амелунг за нами не шел. Но в эти минуты мы уже решили действовать самостоятельно, предположив, что Амелунг все же сел в поезд и поехал обратно в Царицын, что нам совсем не улыбалось. Сперва мы часто оглядывались, все боялись

что за нами будет устроена погоня, если спохватятся, что нас в вагонах не оказалось, но, к счастью, наши страхи были напрасны. Никто за нами не гнался, да, очевидно, мало кто нами интересовался в эти минуты. Через несколько минут после того, как мы прошли железную дорогу, промчался поезд с отосланными обратно в Царицын пассажирами.

Когда мы подходили к хутору, то на окраине его, за перекрестком дорог, мы встретили Потемкина, сидевшего на бревне и о чем-то размышлявшего. И он, в свою очередь, заметил нас, позвал к себе и сейчас же обратился с вопросом:

— Где полковник Амелунг?

— Мы не знаем, — ответили мы, — он нам подмигнул глазом, наверное, сейчас придет. Он еще оставался на станции.

— Вот именно, что оставался! — рассерженным тоном перебил нас Потемкин. — Вы должны были ехать с ним обратно, вы же в его тройке. А вылезать нужно было на станции Карповка и оттуда самостоятельно пробираться дальше. Неужели вы не понимаете, что вшестером пробираться теперь очень трудно и опасно?

— Мы были уверены, что полковник Амелунг пойдет вместе с нами на хутор, — оправдывались мы с Чегодаевым.

— Так вот, — продолжал Потемкин все в том же тоне, — потрудитесь идти немедленно пешком в Карповку и найдите там Бориса Владимировича. Со мной вы быть не можете, иначе мы все попадемся, — добавил он более мягко. — Сейчас можете идти на хутор и у кого-нибудь передохнуть и поесть, а потом отправляйтесь.

Мы пошли. Настроение сразу понизилось на несколько градусов. Идти искать полковника Амелунга было делом очень рискованным. Где его найти? Может быть, ему вовсе и не разрешили слезать на промежуточных станциях и просто приказали ехать со всеми пассажирами прямо в Царицын, рассуждали мы, а из Царицына уже будет труднее пробираться в армию, да и денег у нас нет для того, чтобы жить самостоятельно и болтаться без определенных занятий. Следовательно, идти искать полковника Амелунга бессмысленно. Это только удалит нас от нашей прямой цели. Поэтому нужно идти к Потемкину к 6 часам вечера, как он с нами условился, и ему доложить, что мы считаем поиски Амелунга обреченными на неудачу и что мы решили тоже пробираться к казакам, будь это даже совершенно самостоятельно от Потемкина. Иного выхода мы все равно не найдем.

На хуторе мы вошли в первый попавшийся дом и попросили разрешения остановиться на несколько часов... К нам вышел довольно пожилой казак и пригласил в хату...

— Чем богаты, тем и рады, — сказал он просто и указал на сиденья. — Садитесь, сейчас и пообедаем, откушайте с нами!

— Спасибо, дедушка, спасибо! — отвечали мы, вошли в комнату, перекрестили лбы по обычаю старообрядцев (население хутора было старообрядческое) и сели на предложенную нам скамейку. Хата была маленькая и небогатая. Низенький потолок, глиняный пол и бедное убранство указывали на скромную жизнь семьи этого старика. Сам старик был приветлив и ласков, дал нам по стакану молока и стал занимать нас разговорами.

— Вы кто такие будете? — начал он.

— Рабочие, дедушка, идем из Царицына в Ростов, да вот дальше Кривомузгинки нас не пустили, а мы люди бедные, ждать долго не можем, ибо денег у нас мало, потому решили идти дальше пешком.

Между тем девчата принесли обед, скромный, но хорошо приготовленный. Старик всем нарезал по ломтю хлеба, перекрестился и пригласил есть. Посуды не было, все ели из одной большой чашки, чтобы не капало с ложки на стол, ломоть хлеба подкладывали под ложку, поднося ее ко рту. Есть нам не хотелось, тревожное настроение заставляло сердце биться сильнее, и волнение заглушало аппетит. Мы знали, что в 18 верстах от нас идет бой, так как беспрерывно была слышна орудийная пальба. Мы боялись, что нас могут заподозрить, что за нами может быть устроена погоня со станции и что вообще наше положение здесь весьма опасно и рискованно. Но пословица «Кто не рискует, тот не выигрывает» тысячу раз повторялась нами в уме для собственного успокоения, но в голову сейчас же вкрадывались другие черные мысли, которые снова волновали и не давали покоя. Во время обеда разговаривали мало. Только старик интересовался нашей судьбой.

— Чем же вы раньше занимались? — все допытывался он.

— Я был садовником, — сказал я тихо, только что придумав это ремесло.

— Садовником? — протяжно выговаривая это слово, переспросил старик и продолжал: — Знаете это дело... Так вот, — помолчав, опять начал он, — вы точно должны знать: у меня фруктовые деревья есть, и черви завелись, — медленно протягивая каждое слово, говорил он, — я их побрызгал жидкостью такой, и, глянь, не помогло; так вы скажите, как это надо, чтобы червей-то этих не было.

— Это, дедушка, — отвечал я нерешительно, — поливать, значит, надо другой жидкостью, да начинать нужно с самого начала...

— Как гудит, точно гром! — снова начал старик, прислушиваясь к орудийному гулу. — И что это все война да война, все люди смирились никак не могут, казак на казака с мечом пошел, нехорошо это!

— Да, дедушка, — только и могли мы ответить, — это нехорошо!

— И вы вот покоя найти не можете, вижу я вашу тревогу.

— Тяжело жить на свете стало, — сказал я, — работы нет и денег нет, оттого-то и тяжело!

Обед кончился. Все встали. Девчата начали быстро и ловко прибирать со стола.

— Да, да, — тяжело вздохнул старик. — Ну, идите отдохнуть, девки вам в балаган подушки вынесут, вам покой нужен.

Племянник дедушки, молодой казак лет 18, провел нас в балаган, большое колесное сооружение для жилья, которое во время полевых работ вывозится в поле для жилья и укрытия от дождей и непогоды. Казачок быстро ушел и оставил нас вдвоем. Но спать мы не могли. Здесь, наедине, стало как-то тревожнее на душе. Но мы быстро договорились, что теперь отступления быть не может, что нужно идти вперед. В армии, вероятно, мало людей, и нужно спешить, это лишь на пользу армии. Вероятно, не только мы одни таким путем пробираться, много и других. У каждого своя одиссея. А обратно за полковником Амелунгом мы не пойдем. В крайнем случае будем сами пробираться. Все время мерещилось что-то нехорошее, ухо прислушивалось к каждому шороху, к голосам, доносившимся с улицы, и к шагам проходивших казаков.

«Только бы не большевики», — повторяли мы каждую минуту про себя.

К вечеру мы вышли из нашей конуры и решили идти встретиться с Потемкиным в условленное время. Когда мы собирались уходить, к нам подошел дедушка казак:

— Вы вот что, братцы, жить у меня можете, место, слава богу, есть, да и подкормить вас могу, но сперва пойдите к нашему председателю и попросите у него позволения, такой у нас ныне закон вышел. Он казак хороший, не бойтесь, а коли даст вам позволение, то пожалуйте — живите хоть месяц, ничего не скажу!..

Потемкин нас уже ожидал. Встретил нас казак, хозяин дома, где остановился Потемкин, и указал дорогу, открывая калитку во двор.

— Так будет лучше, — промолвил он, — не то казаки загомят, когда сойдется на улице.

Я сразу сказал Потемкину, что возвращаться теперь на поиски Амелунга бесцельно, ибо он мог проехать в Царицын, а ехать нам туда — это все равно что никогда уже не попадем в армию.

— Мы решили идти за вами. Вы идите впереди, а мы на полчаса сзади, чтобы мы могли наблюдать за вашим направлением.

— Отлично, — уже более ласково ответил Потемкин, — и Амелунга не нужно искать. Это действительно бесцельно. Пойдемте вме-

сте. Погибнем — так тоже вместе, что Бог даст. Между прочим, я узнал дорогу у моего казака, он оказался вполне порядочным человеком. Когда я с ним разговорился и убедился в его порядочности, я открыл ему свою маску и сказал, что я никакой не рабочий и не мастер, а офицер и что пробираюсь с молодежью к казакам. Когда же я его попросил не болтать после нашего ухода, он мне сказал: «Я казак, и не нужно мне об этом говорить». Нам нужно идти по направлению к хутору Калачу; верстах в трех отсюда начинается глубокая балка, по которой мы пойдем и которая нас проведет прямо к хутору Калачу. Давайте двигаться, как только стемнеет.

— Не лучше ли нам тронуться в путь завтра утром, — возразил я. — Дороги мы не знаем и можем легко сбиться в сторону и нарваться на какой-нибудь патруль. Кроме того, сильная орудийная пальба указывает, что где-то у Калача идет сильный бой. Утро вечера мудренее. Нам бы чуть свет отсюда выйти, тогда с восходом солнца мы будем уже в балке.

Было договорено, что мы все вместе выйдем в 4 часа 30 минут утра и встретимся на выгоне, на дороге.

После разговора с Потемкиным настроение сразу повысилось. После ужина с дедушкой молодой казак снова проводил нас в нашу конуру, где мы крепко уснули, забыв о наших тревогах. Определенное решение, принятое вместе с Потемкиным, сильно нас подбодрило.

На следующее утро, подкрепившись у гостеприимного дедушки молоком и хлебом и поблагодарив за приют, мы быстрым шагом двинулись к условленному месту. Потемкин, Красенский и Векслер уже были там и, заметив нас, сразу тронулись по направлению к балке. Но так как дорога к балке шла почти по самому хребту, вырисовывавшемуся на горизонте и потому отлично видимому со станции, пришлось сперва взять курс на юг. Потемкин, Красенский и Векслер шли шагов на сто впереди от нас, показывая нам дорогу. Пройдя от хутора расстояние не больше полуверсты, мы слышали за собой конский топот и, оглянувшись, увидели двоих скачущих за нами всадников, приближавшихся к только что оставленному нами хутору.

— Возьмите курс вправо, — крикнул нам Потемкин, — за нами гонятся!

Мы повернули еще больше на юг. Настроение сразу же сильно пало, в разговоре и в движении почувствовалось волнение. В первые минуты было трудно даже побороть это чувство, так как мы определенно знали, что если попадемся, то сухими из воды не выйдем.

Всадники, как только приблизились к хутору, повернули в первую же улицу и скрылись из виду. Снова воспрянула надежда, снова мы

радаостно заговорили друг с другом и начали смелее поворачивать влево, на запад, стараясь не потерять из виду Потемкина. Расстояние между нами во время нашего движения на юг сильно увеличилось.

Прошел час, а мы все еще не находили балки, которая должна была укрыть нас от лишних взоров. Вдруг мы заметили, что Потемкина с его спутниками не стало больше видно. Сперва мы предположили, что зазевались и потеряли их из виду, но потом сообразили, что они, вероятно, уже спустились в балку. Минут через двадцать и мы спустились в долгожданную глубокую балку и, легко вздохнув, еще быстрее двинулись вперед. Вскоре мы догнали Потемкина, ожидавшего нас. Векслер был послан вперед на разведку, чтобы точно узнать у кого-нибудь из недалеко пахавших казаков, действительно ли это та балка, по которой нам нужно было идти. Мы присели в ожидании прихода Векслера. Нас всех мучила тревога, ибо час гибели или победы приближался. Время уже показывало шесть часов, а надо было торопиться, чтобы как можно раньше добраться до линии казаков. А дорога была еще длинная, так как мы прошли не более 5 верст.

Вернулся Векслер, подтвердил правильность пути, и мы сразу же двинулись дальше. Тропинка шла глубоко в балку, была очень извилистая и представляла собой хорошо укрытое место; за нашим движением наблюдать никто не мог. Дикая кустарник был раскидан по сторонам, и кое-где попадались деревья. Прошло еще минут тридцать, как вдруг я заметил, что по бугру, по самому краю балки, едут два вооруженных всадника, по-видимому, дозоры какого-нибудь разъезда.

— Кока, вниз! — крикнул я сдержанным голосом и потянул Чегодаева за кустарник, находившийся от нас в двух шагах.

Мы спрятались. Чегодаев в первое мгновение ничего не мог понять: он всадников не заметил.

— Не поднимаем головы, — все продолжал я шепотом, — а то еще увидят нас.

Всадники рысью проехали по верху мимо и скрылись за первым изгибом балки. Мы сейчас же вышли из нашего прикрытия и догнали Потемкина, шедшего впереди нас и ничего не заметившего. Мы рассказали ему о встреченных нами двух всадниках. Решили идти дальше с осторожностью, чтобы не нарваться на ядро разъезда. Но не успели мы пройти и пяти минут, как вдруг выросла наверху фигура вооруженного всадника, заметившего нас и грозно крикнувшего нам:

— Эй, пойдите сюда!

Сердце забилось от испуга, и лица у всех заметно изменились.

— Ну, все пропало, — махнув рукой, сказал Потемкин.

Всадник, оказавшийся тыльным дозором большевистского развезда, не успокоился на том, что позвал нас, а начал махать фуражкой, желая этим движением привлечь внимание ядра развезда. Но развезд не заметил сигнализацию дозорного, так как успел отойти от него на большое расстояние. Служба, к большому нашему счастью, неслака большевиками весьма поверхностно, что и послужило нам спасением.

Когда мы поднялись по крутому скату наверх, красноармеец, поддельваясь под опытного кавалериста, начал задавать нам сперва шаблонные, а потом просто глупые вопросы.

— Кто вы такие будете? — начал он.

— Рабочие, — ответили мы уже спокойнее, увидев, что развезд не обращает внимания на сигнализацию дозорного.

— А куда идете? — продолжал красноармеец.

— Мы идем со станции. Едем в разные города на работы по командировке от своих советов, — сказали мы все почти что в один голос. — Со станции поезда больше нигде не ходят. Мы же люди бедные и ждать не можем, вот и решили идти пешком. Документы у нас все есть, коли нужно, покажем, — добавил Потемкин.

— Не надо, — флегматично ответил красноармеец. Вынул свою деревянную табакерку из кармана, посыпал табак на бумажку и начал крутить папиросу.

— А спички у вас есть? — спросил он после некоторого молчания. — А то у меня нема.

Потемкин протянул ему коробку спичек. Красноармеец закурил.

— А как бы нам безопаснее пройти? — спросили мы. — Тут, слыывают, шайки какие-то бродят, избивают, коли поймают. Как бы нам к ним в лапы не попасть? Мы ведь советские служащие, коли попадемся, то добром не помянут.

— Дорога простая: вот влево — там казаки, развезды ихние, а справа — там никого нет. Держите прямо на деревню. Мужики там хорошие и прикрыть могут.

— Ну, спасибо, товарищ, что рассказал нам все, не то мы люди темные в военном деле. Теперь хоть знаем, куда идти.

— До свидания, товарищи, — попрощался с нами красноармеец и поплелся тем же спокойным шагом дальше по окраине балки, куря свою папиросу и не обращал на нас уже никакого внимания. Мы не вернулись в балку, а пошли по направлению на указанную нам деревню Песковатку, показавшуюся вдали на горизонте.

— Ну, господа, нам повезло, — сказал через некоторое время Потемкин. — Ну и болван же нам, на счастье, попался. Был бы это кавалерист, отвел бы он нас обратно на станцию, а там бы и рас-

стреляли. Комиссар догадался бы, в чем дело. Потому-то я и махнул рукой, не думал, что попадет такой михрютка. Поздравляю вас, теперь к казакам-то придем.

Как только развезд скрылся на горизонте и мы уверились, что за нами никто не может больше следить, мы круто повернули влево и теперь взяли направление на хутор Калач.

Но усталость дает себя знать, к тому же и аппетит появился. Дошли до первого казачьего балагана и сделали маленький привал. После небольшой закуски мы бодрым шагом зашагали вперед и решили теперь держать направление правее хутора Калача, то есть прямо на казаков. Шли мы еще долго, то поднимались на бугры, то снова спускались через рытвины, канавы, небольшие речки и овраги, шли большей частью по намеченной прямой линии, чтобы не терять лишнего времени. Солнце поднялось уже высоко, и становилось жарко. Хотелось пить, но Потемкин не разрешал.

— Напьемся потом, — говорил он, — надо спешить, чтобы скорее встретиться с казаками. Если красный развезд устроит за нами погоню, то будет совсем глупо, потому вперед без задержки.

И мы продолжали идти покорно, так как сознавали, что смерть совсем низко пролетела над нашими головами и что испытывать судьбу не следует. Шли мы все вместе, не чувствуя утомленности, настолько были напряжены нервы.

Вдруг, совершенно неожиданно, на горизонте перед нами, почти на линии нашего направления, показались фигуры нескольких всадников, которые то появлялись на впереди лежащем бугре, то снова исчезали.

— Думаю, что это уже казаки, — сказал Потемкин, — здесь большевиков быть не может, мы уже близко подошли к Дону.

Мы стали присматриваться и скоро заметили, что всадники вооружены не только винтовками, но и пиками.

— Вот и доказательство, что это казаки, — радостно воскликнул Потемкин, — у большевиков пик нет!

— Казаки, казаки! — с восторгом воскликнули мы и прибавили шагу. До казаков оставалось еще верст семь, следовательно, по крайней мере еще час с небольшим ходу.

Длинным казался наш путь. Мы старались сократить дорогу до минимума, ползли по крутым скатам и снова спускались в глубокие балки и шли по вспаханному полю.

И вот, наконец, мы увидели, что расстояние от нас до казаков не превышало полутора верст, когда от группы отделились три всадника и с винтовками в руках поскакали прямо нам навстречу.

— Руки вверх, руки вверх! — еще издали начали нам кричать звонкие голоса.

— Руки вверх! — скомандовал нам Потемкин. — Бросайте ветки и поднимите руки!

Мы сперва не разобрали, в чем дело, до того приковал нас вид молодежавших всадников в погонах, и уже только потом, после команды Потемкина, мы исполнили приказание.

Казачи подлетели, остановили своих коней и сразу начали с расспросов, не выпуская из рук винтовок. Наш хулиганский вид их, очевидно, смущал, и они не смогли быстро нам довериться.

— Кто вы такие? — вежливо начал рослый казак с русой бородой.

— Я капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин, морской офицер, — первый отвечал Потемкин. Ответили и мы по порядку.

Казачи сперва были как будто ошеломлены нашими ответами, видимо не ожидая, что из хулиганских костюмов вылапятся офицеры и юнкера.

Но, судя по внешнему облику, они остались довольны и сейчас же забросали нас вопросами о том, что делается у большевиков, что происходит в Царицыне, сколько сил у них сосредоточено у Кривомузгинской и т. д. Мы радостно и оживленно отвечали и старались подчеркнуть, что нашему ликованию нет предела, что мы долго терпели, пока пробирались к казакам, и что вот, наконец, мы достигли нашей цели, добрались, видим казаков в погонах и не знаем, как выразить свое торжество. Казачи внимательно прислушивались к нам, вероятно понимая нашу откровенность и простодушие. Через несколько минут мы пошли все вместе к начальнику разъезда, который сразу же нарядами казака для сопровождения нас на хутор Калач к коменданту. Оттуда нас должны были отправить дальше.

— Только, пожалуйста, — вдруг обратился к нам один из старших казаков, — не говорите «товарищ». У нас теперь говорят «станичник» или «земляк», а слово «товарищ» позабудьте.

— Знаем, станичник, — сказал Потемкин. — Слава богу, ведь уже воевали, не впервые с казаками дело иметь!

— А вы где воевали? — спросил казак.

— У генерала Корнилова, в Ростове, там и ранен был, видите — глаз свой за казаков потерял.

— Так вы корниловцы? — промолвило сразу несколько казаков.

— Да, корниловцы, — смело ответил Потемкин.

— Ну, господа, идите, — обратился к нам начальник разъезда, — только простите, что вас будет сопровождать вооруженный казак, но вы офицеры и сами понимаете, что иначе я поступить не имею права.

— Конечно, — сказал Потемкин, — это даже лучше, что мы пойдем не одни.

Через некоторое время мы выступили, простились с добродушно нас встретившими казаками и пошли в сопровождении одного конного казака в направлении на хутор Калач.

— Теперь буду вас поддукивать и держать в ежовых рукавицах, — сказал нам тут Потемкин, когда мы уже приближались к хутору Калачу.

Несмотря на усталость, настроение оставалось в течение всего этого времени бодрым. Единственное, что неприятно отзывалось в душе, — это сопровождение казака. В особенности это давало себя чувствовать, когда мы вошли в хутор, где каждый прохожий останавливался и считал своим долгом спросить:

— Кого ведешь, станичник?

— Где поймал молодых?

Хотя казак и отвечал, что это, дескать, корниловцы, из плена к нам обратно перебежали, но положение арестованных удручало нас и задевало наше самолюбие.

Часам к 11 мы наконец добрались до командира сотни того разъезда, с которым мы встретились в степи. Командир сотни после того, как разузнал, в чем дело, встретил нас очень любезно, угостил обедом и предложил отдохнуть. Но отдохнуть не пришлось, ввиду того что сотня получила срочное приказание седлать. Поэтому нас попросили идти к коменданту и там уже воспользоваться отдыхом. В этот раз нас сопровождал не вооруженный казак, а писарь из станичного правления. Самый острый момент был уже пережит. Нервы успокоились, а утомление требовало своего. Мы быстро заснули тут же на комендантском дворе, в тени за домами.

Около 5 часов вечера нас разбудили. Когда мы начали подниматься, Потемкин уже сидел у коменданта, войскового старшины Донского войска, и вел с ним переговоры о переправке в тыл. Войсковой старшина, очень вежливый и воспитанный офицер, не хотел, как потом нам рассказывал Потемкин, нас отправлять дальше без вооруженных казаков. Дело в том, что у нас не было ни одного документа, который мог бы удостоверить нашу личность, кроме советских, а Потемкин требовал, чтобы нам поверили на слово.

— Я не могу вас отправить без караула, — говорил войсковой старшина. — Конечно, я не имею оснований вам не доверять, но все же у вас нет ни одного документа, который мог бы рассеять мои сомнения.

— Я даю вам мое честное офицерское слово, — отвечал Потемкин, — и этому-то вы могли бы поверить.

Но войсковой старшина продолжал настаивать на своем.

— В конце концов, мне это надоело! — ударив кулаком по столу, громко заявил Потемкин. — Глаз мой простреленный разве не служит вам доказательством моего участия в боях против большевиков? Я уже воевал в то время, когда донцы еще сомневались, к кому им примкнуть, а теперь вы, войсковой старшина, обязаны мне поверить, мне — капитану 2-го ранга Владимиру Потемкину. Я требую отправки без караула.

— Простите, я не хочу вас обижать, — уже более мягко начал войсковой старшина. — Ну хорошо, я пойду расспрошу ваших спутников.

Когда мы уже успели привести себя в относительный порядок, к нам после вышеприведенного разговора вышли войсковой старшина и Потемкин. Войсковой старшина подошел прямо к Чегодаеву и сразу же приступил к расспросам:

— Где вы служили?

— В 5-м гусарском Александрийском Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку.

— В каком эскадроне вы были в полку?

— В 3-м эскадроне, господин войсковой старшина.

— Кто был командир эскадрона, кто командовал полком, кто был заведующим хозяйством, кто командовал первым эскадроном, вторым, шестым? — продолжал расспрашивать комендант.

Чегодаев отвечал на все вопросы, стоя смиренно и отчеканивая каждое слово. После этого комендант обратился ко мне с подобными вопросами. Получив и от других такие же определенные ответы, он задумался.

— Ну что же мне делать? — как бы спрашивал сам себя войсковой старшина. — Я вижу и верю, что вы в этих полках были, но как мне быть, если у вас не имеется настоящих документов? Вы же сами говорили, что сфабриковали их собственными руками! Ну хорошо, — продолжал он, — сейчас я отправил арестованных в Камышовку, с ними идет один конвойный, так я вас попрошу следовать за ними, позади конвойного. Конвойный вас препроводит к войсковому старшине Макарову, в его распоряжение вы и поступите.

Нас предупредили, что хутор Камышевский находится всего в 2 верстах отсюда, но что дорога тяжелая, потому что идти нужно песками вдоль берега Дона.

Комендант со своей стороны был прав, но понятно также и то, что и наше самолюбие страдало, ибо в мыслях мы не рисовали себе никаких неприятностей по присоединении к казакам и были уверены, что с момента перехода все пойдет гладко.

Минут через 10 был наряжен конвойный, вывели арестованных, вышел к нам войсковой старшина и отдал распоряжение не считать нас за арестованных, объяснив, что мы добровольцы и что нас нужно только препроводить к войсковому старшине Макарову. Он коротко простился, пожелал всем нам всего лучшего и ушел, и мы сразу выступили в путь, с трудом передвигая усталые ноги по песчаному грунту, так как за этот день мы прошли около 40 верст. Шли мы минут сорок и часам к 7 подошли к дому, который занимал войсковой старшина Макаров, начальник всего отряда, действовавшего против большевиков.

Солнце уже спряталось за гору, наступали сумерки. Мы присели на окраине дороги в ожидании выхода войскового старшины Макарова. Все время издали доносился гул орудийных выстрелов; часто к дому подлетали ординарцы с донесениями; выходили офицеры и отдавали распоряжения и посылали дежурных штабных ординарцев к действующим сотням и отрядам. Наконец к нам вышел войсковой старшина Макаров. Он только утром был ранен в ногу в конной атаке, и его ранение отражалось на бледном и изможденном лице. Подойдя ближе, он ласково обратился к нам:

— Чем могу служить?

— Мы присланы в ваше распоряжение, господин войсковой старшина, — ответил Потемкин.

— Ах да, вы те, про которых мне пишет комендант хутора Калача? Так что же вы хотите?

— Просить у вас бумагу об отправке нас в тыл к генералу Мамонтову, — сказал Потемкин.

— Как ваша фамилия? — спросил Макаров, обращаясь к Потемкину.

— Капитан 2-го ранга Потемкин.

— А это ваши спутники?

— Так точно, они следуют со мной.

И каждого из нас он попросил назвать свою фамилию.

— Хорошо, я распоряжусь. Запишите фамилии, — обратился он к адъютанту, стоявшему позади него, — прикажите написать удостоверения, чтобы этих офицеров не задерживали и оказывали содействие при их следовании в распоряжение генерала Мамонтова. Я сейчас подпишу.

— Слушаю! — ответил адъютант и попросил Потемкина пройти с ним в канцелярию штаба отряда.

Ждать пришлось около получаса. Получив необходимые бумаги, мы собрались выходить из ворот. Но в это время вынесли уже на руках раненого Макарова и стали укладывать его на ожидавшую подводку.

— Станичники! — обратился он к стоявшим у ворот и подводы казакам. — Не падайте духом, а главное — будьте спокойнее, и тогда мы разобьем врага с Божьей помощью. Я уезжаю на ночь на перевязочный пункт, так как нога моя ранена, но с того берега буду следить за вашими действиями. С богом, станичники, и не волнуйтесь! — закончил он, и подвода медленно покатила к парому через Дон.

Вслед за подводой двинулись и мы. До парома нужно было пройти около двух верст, но уже по более мягкому земляному грунту, так что этот маленький переход не показался нам трудным, несмотря на 43-ю версту. У парома уже поджидало много народу; стояли повозки, выстроившись в очередь для погрузки, толпились люди, и спокойно ожидали офицеры и вооруженные казаки. Подводы медленно вкатывались на паром и становились на указанные заранее места, а люди переходили по мостику поодиночке и устраивались в одном из еще свободных уголков.

Когда погрузка закончилась и паром был готов к отплытию, то для того, чтобы привести его в движение, приглашались мужчины из публики к двум большим колесам, которые вращались при помощи специально пристроенных ручек. Так как из присутствующих никто не выражал желания крутить колеса, то были привлечены мы.

— Пулей на колеса! — приказал нам Потемкин, и мы, втихомолку ругая всех казаков, приступили к работе.

Переплыли Дон. Сойдя с парома, мы отправились прямо к атаману хутора, который находился на самом берегу Дона. Атаман сейчас же отвел нам комнату в одной из хат и обещал к утру предоставить нам подводку для дальнейшего следования в штаб генерала Мамонтова.

Хозяйка дома оказалась приветливой, предложила нам умыться и вычиститься, а потом начала вытаскивать из печи всякую вкусную снедь. Все это нам показалось особенно приятным, так как мы в первый раз после долгих мытарств и лишений имели возможность спокойно, без всяких предосторожностей, в полной безопасности всем вместе сесть за обильный стол.

На следующий день, 11 мая, в холодную, сырую и дождливую погоду мы выехали в станицу Нижне-Чирскую, до которой от хутора было расстояние свыше 60 верст. Это путешествие пришлось совершить в два приема, переночевав в одном из многочисленных казачьих хуторов. Благодаря письменному пропуску, полученному от войскового старшины Макарова, в котором было сказано: «Оказывать содействие при продвижении в штаб генерала Мамонтова», нам действительно удавалось без замедления добывать подводы и также пользоваться некоторыми льготными условиями для скорейшего про-

движения. Но наше «пролетарское» одеяние и здесь сильно мешало. Казаки в большинстве случаев косились на нас и относились даже к некоторой подозрительностью.

На одном из хуторов произошел маленький инцидент с атаманом, который, взяв нашу бумагу, в повышенном тоне заявил:

— Почему вы без провожатого? Кто вас знает? Кто вы? Недавно таких поймали, которые выдавали себя за офицеров, но оказалось, что они настоящие большевики.

Но Потемкин не выдержал того намека и, возмутившись, вскочил со стула и громко ответил:

— Я просил бы вас таких заявлений не делать. Если вам приказано верить и оказывать нам содействие, то вы обязаны исполнить это приказание в точности, черт вас возьми! В то время, когда вы еще сомневаетесь и митингуете, идти ли вам за атаманом Калединым или нет, то я уже был ранен в голову и потерял свой глаз навсегда. Из-за своего ранения я не мог продолжать воевать в рядах Добровольческой армии и должен был остаться в плену у большевиков. А теперь, вместо того чтобы нам помочь добраться в станицу Чирскую, вы еще имеете наглость сомневаться, офицер я или нет. Я приказываю прекратить такие речи!

Казаки сперва даже смутились после таких слов, и только атаман нерешительно и как бы прося прощения возразил:

— Да я вообще так говорил. Мы знаем, что вы офицеры, да оно и так видать, что вы не простые люди, а офицеры. Я хотел сказать, что бывают такие, мы же не знаем, серые мы, и вы не обижайтесь. — И сейчас же после этого он обратился к молодому казаку, стоявшему в это время в избе: — Поди скажи, чтобы сейчас же запрягали, чья очередь, и без всяких разговоров.

Молодой казак быстро выскочил за дверь. И весь этот инцидент благополучно закончился. Больше подобных случаев до самой станицы Чирской не повторялось.

13 мая часов около 11 дня мы подъехали к зданию штаба генерала Мамонтова. Потемкин немедленно заявил дежурному офицеру о своем желании поговорить с начальником штаба и был в скором времени принят последним. Разговор его продолжался около получаса, а мы в это время ожидали его в приемной, разговаривая с офицерами штаба. Среди присутствовавших офицеров нашлось несколько кавалеристов, окончивших Николаевское и Тверское училища. После нашего рассказа о том, как нам не хотел поверить комендант хутора Калача, они немедленно сами приступили к расспросам, даже с некоторым оттенком поддукивания. Они обратили, главным образом, внимание

на лошадей училищ, их названия и масти, вскользь экзаменовали по дислокации и мельком останавливались на командном составе. Когда мы почти точно называли клички коней, то один из офицеров заявил:

— Ну, теперь я головой и положила руку на сердце ручаюсь, что вы действительно были в Николаевском и Тверском училищах. Чтобы так знать, как вы знаете, формы полков и клички лошадей, нужно было на самом деле быть в училище, а кроме того — у вас типичные ответы юнкеров. Так что будьте спокойны, защитники у вас теперь есть!

Вскоре вышел Потемкин:

— Идемте, господа, сейчас нам отведут квартиру.

Мы вышли, и один из писарей проводил нас к коменданту станицы, где нам выдали наряд на квартиру. После всяких умываний и чистки хозяйка угостила нас вкусным обедом, не без претензии на европейскую кухню. Так как за время путешествия приличный стол давно был выведен из нашего обихода, то этот обед вызвал целую бурю комплиментов по адресу хозяйки, и Владимир Николаевич Потемкин не утерпел. Помня старые заветы Вакха, что ни один приличный обед не начинается без водки, он немедленно потребовал таковую для подбодрения и во славу нашего благополучного присоединения к казакам, так что обед превзошел все ожидания.

После небольшого отдыха мы стали готовиться к вечернему выступлению на местном «корсо» (место вечерней прогулки на главной улице), чтобы постепенно снова приучить глаза к культурному обществу и обстановке. Перед гуляньем Потемкин забежал в штаб для выяснения некоторых насущных вопросов. Разговор оказался очень удачным. Мы узнали, что генерал Мамонтов разрешил нам сшить себе в местной швальне новое обмундирование, дав даже записку на выдачу нам фуражек, ремней, погон, белья и обуви. Нас это страшно обрадовало. Мы наконец получили возможность сбросить свои хулиганские костюмы и одеться в новое приличное обмундирование.

На третьи сутки после отъезда из Чирской мы прибыли в станицу Цымлянскую, или Цымлу, как ее называли казаки. При въезде в Цымлянскую нас поразили постройки в этой станице. Маленькие, почти без исключения двухэтажные деревянные домики с балкончиками на улице невольно напоминали сцену из «Севильского цирюльника»: и там выстроен такой же домик с балкончиками, и там на декорациях написаны такие же извилистые улицы с многочисленными одноэтажными домиками. Не было только слышно звучного тора графа Альмавивы, поющего серенады своей возлюбленной, не то можно было бы вообразить, что мы случайно, после всех перепряд, очутились на сцене Мариинского Императорского театра.

Путешествие до Цымлянской было совершено нами благополучно. Мучили нас только холод и ветер, а укрываться было нечем — на пятерых была только одна шуба и два бушлата. В интендантском складе в Нижне-Чирской станице шинелей не оказалось, так что пришлось мириться со всеми капризами погоды — то промокать насквозь от дождя, то дрогнуть от холода и высухаться у печки в теплой комнате. Так повелела Царица Судьба.

В станице Цымлянской нам по ордеру атамана была отведена комната на одну ночь. С рассветом мы были снова на ногах и спешили спуститься к Дону, где стоял пароход, который должен был нас отвезти в станицу Константиновскую. По дороге пришлось даже бежать, так как пароход собирался уже отчаливать, но, заметив нас, обождал и принял нас на борт. На пароходе нас предупредили, что необходимо принять меры предосторожности, так как по луговой стороне бродили шайки отставших большевиков. К счастью, все обошлось благополучно, и мы около 3 часов дня подошли к пристани станицы Константиновской.

Станица Константиновская была окружной, а потому больше Цымлянской. Здесь было много хороших каменных домов, были рестораны, кофейные, магазины, торговавшие самыми разнообразными товарами, парикмахерские и несколько кинематографов, а на углах сидели чистильщики сапог. Вдоль домов по улицам были проложены тротуары, а на главной улице была раскинута роскошная аллея. Вся станица освещалась электричеством. Словом, это даже была не станица, а славный маленький уездный город.

В Константиновской мы переночевали только одну ночь. Весь вечер мы провели в хлопотах, связанных с предполагаемым на завтра отъездом. Бежали из окружного управления к станичному атаману, чтобы получить разрешение на следование с первым отходящим пароходом в станицу Аксайскую.

Когда же документы были на руках, мы со спокойным сердцем начали думать об отдыхе в отведенной нам комнате, которая отличалась во многом от занимаемых нами ранее помещений. В этот раз нам отвели чудную гостиную с паркетным полом и с большими пальмами и другими растениями по стенам. Дом принадлежал местным богачам, содержавшим еще и кинематограф. Хозяйка — уже пожилая женщина — отнеслась к нам очень ласково. Пригласила нас к столу, накрытому на веранде с видом на Дон, и угостила прекрасным ужином, а после ужина предложила нам занять места в кинематографе, чем мы с радостью воспользовались, чтобы скоротать как-нибудь вечер.

На следующий день после обеда, поблагодарив милую хозяйку за радушный прием, мы отправились на пристань — на пароход. На пароходе собралось много народу. На буксире у парохода должна была тащиться барка с пассажирами и какой-то воинской частью. Мы с Потемкиным попали на барку и устроились под навесом. Около 4 часов пароход с баркой отплыл и поплыл вниз по Дону к Новочеркаску. В 8 часов пароход пристал на несколько часов у станицы Раздорской. Этой остановкой мы воспользовались и сошли на берег, и один из ехавших с нами казаков указал нам скромный винный погреб, где выдавалось хорошее вино. Засиделись в погребке довольно долго и в веселом настроении, под маленькой мухой вернулись на свою барку и так быстро заснули, что даже не слышали, когда пароход отплыл.

Все утро 18 мая мы провели в ожидании прибытия в станицу Аксайскую. День выпал пасмурный, сырой, и приходилось мерзнуть на незащищенной от ветров палубе, и наше нетерпение увеличивалось. В полдень погода несколько прояснилась, и даже солнышко временами показывалось из-за туч. Примерно за пять часов плавания до станицы Аксайской мы вдруг увидели на далеком горизонте сперва золотые купола, а потом и весь Новочеркасский собор. Радостно забилося сердце. Вот уже видны слегка очертания домов нашего заветного города, о котором мы еще в Эссентуках мечтали, и только несколько часов отделяют нас от него. Погода то хмурилась, то опять прояснялась, а собор вдали на возвышенности все манил и все увеличивал наше нетерпение.

Наконец, около 4 часов 30 минут вечера мы пристали к пристани станицы Аксайской. Быстро выскочили мы на берег и сейчас же отправились на железнодорожную станцию. К нашему великому удивлению, мы узрели чистокровных немцев, грузивших какие-то подводы в вагоны. Они были хозяевами на станции. Их комендант, их начальство распространяли свою власть даже на станицу. В душе мы были глубоко обижены, что довелось нам увидеть врагов на нашей земле, еще не покончивших с нами свои расчеты. Но злобу пришлось таить в сердце, и мы решили как можно спокойнее относиться к этому странному и неприятному видению.

На станции долго пришлось сидеть в ожидании поезда. Здесь мы встретили офицеров и солдат Добровольческой армии, ожидавших так же, как и мы, поезда. Они охотно делились с нами впечатлениями, рассказывали о походе армии, о составе ее, о боях с большевиками и о многом другом, что нас так интересовало. Это были первые ласточки из армии. Они были действительными участниками 1-го Кубанско-

го похода⁵²¹, героических эпизодов, и мы завидовали им, что они уже были в армии, а мы только ждем, и что мы еще чужие. Но чувство, что мы сами скоро станем в строй этой армии, успокаивало наши волнующиеся сердца, а в мыслях мы уже считали себя членами этой армии, потому что мы носили те же погоны и ту же форму одежды.

Господь внял нашей молитве — мы достигли заветной нашей цели. Дело, на которое мы шли, было воистину, действительно правым, и Господь благословил нас на крестный путь, и Он нас спасал от верной и мучительной смерти. И на астраханском рейде, и в Царицыне, и в Кривомузгинской, и во время путешествия по балке, когда мы нарвались на большевистский разъезд, везде чувствовалась Его рука, ибо смерти мы избегали только чудом.

В Новочеркаске мы пробыли три дня и отдыхали после долгого и опасного путешествия. В городе было много офицеров. Чувствовалась близость армии. Наши, донцы, кубанцы, — все смешались в пеструю толпу. Все пользовались отдыхом после тяжелых походов. Музыка на бульварах, театры, оживление в городе — все это указывало на подъем настроения, на радость по случаю первых больших побед над большевиками.

21 мая к 11 часам мы собрались у Потемкина, чтобы пообедать пораньше, так как поезд в Аксай уходил в 2 часа дня. В Аксай мы приехали в 4 часа пополудни, но дальше двигаться не могли. Станичное правление не имело права без разрешения немецкого коменданта дать нам лошадей. Обращаться же к немецкому коменданту очень уж не хотелось, и потому решено было переночевать в Аксае, а утром на рассвете идти пешком в станицу Ольгинскую, расположенную на противоположном берегу Дона, и оттуда на лошадях ехать дальше в штаб армии, который находился тогда в станице Мечетинской.

22 мая рано утром мы вышли из Аксаи пешком. Пройдя мост через Дон, мы вышли на Ольгинский тракт. Пройдя версты три от моста, мы заметили, что к нам навстречу идет разъезд с офицером во главе. Сначала мы думали, что этот разъезд выслан от нашей армии, но вскоре увидели немецкую форму на всадниках. Немецкий офицер при виде нас нам отсалютовал по всем правилам, скомандовав своим всадникам «Смирно». Мы ответили и отдали честь. Поведение немецкого офицера нас поразило и тронуло. Мы и не предполагали, что можем встретить в этом месте германскую воинскую часть.

После девятиверстного перехода мы часам к 8 утра подошли к станичному правлению. Атаман распорядился сейчас же насчет подвод. В станице Хомутовской мы переменили лошадей и поехали дальше в станицу Кагальницкую, где встретили 1-й Офицерский конный полк.

Около 5 часов вечера мы прибыли в станицу Мечетинскую и подъехали прямо к дому, где жил полковник Кутепов. Потемкин вошел в дом, а мы тем временем стали разгружать наши вещи с подводы. Вскоре на крыльцо вышел полковник Кутепов, командовавший тогда временно 2-й бригадой.

— Здравствуйте! — поздоровался он с нами.

— Здравия желаем, господин полковник! — ответили мы дружно.

— Наконец добрались до цели, прибыли в армию! — сказал Кутепов.

— Так точно, господин полковник!

— Что это вы так руку держите? — обратился вдруг полковник Кутепов к Чегодаеву. — Прямо ладонь, не кривите руки, вот так; распустились, пора и подтянуться.

От Кутепова мы прошли прямо в штаб армии, где встретились с ротмистром Апрелевым. Так как запись в части была добровольная и не существовало назначения, то, спросив совета у ротмистра Апрелева, мы решили записаться во 2-ю сотню, которой командовал полковник 4-го гусарского Мариупольского полка А. Яновский⁵²².

23 мая мы были записаны и зачислены в армию. Условия зачисления были следующие: мы обязаны были служить в армии 4 месяца и только по истечении этого срока могли покинуть ее ряды. Жалованье было 80 рублей в месяц. Желание наше было исполнено — мы получили разрешение явиться к командиру сотни полковнику Яновскому по случаю зачисления в его сотню. Был вызван вахмистр, который нас зачислил в 3-й взвод. Там же нам отвели квартиру, где мы поселились с нашими новыми боевыми товарищами — кадетами Малаховым⁵²³, Пальчевским⁵²⁴ и Драшпилем⁵²⁵.

Так закончилась наша эпопея путешествия кружным путем в Добровольческую армию, в которую мы так стремились попасть. Цель была достигнута, и мы благодарили Бога за Его милость во время нашего трудного крестного пути.

М. Борель

КОРНЕТ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НАКАШИДЗЕ⁵²⁶

9 марта 1965 года скончался в Нью-Йорке один из самых молодых первопоходников — корнет лейб-гвардии Уланского Его Величества полка князь Василий Николаевич Накашидзе⁵²⁷, в прошлом кадет 5-го класса Орловского Бахтина корпуса.

После большевистского переворота, покидая родной корпус, юный князь, движимый жертвенной любовью к Родине — России, не поехал к матери в Грузию, а по дороге выбрался из поезда в Ростове-на-Дону и сразу поступил добровольцем в конный отряд полковника Вас. Серг. Гершельмана⁵²⁸. Может быть, жалея молодость кадета Накашидзе и желая оградить его от тягот походной и боевой жизни, полковник Гершельман откомандировал его в личную охрану генерала Алексева. Такая охрана становилась необходимой в то смутное время, которое тогда переживалось.

Это намерение было приведено в исполнение, как даже неотложное, после одного очень странного случая. В сочельник 1917 года генерал Алексеев задержался до 11 часов вечера на заседании у атамана генерала Каледина. Домой генерал Алексеев возвращался в сопровождении сына штабс-ротмистра Н. Алексева и своего адъютанта ротмистра Шапрон дю Ларрэ⁵²⁹. Шли они по безлюдным и темным улицам Новочеркаска. То там, то здесь слышалась стрельба — это казаки встречали праздник Рождества Христова. Когда переходили Платовский проспект, перед генералом вдруг выросла какая-то фигура, направившая на него винтовку, но в тот же момент подскочившие к фигуре ротмистр Шаперон и штабс-ротмистр Алексеев вырвали у него из рук винтовку и заставили злоумышленника идти перед собой, угрожая ему маузерами, направленными в его спину.

После такого нападения было решено приступить немедленно к формированию личной охраны генерала. Гвардейская рота прислала юного прапорщика Георгия Брика⁵³⁰. Морская рота, под командой капитана 2-го ранга В.Н. Потемкина, — старшего гардемарина Анатолия Розе⁵³¹, а полковник Гершельман откомандировал, как уже было сказано, из своего дивизиона кадета князя Василия Накашидзе.

«Мои мальчики» — называл их генерал Алексеев. Они с присущим молодости рвением принялись за исполнение своих новых обязанностей. С генералом Алексеевым они выступили в 1-й Кубанский поход, во время которого был зачислен в охрану еще четвертый — юнкер Новочеркасского военного училища Петр Григорьевский.

Полковник Гершельман прозвал юного князя Бичо, что по-грузински означает «мальчик». Это прозвище так привилось к нему, что заменило ему его имя. Для всех друзей и однополчан, искренне его полюбивших, он до самой своей смерти оставался Бичо.

Во время исполнения своих обязанностей «мальчики» очень заботились о «своем генерале»; когда он случайно исчезал из поля их наблюдения, они, взволнованные и расстроенные, прибегали к ротмистру Шаперону с жалобой на генерала, что он скрылся, не предупредив их.

С генералом Алексеевым они прошли весь 1-й поход, дошли до Екатеринодара и оставались при нем до самой его кончины. Сколько трогательной заботливости проявляли они во время тяжелой болезни генерала, дежуря у дверей его комнаты, летая за кислородными подушками, за лекарствами и всем необходимым для облегчения положения больного.

«Мальчики», как родные сыновья, провожали «своего генерала» до места последнего упокоения. Изранивши себе руки, они нарезали терн, сплели из него венки и перевили его георгиевскими лентами. Это был лучший венок среди всех роскошных венков, возложенных на гроб генерала Алексеева. Этот терновый венок нес перед лафетом с гробом Бичо Накашидзе.

Осиротели «мальчики», и каждый пошел по своей дорожке, указанной ему судьбой. Прапорщик Брик вернулся в свой Сводно-гвардейский пехотный полк и в октябре 1918 года был убит в бою под Армавиром. Мичман Розе остался адъютантом у генерала А.М. Драгомирова. Перед эвакуацией из Новороссийска заболел тифом в очень тяжелой форме, получилось осложнение в мозгу, что подействовало на его умственные способности. Розе был в Крыму, благополучно перекочевал в Софию (Болгария) и в 1921 году покончил с собой.

Бичо Накашидзе и юнкера Григорьевского сына генерала Алексеева штабс-ротмистр Алексеев увез с собой в Сводно-гвардейский кавалерийский полк, в эскадрон улан Его Величества. Оба были произведены в офицеры, получили форму полка и в его рядах доблестно сражались с красными.

Прапорщик Григорьевский был тяжело ранен в позвоночник в бою под Аскания-Нова (в Северной Таврии) — в том же бою, в котором был убит полковник Вас. Серг. Гершельман, который тогда командовал полком. После этого ранения прапорщик Григорьевский скончался 6 мая 1919 года в Екатеринодаре, в госпитале Красного Креста.

А князь Накашидзе проделал с полком весь крестный путь Белой армии.

И вот хочется вспомнить один маленький эпизод из боевой жизни князя Накашидзе.

Это было в марте 1919 года, когда части Добровольческой армии, отходя из Мелитопольского района, приблизились к Сивашу.

Взвод улан Его Величества, под командой поручика В. Немировича-Данченко³³², был выслан разъездом к северу, чтобы проследить движение красных, двигавшихся за отходящими войсками. Всю ночь никто из людей разъезда не спал, так как ожидалось наступление противни-

ка. Поручик Немирович-Данченко и посланный с ним вместе прапорщик Накашидзе сидели спокойно в хате и разговаривали с вахмистром Эбингером, как вдруг, рано на рассвете, в хату вбежал улан и взволнованным голосом доложил, что показалась конница большевиков и что передовые части уже совсем подходят к хутору и через несколько минут могут быть здесь. Все сразу же вскочили с мест и выбежали на двор, где стояли на привязи кони.

— Подтянуть подпруги и садись! — скомандовал Немирович-Данченко.

Лошади стояли всю ночь поседланными ввиду ожидавшейся каждую минуту тревоги, и через мгновение все уланы уже сидели на конях. Когда из хутора последним выезжал Накашидзе, большевики с северной стороны галопом входили в хутор.

— Шире ход, за мной! — подняв правую руку, скомандовал Немирович-Данченко.

По вспаханному и еще сырому от только что выпавшего снега полю поскакали уланы. Большевики, увидев всадников, бросились их преследовать, дико рыча и уговаривая сдаться. Но уланы скакали во всю мочь и держали направление на железнодорожную станцию Ново-Алексеевка, стараясь все время увеличить расстояние между ними и преследовавшими их красными. Большевики на ходу открыли огонь из пистолетов. К сожалению, лошади улан начали через некоторое время сдавать и частично переходили в рысь, несмотря на усилия со стороны всадников держать их на широком аллюре. Благодаря этому большевикам удалось взять четырех улан в плен, и между ними был вольноопределяющийся Панченко.

— Передайте всем привет, я остаюсь! — прокричал он вдогонку уходящему на полном галопе Накашидзе. Накашидзе не имел возможности остановиться, ибо за ним тоже гнался красный и вот-вот настигал его.

— Сдавайся, черт, все равно не уйдешь! — рычал он вслед и размахивал обнаженной шашкой.

Но Накашидзе не растерялся. Когда он почувствовал, что его лошадь тоже начинает уставать и что таким образом он легко может попасться в руки преследовавшего его злодея, он быстрым движением снял с плеч свой мексиканский карабин и решил попробовать убить красного с коня, на ходу. Он вскинул карабин, обернулся назад, прицелился, насколько мог, и спустил курок, но вместо выстрела — осечка. Лошадь начала на брошенном поводу замедлять ход, а красный — все ближе и ближе. Тогда Накашидзе прицелился во второй раз, спустил курок — и опять осечка.

— Сдавайся, мерзавец! — все продолжал рычать гнавшийся за ним в нескольких шагах красный.

В третий раз вскинул Накашидзе свой карабин, щелкнул затвором, спустил курок и выстрелил. Пуля попала прямо в большевика. Накашидзе увидел, как бесформенное тело упало с бешено мчавшегося коня на землю.

Измученные, на запыхавшихся конях примчались уланы в Ново-Алексеевку и, передохнув там около двух часов, не спеша выступили к железнодорожной станции Сальково на присоединение к эскадрону.

М. Борель

СИЛА ПРИКАЗА⁵³³

Новый тяжелый период настал для армии. Грозные тучи снова волакивали небо, мы стояли перед новыми испытаниями. Горькие вести сообщали, что пал Екатеринодар, столица Кубани, бывшей еще так недавно центром всего нашего движения и казавшейся нам в таком глубоком, недостижимом тылу.

После недолгого пребывания в Тихорецкой Ставка переехала в Екатеринодар. Здесь генерал Деникин пытался еще раз объединить все так называемые правительства новообразовавшихся окраин Русского государства. Было создано коалиционное министерство. Но эта мера не привела ни к чему, так как люди, вошедшие в состав этого правительства, далеко не оправдали всех возложенных на них надежд. Кубанцы упорно продолжали отстаивать свою самостоятельность и в этом отношении повредили во многом. Который уже раз приходилось генералу Деникину разочаровываться в своих помощниках. Он, безукоризненно честный и преданный своему делу, рассчитывал найти то же самое в среде окружавших его людей. Но преступная распушенность, так восхваляемая одной из бездарнейших утопий мира — социализмом, развратила людей. Демагоги и выскочки выплыли случайно на поверхность и нарочно, ради личных выгод, подчас даже под диктовку красных тиранов, тормозили общую работу. Казаки, распропагандированные своими же властью имущими, начали пачками бросать фронт и открыто возвращались в станицы, чтобы там ожидать, когда будет сформирована обещанная правительством своя кубанская армия. И в станицах велась агитация среди населения против добровольцев, чтобы таким образом окончательно раздробить силы Юга России.

Но и этим мелким людишкам, ставшим во главе правительства Кубани, недолго пришлось быть у власти. Большевики, выиграв сражение у Егорлыкской и разбив наши части около Тихорецкой, всей своей массой хлынули на Екатеринодар. Ставка и все учреждения были эвакуированы в Новороссийск. Другая группа большевиков двинулась в направлении на Кавказскую — Армавир — Минеральные Воды и отрезала Ставку от армии генерала Эрдели, начавшей самостоятельное отходить к Владикавказу и дальше на юг по Военно-Грузинской дороге в Грузию.

Екатеринодар пал 5—10 марта 1920 года.

Закончился период славной эпохи нашего движения. Казалось, что пропало все, что сокровенные мечты разбиты и медленно наступал ужасный час гибели сотен тысяч людей, столь самоотверженно и стойко боровшихся за славу и величие поруганной Родины.

Что же дальше? — невольно напрашивался вопрос.

Но всра, святая глубокая вера, которая не умерла в частях армии, удержала дух и не поколебала стойкости, сплоченности и решения постоять за честь Родины до конца. Эта вера и великий дух вывели армию с честью и толкнули ее на новые героические и бессмертные подвиги.

В станице Крымской пришлось разместиться очень тесно, так как сюда прибывали все новые и новые части. Фронт постепенно разряжался и передавался кубанским казакам, в то время как Добровольческий корпус стягивался к Новороссийску. Наше будущее было еще совсем неясно. Ходили самые разнообразные слухи о принятых Главным командованием решениях, то нас перебрасывали на Кавказ, то нас англичане перевозили за границу, сажая в лагеря за колючую проволоку или отправляя нас на тяжелые работы на рудники, заводы и фабрики, то в Крым, где предполагается продолжать борьбу, то на Тамань для переброски с Кубани в Керчь. Но точно никто ничего не знал, все это были лишь догадки измученных и усталых людей, ставших хотя бы этими догадками успокоить свои тяжелые предчувствия. Ропота не было. Все смиренно склонили свои головушки перед грозными велениями царицы-судьбы, но настроение было подавленное. Вопрос о будущем беспокоил умы, и солдаты теперь неоднократно обращались к своим офицерам с просьбой разъяснить им то или иное их предложение.

Самой приятной была перспектива похода на Кавказ вдоль берега Черного моря и самой неприятной — погрузка на корабли и отплытие за границу. В первом случае предстояли, может быть, и серьезные, но все же, после всего пережитого, нестрашные бои, глав-

ным образом с шайками зеленых, ютившихся в прибрежных горах, и с незначительными отрядами красных, успевшими проникнуть в эту область. Во втором же — полная беспомощность и рабство, так как одним из условий англичан было — разоружение армии. О переброске в Крым говорили меньше, ибо никто не рассчитывал на корабли, которые могли быть предоставлены армии для погрузки в Новороссийске.

С прибытием полка и постепенным вытягиванием частей Добровольческого корпуса в станицу Крымскую увеличилась, по вполне понятным причинам, и тревога, а потому участились и разговоры о дальнейшей нашей судьбе.

Среди молодого офицерства чувствовалась некоторая растерянность, так как из штаба дивизии и корпуса до сих пор еще не поступали точные сведения о дальнейшем движении. Полковник Ковалинский, командовавший в то время объединенным в один гвардейским кавалерийским полком, вместо уехавшего в отпуск генерала Данилова, неоднократно ездил для получения информации в штаб, но пока безрезультатно.

8 марта стало известно, что дивизия идет грузиться в Новороссийск для отправки за границу. Из штаба полка была выслана бумага, в которой излагались все предположения. Кроме того, командирам эскадронов поручалось собрать людей с целью разъяснения им настоящего положения и путем неофициального опроса выявить, кто из нижних чинов определенно решил идти дальше и грузиться на пароходы.

Часов около 9 утра ротмистр Линицкий, принявший эскадрон улан по прибытии полка в Крымскую, приказал людям построиться во дворе у вахмистра Бабаченко. Он решил откровенно рассказать обо всем уланам, не утаив ничего, чтобы они знали, на что шли и что им предстоит впереди. Поздоровавшись с эскадроном, Линицкий сразу обратился к уланам приблизительно со следующими словами: «Вот что, братья! Положение наше сейчас очень серьезное и, прямо скажу, — тяжелое. Есть много всяких предположений о нашем дальнейшем движении, но точно пока еще ничего не известно. Есть сведения, что если англичане нам предоставят пароходы, то нас перевезут за границу, но куда, тоже неизвестно. Возможно, что будем отступать в Грузию по берегу Черного моря или нас перебросят в Крым, где мы будем продолжать войну до последней возможности. Вы, уланы, знаете, что мы, офицеры, вас никогда не покинем и выведем из любого положения. Но я хочу вас предупредить, что наше положение очень тяжелое и что мы не можем поручиться за удачный исход нашего отступления...»

Предоставляем вам право выбора — идти дальше с нами или оставаться и расплыться. Мы не будем считать это за измену, ибо мы знаем вашу доблесть, которую вы проявляли в боях с большевиками. Каждый, кто решил остаться, пусть доложит своему взводному офицеру. Я же сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить ваше положение. Подумайте об этом, братья!».

Эти слова произвели глубокое впечатление на улан. У многих на глазах появились слезы.

— Господин корнет! — с содроганием в голосе обратился ко мне взводный Некрасов, — правда, лучше бы было, если бы нам сказали, что здесь всем нам нужно умереть. Мы не хотим оставлять вас, и больно делается, если только подумать об этом.

— Некрасов, голубчик! — старался я успокоить его. — Мы все знаем, что ты хороший солдат, так если хочешь, идем с нами дальше, а там видно будет.

— Ничего нет, господин корнет, я за границу не поеду.

— Почему?

— Говорят, англичане хотят нас загнать в шахты, а там мы и света больше не увидим.

— Какие шахты? — переспросил я. — Кто это распространяет такие вздорные слухи? Конечно, я ручаться не могу, что это не так, но ведь потому ротмистр Линицкий вам и сказал, чтобы вы знали, что вас ожидает. Нужно быть готовым ко всему.

С грустными мыслями ушел я от улан. Быть может, им не нужно было говорить об этом, но нельзя же обманывать их — привести к морю, а потом объявить, что вам, мол, нет мест на пароходах, а мы уезжаем.

Но они ведь были солдаты, а солдатская натура привыкла к приказаниям, и вот теперь, когда им был предоставлен свободный выбор — идти ли за своими офицерами или оставаться, они растерялись.

И среди нас, офицеров, тоже чувствовалась растерянность, так как расставаться с верными людьми было больно и тяжело. Подавленное настроение охватило всех нас. Последняя надежда на полковника Ковалинского. Он всегда выводил улан из самых тяжелых положений, и мы знали, что и теперь он найдет выход. И действительно, наша надежда оправдалась. Он, сильный и решительный командир наш, «отец родной», как называли его солдаты, нашел что сказать, чтобы непоколебимой осталась вера в успех, чтобы не была посрамлена честь старых российских полков.

Полковник Ковалинский, ознакомившись в штабе корпуса с обстановкой и с предполагаемыми решениями старших командиров,

решил поведать о том полку и приказал построиться людям в пешем строю на окраине станицы. Поздоровавшись отдельно с каждым эскадронам полка — кавалергардами, кирасирами, конногренадерами и уланами, — полковник Ковалинский обратился к солдатам с речью.

— Настали тяжелые дни, — начал он. — Наша дальнейшая судьба еще не выяснилась. Мы еще не знаем, куда пойдем, в Грузию или в Крым, но одно определенно известно, что к англичанам гвардейский полк не пойдет, так как англичане потребовали сдачи оружия и только на таких условиях выразили согласие взять нас. В рабство мы не пойдем, этого не будет, в этом я даю вам свое честное слово. Ни офицера, ни солдата я не позволю превратить в пленника и оружие свое не дам, предпочту смерть этому позору. Конечно, положение наше тяжелое, ибо волею судьбы мы заброшены сюда, и немного наше тяжелеют нас от моря. Я заверяю вас, что выведу с честью из этого положения, или погибнем все вместе. Возможно, что мы, как и вся кавалерия, пойдем в Грузию, тогда впереди нас ожидает отдых, для того чтобы подготовиться к новой борьбе с красными разбойниками. Другая возможность — это переброска наших войск в Крым для продолжения борьбы там, но особенных надежд на эту операцию я не возлагаю, так как еще нет сведений о предоставлении нам перевозочных средств. Независимо от дальнейших событий среди вас не должны быть малодушные. Не забывайте, что мы гвардия, что мы должны идти впереди всех. Если окажутся в нашей среде дезертиры, я буду расправляться с ними всеми предоставленными мне правами и не постесняюсь расстреливать их.

Завтра утром мы выступаем, поэтому сегодня же нужно позаботиться обо всем, сократить обозы, выбросить все ненужное барахло. Если кому-нибудь что-либо неясно, спрашивайте, не стесняйтесь.

Гробовое молчание было ответом. Солдаты стояли как вкопанные, внимательно наблюдая за своим командиром.

— Так все ясно? — спросил полковник Ковалинский. — Ни у кого нет вопросов?

— Господин полковник, разрешите доложить? — вдруг раздался голос из эскадрона конногренадер.

— Да, — ответил Ковалинский, — кто хочет спросить?

— Господин полковник, — начал конногренадер Боллес, — мы, солдаты, не оставим вас, даже если придется идти на смерть. Мы всюду пойдем за вами, куда бы вы нас ни повели.

— Спасибо, Боллес, — сказал Ковалинский, — твои слова покрывают, что с такими солдатами мы пройдем где угодно и что для

нас ничего страшного нет. Я рад лишний раз убедиться, рад узнать, что не поник еще дух русских воинов, решивших постоять за свою Родину до конца. Спасибо, братцы! — крикнул весело полковник Ковалинский.

— Рады стараться, господин полковник! — гаркнули в ответ сотни голосов.

Быстро стали расходиться эскадроны. Осунувшиеся было лица озяблись улыбками, и снова вернулась бодрость. Исчезла грусть, точно ее никогда и не было...

В армии нельзя никому ничего предлагать, нужно только приказывать. Солдата всякое предложение ставит в недоумение, в решительные минуты ему нужно только приказывать. С военно-психологической точки зрения это единственное решение при создавшейся сложной обстановке. Как видно из описания «состояния умов» хотя бы только уланы, можно смело сказать, что клич «спасайся кто может и как знает» только усугубил душевные переживания солдат, совершенно их обескуражил. После такого предложения они сразу потеряли свой воинский дух — это были уже не эскадроны, не полк, не бригада и не дивизия, просто сборище растерявшихся людей, потерявших в этот момент громкие названия своих воинских единиц. Солдатам предлагать идти вперед или ступешаться — непонятно. Военный язык знает лишь одно: вперед или назад, а понятие «делай что хочешь» солдату чуждо. Настроение уланы, когда им их командир эскадрона предлагал право выбора: идти дальше с нами или оставаться, было растерянное, а после речи командира полка и его приказа двинуться дальше всем вместе — стало бодрым и радостным. Полк, командиры и их приказы — это для настоящего солдата понятнее, чем расплывчатые советы и предложения самому решать свою судьбу. Революция затуманила мозги наших доблестных солдат, слово «свобода» — это был тот всепоражающий яд, который нарушил основные понятия воинской дисциплины и воинского духа армии. Только приказ и беспрекословное подчинение этому приказу — вот основа существования всякой армии.

Как знаток и как один из лучших воинов русской армии, полковник Ковалинский это сразу осознал. Его слова были понятны сердцу солдата — не исполнишь моего приказа, сочту тебя за предателя. Просты были его слова и понятны, потому иного языка солдаты не понимали. И я скажу больше, что только категорические приказы могут держать армию на высоте, и это касается как офицеров, так и солдат. Без беспрекословного подчинения нет армии и нет войска.

М. Борель

К ЧЕРНОМУ МОРЮ⁵³⁴

7 марта 1920 года полк в составе дивизии выступил из станицы Крымской в Тоннельную. Идти пришлось вдоль линии железной дороги, по обочинам, так как дорога от дождей и продвижения обозов размякла и была приведена в негодность.

По пути к нашей дивизии присоединились мариупольские⁵³⁵ и клястицкие⁵³⁶ гусары с чугуевскими уланами, составлявшие бригаду из трех полков под командой генерал-майора Чеснакова⁵³⁷.

Удивительно красивое зрелище представляли длинные цепи всадников различных полков со своими пестрыми флюгерами на пиках, тянувшихся вдоль полотна железной дороги. Развертывалась лента самых разнообразных цветов. В одном кулаке было собрано до 3000 всадников, представлявших серьезную силу. И так больно сжималось сердце при мысли, что мы отходим и все приближаемся к морю. Лошадей, имущество — все это придется бросить на берегу, если не будет принято решение двигаться на Тамань и даже в Грузию или обратно через казачьи области в Крым.

В станицу Тоннельную мы прибыли под вечер. Расположились тесно, так как станица была небольшой, а людей — много. Но мы рады были укрыться под крышей, ибо почти целый день накрапывал дождь. Воздух был мозглый, дул холодный, пронизывающий насквозь ветер.

Несмотря на то что отход совершался в полном порядке, чувствовался упадок сил. Надежды постепенно угасали, а впереди оставалось все то же неизвестное, но уже близкое и страшное будущее, на которое мы шли безропотно и о котором мало упоминалось в разговорах... И на вопрос: «Что будет с нами?» — многие отвечали: «Что Бог даст, Его Святая Воля». Грустью повеяло от рассказа, как расстался взвод изюмских гусар со своими офицерами. Когда вахмистр вошел в квартиру, где был размещен этот взвод, то она оказалась пустой. На столе была оставлена записка командиру эскадрона, в которой было написано:

«Господин ротмистр! Зная ту тяжелую обстановку, в которой находится наша армия, и зная ту ответственность, которую вы несете за участь ваших подчиненных... мы решили уйти в горы. Но верьте, что при первой возможности мы снова будем стремиться присоединиться к эскадрону. Мы уходим, чтобы облегчить вашу ответственность оставшихся. Благодарим вас и всех господ офицеров за все то хорошее, которое мы видели от вас. Будем с нетерпением ждать момента, когда снова возродится Великая Россия...»

* * *

В станице Тоннельной к нашей дивизии были приданы, кроме бригады генерала Чеснакова, еще четыре полка 1-й Донской казачьей дивизии⁵³⁸, под командованием генерала Дьякова⁵³⁹. Таким образом, несколько частей кавалерии были сведены в один кулак под названием отдельной конной группы, командование над которой принял генерал Барбович.

16 марта утром дивизии было приказано построиться на церковной площади. Дул сильный норд-ост, моросил мелкий дождь, было холодно и неприветливо. Часам к 8 собрались все полки и построились в резервную колонну. Выступление не предполагалось, все утро дивизия простояла без дела. Для развлечения и подбодрения играли изредка трубачи украинских гусар, но нам было не до музыки.

Часов около 12 пришло распоряжение двигаться Гвардейскому кавалерийскому полку в станицу Натухаевскую. С радостью взгромозились мы снова на своих коней и в колонне по три начали вытягиваться вдоль по улице, по дороге в Натухаевскую. Пройдя станицу Тоннельную, мы начали спускаться по живописному шоссе. Выглянуло солнышко, ветер стих, стало теплее и повеяло весенним благоуханием. Там, на горе, еще бушевала стихия, а здесь какая резкая перемена климата, какая чудная панорама открылась перед нашими глазами. Вспаханые поля, вьющаяся торопливая речонка, пропадающая где-то вдаль, на самом горизонте. Хутора, мирно пасущееся стадо — все это так радостно воспринималось душой, жаждавшей покоя после всего пережитого.

Мерно ступали кони, осторожно спускаясь по крутому склону. Красивой волной двигались всадники, вытянувшись на несколько верст. Доносилась звонкая песнь впереди идущих эскадронов. О завтрашнем дне не думали сегодня: так было привольно и хорошо.

Часа в 4 вечера мы вошли в станицу Натухаевскую, где квартирьеры нас разместили по хатам. Еще утром были посланы от нашего полка на крайний левый фланг, в Анапу, конногренадеры для связи с казачьей гвардейской бригадой, вышедшей из Новороссийска для охраны побережья и занятия переправы около колонии Джигинской.

Из станицы Натухаевской была послана в направлении на станицу Варенковскую бригада генерала Чеснакова, также для занятия переправы, чтобы задержать, в случае напора, противника. Но обе эти операции оказались малоуспешными. Бригада генерала Чеснакова наткнулась на большевистские заставы еще далеко до мостов, которые, как потом выяснилось, были заняты противником еще рано утром и че-

рез которые уже проследовали несколько эскадронов красной конницы с артиллерией на Анапу. Генерал Чеснаков спешил полки после того, как раздались первые выстрелы, и решил атаковать красных в пешем строю, предполагая, что противник еще не успел подтянуть все свои силы. Но тут ему было оказано упорное сопротивление, после чего генералу Чеснакову пришлось отойти, так как атака была бы все равно безуспешной, да и не отвечала бы первоначальной цели.

16-го вечером, в день нашего прихода в станицу Натухаевскую, нам еще ничего не было известно о неудавшейся попытке бригады генерала Чеснакова занять переправу у станицы Варенковской. Стало лишь известно, что положение наше сильно изменилось к худшему и что завтра предстоят тяжелые передыжки.

С грустными думами легли мы спать, сотни раз перебирая у себя в голове, «что день грядущий нам готовит?». Часов около 6 вечера пришло приказание от полковника Ковалинского, в котором официально сообщалось, что обстановка становится с часу на час серьезнее и поэтому необходимо усилить на ночь охранение, чтобы оградить себя от внезапных нападений. Далее сообщалось, что начальник дивизии приказал собраться полкам и построиться завтра к 5 часам утра на церковной площади.

* * *

17 марта, к назначенному сроку эскадроны начали стягиваться к сборному месту. Молча выравнились драгуны, уланы и гусары. Зловещая тишина веяла в воздухе, и только фырканье коней и голоса командиров, изредка передававших приказания своим людям, нарушали ее. Утро выдалось сырое и веяло прохладой.

Вскоре подъехал генерал Барбович, задумчивое лицо которого как бы подтверждало, что наше положение серьезное. Поздоровавшись с полками, генерал Барбович вызвал к себе командиров полков и начал им что-то оживленно объяснять. Вернувшись потом к полкам, командиры собрали всех своих офицеров.

— Господа! — сказал нам Ковалинский. — Обстановка за сегодняшнюю ночь сильно изменилась. Переправа у станицы Варенковской, которую вчера еще предполагала занять бригада генерала Чеснакова, оказалась уже в руках большевиков. Генералу Чеснакову пришлось под сильным огнем отойти и отказаться от первоначального намерения. За ночь стало известно, что большевики успели вчера утром переправиться на наш берег в составе нескольких эскадронов и с конной артиллерией. Таким образом, противник появился в тылу и угрожает Новорос-

сийску, куда должны идти и мы для погрузки на суда. Переправившиеся у станицы Варенковской красные обнаружены были вчера вечером уже у Анапы, куда вчера вышли конногренадеры из Тоннельной и где они должны были бы связаться с гвардейской казачьей бригадой, выступившей из Новороссийска.

Анапа тоже вчера вечером была занята большевиками, после боя с казаками и конногренадерами. От казаков уже получены сведения, что они двигаются на Натухаевскую. Судьба же конногренадер до сих пор неизвестна, так как они оторвались от казаков и донесений от них не поступало. Боюсь предположить, что они попали в плен, но я рассчитываю на доблесть командира эскадрона полковника Тарасова⁵⁴⁰ и думаю, что он выведет эскадрон с честью.

Сегодня, господа офицеры, нам предстоит тяжелый день: сейчас мы двинемся в станицу Раевскую, через которую проходит дорога из Анапы в Новороссийск. Так как не исключена возможность стремления противника еще сегодня занять эту станицу, то от вас, господа, требуется особенное внимание. Нам нужно во что бы то ни стало удержать станицу, иначе мы можем потерять Новороссийск раньше, чем сами успеем дойти до него.

Что касается нашей дальнейшей судьбы, то решено грузиться на пароходы для переброски в Крым. Повторяю, господа, сегодня от вас требуется особенное мужество, хотя бы до вечера удержать станицу, так как суда заказаны к определенному сроку, сократить который невозможно... Пехота наша отступает к Тоннельной, и там еще находятся 4 полка Донской дивизии, входящей в состав нашей Конной группы. Поэтому с этой стороны нам опасаться нечего. Вот и все, господа. Прошу вас на места.

То же самое, но в более коротких словах, сказал и полковник Ковалинский солдатам. Его слушали с напряженным вниманием.

Когда мы еще стояли в станице Крымской, до нас доходили сведения, что конницу предполагают направить на Таманский полуостров для переброски на баржах через Керченский пролив в Крым. Казалось бы, что было бы более правильно такое решение, что давало возможность перебросить и лошадей и орудия, чем погрузить только одних всадников, оставив лошадей и орудия большевикам. Но Главное командование иначе решило этот вопрос. Каковы были причины принятия, по нашим понятиям, ошибочного решения — грузиться в Новороссийске, нам осталось неизвестным. Невольно напрашивался вопрос: в чем дело, почему? И если действительно такое предположение существовало и обстановка позволяла выполнить эту задачу, то почему не позаботились о занятии переправы раньше частями конницы для бо-

лее верного укрепления их за нами? А теперь, при решении идти на Новороссийск, эти переправы тем более должны бы были быть охраняемы нами. Крайне удивляло и то обстоятельство, что 6 дней мы спокойно простояли в станице Крымской, и в смысле подготовки к выполнению нашей теперешней задачи ничего не было сделано.

Вскоре мы выступили в станицу Раевскую и, как только миновали последние натухаевские хаты, увидели двигавшихся нам навстречу лейб-казаков и атаманцев, которые сообщили радостную весть, что конногренадеры благополучно выпутались из окружения и скоро должны будут прибыть сюда. И действительно, не прошло и пяти минут, как из-за бугра показался эскадрон конногренадер. Поравнявшись с ними, мы засыпали их вопросами.

— Все благополучно! — радостно отвечали они. — Все живы и здоровы!

— Раненые есть?

— Всего лишь одна лошадь, которую мы там же бросили.

— Ну слава богу! Мы пережили страшные минуты за время вашего отсутствия.

— Да и у нас было невесело, — шутили конногренадеры и тут же рассказали все, что с ними приключилось.

* * *

Выступив из станицы Тоннельной, конногренадеры направились в Анапу, где встретились с лейб-казаками и атаманами, не предполагая, что красные могли переправиться у колонии Джигинской. Примерно через час неожиданно грянуло несколько орудийных выстрелов. Удивленные казаки и конногренадеры не могли понять, откуда могли появиться красные и как они переправились, когда переправы должны были находиться в наших руках. Срочно были высланы дозорные, которые и сообщили, что к Анапе подошли красные кавалерийские части, что их много и что они, очевидно, собираются окружить нас.

Артиллерия красных все усиливала огонь, и уже стала слышна ружейная перестрелка, завязавшаяся с передовыми постами казаков. Через несколько минут донесли, что красные уже ворвались в город с восточной стороны. Вступать в бой было уже поздно. Оставалась одна возможность спастись — пробиваться. Казаки ринулись в направлении на север, а полковник Тарасов повернул свой эскадрон на запад, решив пробиваться в тыл большевиков. Но и с запада уже надвигались густые лавы красных. Положение становилось очень серьезным, а связь с казаками была прервана, и возвращаться было невозможно. Крутом

были красные, только море было еще свободно от противника. Недогадая думая полковник Тарасов решил, что единственный путь спасения для них — это двигаться к берегу и дальше в воду. Красные не замедлили открыть огонь из винтовок, а потом и из орудий, когда эскадрон уже успел отойти на значительное расстояние от берега. Это место было мелкое, и можно было далеко уйти от берега. Лошади, по брюхо в воде, еле передвигались, спотыкаясь о подводные рывины. Снаряды разрывались то справа, то слева, поднимая столпы воды.

Этот удачный и смелый маневр спас эскадрон. Красные, не ожидая такой находчивости со стороны командира эскадрона, растерялись и не преследовали конногренадер, очевидно предполагая, что гибель их неминуема. Но Господь был милостив и помог. Благодаря мелководью Тарасову удалось пройти далеко от берега и таким образом оторваться от противника. Он вывел эскадрон на берег значительно западнее города Анапы и повел его в направлении станицы Варенковской, которая, по его расчетам, должна быть занята бригадой генерала Чеснакова.

В станицу Варенковскую эскадрон прибыл к 2 часам ночи. Крутом стояла тишина, слышен был только лай собак. Выслав вперед дозорных, эскадрон спокойно вошел в станицу и остановился.

— Эй, люди, кто здесь стоит? — крикнул полковник Тарасов.

В ответ молчание. Кто-то из конногренадер зашел в первый попавшийся двор и разбудил спавшего около хаты человека.

— Ты какой части? — спросил он.

— Двести такого-то пехотного полка, — ответил проснувшийся.

Услышав такой неожиданный ответ, солдат помчался к полковнику Тарасову и шепотом доложил:

— Господин полковник, здесь красные.

— Как — красные? — испуганно спросил Тарасов.

— Я только что разбудил какого-то красноармейца, и он мне сказал, что он такого-то пехотного советского полка.

— По коням — садись! — скомандовал Тарасов, и эскадрон широким шагом стал выходить из станицы.

Отъехав от станицы примерно с полверсты, Тарасов приказал нескольким конногренадерам вернуться в станицу поймать языка, что и было исполнено без всяких затруднений, так как часовые в станице спали мертвым сном. Захваченный конногренадерами красноармеец сообщил, что в станице Варенковской размещены части N-ской дивизии, переправившиеся еще рано утром, и что днем был у них бой с наступающими белыми, которые к вечеру отошли назад. Переправлялись красные без боя, ибо станица никем не была занята.

Получив такие сведения, Тарасов повел эскадрон дальше, причем ему пришлось проходить через деревни, занятые красными, но, так как их караулы спали мертвым сном, Тарасов без задержек к утру 17 марта прибыл в станицу Натухаевскую, и как раз в то время, когда наши части выступали. Конногренадеры за одни сутки совершили переход более чем в 90 верст.

* * *

Медленным шагом двигались полки в станицу Раевскую, куда и вошли около 10 часов утра. Там построились на церковной площади в резервную колонну и спешили. О противнике ничего не было слышно. Все было тихо и спокойно, и только издали доносился далекий гул орудийной стрельбы. Это, по-видимому, разыгрывался бой у станицы Крымской, где была сосредоточена вся наша пехота. Часа к 2 дня стало известно, что на отдаленных буграх замечено передвижение красной конницы.

— Я их только что сам рассматривал в бинокль, — сообщил нам подошедший полковник Ковалинский, — идут себе как ни в чем не бывало по местности, где, судя по карте, нет никаких дорог. Впереди каждого полка красное знамя. Одним словом, все честь честью. Если они продвигаются на Новороссийск, то это для нас не особенно приятно.

Замеченное продвижение красных не нарушило нашего внешне-го покоя: все оставалось по-старому. Часов около трех дня Ковалинский, по возвращении из штаба дивизии, приказал выслать от эскадрона улан разъезд в 15 сабель для направления на Абрау-Дюрсо, под командой штабс-ротмистра Надольского, которому дал такое указание:

— Штабс-ротмистр Надольский! Цель вашей разведки — выяснить о существовании каких-либо дорог на Новороссийск, кроме той, которая показана на карте и которая идет через Абрау-Дюрсо. По ней, по всей вероятности, сейчас двигаются большевики. Геройства от нас мне не нужно. Продвигайтесь осторожно и будьте внимательны. Если позволит обстановка, попробуйте пройти и до Абрау-Дюрсо и в крайнем случае переночуйте там. Имейте в виду, что в лесах много зеленых. Все понятно?

— Так точно, — ответил Надольский, скомандовал своим уланам и разъезд отправился.

Мы же продолжали стоять все в том же положении: никаких перемен не предвиделось. Чтобы утолить голод, мы заказали обед у са-

ной казачки, и, когда уже собирались приступить к еде, на площади показался наш разъезд, возвращавшийся из разведки.

— Ну как? — с удивлением набросились мы на Надольского.

— Очень нехорошо все закончилось, — мрачно ответил тот.

— В чем же дело? — спросил Ковалинский.

— Мы потеряли 4 человек, господин полковник.

— Как же это случилось, рассказывайте, — с изумлением произнес Ковалинский.

Надольский спешил и, окруженный толпой улан, начал свой рассказ⁵⁴¹.

М. Борель

УЛАНЫ ПРОСЯТ СЫГРАТЬ ГИМН⁵⁴²

Апрель 1920 года. После небольшого отдыха на первый день Пасхи снова все зашевелилось в Собрании. К обеду должен был прибыть командир полка. Трубачи, все утро игравшие уланам во дворе, вернулись в свое помещение около собрания. Большинство конногренадер остались у нас и были приглашены к обеду.

В третьем часу прибыл полковник Ковалинский. Все сели за накрытые столы. Трубачи играли одну вещь за другой, а офицеры весело и непринужденно беседовали, вспоминая вчерашний день.

В это время к одному из офицеров подошел улан Фридель и попросил разрешения доложить командиру полка, что уланы просят позволить трубачам сыграть русский гимн. Доложили полковнику Ковалинскому.

— Если просят об этом уланы, то я не имею права им не разрешить, — ответил он.

Позвали вахмистров двух наших уланских эскадронов — Бабченко и Бека.

— Правда, что некоторые уланы выразили желание прослушать гимн? — спросил их полковник Алексеев, командовавший в то время дивизионом улан.

— Так точно, нам говорили об этом, — сказали вахмистры.

— В таком случае построить оба эскадрона и привести к собранию!

Через несколько мгновений по всей деревне раздалась команда:

— 1-му и 2-му эскадронам строиться!

Прошло минут десять. Эскадроны подошли к собранию. Офицеры стали на свои места. Вышел Алексеев и говорит:

— Только что некоторые из улан обратились к командиру полка с просьбой разрешить трубачам сыграть наш родной гимн. Я не сомневаюсь в том, что это ваше общее желание. Но может быть, среди вас кто-нибудь и не хочет слушать нашего гимна. Так вот, кто не желает слушать, я командую: — *Н а л е* — оп!

Воцарилась мертвая тишина. Уланы замерли на своих местах как статуи. Никто не шевельнулся.

— А тем, кто желает слушать гимн, командую: *н а п р а* — оп! Отчетливо, как один, щелкнул каблуками весь дивизион.

— Правое плечо вперед, шагом марш! — еще бодрее скомандовал Алексеев.

Вместе с офицерами эскадроны вошли в собрание и стали полукругом, имея середину против командира полка.

Поздоровавшись с эскадронами, полковник Ковалинский обратился к уланам следующими словами:

— Я был сегодня до глубины души тронут тем, что вы, уланы, выразили желание и просили у меня разрешения прослушать русский национальный гимн. И я еще больше рад тому, что вы сами пришли к твердому убеждению, что без Белого Царя жизни у нас нет и не будет. Нет той красоты, нет той славы, которыми так гордилась прежде наша матушка Русь. Великая беда стряслась над нашей Родиной, свергли с престола помазанника Божия — Русского Царя, нашего державного Шефа. Народ обезумел, солдаты, потеряв образ человеческий, превратились в убийц. Они принялись уничтожать мозг всей армии — своих офицеров, ни в чем не повинных, виноватых разве лишь в том, что оставались верными своему долгу. И я бесконечно рад видеть в вас тех прежних солдат, к которым я привык с ранней молодости, видеть вас достойными высокого звания улан Его Величества. Офицерам я не могу разрешить пение гимна по разным причинам. Да как-то и не хотелось бы, чтобы священные слова гимна произносились в неподобающей обстановке...

Сегодня большой праздник, и я вдвойне переживаю его радость. Откровенно говорю вам, что вы мне, а также и всем офицерам доставили громадную, словами невыразимую радость тем, что выразили желание прослушать гимн. Да, такими и должны быть уланы Его Величества — бодрыми и веселыми, верными своей присяге, своему Царю. Революция сбила всех с толку. У кормила власти стали проходимцы, которые нарочно разрушали армию и у Царя вырвали отречение. Это они подняли солдат на офицеров и тем нарушили основы всякой воинской дисциплины, основы самого существования армии, особенно в военное время. Эти же самые преступники зак-

лючили потом позорный мир. И если мы победим, то им в России места не будет, от них отвернутся, их все проклянут...

Братузы, мы долго и много с вами воевали. Было много тяжелых, но красивых дел, в которых мы вместе бились. И вы знаете ваших офицеров, знаете, что они вместе с вами умирали одинаково на полях сражений, своей кровью смывая грехи несчастной Родины нашей. И когда вы добровольно записывались в наши эскадроны, вы знали, вы твердо знали, что ни конногренадеры, ни уланы Его Величества республиканцами быть не могли. А мы, уланы, носим наш девиз на груди и помним, чье имя носим. Мы умирали и умрем за Царя, нашего державного Шефа, а ныне святого мученика, предательски и зверски убитого врагами России, узурпаторами Царской власти. «За Веру, Царя и Отечество» — было девизом Русской Императорской армии, и этому девизу мы не изменим, останемся верными до гробовой доски!

За Святую Русь, уланы, я поднимаю свой бокал, за нашу матушку Россию, за ее светлое воскресение, за Белого Царя — ура!

— Ур-ра-а-а... — дружно подхватили уланы.

И плавно и торжественно полились звуки нашего величественного национального гимна. Трубачам вторили голоса офицеров и солдат...

Узнав о том, что трубачи будут играть гимн, во дворе собрались местные крестьяне. Как только трубачи заиграли, они начали быстро снимать шапки и фуражки. Вслед за всеми запели и крестьяне...

Трудно словами описать то, что происходило тогда в душе каждого из присутствовавших. Чувствовалось только одно: всем было одинаково тяжело и до боли грустно. Многие плакали. Офицеры старались сдерживать наvertывавшиеся слезы, а некоторые солдаты рыдали, как дети. Многие из крестьян пали на колени и начали осенять себя широким крестным знаменем. Плакали и они. И не потому только лились слезы у этих простых людей, что несколько лет уже не слышали они звуков родного гимна, но и потому, что внутренним чутьем своим поняли, как глубоко в душу плюнули им новоявленные красные заправилы и их приспешники.

«Сильный, державный, царствуй на славу...» — снова начинали трубачи и снова им вторили сотни голосов.

И так было радостно, что происходило это в Великий праздник, и одновременно невыразимо грустно при виде этого духовного единения офицеров, солдат и крестьян, вместе поющих «Боже, Царя храни», вместе плачущих над судьбами нашей многострадальной Родины.

И поняли все еще глубже, еще яснее, что только Царь может объединить нас и привести Россию и всех нас к миру и прежнему величию...

Пение кончилось. Полковник Ковалинский вышел из своего места и ближе подошел к эскадронам.

— Братцы, — сказал он, — я готов всех вас расцеловать сегодня, но это будет трудно. А потому в вашем лице поцелую старшего унтер-офицера Чеппея, улана моего старого 5-го эскадрона. Его я знаю уже давно. Спасибо вам, что вы вновь влили веру в мое сердце. Теперь мы снова крепкая уланская семья, близкие друг к другу люди. За дух ваш спасибо вам, уланы!

Вахмистры увели эскадроны...

А. Макарович⁵⁴³

СУДЬБА⁵⁴⁴

В списках лиц ВЧК в Москве, подлежащих ликвидации, находился и Лев Малиновский⁵⁴⁵, с пометкой «Лицеист», хотя он уже был поручиком артиллерии.

Поручики К. и С. изъяли списки, и, таким образом, занесенная рука была отведена.

В ноябре 1919 года на фронт выступил 2-й эскадрон гродненских гусар⁵⁴⁶, из состава дивизиона, формировавшегося при Сводно-гусарском полку. Среди офицеров находился и корнет Малиновский.

Добровольческая армия отступала, и точной связи между частями не было. Поэтому, прибыв туда, куда было указано, и не найдя там Сводно-гусарского полка, командир эскадрона распорядился выслать взвод, под командой корнета Малиновского, с целью войти в связь со Сводно-гусарским полком.

Проблуждав по довольно глубокому снегу целый день и не найдя такового, к вечеру взвод оказался в деревне Ново-Софиевке, где стоял в охранении первый эскадрон стародубовских драгун⁵⁴⁷. Ввиду крайнего утомления лошадей, корнет Малиновский решил заночевать в Ново-Софиевке. В расположении взвода был выставлен дневальный, а сам он поместился в хате вместе с командиром эскадрона стародубовцев поручиком де Виттом, старшим офицером поручиком Рафтопуло и корнетами Родионовым и Кононцем.

Дальнейшее передаю со слов корнета Малиновского, лично мною слышанное в Галлиполи (в то время уже бывшего штабс-ротмистром).

«Я проснулся от холода, шедшего от открытой двери, и, не поднимаясь, сказал: «Закройте дверь, господа!» И в тот же момент услышал

«Здесь нет господ, а товарищи», — и мне сунули в лицо дуло нагана, а вся хата была полна красноармейцами.

«Раздевайся!» Все мы, четверо стародубовцев и я, получили какие-то лохмотья. Лично я получил старые протертые валенки, такую же шинелишку и шапку.

«Выходи!» Мы вышли, и нас повели куда-то вдоль улицы.

«Стой!» — и почти сейчас же раздался залп.

Кто упал, не знаю, но я, моментально согнувшись и подобрав полы шинели, проскочив под винтовками расстреливавших и оказавшись за их флангом, понесся вдоль улицы.

Было еще совершенно темно. Неожиданность моего маневра и быстрота сбила с толку красных. Я был уже в нескольких десятках шагов, когда раздалась первая выстрелы в моем направлении. Я мчался изо всех сил, подгоняемый выстрелами, отчаянной руганью преследователей и желанием избавиться от них.

Было довольно скользко, так как накануне была оттепель, а за ночь подморозило, и вначале я слышал, как то один, то другой из гнавшихся за мной с грохотом валились, задерживая при этом других. Мои же валенки сослужили мне неоценимую службу: во-первых, они были легкими, во-вторых, они не скользили.

Оставив далеко позади моих преследователей, я стал пробовать открыть калитку, чтобы свернуть в какой-нибудь двор. Несколько раз это мне не удавалось, но наконец одна из них открылась, и я очутился во дворе.

Приближалось уже утро, и крестьянин возился в хлеву, а его жена доила корову. Слабый свет ночника освещал их.

«Кто он, друг или враг?» — и я инстинктивно удержался от обращения за помощью, а увидев свежую, теплую кучу навоза, только что выброшенного, стал зарываться в нее, тем более что крики были все яснее и яснее. Зарывшись с головой и оставив маленькое отверстие для наблюдения, я почувствовал, как меня бросило в холодный пот, при мысли о том, что меня может обнаружить собака, и тогда неизбежный конец. К моему счастью, в этом дворе собаки не оказалось.

Послышалось приближение моих гонителей, калитка раскрылась, и во дворе оказались враги. Срезу же подбежав к хлеву и поминая всех святых и родственников, они набросились на хозяина, спрашивая его обо мне: крестьянин, действительно не подозревавший о том, что я у него в гостях, совершенно спокойно уверял, что тут никого не было. Повертевшись минуты две-три, они ушли.

Начинало сереть, а хозяин с хозяйкой все возились в хлеву... Наконец они ушли в дом.

Выбравшись из навоза, я проскочил за хлев в небольшой садик, а затем выбежал к речонке... Снег тут был не особенно глубокий, а на речонке не было льда, и я пустился вдоль нее, не зная направления, иду ли я к своим или чужим.

Светало... Но густой туман не позволял определить насколько. Я то бежал, то шел... Сколько времени это продолжалось — не знаю.

Наконец я услышал крики команда, как всегда, крепкие слова...

Поили лошадей... Но КТО?..

Я остановился и стал прислушиваться, и тут я почувствовал, что я замерзаю (я был весь мокрый с головы до ног) и что у меня нет больше никаких сил, но в этот момент раздавшаяся команда: «Стародубовцы, выводите!» (это, как оказалось, был второй эскадрон стародубовцев) — вдохнула в меня силу, и, бросившись в том направлении, я попал на заставу гродненских гусар, под командой брата⁵⁴⁸.

Судьба и теперь отнеслась милостиво к Льву Малиновскому!

11 октября 1920 года Гвардейский кавалерийский полк, после перехода через Днепр, двигался в районе Чертомлыкских хуторов. Было получено донесение, что справа движется большая колонна пехоты с артиллерией. Гвардейский кавалерийский полк развернулся. Впереди оказалась четвертый эскадрон (гродненские гусары и лейб-драгуны).

Командир эскадрона полковник А., имея за вычетом развозов в строю 58 человек и видя перед собою длинную колонну пехоты, продвигался очень осторожно вперед.

Учитывая, что каждая секунда промедления может окончиться катастрофой (колонна остановилась и хотя и медленно и нерешительно, но все же начала разворачиваться), корнет Малиновский стремительно вырвался вперед на своем вороном киргизе с криком: «За мной! Ура!» — увлекая за собой гусар, и тотчас же, поддержанный ротмистром Генрици с его лейб-драгунами, ворвался в массу неприятельской пехоты.

Результатом этой атаки было взято 964 пленных, 12 пулеметов и 2 орудия, т. е. был совершен «отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу».

Судьба опять благоприятствовала корнету Малиновскому.

Приказом Главнокомандующего за № 249 от 31. X. 1921 года Малиновский был награжден орденом Святого Николая Чудотворца 2-й степени.

В 1924 году, по прибытии в Париж, в полном расцвете сил, в возрасте двадцати шести лет, Лев Порфирьевич Малиновский лег спать и больше не проснулся.

Судьба, покровительствовавшая ему много раз, избавила его от забот будничной жизни.

К. Зерциков⁵⁴⁹

БОЙ ТЕРЦЕВ-ГВАРДЕЙЦЕВ. ТЕРСКАЯ ГВАРДЕЙСКАЯ СОТНЯ В ДЕСАНТЕ НА КУБАНЬ В АВГУСТЕ 1920 ГОДА

Терский гвардейский дивизион⁵⁵⁰, по прибытии из Грузии в Крым 27 июня 1920 года, распоряжением войскового атамана был переформирован в Терскую гвардейскую сотню. Остатки людей по переформированию были переданы в Терско-Астраханский запасный дивизион, к которому временно, впредь до получения лошадей, была прикомандирована и сама сотня, расположенная в Северной Таврии.

Сотня с места повела усиленные занятия — выправка, пеший строй, обучение пешему бою. Дружные усилия офицеров, прекрасный состав казаков и их старание уже за месяц дали блестящие результаты.

Намечались десанты. Куда и когда, точно никто не знал, но восточный берег Крыма оживился прибывающими с фронта частями. Терская гвардейская сотня 22 июля была переброшена в Керчь и стала там по квартирам. Еще через несколько дней десантные операции генерала Улагая в низовьях Кубани и генерала Черепова на Черноморском берегу в направлении станицы Раевской (демонстрация) уже развивались.

Терская гвардейская сотня не вошла ни в один из указанных отрядов. И офицеры, и казаки уже начинали томиться бездействием... Однако вскоре не замедлили прийти вести о неустойке в отряде генерала Черепова, и в Керчи был быстро сформирован Сводно-казачий дивизион полковника Усачева, в состав которого вошла и Терская гвардейская сотня. Командир сотни полковник Рогожин⁵⁵¹ был назначен помощником командира дивизиона, а сотню принял есаул Щербак⁵⁵².

8 августа дивизион погрузился. В Керчи оставался кадровый взвод гвардейской сотни из 4 офицеров и 25 казаков. Назначенный на усиление отряда генерала Черепова, дивизион 9 августа на рассвете уже был у занимаемого отрядом берега, готовый к высадке. Высадка не состоялась. Части десантного отряда, припертые к берегу во много превосходящими его силами большевиков, напрягли последние усилия, чтобы додержаться до ночи, под прикрытием ее погрузиться и уйти в море.

Отход и погрузка удались. Флотилия десанта в ту же ночь высадила отряд у станицы Таманской, накануне без боя занятой нашими слабыми частями, т. к. все силы красных из этого района были брошены на отряд генерала Улагая к северу. До 16 августа сотня простояла в станице, а в этот день перешла в Вышестеблиевскую, где сосредотачи-

вался отряд. К этому времени части генерала Улагая, после постигшего их ряда неудач, уже отходили к Ачуеву. Освободившаяся группа красных была переброшена на Таманский полуостров и, перейдя Кубань, двинулась в глубь полуострова.

С задачей отбросить красных за Кубань и занять переправы отряда генерала Черепова в ночь на 17 августа тремя колоннами выступил из Вышестеблиевской на восток, навстречу большевикам. В авангарде средней колонны, имея задачей сбить противника с горы Нефтянка, наступала Терская гвардейская сотня.

Была тихая летняя ночь. Аромат свежееубранных полей, мирное пение цикад, перекликивание в далеких лугах перепелов никак не гармонировали с перипетиями братоубийственной войны. Изредка выглядывавшая из облаков луна на мгновение освещала цепь дозорных, скользящих едва приметными тенями; за ними, разомкнуто, чуть шурша по траве, наступала сотня — ориентировка по компасу и по Полярной звезде слева.

Вот пройдена верста. Из мрака в упор дозорным блеснули молнии выстрелов — красная застава; тени двигаются к ней безмолвно. Застава, стреляя на ходу, скрывается в темноте. Сотня осторожно продолжает движение. Впереди обрисовывается высота. Вдруг середина ее опоясывается перебегающими огоньками. Грохот ружейной и пулеметной стрельбы диким хаосом звуков ворвался в тишину ночи. Еще сто шагов в безмолвии, и в середине сотни вспыхивает «Ура!». Цепи бросаются вперед, стреляя по выблискивающим впереди точкам. Все бежит в гору, кричит, стреляет.

На горе неприятеля уже нет. Кое-где казаки натапливаются на тела убитых красноармейцев. Оказалось, в темноте сошлись на 50—60 шагов, потери были от огня в упор. В сотне ранены прикомандированный к ней хорунжий Мартынов и один казак. Занятая высота и была Нефтянка, взятая сотней с налету.

Через полчаса было получено приказание: «В случае контратаки высоту удерживать всеми силами». Чуть забрезжил рассвет. По намеченной линии сотня стала торопливо закапываться в землю. Подошедшие части колонны удлинили позицию вправо и влево. Из левой колонны сведения: «Занята станица Старотитаровская».

* * *

Занялся день 17 августа. Красные открыли артиллерийскую стрельбу по окопам, но движения на их высоте, в версте перед Нефтянкой, и в бинокль никакого не наблюдается.

Весь день отряд просидел в окопах. В частности, участок гвардейской сотни на голой высоте, как на ладони перед красными артиллерийскими наблюдателями, не допускал никакого движения. Артиллерия громила позицию непрестанно. Стреляло до двадцати орудий, в том числе и крупных калибров. Наша слабая артиллерия отвечала украдкой, боясь обнаружить себя до решительного момента. Казаки, скрючившись, сидели в земляных лунках. Поднявшееся в зенит солнце жгло немилосердно. Фляги были пусты. О подвозе пищи и воды не было и речи, он мог лишний раз сосредоточить огонь неприятельских орудий и принести ненужные потери. А к подножию Нефтянки из станицы свозились подводы с готовой пищей и водой, но получить их на позиции было делом немногих счастливых.

Однако вот, выписывая странные зигзаги, в гору к сотне, пытаюсь идти вскачь, поднимается груженная повозка. Это хорунжий гвардейской сотни Потапов, и. д. казначей дивизиона, на свой страх и риск решил подвезти сотне еду. Повозку встречают дымки шрапнелей, к ней бегут несколько казаков, все тут же сбрасывается на землю, и повозка кубарем катится под гору.

А вот к отряду идет подкрепление. С запада, прикрываясь высотой, приближаются две пешие колонны. Это кубанцы-бредовцы, прибывшие из Польши. Вот до них уже меньше версты, но громом разразились красные высоты; голубые дымки шрапнелей смешались с черными столбами земли и дыма от гранат над колоннами... Несколько минут, и от колонн приметны лишь отдельные люди, ныряющие в бурьяны и кукурузу.

Вот Нефтянка отбросила к противнику длинную тень. Чуть потянуло вечерней прохладой. Еще час, и из окопов вылезли казаки, расправляя затекшие ноги. Заскрипели колеса продуктовых повозок, встречают их как дорогих, долгожданных гостей.

Поздно вечером получено приказание: «В три часа наступление на всем фронте».

* * *

Ровно в три часа гвардейская сотня стала спускаться с высоты в сторону противника.

Едва забрезжил рассвет 18 августа, как красные открыли огонь. Наступление развивалось медленно. Чем ближе к противнику, тем гуще становился его огонь. Однако отделяющая от противника верста преодолена. В гвардейской сотне слышится «Ура!», и она бросается вперед.

«Ура» разрастается далеко вправо и влево, и атакующие цепи бегут в гору. Красные не принимают штыковой атаки и покидают позиции. Но с хребтика видно, как резервы их принимают на себя отходящих, останавливают и, влив в себя, влекут за собой вперед. Одновременно красная артиллерия раздражается ураганным огнем, и, как выросший из земли, полк конницы бросается на жидкие цепи правых соседей гвардейской сотни, прорывает их, заскакивает в тыл и несет с собою панику.

Только что наступавшие цепи дрогнули и покатались назад. Встреченные по пути кукурузники перемешивают части, водворяется хаос. Пробивающихся через кукурузу рубят красные кавалеристы. Отступление в полном беспорядке, местами бегство. Красная пехота быстро наступают...

Здесь, в этой обстановке, сказалась подготовка гвардейской сотни к пешему бою, ее спайка и вера в начальников.

Послушные команде командира, цепи сотни перед кукурузниками сокращают интервалы, казаки ближе прижимаются к офицерам. Пройдена чаща кукурузы, цепи сотни выравниваются и отстреливаются от наседающей пехоты. Держа направление на Нефтянку, они подходят к ней и занимают свою старую позицию.

Командир гвардейской сотни есаул Щербаков, убедившись, что сотня в руках, решает, задержавшись на позиции, прикрыть наступление своих частей. Но с горы никаких частей уже не видно. Лишь вдали, на путях их отхода, носятся конные группы красных. Становится ясным, что никогда никакого сопротивления не оказывается.

Есаул Щербаков поднимает сотню и начинает отход. Часть красной артиллерии, не имеющая других целей, сосредотачивает огонь на гвардейской сотне.

С фланга появляется красный эскадрон с явным намерением атаковать. Сотня смыкается бегом, останавливается и с ружьями на изготовку ждет атаки.

Рысью размыкается эскадрон и, нацелившись, широким наметом приближается к гвардейской сотне. Сверкают шашки, орудия прекращают стрельбу. Слышен гул шестисот конских копыт. Вот до них уже только сто шагов...

«Со-отня», — раздается команда, и командир гвардейской сотни быстрым взглядом оглядывает казаков. Все приложились, не шелохнулись. Восхищенному командиру хочется крикнуть «браво», но привычное резкое «пли» срывается с его уст.

Дружно грянули семьдесят винтовок в упор по подскочившим на 40—50 шагов кавалеристам. Непосредственно за первым еще три залпа. С первого посыпалось из седел несколько всадников, а третий уже

бил в затылок мчащимся полным ходом назад красным. На траве осталось несколько тел убитых. За эскадром скакали кони без людей, а безлошадные всадники бежали пригнувшись, ошалело озираясь назад.

«Ура» воодушевленной сотни потрясло воздух. Слышны остроты и смех — настроение бодрое, как нельзя лучше.

«Курок», — гвардейская сотня быстрым шагом продолжает отходить. Оставшиеся патроны на счету. Приказано беречь, без команды не стрелять.

Пройдено 700—800 шагов. Дымки шрапнелей обозначают в небе направление отхода сотни. Видно, как отскочивший эскадрон вдали приводит себя в порядок. Вот он размыкается снова. Из-за его фланга вырываются невидимые до сих пор четыре пулеметные тачанки и, огИБая фланг сотни, мчатся к ней...

«Сотня, стой! Прямо по тачанкам...»

Тачанки в 200—300 шагах делают крутые заезды, и над головами казаков зашелестел несущий смерть ветерок. Вот под трескотню пулеметов взметнулась пыль у самых ног сотни, послышались вскрики. Конники скачут вновь, вновь сверкают шашки, но на них уже меньше обращают внимания; их встречают загнутые фланги, сотня часто бьет по тачанкам. В гуле стрельбы не слышно команда. Но и без них «работа» идет на совесть.

Тачанки на время прекращают стрельбу. Сотня быстро идет дальше, ставя между собою и пулеметами красных всадников.

Но в сотне потери. Невольно сокращается шаг: несут двух убитых — только что прикомандированных казаков; ковыляют раненые подхорунжий Борискин и Абраменко; на фланге поддерживают с трудом передвигающихся раненых: урядников Павленко и Голова. Держится за голову контуженный хорунжий Поморцев⁵⁵³; контужены артиллерийскими же снарядами и вахмистр Бурлаков, и урядники Тинельников и Шамшин...

Красные всадники роем окружают сотню; очередной залп заставляет их отскакивать вновь, и сотня продолжает идти. Конники не решают больше атаковать и открывают стрельбу с коня. Гвардейская сотня не обращает на нее внимания.

Но чувствуют красные, что казаки расстреливают последние патроны, — и впрямь последние патронташи с самого командира и офицеров перешли во взводы, — и нет-нет да отдельные всадники близко подсакивают к сотне, кричат: «Сдавайтесь!»

Вот группа их совсем наслеза на фланг. «Сдавайтесь!» — кричит кто-то. В ответ ему слышится: «Гвардия не сдается, а умирает!» Это крикнул подхорунжий Бурда. Бог знает, с каких далеких уроков «словесности»

застрелял в казачьей голове этот гордый ответ наполеоновской гвардии и так кстати теперь, под свист пуль, вырвался на предложение сдаться.

Кольцо красных сжимается. Но вдали показалась окраина станицы Старотитаровской. Кто в ней — бог весть, но лишь бы дойти, в станице отбиваться будет легче.

Вновь затрещали пулеметы. Падают, обливаясь кровью, раненный в голову старый подхорунжий Кулеш. К нему бежит хорунжий Асташов⁵⁵⁴ и почти несет теряющего силы казака за сотней.

Часть красных бросается в станицу, чтоб отрезать сотню, но она уже у окраины и двигается вдоль нее.

У казаков по одному-два патрона на винтовку.

Вдруг сотня стала как вкопанная, онемела. Навстречу ей из улицы в ста шагах выползает броневик...

Молнией у всех мелькнула одна мысль: «Расстреляют в упор, выход один — на него!»

Командир сотни не успел открыть рта, чтобы крикнуть: «За мной, ура!» — как она уже с отчаянным, раздирающим душу «Ура» ринулась вперед.

Но о чудо — Бог спасает храбрых, — над броневиком взвился русский национальный флаг, а из открывшихся дверей выскочил кто-то, машет руками, что-то кричит. «Свои, свои!» Тот же вопль «Ура», но теперь уже обезумевших от счастья людей.

Броневику тотчас же открыл огонь по красным всадникам; масса их бросилась во все стороны и исчезла из виду.

Передохнув полчаса в станице, гвардейская сотня двинулась к станице Вышестеблиевской, где приводил себя в порядок потерпевший поражение отряд. На дороге к станице валялись брошенные винтовки, ящики с патронами, кое-где из травы торчали пулеметы. Сотня запаслась патронами «вволю» и потащила за собой исправный станковый пулемет.

А вот среди поля стоит одинокое орудие. Вокруг него изрубленные и обезображенные трупы офицеров. Еще боевое возбуждение не прошло — хорунжий Протопопов⁵⁵⁵ и подхорунжий Ступочкин бросаются к орудью, чтобы послать последний привет маячащим вдали красным, но орудие испорчено. Да и строгое «не задерживаться» возвращает их к действительности.

Через час гвардейская сотня в полном порядке, в строю, вступила в станицу Вышестеблиевскую. «Выходцы с того света» окружены со всех сторон. Взрывы восторженного удивления, распросы... Но сотня подчеркнута твердо отбивает ногу; на лицах важность, та, которую умеют напустить на себя казаки, когда хотят показать — «это нам что...».

Командир сотни явился по начальству и доложил о прибытии. Взрыв восторга и здесь, да и есть чему восторгаться — сотня, в сущности, безлошадных казаков сегодня сделала то, за что величают в песнях лучшую в мире русскую Императорскую пехоту... Сотня подержала старую славу своего войска и традицию родной части. И это не сон, не красивая военная сказка — факт только что свершившийся. Еще пахнут казачьи папахи кислой пороховой гарью, еще не смыли казаки с лиц пыли от конских копыт красной конницы. Все еще с ними и те, кто «живот свой положил за други своя», и те, кто незалекшейся еще кровью доказали верность казачьим заветам, впитанную с молоком своих матерей...

«Бог не без милости — казак не без счастья». За два дня боев, с шестиверстным маршем в красном кольце в заключение, сотня потеряла убитыми лишь двух казаков, ранеными одного офицера и десять казаков и контуженными одного офицера и четырех казаков.

В 18 часов отряд выступил в станицу Таманскую на погрузку. На высоты западнее станицы Вышестеблиевской прикрывать отход была выслана Терская гвардейская сотня. «Вы испытанные», — говорили ей всад.

Противник не преследовал. В полночь сотня снялась с позиции и двинулась к Таманской.

В 5 часов 19 августа пароходы, увлекая баржи с войсками, один за другим уходили в море. Появившиеся на окраине станицы красные провожали их редкими выстрелами.

Приказами по Терскому казачьему войску за отличие в бою 18 августа 1920 года были произведены в следующие чины Терской гвардейской сотни есаул Щербаков, хорунжие Поморцев и Барагунов⁵⁵⁶ и прикомандированный к ней хорунжий Асташов (бывший урядник Собственного Его Величества конвоя), 17 урядников и казаков, за мужество и храбрость в том же бою, командиром Сводно-казачьего дивизиона были переименованы в следующие звания.

*К. Киселевский*⁵⁵⁷

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОЙ Артиллерии. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ⁵⁵⁸

В конце 1918 года на Юге России из небольшой ячейки собравшихся там офицеров вновь зародилась лейб-гвардии Конная артиллерия⁵⁵⁹. Ее сокращенный двухбатарейный состав, возникший посте-

пенно, стяжал ей тот ореол боевой славы, который в течение 16 месяцев беспрестанных боев окружал ее в Добровольческой армии. Особенно блестящи были действия первой батареи под командой ее основателя полковника Б.А. Лагодовского.

Краткий перечень боевых действий обеих батарей за 1919 год

Январь. Конец формирования 1-й батареи 2-орудийного состава, нового облегченного 3-дюймового образца 1912 года. Боевые действия в Мелитопольском уезде.

Февраль—апрель. Развертывание батареи в 2-взводную из 4 орудий. Действия против Махно. Оставление Северной Таврии и отступление с боями на Ак-Манайский перешеек.

Май. Подавление восстания в Керчи.

Июнь. Развертывание батареи в дивизион гвардейской Конной артиллерии Добровольческой армии, под командой полковника Д.С. Перфильева; командир 1-й батареи Б.А. Лагодовский, 2-й — В.М. Котляревский⁵⁶⁰.

Август. Бои в Полтавской и Черниговской губерниях у Зенькова, Рашевки и Бахмача.

Сентябрь. Нежинская эпопея — бои у Грибовки, Веркиевки и Вересочи. Захват штабного поезда. Лихой выезд 1-й батареи на открытую позицию и расстрел противника с 1000 шагов. Погрузка в Нежине и прибытие в Бахмач. Формирование 3-го взвода 1-й батареи, отныне 6-орудийного состава.

Октябрь. Переход дивизиона к Глухову и Облонцам. Стычки с отрядами атамана Шубы. Бой с открытой позиции 1-й батареи для поддержки атаки Кавалергардского эскадрона и взятие Сабичева. Новый выезд на открытую позицию и конная атака эскадронов кирасир и Конной гвардии. Взятие Макова. Бой под Кролевецом с открытой позиции. Отход к Глухову и уличный ночной бой двух орудий 1-й батареи. Взятие и оставление Слоута и Глухова. Движение обеих батарей на Рыльск. Бои 2-й батареи у деревень Николаевки и Поповки.

Ноябрь. Отсутствие пополнений принуждает свести 1-ю батарею к 4-орудийному составу. Сильные потери обмороженными и от тифа и оспы; продолжение сворачивания. Бой под Ямным. Уход 1-й батареи в Мерепу для пополнения материальной частью, людьми и лошадьми. Отход 2-й батареи к Заболотовке, оставление Сум. Бои у Ахтырки и Высоцкого. Отход с арьбергартными боями. Восстановление 3-й батареи в 6-орудийном составе. Продолжение отступления с боями, встреча с

конницей Буденного. Краткое контрнаступление. Сдача Харькова. Бои в районе Нижней Водолаги и оставление ее. Заболевание Лагодовского сыпным тифом и эвакуация его. Беспрестанные действия зеленых. Эвакуация заболевшего командира 2-й батареи Котляревского.

Декабрь. Бои 2-й батареи у Медведевки, Власовки и Дмитровки и отход к Лозовой и далее на Таганрог. Возвращение в батареи Котляревского и Лагодовского. Удар конницы Буденного на стык Донской и Добровольческой армий и занятие ею узловой станции Иловаяская. Соединение 1-й и 2-й батарей. Продолжение дезертирства. Отъезд генерала Врангеля в тыл с целью создания там резерва. Продолжение отхода на Ростов, минуя Таганрог.

1920 год

Январь. Участие 2-й батареи в кавалерийском бою с конным корпусом Буденного; взяты пленные, орудия и пулеметы; отступление красных; продолжение попытки взятия Ростова.

Февраль. Бой у Кулишевки и приближение к Ростову через Гниловскую, с 1-й батареей в авангарде. Захват на сутки и оставление Ростова. Прорыв фронта конницей Буденного у Тихорецкой. Отход к югу, на Кубань.

Март. Соединение 1-й и 2-й батарей. Прибытие в загруженный Новороссийск. Следование далее, на Абрау. Возвращение в Новороссийск и прибытие в порт для погрузки среди невероятного столпотворения все запрудивших обозов. Орудия, материальную часть, лошадей и обоз грузить запрещено; позволено взять лишь оружие и седла. Отплытие из Новороссийска и прибытие в Феодосию, где происходит расформирование дивизиона гвардейской Конной артиллерии Добровольческой армии.

В заключение следует особо отметить, что наша 6-я Донская казачья батарея, действовавшая в Добровольческой армии отдельно от дивизиона, в марте того же года в Новороссийском порту успела лишь сбросить в море свои четыре орудия, а личный состав во главе с командиром есаулом Коньковым⁵⁶¹ остался непогруженным.

На следующее утро город был занят красными. Этим трагическим событием заканчивается первый, быть может, наиболее яркий период участия нашей лейб-гвардии Конной артиллерии в действиях Добровольческой армии.

Заканчивая этот краткий обзор основных моментов жизни лейб-гвардии Конной артиллерии, мы попытались восстановить главней-

шее. Наше повествование, почерпнутое из весьма полных архивных данных, освещает в главных чертах историю родной нашей части в лице шести ее батарей, историю, до сих пор не появлявшуюся в военной печати.

*А. де Витт*⁵⁶²

НА АК-МАНАЕ В 1919 ГОДУ⁵⁶³

Дело было в Крыму, на Керченском перешейке, 5 июня 1919 года, в первый день нашего большого наступления, окончившегося очищением от красных всего Крыма и Северной Таврии до Днепра.

Обстановка на Керченском полуострове в начале 1919 года была следующая. Ак-Манайская позиция, прикрывавшая с севера город Керчь и полуостров, упиралась своим правым флангом в Азовское море, где стояли «союзные» нам суда английской эскадры. Эта позиция прорезала весь Керченский полуостров с востока на запад и была занята спешенными эскадронами сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии и дальше на запад пехотой, кажется, Самурским пехотным полком. Позиция была спокойная, и никаких активных действий на ней не происходило; в тылу этой позиции стояла отдельная кавалерийская бригада, разбросанная по богатым немецким колониям. Состав бригады: Сводно-гвардейский кирасирский полк (по одному эскадрону от прежних полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии), 2-й конный офицерский имени генерала Дроздовского полк, Сводный гвардейский дивизион полковника Ковалинского (из эскадронов конно-гренадер и улан Его Величества). Был еще эскадрон лейб-драгун полковника Римского-Корсакова, но в дивизион Ковалинского он почему-то не был включен, как и наша гвардейская конная батарея, вооруженная прекрасными легкими 3-дюймовыми конно-горными пушками, образца 1902 года. Остальные полки гвардейской конницы — лейб-гусары, гродненские гусары, уланы Ее Величества — в то время своих самостоятельных ячеек на Юге России не имели. Наш тыл был очень неспокоен, так как в Керченских каменоломнях скрывались хорошо вооруженные красные банды, грабившие Керчь и нападавшие на наш тыл. Для безопасности приходилось всегда держать в Керчи несколько эскадронов с соответствующей артиллерией. Гвардейская казачья бригада с нашей лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареей⁵⁶⁴ были полностью сформированы и доблестно сражались в рядах Донской армии.

Мы, конечно, знали о предстоящем нашем большом наступлении на нашем участке фронта в начале июня и усиленно к нему готовились. Производились конные учения, учения с людьми у орудий, проверялись материальная часть иковка лошадей. День наступления держался в секрете, и только за несколько дней мы узнали, что наша атака назначена в ночь с 4-го на 5 июня. О подробностях нашей атаки мы узнали из оперативного приказа, полученного командиром батареи поздно вечером 4 июня, за несколько часов до выступления. Согласно этому приказу пешие части, занимающие Ак-Манайскую позицию, при поддержке английской морской артиллерии с Азовского моря, наступают прямо перед собой на север. Наша кавалерийская бригада должна была скрытно пройти берегом Азовского моря, обойти фланг красных и атаковать их резервы и тылы. Эскадрон лейб-драгун имел свою самостоятельную задачу: пройти и очистить от красных Арабатскую стрелку с юга на север и занять важный стратегический пункт — город Геническ. Он точно выполнил эту задачу. Начало атаки назначено ровно в 3 часа ночи, по сигнальному выстрелу с английского броненосца.

Хорошо помню эту чудную теплую крымскую ночь. Наша бригада, растянувшись длинной колонной, неслышно шла твердым грунтом азовского пляжа. Мы все проверили часы и жадно смотрели на их стрелки. Безмолвная тишина ночи изредка нарушалась выстрелами вдалеке и храпом наших коней. Ровно в 3 часа грянул с моря выстрел. На рассвете мы прошли какую-то татарскую деревушку, и здесь наша колонна разделилась: Гвардейский кирасирский полк остался в этой деревне в резерве. Остальные части двумя колоннами переменным аллюром пошли дальше; левая колонна — дивизион полковника Ковалинского, правая — 2-й конный полк и наша батарея в голове колонны главных сил.

Противник скоро обнаружил наше движение, и над обеими колоннами сразу же появились дымки разрывов неприятельских шрапнелей. Раздалась команда: «Строй взводь» — и теперь уже во взводных колоннах мы скакали вперед. Скоро кавалерия рассыпалась в лаву и все поле покрылось скачущими на неприятельскую пехоту с криком «Ура» всадниками. Батарея, на галопе, выскочила на открытую позицию и своим точным огнем обстреляла неприятельские резервы. В течение утра мы три раза меняли позицию; расход снарядов был огромный. Потери убитыми и ранеными с нашей стороны были довольно большие, про красных не знаю. Они все же успели подтянуть резервы к боевой линии, и скоро наша кавалерия спешила, образуя сплошную стрелковую цепь.

Командир бригады, доблестный генерал Миклашевский, считая, что наступил перелом боя и что атака свежего кавалерийского полка может сразу его решить в нашу пользу, послал за резервом. Но мы, вероятно увлекшись преследованием разбитых красных, продвинулись более, чем следовало, и тем увеличили и без того длинный путь для нашего отдаленного резерва. Во всяком случае, Кирасирский полк, пройдя 10 верст галопом под палящим крымским солнцем, оказался с изможденным конским составом. Лошади были взмылены и тяжело дышали, так что о конной атаке не могло быть и речи. Оставалось только спешить полк и еще более растянуть стрелковую цепь, что и было сделано.

Храбрый генерал Миклашевский, лично руководивший боем, находился в цепях. Вскоре же он был тяжело ранен пулей в грудь и эвакуирован в тыл. В командование бригадой вступил на его место командир 2-го конного полка полковник Барбович, и дальнейшее наше движение мы продолжали уже под его командованием. На следующий день наше наступление продолжалось также успешно, и к вечеру мы заняли железнодорожный узел деревни Грамматиково и пошли дальше на Джанкой.

Генерал Миклашевский, поправившийся от своего ранения, вернулся к нам много позже, уже в должности начальника 2-й кавалерийской дивизии, в которую мы были переименованы из нашей отдельной бригады. Число полков было доведено до четырех, при двух конных батареях, все из ячеек прежних полков нашей доблестной регулярной конницы. Тогда же была сформирована наша 2-я гвардейская конная батарея, вооруженная обыкновенными легкими 3-дюймовыми пушками, так что мы уже представляли собой двухбатарейный гвардейский конно-артиллерийский дивизион.

Чтобы быть справедливым, надо сказать, что быстрое очищение Крыма объясняется не только доблестью наших частей и искусством нашего начальника полковника Барбовича, но и тем обстоятельством, что стратегическое положение красных в Крыму стало невозможным. От Мариуполя, северным берегом Азовского моря, прямо на запад в тыл Перекопу, шла сильная группа Донской армии, кажется, полковника Назарова, и, задержись красные в Крыму еще ненадолго, их путь отступления от Перекопа к Днепру был бы отрезан донцами. Прекрасно разработанный нашим верховным командованием стратегический план, при полной согласованности действий на двух фронтах — Мариупольском и Крымском, дал блестящий результат.

От Перекопа к северу красные отступали так поспешно, что, делая ежедневно переходы в 70—80 верст, мы их нагнали только на Днестре, захватив с налета деревню Каховку. Однако город Бериславль, на правом берегу Днепра против Каховки, остался в руках противника.

Он господствовал надо всей окружающей местностью обоих берегов Днепра, и красные почти безнаказанно обстреливали своей артиллерией любой пункт нашего расположения. Наше стояние в Каховке было очень тревожным и неудобным. Вскоре мы, походом, перешли в район Мелитополя, где расквартировались по богатым колониям. Наш отдых продолжался недолго, и скоро по железной дороге, в эшелонах, нас перекинули в район Харькова, уже давно занятого нашей Добровольческой пехотой генерала Кутепова. Вместе с 1-й кавалерийской дивизией генерала Чекотовского — тоже исключительно из полков нашей регулярной конницы — мы составили 5-й кавалерийский корпус генерала Юзефовича, имея задачей наступление на Москву, которое нашло свое выражение в так называемой Московской директиве, уже одним своим названием «Московская» наполнявшей наши сердца несбывшейся надеждой освободить нашу Первопрестольную столицу и всю нашу Родину.

Нашему 5-му кавалерийскому корпусу удалось занять станцию Бахмач, города Чернигов и Нежин.

«Генерал наш Юзефович нас благодарил, на дальнейшие победы нас благословил», — бодро и весело пели наши юные добровольцы... Но вместо Москвы нашей 2-й кавалерийской дивизии удалось дойти только до города Глухова, и отсюда началось наше стихийное и бесконечное отступление к черноморским портам Северного Кавказа и Крыма и очищение всей занятой нами во время нашего наступления на Юге и в центре России территории, обильно орошенной нашей добровольческой кровью.

Большой и бесспорный военный авторитет, профессор генерал Головин, в одном из своих трудов говорит, что, когда высшее начальство и штабы ошибаются в своих планах и расчетах, чтобы уменьшить последствия своих ошибок, они требуют от подчиненных им войск дополнительных, часто невыполнимых усилий, которые часто выражаются в требованиях форсированных маршей, изнуряющих войска, или в приказах «держаться до последней капли крови»; «ни шагу назад», «вперед во что бы то ни стало». В другом месте он говорит, что приказы часто даются «с запросом», то есть когда командование само расширяет рамки задачи, рассчитывая на то, что если такая расширенная задача будет выполнена войсками хотя бы на половину или на треть, то и то уже хорошо. Каждый, побывавший на войне, пожалуй, найдет в своих воспоминаниях примеры этих головинских «заданий». Но всего этого, к счастью, не было в описанной мной операции. Задания давались всегда выполнимые, без «запроса». Словом, все шло гладко, точно, без трений, как на маневрах.

П. Рерберг⁵⁶⁵В 5-М КОННОМ КОРПУСЕ ГЕНЕРАЛА ЮЗЕФОВИЧА
ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА⁵⁶⁶

Стояли мы в Глухове три недели, изредка выезжая в поле для отражения спорадических появлений красных. В Глухове же стоял штаб 1-й кавалерийской дивизии полковника Миклашевского. По квартирам стояли: полностью наш дивизион гвардейской конной артиллерии, под командой полковника Димитрия Сергеевича Перфильева, в составе 1-й гвардейской конной батареи полковника Б.А. Лагодовского и 2-й гвардейской конной батареи полковника В.М. Котляревского, 2-й Сводно-гвардейский конный полк, командующим которым был Димитрий Алексеевич Ковалинский (лейб-гвардии Уланского Его Величества полка) и дивизион 1-го Сводно-гвардейского конного полка, под командой полковника Петровского (кирасир Его Величества).

Вечером 31 октября, поужинав в Офицерском собрании, которое было на Путивлевской улице, мы собирались уже расходиться на ночлег по квартирам, как пришло приказание от начальника дивизии: всему отряду покинуть ночью Глухов и уходить в восточном, а не южном направлении, так как с юга подходили обошедшие нас красные, собираясь застать нас врасплох. Но неприятный сюрприз получили они, а не мы, так как полковник Лагодовский со своим 1-м взводом, командой разведчиков с полковником бароном Фитингофф-Шелем и пулеметной командой с есаулом Носовым, остался в Глухове и в полночь встретил красных огнем, чем совершенно их огородил; он не хотел уйти из Глухова, не дождавшись возвращения своих фуражиров.

Этот переход был началом конца продвижения белых на Москву. Весь фронт генерала Деникина начал катиться на юг. Рутин нашего отступления была весьма однообразна: часа в три утра, после отхода в 20—30 верст, приходили на очередной бивак, часа в 10 утра вставали, спокойно и сытно обедали, и часа в три начиналась перестрелка передовых разъездов. Мы выезжали на позицию неподалеку от нашего bivака, начинался бой, красных отгоняли, а мы после отбоя опять шли на юг.

Первую ночь мы провели в селе Екатериновка Курской губернии. Здесь я был крайне поражен тем, что на расстоянии каких-нибудь 30 верст друг от друга жили совершенно различные русские люди: там были чистокровные хохлы, а здесь — москаля. Совершенно иная

речь, совершенно иная архитектура деревни, иной распорядок жизни и усадьбы.

Часов в десять утра мы были подняты по тревоге: на горизонте, на переломе снежной степи, показалась цепь красных. Лучи зимнего солнца ярко освещали бесконечную гладь. Цепь, верстах в шести, не двигалась. Полковник Ковалинский выслал разъезд, который осторожно продвигался вперед. Потом он пошел быстрее, остановился. Мы наблюдали за ним в бинокли. «Налево — кругом» — и разъезд пошел крупным аллюром обратно. Что же оказалось? Как раз на горизонте шоссе было окаймлено одинаково отстоящими друг от друга столбиками, которые и были приняты за цепь красных.

Все успокоилось, и после хорошего завтрака вся колонна вытянулась дальше на восток, по направлению на Крупец. К этому времени наша 1-я батарея полковника Лагодовского и дивизион 1-го Сводно-гвардейского полка отделились от нас. Мы от Крульца повернули на юг и дней через десять приближались к Сумам.

Верстах в десяти к северу от Сум 13 ноября была дневка. В нашу батарею приехал Игорь Кривошеин⁵⁶⁷. Вечером к нам в собрание приехал начальник отряда полковник Гаевский с женой. Появилась водка, был подан хороший ужин. Настроение у всех поднялось, когда полковник Гаевский сказал, что лучший шаг в обороне — это наступление, и поэтому с завтрашнего дня мы переходим в наступление. Слова эти были покрыты дружным «Ура», и в приподнятом настроении мы разошлись.

14 ноября, среди дня, батарейный трубач заиграл «Армейский поход». Колонна вытянулась, но, к сожалению, опять пошла на юг, и вместо обещанного наступления — опять отступление. Пройдя немного, стали на открытую позицию, но огня не открывали, так как противник еще не появлялся. На нас отходили разъезды Сводно-гусарского полка. Красные где-то далеко открыли редкий огонь. Их гранаты рвались шагах в двухстах впереди; там же маячил разъезд гусар. Слышим: «Бу-бух!», свист снаряда, и вдруг одна из лошадей разъезда как бы взлетает сразу на всех четырех ногах: снаряд зашипел в снегу между ног лошади и не разорвался. Счастливая судьба гусара! Разъезд быстро смылся, а мы открыли редкий огонь. Стреляли редко, так как патроны были на исходе.

В это время далеко слева, на горизонте, показался обоз на санях с красной пехотой. Командир полка просит Котляревского усилить огонь, что нам и удастся сделать, так как в это время подошел обоз со снарядами. Выпустив несколько очередей, мы отошли версты на три, в пригороды Сум.

Это была большая деревня, со многими улицами, обширной площадью и прекрасной школой. Батарея стала на этой площади, и мы снялись с передков. Заходящее солнце ярко светило нам в затылок, и его лучи, отражаясь в окнах школы, буквально слепили нас. Все окна школы были как в огне. Выяснив, что идущая слева колонна красных подошла под артиллерийский обстрел, командир батареи дал направление, и, пристрелявшись, мы открыли беглый огонь. После первого же выстрела мы оказались сразу же как бы в темноте; со страшным шумом и треском вылетели все стекла в окнах школы, и яркие лучи заходящего солнца нас уже больше не слепили. Как только красных прогнали, батарея снялась и мы опять пошли на юг через Сумы. Темнело. Мороз крепчал. Город словно вымер. Одни были в томительной тоске и страхе перед приходом красных, другие ликовали и радовались их успехам.

Не доходя до зданий кадетского корпуса, команда: «Стой, слезай!» Час остановки. Аля де Витт, Игорь Кривошеин и я зашли «на огонек» согреться. Было уже совсем темно. Попали мы к местному учителю. Он сам и его семья оказались очень милыми людьми, они пригласили нас к столу. Появилась «добра горилка», жареная мало-российская колбаса с картошкой и вкусный чай с домашними коржиками. Мы отдали должную честь этой чудной еде, так как целый день ничего не ели. Только мы успели кончить ужин, как послышалась команда: «По коням!» Горячо распрощавшись с радушными хозяевами и пожелав им всего доброго, пошли по коням.

Выйдя из Сум, я почувствовал себя весьма мерзко и еле держался в седле. Поехал в хвост колонны к нашему доктору Федору Федоровичу Шишмареву, милейшему человеку. Он убедил меня, что это от воды, предложил сесть к нему в экипаж, но я отказался.

Стало известно, что красные где-то прорвались, и надо было откатываться дальше. Ночью пришли в деревню Шпилевку, где и проспала до утра.

16 ноября утром двинулись дальше. Деревня, где мы ночевали, оказалась на дне котла. Ночью, конечно, этого никто не заметил. Странное расположение для деревни: она буквально со всех сторон была окружена крутыми холмами. Здесь я встретился с полковником Адриановым³⁶⁸ и полковником Максимовичем, лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, немного поговорили о добром старом времени в Москве, когда Адрианов как-то летом, еще будучи пажем, жил в лагере у моего отца, когда последний командовал полком. К вечеру пришли в село Нижне-Сыроватка. Я себя чувствовал скверно, было ясно, что чем-то заболеваю.

17 ноября была дневка. Село расположено в районе сахарных заводов, почему обоз усиленно запасался сахаром. Вечером померил температуру — оказалось 39 градусов. Владимир Михайлович Котляревский (наш командир 2-й гвардейской конной батареи) сказал мне, что если наутро мне не будет лучше, то чтобы я уезжал в «летучку». Сам он тоже чувствовал себя скверно и пожирал тиюкол в невероятном количестве.

18-го утром я опять померил температуру: было 38 градусов с десятными. Послал своего вестового к вахмистру, чтобы мне нарядили обывательские сани. Стали подниматься и одеваться. Вдруг послышалась стрельба и по улице засвистали пули. Тревога! Ночью красные подошли вплотную к деревне. Никому до меня не было дела. Подвода была уже подана, вещи вынесены. Я погрузился и сказал мужику быстро везти меня на станцию Смородино. Огонь по деревне разгорался вовсю. Стали рваться гранаты, я слышал, что тяжело ранен в ногу храбрый фейерверкер 1-го взвода. Переполох был изрядный.

Мое положение было отвратительное: один с неизвестным возницей, с сильным жаром, в крепкий мороз еду по ухабистой дороге в полную неизвестность. Вскоре выехали из-под свиста пуль и шрапов. При выезде из деревни я вынул свой парабеллум, взвел предохранитель и решил дешево не погибать... Справа был густой лес, сзади шел горячий бой, слева виднелась насыпь железной дороги, впереди — белая пелена снежной равнины. Уравнение с двумя неизвестными: мой мужик и близкий лес, откуда я все время ожидаю появления красных. На мое счастье, мужик оказался хорошим человеком и после трех часов езды благополучно доставил меня на станцию Смородино. На радостях, что все прошло благополучно, я щедро его отблагодарил, хотя он и упорно отказывался, говоря, что грех брать в тяжелые минуты деньги. Хороший человек!

На подъезде станции — неожиданная приятная встреча; штабс-ротмистр Александр Владимирович Геништа, личность исключительная, история его преинтересная и необычайная, к сожалению — с печальным концом; он был старшим братом полковника лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Бориса Геништы³⁶⁹. А.В. Геништа провел меня к доктору, который сразу меня «успокоил», сказав: «Э, батенька, да у вас настоящий сыпнячище!» Оказалось, что летучка уже прошла, и меня пришлось поместить в какой-то эшелон, переполненный сыпнотифозными и ранеными. В теплушке, которая не отапливалась, слева внизу положили меня и мои два чемодана, вернее — кровать Грум-Гржимайло и выюк со всеми моими вещами. С правой стороны лежало восемь сыпнотифозных солдат, а надо мной положили только что

раненного в живот корнета 10-го гусарского Ингерманландского полка фон ден Бринкена. С ним был его вестовой, единственный здоровый человек на весь вагон. Он ухаживал за своим барином, как добрая нянька, успокаивал его, уверяя, что через 24 часа, в Харькове, ему сделают операцию и что через три недели они вернутся в полк, что доктор ему сказал, что положение не опасное и что скорая операция все приведет в порядок.

По всей вероятности, жар у меня был сильный, так как я плохо помню подробности нашего путешествия. Поезд двигался изредка, а больше все стоял. Вестовой Бринкена ухаживал за корнетом и умудрялся доставать топливо для печурки. Помню только, что бедный Бринкен долго стонал и все спрашивал, скоро ли Харьков? На следующий день он начал бредить и часто звал мать, говоря: «Не бойся, мамочка, сейчас мне сделают операцию и я быстро выздоровею». Иногда он приходил в сознание и просил, чтобы его скорее доставили в Харьков. К вечеру второго дня он стал хрипеть и наутро скончался. Вестовой его искренне плакал и проклинал медлительность нашего поезда и полное отсутствие какого бы то ни было ухода за ними. Переезд, который в нормальное время совершался в три часа, взял у нас три дня. За все время никто из медицинского персонала не заглянул к нам, и бедный Бринкен погиб только из-за отсутствия хирургического вмешательства и какого бы то ни было ухода.

Числа 21 ноября я оказался в зале 1-го класса на станции Люботин, куда добрался собственными средствами, опираясь на шашку. Вестовой Бринкена ушел искать начальство, чтобы вынести тело покойного корнета. Что с ними случилось, я не знаю. Вещи мои взялся нести какой-то расторопный и услужливый паренек. Долго он не появлялся. Я начал сильно нервничать, и сидевший против меня пожилой полковник, расспросив, в чем дело, и узнав описание моих вещей, ушел, поручив мне охранять его стул с мешочком. Вернулся он, казалось мне, через час, и какой-то солдат нес за ним мои чемоданы. Оказалось, что после долгих поисков полковник заметил в железнодорожном сквере молодца, который расположился там разбирать мои вещи. Полковник с криком бросился к нему, но у того только пятки засверкали...

Таким образом, сердобольный полковник спас мои вещи. Я хотел было встать и поблагодарить его, но напряженные нервы мои не выдержали, и я с позором разрыдался, как мальчишка. За эти пять дней я уже так привык к общему безразличию к больному, к абсолютному отсутствию заботы и ухода, что такого милого отношения я не выдержал. Полковник меня успокоил и, когда я пришел в себя, направил

меня в санитарный поезд. Как я жалел потом, что не спросил ни фамилии, ни части этого чудного человека, но помехой тому был мой сыпняк.

В санитарном поезде я совершенно неожиданно встретил очаровательную Аглаиду Павловну Шидловскую (рожд. Агу, княжну Голицыну). Здесь меня переодели, умыли, уложили в кровать, а главное, щедро, не жалея ни меня, ни лекарства, напоили касторкой. Это было первое медицинское вмешательство в мой сыпняк за неделю болезни.

Так погиб корнет барон фон ден Бринкен и выскочил из сыпняка поручик, тогда, Петро Рерберг.

Д. Ходнев⁵⁷⁰

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЯНДСКИЙ ПОЛК В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ⁵⁷¹

После окончательного развала фронта, когда большевики закончили для России Великую войну позорным Брест-Литовским миром, — старшие офицеры лейб-гвардии Финляндского полка⁵⁷², во главе с командиром полковником Моллером 1-м⁵⁷³, собравшись на Дону, с разрешения атамана Всевеликого Войска Донского генерала от кавалерии Краснова, приступили к возрождению своего полка. Формирование полка производилось под Новочеркасском. В его состав вошли кадровые и военного времени офицеры полка, подпрапорщики, унтер-офицеры и рядовые, которые смогли прибыть на Дон. Это послужило формированию ядра полка, вокруг которого сплотились и остальные чины полка, пришедшие по мобилизации.

13 июня 1918 года снова возродился лейб-гвардии Финляндский полк под именем 4-го Донского стрелкового полка, но вскоре переименованного. Полком командовал полковник Моллер 1-й, а с 26 августа — полковник Енько 1-й⁵⁷⁴. Ко дню полкового праздника 12 декабря 1918 года к полку вернулось его полковое Георгиевское знамя, перевезенное от бывшего командира полка генерал-майора барона Клодта фон Юргенсбурга⁵⁷⁵.

Небезынтересно проследить всю историю спасения и хранения полковой святыни. Во время развала полка, в ноябре 1917 года, знамя возилось в обозе, откуда тайно вывезено офицерами в Киев. Там оно хранилось в гардеробе частной квартиры. В январе 1918 года, во время уличных боев, 42-линейный снаряд пробивает стену дома, по-

падает в комнату и разрушает гардероб. Знамя, свернутое в чехле, остается совершенно невредимым! В период обысков в феврале 1918 года знамя, уже срезанное с древка (все металлические части были закопаны в подвале дома, а древко сожжено), носится в течение целого месяца хранительницей его — теткою офицера полка — зашитым в шубку между мехом и сукном... В марте 1918 года возится на походе в кобурах седла... Наконец, 4 апреля знамя передается в Полтаве бывшему командиру полка генерал-майору барону Клодту, у которого и хранится до декабря 1918 года. К 12 декабря 1919 года знамя из Одессы привозится в полк. 19 марта 1919 года, ввиду неустойчивого положения на фронте, оно сдается в хранилище знамен и войсковых реликвий при Ставке Главкома ВСЮР в Екатеринодаре. Из Екатеринодара оно эвакуируется в Новороссийск и, наконец, в Варну (Болгария). Оттуда офицеры полка перевозят знамя в Крым — в Симферополь. В последние дни существования армии знамя зарывается в землю... В ночь с 31 октября на 1 ноября знамя относится офицерами и солдатами полка на ледокол «Илья Муромец». 21 ноября знамя в Гиллиполи, где ставится в строй Гвардейского батальона. В 1921 году знамя в Ловече (Болгария). В 1922 году, во время преследования Русской Армии правительством Стамбульского, знамя перевозится из казарм на частную квартиру, а затем увозится в Рушук. В августе 1924 года знамя по решению старших офицеров полка перевозится в Болгарию в государство с более крепким положением.

...Возрожденный лейб-гвардии Финляндский полк честно и доблестно продолжал свою боевую службу по восстановлению Родины, поруганной красным интернационалом. Осенью 1918 года полк уже выступил в Воронежский поход и участвовал в боях: 27 октября у деревни Гороховой, близ города Воронежа; 14 ноября у Верхнего Икорца; 18, 19 и 20-го у Среднего Икорца. Здесь вся тяжесть боя легла на 1-й батальон, окруженный красными; батальон под командою доблестного капитана Экка 1-го⁵⁷⁶ потерял половину своего состава, причем доблестно пали: поручик Янович 2-й⁵⁷⁷, подпоручики: Облеухов 3-й⁵⁷⁸ (и последний!..) и Соловьев⁵⁷⁹. 1 декабря полк дрался у деревни Юдановки; 5—9-го — у станции Половцево; 28-го — у станции Калмычек; 31-го — у деревни Богдановки.

Наступил 1919 год... 3 января полк участвовал в бою снова у станции Половцево; 18 марта у станицы Великокняжеской, где выбыло из строя более 1/3 состава полка и пропал без вести раненый прапорщик Долгалев. 2 апреля полк дрался снова у станицы Великокняжеской, причем был убит подпоручик Гурдесов и выбыло из строя более 1/2 состава. На другой день, 3 апреля, полк занял позиции на

реке Маныче и оборонял их в тяжелых условиях до 11 апреля. Конец апреля полк оборонял позиции у станции Крученая. 7 мая полк берет станицу Великокняжескую; переправившись с боем через железнодорожный мост, причем с 3-й ротой проходил сам Главкомандующий ВСЮР генерал Деникин, полк первым ворвался в станицу и в штыковой схватке захватил несколько тысяч пленных, орудия и обозы.

Летом 1919 года полк простоял в районе Новочеркаска, заново формируясь и пополняясь, а с осени — снова поход, снова бои, до февраля 1920 года. 17—20 августа полк выдерживает серьезный бой у деревни Переваальной, где выбывает из строя более половины, большие потери несет офицерский состав полка, особенно ранеными. Здесь пали смертью храбрых: штабс-капитаны Томашевич⁵⁸⁰ и Таманов⁵⁸¹, подпоручик Зверков⁵⁸². 17 августа, при взятии деревни Самойленки, когда наступавшая 1-я рота полка не дружно поднялась для перехода на следующий рубеж из-за сильного огня, командир роты, всегда спокойный и отважный, штабс-капитан Томашевич в 700 шагах от противника собрал роту в колонну, проделал ружейные приемы и с песней: «Вперед — под знамена!» — двинулся на красных. Начинаясь было колебание сразу исчезло, и рота молодецки пошла вперед, штыками выбила противника и заняла деревню. Вот пример, как можно иногда взять в руки заколебавшуюся в бою часть! Солдаты, видя спокойно стоявшего под пулями и шрапнелью ротного командира, спокойным голосом командовавшего построения и ружейные приемы, сами поуспокоились, устыдились минутной слабости и отменно исполняли команды, хотя и были выбывшие из строя раненые... Увы! — отважный штабс-капитан Томашевич 20 августа был убит. Последними его словами были: «Ну как? Выбили противника?»

...В сентябре и октябре 19-го года полк потерял в боях последовательно, один за другим, двух старых и доблестных кадровых офицеров полка полковников Пещанского⁵⁸³ и Пржецлавского⁵⁸⁴. Полковник Пещанский и поручик Наумов⁵⁸⁵ доблестно пали в бою под Евдаковым 6 сентября, а полковник Пржецлавский — смертью храбрых 25 октября, под деревней Давыдовкой.

Вскоре остатки полка были переправлены с Дона в Крым, в корпус генерал-лейтенанта Слащева-Крымского, и влились в состав Сводно-гвардейского полка. В крымских боях были убиты: в феврале 19-го года под городом Мариуполем штабс-капитан Комар и 1—9 октября 20-го года под Алешками штабс-капитан Рейнбот⁵⁸⁶. Итого за время Гражданской войны в рядах полка в боях было убито 12 штаб- и оберофицеров. Кроме того, за то же время (1918—1920 гг.) за Веру, Царя

и Отечество, исполняя долг свой перед Родиной, замучены и расстреляны большевиками следующие офицеры полка: полковник Садовский 1-й⁵⁸⁷, капитан Экк 1-й, штабс-капитан Йелита фон Вольский 3-й⁵⁸⁸, Дебогорий-Мокриевич⁵⁸⁹ и фон Глазенап⁵⁹⁰.

Ныне разбросанные по всему белу свету, финляндцы — генералы, штаб- и обер-офицеры, священник, врач и чиновники, также и нижние чины, общим числом до 74 человек, все крепко спаяны в одну родную полковую семью: Объединение л.-гв. Финляндского полка. Возглавляет Объединение назначенный Державной Волею в Бозе почившего Государя Императора Николая Александровича командир полка генерал-майор барон П. А. Клодт фон Юргенсбург.

Финляндцы бережно хранят свою полковую святыню — знамя; сохраняют и пополняют архив полка; издают журнал «Финляндец»; поддерживают тесную связь со всеми однополчанами; имеют и свою «кассу взаимопомощи». В сердце каждого финляндца живет крепкая уверенность в возрождение горячей любимой Родины, готовность всегда все свои силы отдать на служение ей, многострадальной... Финляндцы, как и встарь, хранят нерушимо свои старые родные традиции и полковой завет: «За Веру, Царя и Отечество».

*Е. Яконовский*⁵⁹¹

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЛЕЙБ-ГРЕНАДЕР 7 ОКТЯБРЯ 1920 ГОДА⁵⁹²

Голая Пристань — большое село, почти местечко, на левом берегу Днепра, ниже Херсона и Алешек. Почти сразу, ниже, начинается Днепровский лиман с Очаковым на правом берегу и с песчаной Кинбурнской косой, на которой дрался когда-то с турками полковник Александр Васильевич Суворов.

Гражданская война нелегко прокатилась огненной волной по этим привольным местам. Два раза, летом девятнадцатого и летом и осенью двадцатого года, нижний Днепр представлял из себя месячными линией фронта. Разрывы снарядов и пулеметные очереди стали для днепровских рыбаков и виноградарей привычными звуками, почти так же, как кваканье лягушек в плавнях, а солдаты, пушки и пулеметы не развлекали больше босоногих мальчишек.

Участок считался стратегически второстепенным. В девятнадцатом году войска Слащева (4-я дивизия) перешли Днепр без боя, в результате отхода красных, вызванного общим наступлением белых в Мало-

россии и, в частности, угрозой их тылам, перешедшим Днепр у Екатеринослава, группами Шкуро⁵⁹³ и Виноградова⁵⁹⁴. В двадцатом году все внимание привлекал Каховский тет-де-пон красных. Ниже Каховки Днепр расширился, терялся в болотистых плавнях. Мостов не существовало, и каждая верста, вниз по Днепру, отдаляла красных от Крымского перешейка.

Таким образом, главные силы 2-й армии генерала Витковского⁵⁹⁵ были сосредоточены полукругом у Каховки, имея задачей овладеть тет-де-поном или, во всяком случае, его нейтрализовать. Для охраны нижнего течения Днепра, от Каховки до Кинбурнской косы, был выделен с начала сентября гвардейский отряд полковника Эссена, недавно развернутый из гвардейского батальона при 136-м пехотном Таганрогском полку⁵⁹⁶. Существовавшая в девятнадцатом году Сводно-гвардейская дивизия⁵⁹⁷ была интернирована в феврале месяце в Польше, в составе войск генерала Бредова. Из вернувшихся из Польши офицеров и солдат этой дивизии и был развернут гвардейский батальон полковника Эссена⁵⁹⁸.

Целая группа офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка⁵⁹⁹ во главе с полковником Лукошковым⁶⁰⁰ находилась в Крыму или попала через Одессу в Югославию и оттуда вернулась в Крым. Получив несколько десятков пленных красноармейцев, полковник Лукошков начал формировать на уединенном хуторе, недалеко от Чаплинки, «свой» гренадерский батальон. Правой рукой его был горячий, отважный и неутомимый полковник Вашадзе⁶⁰¹, истый патриот своего полка. Солдаты были молодые, необученные или плохо обученные, по новому советскому уставу. Не было ни шинелей, ни белья. «Советские» ботинки чинились телефонным проводом. Не было ни манерок, ни лопат, ни подсумков. Винтовки были скверные, уже советского производства, из плохо закаленной стали. Не было ни одного пулемета. Спали солдаты, зарываясь от утреннего холода в сено, так как, конечно, никаких одеял в лейб-гренадерском батальоне не существовало.

Тем не менее за три недели пребывания на хуторе полковнику Вашадзе удалось путем непрерывных занятий и муштровки превратить девятнадцатилетних крестьянских мальчишек в довольно приличных солдат. Погонь нашли из красной подушки, выменянной у хуторянки на фильдекосовые кальсоны одного из офицеров, кокарды нарисовали химическим карандашом. Единственного среди пленных старого царского унтер-офицера восстановили в звании. Монахов — так его звали — оказался настоящим кладом, и полковнику Вашадзе не раз приходилось сдерживать его унтер-офицерский пыл.

Когда лейб-гвардии Гренадерская рота была отправлена для несения гарнизонной службы в Армянск, она, или скорее он, т. к. в мыслях Лукошкова и Вашадзе существовал лейб-гвардии Гренадерский батальон, представляла собой стройную и даже однообразно одетую воинскую часть.

Недели три батальон простоял в Армянске, расположившись в брошенном доме с большим двором, на котором продолжались интенсивные занятия... Гарнизонная служба заключалась в охране главной гауптвахты 2-й армии (тогда еще 2-го Армейского корпуса). Здесь лейб-гренадеры получили свой первый пулемет (кольт) и здесь же встретили колонны бредовцев, в том числе и лейб-гренадер, что позволило пополнить, наконец, унтер-офицерский состав батальона. Удалось достать немного белья, и чернильные кокарды были заменены настоящими. Одновременно гвардейский батальон выходил из состава Таганрогского полка и разворачивался в Сводно-гвардейский полк⁶⁰² четырехбатальонного состава, в котором лейб-гренадеры продолжали числиться ротой.

Сводно-гвардейский полк был сосредоточен в селе Чаплинка, к северу от Перекопа, где получил на вооружение английские десятизарядные винтовки и пулеметы. Выходя из Чаплинки в Белоцерковку, ближе к Днепру и фронту, полк представлял собой уже сильную боевую единицу в 1200 штыков, при большом количестве тяжелых пулеметов. Полковник Лукошков принял в командование второй батальон, передав непосредственное командование Гренадерской ротой полковнику Вашадзе.

Командующий только что сформированной 2-й армией генерал-лейтенант Витковский принял в Белоцерковке парад Сводно-гвардейского полка. Парад прошел блестяще, и бывшие красноармейцы Троцкого держали винтовку и «печатали» не хуже бредовцев. Уже на этом параде лейб-гренадеры были в двухротном составе, что привело к тому, что во втором батальоне оказалось пять рот. Первую из них генерал Витковский принял за роту Московского полка, из-за кадетской фуражки взводного унтер-офицера, шедшего на правом фланге второй шеренги. На приветствие генерала: «Спасибо, москвичи...» — рота ответила грубым молчанием. Последний рядовой из Костромской или Ярославской губернии давно знал, что он — лейб-гренадер. Немного растерявшийся Витковский не дождался прохода второй роты (полк шел взводными колоннами) и поблагодарил гренадер между прохождением последнего взвода первой роты и первого — второй. Обе роты дружно и одновременно ему ответили. Кадету досталось от Вашадзе, но он продолжал с гордостью носить свою фуражку с красным околышем.

Сразу же после белоцерковского парада Сводно-гвардейский полк, переименованный в Гвардейский отряд, начал занимать линию Днепра, ниже Каховского тет-де-пона. Второй батальон полковника Лукошкова оказался на самом левом фланге боевого расположения белого фронта, с центром в Алешках, чуть ниже Херсона, занятого, как и весь правый берег Днепра, красными. Левее его, в сторону Кинбурнской косы и Прогнойска, действовали крестьянские партизанские отряды, охранявшие Днепровский лиман. Партизаны были очень ценными сотрудниками, не столько по своим боевым качествам, не очень высоким, ввиду отсутствия дисциплины, как из-за связей, которые они поддерживали с правым берегом.

На боевом участке второго батальона лейб-гренадеры держали левый фланг, занимая своими полтораста штыками двадцать верст берега от Кардашинки до Звурьевки, с центром в Голой Пристані. К этому времени батальон имел уже четыре тяжелых пулемета и один «львоис». Командовал батальоном все тот же неутомимый полковник Вашадзе, адъютант — капитан Татиев⁶⁰³, начальник пулеметной команды — капитан Катарский⁶⁰⁴. На главной площади Голой Пристані, перед собором с высокой, изуродованной красными снарядами колокольней, находился главный пост лейб-гренадер, с постоянным пулеметом и отделением пехоты. Пулемет был установлен на изгиб реки, отходящей, почти под прямым углом, к Херсону. Левее большой остров, отделенный полуверстой воды, был «ничьей землей» и представлял собой спортивное поле для разведчиков и внезапных набегов.

Две ночи из трех люди находились в патрулях и заставах, в днепровских камышах. Красная артиллерия безостановочно долбила редкими и чаще всего неразрывавшимися снарядами по местечку, вздымая пыль на широких, с Невский проспект, улицах. Уже давно ни солдаты, ни рыбаки, ни мещане не обращали на них никакого внимания. Спать ложились на всякий случай к дальней стенке... авось разорвется раньше, в первой комнате. Иногда все же кого-нибудь убивало...

Подходила осень. По-прежнему не было шинелей. На батальон приехали одни-единственные английские кавалерийские рейтузы. По общему решению офицеров, их отдали кадету, виновнику белоцерковского скандала. Вопрос с шинелями разрешили совершенно неожиданно, рекузировав коричневые больничные халаты сумасшедшего дома в Алешках. С красными погонами и белыми (конечно, матерчатыми) поясами получилось даже красиво.

Лейб-гренадеры имели уже свой собственный запасный батальон, в селе Колоначак, пополнявшийся все теми же военнопленными красноармейцами, увы, полураздетыми и разутыми нашими боевыми час-

тями в момент сдачи. Опустевшие давно интендантские склады высылали от времени до времени пару рейтуз или сапог на батальон, и армия волей-неволей принуждена была одеваться за счет пленных. К осени этот процесс, конечно, усилился, и, так как военнопленные давно уже стали главным источником пополнения редееющих рядов Русской Армии, положение становилось безвыходным. Так, например, на полтораста солдат двух боевых рот, пулеметной команды, команды разведчиков, штаба батальона и т. п. в Голой Пристанн находилось более двухсот босых и раздетых солдат запасного батальона.

В конце сентября общее положение стало угрожающим. Перемирие на польско-советском фронте позволило красному командованию перебросить на Южный фронт 1-ю Конную армию Буденного и несколько стрелковых дивизий. Эшелоны 1-й Конной уже разгружались в районе Знаменки и Кривого Рога.

Белое командование решилось на так называемую заднепровскую операцию. Исключительно смелая, по своему замыслу, в случае успеха она должна была открыть Русской Армии всю Новороссию между Днестром и Бессарабией. Перешедшая Днестр, юго-западнее Александровска, конная группа генералов Шифнер-Маркевича⁶⁰⁵ и Бабиева (1-я и 2-я кавалерийские и Кубанская казачья дивизии), поддержанная и прикрытая Корниловской дивизией и 6-й пехотной (Сводно-гренадерский, Самурский и Алексеевский полки), должна была вклиниться в расположение красных, помешать сосредоточению конной армии Буденного, стараясь разбить ее по частям. И, повернувшись круто к юго-западу, срезать весь правый фланг красных, опиравшийся на Каховский тет-де-пон.

Операция завершилась кровавой неудачей. Конная группа Шифнер-Маркевича встретила в 80 верстах от Днестра не передовые части Буденного, но всю Конную армию, в двенадцать тысяч сабель, которым она могла противопоставить только четыре с половиной. Доблестный Бабиев был убит. Подтянутые к месту переправы шесть стрелковых бригад красных (18 полков) обрушились на корниловцев и пехоту Скалона (6 полков). Понесся огромный потери, конница и корниловцы перешли на левый берег Днестра, а шестая дивизия почти полностью легла, защищая переправы.

Наступал двенадцатый час русской трагедии. Выйдя из Каховского тет-де-пона, красные потеснили слабые части 2-й армии, и 3 октября вся линия Днестра была оставлена. Лейб-гренадеры отошли, без давления, к востоку по Перекопскому шоссе, исполняя общий план отхода. Но уже 5-го отступающие части были остановлены и 6-го сами перешли в наступление к Днестру. Троцкий и Фрунзе рано торжество-

вали. Удар от Каховки должен был быть смертельным для белых. Он таким и оказался, но только через три недели, за которые еще много крови пролилось на дымных полях Северной Таврии. На этот раз нашим частям удалось не только остановить красных, взяв около 6000 пленными, но на плечах отступающих ворваться в Каховку. Однако, несмотря на поддержку танков и конницы, удержать Каховку не удалось. Тем не менее линия Днестра занималась снова. Предстояло сбросить в реку и уничтожить перешедшие на левый берег части красных. Гвардейский отряд блестяще справился с этой задачей, а лейб-гренадерам выпал завидный жребий одержать последнюю победу истекающей кровью, маленькой, но героической армии.

Весь день 6 октября отряд полковника Вашадзе медленно продвигался к Днестру. Кроме лейб-гренадер, в подчинении неукротимого грузина был Партизанский отряд, человек в 50—60, отошедший с Кинбурнской косы, и одно легкое орудие Сводно-гвардейского артиллерийского дивизиона. Всего около 200 штыков с пятью тяжелыми пулеметами и одним «лькюисом» капитана Катарского и гвардейской пушкой под командой молоденького подпоручика, недавно произведенного из кадет.

По плану лейб-гренадеры должны были только приковать красных к Колончакскому шоссе, предоставив главную работу трем ротам полковника Лукошкова, поддержанным Преображенской и Семеновской ротами 1-го батальона, спускавшимися левым берегом Днестра от Алешек и Кардаминки. План этот не считался с кавказским сердцем полковника Вашадзе и его друга капитана Татиева.

Подтянув ночью батальон версты за три до Голой Пристанн, Вашадзе с рассветом пошел в стремительное, беглым шагом, наступление, совершенно не считаясь с возможной численностью противника. Красные реагировали немедленно беглым огнем из вырытых перпендикулярно шоссе индивидуальных окопов. Вооруженные пароходы открыли орудийный огонь по наступающим цепям и единственной пушке, стрелявшей с открытой позиции. Крестьянские мальчишки с Волги, которых в три месяца упорной работой, почти материнской заботливостью и своим горячим неукротимым сердцем Вашадзе превратил не только в прекрасных солдат, но в настоящих лейб-гренадер, гордых своим именем, шли в атаку как на параде, с глазами, прикованными к своим офицерам. Три месяца назад это были неуклюжие красноармейцы, поднимавшие руки при первом удобном случае. В них не было отравы семнадцатого года, и, конечно, они ничего не понимали в той трагической игре, в которой их ставили пешками оба лагеря. Но у красных ими командовал деклассированный рабочий, вырвавшийся из

революционной волны городской «блатной» или, в лучшем случае, принужденный угрозами и системой заложничества бывший офицер. Здесь же они нашли своего естественного, привычного, векового начальника, с которым они брали стены Казани при Грозном, ходили на ханский Крым, дрались под Полтавой и Куннерсдорфом, переходили Чертов мост, умирали под Бородином и на Шипке, которому верили и которого уважали.

Красные цепи почти сразу дрогнули перед жидкими цепями лейб-гренадер, хотя пушка была временно выведена из строя удачным попаданием с монитора, переранившим прислугу, в самом начале боя и не могла поддержать атаку. Оставленные в резерве, под начальством полковника Томашевича, партизаны, оказавшиеся под артиллерийским обстрелом, не могли остановиться, следуя беглым шагом за наступающими цепями. Через полчаса после начала боя лейб-гренадеры входили в местечко на плечах отступавших красных. По сторонам широкой улицы уже стояли с поднятыми руками группы сдавшихся. Их наспех вводили в ближайšie дворы. Убитые и раненые лежали в пыли немощной улицы.

Однако бой продолжался. Отдельные группы красных пытались защищаться в домах, а отступающие цепи залегали, пока пулеметы Катарского не заставляли их снова подниматься, но на этот раз с протянутыми вверх руками. В это время у пристани Днепровского пароходства, на площади перед церковью, разгружалась только что подошедшая на баржах красная кавалерия. Уже несколько десятков лошадей было выведено на пристань, спешно выносились седла и амуниция. Объятый паникой, но не понимающий еще размера катастрофы красный штаб рассчитывал конной атакой остановить наступление противника. Но было слишком поздно: пулеметы Катарского, несколько десятков лейб-гренадер, в коричневых халатах, кричащих охрипшими голосами «Ура!», и сам Вашадзе на лошади, с трудом прорывался сквозь толпы сдающихся, показались на площади.

«Ура!» гремело и со стороны Кардаминки, откуда наступали роты полковника Лукошкова. Осыпаемые градом пуль, крича, давя друг друга, уже не думая о сопротивлении, красные бросились к баржам и пароходу. Другие просто бросались в Днепр, пытаясь добраться влпавь до острова, отстоявшего в доброй полуверсте от берега. Вооруженному пароходу, расстреливаемому почти в упор лейб-гренадерскими пулеметами, удалось оторвать баржи от берега и, подставив минуты на две-три их борт под огонь, повернуть перпендикулярно берегу, в излучине реки. Стучали пулеметы Катарского, Днепр был весь усеян черными головами плывущих, среди которых вздымались гейзеры пуле-

метных пуль, звериный крик неся с расстреливаемых барж, а на берегу ошалевшие от боя гренадеры, в коричневых сумасшедших халатах, продолжали кричать «Ура!».

Немедля Вашадзе направил часть своих солдат в сторону Кардаминки, навстречу Лукошкову, и в тыл отступающим и еще не знающим о катастрофе красным, а с остальными начал энергичную чистку берега. Через два часа после начала боя 2-я Бригада особого назначения рабоче-крестьянской армии не существовала. Из двух с половиною тысяч стрелков шестьсот положило оружие, более двухсот раненых было подобрано на месте боя, около полтораста было убито. Несколько сот погибло на превращенных в решето баржах. Несколько пулеметов, более тысячи винтовок, тридцать лошадей и восемьдесят седел попало в руки войск полковников Лукошкова и Вашадзе. Лейб-гренадеры потеряли трех человек легкораненых, был убит один партизан и один артиллерист. Четыре артиллериста были ранены первым удачным попаданием с красного монитора. В ротах Лукошкова потери были несколько больше, но все же очень незначительны.

До темноты продолжалась чистка Голой Пристани. Вооруженный пароход красных, укрывшийся с баржами за остров, сел на мель и снова попал под пулеметы лейб-гренадер, хотя уже на довольно значительном расстоянии. В продолжение часа он расстреливался на предельном прицеле.

Не теряя ни минуты времени, полковник Вашадзе приступил к сортировке пленных. Большинство было со средней Волги — ярославские, костромские, нижегородские. Особая бригада была хорошо одета и экипирована, что сразу разрешало неразрешимую задачу пополнения. Было отобрано двести шестьдесят человек, конечно, самых здоровых и... красивых. Вашадзе был большим эстетом. Их одели и экипировали из общей массы пленных, так же как и старых лейб-гренадер, поменявших свои халаты на новые солдатские шинели, подарок Троцкого. Вещевые мешки с бельем, сапогами и прочим несложным солдатским хозяйством, сотнями брошенные на берегу, дополнили экипировку. Десятки мешчанских подушек пошли на погоны, и 8 октября лейб-гвардии Гренадерский батальон насчитывал около 400 штыков в своих четырех ротах. За недостатком офицеров их срочно вызвали из Колончака, несколько бывших офицеров, взятых в плен 7-го, были временно назначены на командные должности. Среди нескольких сот пленных оказалось только шесть коммунистов — их выдали сами солдаты — и два латыша. Коммунистов отдали под военно-полевой суд — войска гвардии во все время Гражданской войны старались следовать законности, — а латышей, молодых еще парней, после лич-

ного разговора с ними, Вашадзе поставил в строй, в разные роты, в условиях обоюдной поруки.

Несмотря на то что батальону был передан участок Кардамина (вверх по реке) и Збурьевки (вниз), не считая сторожевых охранений в самой Голой Пристани, немедленно начались интенсивные занятия с новыми лейб-гренадерами. Необходимо было спешно переподготовить новобранцев, воспитанных по советскому уставу. Спешно полковник Вашадзе потому, что через несколько дней, 13 октября предстоял парад батальона по случаю годовщины славного боя гвардии под Горным Дубняком.

Парад лейб-гвардии Гренадерского батальона принимал начальник Гвардейского отряда полковник Эссен. Сборный оркестр гвардейской пехоты был специально отправлен в Голую Пристань, так же как священник с клиром. Последний раз на Русской земле звучал волнующий и торжественный лейб-гренадерский марш, едва ли не самый красивый марш Российской армии. Стройными взводными колоннами проходили возродившиеся, как Феникс из пепла, роты упорно желающего умирать славного полка. Конная разведка, восемь тяжелых пулеметов делали из него совершенно самостоятельную, а в условиях Гражданской войны даже сильную боевую единицу. Сдержанный Лукошников и горячий Вашадзе одинаково сияли счастливой улыбкой, и этот последний счастливый день на родине они, смотря на свое детище, без сомнения, мечтали о других батальонах, которые обязательно будут. Вот стал же из ничего проходящий перед ними батальон, созданный из оборванных красноармейцев, горячей любви к своему полку и железной воли его верных офицеров.

Весь день 13 октября праздничное настроение царило в днепровском местечке. Гремел гвардейский оркестр в городском саду с толыми осенними деревьями. Откуда-то вдруг появившиеся барышни прогуливались парочками, жеманно хихикая при встрече с молодыми офицерами и вольноопределяющимися гвардейской артиллерии. Подтянутые новобранцы ходили толпами за парочками, лузгая арбузные семечки. Парадный завтрак в Офицерском собрании затянулся до вечера.

Ранним утром 14 октября одна из рот при двух пулеметах двинулась на Кинбурнскую косу для «переговоров» со вчерашними союзниками — партизанами, уведшими под шумок половину взятых на пристани лошадей с седлами, а под вечер пришел приказ — оставить Голую Пристань.

Вышедшая из Каховки армия Буденного прорвалась под Черной Долиной и лавиной катилась по осенним полям к перешейкам и же-

лезной дороге. Новые дивизии с польского фронта буквально заливали жидкие линии белых. Белому Крыму оставалось жить две недели. Войска 2-й армии стягивались к Перекопу. По Колончакскому шоссе отходил лейб-гвардии Гренадерский батальон полковника Вашадзе, еще не зная, что он уходит с родной земли, еще готовый к новому бою, еще не остывший от своей последней победы.

«Древний боевой» уносил с собой свою последнюю, в двенадцатый час вырванную у судьбы Славу.

А. Тучков⁶⁰⁶

40 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД⁶⁰⁷

В Белом движении, в русской вооруженной борьбе против антинациональных захватчиков власти — большевиков, в неравной тяжелой борьбе против разбушевавшейся стихии офицеры гвардии исполнили свой долг; об этом не все знают, и это необходимо отметить.

Когда Государь Император отрекся от престола, он завещал русскому офицерству продолжать служение Родине. Русские офицеры, и в частности гвардейские, это поняли и продолжали по мере возможности оставаться при своих частях.

В конце рокового 1917 года, когда были расформированы гвардейские полки (причем нужно заметить, что благодаря сильной спайке между офицерами и солдатами, в гвардейских полках было мало случаев насилия над офицерами) и когда у офицеров гвардии осталось лишь одно: горячая любовь к Родине, гвардейское офицерство... растерялось.

И тут раздался голос русской совести, призыв генерала Алексеева. Когда он 15 ноября (н. ст.) 1917 года прибыл на территорию Дона, где атаманом был генерал Каледин, он опубликовал воззвание к офицерам русской армии. Помня завет своего Императора и услышав призыв генерала Алексеева, откликнулись офицеры гвардии, пошли продолжать служение Отчизне и потянулись на юге в формирующуюся Добровольческую армию, а впоследствии пошли и на север, к генералу Миллеру, и на северо-запад, к генералу Юденичу, и на восток, к адмиралу Колчаку.

Несмотря на то что идеалы офицеров гвардии были далеки от той ориентировки, которая клалась в основу вождями зарождающейся противобольшевистской армии, все же гвардейские офицеры, побуж-

даемые исключительно любовью к Родине, густо пополнили ряды бойцов Добровольческой армии.

Сейчас прошло 40 лет с тех дней, когда мы на полях Дона и Кубани взяли за оружие против большевиков, теперь все это принадлежит истории, но с гордостью офицеры гвардии могут сказать, что огромный процент офицеров всех гвардейских полков вошел в ряды бойцов Белого движения.

Что же произошло и что сделала гвардия в былой борьбе против большевистской власти. Прежде всего нужно не забыть, что из 7 Главкомандующих Белого движения, высоко поднявших факел борьбы за спасение Родины, имена которых должны ярко гореть в сердце каждого русского, а именно: Корнилов, Алексеев, Деникин, Врангель, Колчак, Миллер и Юденич, — генералы Врангель и Миллер были гвардейскими офицерами.

Во-вторых, из других главных военачальников Белого движения, как, например, Марков⁶⁰⁸, Кириенко⁶⁰⁹, Романовский⁶¹⁰, Каледин, Неженцев⁶¹¹, Туркул⁶¹² и сколько их еще, генералы Кутепов, Эрдели⁶¹³, Драгомиров, Дроздовский⁶¹⁴, Слащев, Шатилов и многие другие были офицерами гвардии. В самом начале формирования Добровольческой армии ближайшими помощниками генерала Алексеева были лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка ротмистр Шапрон, впоследствии командир 2-го конного Дроздовского полка, лейб-гвардии Преображенского полка полковник Веденяпин⁶¹⁵, лейб-гвардии Литовского полка полковник Хованский⁶¹⁶ и др.

Невозможно перечислить имена всех гвардейских офицеров, занимавших тогда различные командные должности, но нужно подчеркнуть какую важную роль сыграли эти офицеры в самом начале Добровольческой армии.

Они были назначаемы не по протекции, не потому, что они были гвардейцами, а только потому, что они были на месте, одними из первых отозвавшихся на призыв генерала Алексеева. И им, при малом количестве и недостатке офицеров, пришлось принять самое близкое участие в создании Добровольческой армии. Очень скоро многие из них пали в степях Дона и Кубани, но их заменили вновь прибывшие, другие офицеры гвардии, с радостью также готовые отдать свою жизнь во имя спасения России.

25 декабря 1917 года атаманом генералом Калединым было написано назначение генерала Корнилова Главкомандующим Добровольческой армией.

А 30 декабря все прибывшие в Ростов офицеры гвардии были размещены в Проскуровском лазарете, где при конном дивизионе гвар-

дии полковника Гершельмана была сформирована гвардейская рота⁶¹⁷, положившая начало всем пехотным гвардейским формированиям Добровольческой армии на Юге России.

31 декабря только что сформированная 1-я Офицерская рота под командой гвардии капитана Чернова выступила в Таганрог, где ожидалось восстание большевиков. Командующим Таганрогским районом был назначен полковник Кутепов (командующий лейб-гвардии Преображенским полком), а начальником его штаба гвардии капитан Герцук. В то же время Главкомандующим города Ростова был назначен гвардии полковник Хованский 1-й.

10 февраля 1918 года начался 1-й Кубанский («Ледяной») поход. В станице Ольгинской Добрармия простояла два дня, было произведено переформирование, следствием чего состав армии был следующий: 1-й Офицерский полк⁶¹⁸ генерала Маркова, Корниловский ударный полк⁶¹⁹ полковника Нежинцева, Партизанский полк⁶²⁰ генерала Богаевского, Чехословацкий полк⁶²¹ полковника Кроля, Георгиевский батальон⁶²² полковника Кириенко, Офицерский конный дивизион полковника Гершельмана, Конный дивизион⁶²³ полковника Глазенапа⁶²⁴ и Конный отряд⁶²⁵ подполковника Корнилова⁶²⁶. Артиллерия — восемь трехдюймовых орудий — всего 3000 штыков, 600 шашек. Начальником штаба был генерал Романовский.

Гвардейская рота, уже успевшая понести сильные потери, составила 4-й взвод 3-й роты 1-го Офицерского полка. Численность взвода была 80 офицерских штыков. В конных отрядах полковника Гершельмана и Корнилова находилось значительное количество гвардейских кавалерийских офицеров.

По окончании 1-го Кубанского похода, 1 июня 1918 года, 1-й Офицерский полк вошел в Новочеркасск, и здесь сильно потрепанный гвардейский взвод пополнился вновь прибывшими офицерами и вернулся в гвардейскую роту, которая была доведена до 150 офицеров и солдат — 6-я (гвардейская) рота 1-го офицерского полка, которую принял гвардии полковник Темников⁶²⁷. А 3 августа 1918 года с занятием Екатеринодара закончился период 1-го и 2-го Кубанских походов, во время которых офицеры гвардии не жалея живота сражались рядом с другими доблестными участниками этих походов.

Из гвардейской пехоты в Кубанских походах участвовало 112 офицеров, из коих 18 человек было убито и 20 ранено.

12 августа 1918 года гвардейская рота 1-го Офицерского генерала Маркова полка развернулась в батальон, а 29 сентября приказом Главкомандующего была выделена из Марковского полка, чтобы сформировать Сводно-гвардейский пехотный полк, состоявший из

450 штыков при 80 офицерах. 12 августа 6-я рота (гвардейская) 1-го Офицерского генерала Маркова полка развернулась в батальон, который составил 4-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка.

Временно командующий батальоном — командир 13-й роты лейб-гвардии Егерского полка капитан Перепелицын⁶²⁸, 1-я рота — капитан Темников, 15-я рота лейб-гвардии Кексгольмского полка — капитан Цихоцкий⁶²⁹, 16-я рота лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка — капитан Комаров⁶³⁰, учебная команда лейб-гвардии Егерского полка — капитан князь Оболенский⁶³¹. Состав батальона 80 офицеров и 250 солдат.

29 сентября командир 1-го Офицерского генерала Маркова полка полковник Тимановский⁶³² перед фронтом прочел приказ Главнокомандующего о выделении 4-го батальона и разворачивании его в Сводно-гвардейский полк. К нему была придана 3-я гвардейская батарея Марковского артиллерийского дивизиона⁶³³, в составе 25 офицеров.

Состав полка: командир полка — полковник Дорошевич⁶³⁴, помощник командира полка — полковник Соколов⁶³⁵, полковой адъютант — поручик Высоцкий⁶³⁶, начальник команды связи — капитан Шиманский⁶³⁷, начальник пулеметной команды (6 пулеметов) — капитан Дмитриев-Мамонов⁶³⁸, начальник учебной команды — капитан князь Оболенский, командир 1-го батальона — полковник Дейбель⁶³⁹, командир 1-й роты (1-й гвардейской пехотной дивизии) — капитан Зыбин⁶⁴⁰, командир 2-й роты (2-я пехотная гвардейская дивизия) — капитан Темников, 2-я рота (Павловская) — капитан барон Штемпель⁶⁴¹, командир 2-го батальона — полковник Вагин⁶⁴², 4-я рота (3-я пехотная гвардейская дивизия) — капитан Цихоцкий, 5-я рота (стрелковая дивизия) — капитан Комаров, 6-я рота (Волынская⁶⁴³) — полковник Михайлов⁶⁴⁴, начальник хозяйственной части — полковник Моллер 1-й командир нестроевой роты — капитан Заремба⁶⁴⁵.

Командир полка лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Дорошевич очень скоро, 2 октября, доблестно пал под Армавиром, вместе со своим командиром, в этом бою пали смертью храбрых 26 офицеров и 30 было ранено. Выбыло из строя убитыми и ранеными 200 человек солдат.

Список убитых: лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Дорошевич, лейб-гвардии Преображенского полка капитан Валуев⁶⁴⁶, лейб-гвардии Семеновского полка капитан Чистяков⁶⁴⁷, лейб-гвардии Измайловского полка полковник Соколов, лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Смирнов⁶⁴⁸ и поручик Хлебников⁶⁴⁹, лейб-гвардии Московского полка поручик Кобылецкий⁶⁵⁰ и подполковник Гривес⁶⁵¹.

лейб-гвардии Павловского полка полковник Дейбель, капитан Темников и подполковник Шипулинский⁶⁵², лейб-гвардии Литовского полка поручик Кемешук⁶⁵³ и прапорщик Дерфельден⁶⁵⁴, лейб-гвардии Кексгольмского полка капитан Вирановский⁶⁵⁵, лейб-гвардии Петроградского полка полковник Вагин и поручик Робачевский⁶⁵⁶, лейб-гвардии Волынского полка капитан Цуриков 1-й⁶⁵⁷, штабс-капитан Умыгрыко-Запольский⁶⁵⁸ и штабс-капитан Рацул 2-й⁶⁵⁹, 2-го лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка поручик Чинет⁶⁶⁰, 3-го лейб-гвардии стрелкового Его Величества полка подполковник Халтурин⁶⁶¹ и прапорщик Брик, вольноопределяющиеся Мецеринов, Юзвик, Матвеев, Антоненко и Зайцев. Но эти тяжелые потери быстро пополнились вновь прибывающими офицерами гвардии, и Сводный гвардейский пехотный полк, став грозной боевой единицей, в непрерывных боях шел все дальше и дальше, стараясь спасти нашу Родину.

12 июля 1919 года приказом по Добрармии Сводно-гвардейский пехотный полк был развернут в Гвардейскую бригаду⁶⁶², которая занимала отдельные участки фронта. Командиром бригады был назначен генерал барон Штакельберг⁶⁶³. 2 июля был убит командир роты Преображенского полка капитан Розеншильд-Паулин 1-й⁶⁶⁴. Командиром 1-го Сводно-гвардейского полка назначен лейб-гвардии Преображенского полка полковник Крейтон⁶⁶⁵. Командиром 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка полковник Зыбин.

После занятия Киева гвардейская бригада была развернута в гвардейскую дивизию, и 12 октября был назначен начальником Сводно-гвардейской дивизии генерал барон Штакельберг, командиром 1-го Сводно-гвардейского полка⁶⁶⁶ — полковник Крейтон (преображенец), командиром 2-го Сводно-гвардейского полка⁶⁶⁷ — генерал Моллер (финляндец), командиром 3-го Сводно-гвардейского полка⁶⁶⁸ — полковник Цабель⁶⁶⁹ (кексгольмец), командиром Стрелкового Сводно-гвардейского полка⁶⁷⁰ — полковник Драгомиров⁶⁷¹ (императорский стрелок). Разделившись на две самостоятельные группы, оперирующие в разных направлениях, до эвакуации Крыма гвардейские офицеры пехоты все время честно исполняли свой долг, свято помня девизы: «За Веру и Верность», «За Веру, Царя и Отечество».

С другой стороны, когда в начале декабря 1918 года приказом по Добрармии было разрешено формирование гвардейских полков, то офицеры гвардейской кавалерии, служившие до этого в разных конных частях Добрармии, в казачьих, инородческих и других, объединились, чтобы создать ячейки своих бывших полков. В то время как различные гвардейские кавалерийские полки формировались самостоятельно, при Сводно-гвардейском пехотном полку была создана команда конных раз-

ведчиков, состоявшая из 4 обозначенных эскадронов, по одному от каждого полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Эта команда, преодолевая невероятные трудности формирования, которые происходили в боевой обстановке, очень скоро, благодаря энергии и стараниям офицеров, развернулась в самостоятельный Сводно-гвардейский кирасирский полк. На самом деле эта боевая единица была значительно сильнее полка, т. к. каждый полк 1-й гвардейской кавалерийской дивизии имел по крайней мере по 2 боевых эскадрона и столько же запасных.

Сводно-гвардейский кирасирский полк с постоянными боями дошел до Глухова Черниговской губернии, который является пределом наступления Добрармии в этом направлении.

При начале отступления, в ноябре 1919 года, Сводно-гвардейский кирасирский полк, сильно пострадавший в непрерывающихся боях и стычках, вошел в состав Гвардейского кавалерийского полка, в который вошли все формирования гвардейской кавалерии того времени. Полк получился очень внушительный и вошел в бригаду генерала Барбовича. С ней Гвардейский кавалерийский полк проделал все отступление до Ростова, защищал левый берег Дона и участвовал в знаменитом бою против конницы Буденного под Егорлыкской. В одном этом сражении Гвардейский кавалерийский полк потерял убитыми 10 офицеров и 150 солдат.

С остатками Добрармии Гвардейский кавалерийский полк был перекинут в Крым и продолжал действовать в рядах Русской Армии генерала Врангеля, обильно поливая своей кровью дороги, поля и степи земли Русской... Крым, Таврия, Каховка, сражение против конницы Жлобы, бои, бои и еще бои... усталость, надежды, страдания... смерть... Но дух офицера гвардии сильнее смерти...

Еще несколько слов, чтобы упомянуть о других фактах из действий гвардии в противобольшевистской борьбе, о которых, быть может, не все знают.

Лейб-гвардии Финляндский полк благодаря старанию своих офицеров в 1918 году возродился на Дону и со своим старым боевым знаменем проделал все походы Донской армии, а потом и всю кампанию Русской Армии на Юге России.

Вспоминаю полковника Ковалинского, который в 1918 году сформировал отряд из чинов 2-й и 3-й Сводно-кавалерийских дивизий, а перед самым оставлением Крыма был убит, выравнивая в конной атаке Гвардейский кавалерийский полк, которым он командовал.

В Северо-Западной армии генерала Юденича также участвовало большое количество офицеров гвардии, во главе с генералом Родзянко (командующим армией), князем Ливеном и графом Паленом⁶⁷². Эти

офицеры, между прочим, способствовали формированию таких полков, как некоторый Уральский⁶⁷³ и Конно-егерский⁶⁷⁴. Красный же Семеновский полк (остатки лейб-гвардии Семеновского полка), под командой старых кадровых офицеров полка, целиком перешел на сторону белых и сражался до расформирования армии⁶⁷⁵.

И наконец, много гвардейских офицеров сражались на Восточном фронте в армии адмирала Колчака. В этой армии, между прочим, усилиями группы офицеров Преображенского полка был сформирован 1-й Егерский полк.

Кто может сказать с точностью, сколько русских офицеров и добровольцев пали смертью храбрых в разных местах Русской земли, сражаясь против большевистской власти.

Имена их Господи веши.

Что же касается потерь гвардии, известно, что в боях Белого движения было убито более 300 офицеров, из коих 90 человек кавалерии.

Я говорю лишь о потерях офицерского состава, т. к., к сожалению, здесь нет возможности говорить о наших соратниках-добровольцах и солдатах, которые, вдохновленные пламенной любовью к Родине, страдали вместе с нами, бились с нами насколько было сил и жертвенно умирали в боях.

Без них мы ничего не могли бы сделать.

Вот что можно очень вкратце сказать о действиях гвардии в Белом движении.

Перенесаясь в далекое прошлое, молитвенно помянем погибших и ушедших вождей Белого движения и наших братьев и товарищей-гвардейцев, на поле брани павших в противобольшевистской борьбе на Русской земле во имя служения Отечеству и восстановлению престола.

В. Маевский⁶⁷⁶

ГВАРДЕЙСКИЕ САПЕРЫ⁶⁷⁷

Весна 1919 года

В это памятное утро, средних чисел апреля, я еще спал крепким сном в номере своей гостиницы, когда кто-то резко сдернул с меня одеяло, самым бесцеремонным образом нарушив мои мирные грезы.

— Быстро, быстро!.. Довольно нежничать!.. Вставай, собирайся и направляйся на пристань... Через два часа едем с тобою в Одессу... Да скорее же, мой друг, уже поздно!

Я открыл глаза и увидел нашего старшего полковника, общего любимца Николая Михайловича Никонова⁶⁷⁸, прибывшего с фронта. Как оказалось, полковник спешно забирал меня с собой в Одессу для получения пулеметов и другого необходимого полку имущества.

— Живее же, мой друг! — настойчиво гремел голос Никонова. — Мы с тобой сейчас поплывем на большом океанском транспорте со штабом командующего греческими войсками. Будь готов через минут двадцать, а я пока побегу в штаб за документами и литерами... Итак, до скорого!

Весь одно движение и энергия — милейший полковник исчез за дверьми... Хорошо уяснив, что для размышлений мне не было предоставлено даже лишней секунды, я стремительно оделся, собрался и спустя час вместе с тем же Никоновым уже плыл на шлюпке по направлению к громадному океанскому мастодонту.

Прошло не более двух часов после моего невольного пробуждения в номере гостиницы, а я уже находился в открытом море, спокойную гладь которого мощно резал зарывшийся вперед гигантский нос океанского парохода. Последний был наполнен военными, преимущественно офицерами весьма многолюдного греческого штаба, а также солдатами греческой и французской армий, которых в общей сложности было около двух тысяч.

Пребывали в числе наших спутников и русские офицеры, подобно нам направлявшиеся в Одессу во главе с бравым адмиралом князем Трубецким⁶⁷⁹, являвшимся старшим из всех присутствовавших.

Погода стояла прекрасная, весенняя, дававшая возможность с приятностью проводить время на палубе, любуясь видом и красками погруженного в спокойствие Черного моря.

Пароходные палубы были запружены разгуливавшей греческой и французской военщиной, что давало возможность спокойно и объективно наблюдать солдат этих обеих армий и делать соответствующие выводы о их внешности и поведении. При этом следует отдать справедливость грекам: все они выделялись ростом, опрятностью, совершенно новым обмундированием и заметною склонностью при всех обстоятельствах держать себя в приличных рамках военной дисциплины солдат мирного времени. Совсем не то можно было сказать о представителях армии «прекрасной» Франции, плывших с нами на этом же пароходе... Как и всегда, они представляли весьма печальную картину солдатской расхлябанности, типичного нахальства, соединенного с крикливостью и крайнею неопрятностью своих одежд и тел.

Прекрасно устроившись в отведенной нам большой каюте, полковник Никонов и я вечером получили приглашение к штабному

ужину греческих офицеров, каковым и воспользовались с большой охотой. Принимавшие нас в своей среде греки были в высшей степени любезны, внимательны, хлебосольны, и, проведя в их обществе за столом и стаканом вина добрую половину ночи, я ничего теперь не могу сказать, кроме самого хорошего, о представителях греческого народа, которых до того времени я почти не знал. Сидя с нами за всчернею трапезой, любезные греки, конечно, очень много говорили о России и ее серьезных, полных трагизма текущих днях... Признаюсь, что разговоры и полные оптимизма суждения греческих офицеров мне лично было слушать до крайности приятно и отменно.

— Не беспокойтесь и верьте нам! — с улыбкою уверял меня милый греческий полковник. — Верьте, что мы сумеем ликвидировать все ваши неприятности ранее, чем вы предполагаете... Наш корпус уже готов к наступлению. В течение месяца мы с гарантией очистим весь Юг России. Тогда ваша доблестная армия расширится, укрепитя, и к осени уже будем вместе в Москве... К осени мы будем с вами гулять по вашей старой столице. Верьте, что мы вас не обманем...

Я внимательно слушал вполне искренние и простодушные речи милого полковника, причем мне действительно хотелось верить, что все будет так, как он говорил.

Но судьба, по-видимому, решила иначе. Прошло всего две недели с момента нашей беседы на пароходе — и греческие полки в полном беспорядке бежали от банд григорьевцев, по-видимому весьма удивлявшихся своей блистательной победе над иностранною армией.

В Одессе, куда мы прибыли на следующее утро, нам пришлось развить максимальную энергию при выполнении возложенных на нас поручений. Наши старания оказались безуспешными — и необходимые для полка пулеметы и инженерное имущество были получены из арсенальных складов в кратчайший срок, в какие-нибудь два дня.

Там же, в Одессе, разыскали мы и нашего офицера графа А.А. Бобринского⁶⁸⁰, а через сутки уже появился в нашем обществе и мой друг барон В.Р. Пфейлициер фон Франк⁶⁸¹, поспешивший из Севастополя к нам вдогонку... Таким образом, нас теперь собралось в Одессе четверо — четверо однополчан, маленькую и дружную группу коих возглавлял наш милейший полковник Н.М. Никонов.

Но совместное наше пребывание в Одессе не могло быть долгим. Уже на четвертый день полковник категорически решил отбыть обратно на фронт, захватив с собою и графа Бобринского, которому, по его мнению, в Одессе теперь ничего больше не оставалось делать. Что ка-

сается меня, то мои служебные дела укладывались несколько иначе: я должен был задержаться в Одессе на некоторый срок, дабы, погрузив полученное имущество на соответствующий пароход, идти с ним вместе обратным путем на Севастополь. Задерживался по личным делам в Одессе дня на два и барон Франк. Так на первых порах и порешили и, порешив, собрались провести последний вечер накануне отъезда полковника и графа в одном из шумных одесских варьете, что и было приведено в исполнение без всяких особенных затруднений.

Весело объединившись за ресторанным столиком, мы прокутили, таким образом, до раннего утра, возвратясь в гостиницу вместе с апрельским рассветом. Кое-как прилегли, дабы хоть немного отдохнуть перед утренним отбытием парохода, с которым должны были уехать граф Бобринский и увлекавший его с собою полковник.

Но забыться сном мне не удалось ни на минуту. Едва я закрыл глаза, как вошедший номерной осторожно принялся меня будить, прося немедленно выйти в коридор по требованию «одного господина офицера», который очень извиняется за беспокойство...

— Они говорят, что очень срочное и важное дело, — отрапортовал номерной настойчиво. — Попросят прощения, но говорят, что иначе обойтись не могут.

С неохотою поднявшись, я исполнил странную просьбу «господина офицера», вышел в коридор и замер от удивления... Передо мною стоял милейший граф Бобринский — тот самый, с которым я провел всю ночь за ресторанным столиком и всего какой-либо час как растался у дверей номера, в котором я помещался вместе с полковником Никоновым.

Изобразив свою фигуру вопросительный знак, я широко открытыми глазами смотрел на моего однополчанина и друга.

— В чем дело? В чем дело, милый? — едва успел я пробормотать с некоторым испугом. — Что произошло?..

— Прости еще раз! — начал милый граф, на редкость деликатный и воспитанный, сбиваясь и обнаруживая крайнее смущение. — Но у меня к тебе одна просьба, которую ты, надеюсь, поймешь и не откажешься исполнить... Прошу тебя верить, что вопрос для меня очень серьезный... Ты остаешься здесь, а я сейчас должен уехать... Нельзя сделать так, чтобы ты поехал, а я остался в Одессе?.. Ведь это не долго... Всего на несколько еще дней... Очень прошу... Не можешь ли ты уговорить полковника изменить распоряжение...

— Хорошо! — сказал я, несколько опешивший, в свою очередь. — Но в чем дело, что случилось? Что-нибудь очень важное?..

Бедный граф смутился еще больше.

— Для меня... очень важное, если хочешь! — с трудом проговорил он. — Все дело в том, что через два дня назначена моя свадьба... Прошу тебя...

Мне показалось, что прямо смотревшие на меня глаза графа подернулись тонкою пленкой слез.

Создавшееся положение было столь необычным и трогательным, что я не мог остановиться перед решением разбудить полковника Никонова, уже крепко спавшего после весело проведенной ночи.

Полковник проснулся, и, увы, мое ходатайство за графа Бобринского на этот раз представилось не столь легким. Правда, добрейший Николай Михайлович в результате все же изменил свое первоначальное распоряжение, но после долгих уговоров...

Судьбе было угодно, чтобы в качестве его обратного спутника в Севастополь снова оказался я, а не граф Бобринский, полный радостных надежд на скорое соединение с любимой женщиной. Спустя какой-нибудь час он вместе с бароном Франком явился на пристань, дабы проводить нас.

— Через каких-нибудь несколько дней увидимся! — говорили нам Франк и Бобринский при прощании. — Даем вам слово, что выедем из Одессы со следующим рейсовым пароходом!

— Да, да скорее приезжайте!.. А ты, граф, вези и милейшую графинюшку...

Полный самых радужных надежд, граф Бобринский весь сиял от счастья. Бедный милый и, по-видимому, не на шутку влюбленный в эти минуты граф... Разве мог он тогда чувствовать, какие горькие неприятности ждут его в ближайшем будущем и что не через два дня, а лишь через месяц ему удастся соединиться с любимой женщиной, и не в Одессе, а на турецком острове Халки?.. Не приходило в голову и нам с добрейшим полковником, что новое свидание с провожавшими нас друзьями-однополчанами тоже произойдет не в ближайшие дни, а через несколько долгих и полных всяких тревог месяцев...

Возвратившись в Севастополь, мы стали ожидать прибытия нашего военного груза из Одессы и в то же время понемногу готовиться к скорому отбытию на фронт. В течение этих нескольких дней ожидания сидеть безвыездно в Севастополе было скучно... Имел больших друзей в Балаклаве — семью полковника Мессароша, — я решил в одно из ближайших воскресений направиться к ним на дачу. Мой неизменный приятель поручик В.Р. Вольф⁶⁸² с охотою согласился мне сопутствовать.

Балаклава от Севастополя не за горами, а потому, проведя в доме моих знакомых все воскресное утро, мы к обеденному часу уже воз-

вратились обратно и тотчас же направились в севастопольское Морское собрание. Когда мы туда прибыли, его буфетная и столовая залы были уже переполнены флотскими и сухопутными офицерами, пребывавшими в самом хорошем настроении. Все столики были заняты, повсюду раздавались беззаботный смех и веселые шутки, проворная прислуга не успевала подавать кушанья и откупоренные бутылки.

С трудом отыскав свободное место, я кое-как втиснулся в небольшую компанию знакомых мне офицеров и принялся за еду. С аппетитом съел суп и уже готов был приняться за второе блюдо, как кто-то неожиданно и нервно опустил мне руку на плечо, и чей-то знакомый голос, в котором слышалось беспокойство, негромко назвал меня по имени и отчеству.

Я вздрогнул и обернулся. За моим стулом стоял член Государственной думы В.М. Пуришкевич, выражение лица которого — и без того всегда нервного и подверженного тикю правого глаза — не предвещало ничего доброго. Пуришкевич был бледен как полотно и всею своею фигурой выявлял крайнее душевное волнение.

— Идите за мною в салон!.. Я должен вам сказать несколько слов... И притом очень важных.

Я поспешно встал и последовал за Владимиром Митрофановичем. Крутом все было так же шумно и весело, гремел молодой смех и звенела посуда. Сделав быстро несколько шагов в сторону салона, где должна была произойти наша беседа, Пуришкевич, по-видимому, не выдержал и, снова ухватив меня за руку какою-то мертвою хваткой, почти прошипел мне на ухо:

— Одесса сдана!.. Сдана большевикам... Французы отошли в Румынию... Понимаете?!

Совершенно опешив, я собрался что-то ответить, но популярный в свое время русский трибун не дал мне открыть рта и почти скороговоркой продолжал:

— Французы отошли на Румынию, понятно вам это? Пароход, шедший после оставления Одессы в Севастополь, потерпел аварию у Балаклавы... Здесь уже находится один из его пассажиров... Он приехал из Балаклавы автомобилем и знает все подробности...

При этих словах Владимир Митрофанович указал мне на приличного вида господина, стоявшего в дальнем углу салона, и повел меня к нему навстречу. Мы познакомились.

— Это мой старый сотрудник! — сказал Пуришкевич. — Прощу вас немедленно же направиться с ним к коменданту крепости генералу Субботину⁶⁸³, которому мой приятель доложит все подробно... Скандал невероятный!.. Вот вам и французы с греками!..

Я поспешно двинулся исполнять поручение Владимира Митрофановича, чувствуя в эту минуту, что у меня самого пошла кругом голова.

Было воскресенье, и проникнуть немедленно к коменданту оказалось не таким простым и легким делом. Пришлось немало потрудиться и поговорить в штабе крепости, так как генерал Субботин отдыхал после обеда, и нам удалось увидеть лишь его начальника штаба. Спеша и волнуясь, я передал ему сообщение Пуришкевича. К моему величайшему удивлению, генерал принял его более чем спокойно и, добродушно улыбувшись, сказал:

— Ну, это что-то не так!.. Милейшего Владимира Митрофановича, по-видимому, плохо информировали... Во всяком случае, известия эти во много раз преувеличены... Как же может быть Одесса сдана, когда мы об этом еще ничего не знаем? Разве это возможно в действительности?! Нет, дорогой мой, здесь что-то не так!..

Я ничего более не сказал генералу и, представив ему господина, прибывшего из Одессы, молча удалился...

К величайшему несчастью и горю, правда оказалась на стороне Пуришкевича, а не спокойного и добродушно настроенного генерала: все то, что еще накануне представлялось невероятным и диким, способным даже возбудить негодование и насмешки оптимистов, — сегодня оказалось горькою действительностью. Одесса находилась в руках красных...

Прошло всего еще несколько дней — и злой рок перепутал все наши карты и на севере Крыма: обещавшие через месяц очистить весь юг и торжественно двинуться на Москву французы и греки поспешно бежали, и их флот навсегда покинул наши черноморские берега... Севастополь был эвакуирован добровольцами.

«Немедленно выезжайте в Новороссийск и явитесь военному губернатору генералу Кутепову» — это мне телеграфировал штаб полка, в данную минуту неизвестно где пребывавшего... Собраться мне было нетрудно — и в тот же день я уже плыл с эвакуировавшимися штабами в новом направлении.

Новороссийск... Только тот, кто сам был непосредственным участником всего того, что творилось в нем в эти кошмарные дни, может понять, в какую обстановку я попал немедленно же после моего прибытия из Севастополя. Достаточно лишь упомянуть, что первую ночь — и то по протекции моих старых друзей — я провел под роялем в зале портового кабачка, чему множество других постояльцев того же невзрачного учреждения искренно завидовали. Кабачок был до такой степени забит приезжими, что ночлег, подобный моему, представлялся подлинною роскошью: под роялем можно было свободно лечь и вытянуться, тогда

как большинство моих соседей по комнате должны были довольствоваться утомительным ночным сидением на собственных чемоданах...

Приток беженцев в Новороссийск не прерывался ни на минуту. Их потоки лились по улицам, неудержимо проникали в помещения всевозможных городских учреждений, штабов и канцелярий; чуть ли не с бою брали ресторанные залы, столовки и чайные. Все эти места превращались в ночлежки, соединявшие в своих стенах обездоленных и панически настроенных жителей Одессы, Таврии, Крыма и Закавказья, кое-как успевших добраться до превращенного в муравейник Новороссийска, казавшегося им теперь обетованною землей. Были превращены в ночлежки и все товарные вагоны многочисленных составов, стоявших на железнодорожных путях без всякой надежды когда-либо двинуться в путь.

Проведя ночь в моем необычном, но достаточно спокойном убежище, я направился утром в штаб генерала Кутепова, дабы явиться по случаю своего прибытия в Новороссийск. На полдороге меня встретил знакомый офицер — кексгольмец, неожиданно задавший весьма удививший меня вопрос:

— Вы куда? К своим на пароход?

— К каким своим? — широко открыл я глаза. — На какой пароход?

— Как — на какой пароход? Разве вы еще не знаете?

— Ничего, конечно, не знаю!.. Я только вчера приехал сюда из Севастополя... Сейчас иду являться...

— В таком случае могу сообщить приятную для вас новость: из Керчи пришел отдельный пароход с хозяйственной частью Сводно-гвардейского полка, а с нею вместе приехали в Новороссийск и несколько ваших офицеров с солдатами... Я их видел... Там Петров⁶⁸⁴, Вольф, Штейн⁶⁸⁵ и др.

Не помня себя от радости, я тотчас же побежал в порт, где и убедился в том, что мой милый кексгольмец не вводил меня в заблуждение...

Моя встреча с однополчанами походила на встречу друзей-мореплавателей, неожиданно встретившихся после многолетнего пребывания на противоположных полюсах земного шара... Нечего и упоминать о том, что я немедленно же перебрался на жительство на пароход, поспав вестовых за вещами в кабачок, любезно приютивший меня минувшею ночью под роялем...

Через два дня, 7(20) апреля, мы все вместе праздновали Пасху 1919 года. Я хорошо помню Светлую заутреню, отслуженную весьма торжественно на пароходе и заметно приподнявшую общее настро-

ние присутствовавших. Ярко горели свечи. Умилительно пели «Христос воскрес» и «Воскресения день — просветимся торжеством». И многим казалось, что все то, что теперь совершается, — является если не сном, то, во всяком случае, каким-то чудовищным недоразумением, каковое должно рассеяться в самом недалеком будущем. Казалось странным, почему мы все, ни в чем не повинные русские люди, должны были проводить эту Пасху, эту заутреню где-то в новороссийском порту, ютясь на пароходе, а не пребывая на своих родных местах, среди близких людей, в своих насиженных гнездах...

И смотря на тихий блеск восковых свечей и слушая радостные песнопения пасхальной ночи, никто тогда не мог предположить, что упомянутое выше «недоразумение» затянется на десятки лет и принудит некоторых из нас вообще не посещать никаких заутреней долгие годы...

Но ту Пасху мы встретили радостно, приятно и даже не без роскоши... Последнее обстоятельство объяснялось энергией и деловитостью нашей хозяйственной части, которая, эвакуируясь из Крыма, погрузила на пароход из складов множество всякого рода съестных припасов, муки, сахара, фруктов, вина, табаку и т. д. И вот благодаря таким запасам разговены удалась на славу. Не были нами забыты и наши милые соседи по стоянию в порту — обитатели миноносцев «Живого»⁶⁸⁶ и «Жаркого»⁶⁸⁷, встречавшие Светлый праздник не так роскошно... Узнав, что на этих миноносцах находятся знакомые по Севастополю морские дамы, — я послал им два ящичка лучших яблок, десертного вина, папирос и орехов.

А в то время, когда происходили в Новороссийске все эти события, уже известные читателю мои друзья — поручик барон Пфейлицер фон Франк и граф Бобринский — терзались в полной неизвестности на острове Халки, с тем чтобы вскоре отправиться еще в более далекое плавание... на остров Мальту. К ним присоединился и третий наш однополчанин князь Лобанов-Ростовский⁶⁸⁸.

Одновременно с нами находился в Новороссийске эвакуированный из Одессы Киевский кадетский корпус⁶⁸⁹. И я не могу не остановиться лишний раз на светлом воспоминании об этих юношах, прямо с классных скамеек ставших в ряды защитников чести Русской земли и запечатлевших свою беззаветную любовь к России бесконечным рядом славных подвигов...

Кадетам старших классов было объявлено, что, ввиду особенностей переживаемого времени и неопределенности будущего, им предоставляется право поступать в качестве добровольцев в воинские части. Нечего и добавлять, что подобный приказ начальства был принят всеми

кадетами с восторгом. Благодаря нашему случайному пребыванию в Новороссийске большая группа отличнейших кадет поступила к нам и впоследствии образовала ядро гвардейского конно-подрывного полка эскадрона, в число бойцов которого вошли также юнкера, идейные юноши студенты — вольноопределяющиеся и кадровые кавалерийские солдаты.

История не может забыть подвигов кадет, этих полудетей, молодых орлят, только расправлявших свои могучие крылья и во времена самых тяжелых боев ставших самыми самоотверженными воинами, в полной мере поддержавшими славные заветы и традиции воспитавших их корпусов... А сколько этих полудетей с орлиной отвагой отдали свою жизнь за честь России, и в каких только местах злосчастных полей Гражданской войны не лилась их молодая и горячая кровь!..

В Новороссийске мы пробыли до конца апреля, когда нам было приказано грузиться в эшелон и следовать в Таганрог для нового формирования. Подвижной состав, поданный нам для погрузки, был уже весьма внушительных размеров, ибо наша часть и ячейки других полков заметно выросли численно благодаря удачной вербовке кадет, юнкеров и других добровольцев и массы беженцев, заполнявших в те дни злополучный Новороссийск.

К месту своего назначения, т. е. в Таганрог, наш эшелон отходил вечером одного из последних дней апреля, но ни я, ни мой друг поручик В.Р. Вольф по некоторой иронии судьбы в этом отбытии непосредственного участия не приняли. Причиной этого послужило, увы, одно мое новое увлечение, повлекшее за собою небольшой инцидент, закончившийся для меня весьма ощутительного, но справедливую встрепкой со стороны начальства.

Виновницей всей этой маленькой истории явилась прелестная Татьяна Николаевна, жена одного известного петербургского артиста, прехорошенькая женщина-подробенка... Познакомившись с нею в первые дни своего пребывания в Новороссийске в обществе кутиащих гвардейских офицеров, я вплоть до дня отъезда в Таганрог проводил в обществе Татьяны Николаевны все свое свободное время. И не было ничего удивительного в том, что в урочный день нашего прощания с Новороссийском я решил поужинать с предметом своего увлечения в ресторане «Слон», в каковое предприятие вовлек и своего верного друга.

Получив заверение дежурного по эшелону офицера в том, что наш поезд тронется в путь не ранее как поздним вечером, мы незаметно провели в обществе очаровательной дамы несколько часов; вплоть до полуночи, после чего, завезя домой свою даму, очертя голову бросились на вокзал, где в эшелоне уже давно находились все наши вещи...

Увы! Приятные минуты в «Слоне» стоили нам не только уплаченных по счету больших денег, но и целого ряда тревожных, усугубленных весьма неприятными физическими ощущениями: эшелон ушел до нашего появления на вокзале, оставив нас на нем дожидаться пассажирского поезда, дабы мчаться вдогонку за своею частью... Остались мы в Новороссийске в одних кителях, что очень мало подходило к холодной ночи, заставившей нас продрогнуть до судорог... Свой эшелон мы нагнали лишь через два дня.

Стояли прелестные дни начала мая, когда мы, после своего прибытия из Новороссийска, начали устраиваться в Таганроге. Последний был прямо прекрасен в весеннем уборе своих многочисленных садов, засыпанных белоснежным цветом яблонь и абрикосов и благоухавших черемухой и сиренью. А вместе с рассветом весны начали снова расцветать и наши надежды на лучшее будущее. С фронта стали доходить известия о возобновившихся успехах добровольцев, и жители, успевшие уже в достаточной степени пострадать от большевиков, принимали нас как истинных и давно жданных освободителей.

В Таганроге мы устроились недурно. Наши солдаты были размещены в павильонах городского парка, что же касается нас, четырех офицеров, то на нашу долю выпало удовольствие получить приют в скромной, но милой семье таганрогских обывателей, о которых я до сих пор вспоминаю с теплым чувством искренней благодарности. Хозяйками дома, нас приютившего, были скромная вдова с двумя дочерьми-белошвейками. И вот эти милые женщины окружили нас, людей в достаточной степени утомленных кочевой жизнью и постоянными тревожениями, чисто родственными заботами и лаской.

Наступило время формирования и обучения нашей части, за какое дело мы с Вольфом, с полной верою в успех, и принялись с удвоенной энергией. Комендант города, доблестный генерал и георгиевский кавалер Павловский, делал все от него зависящее, дабы способствовать наиболее блестящему выполнению нашей задачи. Мы получали лучших кадровых солдат из числа мобилизованных Добровольческой армией граждан, пополняли наш конский состав прекрасными лошадьми и чуть ли не ежедневно принимали из складов всевозможное военное имущество, необходимое для безбедного существования новой части. Работая не покладая рук, мы с моим другом и блестящим организатором Вольфом постепенно пустили в ход швальные, шорные и другие мастерские, быстро снабдившие всех наших солдат обмундированием и приведшие в приличный вид седла и другое конское снаряжение.

Конно-подрывная команда Сводно-гвардейского полка укомплектовалась молодыми добровольцами настолько, что наименование коман-

ды оказалось для нее недостаточным, и вскоре она его переменяла на Гвардейский конно-подрывной полурэскадрон, численный состав которого превосходил большинство существовавших эскадронов.

Весна переходила в лето, благоухали таганрогские сады, весело улыбалось нам южное голубое небо. Настроение наше было самым радужным. Мы все как бы переживали вторую юность и, как дети, радовались ежедневным выходам на учение в обширном таганрогском парке, славившемся своими поэтическими аллеями, или за город — на «зеленую травку».

Один за другим стали стягиваться из разных мест наши офицеры, невзирая на различие возрастов, полные тех же радужных чувств... Из Ставки Главнокомандующего прибыл и полковник Н.М. Никонов, а вслед за ним — полковник Ю.Б. Броневский⁶⁹⁰; из Крыма в Бердянск в это время перебралась и наша кадровая часть, под командой полковника В.Г. Авенариуса⁶⁹¹; приехали наши офицеры: Н.П. Поморский⁶⁹², С.Д. Иванов⁶⁹³ и И.Е. Штейн.

Теперь, когда прошло семнадцать лет, трудно себе представить всю радость и одушевление, какие неизменно владели нами при обучении наших добровольцев, в свою очередь полных самых искренних патриотических чувств, и желание до конца послужить страдающей Родине. И в то же время не было человека, который сомневался бы в успехе нашего дела и не верил бы в скорое возрождение России и очищение ее от революционного утара.

Многие и из старых солдат в прошлом принесли немалые жертвы Родине: были среди них люди, помнившие Великую войну; были добровольцы, побывавшие в самых тяжелых крымских боях.

— Не может быть, чтобы все это пропало даром, не может быть, чтобы изменники и подлецы торжествовали! — говорили старые бойцы. — Россия не пропадет... Россия вернет в двойне свою славу!..

Наступил Троицын день — день нашего полкового праздника. К этому времени все обучение и снаряжение нашей новорожденной части было уже закончено настолько, что мы смогли предстать на праздничном параде в столь блестящем виде, что привели в восхищение не только прибывшего с позиции и принимавшего парад командира Сводно-гвардейского полка генерала П.Э. Тилло, но и большую часть мирного населения города Таганрога, собравшегося к моменту нашего смотра на площадке и в аллеях городского парка.

Трудно себе представить восторг, который овладел всею этою массой мирных граждан, когда наши добровольцы двинулись мимо них под звуки родного полкового марша...

Щеголеватые, прекрасно обмундированные, с погонами на плечах, — опять стройно шли под командою офицеров те же добрые солдаты мирного времени, каких не только старый Таганрог, но и вся Россия привыкла видеть в течение десятилетий. На глазах восторженных таганрогцев воочию как бы возродилась из пепла великая Русская Армия, столь страшно разрушенная темною силой в недавно минувшие дни.

Многие плакали от радости — и вряд ли в многотысячной толпе восторженных зрителей был хотя бы один человек, сомневавшийся в эти минуты в конечном успехе нашего дела. А таганрогское небо, безоблачное и чарующе-голубое, радостно улыбалось всем в эти часы полною улыбкою счастья, как и полагалось ему, впрочем, улыбаться в день Святой Троицы.

Полковой праздник не мог, конечно, закончиться одним лишь парадом в тенистом парке, а нашел свое естественное продолжение в самом шикарном городском ресторане, взятом на целый день и куда нашими офицерами были приглашены в качестве желанных гостей высшие представители власти.

Радостные и молодые хозяева, во главе с гостеприимным полковником Никоновым, делали все от них зависящее, дабы превратить наш военный праздник в подлинный полковой праздник гвардейских сапер, любящих свою славную часть и ее красивые традиции. Гости, впрочем, хорошо это чувствовали и сами, без всяких усилий со стороны заботливых хозяев.

Во время обеда, предложенного нашим милым гостям и проходившего под звуки гарнизонного оркестра и наших песенников, не было конца самым искренним и задушевным здравницам, полным веры в скорое рассеяние красного кошмара, и приветствие новых, благодатных дней измученной России.

Вполне понятно, что одновременно с офицерами не менее оживленно и весело пировали и солдаты. Их праздничный обед проходил в тенистом таганрогском парке, где уже с утра были расставлены ряды столов, уставленных всевозможными яствами. И центральной фигурой на этом обеде являлся неизменный солдатский любимец — поручик Вольф, ни на минуту не оставлявший своих подчиненных за все время торжества.

Последнее закончилось только с наступлением сумерек, когда наши щеголеватые добровольцы понемногу стали расходиться по аллеям парка, где их уже давно ждали новые интересные встречи и знакомства, вполне естественные для молодых и бесхитростных душ и сердец.

Так прошел наш памятный полковой праздник 1919 года, оставивший по себе одно из самых радужных воспоминаний. Как хотелось

тогда жить, работать, отдать свою жизнь для возрождения России и ее армии — и как искренно верилось в то, что наша работа не пропадет даром... Через несколько дней было назначено наше выступление на фронт.

В тылу у противника

— Ваше благородие!.. Ваше благородие!.. Извольте вставать... срочное приказание!..

Надо мною стоял наш храбрый вахмистр Архипенко и хотя и деликатно, но вместе с тем и довольно настойчиво теребил меня за плечо.

Я быстро пробудился от недолгого сна и вскочил на ноги, торопясь одеться, в то время как Архипенко с тою же неумолимою настойчивостью будил спавших со мною в одном помещении капитана Поморского и поручика Вольфа.

Когда я посмотрел на часы, то оказалось, что поспать нам удалось всего два часа — и все это после того, как накануне мы целый день проболтались в утомительном переходе и от сильной усталости не могли даже поужинать.

Но неожиданный подъем среди ночи и возможность боя каждый из нас предвидел, а потому ничуть и не удивился раннему визиту Архипенко... Шла Гражданская война, и притом еще самая ожесточенная, и все мы давно привыкли к полнейшему отрешению от личных интересов, а тем более от интересов своего «я», всецело подчинившись духу и до крайности взвинченным нервам.

Через минуту — сна как не бывало. Вошел наш офицер, подпоручик Штейн, только что прискакавший из штаба отряда.

— Приказание от генерала Тилло!..

Он передал пакет Н.П. Поморскому — и вслед за тем все вокруг засуетилось, задвигалось, зазвенело оружием и шпорами, для того чтобы спустя несколько минут навсегда исчезнуть из деревни, в которую, кстати сказать, мы пришли всего часа за четыре до этого.

Кругом еще стояла темная ночь, и даже на восточной части неба еще не было признаков, что она скоро кончится.

— Это хорошо, что еще так темно! — поспешно мне бросил Поморский. — Нам приказано пробраться в глубокий тыл противника и попортить в нескольких местах железнодорожный путь!

— Забавно! — заметил кто-то. — И забавно, и не так просто!

— Увидим... Была не была... Но спешить необходимо, так как уже на рассвете должно состояться наступление всего отряда, а к тому

времени мы уже должны и взорвать виадук, и разворотить все остальное... Приказание генерала гласит, что мы всеми силами должны постараться лишить противника возможности что-либо вывезти с узловой железнодорожной станции. Там у него, как оказывается, целые горы всякого имущества...

Времени терять было нельзя, так как драгоценна была каждая минута темноты и ночи, и, рассмотрев привезенную из штаба карту, мы совместно обозначили приблизительный путь нашего движения в темноте, в незнакомой местности и, самое главное, — в тылу у противника.

— Ну как?.. Проведешь нас, дядько?.. Не подкаатишь? — спрашивали мы проводника.

Перед нами стоял невысокий мужичок из местных хозяев — один из самых важных людей, необходимых для успеха предпринятой экспедиции, согласившийся быть нашим проводником до самой железнодорожной линии. Одну за другою мы назвали ему ряд деревень, через которые должен был проходить весь отряд.

— Знаешь?

— Ну как не знать... Иначе бы не брался... Сами понимаете...

— Ну так смотри, дядько!.. Помни, что теперь война... И мы двинулись.

Ночь была темною, но теплой, без всяких признаков ветра, причем именно последнее обстоятельство далеко не помогало выполнению нашей рискованной задачи. Всякий лишний звук при нашем движении, каждое фырканье коня или какое-нибудь побрякивание металлической части на вьюках, пулеметных тачанках или подрывных двуколках могли выдать с головою весь наш отряд, около полуночи уже вышедший в путь из спавшей мертвым сном деревни. Мы уходили навстречу всяким неожиданностям в полном составе из двух больших взводов, при пулеметах, и с наполненными всякими взрывчатыми веществами двуколками.

Не прошло и получаса, как нами была пройдена последняя линия сторожевого охранения наших главных сил, — и мы, оторвавшись от боевой единицы, предоставленной своей собственной судьбе без всякой надежды на чью-либо поддержку.

Никто не решался обмолвиться ни единым словом, ни одна спичка не вспыхнула в темноте для закуривания папиросы; и невидимо, и тихо двигались где-то впереди верные и надежные наши щупальцы-дозоры. Избегая населенных мест, прошли мы таким образом верст 8—10, пока со стороны Азовского моря не повяло легким солонова-

тым ветерком, тотчас же вызвавшим в истомленном теле неприятную дрожь.

— Кончена ночь! — послышался шепот Поморского. — Сейчас начнет светать... станет хуже!..

Он был прав, так как на востоке уже виднелась белесоватая полоска рассвета, вскоре начавшая превращать густую темноту южной ночи в синеватую мглу.

Гасли и исчезали звезды, усилился предрассветный ветерок...

— Пока... все слава богу! — опять шепнула Поморский. — Идем укрыто и, кажется, не сбиваемся.

Но едва успел Николай Петрович произнести последнее слово, как — и он, и я — неожиданно вздрогнули, полубессознательно охваченные неприятным чувством, весьма близким к страху.

— Что это?... Ты слышал?

— Да, да... Провались он в болото!.. Как же это так близко?..

В томительном молчании мы шли дальше, полные самых тревожных переживаний, ни на мгновение не переставая думать о том, что столь резко изменило наше настроение...

Пусть читатель не думает, что это было что-либо безусловно определенное, как, например, человеческий оклик или, что еще хуже, — выстрел из винтовки... Ничего подобного на нашем пути пока не встретилось. Но тот из читателей, кому пришлось в военные годы принимать участие в делах, подобных нашему, тотчас же поймет, сколь важную являлась эта ничтожная причина для нашего беспокойства.

Это был... крик петуха — крик самого обыкновенного петуха, столь обычный для всякого деревенского жителя в предрассветное время... Первый петух — и больше ничего, что же в этом особенного?

Но вот подумайте!.. Этот самый петух тогда заставил нас содрогнуться, пережить самые тяжелые минуты, стремительно подумать о собственной возможной гибели и смерти в самый кратчайший срок... вспомнить, что главной нашей задачей являлось укрытое движение в стороне от всяких селений — по указанию проводника, которому мы всецело отдались с верою и надеждою.

И вдруг — петух!

Откуда он мог взяться?... Значит, близко человеческое жилье, быть может, целая деревня, в которой могут укрываться и наши враги... Мы могли быть легко обнаружены — и тогда, конечно, дело сразу же приняло бы для нас печальный оборот...

К счастью, все обошлось благополучно. Вскоре слева, из синей мглы начинавшегося утра, выплыла фигура дозорного... Это был хорошо знакомый мне бывший студент консерватории, а теперь отчет-

ливый вольноопределяющийся из казаков Новониколаевской станции, милейший молодой человек и пылкий патриот.

— Ну что?

— Все спокойно! — вполголоса доложил командиру юноша. — В полуверсте отсюда, слева, брошенный хозяевами хутор... Ни одного человека в доме... все сбежали...

Кто-то негромко рассмеялся:

— Ну вот вам и петух... забытый и скучающий петух!.. Он, бедняга, и не подозревает, каким показался нам орлом... и страшным!

Правый и головной дозоры вскоре также дали знать о себе, сообщив одновременно о возможности двигаться дальше... Рассветало все более. Сквозь серый туман уже ясно видна была дорога, бежавшая к тому самому покинутому хутору, о котором докладывал наш дозорный-студент.

Перевалив через балку, мы вскоре всем отрядом втянулись в эту маленькую усадьбу, пользуясь случаем сделать короткий привал, дать коням и людям малый отдых и, что являлось самым важным, — ориентировать карту по местности, выбирая кратчайший и в то же время самый укрытый выход к железной дороге.

Брошенный на произвол судьбы хуторок выглядел весьма благоустроенно. Все его постройки и оставленная обстановка вместе с предметами домашнего хозяйства указывали на еще недавно царивший здесь мир, уют и издавна налаженную скромную, но полную довольства жизнь. По всему было видно, что хозяева хутора оставляли его поспешно, убегая куда глаза глядели от приближавшихся и ожесточенно борющихся частей, встреча с которыми не обещала ничего хорошего...

На небольшом дворе хуторка имелся колодезь с чистой и студеною водою, что было особенно на руку нашим конноподрывникам. Быстро раздобыв откуда-то ведра и еще какие-то вместительные сосуды, все они тотчас же принялись носить воду для утоления жажды своих четвероногих сподвижников...

Все это движение прикрывалось густою растительностью, окружавшею тихий хуторок, и не вызывало никаких опасений с нашей стороны... Быстро и ловко была разобрана кем-то из опытных разведчиков часть черепичной крыши главной постройки. И один из кадет-пулеметчиков, высунув голову в образовавшуюся брешь, долго и внимательно всматривался в сизые дали, почти сплошь покрытые густою и высокою рожью.

Всмотревшись, стал прислушиваться — и вскоре услышал... Вдали, за туманами, ясно возрастал шум приближавшегося к нашим местам поездного состава.

— Уже недалеко!.. Железная дорога действует!..

К этой железной дороге неслись теперь все наши мысли, все наше внимание... Нервы с каждой минутой напрягались все больше.

— Ну, с богом! — вполголоса распорядился Поморский. — По коням... марш!..

Безмолвные и сосредоточенные, мы тронулись глубокою балкой, снова выслав вперед боевые дозоры-щупальца, шедшие справа и слева по склонам. Зброшенный хутор остался позади. Напряжение все усиливалось, и каждый из всадников отряда был в эти минуты внимательным разведчиком, зорко всматривавшимся во всякую точку, в подозрительное волнение ржи, в качание ветром ивняка по склонам, вызывавшее тревожные предположения.

Впереди шел отчаянный Поморский, за ним доблестный Вольф и пишущий эти строки, находившиеся при своих взводах, а за последними — лихой и горячий вахмистр Архипенко. В хвосте катились легко один за другим на тачанках пулеметы, под командой милого юноши Ланкау⁶⁹⁴, бывшего вице-фельдфебеля Одесского корпуса, и, наконец, замыкая всю нашу небольшую колонну, двигались вьюки с подрывным имуществом, находившиеся в ведении расторопного и отважного старшего унтер-офицера Дарагана.

Утренние туманы таяли все больше и больше, уступая место ясным солнечным лучам, становившимся все ярче и ярче... Вокруг развертывались прекраснейшие пейзажи, полные тишины и покоя, столь чуждые всему тому, для чего мы поспешно шли вперед, к тянувшемуся уже недалеко железнодорожному полотну.

Мы шли к разрушению и смерти, полные желаний мстить и уничтожить. А вокруг все было проникнуто веянием Божией благодати, чувствовавшейся в каждом дуновении ветерка, доносившего до нас аромат степи; в каждом цветочном венчике, еще хранившем на себе капли росы; в каждом птичьем крике, все чаще и чаще раздававшемся в высоких травяных зарослях. А мы все шли и шли навстречу... братоубийству...

Так было. Такой жестокий удел был положен судьбою нам, нашему злосчастному поколению... Ведь только на нас, из огромного числа миллионов русских людей, живших столетиями раньше, — и быть может, predeterminedных для жизни в будущем, — пал этот страшный братоубийственный жребий. Только нам суждено было вести самую страшную и самую жестокую из войн — гражданскую...

Мы двигались по родной земле, среди родных нив и селений, — и в то же время из-за каждого угла нам грозила смерть от жесточайшего врага, своего же собственного брата, говорившего с нами на одном

языке, еще вчера исповедывавшего одну с нами веру и от младенческих лет дышавшего с нами одним воздухом родных полей и лесов. Порою мысли о всем этом острыми молниями проносились в усталом мозгу, и тогда становилось до ужаса больно и страшно.

В особенности горько было в минуты таких размышлений смотреть на заполнявшую наш отряд молодежь — чудную нашу русскую молодежь, с вечно веселыми и остроумными кадетами, не знавшими усталости юнкерами и полными беззаветного патриотизма и желания жертвенного подвига студентами... Все они, эти прекрасные и чистые сердцем юноши, покорно и жизнерадостно устремлялись теперь к неизвестности, ничуть не задумываясь над тем, что через какой-нибудь час их могли ждать самые страшные страдания, увечья и даже лютая смерть,

Впереди нас всех ждали... братья, но какие братья!.. Братья самые жестокие, безжалостные, дышавшие к нам такою ненавистью, о которой не имел понятия ни один неприятельский солдат во время Великой войны, — никакой немец, австриец или турок... Те, помнится, брали в плен и как-то считались с международными правилами. В этой, гражданской, войне никаких правил не было, царило невероятное ожесточение — и об этом хорошо знал каждый из бойцов обеих сторон.

Сознаюсь, что мне было в эти минуты страшно — и, во всяком случае, во много раз страшнее, чем в дни давно минувших боев где-нибудь на равнинах Галиции или у Карпатских склонов.

Прошло около получаса, в течение которого мы ни на мгновение не задержали нашего движения к железнодорожному полотну, зорко следя за шедшими впереди и по сторонам дозорами... И вдруг правый из них почему-то задержался, затоптался на месте, как бы придя в замешательство... Секунда — и с той стороны уже ясно донеслось несколько выстрелов, подействовавших на всех чинов отряда как электрический ток...

— Стой!

Задержав всю колонну, капитан Поморский тотчас же скрыл ее в зарослях высокой пшеницы, а вахмистра и одного кадета-разведчика выслал в сторону правых дозорных. Бравый вахмистр, подняв на дыбы своего горячего вороного коня и взметая сухую землю, по склону бешено понесся выполнять приказание. Но доскакать к дозорным все же он не успел: они теперь сами скатывались к нему навстречу по отлогой горной возвышенности. За нею, постепенно учащаясь, звучала ружейная стрельба.

Весь отряд на минуту замер. А вахмистр Архипенко тем временем продемонстрировал перед всеми нами свою удивительную растороп-

ность солдата выучки мирного времени и воистину кавалерийскую отвагу... Не раздумывая, он во весь опор поскакал к тому самому гребню, с которого только что откатились дозорные, взлетел на своем бешеном вороном коне на самую его вершину и, картинно вздыбив своего красавца, подобно соколу, зорко осмотрел всю лежавшую за возвышенностью местность. Еще мгновение... и лихой Архипенко так же стремительно летел уже обратно к нам, в то время как около нас появился и один из правых дозорных с донесением:

— Из-за хутора выскочило несколько конных... Это они обстрелили наш дозор... Только о нашем отряде они, по-видимому, и не подозревают!..

Это было похоже на истину: мы все, с нашими пулеметными тачанками и подрывными выюками, пребывали скрытно в глубокой балке, оставаясь до сих пор невидимыми для неприятеля.

— Стойте... я сам все выясню окончательно! — рванулся весь вспыхнувший Поморский. — Принимайте командование, поручик Вольф, а я тем временем...

И, дав шпоры коню, Поморский полетел по тому же склону, за которым таилась жуткая неизвестность и, быть может, сама смерть...

Под командой Вольфа мы тотчас же оценили создавшееся положение, разомкнулись и, выставив пулеметы, заняли боевое положение... Ощетинились...

— А сзади-то уже идет дело! — вдруг сказал кто-то. — Послушайте-ка!

Позади нас, далеко-далеко, действительно уже гремели выстрелы... Очевидно, там за несколько верст началось то самое наступление по всему фронту, для успеха которого мы были высланы в столь рискованную экспедицию...

Почти в то же время раздался сухой треск, визг, снова треск и завывание... Все облегченно вздохнули: милый Дараган с несколькими подрывниками, в эти несколько минут общей остановки отряда, с готовыми запалами доскакали по дну оврага к виадуку и железнодорожному полотну и взорвали его в нескольких местах. Мгновение... и они уже мчались обратно.

— Нужно спешить! — заметил Вольф. — Весьма вероятно, что они от нас в двух шагах.

Спокойный и рассудительный Вольф не ошибся: противник, несомненно, был значительно ближе от нас, чем мы думали... Мгновение — и в высокой пшенице, покрывавшей впереди значительную часть местности, обнаружилось за скакавшим Дараганом какое-то движение, совсем не похожее на мирную и беззаботную игру ветра.

Сомнений быть не могло: это приближался враг, с которым шутить не приходилось.

— Огонь!..

Наши пулеметы заработали четко и внушительно, доставляя своею трескотней неопишное удовольствие обслуживавшей их нашей молодежи. Кадеты и юнкера, суетившиеся около них, по-видимому, совсем и не замечали, как в ответ на их стрельбу со стороны противника, в свою очередь, полетел в нашу сторону настоящий свинцовый град, не знавший никаких мер и удержу.

Пулеметы врага били нас спереди и с правого гребня, на котором теперь уже отчетливо виднелись пешие и конные группы... Пули жужжали, неслись вдаль и, подобно вихрю, склоняли пшеницу, но, к удивлению, не причиняли нам большого вреда.

Весьма вероятно, что застигнутый нами врасплох противник в глубоком тылу не мог еще хорошо пристреляться, вследствие неожиданности и высокой пшеницы, или же попросту не имел хороших пулеметчиков. Во всяком случае, несмотря на летевший в нашу сторону дождь пуль, мы не могли пожаловаться на большие потери.

Значительная часть поручения была выполнена, и, судя по взрывам, выполнена была, по-видимому, неплохо... Идти еще вперед уже не было ни смысла, ни сил. Поэтому, повернув назад главные силы и разомкнувшись еще шире, мы начали отходить, оставляя позади сильный заслон.

Отходили медленно, сдерживая излишне нервных бойцов от всякого рода горячих выступлений. В особенности трудно было в эти минуты справляться с кадетами, всегда до того примерно дисциплинированными и послушными: эти молодые и восторженные воины отступали неохотно и положительно плелись в арьергарде со своими тачанками, то и дело возобновляя стрельбу из пулеметов, отличавшуюся необыкновенною меткостью. Приходилось все время подгонять этих беспечных героев, совсем терявших голову от своего успеха.

И под их пулеметным огнем наседавший на нас противник как бы спотыкался и на короткое время откатывался назад, вызывая в кадетской среде новые взрывы энтузиазма. И шли мы волнами: пройдем, остановимся, дадим несколько метких залпов — повернем в стояние временного столбняка наступающих — и снова идем...

Я неотступно двигался рядом с колонною подрывных выюков, на левом фланге... Интересное, в общем, это было соседство! Ведь один меткий выстрел с той стороны, угодивший в роковую точку, — и вслед за этим чудовищный взрыв, после которого от многих из нас осталось бы одно лишь воспоминание. Мысль о такой «цветистой», но ужас-

ной возможности то и дело вспыхивала в моей воспаленной голове, уже несколько суток подряд не знавшей нормального сна и человеческого отдыха. Опасность, окружавшая нас в эти минуты, была смертельной и близкой до крайности...

— Суждено еще жить или нет? — с каждым шагом двигавшегося вперед коня бессознательно повторялся один и тот же вопрос. — Что будет со мною через минуту, другую, третью?..

Но эти минуты бежали, а я все еще жил, дышал воздухом окружавшей меня чудесной природы, видел яркий свет солнца...

И волшебным маревом неслись в эти необыкновенные мгновения передо мною бесчисленные картины из дорогого прошлого, выплывавшие из сокровеннейших тайников памяти, о существовании которых я никогда ранее и не предполагал в нормальной обстановке... Мелькнуло среди золотых солнечных пятен, падавших на колосившуюся пшеницу, милое и улыбавшееся личико одной девушки, находившейся еще «там», за линией нашего фронта... А рядом с ним, совсем близко, неожиданно глянули на меня полные ласки, такие бесконечно дорогие и любящие старушечьи глаза — это были глаза моей матери, смотревшие на меня в упор из освещенной солнцем пшеницы, то и дело вздрагивавшей от ударявшего по ней смертельного дождя неприятельских пуль...

«Как все это нелепо и в то же время страшно! — подумал я с тоской. — Почему, собственно, я не остался в тиши, окруженным любовью и лаской?.. Кто меня заставил добровольно соваться в этот ад, чтобы на каждом шагу быть готовым встретить смерть и мучения?..»

Но отступить было поздно... Кругом кипел бой, я находился в рядах доблестных добровольцев, отчаянно боровшихся за белое дело и еще от меня ожидавших указаний и поддержки.

Появились раненные люди и кони, которых приходилось быстро спроваживать в более безопасные и укрытые места. Кое-кто ругался крепким словом, подбодряя более усталых и малодушных.

Уже успевший возвратиться к отряду Поморский теперь всецело отдался работе пулеметчиков, по-прежнему шедших в арьергарде, и — до дерзости отважный — на каждом шагу играл с опасностью и делая вызов смерти... Совсем по-своему «шутил» с теми же опасностью и смертью ни в чем не изменявший своего облика вахмистр Архипенко: полный уверенности в правоте и необходимости своих действий, он как дьявол неотступно носился на своем огромном вороном коне под свинцовым дождем и, оберегая общий порядок движения отступавшей колонны, без всякого стеснения «укреплял» плетью робких молодых добровольцев, чем-либо не ласкавших его привычный вахмистрский взор...

А противник, не прекращавший своего огня, по-видимому, твердо решил не давать нам возможности соединиться с головными силами, пребывание которых вдали обозначалось уже все яснее и могущественнее.

В эти мгновения произошло одно событие, обстоятельства которого до сих пор ясно стоят в моей памяти вместе со всеми мельчайшими подробностями... В нескольких шагах от меня все время бодро и смело двигался мой закадычный друг и наш доблестнейший офицер поручик В.Р. Вольф, по временам бодро перебрасывавшийся со мною короткими фразами. И вдруг он неожиданно остановился, громко крикнув в мою сторону:

— Что, что такое?.. Что это за темнота?.. Ведь ничего не видно!..

Я вздрогнул при этих словах, положительно не понимая, о какой темноте сообщал мой приятель: кругом все по-прежнему сияло от яркого солнечного света, равнодушно озарявшего поля и нивы, по которым с такою трескотней разгуливала смерть...

Но уже через секунду я сообразил, в чем было дело, и вздрогнул снова, но уже по совсем определенному поводу: я увидел широкую полосу крови, стекавшую от виска Владимира Романовича по его щеке, заметно покрывавшейся смертельной бледностью. Вольф оказался раненным в голову. Не прошло и нескольких секунд, как к нему подскочил вездесущий вахмистр Архипенко...

— Не зевать!.. Поручик ранен! — крикнул вахмистр хриплым голосом растерявшимся подрывникам, и, обхватив терявшего сознание раненого офицера рукою за талию, он вскоре уже несся с ним где-то впереди отступавшей колонны, ища надежное укрытие.

А противник не успокаивался и, по-видимому, упорно стремился нас окружить и захватить в отместку за дерзкий прорыв в его тыл... До главных сил наших все же оставалось еще очень далеко, а трескотня пулеметов противника, невзирая на наши поливания свинцовым дождем, заставлявшие наседавших спотыкаться в своем движении, не уменьшалась, а, наоборот, все усиливалась... И на левом гребне, теперь уже хорошо видимые всеми нами, накапливались все большие и большие силы противника.

— Пропадем! — прозвучал в нескольких шагах от меня чей-то глухой голос. — Теперь он нас не выпустит из своего проклятого дьявольского кольца... Крышка!..

Я хорошо слышал эту фразу — и на сердце у меня было скверно. Но с деланным спокойствием продолжал вести вперед наши притихшие взводы, в то время как мозг мучительно сверлила единственная мысль: «Удастся все же или нет? И долго ли мне еще

осталось смотреть на это солнце?.. Сколько минут... сколько секунд?..»

А солнце действительно по-прежнему продолжало сиять над прекрасными полями, такими равнодушными к нашей жизни и смерти, нашей братоубийственной бойне, делавшейся все ожесточеннее...

— Господи, сохрани и помилуй!.. Прости, ибо иначе я не мог поступить, Господи!.. Спаси, Боже, грешного слугу Твоего...

Так невольно молился я... Так же, вероятно, молились и многие другие, шепча невнятные слова и украдкой поглядывая на безоблачно чистое небо, улыбавшееся над нашими головами...

Все время шедший позади капитан Поморский свернул пулеметы.
— Рысью ма-а-арш!

Отряд понесся вперед, выявляя плохо скрываемое стремление перейти из той же рыси в галоп, да еще самый размашистый.

— Рысью... рысью! Не скакать! — гневно бросил Поморский. И он был бесконечно прав, стараясь увести свою часть под огнем противника без излишней суеты и поспешности, в строгом порядке. Стоило только перейти в галоп — тогда через секунду этот аллюр невольно сделался бы самым стремительным карьером.

А история конницы с достаточной ясностью учит тому, сколь гибельными являются подобные «отступательные» карьеры для всей части, по воле богов очутившейся в столь невыгодном положении. Бывали примеры, когда после такого «отступления» командиры уже не могли собрать и десятой доли своих частей.

К счастью, наш отряд избежал подобной участи... Его колонна двигалась в полном порядке, беспрестанно сдерживаемая строгими окриками своего доблестного командира Поморского, несмотря на то что противник всеми силами старался посылать нам вдогонку свое свинцовое утощение... Но слабая пристрелка и излишняя нервность мешали ему доставлять нам крупные неприятности — и вред, причиняемый трещавшими за нашими спинами вражескими выстрелами, оказывался, в общем, весьма ничтожным.

Тем не менее в изобилии расточаемые неприятелем пули то жужжали над нашими головами, то бешено вздымали пыль в разных пунктах района отступления, но всегда выходило так, что те места, где мы в данную минуту находились, оставались как бы неприкосновенными...

Не повезло только левой упряжке пулеметной тачанки: эта резвая и неутомимая кобылка неожиданно рухнула в двух шагах от меня, смертельно раненная нагнавшим ее свинцом. Соскочившие с тачанки кадеты быстро отстегнули построики, с грустью оставив бедное жи-

вотное умирать в одиночестве, — и через несколько секунд снова уже мчались вдаль на уцелевшей лошади, успев послать из своего пулемета очередь в сторону врага...

Снова раздалась команда Поморского — и на этот раз мы перешли в галоп уже «на законном основании»...

Трудно определить, сколько времени нам еще пришлось скакать, — думаю, что не более 2—3 минут, хотя они и показались нам вечностью... Но бодрость и вера в благополучный выход из создавшегося положения не покидали нас за все время скачки — мы инстинктивно чувствовали, что спасение близко. Правда, ранее мы были в ловушке, а теперь из нее уходили...

Вдруг где-то впереди, за видневшейся недалеко деревней, громко бухнуло артиллерийское орудие, а вслед за тем в находившейся совсем близко от нас хуторской сарай с треском ударила граната... За нею над нашими головами пролетала другая; через мгновение и третья. А затем снова где-то совсем близко поднялся вверх целый фонтан черной земли от разорвавшейся гранаты, и, кувыркаясь в воздухе, отлетело в сторону целое бревно.

— Да ведь это уже наши палат... и по нас же! — раздался чей-то возмущенный крик. — Они нас и обстреливают!

А гранаты продолжали ухать... Сомнения быть не могло: за деревней были свои, но эти свои по какой-то роковой случайности, очевидно, принимали нас за настоящих врагов и самым энергичным образом стремились нас уничтожить.

— Что за безобразие! — крепко выругался Поморский. — Что же они забыли разве о нашей задаче?.. Идиоты!.. Ведь так и впрямь всех нас ухлопают!..

Пришлось на этот раз спастись, но уже от своих собственных братьев-соратников, приказав людям рассыпаться по местности на возможно большей дистанции. Наши добровольцы, осознав роковую ошибку «главных сил», энергично замахали носовыми платками и еще какими-то белыми тряпками, наскоро добытыми из выюков...

— Должны же наблюдатели заметить из своих биноклей... олухи! Ведь это же возмутительно!.. Хороша награда за нашу работу!.. Черт знает что такое!

Это ругался Поморский, носившийся вдоль фронта рассыпавшихся всадников и только каким-то чудом оставшийся не тронутым осколками снаряда, разорвавшегося от него в нескольких шагах.

— Вот, извольте полюбоваться этими идиотами! — крикнул он со слезами в голосе, весь засыпанный землей. — И кто это там такой умный? Ах с.....!

Но артиллеристы, по-видимому, не ограничились предыдущим выстрелом нашего отряда и недолго думая послали нам навстречу и очередь шрапнелей... Издали слышался приближающийся знакомый, малоприятный визг, и на голубом небе поплыло коричневое облачко.

Как потом выяснилось, это сумасшествие, к величайшему счастью, не принесло особенно большого вреда, так как огонь «наших» фронтowych орудий в этот раз не отличался особою меткостью... Уже спустя много лет я случайно выяснил причины всего отмеченного вышесобытия, едва не повлекшего за собою ненужные жертвы. Оказалось, что штаб главных сил не оповестил свою артиллерию о нашем «рейде» в тыл противника, что и повлекло за собою нелепую перестрелку между своими... В роковой момент фронтowe артиллерийские наблюдатели заметили наших всадников, выскочивших из-за хутора, и, определенно приняв их за противника, в тыл которого-де вышли добровольцы и гонят его, решили бегущих угостить гранатами. И этот «подарок» был по роковой ошибке преподнесен всем нам, едва успевшим выйти из вражеской ловушки. Как бы то ни было, но вскоре и эта чаша нас миновала — и ретивая батарея, открывшая по нам огонь, по-видимому несколько сконфузившись, все же вовремя прекратила свои упражнения...

Прошло еще несколько минут — и мы уже находились за линией нашего фронта, в полной безопасности... Помню, с каким искренним религиозным подъемом возблагодарили мы Бога за наше чудесное спасение. Ведь все мы так недавно еще находились буквально на волосок от смерти и самой безжалостной расправы врага с каждым из нас, ибо оперировали в его глубоком тылу. Задача, нам порученная, была выполнена. Поморский послал донесение в штаб и занялся эвакуацией раненых, среди которых находился и тяжелораненый мой друг, поручик Владимир Романович Вольф. В этом же деле контузило и меня так чувствительно, что продолжительное время страдал я тиком, от которого доктора не могли меня освободить...

В связи с этим «рейдом» и ранением поручика Вольфа память сохранила и трогательный эпизод солдатской сердечности и заботливости по отношению к своему офицеру... Обходя во время нашего памятного отступательного «галоп» известный уже читателям покинутый хутор с напугавшим нас ночью петухом, я заметил группу наших солдат, чем-то озабоченно занятых у колодца. Оказалось, что они суетились около только что снятого с коня поручика Вольфа, промывая его весьма серьезную рану. Мой бедный друг быстро слабел и вскоре снова потерял сознание. Его на моих глазах уложили в двуколку и повезли в сторону фронта.

Помнится, что доблестный Владимир Романович впоследствии долго лежал в разных госпиталях, подвергаясь операциям, хотя под конец ему все же удалось окончательно оправиться от ранения и встретиться со мною уже совсем при других обстоятельствах и в мирной обстановке...

— Ну, теперь можно и поспать! — сказал Поморский, закончив последние хлопоты о раненых.

Я заметил, что этот доблестный офицер, до последней минуты полный движения и энергии, вдруг сразу как-то ослабел и поник, едва будучи в силах держаться на ногах и произносить членораздельные звуки... И все остальные, включая и меня лично, чувствовали себя не лучше. Мы бросились в груды какой-то соломы и забылись тяжелым, непробудным сном.

Я спал двадцать часов — и все попытки разбудить меня не давали желаемых результатов. А когда они увенчались успехом и я, отряхнув с себя приставшую солому, стал, наконец, на ноги, то все еще чувствовал себя полнейшим инвалидом, неспособным ни к какой работе и даже к беседе с друзьями... Нервная депрессия, явившаяся следствием недавно испытанных переживаний в тылу противника, продолжалась более суток и делала меня похожим на маньяка.

Болеет каждый нерв, не хотелось разговаривать и принимать пищу, не хотелось даже ни о чем мыслить. Потом все это прошло... Но даже и теперь, когда я снова уношусь мыслию в давно ушедшее прошлое и вспоминаю нашу суровую «прогулку» навстречу смерти при ясном солнце июньского утра и в золоте колыхавшихся со всех сторон пшеничных полей, — меня всегда пронизывает острое волнение и неприятная дрожь по всему телу...

Не дай бог никому и никогда переживать ужасы самой страшной из войн — войны междоусобной... Но оказывается, избежать ее не так легко и другим народам, что мы воочию и наблюдаем последние годы.

С казаками

Противник отступал, без всякого стеснения грабя попадавшиеся ему на дороге хутора, забирая с собой крестьянских лошадей и повозки, сея повсюду отчаяние и недолю. В особенности беззастенчиво обрабатывались большевиками с немцами-колонистами, по-видимому хорошо зная, что последние всегда были сторонники белых, сознательно ненавидели анархию и коммунизм и неоднократно оказывали добровольцам самую широкую помощь.

Такое отношение немцев к Белому движению являлось вполне естественным, если принять во внимание, что все колонисты всегда были мелкими собственниками и домовитыми, трудолюбивыми хозяевами, вкладывавшими всю свою душу и силы в дорогие им собственные клочки земли и свои маленькие домики, всегда славившиеся чистотой, зажиточностью и порядком.

От этих-то немцев-колонистов мы впервые и узнали, что отступающий противник двигается со своими отрядами и обозами в район колоний, быстро приближаясь к богатой и обширной слободе Черниговке, пользовавшейся среди добровольцев не совсем лестной репутацией. Такая репутация основывалась на том, что жители Черниговки уже неоднократно замечались в открытом симпатизировании большевикам и махновцам, оказывая им такое же содействие и гостеприимство, какое нам, в свою очередь, оказывали колонисты-немцы.

Не изменили жители Черниговки своим традициям и в данном случае: вскоре после сообщений доброжелательных колонистов донесения наших разведок подтвердили, что махновцы не только спешно двигаются по направлению к этой громадной слободе, но уже и вливаются в нее своими головными частями. В точности подтвердил это обстоятельство и мой бинокль, сквозь стекла которого я мог прекрасно наблюдать знаменитую Черниговку с высоты деревенской колокольни, отличного наблюдательного пункта, открывавшего перед нами всю окрестность.

Вероломная и коварная Черниговка, принимавшая теперь на свое лоно наших врагов, представлялась издали красивой и величественной: это было неимоверно большое, утопавшее в своих садах и огородах село, подобно гигантской колбасе растянувшееся верст на 8—10. За селом начинались поля, постепенно уходившие к туманному голубому горизонту, а на их переднем плане, ближе к нам, виделось железнодорожное полотно. С колокольни хорошо нам были видны группы пеших и конных людей, быстро двигавшихся теперь по направлению к Черниговке, тотчас же поглощавшей их без остатка... Противник шел под гостеприимный кров своих союзников и приятелей, густо и бесцеремонно таща за собой длинные цепи обозов, нагруженных награбленным добром.

Наш Гвардейский конно-подрывной полуротный отряд на этот раз действовал в обществе и, так сказать, «под протекторатом» новых, доблестных и весьма интересных соратников, казаков Н-ского казачьего полка. Командовал этим полком лихой полковник — весьма любезный, вежливый и общительный, соединявший все эти хорошие качества с искус-

ством быть прекрасным начальником, умевшим выводить свою часть из самых рискованных положений.

Согласно приказанию штаба мы должны были принять участие в казачьем наступлении на противника, что и было нами исполнено почти незамедлительно, ибо не прошло часа с момента получения этого приказа, как мы, присоединившись к казакам, принимали участие в их осторожном приближении к противнику, которого доблестный полковник, по-видимому, решил атаковать врасплох, в момент приближения к гостеприимной Черниговке, приняв все меры предосторожности и далеко вперед выслал дозоры.

Противник был уже совсем близко. Казачьи сотни стали выходить из-за пригорка и, поднимая пыль, на широких аллюрах стали выдвигаться на линию фланговой сотни. И лишь только последняя поравнялась с остальными, раздался сигнал, по которому уже через несколько секунд полк стал длинной сплошной линией.

Погода стояла великолепная, настроение у всех не оставляло желать ничего лучшего... Наш полуротный отряд двигался по открытой местности, находясь в середине казачьей лавы и имея за собою наши выюки с готовым подрывным материалом... Но вот по полю громко и резко разнесся третий сигнал.

— Шашки вон! В атаку наметом... Ма-арш!..

Это скомандовал командир полка, выскочивший далеко вперед от своих станичников... И тотчас же все загудело, завизжало — и понеслось вперед, как только может нестись казачья лава, хорошо известная всему миру еще во времена Наполеона...

Три сотни шли на правом фланге, одна зашла несколько влево, а казачья пулеметная команда стремительно помчалась вперед, увлекая за собою и наших лихих пулеметчиков, ни на вершок не пожелавших отставать от ретивых скакунов...

Казачья лава дело не шуточное на полях сражений — она и поныне способна производить потрясающее впечатление на самого стойкого противника, лучше всяких чудес современной военной техники... И, чувствуя эту силу нашей гудевшей и визжавшей, как ураган, казачьей лавы, с которой наши конносаперы теперь волею судеб слились воедино, мы сами неслись вперед без мыслей, без рассуждений, не прикидывая никаких препятствий и шутя перелетая на наших конях через весьма основательные рвы и канавы...

Цепи противника теперь уже нас видели, но, по-видимому, решили сделать все от них зависящее, чтобы сократить наш пыл и оборотиться во что бы то ни стало... Со стороны железнодорожной насыпи послышался треск пулеметов — и над нашими головами жалобно за-

пели пули, с каждым мгновением сыпавшиеся все чаще и неистовее. А вслед за тем впереди ухнуло раз, другой — и в воздухе, жужжа и гудя, стали рваться шрапнели.

— Ого! — крикнул мне Поморский, скакавший почти рядом. — И они, видно, не шутят... Осиное гнездо...

Это сравнение моего доблестного друга было как нельзя более удачным. Мы действительно влетали как бы в осиное гнездо, окруженное со всех сторон сплошным гулом, треском и тысячами свинцовых жала расстрелованных и озлобленных врагов...

Но казаки шли бодро, не обращая никакого внимания на дождь пуль, летевших с насыпей, и быстро приближаясь к десятиверстному селу... А там в эти минуты уже творилось подлинное столпотворение вавилонское, что нам хорошо было видно еще на ходу, во время нашей сумасшедшей скачки... Охваченные паникой большевики в Черниговке обращались в повальное бегство перед нашим вторжением: рассыпались как горох по огородам и всяким закоулкам, искали укрытия и спасения в хатах, клунях и стогах...

Мы ворвались в село торжествующие, упоенные удачей, не видевшие теперь перед собою ничего, кроме покрытых смертельной бледностью лиц врагов, мелькавших то там, то здесь всего на одно мгновение...

Казаки безжалостно рубили укрывавшихся, а наши конноподарники не отставали от них и делали то же самое во главе со своим лихим вахмистром Архипенко.

— Нам нельзя терять ни минуты и делать свое дело! — крикнул Поморский. — Устанавливать пулеметы за насыпью!

И он, выскочив из лавы, помчался к указанному месту, быстро поставив стрелков и пулеметы позади жиденького кустарника. А Вольф и я, в свою очередь отделившись от казаков, вскоре уже энергично работали на железнодорожном полотне, подкладывая под рельсы готовые подрывные заряды...

Не знаю, сколько времени прошло у нас за этой работой, — быть может, минут пять, быть может, десять... И вдруг справа донесся испуганный крик, тотчас же заставивший нас вскочить на ноги и оторваться от своего увлекательного дела...

— Бронепоезд!..

Я взглянул на север — и обомлел не на шутку: за краем села, да еще полотна железной дороги, ясно выделяясь на фоне голубого неба, неспешно, но уверенно ползло в нашу сторону громадное железное чудовище, извергавшее из паровозной трубы клубы черного и зловещего дыма... Окинув взглядом простирившуюся перед нами сельскую окр-

ину, — с насыпи она была видна как на ладони, — я с ужасом заметил, что только что победоносно занявшие Черниговку казаки теперь повернули вспять и в беспорядке, полным махом уходили в сторону той же самой ложины, откуда мы так недавно начали свое победоносное движение лавой... Но и в этом беспорядке лихие станичники тем не менее не хотели расстаться с трофеями своей недавней славы и гнали перед собой пленных на их же тачанках...

— Вот так история! — сказал кто-то из наших офицеров. — Казаки отходят... Да и что им прикажете делать в этом случае? Но как он дополз сюда, этот проклятый броневик? И что с нами-то будет, ведь мы остались в ужасном положении...

Положение наше действительно было не из завидных: мы оказались брошенными на произвол судьбы вдали от главных сил, представляя собою всего только небольшую горсточку людей, поставленных теперь лицом к лицу со страшным бронепоездом... А он все приближался, попыхивая паровозом и неся с собою почти каждому из нас неминуемую гибель...

Терять нельзя было ни секунды...

— Поставить короткие фитили!..

Короткие фитили ставятся для того, чтобы взрыв последовал как можно скорее, но при этом и самому взрывающему нужно быть начеку и своевременно улепетывать, дабы не остаться без головы спустя какую-нибудь минуту...

Команда — и подрывники кубарем скатились с крутой насыпи прямо в канаву. А затем загремел и взрыв... за ним другой, третий. Куски рельс, шпал и целые кучи песку летали во все стороны: ни один из зарядов не дал осечки. Путь был приведен в негодность на долгое время.

— Пусть теперь едут, черти!.. Не соберут костей до второго пришествия... И как здорово удалось щелкнуть.

Конносаперы сами были довольны результатами своей быстрой работы и теперь посматривали на меня с некоторым нетерпением, ожидая вполне естественного приказа отходить к главным силам, ибо здесь им теперь решительно нечего было делать...

Отглянувшись назад и я, для того чтобы немедленно же наметить себе кратчайший путь отступления, — и в тот же момент замер от неприятного удивления, узрев широкое и пустое поле, на котором уже не шевелилась более ни одна живая душа...

Полка казаков нигде не было: он так же стремительно исчез в ложнине, как и вылетел из нее четверть часа тому назад. И только из-за одного из холмов виднелся трепетавший сотенный значок, с радостью

душевной уловленный мною невооруженным глазом в эту тревожную минуту... И почти одновременно с этим я увидел и одинокого казака, во весь опор скакавшего к нам от того же холмика, через жуткое голое поле...

Проскоком подлетел к нашей канаве, посадил лошадь на задние ноги и, не пытаясь даже отыскивать командира, единым духом громко выпалил в воздух:

— Командир полка приказал конносаперам с пулеметами оставаться на месте!..

И, прокричав эту новость, лихой станичник круто повернул своего длиннохвостого коня и еще более стремительно понесся обратно... А бронепоезд тем временем приближался, подобно огнедышащему сказочному дракону, готовому пожрать нас всех без остатка...

— Что же это такое? — услышал я слова Поморского. — Ведь мы обречены на верную, но никому не нужную гибель... Что они там думают, за холмом? Необходимо выяснить...

Бледный как полотно, но внешне продолжавший сохранять полнейшее спокойствие, он тотчас же передал Вольфу командование, а сам стремительно поскакал за скат, туда, где виднелся значок командира полка.

Мы остались дожидаться возвращения Поморского на том же месте, переживая томительные минуты. Но Поморский не заставил нас ждать слишком долго. Он отлично понимал весь трагизм положения своей части, и спустя самый незначительный срок мы снова увидели нашего друга, на этот раз показавшегося всею своею фигурой на вершине холма и подававшего нам определенные знаки...

— Отходить! Слава богу!.. Какой молодчина Поморский, что пошел и выяснил. А то пропали бы до единого...

Не прошло и минуты, как мы все уже неслись в сторону полка, за спасительный холмик, в то время когда за нашей спиной уже явственно раздавались шипение и грохот железного чудовища, подползавшего теперь совсем близко к месту нашей недавней стоянки... А когда мы, отходя с полком, стали продвигаться перелеском и балками, находившимися за холмом, — над нами закружились облака частых шрапнельных разрывов, почти каждый из которых приносил с собою какую-нибудь весьма ощутительную неприятность для людей и коней...

Это посылаю нам вдогонку свои подарки бронепоезд, к счастью, вскоре остановивший свое движение, так как взорванный нами путь все же сделал свое дело и тем самым спас от дальнейших бед и потерь полк уходящих казаков. Благодаря этому обстоятельству всем нам вскоре удалось выйти из сферы неприятельского огня и заняться

приведением в порядок своих частей и подсчетом потерь, понесенных всем отрядом в памятном деле под Черниговкою... На этом оно и закончилось.

Несмотря на описанный выше отход отряда от Черниговки под давлением появившегося бронепоезда, казакам удалось тогда все же захватить и увести с собою более сотни пленных, несколько тачанок с прекрасной упряжкой и около десятка вполне исправных пулеметов. Был взят казаками в плен также и один большевистский командир: здоровнейший детина, красавец — гвардейский матрос, который своей отвагой в бою и спокойствием в плену положительно привлек сердца казаков. Вместе с другими пленными его немедленно отправили в тыл.

Противник продолжал отходить всеми своими частями, поспешно двигаясь к западу. Исполняя приказание штаба, мы все время его преследовали и постоянно тревожили небольшими боями. Спустя два дня после дела под Черниговкой мы подошли к колонии Э. и, утомленные длинным переходом, сделали привал, дабы перекусить и немного отдохнуть на траве под открытым небом. Но отдохнуть не пришлось...

Спешно прискакавший разведчик сообщил, что с запада на нас наступают густые цепи противника, намеревавшегося по всем признакам дать нам серьезный бой. В нашем лагере поднялась вполне понятная тревога: все мгновенно вскочили с мест и стали готовиться к бою.

Неприятель, оказывается, был уже близко, и вскоре с ним завязалась оживленная перестрелка, а спустя немного в ее концерт ввязалась трескотня пулеметов и грохот артиллерийских орудий, не заставивших себя долго ждать. Цепи противника приближались быстро и настойчиво, засыпая казаков ружейным огнем и нанося им ощутительные потери. Появились раненые, и дело принимало все более серьезный оборот.

Но положение быстро поправил доблестный казачий артиллерийский взвод, своим метким обстрелом быстро внесший неожиданную панику в ряды наступающих... Почувствовав над своими головами разрывы наших снарядов, неприятельские цепи стали сначала задерживаться и искать более укрытых мест, а затем и совсем исчезли, постепенно стянувшись к главным силам, расположившимся в колонии Э., где были укрыты и все неприятельские тачанки.

В эти-то минуты и проявил себя с самой лучшей стороны доблестный командир казачьего полка, успешные кавалерийские действия которого до сих пор у меня ясно живут в памяти. Пользуясь большою свободой маневрирования, обусловленной меткою стрельбою казачьего артиллерийского взвода, лихой полковник еще задолго до обурывшей не-

приятеля паники незаметно отвел весь свой полк на рысях в лошину и, развернув его, стал выжидать подходящего момента для атаки.

Быть хорошим боевым начальником весьма нелегко, а в особенности это нелегко тому, у кого отсутствует особый, чисто охотничий нюх. А без этого последнего вообще немисляим хороший кавалерист. И вот в отсутствие именно этого нюха нельзя было упрекнуть храброго казака, чьего полковника. Спокойно и терпеливо выждав нужный ему момент, он затем, буквально с места в карьер, повел весь полк в атаку, достигнув при этом еще более эффектных и существенных результатов, чем это имело место два дня назад в бою под Черниговкой. И не прошло нескольких минут, как мы уже положительно влетели в колонию, решительно вытесняя из нее врага, обратившегося в самое беспорядочное бегство.

Последнее, впрочем, было очень успешным и стремительным у большевиков, так как кони их не оставляли желать ничего лучшего и в значительной степени превосходили своими качествами большинство наших. Тем не менее полковник назначил две сотни для преследования противника, которые и помчались тотчас же по его следам.

Колония целиком оказалась в наших руках. Мы не без удовольствия осматривали чистенькие белые домики, от которых веяло миром, уютом и редкою аккуратностью, столь свойственную трудолюбивым немецким колонистам. Только последних мы нигде не находили: вся колония как бы вымерла, и из дворов к нам навстречу не выходили их хозяева...

Между тем на широкой улице поселка кипела жизнь и слышались громкие голоса наших удалых станичников, почувствовавших, наконец, возможность передохнуть и выспаться. Спешившиеся казаки разводили коней по дворам, тащили за собой тачанки и пулеметы, иногда добродушно переругивались, но в общем пребывали в самом радужном настроении, какое только и может быть у подлинных победителей... Кое-где на той же улице продолжали валяться в беспорядке трупы, тачанки и разбитые зарядные ящики...

Пока отсутствовал наш неутомимый Поморский, тотчас же по званию нами колонии направившийся в штаб для выяснения обстановки, мы с Вольфом успели расквартировать всех конноподрывников, выбрав для них три больших и чистых двора. После этого я решил дать отдых и собственной персоне, до крайности напряженной длительными переходами и пережитым нервным напряжением. Разбитость и слабость, явившиеся вполне естественной реакцией после недавнего подъема, были у меня столь велики, что я под конец едва добрался до кровати какого-то добродетельного немецкого супружества и тотчас

погрузился в забытие, отказавшись перед этим от всякой еды, несмотря на то что около двух дней не брал в рот никакой горячей пищи.

Не знаю, сколько времени продолжалось мое блаженное состояние... Во всяком случае, вероятно, очень недолго, потому что, когда я открыл глаза, безжалостно возвращенный снова к печальной действительности из мира моих прекрасных грез, — кругом стоял все тот же день, яркий и сверкающий, причем веселые солнечные блики на белой стене даже не переменили своих мест и окраски... Вернее всего, что я проспал не больше как несколько минут и, во всяком случае, менее получаса... А проснувшись от неожиданного грохота, раздавшегося над самой головой, я в первую минуту даже хорошенько и не понял, что вокруг меня происходит, и только когда этот грохот прозвучал вторично, прояснившееся сознание с грустью сообщило мне о моем возвращении к печальной и жестокой действительности...

Грохот, меня разбудивший, был не чем иным, как разрывом артиллерийского снаряда, пролетевшего над самой моей крышей и ухнувшего где-то совсем близко. За первым разрывом последовал второй, а затем снаряды полетели без счета, разрываясь между соседними домами...

Я понял, что на нас опять напало все то грозное и жуткое, от чего я только на несколько минут отошел во сне... Вскочил, как встрепанный, как был без сапог, бросился к нашей части... На душе было тяжело, неладно и сложно...

С одной стороны, брала злость на все то, что изо дня в день творилось вокруг, не давая человеку ни минуты заслуженного отдыха, с другой стороны — хотелось сделать все возможное, чтобы не подвести своих соратников какою-либо оплошностью или разгильдяйством... Помню, что, устремляясь в эти минуты в одних носках по направлению к своим конносаперам, я первым делом думал... о двуколках с подрывным материалом, которые обязательно требовали самого тщательного укрытия от артиллерийского огня. А одна из таких двуколок в парной упряжке как раз торчала в эти минуты в воротах усадьбы добродетельных немецов, заграждая путь всему остальному... Что, если в нее не сейчас, то через минуту-другую угодит артиллерийский снаряд?!

И вдруг... И вдруг — это произошло не более чем через мгновение после этой мысли о торчавшей в воротах двуколке — раздался невыразимый треск — его себе может представить только тот, кто сам когда-либо переживал что-либо подобное, в воздух полетели обломки кирпича, комья земли и целые тучи пыли.

Меня кто-то невидимый буквально поднял на воздух и, сбросив с крыльца, дал возможность прийти в себя только в нескольких шагах от

его ступенек. К счастью, я поднялся с земли почти без всяких ушибов, а когда осмотрелся по сторонам, то прямо глазам своим не поверил: неприятельская граната ударила в кирпичный столб от ворот и взорвалась не более как в трех шагах от ящика с нашим подрывным имуществом... Две лошади, впряженные в повозку, оказались сильно покалеченными, и первое, что мне бросилось в глаза, — это была густая струйка крови, стекавшая с тела одного из бедных животных на дорожную пыль... Но взрывчатые вещества остались невредимыми, что дало возможность благополучно остаться на месте не только заключавшей их повозке, но и всей немецкой усадьбе с ее временными обитателями. Иначе, взлетев на недостижимую высоту, нам пришлось бы совершить бесплатное путешествие в разные стороны и, конечно, уже безвозвратно...

У наших коновязей тем временем метались испуганные кони, и бесцельно суетились отдельные люди, не знавшие, что предпринять и что делать... Но вот Вольф приказал выводить лошадей в огород и стал собирать своих людей, к которым присоединились и десятка два растерявшихся без своих офицеров казаков, одновременно поручив вахмистру Архипенко выяснить, в чем дело, и узнать, где находится командир полка. Когда вахмистр скрылся из виду, направившись исполнять поручение, я стал не спеша отходить с собранными людьми по старой дороге, стремясь где-либо найти людей, более осведомленных в неожиданно создавшемся положении...

На наше счастье, вскоре попался взвод казачьей артиллерии, широкой рысью обошедший находившийся впереди нас какой-то бугор и тотчас же снявшийся за ним с передков.

— Скажите, что же это происходит? — подскакал я к казачьему офицеру. — Что случилось?

— Теперь-то ничего, кажется, обошлось, слава богу, — ответила взволнованный есаул, соскакивая с длиннохвостой лошади, — а все пьянство виновато...

— Какое пьянство?

— Да такое... самое обыкновенное пьянство, с водкой и самогоном... Наши две сотни ушли преследовать противника, а в левых разъездах казаки достали где-то пойла и перепились... Ну и проглядели красных, которые проникли в колонию...

— Значит, это большевики стреляли?

— Конечно... Вышли на окраину и спокойно обосновались с артиллерией и пулеметами на нашем фланге... Открыли огонь прямою наводкой... На наше счастье, у них только смелости не хватило... а то могли бы всех нас обойти и захватить как кур во щи.

— Где же полк?

— Полк-то теперь в порядке... Прошел позади, закрытою балкой, и теперь хочет ударить в тыл красным...

Я повеселел и заговорил уже совсем другим тоном.

— У вас орудия, а у меня пулеметы... все же это сила не маленькая; задержимся вместе... если придется, вместе и поработаем, — предложил я есаулу.

Он согласился и, как бы в подтверждение своих слов, послал несколько снарядов по тому направлению, где должен был находиться противник. Но пулеметная и ружейная стрельба впереди уже затихала. Возвратившийся вахмистр подтвердил слова казачьего офицера и сообщил в то же время, что по всем данным противник теперь затих уже окончательно...

Все мы вздохнули несколько свободнее, напряженное состояние предыдущих минут вновь уступило место веселому настроению духа. Что касается меня лично, то я ему еще не мог отжаться всецело: в глубине сознания продолжала гнездиться назойливая мысль о возможности повторения только что пережитого... «А что, если это только передышка? Кто их знает, этих негодяев. Что, если через минуту они снова начнут нас угощать гранатами?»

Но опасения мои были напрасными. К нам уже подходила пехота и располагалась по обеим сторонам селения, а по сведениям, принятым разведкой, противник уходил все дальше и дальше, по-видимому, окончательно решив оставить нас в покое... На этот раз, конечно...

С горьким чувством и искренним сожалением смотрел я на бедную немецкую колонию, гостеприимно и благомерно принявшую нас так недавно в свое лоно... Чистенькая и аккуратная всего два-три часа тому назад, она теперь во многих местах пылала пожарами, дома стояли с выбитыми стеклами, улицы были завалены всяким хламом и трупами убитых лошадей, количество которых увеличилось за несколько минут артиллерийского обстрела втрое...

— Русские дерутся, а у немцев чубы болят, — остроумно заметил какой-то офицер, проезжавший мимо нас.

Солнце клонилось к западу. На землю спускался южный вечер — тихий, чарующий, полный поэзии и благоухания окрестных полей...

Переброски

«Срочно. Секретно. Немедленно грузиться и спешно идти направление Екатеринослава». Это было все, что стояло в полученной из штаба телеграмме, врученной нашему командиру. Для чего нам нуж-

но было идти в этом именно направлении — никто ничего не знал, а потому не было конца всяким предположениям и фантазиям.

Но погрузились мы тем не менее с исключительной быстротою, и спустя самый короткий срок наша часть уже неслась в сторону Екатеринослава... Я применил слово «неслась» не случайно: движение эшелона действительно было, ко всеобщему удивлению, стремительным, и, очевидно, в отношении нас последовал какой-то особый приказ, заставлявший железнодорожное начальство пропускать наш поезд без задержек и в первую очередь.

Этот факт тоже не мог оставаться незамеченным и не наводит снова на всякого рода размышления.

— Вероятно, наше дело очень серьезно! — рассуждали офицеры. — Транспорт всюду расстроен, поезда плетутся как бог послал, а здесь вдруг такая точность и поспешность!.. Куда же это нас гонят?

На подороге кое-что все же выяснилось... Мы узнали, что нашей части предстояло вскоре присоединиться к Сводно-гвардейскому полку, который, как оказалось, в то время успешно продвигался по территории Полтавской губернии.

Настроение у всех повысилось и перешло в радужное, а в особенности у меня, который неожиданно приобретал возможность ступить на землю родной губернии: как сообщила полученная информация, Сводно-гвардейский полк оперировал как раз на ее территории. Эшелон тем временем летел вперед, останавливаясь на некоторых станциях только для смены паровоза...

Но так было лишь до Лозовой. На этой станции мы задержались на сравнительно долгий срок. И здесь как нашим офицерам, так и интеллигентам-добровольцам впервые пришлось наблюдать нездоровое явление в жизни нашей армии... Мы давно уже привыкли к разного рода лишениям добровольческой войны и безропотно мирились с ее невзгодами во имя дорогого белого дела... Мы сознательно отучили себя от всяких лишних удобств и стремлений к роскоши во время стоянок в тылу или в периоды передвижений по железной дороге, не предъявляя ни к кому никаких претензий и довольствуясь самым необходимым. Странствуя в эшелонах, например, мы все — как офицеры, так и солдаты — не признавали никаких вагонов, кроме обыкновенных и просторных товарных, одинаково располагаясь в них на сене вместе с конями и окончательно забыв о так называемых «классных» вагонах, предназначенных для «мирных господ»... Ту же участь разделяли с нами и все наши больные и раненые без различия чинов и званий, вполне довольствовавшиеся охапками сена, брошенными на деревянный пол, и не мечтавшие ни о каких мягких диванах первого класса...

И вдруг на станции Лозовая нам бросился в глаза подходивший с противоположной стороны шикарный поезд, состоявший из одиннадцати великолепных пульмановских вагонов 1-го и 2-го классов, с выглядывавшими из его зеркальных окон бравыми офицерами в ярких и новеньких формах «цветной» дивизии...

— Штаб Главнокомандующего! — послышалось чье-то восклицание. — Вот приятная неожиданность!

Все взглянули в сторону медленно подходившего поезда — и, проникнутые искренним убеждением в правдивости выведенного заключения, даже стали невольно подтягиваться, дабы в должном порядке предстать перед глазами высшего начальства... Но уже в следующий момент наша почтительность сменилась чувством горькой обиды и справедливого возмущения. Оказалось, что все одиннадцать великолепных пульмановских вагонов были наполнены вовсе не представителями высшей командной власти, а... отдыхающими в приятном отпуске господами офицерами армии генерала Май-Маевского... Имевшие такого «отца-командира» молодые воины, как оказалось, путешествовали в великолепных салонах от одного крупного центра к другому, от города к городу просто для использования своего отпуска и блаженного отдыха в такой подвижной гостинице, снабженной всеми удобствами...

— Весело живут, нечего сказать! — позавидовали наши добровольцы. — А где же сам их отец-командир?.. Может, и он с ними вместе в поезде?

Но «отца-командира» в поезде не было: он в это время, предоставив свои доблестные части лихим молодым командирам, которые их и двигали к Москве, сам не терял «золотых деньков» и буйно кутил в Харькове.

Многим из нас стало обидно и горько. Но рассуждать и сетовать на это безобразие пришлось недолго, так как наш эшелон вскоре двинулся к Константинограду, где уже доблестно и успешно наступали наши гвардейцы. Задержали нас, впрочем, еще раз на каком-то малом полустанке, и задержали при этом надолго... Стояли мы час, другой, недоумевая и пытаясь связаться со штабом, чтобы получить дальнейшие распоряжения.

— Что же, пойдём дальше или нет?.. А то хотя бы дали возможность разгрузиться, чтобы кони могли отдохнуть на свободе!..

Но никакой связи со штабом установить так и не удалось, и где находилось высшее начальство, никто не ведал.

— Подождите, господа! — вдруг сказал решительный и быстрый Поморский. — Я сейчас... ведь так же продолжаться не может!..

Недолго раздумывая он приказал отцепить паровоз и, взобравшись на него, спустя минуту исчез, направившись по линии вперед, в целях розысков неизвестно где пребывавшего штаба.

Мы остались в вагонах ожидать «у моря погоды», переживая долгие и томительные минуты неизвестности на глухом полустанке. Люди понемногу впадали в уныние, а лошади изнывали в духоте еще больше... Поморский возвратился на том же паровозе только к вечеру.

— Ну что, что?... Нашли, видели... получили?..

— Получить-то получил, но не то, что хотелось бы! — сообщил Поморский. — Приказано не разгружаться, а пулей двигаться на Александровск.

— На Александровск?!

— Именно туда... На этот несчастный город опять насл противник... В наш тыл прорвались большие силы... А штаб дивизии готовит хорошую и совсем новую операцию с выходом на Кичкасскую сторону, и мы должны принять участие в наступлении и захвате моста...

Спустя недолгое время мы снова мчались с прежнею быстротою, но уже в обратную сторону. На следующие сутки, после полуночи, наш эшелон остановился у товарной станции Александровская, и я, получив приказание сообщить о нашем прибытии штабу дивизии, отправился отыскивать на поездных путях его состав.

Ночь была хорошою, лунною, но за множеством стоявших повсюду разнообразных эшелонов я не мог сразу достигнуть желанной цели. И вдруг в нескольких шагах от меня выросла чья-то характерная фигура, показавшаяся мне до крайности знакомой... Я всмотрелся — и, к удивлению своему, узнал нашего же полковника Дмитрия Ивановича Досса⁶⁹³, неизвестно почему вдруг очутившегося в этом месте... Отрапортовав по уставу, я все же не удержался и спросил:

— Каким образом?

— А самым обыкновенным... Ведь я здесь при штабе и вот вышел вас встретить и передать приказания!

— Что же нам делать теперь, господин полковник?

— Немедленно же разгружаться и занять свой прежний бивак!.. Но делайте это без задержки, потому что дела не терпят!

Луна уже меркла, начинало светать, и легкий молочно-голубой туман окутывал окрестные предметы... Ба-бах!.. Ба-бах! — загремело вдали.

— Видите, они уже угощают нас с нагорной стороны! — совершенно спокойно сказал полковник Досс. — Торопитесь к своим и разгрузайтесь с быстротою молнии!.. Это противник обстреливает город, и нам нельзя терять времени!..

Видя, что хорошо пристрелявшиеся артиллеристы противника по всем признакам норовят угодить именно в разгрузочную рампу, я попытался просить полковника отложить нашу разгрузку, дабы избежать ненужных потерь, так как последнее обстоятельство представлялось теперь вполне вероятным.

— Ни в коем случае! — решительно отказал мне славившийся своей исполнительностью и точностью наш старший офицер. — Исполняйте, что вам приказано, и сейчас же высаживайте из эшелона всех людей, лошадей и взрывчатое имущество!

Рассуждать не приходилось. Пришлось подчиниться категорическому приказу. Было отдано распоряжение подать наш эшелон к рампе. Вслед за тем я, при помощи вахмистра, стал растолковывать своим людям о необходимости с крайнею выдержкою и осторожностью производить разгрузку, дабы не подвергнуться весьма ощутительным неприятностям.

— Рампа видна их артиллерийским наблюдателям как на ладони... Помните это и будьте осторожны... Старайтесь как можно скорее перемахнуть через площадь между рампою и выходными воротами... Там, дальше, уже есть густой училищный сад, в котором укроетесь... Поняли?..

Но мои внушения и понятливость моих подчиненных все равно не привели ни к чему. Едва первым 10—12 всадникам удалось после выгрузки проскочить со своими конями через злосчастную площадку к воротам и вслед за тем скрыться среди деревьев сада, как уже по следующим людям и лошадям противник открыл самый ожесточенный артиллерийский огонь. Один из снарядов, ударив в кирпичную колонку ворот, забросал осколками, щебнем и пылью пробежавших людей, среди которых в эти мгновения находился и вахмистр. В результате оказались ранеными три лошади и один подрывник из студентов.

Эшелон все же нами был разгружен, невзирая на непрекращавшееся утощение нас неприятельскими гранатами, после чего всем нам удалось укрыться в густой чаще садовых деревьев вне поля зрения наблюдателей противника. А спустя несколько часов мы и вовсе выбрались из города, найдя себе надежный приют в стенах какого-то бездействовавшего кирпичного завода, верстах в 3—4 от городской окраины. Но это блаженство нами было обретено только после долгих и настойчивых просьб нашего неутомимого командира, расточавшихся в штабе, первоначально остававшемся равнодушным ко всем мольбам и уверениям.

— Как же можно вам оставлять город? — пожимали плечами власть имущие. — Неужели же вы не понимаете, что теперь у нас война, да еще гражданская!

Тем не менее наше переселение из города на кирпичный завод все же состоялось... И как мы благодарили Поморского за его находчивость и настойчивость!.

На кирпичном заводе, обширном и обладавшем множеством свободных помещений и закоулков, мы расположились отлично, удобно разместив людей и лошадей... Почувствовали себя в чисто семейной обстановке и наши офицеры, которые были весьма радушно приняты хозяевами завода, обитавшими в прекрасном доме.

Какой заботой и лаской окружали всех своих непрошенных гостей эти милые люди, положительно заставлявшие нас на время позабыть о всех невзгодах и ужасах переживаемой войны!.

Наше благодушие и прекрасное настроение вскоре еще более увеличились: из госпиталя неожиданно возвратился и наш добрый друг поручик В.Р. Вольф, довольно долго лечившийся от раны, полученной во время минувшей вылазки в тыл неприятеля. Теперь Вольф выздоровел... Этот молодой и доблестный офицер давно снискал всеобщую любовь и уважение своих товарищей по части и потому был встречен каждым из нас с нескрываемою и искреннею радостью.

В Александровске в это время стояли и все наши офицеры, входившие в роту лейб-гвардии Саперного полка⁶⁹⁶, в числе которых были: Н.М. Никонов, В.Г. Авенариус, Ю.Б. Броневский, Д.А. Мясоедов⁶⁹⁷, барон П.Н. Беллинггаузен, К.А. Петров, С.Д. Иванов, Н.В. Соколовский⁶⁹⁸, К.И. Иванов⁶⁹⁹, М.В. Чаплыгин, Ф.А. Корсак-Кулаженко⁷⁰⁰, И.Е. Штейн и А.А. Журавлев.

Пользуясь удобной стоянкой, мы не теряли драгоценного времени и энергично принялись за усиление состава нашей части, изрядно ослабевшей за период недавних операций и боев. Пополнение новыми людьми не заставило себя долго ждать: один за другим и целыми партиями начали являться к нам местные жители всяких возрастов и положений, прося их принять в добровольческие ряды, что и приводилось нами охотно в исполнение... Получили мы и новых коней, а затем нашим молодцам удалось раздобыть кожи для сапог, сукна для солдатской одежды и другие предметы первой необходимости, в коих давно ощущалась острая нужда.

Все мы приоделись, подчистились, поправились физически и на много градусов воспрянули духовно. Следует отметить, что редкий из рядов нашего отряда не старался чем-либо помочь своей части, ибо все одинаково горело желанием быть полезными дорогому всем делу добровольчества. В особенности старался в этом отношении сам наш командир, Поморский: в те часы, когда мы с выздоровевшим Воль-

фом увлеченно вели усиленные строевые занятия, не знавший усталости командир целыми днями где-то рыскал, раздобывая всякую всячину положительно какими-то волшебными способами.

Но успехи Поморского не ограничивались приобретениями для части одних только хотя и полезных, но все же неодушевленных предметов... Возвращаясь из своих удивительных экспедиций, он вместе с целыми тюками холста, сукна, кожи и даже бархата для бескозырок приводил с собою сапожников, портных, шорников и даже белошвейек, тотчас же заставляя их приниматься за работу на пользу любимой части. И вскоре все ее верные сыны начали выглядеть положительно как шикарные юнкера доброго довоенного времени: на всех оказались прекрасные сапоги лучшей кожи, безукоризненные шаровары и гимнастерки, и уже как своего рода «апофеоз» — эlegantнейшие бескозырки мирного времени...

Представился вскоре и случай по справедливости похвалить всеми этими достижениями перед высшим начальством... Наступил день праздника части, когда ей суждено было пройти перед взорами такового при звуках старого полкового марша церемониальным маршем. И это происходило не только в присутствии высшего начальства и офицеров роты нашего полка, но и на глазах многочисленных приглашенных и любопытных свидетелей из среды местных городских и пригородных обывателей.

Мы были встречены искренним и шумным восторгом, в конце превратившимся в настоящую овацию. Последовали всякие благодарности и лестные приказы, бывшие, конечно, несомненною и лучшею наградой и серьезным поощрением для дальнейшей службы на пользу части и общего дела... Одновременно с похвалами последовал и приказ о переименовании и разворачивании нашего Гвардейского конно-подрывного полуэскадрона в эскадрон.

Вечером в день этого праздника мы весело, но в меру кутнули в родном полковом кругу, засидевшись после парадного обеда до позднего часа... И какие вдохновенные речи произносились тогда за нашим столом, особенно живым и темпераментным общим любимцем — нашим старшим полковником и отличным товарищем Николаем Михайловичем Никоновым; как неподдельно верилось каждому из нас в то, что наше национальное дело, казавшееся святым и чистым, не пропадет бесплодно и бесславно... Как верилось тогда, что Россия восстанет после своей жестокой болезни скоро, немедленно и что все переживаемые нами невзгоды и ужасы окажутся только краткими, хотя и грозными кошмарами... Увы. Всемогущему Богу было угодно сделать не так, как нам хотелось!..

Мост был захвачен. Наши доблестные части перешли на другой берег Днепра, и противник отошел далеко...

Вскоре Поморский уехал в Ставку, а оттуда на Кавказ — в отпуск и... к невесте. При части офицеров осталось только нас двое, спящих тесною дружкой и одинаково беззаветно преданных добровольческому делу.

Отправки на фронт можно было ожидать каждый день, ввиду чего все наши усилия были направлены на то, чтобы выйти на новую боевую дорогу еще более подготовленными. И не проходило дня, чтобы мы, поднявшись на рассвете, тотчас же не начинали бы усиленно заниматься с людьми верховой ездой, вольтижировкой, рубкой, пешим строем и всеми остальными предметами военной премудрости.

За этой усиленной и напряженной работой наши часы и дни пролетали неудержимо быстро вплоть до того момента, когда нам было суждено снова с головою окунуться в новую боевую страду, полную превратностей и лишений... Но пока мы пребывали на кирпичном заводе, наша жизнь не приносила ничего, кроме тихой радости и глубокого душевного удовлетворения...

Вспоминаются мне, между прочим, встречи с одним из милейших и благороднейших старых офицеров нашего полка, с которым сталкивала нас судьба именно в эти памятные и знаменательные дни. Им был уже выше упоминаемый полковник Д.И. Досс, старый и уже седой служака, безгранично и искренно преданный Родине, армии, родному полку и добровольческому делу.

Редкий день проходил без того, чтобы полковник Досс не встречался бы с кем-либо из наших и не интересовался бы положением и состоянием части.

Случилось однажды так, что я, чувствуя себя не совсем здоровым, оставался при части один, так как поручик Вольф куда-то отлучился. В минуты этого моего одиночества появился передо мною какой-то крестьянин с ближайшего железнодорожного полустанка.

— Письмо от барина... полковника! — заявил он, передавая мне полевой конверт. — Приказали вам немедленно ехать к ним.

Прочитав письмо, я тотчас же приказал подать себе коня и спустя несколько минут уже мчался по направлению к глухому полустанку, в дежурной комнате которого нашел одинокого Д.И. Досса, мирно ожидавшего моего появления... Оказалось, что, не получая долго от нас никаких вестей, заботливый и добрый наш старший полковник забеспокоился не на шутку и недолго думая сам приехал на паровозе, чтобы узнать о нашей части и ее положении.

— Ну вот теперь я опять спокоен, — сказал полковник с добродушною улыбкой. — А то ни вестей не приходит, ни самих вас не видно... Теперь могу и обратно двигаться...

И, поговорив со мною еще несколько минут, он снова взобрался на свой паровоз, терпеливо ожидавший его под парами около полустанка, — после чего исчез вместе с ним в голубой туманной дали...

Обитая на кирпичном заводе и находясь все время, так сказать, на отлете от города, мы сами были лишены возможности держать себя в курсе всех военных новостей и немедленно узнавать о новых распоряжениях начальства, способных влиять и на нашу собственную судьбу. А слухи носились разные...

Так прошло еще несколько дней — и вдруг однажды вечером неистово затрепал полевой телефон. Я подошел к аппарату и услышал знакомый голос нашего поручика К.А. Петрова, находившегося в это время во главе команды связи дивизии.

— Пусть Вольф немедленно явится к начальнику штаба! — передал Петров. — Сообщаю, кроме того, по секрету, что ночью вся дивизия спешно грузится, а эскадрон пойдет в головном эшелоне... Мирное и благодушное житье на кирпичном заводе кончилось.

Встрепенувшийся Вольф немедленно же помчался в штаб, а я, подняв на ноги весь эскадрон, стал спешно готовиться к выступлению... А еще через несколько часов мы уже катили в голове всей дивизии в вагонах своего эшелона, устремляясь в неизвестном направлении и, как оказалось, на весьма долгий срок расставшись с нашею короткою, но спокойною жизнью на гостеприимном биваке...

Наши доблестные части лихим ударом снова отбили Екатеринослав. В Нижнеднепровске, где мы задержались с эшелонном около станции, мною было получено приказание взять квартирьеров от дивизии и, пройдя железнодорожный мост, отвести в Екатеринославе квартиры для постоя всех частей дивизии... Немедленно же я приступил к выполнению возложенного на меня поручения и, собрав квартирьеров, быстро перешел с ними длинный мост; оставив телефонистов на вокзале для поддержания связи со штабом дивизии, с остальными направился я в город.

Очутившись в Екатеринославе, мы тотчас же принялись обходить его в достаточной мере загрязненные и почти везде на окраине пустынные улицы, осматривая и выбирая здания, подходящие для постоя наших частей. Но работа эта, как оказалось, была напрасной... Часа через два, когда я связался по телефону с вокзалом, мои телефонисты передали приказание штаба дивизии: отвод квартир прекра-

тить и без задержек возвратиться со всеми квартирными на станцию Нижнеднепровск для принятия участия в каких-то новых действиях...

Быстро собрав рассеявшихся по Екатеринославу квартиреров, я вскоре был уже в штабе, возвратясь обратно по тому же длинному мосту. Новости, мною услышанные от штабных офицеров, были небезынтересными. Как оказалось, вся дивизия собиралась выступить походным порядком по левому берегу Днепра в сторону важного железнодорожного узла — города Кременчуга, куда одновременно направлялась по правому берегу казачья бригада генерала Шифнер-Маркевича... Наш эскадрон я уже не нашел на месте: он успел разгрузиться и спешно ушел на окраину посада, дабы на рассвете выступить в поход в составе Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, под командой генерала Попова.

В момент нашего прибытия на станции шла спешная разгрузка эшелонов пехоты и артиллерийских частей дивизии генерала Оссовского. С ними разгружалась и рота лейб-гвардии Салерного полка под командой полковника В.Г. Авенариуса, которая по-прежнему доблестно работала в составе дивизии, как весьма устойчивая (благодаря интеллигентным добровольцам и немцам-колонистам из Таврии) и большого состава пешая часть, лишь изредка выделявшая и команду связи для обслуживания дивизии... Я рад был снова повидать своих друзей и однополчан, и на некоторое время задержался у них.

Распоряжение о предстоящем походе в авангарде дивизии крайне обрадовало всех гвардейских конносапер, так как сводным полком лихих кавказцев командовал хорошо известный в армии, милый и доблестный полковник А.В. Попов, неоднократно зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны, как перед начальством, так и перед своими подчиненными...

С наступлением рассвета мы уже находились в движении... Следуя в хвосте у поспешно отходившего противника, почти не останавливаясь, шла живописным левым берегом Днепра вся дивизия генерала Оссовского: в авангарде — Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии, а за ним — колонна частей 5-й дивизии.

Путь наш лежал вдали от железнодорожных линий и больших городских центров — «очагов» культуры и цивилизации, — что сразу же отражалось на отношении к нам местного населения, мирного и чуждого злобы... Заброшенные в глуши, обширные и прекрасные украинские села и тихие хутора были полны покоя, благодушия и даже романтических настроений, чуждых какой-либо современной политики и ее лозунгов...

И дни, в какие совершался этот памятный поход, были ясными, солнечными, наполнявшими душу тихой радостью и стремлением к какой-то спокойной и чуждой ненависти жизни... То и дело до нашего слуха доносились звуки прелестных украинских песен, а на лицах встречных крестьянских женщин горели полные привета улыбки, заставлявшие совершенно забывать о переживаемом тяжком времени и нелепой междоусобной брани, творившей столь хорошо знакомые нам ужасы...

С самого начала этой жестокой Гражданской войны я уже привык пессимистически относиться к тем или другим настроениям мирного населения, среди которого нам приходилось оперировать. Население это в большинстве случаев не могло высказывать своих подлинных чувств и мнений, будучи напугано возможностью обретения неприятностей от обеих враждовавших сторон... Проходили ли через деревню белые или красные — как к тем, так и к другим приходилось относиться с сугубой осторожностью и сдержанностью, дабы не навлечь на себя спуска какой-нибудь день или даже час гнева и мести со стороны противоположной.

Короче говоря, до нашего похода по левому берегу Днепра в составе дивизии генерала Оссовского, я давно уже не верил чувствам, словам и рассказам местных жителей, наученный горьким опытом, вынесенным из предыдущих с ними встреч.

Но, очутившись среди тех деревень и хуторов, о которых мне пришлось только что упомянуть выше, я невольно убедился в неправильности создавшегося у меня мнения о неискренности их мирных обитателей: всюду, где ни проходили наши части среди селений левобережной Украины, крестьяне их встречали с непритворною радостью, переходившею иногда прямо в восторженные овации, об искусственности коих не могло быть и речи... По всему было видно, что наше белое войско являлось для мирных хуторян этой части благодатного края — родным, близким и желанным в противовес той глубокой антипатии, которую все украинцы питали к коммунистам и красной власти...

Почти безостановочно, делая громадные и быстрые переходы, полк передвигался вперед в авангарде дивизии, только изредка устанавливая непосредственную связь с отступавшим противником и вступая с ним в короткие бои, заключающиеся главным образом в выбивании его заморенных частей из деревень, служивших им приютом для отдыха.

Так наш отряд постепенно подошел к реке Пселу, красивейшему притоку Днепра. На этом месте противник пытался оказать последнее сопротивление нашему натиску, а затем, отойдя на правый берег реки,

уже окончательно открыл авангардному кавалерийскому полку и всей дивизии свободную дорогу на Кременчуг.

И здесь я начал переживать незабываемые минуты радости, полные тихого и глубокого очарования... Мне приходилось теперь передвигаться в рядах своей родной части по холмам и равнинам, так хорошо знакомым мне с детства: это был мой родной край, до бесконечности близкий и любимый.

И чем дальше я шел вперед, тем сильнее становилось очарование... Казалось, что мне улыбается каждая хатка, каждый знакомый лесок и пригорок. Ведь было время, когда я носился по всем этим местам беспечным и резвым ребенком, проводил здесь прекрасные дни своей юности, окруженный незабвенными лицами родных и друзей. На каждом шагу передо мною вставали милые картины далекого прошлого, где все было озарено только лучами одного безграничного, тихого счастья... Я видел берега речек, по которым странствовал со сверстниками в поисках хороших мест для рыбной ловли, и чародей-старца Афанасия Карповича, знавшего все лучшие рыбные «кручи» и бравшего меня с собою на целые ночи; я видел поля, среди просторов которых звучали выстрелы моей охотничьей двустволки; издали улавливал привычным глазом очертания усадеб и хуторов, принимавших меня когда-то для часов веселья, радостных и даже первых юношеских увлечений. Одним словом, все это были места, где когда-то я был беззаботно счастлив, как и мог только быть счастлив юноша моего круга, выросший среди ласки и покоя любящей семьи на просторах благодатной Украины... И читателю будет вполне понятно мое волнение, с каким я шел в качестве начальника головного разъезда, исполняя приказание командира полка, мило сказавшего мне на прощанье:

— Ну, поезжайте с богом по вашим родным местам... ведь среди нас нет никого, кто мог бы так хорошо знать здесь каждую тропинку и хату!.. Произведите тщательную разведку деревень и хуторов по другой сторону реки... весьма возможно, что противник там именно устроил свои засады... Не забудьте также, выяснив положение на реке Песеле, разведать местность и вдоль железной дороги Полтава—Кременчуг...

И я, выполняя приказание командира, уходил вперед все дальше и дальше...

Противник тем временем отходил поспешно и беспорядочно, оставляя села и хутора... И вскоре я уже поднимался на хорошо знакомую мне Песчаную гору у самого Кременчуга. Как оказалось, за час до того в город успели проникнуть и разъезды казаков генерала Шифнер-Маркевича, которых я и встретил, спускаясь с горы, когда они преспокойно рыскали по дворам пригорода.

— А где же все ваши остальные станичники? — спросил я одного из этих лихих представителей тихой Кубани. — Где вся ваша бригада с генералом?

— Где бригада? — с некоторым недоумением переспросил симпатичный и расторопный кубанец, задерживаясь у порога какой-то хаты и прикладывая руку к папахе. — А... втягивается в город, ваше благородие... по большому мосту, да в этот самый город, куда вы идете теперь... Наши станичники уже, почитай, собрались на площади и слушают молебен.

— Как же вы сюда попали? — спросил я, пораженный таким приятным сюрпризом.

— А с другой стороны... Генерал приказали бригаде налетом захватить железный мост со стороны Крюкова... Мы и захватили, а красные готовили взорвать его... Теперича, значит, уже давно в городе...

Отправив донесение, радостный, я направился дальше, продвигаясь улицами, на которых еще 2—3 часа тому назад хозяйничал противник.

Моя разведка кончилась, и теперь мне со своими людьми приходилось выполнять вторую задачу: подыскать квартиры для постоя своих людей и роты гвардейских сапер, следуя заблаговременно полученному распоряжению полковника Авенариуса.

Вскоре все мои друзья и сослуживцы были уже в Кременчуге, где несколько дней мы были вместе, так как противника преследовала бригада генерала Шифнер-Маркевича, а дивизия была здесь задержана на два дня.

В пламени повстанчества

Лето 1919 года принесло с собою большевикам крупные разочарования.

Окрепшая и значительно разросшаяся к этому времени Добровольческая армия неожиданно перешла в наступление, и под ее натпором пали Николаев, Одесса и Херсон, не говоря уже о других, более мелких пунктах этого района, еще недавно занимаемых красными отрядами.

Большевики заколебались и стали поспешно очищать Крым, Таврию и Донецкий бассейн, постепенно переходя в настоящее паническое бегство, бросившее красные армии к днепровским переправам.

Обоими берегами Днепра, оставив позади себя железную дорогу, победоносно шли большие силы Добровольческой армии...

Правым берегом двигался отряд генерала Оссовского, в состав которого входили: 5-я пехотная дивизия, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии, рота гвардейских сапер и Гвардейский конно-подрывной полускадрон. Левым берегом пошли казаки под командою генерала Шифнер-Маркевича, перешедшие впоследствии днепровский мост у посада Крюкова.

Чувствуя за собою непреодолимую силу этих прекрасных добровольческих частей, большевики уходили все дальше и дальше, приходя в полнейшую дезорганизацию и превращаясь в беспорядочные банды, преследовавшие только цели личного спасения.

Вскоре отряды генералов Оссовского⁷⁰¹ и Шифнер-Маркевича, почти одновременно появившиеся около Кременчуга, стремительно заняли этот большой железнодорожный и промышленный центр, ворвавшись в него почти на плечах убежавших красноармейцев.

Но, заняв Кременчуг, победители-добровольцы не остались в нем «почивать на лаврах» и не приостановили своих дальнейших действий, продолжая стремительно преследовать растерявшегося противника своими передовыми отрядами.

Спасаясь от белых, разрозненные части большевиков бежали по левому берегу Днепра и по двум железнодорожным направлениям на Полтаву и Ромодан—Киев, отмечая свой путь всякого рода бесчинствами и кровавыми расправами с незащитным населением, попадавшимися на их пути городов и сел.

Положение мирных жителей всего этого края в описываемое время действительно представлялось исключительно трагическим: лишенные всякой связи с крупными центрами, давно не получавшие никаких газет и писем и положительно не знавшие о том, «какому из богов следует молиться», — все эти несчастные люди, среди которых находилось много интеллигенции и бывших офицеров Императорской армии, жили в постоянном страхе перед всякими ужасами, каковые им могло принести ежеминутное вторжение разнузданных и озлобленных своею неудачей большевиков.

Поэтому является вполне понятною та радость, с какою встретились мирным населением этой области весть о скором приходе добровольцев, которых оно по справедливости считало своими «избавителями», способными вернуть измученным городам и селам желанный покой.

Разбитые большевики бежали, но за ними где-то вдали победносно шли добровольцы, несшие с собою конец всем невзгодам и ужасам.

И, притаясь в своих забытых всем миром уголках, запуганные жители Украины ждали прихода последних как манны небесной, втайне

готовя им торжественные встречи и самый радушный прием, основанные на чувствах неподдельных любви и благодарности.

К этому-то времени и относится, между прочим, один из ужаснейших эпизодов, представляющийся исключительным даже в ряду всех наиболее кровавых картин жестокой Гражданской войны 1919 года...

Эпизод этот произошел в небольшом городке Правобережной Украины, известном по своему славному и историческому прошлому, но с конца XVIII века начавшему постепенно гложуть и под конец превратившемся в мирное провинциальное местечко Юга России, укромон скрывающееся в кущах своих садов.

Заслышав о победе добровольцев над большевиками и приближении первых к их оторванному от всего света уголку, жители этого городка, подобно другим, воспрянули духом и стали с нескрываемой радостью готовиться к встрече избавителей.

— Идут, идут белые! — пронеслось по городу. — Довольно мучений и ужасов! Идут добровольцы в фуражках с кокардами и настоящими погонами на плечах! Слава богу!..

Такие радужные вести передавались из уст в уста на каждом шагу, наполняя сердца измученных горожан неподдельным восторгом.

В этом городке проживало немало интеллигенции, бывших чиновников царского правительства и офицеров старой армии, не успевших примкнуть к добровольцам. Для последних приход воинов в погонах и с настоящими кокардами на фуражках представлялся уже настоящим днем Светлого Христова Воскресения, вследствие чего они не могли надлежащим образом скрыть своих восторгов и неосторожно делились ими с каждым встречным.

Бедные люди на радостях совсем забыли о том, в какое страшное и братоубийственное время приходилось им жить.

О преждевременных восторгах и ожиданиях измученных горожан неожиданно проведал начальник одного из отступавших под напором добровольцев отрядов, находившихся поблизости. А был им человек, несомненно, искренно преданный коммунистам, до крайности озлобленный их неудачей и в то же время по-своему смекалистый и способный на всякие неистовства в целях истребления ненавистных белых и их мирных сторонников.

Узнав о настроениях жителей тихо дремавшего среди своих зеленых садов городка, командир-большевик быстро создал поистине дьявольский план, каковой, к несчастью, ему и удалось тотчас же выполнить с полным успехом.

Выбрав из числа своих всадников-красноармейцев несколько наиболее верных и смелых, он умело «подделал» их «под доброволь-

цев», нашив им на гимнастерки погоны и заменив коммунистические пентаграммы на фуражках добровольческими кокардами.

После успешного завершения такого рода «подделки», все эти переряженные большевики, получив от своего командира надлежащие инструкции, поскакали в городок, жители которого так нетерпеливо поджидали добровольцев.

По прибытии туда, тотчас же обратив на себя, конечно, всеобщее внимание, верные посланники хитрого большевика смело выдали себя за белогвардейский разъезд, прибывший с вестью о приближении передовых отрядов Добровольческой армии. И от лица последней были переданы соответствующие устные сообщения духовенству, чиновничеству, чинам городского управления и вообще всему населению городка...

— Идут, идут!.. Их разъезды уже на площади!.. Слава богу!.. встречать!..

— Но как и где встречать? — спрашивали одни. — Необходимо встретить добровольцев как можно более сердечно, искренно, торжественнее!..

— Само собою разумеется! — отвечали другие. — Всей интеллигенции во главе с духовенством и бывшими представителями власти следует собраться где-либо вместе и официально приветствовать избавителей!..

Вскоре решено было собрать всех старожилов в помещении местной школы, что и было исполнено без всякой задержки, так как жители городка, жаждавшие поскорее увидеть добровольцев, слетались к назначенному месту как бабочки на огонь.

В тот же ясный июльский день, когда солнце уже было близко к заходу, во двор этой школы въехал небольшой отряд всадников с теми же погонами и кокардами, какими были убраны прибывшие ранее чины «белогвардейского» разъезда... И к воротам школы, украшенным национальными флагами, повалили горожане, охваченные воистину праздничным настроением...

— Смотрите — они и впрямь в погонах!.. Вот они, наши-то, настоящие!.. Слава Тебе Господи!..

В большом школьном зале тем временем собралось около 150 человек представителей местной интеллигенции.

Бывшие чиновники и офицеры постыдились снова переодеться в старую форму, нацепив на себя долго лежавшие в разных укромных местах ордена и знаки; духовенство уже спокойно облачилось в камиллавки и рясы и возложило на себя наперсные кресты.

В зал торжественно проследовали несколько «представителей» бывшего «белого» отряда и не без достоинства принимали трогательные приветствия-горожан...

Многие из последних искренно плакали, стремясь в то же время доверчиво излить перед «избавителями» свою душу, тяжело наболевшую за страшные дни владычества большевиков, сопровождаемого насилиями и грабежами...

Представители «белых» некоторое время внимательно и, по-видимому, сочувственно выслушивали все жалобы своих «спасенных», пока по помещению школы не пробежала как бы зловещая искра, внезапно изменившая всю картину...

— Закреть ворота! — неожиданно загремел на дворе чей-то резкий и грубый голос. — Представление кончено!.. И никого из этой кадетской сволочи не выпускать из школы!..

И вслед за этим криком все «добровольцы» с циничным смехом стали срывать с себя погоны и кокарды, сопровождая свои действия площадною бранью по адресу опешивших несчастных людей, тотчас же уразумевших весь ужас своего положения.

— Вот вам ваши белые! Посмотрите, каковы они! — слышались зловещие выкрики. — Вот вам ваши добровольцы!

И не прошло нескольких мгновений, как в воздухе засверкали красноармейские шашки, послышались зловещие удары клинков о живое человеческое тело, короткие и сухие выстрелы из наганов и отчаянные крики несчастных интеллигентов, безжалостно уничтожаемых и расстреливаемых в упор...

Зал мирной городской школы наполнился запахом порохового дыма, крови и стонами раненых, тут же добываемых совершенно осатаневшими палачами...

Дьявольски задуманный план большевиков удался, повергнув в страх весь городок.

Стоявший за воротами школы простой народ тотчас же в ужасе разбежался, оставив злосчастную интеллигенцию погибать в импровизированном большевистском застенке...

Душераздирающие крики попавших в кровавую западню мучеников до рассвета раздавались в школе, стены которой сделались свидетелями сцен, не поддающихся никакому описанию.

Мстившие за свои неудачи большевики издевались над своими жертвами всю ночь, преподнося некоторым из них смерть только под самый конец расправы, как бы в виде особой награды.

К восходу солнца упоенные своим успехом «мстители» покинули город, захватив с собою несколько заложников...

Находившиеся ночью по счастливой случайности вне школы родственники несчастных интеллигентов, собравшихся в ней накануне для торжественной встречи своих избавителей, тотчас же бро-

сились в этот роковой дом, оставленный открытым ушедшими палачами.

Картина, представившаяся глазам вбежавших в него людей, была настолько потрясающая, что трое из них тотчас же лишились рассудка, оставшись на всю жизнь сумасшедшими...

Среди холодеющих и обезображенных трупов, потоков крови, отрубленных конечностей и прилипших к стенам школы кусков мозга валялись еще несколько недобитых раненых, испускавших нечеловеческие стоны...

Некоторых из них близким людям удалось кое-как вернуть к жизни.

Но таких было немного...

Одного из этих «счастливых», бедного учителя, автору настоящих строк пришлось лично расспрашивать о пережитых ужасах, перед описанием которых остановился бы и творец «Божественной комедии».

Трудно передать на словах все то, что происходило наутро после бесчеловечной кровавой бани, устроенной большевиками в городской школе в страшный июльский вечер.

Очевидцы рассказывают, что в течение всего последующего дня над городом буквально стоял один непрерывный вопль безысходного горя, отзвуки которого были слышны далеко за городской чертою...

Обезумевшие от отчаяния женщины, полуодетые и растрепанные, с ужасом распознавали в обезображенных трупах своих мужей, сыновей и отцов, завертывали их останки в простыни и, собрав последние силы, несли свой страшный клад домой для отдачи последнего долга...

И не одни мужчины пали безвинными жертвами страшных палачей. Для встречи и приема псевдобровольцев в школьной зале накануне собралось и немало женщин, среди которых находились и совсем юные гимназистки, восторженно изготовившие для поднесения своим «избавителям» букеты роз, перевитые трехцветными лентами.

Эти розы явились последними цветами их девической чести и жизни, нашедших себе неопределимый конец при иступленном гоготании негодяев-насилльников...

Со всех концов городка безысходно тоскливой вереницей тянулись к городскому кладбищу кучки несчастных «интеллигентов», несших на своих плечах наскоро сколоченные гробы.

Звучали похоронные напевы, вырастали один за другим надмогильные холмы, число которых в течение одних суток перевалило за сотню.

Не одна женщина, потеряв последние силы после исчезновения под землей дорогого гроба, оставалась лежать без чувств на свежем могильном холме, не привлекая к себе ничьего внимания.

Чужое горе в эти минуты уже никого не трогало.

Страшная и кровавая беда, неожиданно упавшая на маленький и до того времени «богоспасаемый» украинский городок, повергла всех его уцелевших жителей в состояние полнейшей прострации, граничившей с безумием.

А на утро следующего дня — о жалкая насмешка судьбы! — в этот же городок пришли уже подлинные добровольцы, менее всего ожидаемые в эти минуты... Но взамен радостных речей, приветов и благодарности им пришлось услышать только панихидное пение, доносившееся с кладбища, и несвязные, неопределенные ответы охваченных новыми страхами горожан.

Многие из последних предпочитали просто молчать, по вполне понятной причине уже не веря и настоящим добровольцам.

— Пришла вторая ваша партия, чтобы добывать оставшихся! — слышались глухие замечания горожан, направляемые по адресу ни в чем не повинных белых. — Ну что же, добывайте!.. Только поскорее!.. Мы готовы на все!..

— Да что вы, чудачки такие! — пытались возражать смущенные добровольцы. — Ведь мы же свои, белые, из отряда генерала Оссовского... Разве вы не видите — на нас погоны!

— Да, как же, погоны!.. И на тех, что резали и убивали здесь накануне, тоже были погоны... Не верим мы больше никаким поганам. Опять дьявольский маскарад.

Что могли возразить бедные настоящие на такие речи? Чем могли они утешить и успокоить людей, уже переживших самое страшное из переживаний многих поколений?

Простояв в городке несколько часов и накормив лошадей, отряд добровольцев так же скромно двинулся в дальнейший путь по направлению к Черкассам, обещав безутешным горожанам достойно отомстить за невинно пролитую кровь...

Ужасная вещь гражданская война, и недаром верующие люди считают «междоусобную брань» одним из величайших попущений Божьих...

* * *

Окончился июль, наступил август. Начали быстро сокращаться дни. Повяло приближающейся осенью.

5-я дивизия Добровольческой армии, перейдя на правый берег Днепра, заняла район Знаменки, Бобринской и Елисаветграда. Потерпевшие поражение большевики быстро исчезли из всего этого края,

оставив после себя воспоминания о днях ужаса и крови. Местность начала успокаиваться, переходя к оставленному крестьянскому труду и нормальной городской жизни.

В Цыбулеве, Фундуклеевке, Бобринской и Каменке, уже занятых небольшими, но постоянными отрядами добровольцев, смело пооткрывались магазины и лавчонки, заблаговестили колокола на церковных колокольнях, появились свободно разгуливавшие по улицам обыватели, посылались бодрые разговоры и речи, напоминавшие о настроениях давно минувших времен.

Красный призрак, уже достаточно хорошо знакомый всем этим местностям, успевшим познать прелести большевистского нашествия, стал постепенно таять. Большинству жителей Украины казалось прямо невероятным, чтобы красная власть, пришедшая непрощеной откуда-то с далекого севера, могла возвратиться снова в эти края, имевшие свои самобытные взгляды и свою психологию.

Хорошо чувствовали себя и добровольцы, предвкушавшие вполне заслуженный отдых после пережитых военных трудов и вполне уверенные в полном успехе всего белого дела. В особенности радовались в это время офицеры-петербуржцы, находившиеся в составе разных добровольческих частей.

— К Рождеству армия Деникина возьмет Москву, а армия Юденича — Петроград... Юденич уже двигается вперед, и красные не выдерживают его натиска! Юденич возьмет Петроград обязательно!.. — слышались оживленные разговоры, имевшие в те времена вполне реальное основание. — К Рождеству я буду уже у себя на Кировной и ставлю флакон вина у Фелисьена.

— А я у Кюба! — подхватывал какой-нибудь восторженный юноша, искренно веря в грядущие светлые дни. — Я всегда предпочитал Кюба Фелисьену... У Кюба — удивительные завтраки и замечательное красное вино! Мой отец обожал Кюба!

— А я первым долгом поеду в Павловск, где у нас осталась дача... Воображаю, во что ее превратили «товарищи»... Милый Павловск, с его вокзалом и концертами!.. Весною опять будем слушать музыку!..

Так мечтали бедные петербуржцы, временно оторванные от своих частей, сосредоточенных теперь где-то в районе Киева и Нежина.

— А пока хорошо было бы поскорее попасть к своим, повидаться и поговорить с друзьями. Достаточно прикомандирований!.. Приятно в Петербург возвращаться со своим полком... Впрочем, это все так и будет, ибо нам здесь делать нечего. Большевики изгнаны, разбиты в пух и прах и никогда сюда больше не вернуться... Крутом тишина...

Но расчеты молодых людей на быстрое возвращение к своим частям в силу окончания на Украине всяких военных действий оказались преждевременными...

Не прошло и месяца после занятия Знаменки и Бобринской частями 5-й дивизии Добровольческой армии, как их командиры были встревожены вестями о смелых действиях новых противников, оказавшихся отрядами повстанческих атаманов: Махно, Коцура, Богдана, Квашни и др.

В середине августа неожиданно поднявший голову Махно решительным ударом разгромил Симферопольский полк⁷⁰² корпуса генерала Промтова⁷⁰³ и, покинув Уманский фронт, перерезал железную дорогу и бросился к Елисаветграду. Одновременно с этим Махно всеми силами стремился соединиться с отрядом другого повстанческого атамана — Коцура, после разгрома большевиков безнаказанно бродившего по разным местностям Украины и занимавшегося грабежами и нападениями на усадьбы помещиков.

Но вовремя посланные отряды добровольцев успели помешать такому соединению, преградили путь отрядам Коцура, двигавшимся навстречу Махно, и лишили их возможности выйти на линию железной дороги. Тем не менее Махно, упорно рвавшийся к родным его повстанцам местам, какими являлись Пологи, Никополь, Александровск и Гуляй-Поле, сумел пробить себе дорогу среди тылов 2-го корпуса⁷⁰⁴ Добровольческой армии и, вырвавшись из окружения белых, добрался до намеченной цели.

Повстанцам Махно удалось утвердиться в Александровске, Пологах и Токмаке, чему уже не в силах были воспрепятствовать добровольцы, немало потерявшие энергии и сил в борьбе с этими новыми смелыми противниками.

Но соединиться с Коцуром и другими ему подобными атаманами Махно все же на этот раз не удалось, точно так же, как не удалось сохранить с ними и связи, совершенно уничтоженной мелкими частями 2-го Добровольческого корпуса, занявшими ряд станций вдоль железнодорожной линии в районе Цыбулева и Бобринской.

После этого среди временно встревоженных добровольцев вновь начало воцаряться успокоение и снова возродились надежды на скорое возвращение к своим частям и знакомым с детства местам.

— Все эти выступления Махно, Коцура и им подобных авантюристов — не что иное, как «последняя тучка рассеянной бури»... — слышались успокоительные замечания. — Большевики кончились, а вслед за ними исчезнут и повстанцы... Все это — одно и то же...

Но, как оказалось впоследствии, такового рода суждения о повстанцах были глубоко ошибочными...

Сентябрь 1919 года принес с собою моим друзьям по Гвардейскому конно-подрывному полуэскадрону уже вполне реальную радость: от высшего начальства был получен приказ грузиться эшелону и направляться к Киеву.

— Едем к своим! — возликовали гвардейские конноподрывники, — в Киев и Нежин, где находятся все наши! Довольно прикомандирований!

Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон, почти поголовно составленный из юнкеров, кадет, студентов и удивительных по своей стойкости и порядочности немцев-колонистов, долгое время находился в прикомандировании к чужой дивизии, принося ей немалую пользу своей прекрасной и самоотверженной работой.

Отношение к гвардейцам-подрывникам со стороны их временных «хозяев» было отличное, но весть о близкой возможности присоединиться к своим частям наполнила души молодых бойцов настоящим восторгом.

— А там скоро и в Петроград, на Кирочную, и в Усть-Ижору! — послышались голоса обожателей далекого севера.

Погрузка эшелона представлялась настоящим праздничным торжеством. Закончилась она быстро, и спустя несколько часов мы уже двинулись к Киеву, пребывая в самом радужном настроении.

Этого настроения не мог у меня отогнать даже тяжелый приступ лихорадки, периодически мучившей усталый организм все последнее время и сопровождавшейся высокой температурой.

— Не беда! — утешал меня кто-то из приятелей. — Через сутки-другие будем находиться в других условиях, и тогда все твои лихорадки как рукой снимет! Ведь мы же едем к своим, в родные части!..

Кое-как устроившись в сене и завернувшись потеплее, я вскоре задремал, рассчитывая подняться со своего ложа не раньше, как где-нибудь под самым Киевом...

В вагоне было тесно и душно... Где-то по соседству фыркали кони, и о чем-то оживленно и весело спорили добровольцы, уснащая свою речь весьма смелыми словечками. Колеса вагонов стучали, унося поезд в темноту сентябрьской ночи.

Остановились в Знаменке, и, по-видимому, на долгое время, потому что эшелон упорно не желал двигаться с места.

Продолжая пребывать в своем лихорадочном полузабытьи, я услышал за стенкой вагона чьи-то громкие голоса и упоминание моего собственного имени.

— Вам командира? — говорил кто-то из моих подрывников кому-то неизвестному. — Командир здесь, вот в этом вагоне... Только он нездоров и спит... приказал его не трогать.

— Это безразлично!.. Немедленно же разбудите вашего командира и передайте, что его требует к себе начальник штаба корпуса!.. Он находится здесь же, в Знаменке, в своем вагоне... Очень важное и спешное дело!..

Через какую-нибудь минуту мне пришлось окончательно расстаться со своими лихорадочными грезами и, быстро облачившись и прицепив оружие, двинуться вдоль железнодорожных путей по указанному направлению.

К счастью, вагон начальника штаба находился поблизости, и вскоре я очутился в одном из его купе, где меня встретил симпатичный и улыбающийся генерал.

— Не судьба, не судьба вам еще и на этот раз попасть к своим! — заявил он мне, как бы извиняясь. — Придется вам задержаться и поработать еще здесь, в районе нашего корпуса... Ваша часть в достаточной мере прославлена своею доблестью — так поработайте еще с нами... Время и обстоятельства заставляют нас задержать ваше стремление к Киеву...

— Слушаюсь, ваше превосходительство!.. — пробормотал я, несколько смущенный упавшею на наши головы неожиданностью.

— Ваши люди — один восторг! — снова улыбаясь, сказал начальник штаба. — Все ваши кадеты, юнкера и студенты вызывают всеобщую похвалу, в которой, впрочем, они особенно и не нуждаются. Эта юная сила истинной России, исполняющая свой патриотический долг не за страх, а за совесть... К тому же у вас есть и пулеметы, такие редкие по теперешнему времени... Итак, оставайтесь в Знаменке и вслед за тем направляйтесь к новой работе!..

— Слушаюсь! — повторил я. — Быть может, вашему превосходительству будет угодно сообщить мне о сущности возложенной на меня задачи?

Лицо симпатичного генерала сделалось серьезным.

— Не скрою от вас, что задача эта не относится к числу легких... Вам, вероятно, хорошо известно, что весь этот район кишмя кишит всякими разбойничьими бандами, называющими себя повстанцами и в то же время занимающимися грабежами и порчею железных дорог... Так вот нам и нужно воспрепятствовать подобного рода преступной деятельности! Уверен, что ваши юнкера, кадеты и добровольцы-немцы справятся с такою задачею великолепно... Ведь у вас же много коней... А потому капитан Хлебников и ждет ваших молодых с нетерпением...

— Капитан Хлебников? — переспросил я. — Куда же прикажете нам направляться, ваше превосходительство?

— Пока — непосредственно на станцию Фундуклеевка! Отряд Хлебникова охраняет путь в обе стороны к соседним станциям и, кроме того, принужден устраивать экспедиции в окрестные села, чтобы отгонять повстанцев. Они не успокаиваются и нападают на наши поезда.

После этих слов генерал заметно понизил голос и закончил свою речь почти шепотом:

— Сейчас положение хлебниковского отряда в высшей степени тяжелое. Он ждет ночного нападения на станцию. И такое нападение может оказаться роковым для всего отряда. Повстанцы многочисленны, смелы и свободно могут вырезать всех добровольцев!.. А потому сейчас же получите приказ и немедленно направляйтесь на помощь храброму капитану... Повторяю, что он ждет ваших кадет и юнкеров как манны небесной...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — ответил я в последний раз и направился к выходу, но генерал поспешил меня задержать и добавил чуть слышно:

— Примите и сами все меры предосторожности на пути в Фундуклеевку! Особенно будьте начеку в Цыбулеве. У меня есть сведения, что повстанцы собираются устроить ночное нападение!

Приложив руку к козырьку и щелкнув шпорами, я распрощался с симпатичным генералом и вышел из его уютного вагона, тотчас же погрузившись в ночную тьму.

«Приятные перспективы открываются перед нами взамен свидания с друзьями в Киеве, — подумал я с досадой. — Вот тебе и торжественное движение на Петроград... Не судьба, видно, нам дожить целыми до светлых дней!..»

И, пребывая уже в самом прозаическом настроении, усугубляемом приступом возобновившейся лихорадки, я тотчас же направился отдавать необходимые распоряжения.

Эшелон наш продолжал оставаться неразгруженным, а потому ровно через полчаса мы уже ехали в новом направлении, быстро удаляясь от Знаменки.

Я снова лежал на сене, кутаясь в шинель и страдая от озноба.

В соседнем вагоне все так же фыркали кони, но прежде оживленные разговоры добровольцев умолкли, уступив свое место отрывистой солдатской ругани.

Неожиданный сюрприз, преподнесенный нашему эшелону симпатичным начальником штаба в Знаменке, не мог не отозваться и на настроении большинства подрывников. Рассказы о легендарных нападениях повстанцев и их головорезах-атаманах были хорошо знакомы

добровольцам и не могли способствовать сохранению радужных надежд, наполнявших их усталые сердца всего каких-нибудь два-три часа тому назад...

«Что-то будет через час? — думали многие. — Возможно, что повстанцы уже ждут нашего поезда где-нибудь на расстоянии версты...»

Но несмотря на такого рода ожидания, мы благополучно миновали ночью пресловутое Цыбулево, так же благополучно прибыли перед самым рассветом к месту своего назначения. Эшелон остановился.

— Ну вот и доехали! — услышал я сквозь сон голос своего друга и давнишнего сослуживца Г.М. Меркулова. — И ничего не случилось — все обошлось мирно и спокойно, и ни о каких повстанцах не было и помину!

— Это Фундуклеевка? — спросил я, с трудом приподняв голову.

— Она самая. Место пребывания капитана Хлебникова.

Я продолжал чувствовать себя нездоровым и потому попросил Меркулова пройти на станцию и доложить кому следовало о прибытии нашего отряда.

— Узнай, дорогой Григорий Михайлович, кто командует нами и куда переставят эшелон... Меня все еще не покидает проклятая лихорадка...

Меркулов ушел, захватив с собою дежурного по эшелону. В открытую дверь вагона начал медленно вползать серый рассвет и холодная болотная сырость... Я зарылся поглубже в сено, ожидая возвращения Меркулова, который, как мне показалось, пребывал в отлучке всего несколько минут. За вагонными стенами стояла все та же непроницаемая и влажная темнота, как и в момент нашего прибытия.

«Все здесь еще спят мирным сном, на этой Фундуклеевке! — подумал я, кутаясь в попону. — Меркулов только наделает лишнего переполоху, разыскивая Хлебникова...»

И вдруг — мои апатичные размышления были молниеносно прерваны неожиданным треском, раздавшимся где-то совсем поблизости. За первым треском последовал второй, а за ними уже отчетливо застучали где-то пулеметы, и с грохотом разорвался упавший около самого поезда снаряд...

Годы войны приучили ко всякого рода неожиданностям. Секунда — и я уже выскочил из вагона, окутавшись в холодную предрассветную полутьму. Вдали, за выделявшимися на сером небе силуэтами деревьев, слышались громкие, отрывистые крики и беспорядочный топот десятков бегущих ног...

И опять где-то уже совсем близко ухнул разрыв снаряда, на мгновение осветивший зловещим светом станционную водокачку.

«Недурно для начала! — мелькнуло у меня в голове. — Я и Хлебникова-то не успел повидать! А где же Меркулов?»

Меркулова не было, но навстречу мне уже бежал вахмистр, а из вагонов поспешно выскакивали люди, с тревогою озиравшиеся по сторонам... Крики и суета возрастали с каждым мгновением, и все ближе раздавалась беспорядочная стрельба из винтовок.

— Коцуровцы! — донеслось до моего слуха. — Они уже у насыпи! Смотрите!..

Я взглянул в указанном направлении и при слабом свете начинавшегося утра действительно увидел среди болотного тумана каких-то людей, группами перебегавших из соседнего леса к железнодорожному полотну. Не переставая обстреливать нас из винтовок, люди эти настойчиво продвигались в сторону станции, стремясь, по-видимому, охватить нас с фланга, из-за пакгауза...

Приказав подбежавшему вахмистру частично разгрузить эшелон, я тотчас же рассыпал всех своих наличных людей в цепь и направил их под прикрытие за станционные здания, дабы дать себе возможность хотя бы немного разобраться в создавшейся обстановке...

В эту только минуту увидел я своего друга Меркулова, бежавшего от станции вместе с двумя-тремя офицерами, оказавшимися чинами хлебниковского отряда.

— Хороший сюрприз к вашему прибытию! — успел мне сказать один из последних, вытаскивая из кобуры наган. — Дело нешуточное! Это Коцур!..

Я в нескольких словах стоворился с Меркуловым, тотчас же рассыпавшим часть наших людей в цепь и поведшим их навстречу повстанцам, наступавшим на станцию по полотну железной дороги. Остальные наличные добровольцы двинулись под мою командой в сторону пакгауза, стремясь задержать наступление противника, зашедшего нам во фланг.

Стрельба не прекращалась, и обстрел станции артиллерийским огнем становился все упорнее. Повстанцы надвигались на Фундуклеевку, смело приближаясь к нашему эшелону, продолжавшему стоять на своих путях.

А на противоположной стороне эшелона в это время творилось настоящее столпотворение вавилонское, сопровождаемое шумом, топотом конских копыт и отборною бранью охваченных суетою людей: это вахмистр и доблестный кадетский вице-фельдфебель Ланкоу выгружали лошадей и тачанки с пулеметами из эшелона, для того чтобы немедленно же привести последние в действие... Выбрасывая тачанку с пулеметом, кадеты тотчас же открывали из него огонь

ориентируясь с необыкновенною быстротою. Всеми этими удивительными бойцами были юноши 16—17 лет, еще так недавно сидевшие на классных скамейках за учебниками алгебры и естественной истории...

Но повстанческие цепи не останавливались...

— Господи, мы пропали! Посмотрите, что делается! Посмотрите на этих негодяев!

Это кричал наш вольноопределяющийся К., кричал надрывающимся голосом, в котором чувствовались и ужас, и негодование. Я взглянул в ту сторону, куда указывал К., — и обомлел в свою очередь, с трудом веря собственным глазам.

— Возможно ли? Что же это такое!

Но то, что творилось около станции, оказывалось вполне возможным и реальным. На путях, перед самым вокзалом, стоял вполне готовый состав с дымившимся паровозом, и в этот эшелон поспешно садились хлебниковские добровольцы, тащившие с собою винтовки и несложный солдатский скарб.

А повстанцы тем временем уже почти вплотную подходили к Фундуклеевке, надвигаясь с двух сторон с целью окружить станцию.

Окончательно рассвело, рассеялись туманы, закрывавшие окрестные поля и кустарники, и при свете наступавшего утра мы ясно различили небольшую неприятельскую группу, деловито копошившуюся над чем-то шагах в двухстах от нас.

— Пулемет устанавливают, — заметил кто-то. — Теперь нас перебьют всех до единого. Теперь нам крышка, нечего и разговаривать! Ах, негодяи, негодяи!

Но наше осуждение капитана Хлебникова, а вместе с ним и всего его отряда оказалось несправедливым и преждевременным. Прошло еще несколько секунд, и на станционной платформе Фундуклеевки появилась энергичная фигура этого скромного, но доблестного офицера, отдававшего какие-то спешные распоряжения и строго покрикивавшего на растерявшихся и сконфуженных солдат. Последние тотчас же повскакивали обратно из вагонов и залегли в цепь у железнодорожной насыпи, примыкая к левому флангу моих людей, упорно оборонявшихся от наступавших повстанческих цепей. Наш огонь усилился, оборона Фундуклеевки окрепла.

Поднявшееся над горизонтом сентябрьское солнце уже предоставляло нам возможность как на ладони видеть всю местность, по которой еще продолжал двигаться противник, по-видимому все еще рассчитывавший на свой успех. Но прошло еще две-три минуты, и вдруг повстанческие цепи сначала замедлили ход, а затем круто по-

вернули обратно, поспешно отходя и скрываясь за перелеском. Наши пулеметчики неистовствовали от восторга.

Впоследствии мы узнали о причине, заставившей чинов хлебниковского отряда спешно погрузиться в поданный им поезд при виде наступавшего противника, заставив нас при этом несправедливо заподозрить их в несуществовавшем предательстве. Но последнего, как оказалось, никто из них не желал совершать, а поезд, в который хлебниковцы спешно садились, уже давно стоял у станции, всегда готовый к немедленному отходу.

Беспрестанно тревожимый повстанцами, капитан Хлебников днем и ночью держал паровоз под парами, заранее разместив чинов своего отряда в вагонах на случай немедленного отступления. Отряд Хлебникова был слишком малочисленным, дабы рисковать вступать в открытый бой с крупными силами повстанцев, постоянно готовившихся к нападению. Предосторожность же, выражавшаяся в держании поезда под парами, являлась вполне разумной в тот период времени, пока капитан Хлебников оставался на станции один со своим маленьким отрядом, терпеливо ожидавшим необходимого подкрепления... О нашем же ночном прибытии на Фундуклеевку, совершившемся в предрассветном мраке, в момент начала повстанческого нападения почти никто и не знал среди чинов хлебниковского отряда. Последнее обстоятельство и было причиной всего досадного инцидента, к счастью завершившегося вполне благополучно и доблестно.

Повстанцы к этому времени уже быстро скрывались за перелеском и кустарниками, уходя от непрекращавшегося огня наших пулеметов.

Капитан Хлебников, собрав своих людей, двинулся преследовать отступавшего в беспорядке противника, а мы, посадив коней, поспешно вынеслись за цепи пехоты и продолжали гнать повстанцев на расстоянии 10—12 верст. Вместе с нашей конницей в течение всего преследования двигались и незаменимые спутницы Гражданской войны — тачанки с пулеметами.

Как было установлено впоследствии, все описанное выше нападение было совершено в памятную ночь отрядом некоего атамана Квашни, друта и сподвижника уже широко известного в те времена Коцура. Хорошо зная, в каком затруднительном положении находился в Фундуклеевке отряд капитана Хлебникова, Квашня решил ударить на него ночью, для того чтобы попросту вырезать всех добровольцев поголовно и захватить железнодорожную станцию, что дало бы повстанцам неисчислимые выгоды. Но свой налет на Фундуклеевку Квашне следовало делать немедленно, пока на помощь Хлебникову не поспешила бы прийти какая-нибудь другая добровольческая часть. На несчастье по-

встанцев, такую частью оказался наш полуэскадрон, прибывший незаметно ночью со стороны Знаменки, в виде неприятного сюрприза для чрезмерно осмелевшего атамана.

Наш фундуклеевский бой с отрядом Квашни закончился весьма интересным эпизодом, в котором совсем неожиданно приняло участие одно из наиболее видных лиц Добровольческой армии, воспоминания о коем многие из участников Белого движения сохранили до сих пор.

Случилось так, что в минуты нашей самой ожесточенной перестрелки с наступавшими повстанцами к соседней станции Александровка подошел поезд командующего армией генерала Май-Маевского, случайно совершавшего путь из Киева в Харьков.

Узнав о происходящих у нас осложнениях, генерал Май-Маевский не только по вполне понятным причинам воздержался от продолжения своего путешествия, но и задержал при себе целый бронепоезд, который должен был немедленно же отправляться к нам на помощь по настоятельным просьбам капитана Хлебникова.

Когда на станции Фундуклеевка воцарилось полнейшее спокойствие, а удиравшие от преследования наших добровольцев повстанцы отошли уже за несколько верст, — мы увидели, наконец, и давно ожидаемый дымок бронепоезда. Спустя минуту-другую и он сам приблизился к нашей станции, но около ее платформы почему-то не остановился, а проследовал несколько далее, задержавшись где-то за семафором.

Причина такого странного маневра нашего грозного защитника вскоре выяснилась: за бронепоездом на весьма почтительном расстоянии величественно следовал поезд самого командующего армией генерала Май-Маевского, представлявший по своей внешности подлинный образец железнодорожной элегантности... Новенькие комфортабельные вагоны блистали свежей покраской и чистотой зеркальных стекол, ярко начищенные ручки дверей и другие медные части весело отражали в себе солнечные лучи, а наиболее видный вагон, принадлежавший, как оказалось, самому командующему армией, был даже украшен флагами и зеленью.

Едва поезд остановился, из этого великолепного салон-вагона тотчас же выскочили безукоризненно одетые в форму Корниловского полка парные часовые и замерли в ожидании по обеим сторонам подножек... За парными часовыми так же быстро выскочил блестящий адъютант, а затем один за другим стали выходить на платформу многочисленные чины штаба.

Когда их шествие закончилось, в дверях вагона показалась грузная фигура и самого командующего армией генерала Май-Маевского, также одетого в яркую форму корниловцев.

Задержавшись перед выгнувшимся перед ним капитаном Хлебниковым, кстати сказать только что вышедшим из-под неприятельских пуль, генерал Май-Маевский внимательно выслушал от начала до конца весь его рапорт, после чего, снисходительно пожав руку доблестному начальнику отряда, величественно направился к станционному телеграфу. Многочисленная и блестящая свита последовала за ним.

И в этот момент произошло нечто неожиданное, каковое можно справедливо отнести к разряду наиболее трагикомических эпизодов всей Гражданской войны... Едва фигура генерала Май-Маевского скрылась за станционными дверьми, а некоторые из задержавшихся на платформе чинов его блестящего штаба спокойно закурили папиросы, как весь окружающий Фундуклеевку воздух содрогнулся от оглушительного взрыва, раздавшегося где-то вблизи...

— Что?.. Кто?..

Мгновение — и на станционной платформе уже творилось нечто неопишемое...

Посыпались разбитые стекла из разбитых окон вагона командующего армией, слышались громкие и беспорядочные крики, замелькали элегантные френчи и аксельбанты стремительно бежавших к поезду «свитских», на единый миг мелькнула в моем поле зрения и корниловская форма самого генерала Май-Маевского, несмотря на свою тучность двигавшегося на этот раз с поразительной скоростью...

— Повстанцы!.. Что за безобразия подъезжать сюда так неосторожно! Кто просил?! Болваны!..

Через минуту блестящего поезда командующего армией уже не было около нашей станции — его и след простыл... Не осталось с нами и так нужного нам бронепоезда: генерал Май-Маевский предпочел его взять с собою в виде авангарда для своего блестящего эшелона.

Мы снова остались одни в Фундуклеевке, среди той же жуткой обстановки, каковая оставалась неизменной и далее, в течение целых двух последовавших недель. И только после отъезда генерала Май-Маевского мы узнали о сущности грозного выстрела, явившегося причиной столь быстрого исчезновения командующего армией с нашей станции.

Все дело заключалось вот в чем... Ушедшая для преследования обратившихся в бегство повстанцев Квашни часть нашего полускадрона, по-видимому, незадолго перед этим успела уже закончить свое дело и решила возвращаться в Фундуклеевку. Повернув обратно, наши гвардейцы-подрывники спокойно пошли в нужном направлении по окрестным полям и стали переваливать через хорошо видную со станции гору, возвышавшуюся на расстоянии 3—3,5 версты от Фундуклеевки.

При солнечном свете ясного сентябрьского дня группа двигавшихся по горе наших всадников с тачанками и пулеметами была принята командиром стоявшего у станции бронепоезда за... отступающих повстанцев, требовавших немедленной боевой репрессии. Не будучи знаком с обстановкой и не считая нужным кого-либо предупреждать о начале своих действий, командир бронепоезда решил немедленно же обстрелять повстанцев и дал залп из орудий... Дальнейшее уже известно...

Четырнадцать суток нашего последующего пребывания в Фундуклеевке были воистину кошмарными.

Бродившие вокруг станции разношерстные отряды повстанцев Квашни, Богдана и Коцура не успокаивались и то и дело выходили из окружавших Фундуклеевку перелесков, не давая нам ни минуты отдыха. Не могло быть уже и речи о том, чтобы отдыхать и спать хотя бы маломальски прилично, снимая с себя одежду и обувь. Ни разу не расседывались и наши кони, у которых за это время остались только кожа и кости, вследствие постоянного недоедания и бесконечной гонки по окрестным деревьям.

Все нападения повстанцев нами в результате успешно отбивались благодаря доблести чинов хлебниковского отряда и подрывников-пулеметчиков. Но, отбивая нападения, нашим добровольцам приходилось немедленно направляться в разные экспедиции, дабы оттопить противника как можно далее от излюбленной им станции.

Очистить же весь окружающий Фундуклеевку район от надоедливых и упорных врагов мы не имели сил, ибо все наше боевое ядро, составленное из хлебниковцев и конноподрывников, насчитывало в общей сложности человек двести. Поэтому мы вынуждены были все время быть начеку и, после ликвидации нападений, очень расчетливо дробить свои силы.

Направлявшаяся для преследования неприятеля или для какой-нибудь экспедиции часть нашего отряда должна была все время помнить о другой горсточке добровольцев, оставшихся на станции... И как только обстоятельства позволяли, преследователи прекращали погоню и во весь опор спешили обратно на Фундуклеевку, где их с нетерпением дожидался измученный отряд.

Каждому из познавших времена войны будет вполне понятно, во что постепенно превратились при таких обстоятельствах люди и лошади нашего маленького боевого стана...

Положение наше до крайности осложнялось еще и настроениями большинства крестьян соседних деревень, к описываемому времени уже «спаявшихся» с атаманами Квашней и Коцуром, чего последние достигали всеми зависящими от них способами.

Если кого-либо из жителей деревень повстанческие атаманы не могли склонить на свою сторону мирным путем и обаянием своего самостийно-крестьянского ореола, они действовали террором и, запугивая богатых мужиков-украинцев, заставляли их действовать в свою пользу под угрозой сожжения хуторов и кровавой мести.

Постепенно отворачиваясь от добровольцев, крестьянство Правобережной Украины под конец стало к ним в определенно враждебную позицию, в чем нам и пришлось, к величайшему своему прискорбию, неоднократно убеждаться за время нашего томительного пребывания на станции Фундуклеевка в течение двух недель.

Особенно тяжкими и изнурительными были наши фундуклеевские ночи... Мы уже по опыту знали, что повстанцы производят свои нападения исключительно в это время, а потому из простого чувства самосохранения должны были делать все возможное, дабы не быть снова застигнутыми врасплох и вырезанными поголовно.

Во избежание подобных «неприятностей» нам ежедневно приходилось высылать половину всего наличного состава отряда на передовые посты и в дозоры, требуя от людей самого напряженного внимания, каковое мог проявить уже ко всему привыкший боевой солдат-доброволец.

Для того чтобы не проворонить и не подпустить близко к своим настойчивого и смелого врага, нашим наблюдателям приходилось всю ночь пролеживать в болотах перелесков и напряженно поджидать появления противника. И едва он себя обнаруживал — как те же дозорные проявляли настоящие чудеса быстроты и сообразительности, успевая сообщать измученному ядру отряда о необходимости принять все меры для собственного спасения.

Время бежало, навстречу шла хмурая и сырая осень, а нашему сидению на маленькой станции, по-видимому, не предвиделось конца, что в особенности угнетало дух изнуренных добровольцев и трепало без того вконец истрепавшиеся нервы...

— Хотя бы на два-три дня попасть в обоз, чтобы отоспаться! — мечтали старые и лучшие солдаты. — Все нервы кончились с такой травлей... Хуже всяких зверей живем — враг день и ночь со всех сторон, как никогда и в Великую войну не бывало... И что они там думают о нас, в штабе? Быть может, забыли?

Такого рода суждения были глубоко правдивы, так как нервное напряжение, испытываемое нами на фундуклеевской станции, не могло и сравниться по своей интенсивности ни с какими настроениями на германском и австрийском фронтах.

Ко мне приходили хорошо известные своею выносливостью вольноопределяющиеся студенты и с горечью признавались, что не могут больше выдерживать тяжести фундуклеевского сидения.

— Предприняли бы вы что-нибудь, — робко говорили они, — ведь так нельзя же до бесконечности... отряд изнемогает... Люди скоро сами начнут пускать себе пулю в лоб... Посмотрите, на что мы все стали похожи!..

О том, на что мы все стали похожи, я хорошо знал и сам без необходимости смотреться в зеркало. Но что же я мог сделать для изменения всего создавшегося положения, когда штаб, по-видимому, определенно не хотел нас сменять, несмотря на мои неоднократные просьбы.

А повстанцы упорно продолжали делать свои попытки захватить Фундуклеевку и вместе с этим отправить всех ее заточенцев на вечный и безмятежный отдых, возможность обретения которого с каждым днем и часом становилась для нас все более легкой.

Мы все заметно физически и нервно слабели, что не могло, конечно, не отозваться и на боеспособности отряда. В результате такое положение принесло свои горькие плоды, и во время очередных экспедиций нас дважды постигли серьезные неудачи у деревень Старой и Новой Осоты...

Вспоминая в подробностях все пережитое за эти две ужасные недели, я в то же время не могу не отметить исключительного по своим качествам поведения моего друга Г.М. Меркулова, прекрасного офицера и незаменимого во всех отношениях человека...

Обыкновенно весьма нервный и чуткий в мирной жизни, Григорий Михайлович в самые критические моменты нашего фундуклеевского сидения держал себя удивительно бодро и невозмутимо, благотворно действуя своим спокойствием на других и успешно рассеивая разговорами и шутками уныние многих павших духом.

Наконец, обступившие нас со всех сторон грозные тучи стали рассеиваться. Возвращаясь из отпуска, проезжал мимо Фундуклеевки командир нашего полуэскадрона поручик В.Р. Вольф, обязанности которого я исполнял за все время его отсутствия. Ехал он из Киева, направляясь в штаб, квартировавший, как известно, в уже знакомой читателю Знаменке.

Я использовал весь запас своих ораторских способностей, чтобы убедить Вольфа не принимать от меня в командование измученную часть, пока она не будет сменена и выведена из Фундуклеевки. Полагаю, что и ему самому не особенно хотелось принимать бразды правления Гвардейским конно-подрывным полуэскадронам при создавших-

ся условиях. Во всяком случае, мои уверения и просьбы на этот раз не остались гласом вопиющего в пустыне.

Поручик Вольф, попрощавшись с нами, поехал в Знаменку, а спустя немного времени мы получили через командира отряда приказание грузиться и направляться к штабу корпуса. Через день вслед за этой приятной вестью, действительно, на станцию пришла наша смена, и мы, вместе со всем исстрадавшимся отрядом, благополучно возвратились в Знаменку, оставив далеко за собою все кошмары и тревоги минувших тяжелых дней.

Но все наши радужные надежды приятно отдохнуть «под крылышком» штаба корпуса тотчас же рассеялись как дым, почти немедленно после прибытия нашего эшелона к знаменскому вокзалу.

Пришедший из штаба поручик Вольф тотчас же заявил мне о своем вступлении в должность командира полуэскадрона и принятии от меня командования, а вслед за тем не замедлил передать нам и весьма прозаическую новость: эшелону приказывалось не разгружаться, а немедленно направляться в Кременчуг, в целях спешного пополнения вновь сформированного отряда генерала Абрамовича, предназначенного для операций в этом районе.

— Новый сюрприз! — слышались полные горькой иронии замечания. — Нам удивительно везет в этой Знаменке, как только в ней очутимся, так сейчас же получаем прелестный подарок!..

— Будет хорошо, если этот новый подарок не окажется хуже предыдущего! — добавил кто-то из пессимистов. — Быть может, из огня да в полымя.

Но делать было нечего, и наш эшелон снова двинулся в дальнейший путь, направляясь к новым неожиданностям.

Недавно сформированный отряд генерала Абрамовича, в который мы должны были влиться, состоял из трех родов оружия. Но единственной конницей этого отряда являлся наш полуэскадрон, имевший около ста коней, пулеметы на тачанках и конные подрывные двуколки.

* * *

В это-то наиболее сумбурное время и происходило наше спешное передвижение к Кременчугу для участия в действиях вновь сформированного отряда доблестного генерала Абрамовича в качестве его единственной конницы.

Еще в Знаменке мы узнали, что уже хорошо знакомый всем Коцуур вскоре после столкновения с нами под Фундуклеевкой решил оставить

линию железной дороги Знаменка — Бобринская и перенес операции своих банд в район Кременчуга. Этот важный железнодорожный центр привлекал собою внимание Коцуура, во-первых, множеством сосредоточенных на нем складов и целого арсенала, а во-вторых, почти полным отсутствием в нем каких-либо добровольческих вооруженных сил, предназначенных для охраны тех же арсеналов и складов.

Достаточно указать, что в описываемое время громадный Кременчуг, насчитывавший до 150 тысяч населения, охранялся... комендантом города, доблестным полковником лейб-гвардии Павловского полка А.П. Редькиным⁷⁰⁵ и всего лишь одной сборной ротой!..

К концу сентября Коцуур приблизился к Кременчугу. Его отряд был снова значительно пополнен новыми охотниками грабежа и лихих повстанческих приключениях, влившимися в ряды коцууровской вольницы во время ее движения через ряд деревень и сел.

Подойдя к недалекому от Кременчуга посаду Крюкову (на правом берегу Днепра), Коцуур остановился на месте, не решаясь двигаться далее и угрожая в то же время гигантскому железнодорожному мосту на Кременчуг, являвшемуся важнейшим звеном в связи севера с Новороссией.

Причина, заставившая удалого атамана удержаться от немедленного занятия Кременчуга, — была боязнь его коменданта, полковника Редькина... В действительности же эта операция ему ничего не сулила бы, кроме полной удачи: в городе никого не было, кроме безоружного населения и упомянутой выше слабой комендантской роты; а потому повстанцы Коцуура могли бы овладеть Кременчугом и всеми его богатствами положительно без всяких усилий и жертв. Но таких действий со стороны Коцуура не последовало.

Весьма возможно, что на этот раз ему не удалось собрать верной информации о находившихся в Кременчуге силах противника, причем весьма возможно, что и полученные им сведения о таковых были умышленно преувеличены тайными сторонниками добровольцев, искренно желавшими утверждения белой русской власти, как наиболее законной и естественной...

Как выяснилось впоследствии, эта остановка Коцуура перед крюковским мостом оказалась для него роковой и разрушила все его дальнейшие планы.

В конце сентября в Кременчуге появились части отряда генерала Абрамовича, в состав которого, как уже упоминалось, входил и наш Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон.

Вход отряда в Кременчуг произошел совершенно спокойно, после следования через Крюков и гигантский днепровский мост, около ко-

торых еще продолжали рыскать коцууровские разъезды. Но оставаться в Кременчуге не входило в задачи и намерения генерала Абрамовича, и — почти немедленно же после нашего прихода в этот город — нами был получен приказ о выступлении в дальнейший путь.

Операция, которую начинал генерал Абрамович, далеко не обещала быть легкой: целью ее являлась борьба с Коцууром и его сподвижниками, а последние не могли считаться противником несерьезным, а тем более благородным и великодушным.

Слухи о всякого рода безобразиях и неистовствах, творимых повстанцами при столкновениях с белыми, уже давно были известны добровольцам, и без того уже измученным предыдущими походами. Тем не менее отряду генерала Абрамовича приходилось спешно приступать к действиям, несмотря на его «сборность» и разношерстность, весьма обычную при спешных формированиях Добровольческой армии.

Из последующего будет видно, что недостаток этот был совершенно парализован умелым руководством самого генерала Абрамовича, сумевшего благодаря своей опытности и личной отваге превратить свои «разношерстные» части в грозную для врага силу, нанесшую всему делу всеильного дотеле на Украине Коцуура неотразимый удар.

Произошло это в следующем порядке.

В одну из ночей конца сентября 1918 года из Кременчуга выступила в поход единственная конная часть генерала Абрамовича, а именно — наш, уже достаточно знакомый читателю Гвардейский подрывной полуроты.

Путь, нам указанный, лежал через тот же днепровский железнодорожный мост и посад Крюков, за которыми нам пришлось проследовать через две деревни, до последнего момента являвшиеся стоянками коцууровских частей. Последние, по-видимому, не желали ввязываться с нами ни в какие передраги и заблаговременно очистили эти деревни при нашем приближении.

Мы беспрепятственно шли все дальше и дальше, очищая путь для следовавших за нами других частей отряда, на рассвете того же дня выступившего в полном своем составе из Кременчуга. Причем к генералу Абрамовичу присоединился и доблестный полковник А.П. Редакин с комендантской ротой.

Вечером мы уже заняли город Новогеоргиевск, известный русским довоенным кавалеристам как бывшая стоянка 9-го запасного кавалерийского полка, а в военное время — крупных частей запаса русской конницы.

Этот вечер, проведенный нами в Новогеоргиевске, навсегда запечатлелся в моей памяти благодаря одному весьма важному обстоя-

тельству: здесь генерал Абрамович собрал на совещание начальников всех частей своего «юного» отряда для составления плана дальнейшей борьбы с Коцууром, преследовавшей цели полной ликвидации последнего.

Были взяты на учет все силы нашей весьма незначительной армии, каковые необходимо было спаять в одно цельное ядро для достижения хотя бы минимального успеха. А силы эти были следующие: 1) Гвардейский конно-подрывной полуроты в 132 сабли при пяти пулеметах, 2) учебная команда 5-й пехотной дивизии, 3) железнодорожная охранная рота, 4) кременчугская офицерская полурота, 5) одно тяжелое и одно легкое орудие...

Это было все, с чем приходилось выступать для настоящей и весьма серьезной войны против повстанческих отрядов Коцуура, насчитывавшего в это время в рядах своей удалой вольницы до двух тысяч человек!.

Но успеху действий генерала Абрамовича содействовали хорошие качества большинства его частей, исключительных по своему составу. Таковыми являлись гвардейские конносапёры, почти поголовно состоявшие из студентов-вольноопределяющихся, кадет, юнкеров и немецко-колонистов, а затем образцовая учебная команда из тех же немецко-колонистов Таврии. Почти каждый из этих бойцов, в большинстве случаев совсем юных, являлся образцом дисциплинированности и преданности делу борьбы против произвола и анархии.

Кроме кадет и других молодых добровольцев-интеллигентов, в тех же частях находилось и достаточное число отличных солдат мирного времени, в совершенстве знавших свое дело и не терявшихся ни при каких обстоятельствах.

Ночью весь отряд генерала Абрамовича выступил из города Новогеоргиевска. Местность, по которой приходилось следовать, была пересеченной, покрытой холмами с крутыми и неровными подъемами и спусками. Еще до рассвета мы прошли через большие украинские села — Малая Андрусовка и Андрусовка Польская, после чего стали головными частями спускаться в плавни, выслав вперед боевое охранение из конных разъездов.

Стало светать, и, когда взошедшее сентябрьское солнце осветило еще зеленые поля и холмы, перед нашими глазами открылась богатая и живописная панорама, какую редко можно было где-либо встретить, кроме благодатной Украины, на просторах которой теперь разыгрывались столь кровавые и жестокие трагедии.

Мы увидели Чигирин, тот самый знаменитый городок Чигирин, около которого вьется столько древних легенд и красивых истори-

ческих былин... Теперь этот городок потонул в зелени своих густых садов и огородов, кое-где показывая белые стены маленьких домиков и мирные вышки церковных колоколен.

С левой стороны к Чигирину почти вплотную подступали внушительные склоны гор, тогда как справа, слегка подернутые сизыми туманами, раскидывались густые плавни, тянувшиеся до самого горизонта. Широкий и светлый, их перерезывал на две части Днепр, неволью заставлявший забывать о жуткой действительности, толкавшей множество людей в братоубийственную и кровавую бойню на родной земле.

Мы двигались без задержки вперед, оставив позади себя пехоту с артиллерией несколько задержавшимися во время походного движения.

Весь Чигирин с его садами и белыми домиками был виден нам как на ладони, освещенный лучами поднявшегося над горизонтом солнца. Мы ясно различали стены древнего запорожского монастыря и улицы предместья, на которых царили полнейшие спокойствие и тишина.

Доступные наблюдению простым глазом, наши дозоры вошли в пригородную деревню и начали осторожно продвигаться вперед вдоль ее улицы и огородов. За ними стали вливаться в селение и конносаперы.

Дозоры благополучно прошли базарную площадь, находившуюся на пригорке, подле церкви, и мы ясно видели, как они стали спускаться к самой реке, где уже зеленели городские огороды.

— Здесь никого нет! — заметил кто-то из наших. — Ни о каких повстанцах в Чигирине нет и помину!

— Ушли совсем, не желая с нами связываться! — добавил другой голос. — И хорошо сделал Коцур!.. что за удовольствие воевать, когда в этом нет никакой необходимости!..

И вдруг — не успев говорить окончить своей фразы, как все вздрогнули, услышав знакомый сухой звук, раздавшийся на противоположном берегу реки.

Это был выстрел, за которым последовали второй и третий, перейдя затем в характерное таканье пулеметов.

— Вот тебе и ушли! — с горечью заметил мой сосед. — Это Коцур, господа, самый чистокровный Коцур!..

Говоривший был прав: прискакавший через минуту дозорный привез донесение, что коцуrowsкая пехота с пулеметами стояла совсем близко, за рекою, около мостов...

— Рысью ма-арш!

Под таканье пулеметов мы на рысях ушли в один из переулков и стали за школой. Тотчас же спешились, рассыпались в цепь и огоро-

дами вышли к реке. Находившиеся на другом берегу коцуrowsцы щедро осыпали нас свинцовым дождем, ни на минуту не прерывая пулеметного таканья.

Начался бой, упорный и трудный, в особенности для нас, еще остававшихся без пехоты и артиллерии, сильно поотставших за время походного движения. Только к вечеру, когда эти части подоспели к нам на помощь, и вся пехота отряда генерала Абрамовича оказалась налицо, добровольцам удалось сломить сопротивление противника, который стал весьма осторожно отходить от реки.

Причиной отхода коцуrowsцев послужило, весьма вероятно, одно обстоятельство, каковое первоначально было известно только нам, чинам Гвардейского конно-подрывного полужэскадрона. Этим обстоятельством оказался приказ генерала Абрамовича, в силу которого конноподрывники должны были зайти противнику в тыл и занять небольшую переправу через реку, находившуюся в трех верстах от Чигирина. Такой маневр, в случае его выполнения, отрезал Коцуру путь отступления к Холодному Яру и лишал его всякой связи с городом.

Но Коцур, по-видимому, разгадал этот замысел и постарался не попасть в ловушку: этап за этапом он отвел своих людей от реки и стал проходить через Чигирин, почти соприкасаясь своими тыловыми частями с авангардом добровольцев.

Смеркалось, когда наш головной разъезд на плечах у противника ворвался в тот самый город, который во тьме веков видел Хмельницкого, Самойловича и орды Кара-Мустафы...

Добровольцы устремлялись вперед по широкой и прямой улице местечка, тесня перед собою последние ряды спешно очищавших его повстанцев. И у всех на глазах за ними уходил последним... их вождь, — уходил эффектно, картинно, возбуждая еще большее преклонение своих последователей и почитателей.

Следует отдать полную справедливость Коцуру: он умел сыскать себе популярность не только словами и распоряжениями, — в чем убежились и многие из нас, воочию наблюдавшие его знаменитое отступление вдоль чигиринской улицы.

Представляя своею видною фигурой как бы единственный арьергард всей вольницы, этот недюжинный человек во весь опор мчался на тачанке, влекомой парю бешеных и крепких коней... Стоял Коцур на тачанке во весь рост, в лихо заломленной набекрень шапке, и упорно отстреливался от следовавшего за ним неприятеля из пулемета, ни на минуту не перестававшего поливать свинцовым дождем наши ряды...

Густыми клубами вилась за мчавшейся тачанкой дорожная пыль, неистово голосили искавшие укрытия чигиринские бабы, звучали от-

ветные выстрелы наших разведчиков, а смелый атаман все продолжал красоваться на своей колеснице, играя со смертью и подавая своим гайдамакам подлинный пример неустрашимости и отваги...

На его тачанке виднелись две человеческие фигуры: первая принадлежала Коцуру, лихо правившему парой мчавшихся во весь опор коней, а вторая — известному атаману Богдану, неподвижно лежавшему у ног своего популярного повелителя и друга. Атаман Богдан был ранен в предыдущем бою, по-видимому весьма серьезно, и Коцур, уходя из Чигирина последним, увозил раненого сподвижника с собою, держа путь на свою лесную берлогу.

Спустя несколько минут последние ряды повстанцев и колесницы их вождя исчезли из нашего поля зрения. Прекратилась беспорядочная стрельба из винтовок, умолкло таканье коцуровского пулемета, наступила тишина на широкой чигиринской улице. Городок был взят добровольцами.

До крайности утомленные всеми предыдущими переживаниями, чины отряда генерала Абрамовича свободно вздохнули и стали разбредаться по обывательским квартирам, надеясь обрести заслуженный отдых и возможность хотя бы на короткий срок улечься и забыться сном...

Многим этого удалось достигнуть не сразу: добровольцы очутились в том месте, где недавно учинили свою зверскую расправу большевики, и, невзирая на страшную усталость, пришлось в этот памятный вечер долго выслушивать рассказы о коцуровцах, ушедших, казалось бы, навсегда в свои заповедные леса.

Уверенность в полном разгроме Коцура у всех нас была полная — настолько полная, что те, кому надежало о том ведать, не позаботились даже выставить достаточного охранения вокруг Чигирина, вскоре заснувшего глубоким сном после дневных потрясений...

На следующее утро все начальники были приглашены на совещание к генералу Абрамовичу, приветливо встретившему их в дверях своей квартиры. Переговорить предстояло о многом, так как и в дальнейшем наше положение не представлялось легким, несмотря на победу, одержанную над отрядом Коцура накануне.

Но ранее, чем приступить к обсуждению плана дальнейшей работы своего отряда, обаятельный генерал Абрамович стал благодарить своих сотрудников за доблестную службу их частей в течение последних тяжелых дней.

Не успел генерал произнести нескольких слов, как все собравшиеся в комнате офицеры невольно вздрогнули от знакомого, но мало ласкавшего слух звука, раздавшегося совсем близко...

— Что за история? Ведь это граната!.. Что сей сон значит?

Вопрошавший не ошибся. В нескольких шагах от генеральской квартиры разорвалась граната, за нею другая, третья...

— Что... что такое?..

Но далее уже никто более ничего не спрашивал... За первым гранатным разрывом начался уже настоящий артиллерийский обстрел города неизвестно где находившимся противником, самым серьезным образом громившим злосчастный Чигирин из орудий.

Поспешно выскочившие из генеральской квартиры старшие офицеры застали на городских улицах уже настоящее столпотворение вавилонское... По тротуарам и дороге, густо и беспорядочно, толпой неслись солдаты, офицеры и растерянные чигиринские обыватели, вопили женщины и дети, с криком которых смешивалось конское ржание и жутко тревожное завывание собак... Перегоняя одна другую и безжалостно сбивая с ног попадавших на пути пешеходов, стремительно мчались куда-то кухни, повозки, линейки и отдельные верховые солдаты наших частей.

Всюду наблюдалась полнейшая паника. Вдали опять такали пулеметы, усиливая и без того уже достаточно охватившую чигиринцев панику. С трудом отыскивая нужное направление, с быстротою лани пробежал я несколько незнакомых мне переулков, добравшись в результате до своих конноподрывников.

Стрельба все усиливалась. Снаряды рвались над горой и предместьем. Какие-то обыватели лезли через забор, озлобленно ругаясь площадною бранью; билась в предсмертных судорогах подстреленная гранатным осколком корова посреди дороги; горьким плачем заливался около пустой хаты ребенок, брошенный на произвол судьбы...

Спешенные, ведя коней в поводу, стали мы укрыто пробираться переулками предместья к намеченной новой позиции для более выгодно-го соприкосновения с противником. А последний все быстрее наступал на Чигирин, ни на мгновение не прерывая своего жестокого огня.

Пули жужжали повсюду. Все чаще попадались нам на глаза новые раненые, ковыляя, продвигавшиеся вдоль заборов и искавшие укрытия и помощи... Коцуровцы наступали со все увеличивающейся дерзостью, грозя полнейшим поражением застигнутому врасплох отряду добровольцев.

— Конец! — слышалось из рядов последних. — Разве мы в силах противостоять этим чертям?.. Сколько их и сколько нас?.. Теперь Коцур возьмет нас голыми руками!..

Но доблестный генерал Абрамович не растерялся и, по-видимому, был совершенно противоположного мнения. Не прошло нескольких

минут, как он уже очутился со своим ближайшим окружением на сравнительно высоком холме, господствовавшем около Чигирина над всею окрутой и дававшим возможность широко ориентироваться.

Для такого одаренного военачальника, каким был генерал Абрамович, последняя задача не представляла собой большой трудности. Он быстро ознакомился с обстановкой, угадал намерения противника и тотчас отдал соответствующие распоряжения:

— Ничего!.. Не так страшно! — И вслед за тем обратился к нам, своей единственной коннице: — А вы... постарайтесь ударить в тыл господам повстанцам!.. Пробреритесь укрыто и возможно быстрее вокруг горы!.. Обойдите эту знаменитую гору!..

Гора, на которой находился наш доблестный генерал, действительно была знаменитой: на ней, во тьме веков, и был воздвигнут князем Адамом Вишневецким тот самый исторический замок, о котором упоминалось выше в нашем очерке. За обладание этим холмом и замком много раз ожесточенно боролись турки, поляки, русские и отдаленные предки теперешних гайдамаков-коцууровцев... Прошли столетия, и снова обагрила зеленые склоны чигиринского холма горячая славянская кровь, пролитая благодаря нелепой и жестокой междоусобной распре...

Исполняя приказ генерала Абрамовича, мы стали осторожно пробираться садами и огородами, стараясь не быть замеченными коцууровцами. Оставшийся позади нас, на горе, генерал со штабом был нам хорошо виден, как на ладони, что в значительной степени ободряло и воодушевляло шедших исполнять нелегкую задачу конноподрывников.

Но не прошло нескольких минут, как с генералом и его офицерами произошло нечто неожиданное: стоявшая на вершине холма штабная группа внезапно заколебалась, рассыпалась — и вслед за тем мы ясно увидели, как генерал Абрамович вместе со своими помощниками стремительно сбежал по горному склону вниз, встревоженный каким-то новым обстоятельством.

Через секунду это обстоятельство сделалось явным: на вершине горы ясно обозначились фигуры коцууровских стрелков, двигавшихся цепью и уже пустивших в ход пулеметы, из которых обильно поливалось свинцовым дождем чигиринское предместье.

Положение добровольцев осложнялось до крайности, ибо непрерывный огонь повстанцев не давал им возможности сгруппировать свои силы и задержаться на одном месте. А Коцуур тем временем окружал Чигирин своим более чем двухтысячным отрядом, приготавливая нам подлинный Седан на малороссийских просторах...

Силы отряда генерала Абрамовича быстро истощались. Помощи от главных сил Добровольческой армии ждать было более чем наивно: эти

силы были расположены на расстоянии 40—45 верст от Чигирина, в Знаменке, Кременчуге, Александровке и т. д.

Но худа без добра, как известно, не бывает, и то обстоятельство, что наш крошечный, но доблестный отряд не мог рассчитывать на чью-либо помощь и оставался до конца предоставленный исключительно своим силам, — только придало еще более отваги его бойцам, ни на минуту не терявшим воли к победе... И эта победа в результате все же пришла, хотя и не скоро...

Наш конно-подрывной полуэскадрон продолжал свое укрытое движение вокруг горы упорно и отважно, но не без горьких потерь и жертв.

Во время нашего памятного движения в обход противника генерал Абрамович прислал вторичное приказание: довести наше дело до конца и возможно скорее обойти знаменитую чигиринскую гору. В результате мы все же эту задачу выполнили, заставили коцууровцев покинуть дорогу для них холм и оттянуть от него свои силы.

Жесточайший бой с повстанцами тянулся весь день, при неумолкаемом треске пулеметов, орудийных выстрелах и громадных потерях с обеих сторон. Но стойкость, проявленная малочисленным и сборным отрядом генерала Абрамовича, решила все дело в нашу пользу и заставила Коцуура умерить пыл своих надежд и стремлений. К вечеру он решил ликвидировать свое военное предприятие против добровольцев, снял осаду и стал поспешно отводить свой отряд в сторону лесов.

На этот раз мы уже не желали повторять недавней ошибки, и во избежание новых неожиданностей со стороны коцууровцев преследовали их своею конницей до полнейшего нашего торжества и изнеможения... К сожалению, при этом победном преследовании у нас опять не обошлось без потерь во время дважды повторенной конной атаки...

Коцуур ушел в свои лесные дебри, но его многочисленные партизанские группы не прекратили своих набегов и грабежей.

После чигиринского боя отряд доблестного генерала Абрамовича около шести недель простоял в Чигирине, постоянно ведя тяжелые бои с не желавшими униматься коцууровцами. Крестьянская масса не переставала сочувствовать своему излюбленному атаману и оказывала ему содействие при каждом удобном случае. Благодаря этому обстоятельству Коцуур иногда сам отправлялся «на прогулки» из своего логовища, напоминал о своем благополучном существовании крестьянам личным появлением в их деревнях и причинял новое беспокойство измученным добровольческим отрядам.

Несколько раз в среде добровольцев рождалась мысль решиться на отважный шаг, направиться в глубину лесов и раз навсегда покончить

с засевшим в них Коцуром, разгромив его гнездо. Но здравый смысл генерала Абрамовича категорически останавливал добровольцев от подобной авантюры. Для того чтобы идти на коцуровскую берлогу, у нас не имелось и десятой доли тех сил, какие были необходимы для достижения успеха.

Предыдущие бои, а в особенности памятный всем бой под Чигрином, вывели из строя значительную цифру доблестных бойцов, непримиримых врагов беспорядка, насилия и анархии. Немало пострадал и наш Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон, понесший невозвратимые потери в людях и их верных четвероногих сподвижниках.

Присылались нам, правда, неоднократно пополнения людьми и лошадьми, причем первыми являлись всегда прекрасные мобилизованные кавалеристы старых кадров и незаменимые энтузиасты-добровольцы из интеллигенции.

Но главную ценностью конно-подрывного полуэскадрона все же являлись его коренные бойцы, а именно воодушевленные единым и искренним патриотическим порывом совсем юные кадеты, юнкера и студенты, неудержимо рвавшиеся к самым отчаянным подвигам.

С этим незаменимым элементом странно объединялись в одно нераздельное целое прекрасные люди совсем иной среды и иных характеров: ими являлись навсегда оставшиеся в моей памяти немцы-колонисты, в значительном числе заполнявшие ряды нашего славного полуэскадрона.

Всегда уравновешенные, безукоризненно честные и проникнутые искренней ненавистью ко всем нарушителям законности и права собственности — эти недавно еще мирные сельские хозяева отличались необыкновенною исполнительностью и самым серьезным и вдумчивым отношением к возлагаемым на них задачам.

Надвигалась зима... А вместе с ее приближением стали шириться слухи и о порче многих дел в Добровольческой армии. В особенности не все обстояло благополучно в ее делах, по многим причинам начавшим разлагаться с неудержимой быстротой.

Без отдыха несший свою тяжелую службу отряд генерала Абрамовича заметно таял. И по мере того, как таяли и теряли свои силы добровольцы, — прямо пропорционально возрастали силы Коцура, вновь твердо ставшего на ноги и к концу 1919 года сделавшегося уже фактически полновластным хозяином всего района.

Почти игнорируя теперь власть добровольцев, окончательно уверовавшие в Коцура, как в Бога, крестьяне исполняли беспрекословно все его приказы, не смея даже размышлять о непослушании. Всякого рода продовольствие, необходимое для вполне сытого существования вол-

ницы, без малейшей задержки и широкою рекой вливалось в заповедный стан знаменитого атамана. Не было недостатка и в пополнении коцуровской «армии» людьми и лошадьми, о чем, конечно, не могли и мечтать уже начавшие заболеть добровольческие части.

В это время начал о себе давать знать и Махно, оперировавший в районе Екатеринослава и Нижне-Днепровска. Операции этого пресловутого атамана, правда, не всегда были удачны. Несколько раз Махно пришлось потерпеть весьма серьезные поражения от добровольцев. И после таких поражений махновская вольница обыкновенно стремительно расплывалась по деревням и селам, пряча оружие и превращаясь в самых безобидных мирных граждан. Некоторые же из наиболее удачных махновцев пробивались правым берегом Днепра к тому же Коцуру или же шли в отряды атамана Шубы, бродившего в районе Константинограда и дважды осенью 1919 года бравшего Полтаву. Переправлялись эти махновцы и на левый берег Днепра почти всегда в одном и том же месте, а именно у местечка Келеберды.

Бежали дни и недели, и все больше и больше стужались тучи над Добровольческой армией, а вместе с нею и над всем Белым делом, во имя конечного успеха которого было принесено столько бескорыстных жертв...

И вот наступил день, когда сначала в штабах и тыловых канцеляриях впервые робко зашептали о роковой вести, принесенной телеграфом с передовых позиций... Но вскоре эта весть уже не была секретом и для всего населения обширных южнорусских земель, находившихся под властью белых. Всем стало известно, что незадачливая Добровольческая армия потерпела непоправимое поражение на Курском и Киевском направлениях...

Главною причиной такой грозной русской беды многие знатоки выставляли непомерную растянутость фронта добровольцев и неорганизованность их громадного тыла, в результате ослабшего до полного маразма... Весьма возможно, что были и другие причины, повлекшие за собою впоследствии наше многолетнее изгнание, которому и по сей день нет конца...

Но в мою задачу не входит изыскание и рассмотрение этих причин, уже в достаточной степени известных из обширного материала печатных трудов, посвященных печальной эпопее Добровольческой армии.

В ноябре 1919 года эта армия, уже в достаточной степени пораженная неизлечимым недугом, начала откатываться на юг, освобождая для большевиков обширные северные районы. От Полтавы, Ромодан и Кременчуга грустно потянулись мелкие, малочисленные и дезорганизован-

ные отряды, торопившиеся достигнуть Знаменки; от Киева же и Черкас — такие же отряды устремлялись к Бобринской.

Потерявшие веру в успех своего дела добровольцы шли разбросано, беспорядочно, без всякой связи между таявшими в пути частями, на которые иногда было трудно смотреть без искренних слез... Распроцался с белыми и несчастный Чигирин, из которого по приказу свыше должен был уйти отряд доблестного генерала Абрамовича.

Конец Крыма

Дул ветер — холодный, пронизывающий, — гнавший по серому осеннему небу обрывки таких же серых, унылых туч. И этому холодному ветру, казалось, суждено было уже никогда не иметь конца, так как завывание его и докучливый свист уже несколько суток наполняли душу безысходною тоскою. А вместе с завыванием ветра со всех сторон ползли к нам зловещие вести, такие же серые и унылые, как несшиеся по небу обрывки туч.

Убили генерала Бабиева... Предпринятая нами громадная операция за Днепром бесславно оборвалась, и добровольческие конные части спешно возвращались обратно. Кто-то пытался еще спасти положение, приказывая начать новые перегруппировки, а кое-кто уже безнадежно махал рукой и отдавал себя в руки слепой судьбы...

В эти самые невеселые минуты я спешно мчался среди сгулжавшихся сумерек в деревню Н., посланный туда по приказанию штаба Гвардейского кавалерийского полка в распоряжение начальника дивизии.

Было уже совсем темно, когда я, в сопровождении вестового, доискался до места своего назначения и после недолгих расспросов и поисков вошел в сени хаты, занятой требовавшим моего прибытия генералом. Вышедший навстречу симпатичный поручик, не дав раздеться, тотчас же провел меня вовнутрь незатейливого помещения начальника дивизии.

Наскоро осмотревшись при свете убогой керосиновой лампы, я сильно смутился и в нерешительности почтительно остановился в дверях: хата была заполнена старшими офицерами, по всем данным собравшимися на какое-то важное совещание. Отыскав глазами знакомую мне фигуру храброго начальника дивизии генерала В.Н. Выгрена, я громко отрапортовал о своем прибытии в его распоряжение, стремясь покрыть своими словами стоявший в маленькой избе шум нескольких повышенных мужских голосов.

Милейший и доблестнейший генерал улыбнулся, приветливо подзвал меня к себе и, крепко пожав руку, указал на ближайший угол:

— Посидите там, дорогой, пока мы кончим!. Теперь уже скоро!..

Изумленный такою исключительною любезностью высшего начальника, я поспешил занять указанное мне место и стал терпеливо дожидаться конца военного совещания, попутно рассматривая его участников... Среди присутствовавших я вскоре узнал начальника штаба дивизии полковника В.К. Фукса⁷⁰⁶, полковника Гвардейского кавалерийского полка Римского-Корсакова, двух полковых командиров, фамилии которых теперь вылетели из моей памяти, еще одного кавалерийского полковника, с которым ранее мне не приходилось встречаться, и, наконец, тут же был уже мне знакомый адъютант начальника дивизии.

Ждать мне пришлось недолго. Совещание кончилось. Старшие офицеры откланялись генералу Выграну, и хата стала быстро пустеть. В результате я остался наедине с начальником дивизии и его начальником штаба.

— Очень рад, что вы так быстро прибыли, дорогой! — обратился ко мне милейший генерал. — Но в дальнейшем от вас потребуется еще большая быстрота и энергия...

Я щелкнул шпорами, всею своею фигурой выражая полную готовность исполнить какое угодно поручение.

— Ну так вот! — продолжал генерал, одобрительно кивнув. — Сейчас вам выдадут письменное приказание, а в придачу — двух корнетов и пять солдат... Немедленно же отправляйтесь с ними в Севастополь и постарайтесь исполнить все вам порученное как можно скорее... Надлежит получить для нас седла, пики, теплые вещи и т. д. Во всем этом мы сильно нуждаемся, а время, как вы сами знаете, — нешуточное. Поэтому напрягите силы, чтобы сделать все это с большою быстротою... — После этих слов генерал на мгновение умолк, после чего добавил как бы с некоторым смущением: — А вот это письмо, — и он конфузливо протянул руку с запечатанным конвертом, — не откажите, если возможно, передать моей жене... Она, вероятно, волнуется... Желаю вам, дорогой, счастливого пути и полного успеха!

Принимая письмо из рук генерала В.Н. Выгрена, я невольно встретился взглядом с его добрыми глазами, и мне почему-то до боли в сердце стало жаль этого доблестного, отважного и беззаветно преданного своему долгу русского генерала.

«Какое горькое, страшное и вместе с тем обидное время мы переживаем! — подумал я с тоскою. — И какое грозное испытание послано нам Богом!..»

Не произнеся более ни слова, я еще раз почтительно вытянулся перед начальником дивизии и после этого поспешно вышел из хаты...

Вскоре я и мои спутники уже изнывали от духоты и тесноты в битком набитом вагоне пассажирского поезда, с грехом пополам совершавшего свой пробег с севера на юг, по направлению к Севастополю...

Что представляло собою подобное путешествие по железной дороге в последние дни печальной памяти Крымской эпопеи — хорошо могут себе представить только те, кто эту эпопею пережил непосредственно... Но, несмотря на все прелести такого путешествия, Провидению все же было угодно помочь нам не только благополучно добраться до Севастополя, но и быстро выполнить все поручения, возложенные на нас начальником дивизии.

Штаб Главнокомандующего сделал все от него зависящее, дабы ускорить получение нами необходимых вещей. Снабженные особыми полномочиями и предписаниями, мы перегружали ящики с седлами, пиками и другими предметами первой военной необходимости прямо из трюмов иностранных пароходов в наши вагоны. Те же всеильные предписания штаба помогли нам продвинуть эти вагоны на свободные пути за севастопольской станцией; последнее дело представлялось, пожалуй, труднее всех предыдущих. Станция была забита бесчисленными составами, спешно прибывавшими с севера и ежечасно привозившими с собою, кроме растерянных и озабоченных пассажиров, всякого рода тревожные слухи, порождавшие уныние и панику...

Последняя, основанная на звучащих повсюду тревожных разговорах, уже росла в Севастополе...

— На севере Крыма дела совсем пошатнулись... Белые отходят, большевики заливают Таврию... Куда же нам деваться? В море, что ли?

Увы, эти панические разговоры не были обосновательными... Но мы, получив свои седла и пики, были охвачены такою спешкой, что даже не обратили внимания на тревогу, охватывавшую Севастополь. И уже через два дня паровоз нашего поезда свистнул и снова повел нас на север, к Симферополю и Джанкою. А когда эшелон остановился около симферопольского вокзала, мы уже от знакомых офицеров узнали о тяжелом положении добровольцев на фронте и отходе наших войск из Северной Таврии...

На следующее утро мы прибыли в Джанкой, в котором творилось уже нечто трудно описуемое... армия спешно отступала, и в этом городишке царил настрой печали, разочарования, растерянности и всеильного страха перед грядущим. Джанкойский вокзал был забит составами более севастопольского; станционное здание и дебаркадер

кишели смешанною толпою из офицеров, солдат и несчастных штатских; в переполненном нахлынувшими беженцами поселке нельзя было раздобыть ни кусочка хлеба.

Наш эшелон остановился по соседству с весьма приличного вида поездом. Как мы вскоре узнали, это был состав, заключающий в своих вагонах штаб-генерала Кутепова. Около станционного здания в изобилии были разведены дымные костры, около которых грелись члены самых разнообразных частей, давно потерявших всякую связь между собою... Всей этой невеселой картине аккомпанировал неистовый свист холодного ветра, которого давно не помнили крымские старожилы.

— Природа правит панихиды по Белому делу! — услышал я песимистические слова, произнесенные какою-то закутанною фигурой, склонившейся над костром. — Поет отходную старой России... Не удалось отстоять Родины от черта!..

Холод, стоявший все эти дни в Таврии, являлся исключительным в этих местах, какового еще ни разу не испытывали за свою жизнь самые древние старожилы Крыма. Этими суровыми явлениями природы, неожиданно упавшими на головы наших солдат и офицеров, отчасти объясняются и многие наши неудачи, постигшие Добровольческую армию в ее последние дни. Лишенные теплых вещей и отчасти уже избалованные мягким и жарким климатом Черноморского побережья, бедные добровольцы нестерпимо страдали от захватившей их стужи, что, конечно, не могло не отразиться на духе белых войск...

Задержавшись на неопределенный срок в Джанкое, я долгое время бесцельно бродил между разложенных костров и сидевших около них угрюмых добровольцев, как вдруг чей-то голос окликнул меня по имени и отчеству. Я оглянулся — и увидел нескольких знакомых офицеров, стрелков Императорской Фамилии, во главе с капитаном Воейковым⁷⁰⁷, гревшихся около пылавшей кучи дров.

— Откуда и куда?

Поздоровавшись со стрелками, я в кратких словах сообщил им о причинах своего пребывания в Джанкое и целях дальнейшего путешествия.

В ответ на мои слова Воейков грустно улыбнулся:

— Спешите к своим с вещами и пиками?... Не знаю, где вы теперь их отыщете... Вчерашней линии фронта больше нет... Разве вы еще ничего не знаете?

К сожалению, я очень скоро и сам узнал всю горькую правду: наша армия действительно уже катилась назад, и, по всем данным, катилась неудержимо и безнадежно.

Со штабом своей дивизии, поручение которого я успешно выполнил, связаться уже не представлялось возможности. Дивизия теперь где-то отступала вместе со всеми остальными частями...

Спустя час-другой выяснилась и судьба всех полученных мною в Севастополе вещей, столь необходимых нашим людям: поставленный о них в известность генерал Кутепов мне лично приказал передать их в распоряжение интенданта армии... Исполнив это приказание, я вскоре увидел, как теплые вещи, с таким трудом раздобытые нами для чинов своей дивизии, немедленно же вслед за разгрузкою вагонов раздавались посиневшим от холода добровольцам проходивших мимо Джанкоя частей... И такое действие являлось вполне целесообразным, так как иначе весь мой груз сделался бы в результате добычею красных. А ветер все дул и дул, злоеюще завывая среди вагонов бесчисленных поездов, сгрудившихся у станции...

Наступила ночь — одна из самых тяжелых ночей в моей жизни. Станция Джанкой с каждой минутой пустела все более. Одна за другою проходили мимо нее отступавшие части, вскоре ушел на юг и поезд со штабом армии. Чувствуя себя одиноким, никому из уходивших не нужным, я как тень слонялся по опустевшему и ободранному местечку, питая смутные надежды на появление частей своей дивизии.

«Быть может, и они пройдут мимо Джанкоя! О, если бы!..»

В эти невыразимо тяжелые часы в особенности хотелось быть вместе со своими соратниками, очутиться среди людей своей родной части, сделавшихся необыкновенно любимыми и близкими... Но родная часть не появлялась. Вместо нее из беспросветной темы октябрьской ночи, в которую я безнадежно глядывался, продолжал мне дуть в лицо все тот же холодный ветер, певший панихиды Белому делу...

Уже под утро, узнав, что предпоследняя станция перед Джанкоем занята противником, я — с прикомандированными ко мне чинами — поплелся вдоль железной дороги в ту же сторону, куда двигалась вся масса отступавших. Измученный и голодный, успел вскочить в какой-то поезд и забился в угол товарного вагона, до отказа переполненного чинами разных частей...

Мною овладело безысходное отчаяние, смешанное с тупым ужасом... Хотелось заплакать, разрыдаться, как ребенку, хотелось проснуться от этого страшного сна наяву, каким так грозно закончилось все бесконечно дорогое Белое дело... Но взамен того чтобы проснуться от этого сна, я на несколько минут забылся настоящим сном усталого, разбитого и голодного человека. Когда я очнулся, инстинктивно потянулся, для того чтобы удостовериться в целостности моего единственного вещевого мешка с незатейливым походным скарбом, — но... после-

днего простыл и след: кто-то из соседей его вытянул из-под лавки, пользуясь моим минутным забытьем.

Возмущенный допущенною наглостью, я пытался искать свое добро под другими скамьями; ничего, конечно, не нашел и в результате стал растерянно озираться по сторонам, повсюду видя тех же деморализованных чинов. И — о ужас и стыд! — глаза мои встретились с дерзкими и насмешливыми взглядами, а слух уловил чье-то диничное гоготание, типичное для членов бандитской среды... Покраснев до слез за моих спутников, я уже более не пытался продолжать свои поиски.

В пропавшем мешке находились мои последние вещи: белье, гимнастерка и другая необходимая мелочь. В одном из карманов гимнастерки был паспорт с обратной визой в Сербию, которую лично приказал поставить тогдашний Престолонаследник, Его Высочество Александр, когда я, перед возвращением в Русскую Армию, имел честь ему представляться в Белграде; тут же была и вся денежная наличность моих скудных офицерских средств, а главное — значок об окончании высшего учебного заведения, которым я так дорожил, как давнишним подарком моих дорогих друзей. Из продолжительной и страдной эпопеи Добровольческого движения я теперь выходил лишь с потрепанными носильными вещами на плечах и крестом на груди; в кармане у меня не было положительно ни гроша и... даже носового платка и гребенки.

В Севастополь нам удалось попасть одними из последних. На северной стороне я с небольшой группой вышел из поезда, который направился к городской станции... Большинство кораблей уже навсегда оставило порт и ушло в «заморские» страны, исчезли из города и штабы с другими учреждениями. Город уже находился в ведении боевых рабочих дружин, вооруженных винтовками и имевших в виде отличительного знака красные повязки на рукавах.

Очутившись одинокими в Севастополе, мы не без некоторой тревоги проходили по Рабочей слободке, готовые встретить всякие неожиданныйности со стороны местного пролетариата, сделавшегося теперь господином положения... Но опасения наши оказались напрасными.

Следует отметить, что за все время Гражданской войны фабричные рабочие оккупированных добровольцами областей почти всегда были враждебно настроены к белым, как бы хорошо последние к ним ни относились. Это была, так сказать, принципиальная или традиционная вражда, не основанная на чем-либо реальном, не имевшая никаких определенных оснований и безразличная к пользе или вреду, приносимым белыми армиями. Случалось, что в некоторых больших центрах, как, например, Ростов, Таганрог, Харьков, Екатеринослав и другие

города, эта вражда влекла за собою кровавые последствия, выражавшиеся в вооруженных нападениях рабочих на добровольческие тылы и отдельных офицеров.

Такого же рода печальные явления имели место и в Крыму до прихода к власти генерала Врангеля. Но с началом действий этого незабвенного белого вождя, отличавшихся строгою законностью и объективной заботой о всех слоях населения, отношение рабочих к белым изменилось до неузнаваемости. Сумев пробить лед, окружавший до того времени сердца рабочих, генерал Врангель постепенно превратил их в неподдельных и простодушных друзей всех чинов своей армии, что особенно ярко выразилось в минуты ее ухода из Севастополя... Пролетариат этого города с сожалением и сочувствием провожал добровольцев, искренно жалея ни в чем не повинных русских людей, в силу чудовищного исторического недоразумения принужденных уходить в тяжелое изгнание...

Сочувствовали те же рабочие и нам, проходившим в последние часы Крыма через их слободку. И вместо ожидаемых выстрелов из-за угла, мы встретили в той же слободке радость, слова приветия и даже кое-какое угощение водкой и скромною трудовою едой. Те же рабочие, раздобыв необходимые лодки, доставили нас на оставшийся корабль, вскоре увезший нас от родных берегов в томительное и долгое изгнание...

Мы уплывали в неизвестность. Стоя на палубе и смотря сквозь слезы на уменьшавшиеся с каждым мгновением очертания последнего клочка родной земли, — я горько прощался с Россией, с русским народом, со всем тем бесконечно дорогим и близким, с чем дотоле была неразрывно связана моя бедная жизнь...

Я уплывал от России, я покидал Россию... Но, покидая ее, я всем сердцем чувствовал, что иначе я поступить и не мог... Я вполне сознательно и, так сказать, принципиально уходил в политическую эмиграцию...

КОММЕНТАРИИ

¹ Звегинцов Владимир Николаевич, р. 11 февраля 1891 г. в с. Петровском-Звегинцове Воронежской губ. Пажеский корпус (1910)*. Ротмистр Кавалергардского полка, служил по Управлению Государственного коннозаводства. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. в финансово-экономическом комитете Крымского центра, с мая 1919 г. адъютант штаба кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса в Крыму, затем в эскадроне своего полка, с июня 1919 г. начальник запасной и хозяйственной части в дивизионе своего полка, с декабря 1919 г. в Сводно-кирасирском полку. Весной 1920 г. командирован в Сербию. Полковник. В эмиграции во Франции, с 1956 г. редактор «Вестника кавалергардской семьи», сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17(27) апреля 1973 г. в Париже.

² Впервые опубликовано: Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 годов. Ч. 3. Париж, 1966.

³ Святейший князь Ливен Анатолий Павлович, р. в 1872 г. Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Московский университет. Ротмистр Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. участник организации добровольческих частей в Прибалтике. В январе 1919 г. сформировал и возглавил «Либавский добровольческий стрелковый отряд», с января 1919 г. командующий Либавской добровольческой группой, соединившейся с Северо-Западной армией; летом — в декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии. Тяжело ранен 24 мая 1919 г., с июля 1919 г. за границей. Полковник (с 6 августа или 22 мая 1919 г.). В эмиграции в Париже и Латвии. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г., в 1931 г. возглавлял Общество взаимопомощи военнослужащих в Латвии. Умер 3 апреля 1937 г. в Кеммерне (Латвия).

⁴ Родзянко Александр Павлович, р. 13 августа 1879 г. Пажеский корпус (1899). Полковник Кавалергардского полка, командир полка Офицерской кавалерийской школы. В Северо-Западной армии; с 20 ноября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе Северной армии, командир формируемых русских частей в Риге, с 23 ноября 1918 г. генерал-майор, с

* Здесь и далее такая запись означает год окончания указанным персонажем названного учебного заведения.

марта 1919 г. начальник Южной группы, с мая 1919 г. командир Северного корпуса, с 19 июня 1919 г. командующий Северо-Западной армией; с октября по 23 ноября 1919 г. помощник Главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича. Генерал-лейтенант (к августу 1919 г.). В эмиграции на Восточном побережье США, на ноябрь 1951 г. представитель полкового объединения в США, к февралю 1954 г. председатель отдела Союза пажей. Умер 6 мая 1970 г. в Нью-Йорке.

⁵ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Пажецкий корпус (1893). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

⁶ **Барон Маннергейм Карл-Густав-Эмиль Карлович**, р. 4 июня 1867 г. Гельсингфорский лицей, Николаевское кавалерийское училище (1889). Генерал-лейтенант, командир л.-гв. уланского Его Величества полка, начальник отдельной гвардейской кавалерийской бригады, командир 6-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Финляндии. Главнокомандующий Белой армией, к маю 1918 г. очистил Финляндию от красных, до июля 1919 г. регент Финляндии, с 1939 г. Главнокомандующий финской армией. Фельдмаршал. Умер 27 января 1951 г. в Швейцарии.

⁷ Сводно-гвардейский полк (гвардейский Сводный пехотный полк, Сводный гвардейский пехотный полк). Сформирован в Добровольческой армии (приказ от 19 октября 1918 г.) как полк обычного солдатского состава путем выделения чинов гвардии из состава Марковского полка. Входил во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в него сводились все офицеры гвардии, но вскоре кавалеристы выделились в отдельные формирования. В конце сентября 1918 г. насчитывал 1000 штыков (5 рот). В бою 2 октября 1918 г. под Армавиром потерял половину своего состава — около 500 человек, было убито 30 офицеров. 19 января 1919 г. включен в состав 5-й пехотной дивизии, с 6 марта по июль входил в отряд генерала Виноградова. На 26 мая — 14 июня насчитывал 2180 человек. 8 августа 1919 г. развернут в Сводно-гвардейскую бригаду. Командиры: полковник Н.Н. Дорошевич (до октября 1918 г.; убит), полковник А.А. Морозов (октябрь 1918 г.), генерал-майор П.Э. Тилло (25 октября 1918-го — 11 мая 1919 г.), полковник Михайлов (врид; весна 1919 г.), полковник Г.В. Сакс (врид, с 30 марта 1919 г.), полковник Е.Ф. Мантуров (врид, 22 мая — 17 июня 1919 г.), генерал-майор барон Н.И. Штакельберг (с 16 мая 1919 г.).

⁸ **Моллер Михаил Николаевич**, р. 22 апреля 1889 г. Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Преображенского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. в 3-й Офицерской роте; в январе 1918 г. командир гвардейской роты в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир отделения гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка. В июне 1918 г. в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник хозяйственной части того же полка, с октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе — марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к 1931 г. в Версале. Умер в 1964 г.

⁹ Кавалергардский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка осенью 1918 г. служили в основном в Черкесской конной дивизии. С конца октября 1918 г. кавалергарды составили взвод (с января 1919 г. эскадрон) команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. эскадрон полка (18 офицеров) входил в состав Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. кавалергарды были представлены 2 эскадронами. 3-й эскадрон, сформированный в Лубнах, присоединился к полку в декабре 1919 г. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II) и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1 мая 1920 г. стал 1-м эскадронам гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 16 офицеров (7 расстреляно, 5 убито и 4 умерло от болезней). Командиры (н. ст.): полковник Д.В. Коссовский (январь — 18 ноября 1919 г.), штабс-ротмистр (ротмистр) Г.Г. Раух (19 ноября 1919-го — 8 ноября 1920 г.), поручик В.А. Чичерин (с 9 ноября 1920 г.). Командиры эскадронов: штабс-ротмистр барон Г.А. Остен-Дризен, штабс-ротмистр граф И.Д. Толстой, штабс-ротмистр граф А.Д. Толстой, штабс-ротмистр А.Н. Шебеко, штабс-ротмистр граф Р.В. Мусин-Пушкин, штабс-ротмистр А.А. Тимашев, штабс-ротмистр А.В. Чичерин. Начальники пулеметной команды: штабс-ротмистр А.Н. Шебеко, штабс-ротмистр П.А. Рогович, корнет М.А. Рогович, штабс-ротмистр А.А. Пашков. Полковое объединение в эмиграции — «Кавалергардская семья». Председатели: генерал кавалерии В.М. Безобразов, генерал-майор князь А.Н. Эристов, полковник Д.И. Звезгинцов; заместитель председателя — генерал-майор Н.Н. Шипов, секретарь и казначей — полковник барон К.Н. Розен, полковник В.Н. Звезгинцов; представитель в Югославии — генерал-майор А.П. Половцев, в США — генерал-лейтенант А.П. Родзянко. В 1938—1968 гг. издавало на ротаторе ежегодный журнал «Вестник кавалергардской семьи», редакторы: полковник барон К.Н. Розен (до 1956 г.), полковник В.Н. Звезгинцов. На 1939 г. насчитывало 110 человек (в т. ч. 85 во Франции, 71 в Париже), на 1949 г. — 60 (25 в Париже, 15 в США), на 1951 г. — 59 (22 в Париже), на 1958 г. — 41 (17 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 12 кандидатов.

¹⁰ Данилов Михаил Федорович, р. 11 апреля 1879 г. Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Полковник, командующий л.-гв. Кирасирским Ее Величества полком. В Добровольческой армии с октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского эскадрона при Сводно-гвардейском полку, с 14 ноября 1918 г. по 26 февраля 1919 г. командир эскадрона своего полка, на 24 марта 1919 г. командир дивизиона своего полка в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку, с 13 апреля по 3 августа 1919 г. командир Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 15 декабря 1919 г. по 12 марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. В Русской Армии командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 18 апреля 1920 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор (с сентября 1919 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, председатель (старший руководитель) объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Париже. Умер около 11 сентября 1943 г. в Венгрии.

¹¹ Косиковский Дмитрий Владимирович. Сын действительного статского советника. Училище правоведения (1903). Полковник Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с января 1919 г. в Сводно-кирасирском полку, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. командир эскадрона Кавалергардского полка, с июня 1919 г. в дивизионе своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. по 16 апреля 1920 г. командир 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, с апреля 1920 г. помощник командира гвардейского кавалерийского полка; 16—24 апреля, 15—19 мая, 10—11 июля врид командира того же полка. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии. Умер 21 апреля 1944 г. в Белграде.

¹² Граф Толстой Иван Дмитриевич. Александровский лицей (1912). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. командир 2-го эскадрона того же дивизиона, с марта 1920 г. командир эскадрона Кавалергардского полка. В Русской Армии командир эскадрона и кирасирского дивизиона в гвардейском кавалерийском полку. Полковник. Ранен 30 июля 1920 г. у д. Черненькой. На 1 июня 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, в 1929—1938 гг. в Париже.

¹³ Граф Толстой Андрей Дмитриевич. Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. командир эскадрона, с сентября 1919 г. командир взвода. Штабс-ротмистр. В эмиграции в США. Умер 22 мая 1963 г. в Нью-Йорке.

¹⁴ 1-я пехотная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. как 1-я дивизия (с 21 мая 1919 г. — пехотная). Состав:

1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й Офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В сентябре 1918 г. стала включать Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский и Самурский полки. 19 октября 1918 г. с выделением из Марковского Сводно-гвардейского полка стала включать две бригады. С 15 ноября 1918 г. вошла во 2-й, с 15 мая 1919 г. — в 1-й армейский корпус. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские, 1-й, 2-й и 3-й Марковские полки, запасный батальон (полковник Коновалов; 1122 штыка, 7 пулеметов), 1-ю артиллерийскую бригаду, 1-й запасный артиллерийский дивизион и 1-ю инженерную роту, до 27 августа — также Кабардинский полк, до 1 сентября 1919 г. — Алексеевский полк. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 7170 штыков при 148 пулеметах. 14 октября 1919 г. расформирована и разделена на Марковскую и Корниловскую дивизии. Начальники: генерал-лейтенант С.А. Марков (до 12 июня 1918 г.), генерал-майор Б.И. Казанович (12 июня — 15 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант С.А. Станкевич (15 ноября 1918-го — 11 марта 1919 г.; умер), генерал-майор А.П. Колосовский (с 21 марта 1919 г.), генерал-майор Н.С. Тимановский (до 27 октября 1919 г.). Начштаба: полковник В.И. Гейдеман (до 19 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Кардашенко (с 19 ноября 1918 г.), полковник В.А. де Роберти (до 22 июля 1919 г.), А.А. Биттенбиндер (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: генерал-майор Н.С. Тимановский (1-й, октябрь 1918-го — 31 января 1919 г.), полковник Р.М. Туненберг (2-й, 19 ноября 1918-го — 11 марта 1919 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник Н.В. Скоблин.

¹⁵ Казанович Борис Ильич, р. в 1871 г. Из дворян. Могилевская гимназия (1890), Московское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае — июне командирован в Москву для связи с Национальным центром. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919-го по начало 1920 г. командующий войсками Закаспийской обл. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, с августа 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1939 г. председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчеве (Югославия).

¹⁶ Шебеко Владимир Вадимович. Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем адъютант генерала Слащова. Штабс-ротмистр. Убит в яннаре — апреле 1920 г. бомбой на ст. Джанкой.

¹⁷ Граф Мусии-Пушкин Роман Владимирович. Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде

конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем (март 1919 г.) в дивизионе своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с мая 1919 г. ординарец начальника кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса, с октября 1919 г. корнет в дивизионе своего полка, в феврале, летом 1920 г. штабс-ротмистр (ротмистр). В эмиграции в Австралии. С 4 июня 1969 г. начальник Австралийского отдела РОВС. Умер 27 ноября 1971 г. в Сиднее (Австралия).

¹⁸ **Львов В.К.** Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе своего полка. Корнет (август 1919 г.). Убит 4 августа 1919 г. у с. Петровка на Хороле.

¹⁹ **Граф Шереметев Сергей Дмитриевич.** Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В эмиграции во Франции, к 1929 г. в Париже.

²⁰ **Граф Мусин-Пушкин Владимир Владимирович**, р. 22 января 1898 г. Гимназия. Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с марта 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку; эстандарт-юнкер, с 7 марта 1919 г. унтер-офицер, с сентября 1919 г. прапорщик Кавалергардского полка. Ранен 21 февраля 1919 г. под Благодатным, к 24 марта 1919 г. корнет. В начале 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму. Ранен 3 апреля 1920 г. на Перекопе. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку. Ранен в октябре 1920 г. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер после 1991 г.

²¹ Крымско-Азовская Добровольческая армия. Образована во ВСЮР 10 января 1919 г. (в результате разделения Добровольческой армии на нее и Кавказскую Добровольческую) на базе Крымско-Азовского корпуса. В мае 1919 г. туда входили 5-я пехотная и Сводная конная (Сводно-кирасирский, 2-й конный, 2-й Таманский казачий, гвардейский Сводно-кавалерийский дивизионы, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и гвардейская конно-артиллерийская батарея) дивизии. 22 мая 1919 г. преобразована в 3-й армейский корпус. Командующий — генерал-лейтенант А.А. Боровский. Начштаба — генерал-лейтенант Н.Д. Пархомов (до 12 мая 1919 г.).

²² **Боровский Александр Александрович**, р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 7 января по 31 мая

1919 г. командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской обл., затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.).

Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 г. в Скопле (Югославия).

²³ **Адамович (Чудово-Адамович) Иван Николаевич**, р. в 1895 г. Кадетский корпус. Юнкер Николаевского кавалерийского училища. В Добровольческой армии (прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 г. с генералом Алексеевым); адъютант генерала А.П. Богаевского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 14 декабря 1918 г. в эскадроне Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском полку, с 1919 г. в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Георгиевская медаль 4 степени. Корнет (к октябрю 1919 г.). В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галиполиец. В эмиграции во Франции на декабрь 1963 г. казначей гвардейского объединения, с 3 июня 1947 г. по ноябрь 1951 г. также и его Распорядительного комитета. Поручик. Умер 8 июля 1976 г. в Париже.

²⁴ Лейб-гвардии Конный полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка осенью 1918 г. служили в основном в Черкесской конной дивизии. С января 1919 г. конногвардейцы составили эскадрон команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. эскадрон полка входил в состав Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. конногвардейцы были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II)* и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1 мая 1920 г. стал 2-м эскадронам гвардейского кавалерийского полка. В сентябре 1920 г. эскадрон расформирован и вошел в конную Главнокомандующего. Полк потерял в Белом движении 18 офицеров (5 расстреляно, 12 убито и 1 умер от болезней), по другим данным — 23 (в мировой войне — 12). Командиры: штабс-ротмистр князь А.С. Оболенский (январь 1919 г.), штабс-ротмистр С.И. Таптыков (декабрь 1919 г.). Командир эскадрона — штабс-ротмистр Буда-Жемчужников. Полковое объединение в эмиграции («Союз конногвардейцев», с 1939 г. — «Конногвардейское объединение») создано в 1923 г. в Париже, к 1931 г. насчитывало 105 человек, к 1939 г. — 64 (в т. ч. 27 во Франции, 12 в Париже), к 1949 г. — 51 (12 в Париже, 7 в США), к 1951 г. — 50, к 1958 г. — 55 (14 в Париже). Почетный председатель — Великий Князь Дмитрий Павлович; председатели: генерал-лейтенант А.А. Мосолов, генерал-майор граф Ф.М. Нирод, камергер Г.И. Вуич (с 1951 г.), штабс-ротмистр барон В.А. фон дер Пален; секретари:

* Здесь и далее так обозначается порядковый номер формирования воинского соединения с таким номером и названием.

камергер Г.И. Вуич, полковник В.Ф. Козлянинов 1-й (к 1951 г. хранитель музея), ротмистр А.П. Тучков, казначей — ротмистр князь К.А. Ширинский. Шихматов, представитель в Югославии — полковник Г.Г. Стенбок, в США — штабс-ротмистр князь С.С. Белосельский-Белозерский 2-й, старший в Париже — полковник А.А. Кляуки фон Клаугенау. В 1953—1967 гг. издавало на ротаторе ежегодный журнал «Вестник конно-гвардейского объединения» (редактор — ротмистр А.П. Тучков).

²⁵ Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии. Начал формироваться во ВСЮР 26 февраля 1919 г. Сформирован 24 марта 1919 г. в составе 5-й пехотной дивизии Крымско-Азовской армии из кадра полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии Императорской армии. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). 19 июня 1919 г. преобразован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Командир — полковник М.Ф. Данилов (с 13 апреля 1919 г.), врид полковник Н.А. Петровский (18 мая — 4 июня 1919 г.).

²⁶ Князь Оболенский Александр Сергеевич, р. 11 декабря 1895 г. в Пятигорске. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. командир эскадрона своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 21 февраля 1919 г. под с. Благодатным у Мелитополя.

²⁷ Фон Вик Петр Алексеевич, р. 7 марта 1894 г. Из дворян Симбирской губ. Симбирский кадетский корпус (1910), Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; осенью 1919 г. в эскадроне конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 9 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 30 декабря 1918 г. командир того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и на 12 мая 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, весной 1920 г. начальник хозяйственной части полка до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Константинополе, в Чехословакии и Франции, секретарь полкового объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Париже, на ноябрь 1951 г. заведующий музеем полка. Умер 3 мая 1955 г. в Париже.

²⁸ Рубец Иван Филиппович, р. около 1889 г. Николаевский (2-й) кадетский корпус (1909), Николаевское кавалерийское училище (1911). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в ячейке своего полка, с декабря 1918 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира того же эскадрона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 6 января по 14 апреля 1919 г. командир эскадрона. Контужен 14 апреля 1919 г. В Русской Армии с августа 1920 г. в Запасном кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Полковник. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США.

к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 8 июня 1972 г. в Наюке (США).

²⁹ Гончаренко Николай Михайлович, р. 16 февраля 1893 г. Пажеский корпус (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; с августа 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 14 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка, с декабря 1918 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, 6 января — 14 апреля. 6 июля — 24 декабря 1919 г. и 9 февраля — 14 марта 1920 г. начальник пулеметной команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии (1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку), ротмистр. Ранен 14 апреля 1918 г. и в феврале 1920 г. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма (с 7 августа 1920 г. командир эскадрона, 18—28 августа 1920 г. врио командира полка). Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». На 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Югославии. В эмиграции во Франции. Умер 15 января 1969 г. в Париже.

³⁰ Деконский Федор Алексеевич. Александровский лицей (1910). Поручик запаса л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка (переведен в полк 7 ноября 1918 г.), с декабря 1918 г., на 12 мая 1919 г. начальник нестроевой команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Ранен 4 апреля 1919 г. 15 июля — 15 сентября 1919 г. командир эскадрона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр (март 1919 г.). Убит 15 сентября 1919 г. у с. Британы Черниговской губ.

³¹ Спешнев Георгий Николаевич, р. в 1887 г. Штабс-ротмистр запаса армейской кавалерии. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. начальник комендантской команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с января 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, переведен в полк 20 апреля 1919 г., с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с апреля 1920 г. комендант тылового района в гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Югославии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии.

³² Гневшин Афанасий Никифорович, р. 1 мая 1885 г. в с. Борисовка Курской губ. Старший унтер-офицер Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января, в ноябре 1919 г. вахмистр в эскадроне Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, подпрапорщик. Ранен 12 августа 1919 г. у Британ. Корнет. В эмиграции с 1923 г. в США. Основатель в 1929 г. и до января 1938 г. председатель Всероссийского крестьянского союза. Умер 25 июля 1938 г. в Лейквуде (США).

³³ Князь Черкасский Игорь Михайлович. Пажеский корпус. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г., с января 1919 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира того же эскадрона в Сводном полку

гвардейской кирасирской дивизии, затем командир эскадрона, ротмистр; с марта 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Подполковник. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку. Ранен в августе 1920 г. В эмиграции в Бельгии. Умер 5 марта 1975 г. в Брюсселе.

³⁴ **Таптыков Сергей Иванович.** Училище правоведения (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, ранен в феврале 1919 г. под Благодатным; с 24 марта 1919 г. помощник командира эскадрона л.-гв. Конного полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с сентября 1919 г. командир дивизиона, с декабря 1919 г., в мае 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Конного полка. Полковник. В эмиграции в Германии, затем в США. Умер 18 июля 1977 г. в Нью-Йорке.

³⁵ **Веселовский Мстислав Антониевич.** Офицер с 1916 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с января 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку в Крыму, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 5—7 июня 1919 г. командир эскадрона. Контужен 6 мая 1919 г. Убит 9—10 июня 1919 г. у с. Андреевка в Крыму.

³⁶ **Князь Козловский Андрей Владимирович,** р. в 1897 г. Корнет л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Убит 21 февраля 1919 г. под д. Благодатное Таврической губ.

³⁷ **Безобразов Михаил Владимирович,** р. в 1895 г. Из дворян, сын генерала. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В январе 1918 г. участвовал в боях на Перекопе в составе 2-го Крымско-татарского конного полка, с апреля 1918 г. начальник Ялтинского Крымского пограничного дивизиона, с конца 1918 г. в Добровольческой армии; в эскадроне Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 1919 г. ротмистр, адъютант полка. В Русской Армии с апреля 1920 г. адъютант гвардейского кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Подполковник. В эмиграции с 1936 г. в Ницце (Франция). Во время Второй мировой войны в России, затем в Зальцбурге, с 1947 г. в бельгийском Конго в Институте научного исследования Центральной Африки, с 1955 г. в Бельгии. Умер 8 мая 1957 г. в Брюсселе.

³⁸ **Тучков Дмитрий Павлович,** р. в 1893 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Убит 18—21 февраля 1919 г. под д. Благодатное Таврической губ.

³⁹ **Барон Рауш фон Траубенберг Георгий (Юрий) Евгеньевич,** р. в 1900 г. в Смоленске. Гимназия (1916), Пажеский корпус (1917). Прапорщик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с января 1919 г. в эс-

кадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Корнет. Убит 21 февраля 1919 г. у д. Благодатное.

⁴⁰ **Максимов Петр Иванович.** Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 22 октября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 27 октября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. В январе 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, весной 1920 г. ротмистр, командир Сводно-кирасирского эскадрона гвардейского отряда на Перекопе, с октября 1920 г. помощник командира эскадрона до эвакуации Крыма, с 27 октября 1920 г. врио командира гвардейского кавалерийского полка. Подполковник. Ранен 27 октября 1920 г. на Литовском п-ве. В Галлиполи командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 14 февраля 1939 г. в Париже.

⁴¹ **Бибиков Илья Николаевич,** р. около 1901 г. Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России; с февраля 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Убит 21 февраля 1919 г. под Благодатным.

⁴² 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й Офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. — 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов.). К 7 августа состоял из 7, к концу августа — из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня по осень 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польшу. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для

чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д»,верху «2»,справа «о»,слева «ю»,внизу «полака», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918-го — 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио, 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Сиакин (26 ноября 1919-го — 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.). Командиры эскадронов: полковник Кушелев, есаул Фролов (убит), ротмистр Михайловский (убит), ротмистр Сыкалов (убит), ротмистр Войцеховский (убит), штабс-ротмистр Малиновский (убит), ротмистр Спицын, капитан Галицкий, ротмистр Полторацкий и др.

⁴³ **Слащов Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

⁴⁴ Гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион. Сформирован во ВСЮР в начале 1919 г. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. 19 июня 1919 г. преобразован во 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк. Командир — полковник Д.А. Ковалинский.

⁴⁵ Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Эскадрон полка в октябре 1918-го — марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк (I), с весны до июня 1919 г. — в состав гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона. С 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного 2-го гвардейского Сводно-кавалерийского полка, где в июле 1919 г. конногренадеры были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II) и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. стал 5-м эскадронам гвардейского кавалерийского полка. Запасный, Сводный гвардейский дивизион. Полк потерял в Белом движении 18 офицеров (3 расстреляно, 12 убито и 3 умерло от болезней). Полковое объединение в эмиграции —

«Общество старых офицеров л.-гв. Конно-гренадерского полка» (Париж). Председатели: генерал-майор Е.А. Вилламов, генерал-лейтенант В.Е. Марков, генерал-майор П.П. Гротен; заместитель председателя — полковник А.В. Дурасов; секретарь — ротмистр Г.С. Панютин, ротмистр А.А. Скрябин, казначей — штабс-ротмистр князь А.Е. Трубецкой; заведующий музеем — ротмистр А.А. Скрябин, полковник Г.Н. Вилламов; представитель во Франции (к 1962 г. возглавляющий Европейский отдел) — генерал-майор А.В. Попов, в Югославии — полковник Р.К. Дрейлинг, в США — полковник Ф.С. Олферьев. На 1939 г. насчитывало 59 человек (в т. ч. 24 во Франции), на 1949 г. — 42 (14 в Париже, 4 в США), на 1951 г. — 41 (6 в Париже), на 1958 г. — 25.

⁴⁶ **Похвиснев Борис Владимирович**, р. около 1895 г. Офицер с 1914 г., штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с января 1919 г. хозяин Офицерского собрания полка. Убит 3 апреля 1919 г. с развозом у колонии Ней-Хофнунг (Киянлы) в Крыму.

⁴⁷ 3-й армейский корпус. Образован 22 мая 1919 г. из Крымско-Азовской Добровольческой армии. Включал 4-ю пехотную дивизию и Отдельную кавалерийскую бригаду, которая 19 июня переформирована во 2-ю кавалерийскую дивизию, а 9 июля исключена из состава корпуса, кроме 2-го Таманского и Сводно-драгунского полков. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывал 7693 человека (в т. ч. 751 офицера, 4497 строевых, 980 вспомогательных и 1465 нестроевых нижних чинов). 20 августа 1919 г. на его основе были развернуты войска Новороссийской области. Вновь сформирован 6 декабря 1919 г. в составе 13-й, 34-й пехотных дивизий. В начале 1920 г. включал также Славянский стрелковый, 1-й Кавказский стрелковый (около 100 штыков), Чеченский сводный (около 200 шашек) полки. В январе 1920 г. отошел в Крым и, включив в свой состав находившиеся там части, стал именоваться Крымским корпусом. Командиры: генерал-лейтенант С.К. Добровольский (врид, 28 мая — 10 июля 1919 г.), генерал-лейтенант Н.Н. Шилинг (10 июля — 26 августа 1919 г.), генерал-майор Я.А. Слащев (с 6 декабря 1919 г.). Начштаба — генерал-майор В.В. Чернавин (31 мая — 19 августа 1919 г.). Инспекторы артиллерии: генерал-майор М.Н. Папа-Федоров (27 июня — 15 октября 1919 г.), генерал-майор М.С. Росляков (с 14 декабря 1919 г.).

⁴⁸ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом-осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, 5 июня — 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир

5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

⁴⁹ 5-я пехотная дивизия. Сформирована 19 января 1919 г. во ВСЮР как 5-я дивизия (с 21 мая 1919 г. — пехотная). Включала Сводно-гвардейский полк, Мелитопольский (из Мелитопольского отряда; с 27 января 1919 г. полк), Бердянский (из Бердянского отряда) и Перекопский (из Перекопского отряда) пехотные батальоны, 1-й (из формирующегося 1-го гвардейского), 2-й (из формирующегося 2-го гвардейского), 3-й (из формирующегося гвардейского сводного тяжелого) артиллерийские дивизионы, Отдельную конно-горную (из Горной батареи Сводно-гвардейского полка) и Запасный кавалерийский полк; с 26 февраля по 22 мая — также Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии. С 21 мая входила во 2-й армейский корпус и включала Сводно-гвардейский и 1-й Сводный полки, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Гвардейскую инженерную роту и Запасный батальон, летом 1919 г. — 1-й и 2-й Сводно-гвардейские полки, Сводный полк 19-й пехотной дивизии, Сводный полк 20-й пехотной дивизии, 80-й пехотный Кабардинский полк, запасный батальон, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Отдельный артиллерийский дивизион (сформировался с 2 июля, включен 7 сентября 1919 г.; полковник Шпигель), Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею (полковник Казачинский) и гвардейскую инженерную роту (полковник Белый). 16 июля в ее состав включен отряд генерал-майора Виноградова. В конце июля 1919 г. входила в Группу генерала Промтова. На 20 сентября 1919 г. насчитывала 3085 штыков при 48 пулеметах и 35 орудиях. 14 октября 1919 г. из дивизии была выделена Сводно-гвардейская дивизия, и в ней остались только 80-й Кабардинский и сводные полки 19-й и 20-й пехотных дивизий (с 11 ноября — 75-й, 76-й, 77-й, 78-й и 80-й полки), а также 5-я артбригада, инженерная рота и запасный батальон. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. В июле—августе 1920 г. перевезена в Крым и расформирована. Начальники: генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг (22 января — 28 мая 1919 г.), генерал-майор М.Н. Виноградов (28 мая — 10 июля 1919 г.), генерал-майор П.С. Оссовский (с 16 июля 1919 г.). Начштаба: полковник Б.Н. Сергеевский (с 24 января 1919 г.), полковник А.М. Шкеленко (май—июнь 1919 г.), полковник К.З. Ахаткин (октябрь 1919-го — март 1920 г.).

⁵⁰ Шиллинг Николай Николаевич, р. 16 декабря 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, в ноябре—декабре 1918 г.

заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской обл., освобожден 18 марта 1920 г. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиевских кавалеров в Праге. Арестован в мае 1945 г. Умер в начале 1946 г. в Праге.

⁵¹ Воеводский Георгий Степанович, р. 8 марта 1891 г. в Санкт-Петербурге. 1-й кадетский корпус, Пажеский корпус (1910). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с осени 1918 г. в ОСВАГе; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Полковник. В эмиграции в Константинополе, с 1920 г. во Франции, 3 года в Берлине, снова во Франции, затем в США. Умер 8 июля 1954 г. в Лейк-Форесте (США).

⁵² Барон фон дер Остен-Дризен Георгий Александрович. Сын генерал-майора. Александровский лицей (1912), офицером с 1913 г. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта 1919 г. помощник командира эскадрона своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. командир 1-го эскадрона в дивизионе Кавалергардского полка, с 24 марта 1920 г. штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем ВСЮР, ротмистр. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции во Франции, в 1929—1938 гг. в Париже. Умер 3 июля 1985 г. в Лондоне.

⁵³ Раух Георгий Георгиевич, р. 16 октября 1895 г. Сын генерала от кавалерии. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с октября 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка, в январе—марте 1920 г. командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, ротмистр. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 27 октября 1920 г. врид командира гвардейского кавалерийского полка. Ранен. Подполковник. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях), к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 11 августа 1971 г. в Париже.

⁵⁴ Шебеко Александр Николаевич, р. в 1892 г. Александровский лицей (1913). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. начальник пулеметной команды кавалерийского дивизиона 3-го армейского корпуса, с октября 1919 г. командир эскадрона, с ноября 1919 г. командир дивизиона Кавалергардского полка, с сентября по 7 декабря 1919 г. командир 1-го гвардейского сводно-кирасирского полка. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 13 июля 1927 г. в Нейи под Парижем.

⁵⁵ Рогович Петр Алексеевич. Училище правоведения (1914). Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; на 24 марта 1919 г. в

эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с октября 1919 г. начальник конной-пулеметной команды 1-й кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр; с декабря 1919 г. адъютант в гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован. После 17 июля 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь). В эмиграции во Франции. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., в 1938—1945 гг. в Париже (член объединения л.-гв. Егерского полка), затем в Германии. Умер в 1957 г. в Вальдперлахе (Мюнхен).

⁵⁶ **Воеводский В. Степанович**. Сын адмирала. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии в июле 1920 г. командир взвода в том же эскадроне в гвардейском кавалерийском полку, прикомандирован к Американской миссии Красного Креста. Поручик. Взят в плен 17 октября 1920 г. на ст. Ново-Алексеевка.

⁵⁷ **Струков Петр Ананьевич**. Александровский лицей (1906). Чиновник Государственной канцелярии. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Умер в марте 1920 г. в Новороссийске.

⁵⁸ **Граф Шереметев Георгий Александрович**, р. 29 ноября 1887 г. в Санкт-Петербурге. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1909 г. Ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии в Чеченской конной дивизии, затем в эскадроне своего полка, с мая 1919 г. адъютант кавалерийского дивизиона 3-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции, секретарь Великого Князя Николая Николаевича, с 1950 г. священник, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 мая 1971 г. в Лондоне.

⁵⁹ **Исаков Николай Сергеевич**. Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка, летом 1920 г. командир пулеметного взвода в гвардейском кавалерийском полку. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Убит 13 июля 1920 г. у д. Щербатовки.

⁶⁰ **Герард Николай Николаевич**, р. в 1899. Из дворян, сын действительного тайного советника. Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет. В эмиграции в Германии (к 1929 г. в Берлине). Штабс-ротмистр. Умер 12 ноября 1963 г. в Гамбурге.

⁶¹ **Скаржинский Виктор Викторович**. Учащийся Александровского лицея (5-й класс). В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен 7 ноября 1919 г. Ефрейтор. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Умер в декабре 1920 г. в Галиполи.

⁶² **Мартынов Борис Викторович**. Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен 12 августа 1919 г. у Британ (ефрейтор, осенью 1919 г. унтер-офицер). Корнет в прикоманди-

ровании к Кавалергардскому полку. В эмиграции во французском Конго. Умер после 1929 г.

⁶³ **Ситковский Вадим Иосифович**. Сын полковника. Кадет Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка, с августа 1919 г. младший унтер-офицер. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. С 1920 г. прикомандирован к эскадрону Кавалергардского полка. Корнет (1920 г.). Служил в Русском Корпусе. Умер 9 августа 1995 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁶⁴ **Вурумзер Евгений Вячеславович**, р. в 1891 г. в Вильне. Из дворян, сын полковника. Кадет Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ефрейтор. Ранен в июне 1919 г. В Русской Армии вольноопределяющийся в гвардейском кавалерийском полку. Младший унтер-офицер. Корнет (с 15 июля 1920 г.). Ранен 19 сентября 1920 г. у колонии Софиевка Нассауская под Каховкой. В эмиграции в Югославии. Чиновник. Умер в 1972 г. в Нови-Саду (Югославия).

⁶⁵ **Бухарин Евграф**. Гимназист 2-й Киевской гимназии. В Вооруженных силах Юга России с весны 1919 г.; доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен. В Русской Армии вольноопределяющийся в Гвардейском кавалерийском полку. Старший унтер-офицер. Корнет (с 15 июля 1920 г.). Ранен 19 сентября 1920 г. у колонии Софиевка Нассауская под Каховкой.

⁶⁶ **Миклашевский Илья Михайлович**, р. 15 декабря 1877 г. Александровский лицей (1899), сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1900). Полковник Кавалергардского полка, командир л.-гв. уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13(30) мая 1919 г. командир бригады Сводно-гвардейской кавалерийской дивизии (кавалерийской бригады 4-й пехотной дивизии). Ранен 5 июня, с 25 июля 1919 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии, затем в резерве чинов при военном управлении ВСЮР, осенью 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». Генерал-майор (14 ноября 1919 г.). В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. председатель объединения л.-гв. уланского Ее Величества полка. Умер 14 октября 1961 г. в Ницце (Франция).

⁶⁷ **Ковалинский Дмитрий Алексеевич**. Ротмистр л.-гв. уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с января 1919 г. начальник самообороны немцев-колонистов Пришибского района и командир Сводно-гвардейского дивизиона, затем командир дивизиона л.-гв. уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку, с весны 1919 г., в мае 1919 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, с 14 декабря 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с весны 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка, с 10(14) октября 1920 г. командир гвардейского кавалерийского полка. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник (к декабрю 1918 г.). Убит 19 октября 1920 г. у с. Рождественского.

⁶⁸ Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. (формирование проходило при Инородческом полку). С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). С 19 июня 1919 г. входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков. В сентябре—октябре 1919 г. сведен в Сводно-Кавказский кавалерийский дивизион. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник П.В. Попов (май—октябрь 1919 г.).

⁶⁹ **Попов Петр Викторович.** Генштаба полковник, начальник штаба 2-й Забайкальской казачьей бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. командир Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии.

⁷⁰ **Лагодовский Борис Аркадьевич,** р. 29 марта 1892 г. Суворовский кадетский корпус (1909), Михайловское артиллерийское училище (1912). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир 1-й гвардейской конной батареи; с 11 октября 1919 г. командир 1-й батареи отдельного дивизиона л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. Полковник. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, на ноябрь 1951 г. заведующий Музеем объединения л.-гв. Конной артиллерии. Умер 9—10 февраля 1972 г. в Париже.

⁷¹ 2-й Таманский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. 19 января 1919 г. включен в состав 4-й пехотной дивизии Крымско-Азовской Добровольческой армии. С 22 мая 1919 г. прикомандирован к Отдельной кавалерийской бригаде 3-го армейского корпуса (II). Участвовал в Бредовском походе. Командиры: полковник Чернов (27 ноября 1918-го — 28 января 1919 г.), полковник Б.И. Закрепа (с 28 января 1919 г.).

⁷² **Шукевич Николай Людвигович,** р. в 1886 г. 1-й Московский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1906), академия Генштаба (ускоренный курс). Офицер 16-го уланского полка, преподаватель Александровского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. начальник штаба Сводно-гвардейского кавалерийского полка, в июле 1919 г. — начальник штаба 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с 2 августа 1919 г. старший адъютант штаба 2-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма, организатор Николаевского кавалерийского училища в Крыму. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Умер 9 октября 1971 г. в Монфермее (Франция).

⁷³ **Римский-Корсаков Владимир Петрович.** Гажеский корпус. Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. начальник пограничной стражи в Крыму, затем командир эскадрона своего полка, в июне 1919 г. командир Арабатского отряда. В Русской Армии с апреля 1920 г. командир запасного эскадрона в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец.

⁷⁴ Кавказская армия. Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Первоначально включала 1—3-й конные и Сводно-Донской (4-я и 13-я Донские дивизии) корпуса, Астраханскую бригаду и 6-ю пехотную дивизию. После реформирования — 1-й и 2-й Кубанские, Сводный и 4-й (бывший 3-й) конные корпуса. В оперативном подчинении был Сводно-Донской корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 23 234 человека (в т. ч. 1120 офицеров, 17 434 строевых, 2180 вспомогательных и 2500 нестроевых нижних чинов). В середине октября 1919 г. 2-й Кубанский корпус был переброшен в Донскую и потом в Добровольческую армию. Кроме того, в армии были Нижне-Волжский и Заволжский отряды, Отдельная Кубанская казачья бригада, 2-я Терская пластунская бригада, Ставропольский конно-партизанский дивизион, 1-й Отдельный тяжелый гаубичный дивизион, 1-я Кубанская инженерная сотня (полковник А.Г. Галушко), 1-й Кавказский радиотелеграфный дивизион, 4-я отдельная телеграфная рота и 1-й автомобильный батальон.

К 5 октября 1919 г. армия имела в своем составе также 1-й бронепоездной дивизион (см. Бронепоездные части ВСЮР), 1-й и 4-й танковые отряды 1-го и 6-й отряд 2-го танкового дивизиона, 2-й броневой дивизион (1-й, 2-й и 3-й отряды), 1-ю Кавказскую отдельную инженерную роту (117 человек), 1-й Кубанский казачий авиаотряд (3 самолета), 3 английских авиаотряда (12 самолетов), Раздорскую отдельную сотню (охрана железной дороги), донские бронепоезда «Степной», «Казак Землянухин», «Атаман Платов» и «Илья Муромец», 1-й железнодорожный батальон Добровольческой армии, Морской отряд особого назначения (капитан 1-го ранга Заев), Морской отдельный батальон (165 штыков, 8 пулеметов, 2 орудия), Отдельную Кубанскую батарею (4 орудия), Отдельный взвод гаубиц (2 орудия), 4 дивизиона Морской тяжелой артиллерии: особого назначения — 1-я (в ремонте) и 2-я (3 орудия) батареи, 2-й — 3-я батарея (2 орудия), 4-й — 7-я (2 орудия) и 8-я (1 орудие) батареи и 6-й — 12-я батарея (2 орудия), а кроме того — 6-й (7 катеров: «МК» 1—5, 7 и 10) и 7-й (7 бронекатеров: «Казак», «Черкес», «Пластун», «Линеец», «Черноморец», «Атаман Чепига», «Антон Головатый») дивизионы речных катеров и 1-й дивизион канонерских лодок. Насчитывала к 5 октября 1919 г. 8640 штыков, 6115 сабель, 324 сапера, 384 пулемета, 85 орудий, 15 самолетов и 7 бронепоездов (в октябре 1919 г. 14,5 тысячи человек). В начале июня 1919 г. в боях под Царицыном понесла тяжелые потери (потеряла 5 начальников дивизий, 3 командиров бригад, 11 командиров полков). Расформирована 29 января 1920 г. с обращением на формирование Кубанской армии.

Командующий — генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (8 мая — 22 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант В.А. Покровский (22 ноября 1919-го — 21 января 1920 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович (8 мая — 27 июля 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (27 июля — 1 декабря 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстеры: полковник П.А. Кусонский (с 8 мая 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (до 1 декабря 1919 г.). Дежурный генерал — генерал-майор В.П. Петров. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.В. Макеев. На-

чальник военных сообщений — генерал-лейтенант П.С. Махров. Начальники снабжений: генерал-майор А.Г. Фалеев (до 11 ноября 1919 г.), генерал-майор П.А. Вильчевский (с 11 ноября 1919 г.).

⁷⁵ Барон Врангель Петр Николаевич, р. 15 августа 1878 г. в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академия Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского Общевоинского союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

⁷⁶ Донская армия. Создана весной 1918 г. в ходе восстания донского казачества против большевиков на базе повстанческих частей и отряда генерала П.Х. Попова, вернувшегося из Степного похода. В течение всего 1918 г. действовала отдельно от Добровольческой. В апреле состояла из 6 пеших и 2 конных полков Северного отряда полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всей области. Полки имели станичную организацию с численностью от 2—3 тысяч до 300—500 человек — в зависимости от политических настроений в станице. Они были пешие, с конной частью от 30 до 200—300 шашек. К концу апреля армия имела до 6 тысяч человек, 30 пулеметов, 6 орудий (7 пеших и 2 конных полка). Она (с 11 апреля) состояла из трех групп: Южная (полковник С.В. Денисов), Северная (войсковой старшина Э.Ф. Семилетов; бывший Степной отряд) и Задонская (генерал-майор П.Т. Семенов, полковник И.Ф. Быкадоров).

На 12 мая 1918 г. войсковому штабу было подчинено 14 отрядов: генерал-майоров Фицхелаурова, Мамонтова, Быкадорова (бывший Семенова), полковников Туроверова, Алферова, Абраменкова, Тапиалина, Епихова, Киреева, Толоконникова, Зубова, войсковых старшин Старикова и Мартынова, есаула Веденева. К 1 июня отряды были сведены в 6 более крупных групп: Алферова на Севере, Мамонтова под Царицыном, Быкадорова под Батайском, Киреева под Великокняжеской, Фицхелаурова в Донецком районе и Семенова в Ростове. В середине лета армия увеличилась до 46—50 тысяч человек, по другим данным, к концу июля — 45 тысяч человек, 610 пулеметов и 150 орудий. К началу августа войска распределились по 5 войсковым районам: Ростовский (генерал-майор Греков), Задонский (генерал-майор И.Ф. Быкадоров), Цимлянский (генерал-майор К.К. Мамонтов), Северо-Западный (полковник З.А. Алферов), Усть-Медведицкий (генерал-майор А.П. Фицхе-

лауров). С августа 1918 г. станичные полки сводились, образуя номерные полки (пешие 2—3 батальона, конные — 6 сотен), распределенные по бригадам, дивизиям и корпусам. Осенью 1918-го — в начале 1919 г. войсковые районы переименованы в фронты: Северо-Восточный, Восточный, Северный и Западный. Тогда же завершилось формирование Молодой армии. Офицерами в полках были уроженцы тех же станиц. Если их не хватало, брали и из других станиц, а в случае крайней необходимости — офицеров-неказаков, которым первое время не доверяли.

Летом 1918 г., не считая постоянной Молодой армии, под ружьем находилось 57 тысяч казаков. К декабрю на фронте было 31,3 тысячи бойцов при 1282 офицерах; Молодая армия насчитывала 20 тысяч человек. В составе армии имелись Донская кадетский корпус, Новочеркасское (см. Атаманское) училище, Донская офицерская школа и военно-фельдшерские курсы. К концу января 1919 г. Донская армия имела под ружьем 76,5 тысячи человек. Донские полки в 1919 г. имели в строю по 1000 сабель, но после трех месяцев боев их состав сокращался до 150—200. Морским управлением ВВД (контр-адмирал И.А. Кононов) была образована Донская флотилия.

После объединения с ВСЮР 23 февраля 1919 г. армия была преобразована. Фронты преобразовывались в 1-ю, 2-ю и 3-ю армии, а группы, районы и отряды — в корпуса (неотдельные) и дивизии по 3—4 полка. Затем (12 мая 1919 г.) армии были преобразованы в отдельные корпуса, корпуса сведены в дивизии, дивизии — в бригады по 3 полка. После реорганизации армия состояла из 1-го, 2-го и 3-го Донских отдельных корпусов, к которым 28 июня добавился 4-й. В августе 1919 г. последовала новая реорганизация: четырехполковые дивизии превращались в трехполковые бригады, которые сводились в девятиполковые дивизии (по 3 бригады в каждой). Осенью 1919 г. армии был также временно придан 3-й Кубанский корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 52 315 человек (в т. ч. 2106 офицеров, 40 927 строевых, 3339 вспомогательных и 5943 нестроевых нижних чинов). На 5 октября 1919 г. имела 25 834 штыка, 24 689 сабель, 1343 сапера, 1077 пулеметов, 212 орудий (183 легких, 8 тяжелых, 7 траншейных и 14 гаубиц), 6 самолетов, 7 бронепоездов, 4 танка и 4 броневтомобили. В армии, в отличие от других составных частей ВСЮР, действовала прежняя наградная система русской армии. 24 марта 1920 г. из частей армии, вывезенных в Крым, сформирован Отдельный Донской корпус, а 1 мая все донские части сведены в Донской корпус.

Командующие: генерал-майор К.С. Поляков (3—12 апреля 1918 г.), генерал-майор П.Х. Попов (12 апреля — 5 мая 1918 г.), генерал-майор С.В. Денисов (5 мая — 2 февраля 1919 г.), генерал-инф. В.И. Сидорин (2 февраля 1919-го — 14 марта 1920 г.). Начштаба: генерал-майор С.В. Денисов (3—12 апреля 1918 г.), полковник (генерал-майор) В.И. Сидорин (12 апреля — 5 мая 1918 г.), полковник (генерал-майор) И.А. Поляков (5 мая — 2 февраля 1919 г.), генерал-лейтенант А.К. Кельчевский (2 февраля 1919-го — 14 марта 1920 г.).

⁷⁷ Сидорин Владимир Ильич, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской кадетский

корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, в декабре 1917-го — январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, с января 1918 г. начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. С 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта до 6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. в эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

⁷⁸ Добровольческая армия (в составе ВСЮР). Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Включала к середине июня 1919 г. 1-й армейский и 3-й Кубанский корпуса, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду, а также части Таганрогского гарнизона и штаба армии, к концу июля в нее были включены Группа генерала Промтова и вновь сформированный 5-й кавалерийский корпус. К 15 сентября 1919 г. из 5-й и 7-й пехотных дивизий был образован 2-й армейский корпус. 14 октября 1919 г. была сформирована еще 1-я отдельная пехотная бригада. К 5 октября в ее составе (помимо приданных частей) остались только 1-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. Кроме того, в состав армии входили: Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, 2-й и 3-й отдельные тяжелые гаубичные дивизионы, Отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, 2-й радиотелеграфный дивизион, 2-я, 5-я, 6-я отдельные телеграфные роты, 1-й и 2-й дивизионы танков и 5-й автомобильный батальон. Армии были также приданы 1-й авиационный дивизион (2-й и 6-й авиаотряды и 1-я авиабаза), броневые-автомобильные: 1-й дивизион, 1-й, 3-й и 4-й отряды. 6 января 1920 г. сведена в Добровольческий корпус.

К середине июня 1919 г. армия насчитывала 20 тысяч штыков и 5,5 тысячи сабель, в конце июля — 33 тысячи штыков и 6,5 тысячи сабель, на 5 октября — 17 791 штык и 2664 сабли при 451 пулемете и 65 орудиях. В начале декабря 1919 г. в Добровольческой армии было 3600 штыков и 4700 сабель; весь Добровольческий корпус имел 2600 штыков, 5-й кавалерийский — 1015 сабель, Полтавская группа — 100 штыков и 200 сабель, в конной группе — около 3500 сабель. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 57 725 человек (в т. ч. 3884 офицера, 40 963 строевых, 6270 вспомогательных и 6608 нестроевых нижних чинов). О численности собственно Добровольческой армии имеются также такие данные: до 1-го Кубанского похода — 4 тысячи, под Екатеринодаром — 6, к июню 1918 г. на начало 2-го Кубанского похода, — 8—9, в августе — около 35 тысяч

штыков и сабель, к сентябрю — 30—35, к походу на Москву в июне 1919 г. — 40, в начале 1920 г. (сведенная в корпус) и Добровольческий корпус в Крыму — 5 тысяч.

Командующие: генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский (8 мая — 14 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (с 22 ноября 1919 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Н.П. Ефимов (8 мая — 1 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстер — полковник А.А. фон Гоерц. Дежурный генерал — генерал-майор Бенсон. Инспектор артиллерии — генерал-майор Лахтионов. Начальник снабжений — генерал-майор Деев. Начальник военных сообщений — генерал-майор Месснер.

⁷⁹ Май-Маевский Владимир Зенонович, р. в 1867 г. Из дворян. 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. прикомандованного 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, с 15 февраля по 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, с 22 мая по 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

⁸⁰ Имеется в виду Сводный полк 34-й пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР 22 мая 1919 г. на базе пехотных частей Екатеринбургского отряда (состав которых ранее принадлежал к кадрам этой дивизии Императорской армии), входивших первоначально в Крымский сводный пехотный полк. В него были влиты расформированные 11 апреля Мелитопольский и Бердянский пехотные полки и Перекопский отдельный батальон. Входил в состав 4-й пехотной дивизии. Позже развернут в два полка. На 20 сентября 1919 г. 1-й полк насчитывал 955 штыков при 14 пулеметах, 2-й — 2236 штыков при 10 пулеметах. В Русской Армии в мае 1920 г. на их основе была развернута 34-я пехотная дивизия.

⁸¹ 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Сформирован во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона Кавалергардского, л.-гв. Конного, Кирасирского Его Величества и Кирасирского Ее Величества полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 478 сабель при 28 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 15 декабря 1919 г. влит в Сводно-гвардейский кавалерийский полк (к 8 декабря 1919 г. потерял $\frac{9}{10}$ своего состава и вместе со 2-м гвардейским Сводно-кавалерийским полком насчитывал около 60 сабель). Командиры: полковник М.Ф. Данилов (19 июня — 3 августа 1919 г.), полковник Д.М. Косиковский (4 августа 1919 г. — 16 апреля 1920 г.); врид: полковник Н.А. Петровский (22 июня — 12 июля 1919 г.), полковник граф А.П. Беннигсен (5 августа — сентябрь 1919 г.), ротмистр А.Н. Шебеко (сентябрь — 7 декабря 1919 г.), полковник барон Ф.Н. Таубе (8—15 декабря 1919 г.).

⁸² 5-й кавалерийский корпус. Сформирован во ВСЮР 27 июня 1919 г. Включал 1-ю и 2-ю кавалерийские дивизии и 10-ю отдельную телеграфную роту (на 5 октября 1919 г. также Отдельный конно-артиллерийский и Сводно-конный дивизионы, 7-ю и взвод 8-й конно-артиллерийской батареи). Во время осеннего отступления вел аррьергардные бои на Украине вместе с частями войск Киевской и Новороссийской областей. Некоторые полки корпуса отошли на Одессу с войсками Новороссийской области и затем в ходе Бредовского похода — в Польшу. Остальные сохранившиеся полки были сведены к 19 ноября 1919 г. в 1-ю кавалерийскую дивизию (1-я бригада корпуса (дивизии) на 28 ноября 1919 г. имела 146 шашек, 29-го после пополнения — 206, а 2 декабря — 141; в рапорте командира корпуса говорилось: «При столь ограниченном пополнении и числе рядов кадры офицерского состава гибнут, незаметно исчезают»), которая 30 декабря 1919 г. переформирована в Сводную кавалерийскую бригаду. 14 февраля 1920 г. эта бригада вновь развсернулась в 1-ю кавалерийскую дивизию. Управление корпуса было расформировано 6 января 1920 г. Командир — генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, генерал-майор И.И. Чекатовский (с 4 декабря 1919 г.). Начштаба — генерал-майор П.А. Кусонский. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.И. Репьев (до 13 ноября 1919 г.).

⁸³ Юзефович Яков Давидович, р. в 1872 г. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, с 8 мая по 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне — сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

⁸⁴ 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 27 мая 1919 г. Входила в 5-й кавалерийский корпус. Состав: 1-й конный генерала Алексева, 10-й гусарский Ингерманландский (1-я бригада), Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (2-я бригада), Сводно-уланский и Сводно-гусарский (3-я бригада) полки, Изюмский и Черниговский гусарские дивизионы и 3-й конно-артиллерийский дивизион (полковник князь Авалов) — 6-я конная (в сентябре — октябре 1919 г. вместо нее — Сводная батарея Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона и 1-я Отдельная конно-горная генерал-майора Дроздовского батареи). Начальник — генерал-майор И.И. Чекатовский. Начштаба — полковник В.В. Крейтер (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник И.Г. Барбович, полковник Самсонов (с 15 октября 1919 г.), генерал-майор Зубов.

⁸⁵ Чекатовский Игнатий Игнатьевич, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895. Генерал-майор. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, с 11 (13) июля 1918 г. командир того же полка, в июле — августе 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции во Фран-

ции, начальник объединения Кавалерийской дивизии и Союза Инвалидов в Париже, к 1934 г. председатель Общества друзей «Часового». Умер в 1941 г.

⁸⁶ 2-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса. Состав: 1-й гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский (1-я бригада), 2-й и 3-й конные (2-я бригада), Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и Сводно-драгунский (3-я бригада) полки, Отдельный дивизион гвардейской конной артиллерии (2 батареи) и 7-я конная батарея. До 9 июля 1919 г. входила в 3-й армейский корпус, затем — в 5-й кавалерийский корпус (кроме Сводно-драгунского и 2-го конного полков, оставшихся при 3-м корпусе). Начальник — полковник И.М. Миклашевский. Начштаба — капитан (полковник) В.М. Иордан (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник М.Ф. Данилов, полковник барон А.К. Притвиц.

⁸⁷ 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк. Сформирован 19 июня 1919 г. на базе гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона из эскадронов бывших л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков Императорской армии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 19 штыков и 258 сабель при 13 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Командиры: полковник Д.А. Ковалинский, полковник Ф.Ф. Грязнов (сентябрь — октябрь 1919 г.).

⁸⁸ Линицкий Михаил Александрович. Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе, затем во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку 5-го кавалерийского корпуса. Поручик. (?) Убит 29—30 июля 1919 г. в д. Бобровке под Сумами.

⁸⁹ Воспоминания А.А. фон Баумгартена публикуются ниже.

⁹⁰ Граф Беннигсен Адам Павлович, р. 27 июня 1882 г. Офицер с 1901 г. Офицер л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с 5 августа по сентябрь 1919 г. врид командира в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку, с ноября 1919 г. врид командира Сводно-кирасирского полка. В Русской Армии в Крыму. Полковник. В начале ноября 1920 г. на о. Проти. В эмиграции во Франции. Умер 16 ноября 1946 г. Жена Феофания Владимировна (Хвольсон; 14 августа 1887-го — 23 апреля 1969 г. там же), 2 сына (в т. ч. Александр, служил во французской армии; 20 марта 1913-го — 3 июня 1988 г. там же) — эвакуированы до осени 1920 г. на американском миноносце 125, летом 1920 г. на Принцевых о-вах.

⁹¹ Фон Адеркас Алексей. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в августе — октябре 1919 г. в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку (Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии). Поручик. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». Умер от тифа весной 1920 г.

⁹² Полянский Георгий Алексеевич. Из дворян, сын генерала. Гимназия, Московский университет (не окончил), Николаевское кавалерийское учи-

лице (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; 14 апреля — 5 июня, 19 августа — 23 октября, 11—17 декабря 1919 г. и 7—17 марта 1920 г. командир того же эскадрона, с октября 1919 г. адъютант дивизиона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В марте 1920 г. ротмистр. Ранен 5 июня 1919 г. и 17 марта 1920 г. у ст. Средний Егорлык. Эвакуирован из Новороссийска. Подполковник. В эмиграции в Бельгии и Франции; на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, член правления Союза Инвалидов во Франции. Умер 29 декабря 1961 г. в Париже.

⁹³ **Кожин Алексей Александрович.** Из дворян Воронежской губ. б-я Санкт-Петербургская гимназия, Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г., с 24 марта и на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; 23 июня — 15 июля 1919 г., 17 февраля 1919-го — 7 августа 1920 г. командир эскадрона (штабс-ротмистр). Тяжело ранен 10 августа 1919 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 1 мая по 27 сентября 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 9 сентября 1919 г. Ротмистр. После эвакуации в охране русского посольства в Константинополе, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции в Чехословакии, окончил Пражский политехнический институт, затем в бельгийском Конго, до 1946 г. инженер. Умер 21 февраля 1965 г. в Брюсселе.

⁹⁴ **Стаценко Юрий Вадимович.** Офицер с 1917 г.(?), корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 23 июня по 3 июля 1919 г. командир того же эскадрона. Тяжело ранен 11 августа (сентября) 1919 г. Поручик. Умер от тифа 5 марта 1920 г. в Ислам-Тереке под Феодосией.

⁹⁵ **Дзахсоров.** Корнет Черкесского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1919 г. в прикомандировании к дивизиону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (до 11 сентября 1919 г.). Тяжело ранен 11 августа 1919 г., ранен 11 сентября 1919 г.

⁹⁶ 10-й драгунский Новгородский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексеева полка.

⁹⁷ **Князь Девлет-Кильдеев Николай Михайлович,** р. 9 июля 1886 г. в Глухове. Николаевское кавалерийское училище, Офицерская кавалерийская школа. Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В сентябре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР с 17 февраля 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 12 мая 1919 г. помощник командира дивизиона своего полка, затем (август 1919 г.)

командир дивизиона; в Русской Армии; весной 1920 г. командир запасной части до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Бельгии. Умер 30 сентября 1965 г. в Брюсселе.

⁹⁸ **Сомов Николай Николаевич.** Юнкер. В Добровольческой армии; с 8 ноября 1918 г., на 24 марта и 12 мая 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 28 августа 1919 г. прапорщик с переименованием в корнет. Ранен 13 августа 1919 г. у Британ. В Русской Армии до эвакуации Крыма в том же эскадроне. Трижды ранен. Поручик. В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба, к 28 апреля 1939 г. в Касабланке (Марокко). Умер после 1944 г.

⁹⁹ 13-й пехотный Белозерский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й пехотных дивизий. Сформирован 23 марта 1919 г. при Дроздовском полку, к 11 марта 1919 г. имел всего 76 человек (4 роты, в двух из них было по 11 человек), в апреле 1919 г. он имел 62 штыка, летом в нем было около 100 офицеров и две офицерские роты. Из Харькова полк выступил в количестве около 800 штыков и 15 пулеметов, к моменту штурма Чернигова он имел 2000 штыков, 200 сабель и 600 человек в запасном батальоне. За три месяца летних боев 1919 г. полк потерял 4000 человек. В полку солдатский состав на 80—90 процентов состоял из пленных красноармейцев или мобилизованных и бежавших от красных, от Харькова до Бредовского похода полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек. Осенью от потерь полк уменьшился до 215 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк. Командиры: генерал-майор Будянский (7 апреля — май 1919 г.), полковник Чертков (май 1919 г.), полковник Радченко, полковник Б.А. Штейфон.

¹⁰⁰ 14-й пехотный Олонецкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й пехотных дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку. Летом 1919 г. насчитывал 250 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в роту и влит в 3-й Марковский полк. Командир — полковник В.Ф. Быканов (с 14 ноября 1919 г.).

¹⁰¹ 3-й конный полк. Сформирован во ВСЮР 1(18) мая 1919 г. в Ростове-на-Дону из Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района. Придан 7-й пехотной дивизии. С 6 марта 1919 г. участвовал в боях в Северной Таврии в отряде генерала Виноградова. На 14 июня насчитывал 841 человек. С 19 июня 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. На 5 октября 1919 г. насчитывал 267 штыков и 175 сабель при 24 пулеметах. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник Самсонов (1 мая — 15 октября 1919 г.).

¹⁰² **Горяинов Кирилл.** Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. в эскадроне своего полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма в Запасном кавалерийском полку. Эвакуирован из Балаклавы на корабле «Лебедь». В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба.

¹⁰³ **Шебеко Федор Вадимович,** р. 25 июля 1898 г. Пажеский корпус (1917). Корнет Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; адъютант коменданта г. Сочи, начальник разведывательной части штаба 2-й пехотной дивизии, с октября 1919 г. в эскадроне своего полка, врид адъютанта 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях). Умер после февраля 1954 г.

¹⁰⁴ **Рогович М. Алексеевич.** Сын тайного советника. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с ноября 1919 г. начальник пулеметной команды. Тяжело ранен 11 ноября под с. Снагость и умер от ран 13 ноября 1919 г.

¹⁰⁵ **Аленич Михаил Евграфович,** р. в 1866 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Генерал-майор, командир л.-гв. Конного полка и 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 18 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; с 25 марта 1919 г. запасный член Особой комиссии, с 30 мая 1919 г. командир 1-й бригады Сводно-горской конной дивизии, в ноябре — декабре 1919 г. командир 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с марта 1920 г. командир 2-й бригады Сводно-кавалерийской дивизии. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта» на о. Халки. В эмиграции в Румынии. Умер 19 декабря 1938 г. в Аккермане (Бессарабия).

¹⁰⁶ Сводно-гусарский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра гусарских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 3 эскадрона 11-го Изюмского, 2 эскадрона 17-го Черниговского и 1 эскадрон л.-гв. Гродненского гусарских полков. Последний в январе 1920 г. передан в Сводно-гвардейский кавалерийский полк. Командиры: полковник Нелидов (до 18 июня 1919 г.; умер), полковник Б.А. Гаевский (с 25 октября 1919 г.), полковник А.Н. Зененков (до марта 1920 г.).

¹⁰⁷ Сводно-уланский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра уланских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 2 эскадрона 13-го Владимирского и по 1 эскадрону 3-го Смоленского, 15-го Татарского и 16-го Новоархангельского уланских полков, а затем также эскадрон 19-го драгунского Архангелогородского полка (?). На 5 октября 1919 г. насчитывал 310 штыков и 95 сабель при 6 пулеметах. Командир — полковник Г.И. Апрельев.

¹⁰⁸ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. в ст. Песчанокопской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Ти-

хорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галипополи влит в Алексеевский полк. Командиры: полковник К.А. Кельнер (до 19 июля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (19 июля — начало августа 1918 г.), подполковник (полковник) К.Г. Шаберт (начало — 14 августа, сентябрь — 29 октября 1918 г.), полковник Сизягин (14 августа — сентябрь 1918 г.), полковник М.А. Звягин (29 октября — декабрь 1918 г., 18 мая — ноябрь 1919 г.), полковник Ильин (декабрь 1918-го — 18 мая 1919 г.), полковник Е.И. Зеленин (начало декабря 1919-го — 16 апреля 1920 г.), полковник Д.В. Житкевич (21 июня — ноябрь 1920 г.).

¹⁰⁹ 1-й конный генерала Алексева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Конно-Партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. — 1-й конный генерала Алексева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равно-стороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу-направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста — белая дата «1917». Командиры: полковник К. Корсун (июнь — сентябрь 1918 г.), полковник В.П. Глиндский (сен-

тябрь — ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918-го — 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля — осень 1919 г.).

¹¹⁰ Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 12-й кавалерийской дивизии Императорской армии, сведенных 13 марта 1919 г. в Сводный дивизион той же дивизии и выделенных из состава 2-го конного полка. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 12-го драгунского Стародубовского, 12-го уланского Белгородского и 12-го гусарского Ахтырского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 396 штыков и 161 саблю. Командир — полковник Г.Н. Псиол (с 13 марта 1919 г.).

¹¹¹ Псиол **Георгий Николаевич**. Офицер с 1909 г. Полковник 12-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 марта 1919 г. командир Сводного дивизиона, с октября 1919 г. — Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, с января 1920 г. командир 3-го кавалерийского полка. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». Убит 20 июня 1920 г. в хут. Шматове (22 июня 1920 г. у Корсунского монастыря) в Северной Таврии (по ошибочным данным — в марте 1920 г. в ст. Натухайской).

¹¹² 10-й гусарский Ингерманландский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. 12 офицеров этого полка в феврале 1918 г. пытались пробиться на Дон, но были схвачены, остальные, оставшиеся на квартирах полка в Чугуеве, не пожелав служить у гетмана, летом группами прибыли в Добровольческую армию. Первая из них, со спасенным поручиком Яновским полковым штандартом, прибыла в Новочеркасск 29 августа 1918 г. Ядром к восстановлению полка послужил ординарческий взвод, сформированный из офицеров кавалерии при 1-й конной дивизии; в октябре в развернутом на его основе разведывательном дивизионе было 16 кадровых офицеров полка. С 25 октября 1918 г. он (как сохранивший полковой штандарт) именовался Ингерманландским гусарским дивизионом. 27 мая 1919 г. развернут в полк (5 эскадронов) и включен в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 2 эскадрона. На 5 октября 1919 г. насчитывал 270 штыков и 240 сабель. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (с февраля 1920 г. — дивизион в 1-м Сводно-кавалерийском полку). С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (3 эскадрона) входил в 5-й, а с 8 августа 1920 г. — в 1-й кавалерийский полк. В Добровольческой армии воевали почти все офицеры полка, состоявшие в нем к моменту революции, — 41 офицер. Полк потерял в Белом движении 21 офицера (в мировую войну — 14). Командир — ротмистр (полковник) М.И. Тихонравов (сентябрь 1918-го — ноябрь 1920 г.). В 1927 г. создано полковое объединение, насчитывавшее на 1954 г. около 20 человек. Председатели: генерал-лейтенант И.Г. Барбович и полковник М.И. Тихонравов, секретарь — ротмистр Комаровский, председатель отдела во Франции — ротмистр Холщевников. Начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр С.А. Слезкин.

¹¹³ Воспоминания Д.А. де Витта публикуются ниже.

¹¹⁴ **Кучин Сергей Дмитриевич**, р. в 1894 г. 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. С октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; младший офицер пулеметной команды, затем командир эскадрона до эвакуации Крыма. Ранен 23 ноября 1919 г. Подполковник. В эмиграции в Югославии, с 1 ноября 1922-го — 1 января 1924 г. служащий Крымского кадетского корпуса. Окончил сельскохозяйственный институт в Жамблу (Бельгия). Умер 13 декабря 1953 г. в Конго.

¹¹⁵ Речь идет о дивизии второго формирования. 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 19 ноября 1919 г. из частей 5-го кавалерийского корпуса. Входила в состав Добровольческого корпуса. Состав: 1-й гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский (15 декабря 1919 г. объединены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк), 1-й конный генерала Алексева и 10-й гусарский Ингерманландский полки. 30 декабря 1919 г. сведена в Сводную кавалерийскую бригаду, а 14 февраля 1920 г. вновь развернулась в дивизию в составе (с 21 марта 1920 г.) Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го конного генерала Алексева, 1-го (полковник М.И. Тихонравов), 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских, Сводно-конного и Черноморского конного полков. Начальники: генерал-майор И.И. Чекотовский, генерал-майор И.Г. Барбович.

¹¹⁶ **Римский-Корсаков Николай Николаевич**. Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. В марте 1919 г. в эскадроне своего полка в Запасном кавалерийском полку. Ранен. В ноябре 1919 г. командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ранен 4 декабря 1919 г. Ротмистр. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. в Белграде. Подполковник (полковник). Умер 7 июля 1975 г. в Дорнштадте (Германия).

¹¹⁷ **Барон Таубе Федор Николаевич**, р. в 1883 г. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1902). Полковник л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Летом 1918 г. секретарь кавалерийской группы гвардейской офицерской организации в Петрограде. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 19 июня 1919-го по 30 апреля 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, одновременно 16 апреля — 6 июня и 20 сентября — 8 декабря 1919 г. командир дивизиона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии (с сентября 1919 г. врид. командира полка), 8—15 декабря 1919 г. врид. командира 1-го гвардейского сводно-кирасирского полка, с декабря 1919 г. командир Сводно-кирасирского полка. Контужен 5-го и ранен 6 июня 1919 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции на 1 января 1921 в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Служил в Конго, затем в США, на ноябрь 1951 г. старший руководитель объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Умер 10 января 1962 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

¹¹⁸ Долинино-Иванский Сергей Андреевич. Из дворян Тульской губ., сын офицера. Поручик л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии в эскадроне своего полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ранен 7 декабря 1919 г. Умер от ран или от тифа в начале февраля 1920 г. в Симферополе.

¹¹⁹ Чичерин Александр Викторович. Поручик Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. штабс-ротмистр, командир сформированного им 3-го эскадрона в дивизионе своего полка в Полтавском отряде, с декабря 1919 г. в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку. В Русской Армии с 27 октября 1920 г. командир эскадрона Кавалергардского полка в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Ротмистр. В эмиграции к 1938 г. во Франции, затем в США. Умер 15 июня 1967 г. в Нью-Йорке.

¹²⁰ Полтавский отряд. Временное оперативное объединение ВСЮР. Образован 8 июля 1919 г. в составе 7-й пехотной дивизии, 2-й Кубанской казачьей пластуной отдельной бригады, Сводно-гвардейского полка, Лабинской и Хоперской конных сотен и технических частей. В составе его действовала с 3 сентября образованная из 42-го пехотного Якутского полка Остерско-Козелецкая группа (генерал-майор Ф.П. Бернис). В ноябре—декабре 1919 г. вошел в состав Киевской группы.

¹²¹ Кальницкий Михаил Николаевич, р. в 1870 г. в Тифлисе. Тифлисская гимназия (1889), Московское пехотное юнкерское училище (1891), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник 123-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с конца 1918 г.; с 24 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с сентября 1919 г. командующий войсками Полтавского района, с 24 октября 1919 г. начальник Полтавского отряда, с ноября 1919 г. Главноначальствующий Полтавской губ., с конца 1919 г. и. д. командира 5-го кавалерийского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии (Загреб), затем во Франции, с 1929 г. заместитель председателя, с 1932 г. председатель Союза Инвалидов в Кламаре. Умер 29—30 июня 1961 г. в Париже.

¹²² Фон Розеншильд-Паулин Владимир Анатольевич, р. 20 июня 1898 г. Пажеский корпус (1917). Корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, к декабрю 1919 г. поручик того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции, казначей и хранитель музея л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Париже. Ротмистр. Умер 26 ноября 1949 г. в Париже.

¹²³ Имеется в виду 1-я Кавалерийская дивизия второго формирования (см. выше).

¹²⁴ Кутепов Александр Павлович, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Из дворян Новгородской губ., сын лесничего. Архангельская гимназия.

Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

¹²⁵ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; с 13 июля 1919-го — 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 г. в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х годах заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагере.

¹²⁶ Имеется в виду Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия.

¹²⁷ Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе 3 Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919 г.), Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, Запасный батальон, Отдельную генерала Корнилова инженерную роту (подполковник В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полковник Ковалевский). Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот (1—3 на роту) в основном были прапорщиками. В момент наибольших успехов, к середине сентября 1919 г., состав Корниловской дивизии (в полках по 3 батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк — 2900, 2-й — 2600 (в т. ч. вместо офи-

церской роты — офицерский батальон в 700 человек), 3-й — 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым части дивизии насчитывали 1860 штыков и сабель. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина — ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около 14 тысяч человек. Начальники: полковник (генерал-майор) Н.В. Скоблин, генерал-майор М.А. Пешня (врид, 1920 г.), генерал-майор А.М. Ерогин (врид, с 26 октября 1920 г.). Начштаба: капитан (полковник) К.А. Капнин (6 ноября 1919-го — август 1920 г.), капитан (полковник) Е.Э. Месснер (с августа 1920 г.).

¹²⁸ Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андреевбурга — 100 человек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тысяч убитых и 35 тысяч раненых. Среди убитых свыше 4,5 тысяч офицеров. В Галлиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: генерал-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль — август 1920 г.), А.В. Туркул (август — 28 октября 1920 г.), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920 г.). Начальник штаба — полковник Ф.Е. Бредов.

¹²⁹ Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия, с апреля 1920 г. — Пехотная генерала Маркова дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. В середине января 1920 г. дивизия насчитывала 641 офицера и 1367 солдат (по 30—35 в роте), но после 17 февраля ее со-

став снова сократился до 500 штыков, и она с 17 февраля по март 1920 г. была временно сведена в Сводно-офицерский генерала Маркова полк. В марте 1920 г. насчитывала 900 человек (в т. ч. 245 офицеров). С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й генерала Маркова пехотные полки, Марковскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон (полк), Марковскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Маркова дивизион (образован 21 августа 1920 г.). В начале октября 1920 г. в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, во всей дивизии 1000 штыков и сабель. В 4 запасных батальонах дивизии в течение лета 1920 г. было по 1000 человек, запасный полк в конце октября — 2000

Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери. При окружении 18 декабря 1919 г. в с. Алексеев-Леонове потеряла около 500 человек убитыми (в плен попало 67 офицеров и около 400 солдат), в течение всего 1919 г. — свыше 10 тысяч человек, при обороне ст. Ольгинской 13—17 февраля 1920 г. — до 1000, всего же у Ейска, Ростова и Ольгинской — до 1500 (в т. ч. 500 ранено), причем среди офицеров потери достигали 50 процентов — до 275 человек. При выходе в Северную Таврию один день боя 25 мая 1920 г. стоил дивизии до 600 человек. В непрерывных боях с 12 июля до 20 августа потеряла до 2000 человек, в заднепровских боях 25 сентября — 2 октября — 500, у Днепровки 14 октября — 800 (в т. ч. 300 ранено), 16 октября у с. Большая Белозерка — более 200, у с. Ново-Григорьевка — 100, 21 октября в Геническе — 750, всего в последних боях в Северной Таврии до 1850; запасные батальоны потеряли до 1500 человек. Общие потери марковцев исчисляются до 30 тысяч человек кровавых потерь, в т. ч. 20 процентов — 6 тысяч — убитыми, кроме того, 1—2 тысячи дезертиров, несколько сот без вести пропавших и несколько тысяч пленных. После сбора в Галлиполи всех марковцев (с техническими ротами) их набралось 2030 человек (в т. ч. 500 человек артдивизиона). Дивизия была сведена в Марковский пехотный полк. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные (для офицеров — бархатные, рядовых — суконные) с белой выпушкой погоны, форма — черного цвета с белым кантом.

Начальники: генерал-майор Н.С. Тимановский (14 октября — 17 декабря 1919 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врид, 18—22 декабря 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (врид, 22 декабря 1919 г. — 6 января 1920 г.), генерал-лейтенант П.Г. Канцеров (6 января — середина февраля 1920 г.), полковник А.Н. Блейш (середина февраля — начало марта 1920 г.), полковник В.П. Машин (врид, начало — 26 марта 1920 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков (26 марта — 15 октября 1920 г.), генерал-майор В.В. Манштейн (врид, 15—21 октября 1920 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врид, с 21 октября 1920 г.). Начштаба: полковник А.Г. Биттенбиндер.

¹³⁰ Алексеевская дивизия (Партизанская генерала Алексева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. (выделена из 9-й пехотной дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной ген. Алексева инженерной роты и Алексеевской артиллерийской бригады. По прибытии в Крым 25 марта 1920 г.

переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексеева пехотную бригаду. При десанте на Геническ на 1 апреля 1920 г. Алексеевская бригада имела 600 человек, потеряв до 340. 19 апреля 1920 г. была расформирована. Алексеевские части носили белые фуражки с синим околышем и синие с белой выпушкой погоны. Начальники: генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник М.А. Звягин (апрель 1920 г.). Начштаба — полковник В.К. Шевченко (с 30 ноября 1919 г.).

¹³¹ Сводная кавалерийская бригада. Образована во ВСЮР 30 декабря 1919 г. из 1-й кавалерийской дивизии в составе 1-го (полковник М.И. Тихонравов) и 2-го Сводно-кавалерийских полков. Входила в состав Добровольческого корпуса. В начале января 1920 г. развернулась в 4 полка: Сводно-гвардейский кавалерийский, 1-й, 2-й и 3-й Сводно-кавалерийские. Сыграла выдающуюся роль в разгроме 1-й Конной армии красных под Ростовом 6—8 января и в Егорлыкском сражении. 14 февраля 1920 г. вновь преобразована в 1-ю кавалерийскую дивизию. Командир — генерал-майор И.Г. Барбович.

¹³² Граф Стенбок-Фермор Сергей Николаевич. Офицер артиллерии. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, летом 1919 г. ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Конного полка, затем командир того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 6 января 1920 г. под Раповом или умер от ран 6 марта 1920 г. под Ольгинской.

¹³³ Князь Волконский В.В. Поручик л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с июня 1919 г. командир эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона. Тяжело ранен в сентябре 1919 г.; с декабря 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Конно-гренадерского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку и Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр. Убит 4 февраля 1920 г. у хут. Усть-Койсугского (по другим данным — 1 февраля 1920 г. у Кулишевки под Ростовом или 2 февраля 1920 г. под Ольгинской).

¹³⁴ Крыжановский Николай Михайлович. Александровский лицей (1903). Поручик (штабс-ротмистр) л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, в июне 1919 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с января 1920 г. командир эскадрона того же полка. Ранен 8—9 февраля 1920 г. под Ростовом. В эмиграции во Франции. Ротмистр. Умер 16 февраля 1937 г. в Париже.

¹³⁵ Одинцов Глеб Николаевич. Санкт-Петербургский университет. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1913 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в ячейке своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. адъютант Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии. С 23 октября по 24 ноября 1919 г. командир эскадрона, 8 декабря 1919 г. — 7 марта 1920 г. ротмистр-командир дивизиона и командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, в начале 1920 г. начальник пулеметной команды в том же полку. Ранен 7 марта 1920 г. под Ростовом. Подполковник. Эвакуирован в 1919—

1920 гг. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Югославии. В эмиграции в Бельгии, служил в Конго. Умер 5 июня 1972 г. в Канаде.

¹³⁶ Павлов Александр Александрович, р. 11 июля 1867 г. Из дворян Волынской губ. Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1887). Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; в распоряжении Главнокомандующего, командир 4-го Донского корпуса, в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 7 декабря 1935 г. в Земуне (Югославия).

¹³⁷ 1-й Кубанский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. как 1-й конный корпус в составе 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий. 26 февраля 1919 г. переименован в 1-й Кубанский. Входил в состав Кавказской армии. После переформирования в него входили 1-я Кубанская, 2-я Терская казачьи и 6-я пехотная дивизии, в сентябре — октябре 1919 г. включал Сводно-гренадерскую дивизию с 2-м гусарским Павлоградским полком, 1-ю Кубанскую казачью дивизию, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду и 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. К 5 октября 1919 г. корпусу был придан также 4-й дивизион 2-й артиллерийской бригады: 7-я (2 гаубицы) и 8-я (4 гаубицы) батареи и 3-я Кубанская пластунская бригада, и корпус всего насчитывал 6418 штыков, 762 сабли, 172 пулемета и 43 орудия. 21 февраля 1920 г. у Белой Глины погиб весь штаб корпуса, в т. ч. около 70 офицеров. Командиры: генерал-майор барон П.Н. Врангель (15 ноября — 27 декабря 1918 г.), генерал-лейтенант В.А. Покровский (3 января — 26 ноября 1919 г.), генерал-майор П.К. Писарев (врид; 5 октября 1919 г.), генерал-лейтенант В.В. Крыжановский (1919-й — 21 февраля 1920 г.). Начштаба: полковник В.И. Соколовский (с 19 ноября 1918 г.), генерал-майор А.К. Разгонов (24 января — 10 февраля 1919 г.), генерал-майор К.К. Петерс (28 апреля — 22 июля 1919 г.), полковник И.А. Ребдев (сентябрь — октябрь 1919 г.), полковник Бастраков (врид). Инспектор артиллерии — генерал-майор В.А. Стопчанский.

¹³⁸ Крыжановский Владимир Васильевич. Войсковой старшина 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-го батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку; с 12 марта 1918 г. полковник, затем командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 22 января, в сентябре — октябре 1919 г. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. С 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Убит 21 февраля 1920 г. под Белой Глиной.

¹³⁹ Кучин Алексей Дмитриевич. Из дворян, сын офицера. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая

1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем командир эскадрона в дивизионе своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской (у ст. Средний Егорлык).

¹⁴⁰ **Князь Черкасский Алексей Михайлович.** Корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 22 октября 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Убит 17 марта 1920 г. под Егорлыкской.

¹⁴¹ **Буйнов Дмитрий Михайлович.** Корнет. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии и Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Переведен в л.-гв. Кирасирский Ее Величества полк 15 апреля 1920 г. Поручик. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской (у ст. Средний Егорлык).

¹⁴² **Граф Гейден Георгий Николаевич.** Корнет Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 20 апреля 1919 г.; с января 1919 г. начальник пулеметной команды Сводно-кирасирского полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в пулеметной команде Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 24 декабря 1919 г. по 9 февраля 1920 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.

¹⁴³ **Хитрово Сергей Сергеевич,** р. 12 сентября 1896 г. Офицер с 1914 г. Ротмистр л.-гв. Конно-гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. у ст. Средний Егорлык под Егорлыкской.

¹⁴⁴ **Пуришкевич Вадим Владимирович.** Из дворян Бессарабской губ., сын члена Государственной думы. Училище правоведения (1917) (не окончил; 5-й класс). Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии и ВСЮР младший унтер-офицер в эскадроне л.-гв. Конно-гренадерского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку. Корнет (с 11 октября 1919 г.). Убит 17 февраля 1920 г. у ст. Средний Егорлык под Егорлыкской на Кубани.

¹⁴⁵ **Князь Енгальчев Николай Иванович.** В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Драгунского полка, с начала 1920 г. корнет, командир полуэскадрона л.-гв. Драгунского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.

¹⁴⁶ Кубанская армия. Образована 31 декабря 1919 г. из Кубанских корпусов. 29 января 1920 г. в нее были влиты все войсковые части расформированной Кавказской армии. 9 апреля 1920 г. на Кавказском побережье сведена в корпус, отступивший к грузинской границе. Расформирована 1 мая 1920 г. Командующие: генерал-лейтенант И.Г. Шкуро, генерал-майор Морозов (с 9 апреля 1920 г.).

¹⁴⁷ **Топорков Сергей Михайлович,** р. 25 сентября 1881 г. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского казачьего войска. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1904 г., выдержал офицерский экзамен. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добровольческой армии летом — осенью 1918 г. командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 19 января 1919 г. начальник Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 октября 1919 г. командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви. Умер в 1931 г. в Белграде.

¹⁴⁸ **Драгомиров Абрам Михайлович,** р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Пажеский корпус (1887), академия Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от кавалерии, Главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября по декабрь 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 марта 1919 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель кавалерской думы Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

¹⁴⁹ Гвардейский отряд полковника Петровского. Сформирован из находившихся в Крыму подразделений гвардейских частей. Включал Гвардейский кавалерийский дивизион и пехотные подразделения, сформированные на базе Запасного гвардейского батальона. В январе — апреле 1920 г. оборонял Перекопский перешеек, понес большие потери.

¹⁵⁰ **Петровский Николай Александрович,** р. в 1883 г. Пажеский корпус. Полковник л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 марта 1919 г. командир эскадрона своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии и командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 18 мая по 4 июня 1919 г. врио командира Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 22 июня по 12 июля 1919 г. врио командира 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, осенью 1919 г. командир дивизиона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку 5-го кавалерийского корпуса, с 25 марта 1920 г. командир Гвардейского отряда в Крыму, затем до мая 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, затем командир Гвардейского кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 17 мая 1920 г.). В эмиграции в Югославии; на 1938 г. представитель полко-

вого объединения в Югославии. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). Пропал без вести в октябре 1944 г. под Авалой (Югославия).

¹⁵¹ Речь идет о дивизии третьего формирования с этим номером. 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму из входивших в состав 1-й кавалерийской дивизии Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го, 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе Туземного и Татарского полков, а также Сводной бригады Кабардинской дивизии, прибывающих из Сочи терцев и подразделений всех остальных гвардейских, 2-го Курляндского, 6-го Волинского, 11-го Чугуевского и 14-го Ямбургского уланских, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского гусарских полков бывшей Императорской армии. Входила во 2-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус. Состав: Гвардейский, 1-й (1-я бригада), 2-й, 3-й (2-я бригада), 4-й и 5-й (3-я бригада) кавалерийские полки, Запасный конный полк (6 эскадронов), 1-й, 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы. 28 апреля 1919 г. переформирована в 1-ю конную дивизию (с 8 августа 1920 г. снова кавалерийская) в составе Гвардейского, 1-го (1-я бригада), 2-го, 3-го и 4-го (2-я бригада) кавалерийских полков, Запасного конного полка (5 эскадронов), 1-го и 2-го конно-артиллерийских дивизионов. 7 июля 1920 г. 4-й кавалерийский полк передан во 2-ю кавалерийскую дивизию, а с 8 августа 1920 г. вместо переданного туда же 2-го кавалерийского полка в ее состав введен из этой дивизии 6-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. включала вместо 2-го (переданного в 1-ю Кубанскую казачью дивизию) 3-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала 1300 сабель.

¹⁵² Гвардейский кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму в составе 8 эскадронов, по одному от каждого из гвардейских полков Императорской армии: 1-й — Кавалергардского, 2-й — л.-гв. Конного, 3-й — л.-гв. Кирасирского Его Величества, 4-й — л.-гв. Кирасирского Ее Величества, 5-й — л.-гв. Конно-гренадерского, 6-й — л.-гв. Уланского Его Величества, 7-й (сводный) — л.-гв. Уланского Ее Величества и л.-гв. Гродненского гусарского и 8-й — л.-гв. Драгунского. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Командиры: полковник С.Н. Ряснянский (24 апреля — 10 октября 1920 г.), полковник Д.А. Ковалинский (10—19 октября 1920 г.); врид: полковник Д.В. Коссиковский (16—24 апреля, 15—19 мая, 10—11 июля), полковник М.Е. Ковалевский (6—9, 12—17 июля, 27 июля — 13, 16—17 августа), полковник М.А. Смагин (18—26 июля), полковник Н.М. Алексеев (14—15 августа), полковник Н.М. Гончаренко (18—28 августа), полковник Н.Д. Скалон (29 августа — 3 сентября), полковник С.М. Длусский (4—7 сентября, 6—11, 15—16 октября), полковник Д.С. Мартыновский (20—27 октября), ротмистр Г.Г. Раух (27 октября), поручик Н.А. Озеров (27 октября), подполковник П.И. Максимов (28—29 октября), полковник С.И. Новиков (30 октября — 12 ноября), полковник Г.А. Доленго-Ковалевский (12—15 ноября 1920 г.).

¹⁵³ 1-й кавалерийский полк включал эскадроны 6-го Волинского и 10-го Одесского уланских, 5-го Александрийского гусарского и (до 8 августа 1920 г.)

1-го конного генерала Алексеева полков, а с 8 августа 1920 г. вместо Алексеевцев — дивизион 10-го Ингерманландского гусарского полка. Командир — полковник М.И. Тихонравов (с 8 августа 1920 г.).

¹⁵⁴ 2-й кавалерийский полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии, а с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии. Включал эскадроны 3-го Смоленского (до 22 августа 1920 г.), 11-го Чугуевского, 13-го Владимирского, 14-го Татарского, 16-го Новоархангельского (до 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (до 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (с 8 по 22 августа 1920 г.), 6-го Клястицкого, 13-го Нарвского и 15-го Украинского гусарских и (с 22 августа 1920 г.) 11-го драгунского Рижского полков.

¹⁵⁵ 3-й кавалерийский полк включал эскадроны 2-го Псковского и 12-го Стародубовского драгунских, 12-го Белгородского, 16-го Новоархангельского (с 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (с 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (до 8 августа 1920 г.), 7-го Белорусского, 11-го Изюмского, 12-го Ахтырского и 17-го Черниговского гусарских полков.

¹⁵⁶ 4-й кавалерийский полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии, а с 7 июля 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии. Включал эскадроны 19-го Архангелогородского драгунского, 4-го Харьковского уланского (с 22 августа 1920 г.), 2-го Павлоградского (с 22 августа 1920 г.), 4-го Мариупольского и 16-го Иркутского гусарских полков, а также (до 8 августа 1920 г.) Черноморского конного полка.

¹⁵⁷ Маркиз де ла Альбицци Георгий Федорович. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; с 3 июля 1919 г. начальник пулеметной команды в дивизионе своего полка, с октября 1919 г. командир того же дивизиона, в начале 1920 г. в Гвардейском отряде в Крыму — командир Сводно-гвардейского эскадрона. Полковник. Убит 2(3) апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁵⁸ Литвинов Александр Александрович. Корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г.; с 24 марта, 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, 5—23 июня 1919 г. командир эскадрона, в начале 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму, с 27 февраля по 3 апреля 1920 г. командир отдельного стрелкового полубатальона. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁵⁹ Пусторослев Сергей Сергеевич. Сын офицера. Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. старший унтер-офицер в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С начала 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму. Корнет (с марта 1920 г.) в прикомандировании к л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку. Пропал без вести 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁶⁰ Граф Толстой Андрей Львович. Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. в эскадроне своего полка, с января 1920 г. в Сводно-кирасирском эскадроне Гвардейского отряда в Крыму. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁶¹ **Костин Петр.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Конно-гренадерского полка (с 1920 г. переведен в полк); в начале 1920 г. в Сводно-кирасирском эскадроне Гвардейского отряда в Крыму. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе у хут. Филатова под Армянском.

¹⁶² **Лишин Георгий Васильевич.** Ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. командир эскадрона своего полка, командир 7-го эскадрона в Гвардейском кавалерийском полку. Убит летом 1920 г. под Малой Каховкой.

¹⁶³ **Артамонов Сергей Александрович.** Александровский лицей (1917) (ускор.). Офицер с 1917 г. Офицер л.-гв. Конного полка. В апреле 1918 г. в Москве. В декабре 1918 г. в русских добровольческих дружинах в Киеве. Вывезен в Германию. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. корнет в эскадроне л.-гв. Конного полка. Поручик (корнет). Убит 18(22) июня 1920 г. под Малой Каховкой.

¹⁶⁴ **Бабиев Николай Гаврилович,** р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

¹⁶⁵ **Де Витт Сергей Львович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г., в июле, декабре 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка. В Русской Армии с июня 1920 г. командир того же эскадрона в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр (к июлю 1919 г.). Убит 19 июля 1920 г. у с. Жеребец.

¹⁶⁶ **Вуич Николай Эммануилович,** р. 28 ноября 1897 г. в Туле. Пажеский корпус (1916). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во ВСЮР в 3-м Кабардинском полку и Сводно-гвардейском отряде. В Русской Армии в эскадроне л.-гв. Уланского Ее Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в июле 1920 г. Ротмистр. В эмиграции в Югославии, Франции, Италии, Люксембурге. В 1920-х годах начальник отделения генерал-инспектора конницы КИАФ, создатель журнала «Русский клич». С 1952 г. начальник походной канцелярии Великого Князя Владимира Кирилловича. Умер 30 ноября (8 декабря) 1976 г. в Брюсселе.

¹⁶⁷ 2-я кавалерийская дивизия. Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. как 2-я конная (с 8 августа 1920 г. кавалерийская) дивизия из Отдельной кавалерийской бригады. Входила в 1-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. — в Конный корпус. Состав: 5-й, 6-й и 7-й кавалерийские полки (1-я бригада), 3-й (из 2-й Донской конной бригады и Таврического

конного дивизиона) и 4-й Донские казачьи полки (2-я бригада), Запасный конный полк (из 2 эскадронов запасного полка 9-й кавалерийской дивизии и 2 запасных Донских сотен), 4-й и 5-й конно-артиллерийские дивизионы. С 7 июля 1920 г. включала 4-й, 5-й (1-я бригада), 6-й и 7-й (2-я бригада) кавалерийские полки и 4-й конно-артиллерийский дивизион, с 8 августа 1920 г. — 2-й (вместо переданного в состав 1-й кавалерийской дивизии 6-го), 4-й и Кавказский кавалерийские полки, а с 22 августа 1920 г. к ним добавился переданный из расформированной 1-й Отдельной кавалерийской бригады 7-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. в состав дивизии возвращен 5-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала около 1700 сабель.

¹⁶⁸ Конный корпус. Сформирован в Русской Армии 7 июля 1920 г. из Сводного корпуса в составе 1-й и 2-й конных дивизий. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я кавалерийские и 1-я Кубанская казачья дивизии, Запасный кавалерийский полк и конная саперно-подрывная команда. В середине октября 1920 г. насчитывал около 4 тысяч сабель. После эвакуации Крыма сведен в Галлиполи в Кавалерийскую дивизию. Командир — генерал-лейтенант И.Г. Барбович.

¹⁶⁹ **Фостиков Михаил Архипович,** р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Ставропольская гимназия, Александровское военное училище (1907), академия Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой Армией Возрождения России на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос, командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

¹⁷⁰ **Улагай Сергей Георгиевич,** р. в 1875 г. Сын офицера. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Подковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917-го — в начале 1918 г. командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой, в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск

особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. — во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

¹⁷¹ **Морозов Василий Иванович**, р. 30 октября 1888 г. в ст. Семикаракорской Области Войска Донского. Из казаков той же станицы. Новочеркасское военное училище (1908). Подъесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в 1919 г. командир 76-го Донского казачьего полка, 6-го Донского казачьего полка, с ноября 1919 г. полковник, с января 1920 г. командир конного отряда своего имени, с февраля 1920 г. командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 марта 1920 г. начальник Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 г. — 2-й конной дивизии, с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября 1919 г. в распоряжении Донского атамана. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца 2 октября 1920 г. Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер 30 января 1950 г. в Клагенфурте (Австрия).

¹⁷² **Келеповский Анатолий**. Корнет л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. в эскадроне своего полка. Поручик. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр. Убит 30 июля (1 сентября) 1920 г. у хут. Черненького.

¹⁷³ **Колокольцов Аполлон Григорьевич**. Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводно-горской дивизии; с апреля 1920 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии с 19 июля (июня) 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убит 30 июля (1 сентября) 1920 г. под хут. Черненьким.

¹⁷⁴ **Пузыревский Владимир Евгеньевич**. Из дворян, сын офицера. Суворовский кадетский корпус. Юнкер. В Добровольческой армии во 2-м конном (Дроздовском) полку; с 7 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 марта (1 апреля) 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 12 мая 1919 г. командир запасного взвода, весной 1920 г. корнет в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. Поручик. Эвакуирован на корабле «Петр Регир». В эмиграции в Югославии. Умер в 1932 г. в санатории Сурдулица.

¹⁷⁵ **Корженевский Павел Митрофанович**, р. в 1893 г. в Витебске. Московский университет, Николаевское кавалерийское училище (1916). Корнет 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1919 г. в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, переведен в полк 6 ноября 1919 г.; 15 сентября — 3 октября и 24 ноября — 11 декабря 1919 г. командир эскадрона. Ранен 2 августа 1920 г. Штабс-ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В эмиграции в Бельгии. Умер 20 января 1963 г. в Брюсселе.

¹⁷⁶ **Пашенко Иван Демьянович**. Юнкер. Из Мелитопольского уезда. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Корнет (с сентября 1920 г.) в прикомандировании к л.-гв. Кирасирскому Его Величества полку. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 2 августа 1920 г.

¹⁷⁷ **Вентцель Лев Николаевич (Венцель)**, р. в 1900 г. Сын действительного статского советника. Кадет 1-го кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1919 г.; в начале 1920 г. унтер-офицер в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет (с июля 1920 г.). Трижды ранен (после августа 1920 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Болгарии.

¹⁷⁸ **Фон Мейер Юрий Константинович**, р. 19 сентября 1897 г. в Вольске. Из дворян, сын чиновника удельного ведомства. 1-я Самарская гимназия (1915), Александровский лицей (1918), Пажетский корпус (1917). В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в Киеве (перешел от красных), с сентября 1919 г. рядовой дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 24 сентября 1919 г. прапорщик. В Русской Армии летом 1920 г. командир взвода в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Тяжело ранен в августе 1920 г. у Федоровских хуторов. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Константинополе, на 1 июня 1921 г. в Югославии (в Белграде), к 1929 г. секретарь лицейского объединения в Югославии, с 1941 г. в Германии, начальник отдела внешних сношений и финансов комитета РОА, с 1953 г. в США, преподаватель военно-морской школы. Публицист. Умер 11 декабря 1993 г. в Вашингтоне.

¹⁷⁹ **Фон Вальц Сергей Феликсович (Филиппович)**, р. в 1900 г. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. эстандарт-юнкер, затем командир взвода пулеметной команды дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции. Умер 8 июля 1981 г. в Париже.

¹⁸⁰ 6-я пехотная дивизия. Сформирована в Русской Армии. С 7 июля 1920 г. входила в состав 1-го, с 4 сентября 1920 г. — 3-го, а с конца октября 1920 г. — 2-го армейских корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ую артиллерийскую бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексева дивизион. Начальник — генерал-майор М.А. Звягин.

¹⁸¹ 2-я Донская конная дивизия. Сформирована в Русской Армии 1 мая 1920 г. из частей 2-го и 4-го Донского отдельных корпусов как 2-я Донская дивизия (две бригады, конный и конно-артиллерийский дивизионы и запасный батальон), с 4 сентября — конная. Входила в состав Донского корпуса. Состав: 3-й Калединский (полковник Г.И. Чапников), 4-й Назаровский (генерал-майор А.Г. Рубашкин) (1-я бригада), 5-й атамана Платова (полковник А.И. Шмелев), 6-й атамана Ермака (полковник Губкин) и Зюнгарский (2-я бригада) конные полки, 2-й Донской запасный конный дивизион и 2-й Донской конно-

артиллерийский дивизион. Начальники: генерал-лейтенант Н.П. Калинин (май — 18 августа 1920 г.), генерал-лейтенант Г.В. Татаркин (с 18 августа 1920 г.). Начштаба — полковник С.Я. Соболевский. Командиры бригад: 1-й — генерал-майор А.П. Попов, 2-й — генерал-лейтенант Г.В. Татаркин.

¹⁸² **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительста, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. — в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

¹⁸³ **Пашков Александр Александрович**, р. 22 декабря 1890 г. Офицер с 1913 г. Из дворян, сын офицера. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1919 г. в гвардейских частях в Крыму, с августа 1919 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии с сентября 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Ранен в октябре 1920 г. В эмиграции в США, священник. Умер 18 марта 1868 г. в Нью-Йорке.

¹⁸⁴ 6-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав Отдельной кавалерийской бригады, с 28 апреля 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии, а с 8 августа 1920 г. — 1-й кавалерийской дивизии. Включал дивизионы 9-го Казанского драгунского, 9-го Бугского уланского и 9-го Киевского гусарского полков.

¹⁸⁵ Кубанская казачья дивизия. Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. из остатков кубанских частей, эвакуированных с Кавказского побережья. Входила в Сводный корпус. Состав: Партизанский (из кубанских частей, находящихся в Крыму), Волчий (1-я бригада), Уманский, Запорожский (2-я бригада) казачьи полки, пластунский батальон и Кубанский конно-артиллерийский дивизион.

¹⁸⁶ 7-я пехотная дивизия. Сформирована в Русской Армии. С 4 сентября 1920 г. входила в состав 3-го армейского, а с конца октября 1920 г. — Кубанского корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й Партизанский генерала Алексеева (Алексеевский полк) пехотный, Терский пластунский (1-я бригада), 1-й и 2-й Кубанские стрелковые (2-я бригада) полки, 7-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную Кубанскую инженерную сотню и Отдельный Запорожский Кубанский казачий дивизион.

¹⁸⁷ Отдельная Терско-Астраханская казачья бригада. Сформирована в апреле 1920 г. в Крыму из остатков терских и астраханских казачьих частей.

С 28 апреля как Терско-Астраханская бригада (неотдельная) входила в состав 3-й конной дивизии, с 7 июля — отдельная бригада. Летом 1920 г. входила в состав Группы войск особого назначения, участвовавшей в Кубанском десанте. С 4 сентября 1920 г., действуя отдельно в составе Русской Армии, включала 1-й Терский, 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, Терско-Астраханский казачий конно-артиллерийский дивизион, Отдельный запасный Астраханский казачий дивизион и Отдельную Терскую запасную казачью сотню.

¹⁸⁸ Воспоминания А. Бразоля публикуются ниже.

¹⁸⁹ 7-й гусарский Белорусский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Почти все офицеры полка собрались в декабре 1918 г. в Одессе, где тогда же был сформирован эскадрон в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение офицеров 7-го гусарского Белорусского полка», входило в РОВС. Председатель — генерал-лейтенант Е.К. Миллер, секретарь — штабс-ротмистр А.М. Изюмов, начальники групп: полковник И.Н. Деметьев (Лион), полковник Н.Н. Фролов (Рив), полковник П.П. Четыркин (Париж), генерал-майор А.А. Кальмейер (Дубровник), полковник Нечаев (Скопье). Начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник П.П. Четыркин.

¹⁹⁰ 12-й драгунский Стародубовский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. стародубовские драгуны были представлены 2 эскадронами. К декабрю 1919 г. из 24 кадровых офицеров осталось 12 (4 ранено и 8 убито). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

¹⁹¹ **Кузьмин-Караваев Всеволод Борисович**, р. в 1894 г. Штабс-ротмистр 12-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, весной 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка. В Русской Армии с августа 1920 г. командир эскадрона в 3-м кавалерийском полку. Ранен 30 сентября 1920 г. (всего четырежды). Орд. Св. Николая Чудотворца. Подполковник. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес».

¹⁹² **Грегер Сергей Федорович**. Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка (штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка). В Добровольческой армии; с января 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. В августе 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с марта 1919 г. ротмистр, командир эскадрона дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка в том же полку, затем до июня 1919 г. командир эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, в 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Полковник. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского на Днепре.

¹⁹³ **Адрианов**. Поручик л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России осенью 1919 г. в 1-й кавалерийской дивизии. В Рус-

ской Армии командир эскадрона л.-гв. Гродненского гусарского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского.

¹⁹⁴ **Собинов Юрий Леонидович.** Сын певца. Корнет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Во ВСЮР в Глазеновском партизанском отряде, с октября 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Поручик. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Умер от ран 8 октября 1920 г. в Мелитополе.

¹⁹⁵ **Саморуло Мстислав Георгиевич.** Сын действительного статского советника. Училище правоведения (1917) (не окончил; 4-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; вольноопределяющийся в эскадроне л.-гв. Гусарского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского во время рейда конницы Бабиева за Днестр.

¹⁹⁶ **Огданец-Обыдовская Клавдия Ивановна.** Во ВСЮР и Русской Армии; сестра милосердия в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убита 1 октября 1920 г. у с. Марьинского на Днепре.

¹⁹⁷ **Длусский Сергей Михайлович.** Сын генерал-майора. Пажеский корпус (1907). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Южной армии с 27 октября 1918 г. в эскадроне своего полка. Во ВСЮР и Русской Армии; 23 января — 28 февраля 1919 г. при французском командовании в Одессе, затем в отряде Особого назначения Крымско-Азовской армии; в сентябре 1920 г. командир эскадрона и дивизиона, 4—7 сентября, 6—11, 15—16 октября 1920 г. врио командира Гвардейского кавалерийского полка. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Полковник. В эмиграции в Германии. Умер 11 апреля 1948 г. в Бад-Киссингене (Германия).

¹⁹⁸ **Генрици (3-й).** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1919 г. в 1-м Чеченском конном полку. В Русской Армии в эскадроне л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского.

¹⁹⁹ **Княжна Оболенская Зоя Алексеевна** (в замужестве Бакеева), р. 25 декабря 1895 г. в Чериковском уезде Могилевской губ. Сестра милосердия. Во ВСЮР и Русской Армии; сестра милосердия в Гвардейском кавалерийском полку. Ранена 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Награждена Георгиевским крестом 4 ст. В эмиграции в США. Умерла 20 марта 1956 г. в штате Массачусетс.

²⁰⁰ **Абрамов Федор Федорович,** р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919 г. по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве

офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (11 октября 1922-го — 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937-го по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США. На ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

²⁰¹ **Шатилов Павел Николаевич,** р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 27 июля по 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

²⁰² **Драценко Даниил Павлович,** р. в 1876 г. Из мещан. Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир Русского Корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. начальник 4-й Терской отдельной пластуной бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками Западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник штаба группы войск генерала Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября по 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 гг.

²⁰³ **Говоров Алексей Владимирович.** Сын священника. Академия Генштаба (1914). Подполковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Ку-

банского («Ледяного») похода, начальник штаба конной бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., на 26 июня, 20 ноября 1918 г. начальник штаба 1-й Донской конной дивизии, с мая—июня 1918 г. полковник, затем генерал-майор, начальник штаба 3-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. начальник штаба 3-й Донской конной дивизии, с сентября 1920 г. начальник штаба 1-й или 2-й конной дивизии, на 1 октября 1920 г. начальник штаба Донского корпуса Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в Париже. Умер после 1941 г. во Франции.

²⁰⁴ **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, с начала 1919 г. одновременно Черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии; в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в Нови-Саде. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. — в Германии, председатель Союза Инвалидов, председатель Союза Первопоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х годов — в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

²⁰⁵ **Князь Гагарин Анатолий Анатольевич**, р. в 1876 г. Полковник Кавалергардского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник Общего отдела штаба армии; с 17 января 1919 г. командир Партизанского генерала Алексеева пехотного полка, с июня 1919 г., январь 1920 г. командир 2-го Алексеевского полка. Эвакуирован в 1920 г. из Одессы на пароходе «Грегори». В Русской Армии; командир дивизиона в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен в октябре 1920 г. В эмиграции. Умер в 1954 г.

²⁰⁶ **Алексеев Николай Михайлович**, р. 20 декабря 1891 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерала от инфантерии. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде полковника Гершельмана, затем в эскадроне своего полка, в сентябре 1918 г. в Екатеринодаре (ротмистр). В ноябре 1919 г. командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с апреля 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка, 14—15 августа 1920 г. и с 8 сентября 1920 г. врид командира Гвардейского кавалерийского полка. Ранен в октябре 1920 г. Полковник. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. в Бел-

граде. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде, затем преподаватель их. Умер 13 апреля 1960 г. в Буэнос-Айресе.

²⁰⁷ **Багвовут Владимир Николаевич**. Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр 1-го гусарского, 17-го драгунского и л.-гв. Конно-гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июле 1919 г. командир эскадрона своего полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с октября 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Тяжело ранен в октябре 1920 г. Ротмистр. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции в Конго и Бельгии. Полковник. Умер 29 сентября 1984 г. в Брюсселе.

²⁰⁸ **Собриевский**. Из крестьян. Старший унтер-офицер. В Добровольческой армии с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии командир пулеметного взвода в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен в октябре 1920 г. Корнет (октябрь 1920 г.).

²⁰⁹ Сводный гвардейский пехотный полк. Сформирован в Русской Армии в августе 1920 г. на основе прибывшей из Польши Сводно-гвардейской пехотной дивизии, а также Гвардейского отряда полковника Эссена, развернутого из Гвардейского батальона при 136-м пехотном Таганрогском полку, находившемся в Крыму. В его составе вновь были объединены все подразделения гвардейской пехоты. Состоял из 4 батальонов (1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий). Входил в состав 2-го армейского корпуса (II). Летом 1920 г. имел 1200 штыков. После отхода в Крым в конце октября 1920 г. насчитывал (по советским данным) 400 штыков. Переименован в Гвардейский отряд. Командир — полковник Ф.Ф. фон Эссен (с 20 августа 1920 г.). Командиры батальонов: полковник С.М. Леонов (1-й), полковник В.П. Лукошков (2-й), полковник В.А. Жмилев (3-й), полковник Зметнов 2-й (4-й).

²¹⁰ 2-й Марковский полк (2-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 2-й генерала Маркова пехотный полк). Создан приказом 25 июля 1919 г. и окончательно сформирован 27 августа 1919 г. в Харькове на базе 4-го и запасного батальонов и офицерского кадра 7-й роты Марковского полка. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Марковской дивизии. Имел 3 батальона и офицерскую роту в 100 штыков (в остальных ротах было по 150 штыков при 10—15 офицерах). После взятия Курска в конце августа увеличился до 3500 штыков при 40 пулеметах (по 250 в роте и офицерская рота более 200), но в начале сентября 1919 г. в нем было около 2000 штыков, на 5 октября 1919 г. насчитывал 1174 штыка при 24 пулеметах. В середине октября в полку было около 1400 штыков и 150 сабель. На 12 декабря 1919 г. имел 550 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 250 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал 650 штыков при 15 пулеметах. (3 батальона, в т. ч. влитый Сводно-Сибирский стрелковый). К 30 июля имел около 250 штыков, в конце августа — 500, в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, насчитывал 200 штыков. Потери полка: при взятии Волчанска к 20 августа 1919 г. около 100 человек, при наступлении на Ливны к 20 сентября — свыше 200 человек, 21 сентября

1-й батальон полка потерял 550 человек (от офицерской роты остался 21 офицер), всего за 5 дней — до 1500 человек; в конце сентября ликвидация прорыва красных стоила ему еще 1000, в боях 7—8 октября 1919 г. потери составили до 400 человек. При обороне Ливен к 15 октября 1919 г. из состава офицерский роты полка убито 50 офицеров, а один из его батальонов потерял 125 человек; всего полк потерял до 500. В ходе боев в январе—феврале 1920 г. у Ейска, Ростова и Ольгинской в полку из 125 офицеров осталось 50. Командиры: полковник А.А. Морозов (25 июля — 13 октября 1919 г.), капитан Д.В. Образцов (13 октября — 2 ноября 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 2—14 ноября 1919 г.), капитан В.В. Крыжановский (врио, с 14 ноября 1919 г.), капитан Луцкалов (врио, до 21 ноября 1919 г.), полковник Данилов (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 22 декабря 1919 г. — 6 января 1920 г.), полковник И.П. Докукин (6 января — март 1920 г.), полковник Д.А. Слоновский (март — 6 июня 1920 г.), генерал-майор Г.П. Гаттенбергер (6 июня — 29 июля 1920 г.), генерал-майор Ю.К. Гравицкий (с 29 июля 1920 г.), полковник В.В. Кудревич (врио, октябрь 1920 г.). Командиры батальонов: капитан Попов, полковник Грекалов (убит), полковник Замаруев (убит), полковник Агабеков. Командиры рот: поручик Шумаковский (убит), поручик Делюденко (убит), капитан Костенко, капитан Рейнгарт, капитан Керн и др.

²¹¹ **Шташевский Михаил Арсеньевич.** Училище правоведения (1917) (не окончил; 5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии, с 23 января 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, в начале 1920 г. унтер-офицер того же эскадрона, с лета 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Награжден Георгиевской медалью 4 ст., Георгиевским крестом 4 ст. Корнет (с весны 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. под Карповой Балкой на Литовском п-ве.

²¹² **Богдасаров Сергей Богданович,** р. 23 августа 1901 г. в Феодосии. Кадет Сумского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в Одесском кадетском корпусе, с апреля 1919 г. в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с августа 1919 г. унтер-офицер, с 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет (с июля 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. у Карповой Балки на Литовском п-ве.

²¹³ **Кейгерист Борис Николаевич.** Кадет 2-го кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; в августе 1919-го — феврале 1920 г. унтер-офицер дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, затем в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет (с июля 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. у Карповой Балки на Литовском п-ве.

²¹⁴ **Максимов Николай Иванович.** Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. прапорщик дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, в декабре 1919-го, феврале—сентябре 1920 г. корнет в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Дважды ранен, в т. ч. 8—9 февраля 1920 г. под Ростовом.

²¹⁵ **Выгран Владимир Николаевич,** р. в 1889 г. Полоцкий кадетский корпус (1907), Елисаветградское кавалерийское училище (1910). Георгиевский кавалер. Ротмистр (подполковник) 9-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 4 января 1919 г. полковник (установлено старшинство в чине с 20 августа 1919 г.), затем в эскадроне своего полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии, в июне 1919-го — феврале 1920 г. командир 9-го уланского полка в 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии в мае 1920 г. командир бригады 2-й конной дивизии, командир Отдельной кавалерийской бригады, затем 1-й кавалерийской дивизии. Дважды тяжело ранен. Генерал-майор (с 1920 г.). Галлиполиец, командир 1-й бригады Кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже и югославской армии. С 1938 г. начальник Кавалерийской дивизии, после 1945 г. председатель Русского эмигрантского комитета в Зальдбурге (Австрия) и директор Русского кадетского корпуса в Версале, председатель Объединения офицеров кавалерии и Комитета помощи русским военным инвалидам. С 1949 г. в США, с 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 июня 1983 г. в Сан-Франциско (США).

²¹⁶ **Новиков Сергей Иосифович.** Николаевское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; с января 1918 г. командир взвода во 2-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 1-м конном полку. Ранен. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку, с 30 октября по 12 ноября 1920 г. врио командира того же полка. Полковник. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 9 мая 1972 г. в Медоне (Франция).

²¹⁷ **«Генерал Корнилов»** (до 18 июня 1919 г. — «Кагул»). Крейсер. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск (экипаж состоял из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, 2 врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, в т. ч. 30 кубанских казаков, вместо положенных 570 человек). В апреле—мае 1919 г. участвовал в обороне Ак-Манайских позиций в Крыму, в августе играл ведущую роль в десантной операции по занятию Одессы. Входил в состав 1-го отряда судов. С июля 1920 г. в составе 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. — в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командиры: капитан 1-го ранга В. Лебедев (27 марта — 3 мая 1919 г.), капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий (с 3 мая, август 1919 г.), капитан 1-го ранга В.А. Потапьев (с сентября 1919 г.). Старшие офицеры: капитан 2-го ранга В.А. Потапьев, капитан 2-го ранга Афанасьев. Старший инженер-механик — старший лейтенант М.М. Любимов.

²¹⁸ **Волков-Муромцев Николай Владимирович,** р. 24 ноября 1902 г. в имении Хмелита Смоленской губ. Из дворян. Вяземская гимназия. Осенью 1918-го — 26 февраля 1919 г. содержался в Бутырской тюрьме в Москве, затем бежал в Киев. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка, затем в эскадроне л.-гв. Конного полка. Младший унтер-офицер. В Русской Армии до эвакуации Крыма.

В эмиграции с 1921 г. в Англии, окончил Кембриджский университет. Инженер.

²¹⁹ Впервые опубликовано: Волков-Муромцев Н.В. Юность от Вязьмы до Феодосии (1902—1920). Париж, 1983.

²²⁰ **Исаков Сергей Сергеевич.** Александровский лицей (1916) (не окончил). Капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1919 г. командир роты в батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка в Сводно-гвардейском полку, затем в Сводно-стрелковом гвардейском батальоне. Убит 1—5 октября 1919 г. под Киевом.

²²¹ Под видом Главсаха в Москве летом 1919 года действовала подпольная организация, переправлявшая добровольцев в Белую армию. Возглавлял ее Николай Флегонтович Иконников (1885—1970), впоследствии — известный генеалог.

²²² Речь идет о батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка, куда автор был зачислен сразу по вступлении в Белую армию.

²²³ **Фон Энден Евгений.** Штабс-капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. командир взвода в Сводно-гвардейском полку, начальник конных разведчиков гвардейской бригады, с октября 1919 г. начальник команды конных разведчиков Сводно-стрелкового гвардейского батальона и 2-го батальона в Сводно-гвардейском стрелковом полку.

²²⁴ **Любощинский Владимир.** Из дворян Тамбовской губ. В апреле 1919 г. в Москве. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в роте л.-гв. 4-го стрелкового полка, затем в пулеметной команде л.-гв. Конного полка. Пропал без вести осенью 1919 г.

²²⁵ Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. составлял роту в Стрелковом батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. две его роты вошли во 2-й батальон в Сводном полку Гвардейской стрелковой дивизии. Командир роты — капитан Ахматович. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 4-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции: председатели: полковник В.М. Колотинский, полковник А.И. Кульнев; заместитель председателя — полковник Р.К. Баумгартен, секретарь и казначей — полковник М.В. Губкин, представитель в Югославии — полковник П.Н. Манюкин, в США — капитан князь С.М. Пятин. На 1939 г. насчитывало 46 человек, на 1949—1951 гг. — 14 (в т. ч. 8 в Париже, 2 в США), на 1958 г. — 28 (5 в Париже).

²²⁶ Лейб-гвардии Преображенский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м Сводно-гвардейском полку. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (3 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до одной роты в 30—40 штыков, упраздненной 3 декабря 1919 г.; в январе 1920 г. на фронт прибыла еще одна Преображенская рота, сохранившаяся до интернирования частей полка в Польше. Командир батальона — полковник С.М. Леонов. Командиры рот: капитан А.А. Бенуа (убит 25 сентября 1919 г.).

капитан Евреинов, поручик Андрищенко, капитан Львов, капитан барон Розен. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Не считая расстрелянных большевиками, только в боевых действиях потерял около 10 офицеров, всего в Гражданской войне убито 29 его офицеров (в мировой — 42). Полковое объединение в эмиграции — «Союз Преображенцев» (Париж) существовало с сентября 1921 г. (хотя начало «союзу» было положено еще летом 1918 г. группой офицеров полка, собравшейся в Киеве; тогда же был составлен проект устава) и насчитывало в 1930-х годах 182 действительных и почетных члена. К 1930 г. в эмиграции жило более 120 человек, когда-либо служивших в полку. Почетный председатель — принц А.П. Ольденбургский. Председатели: генерал-лейтенант А.А. Гулевич, камергер А.Ф. Гирс, капитан В.Н. Тимченко-Рубан; заместитель председателя — полковник В.В. Свечин; секретари: князь Н.А. Оболенский, поручик граф Д.С. Татищев; представители в Югославии — полковник В.А. Стороженко и капитан Б.А. Перрен, в США — полковник П.Н. Малевский-Малевич. На 1939 г. в объединении состояло 130 человек (в т. ч. 40 во Франции, 40 в Париже), на 1949 г. — 51 (18 в Париже и 8 в США), на 1951 г. — 47 человек и 10 почетных членов, на 1958 г. — 36 (13 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 4 члена-соревнователя. С января 1936-го по апрель 1939 г. издавало журнал «Преображенская хроника» (вышло 9 номеров, редактор — полковник В.В. Свечин), а затем — до ноября 1959 г. — «Оповещение Службы Связи Союза Преображенцев» (вышло 4 номера, редактор — поручик граф Д.С. Татищев).

²²⁷ Лейб-гвардии Московский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м Сводно-гвардейском полку, к августу 1919 г. имелись 1 рота в 40 штыков и пулеметная команда в 4 пулемета, 7 сентября 1919 г. с прибытием второй роты сформирован батальон, с 12 октября 1919 г. — в Сводном полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. Командир батальона — полковник Соловьев. Командир роты — капитан Б.В. де Витт. Начальник команды — капитан В.А. Салатко-Петрище. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Помимо батальона (с января 1920 г. от взвода до полка двухбатальонного состава) в Добровольческой армии, около 20 офицеров воевало на трех других фронтах. Полк потерял в Белом движении 26 офицеров (в мировой войне — 56). Полковое объединение в эмиграции образовано в 1921 г., к 1936 г. насчитывало 39, к 1939 г. — 43 (в т. ч. 19 во Франции), к 1949 г. — 34 (13 в Париже, 7 в США), к 1951 г. — 33, к 1958 г. — 22 (8 в Париже), — к 1962 г. — 21 человек. Почетный Возглавитель — герцог М.Г. Мекленбургский, председатели: генерал-лейтенант В.П. Гальфтер (Лондон), полковник Н.Н. Дуброва, капитан А.Ф. Каимович; командир кадра — полковник Андерс (Сараево), представитель в Париже — полковник Н.Н. Дуброва, в Югославии — полковник Г.П. Рыков, в США — полковник Н.В. Ерарский. В 1931—1962 гг. издавало в Париже на ротаторе «Бюллетень Объединения л.-гв. Московского полка» (вышло 154 номера).

²²⁸ 2-й Сводно-гвардейский полк. Сформирован во ВСЮР 8 августа 1919 г. Входил в состав Сводно-гвардейской бригады. Состоял из подразделений пол-

ков 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий Императорской армии (по 2 роты от лейб-гвардии Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Вольнского и одной от 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых полков). Включал 1-й, 2-й и Стрелковый батальоны (по 4 роты), 3 команды конных и 1 пеших разведчиков, 2 пулеметные и команду траншейных орудий. Командир — полковник А.А. Стебель (со 2 сентября 1919 г.). Командиры батальонов: полковник С.А. Апухтин, полковник Мельвил, полковник Бырдин (с августа 1919 г.), полковник Зметнов 2-й, полковник Кованько. Начальники команд: капитан Александров, штабс-капитан Квятницкий, капитан Белявский.

²²⁹ Князь Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, р. 27 августа 1890 г. Сын генерал-лейтенанта. Капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. командир роты л.-гв. 4-го стрелкового полка. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославию. В эмиграции в Англии, преподаватель Лондонского университета. Вернулся в СССР. Расстрелян в 1939 г.

²³⁰ Лейб-гвардии Семеновский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (3 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до двух рот по 30—40 штыков, к 24 ноября — до одной, упраздненной 3 декабря 1919 г.; в январе 1920 г. на фронт прибыли еще две Семеновские роты, вскоре сведенные в одну, сохранившуюся до интернирования частей полка в Польше. Командир батальона — полковник Акимович. Командиры рот: капитан Коновалов, капитан Степанов, капитан Георгиевский, поручик Соханский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полк потерял в Белом движении 38 офицеров (в мировой войне 48), еще 24 было расстреляно большевиками в 1918—1925 гг. Полковое объединение в эмиграции было образовано в Белграде в 1920 г. (тогда — 12 членов). Председатели (возглавляющие): генерал-лейтенант И.С. фон Эттер, полковник А.В. Попов; заместитель председателя — генерал-майор А.А. фон Лампе; представитель в Югославии — капитан Н.А. Клименко, в США — капитан Г.Г. Сюннерберг; секретарь — капитан Д.Н. Шеман; казначей — капитан Н.Н. Гонецкий. На декабрь 1926 г. насчитывало 121 человек, к 1939 г. — 89 (в т. ч. 25 во Франции, 16 в Париже), на 1949—1951 гг. — 55 (10 в Париже, 2 в США), на 1958 г. — 36 (7 в Париже). В 1923—1968 гг. издавало (частью на ротаторе, частью типографским способом разного формата) «Семеновские бюллетени» (с 1951 г. — «Сообщения»; всего вышло 33 номера).

²³¹ Лейб-гвардии 3-й стрелковый полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. составлял роту в Стрелковом батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. вошедшую во 2-й батальон в Сводном полку Гвардейской стрелковой дивизии. Командир роты — штабс-капитан Петров. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 4-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции: председа-

тели: генерал-майор И.В. Семенов (Белград), полковник В.Г. Елчанинов, полковник Н.А. Звонников, председатель распорядительного комитета — полковник Писаревский, секретарь и казначей — подпоручик П.А. Мейер 1-й, представитель в США — капитан И.В. Модль. На 1939 г. насчитывало 45 человек (в т. ч. 20 в Париже и 15 в других местах Франции), на 1949 г. — 34 (9 в Париже, 1 в США), на 1951 г. — 33, на 1958 г. — 18 (7 в Париже).

²³² Исаков Николай Сергеевич. Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка, летом 1920 г. командир пулеметного взвода в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Убит 13 июля 1920 г. у д. Щербатовки.

²³³ Арапов Петр Семенович (1897—1938). Корнет л.-гв. Конного полка. Осенью 1918-го — 26 февраля 1919 г. в Бутырской тюрьме в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; с лета 1919 г. в Белозерском пехотном полку, затем в эскадроне л.-гв. Конного полка. Штабс-ротмистр (к лету 1920 г.). В 1930 г. нелегально пересек границу СССР и был арестован. Расстрелян в Соловках.

²³⁴ Речь идет о Николае Иоасафовиче Суковкине (окончил Александровский лицей в 1881 г.), гофмейстере, киевском губернаторе.

²³⁵ Князь Вадбольский — корнет 13-го драгунского полка. В апреле 1919 г. в Москве. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. (вступил в Киев) в эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка.

²³⁶ То есть л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Воспоминания его офицеров публикуются тоже.

²³⁷ Крымов Александр Михайлович, р. в 1871 г. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Участник выступления генерала Корнилова, по приказу которого двинул свой корпус на Петроград. Застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде.

²³⁸ 2-й драгунский Псковский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Затем эскадрон полка входил в состав 1-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк.

²³⁹ 1-й Сводно-гвардейский полк. Сформирован во ВСЮР 8 августа 1919 г. Входил в состав Сводно-гвардейской бригады. Состоял из подразделений полков 1-й и 2-й гвардейских дивизий Императорской армии (по 1—3 роты от л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского и Павловского полков). Включал 1-й (сводный), Гренадерский и Павловский батальоны по 3 роты (по 40—60 штыков при 4—5 офицерах) в каждом, Преображенскую и Московскую роты, пулеметную и конных разведчиков команды. Командиры: полковник Е.Ф. Мантуров 1-й, генерал-майор А.Н. Моллер (с 2 сентября 1919 г.).

²⁴⁰ Лейб-гвардии Измайловский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Попытка сформировать полк была предпринята сначала при Донской армии. Из полка на Дону в январе 1918 г. находилось 19 офицеров, 13 из них участвовали в 1-м Кубанском походе. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась

в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии (действовал отдельно от полка). Командиры батальона: генерал-майор Есимантовский, капитан Паский (врио, на 28 сентября 1919 г.). Командиры рот: штабс-капитан Рогимов, капитан Павский. Начальник команды — капитан Панафидин. В Русской Армии с августа 1920 г. составляла роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Всего в Добровольческой армии воевало 52 офицера полка, еще 5 было принято в полк во время войны и 44 прикомандировано (часть их тоже принята в полк). Полк потерял в Белом движении 37 офицеров (в т. ч. 19 убито и 6 попало в руки большевиков). Полковое объединение в эмиграции — «Союз Измайловцев» (основан 25 марта 1922 г., Париж) на сентябрь 1930 г. насчитывало 72 человека (в т. ч. 32 во Франции, 17 в Сербии и 12 в Финляндии), на 1939 г. — 74, на 1949—1951 гг. — 40 (в т. ч. 11 в Париже, 11 в США), на 1958 г. — 21 (10 в Париже). Почетный председатель — генерал-майор Великий Князь Андрей Владимирович, председатели: генерал-лейтенант Н.М. Киселевский, полковник М.Н. Архипов; председатель Парижского отдела и начальник кадра — полковник П.И. Василенко, полковник Б.М. Бروفельдт; заместитель председателя — полковник Б.К. Перский; секретари: полковник А.М. Бروفельдт, подпоручик К.В. Хвольсон; хранитель архива — капитан И.В. Траскин; представители в Югославии — полковник Д.В. Шатилов, полковник Б.С. Гескет и подполковник С.А. Козлов. Издавало сборники «Измайловская старина» (Александрия; тираж 10 экз.; по 1938 г. вышло 30 тетрадей) и «Измайловский досуг» (Нью-Йорк, по 1948 г. вышло 15 сборников).

²⁴¹ Лейб-гвардии Егерский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (4 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до трех рот по 30—40 штыков, к 24 ноября — до двух, к 27 ноября — до одной. Командир батальона — полковник Н.В. Аксаков. Командиры рот: капитан Цетерман, капитан Афросимов, капитан Гаас, капитан Меринг, капитан Никитин, штабс-капитан Староверцев. Начальники команды: штабс-капитан Вурумзер, подпоручик Шипилев. В Русской Армии с августа 1920 г. составляла роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение лейб-егерей» (Белград, затем Осек, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС) в 1925 г. насчитывало 93 члена, на 1939 г. — 80 (в т. ч. 25 во Франции, 20 в Париже), на 1949—1951 гг. — 62 (21 в Париже, 2 в США), на 1958 г. — 34 (16 в Париже), на 1962 г. — 35. Председатели: генерал-майор А.П. Буковский, полковник С.А. Усов; заместитель председателя — полковник Б.А. Фриде; секретарь и казначей — капитан В.А. Каменский. До 1939 г. издавало в Париже на ротаторе ежегодный журнал «Егерский Вестник» (вышло 14 номеров по 24 с., редактор — генерал-майор А.П. Буковский) и журнал «Осведомитель лейб-егерей» (40 номеров до 1939 г. и еще 9 до 1965 г.; редактор — капитан В.А. Каменский).

²⁴² 16-й уланский Новоархангельский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Новоархангельские уланы с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-уланского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадрон, затем был развернут собственный полк. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. — в 3-й кавалерийский полк.

²⁴³ 17-й уланский Новомиргородский полк. Полк Императорской армии. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка входил в состав Сводно-уланского полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. — в 3-й кавалерийский полк.

²⁴⁴ Лукомский Александр Сергеевич, р. в 1868 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быковец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (9 января — февраль 1918 г.) начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. заместитель председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого совещания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Великого Князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

²⁴⁵ Граф Стенбок-Фермор Андрей Владимирович. Поручик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая и летом 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку Гвардейской кирасирской дивизии, с весны 1920 г. — в эскадроне л.-гв. Конного полка в Гвардейском кавалерийском полку Русской Армии. Штабс-ротмистр. Убит 13 июля 1920 г. у с. Щербакровка под Жеребуом в Северной Таврии.

²⁴⁶ Граф Татищев Николай Дмитриевич, р. 12 ноября 1896 г. Александровский лицей (1917). В апреле 1919 г. в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; летом — в ноябре 1919 г. корнет в эскадроне л.-гв. Конного полка, к лету 1920 г. поручик. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Константинополе, затем во Франции. Умер 5 августа 1985 г. в Париже.

²⁴⁷ Фон Дерфельден Христофор Иванович. Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка. В эмиграции. Умер после 26 апреля 1931 г.

²⁴⁸ Ширков Кирилл Валерианович. Пажеский корпус (1911). Ротмистр л.-гв. Конного полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. в эс-

кадроне л.-гв. Конного полка, с октября 1919 г. командир того же эскадрона. В эмиграции в Канаде. Умер 1 мая 1966 г. в Альберте (Канада).

²⁴⁹ Имеется в виду Д.В. Коссиковский (см. выше).

²⁵⁰ То есть л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Воспоминания его офицеров публикуются ниже.

²⁵¹ **Хитрово Владимир Сергеевич**, р. в 1891 г. Пажеский корпус (1910). Полковник л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В ноябре—декабре 1918 г. в Киеве; с 3 ноября 1918 г. командир 1-го отдела Офицерской дружины ген. Кирпичева в Киеве. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. прибыл из Ялты в Новороссийск; с 5 января 1919 г. в Сводно-гвардейском полку, летом 1919 г. командир 2-й горной гвардейской батареи. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции, в 1939 г. выступал как монархист-легитимист; в 1959 г. член правления Союза георгиевских кавалеров, сотрудник журнала «Военная Белья», на декабрь 1963 г. заместитель председателя Гвардейского объединения. Умер 24 февраля 1968 г. в Париже.

²⁵² **Барон Мейендорф Николай Феофилович**, р. в 1888 г. в Санкт-Петербурге. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1913 г. Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. в гвардейской артиллерии. Полковник. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Умер 17 марта 1969 г. в Зальцбурге (Австрия).

²⁵³ Лейб-гвардии Павловский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 3 роты, составляя батальон в 1-м Сводно-гвардейском полку (к августу 1919 г. — 3 роты, 12 пулеметов), с 12 октября 1919 г. — в Сводном полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. На 30 октября 1919 г. насчитывал 268 штыков, 30 сабель и 10 пулеметов. Командиры батальона: полковник Павленков (август—сентябрь 1919 г.), полковник И.И. Морев (на 30 октября 1919 г.). Командиры рот: капитан Карпов, капитан Бочарский, капитан Дворянский. Начальники команд: полковник М.Ф. Скородумов, полпоручик Вибе, капитан Падалов, капитан Михневич, штабс-капитан Тхоржевский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции на 1939 г. насчитывало 55 человек (в т. ч. 14 в Париже), в 1949—1951 гг. — 14 (9 в Париже), на 1958 г. — 11 (6 в Париже). Председатели: генерал-лейтенант М.И. Занкевич, полковник И.И. Морев, полковник Е.М. Ревбе, секретарь и казначей — капитан Н.В. Антоненко, представители в Югославии — генерал-инф. В.В. Болотов, полковник Н.Г. Крестинский. С 1 апреля 1928 г. по 1 декабря 1929 г. издавало в Париже на ротаторе журнал «Павловец» (вышло 6 номеров по 172 с.; редактор — полковник С.Я. Левицкий).

²⁵⁴ 9-й уланский Бугский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Кадр полка входил в созданный в декабре Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. бугские уланы были представлены 2 эскадронами. Осенью 1919 г. дивизион бугцев развернут в собственный полк в составе 9-й кавалерийской дивизии. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 6-й (5-й) кавалерийский полк. В эмигра-

ции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Залесов.

²⁵⁵ **Граф Гейден Дмитрий Федорович**, р. в 1862 г. Санкт-Петербургский университет (1884), офицер с 1885 г., академия Генштаба (1891). Полковник в отставке, с 1910 г. действительный статский советник; член Государственной думы. С 1914 г. полковник, дежурный генерал штаба 8-й армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918-го по май 1919 г. и. д. генерала для поручений при начальнике снабжений, с лета 1919 г. начальник гарнизона Царицына, осенью 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, затем в распоряжении начальника снабжений. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, с 15 апреля 1921-го по 11 сентября 1925 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса. Умер 23 мая 1926 г. в Загребе (Югославия).

²⁵⁶ **Курчинов Валериан Сергеевич**. Сын действительного статского советника. Александровский кадетский корпус, Санкт-Петербургский университет (не окончил), Пажеский корпус (1915). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, в Русской Армии командир эскадрона в конвое генерала Врангеля. Ротмистр. В эмиграции во Франции (к февралю 1954 г. в Париже и его окрестностях). Член Союза ревнителей памяти Императора Николая II и Союза дворян. Умер 25 мая 1983 г. в Шелле (Франция).

²⁵⁷ **Борзенко Борис Алексеевич**. Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В феврале 1918 г. спасся от расстрела в Киеве и скрывался там же. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. Ротмистр (к осени 1919 г.). В эмиграции в США. Умер в мае 1970 г. в Нью-Йорке.

²⁵⁸ 12-й гусарский Ахтырский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. ахтырские гусары были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В эмиграции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр В.К. Скачков.

²⁵⁹ **Зайцов (Зайцев) Арсений Александрович**, р. в 1889 г. Пажеский корпус (1906) (общие классы), Николаевское инженерное училище (1909), академия Генштаба (1915). Полковник л.-гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Ак-Манайских позициях, в 1919 г. командир роты в Сводно-гвардейском полку, в январе—феврале 1919 г. начальник штаба гвардейского отряда, с 8 июля 1919 г. командир 1-го батальона, осенью 1919 г. командир батальона л.-гв. Семеновского полка в 1-м Сводно-гвардейском полку, с января 1920 г. командир сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии на штабных должностях до эвакуации Крыма. В эмиграции в Чаталдже, Лемносе, с сентября 1922 г. в Болгарии (начальник штаба Донского корпуса). Осенью 1925 г. в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генераль-

ного штаба в Белграде. В эмиграции в Париже, в 1931 г. помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, защитил диссертацию, профессор. Член полкового объединения. Умер 2 апреля 1954 г. в Париже.

²⁶⁰ Лейб-гвардии Кексгольмский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 2 роты в 1-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии (две роты действовали отдельно). Командиры рот: штабс-капитан (капитан) Малуго, капитан Черногорцев, капитан Хилинский, капитан Иланицкий 1-й. Начальник команды: капитан Цехоцкий 1-й. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Из полка в белых армиях всего воевало 77 офицеров, в т. ч. 67 на Юге, 6 в армии адмирала Колчака, по 2 на Севере и Северо-Западе. Полковое объединение в эмиграции — «Общество офицеров л.-гв. Кексгольмского полка» (Сараево, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС), образовано в начале 1922 г. Председатель — генерал-лейтенант Б.В. Адамович, старшие полковники групп: генерал-лейтенант В.К. Витковский (Париж; к 1951 г. — председатель объединения), генерал-майор барон Н.И. Штакельберг (Варшава; к 1951 г. — почетный председатель объединения), полковник Е.А. Янковский, полковник К.А. Цабель (Белград); к 1951 г. заместитель председателя — полковник В.И. Гапонов, секретари — капитан В.А. Парис, капитан М.Д. Малавский. На 1939 г. насчитывало 40 человек (в т. ч. 17 во Франции, 6 в Париже), на 1949 г. — 11 (2 в Париже, 3 в США), на 1951 г. — 22 (4 в Париже), на 1958 г. — 16 (5 в Париже). Издавало журнал «Кексгольмская быль» (вышло 2 номера, редактор — полковник Е.А. Янковский).

²⁶¹ Лейб-гвардии Петроградский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 2 роты во 2-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 16 сентября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии (две роты действовали отдельно). Командиры батальона: полковник Мельвиаль (с сентября 1919 г.), полковник С.А. Апухтин (на 24 октября 1919 г.). Командиры рот: капитан Молчанов, капитан Волошинов, штабс-капитан (капитан) Маслов, штабс-капитан Роснянский, капитан Блажнов. Начальник команды: капитан Бежавский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции — «Главное объединение л.-гв. Петроградского полка» окончательно сформировано к июлю 1932 г. (Белград, затем Париж, а также отдел в Бельгии). На 1949 г. насчитывало 20 человек (в т. ч. 5 в Париже, 1 в США), на 1951 г. — 19, на 1958 г. — 9 (3 в Париже). Председатели (возглавляющие): генерал-лейтенант В.А. Урустович, полковник Д.Г. Лучанинов, генерал-лейтенант А.В. Беляков, полковник Б.Н. Свежевский; генеральный секретарь — полковник Лисовский, помощник генерального секретаря — полковник С.Г. Лучанинов 1-й (к 1951 г. начальник Парижского центра, к 1962 г. заместитель председателя объединения), председатели групп: полковник Д.Г. Лучанинов 3-й (Париж), полковник М.А. Миклуинский (Брюссель; к 1951 г.

хранитель музея), представитель в Югославии — полковник К.Ф. Петров, в США — полковник В.И. Кавернинский.

²⁶² Имеется в виду **Долента-Ковалевский Борис Анатольевич**. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; рядовой дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Корнет (с ноября 1920 г.). Галлиполиец. В эмиграции во Франции. Умер 9 ноября 1967 г.

²⁶³ **Граф Стенбок-Фермор Иван Иванович**. Пажеский корпус (1917). Офицер л.-гв. Конного полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции, затем в США. Умер 24—25 сентября 1986 г. в Пало-Альто или в Сан-Франциско (США).

²⁶⁴ **Барон Фелейзен Сергей Константинович**. Институт инженеров путей сообщения (1898). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1899 г. Полковник л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В эмиграции во Франции. Умер 19 мая 1936 г. под Парижем.

²⁶⁵ **Старосельский Андрей Гивич**, р. в 1898 г. Пажеский корпус (1916). Поручик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с октября 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 17 апреля 1966 г. в Париже.

²⁶⁶ **Князь Гедройц Евгений Евгеньевич**. Николаевское кавалерийское училище (1908). Полковник л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. командир эскадрона своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с октября 1919 г. командир запаса гвардейской кавалерии. В Русской Армии в ординарческом эскадроне штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сугед». В эмиграции во Франции. Умер в 1920-х годах в Париже.

²⁶⁷ **Скалон Михаил Николаевич**, р. 19 апреля 1874 г. Пажеский корпус (1894). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. 4-го стрелкового полка, командующий 33-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 12 ноября 1919 г. начальник отряда Отдельной Русской Добровольческой армии, с 29 января 1920 г. начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии, с 2 марта 1920 г. в резерве чинов при штабе Отдельной Русской Добровольческой армии. Участник Бредовского похода. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в августе 1920 г. в Крым. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 3-го армейского корпуса, с октября 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 октября и. о. Таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, к 1925 г. в Праге. Умер 28 февраля 1940 г. в Праге.

²⁶⁸ Лейб-гвардии Гусарский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка первоначально входил в Сводно-горскую дивизию. С 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входили в Сводную кавалерий-

скуло бригаду, с начала января 1920 г. — в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. лейб-гусары составили взвод Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 10 офицеров (2 расстреляно, 7 убито и 1 умер от болезней). Полковое объединение в эмиграции (Франция; непосредственно не входило в РОВС, а только как член Гвардейского объединения). Председатели: генерал-майор Д.Ф. Левшин, генерал-майор Г.И. Шевич; заместитель и председатель Совета старшин — генерал-майор П.П. Гротен, секретари: корнет Б.В. Чаплиц, корнет Г.С. Гартинг; казначей — поручик князь Ю.А. Дондуков-Корсаков; заведующий музеем — ротмистр С.С. Сомов; представитель в Югославии — подполковник Г.А. Таль. На 1949—1951 гг. насчитывало 26 человек (в т. ч. 18 в Париже, 2 в США), на 1958 г. — 21 (13 в Париже), на 1962 г. — менее 10.

²⁶⁹ Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 9-й кавалерийской дивизии Императорской армии, до этого входивших в Сводный дивизион той же дивизии (сформированный в декабре 1918 г. и 17 января 1919 г. включенный в состав 3-й пехотной дивизии). Весной — в отряде генерала Виноградова. На 11 апреля насчитывал 100 штыков, 75 сабель и 1 орудие, на 26 мая — 14 июня 260 человек. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 9-го драгунского Казанского, 9-го уланского Бугского и 9-го гусарского Киевского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 622 штыка и 230 сабель при 30 пулеметах. В начале октября 1919 г. отправлен на внутренний фронт и его состав увеличился до 9 эскадронов. Командиры: полковник А.Ф. Пушин (13 марта — 14 апреля 1919 г.), полковник Халяпин (врид; 14—26 апреля 1919 г.), полковник Н.А. Матушевич (26 апреля — 8 июня 1919 г.), полковник В.Н. Выгран.

²⁷⁰ Это неверно, сводных полков этих дивизий во ВСЮР не существовало. О составе 2-й кавалерийской дивизии см. выше.

²⁷¹ **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович**, р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, комендант отряда, в марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918-го по 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского районов, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го — феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

²⁷² **Рябовол Николай Степанович**, р. в 1883 г. Председатель правления Черноморско-Кубанской железной дороги. Председатель Кубанской за-

конодательной Рады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Лебяного») похода в отряде Кубанской Рады. Убит 13 июня 1919 г. в Ростове.

²⁷³ **Герцог Лейхтенбергский Дмитрий Георгиевич**, р. 18 апреля 1898 г. в Санкт-Петербурге. Юнкер. Участник восстания юнкеров в Петрограде 27—28 октября 1917 г. Был в заключении в Петропавловской крепости до начала 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Конного полка; в ноябре 1919-го — начале 1920 г. в Ялте. Ранен летом 1920 г. В Русской Армии в конвое Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Германии и Канаде, владелец отеля. Умер 25 декабря 1972 г. в Сен-Совёрде-Монтань (Канада).

²⁷⁴ **Швецов Андрей Александрович**, р. 27 декабря 1868 г. 1-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1888). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Гренадерского полка, командир бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Белграде, с 1921 г. председатель полкового объединения л.-гв. Семеновского полка, с декабря 1926 г. член объединения л.-гв. Семеновского полка. В эмиграции во Франции. Умер 9 октября 1934 г. в Моште-Карло (погребен в Ментоне).

²⁷⁵ **Волков Евгений Николаевич**, р. 16 июня 1864 г. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1884). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, управляющий кабинетов Его Императорского Величества. В Вооруженных силах Юга России; в ноябре 1919 г. генерал-губернатор Черноморской обл. В эмиграции во Франции. Умер в 1933 г. в Ницце (Франция).

²⁷⁶ «Беспокойный». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. В марте—апреле 1920 г. в составе 3-го отряда судов участвовал в десантной операции в Хорлах. Командир — капитан 2-го ранга Романовский.

²⁷⁷ «Дерзкий». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. С лета 1920 г. придан в состав 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. в составе 2-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — капитан 1-го ранга Н.Р. Гутан 2-й.

²⁷⁸ **Князь Гагарин Андрей**. Офицер 2-й батареи л.-гв. Конной артиллерии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в ноябре 1919 г. в Новороссийске, в октябре 1920 г. в Феодосии. Штабс-капитан. Остался в Крыму и пропал без вести.

²⁷⁹ Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка первоначально входил в Сводно-горскую дивизию. С 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входили в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. — в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. составил половину 7-го эскадрона Гвардей-

ского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 14 офицеров (4 расстреляно, 6 убито и 4 умерло от болезней). Командир — ротмистр Г.В. Лишин (до 21 июня 1920 г.). Полковое объединение в эмиграции: председатели: генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев (Париж), полковник князь В.Н. Андроников (Гогенгейм, Германия), генерал-майор И.М. Миклашевский (командир полка), полковник С.К. Гурьев; секретари: ротмистр К.Д. Нарышкин, корнет В.А. Самсонов, корнет А.А. Некрасов (с 1951 г.); представитель в Югославии — генерал-майор К.В. Апухтин; старший улан (к 1931 г.) — полковник Ильенко; председатель Парижского отдела — ротмистр С.В. Хлебников. На 1939 г. насчитывало 40 человек. (в т. ч. 20 во Франции, 15 в Париже), на 1949 г. — 24 (10 в Париже, 4 в США), на 1951 г. — 23, на 1958 г. — 24 (8 в Париже).

²⁸⁰ **Кисловский Андрей Львович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1920 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка. В эмиграции во Франции, к 1 мая 1939 г. в Сент-Женевьев-де-Буа. (По ошибочным данным — убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.)

²⁸¹ **Барон Меллер-Закомельский Александр Владимирович.** Учащийся Александровского лицея (3-й класс). Корнет л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской, в начале 1920 г. в пулеметной команде в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, в Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Орд. Св. Николая Чудотворца. Штабс-ротмистр. В эмиграции с 1929 г. в Париже. Умер 5 мая 1977 г. в Барселоне (Испания).

²⁸² **Кушелев Вадим Владимирович,** р. около 1889 г. Сын действительного статского советника. Пажеский корпус (1909). Полковник л.-гв. Конного полка. Участник похода Яссы—Дон в конном полку. С 2 мая по июнь 1918 г. во главе 2 эскадронов послан в Сальский округ на помощь восставшим казакам. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир Иногородческого конного полка, с 4 апреля 1919 г. в распоряжении командующего войсками Закаспийской обл., в начале 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. из Новороссии. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к февралю 1954 г. в Германии. Умер 24 февраля 1962 г. в Марселе (Франция).

²⁸³ **Богаевский Африкан Петрович,** р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской Кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. — 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции

с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

²⁸⁴ **Махров Петр Семенович,** р. 1 сентября 1876 г. в Тамбове. Из дворян. Виленское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1907). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. В 1918 г. служащий Донского кадетского корпуса. Во ВСЮР с 21 февраля 1919 г. начальник военных сообщений Крымско-Азовской армии, с 3 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 18 августа по октябрь 1919 г. начальник военных сообщений Кавказской армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР, представитель в Северо-Западной армии, с 24 марта по 11 мая 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии, с 16 июня 1920 г. представитель Главнокомандующего при польском правительстве. Генерал-лейтенант (10 июня 1920 г.). В эмиграции в Польше и во Франции. Умер 29 февраля 1964 г. в Канне (Франция).

²⁸⁵ **Князь Романовский, герцог Лейхтенбергский Сергей Георгиевич,** р. 4 июля 1890 г. в Петергофе. Старший лейтенант 2-го Балтийского флотского экипажа. Во ВСЮР и Русской Армии. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Италии. Председатель Русского собрания в Риме, после 1945 г. почетный председатель Русского Национального Объединения. Умер 16 декабря 1974 г. в Риме.

²⁸⁶ **Орлов Николай Иванович.** Симферопольская гимназия, Варшавский ветеринарный институт (не окончил). Штабс-капитан 60-го пехотного полка. В декабре 1917 г. командир офицерской роты Крыма, летом 1918 г. председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон, затем командир 1-го батальона Симферопольского офицерского полка. Весной 1920 г. поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красными в Симферополе вместе с братом Борисом в декабре 1920 г.

²⁸⁷ **Граф Стенбок-Фермор (Стенбок) Герман Германович.** Пажеский корпус (1916). Офицер л.-гв. Конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. ротмистр в эскадроне л.-гв. Конного полка. Ротмистр (полковник). В эмиграции в Турции, Югославии (на 1938 г. представитель полкового объединения в стране), затем в Англии. Умер 1 мая 1977 г. в Оксфорде.

²⁸⁸ **Мошин Сергей Алексеевич,** р. 20 января 1898 в Москве. Реальное училище. В Добровольческой армии; с 1 ноября 1918 г. в отряде генерала Кирпичева, затем в 8-й конной батарее, с августа 1919 г. в дивизионе л.-гв. Конного полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Дважды ранен до эвакуации Крыма. Корнет (с начала 1920 г.). В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Военно-училищные курсы (1944). Лейтенант. Протодьякон, с 1948 г. в Аргентине, затем в Бразилии. Умер 27 мая 1965 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

²⁸⁹ 2-й гусарский Павлоградский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. 18 сентября 1919 г. дивизион полка был сформирован из

Саратовского конного дивизиона. Прикомандирован к Астраханской казачьей дивизии. К 5 октября 1919 г. насчитывал 94 сабли. В октябре 1919 г. вошел в 1-й Кубанский корпус. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 3-й, с 8 августа 1920 г. — во 2-й, с 22 августа 1920 г. — в 4-й кавалерийский полк.

²⁹⁰ 2-й уланский Курляндский полк. Полк Императорской армии. Возрожден по ВСЮР. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в состав 1-й кавалерийской дивизии.

²⁹¹ 11-й гусарский Изюмский полк. Полк Императорской армии. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. Изюмские гусары одно время состояли в 1-м конном полку, с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-гусарского полка, где в июле 1919 г. были представлены 3 эскадронами (в октябре 1919 г. Изюмский дивизион отдельно состоял при 1-й кавалерийской дивизии). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. В эмиграции полковое объединение издавало машинописный журнал «Жизнь изюмских гусар» (по декабрь 1965 г. — 70 номеров; редактор — ротмистр К.Н. фон Розеншильд-Паулин).

²⁹² 11-й уланский Чугуевский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой и Донской армиях. Эскадрон полка был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Сформированный в Донской армии собственный полк в конце сентября 1919 г. включен в ее Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк.

²⁹³ «Генерал Алексеев». Линейный корабль Черноморского флота. Бывший «Император Александр III», переименованный при большевиках в «Волю» (с 25 сентября 1919 г. — «Генерал Алексеев»). Возвращен англичанами русскому командованию 4 октября 1919 г. и полностью приведен в боевую готовность к началу 1920 г. Входил в состав 1-го отряда судов. В июле участвовал в операции под Очаковом. С ноября 1920 г. — в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — капитан 1-го ранга Борсук.

²⁹⁴ 3-й Марковский полк (3-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. 3-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 3 октября 1919 г. в Харькове на базе офицерского кадра 9-й роты Марковского полка. Входил в состав 1-й пехотной, с 14 октября 1919 г. Марковской дивизии. Имел 3 батальона по 120—130 штыков в роте, причем в каждом батальоне одна рота была офицерской. На 5 октября 1919 г. насчитывал 618 штыков при 24 пулеметах, на 12 декабря 1919 г. — 550 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал 350 штыков при 12 пулеметах (3 батальона), к 30 июля — 400 штыков, в конце августа — 500 штыков; в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 300 штыков. При отступлении в первую декаду ноября 1919 г. потерял до 500 человек, в Крыму при штурме Перскопа 3 апреля 1920 г. один 3-й батальон полка потерял

42 человека. Командиры: полковник А.С. Наумов (сентябрь—октябрь 1919 г.), капитан А.С. Урфалов (врио, октябрь — 1 ноября 1919 г.), капитан В.Е. Павлов (врио, 1—21 ноября 1919 г.), капитан М.Ф. Савельев (21 ноября 1919 г. — март 1920 г.), капитан (подполковник) А.С. Урфалов (март — 8 августа 1920 г.), подполковник Д.П. Никитин (8 августа — начало октября 1920 г.), подполковник П.Я. Сагайдачный (с начала октября 1920 г.). Командиры батальонов: капитан В.Е. Павлов, капитан Космачевский, подполковник П.Я. Сагайдачный, подполковник Чибирнов, капитан Стрелин. Командиры рот: поручик Семеновский, поручик Сергеев (убит), штабс-капитан Ткаченко (убит) и др.

²⁹⁵ Барон Врангель Леонид Платонович. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне л.-гв. Конного полка. Корнет (с 16 июля 1920 г.). В эмиграции. Умер после 26 апреля 1931 г.

²⁹⁶ 12-й уланский Белгородский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Офицеры полка прибыли в Новочеркасск 24 июня 1918 г. вместе со всеми офицерами 12-й кавдивизии (28 человек) во главе с генералом И.И. Чекотовским. К моменту формирования эскадрона было 20 офицеров полка. Белгородские уланы одно время входили в состав 3-го конного полка. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. белгородские уланы были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В Галиполи прибыли 32 офицера. Полк потерял в Белом движении 25 офицеров. Полковое объединение в эмиграции — «Общество единения 12-го уланского Белгородского полка» (Белград, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС): почетный председатель — полковник Н.Н. Торяников, председатель правления — полковник А.Н. Бетлинг, секретарь — ротмистр Ф.Ф. Киреевский, казначей — ротмистр Н.А. Яблонский. Начальник кадра — полковник А.А. Байдак (Румыния, Хотин).

²⁹⁷ 16-й гусарский Иркутский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Ячейка полка формировалась при Белозерском пехотном полку. С 27 августа 1919 г. дивизион полка входил в Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й (3-й) кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у а. Мамут под Джанкоем. В эмиграции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — ротмистр Н.Н. Волкович.

²⁹⁸ Ляхов Николай Дмитриевич, р. в 1897 г. Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Ранен 31 марта 1918 г. в Донской армии в л.-гв. Казачьем полку, с 1918 г. сотник; летом 1920 г. адъютант штаба Ставки. Подьесаул (1920 г.). В эмиграции с 1926 г. адъютант Главнокомандующего генерала Врангеля. Есаул. Умер 30 апреля 1962 г. в Англии.

²⁹⁹ Кривошеин Александр Васильевич, р. в 1858 г. Сын подполковника. Гимназия в Варшаве, Санкт-Петербургский университет. Тайный советник, главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель «Союза земельных собственников», один из руководителей Правого центра. В 1920 г. в Крыму возглавлял правительство при Главнокомандующем Русской Армией бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции во Франции. Умер в 1923 г.

³⁰⁰ Струве Петр Бернгардович, р. 26 января 1870 г. в Перми. Санкт-Петербургский университет (1885). В 1917—1918 гг. член Совета общественных деятелей, летом 1918 г. член Правого центра и Национального центра в Москве. Член Особого совещания ВСЮР, с 1919 г. редактор газеты «Великая Россия» на Юге России, с 29 марта 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала Врангеля. Умер 22 февраля 1944 г. в Париже.

³⁰¹ Пепеляев Анатолий Николаевич, р. в 1891 г. Сын офицера. Подполковник 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. глава офицерской организации в Томске, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор, с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирекой армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. Генерал-лейтенант. Взят в плен в 1923 г. Расстрелян 14 января 1938 г.

³⁰² Эта версия не соответствует действительности.

³⁰³ 7-й уланский Ольвиопольский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка входил в состав 3-го конного полка. 20 сентября 1919 г. Одесский конный дивизион (70 сабель) со штандартом полка был наименован Ольвиопольским и включен 10-м эскадронном в состав Сводно-драгунского полка. В эмиграции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник И.И. Фаянсов.

³⁰⁴ Оношкович-Яцyna Евгений Николаевич. Александровский кадетский корпус, Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. чудом избежал расстрела в Киеве, мобилизован в Красную армию, бежал в Польшу. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. в дивизионе своего полка, с декабря 1919 г. командир того же дивизиона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Константинополе, затем в Бельгии, с 1940 г. во Франции, после 1951 г. секретарь объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 1955 г. секретарь Союза георгиевских кавалеров, с 1967 г. сотрудник журнала «Военная Белья». Умер 12 мая 1970 г. в Париже.

³⁰⁵ Впервые опубликовано: Первопоходник. Август 1971. № 2.

³⁰⁶ Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. С конца октября кирасиры Его Величества составили взвод (с января 1919 г. эскадрон) командир

конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. эскадрон полка входил в состав Сводного полка Гвардейской Кирасирской дивизии. Дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. кирасиры Его Величества были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка (в декабре 1919 г. 110 сабель, в феврале 1920 г. — 45) входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. стал 3-м эскадронном Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 16 офицеров (7 расстреляно, 7 убито и 2 умерло от болезней). Командир — штабс-ротмистр П.А. фон Вик (январь 1919 г.). Полковое объединение в эмиграции (Париж) создано 21 июня 1922 г., на 1926 г. насчитывало около 50 человек (в т. ч. 22 в Париже), на 1939 г. — 45 (15 во Франции, 14 в Париже), на 1949 г. — 33 (13 в Париже, 4 в США), на 1951 г. — 32, на 1958 г. — 27. Почетные председатели: генерал-майор князь Ф.Н. Бескович-Черкасский (командир полка), генерал-майор М.М. князь Кантакузен, граф Сперанский; председатели: генерал-майор барон Н.А. Штемпель, полковник П.Г. Старженецкий-Лаппо; секретари: подполковник А.С. Бразоль, полковник П.А. фон Вик, подполковник Н.В. Молоствов, ротмистр Е.Н. Оношкович-Яцyna; казначей: ротмистр В.А. фон Розеншильд-Паулин, вахмистр В.И. Белый; хранители музея: ротмистр В.А. фон Розеншильд-Паулин, полковник П.А. фон Вик; представитель в Югославии — генерал-майор Н.А. Петровский, в США — полковник Г.А. Долента-Ковалевский; старшие полковники: П.Г. Старженецкий-Лаппо (Париж), князь Девлет-Кильдеев (Бельгия), Толмачев (Югославия).

³⁰⁷ Имеется в виду П.А. фон Вик (см. выше).

³⁰⁸ Князь Сидамонов-Эристов Борис Арчилович, р. в 1892 г. Сын подполковника. Штабс-капитан 13-го гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1919 г. в прикомандировании к дивизиону л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, младший офицер пулеметной команды, с декабря 1919 г. начальник той же команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В эмиграции в Чехословакии, с 1929 г. в Праге, к 1937 г. активист НОРР.

³⁰⁹ Сводно-гвардейский кавалерийский полк. Образован во ВСЮР 15 декабря 1919 г. из 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского и 2-го Гвардейского Сводно-кавалерийского полков. Имел 4 эскадрона. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. После того как в него влиты эскадроны л.-гв. Гусарского и л.-гв. Уланского Ее Величества полков из Сводно-горской дивизии и в январе 1920 г. л.-гв. Гродненского гусарского из Сводно-гусарского полка, включал все кадры гвардейской кавалерии. Командир — генерал-майор М.Ф. Данилов.

³¹⁰ Некрасов Андрей Александрович, р. в 1899 г. Пажеский корпус (1917) (общие классы). Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й конно-артиллерийской батарее; в декабре 1919-го — марте 1920 г. командир взвода в эскадроне л.-гв. Уланского Ее Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Корнет (с 22 ноября 1919 г.). В эмиграции

во Франции (в Париже и его окрестностях), на ноябрь 1951 г. секретарь объединения л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Умер 21 апреля 1986 г. в Париже.

³¹¹ **Стариков Терентий Михайлович**, р. 8 апреля 1880 г. Из казаков ст. Екатерининской ВВД. Нопочеркасское казачье юнкерское училище (1902) (офицер с 1903), Офицерская гимнастическая фехтовальная школа. Войсковой старшина, помощник командира 5-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Участник Степного похода. В марте—апреле 1918 г. начальник обороны станиц Екатерининской и Усть-Быстрианской, затем командир отряда своего имени, с 17 июля — 3-го пешего отряда Донской армии, в июне 1918 г. произведен в полковники, в том же году — в генерал-майоры. С 23 февраля 1919 г. командующий группой войск 1-й Донской армии, с апреля 1919 г. начальник 7-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 7-й Донской конной бригады, затем Сводного корпуса, врид командира 4-го Донского корпуса (март 1920 г.). Генерал-лейтенант с 1919 г. В эмиграции в Югославии и Чехословакии. В 1927 г. был избран председателем Общеказачьего сельскохозяйственного союза. В 1928—1929 гг. состоял председателем центрального союза комитета Вольного казачества. Умер 11 декабря 1934 г. в Праге.

³¹² **Михальский Ян**. Кадет. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. рядовой в Сводном полку гвардейской Кирасирской дивизии. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. В марте 1920 г. унтер-офицер, вахмистр 1-го эскадрона дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 марта 1920 г. под Егорлыкской.

³¹³ **Барон фон Фитингоф-Шель Александр Иванович**, р. в 1892 г. Константиновское артиллерийское училище (1912). Полковник л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. — в марте 1920 г. командир взвода 1-й батареи л.-гв. Конной артиллерии в Сводно-гвардейском кавалерийском полку 5-го кавалерийского корпуса. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта» (или до осени 1920 г. из Феодосии). На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции к 1938 г. в Бразилии.

³¹⁴ **Ольхин Павел Сергеевич**. Александровский лицей (1913). Корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 января, 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем адъютант в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, поручик; в марте—июле 1920 г. штабс-ротмистр в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, к 1929 г. в Париже. Умер в 1942 г.

³¹⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. Март 1966. № 78.

³¹⁶ **Матусевич Марсалий Марсальевич**. 2-й кадетский корпус. Во ВСЮР и Русской Армии; в начале 1920 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Унтер-офицер. Убит 30 октября 1920 г. в Крыму.

³¹⁷ **Иванов Кирил Владимирович**. 1-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. В Вооруженных силах Юга России; в начале

1920 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Убит 30 октября 1920 г. в Крыму.

³¹⁸ **Бразоль Александр Сергеевич**, р. в Полтавской губ. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, 7 ноября 1918 г.; назначен (с 10 марта) личным адъютантом начальника Генштаба. В сентябре 1918 г. в Киеве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 23 января 1919 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 30 мая 1919 г. командир 4-го эскадрона в дивизионе своего полка, комендант штаба Сводно-кирасирского полка, весной 1920 г. ротмистр, летом 1920 г. командир комендантской роты в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен в сентябре 1920 г. Подполковник. Эвакуирован на корабле «Петр Регир». В эмиграции с 1921 г. в Париже, секретарь объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Умер после 1978 г.

³¹⁹ Впервые опубликовано: Наши Вести. Январь 1978. № 369.

³²⁰ **Ряснянский Сергей Николаевич**, р. в 1886 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906), академия Генштаба (1914). Офицер 10-го гусарского полка. Капитан, в распоряжении начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведывательном отделе штаба армии. 23 марта 1918 г. командирован к генералу П.Х. Пощову. В апреле 1918 г. подполковник, начальник разведывательного (контрразведывательного) отдела штаба армии; с конца 1918 г. полковник, начальник штаба конной группы Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 24 апреля по 10 октября 1920 г. командир Гвардейского кавалерийского полка, в сентябре 1920 г. командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, 12—14 октября 1920 г. врид командира Гвардейского кавалерийского полка. Галлиполиец, командир 4-го кавалерийского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1922—1923 гг. преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Во время Второй мировой войны служил начальником штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 г. в США, с 1954 г. начальник Северо-Американского отдела РОВС и заместитель начальника РОВС, редактор «Вестника совета русского зарубежного воинства». Умер 26 октября 1976 г. в Нью-Йорке.

³²¹ **Муханов Константин Сергеевич**. Поручик л.-гв. Уланского Его Величества полка. Участник Корниловского выступления в августе 1917 г. В Добровольческой армии; в августе 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, в начале 1919 г. адъютант того же полка, в феврале—марте 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана, затем в эскадроне своего полка, в сентябре 1920 г. адъютант Сводно-гвардейского кавалерийского полка. Ротмистр, затем подполковник. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. в Белграде; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии. Полковник.

³²² **Агоев Константин Константинович**, р. 5 апреля 1889 г. в ст. Ново-Осетинской Терской обл. Реальное училище приюта пр. Ольденбургского, Николаевское кавалерийское училище (1909), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Войсковой старшина 1-го Волжского полка Терского казачьего войска. С ноября 1917 г. в Терской обл., участник Терского восстания; с июня 1918 г. начальник конницы Пятигорской линии, прикомандующего линией. С ноября 1918 г. в Добровольческой армии. Полковник, командир 1-го Терского казачьего полка, затем 2-й бригады (ноябрь 1919 г.) и начальник 1-й Терской казачьей дивизии, командир Отдельной бригады, в 1919 г. начальник Терско-Астраханской дивизии. В Русской Армии командир Терско-Астраханской казачьей бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 4 мая 1920 г.). Был на о. Лемнос, командир Терско-Астраханского полка. В эмиграции в Болгарии, с 1930 г. в США. С 25 декабря 1952 г. по 1970 г. Терский атаман. Умер 21 апреля 1971 г. в Стратфорде, Коннектикут (США).

³²³ **Эмних Виктор Александрович**. Николаевское кавалерийское училище (1913). Полковник 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер.

³²⁴ **Всеволожский Сергей Сергеевич**, р. в 1897 г. Из дворян, сын генерал-лейтенанта. Пажеский корпус (1917) (общие классы). Юнкер. В Добровольческой армии во 2-м конном (Дроздовском) полку; с 7 декабря 1918 г. прапорщик. С 24 марта (с 1 апреля 1919 г.) и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, осенью 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, весной 1920 г. корнет. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Поручик. В эмиграции к апрелю 1939 г. в Марокко, к февралю 1954 г. во Вьетнаме, затем во Франции. Умер 20 июля 1973 г. в Канне (Франция).

³²⁵ **Дворжицкий Георгий Константинович**, р. в 1887 г. Из дворян, сын генерал-лейтенанта. Пажеский корпус (1906), академия Генштаба (1912). Полковник, командир эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Белграде, преподаватель музыки. Участник монархического движения. Служил в Русском Корпусе, в 1941 г. начальник канцелярии представительства корпуса в Югославии. К февралю 1954 г. в Испании, затем во Франции, начальник отдела КИАФ. С 1956 г. начальник походной канцелярии Главы Императорского Дома. Умер 31 января 1962 г. в Сен-Бриаке (Франция).

³²⁶ **Измайлов Дмитрий Петрович**, р. 20 ноября 1901 г. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. унтер-офицер дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Ранен. Затем в Сводно-гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет. Георгиевский кавалер. Галлиполиец. В эмиграции с 1924 г. в Париже. Член Союза Инвалидов. Умер 18 июля 1961 г. в Париже.

³²⁷ **Фон Баумгартен Александр Александрович**, р. 2 августа 1889 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1909). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Весной — летом 1918 г. в подполковой

организации в Москве. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. во главе эскадрона своего полка, переименован в полковники (утвержден 5 декабря 1919 г.), с ноября 1918 г. помощник командира по хозяйству Сводно-гвардейского эскадрона, с 24 марта, 12 мая 1919 г. помощник командира по хозяйству в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, со 2 июля по 4 августа 1919 г. командир дивизиона в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку, с апреля 1920 г. помощник командира Сводно-кирасирского полка. Тяжело ранен 4 августа 1919 г. В Русской Армии помощник командира Гвардейского кавалерийского полка. В эмиграции в Константинополе, в Германии, с октября 1929 г. в Бразилии. Уполномоченный Союза Инвалидов в Бразилии, товарищ председателя Общества Св. Владимира, на ноябрь 1951 г. заместитель старшего руководителя объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Умер 12 октября 1955 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

³²⁸ **Литвинов Алексей Алексеевич**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Александровский лицей (1910). Чиновник Главного управления по делам местного хозяйства. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1917 г. Прапорщик л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, переведен в полк 26 января 1919 г., с 24 марта, и 12 мая 1919 г. в эскадроне того же полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. 4—27 июня 1919 г. командир отдельного стрелкового полужэскадрона, затем корнет; 2—15 ноября 1919 г. и 2 декабря 1919 г. — 1 февраля 1920 г. командир эскадрона; с апреля 1920 г. помощник адъютанта Сводно-кирасирского полка. Штабс-ротмистр. После эвакуации Крыма в распоряжении русского военного агента, переводчик при союзных миссиях. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Директор отделения бельгийского банка в Элизабетвиле (Конго), с 1957 г. в Бельгии, председатель Союза Инвалидов, член совета РНО, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 1 октября 1972 г. в Брюсселе.

³²⁹ Впервые опубликовано: Памятка кирасир Его Величества за время Гражданской войны 1917—1920 гг. Берлин, 1927.

³³⁰ Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка, оказавшиеся после его расформирования разделенными на три большие группы: в Петрограде, Москве и на Украине, в течение сентября 1918 г. в большинстве собираются в Киеве, где на своем собрании постановляют возродить полк, и в октябре — ноябре организованно перебираются в Новороссийск. С конца октября кирасиры Его Величества составили взвод (с 14 ноября 1918 г. эскадрон) команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. кирасиры Его Величества входили в состав Сводного полка Гвардейской Кирасирской дивизии (4-й и 5-й эскадроны и пулеметная команда). С 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. кирасиры Его Величества были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1 мая 1920 г. стал

4-м эскадронном Гвардейского кавалерийского полка. Расформирован 27 сентября 1920 г. в селе Серагозы в Северной Таврии и влит в эскадрон л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Из списочного состава к концу 1917 г. (около 60 офицеров), на Юге в рядах полка воевало 38 его офицеров и 15 прикомандированных (из Крыма эвакуировалось 25); еще около 20 воевали на других фронтах или были расстреляны большевиками. Полк потерял в Белом движении 22 офицера (5 расстреляно, 10 убито и 7 умерло от болезней) — вдвое больше, чем в мировую войну (10). Командиры: полковник М.Ф. Данилов (14 ноября 1918-го — 26 февраля 1919 г.), штабс-ротмистр И.Ф. Рубец (27 февраля — 23 марта 1919 г.), полковник барон Ф.Н. Таубе (24 марта — 30 апреля 1920 г.), ротмистр А.А. Кожин (1 мая — 27 сентября 1920 г.); врид: штабс-ротмистр В.В. Сахаров (19 июня — 2 июля, 4 августа — 20 сентября 1919 г.), полковник А.А. фон Баумгартен 1-й (2 июля — 4 августа 1919 г.), ротмистр Г.Н. Одинцов (8 декабря 1919 г. — 1 февраля 1920 г.), полковник Н.М. Гончаренко (с 7 августа 1920 г.). Эскадронами командовали: штабс-ротмистр (ротмистр) Г.А. Полянский, поручик М.А. Веселовский, штабс-ротмистр Б.А. фон Баумгартен 2-й, корнет Ю.В. Стаценко, штабс-ротмистр Ю.В. Энгельгардт, корнет П.М. Корженевский, штабс-ротмистр А.Н. Поливанов, корнет А.А. Литвинов 1-й, штабс-ротмистр Ф.А. Деконский, корнет А.А. Литвинов 2-й, пулеметной командой — корнеты Н.Н. Кисель-Загорянский и граф Г.Н. Гейден. На 1 января 1921 г. в списках полка за рубежом числилось 25 офицеров, на 1 марта 1927 г. Полковое объединение в эмиграции (Париж) насчитывало 52 человека, к 1939 г. — 47 (в т. ч. 12 во Франции, 9 в Париже), на 1949—1951 гг. — 41 (11 в Париже, 9 в США), на 1958 г. — 19 (7 в Париже). Председатели (старшие руководители): генерал-майор М.Ф. Данилов, полковник барон Ф.Н. Таубе, полковник А.К. Прежбяно; заместитель — полковник А.А. фон Баумгартен 1-й; секретари: подполковник Б.Н. Третьяков (к 1951 г. хранитель музея), ротмистр Г.А. Гоштовт; казначей — штабс-ротмистр С.А. Дерюжинский (к 1962 г. секретарь); представитель в Югославии — полковник Ю.Н. Спешнев. В январе 1928-го — январе 1931 г. издавало на ротаторе «Вестник кирасир Ее Величества» (вышло 7 номеров, редактор — полковник Б.Н. Третьяков).

³³¹ **Тимченко Николай Владимирович.** Корнет 13-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1919 г. в л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (переведен в полк 14 марта 1920 г.). Ранен и контужен 26 декабря 1919 г. и 19 июня 1920 г. Штабс-ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка.

³³² **Гоштовт Георгий Адамович,** р. 15 сентября 1883 г. Из дворян. Пажеский корпус (1910). Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной — летом 1918 г. в монархической организации в Москве. С 10 октября 1918 г. начальник главного вербовочного бюро Северной армии в Пскове, в 1919 г. начальник военной миссии Северо-Западной армии в Польше. В эмиграции секретарь Распорядительного комитета Гвардейского объединения, на 1 января 1927 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, в 1934 г. член правления Общества друзей «Часового», в 1941—1945 гг. в Париже, член организации «Русское Национальное Движение», на ноябрь

1951 г. секретарь Исторической комиссии Гвардейского объединения и секретарь объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 8 декабря 1953 г. во Франции.

³³³ **Третьяков Борис Николаевич,** р. 8 июня 1891 г. в Полтаве. Пажеский корпус (1911), академия Генштаба (1916). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России вне полка. Подполковник. Эвакуирован из Екатеринодара. В эмиграции во Франции, секретарь объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, в 1931 г. возглавлял группу полка в Париже, на ноябрь 1951 г. хранитель музея и секретарь полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 21 октября 1970 г. в Ницце.

³³⁴ **Швабе Николай Адольфович.** Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Взят заложником в сентябре 1918 г. в Петрограде. Член монархической организации. В Северо-Западной армии (зачислен с 1919 г., из Финляндии). В декабре 1919 г. начальник конной-пулеметной команды Конно-Егерского полка. В эмиграции в Германии, на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

³³⁵ Все три последних офицера были воспитанниками Училища правоведения, но не окончили его, уйдя, граф Армфельт — из последнего (произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1915 г.), остальные — из предпоследнего класса (офицеры с 1916 г.).

³³⁶ Речь идет о А.А. Гернгроссе.

³³⁷ Скалон Г.А. Окончил Суворовский кадетский корпус (1910).

³³⁸ **Князь Голицын Михаил Александрович,** р. 11 сентября 1889 г. Московский лицей (1912). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1913 г.

³³⁹ Имеется в виду князь А. Долгоруков.

³⁴⁰ **Князь Белосельский-Белозерский Константин Эсперович.** Воспитанник Училища правоведения (не окончил; 4-й класс).

³⁴¹ Речь идет о Николае Владимировиче Бартоломее.

³⁴² **Николай Сергеевич Бразоль,** брат автора публикуемого труда.

³⁴³ **Стефанович Лев Паатович,** р. в 1872 г. в имении Пасконино Гдовского уезда. Из дворян, сын уездного предводителя дворянства. Николаевский кадетский корпус (1891), Николаевское кавалерийское училище (1893). Полковник, командир л.-гв. Конно-гренадерского полка.

³⁴⁴ Имеется в виду Александр Алексеевич Домонтович.

³⁴⁵ **Максимович Константин Иннокентьевич.** Сын тайного советника. Офицер с 1896 г.

³⁴⁶ **Мордавинов Павел Александрович.** Офицер с 1891 г. Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции на 1 января 1921 г. член полкового объединения.

³⁴⁷ **Соколов Михаил Михайлович,** р. 5 сентября 1885 г. 2-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1906). Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Георгиевский кавалер. В апреле 1918 г. в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта. Участник

Сибирского Ледяного похода, на 1920 г. генерал для поручений при атамане Г.М. Семенове, затем председатель военно-следственной комиссии Дальневосточной армии. Генерал-майор. В эмиграции в Шанхае, до 31 июля 1932 г. в Шанхайском Русском полку (капитан, командир 4-й роты), к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. После 1949 г. — в США, с 1963 г. председатель 5-го отдела Гвардейского объединения в Сан-Франциско.

³⁴⁸ **Гросман Алексей Владимирович.** Офицер с 1907 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России с марта 1919 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. начальник команды связи в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Летом 1919 г. ротмистр, адъютант Сводно-кирасирского полка, начальник команды связи, с июня 1919 г. начальник связи штаба кавалерийской дивизии. В Русской Армии с августа 1920 г. в Запасном кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Контужен 18 июня 1920 г. Полковник. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции в Греции, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Афинах.

³⁴⁹ **Искандер Артемий Николаевич.** Офицер с 1900 г. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер в 1920 г.

³⁵⁰ **Князь Урусов Петр Сергеевич,** р. в 1885 г. Офицер с 1908 г. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В начале 1919 г. участник формирования русских частей в Германии и Прибалтике. В эмиграции в Германии, на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

³⁵¹ **Зернец Александр Николаевич.** Офицер с 1908 г.

³⁵² **Балицкий Сергей Григорьевич.** Офицер с 1908 г.

³⁵³ **Аршеневский Михаил Константинович.** Офицер с 1910 г. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; с осени 1919 г. в войсках Киевской обл. Умер в декабре 1919 г. в Одессе.

³⁵⁴ **Фон Розенберг Владимир Германович.** Офицер с 1910 г., академия Генштаба. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Осенью 1918 г. участник монархической организации Н.Е. Маркова 2-го, вел полковую работу в Красной армии. В Северо-Западной армии; инициатор и организатор Северной армии в Пскове, с 12 октября 1918 г. обер-квартирмейстер, с 16 ноября по 24 декабря 1918 г. начальник штаба Отдельного Псковского добровольческого корпуса, с 30 декабря 1918 г. по январь 1919 г. начальник штаба Либавского отряда, до 12 июля 1919 г. начальник военного отдела формирования 2-го Русского добровольческого корпуса в Берлине. В эмиграции на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

³⁵⁵ **Дараган Петр Михайлович.** Николаевское кавалерийское училище (1913). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России с июля 1919 г. в эскадроне своего полка. Ранен 9 августа 1920 г. Подполковник. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Югославии. Позже — в США, председатель объединения бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Умер около 27 июля 1958 г. в Сан-Франциско (США).

³⁵⁶ **Барон Розенберг Василий Васильевич.** Офицер с 1897 г.

³⁵⁷ **Фон Витторф Константин Петрович.** Из дворян, сын тайного советника. Прапорщик запаса, призван в 1915 г.

³⁵⁸ **Фон Эттинген Фолько Георгиевич.** Училище правоведения (1912). Прапорщик запаса. Чиновник Министерства государственных имуществ. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции в Германии, на 1 января 1921 г. член Полкового объединения в Берлине, затем в Бразилии. Умер 1 марта 1936 г. в Рио-Гранде-ди-Сул.

³⁵⁹ **Рихтер Александр Михайлович.** Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России. Умер 7 августа 1920 г. в Константинополе.

³⁶⁰ **Энгельгардт Юрий Вадимович.** Офицер с 1915 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 14 ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с января 1919 г. командир эскадрона в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии (ранен 29 апреля 1919 г.), с 27 июля по 19 августа 1919 г. командир эскадрона, с 20 сентября 1919 г. начальник конных разведчиков гвардейской пехотной дивизии, с ноября 1919 г. по январь 1920 г. командир гвардейского кавалерийского дивизиона при штабе Гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. Ротмистр. Убит 19 августа 1920 г. во время десанта на Кубани.

³⁶¹ **Лагранж Владимир Владимирович.** Училище правоведения (1915). Умер после 1967 г.

³⁶² **Поливанов Александр Николаевич.** Офицер с 1912 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной — летом 1918 г. в антисоветской организации в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1918 г. в ячейке своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. 15 февраля — 5 июня, 3 октября — 2 ноября и 15—19 ноября 1919 г. командир того же эскадрона. Контужен 5 июня 1919 г. Полковник. Умер от тифа 14 марта 1920 г. в Ислам-Тереке под Феодосией.

³⁶³ **Дерюжинский (Юрьев-Дерюжинский) Сергей Александрович,** р. 4 июля 1891 г. в Санкт-Петербурге. Московский университет, Николаевское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной — летом 1918 г. в антисоветской организации в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в эскадроне своего полка до 24 марта 1919 г. Ранен 29 апреля 1919 г. В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. казначей и врид секретаря объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 9 мая 1970 г. в Париже. (По ошибочным данным, убит 19 августа 1920 г.)

³⁶⁴ **Кожин Дмитрий Владимирович.** Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1915 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции в Германии, на 1 января 1927 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

³⁶⁵ **Кисель-Загорянский Николай Николаевич**. Офицер с 1917 г. Корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной—летом 1918 г. в антисоветской организации в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1918 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в пулеметной команде Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии, с 14 июня по 6 июля 1919 г. начальник той же команды. В Русской Армии с октября 1920 г. в пулеметно-автомобильном эскадроне. Ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 23 мая 1922 г. в Константинополе.

³⁶⁶ **Зырев Михаил Петрович**. Училище правопедения (1917) (не окончил; 4-й класс). Офицер с 1917 г. Прапорщик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной—летом 1918 г. в антисоветской организации в Москве.

³⁶⁷ **Арсеньев Евгений Константинович**, р. 3 ноября 1873 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 8-я Санкт-Петербургская гимназия, Санкт-Петербургский университет, курсы восточных языков, Офицерская кавалерийская школа. Офицер с 1895 г. Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командир кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. в Петрограде, занимался отправкой офицеров в белые армии, с 1918 г. за границей. В Северо-Западной армии; с 1919 г. начальник 1-й дивизии, с июня 1919 г. командир 2-го стрелкового корпуса. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, председатель объединения л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г. Умер 29 мая 1938 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

³⁶⁸ **Арапов Петр Иванович**, р. 12 февраля 1871 г. Пажеский корпус (1890). Генерал-лейтенант, начальник 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. Взят заложником в сентябре 1918 г. в Петрограде. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка.

³⁶⁹ **Дрозд-Бонячевский Александр Иванович**, р. в 1859 г. В службе с 1877 г., офицером с 1880 г. Генерал-майор. Взят заложником в сентябре 1918 г. в Петрограде.

³⁷⁰ **Барон Кнорринг Роман Андреевич**. Офицер с 1909 г. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

³⁷¹ Воспоминания А. Свечина публикуются ниже.

³⁷² **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области Войска Донского. Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской. С 3 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, в

январе 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином. Почетный вице-председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

³⁷³ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г. Сын солдата сверхсрочной службы. Тверская гимназия, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, Верховный Главнокомандующий до 11 сентября 1917 г. Основатель Добровольческой армии. С сентября 1917 г. основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск; с декабря 1917 г. член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

³⁷⁴ **Лейб-гвардии Атаманский полк**. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии. Офицерами полка в мае 1918 г. был укомплектован состав 2-го полка Молодой армии, который вскоре получил прежнее наименование и старый штандарт. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии. Командир — генерал-майор М.Г. Хрипунов. Полковое объединение в эмиграции — «Общество Атаманцев» (Париж). Почетные председатели: В.К. Борис Владимирович, генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов; почетные вице-председатели: генерал-кавалер. П.Н. Краснов и генерал-майор Т.В. Михайлов; председатель и командир кадра — полковник К.М. Греков, генерал-майор Т.В. Михайлов, полковник А.В. Михайлов (к 1962 г.); вице-председатели: генерал Черевков, генерал-майор М.Г. Хрипунов (командир дивизиона), генерал-майор Б.М. Матвеев; заместитель командира дивизиона, секретарь — полковник В.М. Миронов, есаул Ю.А. Карпов (к 1962 г.); казначей и комендант Атаманского Дома — полковник Г.А. Иванов; представитель в Югославии — войсковой старшина А.А. Воинов; заведующий музеем — полковник А.В. Васильев; секретарь и хранитель музея (Иври) — подесаул Н.Н. Туроверов; казначей — полковник А.В. Михайлов. В 1931—1938 гг. издавало в Париже ежегодный журнал «Вестник Общества Атаманцев». На 1949—1951 гг. насчитывало 31 человек (в т. ч. 21 в Париже, 5 в США), к 1958 г. — 21 (13 в Париже).

³⁷⁵ **Лейб-гвардии Казачий полк**. Полк Императорской армии. Возрожден в апреле—мае 1918 г. в Донской армии. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии. В полку в 1918 г. служило 28 офицеров и было принято вновь 22, некоторое время служили еще 7 (в т. ч. 5 старых), в 1919 г. было принято еще 14 плюс 2 прикомандированных, в 1920 г. — 5 плюс 9 прикомандированных. За войну в другие части переведено 4, вышло в отставку 3 и исключено 2. Соотношение между офицерами и казаками было примерно 1:12 — 1:15. Полк потерял в Белом движении погибшими 34 офицера, ранено было 73, заболело тифом 36. Полковое объединение в эмигра-

ции — «Офицерское общество лейб-казаков». Почетный председатель — генерал-кав. П.Н. Шатилов; председатели: генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, полковник И.Н. Оприц; помощники — генерал-майор А.М. Греков, генерал-майор К.Р. Поздеев и генерал-майор И.Н. Оприц (командир дивизиона); секретари: генерал-майор Д.Н. Потоцкий, войсковой старшина Б.Ф. Дубенцов; казначей — есаул П.П. Прокофьев; представитель в Югославии — полковник Н.В. Номикосов, в США — подесаул князь В.П. Трубецкой. Имело Офицерское собрание, музей (Курбева), офицерские квартиры (Аньер) и столовую (Париж). С октября 1961 г. по апрель 1968 г. издавало «Информационный бюллетень Объединения лейб-казаков» (вышло 13 номеров: ротатор, 100 экз., редактор — есаул Г.М. Гринев). На 1949—1951 гг. насчитывало 50 человек (в т. ч. 32 в Париже, 4 в США), к 1958 г. — 53 (26 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 10 кандидатов.

³⁷⁶ **Апрелев Георгий (Юрий) Петрович**, р. 1 марта 1889 г. Пажеский корпус (1908), академия Генштаба (1913). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (Генштаба капитан). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Тяжело ранен; в мае 1918 г. в штабе армии, в июне 1918 г. адъютант генерала Деникина. Ранен во 2-м Кубанском походе 23 июня 1918 г., затем при штабе Добровольческой армии; с 14 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка; в 1919-м (июль, сентябрь—октябрь) — марте 1920 г. командир Сводно-уланского полка, с января 1920 г. командир 2-го Сводно-кавалерийского полка. Полковник. Эвакуирован в марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии (на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка), на Дальнем Востоке (к 1932 г. в Шанхае) и во Франции; на ноябрь 1951 г. представитель в Гвардейском объединении от 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Директор кадетского корпуса в Версале. Умер 10 января 1964 г. в Париже.

³⁷⁷ **Гершельман Василий Сергеевич**. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Организатор и командир (18 декабря 1917-го — 26 марта 1918 г.) 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в резерве чинов, с августа 1918 г. командир Запасного кавалерийского полка. В конце 1918 г. прислан в Крым для формирования Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, командир того же дивизиона. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. в Аскания-Нова.

³⁷⁸ Черкесская конная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии 19 ноября 1918 г. в составе взятых из 1-й конной дивизии 1-го и 2-го Черкесских (1-я бригада) и вновь сформированных 3-го и 4-го Черкесских и Карачаевского (2-я бригада) конных полков. 28 февраля 1919 г. временно сведена в Черкесский конный полк, весной вновь развернутый в дивизию. На 5 октября 1919 г. насчитывала 1976 сабель. Включала 1-й, 2-й и 3-й Черкесские и Карачаевский конные полки, запасный полк и формируемый в Майкопе конно-артиллерийский дивизион. Весной 1920 г. сведена в Черкесский конный полк, расформированный 6 мая 1920 г. Начальник — генерал-майор Султан-Келеч-Гирей (с 8 декабря 1918 г.). Начальник штаба — полковник

Векилов (с 8 декабря 1919 г.). Командиры бригад: 1-й — полковник Султан Адиль-Гирей (с 8 декабря 1918 г.), 2-й — полковник князь Бекович-Черкасский (с 8 декабря 1918 г.).

³⁷⁹ **Фон Баумгартен Борис Александрович**. Офицер с 1915 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в своем полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; 7—23 июня 1919 г. командир эскадрона. Ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка.

³⁸⁰ **Кашин Александр Васильевич**. Юнкер Елисаветградского кавалерийского училища. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г., с октября 1919 г. в дивизионе л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку. С 11 октября 1919 г. корнет, переведен в полк 21 мая 1920 г. Поручик. В эмиграции в Бельгии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 5 мая 1963 г. в Брюсселе.

³⁸¹ **Сементовский Владимир Васильевич**. Юнкер кавалерийского училища. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку; в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка; до мая 1920 г. в прикомандировании к л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку. Корнет (с 11 октября 1919 г.).

³⁸² **Ира Лонгин Францевич**. В Добровольческой армии и ВСЮР. Доброволец-рядовой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Корнет. В эмиграции в Чехословакии, окончил Пражский университет, помощник присяжного поверенного в Мукачеве. После 1945 г. в Германии. Умер 20 июля 1987 г. в Мюнхене.

³⁸³ **Васильченко Игнатий Михайлович**, р. 30 января 1872 г. в Изюме. Сын надворного советника. Изюмское реальное училище, Алексеевское военное училище (1895), академия Генштаба (1906). Генерал-майор, начальник штаба и командир 5-го Кавказского корпуса. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части, с 1918 г. в гетманской армии; командир 8-го корпуса (утвержден в должности 8 ноября 1918 г.), с 27 ноября 1918 г. руководитель Екатеринославского похода. Во ВСЮР с 1919 г. командир бригады в Крымском корпусе, начальник 4-й пехотной дивизии, с осени по декабрь 1919 г. — 34-й пехотной дивизии. Потреб в январе 1920 г. под Одессой.

³⁸⁴ **Сахаров Вячеслав Всеволодович**, р. 6 июня 1891 г. Пажеский корпус (1911). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. казначей в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. 19 июня — 2 июля и 4 августа — 20 сентября 1919 г. командир дивизиона, 3—27 июля и 19 ноября — 2 декабря 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с апреля 1920 г. казначей в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. В эмиграции в Бельгии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Полковник. Умер 1 мая 1958 г. в Брюсселе.

³⁸⁵ **Знаменский Николай Васильевич.** Из Мелитопольского уезда. В Добровольческой армии; с января 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. младший унтер-офицер пулеметной команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии с октября 1920 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Корнет (с июля 1920 г.; произведен из вахмистров). В эмиграции в Югославии. Умер 18 июля 1929 г. в Земуне (Югославия).

³⁸⁶ **Захарченко Григорий Адрианович,** р. на хут. у ст. Лысогорской под Матвеевым Курганом в Области Войска Донского. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в пулеметной команде Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, в декабре 1919 г. — 1920 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Корнет (с июля 1920 г.). Остался в Крыму.

³⁸⁷ **Богущий Г. Федорович.** Одесский кадетский корпус (выпуск 1909 г., не окончил), Пажеский корпус. Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с августа 1918 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку, в феврале—марте 1919 г. командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана. Ротмистр. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. в Аскания-Нова.

³⁸⁸ **Григорьевский Петр.** Юнкер Елисаветградского (Новочеркасского?) кавалерийского училища. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в охране генерала Алексеева. С весны 1918 г. прапорщик. С октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, затем в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Тяжело ранен 20 февраля 1919 г. под Аскания-Нова. Корнет. Умер от ран 6 мая 1919 г. в Екатеринодаре.

³⁸⁹ **Федотьев Илларион Викторович,** р. в 1880 г. в Луцке. Полковник, командир 17-го пехотного полка. В Добровольческой армии в 1918—1919 гг. в Ялте, командир Отряда по охране лиц Императорской Фамилии в Крыму. Эвакуирован в 1919—1920 гг. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Германии, к 1948 г. в Мюнхене. Умер 25 марта 1960 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина).

³⁹⁰ **Князь Голицын Константин Валерианович,** р. 22 апреля 1899 г. Прапорщик армейской кавалерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 20 апреля 1919 г., с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Контужен 9 августа 1920 г. Поручик. В эмиграции в Бельгии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 24 июня 1924 г. в Брюсселе.

³⁹¹ **Афанасьев Ипполит Львович.** Офицер с 1907 г. Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с апреля 1920 г. помощник командира Гвардейского кавалерийского

полка по хозяйственной части. Полковник. В эмиграции в Греции, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Афинах, затем во Франции (Париж).

³⁹² **Викторст Игорь Львович.** Николаевское кавалерийское училище. Корнет 2-го драгунского полка. В Добровольческой армии; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, переведен в л.-гв. Кирасирский Ее Величества полк 20 октября 1919 г. Штабс-ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Югославии. Умер 7 марта 1976 г. в Буэнос-Айресе.

³⁹³ **Князь Гагарин Борис Николаевич.** Корнет армейской кавалерии. В марте 1918 г. в Ялте. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. прикомандирован к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. до января 1920 г. в эскадроне того же полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии.

³⁹⁴ **Савченко Михаил Потапович.** Поручик 219-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне того же полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии до июля 1920 г. Поручик.

³⁹⁵ **Цибарт Николай Яковлевич.** Из немцев-колонистов Северной Таврии. Прапорщик армейской пехоты. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; с марта 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне того же полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии до октября 1920 г. Подпоручик.

³⁹⁶ **Давыдов Николай.** Старший писарь л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России с марта 1919 г. в своем полку; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. полковой писарь в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Чиновник военного времени. В эмиграции в Константинополе.

³⁹⁷ Сводно-горская конная дивизия. Сформирована во ВСЮР 23 марта 1919 г. Первоначально включала 2-й Кабардинский, 3-й Осетинский и Карачаевский конные полки, с 5 апреля 1919 г. — 2-й конно-артиллерийский дивизион. Входила в 4-й конный корпус, после переформирования корпусов — в Сводный корпус, в октябре 1919 г. — в 4-й конный корпус. 23 августа 1919 г. потеряла 40 человек (3 офицера убито). К 5 октября 1919 г. (временно при 2-м Кубанском корпусе) насчитывала (без 1-й бригады, 2-го Дагестанского батальона и артиллерии) 230 штыков, 443 сабли и 11 пулеметов. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-я бригада — 3-й Осетинский и Карачаевский (на укомплектовании; полковник Крым-Шамхалов) конные полки, Ингушская бригада — 1-й (80 сабель) и 2-й (61 сабля, 3 пулемета) Ингушские конные полки, Дагестанская бригада — 1-й (249 сабель, 4 пулемета) и 2-й (53 сабли) Дагестанские конные полки и 1-й (230 штыков, 4 пулемета) и 2-й Дагестанские стрелковые батальоны, а также 5-й конно-артиллерийский дивизион, 2-я конная (генерал-майор А.В. Фок — до октября 1919 г.) и

2-я конно-гаубичная батарея. Начальники: генерал-майор П.В. Глазенап (с 23 марта 1919 г.), генерал-майор А.А. Губин (27 марта — 14 мая 1919 г.), генерал-майор А.П. Гревс, полковник А.-Б.Б. Котиев (врид 5 октября 1919 г.). Начштаба — капитан (полковник) Александров. Командир бригады — генерал-майор М.Е. Аленич.

³⁹⁸ **Гревс Александр Петрович**, р. 18 августа 1876 г. в имении Стовидлы Киевской губ. Из дворян Орловской губ. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник л.-гв. Гусарского полка, командир 18-го драгунского полка, командующий л.-гв. Конно-гренадерским полком. Георгиевский кавалер. В октябре—декабре 1918 г. командир 5-го отдела Киевской офицерской добровольческой дружины генерала Кирпичева в Киеве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, в мае 1919 г. начальник Конно-горской дивизии 1-го Кубанского корпуса, в сентябре—октябре 1919 г. начальник Сводно-горской конной дивизии, затем Сводного корпуса. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Проп», 23 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». Генерал-майор (до 30 сентября 1919 г.). В эмиграции во Франции, член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер 14 января 1936 г. в Вильжюифе под Парижем.

³⁹⁹ **Добропольский Сергей Константинович**, р. в 1867 г. Из дворян, сын майора. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Генерал-лейтенант, командир 10-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе командующего войсками Юго-Западного края, с 1 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 мая по 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, до 10 июля 1919 г. также врид командира 3-го армейского корпуса, с 26 июня по 12 июля 1919 г. одновременно и. д. главноначальствующего Таврической губ., с 2 августа 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР с возложением особого поручения в Черноморской губернии, до 15 октября 1919 г. командующий войсками Черноморского побережья. В эмиграции. Вернулся в СССР.

⁴⁰⁰ **Погоржанский Владимир Петрович**. Офицер с 1913 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с июня 1919 г. в эскадроне своего полка. Подполковник. Умер 26 июня 1920 г. в Феодосии.

⁴⁰¹ **Грязнов Федор Федорович**. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; в августе 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, в феврале—марте 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана, с 27 июня 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с 14 декабря 1919 г. в резерве чинов. В эмиграции в Константинополе.

⁴⁰² **Перфилов Дмитрий Сергеевич**, р. в 1888 г. Пажеский корпус (1908). Полковник л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 11 октября 1919 г. командир дивизиона л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. Эвакуирован в ян-

варе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба, 1932—1938 гг. в Шанхае.

⁴⁰³ **Пальшау Борис Григорьевич**. Подполковник 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии, полковник 12-го Полтавского конного полка, 21 октября 1918 г. установлено старшинство в чине с 3 июля 1914 г. В Добровольческой армии и ВСЮР (осенью 1918 г. с боями пробился из Чугуева) в Ингерманландском гусарском дивизионе, в октябре—ноябре 1919 г. начальник Полтавского отряда. Эвакуирован на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». В Русской Армии с весны 1920 г. командир пешего полка 1-й кавалерийской дивизии. Полковник. Убит 28 октября 1920 г. у Сиваша.

⁴⁰⁴ 15-й гусарский Украинский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк. Кроме того, его эскадрон во главе с штабс-ротмистром Б.Н. Левшиным был сформирован в Русской Западной армии. В эмиграции верховное возглавление полка осуществляла Великая княгиня Ксения Александровна (шеф полка), кадр полка возглавляла полковник А.А. Иеропес (Югославия), офицерское объединение во Франции — ротмистр Б.Н. Левшин.

⁴⁰⁵ **Маляр Федор Ефимович**. Корнет 3-го Прибалтийского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Поручик (февраль 1920 г.). Остался в Крыму.

⁴⁰⁶ **Магда Григорий**. Прапорщик армейской кавалерии. Во ВСЮР и Русской Армии; с сентября 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Пропал без вести в октябре 1920 г.

⁴⁰⁷ **Михайлов Михаил Николаевич**. Пажеский корпус (1913). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 г. в Уральской армии, командир полка. Летом 1919 г. в госпитале с тифом. С ноября 1919 г. в Вооруженных силах Юга России; в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с октября 1920 г. в пулеметно-автомобильном эскадроне. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автопулеметной роты Технического полка в Галиполи. В эмиграции в Бельгии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 23 мая 1975 г. в Брюсселе.

⁴⁰⁸ **Ракович Лаврентий Андреевич**. Александровский лицей (1917). Корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Во ВСЮР и Русской Армии (с декабря 1919 г. из-за границы) в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка до 10 июня 1920 г. В эмиграции к 1929 г. в Ровно (Польша), на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Штабс-ротмистр. Умер 11 августа 1971 г. в Наеке (США).

⁴⁰⁹ **Курис Иван Александрович**. Учащийся Александровского лицея (3-й класс). Корнет л.-гв. Гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка. Убит в 1919 г. под Царицыном.

⁴¹⁰ **Боткин Борис Сергеевич.** Александровский лицей (1917) (ускор.). Прапорщик л.-гв. Гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка. Взят в плен и замучен летом 1919 г. под Царицыном.

⁴¹¹ **Ковалевский Михаил Евграфович.** Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Весной 1920 г. командир Сводно-гвардейского эскадрона (дивизиона гвардейского отряда) на Перекопе. В Русской Армии 6—9, 12—17 июля, 27 июля — 13 августа 1920 г. врио командира Гвардейского кавалерийского полка. В эмиграции в Югославии. Умер 20 февраля 1922 г. в Белграде.

⁴¹² **Ган Евгений Фридрихович.** Подпоручик армейской пехоты. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с февраля до октября 1920 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Штабс-капитан.

⁴¹³ **Сахновский Леонид Николаевич,** р. в 1878 г. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Полковник л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Вооруженных силах Юга России. Умер от тифа осенью 1919 г. — весной 1920 г.

⁴¹⁴ **Князь Гедройц Алексей (Владимирович?).** Училище правоведения 1917 (не окончил; старший приготовительный класс). Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии и ВСЮР младший унтер-офицер эскадрона л.-гв. Конно-гренадерского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку. Корнет (с 11 октября 1919 г.). Умер от тифа летом—осенью 1919 г. на ст. Ромодан.

⁴¹⁵ **Главче Евгений Семенович.** Из дворян, сын офицера. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле—ноябре 1919 г. командир Черноморского конного полка. Умер от тифа осенью 1919 г. — весной 1920 г.

⁴¹⁶ **Кривошеин Василий Александрович.** Штабс-капитан л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. в 1-й гвардейской конной батарее. Умер от тифа осенью 1919 г. — весной 1920 г.

⁴¹⁷ **Граф Гендриков Александр Васильевич,** р. 30 декабря 1886 г. Сын тайного советника. Пажеский корпус (1905). Ротмистр Кавалергардского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в апреле 1920 г. адъютант Сводно-кирасирского полка. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 23 мая 1962 г. в Париже.

⁴¹⁸ Воспоминания князя А.Н. Искандера публикуются ниже.

⁴¹⁹ **Князь Урусов Николай Александрович.** Офицер с 1917 г. (?) Прапорщик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с июля 1919 г. в своем полку. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Греции, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Афинах. Умер 1 апреля 1962 г. в Париже.

⁴²⁰ **Демочкидов Эммануил Дмитриевич,** р. в 1898 г. Юнкер. Во ВСЮР и Русской Армии в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка до эвакуации Крыма. Корнет (с июля 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Лазарев».

⁴²¹ **Миллер Евгений-Людвиг Карлович,** р. 25 сентября 1867 г. в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище (1886), академия Генштаба (1892). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 января 1919 г. генерал-губернатор Северной обл., член правительства: заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 г. Главнокомандующий войсками Северной обл., с 10 июня 1919 г. Главнокомандующий войсками Северного фронта, с сентября 1919 г. Главный начальник Северного края, в марте 1920 г. заместитель председателя ВПСО. В эмиграции Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армии в Париже, с марта 1922 г. начальник штаба Русской Армии, с ноября 1922 г. помощник Главнокомандующего Русской Армией. 1 сентября — 23 декабря 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с декабря 1923 г. состоял при Великом Князе Николае Николаевиче, с 29 апреля 1928 г. помощник председателя РОВС, с 26 января 1930 г., председатель РОВС. Состоял также председателем Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже и расстрелян 11 мая 1939 г. в Москве.

⁴²² **Мусман Михаил Борисович.** Училище правоведения (1912). Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в прикомандировании к л.-гв. Финляндскому полку. В белых войсках Северного фронта (с 23 июля 1919 г. из лагеря в Нью-Маркете, Англия); в 1919 г. в штабе Главнокомандующего войсками Северной обл. Ротмистр. Убит 1 марта 1920 г. у Онеги на Архангельском фронте.

⁴²³ **Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович,** р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края; с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. Главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск.

с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаша, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

⁴²⁴ **Кардашевский Николай Викторович**, р. в 1878 г. Сын генерал-майора. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г. при английской миссии в Омске. Участник Сибирского Ледяного похода, затем у атамана Г.М. Семенова. В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Харбине, на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, на 8 января 1922 г. в Пекине, член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке.

⁴²⁵ **Юматов Николай Николаевич**. Александровский лицей (1917) (укоренный курс; не окончил). Офицер с 1916 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в конном полку Оренбургской армии. Участник Сибирского Ледяного похода в 1-й кавалерийской дивизии, затем командир отдельного Бурятского конного дивизиона, на 1920 г. начальник личного конвоя генерала Лохвицкого, на 8 января 1922 г. во Владивостоке, член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Подполковник. В эмиграции во Франции, в 1929—1938 гг. в Париже.

⁴²⁶ **Барон Гойнинген-Гюне Эдгар Александрович**. Штабс-ротмистр запаса гвардейской кавалерии. В Добровольческой армии с июля 1920 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 10 июля 1920 г. В эмиграции в Германии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

⁴²⁷ **Князь Искандер Александр Николаевич**. Сын Великого Князя Николая Константиновича. Александровский лицей (1911). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1915 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Участник Ташкентского восстания в январе 1919 г., затем в Ташкентском офицерском партизанском отряде совершил переход в Фергану. С марта 1920 г. в Крыму, командир взвода в эскадроне своего полка до эвакуации Крыма. Ротмистр. В эмиграции в Греции, затем в Париже. Умер 16(26) января 1957 г. в Грассе (Франция).

⁴²⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. Май 1963. № 60.

⁴²⁹ **Свечин Михаил Андреевич**, р. 16 мая 1876 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерала. 2-й кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895), академия Генштаба (1902), Офицерская кавалерийская школа (1903). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка, командир л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 30 декабря 1917 г. Участник Степного похода, с конца марта 1918 г. начальник штаба обороны Новочеркасска, с апреля 1918 г. писарь, затем начальник

оперативного отдела штаба Южной (Заплавской) группы; в апреле 1918 г. и. о. начальника штаба той же группы, с мая по ноябрь 1918 г. член Донской миссии к гетману для вывоза снаряжения, затем в распоряжении Донского атамана, с декабря 1918 г. член делегации в Англии и во Франции от ВСЮР. Эвакуирован 20 марта 1920 г. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, Германии и Франции; на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, начальник подотдела РОВС, председатель отдела Союза Инвалидов, с 1930 г. начальник отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, к 1963 г. председатель 4-го отдела Гвардейского объединения в Ницце. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15(17) апреля 1969 г. в Ницце (Франция).

⁴³⁰ Впервые опубликовано: С в е ч и н М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

⁴³¹ То есть 14-м драгунским Малороссийским полком.

⁴³² **Калсдин Алексей Максимович**, р. в 1861 г. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1882), академию Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, до мая 1917 г. командующий 8-й армией. После смещения Временным правительством с должности избран 17 июня войсковым атаманом Донского казачьего войска. Покончил жизнь самоубийством 29 января 1918 г.

⁴³³ **Чернецов Василий Михайлович**, р. в 1880 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской области Войска Донского. Окончил Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организатор и командир партизанского отряда своего имени. С января 1918 г. полковник.

⁴³⁴ Войсковой старшина **Николай Матвеевич Голубов** (р. в 1881 г.) был офицером 27-го Донского казачьего полка. В январе 1918 г., опираясь на казаков своего полка, составивших костяк войск так называемого Донского казачьего военно-революционного комитета, образованного в ст. Каменской частью вернувшихся с фронта казаков, выступил против атамана А.М. Каледина. Он сыграл основную роль в уничтожении отряда полковника В.М. Чернецова под Губокой и занятии Новочеркасска большевиками. В дальнейшем, поссорившись с большевиками из областного РКВ, был вынужден скрываться. Во время начала антибольшевистского восстания на Дону был убит 29 марта 1918 г. на митинге в ст. Заплавской.

⁴³⁵ **Назаров Анатолий Михайлович**, р. в 1876 г. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, командир 2-й Забайкальской казачьей бригады, в октябре 1917 г. назначен командиром кавалерийского корпуса на Кавказском фронте, но по приказу атамана Каледина остался на Дону; с ноября 1917 г. начальник гарнизона Таганрога, с 15 декабря 1917 г. походный атаман Донского казачьего войска, с 29 января 1918 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Расстрелян в Новочеркасске 18 февраля 1918 г.

⁴³⁶ **Духонин Николай Николаевич**, р. в 1876 г. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище (1896), академию Генштаба (1902). Мировую войну встретил командиром 165-го пехотного полка. В 1917 г. генерал-лейтенант, с сентября начальник штаба Верховного главнокомандующего. Исполняя с 1 ноября после бегства Керенского обязанности Верховного главнокомандующего, отказался подчиняться большевикам и при занятии Ставки в Могилеве отрядом большевистского «главковерха» прапорщика Н.В. Крыленко был убит.

⁴³⁷ **Попов Петр Харитонович**, р. 10 января 1867 г. в ст. Казанской. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1891), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник Новочеркасского военного училища. С 30 января 1918 г. походный атаман Донского казачьего войска, возглавил Степной поход в Сальские степи, с 5 мая 1918 г. генерал-лейтенант, с 6 мая 1918 г. в отставке. В 1919 г. возглавлял Донское правительство, с конца 1919 г. — представитель Донского атамана в Новороссийске и за границей, в 1920 г. генерал для поручений при Донском атамане. Генерал от кавалерии. Эвакуирован из Новороссийска. Вышел в отставку 24 июня 1920 г., с 16 марта 1921 г. представитель атамана в Болгарии, с 4 ноября 1921 г. и. о. помощника Донского атамана. В эмиграции в Болгарии, Франции, с 1928 г. в США. В 1938 г. частью казачества избран Донским атаманом (наряду с графом Граббе), с 1938 г. снова в Европе (во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии), после 1945 г. в США. Умер 6 октября 1960 г. в Нью-Йорке.

⁴³⁸ **Позднышев Сергей Дмитриевич**, р. в 1889 г. Из казаков Области Войска Донского. Новочеркасское военное училище (1910). Есаул 15-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, в ноябре 1919 г. полковник, командир 6-й Донской отдельной конной бригады, начальник 4-й Донской казачьей дивизии и врид командира корпуса. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии и во Франции (в Париже), в 1931 г. секретарь Союза Инвалидов в Клармаре, в 1961—1965 гг. редактор газеты «Русский инвалид», председатель Главного правления Общества помощи русским инвалидам, председатель Союза казаков-комбатантов, представитель Донского атамана во Франции. Умер 7 мая 1980 г. в Париже.

⁴³⁹ **Орлов Иван Давыдович**, р. 3 февраля 1870 г. Из дворян ВВД, казак ст. Старочеркасской. Пажеский корпус (1891). Генерал-майор л.-гв. Казачьего полка, командир Донской дивизии. В Донской армии; в январе 1918 г. начальник войск Макеевского района, затем в распоряжении атамана. Взят в плен и убит 14 марта 1918 г. в Новочеркасске.

⁴⁴⁰ **Туроверов Михаил Александрович**, р. в 1863 г. В службе с 1881 г. офицером с 1883 г. Генерал-майор, начальник канцелярии и помощник Донского атамана. Убит большевиками в марте 1918 г. в Новочеркасске.

⁴⁴¹ **Фетисов Михаил Алексеевич**, р. 15 ноября 1881 г. Из казаков ст. Баклановской Области Войска Донского. Реальное училище, Николаевское кавалерийское училище (1905). Войсковой старшина, помощник командира

7-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в декабре 1917 г. остался в Новочеркасске, с 28 марта по 4 апреля 1918 г. руководитель восстания в ст. Кривянской, в апреле 1918 г. руководитель освобождения Новочеркаска. Полковник, до января 1919 г. командир отряда своего имени (бывший отряд генерала Тапилина) Южной группы Восточного фронта, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). Умер 16 сентября 1934 г. в Сансе (Франция).

⁴⁴² **Янов Георгий Петрович**, р. 23 декабря 1878 г. Из дворян ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Кадетский корпус, Павловское военное училище (1898). Есаул л.-гв. Казачьего полка, в штабе войскового атамана ВВД. В Донской армии; в январе 1918 г. войсковой есаул — член Донского правительства; глава Совета обороны во взятом восставшими казаками 1 апреля 1918 г. Новочеркасске, до 28 апреля 1918 г. председатель временного Донского правительства, затем председатель «Круга спасения Дона», с 5 мая управляющий отделом внутренних дел Донского правительства, с 7 мая 1918 г. войсковой старшина, затем полковник, с 12 июня 1918 г. товарищ председателя Войскового Круга, в сентябре—октябре 1918 г. начальник войсковой стражи, с 25 октября 1918 г. в составе посольства ВВД в страны Антанты, с начала 1919 г. окружной атаман Черкасского округа, редактор газеты «Донские областные ведомости». Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, в 1922—1923 гг. атаман казачьей станицы в Белграде. Умер 28 декабря 1924 г. в Белграде.

⁴⁴³ **Поляков К.С.** Полковник. В Донской армии; с конца марта 1918 г. начальник обороны Новочеркаска, с 4 по 12 апреля 1918 г. командующий Донской армией (Заплавская группа). Генерал-майор.

⁴⁴⁴ **Денисов Святослав Варламович**, р. 10 сентября 1878 в ст. Луганской Области Войска Донского. Из дворян, сын генерал-майора ВВД, казак ст. Пятиизбянской. Донской кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 11-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в апреле 1918 г. командующий Заплавской группой в Донском восстании, с 4 апреля 1918 г. начальник штаба Донской армии, с 12 апреля 1918 г. командующий Южной группой, с 27 апреля 1918 г. генерал-майор, с 8 мая 1918 г. командующий Донской армией и управляющий военным и морским отделом ВВД. Генерал-лейтенант (27 августа 1918 г.). С 2 февраля 1919 г. в отставке. В эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Германии, с 1923 г. в США; председатель Казачьего союза в США. Умер 19 апреля 1957 г. в Стратфорде (США).

⁴⁴⁵ **Поляков Иван Алексеевич**, р. 10 августа 1886 г. в Новочеркасске. Из казаков Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908), академия Генштаба (1914). Генштаба подполковник, помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. В Донской армии с декабря 1917 г.; с января 1918 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Донского атамана, в апреле 1918 г. в Заплавской группе, с 12 апреля 1918 г. начальник штаба Южной группы, с 27 апреля 1918 г. полковник, с 7(9) мая 1918 г. по 2 марта (15 февраля)

1919 г. начальник штаба Донской армии и (с 9 мая) ВВД. Генерал-майор (с 14 августа 1918 г.). Предпринял неудачную попытку отправиться на Восточный фронт. В эмиграции в Германии, до 1965 г. Донской атаман. После 1945 г. — в США. Умер 15 апреля 1969 г. в Нью-Йорке.

⁴⁴⁶ Смагин Алексей Алексеевич, р. 4 июля 1857 г. Училище правоведения (1877), академия Генштаба (1884). Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал от кавалерии, и. д. войскового атамана, начальник штаба Донского казачьего войска. В Донской армии; в 1918 г. представитель Донской армии при командовании Добровольческой армии. Эвакуирован до осени 1920 г. из Феодосии. В эмиграции в Болгарии. Умер 20 ноября 1928 г. в Софии.

⁴⁴⁷ Черячукин Александр Васильевич, р. 18 марта 1872 г. Из дворян ВВД, сын чиновника, казак ст. Богоявленской. Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 17-го Донского казачьего полка, начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии, командующий 2-й казачьей сводной дивизией. В Донской армии; до 12 февраля 1918 г. командующий Северо-Западным фронтом, затем скрывался в районе ст. Грушевской. С 4 мая 1918 г. снова в армии, с 5 мая по июль и в сентябре—декабре 1918 г. заместитель и атаман «Зимовой станицы» — посол на Украине, в июле—сентябре 1918 г. — в Германии (член делегации с герцогом Лейхтенбергским к императору Вильгельму). В декабре 1918 г. сыграл важную роль в спасении и эвакуации в Германию нескольких сот русских офицеров. С декабря 1918 г. по начало 1920 г. посол ВВД в Польше, с марта 1920 г. директор Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923 г., эвакуирован с корпусом в Египет. Генерал-лейтенант (30 сентября 1918 г.). В эмиграции во Франции, рабочий на заводе, к 1931 г. член объединения л.-гв. Конной артиллерии, до 1 сентября 1930 г. председатель Союза Донской артиллерии в Париже, до 1934 г. заместитель войскового атамана ВВД. Умер 12 мая 1944 г. в Ницце (Франция).

⁴⁴⁸ Дашкевич-Горбатский Владислав Владиславович. Окончил академию Генштаба. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор. В апреле 1918 г. ликвидировал Центральную Раду, затем начальник штаба гетманской армии, с 27 июня 1918 г. генеральный старшина при гетмане. В белых войсках Восточного фронта (прибыл осенью 1919 г. из Константинополя). Участник Сибирского Ледяного похода, командир Северной группы. В эмиграции на 1920 г. в Германии.

⁴⁴⁹ Абалешев Александр Александрович, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками в 1918 г.

⁴⁵⁰ Князь Долгоруков Александр Николаевич, р. 27 декабря 1872 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Пажеский корпус (1893), академия Генштаба. Офицер Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Летом 1918 г. член антисоветской организации в Петрограде. С октября 1918 г. в гетманской армии, с 26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными сила-

ми на территории Украины. С декабря 1918 г. в Германии, затем в Северо-Западной армии; с августа 1919 г. начальник 4-й дивизии. В эмиграции во Франции (Париж). Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г. Затем в Марокко, в 1938 г. начальник отдела РОВС в Марокко. Умер 17 января 1948 г. в Рабате (Марокко).

⁴⁵¹ Сливинский Александр Владимирович, р. в 1886 г. Академия Генштаба. Подполковник, начальник штаба кавалерийской дивизии. С 1918 г. в гетманской армии; весной 1918 г. начальник Генерального штаба; летом военный министр. Полковник. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, инженер-строитель, с 1925 г. в Германии, с 1951 г. в Канаде. Умер 21 декабря 1953 г. в Монреале (Канада).

⁴⁵² Головин Николай Николаевич, р. 22 февраля 1875 г. в Москве. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, и. д. начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1918 г. член делегации в Англию. В эмиграции во Франции, организатор и начальник Высших военно-научных курсов, председатель объединения л.-гв. Гродненского гусарского полка, в 1936—1938 гг. редактор журнала «Осведомитель» (выходил в Белграде). Выдающийся военный теоретик и историк. Умер 10 января 1944 г. в Париже.

⁴⁵³ Щербачев Дмитрий Григорьевич, р. 6 февраля 1857 г. Орловская военная гимназия (1873), Михайловское артиллерийское училище (1876), академия Генштаба (1884). Офицер л.-гв. Конной артиллерии, л.-гв. Егерского полка, командир л.-гв. Павловского полка. Генерал от инфантерии, Главнокомандующий армиями Румынского фронта. Георгиевский кавалер. С апреля 1918 г. представитель Добровольческой армии в Румынии, с 30 декабря 1918 г. военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с января 1919-го по май 1920 г. представитель Верховного правителя адмирала Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции, с 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов. Умер 18 января 1932 г. в Ницце (Франция).

⁴⁵⁴ Бубнов Александр Дмитриевич, р. в 1883 г. в Варшаве. Из дворян, сын офицера. Гимназия, Морской корпус (1903), Морская академия (1913). Контр-адмирал, начальник Морского управления Ставки ВГК. С декабря 1918-го по 1920 г. член русской делегации на Версальской конференции от адмирала Колчака. Во ВСЮР и Русской Армии; с мая 1919 г. командир дивизиона миноносцев, с 20 августа 1919 г. до 8 февраля 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Эвакуирован в Турцию. 29 июня (2 октября) 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В эмиграции во Франции и Югославии; в 1923—1941 гг. профессор в Югославской морской академии. Умер 2 февраля 1963 г. в Краље (Югославия).

⁴⁵⁵ Хабаев Яков Васильевич, р. в 1870 г. В службе с 1888 г., офицером с 1892 г. Генерал-майор. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма.

Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции председатель Союза Инвалидов во Франции.

⁴⁵⁶ **Озеров Николай Алексеевич.** Пажеский корпус (1916). Поручик л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. в роте Особого назначения в Сводно-гвардейском полку в Ореанде, с января 1919 г. в прикомандировании к эскадрону Кавалергардского полка, затем (апрель—июнь 1919 г.) в эскадроне л.-гв. Драгунского полка. Тяжело ранен в мае (или 1 июня) 1919 г. В ноябре 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка. Заболел тифом и эвакуирован. С весны 1920 г. командир эскадрона. В Русской Армии до эвакуации Крыма, в июне 1920 г. штабс-ротмистр, командир взвода в эскадроне л.-гв. Драгунского полка, ранен, 27 октября 1920 г. врид командира в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 27 октября 1920 г. на Литовском п-ве. Ротмистр. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, затем в Польше, в 1930 г. окончил Богословскую академию в Варшаве; архимандрит Игнатий. С 1939 г. в Югославии. Умер в 1955 г. в Албании (по другим данным, убит коммунистами в 1945 г. в инвалидном доме в Которе, Югославия).

⁴⁵⁷ Первые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 2. Париж, 1929.

⁴⁵⁸ Лейб-гвардии Драгунский полк. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка формировался в ноябре 1918 г. вначале как команда конных разведчиков Сводно-гвардейского полка (к февралю 1919 г. там собралось до 10 его офицеров). Эскадрон полка в марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк, с весны 1919 г. в Драгунский дивизион. В начале апреля 1919 г. насчитывал до 90 человек, ядро его составляли таврические немцы-колонисты. В мае—июне 1919 г. входил в состав Гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона, с 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного 2-го Гвардейского Сводно-кавалерийского полка, где в июле 1919 г. гвардейские драгуны были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. стал 8-м эскадронам Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 12 офицеров (6 расстреляно, 5 убито и 1 умер от болезней). Командир — полковник В.П.Римский-Корсаков, врид: поручик (ротмистр) Н.А. Озеров (февраль—апрель, май 1920 г.), полковник Александровский (апрель—май 1920 г.), ротмистр Коптев (лето—июнь 1920 г.), штабс-ротмистр С.А. де Витт (июнь — 19 июля 1920 г.), ротмистр А.Г. Колокольцев (19 июля — 1 сентября 1920 г.). Полковое объединение в эмиграции было создано в 1921 г. в Югославии во главе с генерал-майором С.Я. Гребенчиковым (15 офицеров, не считая прежде служивших в полку), в 1922 г. образовалась группа в Париже и вскоре — в США. Председатели: генерал-майор граф Ф.М. Нирод (Сандрикур, Франция), полковник Э.И. Гримм (с 1951 г.); заместитель председателя — полковник И.М. Куческий, секретарь — ротмистр А.А. Озеров, представитель в Югославии — полковник А.М. Янковский, в США — полковник С.С. Александровский. На 1939 г. насчитывало 53 чело-

века, в 1949—1951 гг. — 28 (в т. ч. 17 в Париже, 5 в США), на 1958 г. — 31 (10 в Париже), на 1962 г. — 21 (в Европе, США и Иордании).

⁴⁵⁹ **Озеров Алексей Алексеевич,** р. 31 июля 1896 г. Училище правоведения (1917). Корнет л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. в роте Особого назначения в Сводно-гвардейском полку в Ореанде, с января 1919 г. прикомандирован к заведующему гражданской частью управления Северной Таврии. С марта, апреля 1919 г. в эскадроне л.-гв. Драгунского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции, в 1939 г. выступал в поддержку Великого Князя Владимира Кирилловича. Во время Второй мировой войны лейтенант в Иностранном легионе французской армии. Секретарь (на ноябрь 1951 г. также казначей) объединения л.-гв. Драгунского полка, на ноябрь 1951 г. представитель в Гвардейском объединении от 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Умер 13 (16) марта 1976 г. в Париже.

⁴⁶⁰ **Александровский Сергей Сергеевич.** Из дворян, сын камергера, уфимского губернатора (убитого в 1904 г.). Ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; в конце 1918 г. в Дюльберском отряде Особого назначения, затем с апреля 1919 г., в июне 1919 г. в эскадроне своего полка, в июне—июле 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Полковник. В эмиграции на ноябрь 1951 г. представитель полкового объединения в США.

⁴⁶¹ **Граф Нирод Федор Максимилианович,** р. 20 июля 1871 г. в Санкт-Петербурге. Сын егермейстера. Гимназия (1890), Пажеский корпус (1892). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Драгунского полка, начальник 5-й Кубанской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. в Симеизе, вел переговоры о формировании эскадрона л.-гв. Драгунского полка. В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. председатель объединения л.-гв. Драгунского полка, с 20 апреля 1947 г. и на ноябрь 1951 г. почетный председатель Гвардейского объединения и председатель объединения л.-гв. Конного полка. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г., в 1939 г. поддерживал Велико-го Князя Владимира Кирилловича. Умер 4 апреля 1952 г. в Париже.

⁴⁶² **Матвеев (Михельс-Матвеев) Артур Робертович.** Офицер с 1884 г. Полковник л.-гв. Измайловского полка. В августе 1917 г. в офицерской организации в Петрограде. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе 1919 г. заведующий гражданской частью управляющего Северной Таврией. Умер в 1920 г. в Петрограде.

⁴⁶³ **Левицкий Юрий Михайлович,** р. 19 января 1889 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1909). Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле 1919 г. в эскадроне своего полка. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях). Умер после февраля 1954 г.

⁴⁶⁴ **Бок Платон Александрович,** р. 12 августа 1891 г. в Керчи. Одесский кадетский корпус (1910), Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; с февраля, в апреле—июне 1919 г. в эскадроне своего полка, ротмистр, в июле 1920 г. коман-

дир эскадрона и дивизиона в Гвардейском кавалерийском полку. Подполковник. В эмиграции во Франции. Полковник. Умер 30 июля 1968 г. в Париже.

⁴⁶⁵ **Зеленой А. Алекс.** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России с февраля 1919 г., в апреле 1919 г. в эскадроне своего полка, затем командир 2-го эскадрона л.-гв. Драгунского полка. Полковник.

⁴⁶⁶ Воспоминания Д. В. Коптева публикуются ниже.

⁴⁶⁷ **Гевлич Владимир Алекс.** Офицер л.-гв. Драгунского полка (в 1880-х годах). Сотник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля, в апреле 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Драгунского полка.

⁴⁶⁸ **Гевлич Кирилл Владимирович.** Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. старший унтер-офицер, затем вахмистр, прикомандирован к эскадрону л.-гв. Драгунского полка, с июля 1919 г. переведен в этот эскадрон во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку; в Русской Армии в июне 1920 г. в эскадроне л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет (3 ноября 1919 г.). Умер от тифа в 1920 г.

⁴⁶⁹ **Зеленой Иван Алекс.** Подпоручик (поручик артиллерии). В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г., в апреле 1919 г. прикомандирован к эскадрону л.-гв. Драгунского полка. Пропал без вести, заболел тифом и остался в Ростове в январе 1920 г.

⁴⁷⁰ **Граф Толстой Владимир.** Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Драгунского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку. Корнет (с 3 ноября 1919 г.).

⁴⁷¹ **Главацкий Николай Николаевич,** р. в 1885 г. Из дворян, сын генерал-майора. Пажеский корпус (1906). Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России с весны 1919 г., с 8 апреля 1919 г. в эскадроне своего полка. На 10 января 1920 г. в общежитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь). В эмиграции в Париже и его окрестностях. Умер после февраля 1954 г. в Париже.

⁴⁷² Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 1. Париж, 1928.

⁴⁷³ **Стессель Александр Анатольевич,** р. в 1876 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник л.-гв. 2-го стрелкового полка, командир 152-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир сводного гвардейского стрелкового батальона и полка, с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Ак-Манайских позициях, с 1 июля 1919 г. командир стрелкового батальона в Сводно-гвардейском полку, в июле 1919 г. командир 1-го батальона во 2-м Сводно-гвардейском полку, с 2 сентября 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского полка, затем в батальоне л.-гв. 2-го стрелкового полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, в декабре 1919 г. начальник внутренней обороны и комендант Одессы, в январе 1920 г. фактический командир Овидиопольского отряда при походе из Одессы на румынскую границу. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). На

май 1920 г. в Югославии. 8 сентября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым на пароходе «Владимир». В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. 2-го стрелкового полка в Париже, председатель полкового объединения. Умер 1 июня 1933 г. в Париже.

⁴⁷⁴ **Тилло Павел Эдуардович,** р. 12 августа 1872 г. Пажеский корпус (1892). Офицер л.-гв. Преображенского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Семеновского полка, 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе Главнокомандующего; с 25 октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка, в январе—марте 1919 г. командир гвардейского отряда Крымско-Азовской армии, с 17 апреля 1919 г. командир Сводно-гвардейского отряда. Эвакуирован в декабре 1919 г. — феврале 1920 г. из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». На май 1920 г. в Югославии, с декабря 1926 г. там же, затем во Франции. Член полкового объединения. Умер 19 июля 1931 г. в Сент-Женевьев-де-Буа.

⁴⁷⁵ **Плюцинский Борис Александрович,** р. 20 апреля 1880 г. Офицер с 1900 (1901 г.) Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Полковник л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР в апреле 1919 г. командир батареи на Ак-Манайских позициях, в сентябре—октябре 1919 г. командир 1-го дивизиона Сводно-гвардейской артиллерийской бригады, в Русской Армии в августе 1920 г. командир 2-го отдельного артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда во Франции. В эмиграции там же, старшина и казначей объединения Гвардейской артиллерии, секретарь объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, на ноябрь 1951 г. представитель в Гвардейском объединении от гвардейской артиллерии и член Ревизионной комиссии Гвардейского объединения, заместитель председателя объединения Гвардейской артиллерии, председатель объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады и заместитель председателя объединения л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Умер 9 апреля 1953 г. в Париже.

⁴⁷⁶ **Ходаковский (Ходак-Ходаковский) Николай Николаевич,** р. 25 октября 1879 г. в Кубанской обл. Из дворян. Киевский кадетский корпус (1898), Павловское военное училище (1900). Генерал-майор, начальник 42-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии с 30 августа 1918 г. в резерве чинов при штабе армии. 9—26 октября 1918 г. командир Марковского полка, в октябре 1918 г. ранен и оставил полк, с 26 октября 1918 г. начальник войск Невинномысского района, с 18 ноября командир 2-й отдельной пластуной бригады и левого участка 3-го армейского корпуса, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии, затем командир бригады 3-й пехотной дивизии, с 14 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской армии, с 21 марта 1919 г. комендант крепости Керчь, с 30 июля 1919 г. Керчь-Еникальский градоначальник с оставлением в прежней должности.

⁴⁷⁷ Речь идет о кадрах полков 34-й пехотной дивизии, тогда входивших в Сводный полк 34-й пехотной дивизии:

133-й пехотный Симферопольский полк. Возрожден во ВСЮР на базе созданной Екатеринославским центром добровольческой офицерской дружины и офицерского кадра полка, пришедших в Крым в составе Екатеринославского отряда и вошедшего в январе 1919 г. в Сводный полк 34-й пехотной дивизии (к осени 1919 г. его кадр входил в состав 1-го сводного полка этой дивизии). К 1 октября 1919 г. стал самостоятельным полком, в нем состояло 1384 человека, в т. ч. 258 офицеров (из них 127 на солдатских должностях) и 6 чиновников. В 1920 г. входил в состав развернутой в Русской Армии 34-й пехотной дивизии. На 1 августа 1920 г. насчитывал 34 офицера и 307 солдат при 7 пулеметах.

134-й пехотный Феодосийский полк. Возрожден во ВСЮР на базе офицерского кадра полка, пришедшего в Крым в составе Екатеринославского отряда и вошедшего в январе 1919 г. в Сводный полк 34-й пехотной дивизии (к осени 1919 г. его кадр входил в состав 1-го сводного полка этой дивизии). К 1 октября 1919 г. стал самостоятельным полком, в нем состояло 1482 человека, в т. ч. 257 офицеров (из них 181 на солдатских должностях) и 7 чиновников. В 1920 г. входил в состав развернутой в Русской Армии 34-й пехотной дивизии. На 1 августа 1920 г. насчитывал 50 офицеров и 411 солдат при 18 пулеметах.

⁴⁷⁸ Крымский конный полк. Полк Императорской армии. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полковник Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М.М. Петропольский и подполковник О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й Пехотной дивизии (с января 1919 г. дивизион — 3 эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Ак-Манайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены 2 эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (6 эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре—октябре 1919 г. входил в состав отряда генерал Розеншильда-Паулина войск Новороссийской обл. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады, действующей против банд Махно. Один эскадрон полка, находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады, 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформированию, — в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированный 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. Из полка (не считая погибших в январе 1918 г. 12 офицеров) в декабре 1918 г. при возрождении его в Добровольческой армии прибыло 27 его офицеров и в 1919—1920 гг. в полк было

принято еще 24 офицера из прикомандированных к нему. Другие офицеры служили в иных частях и даже на других фронтах. В Галлиполи из полка было 45 офицеров и 22 солдата. В 1928 г. кадр полка включал 26 офицеров. Командиры: полковник Г.А. Бако (7 декабря 1918-го — начало февраля 1919 г.), полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919 г. — 5 мая 1920 г.), полковник Е.А. Зотов (5 мая—июнь, 3 августа—ноябрь 1920 г.), подполковник В.А. Тихановский (июнь — 3 августа 1920 г.). Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Г.А. Бако.

⁴⁷⁹ Туган-Мирза-Барановский Давид Иванович. Сын генерал-майора. Михайловское артиллерийское училище (1902), академия Генштаба. Полковник л.-гв. Конной артиллерии, начальник штаба Гвардейской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, с октября 1919 г. командир дивизиона войск Новороссийской обл. В Русской Армии с мая 1920 г. командир 2-го Туземного конного полка, с июля 1920 г. начальник штаба инспектора конницы до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. В 1921 г. начальник штаба Кубанского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции после 1934 г. во Франции, к 1938 г. в Варшаве, председатель отдела объединения л.-гв. Конной артиллерии. Умер в 1943 г. в Польше.

⁴⁸⁰ Севастьянов Георгий Александрович, р. в 1893 г. в Санкт-Петербурге. Морской корпус (1914). лейтенант, флаг-офицер эсминца «Бдительный». В Добровольческой армии и ВСЮР; в мае 1919 г. командир парохода «Гидра», затем в речных силах ВСЮР, с 1 марта 1920 г. в Черноморский флотский экипаж. В эмиграции в 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе.

⁴⁸¹ Граф Беннигсен В.И. Поручик л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; с мая 1919 г. командир взвода в эскадроне своего полка. Пропал без вести около 14 февраля 1920 г. у Бердянска.

⁴⁸² Лабудзинский Борис Михайлович. Ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 г. в эскадроне л.-гв. Драгунского полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Полковник. В эмиграции. Умер 16 января 1962 г.

⁴⁸³ Иордан Борис Михайлович, р. в 1888 г. Сын действительного статского советника. Пажеский корпус (1907), академия Генштаба. Офицер (1914) л.-гв. Уланского Его Величества полка. Капитан, и. д. начальника штаба Гвардейского кавалерийского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в Военном управлении, с 4 ноября 1918 г. помощник начальника, затем заведующий политической частью Политической канцелярии помощника Главнокомандующего ВСЮР, с 22 июля 1919 г. начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии, начальник штаба 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с ноября 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии на государственной службе, в 1931 г. в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии и на Восточном побережье США, в 1948—1949 гг. начальник 2-го отдела РОВС в США в Нью-Йорке. Умер 20 июля 1956 г. в Конкорде (США).

⁴⁸⁴ **Лютер Иван.** Офицер с 1915 г. Поручик л.-гв. Конно-гренадерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1919 г. в эскадроне своего полка. Убит 19 августа 1920 г. у с. Айгаманы или хут. Злотники Мелитопольского уезда.

⁴⁸⁵ **Вульфийс Г.А.** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в ноябре 1919 г. в эскадроне своего полка. Пропал без вести (взят в плен бандами Махно) в декабре 1919 г. у Знаменки.

⁴⁸⁶ **Алехин.** Корнет л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июле 1919 г. в 1-м Чеченском конном полку, в сентябре 1920 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен в июле 1920 г. Штабс-ротмистр

⁴⁸⁷ **Алеев Георгий Александрович (Николаевич).** Александровский кадетский корпус (1906). Ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в своем полку; с февраля 1920 г. начальник обоза 2-го разряда во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Полковник. В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1972 г.

⁴⁸⁸ Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 3. Париж, 1930.

⁴⁸⁹ **Де Витт Дмитрий Львович,** р. 9 апреля 1896 г. в Санкт-Петербурге. Сумский кадетский корпус (1915), Елисаветградское кавалерийское училище. Офицер л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. в Чеченской конной дивизии (в июле 1919 г. в 1-м Чеченском конном полку), командир эскадрона, штабс-ротмистр, затем в эскадроне л.-гв. Драгунского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галиполец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Ротмистр. В эмиграции во Франции, военный публицист и историк. Умер 6 марта 1963 г. в Париже.

⁴⁹⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. Март 1962. № 53.

⁴⁹¹ **Алиев Эрис-Хан,** р. в 1855 г. В службе с 1873 г., офицером с 1876 г. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал от артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1919 г. Правитель Чечни, с 3 декабря 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Расстрелян в 1920 г. в Грозном.

⁴⁹² **Ревшин Александр Петрович,** р. 11 декабря 1870 г. в Харьковской губ. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1889); Николаевское кавалерийское училище (1891), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1904). Генерал-майор, командир Крымского конного полка и начальник штаба 9-й кавалерийской дивизии. В декабре 1917 г. начальник «украинизированной» дивизии, летом 1918 г. в гетманской армии, 20 июля 1918 г. назначен начальником административного управления канцелярии военного министерства, 26 октября 1918 г. уволен со службы по прошению с 1 октября 1918 г., затем начальник 3-й конной дивизии, с 22 октября 1918 г. командующий Особым корпусом в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии; с 26 января 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Юго-Западного края, затем инспектор формирования чеченских частей, с мая 1919-го по февраль 1920 г.

начальник Чеченской конной дивизии, в сентябре 1919 г. командир отряда, действующего против банд Махно, на 5 ноября 1919 г. командующий Группой войск особого назначения, в декабре 1919-го — начале 1920 г. командир Сводно-Чеченского конного полка, в Крыму начальник 3-й конной дивизии. Взят в плен 27 мая 1920 г. в с. Ново-Михайловка.

⁴⁹³ **Коптев Дмитрий Васильевич.** Александровский лицей (1916) (не окончил). Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. в эскадроне своего полка, в апреле 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии в июне 1920 г. в том же эскадроне в Гвардейском кавалерийском полку. Тяжело ранен в июне 1920 г. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер после 1929 г. в Париже.

⁴⁹⁴ Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 2. Париж, 1929.

⁴⁹⁵ Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 1. Париж, 1928.

⁴⁹⁶ 10-й уланский Одесский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексева полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 1-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение Одесских улан» (Скопье, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС). В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник М.Н. Фирсовский.

⁴⁹⁷ **Гуреев Юрий Владимирович.** Суворовский кадетский корпус (1913), Елисаветградское кавалерийское училище. Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, в Русской Армии до эвакуации Крыма; в июне—октябре 1920 г. командир эскадрона своего полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен. Ротмистр. Остался в Феодосии. Расстрелян большевиками в 1920 г. в Крыму.

⁴⁹⁸ Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 1. Париж, 1928.

⁴⁹⁹ Впервые опубликовано: Ш и р в и н т. Лейб-драгуны дома и на войне. Выпуск 3. Париж, 1930.

⁵⁰⁰ **Вонсяцкий Анастасий Андреевич,** р. 12 июня 1898 г. в Варшаве. Из дворян, сын полковника. Суворовский кадетский корпус (1916), Николаевское кавалерийское училище (1916). Офицер 5-го гусарского полка. В Добровольческой армии; в начале 1919 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку. Ранен. В эмиграции во Франции и с 30 июля 1921 г. в США, член редколлегии «Часового». Организатор (10 мая 1933 г.) и руководитель Российского фашистского союза, с августа 1933 г. издатель газеты «Фашист». Умер 5 февраля 1965 г. в Сен-Петерсберге (Флорида).

⁵⁰¹ Впервые опубликовано: Часовой. Январь—апрель 1930. № 25, 29, 30.

⁵⁰² Запасный кавалерийский полк. Сформирован в Добровольческой армии на территории Таврической губ. Входил в состав Крымской дивизии. 19 ян-

варя 1919 г. включен в состав 5-й пехотной дивизии. В марте 1919 г. включал дивизион (2 эскадрона) л.-гв. Уланского Его Величества полка, эскадроны 5-го гусарского Александрийского, л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков и 2 эскадрона из крымских немцев-колонистов. В бою под Аскания-Нова 20 февраля 1919 г. эскадрон л.-гв. Уланского Его Величества полка понес тяжелые потери. Полк расформирован 22 мая 1919 г. Командир — полковник В.С. Гершельман (1918-й — 20 февраля 1919 г.).

⁵⁰³ **Гарденин Александр Михайлович**, р. в 1898 г. Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в феврале 1919 г. в Запасном кавалерийском полку, в феврале—марте 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана, в марте—июне 1919 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка того же дивизиона. В Русской Армии; в октябре 1920 г. в пулеметной команде Гвардейского кавалерийского полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Умер 14 марта 1977 г. в Нью-Йорке.

⁵⁰⁴ **Марков-Горлинов Андрей**. Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку; в феврале—марте 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе полковника Гершельмана. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. под Аскания-Нова.

⁵⁰⁵ **Криштафович Дмитрий Евгеньевич**. Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в феврале 1919 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку в Ялте. Ранен. Штабс-ротмистр. В эмиграции в США. Умер 12 июня 1960 г. в Нью-Йорке.

⁵⁰⁶ 5-й гусарский Александрийский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка в январе—марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк и весной 1919 г. — в состав Перекопского отряда Крымско-Азовской армии, затем переброшен на Кавказ. Собственный полк (6 эскадронов) сформирован 1 июля 1919 г. в Грозном (из ставропольцев — старых солдат кавалерии, ногойцев и калмыков) в составе войск Северного Кавказа. Принимал участие в усмирении Чечни. К октябрю 1919 г. имел около 2000 человек при 3 штаб- и 27 обер-офицерах (на 5 октября 1919 г. насчитывал 861 саблю и 18 пулеметов), к 5 марта 1920 г. — около 400 человек. В марте отошел из Владикавказа в Грузию, откуда 11 апреля переброшен в Крым. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 1-й кавалерийский полк. Командиры: полковник И.А. Глебов (весна — октябрь 1919 г.), полковник Доможиров (октябрь 1919-го — апрель 1920 г.). Кроме того, возрожден на Восточном фронте как Самарский гусарский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник С.А. Топорков.

⁵⁰⁷ **Мейер Петр Александрович**. Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. В Донской армии; с 10 мая 1918 г. поручик. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. Штабс-ротмистр. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же. Умер 4 июня 1920 г. в Топчидере или осенью 1920 г. под Белградом (Югославия).

⁵⁰⁸ Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка (5 человек) послужили ядром 1-го кавалерийского дивизиона (полковника Гершельмана). Эскадрон (в марте 1919 г. дивизион) полка в октябре 1918 г. входил в Запасный кавалерийский полк, с весны до июня 1919 г. — в состав гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона. С 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного 2-го гвардейского Сводно-кавалерийского полка, где в июле 1919 г. уланы Его Величества были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. стал 6-м эскадронном Гвардейского кавалерийского полка. В Галлиполи прибыли 7 офицеров. Кроме того, в Сибири воевали 3 его офицера, в Северо-Западной армии — 4. Полк потерял в Белом движении 26 офицеров (5 расстреляно, 13 убито и 8 умерло от болезней). Командир — полковник Ковалинский (март 1919 г.). Командир эскадрона — ротмистр Зубов. Полковое объединение в эмиграции (Париж) к 1923 г. насчитывало около 50 офицеров (на 1939 г. в Париже жило 11 членов объединения полка), на 1949—1951 гг. — 28 человек (в т. ч. 7 в Париже, 4 в США), в 1958 г. — 16 (7 в Париже). Председатели: генерал-майор Игельстром, генерал-лейтенант Д.И. Гурко, генерал-майор барон А.К. Притвиц, полковник Б.Е. Мартынов; секретари: ротмистр И.Н. Фермор, штабс-ротмистр А.А. Головин; представители в Югославии — генерал-майор М.Ф. Дабич и полковник К.С. Муханов, во Франции (к 1962 г.) — полковник С.И. Новиков.

⁵⁰⁹ Воспоминания М.К. Бореля публикуются ниже.

⁵¹⁰ **Сатов-Швендер Михаил**. Училище правоведения (1917) (не окончил; 4-й класс). Прапорщик л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, затем в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе. Корнет. Убит в середине мая 1919 г. на Ак-Манайских позициях в Крыму.

⁵¹¹ **Балашев Константин Васильевич**, р. в октябре 1887 г. Николаевский кадетский корпус. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка и гвардейского запасного кавалерийского полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска в Константинополь (на собственные средства) на корабле «Владимир». В эмиграции во Франции. Умер 19 мая 1962 г. в Париже.

⁵¹² **Борель Михаил Константинович**, р. 18(19) августа 1895 г. в Санкт-Петербурге. Из купцов. Студент Петербургского политехнического института. Юнкер Николаевского кавалерийского училища, в декабре 1917 г. — Кабардинского конного полка. Весной 1918 г. прибыл из Ессентуков в Добровольческую армию и зачислен в 1-й офицерский конный полк, с 4 июня 1918 г. в 4-м Кубанском казачьем полку, затем в конвое генерала Алексева, с начала октября 1918 г. вольноопределяющийся в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку, с марта 1919 г. адъютант дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка в том же полку, затем в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 30 июня 1919 г. корнет, летом 1920 г. в эскадро-

не л.-гв. Уланского Его Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 17 июня 1920 г. у хут. Терны под Каховкой. С осени 1920 г. вграничной командировке. Поручик. В эмиграции в Югославии (в Белграде). С 1943 г. в Германии, с марта 1949 г. в Аргентине. Штабс-ротмистр. Умер 25 сентября 1979 г. в Буэнос-Айресе.

⁵¹³ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. Март—август 1963. № 18—23.

⁵¹⁴ **Потемкин Владимир Николаевич**, р. 22 октября 1885 г. Из дворян Смоленской губ. Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга, командир эсминца. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; командир Морской роты в боях у Батайска (тяжело ранен), в марте 1918 г. через Новочеркасск и Кисловодск пробрался в Астрахань, откуда вернулся на Дон. Летом 1918 г. командир над портом Новороссийска, в 1919 г. командир бронепоезда «Князь Пожарский», в 1920 г. начальник дивизиона морских канонерских лодок Азовского моря (2-й отряд судов Черного моря), при эвакуации Крыма комендант Керчи. Капитан 1-го ранга. Галлиполиец. Командир транспорта «Ята». В эмиграции во Франции, начальник 6-й группы ВМС. Умер 18 ноября 1938 г. в Париже.

⁵¹⁵ **Красенский Михаил**. Прапорщик 17-го драгунского полка (с декабря 1917 г. Кабардинского конного полка). В Добровольческой армии с весны 1918 г. из Ессентуков. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 17 января 1919 г. корнет. Ротмистр. В эмиграции с 1924 г. в Албании, служил в албанской армии до 1939 г., затем в итальянской армии в России, председатель Особого военного трибунала по борьбе с коммунизмом в Албании. Повешен коммунистами в 1945 г. в Тиране.

⁵¹⁶ **Векслер**. Офицер Кабардинского конного полка (декабрь 1917 г.). В Добровольческой армии; весной 1918 г. из Ессентуков. В мае 1918 г. в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. в 4-м Кубанском казачьем полку.

⁵¹⁷ **Чегодаев Николай**. Офицер 5-го гусарского полка (с декабря 1917 г. в Кабардинском конном полку). В Добровольческой армии с весны 1918 г. из Ессентуков; в мае 1918 г. в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. в 4-м Кубанском казачьем полку.

⁵¹⁸ **Амелунг Борис Владимирович**. Полковник л.-гв. Литовского полка. В Добровольческой армии; весной 1918 г. прибыл из Ессентуков, в августе 1918 г. послан курьером в Кисловодск для связи с Терским восстанием. Погиб.

⁵¹⁹ Лейб-гвардий Литовский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка после его расформирования тремя эшелонами выехали из Жмеринки в Киев, откуда, собравшись вместе, направились в Добровольческую армию, где приняли участие в 1-м Кубанском походе. В конце 1918 г. большинство их находилось в Крыму в охране Императорской Фамилии. Летом 1919 г. полк имел 2 роты в 1-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии (три роты действовали отдельно). Командир роты — капитан А.В. Кемарский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в

3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции (Париж) на 1939 г. насчитывало 20 человек (в т. ч. 8 во Франции — все в Париже), на 1949—1951 гг. — 12 (7 в Париже), на 1958 г. — 9 (4 в Париже). Председатели: генерал-майор В.П. Тарановский, полковник А.В. Молоствов, полковник Г.Н. Акимов; заместители председателя — полковник В.П. Сияльский, полковник Ю.И. Воинов, полковник В.В. Дубинский; секретари — полковник А.И. Петровский, полковник Ю.И. Воинов, представитель в Югославии — генерал-майор А.Ф. Гончаров.

⁵²⁰ **Половцов Петр Александрович**, р. 3 мая 1874 г. Гимназия, Историко-филологический институт, офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1899), академия Генштаба (1904). Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка. Генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа, командир Кавказского туземного конного корпуса, военный губернатор и командующий войсками Терской обл. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. неудачно формировал в Ессентуках Кабардинский конный полк. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавляя русскую секцию Союза французских комбатантов. Умер 9 февраля 1964 г. в Монте-Карло.

⁵²¹ 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Первый поход Добровольческой армии с Дона на Кубань. Продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 г. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен Кубанским отрядом. Соединившись с последним в середине марта, армия 30—31 марта предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил 1:10 в пользу красных). После смерти генерала А.Г. Корнилова выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества. За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие «первоходникам» тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей («первоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов.

Среди 3683 участников похода было 36 генералов (в т. ч. 3 генерала от инфантерии и от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т. ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарины, 364 унтер-офицера (в т. ч. подпрапорщиков и им равных), 235 солдат (в т. ч. ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того, 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 — рядовыми добровольцами, 5 — врачами и фельдшерицами, 122 — сестрами ми-

лосердия, и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняли участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 человек, и около 3000 молодежи. После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами. Для участников похода установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на георгиевской ленте с розеткой национальных цветов.

⁵²² **Яновский Леонтий Дмитриевич.** Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Офицер 1-го гусарского полка. Ротмистр 4-го гусарского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант Партизанского полка. В мае 1918 г. командир 2-й сотни в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. командир 4-го Кубанского казачьего полка, командир 4-го Сводного Кубанского полка, с 3 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. Полковник. Умер от тифа 23 марта 1919 г. в Ростове.

⁵²³ **Малахов Николай Петрович,** р. в ноябре 1900 г. в Смоленске. Кадет 7-го класса 3-го Московского кадетского корпуса. Участник боев в Москве. В конце 1917-го — начале 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в охранной роте штаба армии, в мае 1918 г. в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. в 4-м Кубанском казачьем полку, затем в конвое Главнокомандующего; с 26 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. в 1-й батарее). Подпоручик. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арддивизиона во Франции. Поручик. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск; без выпускной темы). Умер 27 декабря 1992 г. в Париже.

⁵²⁴ **Пальчевский Евгений Евгеньевич.** Кадет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в мае 1918 г. в 1-м конном полку, с 4 июня 1918 г. в 4-м Кубанском казачьем полку, затем в конвое Главнокомандующего; с 26 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автотанковой роты Технического полка в Галлиполи. Подпоручик. В эмиграции. Штабс-капитан. С 1937 г. доброволец армии генерала Франко, с 1940 г. служил в испанском МИДе.

⁵²⁵ **Драшпиль Вадим Н.** Кадет (юнкер). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В мае 1918 г. в 1-м офицерском конном полку, с 4 июня 1918 г. в 4-м Сводном Кубанском казачьем полку; с 7 декабря 1918 г. прапорщик. В эмиграции.

⁵²⁶ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Февраль—март 1967. № 65—66.

⁵²⁷ **Князь Накашидзе Василий Николаевич,** р. в 1901 г. Кадет 5-го класса Орловского кадетского корпуса. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. в конном дивизионе полковника Гершельмана и охране генерала Алексева. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Прапорщик. Осенью 1918 г. в штабе армии, с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку,

затем в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, принят в кадр полка. С марта 1920 г. командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Штабс-ротмистр (поручик). В эмиграции в США. Умер 8—9 марта 1965 г. в Нью-Йорке.

⁵²⁸ 1-й кавалерийский дивизион (дивизион полковника Гершельмана). Первая кавалерийская часть Добровольческой армии. 18 декабря 1917 г. полковнику л.-гв. Уланского Его Величества полка В.С. Гершельману было разрешено приступить в Ростове к формированию 1-го кавалерийского дивизиона. 6 января 1918 г. переведен в Таганрог. К 30 декабря в 1-м эскадроне было 18 офицеров, во 2-м — 26 добровольцев при 4 офицерах, к 10 января 1918 г. дивизион насчитывал 138 человек (63 офицера, 2 врача, сестра милосердия и 2 добровольца в 1-м и 62 добровольца при 5 офицерах во 2-м эскадронах). Среди офицеров было 3 полковника, 3 подполковника, 6 ротмистров (и им равных), 18 штабс-ротмистров, 13 поручиков, 24 корнета и 4 прапорщика, представлявшие 5 драгунских, 8 уланских, 7 гусарских полков и другие части; 5 офицеров были из л.-гв. Уланского Его Величества полка, по 4 — 4-го Харьковского и 15-го Татарского уланских, по 3 — 17-го уланского Новомиргородского, 11-го гусарского Изюмского, 2-го драгунского Псковского и 1-го Заамурского полков, 6 — пограничной стражи и 10 — казачьих частей. С 13 января 1918 г. в боях под Таганрогом и при отходе к Ростову потерял убитыми 8 офицеров и 6 добровольцев и около 30 человек ранеными и обмороженными, после чего, сведенный в офицерский эскадрон (63 человека), принял участие в 1-м Кубанском («Ледяном») походе. 26 марта 1918 г. влит в 1-й конный генерала Алексева полк. Командиры эскадронов: 1-го — подполковник Селиванов, 2-го — подполковник Балицкий.

⁵²⁹ **Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович,** р. в 1883 г. Симбирский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В августе 1917 г. член офицерской организации в Киеве. В Добровольческой армии; прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант генерала Алексева до сентября 1918 г. С 30 декабря 1918 г. начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста, затем адъютант генерала Деникина, с осени 1918 г. полковник. Во ВСЮР с 17 июля по 23 ноября 1919 г. командир 2-го конного полка, с января 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Генерал-майор. 22 марта 1920 г. выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии. Умер 10 июня 1947 г. в Брюсселе.

⁵³⁰ **Брик Георгий.** Прапорщик л.-гв. 3-го стрелкового полка. В Добровольческой армии в декабре 1917 г. в гвардейской роте и охране генерала Алексева. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиром.

⁵³¹ **Розе Анатолий Николаевич.** Морской корпус (1918). Старший гардемарин. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в Морской роте и охра-

не генерала Алексева. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем адъютант генерала Драгомирова. Мичман (с 31 января 1919 г.). Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Болгарии. Покончил самоубийством в 1921 г. в Софии.

⁵³² **Немирович-Данченко В.** Поручик. В Добровольческой армии в ординарском эскадроне штаба армии, с 25 октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, затем в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка; в 1919 г. командир взвода л.-гв. Уланского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку.

⁵³³ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. Май—июнь 1969. № 90.

⁵³⁴ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. Май—июнь 1969. № 90.

⁵³⁵ 4-й гусарский Мариупольский полк. К концу 1918 г. в Добровольческой армии было 23 офицера полка и несколько офицеров в Донской армии; полк был возрожден в Донской армии 12 июля 1919 г. 26 августа 1919 г. включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. Мариупольцы входили также в состав 3-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й кавалерийский полк. В нем воевало более 30 коренных офицеров. В январе 1920 г. полк имел 46 офицеров и около 500 солдат. В объединении Мариупольского полка даже в начале 1970-х годов насчитывалось 11 офицеров, произведенных не позже 1920 г.

⁵³⁶ 6-й гусарский Клястицкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии 26 августа 1919 г. в составе 4 эскадронов. Включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. Командир — ротмистр Д. Франк (врид с начала декабря 1919 г.).

⁵³⁷ **Чеснаков Петр Владимирович**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г., академия Генштаба (1901). Офицер 4-го гусарского полка. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с апреля 1919 г., с 1 июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, летом 1919 г. в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), с 23 июля 1919 г. командир 4-го гусарского полка, с 11 октября 1919 г. в резерве чинов Донской армии, с декабря 1919-го по март 1920 г. начальник 1-й Сводной кавалерийской дивизии Донской армии. В Русской Армии с 20 июня 1920 г. в резерве чинов при военном управлении, затем в инспекции конницы до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегад».

⁵³⁸ 1-я Донская конная дивизия. Формировалась в Донской армии с 4 мая 1918 г. в составе Молодой армии. Входила в состав Южной группы Донской армии, затем — Западного фронта Донской армии, с 23 февраля 1919 г. — 3-й Донской армии. С 12 мая 1919 г. вошла в 3-й Донской отдельный корпус. На 5 октября 1919 г. всего насчитывала 943 штыка, 497 сабель, 31 пуле-

мет, 8 орудий. Включала л.-гв. Казачий (194 штыка, 66 сабель, 8 пулеметов), г.-гв. Атаманский (240 штыков, 131 сабля, 9 пулеметов), 4-й Донской казачий (298 штыков, 180 сабель, 8 пулеметов) и 3-й Калмышский конный (211 штыков, 120 сабель, 6 пулеметов) полки, Конно-саперную сотню (203 человека) и 1-й Донской конно-артиллерийский дивизион: 1-я и 2-я Донские конные батареи (по 4 орудия каждая). Начальники: генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов (до ноября 1919 г.), генерал-майор В.А. Дьяков (с 28 октября 1919 г.). Начальники штаба: полковник Б.А. Иванов (умер 16 августа 1919 г.), полковник Е.И. Никитин.

⁵³⁹ **Дьяков Василий Авраамович**, р. 6 января 1886 г. Из дворян, сын офицера ВВА, казак ст. Новониколаевской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник л.-гв. Казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 1 апреля 1918 г. участник восстания в Новочеркасске, с 6 апреля 1918 г. в отряде войскового старшины Семилетова, с 10 мая 1918 г. командир 1-го полка 1-й Донской конной дивизии, с 4 сентября 1918 г. командир л.-гв. Казачьего полка, ранен 22 февраля 1919 г., с 6 апреля 1919 г. командир гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919 г. начальник той же дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (4 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920-го по 1921 г. командир 1-й бригады 1-й Донской конной дивизии, затем до 1924 г. в распоряжении представителя Главнокомандующего Русской Армии в Польше, с 1924 г. в Данциге. Погиб в марте 1945 г.

⁵⁴⁰ **Тарасов Владислав.** Офицер с 1911 г. Полковник л.-гв. Конно-гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Конно-гренадерского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В эмиграции в Югославии. Умер в 1922 г. в Панчеве (Югославия).

⁵⁴¹ Продолжение не было напечатано.

⁵⁴² Впервые опубликовано: Наши Вести. Июнь 1979. № 375.

⁵⁴³ **Макарович Александр Петрович**, р. в 1899 г. Полтавский кадетский корпус (1918). В Вооруженных силах Юга России в эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка. Корнет. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 8 октября 1972 г. в Ноттингеме (Англия).

⁵⁴⁴ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. Ноябрь 1972. № 40.

⁵⁴⁵ **Малиновский Лев Порфирьевич**, р. в 1898 г. Александровский лицей. Прапорщик артиллерии. В 1918 г. в Москве. В Вооруженных силах Юга России; с ноября 1919 г. корнет в эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка. Взят в плен, бежал. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Штабс-ротмистр. Галиполаец. В эмиграции во Франции, с 1924 г. в Париже. Умер 16 декабря 1924 г. в Париже.

⁵⁴⁶ **Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.** Возрожден во ВСЮР. Гродненские гусары с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-гусарского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадронами. С 30 де-

кабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входил в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. — в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. составил половину 7-го эскадрона Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 9 офицеров (3 расстреляно, 3 убито и 3 умерло от болезней). Командир — полковник В.Н. Адрианов (до 13 сентября 1920 г.; убит). Полковое объединение в эмиграции (Париж): председатели: генерал-лейтенант Н.Н. Головин, генерал от кавалерии А.М. Кауфман-Туркестанский, полковник князь М.П. Аргутинский-Долгоруков, штабс-ротмистр И.И. Палеолог (к 1962 г.); секретари: штабс-ротмистр К.С. Гриневич, штабс-ротмистр В.П. фон Дервиз, корнет П.П. Малиновский; хранитель музея — штабс-ротмистр И.И. Палеолог; представитель в Югославии — полковник Н.Е. Кривский, в США — штабс-ротмистр князь А.М. Кантакузен. На 1939 г. насчитывало 60 человек (в т. ч. 23 во Франции, 15 в Париже), на 1949 г. — 21 (10 в Париже, 4 в США), к 1951 г. — 20.

⁵⁴⁷ 12-й драгунский Стародубовский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. стародубовские драгуны были представлены 2 эскадронами. К декабрю 1919 г. из 24 кадровых офицеров осталось 12 (4 ранено и 8 убито). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

⁵⁴⁸ **Малиновский Павел Порфирьевич.** Корнет. В Вооруженных силах Юга России; с ноября 1919 г. в эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка. В эмиграции во Франции. Умер 19—20 июля 1972 г. в Париже.

⁵⁴⁹ **Зершиков Константин Федорович,** р. 14 декабря 1887 г. в ст. Бороздинской Терской обл. Из дворян, сын офицера. Ярославский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Сотник Собственного Его Императорского Величества конвоя. В Добровольческой армии и ВСЮР в Кубанском гвардейском дивизионе, 16 апреля 1919 г. разжалован в рядовые, затем восстановлен в чине. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос, командир Кубанского гвардейского дивизиона, начальник Кубанской офицерской школы. В 1922 г. и. д. генерала для поручений при Главнокомандующем. Осенью 1925 г. в составе дивизиона л.-гв. Кубанской и Терской сотен в Югославии. Полковник. В 1924—1937 гг. командир дивизиона. Служил в Русском Корпусе. Умер 25 мая 1951 г. в Зеебахе (Австрия).

⁵⁵⁰ Речь идет о терских сотнях Собственного Его Императорского Величества конвоя, которые сражались в составе ВСЮР.

⁵⁵¹ **Рогожин Анатолий Иванович,** р. 12 апреля 1893 г. в ст. Червленной Терской обл. Сын полковника. Владикавказский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Сотник Собственного Его Императорского Величества конвоя. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. участник Терского восстания. В августе 1918 г. — феврале 1919 г. адъютант Кизляр-Гребенского полка, затем командир 2-й сотни Кубанского гвардейского дивизиона в Донбассе. Тяжело ранен под Царицыном, с 1 августа 1919 г. командир 1-й сотни. С 2 января 1920 г. подьесаул, с 3 января

1920 г. есаул. С весны 1920 г. командир Терского гвардейского дивизиона и сотни до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. служил в пограничной страже. Полковник, осенью 1925 г. помощник командира 3-го Сводно-Кубанского полка; помощник командира Кубанского гвардейского дивизиона, с 1937 г. командир Собственного Его Императорского Величества конвоя. Служил в Русском Корпусе, с 30 апреля 1945 г. командир его. С 1952 г. в США. Председатель СЧРК. Умер 6 апреля 1972 г. в Лейквуде (США).

⁵⁵² **Щербаков Константин Иосифович (Иоасафович),** р. 22 августа 1891 г. в ст. Наурской Терской обл. Владикавказский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Подьесаул 1-го Терского пешего батальона. В Добровольческой армии командир сотни 1-го Терского запасного полка, с 1919-го по март 1920 г. начальник конвоя командующего войсками Северного Кавказа, с 1920 г. есаул в Терском гвардейском дивизионе, с августа 1920 г. командир Терской гвардейской сотни, участник десанта на Кубань. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Войсковой старшина (с 18 августа 1920 г.). Был на о. Лемнос, в Болгарии с 1922 г. командир 3-й Терской гвардейской сотни. Осенью 1925 г. в составе дивизиона л.-гв. Кубанских и Терской сотен в Югославии. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США, 8 лет председатель Союза терских казаков в США. Полковник. Умер 22 сентября 1983 г. в Ричмонде (США).

⁵⁵³ **Поморцев Николай Михайлович,** р. около 1899 г. Из казаков ст. Грозненской Терской обл. Офицер Терского казачьего войска. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1920 г. хорунжий в Терской гвардейской сотне, ранен в Кубанском десанте; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Терско-астраханского казачьего полка в Болгарии. Сотник (18 августа 1920 г.). Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 11 апреля 1967 г. в Фармингдейле (Нью-Джерси, США).

⁵⁵⁴ **Асташев Сергей Федорович.** Урядник Собственного Его Императорского Величества конвоя. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. хорунжий, прикомандирован к Терской гвардейской сотне. Участник Кубанского десанта. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Терско-астраханского казачьего полка в Болгарии. Сотник (с 18 августа 1920 г.).

⁵⁵⁵ **Протопопов Ростислав Николаевич.** Из казаков ст. Екатериноградской Терской обл. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма (с августа 1920 г. хорунжий в Терской гвардейской сотне, участник Кубанского десанта). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе дивизиона л.-гв. Кубанской и Терской казачьих сотен в Югославии. Хорунжий.

⁵⁵⁶ **Барагунов Константин Иванович,** р. 31 июля 1898 г. во Владикавказе. Из дворян, сын генерала. Владикавказский кадетский корпус (1917). Юнкер Николаевского кавалерийского училища. Во ВСЮР и Русской Армии; с августа 1920 г. хорунжий Терской гвардейской сотни. Участник Кубанского десанта. Сотник (с 18 августа 1920 г.). Умер 27 октября 1975 г. в Германии.

⁵⁵⁷ **Киселевский Кирилл Васильевич**. Пажеский корпус (1917). Прапорщик л.-гв. Конной артиллерии. С осени 1918 г. в офицерском эскадроне конвоя гетмана и русских добровольческих частях в Киеве. Вывезен в Германию. В 1919 г. в Русской Западной армии, затем в лагере Нью-Маркет в Англии. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 ноября 1919 г.); в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. В эмиграции во Франции, в 1931 г. секретарь Общества взаимопомощи л.-гв. Конной артиллерии в Париже, к февралю 1954 г. на юге Франции. Поручик. Умер в 1974 г. в Париже.

⁵⁵⁸ Впервые опубликовано: Военная Бель. Май 1973. № 122.

⁵⁵⁹ **Лейб-гвардии Конная артиллерия**. Во ВСЮР в начале 1919 г. была сформирована Гвардейская конно-артиллерийская (конно-горная) батарея (полковник Б.А. Лагодовский), с мая 1919 г. входившая в состав Сводной конной дивизии. С 19 июня (1 июля) 1919 г. развернута в Отдельный дивизион Гвардейской конной артиллерии (2 батареи), вошедший в состав 2-й кавалерийской дивизии. Потеряла в Белом движении 17 офицеров (5 расстреляно, 4 убито и 8 умерло от болезней). Командиры: полковник Трепов (до сентября—октября 1919 г.), полковник Д.С. Перфильев (с 11 октября 1919 г.); командир 1-й батареи — полковник Б.А. Лагодовский (с 11 октября 1919 г.), 2-й — полковник М.В. Котляревский (с 11 октября 1919 г.). Полковое объединение в эмиграции — «Общество взаимопомощи офицеров л.-гв. Конной артиллерии в Париже» создано 27 апреля 1929 г., насчитывало к 1930 г. 43 человека, на 1939 г. — 85 (в т. ч. 30 во Франции, 21 в Париже), на 1949—1951 гг. — 60 (12 в Париже, 2 в США), на 1958 г. — 52 (9 в Париже), к 1962 г. — 45 членов и 5 кандидатов (потомков офицеров полка). Почетный председатель генерал-майор Великий Князь Андрей Владимирович, председатели: генерал от артиллерии князь В.Н. Масальский, полковник В.С. Хитрово (к 1962 г., он же заведующий музеем), заместитель председателя — генерал-майор князь А.Н. Эристов, секретарь — капитан В.П. Штукенберг, заведующий музеем — полковник Б.А. Лагодовский, представитель в Югославии — полковник Н.П. Домерщиков.

⁵⁶⁰ **Котляревский Владимир Михайлович**, р. в 1892 г. Константиновское артиллерийское училище (1913). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 октября 1919 г. командир 2-й батареи отдельного дивизиона л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии с августа 1920 г. командир артиллерийского дивизиона 1-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович».

⁵⁶¹ **Коньков Иван Григорьевич**, р. 5 августа 1888 г. Из дворян, сын офицера, казак ст. Усть-Хоперской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1909). Есаул, командир л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Донской армии в январе—феврале 1918 г. на той же должности, в январе 1918 г. командир отдельного артиллерийского взвода. Участник боев до оставления Новочеркасска. В декабре 1919-го — марте 1920 г. командир л.-гв. 6-й Донской казачьей бата-

реи до эвакуации Новороссийска. Остался в Новороссийске. В августе—сентябре 1920 г. командир Донской атамана Каледина батареи 3-й Русской армии в Польше. Войсковой старшина. В эмиграции в Польше и во Франции. Полковник. Умер 21 января (19 февраля) 1969 г. в Париже.

⁵⁶² **Де Витт Лев Львович**, р. 1 августа 1897 г. Произведен в офицеры из whollyопределяющихся (1917). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. во 2-й батарее л.-гв. Конной артиллерии. Поручик. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (3-й выпуск). С 1939 г. лейтенант в 1-м кавалерийском полку Иностранного легиона. Штабс-капитан. Умер 2 декабря 1961 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁵⁶³ Впервые опубликовано: Военная Бель. Июль 1961. № 49.

⁵⁶⁴ **Лейб-гвардии 6-я Донская казачья батарея**. Батарея Императорской армии. Возрождена в 1918 г. в Донской армии. С декабря 1918 г. на Северном фронте армии. Командир — есаул И.Г. Коньков. После эвакуации Крыма — в Чатаджке и на Лемносе, откуда в составе л.-гв. Казачьего дивизиона прибыла в Югославию, а с 1924 г. — во Францию (Париж). Командир — генерал-майор Н.Н. Упорников. На 1939 г. объединение батареи насчитывало 14 человек.

⁵⁶⁵ **Рерберг Петр Федорович**. Сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1916). Поручик л.-гв. Конной артиллерии. Во ВСЮР и Русской Армии; осенью 1919 г. во 2-й батарее л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. Штабс-капитан. В эмиграции к 1938 г. и февралю 1954 г. в Египте, к 1963 г. представитель Гвардейского объединения в Швейцарии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 21 октября 1980 г. в Женеве.

⁵⁶⁶ Впервые опубликовано: Военная Бель. Июль 1968. № 92.

⁵⁶⁷ **Кривошеин Игорь Александрович**, р. в 1899 г. Сын тайного советника. Пажеский корпус (1916). Поручик л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. в 1-й гвардейской конной батарее, осенью 1919 г. офицер 2-й батареи л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции, к 1931 г. в Париже. Участник Сопротивления, инженер. Вернулся в СССР, узник советских лагерей. В 1974 г. выехал во Францию. Умер 7 августа 1987 г. в Париже.

⁵⁶⁸ **Адрианов Андрей Александрович**. Ротмистр л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 2-го Черкесского конного полка. Полковник. В эмиграции в Болгарии. Умер 17 февраля 1922 г. в Софии.

⁵⁶⁹ **Геништа Борис Владимирович**. Николаевское кавалерийское училище (1910) (1914). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Участник Белого движения. Полковник. В эмиграции во Франции; к 1929 г. член правления Общества легитимистов, в 1939 г. выступал в поддержку Великого Князя Владимира Кирилловича. Умер 29—30 сентября 1981 г. в Сен-Петербурге (Флорида).

⁵⁷⁰ **Ходнев Дмитрий Иванович.** Офицер л.-гв. Вольнского полка. Полковник л.-гв. Финляндского полка. В Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. командир Гатчинского Егерского батальона. В эмиграции в 1929—1931 гг. представитель начальника 2-го отдела РОВС в Данциге. Участник монархического движения. Умер 2 марта 1976 г. в США.

⁵⁷¹ Впервые опубликовано: Х о д н е в Д. Л.-гв. Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914—1920 гг.). Белград, 1932.

⁵⁷² Лейб-гвардии Финляндский полк. Возрожден в Донской армии. Из офицеров полка в воссоздании полка на Дону участвовали 27 офицеров. Он формировался первоначально полковником Есимантовским при Донской армии. Входил в состав 2-й Донской стрелковой бригады. На 5 октября 1919 г. насчитывал 828 штгков при 45 пулеметах. Командиры: полковник А.Н. фон Моллер, полковник Д.П. Енько. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полк потерял в Белом движении 17 офицеров (в мировой войне — 53). Полковое объединение в эмиграции к 1932 г. насчитывало 74 человека, на 1939 г. — 62 (в т. ч. 23 во Франции, 15 в Париже), к 1949 г. — 31 (8 в Париже, 3 в США), к 1951 г. — 32, к 1958 г. — 23 (6 в Париже). Председатели: генерал-майор барон П.А. Клодт (Канн), генерал-лейтенант Г.М. Лайминг (США), полковник Д.И. Ходнев; представитель на Европу — полковник А.А. Лихошерстов, секретарь — полковник Б.В. Сергеев, казначей — капитан М.Г. Зиборов, представители в Югославии — генерал-майор Н.И. Шилинт и полковник З.М. Вечеслав. С 1920-х до 1963 г. издавало на ротаторе осведомительный листок «Финляндец» (вышло 42 номера), и в 1956 г. выпустило юбилейный сборник (116 с.).

⁵⁷³ **Моллер Александр Николаевич,** р. в 1885 г. Полковник, командир л.-гв. Финляндского полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; весной — летом 1918 г. начальник отряда Северного отряда войск Хоперского района, до 26 августа 1918 г. командир л.-гв. Финляндского полка; до 28 марта 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, затем в распоряжении дежурного генерала штаба Донской армии, с 2 сентября 1919 г. командир 1-го Сводно-гвардейского пехотного полка, затем в своем полку 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 23 сентября и с 12 октября 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского полка и 1-й бригады Гвардейской пехотной дивизии, в ноябре—декабре 1919 г. командовал группой из гвардейских частей, с 13 февраля 1920 г. командир остатков 2-го Сводно-гвардейского полка. Участник Бредовского похода. Генерал-майор. В эмиграции с 1921 г., член Морского клуба в Константинополе, затем в Германии. Умер в мае 1945 г. под Данцигом.

⁵⁷⁴ **Енько Дмитрий Петрович,** р. 27 марта 1884 г. в Санкт-Петербурге. 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1904). Полковник л.-гв. Финляндского полка, командующий тем же полком. В Донской армии и ВСЮР, с весны 1918 г. в своем полку, с 26 августа 1918-го по 20 марта 1920 г. командир л.-гв. Финляндского полка. Орд. Владимира 3-й ст. 30 апреля 1920 г. Генерал-майор. В эмиграции в Греции. Умер 17 января 1931 г. в Афинах.

⁵⁷⁵ **Барон Клодт фон Юргенсбург Павел Адольфович,** р. 14 декабря 1867 г. Из дворян Полтавской губ. Полтавский кадетский корпус (1884),

Павловское военное училище (1886). Офицер л.-гв. Павловского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Финляндского полка. В апреле 1918 г. в Полтаве, в декабре 1918 г. в Одессе. В Добровольческой армии и ВСЮР. Эвакуирован 28 января 1920 г. из Одессы и Николаева на корабле «Баку». В эмиграции во Франции, председатель объединения л.-гв. Финляндского полка. Умер 26 февраля 1938 г. в Канне (Франция).

⁵⁷⁶ **Экк Виктор Михайлович.** Сын подполковника. Капитан л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии; весной 1918 г. командир батальона л.-гв. Финляндского полка, подполковник. Полковник (29 марта 1920 г.). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Расстрелян большевиками в 1920 г. в Крыму.

⁵⁷⁷ **Янович Евгений.** Прапорщик л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии; весной 1918 г. в л.-гв. Финляндском полку. Подпоручик. Убит 19 сентября (ноября) 1918 г. у Среднего Искорца.

⁵⁷⁸ **Облеухов Марк Николаевич.** Прапорщик л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии; весной 1918 г. в л.-гв. Финляндском полку. Подпоручик. Убит 19 сентября (ноября) 1918 г. под Средним Искорцом.

⁵⁷⁹ **Соловьев Константин.** Подпоручик л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии в своем полку. Убит 19 сентября (ноября) 1918 г. у Среднего Искорца.

⁵⁸⁰ **Томашевич Николай Леонидович.** Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии и ВСЮР с весны 1918 г. в своем полку. Убит 20 августа 1919 г. у Перевальной.

⁵⁸¹ **Таманов Антон.** Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии; весной 1918 г. в л.-гв. Финляндском полку. Убит 20 августа 1919 г. под Перевальной.

⁵⁸² **Зверьков Михаил.** Прапорщик л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии и ВСЮР в л.-гв. Финляндском полку. Убит 19—20 августа 1919 г. у Перевальной.

⁵⁸³ **Пещанский Георгий Георгиевич.** Полковник л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии и ВСЮР с лета 1918 г. в л.-гв. Финляндском полку. Убит 6 сентября 1919 г. у Евдакова. Орд. Владимира 3-й ст. 10 ноября 1919 г.

⁵⁸⁴ **Пржецлавский Юрий Николаевич.** Сын генерал-майора. Полковник л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии; весной 1918 г. в л.-гв. Финляндском полку. Орд. Владимира 3-й ст. 10 ноября 1919 г. Убит 25 октября 1919 г. под Давыдовкой.

⁵⁸⁵ **Наумов Павел.** Подпоручик л.-гв. Финляндского полка. В Донской армии в 1-м Богучарском Добровольческом отряде, затем в л.-гв. Финляндском полку. Поручик (19 декабря 1918 г.). Убит 6 сентября 1919 г. у Евдакова.

⁵⁸⁶ **Фон Рейнбот Сергей Сергеевич.** Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии весной 1918 г. в своем полку. Во ВСЮР и Русской Армии командир роты своего полка в Сводно-гвардейском полку. Капитан. Убит 9 октября 1920 г. под Алеппками.

⁵⁸⁷ **Садовский Александр Стахивич**, р. в 1872 г. В службе с 1891 г., офицером с 1893 г. Полковник л.-гв. Финляндского полка. Расстрелян большевиками в 1920 г. в Крыму.

⁵⁸⁸ **Иелита фон Вольский Борис**. Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. Расстрелян большевиками в 1918 г. в Гурзуфе.

⁵⁸⁹ **Дебогорий-Мокриевич Михаил Николаевич**. Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. Расстрелян большевиками 31 января 1919 г. в Ямбурге.

⁵⁹⁰ **Фон Глазенап Сергей**. Штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. Расстрелян петлюровцами в конце 1917 г. в Казатине.

⁵⁹¹ **Яконовский Евгений Михайлович**, р. в 1903 г. Кадет 5-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В январе 1918 г. участник обороны Оренбурга. В Вооруженных силах Юга России кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). Участник похода из Одессы и боя под Канделем, затем в Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), университет. Юнкер 4-й артиллерийской бригады и л.-гв. Гренадерского полка. В эмиграции во Франции, служил во французской армии, до 1956 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 мая 1974 г. в Монтобане (Франция).

⁵⁹² Впервые опубликовано: Военная Быль. Июль 1953. № 6.

⁵⁹³ **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура)**, р. 7 февраля 1886 (1887) г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского Конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

⁵⁹⁴ **Виноградов Михаил Николаевич**, р. 14 октября 1868 г. Воронежский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), академия Генштаба. Генерал-майор, командир бригады 115-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В марте 1919 г. начальник Мариупольского направления, в июне 1919 г. начальник сводного отряда своего имени в Северной Таврии, с 28 мая 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 10 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с января 1920 г. начальник Сводно-гренадерской дивизии. В Русской Армии в резерве чинов при Военном управлении, с 24 июня 1920 г. начальник гарнизона Мелитополя, затем в отделе дежурного генерала штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на

корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, с 1950 г. в Бельгии. Умер в сентябре 1960 г.

⁵⁹⁵ **Витковский Владимир Константинович**, р. 21 апреля 1885 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии. С 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии с 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, затем командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель генерала Кутелова в Галлиполи. В эмиграции председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, в 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

⁵⁹⁶ 136-й пехотный Таганрогский полк. Возрожден во ВСЮР на базе офицерского кадра полка, пришедшего в Крым в составе Екатеринославского отряда и вошедшего в январе 1919 г. в Сводный полк 34-й пехотной дивизии (к осени 1919 г. его кадр входил в состав 2-го сводного полка этой дивизии). В 1920 г. входил самостоятельным полком в состав развернутой в Русской Армии 34-й пехотной дивизии. До августа 1920 г. в него входил Гвардейский батальон (из чинов гвардии, находившихся в Крыму). На 1 августа 1920 г. насчитывал 42 офицера и 797 солдат при 36 пулеметах. Командиры: генерал-майор П.В. Черский, полковник А.А. Куявский, полковник В. фон Эссен.

⁵⁹⁷ Сводно-гвардейская пехотная дивизия. Сформирована (выделена) 12 октября 1919 г. из гвардейских частей 5-й пехотной дивизии — развернута из Сводно-гвардейской бригады в составе двух бригад. Включала Сводный полк 1-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 2-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 3-й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии, запасный батальон, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Отдельный артиллерийский дивизион (полковник Шпигель), Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею (полковник Казачинский) и Гвардейскую отдельную инженерную роту (полковник Белый). Ее бригады и части действовали раздельно на Киевском и Черниговском направлениях в составе различных отрядов и объединений, только в январе 1920 г. соединившись в районе Одессы. К 20 января 1920 г. насчитывала около 1000 человек. 2 марта 1920 г. сведена в Отдельную гвардейскую бригаду: 1-й и 2-й сводные гвардейские полки и Сводный гвардейский артиллерийский дивизион (полковник Г.В. Сакс; 3 батареи) в составе 2-го армейского корпуса. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польшу. В августе 1920 г. переброшена в Крым, где была переформирована

в Сводно-гвардейский полк. Начальники дивизии: генерал-майор барон Н.И. Штакельберг (с 12 октября 1919 г.), генерал-майор Есимантовский (с 20 января, с 2 марта 1920 г.), генерал-майор М.Н. Скалон (с 29 января 1920 г.). Начальник штаба — полковник Думский (с 12 октября 1919 г.). Командиры бригад (12 октября 1919-го — февраль 1920 г.): генерал-майор А.Н. фон Моллер (1-я), полковник К.А. Цабель (2-я).

⁵⁹⁸ **Фон Эссен Фридрих Федорович**, р. 13 декабря 1890 г. Из дворян Эстляндской губ. Александровское военное училище (1912). Капитан л.-гв. Кексгольмского полка, во 2-й Особой бригаде. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводно-гвардейском полку; в январе 1919 г. возглавляя экспедицию против Махно, командир бронепоезда «Вперед на Царево-Константиновку», в июне 1919 г. начальник отряда в Сводно-гвардейском полку и командир 3-го батальона, в Крыму с 29 марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского батальона Гвардейского отряда полковника Петровского, с апреля 1920 г. — 3-го гвардейского батальона 136-го пехотного полка, с 20 августа 1920 г. командир Сводного гвардейского полка и Гвардейского отряда до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда во Франции. В эмиграции там же, на ноябрь 1951 г. представитель объединения полка в Гвардейском объединении. Умер после 1955 г. в Южной Америке.

⁵⁹⁹ **Лейб-гвардии Гренадерский полк**. Возрожден в Добровольческой армии. Был представлен в Добровольческой армии с самого начала: в 1-м Кубанском походе участвовало 18 офицеров под своим знаменем во главе с командиром полковником Н.Н. Дорошевичем. Потом их было несколько десятков. Летом 1919 г. имел 3 роты, составляя батальон в 1-м Сводно-гвардейском полку (к августу 1919 г. 3 роты по 50—70 штыков, 18 пулеметов), почти полностью погибший у д. Дремайловки 25 сентября 1919 г. и сведенный в роту; с 12 октября 1919 г. в Сводном полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. Командир батальона — полковник В.В. Томашевич 1-й (август—сентябрь 1919 г.). Командиры рот: капитан Савицкий, капитан Ремизов, капитан Радзевич, полковник В.П. Лукошков, полковник Вачнадзе. Начальники команд: капитан Катарский, капитан Тимченко. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полк потерял в Белом движении 24 офицера (в т. ч. 19 убито в боях). Из Крыма было эвакуировано 29 офицеров полка (23 из них прошли Галлиполи) и 36 солдат. Полковое объединение в эмиграции (Париж) к 1925 г. насчитывало 17 офицеров, к 1931 г. — 48 офицеров и 39 солдат, в 1949—1951 гг. — 25 человека (в т. ч. 17 в Париже), в 1958—1962 гг. — 19 (9 в Париже). Почетный член — генерал-лейтенант И.И. Ветвеницкий; возглавляющие — генерал-майор Н.Н. Саламанов, полковник Крупин (с 1951 г.), штабс-капитан Н.П. Грацианский; заместитель — полковник И.И. Кононович 1-й; помощники: капитан В.И. Копылов 2-й и полковник В.В. Томашевич 1-й; секретари: полковник Н.П. Абаимов, подпоручик А.Д. Корганов; командир кадра — генерал-майор А.А. Шевцов; адъютант — капитан Г.А. Бензман; представитель во Франции — полковник С.И. Савицкий, в Югославии — капитан К.В. Мезерницкий, в США — капитан Г.А. Бензман; начальник группы в Болгарии — полковник Сароченков.

⁶⁰⁰ **Лукошков Виктор Петрович**, р. около 1883 г. Пажеский корпус (1902). Полковник л.-гв. Гренадерского полка, командир 748-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. командир кадра л.-гв. Гренадерского полка, затем командир батальона Сводно-гвардейского полка, с 7 июня 1919 г. врио командира в Сводно-гвардейском полку, в декабре 1919-го — начале 1920 г. в войсках Новороссийской обл. Эвакуирован в начале 1920 г. на корабле «Спарта», затем через Югославию вернулся в Крым. В Русской Армии осенью 1920 г. командир батальона л.-гв. Гренадерского полка в Сводно-гвардейском полку, с августа 1920 г. командир 2-го батальона в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, в 1922 г. выслан из страны, затем во Франции, в 1932 г. командир кадра и председатель полкового объединения л.-гв. Гренадерского полка. Таксист. Умер 11 августа 1935 г. в Париже.

⁶⁰¹ **Вашадзе Василий Николаевич**. Капитан л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии; в декабре 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. командир роты своего полка в Сводно-гвардейском полку, с июля, в сентябре 1919 г. командир роты своего полка в 1-м Сводно-гвардейском полку. Эвакуирован в марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии осенью 1920 г. в батальоне л.-гв. Гренадерского полка в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции во Франции. Умер 30 апреля 1927 г. в Париже.

⁶⁰² **Сводно-гвардейский пехотный полк**. Сформирован в Русской Армии в августе 1920 г. на основе прибывшей из Польши Сводно-гвардейской пехотной дивизии, а также Гвардейского отряда полковника Эссена, развернутого из Гвардейского батальона при 136-м пехотном Таганрогском полку, находившегося в Крыму. В его составе вновь были объединены все подразделения гвардейской пехоты. Состоял из 4 батальонов (1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой гвардейской дивизий). Входил в состав 2-го армейского корпуса. Летом 1920 г. имел 1200 штыков. После отхода в Крым в конце октября 1920 г. насчитывал (по советским данным) 400 штыков. Переименован в Гвардейский отряд. Командир — полковник Ф.Ф. фон Эссен (с 20 августа 1920 г.). Командиры батальонов: полковник С.М. Леонов (1-й), полковник В.П. Лукошков (2-й), полковник В.А. Жмилев (3-й), полковник Зметнов 2-й (4-й).

⁶⁰³ **Татиев Георгий Платонович**. Штабс-капитан л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне (14-я рота) 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. капитан, начальник команды пеших разведчиков 2-го батальона того же полка. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии осенью 1920 г. адъютант батальона в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Модиг». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Бельгии. Капитан.

⁶⁰⁴ **Катарский Георгий Петрович**. Сын офицера. Капитан л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в августе—сентябре 1919 г. начальник пулеметной команды батальона л.-гв. Гренадерского полка

во 2-м Сводно-гвардейском полку, в Русской Армии начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии.

⁶⁰⁵ **Шифнер (Шифнер-Маркевич) Антон Мейнгардович**, р. 4 июня 1887 г. Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Подполковник, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 августа 1918 г.; начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. начальник той же дивизии, в сентябре 1919-го — марте 1920 г. начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначения в Кубанском десанте, в сентябре 1920 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Умер 21 января 1921 г. в Галиполи.

⁶⁰⁶ **Тучков Александр Павлович**, р. 1 января 1889 г. Сын действительного статского советника. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1915 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с сентября 1919 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Эвакуирован до осени 1920 г. из Ялты на корабле «Рио-Негро». В эмиграции во Франции, генеральный секретарь Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Сотрудник журнала «Военная Быль», на ноябрь 1951 г. секретарь объединения л.-гв. Конного полка, в 1953—1967 гг. редактор «Вестника конно-гвардейского объединения». Умер 1 июля 1968 г. в Париже.

⁶⁰⁷ Впервые опубликовано: Вестник Гвардейского Объединения. Париж. 1957. № 2.

⁶⁰⁸ **Марков Сергей Леонидович**, р. в 1878 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище (1898), академия Генштаба (1904). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быковец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с 24 декабря 1917 г. начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Сводно-офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевка.

⁶⁰⁹ **Кириенко Иван Касьянович**, р. 12 октября 1880 г. в Киевской губ. Из дворян, сын офицера. Киевский кадетский корпус (1899), Киевское военное училище (1901). Подполковник 400-го пехотного полка, командир 1-го запасного Георгиевского полка. Георгиевский кавалер. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с 3 ноября 1917 г., командир Георгиевского полка (роты) до 12 февраля 1918 г., затем, после присоединения остатков полка к Корниловскому полку, в резерве. Участник

1-го Кубанского («Ледяного») похода. В дальнейшем на административных должностях, с лета 1919 г. в Русской Армии комендант 1-го армейского корпуса. Генерал-майор (с 28 апреля 1920 г.). В эмиграции до 1923 г. в Салониках, затем в Белграде. В 1939 г. председатель КИАФ в Югославии. Организатор Союза георгиевских кавалеров и участников 1-го Кубанского похода. Служил в Русском Корпусе. Умер 26 мая 1971 г. в Брэн-ле-Комте (Бельгия).

⁶¹⁰ **Романовский Иван Павлович**, р. 16 апреля 1877 г. в Луганске. Из дворян, сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; с декабря 1917 г. начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 8 января 1919 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР, затем помощник Главнокомандующего ВСЮР; уволен 20 марта 1920 г. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

⁶¹¹ **Неженцев Митрофан Осипович (Иосифович)**, р. в 1886 г. Сын коллежского асессора. Николаевская гимназия, Александровское военное училище (1908), академия Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го Ударного полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии; 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского ударного полка. Полковник. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 29(30) марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁶¹² **Туркул Антон Васильевич**, р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Донец, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. Генерал-майор (с апреля 1920 г.). Галиполиец. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа (14 сентября) 1957 г. в Мюнхене.

⁶¹³ **Эрдели Иван Георгиевич**, р. 15 октября 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академия Генштаба (1897). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быковец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; в январе—марте 1918 г. представитель Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участник 1-го Кубанского

(«Ледяного») похода, командир отдельной конной бригады. С июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. в распоряжении Главнокомандующего, с 16 апреля 1919 г. Главнначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. Эвакуирован. 24 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым на корабле «Русь». В Русской Армии в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров — участников войны во Франции, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 30 июля 1939 г. в Париже.

⁶¹⁴ **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. в Киеве 7 октября 1881 г. Из дворян, сын генерала. Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Волынского полка. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон и 27 мая 1918 г. соединился с Добровольческой армией. В Добровольческой армии начальник 3-й дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918 г.). Ранен 31 октября 1918 г. под Ставрополем. Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

⁶¹⁵ **Веденяпин Петр Александрович**, р. в 1885 г. Пажеский корпус (1903). Полковник л.-гв. Преображенского полка, командующий л.-гв. Измайловским полком. Член Алексеевской организации; с августа 1917 г. в офицерской организации в Петрограде. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. начальник штаба генерала Алексева в Новочеркасске, в ноябре 1917 г. представитель армии в Минеральных Водах. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, в мае 1918 г. представитель армии на Тереке, на 6 ноября — 6 декабря 1918 г. член Главного комитета Общества Белого Креста. В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Тяньцзинь, с сентября 1926 г. член правления отделения Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Тяньцзинь, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в Парагвае. Умер после 1960 г. в Аргентине (убит).

⁶¹⁶ **Хованский Иван Константинович**. Полковник л.-гв. Литовского полка. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. Главнначальствующий Ростова, затем в 3-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апреля 1918 г. командир 3-й роты Офицерского полка, 21—27 апреля 1918 г. командир Офицерского полка, в июне 1918 г. командир 2-го батальона того же (Марковского) полка. Убит 24 июля 1918 г. у ст. Выселки.

⁶¹⁷ 3-я Офицерская (Гвардейская) рота. Одна из первых частей Добровольческой армии. Создана в Новочеркасске в начале декабря 1917 г. из кадра расформированной Сводно-Офицерской роты. Состояла из офицеров гвардейских полков. В конце декабря переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове. Тогда же выделена в Отряд полковника Кутелова, составив его ядро. 29 января 1918 г. влита в 3-й Офицерский батальон. Насчитывала 70 человек. При выходе из Ростова 9 февраля потеряла 16 человек. Командир — полковник А.П. Кутелов.

⁶¹⁸ 1-й Офицерский полк (Марковский полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. 1-й генерала Маркова пехотный полк). Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля — до 600, в мае — около 500. Во время похода в полк было влит несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк.

В августе 1918 г. из полка (около 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, гренадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластунских батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке — всего до 400 человек. После пополнения насчитывала свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской дивизии. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провёл через свои ряды десятки тысяч людей. Командиры: генерал-лейтенант С.А. Марков (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-майор А.А. Боровский (середина марта — 20 апреля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918 г.), полковник князь И.К. Хованский (21—27 апреля 1918 г.), полковник Н.С. Тимановский (27 апреля — октябрь 1918 г.), генерал-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918 г.), полковник Наркевич (врио, октябрь — 19 ноября 1918 г.), полковник В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Сальников (27 ноября 1918 г. — март 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (март 1919 г. — середина февраля 1920 г.), полковник Трусов (врио, март 1919 г.), полковник И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919 г.), полковник Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан (полковник) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 г. — начало октября и с 21 октября 1920 г.), подполковник Г.А. Лебедев (октябрь 1920 г.; убит), капитан В. Коломацкий (врио, октябрь 1920 г.).

⁶¹⁹ Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк). Создан приказом по 8-й армии (генерал А.Г. Корнилов) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен

в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Командиры: полковник М.О. Неженцев (до 31 марта 1918 г.), полковник А.П. Кутепов (31 марта — 12 июня 1918 г.), полковник В.И. Индейкин (12 июня — 31 октября 1918 г.), полковник Н.В. Скоблин (31 октября 1918-го — лето 1919 г.), полковник М.А. Пешня (лето — 14 октября 1919 г.), полковник К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919 г.), штабс-капитан (подполковник) В.В. Челядинов (врид, январь, август 1920 г.), поручик (капитан) М. Дашкевич (врид, январь—февраль, июль — 21 августа 1920 г.), штабс-капитан (подполковник) Д. Ширковский (врио, февраль 1920 г.).

⁶²⁰ Алексеевский полк (Партизанский полк, в сентябре—ноябре 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. — Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской дивизии. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Генческа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября

1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: генерал-лейтенант А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б.Н. Казанович (середина марта — начала июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полковник Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П.Г. Бузун (лето 1919-го — ноябрь 1920 г.).

⁶²¹ Чехословацкий инженерный батальон. Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода. Насчитывал до 250 человек. В его состав входил Русско-галицкий взвод или рота (см. Карпато-русский отряд). Расформирован летом 1918 г. Командиры — капитан Неметчик и инженер Кроль.

⁶²² Георгиевская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Формировалась с середины ноября 1917 г. из кадра Георгиевского полка, насчитывая тогда 50—60 человек. С начала декабря при формировании 5 Офицерских рот получила № 1-й, с 13 декабря — снова Георгиевская. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошла в состав Корниловского ударного полка. Командир — полковник И.К. Кириенко.

⁶²³ Конный отряд полковника Глазенапа. Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из донских партизан. В марте вошел во 2-й кавалерийский дивизион, влитый 26 марта 1918 г. в 1-й конный полк. Командир — полковник П.В. Глазенап.

⁶²⁴ Глазенап Петр Владимирович, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян, сын офицера. 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем Ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; генерал-губернатор Северо-Западной обл., помощник Главнокомандующего, 23(28) ноября 1919 г. — 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (1919 г.). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской армией в Польше. В эмиграции в Константинополе, собирался ехать в Крым. В эмиграции в Венгрии (Будапешт), с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

⁶²⁵ Конный отряд подполковника Корнилова. Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из бывших партизан Отряда есаула Чернецова.

В марте вошел во 2-й кавалерийский дивизион, влитый 26 марта 1918 г. в 1-й конный полк. Командир — подполковник А. Корнилов.

⁶²⁶ **Корнилов Аркадий (Саркис) Афанасьевич.** Подполковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. в Донском партизанском отряде полковника Чернецова. В Добровольческой армии; с 12 февраля 1918 г. командир конного отряда своего имени, сформированного из чернецовских партизан (командир 3-го конного дивизиона). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. в 1-м конном полку, с марта 1918 г. командир 1-го Кубанского конного полка (затем Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска). Полковник. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Семирамис». В эмиграции во Франции. Умер 13 июня (10 июля, 13 июля) 1967 г. в Париже. (По ошибочным данным — убит 28—31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.)

⁶²⁷ **Темников Митрофан Викторович.** Сын генерал-лейтенанта. Капитан л.-гв. Павловского полка. В Добровольческой армии; с 1 июня 1918 г. командир 6-й (гвардейской) роты 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 августа 1918 г. командир 14-й роты гвардейского батальона того же полка, затем командир 1-й роты Сводно-гвардейского батальона, с 29 сентября 1918 г. командир 2-й роты Сводно-гвардейского полка. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶²⁸ **Перепелицын Г. Александрович.** Капитан, командир роты л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии; в июне—августе 1918 г. командир 6-й (гвардейской) роты 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 августа 1918 г. командир 13-й роты и врио командира 4-го (гвардейского) батальона того же полка, затем в Сводно-гвардейском полку. Полковник. Убит 7 июня 1919 г. у колонии Шпаррау.

⁶²⁹ **Цихоцкий Иван (Ян) Иванович,** р. 9 января 1895 г. Из дворян Варшавской губ. Нижегородский кадетский корпус, Александровское военное училище (1914). Капитан л.-гв. Кексгольмского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й роте Офицерского полка; в июне 1918 г. командир взвода в 6-й (гвардейской) роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 8 июля 1918 г. под Кисляковской. Затем в 4-м батальоне того же полка, с 12 августа 1918 г. командир 15-й роты гвардейского батальона полка; с 29 сентября 1918 г. командир 4-й роты (роты л.-гв. Кексгольмского полка) в Сводно-гвардейском полку. В апреле 1919 г. начальник команды конных разведчиков 3-го батальона Сводно-гвардейского полка, с 12 июля 1919 г. начальник той же команды 1-го батальона 2-го Сводно-гвардейского полка, в сентябре 1919 г. начальник команды конных разведчиков л.-гв. Кексгольмского полка.

⁶³⁰ **Комаров А.Н.** Капитан, командир роты л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Добровольческой армии; с 12 августа 1918 г. командир 16-й роты гвардейского батальона 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 29 сентября 1918 г. командир 5-й роты Сводно-гвардейского полка. Убит до осени 1919 г.

⁶³¹ **Князь Оболенский Юрий Иванович,** р. 27 ноября 1893 г. во Владыцком уезде Седежской губ. Капитан л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 августа 1918 г. начальник учебной команды 4-го

(гвардейского) батальона 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 29 сентября 1918 г. — Сводно-гвардейского полка, с 25 декабря 1919 г. командир запасного гвардейского батальона, с марта 1920 г. командир роты в Сводно-гвардейском батальоне. Полковник (к декабрю 1919 г.). Убит 2 июня (или умер от ран 9 июля) 1920 г. при десанте у д. Ново-Николаевки.

⁶³² **Тимановский Николай Степанович,** р. в 1889 г. Офицерский экзаме́н (около 1906 г.). Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., командир роты офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, затем начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир 1-го Офицерского (Марковского полка), с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 31(21) января 1919 г. начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, с 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. на ст. Чернухин Херсонской губ.

⁶³³ 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион. Сформирован в Добровольческой армии 8 июля 1918 г. на базе 1-й Офицерской батареи. Включал 2, с 17 августа 1918 г. 3, с 5 ноября 1918 г. 4 батареи (1-я генерала Маркова, 2-я, 3-я, и 1-я легкая гзубичная) и отдельное конное орудие. Входил в состав 1-й пехотной дивизии. 4 апреля 1919 г. развернут в 1-ю артиллерийскую бригаду. Командиры: подполковник (полковник) Д.Т. Миончинский (до 16 декабря 1918 г.; убит), полковник П.Н. Машин. Командиры батарей: подполковник П.Н. Машин, подполковник А.А. Михайлов, капитан (полковник) А.М. Лепилин, полковник В.П. Левиков, штабс-капитан В.И. Стадницкий-Колендо, штабс-капитан А.С. Князев.

⁶³⁴ **Дорошевич (Дорошевич-Никшич) Николай Николаевич.** Полковник, командир л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. (прибыл со знаменем полка). С февраля 1918 г. командир 3-й офицерской (гвардейской) роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир взвода 3-й (гвардейской) роты Офицерского полка, с 17 марта 1918 г. командир 2-го батальона того же полка. В апреле 1918 г. помощник командира 1-го Офицерского (Марковского) полка, в июне 1918 г. командир полка, в июле 1918 г. командир 3-го батальона того же полка, в июле—августе, до 23 сентября 1918 г. командир Солдатского (затем Самурского) полка, затем в 4-м батальоне Марковского полка, с 28 сентября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. Взят в плен и убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶³⁵ **Соколов Владимир Корнильевич.** Офицер с 1905 г. Полковник л.-гв. Измайловского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. помощник командира того же полка. Взят в плен и убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶³⁶ **Высоцкий Владимир Александрович.** 1-й кадетский корпус (1916), Павловское военное училище. Прапорщик л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в гвардейском взводе 3-й роты Офицерского полка. Ранен. В Вооруженных силах Юга России. Поручик. Эвакуирован в Болгарию. Летом 1920 г. возвратился из Варны в Крым (Севастополь) на корабле «Борис». В Русской Армии в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Капитан (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль», с 1976 г. председатель Союза Первопоходников.

⁶³⁷ **Шиманский Владимир Вячеславович.** Штабс-капитан л.-гв. Литовского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й роте Офицерского полка. В июне 1918 г. в 6-й роте, в сентябре 1918 г. адъютант 4-го батальона 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник команды связи в том же полку. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. Полковник. Умер 13 марта 1963 г. в Париже.

⁶³⁸ **Дмитриев-Мамонов Алексей (Александр) Алексеевич.** Офицер с 1915 г. Капитан л.-гв. Измайловского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й (гвардейской) роте Офицерского полка. С 29 сентября 1918 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском полку, в июле 1919 г. командир роты своего полка в Сводно-гвардейском полку. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии. Умер в эмиграции.

⁶³⁹ **Дейбель Сергей Александрович.** Полковник л.-гв. Павловского полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском) полку, с 29 сентября 1918 г. — командир 1-го батальона в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁴⁰ **Зыбин Ипполит Сергеевич,** р. 6 ноября 1891 г. Сын генерал-майора. Офицер с 1911 г. Капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка; с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. командир 1-й роты, с 16 августа 1919 г. командир 1-го батальона в Сводно-гвардейском полку. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии в Ялтинской комендантской команде до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвина». В эмиграции во Франции. Умер 12 сентября 1942 г. во Франции.

⁶⁴¹ **Барон Штемпель Иосиф Георгиевич.** Одесский кадетский корпус (1913). Капитан л.-гв. Павловского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. командир 3-й роты того же полка, в июле 1919 г. командир роты в батальоне своего полка в Сводно-гвардейском полку. Полковник. В эмиграции в США. Умер 18 февраля 1963 г. в Дарьяне (США).

⁶⁴² **Вагин Сергей Евгеньевич.** Полковник л.-гв. Петроградского полка. В Добровольческой армии в 15-й роте 1-го Офицерского (Марковского)

полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. командир 2-го батальона того же полка. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁴³ **Лейб-гвардии Волинский полк.** Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 2 роты во 2-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 16 сентября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии (4-я рота действовала отдельно). Командир батальона — полковник Бырдин. Командиры рот: капитан Колобакин, штабс-капитан Альбедиль, капитан Александров, штабс-капитан князь Авалов, капитан барон Тизенгаузен. Начальники команд: капитан Александров, штабс-капитан Клятицкий. На 2 ноября 1919 г. насчитывал более 200 штыков. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции — «Общество господ офицеров л.-гв. Волинского полка» создано в 1921 г. в Югославии в числе 60 человек (из них 40 участников Белого движения). На 1939 г. насчитывало 67 человек (в т. ч. 16 в Париже). После 1945 г. большинство его членов пересекло в США (главным образом в Нью-Йорк). На 1949—1951 гг. насчитывало 29 человек (в т. ч. 13 в Париже, 2 в США, на 1958—1962 гг. — 25 (8 в Париже)). Председатели: генерал-лейтенант А.Е. Кушакевич, генерал-лейтенант А.П. Архангельский, генерал-лейтенант Н.Н. Стогов, генерал-майор Г.В. Покровский; председатель правления и заместитель в Югославии — генерал-майор А.П. Балк, заместители: генерал-майор И.А. Любимов (Франция), генерал-лейтенант А.П. Архангельский (Бельгия) и подполковник Фишер (Болгария) представитель в Югославии — полковник Л.А. Кривошеев, в США — полковник Л.Н. Трескин; старший полковник — Д.Д. Чихачев, секретарь и казначей — капитан А.В. Альбедиль.

⁶⁴⁴ **Михайлов Константин Михайлович,** р. в мае 1892 г. Академия Генштаба. Полковник л.-гв. Волинского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с августа 1918 г. в 15-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. командир 6-й роты (роты л.-гв. Волинского полка) в Сводно-гвардейском полку, в январе—мае 1919 г. командир 3-го батальона, до 30 марта 1919 г. врид командира того же полка, с июля 1919 г. начальник штаба Гвардейской бригады, с 12 октября 1919 г. старший адъютант штаба Гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. К маю, на 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в штабе 1-й пехотной дивизии в Галлиполи. В эмиграции во Франции. Умер в феврале 1944 г.

⁶⁴⁵ **Заремба Георгий Антонович,** р. в Николаеве. Студент. Киевское военное училище (1914). Капитан л.-гв. Кексгольмского полка. В Добровольческой армии; в сентябре 1918 г. в 6-й и в 15-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. командир нестроевой роты в Сводно-гвардейском полку. Ранен 8 июля 1918 г. под Кисляковской, но остался в строю. Во ВСЮР и Русской Армии в роте л.-гв. Кексгольмского полка до эвакуации Крыма. Эвакуирован на транспорте «Ялта». Галлиполиец.

Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда во Франции. Подполковник. В эмиграции во Франции. Полковник. Умер 12 января 1947 г. около Парижа.

⁶⁴⁶ **Валуев Владимир Александрович.** Штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. в 3-й офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в гвардейском взводе 3-й роты Офицерского полка, затем в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁴⁷ **Чистяков Николай Александрович.** Капитан л.-гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2(10) октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁴⁸ **Смирнов А.Ф.** Штабс-капитан л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском, с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁴⁹ **Хлебников М.Н.** Поручик л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 13-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁰ **Кобылецкий Лев Орестович.** Сын действительного статского советника. Капитан л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 21 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵¹ **Греве Павел Иванович.** Подпоручик (поручик) л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2(21) октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵² **Шипулинский М.Н.** Подпоручик л.-гв. Павловского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵³ **Кемешук Василий Иванович.** Поручик л.-гв. Литовского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в сентябре 1918 г. в 6-й и в 15-й ротах 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁴ **Фон Дерфельден Николай Николаевич.** Прапорщик л.-гв. Литовского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁵ **Вирановский Борис Константинович,** р. 22 ноября 1894 г. в Тифлисской губ. Сын офицера. 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1914). Капитан л.-гв. Кексгольмского полка, начальник тылового эвакуационного пункта. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку (в 4-й роте полка). Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁶ **Робачевский М.С.** Поручик л.-гв. Петроградского полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁷ **Цуриков Анатолий Викторович.** Капитан л.-гв. Волинского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁸ **Умыруко-Запольский Николай Алексеевич.** Сын действительно статского советника. Штабс-капитан л.-гв. Волинского полка. В Добровольческой армии в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁵⁹ **Рацул Алексей Евгеньевич.** Хабаровский кадетский корпус (1913). Штабс-капитан л.-гв. Волинского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁶⁰ **Чинет.** Поручик л.-гв. 2-го стрелкового полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁶¹ **Халтурин.** Подпоручик л.-гв. 3-го стрелкового полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском (Марковском), с 29 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. Убит 2 октября 1918 г. под Армавиrom.

⁶⁶² Сводно-гвардейская бригада. Сформирована во ВСЮР 8 августа 1919 г. из Сводно-гвардейского полка. Состояла из 1-го и 2-го Сводно-гвардейских полков. К концу июля 1919 г. насчитывала до 1000 штыков и сабель. 12 октября 1919 г. развернута в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию. Командир — генерал-майор барон Н.И. Штакельберг.

⁶⁶³ **Барон фон Штакельберг Николай Иванович,** р. 3 октября 1870 г. 3-я Санкт-Петербургская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1892). Офицер л.-гв. Кексгольмского полка. Генерал-майор, командир того же полка, командующий Гвардейской стрелковой дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 12 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с начала июля 1919 г. командир Сводно-гвардейского полка, командир 1-й бригады 5-й пехотной дивизии, с 12 июля 1919 г. — Гвардейской бригады, с 12 октября 1919 г. по 20 января 1920 г. начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Отчислен с 16 мая 1920 г. до эвакуации Крыма. Остался в России. В эмиграции с 1921 г. в Польше, на 1930—1937 гг. под Варшавой, почетный член Союза Царскосельских стрелков, в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. Кексгольмского полка в Варшаве. После 1945 г. в Австралии, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка. Умер 20 марта 1956 г. в Мельбурне (Австралия).

⁶⁶⁴ **Фон Розеншильд-Паулин Владимир Владимирович.** Суворовский кадетский корпус (1913), Пажеский корпус. Капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1919 г. командир роты

своего полка в Сводно-гвардейском полку. Полковник (?). Убит 2—3 июля 1919 г. под Екатеринославом.

⁶⁶⁵ **Крейтон Владимир**. Пажецкий корпус (1894). Полковник л.-гв. Преображенского полка. В Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. командир 3-го сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 12 октября 1919 г., в сентябре—ноябре 1919 г. командир 1-го Сводно-гвардейского полка.

⁶⁶⁶ Сводный полк 1-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. на основе 3-го сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии (сформированного из рот каждого из полков дивизии в конце сентября 1919 г. в Прилуках и участвовавшего в боях за Киев; командир — полковник С.Н. Крейтон), 1-го батальона (сводного) 1-го Сводно-гвардейского полка, Сводно-гвардейского батальона и отдельных рот соответствующих полков. Входил в состав 1-й бригады Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Включал батальоны трехротного состава (до 50 штыков при 4—5 офицерах) каждого из полков 1-й гвардейской дивизии Императорской армии: лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского. К 24 ноября 1919 г. сократился до 4 рот (Преображенская, Семеновская и две Егерские) и насчитывал 180 штыков, 35 сабель и 12 пулеметов. 3 декабря 1919 г. сведен в одну роту и конно-пулеметную команду, а в середине декабря в г. Смела переформирован в Конно-егерскую роту (80 сабель при 10 офицерах и 4 пулеметах), вошедшую в подчинение командира Сводного полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, а в январе 1920 г. вошедшую в прибывший на фронт сводный батальон полка (полковник Зайцев; Преображенская и две Семеновские роты). К 21 января 1920 г. он (3 роты) насчитывал до 100 штыков, 80 сабель и 10 пулеметов. После Бредовского похода и интернирования в Польше 16 августа 1920 г. прибыл в Крым, где составил 1-й батальон Сводно-гвардейского полка. Командир полка — полковник В. Крейтон.

⁶⁶⁷ Сводный полк 2-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР к сентябрю 1919 г. на базе Гренадерского и Павловского батальонов и Московской роты 1-го Сводно-гвардейского полка. Входил (с 12 октября 1919 г.) в состав 1-й бригады Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Включал батальоны полков 2-й гвардейской дивизии Императорской армии: лейб-гвардии Московского, Гренадерского и Павловского. К 21 января 1920 г. сводный батальон полка насчитывал 200 штыков, 80 сабель и 20 пулеметов. После Бредовского похода и интернирования в Польше 22 августа 1920 г. прибыл в Крым, где составил 2-й батальон Сводного гвардейского пехотного полка. Командиры: полковник Е.Ф. Мантуров (до 23 сентября 1919 г.), полковник (генерал-майор) А.Н. фон Моллер (23 сентября 1919 г. — 11 января 1920 г., с 7 февраля 1920 г.), полковник Г.М. Пантелеймонов (11 января — 7 февраля 1920 г.).

⁶⁶⁸ Сводный полк 3-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР 12 октября 1919 г. на базе 1-го и 2-го батальонов 2-го Сводно-гвардейского полка. Входил в состав 2-й бригады Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Включал батальоны каждого из полков 3-й гвардейской дивизии

Императорской армии: лейб-гвардии Литовского, Кексгольмского, Петроградского и Волынского. 9 ноября 1919 г. сведен в батальон (полковник С.А. Апухтин), от которого к 21 ноября осталось 71 человек, сведенных в роту (капитан Кавернинский, с 22 декабря 1919 г. поручик Телят-Келпш), которая была 23 декабря 1919 г. слита с остатками 1-й бригады дивизии (от всей 2-й бригады оставалось 30 солдат при 6 офицерах). В январе—феврале 1920 г. остатки полка (с присоединением рот, действовавших отдельно от полка) в составе своей дивизии участвовали в Бредовском походе. После интернирования в Польше 16 августа 1920 г. прибыл в Крым, где составил 3-й батальон Сводного гвардейского пехотного полка. Командиры: полковник К.А. Цабель, полковник Быраин (начало ноября 1919 г.).

⁶⁶⁹ **Цабель Константин Александрович**, р. 4 августа 1873 г. Николаевский кадетский корпус (1892), Павловское военное училище (1894). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир бригады 17-й пехотной дивизии. В Вооруженных силах Юга России с июля 1919 г.; с 12 октября 1919 г. командир 3-го Сводно-гвардейского полка и 2-й бригады Гвардейской пехотной дивизии, с марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского батальона, с 20 августа 1920 г. наблюдающий за командой в Сводно-гвардейском полку. В эмиграции в Югославии, 2 сентября 1922 г. — 1 августа 1932 г. служащий Первого русского кадетского корпуса, начальник группы л.-гв. Кексгольмского полка в Белграде. После 1945 г. в Аргентине, председатель Союза Инвалидов, председатель кадетского объединения. Умер 20 октября 1955 г. в Буэнос-Айресе.

⁶⁷⁰ Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии. Сформирован во ВСЮР 12 октября 1919 г. на базе Стрелкового батальона 2-го Сводно-гвардейского полка. Входил в состав 2-й бригады Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Включал 2 батальона из рот полков Гвардейской стрелковой дивизии Императорской армии: лейб-гвардии 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых. 9 ноября 1919 г. сведен в батальон, от которого к 21 ноября (сведен в роту) осталось 10 человек. С 27 декабря 1919 г. в Одессе он стал вновь формироваться из стекавшихся туда чинов полка в составе 4 рот и 8 команд, но его численность не превысила 200 штыков. После Бредовского похода и интернирования в Польше 22 августа 1920 г. прибыл в Крым, где составил 4-й батальон Сводного гвардейского пехотного полка. Командиры: полковник А.М. Драгомиров, полковник П.С. Воейков 1-й (врио, 9 ноября — 27 декабря 1919 г.). Командиры батальонов: полковник Зметнов (1-й), полковник Воейков (2-й). Командиры рот: капитан Демидович (1-я), штабс-капитан Цецура (2-я), поручик Орел (3-я), капитан Корбе (4-я, 2-я с 9 ноября 1919 г.), капитан Ахматович (5-я), капитан Орлов (1-я с 9 ноября 1919 г.), полковник Литиков (сводная, ноябрь—декабрь 1919 г.). Начальники команд: полковник Кованько, капитан Суйковский, полковник Чернов, капитан Любимов, капитан Энден.

⁶⁷¹ **Драгомиров Александр Михайлович**, р. в 1878 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Полковник л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; с 12 октября 1919 г. командир Стрелкового гвардейского полка. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте

1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в США. Умер 1 августа 1926 г. в Нью-Йорке.

⁶⁷² **Граф фон дер Пален Алексей Петрович**, р. 22 марта 1874 г. Санкт-Петербургский университет (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, старший офицер л.-гв. Конного полка, командир стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Северо-Западной армии с января 1919 г.; в начале 1919 г. командир батальона Островского полка, в мае 1919 г. начальник боевого участка, с июня 1919 г. генерал-майор, командир 1-го стрелкового корпуса; с января 1920 г. председатель ликвидационной комиссии Северо-Западной армии, затем начальник 2-й стрелковой дивизии в 3-й Русской армии в Польше. Генерал-лейтенант (декабрь 1919 г.). В эмиграции в Прибалтике. Умер 6 июля 1938 г. в Вайтенфельде.

⁶⁷³ 7-й Уральский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии (Псковский Добровольческий корпус) в июне 1919 г. из части Островского полка, один из батальонов которого состоял из перешедших от красных к эстонцам мобилизованных уральцев. С июня 1919 г. входил в состав 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 450 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 88 офицеров. Командир — полковник Рентельн (июнь 1919 г.), полковник В.А. Трусов (до декабря 1919 г.), полковник А.С. Шиманский (декабрь 1919-го — январь 1920 г.).

⁶⁷⁴ 8-й Семеновский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии (Псковский Добровольческий корпус) в мае 1919 г. из перешедшего от красных Семеновского полка в числе 600 штыков, за месяц потерял 16 офицеров и 300 солдат. С июля 1919 г. входил в состав 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 500 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 84 офицера. Командир — капитан Зайцев.

⁶⁷⁵ Конно-Егерский полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. в Острове как Конный отряд полковник Бибикова. В октябре—ноябре 1918 г. насчитывал 150 сабель. В начале 1919 г. входил в состав 1-й бригады, в июне 1919 г. развернут в полк (с присоединением перешедшей от красных конной части) — 1-го армейского (стрелкового) корпуса. К началу октября 1919 г. имел 500 сабель. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 59 офицеров. 25 декабря 1919 г. включен вместе с 1-м Конным (см. Конный имени Булак-Булаховича) полком в Конную бригаду. Командиры: полковник А.И. Бибиков (октябрь 1918 г. — май 1919 г.), штабс-ротмистр (полковник) Грюнвальд (май — 8 октября 1919 г.), полковник Бенкендорф (с 8 октября 1919 г.).

⁶⁷⁶ **Маевский Владислав Альбинович**. Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. командир взвода в Гвардейском конно-подъемном полку, затем в Отдельной гвардейской инженерной роте. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. В эмиграции в Югославии, затем в США. Умер после 1945 г.

⁶⁷⁷ Впервые опубликовано: Гвардейские саперы. Нови-Сад, б. г.

⁶⁷⁸ **Никонов Николай Михайлович**. Полковник л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Отдельной гвардейской инженерной роте. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же. Умер 20 октября 1924 г. в Загребе (Югославия).

⁶⁷⁹ **Князь Трубецкой Владимир Владимирович**, р. в 1868 г. Морской корпус (1891). Контр-адмирал. К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже. В 1930 г. председатель объединения Черноморской минной бригады. Умер 30 июня 1931 г. в Шато-де-Тюон под Парижем.

⁶⁸⁰ **Граф Бобринский А.А.** Поручик л.-гв. Саперного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. в Одессе, затем в Крыму.

⁶⁸¹ **Барон Пфейлицер фон Франк Вячеслав Робертович**. **Сын генерал-майора**. Капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России в Отдельной гвардейской инженерной роте. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁸² **Вольф Владимир Романович**. Поручик л.-гв. Саперного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. в Одессе, затем в Крыму; командир взвода в Гвардейском конно-подъемном полкуэскадроне. Тяжело ранен. Капитан. В эмиграции в Германии. Умер 3 марта 1944 г. в Берлине.

⁶⁸³ **Субботин Владимир Федорович**, р. 10 марта 1874 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевская инженерная академия (1900). Генерал-майор, начальник инженеров Румынского фронта. В Добровольческой армии; с 11 января 1918 г. в резерве чинов при штабе армии, с 25 марта 1919 г., в январе 1920 г. комендант Севастопольской крепости, начальник гарнизона и градоначальник Севастополя. В Русской Армии начальник инженеров до эвакуации Крыма.

⁶⁸⁴ **Петров Константин Александрович**. Поручик л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Отдельной гвардейской инженерной роте. Капитан. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁸⁵ **Фон Штейн Иван Евгеньевич**. Подпоручик л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в Гвардейском конно-подъемном полкуэскадроне. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер в 1960 г.

⁶⁸⁶ «Живой». Эскадренный миноносец. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. выведен из Севастополя с командой из 10 морских и 10 сухопутных офицеров, а также студентов и гимназистов. Входил в состав 2-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. При эвакуации Крыма погиб во время шторма, имея на борту 250 чинов Донского офицерского резерва. Командиры: капитан 2-го ранга А.Д. Кисловский, М.А. Лазарев, лейтенант Нифонтов (октябрь 1920 г.).

⁶⁸⁷ «Жаркий». Эскадренный миноносец Черноморского флота. В боевом составе флота с 14 июля 1919 г. Летом 1919 г. в составе Кинбурнского отря-

да. В январе 1920 г. участвовал в эвакуации Одессы, в апреле — мае совершил несколько экспедиций в Керченитский залив. Входил в состав 2-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. С ноября 1920 г. в составе 2-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — старший лейтенант А.С. Манштейн.

⁶⁸⁸ **Князь Лобанов-Ростовский Андрей Анатольевич**, р. в 1892 г. Поручик л.-гв. Саперного полка, воевал на Салоникском фронте. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. прибыл в Крым. На май 1920 г. в Югославии (прибыл в 1919 г.). В эмиграции. Умер 17 февраля 1979 г. в США.

⁶⁸⁹ Киевский кадетский корпус. Был на некоторое время восстановлен в 1918 г. при власти гетмана (полковник Линдеман). После освобождения Киева войсками ВСЮР вновь организован и в конце 1919 г. переведен в Одессу, где размещался совместно с Одесским кадетским корпусом. В начале 1920 г. при оставлении Одессы большинство кадет и персонала было эвакуировано в Югославию, где они вошли в состав созданного там 1-го Русского кадетского корпуса. Директоры: генерал-лейтенант А.М. Саранчов (10 октября — 14 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант Н.А. Родкевич (с 14 декабря 1919 г.).

⁶⁹⁰ **Броневский Георгий (Юрий) Борисович**. Офицер л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; с 11 октября 1919 г. командир Отдельной гвардейской инженерной роты. Полковник. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции. Умер в 1961 г.

⁶⁹¹ **Авенариус Владимир Георгиевич**, р. 26 июля 1886 г. Из дворян. 8-я Петербургская гимназия, Николаевское инженерное училище (1904), академия Генштаба. Полковник л.-гв. Саперного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с конца 1918-го по 11 октября 1919 г. организатор и командир Отдельной гвардейской инженерной роты, осенью 1919 г. начальник гарнизона ст. Знаменка. Эвакуирован до марта 1920 г. в Сербию. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁹² **Поморский Николай Петрович**. Сын генерал-лейтенанта. Капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. командир Гвардейского конно-подрывного полуэскадрона в Сводно-гвардейском полку. Полковник. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба.

⁶⁹³ **Иванов Сергей Дмитриевич**. Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России в Отдельной гвардейской инженерной роты. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁹⁴ **Данкау Павел Константинович**. Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. Произведен в офицеры за боевые отличия. В Русской Армии в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Подпоручик л.-гв. Гренадерского полка. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». Поручик. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Умер 3 января 1955 г. в Касабланке (Марокко).

⁶⁹⁵ **Досс Дмитрий Иванович**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Полковник л.-гв. Саперного полка. Летом 1919 г. в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. Умер 26 января 1923 г. в Белграде.

⁶⁹⁶ Лейб-гвардии Саперный полк. Возрожден во ВСЮР. Весной 1919 г. гвардейские саперы составляли роту (в Крымско-Азовской армии), в которой было более 15 офицеров полка. Летом 1919 г. эта рота и сформированный также из лейб-саперов Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон действовали в составе Отряда генерала Оссовского, в сентябре — отряда генерала Абрамовича войск Новороссийской обл., затем присоединились к Сводно-гвардейскому полку. Полковое объединение в эмиграции (Франция): председатели: генерал-майор барон А.А. Нолькен, генерал-майор Б.Д. Франк, полковник А.А. Сташевский (и. д. с 1962 г.); заместитель председателя — полковник В.А. Хелстовский; секретари: штабс-капитан А.И. Романов, капитан Р.Н. Чайковский; представитель в Югославии — генерал-майор В.А. Бартоломей, в США — полковник С.И. Энтель. На 1939 г. в Париже жило 16 его членов, к 1949 г. всего насчитывало 14 человек (в т. ч. 6 в Париже, 1 в США), к 1951 г. — 15, к 1958 г. — 6 (все в Париже).

⁶⁹⁷ **Мясоедов Дмитрий Александрович**. Полковник л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России в Отдельной гвардейской инженерной роты. Эвакуирован. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁹⁸ **Соколовский Николай Владимирович**. Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России в Отдельной гвардейской инженерной роты. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁶⁹⁹ **Иванов Клавдий Иванович**. Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России в Отдельной гвардейской инженерной роты. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым.

⁷⁰⁰ **Корсак-Куложенко Флавиан Александрович**. Капитан л.-гв. Саперного полка. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. в роте своего полка. В эмиграции в Бельгии. Умер 10 сентября 1960 г. в Брюсселе.

⁷⁰¹ **Оссовский Петр Степанович**, р. в 1860 г. В службе с 1878 г., офицером с 1881 г. Генерал-майор. В Донской армии и ВСЮР; в ноябре 1918 г. начальник группы войск у Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, с 16 июля 1919 г., в ноябре—декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (к сентябрю 1920 г.).

⁷⁰² Симферопольский офицерский полк. Начал формироваться штабс-капитаном Орловым на добровольческой основе в Симферополе осенью 1918 г. в составе Крымско-Азовской Добровольческой армии. Официально создан 5 ноября 1918 г. из двух рот (более 200 человек) как Симферопольский офицерский батальон (в основном из офицеров — местных уроженцев), одновременно по две роты было сформировано в Ялте (2-й батальон; капитан Б. Гаттенбергер) и Севастополе (3-й батальон; капитан Коттер). С прибытием илтинских рот в

середине декабря 1918 г. развернут в полк (3 батальона). Вошел в состав Крымской (с 19 января 1919 г. 4-й пехотной) дивизии. С 11 апреля по 22 мая 1919 г. был временно переформирован в Отдельный Симферопольский офицерский батальон (3-й батальон после боев на Перекопе действовал отдельно от полка и 12 августа 1919 г. в Херсоне был сформирован новый 3-й батальон). К 22 мая 1919 г. насчитывал 575 человек, к июлю — 1225, на 7 сентября — 1475. В боях против банд Махно с 22 августа по 14 сентября 1919 г. потерял 635 человек — 208 убито (87 офицеров), 416 ранено (178 офицеров) и 11 пропало (5 офицеров). На 20 сентября 1919 г. имел 591 штык и 11 пулеметов. На 1 октября 1919 г. насчитывал 1470 человек, в т. ч. 621 офицера (из них 464 на солдатских должностях) и 37 чиновников. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым (2 августа 1920 г.) насчитывал 426 человек (в т. ч. 196 офицеров и 23 чиновника), на фронт прибыл в составе 260 человек (в т. ч. 6 штаб- и 98 обер-офицеров и 13 чиновников). 23 августа 1920 г. остатки полка влиты в 49-й пехотный полк, составив в нем 2-й и 3-й батальоны и офицерскую роту, а 50 офицеров переведены в 52-й пехотный полк. В Галиполии чины полка составили 1-й взвод 7-й роты Алексеевского пехотного полка. Командиры: штабс-капитан Н. Орлов (ноябрь—декабрь 1918 г.), полковник П.Г. Мориллов (декабрь 1918 г. — 11 апреля 1919 г.), полковник С.С. Гвоздаков (11 апреля 1919 г. или 13 июля 1919-го — 24 февраля 1920 г., умер), полковник Н.Н. Робачевский (врио, ноябрь — 24 декабря 1919 г.), полковник А.П. Решетинский (24 февраля — 23 августа 1920 г.). Командиры батальонов: штабс-капитан Н. Орлов, штабс-капитан П. Турчанинов, капитан Стольников, капитан Б.П. Гаттенбергер, капитан Коттер, полковник Н.Н. Робачевский, полковник М.В. Гротто-Слепиковский.

⁷⁰³ **Промтов Михаил Николаевич**, р. в 1857 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1877), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 марта 1919 г. член особой комиссии, в сентябре 1919 г. — январе 1920 г. командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. С 11 декабря 1924-го по 1 сентября 1929 г. директор Крымского кадетского корпуса. Умер в 1951 г. в Белграде.

⁷⁰⁴ 2-й армейский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й (до 15 мая 1919 г.) и 3-й (до 27 декабря 1918 г.) пехотных дивизий. С 21 мая 1919 г. состоял из 5-й и 7-й пехотных дивизий, 1 августа 1919 г. в его состав включен 2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал также Сводно-гвардейскую дивизию. С 19 сентября 1919 г. составлял основу войск Киевской обл., насчитывая 4691 штык при 118 пулеметах и 63 орудиях. Принял участие в Бредовском походе и был интернирован в Польшу. С 2 марта 1920 г. включал 5-ю пехотную дивизию и Отдельную гвардейскую бригаду (1-й и 2-й сводные гвардейские полки и сводный артиллерийский дивизион). Расформирован 5 августа 1920 г. Командиры: генерал-лейтенант А.А. Боровский (15 ноября — 24 декабря 1918 г.), генерал-инфантерии

В.З. Май-Маевский (15 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-лейтенант М.Н. Промтов. Начальники штаба: генерал-майор А.К. Апфельгрэн (19 ноября 1918 г. — 24 января 1919 г.), капитан Пашковский (врид, 23 января — 5 февраля 1919 г.), генерал-майор В.П. Агапеев (5 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-майор Н.В. Абутков (1 июня — 11 ноября 1919 г.), полковник Галкин (врид, август—октябрь 1919 г.), генерал-майор А.Г. Фалеев (11 ноября 1919 г. — 9 августа 1920 г.). Инспектор артиллерии — генерал-майор В.К. Бодиско (с 17 марта 1919 г.).

⁷⁰⁵ **Редькин Александр Петрович**, р. в 1881 г. Сын генерал-лейтенанта. Тифлиссский кадетский корпус (1900), Александровское военное училище. Полковник л.-гв. Павловского полка. В Вооруженных силах Юга России в 1-м отдельном батальоне немецких колонистов. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии летом 1920 г. в разведывательном отделе штаба армии, затем в Отряде особого назначения при генерале для поручений по делам укреплений при начальнике штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 ноября 1972 г. в Вайнленде (США).

⁷⁰⁶ **Фукс Владимир Карлович**, р. в 1874 г. Елисаветградское кавалерийское училище (1895), академия Генштаба (1908). Полковник. Во ВСЮР с 17 августа 1919 г.; в Русской Армии летом 1920 г. начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии, в 1930-х годах в Белграде.

⁷⁰⁷ **Воейков Дмитрий Сергеевич**. Пажецкий корпус (1916). Поручик л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Добровольческой армии в роте своего полка в Сводно-гвардейском полку. Ранен в апреле 1919 г. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. на корабле «Шилка». На май 1920 г. в Югославии. 6 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Шилка». В октябре 1920 г. командир роты своего полка в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Галиполийец. В эмиграции в Бельгии, председатель Общества Галиполийцев и Союза Инвалидов в Бельгии. Умер 4 апреля 1955 г. в Брюсселе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В. Звезинцов. Кавалергарды в Гражданскую войну 1918—1920 годов	13
Н. Волков-Муромцев. В Белой армии	129
Е. Оношкович-Яцyna. Сводно-гвардейский кавалерийский полк в период 10 декабря 1919 — 15 марта 1920 года	273
Е. Оношкович-Яцyna. Взятие Ростова 7—8 февраля 1920 года	286
А. Бразоль. Мои последние бои в Добровольческой армии	292
А. фон Баумгартен, А. Литвинов. Кирасиры Ее Величества в Гражданской войне	296
Князь А. Исхандер. Конная атака (взятие Большой Каховки, 1920 год)	358
М. Свечин. Записки старого генерала о былом	363
Н. Озеров. Лейб-драгуны в Добровольческой армии	423
Н. Главацкий. От Азовского моря до Курской губернии — туда и обратно (воспоминания о походе лейб-гвардии Драгунского эскадрона Добровольческой и Русской Армии в 1919-м и 1920 годах)	432
А. Литвинов. С лейб-драгунами в Гражданской войне	450
Д. де Витт. Северная Чечня	459
Д. Коттев. Ночная экспедиция лейб-гвардии Драгунского эскадрона в июне 1920 года на Днестре	467
Д. де Витт. Лейб-драгуны в боях 22 июня 1920 года	471
Д. де Витт. Бой лейб-драгун у Малой Токмачки и конная атака у деревни Жеребец	476
Н. Главацкий. Штабс-ротмистр Аполлон Колокольцов — «Адмирал»	478
А. Вонсяцкий. Против большевиков (Отрывок из воспоминаний)	481
М. Борель. Крестный путь в армию	491
М. Борель. Корнет князь Василий Николаевич Накашидзе	524

М. Борель. Сила приказа	528
М. Борель. К Черному морю	534
М. Борель. Уланы просят сыграть гимн	541
А. Макарович. Судьба	544
К. Зерциков. Бой терцев-гвардейцев. Терская гвардейская сотня в десанте на Кубань в августе 1920 года	547
К. Киселевский. Исторический очерк лейб-гвардии Конной артиллерии. Добровольческая армия	553
А. де Витт. На Ак-Манае в 1919 году	556
П. Рерберг. В 5-м Конном корпусе генерала Юзефовича осенью 1919 года	560
Д. Ходнев. Лейб-гвардии Финляндский полк в Гражданской войне	565
Е. Яконовский. Голая Пристань. Последний бой лейб-гренадер 7 октября 1920 года	568
А. Тучков. 40 лет тому назад	577
В. Маевский. Гвардейские саперы	583
Комментарии	673

ISBN 5-227-01885-5

Научно-просветительное издание

ОФИЦЕРЫ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Составление, научная редакция, предисловие и комментарий
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Ответственный редактор *В.А. Благово*

Редактор *Е.А. Волкова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *А.И. Витушкина*

Корректоры *И.С. Соловьева, Д.Б. Соловьев*

Изд. лиц. АР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диалозитивов 21.05.2002
Формат 60x90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 51,0

Уч.-изд. л. 54,38 + 1 альбом = 54,91

Тираж 3 000 экз. Заказ № 1716

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOLRU

Отпечатано с готовых диалозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

